

ПРОТОНЕРЕЙ
ЛЕВ ЛЕБЕДЕВ

ВЕЛИКОРОССИЯ
ЖИЗНЕННЫЙ
ПУТЬ

ПРОТОИЕРЕИ
ЛЕВ ЛЕБЕДЕВ

ВЕЛИКОРОССИЯ: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1999

Об авторе

Протоиерей Лев Лебедев родился в 1935 году в городе Калуге. Окончил исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Московскую духовную семинарию. Святое Крещение принял в возрасте 27 лет, в 1962 году, в разгар “хрущевских” гонений на Православие. Работал в историческом музее, расположенном на территории Новоиерусалимского монастыря под Москвой, затем служил алтарником на приходах Крутицко-Коломенской епархии.

В 1968 году рукоположен в священный сан, с 1974 года служил в городе Курске. В 1990 году со своими духовными чадами присоединился к РПЦЗ, образовав Свято-Троицкую общину. Вскоре, трудами отца Льва, в Курске появились еще две общины РПЦЗ, одну из которых возглавляет его сын, священник Вячеслав Лебедев. С 1994 года отец Лев — член Верховного Совета Российского Имперского Союза-Ордена, в 1996 году избран духовным наставником объединения “Казаки Черноземья”.

Со скорбной вестью о кончине отца Льва не может смириться сознание. Вновь и вновь хочется проверить — не слух ли это. Но весть об уходе от нас великого богослова и церковного мыслителя облетела уже почти все Русское Зарубежье. За истекшие с минуты смерти двое суток не осталось уже никаких сомнений в правдивости этой вести.

Можно ли заставить охваченный скорбью рассудок выразить то, кем был для нашей Церкви, для всех нас — русских православных христиан — новопреставленный отец Лев? Традиционные определения — великий богослов, талантливый мыслитель, глубокий церковный историк, проникательный пастырь-духовник, ревнитель и защитник Истинного Православия — меркнут перед исключительным талантом отца Льва. Он сделался, по слову апостола Павла, “для всех всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых”.

Многих из нас, чад Истинной Церкви в России, привел в ее спасительное лоно отец Лев. Кого-то — своими богомудрыми трудами (особое место среди них занимает статья “Почему я перешел в зарубежную часть Русской Православной Церкви?”), кого-то — своим исполненным любовью добрым сердцем, светом своей души, мягкостью и теплом, которые буквально излучал Батюшка.

Какими мелкими и несуразными казались выдвигавшиеся против него житейские “обвинения”, когда доводилось оказаться рядом с ним. Могли ли эти упреки иметь какое-то значение, когда Сам Дух Божий говорил с нами устами отца Льва?

Отец Лев являл собой редкое, исключительное для нашего времени сочетание мощного и ясного рассудка с доброй открытостью, любовью и простотой. С одной стороны — он автор многочисленных научных работ по богословию и истории Церкви: “Крещение Руси”, “Патриарх Никон”, “Москва патриаршая”, “Заметки по пастырскому богословию”, “Великороссия: жизненный путь”, “Колумбы

росские”, “Экология, или Как покататься на драконе” и т.д. С другой — смиренный и мудрый пастырь, к которому приезжали за советом, наставлением и утешением христиане со всей России. Отец Лев не делал различий между своими гостями и чадами: каждому он отдавал всего себя, все свое время, опыт и знания. Ему была совершенно чужда кичливость, высокомерное отношение к простым, “неученым” людям, к “неофитам”, что так часто можно видеть у “ученых богословов”.

Батюшка был необыкновенно, как-то даже сверхъестественно отзывчивым человеком. Он вел обширную переписку, оперативно и неформально отвечая каждому своему корреспонденту. Он отзывался на все тревожные события в жизни нашей Церкви, поддерживая и ободряя страждущих и гонимых за веру православную. Он бдительно следил за происходящим в мире, давая мудрую и глубоко православную оценку всему, что происходит в Церкви, обществе и государстве. Трудно найти тему, которую он не затрагивал бы в своих многочисленных статьях: наука, техника, экология, политика, история, филология, философия, медицина... Казалось, отец Лев может ответить на любой вопрос. Человек с подобным энциклопедическим кругозором и, вместе с тем, твердо православными, традиционными взглядами, — уникальное явление для нашего времени.

Прекрасно ориентируясь в современном мире, энергично реагируя на все, что в нем происходит, отец Лев, тем не менее, оставался человеком другой эпохи. Его образ, характер, манера поведения, речь, — все напоминало пастырей старой России, каких сейчас и за рубежом, в эмиграции, уже не сыскать. Отец Лев жил Святой Русью и в Святой Руси, его идеалом и предметом духовных устремлений был Иерусалим Новый, икону которого на земле так трепетно и терпеливо созидали наши благочестивые предки. Мысль отца Льва-историка постоянно уносилась в Новоиерусалимский Воскресенский монастырь под Москвой, ставший как бы культурно-философским итогом эпохи Святой Руси. Время Патриарха Никона, весьма почитаемого Батюшкой, он считал переломным в истории России. Достигнув своего высшего духовного расцвета, она ушла вместе с Патриархом Никоном в Новый Иерусалим, запечатлев своей небоязливый зрак в истории, обращаясь к которой и мы, люди конца XX века, можем приобщиться к Святой Руси.

Мудрость и проницательность отца Льва привлекали к нему многих “сильных мира сего”. Он постоянно участвовал в научных конференциях, близко общался со многими иерархами и богословами Московской патриархии. После присоединения отца Льва к РПЦЗ в 1990 году, у него стали нередко бывать Епископы и священнослужители нашей Церкви. В скромном доме Батюшки на 2-й Кожевенной улице в Курске почти постоянно кто-то гостил. Часто одной беседы с отцом Львом хватало для разрешения сложнейших церковных проблем.

Первоиерарх нашей Церкви, Высокопреосвященнейший Митрополит ВИТАЛИЙ высоко ценил отца Льва. Накануне судьбоносного для нашей Церкви Архиерейского Собора, на котором будет решаться вопрос — сойдет ли РПЦЗ со своего исповеднического пути ради призрачного единства с отступнической Московской патриархией или останется верна своему промыслительному ис-

торическому призванию,— Владыка ВИТАЛИЙ пригласил отца Льва в США для участия в работе Собора. Владыка Митрополит, вокруг которого сплетается коварный заговор, очень рассчитывал на поддержку своего верного протоиерея. Отец Лев немедленно поспешил на зов Владыки и, отслужив в Неделю Фомину, 26 апреля, свою последнюю Божественную Литургию в московском храме святых Царственных мучеников, вылетел в Нью-Йорк. Здесь, в Синодальном доме, за пять дней до начала Архиерейского Собора, он отошел ко Господу.

Скоропостижная и внезапная кончина протоиерея Льва Лебедева, причина которой еще не установлена, встала в один ряд с тяжелыми, трагичными испытаниями, постигшими нашу Церковь за прошедший год. РПЦЗ лишилась протоиерея Александра Жаркова (мученически погиб 1/14 сентября) и брата Иосифа Муньоса (мученически погиб 18/31 октября), враги Церкви отобрали Свято-Троицкий монастырь в Хевроне и сожгли Свято-Николаевский собор в Монреале. Казалось, чаша страданий верных чад Церкви и их старца-Первосвятителя уже исполнилась. Однако, буквально накануне Собора последовало новое тяжелое испытание. Невольно вспоминается образ ветхозаветного праведника — святого Иова Многострадального. Не превосходит ли все происшедшее меру скорбей и страданий, которую способен понести человек? Ответ на этот вопрос знает Господь. Нам же понятно, что все эти зловещие предзнаменования означают: наша Церковь стоит на пороге чего-то страшного и катастрофического. Чего именно? Ответ на этот вопрос может дать ближайший Архиерейский Собор.

Мы же вновь и вновь обратимся к светлому лику почившего протоиерея Льва Лебедева, будем вновь и вновь учиться Истине из его творений, вновь и вновь утешаться воспоминаниями о его любви. Последним творением отца Льва стала статья “Диалог РПЦЗ с МП: для чего и как?” Это — его духовное завещание нам, оставшимся в долине страданий. “Ныне РПЦЗ — не часть, а единственная законная Русская Православная Церковь во всей полноте! — писал Батюшка, — РПЦЗ естественным образом хранит и продолжает собой все то, что искони содержалось на Руси Православной Церковью до 1917-го и даже до 1927 года. Диалог РПЦЗ с МП ведется, начиная с 1927 года, постоянно, не прекращаясь ни на один день! И в отличие от диалога Владыки Марка, этот диалог настоящий, со стороны РПЦЗ проникнут подлинной любовью и не содержит никакой игры в “равноправие”. В бесчисленных книгах, статьях, проповедях, письмах РПЦЗ призывала и продолжает по сей день призывать МП по-настоящему покаяться перед Богом и собственным церковным народом в грехе сергианского отступничества (и прекратить его), в екуменической ереси, призывает, очистившись таким покаянием, присоединиться к прославлению святых Новомучеников и исповедников Российских, и только после всего этого — подумать о созыве общего Всероссийского Собора Церкви...”

...Принесем же отцу Льву нашу молитвенную дань, воспоем ему пасхальную надгробную песнь, которая, как мы непоколебимо веруем, уже отзывается на Небесах словами Христа Спасителя, Которому отдал себя без остатка отец Лев: “Прииди, благословенный Отца моего, наследуй Царство, уготованное тебе от века!”

Александр Солдатов, 1 мая 1998 г.

Вступление

Как хорошо, что мы любим свою историю, но печально то, что так плохо знаем её!.. Не потому ли, что истории жизни собственно Русского народа, его Души по сей день не написано? В самом деле, что мы имеем теперь, в области исторических знаний? Если не считать многих работ по отдельным периодам и темам, среди которых очень много достойных произведений, а иметь в виду только фундаментальные труды по общей истории России с древнейших времен, то мы имеем ряд прекрасных сочинений по истории государства Российского (Татищев, Карамзин, Соловьев, Ключевский и другие).

Здесь нам представлена *политическая* история, обзор деятельности государственных, общественных и иных учреждений, их выдающихся руководителей, важнейших политических и общенародных событий; немало говорится о культуре, быте и нравах и даже о церковных делах, но лишь постольку, поскольку эти дела имеют отношение к делам политическим. В таких событиях и учреждениях, конечно, отражается жизнь Народа, но все же — это *не история жизни его Души непосредственно*. С другой стороны мы имеем ряд обобщающих трудов по истории *Русской Церкви* (митрополит Макарий (Булгаков), архиепископ Филарет (Гумилевский), Карташов, Тальберг, Русак). Они сообщают нам очень важные сведения об истории церковных учреждений событий церковной жизни, выдающихся деятелей и святых Русской Церкви, затрагивая и события политические постольку, поскольку они имеют отношение к Церкви. Но всё это именно история Православной Христианской *Церкви на Русской Земле*, в Русском народе, но *не история самого народа*, как церковной общины! Хотя, безусловно, жизнь последней в такой истории во многом *отражается* и выражается. Механическое соединение данных политической и церковной истории могло бы дать более полную картину, но из нее все равно ускользнуло бы нечто главное,— та самая Душа, которая нематериальна и потому не ясно, как её «уловить». К тому же (и это в высшей степени важно!) до сих пор не найден «ключ» к пониманию исторического процесса. Процесс этот до сих пор представляется неким потоком, законы движения которого *не установлены*, где научному изучению поддаются отдельные фрагменты; причудливо плывущие в общем *хаосе случайностей*. Попытки осмыслить историю, как закономерный процесс, конечно, предпринимались. Тот же наш Карамзин рассматривал жизнь государства Российского с точки зрения *западно-европейских* (масонских, в основе своей) представлений, как некую *эволюцию* форм государственно-политического бытия, от низших к высшим. Это ошибка. Теперь уже многие знают, что эволюции, в общем не существует, хотя развитие от низшего к высшему может быть у *отдельных объектов* общего. Соловьев руководствовался философией Гегеля (влиятельной в его время), где «са-

моразвитие» политической «идеи» представлялось тоже как бы эволюционным. Так что при всех явных симпатиях Соловьёва к отдельным лицам и событиям древности, у него в целом получалось, что все, что было у нас до Петра I — это как бы «нижнее», подготовительное, погружённое в невежество и непросвещенность, а подлинный «свет» просвещения и культуры воссиял нам, русским, *из Европы*, в которую Пётр «прорубил окно»...

Самая напористая, мощная попытка представить историю как закономерный, строго детерминированный процесс, была сделана марксизмом. Но марксизм исходил из заведомо *ложных* (безбожных) *позиций* и в прокрустово ложе его надуманных схем исторический материал в большей и важнейшей части своей просто не укладывался; марксистам-историкам приходилось его постоянно «обрезать», невероятно искажать и уродовать. Иные, разуверившись после всех этих опытов, стали даже утверждать, что в истории вообще нет никаких законов и искать их бессмысленно. Так или иначе, выходит, что наука, не знающая *законов* бытия своего основного *объекта изучения*, наукой, в строгом смысле, признана быть не может.

Не здесь ли главная причина того, что мы по сей день не можем представить себе общей картины нашей родной истории? Всегда ли так было? Нет. В древности, вплоть до XVII века включительно, русские летописцы (и их читатели) отлично и правильно представляли себе историю Русской Земли, как *сочетание Промысла Божия и свободной воли людей* (правителей, народа). Отсюда, хронограф (летопись) — и, по сей день самый лучший учебник истории! Он учит нас главному, — верному представлению о том, что духовное состояние народа, объединенного в Общину православных, Народа-Церкви, и колебания этого состояния определяют в очень многом развитие и характер внешних политических и церковных событий. Как в жизни человека, его глубинное духовное сердце руководит внешними эмоциями, направлением мыслей, поступками. Но летописи не всем доступны и к тому же доводят нас только до конца XVII-го столетия. Дальнейшее как бы вручается нам: смотрите и разбирайтесь сами!

Вот мы и постараемся разобраться, взяв за основу тот метод, о котором сейчас поведаем, и в правильности которого мы полностью и совершенно убеждены. Верный метод («ключ» к разумению) однако, не освобождает историка от ошибок при его применении к конкретному материалу, как по недостатку ума, так и по недостатку знаний в отношении отдельных событий и лиц. Мы чувствуем, что такие ошибки могут быть и у нас, и просим за это заведомо прощения у читателей и у Бога! Но мы точно знаем, что те, кто с предложенным методом пойдут вслед за нами, смогут исправить и дополнить и нас, и продвинуться дальше и глубже в понимании того объекта исследования, которым является жизнь Души Народа Великой России.

Великороссия, или Великоруссия, Великая Россия... Эти понятия связаны с названием Великорусской народности, а лучше сказать — *народа*, с древнейших времён проходящего свой жизненный исторический путь. Слово «великая» во всех указанных понятиях, с одной стороны, означает просто «большая» (по размерам, по численности). Однако с другой стороны, уже очень давно к такому простому значению, сохраняющемуся и поныне, присоединилось и другое. «Великая» — значит славная, могущественная, знаменитая. Чем славная? Чем

могущественная? Чем знаменитая? Сами великоруссы отвечали на эти вопросы в разные времена не одинаково. За однозначное можно принять лишь то, что Великорусский народ, явившись как один из трёх братских народов, образовавшихся на пространстве древней Киевской Руси, создал *своё государство*, ставшее *великим* сперва по размерам, а затем и по значению для малорусского и белорусского народов (поскольку последние надолго оказались под властью Польши и Литвы), а также для многих других народов и народностей, вошедших в его состав. С середины XVII века, с началом воссоединения Великой, Малой и Белой России государство переставало быть только Великорусским, превращаясь (и превратившись в XVIII в.) в Российскую Империю. В ней Великорусский народ оказался, хотя и главным, как бы ведущим, но все же одним из многих народов. Все чаще он стал называться *Русским* народом (украинцы и белорусы «русскими» себя не называют). Он никогда не был совершенно однородным; Русь времён Аскольда и Дира, а затем и Великоруссия во главе с Москвой никогда не боялись родниться, соединяться с любыми народами и народностями, приходившими с ней в соприкосновение. И всё же *Великорусский народ*, родившийся в XI—XII веках в междуречье Волги и Оки, оказался народом *особым, отличным* от малороссов и белорусов и от всех других. Его истории, жизни его души мы и посвящаем данную книгу, оговорившись сразу, что будем называть его также Великой Русью, Великой Россией, Великороссией, как и называли его многие, не заботясь о подыскании точных научных определений для подобных названий. Вряд ли такая точность вообще возможна. Важно только условиться, *какой* народ мы имеем в виду.

Давно замечено, что жизнь народа подобна жизни отдельного человека. Как человек — эта «*малая ипостась*» человечества, по выражению богословов, обладает неповторимой личностью с её всеми заметными особенностями, так и целый народ, который поэтому можно назвать «укрупнённой ипостасью» рода людского. У народа тоже есть *своя особая Личность* со своеобразными чертами. Они всем видны, но их невозможно выразить точной формулой. Трудность в том, что Личность Народа, как и личность человека, — это всегда единственное в мире *сочетание* качеств, которые, если взять их по отдельности, имеются и у других, но — в *других* сочетаниях. Отсюда часты бывают ошибки у тех, кто стремится увидеть духовный облик народа. Побочное легко принять за стержневое, второстепенное — за главное, ибо последнее спрятано глубже. Одно без другого не существует. И в один из моментов жизни действует и является нечто самое главное, а в другой — напротив, побочное выступает на первое место, становясь, как бы главным. Личность нужно воспринять в целом, как она есть, со всеми её чертами. Но сделать это можно лучше всего тогда, когда все они полностью *проявились* в истории. У каждого народа есть *свой Ангел* из чина Начал, подобно тому, как есть свой Ангел-хранитель у каждого человека.

Всё сие позволяет рассмотреть жизнь Народа, как жизненный путь человеческой *личности*, с точки зрения *духовных законов ее бытия*. Эти законы особенно отчётливо выражены в *православной аскетике*. Вот где, оказывается, нужно искать законы движения исторического процесса, вот где они как бы под спудом спрятаны! Согласно этим законам, жизнь личности определяется: 1) от-

ношением к Богу, точней — ко Христу и правде Его; 2) отношением к самому себе в свете правды Христовой; 3) отношением к другим личностям, в целом ко всему окружающему. Эти отношения зависят от трёх (по крайней мере) волевых начал, имеющихсЯ в душе. 1) Воля **высшая** духовная, которая через совесть действует как воля Божия и всегда влечет человека только к добру и правде. 2) **Воля низшая**, подвластная демоническому влиянию, всегда влекущая ко злу и греху. 3) Свободное произволение (наиболее таинственное начало) человека, которое выбирает в каждом случае между действиями двух первых начал, и может склоняться то в одну, то в другую сторону.

Свободное произволение народа в выборе между добром и злом, правдой и ложью всегда осуществляется через личностные особенности его, то есть через данное сочетание его природных качеств и свойств. Они могут содействовать преимущественно доброй или преимущественно злой воле, или попеременно той и другой, в разное время по-разному, или в равной мере и тому и иному. В истории — жизни Народа как Личности движения высшей или низшей воли выявляются в настроениях правителей Народа, а также некоей решающей массы общества, которая всегда очень малочисленна по отношению к общей массе народа, но в ней кристаллизуется и с огромной силой действует вся культура народа и его умственно-душевная сила. Эти настроения взаимодействуют каждый раз по-разному (то в согласии, то в противоречии) с настроениями и деяниями **правителей**. Само по себе движение доброй или злой воли не вменяется народу, как и человеку, ни в добродетель, ни в грех. Лишь только тогда, когда свободное произволение (после внутренней борьбы) склонится на ту или иную сторону, начинается **вменение**. А когда за склонением последует и определённое действие, тогда последствия его в соответствии с **правдой Христовой** начнут сказываться на дальнейших судьбах народа добром или злом.

Свободное произволение Народа определяется настойчивыми требованиями или его решающей массы, или его правителей, или обеими этими силами вместе, согласно. В последнем случае почти неизбежно происходит исторический поступок, действие. Однако таковой может произойти и по воле одних правителей, вопреки решающей массе, или (реже) по воле последней вопреки воле правителей. Правители народа — люди; и они могут не всегда верно им руководить. У них тоже бывают ошибки и просто грехи. Правители могут идти «за» или «против» свободного произволения народа. Они и **обязаны** идти за решающей массой, если она тяготеет к добру, обязаны идти против, если она склоняется к злу. Но в этом случае они сильно рискуют и им можно полагаться только на Божию помощь. Решающая масса народа, выражая склонение его свободного произволения, естественно, тоже не безгрешна. Она, как уже говорилось, склоняется иногда к добру, а иногда ко злу. В последнем случае Бог какое-то время смиряет и вразумляет её, но, наконец, непременно попустит ей творить свое зло, **по закону свободы человеческой воли**.

Итак, как видим, народ состоит из трех основных сил, или начал: правителей, решающей массы и прочей массы (большинства). Последняя может объединяться, разделяться, подчиняться, или бунтовать, но она, вопреки лжеучениям последних времен никогда ничего **не решает**. Она **накапливает** то, что потом кристаллизуется в решающей массе и в правителях.

Решающая масса количественно не определима, и она не есть нечто организованное и постоянное. Она каждый раз по-особому, после борьбы, возникает и складывается главным образом в той части народа, которая называется «обществом» или «общественностью». Хотя в последние времена эту массу пытаются иногда искусственно организовать. В любом случае, когда решающая масса сложилась, согласилась в одном мнении, тогда она именно *решает* как быть и что делать. И чаще всего от таких решений зависят дальнейшие судьбы народа. Это не то, что «ведущий слой» И. Ильина. Ведущий слой может входить в решающую массу (хотя может и оказаться в конфликте с нею).

К этому нужно прибавить, что каждый народ, в том числе и Великороссийский, в разное время по-разному *испытывается* Богом, то *благословляющим* его каким-то добром, то *попускающим ему* определённые беды или соблазны, исходящие от диавола. Эти Божии испытания составляют, как кажется нашему уму, область случайностей истории. Но если присмотреться, то пусть не во всех, но во многих случаях видна их связь с колебаниями духовного состояния народа. Они, Божии испытания, от воли народа не зависят, или далеко не всегда зависят. Но от него, народа, и только от него самого зависит, как поступить в данных, промыслительно предложенных обстоятельствах. Здесь снова — закон *свободы человеческой воли*. И все — как у каждого отдельного человека! В этом — высшая, Божия мудрость!

Как рождалась Великая Россия, Великороссия? Как колебалось ее. свободное произволение в добре и зле по отношению ко Христу, к себе самой, к другим народам? Как совершались сложные взаимодействия ее правителей, решающей массы и прочего народа? Как принимала она Божии испытания и как выходила из них? Как она возрастала, и как проводила земное своё бытие? Что можно в итоге сказать о Великороссии как об исторической Личности и её значении для всего человеческого рода?

Глава 1

НАЧАЛО

В XI веке в междуречье верхней Волги и нижнего течения Оки начинается завязь того, что станет Великой Россией. Это исконные земли финно-угорских племён Мери и Муромы. По данным современных археологов, в X столетии на верхней Волге финские племена составляют 75% населения, 13% — норманны и 12% — славяне. В это время здесь уже есть древний город Муром, есть славянское (новгородское?) поселение на Белоозере. Появляются Ростов и Суздаль. В XI веке возникают Владимир на Клязьме и Ярославль. С конца XI в., после Любечского съезда князей в 1097 г., Суздальская земля становится княжеством, данным в удел Владимиру Мономаху, который сам в нём почти не живёт, но устраивает его для младшего сына Юрия, который получит прозвание — Долгорукий.

Край сей обширный, лесной, но с очень удобными реками. Князья здесь изначала самовластны. Ибо они строят новые города, укрепляют границы, привлекают *новое* население. Исконные *веча* Ростова и Суздаля не могут противиться им, хотя и стремятся держаться. Потому-то не им суждено стать столицами. Возвышается новый Владимир, где князь уже совсем самодержец! Такого нет нигде в крупных центрах Руси, как мы потом увидим. Здесь удобно жить вдали от кочевников под защитой дремучих лесов и крепкой княжеской власти, удобно торговать по рекам с Востоком и Западом. Сюда с разных концов Киевской Руси в XII веке *скоро и во множестве* потекли русские люди. С запада шли новгородцы, псковичи, с юго-запада смоляне и полочане; этот поток был почти постоянным, но довольно умеренным. Основной же самый мощный поток шёл от Киева. Древний Киев! Мать градов русских! Прекрасный и великий град с прекрасными землями окрест и многими славными градами в XII веке пришел в запустение и пал. Отчасти из-за половцев, отрезавших ему пути торговли с Востоком и Югом через Чёрное море и много на земли его нападавших. Впрочем, побили бы половцев, как пред тем побили печенегов, хазар и болгар и упорных воинственных вятичей. А вятичи, прямо граничили с юга с Суздальской Русью. Основной же причиной паденья великого Киева были распри удельных князей за обладание им. Каждый хотел стать «Великим Киевским» Князем. Так и погубили то, что могло навсегда остаться историческим центром России.

Киев был сокрушён в 1169 г. погромом, который устроил ему Андрей Боголюбский. И совсем уже добит татаро-монголами в 1240 г.

Вот почему в XII веке снялась со своих исконных земель огромная часть Южной Руси и пришла на Север в пределы Владимиро-Суздальского княжества. В XIII в. с Юга пришла и вторая волна. Многое изменилось в течение одного XII столетия. Из глухого лесного края с немногими городами междуречье Волги и Оки превратилось в густонаселённый и бурно растущий край! Здесь произошло и нечто совсем необычное. Примерно в течение всего лишь двух столетий коренные народы Мери и Муромы полностью *растворились* через смешанные браки в Русском народе. Это значит, что последний совершенно *впитал их в себя* вместе со всем тем, чем они отличались! Русское расселение и тогда и потом шло во многих других угро-финских народах. Но, например, Черемисы (Мари), Мордва, Эрзя, Пермь, Эсты (Чудь) и по сей день существуют! А Меря и Мурома вошли *полностью* в плоть и кровь пришедших к ним русских.

Тогда, вот *состав сплава*, который стал *Великорусской народностью*: славяне — русские с угро-финнами Мери и Муромы — *основа новой народности*; в составе славян больше всех — потомки полян и северян, и вятичи. И ещё очень важная примесь скандинавов — норманнов.

Чем же отличалась угро-финская часть Великорусской народности? Как показали раскопки. Меря и Мурома в обычном обиходе имели цареградские ткани и украшения, сами умели изготавливать ювелирные вещи из бронзы, железа, иногда из серебра и золота, ткать отличные полотна, шить красивую одежду. В могильниках много серпов, сошников, топоров, но почти нет мечей... Имея в виду финнов, населявших глухие северо-восточные леса будущей Руси, знаменитый римский историк Корнелий Тацит (конец I в. по Р.Х.) сначала с

презрением говорит о низком культурном уровне их жизни, но затем вдруг добавляет: «... Они считают это состояние более счастливым, чем... дрожать за своё имущество, завидовать чужому. *Не опасаясь людей, не страшась богов, они достигли труднодостижимого,— они ничего не желают!*»

У финнов Мери и Муромы был порок: здесь знали «глубины сатанинские» (Откр. 2,24), ибо имели в язычестве *шаманство* с системой *посвящения*, и очень влиятельное сословие волхвов, чего никогда не знала языческая Русь. Но у неё был свой порок: склонность к распрям и ссорам, даже среди родни, и упорство в них вплоть до зверства. Жестокость была и у финнов. Вместе с тем и те, и другие были способны к великодушию и равно отличались в язычестве совершенным, полным отсутствием национального чувства. Здесь, в Ростово-Суздальской земле, будущие великороссы оказались *пришельцами*, своего рода *странниками*, знали и помнили об этом, и это тоже определило одну из заметных черт их духовного облика. Кроме того, будучи приглашёнными, или принятыми *князем*, они хранили благодарность и верность ему, зависели от него укрепляя тем самым его самовластие.

Не так было в иных землях, которые с падением Киева казалось, тоже готовы были стать средоточием новой Руси. Их было три: Новгород с его «пятинами», Волынско-Галицкое княжество и княжество Литовско-Русское.

Древний славный Новгород, с незапамятных времён служивший восточным славянам — русским своей богатейшей торговлей с Европой, Кавказом и Ближним Востоком, Новгород — строитель Святой Софии и иных многочисленных храмов, Новгород, видевший судьбоносные победы своего князя Александра Невского над шведами (1240 г.), немецкими рыцарями (1242 г. — «Ледовое побоище») и Литвой (1245 г.), — могучий и цветущий град с поголовной грамотностью (в XII в.!) пал жертвой народоправия... Вечевое устройство жизни, при котором князья *приглашались* по договору («ряду») и не имели здесь ни земель, ни торговли, но всецело зависели от настроений и мнений толпы, обрекало Новгород на бесконечные внутренние распри и ссоры. Не спасало и то, что во главе городского совета («господы») стоял новгородский владыка архиепископ, дабы святыню Церкви гасить ярость внутренних споров. Споры доходили до кровавых столкновений. Слишком велика здесь была и *приверженность к богатствам*, побуждавшая ревниво хранить свою *обособленность* от других русских земель. Отсюда у Новгорода не было и задачи объединить всех под собой! Но только — себя сохранить, сохранить свою независимость. И именно это стремление к ней погубило саму независимость. Когда с Запада сильно налегли немцы и Литва, а с Востока — Москва, «партии» лучших людей на вече совсем разделились: одни «тянули» на Запад, другие — к Москве. Москва и взяла.

На Волыни и в Галиче тоже были веча, и с ними боролись князья и бояре. Им удалось победить. Сильную власть возымели бояре. Один из них — Владислав (в начале XIII в.) попытался даже стать князем, но совсем ненадолго. Роман Мстиславич (†1205 г.) смог собрать воедино Волынь и Галич. Даниил Романович (†1264 г.) крепко стоял против угров, поляков, Литвы. Желая бороться с татарами и укрепиться против своих же бояр, он в 1255 г. принял королевскую корону от Римского папы. Тот обещал «крестовый поход» на

татар. Но, как всегда, обманул. Бояре немного притихли. Но после смерти князя-короля Даниила вновь подняли голову и своими распрями и интригами поспособствовали удельной смуте. В итоге Литва взяла Волынь, а Польша — Галич (XIV в.).

Какая же это беда — демократия, будь то вечевая, или только боярская! И какое безумие! Народ (или даже лучшая часть его) никогда не являлся и *не может* являться *источником власти* и права. Здесь каждый желает «тянуть» на своё, а в итоге «несут розно» Русскую Землю, как говорит летописец. Но в таком образе жительства — желание *решающей массы* народа отдельных земель. И с этим желаньем князья то борются, то мирятся, но до поры в любом случае вынуждены считаться!

Здесь уместно сказать, что паденье великого Киева совершалось в значительной мере под воздействием вече. Часто оно то призывало угодных ему князей, изгоняя законных, то, напротив, звала последних, изгоняя других, и тем самым «помогало» князьям «нести» (разносить) Великую Киевскую Русь, такими трудами собранную Святым Владимиром, Ярославом Мудрым, Владимиром Мономахом.

В XII в. под натиском немцев Миндовг († 1263 г.) собирает Литву. Воюет и с Русью, но Русь же к себе приглашает. Русские создают в Литве армию, крепости, во множестве селятся в ней. Гедимин и Ольгерд († 1377 г.) — князья не только литовские, но и русские. Гедимин именует себя в документах *«королём Литовским и Руским»*. И это истинно так. Русские земли составляют 2/3 владений Литвы. Русское православное население — 9/10 всего народа. Русские бояре «отъезжают» служить к литовскому князю, как к своему, такому же, как князья на Руси. Это право «отъезда» желающих сохраняется до XVI в.. Гедимин владеет Галичем, Киевом, Полоцком. Ольгерд берёт Волынь, Чернигов, Курск и Брянск. Позднее Витовт († 1430 г.) займёт Смоленск и по р. Угре пройдет граница Литвы с Русью. Впрочем, уже не только Литвы, но Польско-Литовского государства, В 1386 г. князь Ягайло допускает непоправимое, — Унию с Польшей на условиях принятия католичества. С тех пор Литва *втягивается* в Запад, отходя от Руси ополячиваясь. Витовт ещё мог бы вполне обернуться от Запада к Востоку и стать собирателем русских земель. Но он слишком дорожит поддержкой Польши против немцев. *Большинство* народа Литвы явно стоит за Православие и связь с Русью, но правящий слой, соблазняясь привилегиями шляхетства и панства, даруемыми католикам, *постепенно* создаёт решающую массу общества в пользу унии с Польшей.

В южнорусских землях особенно сильным становится польское влияние (и вместе с ним, особенно в западной части — еврейское), а в юго-западных (бывших Полоцких) — литовско-польское. Так, с XIV в. начинается образование *малороссийской и бело-российской* народностей. Так Промыслом Божиим Ростово-Суздальская (или Владимиро-Суздальская) земля остается единственным центром, способным собрать ещё свободные области древней Руси. А в этой земле, как мы знаем, с XII в. началось рождение народности *Великороссийской*.

Русь, откуда же явилась ты? Не знает никто достоверно. Известно лишь то, что русы, росы, росомоны, руги, рейсы, как некие вкрапления или своего рода «острова», существуют в Европе уже к VI веку по Р.Х. Они и на южном побережье

Прибалтики (о. Рюген) и в Польше, и в Германии (в Тюрингии до 1920 г. были княжества Рейс и Рейсланд!), и в Чехии, и у озера Балатон, и на Балканах, и в устье Дуная, и у нас на среднем течении Днепра (Киев—Канев—река Рось). И везде они воинственны и удалы. Под властью викингов-норманнов, иногда вперемежку с норманнами, иногда особо, как русские, они воюют в Германии, Польше, Франции, нападают на Италию и Испанию. Известен набег *русских* (именно русских!) на Севилью в 844 году!.. Области их расселения позволяют думать, что это славяне, по крайней мере,— в основе своей. История их застаёт у рек, морей и озёр. Это *водные* торговые пути и перепутья. С ними рождаются слова: роса, русло, русалка, ручей, рослый (высокий), русский (белёсый, в цвет воды) и т.д.. У водных путей нужно крепко держать оборону от внешних врагов и самим в совершенстве уметь и пограбить. Может быть, после века VI-го имя Русь (Рос) стало не столь племенным, сколь нарицательным, означая *образ жизни*, подобный тому, какой так недавно в России вели *казаки*. Так примерно случилось с названием Варяги. В древности — это прибалты веринги, по-византийски — варанги. Иногда полагают, что это совсем не скандинавы. Впрочем, можно вспомнить, что по-скандинавски «варинг» — это дружина, военный отряд. Но всем *воинам* (и разбойникам) с Запада у наших славян усвоится имя *варяги*. Оно созвучно варангам, но может являться переделкой их имени в соответствии с древним нашим словом «варять» — ожидать, предварять, в том числе и *подстерегать*, то есть разбойничать, грабить. Хорошо известны набеги Руси (с варягами вместе) в конце VIII-го или самом начале IX века на Сурож (в Крыму), после 825 г. — на Амастриду в нынешней северной Турции и 18 июня 860 г. на Константинополь. Последний набег — это уже нападение *государства* Аскольда и Дира, которые по свидетельству Яна Длугоша (XI в.) — прямые потомки князей Кия, Щека, Хорива и Лыбеди, их сестры. С той поры, с этого именно набега, как говорит нам «Повесть временных лет», «начала называться *Русская Земля*», то есть государство Аскольда (Осколда) и Дира. И вправду, в X-ом веке в Европе Русь поутихла, смирилась, или, может быть, растворилась, а осталась и продолжалась в Киевском государстве. Отсюда и путает дело сам летописец (а, может быть, — мы?). Он говорит, что в «варягах» была некая Русь, хотя достоверно известно, что в Скандинавии не было такого племени. Но тот же наш летописец свидетельствует, что «русский язык и славянский — один», хотя известно, что у восточных славян, называемых нам летописцем, не было племени Русь... Если принять, что так называлось в незапамятные лета одно из славянских племён, осевшее «островками» по всей (особенно Восточной) Европе и давшее своё название всем тем в других племенах, кто жил охраной путей, войной и разбоем, то странного нет ничего, что Русь была и в «варягах» (на Балтике), и в среднем течении Днепра, и тогда же — в устье Дуная!

Одним из предводителей подобной Руси был знаменитый норманн Рюрик Ютландский. После 836 г. за свой удел в Европе (Фризия и Дорестад) он воевал то один, то вкуче с норманнами скульдунгами. Во Франции взяли Париж, Нант, Тур, Орлеан; в Германии взяли Гамбург, высадились в Англии, и везде хорошо поживились. Но Дорестада Рюрик не удержал. Почему оказался князем без княжества и принял приглашение чуди, словен, кривичей и веси придти на княжение в Новгород в 862 г.

Вот Русь — удалая. Русь славян и варягов (норманнов) — славных воинов и вождей. Это жизнь путевая, военная, сон часто на голой земле, вместе с дружиной, *большая привязанность к ней*. Таковы точно наши первые князья Олег, Игорь, Святослав, да и сам Великий Владимир, особенно до его просвещения верой Христовой.

Не скоро изгладится эта черта на Руси... Да она, в сущности, и теперь не исчезла. В своём основном, стержневом, направлении эта черта Руси являет себя в *доброй удали* Ильи Муромца и его былинных друзей, в облике Святого Князя Владимира, *после* его Крещения, наконец, в близких к нам по времени Ермаке, Дежневe, Хабаровe, Шелиховe, и множестве подобных. Это стержневое направление *удалой Руси* ярче всего выразилось в лучших нравах и обычаях *Российских казаков*, сохранившихся и по сей день!.. Но присуще оно, как состоянье души, далеко не одним казакам. От этого стержневого направления во всех условиях русских возможны два основных отклоненья. 1) К Богу и движению в Богопознании, к духовному подвигу и самоотвержению, к горячему исповеданию веры и правды. Эта линия даёт великих святых, вроде Сергия Радонежского и Серафима Саровского. 2) К разбою и «вольной жизни» в грехе. Это направление являет себя в Разиных и Пугачёвых. При невозможности по той или иной причине осуществить для себя одно из названных направлений, человек *удалой Руси* неизбежно уходит в пьянство, дающее *призрак* свободы и удалы... В этом (а не в чём-то другом) корень повального пьянства нынешних, *добрых* остатков русских людей (ибо пьянство людей не удалых и не добрых известно повсюду, но это — другое явление).

Но были славяне иные — земледельцы, мастеровые разных ремёсел, строители, художники, управители земли, это люди, привыкшие и любящие жить осёдло, спокойно и мирно. Они-то и составили тот могучий поток, который двинулся с Юга, от Киевщины, где стало опасно, тревожно, и пришли в XII-XIII веках во Владимиро-Суздальскую Русь. В те времена и они все уже назывались тоже «Русью», «Русской Землёй», и впитали в себя угро-финнов, способных «ничего не желать»... И поскольку южный поток был уже христианским и притом православным, то люди Руси в земной жизни тоже ничего не желали, но желали жизни в Царстве Небесном, почему осёдлая Русь старалась земное Отечество устроить во образ Отечества Небесного, вечного!

Глава 2

БЛАГОСЛОВЕНИЕ БОЖИЕ

В сознании этой переселяющейся с Юга на Север Руси есть одно свойство, которое видим и у германских (в частности галльских и англосаксонских) племён, когда часть их тоже куда-то переселялась. Новые земли они воспринимали как повторение или образ старых, как бы приносили с собою на новое место свою старую родину, землю. Так, в Новом Свете возникли Новый Орлеан,

Новый Йорк, Новое Джерси и т.д... А в Ростово-Суздальской Руси возникают «южные» — Галич, Владимир, два Переяславля, Звенигород, река Трубеж, два Стародуба... Но есть в этом свойстве сознания древней Руси ещё нечто особенное, что связано с верой святою, с Православием. Вера и Церковь по природе своей, *кафоличны* (соборны, вселенски). Это понятие глубже, чем кажется; оно включает в себя представление о том, что Церковь «не привязана к месту», как скажет потом в XVII в. Патриарх Никон, но «есть единая» повсюду. Это значит, что Поместная Православная Церковь есть, в сущности; *вся* Вселенская Церковь, во *всей* благодатной полноте обитающая в данном народе, на данной земле! Там, где Церковь, там и Христос во всей Своей полноте, то есть с жизнью земною и вечной, со Святою Землёй Палестины и обетованной «Новой Землёю» Небесной, с древним Иерусалимом и «Иерусалимом новым» под «Новым Небом» (Откр. 21,1-2). А Божье присутствие — там, где особая святость (святость), или *образ* её... Так, уже Константинополь это — и «Второй Рим» и «Новый Иерусалим» одновременно: и в нём есть черты, как древнего Рима, так и палестинского Иерусалима: грандиозный храм (Св. Софии) «Золотые врата» в крепостной стене... В Киеве тоже — Св. София и «золотые врата». В Новгороде — снова Св. София, во Владимире новом, на Клязьме — подобный Софии Успенский Собор и «Златые врата»... И множество храмов прекрасных и обителей дивных, *подобно* тому, как в Киеве, а значит — и в «Риме Втором», а значит, — и в ветхом Иерусалиме, а значит, — и в «Иерусалиме новом» Небесном. Потому, что Владимир — *столица*. Столица новой Руси, перенявшей *значение древней*, с Киевом в центре. *Просто так*, по одному лишь человеческому хотенью столицей, центром не стать, для этого нужно стать центром какой-то особенной, «главной» святости, центром Церкви. Как это случилось, сейчас мы расскажем. Но отметим пока, что с древнейших времён по Руси не счесть «образов» святоземельских. Елеоны, Фаворы, Гефсимании, Иерусалимские долины, Иорданы, Вифлеемы и т.д... Названия Святой Земли даются потом всюду, где хотят жить по Христу (в начале прошлого XIX века на краю земли, у Аляски на о. Еловом, который — «новый Валаам», преподобный старец Герман назовет окрестности палестинскими именами, подобно тому, как в то же время и то же самое будет делать преподобный Серафим Саровский в окрестностях своей дальней пустыньки в глуши тамбовских лесов...). Так везде, куда ни ступает Православная Русь, — она хочет устроить землю во образ *Земли Святой!*

Но особое дело — столица! Это всегда и Рим и Иерусалим, как палестинский, так и Небесный, одновременно. Это *знак, знамение* того, куда должно направляться *всё* в земной жизни русских людей! Как видим, так пошло искони. И подтверждено уже в *те времена* прославленными святыми: мучениками — варягами Фёдором и Иоанном, Равноапостольной Ольгой Мудрой, Равноапостольным Князем Владимиром, благоверными князьями — страстотерпцами Борисом и Глебом, княжившими, кстати, в Ростове и Муроме. Преподобными Антонием и Феодосием, и прочими святыми Печерскими...

Князь Андрей Юрьевич Боголюбивый, или Боголюбский начинал как многие князья древней Руси. С юности участвовал в походах своего отца Юрия Долгорукого и дрался буквально до самозабвения, то есть до забвения об опасности, о том, где и в каком положении он находится. Раза три он оказывался

в гуще неприятеля один, далеко от своих воинов и только чудом Божиим оставался жив. Однако внук Мономахов Андрей, читавший не раз среди прочего и «Поучение» деда, был душою более христианин, чем воин, о чём поначалу не знал никто, кроме Христа и Его Пречистой Матери.

В 1154 г. князь Юрий, наконец, овладел Киевом и посадил сына Андрея рядом, в Вышгороде, хотя тот уже имел вотчиною северный Владимир. Долгорукий Князь, хотя и княжил в Ростово-Суздальской земле и заботился о ней, строя новые грады, в том числе — Москву, но всей душой был ещё в полной мере Князем Киевским, Властелином древней *Киевской Руси*, и в битвах за «матерь градов Русских» провёл всю жизнь. Он был также ярким представителем удалой Руси, вроде кн. Святослава: сам ходил во все походы, спал на земле вместе с дружиной, чтил её, дружинников-бояр своих сажал на видные места. Не отказался от «великого княжения киевского» и сын его Андрей. Но с ним случилось нечто, заставившее его «сесть» не в Киеве, а во Владимире на Клязьме.

В Вышгороде тогда, в 1154—1155 г.г., находилась святая икона Богоматери, незадолго пред тем привезённая из Царьграда. Это была особая Святыня! Она была одной из тех икон, что создал Евангелист Лука, имея пред очами Саму Пресвятую Богородицу. Сию икону он написал на части доски от стола, бывшего у Святого Семейства в Назарете. Киев, однако, должным образом святыню эту не оценил. А она меж тем творила чудеса. В Вышгороде нередко находили её сошедшей со своего места. В 1155 г. она вновь двинулась с места, как бы показывая, что не желает находиться здесь. На сей раз свидетелем стал князь Андрей. Он пал в молитве перед нею на колени. И от Пречистой Богоматери получил внушение, что делать дальше. В ту же ночь, тайно, не спросясь отца, Андрей Боголюбивый взял икону Владычицы, священников вышгородских с семьями и ушёл на Север... Вновь по указанию Пречистой он не повёз святыню в Ростов, а оставил во Владимире. С тех пор сия великая икона начала нарицаться Владимирской. По Божию смотрению (иначе объяснить нельзя) отец не разгневался на сына. Князь Андрей остался во Владимире, рядом с которым основал селенье Боголюбово, где поставил и себе палаты. В 1157 г. скончался Юрий Долгорукий. Сын его в Киев жить уже не пошёл. Более того, он стал хлопотать в Царьграде об устройстве во Владимире *митрополии*, то есть такой же по значению церковной кафедры, как в Киеве. Ему благословили только епископию. А первого Владимирского епископа Феодора затем в Киеве зверски замучили по приказу назначенного туда из Царьграда нового Митрополита Константина II. В ответ на это злодеянье, а также и по причине иных киевских неправд, князь Андрей направил туда войско, взяв в союзники половцев. В 1169 г. Киев был страшно сожжён и разграблен. Разграблены были и церкви.

Великий Князь, ещё носивший титул «Киевского», переместил *центр Руси во Владимир*, на Север. Здесь, во Владимиро-Суздальской Руси он поставил около 30 храмов, в том числе знаменитый Успенский собор во Владимире, первую церковь в честь нового праздника Покрова Богородицы — дивный «Покров на Нерли». «Золотые ворота» Владимира — тоже его. Так, не случайно, но сознательно новая столица Руси устроится во образ древней. Сам Князь Андрей приложил руку к написанию службы празднику Покрова, какого нет в Греческой Церкви, так что стал он *первым чисто русским* национальным праздником.

Участвовал он, как думают, и в составлении службы Спасу Всемилоствому и Пресвятой Богородицы 1/14 августа в память победы над Волжской Болгарией, когда от иконы Владимирской и иконы Спасителя, бывших с войсками, изошли видимые всем небесные лучи. То же виденье в тот же год в тот же день случилось у византийского царя Мануила в битве с сарацинами, о чём Андрей и Мануил узнали из писем друг другу. Сочинил князь Андрей и молитву, приложив к «Поучению» Владимира Мономаха. Андреи любил Бога и людей, и они любили его, и недаром стало прозвание ему — Боголюбский. Он до конца своих дней особенно чтит страстотерпца князя Бориса, имея всегда при себе его шапку и меч.

Но, как в жизни народа, так и в земной жизни человека не всё однозначно. Отчасти живут они здесь уже по Христу, но отчасти ещё по Адаму ветхому, падшему. Всё зависит лишь от того, куда более клонится сердце. Так, князь Андрей при всём боголюбии мог «озлобиться», как уже говорилось, на Киев. «Озлобился» он в 1170 г. и на своенравный Новгород. И послал туда сильное войско. Но не кто иной, как Сама Богоматерь стала теперь Противницей Князю Андрею, через Свою икону Знамения защитив новгородцев и устроив сильное поражение суздальским войскам. Однако Новгород Боголюбский потом всё же привёл в послушание «мирными» средствами, — перекрыв движение хлеба к нему из Поволжья и Рязани.

Переехав на Север, Князь Андрей сам уже почти не воюет. Он здесь — строитель государства. А в Земле не всё ладно. Он — противник язычества во всём, в том числе и в таких его проявлениях, как почитанье дружины и древнего вече, особенно сильного в Ростове. Старых дружинников — бояр своего отца он не желает слушаться. В их среде зреет заговор. Князь Андрей хочет быть и становится Самовластцем, *Самодержцем*, опираясь на новый Владимир, вообще на новых людей, заселяющих новую Русь. Ибо старый Ростов — оплот противления не только лично Князю Андрею. Здесь было особенно сильное противление вере Христовой ещё при Крещении Руси и было восстание волхвов. Здесь затем изгоняли епископов, не давая им проповедать, так что святитель Леонтий должен был начинать обучение народа вне града с обучения детей. Потом, в XII в. стараниями многих святых Православие воссияло и здесь. Но кое-что из язычества и прежде всего — своеволие и гордость ещё сохранились. А это всегда — источники всяческой смуты. Поэтому, желая их сокрушить, Князь Андрей Боголюбский в то же время вовсе не хотел стать тираном и упразднить правило русских князей править вместе «с землёй», голос её имея себе советом. Он так и правил, но — будучи *Самодержцем*, а не *игрушкой* в руках сильных бояр, или народного вече! ..

В 1174 г. в Боголюбове князь Андрей был ночью ужасно убит заговорщиками. Перед этим один из них похитил из спальни его меч князя Бориса. Так мученически окончил жизнь земную *первый Самодержец* Великороссии, и память кончины его совершается в тот же день 4/17 июля, когда был убит *последний Самодержец* Великой России Государь Николай Александрович вкупе со всей Своей Святою Семей! ..

После кончины святого Князя Андрея (а он причислен к лику святых!), естественно, вспыхнула краткая смута. Но воссел на «стол» брат Андрея мудрый

Князь Всеволод Большое Гнездо (1176—1212) и всю Русь быстро привёл в послушанье. Убийцы Князя Андрея и их родня понесли тяжёлую кару. А главное — утвердился образ правления, установленный благоверным Князем Андреем — *Православное самодержавие* с советом народа («земли»). И — не в Ростове, а в том же Владимире! Такой образ правления явно устроен по внушению или прямому совету Пресвятой Богородицы через её Владимирскую чудотворную икону, ставшую с тех пор *главной* святынею Великорусских Князей и всей Великой Руси.

По смерти Князя Всеволода, почитавшегося всеми землями от Киева до Новгорода, вновь разгорелась смута между князьями. В 1216 г. Мстислав Удалой Галицкий князь, вместе с новгородцами разгромил вблизи Владимира сына Всеволода Юрия с братьями. Юрий отказался от великого княжения. Новгород отделился от Владимира, и с этого времени вновь не стало единства в Русской Земле до поры. Великий Князь, как прежде, сидел во Владимире, а братья его и племянники — по разным городам Владимиро-Суздальской Руси, мало завися от старшего. Сохранился древний порядок наследования «стола», — брат после брата, племянник после дяди. Но нигде уже не было вечевого устройства. Волости стали называться «уделами». И каждый в «уделе» хотел быть «особь» от старшего и от других. Между князьями пошли очень частые войны. Подобное происходило тогда почти всюду. И в итоге «по грехам нашим», как говорит летописец, «навёл на нас Бог поганых», то есть татар ...

ЕЩЕ О ВЛАДИМИРСКОЙ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЕ

Этот прекрасный во всех отношениях образ, хотя и пришёл ещё в Русь Киевскую (в 1131 г.), но явно не для неё, а для Руси Владимирской, а вскоре и Московской, — для Великой России. Как мы видели, с ним прямо связан церковный и государственный расцвет Владимиро-Суздальской земли. Сия дивная икона Богородицы прежде всего воплощает и являет то *Божие благословение*, какое получила Великороссия в начале своего исторического бытия. Перед нею затем совершались поставления князей и митрополитов, принимались важнейшие решения. В 1448 г. перед Владимирской иконой был поставлен первый независимый от Царьграда Русский Глава Церкви и — Митрополит Иона, пред нею же в 1589 г. был поставлен первый Русский Патриарх Иов и затем ставились все Патриархи. Перед Владимирским образом в Успенском соборе Кремля венчались на Царство Цари, Императоры. Пред ним был поставлен 5 ноября 1918 г. Святейший Патриарх Тихон. В 1395 г. из Владимира в Москву перенесли сию святую икону и она избавила Русь от нашествия Тамерлана (праздник 26 августа). В 1480 г. Владимирская икона избавляет Отечество от хана Ахмата (23 июня). В 1521 г. она избавляет Великую Русь от крымского хана Махмет-Гирея (21 мая). В Смутное время 1612 г. нижегородец Козьма Минин призывал земляков жертвовать на ополчение, чтобы освободить от супостатов Святую Соборную Церковь Успения Пресвятой Богородицы, где Её чудотворная икона Владимирская и где почивают мощи святителей Петра, Алексия,

Ионы,— то есть Успенский собор Кремля. И такая цель была понятна и в высшей степени важна жителям Нижнего, Казани, Рязани, Ярославля, да и всех других городов Руси !..

Владимирская икона Богородицы — не просто одна из важных, а важнейшая святыня Великороссии, Святой Руси ! Успенские соборы сначала Владимира, затем — Москвы стали называться Домом Пресвятой Богородицы. Потом это название распространится на всю Великую Россию. Но — потому, что её кафедральный собор и посвящён Богоматери, и имеет в себе Её святую икону Владимирскую. По законам православной иконографии верно исполненный и освящённый водою и Духом образ всегда заключает в себе таинственное *присутствие* Первообраза, Того, Кого изображает. Молиться Деве Марии человек может перед любым Её образом,— в доме, в любом храме. Сей образ может быть личной святыней, святыней села, округи, отдельного града, волости. Но для *всей Великой Руси* сугубое присутствие Богородицы и — в Её Владимирской иконе ! На ней, как на камне, как на некоем Небесном основании сразу же и создается Великороссия. Она — видимое средоточие русского народного единства, ибо ради Владимирской иконы не жалко отдать жизнь и казанцам, и рязанцам, и нижегородцам ...

С 988 г., со дня Крещения Руси Матерь Божия почиталась в нашем народе особо. Он увидел в Ней духовную Матерь каждой христианской души и любовно, как в семьях дети, назвал Её ласковым именем — *Матушка* ! Но только в Великой России, в Московии появилось понятие соборного храма, столицы и Родины как Дома Пресвятой Богородицы. Она — для всех, и «живёт» повсюду, где есть православные. Но Её особое присутствие для всей Земли и «жительство» (как в Своём Доме) там, где Её Владимирская икона. Таково представление наших предков, если вспомнить то, что в древности говорили они об этом. Где же теперь сия великая святыня Великой Руси — России? В *музее* (в Третьяковской галерее)... И почти никому из множества нынешних патриотов нет до этого дела. Едва ли несколько из них найдутся, что изредка ходят в этот самый музей только для того, чтобы поклониться Владимирской иконе. Да и то — втихомолку, тайком (при «публике» как-то неловко!).

Глава 3

УСОБИЦА И ТАТАРЫ

Душа народа!.. Как ясно видны её движения в XI—XIII веках! В Крещении святом, всем сердцем приняв Христа, Русь древняя возжелала всю жизнь устроить по правде Христовой. Даже Землю свою, как мы видим, старались соделать иконой Святой Земли и «новой земли» Небесного Царства. Движение к Богу было невиданно мощным и общим! В те времена для русских даже владение грамотой было не самоцелью, а лишь средством постигать мудрость и учение Духа Святаго, заключённое в церковных и духовных книгах. Теперь уста-

новлено находками (особенно берестяных грамот), что население древнерусских городов было почти поголовно грамотным, все дети учились! То же приходило и в сёла, где при каждой церквушке поп или дьяк обучали грамоте детей. А сколько прекрасных храмов, обителей и городов новых создано в это время! Как невеста Христова украсилась ими Русская Земля!

Отношение к другим народам было верным. Много страдали от печенегов и торков. Но когда одолели и смирили их, то поселили у себя же на землях, поручив охранять от набегов других. Потом пришли половцы. С ними бились, но могли и дружить и брать их в союзники. Били воинственных волжских болгар, но когда те кончали разбои и вражду, принимали как своих. Никогда не боялись смешанных браков. Так — и к ляхам, и к уграм, и к немцам... От всех брали всё, что могло пригодиться и подходило духовно, но преображали в русском духе так, что теперь лишь особые знатоки и учёные могут найти в древнерусском искусстве, что — от себя (от славян), что — от греков, а что — от грузин, от арабов, что — от немцев, а что — от татар. Так древо вбирает в себя из почвы, из воздуха, света всё, что служит жизни его, оставаясь при этом особым деревом, а не тем, что берёт для себя.

Иным стало отношение к себе. Ранее, до христианства, не было чувства единства. Было случайное скопление славянских племён, то мирившихся, то враждовавших. У одних народов развито «чувство крови» и они держатся им в сознании своего единства. Наиболее яркий пример — евреи, или цыгане. У других, главным образом, развито «чувство земли». К примеру — народы Кавказа. Русских же никогда не держало ни то, ни другое! Они, не будучи кочевым народом, но — осёдлым, могли вместе с тем свободно перемещаться в пространстве, почитая своей любую землю, где удалось поселиться, почитая своими любые племена, готовые с ними и жить и дружить. *Только вера и Церковь*, внушившие русским понятие и чувство *единой общины*, братства во Христе, привели к тому, что в XII—XIII веках русские стали говорить о себе как о едином народе, чаще всего называя это «всей Русью», или «всей Русской Землёй» и отмечая, что эта «Земля» — христиане (от слова — Христос) или «крестьяны» (от слова — крест, что весьма знаменательно!).

Крестьяны — христиане должны жить по правде. «Правда» у русских — понятие всеобъемлющее. Это и «Божия правда» как ученье о Боге и мире, и как законы жизни, данные в заповедях Божиих и наставлениях отцов и учителей Церкви; это и личная праведность человека; это и право, закон в юридическом смысле. Первый свод законов у нас назывался «Русская Правда» («Правда Росьская»). Жить «по совести» — то же, что «жить по правде».

Диавол — враг наш исконный ловко использовал это понятие правды. Дело в том, что Семья или «Дом» Великого Князя после Ярослава Мудрого стал умножаться и в XII веке уже непомерно разросся. Каждому члену его нужно было давать свою «волюсть» («удел»). Населённых земель не хватало. Волости стали дробиться, но и этого было мало. Появились князья — «изгои», то есть без княжества. Кроме того, все хотели наследовать Киевский «Стол», переходивший по кругу старшинства от брата — к брату, от дяди к племяннику. Искры достаточно было, чтобы всё это стало взрываться. Где-то правящий князь считает, что его законный преемник «недостойн» княжения, и в обход его

(не по правде) передаёт престол младшему родственнику. Где-то (иной раз и в Киеве) вече народа, или собрание бояр решают, что князь их плохой, ибо правит ими *«не по правде»*, и прогоняют его, приглашая другого, или изгоя. Изгнанный и его родня законно считают, что новый сел на его стол *«не по правде»*. И начинаются войны... Часто решающая масса народа того или иного города или волости включается в эту борьбу то на стороне своих князей, то против них, но в любом случае в искреннем мнении, что воюет *«за правду»*. А как же иначе! Этому учит и Церковь: за правду нужно стоять ... Но проходит XII-й век, начинается XIII-й и становится ясно, что малые «правды» князей составляют *большую неправду* — гибель Русской Земли как единого целого! Решающая масса Руси начинает тяготеть к примерам *сильных* великих князей Святого Владимира, Ярослава, Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого, его сына Святого Андрея, Всеволода Большое Гнездо, которые всех покоряли, когда словом, а когда и мечём, но в итоге земля умиралась, наступала *«тишина»*. И можно было спокойно жить и молиться и в этом была отрада. И — *высшая правда*. Церковь звала к тому же. Стали слушаться гласа её: мы — единая Церковь, единая община братьев и сестёр во Христе, мы — единая Русь; Один у нас Бог, один Митрополит, один должен быть и правитель. К чести множества русских князей нужно сказать, что они это (!) поняли и умели жертвовать и своими законными правами и даже самой своей жизнью.

Но, конечно, так поступали не все! Сказывалась языческая славянская черта — склонность к ссорам и распрям. Христианским воззрениям нелегко было её одолеть. И вот в наказание за распри пришёл на Русь «народ неведомый и незнаемый» и всех покорил, всех одинаково заставил работать себе, всех соделал своими данниками. Вот и думай, что стоило пред Богом желание каждого «по правде» быть «особь» от других ... Самое знаменательное в этом деле то, что татары сперва вовсе *не намеревались* завоёвывать Русскую Землю!..

Их орды сплотились в Монголии Темучином, принявшим звание Чингис Хана (великого хана). И одна из больших ошибок думать, что это были «дикие» люди, стоявшие на низком уровне жизни. Сам Темучин был великий мыслитель, стратег и политик. В 1213 г. он овладел всем Северным Китаем и в ордах его появилась учёность едва ли не самая лучшая в мире! Очень быстро, в 1223 г. Чингис Хан уже был в степях близ границы Руси. Мысль, владевшая им, состояла, как теперь выясняют, в том, чтобы собрать воедино все племена монгольского корня. Потому татары почитали обязательным покорить «своих» половцев, а далее «своих» же угров, то есть венгров в Европе, не больше! Когда русские князья решили защитить половцев, по их усиленной просьбе, и выступить с ними заодно против татар, то татары *не раз* присылали сказать русским, что воюют *не с ними* а только с половцами. Но наши не вняли, не поняли. И эта ошибка была роковой.

В 1223 г. на реке Калке в далёкой степи половецко-русское войско было разбито. Русских князей жестоко казнили. Бежавших гнали до Днепра, а затем возвратились обратно, будто исчезли совсем. В 1227 г. Чингис Хан скончался, успев перед сим разделить владенья свои на три части — улуса. Одним из них править стал Угэдэй. Он послал племянника своего Субутан-Бохадур (Бату,

Батые) на Запад, на угров. Должен он был пройти через южные степи, но пошёл через Яик к Рязани, чтобы *наказать* русских князей за их помощь половцам. В 1237 г. он вступил в пределы Рязанской земли и потребовал дань — от всего десятину. Но получил отказ. И тогда начались сраженья. Рязань была страшно разбита, погибло и пошло в полон множество люда. Быстро собрав немногие силы, рязанский воевода Евпатий Коловрат внезапно напал на войско Батые и порубили так много татар и так храбро дрались, что Батый удивился. Убитого Евпатия всем своим поставил в пример и велел отдать ему почести. Тогда же стало известно, что намерены русские мстить. Пришлось воевать. С боями с трудом продвигались. Взяли и сожгли Москву. После тяжкой осады и большой сечи взяли Владимир (1238 г.). В том же году крепко бились с русскими на реке Сити. Потом захватили Тверь и Торжок. Пошли на Новгород. Но здесь Батыю явилось видение: страшный небесный воин, угрожая ему огненным мечём, запретил двигаться дальше. И Батый повернул назад, уходя в Половецкие степи. По дороге ему попался маленький город Козельск, который так долго и крепко стоял в сраженьи, что опять удивились татары, прозвав его «злым городом». В 1240 г. Батый вернулся в Южную Русь, после большого сраженья взял, сжёг и разграбил Киев, окончательно после того запустевший. Здесь в Киеве он увидел икону Архангела Михаила, воскликнув: «Вот тот, кто не велел мне идти на Новгород!». Тогда же один из отрядов Батые подошёл к Смоленску. Но Матерь Божия, через Свою чудотворную икону Одигитрию Смоленскую, вдохновила воина Меркурия на битву с татарами, предупредив, что сам верный рыцарь Её Меркурий будет убит в бою. Меркурий наспех собрал небольшой отряд и ночью напал на татар. Бой был до утра. Меркурий погиб. И прославлен в лике святых. Татары ушли от Смоленска, так и не тронув его ... Батый же пошёл, как и думал, на угров, но там, в Европе, венгры объединились с соседями, в том числе — чехами, и чехи разбили татар, уже обезкровленных битвами с Русью. Батый вернулся в Поволжье, где основал большое становье, как бы свою столицу под названием Сарай (ныне — Ахтуба, близ Волгограда — Царицына). «Золотая Орда», как стало называться государство Батые, обложило данью Русские княжества. Однако сразу же от дани была освобождена Русская Церковь. Не тронули татары ни народной души, ни даже исконной власти. Уделами на Руси по-прежнему владели русские князья во главе с Великим Князем. В Орде же лишь утверждали правление каждого. Если оно наследовалось законно и мирно, татары молчали. Вмешивались они лишь тогда, когда спорили за «Стол» перед ними сами же русские князья, или когда где-нибудь избивали татарских баскаков — сборщиков дани, часто обижавших народ и бравших больше, чем было условлено. Скоро, впрочем, татары предоставили русским князьям самим собирать нужное количество дани и доставлять в Золотую Орду.

Поистине страшен был только первый, начальный погром, учинённый татарами Русской Земле в момент покоренья в 1237—1240 г.г. Последующие карательные набеги (за отказ платить дань, или за избиение баскаков) касались уже не всей Земли, а отдельных мест. Золотая Орда потом не мешала возрождению быстрому Русской Земли, в том числе укреплению и росту городов и сёл. Самое же удивительное в том, что татары совсем не тронули русскую веру и Церковь! Более того, у себя в Сарае они охотно позволили устроить епархию Церкви,

получившую имя Сарской и Подонской (то есть всего Дона). Эта епархия была как для русских, живших у них, так и для тех татар, которые пожелали принять Православие! Только в XV в. в связи с усилением в Орде нетерпимого мусульманства эта епархия из Сарая ушла, но как бы временно, в надежде вернуться. Ибо её епископы, поселившись в Москве в Крутицах, продолжали долго (ещё в середине XVII в.!) носить титул Сарских и Подонских, постепенно переходя к новому названию — Крутицких. Многие татары действительно приняли Православие, крестились, а некоторые из них просияли и в лике русских святых (например, Пётр, царевич Ордынский). В свою очередь, Русь к *людям* — *татарам* отнеслась, как ко всем, весьма дружелюбно! Когда в Орде начались нестроения и много татар стали проситься в Великороссию, уже ставшую сильнее Орды и свободной, им позволяли селиться большими общинами в Муроме, Касимове, Елатье, Романове и жить по своим обычаям и вере, строить себе мечети. Многие Русь стала брать от весьма одарённых татар. Например, древнерусская денежная система поменялась на татарскую, как более совершенную, впервые на Руси возникла особая служба связи и сообщения — ямская, от татар была взята служба налогов, кое-что в управления государством, даже очень хорошая русская армия взяла кое-что от татар, что стоило взять. В быту, в языке появилось немало татарского. Как и всегда, не боялись и смешанных браков.

Но татарскую, а точнее — ордынскую *власть* над собой Русь не терпела! Её, эту власть, всегда называли *игом* то есть бременем, или ярмом. Здесь уместно решить некоторые недоумения. наших историков часто вводило в заблуждение то, что татары были кочевники и что летописи их называют «погаными». Из этого делали вывод, что они были диким и малокультурным народом, из-за чего — де весьма задержалось развитие Руси, что их было несметное множество и что они — де *поработили* Русскую Землю неким страшным образом, так что и жить было невозможно. Отчасти мы уже видели, что всё это было не так. Урон, нанесённый татарами, вряд ли можно считать причиной той задержки в развитии русской культуры, какую обычно им объясняют. Задержка скорее всего была вызвана усобицами русских князей в условиях быстрого дробления (распада) крупных уделов.

Добавим: кочевой *образ жизни* не всегда означает варварство, дикость, низменность нравов и зверство. Название «татары» — собирательное. В огромной, но отлично устроенной Орде, по мере её продвижения, оказывались люди самых разных племён, в том числе и довольно неразвитых. Но верхушка, элита татарской Орды, её основное ядро несло в себе очень богатую культуру, многотысячелетний опыт народов Центральной Азии и Китая. Здесь, в частности были и великие тайнознания (или оккультные знания) Дальнего Востока, и тибетская медицина, и китайская математика и астрономия, хитроумная инженерия и прекрасная письменность. Здесь можно увидеть поразительную изысканность вкусов и манер, шедевры предметов роскоши, оружейного и иного искусства. Здесь можно (и нужно!) увидеть мудрость, мужество, подлинное благородство (даже в отношении к врагам!). Наконец, нужно учесть, что, скажем, Батый — это великий военный гений. Он выиграл 65 крупных битв и покорил 32 народа! Но главное, по-

жалуй, в том, как Орда относилась к покорённым ею народам. По завету Чингис Хана татары никогда не должны были обижать религии тех, кого они покоряли, не ломать чужих обычаев, нравов и даже исконной местной власти, довольствуясь данью и общим надзором. На такое способны только люди очень высокой культуры! Что же до названия «поганые», то оно тогда означало просто «язычники», то есть не крещёные, не христиане. В этом смысле и древние эллины для летописцев тоже «поганые»...

Так что древняя Русь вынуждена была сразиться не с «дикими» низменными варварами, а с в высшей степени организованным и высокообразованным, а в боевом отношении — несравненно более сильным обществом, называвшемся татарской Ордой.

По нынешним меркам численность Орды (точней — воинов Орды) была невелика — 150 тысяч бойцов. В походе Батыя на Русь, по разным оценкам, участвовало и того менее, — от 20 до 40 тысяч. Но всё относительно. В те времена для Руси 5000 воинов — это значительное, очень значительное войско! А 10000 — это уже «тьма» это грандиозное войско, какое редко когда на Руси собиралось... Поэтому, если даже принять среднюю величину — 30000 Орды, то такое, отлично дисциплинированное, испытанное, с налаженной службой разведки, необычайно подвижное и быстрое (почти одна конница!) войско, да ещё под водительством одного из самых великих вождей мировой истории, вполне могло, разбив по очереди несравненно меньшие по числу дружины русских, покорить всю Землю от Киева до Новгорода и в *те времена* производить впечатление несметного полчища. Покорённых князей обязывали только платить дань и являться в Орду для утверждения в своей власти (получать «ярлыки» на княжение). Поэтому Орде вовсе не требовалось оставлять в русских городах особые гарнизоны: каждый князь знал, что если он не выполнит условий победителей, они в любой момент примчатся, как ветер, и будет плохо не только ему, но *Земле*, которой он владеет.

Некоторые нынешние, сравнивая жизнь Руси под Ордой с теми режимами, какие устанавливают в побеждённых народах *современные* завоеватели (например, немцы в России, или Советы в Восточной Германии) поражаются: «Какое же это «иго»! это просто вольготная жизнь!» Но всё относительно. В *те времена* Русь воспринимала власть Орды именно как *иго*. И к этому были очень большие причины. Уже одно то, что народ христианский, исповадавший *правую веру* поставлен под власть неверных было для Руси нестерпимым. Понимали, что это — *от Бога, за грехи*. Но принять за нормальное не могли никогда!

Так для древних иудеев была нестерпимой власть Римской Империи, хотя зависимость Иудеи от Рима, не трогавшего тоже ни веры, ни обычаев, ни местного самоуправления, была *тогда* просто смехотворно лёгкой, в сравнении с некоторыми *современными* случаями. И жестокость татар, которая тоже, конечно, была, мало чем отличалась тогда от жестокости русских и немцев. И уж совсем не идёт ни в какое сравнение с адской жестокостью таких образованных вояк XX века, как, например, «христиане» — хорваты и мусульмане Боснии.

Нет, Орда не была «вампиром», сосущим из Русской Земли последние соки, как иногда представляют. Дань — это не только (а иногда и не столько)

определённое количество материальных ценностей, отдаваемых властелинам; дань, даже чисто символическая — «по белке с дыма» (двора),— это ещё и знак *подвластности*. И в этом всё дело!

Для иудеев времён земной жизни Спасителя власть Римской Империи была нестерпимой именно потому, что по Закону Моисееву обязанные платить подать (десятину) только Богу, то есть Храму Иерусалимскому, они силой *вынуждены* были платить налог римскому языческому кесарю. Примерно так и для древней Руси. И дело здесь не в гордости, а в *религиозном* чувстве.

Промыслительно Орда подвергла на Руси испытанию не что иное, как именно *веру*.

Поначалу было так: русские князья, приезжавшие в Орду к Батыю за «ярлыком», должны были исполнить принятый там обычай: пройти сквозь огонь (для очищения), поклониться языческим символам. И многие, как говорит летописец, «славы ради света сего» поклонялись... Татары же «невозбранно давали им то, чего они хотели, *да прельстятся славою века сего!*» В глазах русских, это было чуть ли не сознательное со стороны татар *духовное обольщение* князей. Но вот пришёл черёд князя Михаила Черниговского. В 1247 году он должен был тоже поехать в Орду, решив ни за что не прельщаться. В этом его и боярина его Феодора укрепил духовник, сказав, что «для утверждения других» им нужно обличить прелесть Батыеву и исповедать истинную веру и стать «новыми святыми мучениками». Несмотря на горячие уговоры своих же русских спутников, готовых на себя взять грех поклонения огню и идолам, князь Михаил и Феодор сказали Батыю, что ему, как получившему от Бога «царство света сего» они поклонятся, а символам и идолам не будут, ибо не достойно христианам твари кланяться, но «поклоняться Святой Троице». Слугам своим Михаил сказал: «Не хочу только называться христианином, а творить дела полных». Оба были убиты, и оба прославлены в лике святых. Почти то же самое сказал тогда в Орде и князь Александр Невский. Но его уже не казнили. В лице лучших своих князей Православная Русь *победила* искушение, и татары это *поняли* перестав требовать от русских соблюдения своих обычаев.

Но оставались иные соблазны: смириться навсегда с владычеством Орды и использовать её в междоусобных распрях. Как это было преодолено, скажем после. А теперь о другом испытании.

Глава 4

ШВЕДЫ, НЕМЦЫ, ЛИТВА

«Дивна дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси!» *Одновременно* с нашествием с *востока* на Русь началось нашествие с *Запада* ...

Одержимый антихристовым властолюбием папский престол Римской церкви давно, ещё при равноапостольном Князе Владимире и даже ранее при

равноапостольной Ольге, стремился к тому, чтобы покорить себе Русь. Тре-окаянное это желание властвовать миром гнусно тем более, что всегда при-крывалось «благочестивым» предлогом привести к христианству народы. Ложь «благочестия» обнаружилась в том, что папы стремились утвердить свою власть над народами уже и *без них христианскими*: греками, южными славянами, болгарами, русскими ... Бытие огромного Православного госу-дарства Восточной Европы, каковым была Русь, было для пап нестерпимым, потому что сие государство было им неподвластно. От начала Руси до сего дня и до скончания мира стремились и будут стремиться они покорить себе нас, если не уговором, то огнём и мечём, если не ими, то обманом и лестью. Вот как было в те дни, о которых мы теперь повествуем. В начале XIII в., направленные римским папским престолом шведы пошли покорять финнов, «примучивая», как выражаются летописцы, их к христианству. Так посте-пенно к 1240 г. они приблизились к Новгородской земле. Немногим ранее немец Альберт фон Буксгевден в 1200 г. вышел к ливам к Балтийскому морю, основав город Ригу. В 1202 г. он основал здесь и рыцарский Орден Меченос-цев, который стал огнём и мечём приводить литовцев и ливов к христиан-ству. Датчане приплыли к чуди и основали Ревель (Таллин). Меченосцы вскоре тоже придвинулись к границам Руси, захватив несколько русских городов (Юрьев, ставший Дерптом, ныне Тарту, Ям, Копорье, другие). Поз-же, в 1225—1230 г. между Неманом и Вислой на Балтике осел другой немец-кий же рыцарский Орден — Тевтонский, созданный для Палестины, но *по-боявшейся* ехать туда и приглашённый поляками для защиты от пруссов. Пруссов Тевтоны смирили и покорили, совершенно их онемечив. Онемече-ны, а не только приведены к христианству (то есть к папе) были и те славян-ские племена, которые искони жили на Балтике. На Руси это знали. По мере движения стали тевтоны тревожить литовские и русские земли Полоцка и Волыни. Под натиском немцев Литва, поначалу языческая, стала крепить-ся, объединяться, и сама начала «безобразить», как говорит летописец, в Нов-городских и Псковских пределах. Римский папа шведам, меченосцам, тев-тонам поставил задачу привести Русь в подчинение Римско-Католической церкви. В XIII-м веке старания эти начались с великим усердием. Мы уже гово-рили о том, как католикам удалось обмануть галицкого князя Даниила, возло-жив на него королевскую корону (1255 г.) и обещав крестовый поход против татар под условием унии с Римом. Князь Даниил Романович согласился, при-нял корону. Но крестовый поход, конечно, не был устроен. Татарская власть над Русью для Рима была лишь удобным предлогом для соблазна и обмана русских. Так попытались католики Римского папы соблазнить и князя Алек-сандра Невского. Папские послы при посредстве меченосцев явились к князю Александру точно с таким же предложением крестового похода против татар при условии подчинения Руси Римскому папе. Князь Александр ответил: «Мы знаем историю веры. Мы приняли святое Крещение от Православной Гречес-кой Церкви и в подчинении у Римского папы не будем никогда».

Князь Александр был сыном князя Ярослава — сына Всеволода Большое Гнездо. Брат Ярослава, Юрий Всеволодович, был Великим Князем Владимирским. Как мы уже говорили, в 1216 г. побеждённый Мстиславом Мстиславовичем

Удалым, Юрий вынужден был отказаться от великого княжения в пользу сродника своего Константина. Но по смерти последнего в 1218 г. вновь сел на Владимирский Стол. В 1237 г. он погиб в битве с татарами на р. Сити. После него Князем Великим стал его брат Ярослав. Сына своего Александра он дал в Новгород, где перед тем сам был князем. Во время своего новгородского княжения Ярослав Всеволодович не раз с огромным успехом ходил на немцев в Прибалтику, однажды захватив столько добра и полона, что не мог всех увести (часть пришлось порубить, а часть отпустить). Бил он также и дерзких литовцев.

Послы меченосцев как-то, посетив Александра, признались: «Поистине, пройдя всю землю, не видали и не находили ни в царях царя, ни в князьях князя такого, как этот!». Князь Александр Ярославич был тогда очень молод. Но славен был уже не только благородством, силой, мужеством, мудростью, но главное — великой верой и целомудренным образом жизни. Он потом женился на полоцкой княжне праведной Вассе и были у них сыновья, в том числе князь Даниил, ставший *первым князем московским*.

В 1240 (или 1241) г. швед Биргер высадил с кораблей очень большое войско в устье Невы, где теперь Петербург, и послал сказать князю Александру, что если тот может, пусть идёт против него, так как он уже в Русских пределах. Намерением шведов было так же «примучить» Православную Русь к Католической церкви, как пред тем «примучили» они язычников — финнов и карел. Князь Александр сказал своим: «Бог не в силе, но в правде. Сии на конех, мы же имя Господа Бога нашего призовем» (это слова из Псалтири). И начал усердно молиться. Затем собрав наскоро очень небольшую дружину, он быстрым броском достиг шведского войска и неожиданно для шведов первым напал. Началась удалая сеча! Она стоит того, чтобы вкратце её описать. «Явились в полку Александра шесть мужей храбрых, сильных». Гаврил Олексин на коне по сходям вскочил на шведский корабль, преследуя принца, которого поразил, сбросив в воду вместе с конём. Потом он в самой гуще врагов посёк многих, убив воеводу их Спиридона и двух епископов (!), которые тоже, значит, сражались (католики!). Збослав Якунович множество шведов побил одним топором. Половчанин Яков, княжеский ловчий, один напал с мечём на целый полк, перебив очень многих. Другой новгородец, — Миша, пеший с отрядом разбил три шведских корабля. Пятый — Савва снёс королевский шатёр. Шестой — Ратимир пешим один бился с очень многими и пал смертью храбрых. Сам Князь Александр, перебив большое число врагов, сразился с Биргером и одолел его, ранив мечём в лицо («печать на лице положил мечем своим»), «Избиено бысть множество римлян, а остаток их со срамом побеже», — говорит летописец. Новгородцев погибло только 12 человек... Больше шведы не смели ступить на Русскую Землю, это была такая большая и славная победа, что навсегда за князем Александром закрепилось прозвище — Невский.

Зная об этом, рыцари меченосцы вряд ли рискнули бы нападать на Псков и Новгород. Но после Невской битвы у своевольных новгородцев произошла ссора с князем Александром, и он удалился от них в Переяславль Залесский. Пользуясь этим, рыцари взяли Псков и несколько иных русских городов, новгородцы едва умолили отца Александра — Ярослава снова послать им своего

сына для отражения немцев. Александр Невский вернулся, быстро отбил у рыцарей Псков и другие земли, вторгся в немецкие владения и взял много добычи. Упрямые немцы всё же решились одолеть Александра если не умением, то числом, и собрали огромное войско, включив туда, кроме рыцарской конницы и своих пеших кнехтов, большее количество чуди (эстонцев). Разведчики русских, выдавшие виды, «ужаснулись» при виде этого войска! 5 апреля 1242 г. князь Александр встретил их на льду Чудского озера у Вороньего камня. Особым строем, названным русскими «свиньёй» то есть с неким тупым передним углом, меченосцы врезались в середину русских войск, и это была их большая ошибка! Русские обхватили увязшую в них «свинью» с двух сторон и начали бить супостатов. Разгром меченосцев был страшным. Погибло одних только рыцарей 531 человек, а чуди — «безчисленное множество», знатных начальников было взято в плен 50 человек, множество утонуло в озере, лёд которого кое-где стал ломаться.

Слава этих побед прогремела от Сарая до Рима. Орден Меченосцев после «Ледового побоища» пришёл в необратимый упадок. Остаток его соединился с тевтонами, и они вместе создали потом новый Орден — Ливонский, надолго осевший в Прибалтике. Он уже не дерзал покушаться на завоевание Руси, только тревожил набегами и грабежами её западные границы.

Так, верой, словом, мечём князь Александр Ярославич Невский пресёк стремление Запада подчинить себе Русскую Землю. Кроме того, он тем самым навсегда удержал Новгород (сильно хотевший быть с Западом из своих торговых пристрастий) в притяжении к центральной, Владимирской Руси, несмотря на то, что долго ещё значительная часть новгородских бояр и купцов стояла за то, чтобы быть воедино с Европой, а не с Русью. В 1245 г. и впоследствии князь Александр сильно побил литовцев. После этого они стали с Русью более дружить (хотя иногда и «безобразили»). Но как мы уже говорили, вплоть до князя Витовта Литва была княжеством не только Литовским, но Литовско-Русским. В 1246 г. в далёкой Монголии у великого Хана умер князь Ярослав, отец Александра. Владимирским Великим Князем стал Александр Ярославич.

В 1247 г. Батый прислал к Александру сказать, чтобы тот явился в Орду. Александр, понимая, что ныне нет сил у Руси для разгрома Орды, пришёл в первый раз. Батый, уже знавший славу его, увидев, весьма удивился светлому облику Князя и силе. И несмотря на то, что Александр отказался почтить языческие символы и пройти сквозь огонь, выражая готовность поклониться только Батю, как «получившему царскую власть от Бога», хан очень почтил его, принял его подарки и отпустил с ярлыком на княженье. В том же году сам Батый погиб в бою с чехами, куда он снова пошёл из-за угров, желая их покорить.

Потом Князь Александр ещё дважды ходил в Орду, укрощая гнев хана за восстания против татар в некоторых землях Руси и отводя тем беду от всей Русской Земли. В 1263 г., заболев в Орде, он вернулся на Русь, но в дороге в Городце скончался 42 лет от роду, перед смертью приняв пострижение в монашество и даже в великую схиму. Тело его было привезено во Владимир и в церкви оплакивал любимого Князя весь люд. Митрополит Кирилл служил

погребенье 23 ноября. Когда владыка хотел вложить, по обычаю, в руку покойного Князя грамоту с разрешением грехов, Князь сам протянул за ней правую руку, а, получив, согнул свою длань, к немалому страху всех видевших. С тех пор мощи Князя Александра чудотворны, а сам он пребывает в лике святых благоверных Российских князей и почитается особым предстателем Русского Царского Трона.

Итак, натиск с Востока Орды и с Запада римо-католиков не уничтожили Русь, а побудили к сплочению. Русь устояла. Что же позволило ей тогда устоять? Из одного лишь того, о чём мы рассказали (а можно было бы поведать о гораздо более многом) видно, что сила Руси заключалась в вере, *верности Православию, смиренье и крепкой надежде на Бога*. Испытание и выявление этих качеств Руси были, наверное, главными целями Промысла Божия, могущего и самое зло обращать к добру. Хотя нужно вспомнить, что все эти беды были естественным следствием тяжких грехов братоубийства в безчисленных русских княжеских распрях и ссорах. Есть закон жизни, выраженный словами Бога в Писаний так: «Проливаяй кровь человеку, в ея место его пролиется; яко во образ Божий сотворих человека» (Быт.9, 6). Действие этого закона будет видно ещё не раз.

Глава 5

ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ

В современной науке истории принято датой основания города считать первое упоминание о нём в летописных сказаниях. Так, град Москва упомянут под 1147 г. в связи с тем, что в этом владении боярина-дружинника Кучки, для князя Святослава Черниговского устроил «обед силен» князь Юрий Долгорукий. Но теперь мы знаем, что был упомянут град Москва и раньше, что вообще целая гроздь поселений здесь была с каких-то незапамятных времён и чаще звалась множественно — Московь. Кучке Московь досталась в управление, почему иногда называлась *Кучковым*. Князь Долгорукий лишь велел поставить здесь первую *крепость*, небольшую сначала. Потом сын его Князь Андрей Боголюбский расширил и ещё укрепил её, поняв, как и отец, что Московь может стать ключом ко Владимиру. Положение Москвы было и впрямь превосходным. Она стояла в *средостеньи* путей из Поволжья к Балтийскому морю, от Новгорода — к Поволжью и Рязани, от Киева к Новгороду и Волге, от Волги — к Северу и Уралу ... По рекам она отовсюду была достижима, но глухие леса окрест делали почти невозможными набеги конных кочевников — половцев. В то же время земли здесь были весьма плодородны, реки богаты рыбой, а леса всяким зверем, и в том числе — соболем, куной (куницей). Всё сие вполне оценили очень многие беженцы с Юга и обильно осели в Москови. В самый раз при таком-то стечении люда было стать ей градом в XIII веке. И стала — Москвой, с укреплённым Детинцем в середине, на Боровицком холме, где теперь Кремль. Град

был сперва небольшим и входил во Владимиро-Суздальское, потом — только Владимирское княжество. При дроблении и мельчании уделов, получаемых умножавшимися потомками Всеволода Большое Гнездо, когда-то и Москва должна была стать особым уделом, кому-то достаться в княженье. И досталась, как мы видели, младшему сыну славного и святого Князя Александра Ярославича Невского — Даниилу. Он стал первым князем Москвы, а Москва, стало быть, впервые соделалась **княжеством**, это случилось в 1272 году, по «приговору» родни. Было тогда Даниилу 11 лет...

Князь Даниил был **подлинно христианин**, как и отец его, как и дед Всеволод, как и предок Андрей Боголюбский. Он был нравом кроток и тих, очень любил молитву, и живое общение с Богом было главным для духа его. Но, подобно Давиду, он становился львом, не боясь никаких Голиафов, когда было нужно, — не для него самого, — для Москвы, для людей, подвластных Божиим смотреньем ему. Как «меньший» в семье, он получил и самый «меньший», то есть самый незавидный удел, княжеством до того никогда на бывавший... Здесь он построил сперва монастырь в честь своего святого — Даниила Столпника (он теперь украшение столицы).

Что представляла собою тогда Северо-Восточная Русь? Об усобицах мы говорили. Скажем теперь кратко о том, что Княжеский Дом «Большого Гнезда» разросся здесь так же, как Мономахов на юге (корень у всех был один — от Рюрика Ютландского). В старых уделах семьи князей считали уделы «своими» и дробили их по мере нужды как могли. Но земель всё равно не хватало. Князья победней старались «примыслить» любую добычу — кусочек соседской земли, часть какую-то люда, воинов, разных умельцев и слуг. Из-за «примыслов» этих (так тогда выражались) иной раз дрались меж собой, но часто кончали миром, брань устранив согласием и целованием креста. Мало кто не желал получить великое княженье Владимирское. Но когда иные достигали его, то как правило жили в уделах своих, управляя оттуда столицей. Так бывали «Великими» князья: тверской, костромской, переяславльский, городецкий. Кроме того, появились в старинных и крупных уделах и особые «великие» то есть **старшие** князья. Такими были, к примеру, ярославские, нижегородские и те же тверские, даже если они не владели Владимиром. Но и тогда все они мечтали стать и Великими Владимирскими, так как Владимирский — это Князь «и всея Руси». Из княжеств тогдашних времён было несколько самых видных, бывших «особь» от всех, то есть как бы отдельными государствами. Таковы — Тверь (до 1440 г.), Нижний Новгород (до 1417 г.), Ярославль (до середины XIV в.), Суздаль, ставший «самостоятельным» с конца XIII в., но не надолго, Ростов, от всех отделившийся в 1277 г., Муром, Старая Рязань (которая при князе Олеге Ивановиче становится «великим княжеством»), Кострома ... Самостоятельной жизнью живут ещё многие княжества по пятьдесят, по сто лет, а иные даже по двести (до XIV и XV в.в.). Таковы: Стародуб, Одоев (до 1470 г.!), Трубчевск, Мосальск, Воротынский, Новосиль, Елец (до 1488 г.), Тарусса (с 1246 до 1342 г.), Рязань (до 1454 г.), Ливны и Варгол, Галич (до Ивана Даниловича Калиты), Дебрянский, Можайск (с перерывом, до 1434 г.), Пронск, Белозерск, Ржев и другие. Не говоря уж о Новгороде и Пскове...

Злая судьба постигает древний русский город Курск. Он стоял задолго до того, как отец преподобного Феодосия Печерского поселился в нём, как киевский наместник (то есть ещё до Крещения Руси). Из жития Феодосия знаем, что в XI в. в Курске были каменные церкви и школы для детей. Одним из отрядов Батыя в 1237 г. Курск был совершенно сожжён, так что более он не был собственно городом как крепостью и средоточием ремесла и торговли. На месте его вырос лес, где иногда бывали селенья, а также становища татар и бывала местность сия под владычеством Польши, но по привычке всё называлось Курском, Курской землёй. В 1295 г. в 27-ми верстах от пропавшего Курска в лесу при корнях древа найдена была чудотворная икона Знамения Матери Божией. И с почитанья её, при стечении множества люда, стала жизнь сюда возвращаться, так что в 1597 г. началось возрождение Курска «на его прежнем месте», а место находки иконы было в том же году отмечено основанием Курской Коренной Рождество-Богородицкой Пустыни (мужского монастыря). Святая же Курская Коренная икона возымела потом, в XVII в., большое значение и в московских делах, а в наше время — во всех важнейших делах Православной Российской Церкви. Именно так в разных местах Руси в разное время с возрождения духовной и церковной жизни начинала возрождаться жизнь народа. Мы помним, что первый князь Московский Даниил прежде всего построил в Москве не что-нибудь, а **монастырь**. Здесь нужно сказать, что усобицы русских князей, кроме греха братоубийства, имели своим последствием и упадок церковной, вообще христианской жизни. Нарушались многие правила, расцвела симония (получение сана за деньги), возрождались языческие обычаи, даже в среде духовенства. Начальный татарский погром добавил нестроений в церковную жизнь Руси. Многие грады и веси запустели, кто-то из духовенства погиб, кто-то сбежал, многие храмы стояли без службы. В такой обстановке в 1274 г. во Владимире состоялся Поместный Церковный Собор. Вот как выразил он **церковное понимание происходящего** с Русской Землёй: «Какую пользу получили мы, пренебрегшие Божественные **правила**? Не рассеял ли нас Бог по лицу всей земли? Не взяты ли были наши города? Не пали ли сильные наши от острия меча? Не отведены ли в плен дети наши? Не запустели ли святые церкви? Не томят ли нас каждый день безбожные и нечестивые люди? И всё это постигло нас за то, что не храним мы правил святых отцов наших». В этих словах от лица Русской Церкви выразилось самое ценное и спасительное, — **покаяние, смирение** перед праведным Божиим гневом и **решимость** исправиться, изменить свою жизнь! Собор принял меры по пресечению симонии, сделал ряд Богослужебных указаний, постановил рукополагать в священный сан только достойных, в соответствии с канонами Церкви, несмотря на большую нехватку священников. Это означало, пусть лучше многие храмы долгое время стоят без службы, а прихожане их лишаются таинств, чем поставлять в них кого придётся ... Вот образец для подражания всем и на все времена! И, наконец, Собор определил выпустить **Кормчую Книгу**, в основе которой — **Книга Правил (канонов) церковных!**

Вот, что положено было в **основанье** того, что стало Великой Россией, — **Книга Правил!** Здесь и правила жизни церковной и правила для государства в его

отношениях с Церковью. Правилам этим добровольно и строго следовал князь Даниил. Прямой потомок Крестителя Руси св. Владимира, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо, Ярослава Всеволодовича, Александра Ярославича Невского, он унаследовал лучшее от этой цепи прекрасных русских князей и добавил своё: молитвенность, тихость нрава и миротворчество. Поелику возможно, он избегал сражений. Так было в 1293 г., когда Даниил смирился перед Великим Князем Андреем Александровичем, впустив его с войском в Москву. Так было и в 1295 г., когда уже приготовясь к сражению с братом, князь Даниил всё же сумел кончить дело миром, без крови. Но пришлось ему и сражаться. Рязанский князь Константин втайне решил повоевать земли Московского княжества и позвал на подмогу татар. В 1300 г., упреждая коварный удар, князь Даниил подошёл с войском к Рязани и разбил Константина, перебив и отряды татар. Это была **первая** победа над татарами, пусть негромкая, но знаменательная! Константин взят был в плен и ... с любовью отпущен под честное слово! При этом князь Даниил никак не воспользовался плодами победы в том отношении, что не отнял ничего от Рязанских земель. Даниила стали чтить и любить и князья, и народ. В 1302 г. Переяславльский князь Иоанн, умирая бездетным, завещал очень большое тогда своё княжество дяде своему Даниилу. Так Москва сразу и мирно стала одним из самых видных русских княжеств! В 1303 г. князь Даниил заболел, принял великую схиму и тихо скончался, завещав по смирению положить своё тело не в церкви, а на общем кладбище своего Данилова монастыря. После смерти он сотворил ряд чудес, одно из которых очень поразило Ивана Грозного, повелевшего возродить монастырь Даниила, между прочим, поставив там храм в честь отцов Семи Вселенских Соборов. Дело в том, что в Церкви есть праздники отцам каждого из Семи Соборов, есть общий праздник отцам **Шести** Вселенских Соборов, а общего праздника отцам всех **Семи** Соборов нет. Между тем, Семь Соборов — это полнота Православия. Царь Иван Грозный, как видно, собирался ввести такой праздник, но не сумел почему-то. Так до сих пор храм в честь отцов всех Семи Вселенских Соборов единственный в мире стоит в Даниловом монастыре, а праздника этого нет ... В этот-то именно храм в 1652 г. Патриарх Никон торжественно перенёс мощи князя Даниила, прославив его в лике святых, и назвав «великим святым чудотворцем».

Даниилу наследовал сын его Юрий. Он «примыслил» к Москве от Рязани Коломну, от Смоленска — Можайск, расширив владения настолько, что стал бороться за ярлык на великое княжение с дядей своим князем Тверским Михаилом Ярославичем. Друг против друга оба боролись в Орде. Более прав в этом споре был князь Михаил. Но по интригам соперника он был замучен (и причислен к лику святых). Однако за коварство своё поплатился и Юрий, там же в Орде и погибший. Московский престол достался брату его Иоанну Даниловичу. Тот поступал мудрее и в 1328 г. в итоге борьбы с той же Тверью получил великое княжение, которое с тех пор уже не выпадало из рук Московских князей. Князь Иоанн был, как его отец, православным не по имени только, — по духу. Так, он постоянно носил при себе кожаную суму — калиту, с деньгами для раздаяния нищим, с чем и вошёл навсегда в историю, будучи прозван Иоанном Даниловичем **Калитой** († 1341 г.).

В 1300 г. Митрополит Максим переносит Церковный Престол из Киева во Владимир на Клязьме. Великороссия становится не только политическим, но и духовным, церковным средоточием Русской Земли. Преемник Максима святой Митрополит Пётр стал часто жить в Москве, где завещал и похоронить себя и предрёк Московскому княжеству грядущую славу и силу. Преемник Петра,— грек Феогност осел на Москве уже крепко, подготовив и смену себе из москвичей, из боярской семьи Плещеевых — будущего великого святителя Митрополита Алексия.

Вразумляемый Богом Иван Калита — собиратель земель вокруг Москвы. Он «примыслил» к Москве ещё многие земли, смирял Тверь и Новгород, а множество мелких княжеств добровольно признали зависимость от него. «Бысть оттоле тишина велика по всей Русской Земле на сорок лет и престаша татарове воевати Русскую Землю»,— замечает летописец.

Иван Калита расширяет, укрепляет и украшает Москву. При нём возникает деревянный Кремль, первый каменный Успенский собор в Кремле, другие храмы. Великий Князь связан личной духовной дружбой со святым Митрополитом Петром.

Сыновья Калиты Симеон Гордый (1341—1353) и Иван Красный, или Кроткий (1353—1359) продолжают дело отца. Симеон во всей Русской Земле ведёт себя как владетель, свысока обращаясь с другими князьями, за что и получает прозвище «Гордый». А гордость — самый страшный из всех грехов и пороков, потому что духовно роднит человека (и народ) с диаволом — отцом и источником гордости. Но Симеон сильно и явно грешит и в другом. Не имея детей от первой жены, он бросает её и женится на другой: «не восхоте соблюдения закона Божия, ... но преступлением закона восхоте получитьи желание свое, сего ради не получи, точию (только) грех себе приобрете»,— написал летописец. В самом деле, два сына Симеона умирают; от него не остается потомства, и Русь претерпевает страшную чуму, от которой умирает и сам Симеон. Он — радатель за Русскую Землю и ему принадлежит знаменитое увещание родне хранить в мире преемственность власти для потомков, «чтобы свеча не угасла» ... Но судьба его показала, что «свеча» не погаснет тогда, когда она горит огнём благочестия в сердце самого владетеля Русской Земли, не иначе! Брата его Ивана Ивановича иногда называют историки слабым Князем. Однако он не слабый, он — *Кроткий*. И как раз от такого родится Руси Князь Великий Дмитрий Донской.

При нём совершается многое и судьбоносное в Великой России. Он взошёл на Престол ещё мальчиком 10 лет. Его воспитателем и как бы правителем за него стал святой Митрополит Алексий, сотворивший при жизни много чудес. Так, в Орде он исцелил от слепоты ханскую царевну Тайдулу, что сделало его великим даже в глазах татар. Затем как бы вместе они — Князь Димитрий и Митрополит, мудро правят Русской Землёй. При них строится белокаменный Кремль, первый каменный мост на Москве, Москва расширяется, а Московское княжество уже безвозвратно и неоспоримо становится *главным* в Великороссии. Истомлённый народ в решающей массе своей признаёт *за Москвой* право на объединение всех русских земель и притом тяготеет к признанию необходимости единодержавия, или *самодержавия* Великих Князей Московских. К тому же и Бог призывает через Церковь и великих Своих святых. Таковы Митрополит Алексий и «Игумен всей Русской Земли» — преподобный Сергей Радонежский Чудотворец. Князь Димитрий *впервые* сказал, что великокняжеский сан и Московские земли — на-

следственное право и вотчина семейства Московских князей и никому другому принадлежать не могут. После него Стол Великих Князей начал передаваться *от отца к сыну*.

Богоугодность и спасительность самодержавия особенно явно показаны были Промыслом Божиим всей Русской Земле обстоятельством борьбы с Ордой, Куликовской битвой. Она состоялась в 1380 г. и так хорошо всем известна, что нет нужды здесь о ней подробно писать. Мы отметим лишь то, что великая, смелая мысль сбросить с Руси татарское иго явилась у князя Дмитрия после очень усердных молитв, что на битву с ханом Мамаем его благословил преподобный Сергей и молитвой своей постоянно поддерживал русское войско, что всё сие совершалось при многих и явных знамениях Божией воли.

Но нужно заметить и вот что. Когда Князь Дмитрий Иванович, много раз уже бивший татар в сравнительно малых сражениях, отказался давать дань татарам, и Мамай стал готовиться к большому походу на Русь, Русь удельная затрепетала... В ней сразу исчезло единство. И хотя Орда уже ослабла и раздиралась усобицами, страх перед ней был великим, он тяготел над всеми. Тем более, что, как стало известно, Мамай заключил союз с литовским князем Ягайло, обещавшим Мамаю сильное войско. Рязанский князь Олег, убоявшись, пошёл на союз с Ордой и Литвой. Тверь, Нижний Новгород, Суздаль решили, как бы чего не вышло, держаться совсем в стороне, не дав свои силы Московскому Князю. Он остался почти один с подручными своими князьями. Впрочем, вкупе они составили довольно большую рать, усиленную войсками Новгорода, Пскова, Полоцка и Брянска.

Князь Дмитрий, решив не допустить соединения татарских и литовских сил, быстро прошёл от Москвы на Дон и там, в степи, вдалеке от русских земель, встретил войско Мамаю. Жестокая, долгая сеча завершилась победою русских! Мамай бежал в Крым, в Кафу, где был убит. Князь Дмитрий получил навсегда прозвание Донского.

Правда вскоре, через два года, в 1382 г. хан Тохтамыш внезапно напал на Москву, вынудив Князя Дмитрия бежать из столицы, сжёг и разграбил Москву, и Русь снова стала платить дань Орде. Но теперь это было уже не так важно. Русь увидела и поняла: Орда не страшна; её можно побить. *Страх* перед нею исчез! И исчез навсегда. Кроме того, всем стало ясно, что *заступницей всей Руси* от любых врагов стала *Москва, Московское княжество*. Вот главнейший итог Куликовской битвы.

Но перед этим всем великий подвижник Руси преподобный Сергей в глуши Радонежских лесов, живя и молясь в одиночестве, вызвал тем самым на себя открытое противоборство демонских сил и сумел *победить в себе страх* перед ними. Он-то, затем став известным, и имея уже монастырь с братией, своею молитвой и словом помог Князю Дмитрию и Русской Земле *победить страх* пред татарской Ордой.

В 1378 г. скончался Митрополит Алексей, вскоре же став почитаться святым. После блаженной кончины его, Князь Дмитрий дерзнул проявить своеволие в том, на что не имел Божия права,— в делах церковных. Он не принял законно поставленного для Русской Земли в Царьграде Митрополита Киприана, а пожелал иметь главою Церкви своего любимца попа Митяя. Сей отличался красноречием, даром повелевать и богатыми одеждами. «Зело красен поп

Митяй», — говорили о нём. Произошла большая церковная смута, длившаяся десять лет. В итоге после смерти Князя Димитрия Донского в 1389 г. всероссийским Митрополитом всё-таки стал Киприан, признанный сыном Димитрия — Василием I. Князь Димитрий Донской, хотя уважался в потомках, но никогда не чтился святым ни в народе, ни в Церкви. За его неприятие Митрополита Киприана и церковную смуту был наказан народ нашествием Тохтамыша.

Шёл к концу знаменитый, великий XIV век. В его второй половине что-то очень важное происходило в духовной жизни Руси, так что сказалось и на всей её жизни. Иногда называют это «Русским Возрождением», как бы неким золотым веком русской святости и искусства. Об этом нужно поведать особо.

СВЯТАЯ РУСЬ

Если мы постараемся увидеть самый корень, или исток, из которого произошёл с XIV в. дивный расцвет русской духовной жизни, то найдём его в том, имя чему — *исихазм*. «Исихия» — по-гречески «молчание», «тихость». Исихазм — образ молитвенной жизни монахов, где главным является делание умно-сердечной молитвы. Такою молитвою, в основном, стала молитва Иисусова: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». При верном молитвенном делании подвижники этой молитвы проникались и озарялись *Божественным светом* так, что и сами начинали видеть сей свет иногда духовно, а иногда и телесными очами. В этом нетварном Божественном свете они созерцали такие вещи, имели такие откровения, какие нам, нынешним, слабым, никогда невозможно увидеть! Такие подвижники при жизни становились святыми, исполняясь Святаго Духа, и озаряя Им вокруг себя всё, и всех. Исихасты — подвижники в Церкви были искони, начиная с Апостолов, в разных странах и временах, друг о друге часто не зная. В XIII—XIV веках этот подвиг умно-сердечной молитвы с видением света обрёл особое место в среде православных *Афонских* монахов, хотя, независимо от них, был достоянием избранных и в других Православных народах, в том числе — на Руси. Опыт Афона лишь подтверждал и укреплял опыт подвижников разных земель. Опыт сей вызвал в церковной среде немалые, сильные споры. Тогда Промыслом Божиим был воздвигнут великий учитель и святитель Григорий Палама (он умер ок. 1360 г.). Он в спорах с латинствующими Варлаамом и Акиндином в ряде своих сочинений, а также и на Соборах церковных, главным образом, на Соборе 1341 г., опроверг учения римо-католиков, опиравшихся на авторитеты Абеляра, Фомы Аквината о том, что Бог постигается только с помощью логических построений рассудка, что Божественный свет, например, — у Христа на Фаворе в Преображении Его — это свет сотворённый, внешний, так как видим был очами телесными, что, по их мнению, говорило о том, что это не есть свет Самого Божества, ибо он принадлежит Его Сущности, а Сущности Бога видеть никто не может. Григорий Палама доказал, что Фаворский свет, свет Божества, видимый подвижниками и святыми, не есть Сущность Бога, но есть одна из его *нетварных энергий* — сил, которыми Он

правит миром. И не рассудком, а духом, сердцем, очищаемым подвигом и молитвой, человек приобщается к Богу так, что проникается и Его несотворённым светом, который иной раз может быть *видим* и духовно и явно. «Рассудочные» католики до сих пор не признали ученья Паламы. А Православная Церковь признала ещё тогда, в середине XIV в., и более того,— она вся стоит на этом учении (если она Православная не по имени только,— по сути).

Подлинным исихастом, созерцателем Божия света Святой Троицы был на Руси преподобный Сергей, о котором вкратце уже говорилось. Он родился 5 мая 1314 г. в с. Варницы под Ростовом Великим в семье благочестивых бояр Кирилла и Марии. С зачатия и рождения, в младенчестве и юности он проявлял необычайные духовные дарования, являясь особым избранником Божиим. Звали его тогда Варфоломей. Примерно в 1328 г. вся семья переселилась в г. Радонеж (теперь — Городок, близ Троице-Сергиевой Лавры). Недалеко от сего городка в глухих лесах стал затем подвизаться в молитве сей святой человек. Он построил здесь деревянную келью и такую же церковь во имя Святой Троицы. В 1337 г. был он пострижен в монашество с именем Сергей, а в 1354 г.— посвящён в сан игумена. Ибо Духом Святым водимые многие искатели «умной красоты», как иной раз называют подвижников, собрались в этот лес к преподобному, чтобы быть у него в послушании и учиться духовным вещам. Блаженный Сергей явил много чудес, испытал видения страшных чудовищ, которыми бесы старались изгнать его из пустыни, удостоился многих Божественных посещений и знамений. Сама Пресвятая Богородица с апостолами Иоанном Богословом и Петром приходила в келью к нему. С ним были дружны митрополиты Феогност, Алексей, Киприан. Друзьями его были также архиепископ Суздальский Дионисий и епископ Пермский Стефан — просветитель Пермской земли. Знал и любил Сергия Князь Великий Димитрий Донской. Многократно, по просьбе Святителей и Московских Князей, Преподобный мирил с последним и князей других княжеств то словом, то делом. Так, однажды, придя в Нижний Новгород с целью призвать его к миру с Москвой и не встретив согласия, он запретил совершать Литургию во всех храмах города. И нижегородцы, приклонившись не перед саном, а пред духовным величием Сергия, принесли покаяние и помирились с Москвою. Сергей сознательно звал Русскую Землю к единству под властью Московских Князей. То же делали и его ученики, наипаче те, кто пошёл по Руси, насаждая на просторах её новые обители — училища молитвы, поста, общежития, духовной любви и согласия. Таковыми были Сильвестр Обнорский, Стефан Махришский, Авраамий Чухломский, Афанасий Серпуховской, Никита Боровский, Феодор Симоновский, Ферапонт Можайский, Андроник Московский, Савва Сторожевский (Звенигородский), Димитрий Прилуцкий. Кирилл Белозерский. От Никиты и Пафнутия Боровских духовная преемственность правил жизни и подвига идёт к преподобному Иосифу Волоцкому и его обители, от Кирилла Белозерского такая же крепкая нить преемства протянулась к Нилу Сорскому, Савватию, Зосиме и Герману Соловецким. Так незримое, но сильнейшее духовное влияние «чудного старца» Сергия охватило всю Землю Великороссии. «Игуменом Русской Земли» назвал народ Преподобного Сергия. И недаром. Он и по смерти не раз помогал всей Русской Земле. Слава

о нем очень быстро дошла до Царьграда. Патриархи Каллист и Филофей писали письма ему. Вселенский Патриарх Филофей, тот самый, который прославил в лике святых поборника Православия и исихазма Григория Паламу, прислал преподобному Сергию крест, параманд и схиму. В послании своём патриарх увещал преподобного устроить в его обители общежитие (по образу лучших афонских), что и было исполнено с благословения Митрополита Московского Алексия. Связи Руси тех времён с Царьградом, Афоном были куда более тесными, скорыми и постоянными, чем мы теперь думаем. Так что нет сомнения в том, что Игумен Русской Земли не только по духу оказался сам исихастом, но и знал об афонских старцах — делателях Иисусовой молитвы и о всех «паламитских спорах» и принял сердцем учение о нетварном Божественном свете. Созерцая его, преподобный опытно, духом (не только умом), а лучше сказать — всем своим существом приобщился Христу, а через Него — Самой Троице, Единосущной и Нераздельной. Её благодатью он был как бы пронизан всецело. Он «носил» Троицу в сердце. От избытка же сердца глаголют уста, и он говорил, что созидает храм Живоначальной Троице, чтобы «постоянным *взиранием на Нёе побеждался страх ненавистной розни мира сего*». Что же тогда выходило? Троица есть Единый Бог в Трёх Своих Ипостасях (Личностях) — Отца, Сына и Святаго Духа. Не три «бога», но Едино Божество, Одна Сущность, Одна Природа при Трёх свободно — разумных Божественных Личностях (лицах). Они всегда пребывают в совершенном согласии, хотя каждая Личность совершенно свободна. Основую такого согласия служит любовь. Основой любви служит единство природы. «По образу» Своему и «по подобию» Бог сотворил человека так, что имея одну природу, люди разнятся в личностях (лицах). Адам—Ева—сын, затем для всех: муж—жена—ребенок — вот живой «треугольник» в основе всего человечества и размноженья его, по устройству сообразный Троице. Грех помрачил человека; в частности, он перестал видеть живое единство свое с остальными людьми. В этом причина раздоров, распрей, убоиц и войн — «ненавистной розни мира сего». Чтобы её превозмочь, нужно устроить жизнь во образ жизни и отношений Лиц Святой Троицы. На таком основании покоится жизнь монастырская, по общечерковным уставам устроенная.

Жизнь монашеского братства, если она и вправду любовью проникнута, дает пример устроению жизни всей земной церковной Общины — народу, а значит, и его государству, Земле! Вот что восприняла Великороссия от преподобного Сергия, его подвига и почитания Троицы! У русских людей как бы открылись духовные очи. Они увидели, *как и во образ чего* можно и нужно устроить *Православную русскую жизнь. Православное Русское Царство!*

Эта вспышка Троического света на Русской Земле времён преподобного Сергия была такой яркой и сильной, что отсвет её, пусть и слабый, светит ещё и теперь! А тогда эта вспышка озарила всю русскую жизнь, и она расцвела пресветло и принесла изумительные плоды. Понято было, что единство Божественной Природы — основа *соборности* в управлении и решении дел, Троичность Лиц основа *свободы*, должная мера которой должна быть у всех и у вся, так что чтиться должна каждая «малая ипостась» — человек! Извечный «проклятый вопрос», — как сочетать потребность и жизнь государства, народа с потребностью личности, или малой воли, здесь находил совершенное

разрешение. Не теряя себя и свободы, все единятся *в любви*, источник имеющей в Боге, ибо «Бог есть любовь» (I Ин. 4; 8, 16). Прекрасный лаконичный образ, воплотивший в себе, кажется, всё, что давал опыт созерцания Святой Троицы преподобным Сергием, создал постриженник Троицкой обители иноко-иконописец преподобный Андрей Рублёв, написав по совету преподобного Никона, ученика и преемника Сергия, в память «чудного старца», Игумена Русской Земли, икону Живоначальной Троицы. Она тоже теперь в музее (в той же Третьяковке, что и икона Владимирская). Через Крым (Кафу, что теперь — Феодосия), где была большая колония русских, через Новгород, из Византии, где в Царьграде также во множестве жили русские ремесленники и купцы, а также из расцветавшей тогда Сербии, на Русь пошли благие влияния православного искусства, учёности, книжности, ремесла. В 1338 г. из Кафы в Новгород приезжает художник Исаия Грек и расписывает Входаиерусалимскую церковь. Чуть позже греки и русские здесь делают росписи иных храмов. В 1370 г. через Новгород попадает на Русь знаменитый учитель Андрея Рублёва иконописец Феофан Грек. Русские, учась, в то же время преображают достижения греков и сербов по-своему (храм Успения на Волотовом Поле). В Новгороде во второй половине XIV в. создаются фрески в церквях Феодора Стратилата на Торгу, Спаса Преображения, Спаса на Ковалёве. В Москве Феофан Грек и Андрей Рублёв расписывают Благовещенский и Архангельский соборы Кремля, церковь Рождества Богородицы, пишут ряд знаменитых икон, часть которых доходит до наших дней. На Руси создаются новые монастыри, храмы, школы, библиотеки (например, в Москве, Новгороде, Ростове). Строятся крепости и города. В строительном деле особенно славятся псковичи. За наукой иные русские едут в Царьград (Афанасий Ростовец). Через Новгород едет в Москву сербский ученый агиограф Пахомий Логофет. Он составляет потом заново и житие преподобного Сергия, сперва написанное Троицким Инокм Епифанием, прозванным Премудрым. Преподобный Сергей, Игумен нашей Земли, в тихом безмолвии отошел ко Господу 25 сентября 1392 г.. Свет, через него просиявший в Великороссии, не угас, продолжая светить всем важнейшим русским делам. В то далекое время в недрах народа родилось и *новое имя* Земли — Святая Русь! Ни один христианский народ не имеет такого названия. Можно ли представить себе выражения: «святая Франция», или «святая Германия», или «святая Польша»? А в приложении к Руси это легко представимо. Почему это так? Почему Русь — Святая? Не потому, конечно, что здесь все поголовно — святые. Русь — Святая потому, что в ней очень много святых, потому, что общепризнанным устремлением народа, тем, к чему все в меру сил, должны постараться стремиться, была православная *святость*, особенно ярко явленная в святых Святителях, благоверных князьях и в монахах, таких, как, прежде всего, преподобный Сергей Радонежский. Русь — Святая потому, что стремится к Горнему Миру, а земную жизнь хочет устроить во образ небесной (что во многом ей удаётся). Непривязанная к «зде пребывающему граду», но взыскающая Града Небесного «Иерусалима нового» из глубокой, безкорыстной и *чистой любви ко Христу*, Русь получает обильные токи и знамения Божией благодати, особенно — милостей Матери Божией и безсчётное множество Её икон становятся в Русской Земле чудотворными. Вот

ещё и поэтому Русь — Святая и поэтому она также — Дом *Пресвятой Богородицы*. Русь — Святая потому, что живя в этом мире, во зле лежащем, водится Духом Святым, а не духом мира сего.

Недремлющий диавол старается в ту же эпоху посеять на Русской Земле плевелы. В 1375 г. в вольных (иной раз — не в меру!) Пскове и Новгороде возникает ересь стригольников, отрицающих церковь, священство. Но с нею справляются бодро и большого вреда она не приносит. Почти непрерывной чередой в XIV в. следуют сильные глады, моры (чума), набеги татар, уносящие десятки и сотни тысяч жизней. Но покаянием, смирением и молитвой Русь идёт к расцвету и к созданию московского Царства.

Глава 6

СОЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

В годы правления Великого Князя Василия I Дмитриевича (1389—1425) в Московском княжестве совсем утверждается новый порядок наследия Трона — от отца к сыну. В этом духе было составлено завещание Василия I. При нём попущением Божиим пришло испытание Русской Земле. Один из величайших полководцев истории Тимур (Тамерлан), свергнув в Орде Тохтамыша, пошёл в 1395 г. на Русь с целью покарать князя Василия за дружбу его с Тохтамышем (а таковая была). Тамерлан не знал поражений. Русские знали об этом. Москва приготовилась к осаде. Князь Василий, собрав, сколько мог, войска, мужественно стал на Оке, готовясь встретить Тимура. Но русские люди, уже наученные не только словом, но опытом жизни, знали, что сила человеческая не может спасти без содействия Божией силы. Митрополит Киприан предложил привести из Владимира Святую икону Матери Божией в Москву. Привезли, и слёзно и крепко молились пред нею все, — от князя до простеца. Тамерлан дошел до Ельца и, взяв его, заночевал. Ночью ему явилось во сне страшное видение: огнезrachная Жена грозно ему приказала не двигаться дальше и дала повеление неким небесным воинам, кои в несметном множестве бросились на Тамерлана с оружием. В страхе проснулся не знавший в сражениях страха великий завоеватель. Спросил у своих мудрецов о значении сна. Те ему рассказали, что Жена — это Мать русского Бога — Христа. Повинуясь не человеческой, — Божией силе, Тамерлан повернул обратно, не пойдя на Москву.

Эту проверку веры Русь выдержала достойно! Владимирская икона Богородицы с тех пор стала пребывать в Москве, в Успенском соборе Кремля, как защитница всего государства. Шли годы. Как бы забывшись, или нечто о себе возомнив, князь Василий отказался давать дань Орде. Тогда ж 1408 г. внезапным, неожиданным набегом под Москвой оказался с большими войсками хан Едигей. Князь Василий бежал на север. Москва дала Едигею «окуп» (откуп) и он удалился, но прежде сильно пожёг и пограбил Русскую Землю.

Трудно складывались тогда отношения наши с Литвой. Князь литовский Витовт, несмотря на унию с Польшей, продолжал считать себя князем Литовско-Русским, имевшим право участвовать в русских делах и собирать русские земли так же, как и Москва. С последней он поэтому то враждовал, то мирился и даже роднился. Так, свою дочь Софию князь Витовт выдал замуж за князя Василия I. От этого брака родился князь Василий Васильевич II, потом ослеплённый своим двоюродным братом и поэтому прозванный Тёмным. Несмотря на родство, Витовт воювал с Василием I-м. Наконец, согласились на том, что граница Литовских владений пройдёт по р. Угре. А Василий отдал на попечение Витовта его внука, своего сына, малолетнего Василия Тёмного. После смерти Василия Дмитриевича и Витовта, брат Василия I Юрий Дмитриевич, княживший в Галиче под Костромой, а затем и его сыновья Василий Косой и Димитрий Шемяка стали бороться за великое княжение, за Москву вопреки новому порядку наследия, но исповедуя старый. В этой тяжелой, жестокой борьбе князья-родичи доходили до крайностей. Борьба продолжалась около 20 лет. Однажды к повзрослевшему уже Василию II-му в плен попал сын Юрия Василий Косой. Василий Васильевич приказал его ослепить. Но потом за это в 1445 г. сам был ослеплён Димитрием Шемякою.

Москва много раз переходила из рук в руки, пока в 1450 г. не утвердился окончательно законный князь Василий теперь уже — Тёмный (слепой). В связи с усобицей в Великой России татары не раз беспокоили русские земли, брали тяжёлые «откупы». Тогда началось распадение Золотой Орды. Возникли Казанское ханство, Крымское.

Но в те же времена пришлось испытать Православной Руси ещё и верность свою Православию. В 1439 году на Флорентийском соборе была подписана уния между Православными греческими Церквями и Римско-католической церковью. Вызвано это было сильным натиском турок на Византию. Греки *недотерпели!* Боясь, как бы сильные турки не захватили в Греции всё, греки пошли в ловушку, расставленную для них католическим Западом, всегда желавшим подчинить православных Римскому папе. Император и папа предложили защитить греков от турок при условии, что греки согласятся принять католические догматы веры и главенство Римского папы, сохраняя лишь свои восточные обряды и чины Богослужения. Почти все Православные Восточные Епископы, кроме Святого Марка Ефесского — исповедника, *согласились*. Папа, однако, сказал: «Без подписи Марка Ефесского можно считать, что мы ничего не достигли!» В то самое время, когда в Греции готовились к Флорентейскому собору, явилась нужда поставлять для Руси Митрополита на место почившего в 1431 г. Фотия. Князь Василий II-й пожелал иметь Главою Русской Церкви епископа Рязанского и муромского Иону, русского, своего. С 1433 г. Иона называется «нареченным на Святейшую Митрополию Русскую». Но в Царьграде решили иначе и прислали Митрополитом Исидора грека, очень склонного к унии с Римом. Приехав в Москву, Исидор тотчас стал готовиться к путешествию во Флоренцию и скоро уехал туда. Обласканный папою, он вернулся в 1441 г. на Русь. Но, узнав, что Исидор принял унию с Римом, русские по указу Василия Васильевича арестовали его и посадили под стражу. Исидору удалось бежать через Литву в Италию. А русские начали думать, что теперь делать? Они понимали, в каком положении оказалось Греческое царство. Подобное, как мы уже

знаем, было и на Руси при нашествии татарской Орды. Тогда Рим тоже предлагал русским князьям принять главенство папы взамен «крестового похода» европейских государей против татар. В эту ловушку попался князь Даниил Галицкий и княжество его потом погибло. Литовские князья, согласившись на унию с Римом, также попали под власть католической Польши. В тяжелейших условиях Великий Князь Александр Ярославич Невский отказался принять помощь Запада, а точнее — лживые обещания помощи, при условии подчинения Папе и, сохранив Православие, Русь сама сохранилась! В Православной Византии большинство народа было против «латынския ереси», как называют это наши летописцы. Но Константинопольский Патриарх и император колебались, Иоанн Палеолог и Патриарх Иосиф в 1439 г. лично будучи на Флорентийском соборе, унию приняли. Но Рим и Запад в целом, как всегда, обманули. Против турок никакой помощи от них Византия не получила. Преемник Иоанна, император Константин XII Палеолог поначалу стал за Православие, против унии с Римом. И Василий Васильевич писал к нему особую грамоту, где заверял в дружбе и в почитании Вселенского Патриарха, прося прощения за то, что Митрополитом Московским поставлен был русский — Иона, не сумевший приехать в Царьград для своего утверждения только по причине военных опасностей. Но грамота эта послана не была. В 1452 г. Константин согласился на унию, обманутый теми же лживыми обещаниями помощи со стороны Запада, так как империя его к тому времени состояла уже из одного Константинополя с небольшою округой; вся Византия была под владычеством турок Османов. Важно заметить, что и в этой тягчайшей беде народ Византии и большинство духовенства были против унии с Римом. Но император и значительная часть «ведущего слоя» не устояли в верности Богу, понадеялись более на силу человеческую, чем на силу Христову (вот, в чём смысл таких испытаний!). И в итоге прискорбный и грозный конец: 29 мая 1453 г. Константинополь после длительной осады был взят турками; царь Константин пал храброй смертью в сражении.

И сегодня нельзя без волненья читать летописную повесть о падении Царьграда! Много дней граждане, как один человек, не жалея себя, отражали атаки громадного войска султана. Множество греков явили здесь образцы дивного мужества, стойкости и смекалки. В ночь с 26 на 27 мая «бысть знамение страшно во граде». В окнах куполов великого храма Святой Софии-Премудрости Божией явился яркий свет, вышедший затем наружу и охвативший все купола. Затем он собрался над ними воедино и стал подниматься на небо. Небо отверзлось, приняло в себя свет, изошедший из храма, и вновь затворилось. Это видели все. И правильно поняли. Патриарх Анастасий, на утро явившись к царю Константину, сказал ему так: «Свет (сей) неизреченный отшел от нас, сие убо назнаменует, яко милость Божия и щедроты Его от града сего и от нас отходят, хочет бо Господь Бог предати град сей врагам нашим грех ради наших».

Пало великое и поистине всемирного значения Православное Византийское Царство! Сделалось жертвой слабости веры его правителей. Святую Софию султан Магомет обратил в мечеть. Но позволил избрать Патриарха. Таковым был поставлен противник унии и поборник православия Геннадий Схоларий. Но для Греции было уже поздно! Она надолго, до XIX в. осталась под властью Османов. Меж тем в Великой России Собором русских епископов в 1448 г. Мит-

рополитом всея Руси был поставлен епископ Иона. Как мы видели, это было вызвано не гордым желанием прервать каноническую зависимость от Материнской Церкви Константинопольской, но вынужденно, по причине отступления Константинополя от Православия и затем — захвата его мусульманами — турками, которые, конечно же, стали бы использовать в своих целях поставление Митрополитов для Руси у себя в Истамбуле... Так, по нужде, и из верности Православию Русская Церковь стала **автокефальной**, то есть самостоятельной, независимой. Не все ревнители буквы канонов в России признали законность этого события, против были потом некоторые «заволжские старцы», но в целом Русь согласилась с необходимостью независимого бытия своей Православной Церкви. И это имело великие последствия и значение: **самостоятельность Русской Церкви**, вызванная её верностью Православию, **стала духовным основанием Московского Царства**, создаваемого, как преемник Православной Византийской Империи! Что же касается падения Византии, — как духовного (отступления от Православия), так и государственного, — то для Русской Земли это было не в радость, а в великое горе! Ибо от славной и Православной Греции русские приняли веру, питались (и ныне питаются) её богословием и опытом духовным, любили всегда и теперь любят её! И, как мы увидим потом, в самом расцвете могущества, Русь почитала за благо припадать к учёности греков. Но Промыслом Божиим честь и славу Рима Второго — Константинополя и всей Византии должна была воспринять Россия ...

Князь Василий II-й Тёмный сумел подчинить себе все центрально-русские земли-уделы, но так, что удельные князья оставались на своих отчинах, лишь признавая старшинство и главенство над собою Москвы. Василий Васильевич таким образом, именуясь и будучи Князем Великим, был в то же время и князем **удельным**, то есть правившим главным, господствующим уделом — Московским.

Всё стало меняться с приходом ко власти сына его, Великого Князя Ивана III Васильевича в 1462 г.. Сызмальства выросший в сложных бореньях отца, воспитанный им и матерью — смелой Софьей Витовтовной, Князь Иван III во избежание новых усобиц и к пользе Великой России покончил с уделами, «примыслив» к Москве полностью все княжества Северо-Восточной Руси: Ярославское, Ростовское, Тверское, половину Рязанского, Вятку и, наконец, в 1478 г. — раздираемый распрями и склонный к измене и переходу под Польшу Новгород. Оставались условно свободными только Псков и часть Рязанского княжества, но лишь потому, что всецело предали себя во всем Великому Князю. Одарённый Богом большим умом, дальновидностью и мудростью в управлении Иван III решил теперь на открытый выход из какого-либо подчиненья Орде. Впрочем единой Орды тогда уже не было. Хан Ахмат, как главный, брал по обычаю дань с Государей Московских. В 1476 г. он прислал послов с грамотой и басмой (изображением хана), требуя дани с Руси. В Кремле на глазах у всех Иван III ханскую грамоту разорвал, басму попрадал ногами, а послов Ахмата велел казнить, оставив лишь одного для отправки обратно в Орду и сказав ему: «Объяви хану: что случилось с его басмою и послами, то будет и с ним, если не оставит меня в покое». На такой дерзновенный поступок, как полагают, особенно подвигала Великого Князя его вторая жена София Фоминична Палеолог, гречанка, с коей связан большой поворот в жизни древней нашей Отчизны. Софья была родною

племянницей погибшего в битве в Константинополе последнего византийского императора Константина XII (или, по другому числению — XI-го) Палеолога, то есть единокровной императорскому дому. Она воспитывалась в Риме, и папа Римский очень надеялся с её помощью («не мытьём, так катаньем») подчинить себе Православную Русь. Он при отъезде в Московию придал её посольству своего кардинала Антония, который повсюду старался показать своё католичество и представить Софию как верную униатку. Но ошибся и он и сам Римский папа. София в душе всегда была православной. А придя на Русскую Землю, явила это открыто. Кардинала Антония с серебряным «крыжем» (крестом) латинским, отправили восвояси ни с чем. София же привезла с собою многие святыни Православной Византии и регалии византийских царей, в частности, герб — *Двуглавый Орёл*. Овдовевши пред тем, Князь Великий Иван III Васильевич в 1472 г. женился на Софье Палеолог, сочетавшись не только лично с византийской царевной, но сочетая Московскую Русь с Византией так, что после падения последней всё значение её как бы *переходило* к Москве! Поэтому он совершенно сознательно соединил два герба, — византийский и русский. Русским Московским гербом был образ Победоносца Георгия на коне, пронзающего копием змия — дракона. Теперь гербом русским стал Двуглавый Орёл с этим образом Георгия в центре, как бы в груди. Софья Фоминична Палеолог оказалась не только верной женой и верующим человеком. Она стала подлинным помощником нашему Князю Ивану, советуя ему во всех важнейших делах. И хотя современные историки по-разному смотрят на это влияние, вне сомнений остаётся лишь то, что великое дело утверждения и обоснования Православного Самодержавного Царства в России в значительной мере обязано именно ей (и да будет хвала ей и в Царстве Небесном!). О влияниях в жизни искусства, строительства и ремёсел, а также — в жизни Двора мы скажем чуть позже. А пока о деяниях внешних.

Князь Иван в совете с Землёй, то есть, в частности и с *боярами*, каковыми во множестве стали бывшие *удельные князья*, а также с мудрой женой Софией, стал править самодержавно. Тому в первую голову содействовала Церковь, призывая всех князей местных покориться Московскому. Первым помощником в сем Князю Ивану был самостоятельный Русский Митрополит. Однако «совет» с Землёй для Ивана III не означал слепого подчинения мнению большинства, хотя бы в его же Государевой Думе! Он готов был выслушивать и выслушивал мнения всех. При этом очень *любил*, как тогда говорили, «встречу», то есть мнения, противоречащие его собственному, ибо правильно думал, что это всегда лишь содействует наиболее верному выбору. Но последнее слово Князь оставлял за собой.

Не хотел Князь Иван III семейных усобиц. А они чуть было не начались. Братья Великого Князя Андрей Большой Углицкий и Борис Волоцкий восстали против него и, собрав войска, двинулись в Тверские пределы, а затем — в Новгородские. Причиной явилось то, что Иван III как бы отверг древнее право «отхода» бояр на службу от одного князя к другому. Наказанный им за притеснение жителей боярин-князь Оболенский-Лыко, обидевшись, «отошёл» к Борису Волоцкому. Но Великий Князь приказал там его взять и в оковах привезти в Москву. Борис с возмущением писал брату Андрею: «Вот, как он с нами поступает: нельзя ужо никому отъехать к нам...». Дважды посылал Иван III послов своих к братьям с предложением мира, второй раз — с епископом Вассианом Ростовским. Тому

удалось склонить их к переговорам. Но они отошли в Великие Луки к границам Литвы и стали просить короля Казимира о военной помощи. Войска им Казимир не дал, но тотчас сообщил об усобице хану Ахмату. Злорадствуя о мнимом ослаблении Москвы, хан Ахмат взял всех воинов Золотой Орды, оставив в ней лишь стариков, женщин и детей и быстрым броском оказался на Русской Земле. Князь Иван III дал знать своему союзнику Крымскому хану Менгли Гирею и тот напал на Литву. А Великий Князь в то же время отправил отряды воеводы князя Василия Ноздреватого и Крымского царевича Нордоулата Волгой в Золотую Орду, оставшуюся без воинов. Об этом манёвре знали немногие. Одновременно войска были выставлены на Оку и затем на Угру, к которой двинулся Ахмат, увидев, что за Окой его ждут русские. Началось знаменитое «стояние» на р. Угре русских и ордынцев, вступивших в переговоры и не двигавшихся друг на друга. Москва между тем волновалась! Никто не мог понять, почему Князь Иван не решается дать битву татарам. Русские, как один человек, готовы были драться за Православную веру и Родину. Митрополит Геронтий и особенно пламенный епископ Вассиан требовали от Великого Князя сражения. Вассиан напоминал ему подвиги за христианство великих предков Ивана Васильевича, в частности — Дмитрия Донского, и в лицо говорил: «Дай мне, старику, войска в руки и увидишь, уклоню ли я лицо свое пред татарами». С почтеньем к духовному сану Князь Иван смиренно выслушивал всё, но делал по-своему. Он не хотел напрасно лить драгоценную в глазах его русскую кровь, полагая, что дело можно выиграть иначе, то есть что хан Ахмат изрядно труслив и не решается на сражение, а когда узнает о нападении на беззащитную Орду отрядов Ноздреватого и Нордоулата, то вовсе сам побежит из пределов Руси. Но знал Князь Иван III и то, что никакой самый мудрый расчёт человеческий не исполнится без помощи Божией и потому усердно молился пред Владимирской иконой Богородицы об избавлении Русской Земли. О том же пред сей чудотворной иконой молились с особою силой и Митрополит и все москвичи. Тем временем Князь Иван III примирился с братьями и те тоже послали свои войска на Угру. И случилось так, как хотелось Великому Князю! С наступлением зимних холодов 1480 г., страдая в морозах и узнав об опасности в своей же земле, татары, объятые страхом, побежали прочь, не взяв на Руси ни полона, ни богатой добычи, без боя! После сего р. Угра стала называться «Поясом Богородицы», охраняющим Русскую Землю, а в память о бегстве Ахмата был установлен ещё один праздник Владимирской иконе — 23 июня. Вскоре же Ахмат был убит у себя дома ханом Ногайской Орды Иваком. Погибшему наследовал его сын Шиг-Ахмат. Но в 1502г. по совету с Москвой союзник её тот же Крымский Менгли-Гирей разгромил Орду. Шиг-Ахмат бежал сперва в Турцию, потом в Польшу, где был заключен в темницу. *Так и кончилось навсегда то, что было Золотою Ордою, так исчезла и самая тень возможного ига её над Русской Землей.*

Князь Иван III сумел совсем подчинить себе Казанское ханство, так что всеми делами там заправлял московский боярин, хотя ханами были свои, татары, но смещаемые и поставляемые Москвой. А Москва смещала не только в случае измены, но и за злоупотребления властью, когда ханы начинали обирать сверх меры и притеснять свой татарский народ. Невероятно, но Иван Васильевич III, сам сознавая себя *отцом* для русских людей, полагал, что так же

должен вести себя в отношении подданных любой правитель, в том числе и татарский. Иными словами, имея власть над казанским ханством, Государь Московский искренне заботился о благополучии татарского народа!

Так же относилась при нём Русь и к иным народам. В те времена завершилось освоение Пермской земли. Воеводы Москвы перешли через Каменный Пояс Урала до Иртыша и Оби и покорили Великому Князю множество местных Сибирских князьков. Тем паче к людям Руси Православной любовью Государя была глубокой и сильной. Тем же отвечал ему и народ. При Иване III Русь Московская достигла необычайного процветания. К примеру, на рынках столицы отборная говядина продавалась уже не на вес, а просто «на глаз», зимой же в Москву привозили так много мороженных туш свиных и говяжьих, что продавались они за безценок, чему очень дивились тогда иностранцы.

Однако главным своим попечением Князь Иван III считал вовсе не это, то есть не изобилие благ земных. Он, как и Русь, верил и опытом *знал*, что «все сие прилагается», если *«прежде всего* искать Царствия Божия и правды Его». И это стремление Руси и её Государя очень ярко тогда проявилось в религиозной войне с Литвой. Это была *первая в истории Руси* большая война, начатая самой Русью исключительно из-за дела о Православной *вере*. Великий князь Литовский Александр, желая избежать потери части своих русских владений, посватался к дочери Великого Князя Ивана Елене. После многих переговоров Елену выдали замуж за Александра при таких условиях: Александр не будет её принуждать к латинству, построит для неё домовую православную церковь, будет именовать в документах Князя Ивана Государем Московским «и всея Руси». Елене был дан отцовский и церковный «наказ» стоять в Православии твёрдо, если придется, то и до крови и мученической смерти. Все три условия были вскоре нарушены. Более того, подстрекаемый Римским папой и его епископами Александр начал не только свою жену Елену усиленно призывать в католичество, но и насаждать таковое на тех русских землях, которые входили во владения Литвы и притеснять Православие, так как папа (печально знаменитый Александр Борджиа) обещал причислить литовского князя к лику святых, если он обратит православных в латинство. Видя наступление на веру, в Литве возмутились и простые русские люди и князья и вслед за некоторыми до того отошедшими к Москве стали переходить *вместе с землями* к Великому Князю Ивану III. Так перешли князья Бельский, Мосальские, Хотетовские, Рыльский (внук Шемяки), Можайский и другие с многими боярами. Литва потеряла Можайск, Новгород Северский, Рыльск, Курск, Чернигов, Стародуб, Любеч, Гомель ... Спohватившись, Александр послал посольство в Москву, где впервые назвал Великого Князя Московским *и всея Руси*, и заверял, что в Литве нет гонений за веру, предлагал ряд условий мирных отношений. Князь Иван отвечал: «Поздно брат и зять мой исполняет условия, именует меня, наконец, Государем всея России; но дочь моя ещё не имеет придворной церкви и слышит хулу на свою веру,... Что делается в Литве? Строят Латинские божницы в городах русских; отнимают жён от мужей, детей у родителей и силою крестят в закон римский. То ли называется не гнать за веру? И могу ли видеть равнодушно утесняемое Православие! Одним словом, я ни в чём не преступил условий мира, а зять мой не исполняет их». Затем тотчас Иван III написал «складную»

грамоту, где складывал с себя крестное целование и объявлял Литве войну за принуждение дочери Елены и всех русских в Литве к католичеству, «Хочу стоять за христианство, сколько мне Бог поможет»,— заканчивал грамоту наш Государь. Нужно заметить, что и тогда и потом, до начала XVIII в. римско-католическая вера на Руси не называлась и не считалась христианской. Христианством называли только Православие. Так началась война. 14 июля 1500 г. в первом большом сражении (примерно по 80 000 с каждой стороны) русские страшно разбили литовцев, положив более 8.000 человек. Александр втянул в войну Ливонский немецкий Орден, но в 1502 г. он потерпел сильное поражение от смешанного русско-татарского войска. «Не саблями светлыми секли их»,— говорит летописец,— но били их москвичи и татары, аки свиней, шестооперами». Александр между тем стал и королём Польши, заручился поддержкой королей Венгрии и Чехии, но ничто не спасло его. Он терпел одно поражение за другим и в 1503 г. запросил мира, приняв все условия Государя Московского. По этому миру к державе Великороссийской отходили 19 городов, 70 волостей, 22 городища. Вернулись Руси Чернигов, Путивль, Новгород Северский, Гомель, Трубчевск, Брянск, Мценск, Дорогобуж, Торопец и другие. Немцев Ливонского Ордена также бивали. С ними война была не без смеха. Так, однажды рыцари перед сраженьем в буквальном смысле слова ... обкакались. На них, в том числе и на военачальника Вальтера фон Плеттенберга напал сильнейший понос, из-за чего войско ливонцев побежало скорее восвояси. В 1503 г. примирились и с ними, поставив в виде заслона г. Ивангород против Нарвы (во имя Государя Ивана III). Воевать приходилось со шведами, против них помогал датский король. В землях финских доходили до самой Лапландии. Но главным стремлением Государя и всей тогдашней Руси являлось всегда возвращение исконных русских земель — Смоленска, Киева и других, которые Иван III называл своей «отчиной» и считал себя их Государем. Вот почему так противился титулу Государя Московского *«и всея Руси»* польско-литовский король и почему Иван III так крепко стоял за эти слова. Все понимали, что они означают желание Москвы собрать и те русские земли, что оказались тогда за Литвой и Польшей.

Так-то окрепла Москва! С ней стали считаться государи Европы. Однажды Ивану III даже предложили корону от рук императора Священной Римской Империи, но он отказался, сказав, что имеет власть по наследству от благородных царственных предков и не нуждается в том, чтобы кто-то его жаловал королевской короной. Будущий император — немец Максимилиан хотел было взять в жёны себе дочь Государя Московского. Но переговоры об этом не возымели успеха из-за требований Москвы сохранить жену императора в Православной вере. Ограничились тем, что немецкий король прислал возможной невесте шкатулку и попугая, а Иван III отправил ему, по его прошенью, одного белого кречета и двух красных. Сам Государь Иван III искал сыну Василию жену среди королевских семейств Европы. И мог бы найти, да узнав как следует тогдашнее их коварство, по совету Софии Палеолог, решил поступить по обычаю византийских царей,— устроил в 1504 г. впервые в России смотрины девиц, числом 1500 (!) из своих боярско-дворянских семей, и Василий выбрал себе Соломонию Сабурову,— девушку совсем не из родовитых бояр.

Именно в те времена, не сразу, а постепенно, Иван III начинает именоваться — *Царём*. Название «Царь» применялось к русским Великим Князьям давно. Так, и теперь можно прочесть надпись XI в. на столпе Св. Софии в Киеве о «кончине *царя нашего* Георгия» (Ярослава Мудрого). И затем летописцы не раз называют Великих Князей «царями». Но вначале Князь Иван III именуется себя Государем, Великим Князем, Самодержцем всея Руси. Впервые в 1492 г. Митрополит Московский обратился к нему со словами: «Радуйся, преславный *Царь* Иван, Великий Князь всея Руси, Самодержец». В 1503 г. в грамоте послам ливонского Ордена сам Государь наш именуется себя — «Иоанн, Божией милостью, *Царь* и Государь всея Руси и Великий Князь ...», называя также Царём и сына Василия. В 1505 г. император Максимилиан именуется его и Василия так же — «Царями». Так утверждается за Князем Московским это название — *Царь*. *Так государство Московское становится царством!*

Неправильно думать, что сие происходит по влиянию Софии Палеолог, будто бы стремившейся придать византийскую гордость и пышность Двору Московского Князя и ему самому. Происходило всё по мере естественного роста могущества Московской Руси, без влияния Софии. И вот почему. От первого брака у Государя Ивана III был старший сын Иван Молодой. Он женился на дочери господаря Молдавии Елене и от них родился Димитрий, внук Ивана III. От второго же брака с Софией Палеолог родился в 1472 г. второй сын Государя — Василий III Иванович. Но в 1490 г. Иван Молодой — Наследник Престола скончался. Обычай тогдашней Руси допускали два пути, — быть Наследником вместо умершего второму (оказавшемуся старшим) сыну Василию, или сыну умершего сына, то есть внуку, Димитрию. Часть бояр стала за невестку Великого Князя Елену и сына её Димитрия, а другая часть — за Василия. Елена тогда стала уже еретичкой (жидовствующей), о чём Иван III не знал. С помощью хитрейших, злокозненных еретиков, очевидно, не без применения чародейства и магии, ей удалось сильно влиять на Государя Ивана. Видя это, противники Елены и еретиков устроили заговор, который был обнаружен. Виновных казнили, Софию Палеолог и сына Василия Государь от себя *отдалил*, а приблизил Елену с Димитрием. Последнего в 1492 г. и провозгласили Наследником, возложив на него торжественно Мономахову шапку и бармы, то есть венчали на Царство. Но Господь всемогущий, видя искренность Государя Ивана III, разрушил обманы и козни. В 1499 г. была раскрыта крамола бояр, державших сторону Елены, в связи с обнаружением её еретичества. Тогда Иван III вновь приблизил жену Софию и сына Василия. Внук Дмитрий и мать его Елена были отправлены в заточение и не велено было впредь помянуть их на церковных прошениях. Сын же Василий в 1502 г. провозглашён был торжественно Наследником, Великим Князем и, как мы видели, даже — Царём. Так что и этот казался бы мирской вопрос, — о престолонаследии, оказался тесно связан с вопросом о вере и верности Богу и правде Его (но совсем не с гордым принятием «византийских традиций» Иваном III, пожелавшим якобы иметь преемником сына Софии — гречанки, как пишут иные историки в кабинетных своих измышлениях).

Прежде, чем мы поведаем о борьбе на Руси с ересью жидовствующих, нужно сказать о том, как отнеслись к укреплению и росту могущества нашей Отчизны иноземцы. Ещё до начала войны с Польшею и Орденом командор Кёнигсберг-

ский писал магистру ливонцев: «Государь Русский вместе со своим внуком управляет один всеми землями, а сыновей своих не допускает до правления, *не даёт им* уделов, это для магистра Ливонского и для Ордена очень вредно: они не могут устоять перед такой *силой*, сосредоточенной *в одних руках*». С этих-то пор постоянным стремлением Запада становится *расчленение Руси*. Достичь этого кажется проще мечом, но когда меч безсилен, пускаются в ход обманы, коварство, и средства *духовного разделения*. Так, сначала Римский папа Александр VI Борджиа (и, вторя ему, короли Венгрии и Чехии) стараются внушить Государю Ивану III, что его война с Литвою за исконно русские земли мешает объединению государей Европы против неверных турок и потому ради *христианского единства перед лицом общего врага*, нужно Москве отказаться от собирания русских земель ... Приём, как мы знаем, не новый! Коварство католиков Иван III разоблачает и отвергает. Однако до времени он не знает о том, что к нему во владенья уже внедрена большая духовная порча.

В 1470 г. из Киева через Литву в Новгород попадает бродячий раввин Схария, каббалист и колдун. Подобных странствующих раввинов, учивших медицине, астрологии, магии, иным оккультным наукам с целью особо старательных учеников совсем отвлечь от Христа, в тогдашней Европе было немало (можно назвать знаменитого Маймонида). Одним из таких был и Схария. Задачу свою он видел в том, чтобы насадить тайное исповедание иудаизма внутри Православной Российской Церкви. В любознательном Новгороде ему удалось привлечь двух попов — Дионисия и Алексия, через любовь к тайнознаниям ставших скоро сознательными предателями христианства и сторонниками иудаизма («жидовства») до такой степени, что они пожелали обрезать. Хитрый Схария, однако, от этого их удержал, ибо обрезание стало бы явной *уликой*. Но вызвал в поддержку себе из Литвы ещё двух жидов — Шмойлу Скрявого и Моисея Хапуша. Все вместе они развернули большую работу. Русских людей соблазняли сперва только мнимой «учённостью», знанием законов движения планет, определения по ним судьбы человеческой, недосказанными сведениями о возможных «чудесах» врачеванья и магии (знахарства) с помощью тайных наук. И лишь тем, кто особо стремился всё глубже и глубже, не желая помнить уже ни о чём, кроме новых «наук», внушалось, что для полного в них *успеха* нужно *отречься от Христа* и принять *иудейскую веру*. При этом внушалось ещё, что ни при каких обстоятельствах, не должны таковые открывать свою перемену веры, но, напротив, стараться во всём показывать особое «Православное благочестие», где нужно ругая ереси и еретиков, «проповедуя» слово Божие, усердно постясь и молясь (на людях, внешне). В своём же кругу, среди «посвящённых» эти несчастные должны были всячески хулить Христа, Его Пречистую Матерь, истину Воскресения Господа, святые иконы, образы Креста и т.д.. Более того, чем страшнее кому удалось похулить всё такое, тем лучше должно было получаться у него колдовство. Так *священник* Дионисий потом в Успенском соборе Кремля за престолом плясал и так глумился над Крестом, что об этом и говорить невозможно. Многих жидам удалось соблазнить. У народа, как и у человека есть в душе своя преисподняя, которая, если её не удерживать, по временам выходит как бы наружу отдельными своими стихиями. Одной из стихий преисподней русской души искони было стремление к языческим гаданиям, ворожбе, ведению (отсюда и — ведьмы) и

магическим знаниям (отсюда — знахарство). Ещё с XIV в., а затем и в XV-м на Руси тайно ходили в переводах с европейских языков «отреченные» (то есть проклятые церковью) или «глубинные» («голубинные») книги: «Аристотелевы врата, или Тайныя Тайных», «Рафли», «Шестокрыл» и другие. Но они с жидовством не связывались. А теперь вот связались именно с ним! Видя успех предприятия, Схария с жидами-сообщниками скрылся. А «свои» пошли действовать сами. Обманувшись мнимым «благочестием» и «учённостью» Дионисия и Алексия сам Иван III взял их в Москву, одного — в Успенский, другого — в Архангельский соборы Кремля. Еретичеством заразился учёный дьяк Фёдор Курицын, особо близкий к Царю и ведавший всеми иностранными делами, а также ряд бояр и невестка Царя — Елена. За 17 лет секта пустила корни в Новгороде, Москве и некоторых иных городах. Еретиком сделался Симоновский архимандрит Зосима, ставший затем *Митрополитом всея Руси*!. Но в 1487 г. ересь случайно была открыта в Новгороде и против неё восстал архиепископ Новгородский Геннадий, в прошлом архимандрит Чудова монастыря. Государь не противился дознанию о ереси. Но расследовать всё до конца было невероятно трудно, так как Ф. Курицын постоянно представлял Ивану III дело так, что те, кто увлекается астрологией, математикой, медициной — отнюдь не еретики, а просто люди, стремящиеся к учёности и что речь идёт о невинном желании угадывать судьбы людей по движению звёзд (астрология). Вскоре в помощь Геннадию Бог воздвиг одного из великих святых — преподобного Иосифа Волоцкого. Он являлся учеником и постриженником знаменитого преподобного Пафнутия Боровского, чудотворца и прозорливца. Игумен Волоколамского монастыря и его основатель Иосиф быстро понял суть секты жидовствующих и ополчился против неё. Он написал 16 писем, разоблачающих ересь, получивших общее название «Просветитель». Первый церковный Собор 1490 г. осудил новгородских еретиков, при этом Митрополит Зосима, сам еретик, вынужден был обличить своих собратьев, но это, как мы видим, было вполне в рамках их правил.

Борьба продолжалась. В 1492 г. исполнилось 7000 лет от сотворения мира, когда по древним *повериям* (не по Священному Писанию и не по учению святых отцов) должно было быть Второе Пришествие Христово. Оно не случилось и это дало новый повод еретикам глумиться над Православием. Иосиф прямо призвал народ и Великого Князя отречься от законно избранного главы Церкви Митрополита Зосимы, как от «скверного отступника». Зосима, чуя опасность, добровольно сошёл с Престола, уйдя в монастырь. Вместо него Митрополитом стал Симон, вполне православный. В 1497 г. умер Ф. Курицын и с ним жидовствующие потеряли большую поддержку. Скоро, в 1499 г. Государь Иван III понял свои ошибки относительно еретиков. Однажды, призвав к себе игумена Иосифа, Царь говорил ему: «Прости меня, отче. Я знал про новгородских еретиков, но думал, что главным занятием их была астрология». Иосиф смутился: «Мне ли тебя прощать?». «Нет, отче, пожалуй, прости меня!» — настоял Государь. Иосиф ответил, что если Царь нынешних еретиков покарает, то и за прежних Бог его простит. В 1503 и 1504 гг. состоялись два церковных Собора. На последнем ересь была полностью раскрыта и осуждена. Наиболее видных жидовствующих казнили (сожгли), остальных от-

правили, кого — в тюрьмы, кого — в монастыри на покаяние. Однако полное искоренение духовного этого зла потребовало ещё немало времени. Широких народных слоёв ересь сия не коснулась, но она привнесла в образованные слои, в какую-то часть русской Души странное свойство **двойничества, оборотничества**, когда под прикрытием и видом благочестия «позволяется» творить безобразное богохульство.

На Соборе 1503 г. возник интересный спор между двумя святыми людьми, — Иосифом Волоцким и Нилом Сорским, учителем «скитского жития» белозёрских заволжских старцев, подвижником поста и молитвы, тоже известным писателем. Последний оказался против того, чтобы монастыри владели землями и крестьянами, то есть против того, чтобы кто-то трудился на нужды монахов, кроме них самих, и вообще против больших церковных имений (богатств). Казалось, с точки зрения **отвлечённых** понятий о монашеском благочестии, что он прав. Источником опыта преп. Нила был Православный Восток, в частности — Афон. Источником опыта своего преп. Иосиф сделал **Русскую** Землю, монастырь преподобного Сергия Радонежского и обители его учеников. Исходя из условий хозяйственной жизни **тогдашней** Русской Земли, по Иосифу, земельные владения и богатства Церкви (монастырей) были **нужны** как для того, чтобы оказывать благодеяния людям, особенно во время голода, повальных болезней и войн, так и для того, чтобы обеспечить должную самостоятельность и свободу Церкви в рамках государства. Преподобный Иосиф смотрел глубже и шире, и слово его победило. Но с тех пор сторонников церковных «стяжаний» (богатств) стали называть «осифлянами», а сторонников Нила Сорского — «нестяжателями», вкладывая в эти понятия смысл, далеко не всегда подходящий тому, что имели в виду два этих подлинных **брата по духу**.

Иван III Васильевич, как уже говорилось, упразднил **уделы** в том отношении, что они перестали быть вотчинами князей, владевших ими наследственно и по всей своей воле. Но земли по-прежнему давались на прокормление тем, **кто служил Государю**. На земли теперь **помещали** не только родовитых князей и бояр, но и служилых помельче, часто без права передачи по наследству, в основном — военных. Считалось, что те, кто владеет землёю, или помещён на неё (помещик) и обязаны её защищать! В связи с переходом князей из-под Литвы к Москве в московском боярстве появились Гедиминовичи, Рюриковичи и связанные с ними родством отпрыски очень знатных семейств. Сие **разделило** боярство на тех, кто им всецело обязан был Государю, за службу, и тех, кто по праву высокого происхождения обладал им. Первых особо поддерживала мудрая София Палеолог, желавшая в полном согласии с мужем того, чтобы Государь Великой Руси был поистине **Самодержцем**, Иван III издал новый Судебник (1497 г.), где было расширено применение смертной казни, введены пытки, как норма права, давно уж и так бывшая, но сохранялся от «Русской Правды» Ярослава Мудрого и **судебный поединок**, в особенно запутанных и спорных случаях. Крестьяне, как и раньше, оставались безусловно **лично свободными** людьми. Право их перехода (отхода) от одного господина к другому ограничивалось неделями до и неделей после Юрьева дня, в случае уплаты долгов бывшему господину. За немилостивое или несправедливое обращение с крестьянами власть имущие строго наказывались.

Всех своих подданных, не только высоких и знатных, но и крестьян Иван III называл всегда «своими детьми» (но никак не холопами!).

При Государе Иване III казней было немного. Но были. Иной раз суровые (отрубление головы, сожжение в железной клетке, отрезание языка, публичная порка невзирая на лица,— иногда даже очень знатных людей. Однако казни эти всегда совершались после дознания, за действительные вины, чаще всего — за измену, шпионаж, или ересь. Не терпели предателей, даже тех, кто Московскому Государю оказывал услуги, изменяя своим господам. Зная его *справедливость* с Государем Московским заодно духовно была вся Земля, которую можно с этих времен называть уже — Царством.

Мало кто знает и помнит теперь о том, что великое княжение Ивана III началось со ... *спасения Гроба Господня и храма над ним!* Султан после частичного разрушения храма сего в Иерусалиме в землетрясении, повелел было снести его и поставить на место этом мечеть. Патриарх Иерусалимский Иоаким умолил его не делать этого, но султан потребовал пять с половиной тысяч итальянских золотых (по тем временам баснословные деньги!). Взять их было нигде, кроме как, может быть, на Руси. И Русь, в лице Митрополита Феодосия и молодого тогда Великого Князя Ивана III, собрала нужную сумму и храм Воскресенья Христова (Гроба Господня) оказался спасен!

Спас за это Господь и всю Русскую Землю! И не только спас, но и благословил особым богатством, процветанием и красотой!

При Иване III бурно пошло строительство новой Москвы. Из деревянной она становилась каменной, а в Кремле — белокаменной. Прежде всего, конечно, попечением Великого Князя решено было построить заново пострадавший в пожаре Успенский собор — Дом Пресвятой Богородицы. В 1471 г. строить стали его два русских мастера Иван Кривцов и Мышкин. При этом при разборке старого здания открылись нетленные чудотворные мощи Святителей митрополитов Петра и Ионы, что привело всю Москву в сильнейшее волнение и вызвало огромный духовный подъём. Но возведенный до сводов в 1474 г. новый собор неожиданно рухнул ... Стали просить псковичей, как и прежде искусных в строительстве. Но те отказались, убоившись великости, святости дела. Тогда послали в Венецию за итальянским строителем, ибо там, в Италии в те времена был великий расцвет искусств и ремёсел, вызванных в значительном мере приходом туда в несметном количестве греков, бежавших от турок после падения Византии. В 1485 г. посол Великого Князя привёз на Москву Родольфо Фиораванти дель Альберти. Он был настолько искусен в строительном деле, в литье пушек, стрельбе из них и в других науках, что ещё у себя на родине получил прозвание «Аристотель» в честь знаменитого древнего грека. Правитель Венеции не хотел отпускать его. Турецкий султан звал его на работу. Но заполучила Москва. Однако, прежде чем дать ему строить Успенский собор, учёного венецианца отправили в г. Владимир изучать Успенский собор и вообще архитектуру храмов древней Владимиро-Суздальской Руси, дабы строить не так, как привык он на Западе, а так, как принято было в Православной Руси! Так он и построил. И освятили новый собор — главный храм Государства Российского 12 августа 1479 г.. Позднее, в 1482 г. его расписали великий создатель икон православных Дионисий с артелью, да

ещё поп Тимофей, Ярец и Кона. Туда поместили честные мощи святых Митрополитов Московских Петра, Феогноста, Киприана, Фотия и Ионы.

Там же была, как всегда, Владимирская икона Матери Божией. В 1485 г. из Италии приехали по приглашению ещё мастера — фрязи (так называли тогда на Руси итальянцев) Пётр-Антоний и Марк, Алевиз Новый. Антоний и Марк фрязины построили новые стены Кремля, стоящие до сих пор (1495 г.). В Кремле было создано несколько новых церквей, в том числе заново сделан Архангельский храм (Алевиз Новый Фрязин). Марк и Пётр воздвигли так же Грановитую палату, отделав её извне по-итальянски гранями, но внутри — по-русски. К тому же она явилась лишь частью палат Государя, которые вместе созидались по старым московским обычаям. Тогда же здесь же в Кремле трудились строители русские (псковские), построив дворцовый Богоявленский храм и митрополичью церковь Положения Риз Пресвятой Богородицы. По-новгородски была сделана малая звонница у храма Иоанна Лествичника и церковь Иоанна Предтечи у Боровицких ворот. Церковь Рождества Богородицы на царских сенях и Благовещенская на старом Ваганькове были сделаны по образу древних русских одноглавых церквей. В ту же пору в Москве и иных городах трудились и немцы, и иные менее знаменитые итальянцы, но все — под придирчивым строгим надзором русских, чтобы делали только по-русски и, не дай Бог (!) не внесли бы чего-нибудь чуждого. Как видим, тогда иноземцам у нас позволяли трудиться и учились у них, но только самим *принимать наук и ремёсел*, не позволяя вносить никаких *идейно-духовных. влияний!* И строго карали за преступления или обман. Так, поплатился свободой Иван Фрязин, монетчик, тот что был главным лицом в деле приезда на Русь Софии Палеолог. Его заточили за то, что хотел посла Венеции провести под видом родственника своего через Русь к хану Ахмату. Лекарь жидовин мистро-Леон поплатился жизнью за то, что не вылечил сына Ивана III Ивана Молодого, как обещал, говоря, что «если не вылечу, можете меня казнить». И казнили. Как сам и сказал. Другого врача немца Антона, уморившего зельем татарского князя, Иван III выдал сыну погибшего, и татары принародно зарезали его на Москве-реке. Иными словами, на Русской Земле пред иностранцами не знали низкопоклонства. Ценили за действительные заслуги, за честный труд и щедро платили. «Аристотель» Фиораванти, к примеру, получал целых десять рублей в месяц (по тем временам, это были огромные деньги!).

Особенной радостью для москвичей, да и для всего государства, стал Кремль с Успенским собором и другими дивными храмами! Он был замыслен и устроен *во образ града Божия, монастыря*. Спасские ворота Кремля поэтому были *«святыми вратами»*. Каждый, кто проходил через них, должен был снимать шапку и молиться. Если какой недотёпа забывался, сам народ тут же ставил его на земные поклоны перед иконой Спасителя, что имелась на башне.

С этой поры появляется мысль, что Москва и Россия — это *«Новый Иерусалим»* средоточие Церкви Вселенской, образ Града Святого, что в Палестине, и в то же время — грядущего Града Небесного (Откр. 21,1-2). Созревает тогда, но ещё не вполне выражается в слове и другое уподобление: «Москва и Россия — *Третий Рим*», эта мысль уже «носится в воздухе». И отнюдь не по гордости русских! Промыслом Божиим так получилось, что с падением Константинополя

в 1453 г. на земле не осталось ни одного Православного Царства, кроме Велико-российского. Значит, оно, волей-неволей, *наследует* то, что духовно и политически представляли собою древние церковные центры Вселенной,— Иерусалим и Константинополь (Рим второй, или новый). Преподобный Иосиф Волоцкий нашёл сему объяснение в том, что ныне Русь «благочестием всех одоле».

И это действительно так! XV век дал истории более 80-ти святых. Кроме уже упомянутых преподобных Пафнутия Боровского, Иосифа Волоцкого, Нила Сорского, просияли в лике угодников Божиих и такие люди, как святители Иона — Митрополит Московский и Иона архиепископ Новгородский, Геннадий Новгородский, впервые давший Руси перевод на церковно-славянский язык полного текста Библии; преподобные Савватий, Зосима и Герман Соловецкие, основавшие духовную твердыню Севера — Соловецкий монастырь; святители Питирим и Герасим Пермские, довершившие просвещение Пермского края; преп. Афанасий Мурманский, Евфросин Псковский, Евфимий Корельский, Елеазар Олонецкий, священномученик пресвитер Исидор Юрьевский и его прихожане, утопленные немцами в проруби за омовенье в воде в день праздника Крещения (Богоявления) Господня в бывшем русском г.Юрьеве, ставшем немецким Дерптом (ныне — Тарту); Христа ради юродивые Иоанн Устюжский, Василий Вологодский с целой гроздью таких же «блаженных» и многие-многие иные досточудные подвижники молитвы, просветительства, монастырского строительства, или церковного учительства и писательства. Всеми ими как обильными источниками Божией благодати напоялась Русская Земля, утверждаясь как Святая Русь *и как Русь Великая!* Было с кого брать примеры, было кому подражать, у кого учиться науке восхождения к Богу.

Государь Царь Иван III Васильевич отошёл ко Господу 27 октября 1505 г.. Митрополит пред кончиной предложил ему, по обычаю, постричься в монашество, но Государь отказался, почитая себя недостойным. Двумя годами раньше скончалась его верный друг и жена благородная София Фоминична Палеолог. Они приняли Московию как удельное княжество, хотя и «Великих», но всё же только — *московских* Князей, а оставили в наследие сыну Василию III-му *Всероссийское Царство* со столицей в Москве, царство, в духовном, церковном и церковно-государственном смысле ставшее Новым Иерусалимом и Третьим Римом!

ВЕЛИКАЯ РУСЬ. ВЕЛИКОРОССИЯ.

В повествовании нашем мы подошли к тому рубежу, когда можно уже говорить об особой *Великорусской народности*, как о вполне сложившейся и по душевному облику и по языку. Что же мы видим в душе, то есть в личности Великороссии? С одной стороны, здесь сверкает Божественным светом полюс великой святости. С другой,— есть своя «преисподняя» (в ней — склонности к ересям, гордости, беззаконию, зверствам, разбоям и грабежам). Но эта сторона так незначительна в общей картине жизни, так подавляется светом, что редко когда дерзает себя проявлять! Особенным, крепким стражем, не дающим свободы злу, *удерживающим* всё и всех стоит Православный Самодер-

жавный Царь, хранящий «грозно», как тогда говорили, Божий закон и законы «градские» (мирские). Мы видели, что в основу правления Землёю полагалась Кормчая книга, где к канонам Церкви прилагались законы древних царей и русских Великих Князей. Таким образом, *гражданское* право *соизмерялось* с правом *церковным*! Последнее было всегда во главе, как бы духовной основой всего остального, это вполне соответствовало общему устремлению жизни русских людей,— к Горнему Миру, к Царству Небесному из чистой любви ко Христу, ибо между полюсом святости и полюсом беззакония лежит очень обширная область, состоящая из людей — не монахов, но и не преступников. Нужно теперь посмотреть, что это были за люди, точнее — каковы их заметные глазом черты? Общим свойством всех была *непривязанность к земному благополучию*. На таковое смотрели просто и весело: есть — хорошо, нет (пропало) — и слава Богу (меньше хлопот)! Сребролюбие, стремление к богатству и славе, или к соревнованию с другими в мирском презирались, как пороки души, ибо всё это — от неверия Богу. Знали по опыту и по книгам, и по примерам живых святых, что Бог даёт человеку (и Родине) земные блага *не по труду*, а только по Своей воле и милости. Труд же имеет двоякий смысл. Каждый может делать то, что он любит, к чему способен, просто потому, что ему нравится то, что он делает. Но, в то же время, делая, человек должен помнить, что находится он перед Богом и пред своим Государем (или господином) и поэтому труд — *как бы продолжение молитвы и служения Богу и людям, священнодействие*. Отсюда — делать, трудиться нужно не ради «гнусных прибытков», а *стремясь угодить* любимому Господу, господину и ближним своим. Потому-то труд должен быть честным, по совести и, если возможно,— с хитрой выдумкой, да с украшением и любовью. Действовать, то есть трудиться нужно лишь потому, что непрестанно действует Бог. А вовсе не для заработка и не для обогащения. В таком восприятии мира сходились вполне, как *Русь удалая* с исконным стремлением её к новым местам и просторам, к походам, так и осёдлая Русь землевладельцев и мастеров. Не дрожать за добро, не бояться его потерять, ничего на земле не желать... Как созвучно всё это тому, чему учит Христос: «не можете служить Богу и Маммоне. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться... Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?.. Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. ... Итак, не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?», или «что пить?», или «во что одеться?» Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всём этом. Ищите прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне ...» (Мф. 6, 24-34).

Вот почему на Руси так любили всегда блаженных юродивых Христа ради и тех, кто всецело предался молитве, то есть тех, кто на деле решился буквально исполнить слова Христовы и к тому же в борьбе против собственной гордости вменил ни во что всякую честь мира сего и своё «положение» в нём, предпочитая

осмеяние и поношение. Вот почему одним из любимых героев русских народных сказок является «Иванушка — дурачок», или «Иван царевич с серым волком», или какой-нибудь Емеля со «щучьим веленьем». Они ничего не делают, или делают всё наоборот, а получают и жар-птицу, и царство, и красавицу царевну в жёны... За что?! Совсем не за безделье, как кажется, а за то, что они добры, безкорыстны и не заботятся о том, чтобы иметь всё то, что как раз и приемлют!

Вот *этого* в русской Душе Запад не мог принять и понять никогда! Его всегда раздражало, что русский Иван, как будто именно дурачок и как будто бездельник, имеет и получает такое, чего ему, Западу, и не снилось!

А безделье-то на Руси не любили, считали грехом, но любили и очень жалели тех, кто не мог заработать по причине увечья, болезней и старались таких всем, чем нужно снабдить. Выходит, что на Руси всегда презирали стремление к трудам *ради вещественно-денежной прибыли* (выгоды)! И оттого не любили жидов и всех почти европейцев, хотя *охотно учились* у них по мере нужды *приёмам* наук и искусств (разным «хитростям», как тогда говорили). В этом, — в вере не только в Бога, но — Богу и слову Его — величие древней Руси. Здесь смыкаются Русь Святая и Русь Великая. Она потому и Великая, что Святая.

Для сравнения посмотрим на Запад в те как раз времена. В XV—XVI столетиях, в Европе происходило «Возрождение» и церковное разложение — Реформация, давшая несколько отсеченных от Церкви ересью ветвей протестантизма. «Возрождение» — чего? Оказывается, языческого культа *наслаждений* как высшего *смысла жизни*. Сие особенно процветало в католической среде. В среде протестантской иначе: при строгости нравов слагался культ *мирского преуспевания и наживы*, как высших ценностей бытия. Проснулась в Европе и страсть к путешествиям и открытиям новых земель, но опять-таки *с целью обогащения*. В одном и том же 1498 г. Колумб открывает Америку, а Васко да Гама — морской путь в Индию. Спору нет, это очень смелые, сильные люди! Но их путешествия — тщательно оснащённые, подготовленные, оплаченные, географически рассчитанные предприятия, и отважные мореплаватели заранее договариваются с королями Испании и Португалии, что они будут иметь, в случае удачи ...

Не так происходит открытие пути в Индию у нашего Афанасия Никитина, побывавшего там задолго до Васко да Гама, в начале 70-х годов XV в.! Здесь всё чисто по-русски... «Грешный Афонасей, Микитин сын», — тверской купец. Не из самых богатых. История не знает о нём ничего, кроме того, что содержится в его записках «Хождение за три моря». Он писал их в пути и, судя по всему, только для узкого круга товарищей, таких же как он, купцов. Писал непосредственно, живо, явно не для властей. Тем и ценно для нас его сочинение: в нём — душа «среднего» во всех отношениях русского человека, и живой разговорный русский язык тех времён. Шёл Афанасий из Твери Волгой в Каспийское море, вовсе не в Индию, а в Дербент торговать вместе с большой дружиной русских «гостей». Под Астраханью и в Дагестане, их дважды ограбили, весь товар пропал. «И мы, заплавав, да разошлись кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошёл на Русь, а кой должен, тот пошёл куды его очи понесли». Афанасий же купил где-то породистого жеребца за «сто рублёв» (это чрезвычайно дорого, в те времена хорошая изба стоила 50 копеек) и решил продать

его в ... Индии, так как услышал, что там лошади ещё дороже, чтобы не с пустыми руками вернуться в Тверь. Так он и оказался *случайно* в «Ындейской земли», ни в одно из мгновений не думая, что совершает «географическое открытие». Первые впечатления были неважными. «... А на Русскую Землю товару нет. А все черные люди, а все злодеи, а жонки все бляди, да веде (ведьмы, колдуны), да тати, да ложь, да зелие (отрава), оспадарев (господ) морят зелием». Однако «ындейския» бляди ему скоро очень понравились. Афанасий точно описал какие из них сколько стоят, и *выяснил*, что каждая — «хороша». В заслугу себе он поставил, что Великим постом всё же не ложился с женщиной. О его поведении быстро прознали власти (Афанасий был слишком заметным). «Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются белому человеку». В Джунхаре и в Бидаре его стали принуждать к мусульманству. Афанасий ссылался на то, что он — чужеземец. Правитель Бидара ответил: «Истинну ты не бесерменин кажешися, а кристьянства не знаешь» (то есть не живёшь и по-христиански). Это был сильный удар. «Аз же во многыя помышления впадох, и рекох в себе: «Горе мне, окаянному, яко от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю, уже камо пойду. Господи Боже Вседержителю, Творець небу и земли, не отврати лица от рабища Твоего, яко в скорби есмь...» Так взмолился Афанасий, и Господь помог ему сохранить христианство. Коня Афанасий продал в Бидаре (а ухаживал за ним год), на вырученные деньги жил в Индии четыре года, «познася (сблизился, подружился) со многыми индеяны». Сообщил в «Хождении» очень много интересного об Индии, но сильно затосковал. О чём? «Аз рабише Афонасей Бога Вышняго... възмыслихся по вере по кристьянской и по крещении Христове, и по говейнех (постах) святых отець устроеных, по заповедех апостольских и устремихся умом поитти на Русь». Об этой тоске по вере, а точнее — по церковной жизни, Афанасий говорит в нескольких местах «Хождения» очень пространно и сильно! Океаном он добрался до Персии, затем по сушу прошёл через Турцию к Черному морю и, уже *в долг*, за один золотой (средств не осталось совсем) добрался до Кафы. Оттуда пошёл на Смоленск, но, не дойдя до него, скончался.

«Хождение» изобилует вставками на тюркском и персидском, особенно, когда речь идёт о нескромных вещах. Афанасий свободно говорил на этих языках, так что владение ими можно считать обычным для русских купцов, это позволяло ему в Индии чувствовать себя почти как в Твери, где приходилось общаться и с татарами, и иной раз с персидскими «гостями» ... Всего в путешествии был он с 1468 г. по 1475 г.. На Западе быстро узнали об этом и приключения Афанасия оценили *наравне* с достижением Васко да Гамы. На Руси тоже отдали должное Тверскому купцу — тетради его записок тут же были направлены самому Великому Князю и не раз потом переписывались. А мы теперь можем судить, каковы были русские люди в XV веке, — не монахи и не разбойники... Посмотрим поглубже.

Афанасий увлекается и соблазняется, за что получает укор иноверца, кается искренне и очень скорбит и тоскует по жизни в православной церковной Руси, особенно часто вспоминая при этом *посты* по средам и пятницам и самый строгий *Великий пост!* Нынче кажется, что душа человека должна бы, напротив, скорбеть во время строгих постов... Но нет, как раз пост, время

сугубой молитвы, сугубого покаяния, особенной чистоты и целомудренной жизни, дорог более всего православной душе. Почему? Потому, что душа православного знает по опыту, что целомудрие, воздержание, чистота в условиях Церкви открывают возможность *живого общения* с Богом, со Христом, с Приснодевой Марией, что доставляет такую духовную радость, какой никогда не могут доставить никакие иные утехи и наслаждения, ибо они, возбуждая страсти, на самом деле погружают душу в унылую тьму. Так-то вот в те времена, когда Запад устремился к наслаждениям и богатствам, Русь, а точнее Великороссия, устремилась к воздержанию и чистоте. Ибо в народностях белорусской и малорусской, тогда же сложившихся, видим большую привязанность к земному благополучию, конечно возникшую под влиянием католической Польши, Литвы (т.е. Запада) и еврейства. Стремления Запада (и «Возрождение» и поздняя «Реформация», и тайное общество «каменщиков») вдохновлялись из глубин сатанинских через различные тайные знания и науки; стремления Руси вдохновлялись учением Духа Святаго через монастыри с их наукой и опытом очищения («трезвения») души и её восхождения к Богу. Русь, Великороссия, становилась светочем, совестью мира, наглядным примером тому, что и в этом греховном и временном мире *можно* жить всем народом, всем миром так, как учит Христос. Неизбежным поэтому стало желание Запада Русь погубить, так же, как погубили Христа... Вопрос заключался лишь в том, успеет ли наша Россия раскрыть в себе всю красоту благодатных небесных даров и представить потомкам Адама отчётливый, ясный образ того, как можно и нужно было бы *всем*, то есть не только отдельным людям, но всему человечеству в целом, достигать во Христе спасения в Царстве Небесном?

Глава 7.

ТРЕТИЙ РИМ

Государю Ивану III наследовал сын его Государь Василий III Иванович (1505—1533). Во многом он был похож на отца. Решающей массе народа было достаточно, что новый Великий Князь продолжает собирание русских земель, наводит в них должный порядок, крепко обороняет Великороссию от внешних врагов и твёрдо стоит в Православии.

Западные недруги наши, узнав о кончине Ивана III в 1505 г. тотчас оживились. Они были убеждены, что в Государстве Московском непременно начнётся смута из-за первого сына Ивана III Димитрия, находившегося под стражей. Надежды врагов связаны были также и с тем, что Казань, бывшая дотоле покорной Москве, взбунтовалась и начала нападать на владения Руси, а стареющий хан Крымской Орды Менгли-Гирей, остававшийся верным союзником Великороссии (даже после подчинения Крыма Турецкому султану в 1475 г.),

начал терять власть над своими же сыновьями, настроенными к русским совсем иначе. Надежды Запада не оправдались. Князя Дмитрия Василий III продолжал держать в заточении, в то же время постоянно являя ему свою милость в виде щедрых даров. За Дмитрия в боярских кругах бороться никто не стал и несчастный князь-узник так в заключении и скончался.

Против Казани Василий III двинул войска. В 1506 г. они были разбиты татарами. Тотчас последовал Государев указ о вторичном исходе. Но и он потерпел большую неудачу; русские снова и сильно были разбиты. Ничтоже сумняся, Василий III стал готовить третий поход на Казань. Тогда Магмет-Аминь, хан Казанских татар понял, что в конечном итоге ему устоять не удастся и в 1507 г. заключил с Москвою мир, по которому ханство Казанское вновь отдавалось «под руку» Москвы.

В 1506 г. умер польско-литовский король Александр и взошёл на престол его брат Сигизмунд. Тотчас он потребовал возвращения земель, взятых Москвой у Литвы. Получил отказ. Война с ним сделалась неизбежной. Сигизмунд стал откровенно подкупать Крымских ханов, ежегодно платя им по 15000 золотых, кроме прочих богатых подарков, с тем, чтобы они с Юга нападали на земли Великороссии. Василий III двинул войска в Смоленские земли. Война шла два года, никому не давая особых успехов, и польский король запросил мира, тем паче, что у него в государстве возникла немалая смута. В ней видное место занял враждующий против короля князь Михаил Глинский. Он боролся за то, чтобы быть ему на своём уделе как бы полностью независимым и в этом имел поддержку у значительной части своевольных Литовских панов. Крещенный в Православии но перешедший в католичество М. Глинский был до мозга костей интриганом и властолюбцем. Он потом вместе с Друцкими и Мстиславскими переметнулся в Москву. Потом вновь завёл тайные сношения с Сигизмундом, желая предаться ему на определённых условиях, был уличён и посажен под стражу. Ему грозила казнь, но он объявил о желании перейти в Православие и так заручился поддержкой и «печалованием» о себе Русской Церкви. Его простили и взяли на службу. Образованный, умный, с большими связями в Западном мире, Михаил Глинский вошёл в доверие к Государю вместе с братом Василием, его дочерью Еленою Глинской и прочей роднёй.

В 1513 г. стало известно, что Сигизмунд готовит поход на русские земли. Василий III в совете с Боярской Думой решил упредить удар и двинулся на Смоленск. Поход был неудачным. В том же году Василий Иванович снова пошёл на Смоленск и вновь потерпел неудачу. В следующем 1514 г. Василий III вновь, в *третий* раз подошёл к Смоленску и после отличной осады взял этот древний исконно русский город. Сигизмунд двинул против русских войска под водительством князя Константина Острожского. Этот выдающийся военачальник был православным. Он тоже изменял и королю, продаваясь Москве, а потом и Москве, убегая вновь к королю. Он под Оршей нанёс страшное поражение русским, взяв все знамена и пушки, перебив великое множество русских, захватив богатейший полон, в том числе 37 князей и более полутора тысяч дворян, этой победой потом очень гордились поляки. Однако победа сия не привела ни к чему. Смоленск оставался владеньем Москвы, а

войска Василия III затем не раз наносили поражения Польско-Литовскому государству. Помирить Польшу с Москвией взялись государи Европы и Римский папа. Доводы их дышали всё тем же коварством: во имя единства христиан в борьбе против турок нужно чтобы Москва отдала Польше Смоленск и другие земли, заключив таким образом мир, а взамен Римский папа обещал дать Василию III королевскую корону. Император Священной Римской Империи Карл V-й уже называл в своих грамотах Василия III «императором» (на что потом в XVIII в. ссылался Пётр I). А Папа, кроме того, предлагал, не меняя церковных обычаев, подчинить Русскую Православную Церковь ему, то есть Католической Церкви. И всё это при том, что в польско-литовских владениях продолжались и усиливались гонения на православных, что вдова короля Александра, дочь Ивана III Елена, так и не пожелавшая стать католичкой, подверглась большим унижениям и была, наконец, просто отравлена.

На всё сие из Москвы отвечали, что чужими землями не владеют, а только *своими*, ибо Смоленск — русский город, говоря и о том, что законной «отчиной» Московских Великих Князей, как прямых потомков древних Великих Князей Киевских, являются также и Киев, и Галиция и Волынь... Отвечали ещё, что всегда стояли и будут стоять за христианство против бусурманства, но в королевской короне не нуждаются, что с папой готовы быть в дружбе, но без всякого подчинения Церкви ему, что Смоленск Польше отдан не будет. В эти как раз времена стал бывать на Руси посол императора Сигизмунд Герберштейн, составивший «записки о московских делах», а также другие послы и путешественники, сообщившие много сведений о Московии тех времён. Кое-как замирились и с Польшей и с Прибалтийскими немцами, но мир, конечно, не стал долговечным. Огромною угрозой явились тогда для Москвы Крымские ханы, особенно после смерти Менгли-Гирея в 1518 г.. Ещё до этого наследник его Махмет-Гирей не раз нападал на Московские земли.

А в 1521 г. он совершил самый страшный набег на Русь, подойдя и под стены Москвы, пограбив ужасно множество наших земель и взяв огромный полон, по некоторым данным, — до 800 тысяч человек. Крымцы тогда живо смекнули, что могут легко торговать своей дружбой и с Москвою и с Польшей. С Польши они уже брали дань (15000 червонцев). Но Москва в дани им решительно отказала, стремясь вместе с тем к мирным отношениям, когда это было возможно. С этой поры Крымское ханство становится настоящим вертепом бандитов, бесконечно продажных и вероломных, нагло вымогающих деньги при каждом удобном случае у всех, — и у временных друзей, и у столь же временных врагов. Пришлось против них устраивать сложную оборону, где важное значение именно в те времена возымело *казачество*.

До сих пор спорят о том, откуда пошло это слово. Внимательный взгляд на множество значений слов «казак», «казать», «казаковать», «казачок», «казанье» и т.п. даёт возможность понять, что оно происходит изначально от глагола «казать» в значении «указывать», «показывать» (путь), «сопровождать», служить проводником, служить в особых передовых разведывательных отрядах (вообще служить) и закрепляется постепенно за двумя видами службы, — службой вольных людей на окраинах земель (государства) и службой отдельных *свободных* людей у отдельных господ. Тюркско-татарское слово «козак», «казак»,

«казах» — это языковое *совпадение*. Казачьи отряды становятся поселениями-станциями, (от древнего слова — стан, становье, остановка) на многих *украинах* (украйнах) Московской Руси. Здесь уместно напомнить нынешним украинским национал-патриотам, что даже в малороссийском наречии слово «украина» всегда означало именно только окраину. Иное дело древнее слово «край». Оно и тогда и теперь имело два основных значения — окончечности чего-либо, и родного края, родной стороны (т.е. родины). Но в этом значении в украинском языке оно и теперь имеет форму «*край*» («ридный край»), а не «украина». В XVI веке были «украины»: Рязанская, Поволжская, Сибирские, даже — Турецкая (!) и другие, и в том числе — Малороссийская. Ядром её стали земли по Днепру, вокруг Канева. Здесь исстари сидели Чёрные Клобуки, — потомки торков, берендеев, печенегов, посаженные ещё князьями Киевской Руси на украины (окрайны) государства для защиты его от кочевников, и часто потом назывались по имени северокавказского племени — черкесами, или *черкасами*. К этим селянам-воителям, имевшим многие льготы и вольности, стали стремиться и многие малороссы — вольные люди, которых тоже называли «черкасами». Сие малороссийское казачество сделалось так знаменито в XVI в., что долго (лет 200) в Московии всех малороссов звали «черкасами» (или «черкасцами»). Первым их атаманом, признанным в Польше и получившим определённые права, был Евстафий Дашкович, православный малоросс, принявший участие в нашествии Махмет-Гирея на русские земли и проливший немало христианской крови. Вольница — опасная вещь, хорошо если она твёрдо стоит в Православии, плохо, если она становится просто разбойной. Тогда же в XVI в. возникает ещё одно средоточие малороссийского казачества — Запорожская Сечь. Так что не только против крымских татар, но и против «своих», по Крещению, малороссийцев устроялось *казачество* Великороссийское на южных границах Московского государства. Возникло оно и на иных Великороссийских украинах. В них устремлялась прежде всего «Русь удалая, о которой мы говорили в начале. Она заложила лучшие нравы казачества, не забытые в нём по сей день!

Василий Иванович продолжал собирание русских земель воедино. При нём вторая половина Рязанского княжества была окончательно взята к Москве. Потерял свою относительную свободу и Псков. Там были раскрыты крамолы и казнокрадство. В 1509 г. мирно, без крови Псков с землями был присоединён к Москве. Вечевой колокол сняли и отвезли в столицу. Много семей псковичей переселили к Москве, а на их место посадили московские семьи. Летописец, скорбя о родном своём городе Пскове, пишет, что «исчезла слава Псковская за самоволие и непокорение друг другу, за злые поклёпы и лихие дела, за кричанья на вечах, не умели своих домов устраивать, а хотели городом управлять». Хорошее обличение демократии! Земли князей Стародубских и Новгород-Северских, владельцы которых перешли от Литвы к Москве, также были взяты к последней как её прямые владения. Пополнился список боярства Москвы. В него уже входили до 150 очень родовитых семей бывших удельных князей, в том числе Рюриковичей и Гедиминовичей, то есть людей великокняжеской крови.

Правящий слой страны разделился. Раньше бояре Московских Князей были всецело преданы Государю, от него получая боярство и милости. Так же смотрели на вещи потомки их, представители старых боярских родов.

Они поддерживали как укрепление самодержавия, так и объединение Русской Земли вокруг Москвы с упразднением бывших уделов. В этом они сходились с решающей массой и большинством народа, вполне одобрявшими то и другое и видевшими в Государе Царя-отца, не столько судью, сколько заступника и даятеля милостей. Государь это знал и любил совещаться с такими боярами, а также с служилыми дьяками, приближёнными по способностям и полной преданности ему. Но не так думали и вели себя бояре из старинных удельных князей. Они почитали себя равными Великому Князю по крови, ничем ему не обязанными, но право имеющими в силу происхождения на участие во всех важнейших делах, на первые места в Государевой Думе, на высшие должности. Усиление самодержавия им не нравилось, потеря своей независимости — тем паче. К тому же рядом был постоянно пример польско-литовских панов, имевших большие «привиллеи» (привилегии) и права у своих королей, и думавших больше об этих своих «привиллеях», чем о службе королю и стране. Древнее право «отхода» давало московским боярам-князьям основание в надежду, в случае необходимости, уходить от Москвы к Литве. С этим Василий III вёл решительную борьбу. Уличив или заподозрив князя в желании «отойти», он брал с него, как мы бы теперь сказали, «подписку о невыезде» и требовал, чтобы за него поручились в огромных деньгах другие бояре. Так за Михаила Глинского поручились трое в 5000 рублей, а за этих троих — ещё 47 человек! Подобная же подписка с порукой была взята и за Василия Васильевича Шуйского (это род нижегородских и суздальских князей — Рюриковичей, выдвинувшийся особо при Василии III).

Но Государь *вынужден* был считаться и с родовитостью новых бояр. Возникла очень сложная иерархия «местничества» (кому после кого занимать *место* по службе, в думе и за столом). Для этого действовал целый Приказ-Разрядный, хранивший бумаги, показывавшие, как исстари распределялись «места» родов князей и бояр. Только таким устройством — «местничеством» и можно было держать порядок в правящем слое Москвы. Хотя именно это устройство часто и сильно мешало. Мало того, что велись постоянные споры родовитых бояр меж собой, и текли к Государю жалобы на «безчестье», если кому-то дали где-нибудь «место» ниже того, кто был менее знатен, трудно было назначить на видную службу человека по его дарованиям, — назначать нужно было по знатности. Только во время войны, в исключительных случаях (не всегда) Государь приказывал «быть без мест». Государь тяготился родовитым боярством. Народ это знал и князей не любил. Василий III говорил, что у Русского народа три врага: «бусурманство», «латинство» и «сильные» (т.е. родовитые) люди своей земли... Для Государя здесь возникал соблазн впасть в крайности деспотизма; для князей — вновь разорвать государство на независимые уделы, или, скорей, сделать Царя послушным орудием власти своей. Так приходило в Великую Русь *великое испытание*.

Преодолеть его можно было лишь верой и верностью Троическому Единству Бога в духе того, что завещано было Русской Земле преподобным Сергием. К чести Василия III нужно сказать, что нередко, преодолевая себя, он способен был *миловать* даже явных изменников в случае их покаяния. К чести многих князей — бояр отнести следует то, что они *ради Бога и пользы Земли*

смиряться, никак не пытаясь противодействовать Государю или влиять на него. Василий III старался править Землёй, по обычаю, в тесном совете с нею, хотя так не всегда удавалось. Однажды в думе родовитый боярин Иван Берсень-Беклемишев дерзко поспорил с Царём по вопросу Смоленска. Василий III не удержался: «Поди прочь, смерд, ты мне не надобен!» — вырвалось у него. Даже в гневе, пусть справедливым, назвать боярина «смердом» — это было чем-то новым, таким, на что обратила внимание история... Берсень-Беклемишев и впрямь был человеком несдержанным, гордым. Он вместе с дьяком Фёдором Жареным в личных беседах поносил и Василия III, и «новые порядки» его, а заодно и «виновницу» их — покойную мать Государя Софию Палеолог. Когда эти речи дознались, Берсеню отрубили голову, а Жареному вырезали язык. Отсюда мы можем понять, почему прежде созыва Думы Василий III обсуждал дела, запершись, сам-третей с двумя *дьяками*. В последние годы это были Шигона Поджогин и Путятин. Они советовали Государю, кого из бояр по какому делу нужно позвать. Окружение Государя тогда составляли почти лишь князья. Только один Михаил Юрьевич Захарьин (Кошкин) занимал второе место в Государевой Думе, не будучи князем, происходя из служилых бояр. Он был особенно близок Василию III и особенно предан ему. Этот Захарьин — *предок Романовых*, запомним его.

В такой непростой обстановке большое значений приобретало влияние Церкви: на чьей она стороне, что одобряет, а что отвергает? В целом Русская Церковь в лице Митрополитов и видных духовных людей держала сторону Государей. Но *всегда* ли, во всём ли нужно было её держать? Личная и домашняя жизнь Василия III складывалась неудачно. Самый старший брат его Юрий мечтал убежать в Литву, так же — и средний Семён; брат Димитрий оказался весьма неспособным военным, самый младший — Андрей никакими способностями не отличался, но за кротость был любим Государем. Как мы помним, сам Государь в 1505 г. выбрал в жёны себе Соломонию Сабурову. Однако она оказалась бесплодной (страдала от этого, старалась лечиться у знахарок, да бесполезно). Государь прожил с ней 20 лет. И ради Наследника решил развестись и жениться вторично. Сетуя на судьбу и бездарность братьев своих (а по закону кто-то из них вполне мог наследовать бездетному Государю), Василий III в 1525 г. предложил своей Думе решить, как поступить. Бояре в большинстве посоветовали — *развод* и ещё один брак. Но некоторые возразили. Возражали и в Церкви, — князь-инок Вассиан (Патрикеев) и прибывший в 1516 г. в Москву преподобный Максим Грек и иные. Но Митрополит Даниил (из монахов Исифо-Волоцкого монастыря, по обычаю слишком преданного Государю) *одобрил* решение о разводе (то есть благословил!). В сущности, повторялся грех Симеона Гордого. Здесь тоже заложено было явное промыслительное *испытание веры*. Василий III должен был всё положить на Божию волю и предпочесть её всем человеческим соображениям. Но он предпочёл человеческое — Божиему. С другой стороны, первым, кто должен был бы твёрдо напомнить Царю о *неприкосновенности Божия закона*, не позволяющего никому при живой жене, без вины любодейства с её стороны, разводиться с нею и жениться вторично, — это, конечно, Митрополит, Глава Церкви. Но он, не в меру угождая Великому Князю, *благословил нарушение закона*. В 1526 г. Василий III, отправив Соломонию в

монастырь, женился на молодой Елене Васильевне Глинской, племяннице вероломного властолюбца Михаила Глинского. Нельзя преступать Слово Божие даже ради самой великой государственной цели. Это самообман, от недостаточной веры. Бог поругаем не бывает! От этого брака в страшную *бурю с грозой* 25 августа 1530 г. ранним утром родился сын — Иван IV Васильевич, будущий *Грозный*, ставший поистине *наказанием* всем и за всё!..

А Соломония Сабурова, ставшая в монашестве Софией, начала подвизаться как следует, как требуют иноческие уставы, и была прославлена в лике преподобных русских святых.

При Василии III увеличилась пышность двора, ещё более отдалявшая Государя от общения с людом. Благоукрашалась Москва, строились новые храмы. В заволжских скитах, основанных Нилом Сорским, добывали ересь жидовствующих, нашедших там милостивое (не по разуму!) прибежище. Проповедал, писал и трудился один из самых видных духовных людей того времени преп. Максим Грек, дважды судимый в Москве по недоразумению (за ошибки в переводах церковных книг) и за противоречия великокняжеской власти в вопросах церковного землевладения (он был против него) и вторичного брака. Решающая масса Великороссийского народа была всецело на стороне Василия III, вообще — Государевой власти. «Царь — батюшка», — это мнение народа становилось всеобщим в те времена. Вера Царю была безграничной, — как Богу! В сложных случаях русские говорили: «То ведает Бог, да Великий Князь». Последнему всё готовы были простить. Так, Василию III простили даже то, что, угождая молодой красивой второй жене, он вдруг начал ... брить бороду! Для Москвы это было невиданным. Но никак не означало «западничества» во взглядах Великого Князя; он был и остался до конца православным. При нём посольскими связями Москва общалась не только со всею Европой и с Турцией, но и с Египтом и Индией.

При Василии III началось полное избавление государства от жидов, изгоняемых за тайную торговлю недозволенными товарами (ядами) и ростовничество. В середине XVI в. им был совершенно *запрещён въезд* в Россию. В то же самые времена от засилья жидов страшно страдал сосед Москвы — Польско-Литовское государство. Там они получили такую свободу, как никто, почитаясь «вольным» народом, не подчиненным местным властям, но напрямую — королю, в их кабалу попадали и холопы и паны, иногда им поручалось собирать налоги с христианского населения. Условимся, что «жидами» мы называем их не ругательно и не имеем в виду одну только национальную принадлежность (евреев). Слово «жид» в некоторых европейских языках, в том числе в польском — это прежде всего иудей, исповедующий иудаизм как религию, а также — обозначение *образа жизни*. Вот как в то время о них говорил польский католик Литвин Михалон: «Народ вероломный, хитрый, вредный, который... на всех рынках отнимает у христиан средства к жизни, не знает другого искусства, кроме обмана и клеветы». Примерно тогда же поляк Кленович писал, что жид делает в народе то же, «что делает волк, попавший в полную овчарню. Посредством долгов к нему попадают в заклад целые города. ... Червь медленно точит дерево... от моли погибают ткани, от ржавчины железо. Так производящий жид снедает частное имущество, истощает общественное бо-

гатство. Поздно брались за ум разорённые государи, и начинало стень государство, ... оно повержено долу, как тело, лишённое крови; нет более сил и жизненных соков» ... В те времена Великая Русь не дала так себя обезкровить. Здесь в назиданье себе скажем, что речь идёт не о всем еврейском народе. У них есть своя «знать» и свои «низы» (это люди, не способные преуспевать!). Таких верхи подставляют всегда под удары, чтобы потом вопить на весь мир о «погромах» несчастных евреев. Хитрость шита белыми нитками. И давно уже разгадана! Ан-нет! Всё убогий раввин будет твердить о гонимости *всех* евреев. Русские люди, как тогда, так и теперь, знают, что в Церкви «нет Иудея, ни Еллина» ... однако только в том случае, когда иудей (т.е. «жид») принял *сердцем* Православную Веру и, перестав быть жидом, стал нашим *братом* по духу, в Господе! Узнать такового среди лицемеров-притворщиков было и есть очень трудно. Но можно! Искренне принявшие христианство евреи в русских делах и в церковных всегда совершенно безмолвны, смиренны, просто молятся и молчат.

Василий III имел попечение о здоровье народа, велась успешно борьба против пьянства. Спиртное разрешалось изготавливать только государству. Армия была послушна, подвижна, могла довольствоваться самым малым и отличалась терпением и храбростью. Не так было на Западе, где к тому же началась Реформация, появился протестантизм — одна из новых разновидностей древней иконоборческой ереси. Учения Лютера, Кальвина, Цвингли, быстро проникли в Прибалтику, в Скандинавию, в Польшу, в Литву. Отголоски их появились и у нас, но быстро умолкли! Достоинство Государя Василия III называли Царём и даже, как помним мы, — Императором. Сам он, правда, предпочитал называть себя только «Великим Князем». Не случайно тогда при таком-то расцвете Московии и самодержавия в ней, наконец, нашло выражение в словах то, что давно уж «носилось в воздухе».

Так вышло, что в те времена подружились два весьма образованных человека. Один — старец, монах Трёхсвятительского Елеазарова монастыря близ Пскова именем Филофей, другой — дьяк Государев, служивший во Пскове и начавший строительство славного Псковско-Печерского монастыря на свои кровные средства, Михаил Григорьевич Мунехин или Мисюрь (это кличка, данная ему за то, что бывал он послом в Египте; «мисюрь» — египтянин). Ставший потом известным церковным писателем Филофей, написал Мисюрю Мунехину: «Да веси (ведай, знай) христороубче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася (сошлись, соединились) во едино Царство нашего Государя. По пророческим книгам то есть *Росейское Царство: два убо Рима падоша, а третий* стоит, а четвертому не быти».

С той поры мысль: Москва и Россия — Третий Рим начинает во многом определять умственное развитие и настроение нашего общества. Заметим, во-первых, что мысль эта вышла из *церковной* среды, и что, во-вторых, она относится *не к мирскому* могуществу Царства, а к его Христианству, то есть к его *Православию и благочестию*. Филофей сразу же говорит не о Москве как о городе, а о всём «Российском Царстве». Оно — Третий Рим не потому, что сильно во внешних делах, что взяло себе герб Византии (Рима второго), что вместе с этим взяло себе пышность и властность её, а потому, что оно теперь единственное

Православное (т.е. Христианское) Царство, оплот *правды Божией* в целом мире! Таковым и *должно* оставаться. Эти мысли были поддержаны единодушно всем народом Великороссии, всем его образованным обществом, кроме некоторых недовольных родовитых князей — бояр, было же их меньшинство.

Государь Василий III Иванович умирал очень медленно от какой-то зловонной гнойной болячки, успев подготовиться к христианской кончине. Всё царство он завещал единственному сыну, понудив и братьев и бояр обещаться верно служить ему. Перед самой кончиной Василий III, по его настоятельным просьбам, постригли в монашество. Слабевшей его руке помогал совершать последние крестные знамения боярин Михаил Юрьевич Захарьин (Кошкин). Государь отошёл ко Господу в полночь на 4 декабря 1533 г.. Впереди было новое царство сына его...

Глава 8

ВЕЛИКОЕ ИСКУШЕНИЕ

Великому Князю Ивану IV было всего лишь три года, когда он наследовал отчий Престол Великороссийской державы. У него был младший брат Юрий, второй сын Василия III и Елены. Самостоятельно править Иван Васильевич долгое время не мог. Поначалу правила всем его мать Елена Васильевна Глинская, воспитанная в нравах католического польско-литовского панства. Но правила не одна, а в совете с теми боярами, кто был ей предан. Бояре, особенно — знатные, из бывших удельных князей, тотчас оживились и стали бороться за первенство при Дворе (что одно лишь могло отныне насытить их гордость). Начались брожения, козни и как следствие их — опалы, расправы. Исключительно козни бояр привели к тому, что братья Ивана III, родные дяди малолетнего Великого Князя, Юрий и Андрей подверглись немилости, из-за которой Андрей даже попытался с войсками своими восстать против Елены, но обманом был успокоен, а затем *без суда* заточен, как и брат его Юрий Иванович. Они разделили судьбу тогда ещё жившего князя-узника Димитрия, внука Ивана III, впервые венчанного на Царство. Он безвинно провёл в заключении 49 лет, так в нём и скончавшись. У Андрея остался сын Владимир, двоюродный брат Ивана IV, имевший уделом г. Старицу с землями, и известный как князь Владимир Андреевич Старицкий. В то время казни он избежал. Получил, как говорится «своё» и князь Михаил Глинский, дядя Елены, которому она обязана была тем, что стала женой Государя Василия III и Государыней. Овдовев в 1533 г., Елена вступила в незаконную связь с князем Иваном Овчиной — Телепнёвым Оболенским. Дядя стал упрекать её в этом, поскольку в глазах московского общества это было невиданным и недопустимым, то есть упорно мешать любовникам, это решило его судьбу; он был заточен и заморен голодом так же, как князья Юрий и Андрей.

Пострадали тогда и другие. Князь Семён Бельский бежал сначала в Литву, потом к Крымскому хану, став сущим врагом и злодеем для всей Русской Зем-

ли. За блудодеяние Елену и Телепнёва народ невзлюбил. Напрасно старались они вводить полезные установления, напрасно умный и смелый Иван Телепнёв успешно сражался с Литвой, напрасно любил от души малолетнего Государя. Никакие успехи во внешних делах и несомненная одарённость этих правителей не могли «покрыть» их греха. В 1538 г. здоровая, красивая, умная Елена внезапно скончалась. С.Герберштейн утвердительно пишет, что её отравили. Сразу после сего на глазах страшно испуганного Ивана IV бояре схватили няньку его Агриппину, сестру Телепнёва, самого Телепнёва и, заточив, уморили последнего голодом, *без суда*. Особую силу взяли князья Шуйские — Василий, Иван, Андрей, их сродники Скопины. Наместники Шуйских в иных областях России вели себя плохо, обижали и обирали народ. При Дворе Шуйские держали себя очень грубо и скверно. С одной стороны, они постоянно *хамил*: в покоях Великого Князя, когда он стоял, могли сидеть развалясь, даже клали ноги на кресла его, тащили к себе дорогую посуду, меха, плохо кормили и одевали его. А с другой стороны, старались привить Государю самые низкие страсти сластолюбия, зверства и гордости, надеясь, быть может, что *таким* Государем им легко будет потом управлять и что он будет помнить о потехах, которые бояре ему доставляли, и не помнить об унижениях с их стороны. Но, развращённый боярами, Царь помнил потом, напротив, как раз унижения и забывал о «потехах». Потехи же состояли, в частности, в охотах, в живоёрстве, мучительстве домашних животных, а также, к примеру, в том, чтобы врезаться на конях или на ишаках с разгону в самую гущу толпы на Москве и в иных городах. Молодой Государь смеялся, видя, как падают люди, и слыша, как стонут они от ушибов и тяжёлых ранений. Тешились с ним и бояре, хваля Государя за «смелость»... Великокняжеский дом наполнился скоморохами. Были при Иване IV, конечно, и иные бояре. Так, оттеснив Шуйских, первенство захватил на время Иван Бельский, гораздо более благородный и к Государю и к народу и даже к личным врагам. Это его и сгубило. Оставшись в живых и даже при деле, Шуйские устроили заговор и погубили Бельских. Потом их начал сильно теснить князь — боярин Феодор Воронцов, любивший Ивана IV и любимый им. Но и его свергли, схватив прямо в Думе, на глазах вновь перепуганного Государя. Ни слёзы его, ни мольбы, ни увещанья Митрополита не привели ни к чему. Воронцов был вытаскен из дворца и отправлен в заточение в Кострому, без суда. Бояре (главным образом Шуйские) сместили без всякого Собора сперва Митрополита Даниила, знакомого нам (который поплатился вполне за угождение Василию III в незаконном его второбрачии), затем — избранного на его место Митрополита Иоасафа, ставшего на сторону Бельских (смещали тоже с великим шумом и страхом) и призвали на Митрополию Новгородского архиепископа Макария, который, наконец, сел надолго. Но Великий Князь подрастал! И в душе его вмещались попеременно и одновременно и безумство и живоёрство, и христианская вера, воспринятая не столько от воспитателей, сколько от всеобщей обстановки тех времён, от всенародного настроения, сознания, духа. К тому же был он весьма одарённым, пристрастился к чтению книг. В 1541 г. совсем ещё отрок Иван Васильевич просто потряс всю Москву слёзным громким молением пред иконой Владимирской в связи с большим нашествием крымского хана Саип-Гирея. Потряс он и войско, пошедшее на Оку против хана, своей

грамотой, призывавшей воинов постоять за Святую веру и Родину. Воеводы так умилились, что прослезились, решили забыть все свои распри и счёты, обнялись, примирились, громко прочли грамоту всем войскам.

И беда миновала! Устрашенный множеством русских гордый Саип-Гирей без боя, до наступленья рассвета бежал восвояси.

И вот Государю исполнилось 13 лет. В 1543 г. он неожиданно созвал боярскую Думу, объявил многие вины Шуйских и сказал, что казнит только самого виновного — князя Андрея. Его тут же схватили и отдали в руки царским псарям, которые, мучив, зверски убили его прямо на улице, это всё — тоже *без всякого следствия и суда*. Верх при Дворе взяли Глинские. Расправы и казни пошли чередой. Так однажды во время охоты к Государю Ивану подошли с каким-то прошением воины-новгородцы. Государь слушать не стал, но велел своей страже новгородцев прогнать. Началась перестрелка. Молодой Государь повелел узнать, кто научил новгородцев так действовать. Ему нашептали, что сделано это князьями Кубенским и Воронцовыми, хотя это был сущий навет из личной вражды к ним Глинских; Воронцовы и Кубенский были совсем не причём! Однако ни минуты не думая, не пытаясь дознаться, Великий Князь приказал *всех казнить*, без суда! И казнили. Так погиб недавний его же любимец князь Фёдор Воронцов. В иной раз пришедших к нему с жалобой псковичей Иван IV встретил криком и руганью, лил им на головы горящее вино, жёг бороды, приказал всех раздеть донага, собираясь замучить. Но тут пришла весть о внезапном падении большого колокола в Кремле и Государь, бросив жертвы свои, удалился.

Такого, как видим, на Руси никогда не бывало! Общество как бы замерло в страхе и ожидании.

Меж тем в 1547 г. произошло несколько очень важных событий. Достигший 17-ти лет Государь решил венчаться на Царство и жениться. Решал не один; в совете с Митрополитом Макарием. Сей Великороссийский Святитель отличался выдающейся образованностью. Он составил Великие Четьи Миней в 12-ти томах, то есть сборник житий святых по месяцам на все дни года (огромный труд!), Степенную книгу, то есть историю, по степеням, правления всех Русских Государей, начатую ещё Св. Митрополитом Киприаном в XIV в., а также Титулярник (своего рода историю в картинах), начал собирание (свод воедино) русских летописей и житий русских святых. Будучи человеком добрым, обходительным, мягким Макарий оказывал очень благотворное воздействие на трудную душу Государя. После долгой беседы с ним Иван Васильевич объявил боярам свои новые намерения. 16 января 1547 г. совершилось его Венчание на Царство. Оно проходило очень торжественно. Уподобить это событие можно лишь Венчанию внука Ивана III Дмитрия. Но тогда знаки царской власти одевал на Дмитрия сам Иван III, а теперь то же делал Митрополит Макарий. В Успенском соборе на особо построенном помосте стояли два кресла — Царя и Главы Русской Церкви. С молитвой о том, чтобы Господь «сего Христианского Давида силой Святаго Духа посадил на престол добродетели и даровал ему ужас на строптивых и милостивое око на послушных». Митрополит одел на Ивана IV крест, бармы и шапку Мономаха. Не было тогда ещё ни чина Миропомазания, ни Причащения Царя. Но

возглащён был титул — «Царь и Великий Князь», с той поры уже **обязательный** для всех Государей Российских. Как мы знаем, именование Царь в отношении Русских Великих Князей было не новым. Однако теперь, в середине XVI столетия, оно обрело значение особое, как бы новую силу.

Патриарх Цареградский Иоасаф в 1561 г. соборной грамотой утвердил этот титул за Самодержцем Российским, вспоминая, что, согласно греческим летописям, он является потомком «незабвенной царицы (на самом деле — Царевны, Принцессы) Анны», выданной замуж за Св. Князя Владимира, которого будто бы тоже тогда венчали на Царство. Мощь Московской Руси была уже такова, что царский титул Ивана IV признали и в Западных странах (какое-то время противились только поляки), и на Востоке. Наши же русские летописцы в связи с этим почему-то вспомнили... **Апокалипсис**: «... и восхоте (Государь) Царство устроити на Москве, и якоже написано в Апокалипсисе: пять бо царей минуло, а шестый есть, но (седьмой) не убо бе пришел». Может быть, книжникам нашим казалось, что это созвучно сравнению с Третьим Римом, каковое тогда было уже широко известно? Однако нечто зловещее, поистине грозное было в этой ссылке на Откровение Иоанна Богослова, повествующее в данном месте об антихристе и конце времён...

В том же году Иван Васильевич женился. Были устроены смотрины девиц всех боярских родов. Он выбрал себе, как и его отец, девушку не из княжеского рода, а из рода служилых бояр — Анастасию Романовну Захарьину (Юрьеву). Род этот мы уже знаем. Его основателем считается Андрей Кобыла, пришедший в XIV в. из Пруссии, и сын его Фёдор Кошка. В те времена нередко имена или прозвища дедов давались как фамилии внукам, посему мы встречаем представителей этого рода то под именем Кошкиных, то Захарьиных, то Юрьевых, то, наконец, — Романовых. Анастасия (да будет ей Царство Небесное!) оказалась натурой исключительно православной, целомудренной, доброй, глубокой и умной. Влияние её на Царя, как и влияние Митрополита, было самым хорошим, хотя и сказалось не сразу.

В том же 1547 г. случилось ужасное. Страшным пожаром была уничтожена почти вся Москва! Деревянная наша столица подвергалась пожарам нередко. Но страдали от них всегда лишь какие-то отдельные части великого града. А такого пожара, какой случился в этот раз, москвичи и не помнили и не знали. Огонь бушевал в апреле, мае, июне, пожирая то один конец города, то другой, не пощадил и Кремля с его святыми соборами. «Железо яко олово разливашеся, и медь яко вода растаяваше», — говорят летописцы. А по словам англичан, Москва в XVI в. превосходила тогда самый большой город Лондон; было в ней 40 тысяч дворов и 75 вёрст по округе.

Бедствием этим воспользовались бояре — противники Глинских, научив кого-то из черни кричать, что пожар случился по колдовству Анны Глинской, бабушки Государя. Толпа кинулась на дядю Царя Юрия Глинского, и убили его прямо в Успенском соборе, затем разнесли имущества Глинских, умертвив множество их ни в чём не повинных слуг. В это ужасное время от страха трепещущий Царь (а был он весьма малодушным, что не редкость для жестоких натур) находился на Воробьёвых горах. Сюда к нему явилась толпа, требуя выдать им Анну и иных Глинских. Наиболее сильных крикунов из толпы велено было

схватить и казнить, остальные бежали. Мятеж прекратился. Но Глинские власть потеряли. Вдруг к Царю неизвестно откуда явился простой священник из Новгорода Сильвестр и в духе пророка стал обличать Государя за легкомыслие и злострастие, напомнил ему из Писания заповеди царям, грозил страшными видениями и Божиим судом, призывал блюсти Божии Законы и быть справедливым и милосердным, и тем совершенно потряс душу Ивана IV! Он заплакал в раскаянии, просил Сильвестра дать ему силы исправиться и не отпустил от себя. С этой минуты Царь резко переменился! Конечно, сказалось теперь и воздействие доброй жены и Митрополита Макария и ещё одного человека, незнатного, но одарённого — Алексея Адашева, бывшего другом Царя.

В 1550 или 1549 г. Царь приказал созвать на Москву представителей всех земель Великороссии. По существу, это был первый Земский Собор. К нему Государь обратился с речью, в которой, возложив всю вину за беззаконие в государстве *на бояр*, сказал: «Забудьте чего уже нет и не будет! Оставьте ненависть и вражду. Соединимся все любовью христианской. Отныне я судия ваш и защитник». Алексею Адашеву он повелел принимать челобитья от бедных, сирот и обиженных и рассуждать по ним справедливо, не взирая на лица. Отныне вместе они — Царь, Сильвестр и Адашев стали решать все важнейшие дела твёрдо, но справедливо и с милостью, ввели много ценных усовершенствований, обдумывали замыслы о покорении Сибири, о выходах к Чёрному морю и Балтике, о переносе столицы в Нижний Новгород, как город более «серединный» для разросшейся Русской Земли...

В 1550 г. был составлен новый царский Судебник. В 1551 г. созван Поместный Церковный Собор, где разбирались вопросы, предложенные особой Запиской самим Государем, желавшим исправления жизни церковной в разных её сторонах. Постановления Собора составили 100 глав, от чего и Собор получил название Стоглавого (или Стоглава).

Судебник был представлен как на Земский Собор, так и на Церковный. Он значительно расширял права местного самоуправления, ограничивал власть царских бояр, имевших за своё управление землями «кормление» с этих земель, что часто вело к обиранию люда. Вскоре обычай кормления и вовсе был отменён. Наместники Государя стали получать жалование, или поместья, а все текущие дела, в том числе и судебные решались «губными» (губа — область, край) начальниками, *выбравшимися* народом. Стоглавый Собор решил много дел, укрепляющих нравственность общества, прежде всего духовенства, его обучение, постановил писать святые иконы только людям доброй и трезвенной жизни и непременно имеющим для этого Божий дар, при этом писать согласно древним образчикам (то есть канонично), в частности — так, как писал икону Троицы преподобный Андрей Рублёв. Собор также постановил креститься двумя перстами, так как на Руси не было в этом единства (где-то крестились двумя, а где-то тремя). Важным постановлением Стоглава, по предложению Царя, явилась защита одиноких, убогих, больных, престарелых. Велено было по всем городам переписать таковых и везде устроить для них богадельни, где бы они за счёт государства имели уход, одежду и пищу, а средства на это собирать особым налогом с народа («с сохи»). В этом последнем решении не согласились с Царём и с Собором старцы Троице-Сергиевой Лавры во главе с находившимся

там свергнутым Митрополитом Иоасафом. Они заявили, что средства для бедных больных и убогих должны поступать не «с сохи» (не с народа), а исключительно с Церкви, с архиерейских и монастырских имений. Так и стало!

В те времена получил известность образованный человек Иван Пересветов, учившийся и живший в Литве, Польше, Чехии, Венгрии. Он предложил ряд полезных мыслей о переустройстве войска по европейскому образцу, то есть, чтобы было оно постоянным (регулярным) а не сборным от случая к случаю, чтобы не было в войске местничества, но начальство давалось людям только по их способностям, чтобы против Крыма ограничиться лишь обороной, но Казань непременно взять в полное подчинение Москве. Пересветов писал также и о царской власти. Мысли его сводились к тому, что власть Царя — в нём самом (чрезвычайно опасная крайность!).

Все эти мысли обсуждались в «избранной раде», как назвал князь Андрей Курбский кружок близких к Царю людей, прежде всего — о. Сильвестра и Алексея Адашева.

Местничество в войсках было значительно сужено, но полностью не отменено. Были созданы первые в России полки постоянных воинов — стрельцов (стрелцкое войско), принята и стратегия в отношении Крыма и Казани. Но Царю также особо пришлась по душе и мысль Пересветова о сущности царской власти ...

В 50-х годах обнаружилась ересь Матвея Башкина и Феодосия Косого, да ещё некоего Игнатия и их последователей. Все они сходились в отрицании таинств, почитания икон, необходимости Исповеди, да и вообще — всей Церкви! Но Башкин вдохновлялся протестантизмом, просочившимся к нам из Польши, а Косой был жидовствующим, нашедшим у заволжских (Белозерских) старцев в скитах себе приют. Эта ересь была быстро осуждена и разгромлена. Еретикам удалось бежать в Польско-Литовское государство, где их с удовольствием слушали.

В это же время всё более входит в употребление слово «Россия», вытесняя собой постепенно древнее имя «Русь». Но знаменательно, как отмечают теперь, что вместе с тем при Иване IV предпочитали понятие *Московского* Царства, *Московии*. И нередко сравнение о Риме относили к *Москве*. Положение старался исправить преподобный Максим Грек, очень много писавший о разных предметах (о чём речь ещё будет у нас впереди). Он напомнил, что «Третий Рим» — не Москва, а *Россия*, как страна, предназначение которой стать всемирным Православным Царством, то есть *для всех*, а не только *в себе* (для себя)! По существу таковым Третьим Римом Россия, точнее — Великороссия, являлась уже давно, уже целых сто лет. Но теперь в сознании общества старались это верно осмыслить и правильно выразить, чтобы в будущем как бы «не сбиться с пути».

Запрещён был тогда, как уже говорилось, въезд в Россию евреям. За них вступился польский король Сигизмунд II-й Август, писавший Ивану IV, что «докупают нам подданные наши, жидаы», жалобами, что прекратилась их торговля в России. Иван IV ответил, что за их безобразия, и впредь им быть на Русской Земле не позволено.

Казалось, Великороссия пошла к всестороннему процветанию!.. И действительно. Промыслом Божиим многих успехов достигли тогда как в делах внутренних, так и во внешних. В 1552 г. пришла пора разрешить очень давние

споры с Казанью и Астраханью. Эти два ханства доставляли Москве большие тревоги и беды. Особенно ханство Казанское. Оно временами отдавалось под руку Москвы, а затем становилось на сторону Крыма, потом снова — к Москве, снова — к Крыму... Там, в Казани, боролись две части вельмож, одна — за союз с Москвою, другая — за сторону Крыма. Нередко Казанские ханы из-за этой борьбы убегали на Русь и здесь принимались на службу с полным доверием. Одним из таких был, например, Шиг-Алей (Шейх Али). Он иногда изменял Москве, потом каялся и получал прощение. Ему дан был в «кормление» русский город Касимов в Рязанской земле, где хан жил со множеством соплеменников, по вере своей и обычаям, участвуя в русских делах. Казань, наипаче тогда, когда принимала к себе крымских Гиреев, начинала зверствовать страшно в землях Великороссии. Иные отряды татар постоянно бродили по Нижегородским, Владимирским, Московским пределам, грабили, жгли, уводили немалый полон. Тех, кого не могли увести, или убивали, или калечили (выкалывали глаза, отрезали носы и уши). Терпеть такие безчинства в собственных землях Россия теперь, конечно, уже не могла. В 1549 г. Иван IV предпринял два неудачных похода против Казани, но сумел в двадцати верстах от неё заложить крепость Свияжск (подобно тому, как отец его Василий III устроил в устье Суры город Васильсурск). Она стала местом сбора оружия, войск и припасов.

В 1551 г. удалось посадить на Казанское ханство (в который раз!) Шиг-Алея. При этом Алексей Адашев вывел оттуда 60 тысяч (!) русских пленных. Затем князь Василий Серебряный вывез в Москву малолетнего хана Утемиш Гирея с молодою его матерью — красавицей Суюнбекой, вдовою хана Сафар-Гирея, враждебного нам. Но Шиг-Алей продержался недолго. Теснимый противниками — заговорщиками, он запросился назад, в Касимов, предложив Царю самому взять власть над Казанью. Потом этот хан во главе татарского войска (которое преданно и давно служило Москве, участвуя, в частности, в войнах против своих же казанцев) отличился в боях против Литвы и ливонцев. В жёны ему, по воле Царя, дана была Суюнбека. Царь Московский решил сам возглавить большой поход на Казань. Узнав об этом, Турецкий Султан Сулейман II-й Великолепный стал побуждать Крымского хана Девлет-Гирея помочь Казани, ударив в Московию с юга, и дал ему пушки, иное оружие, деньги и большой отряд янычар.

Летом 1552 г. начало собираться великое русское войско, общим числом свыше 150 тысяч бойцов. Быстрым броском Девлет-Гирей из Крыма явился под Тулой. 22 июня он целый день бил из пушек по городу, где возникли пожары. Туляки имели ничтожное количество сил, но стойко оборонялись под началом смелого князя Григория Тёмкина. Увидев, что к ним на помощь идёт из Коломны немалое царское войско, туляки открыли ворота и бросились в вылазку. Устремились на крымцев не только воины, но даже тульские женщины и дети! И Девлет-Гирей побежал... Его арьергард догнали, разбили и захватили огромный полон, в том числе — янычар Сулеймана, много пушек, верблюдов и много добра. После этого двинулись все на Казань и в августе обложили её. Многие в городе были готовы сдаться. Но трое казанских вельмож смогли напугать население тем, что будто бы всех жителей поголовно хотят уничтожить. Казань начала сопротивляться упорно, отчаянно, долго, что называется, до пос-

ледного. Осада была непростой, затянулась до поздней осени. Лишь на праздник Покрова Пресвятой Богородицы (1/14 октября) наступил решительный перелом в пользу русских. Отличились в боях воинской доблестью и верностью Государю многие наши военачальники, в том числе — князь Владимир Андреевич Старицкий (двоюродный брат Царя), князя Иван Федорович Мстиславский, Михаил Иванович Воротынский, Андрей и Роман Курбские, Александр Горбатый-Шуйский, Пётр Щенятев, Семён Ряполовский, Иван Шереметьев, Иван Воротынский, Василий и Пётр Серебряные, Михаил Васильевич Глинский (племянник умершего Михаила), Иван Турунтай-Пронский, окольный Алексей Адашев, дьяк Выродков и многие-многие другие. Всё от начала совершалось с благословения Церкви в лице Митрополита Макария, при горячей молитве Царя и всех воинов ко Христу, Богородице и святым, особенно — благоверному князю Александру Невскому, преподобному Сергию Радонежскому, во имя которого был и походный наш храм в палатке (шатре). В тяжкий период сентябрьских дождей из Москвы был доставлен Крест с частью подлинного животворящего древа Креста Иисуса Христа и по молитве пред ним дожди прекратились. В самый решающий час приступа, когда войскам особенно нужно было лично видеть Царя, он, несмотря на призывы, продолжал стоять за обедней, молиться, пока не кончилась литургия, и только тогда поскакал к своим войскам.

Так, по вере Царя и людей, Господь даровал победу, которую можно сравнить лишь с Куликовской, и которая так хорошо и подробно описана, что нет нужды описания здесь повторять. Казань окончательно пала 2/15 октября 1552 г.. В плен был взят храбрый хан её Едигер, поселённый с почётом в Москве, а затем по его *добровольному* желанию крещёный в Православную веру с именем Симеон. Тогда же, наконец, покорилась Москве воинственная Горная Черемиса (Марийцы), доселе то подчинявшаяся Руси, то изменявшая ей.

Москва с ликованием встречала Царя-победителя и славное войско его. Тут же обрадован был Государь вестью о рождении ему сына — первенца, названного Димитрием. В приветственной речи Митрополит Макарий сравнил его подвиг с победами Константина Великого, Александра Невского и Димитрия Донского (что и впрямь было так!). Иван Васильевич в пространным слове со смирением сказал, что относит успех милости Божией и молитвам Церкви (что тоже было действительно так!). В память великой Казанской победы в Москве был заложен храм. Место ему, общий план и названия приделов устанавливал сам Государь. Начали строить его русские наши умельцы Барма и Постник, который потом в 1555 г. возводил новые стены Казани. Главными приделами в храме были срединный — Покровский и восточный — Троицкий, почему эта церковь называлась то Покровской, то Троицкой. Но в ней затем был погребён знаменитый и любимый Иваном IV московский святой Христа ради юродивый Василий, и дивный храм, украсивший Красную площадь, Москву, да, пожалуй, и всю Россию, получил в народе название собора Василия Блаженного. Постник и Барма во многом поправили мысли Царя; в плане собор сделан был в виде восьмиконечной звезды — это знамение века «космого», то есть Царства Небесного. Был в Покровском-Троицком храме и придел в честь Входа Господня в Иерусалим, что имеет значенье *прообраза* входа верных в Новый

Иерусалим Царства Небесного. Именно так, как *образ* грядущей всеобщей Пасхи в Царстве Небесном, был воспринят храм москвичами и всеми русскими. Замечательно то, что церкви-приделы его так малы, что могут вместить ничтожную кучку молящихся. Это значит, что *изначала* он был замыслен не столько как место молитвы, сколько — как предмет молитвы, как святой алтарь, к которому обращён взор молящихся. В этом случае собственно храмом являлась Красная площадь (храм под открытым небом!), а Василий Блаженный стал как бы иконой «Дома Отца» Небесного, где для верных, по слову Христа, «*обителей много*» (Ин. 14,2). Многоглавый, многопридельный, устремлённый *восьмигранным* шатром к небесам, он воистину явно и зримо свидетельствовал о Царстве Небесном, как конечной цели всех православных, для достижения которой и создается царство земное! Потом укрепится обычай в Вербное Воскресенье, то есть в праздник Входа Христа в Иерусалим, совершать великолепные крестные ходы из Кремля через Спасские ворота в храм Покрова и обратно с украшенным вербным деревом. На белокаменном «лобном месте» (каковое не было местом казней, но строилось для молебнов и обращения Царя, Святителей и бояр к народу) служился молебен и благословлялся народ, как с амвона... То есть «лобное место» перед Покровским собором для Красной площади стало тем же, чем служит *амвон* перед алтарём в любом православном храме... После покорения Казани, ещё лет пять-семь в этой земле продолжались стычки и нестроения, пока всё не утихло. Для духовного освоения новой земли была в ней учреждена епархия и первым архиепископом здесь стал святой Гурий Казанский, прибывший с помощниками (в последствие — тоже архиереями) Германом и Варсонофием. Им дан был строгий наказ *не принуждать* татар, марийцев, башкир к принятию христианства, привлекая желающих только добрым к ним отношением и милосердием, что потом всегда соблюдалось. Некая часть населения добровольно пришла к Православию, но большинство сохранило своё мусульманство, как это есть и теперь, в наши дни.

Пришёл черёд Астраханского ханства. Там тоже шла борьба между сторонниками Москвы и Крыма, возобладали последние. Тогда в 1554 г. в Астрахань было направлено 30 тысяч московского войска во главе с князем Пронским-Шемякиным. Хан Ямгурчей без битвы сбежал. Астрахань взяли без всяких трудов и привели к присяге Государю Московскому.

Русь вышла из своих исконных границ, превратившись в державу *международную*. К ней потянулись ханы Бухары и Хивы, прося льгот для своих купцов; князья Кабарды и Черкесии стали прямо просить о принятии их во владения «Белого Царя». Так был принят черкесский князь Темрюк. На Кавказе русскими начали строиться укреплённые города. С той поры выражение «Белый Царь» в применении к Самодержцу России стало очень распространённым и для многих народов знаменовало справедливость, силу, защиту, спокойствие, мудрость и процветание. Теперь вся Волга, от верховьев до устья стала русской рекой! Россия ступила пока ещё осторожной ногой на Кавказ...

Всё это взволновало весь мусульманский мир, но особенно — Турцию и подвластный ей Крым. За дальностью расстояний сам Султан не решался воевать против России, сохраняя к ней на словах отношения «дружбы». Но на деле постоянно побуждал к набегам и войнам своего вассала Девлет-Гирея. Он совершил ряд трусливых и неудачных набегов. Тогда по указу Ивана IV на р. Псёл

были построены суда и отправлены вниз по Днепру. Так впервые после времён падения древней Киевской Руси русские корабли появились в низовьях Днепра. Во главе их был дьяк Ржевский. Отряд русских войск на этих судах успешно напал на Очаков и Ислам-Кермень. В Малой России, тогда подчинявшейся Польше, это вызвало сильный духовный подъём всех православных! К Москве от Польши перешёл Киевский «староста» князь Димитрий Вишневецкий с частью малороссийских казаков. Это было в 1556 г.. Потом Вишневецкий вновь ходил по Днепру к владениям крымцев. Наконец, в 1555 г. Данила Адашев (брат знаменитого Алексея) по Днепру, а Вишневецкий по Дону, спустились к морям и Адашев взял два турецких корабля, высадился на самом Крымском побережье, опустошил ряд улусов и вывез оттуда большое количество русских пленников и большую добычу. Девлет-Гирей запросил мира. Получил его, но потом разумеется, изменил. Он не раз нападал на Россию без особых успехов. И лишь однажды, в 1571 г. ему удалось пробиться к самой Москве, которую он страшно сжёг, о чём мы ещё скажем. Но тогда в 1559 г. перемирие с Крымом было очень полезным для обращения всех сил на Запад, где уже разгорелись военные действия. Они поначалу, в 50-х, 60-х, отчасти и в 70-х годах шли для Москвы в целом очень удачно. Были взяты Полоцк, Нарва, почти вся Ливония, множество городов Литвы, добились выхода к Балтике. После смерти Сигизмунда II Августа в Польше панство всерьёз обсуждало вопрос о призвании на королевство своё Ивана IV и сносилось по этому поводу с ним. Он соглашался взять только Литву, отрицаясь от Польши, и тем, может быть, погубил великое дело! Потом, в конце 70-х — в начале 80-х годов русские стали терпеть поражения, *всё* взятое потеряли! И Иван IV вынужден был, к удивлению всех, унижаться и перед польским королём Стефаном Баторием и перед шведским Иоганом. Причиной таких великих невзгод стали не только (и, видимо, даже не столько) военные неудачи, сколько страшные внутренние дела. С них и начнём по порядку.

В 1553 г. ко всем бедам (чума в Новгороде, волнения в покорённой Казани) прибавилось то, что Царь тяжело заболел. Болезнь была очень тяжёлой и, несмотря на лечение, усиливалась. Он сам и ближайшие люди его решили, что приближается смертный час и пора писать завещание. Угасающий Царь повелел, чтобы царствовал после него его сын — малолетний Димитрий, и ему на верность должны присягнуть прежде всего двоюродный брат Государя Владимир Андреевич Старицкий и затем все бояре и думные дьяки, — всё правительство. Тотчас началось смятение умов: князь Владимир и часть бояр наотрез присягать отказались. Они говорили почти в точности то, что сказал самому Царю Фёдор Адашев — отец Алексея: «Тебе, Государю, и сыну твоему Царевичу Димитрию крест целуем, а Захарьиным, Даниле с братиею, нам не служить; *сын твой ещё в пелёнках, а владеть нами будут Захарьины*. Данила с братиею, а мы уж от бояр в твоё малолетство беды видели многие». Алексей Адашев, друг и советник Царя, глухо молчал. *Молчал* и о. Сильвестр, находившийся в давней дружбе со Старицким. А последний прямо выдвинул себя самого как преемника царского Трона, по древнему праву наследования, и стал раздавать деньги тем, кто готов был его поддержать. Одни бояре признали его, но не в силу давних обычаев, а лишь потому, что, как и Ф. Адашев не хотели подчиняться Захарьиным — Юрьевым, родственникам Царицы Анастасии, так как все понимали, что в

малолетстве Димитрия править ими будет Царица и её родня — Захарьины, а они, как мы знаем, были не из родовитых князей и к тому же сторонники твёрдой самодержавной власти Великих Московских Князей и Царей. С ними боярам-князьям пришлось бы действительно плохо! Нельзя отрицать и того, что иные бояре и дьяки просто лично любили князя Владимира Старицкого и поэтому только хотели служить ему. Начались препирательства, ссоры, иногда — у постели больного Царя. За Владимира Старицкого, между прочим, однажды вступился о. Сильвестр, сказавший боярам, чтобы князя пускали к больному Царю, ибо князь «добра ему хочет». А больной, собирая последние силы, **настаивал** на присяге сыну Димитрию, пригрозил и брату Владимиру. В итоге почти все присягнули, по желанию Царя, но половина — не искренне, по принуждению. Как видим, в этом смятении и разделении мнений не было даже и тени измены, заговора, или крамолы; смятение было естественным и вполне откровенным, вызванным тем, что известная часть бояр не желали подчиняться Захарьиным, но никак не Царю. Смятение после присяги утихло, а затем и совсем прекратилось, так как Царь стал поправляться и выздоровел совсем. Ни друзьям своим, А. Адашеву и Сильвестру, ни боярам Государь ничего не сказал и ни в чём их не упрекнул, но, как видно, смятение это **запомнил!** Он хорошо знал бояр, знал, в частности и по себе, придворные нравы и, ещё находясь в болезни, верным своим говорил: «... Умру я, то вы, пожалуйста не забудьте, на чём мне и сыну моему крест целовали: не дайте боярам сына моего извести, но **бегите с ним в чужую землю**, куда вам Бог укажет; а вы, Захарьины! Чего испугались? Или думаете, что бояре вас пощадят? Вы от них будете первые мертвецы: так вы бы за сына моего и за мать его умерли, а жены моей на поругание боярам не дали». По выздоровлении Царь, хотя и молчал, но думал и думал, что ему делать с боярами, как править дальше? По обету, данному им Богу в болезни, Иван IV решил поехать на богомолье в Кириллов Белозерский монастырь и по пути навестить бывшего уже на покое в Николо-Песношском монастыре епископа Коломенского Вассиана (Топоркова) — «осифлянина», твёрдого сторонника Самодержавной власти Царя. Однако прежде, проезжая Свято-Троицкий Сергиев монастырь, Царь пожелал повидаться с находившимся там знаменитым Максимом Греком. Тот не советовал Государю ехать в Кириллов, а лучше утешить в Москве людей, чьи родные погибли в Казанском походе. Царь не принял его предложения. Тогда через бывших с Царём духовника священника Андрея, Алексея Адашева, князей Ивана Мстиславского и Андрея Курбского Преподобный Максим Грек передал, что, если Государь поедет в Кириллов, то сын его Димитрий умрёт по дороге (а Царь ехал с Царицею и с младенцем своим). Точно так и случилось! Младенец Димитрий скончался. Забегая вперёд, скажем, что вскоре Царь был утешен рождением второго сына — Ивана Ивановича. Позже родился ещё один сын, Феодор Иванович. Но тогда, во время поездки, Государь сделал всё, что задумал, в частности повидался с епископом Вассианом, которому задал важнейший вопрос: «Как я должен царствовать, чтобы вельмож своих держать в послушании?» Вассиан прошептал ему на ухо: «Если хочешь быть Самодержцем, — не держи при себе ни одного советника, который был бы **умнее** тебя. **потому что ты лучше всех:** если так будешь поступать, то будешь твёрд на царстве и всё будешь иметь в

руках своих. Если же будешь иметь при себе людей умнее себя, то по необходимости будешь послушен им». Изумлённый, в восторге Царь приложился к руке Вассиана и сказал: «Если бы и отец мой был жив, то и он такого полезного совета не подал бы мне!» Сей разговор сообщает нам князь Андрей Курбский в своих «Писаниях» уже после бегства в Литву (1564 г.). Иные историки посему сомневаются в подлинности разговора и «совета» епископа Вассиана («ибо шепчут на ухо не для того, чтобы другие слышали»; значит — как Курбский мог знать, что сказал Царю Вассиан?). Но нужно заметить, что тогда, в 1553 г., Князь Андрей Курбский был в ближайших *друзьях* Государя, в числе его «избранной рады», которой Царь вверял иногда самые сокровенные мысли. Так что вполне достоверно, что сам Иван Грозный тогда же в пути на радостях рассказал приближённым (тому же А. Курбскому) о беседе своей с Вассианом. Кроме того, всё, что потом, после 1560 г. стало происходить, в точности соответствовало тому, что, по Курбскому, сказал Царю Вассиан. Знал ли этот епископ, что своими словами он обрёк Россию и всю славу её на страшную катастрофу?

Здесь, как видим, выдвинулся на первое место вопрос *о природе*, образе, духе Православной Самодержавной Монархии.

Как решил этот вопрос Вассиан, а потом и сам Царь, в общем уже понятно. Но как смотрели на дело тогда лучшие русские люди решающей массы общества, да и в целом народ, большинство?

«Осифлянин» епископ Вассиан был неважным учеником Иосифа Волоцкого. Сам преподобный Иосиф в своё время писал: «Аще царь над собою иметь царствующи(е) скверны, страсти и грехи, гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейше же всех неверие и хулу, таковой царь не слуга Божий, а диавола и *ты такого царя да не слушаеши*, сему свидетельствуют вси пророцы и апостолы и мученики, иже от нечестивых царей убиени быша». Почти то же самое во время Ивана IV писал «нестяжатель» преподобный Максим Грек: «Истинный царь и самодержец тот, кто *правдою и благозаконием* старается устроить житейские дела подручников своих (то есть помошников, советников, значит, — прежде всего — бояр), старается победить безсловесные страсти и похоти души своей, то есть ярость, гнев напрасный... Разум не велит очи блудно наслаждаться чужими красотами и приклонять слух к песням непристойным и к клеветам, по зависти творимым». И в ином месте: (цари) «должны быть крепостию и утверждением для сущих под рукою их людей, а не пагубою и смятением безпрестанным.» Так лучшие «осифляне» и «нестяжатели» вполне *сходились* в понимании духовного облика (образа) Православного Царства. Ещё бы! Именно так понимал сущность царства и *весь Великороссийский народ*. Согласно этому общему пониманию *почитанье* Царя и *верность* ему *не безусловны!* Они имеют условия: Русский Православный Самодержец должен быть *благочестив* в личной жизни, *не отступать* от Православия в «неверие» или «хулу» и *справедливо* («благозаконно») относиться ко *всем* подданным, наипаче — к подручникам своим. Жизненным средством к тому, чтобы Царь вёл себя именно так служит, во-первых, его *послушание Церкви в духовных и нравственных* вещах в лице Главы Церкви и иных достойных священнослужителей, и, во-вторых, в том, чтобы править *в совете с Землёю* в лице «лучших людей», каковыми тогда признавались князья и бояре, и в особенных случаях — больших

(потом Земских) Соборов, как и правила искони Великорусские Государи, что мы уже видели во всей предыдущей истории. Однако, с другой стороны, и служители Церкви и «лучшие люди» должны, в свою очередь, в благочестии, вере и благозаконии во всём подражать, *соответствовать* Самодержцу, не гордиться пред ним, не крамольничать, не безчинствовать, а стараться мудростью и справедливостью Царю *помогать*; только в в таком случае они будут истинно — голосом Великороссийской *Земли*, и совет с ними будет *советом с Землёй!* Таковы, повторяем, были общие мнения большинства народа и общественности Великой России от XII столетия и до Ивана IV. Так же думал *вначале* и он, до совета своего с Вассианом. Но здесь нужно со всей определённости вспомнить и сказать, что если Московские Государи почти всегда (за отмеченными ранее исключениями) по крайней мере, *старались* быть такими, какими их видеть хотел Православный народ, то *не такими*, как должно, были *многие* из «лучших людей» — князей и бояр! Хотя, конечно, не все! И до и во время Ивана IV было среди боярства, и простого и родовитого, много мудрых и честных и преданных Царю и Отечеству лиц. Но были, как мы уже видели, и гордые властолюбцы, крамольники и изменники, ставившие своё родовитое происхождение выше всего (пережиток многоудельной Руси!). С такими боролись и таких, как требовалось «наказывали» (вплоть до смерти) и предки Ивана IV и он сам в первый период самостоятельного правления. Вот один из примеров. В 1554 г. в Литву побежал князь Никита Ростовский, его поймали. На *дознании* выяснили, что и брат его князь Семён тоже хотел с роднёю «отойти» к Литве и притом вёл с Литовским послом Довойной тайные разговоры, где сообщал секреты правительства и поносил Царя. Его *осудили* законным судом на казнь, но по «печалованию» Церкви заменили смерть ссылкой на Белоозеро. Сам князь Семён оправдывался своим «малолетством», что, вероятно, имело свои основания. Русским послам в Литве велено было в случае, если их спросят о том, что с князем ростовским хотели в Литву «отойти» многие бояре и дворяне, отвечать так: «К такому дураку добрый кто (разве) пристанет?. С ним хотели отъехать только родственники его, такие же дураки». На том дело и кончилось!.. Подобных примеров несколько. Они говорят о том, что тогда, в начале 50-х годов, Царь Иван поступал с неверными князьями-боярами, как поступали и прежде него Государи, не выходя из принятых в те времена обычаев.

Однако совет Вассиана предполагал *совершенно другое* — удалять Царю от себя не изменников или в ином *виноватых*, а всех действительно *лучших* (умнейших) вельмож и иных советников!

Таким образом возникал соблазн двоякого рода, как бы *две крайности*, и для Царя, и для Церкви, и для боярства. Крайности для боярства заключались в следующем. Первая: «мы по крови равны Царю; он поэтому хорош лишь тогда, когда служит просто *орудием* в наших руках». Крайность другая: «мы — ничтожные и безгласные рабы и холопы Царя и должны только слушать его и внимать, никогда и ни в чём не перечать». Крайности для служителей Церкви могли состоять, в свою очередь, в том, чтобы, возвышаясь и величаясь перед Самодержцем-мирянином своим саном *навязывать* ему свою волю *во всём*, в том числе и в делах государевых, или, напротив, отринуть

обязанность свидетельства правды, стать *потаковниками* Царю *во всём*, в том числе и в делах духовных и нравственных. Крайности для Царя таковы: «Я — Богом поставленный Царь, не нуждаюсь в совете с Землёю, могу творить, что хочу, все должны безусловно мне подчиняться во всём, так как я держу ответ *только* пред Самим Богом (потому даже Церковь мне не указ, ибо я и над ней господин!)». Крайность противоположная: «Я слабый, я грешный человек, поэтому слушаться должен всех (любых) своих приближённых (в том числе и духовных лиц) буквально *во всём*, даже в царском».

В целом Великороссия до сих пор избегала всех этих *крайностей*. держаась как бы среднего, «царского», пути *соборности*, единения в духе любви, взаимного *почитания* (— каждому по его положению и добродетели). Разве только часть гордостного и своевольного боярства чаще других склонна бывала впадать в первую крайность, при Иване IV Россия из-за этого стала как витязь на распутье. Царь в борьбе с крайностью части бояр устремился в свою, противоположную *крайность*!

Выбор свой Царь Иван, как мы видим, *сделал* уже в тот самый миг, когда устами принял к руке «бесноватого Вассиана» (как потом называл его Курбский). Но тогда получалось, что Самодержавие *переставало быть Православным и Благочестивым*, становилось теперь *самоцелью*, чем-то самим по себе «священным», то есть *идолом* (истуканом). Переставало оно быть и *Русским, Великороссийским*, то есть народным. Русь, Великороссия собирали себя воедино вокруг Москвы и её Государей, как ясно видно из всей предыдущей истории не с тем, чтобы просто как-нибудь выжить, хотя бы под властью тиранов и беззаконников, и совсем не затем, чтобы стать «великой державой», а для того, чтобы в единстве своём под властью благочестивых Православных Самодержавных Царей в лоне единой Российской Церкви обеспечить себе условия *всем миром*, то есть всем православным народом удобней всего *в царстве земном восходить к Царству Небесному*, становясь в смысле *Православности* Царства «Третьим Римом» и в том же значении мирового центра Соборной и Православной Церкви — «Новым Иерусалимом» и для себя, и для мира! Эту главную цель государства старались помнить, не забывая все Российские Православные Государи до Ивана IV.

А если всё это не так, если *целью* всего является *только самодержавие Государей*, без Собора, совета с Землёю и с Церковью, что легко отворяет врата для любых беззаконий Царя, то *к чему* тогда Царь?! *К чему* государство?! *К чему* и единство русских земель?! Тогда *всё* (!) это, во взгляде *Святой Руси*, просто теряет смысл! Тогда всё и должно и может *разрушиться* (что потом и случилось!).

Правда, в середине XVI в. во многих людях ярко явилась и Русь *не Святая*, другая, ради гордости или земного благополучия готовая потакать любым беззакониям и злодействам. В таковой были и просто отбросы общества, совсем не имевшие ничего святого, и другие люди, (к примеру — Иван Пересветов), воспринимавшие «третий Рим» только как *земное могущество*, славу, то есть гордость, или *благоденствие* (сытость) державы и покойность в земном бытии в состоянии «мира сего», который, по слову Апостола, *весь* «во зле лежит». На таких, а также — в основном — на «от-

бросы». и вынужден был опереться. потом Иван IV, ибо в Руси Святой он поддержки найти не мог.

Внешне Царь оставался, как был. Вёл большие и важные войны в Литве за исконно русские земли, продолжая деяния прежних Великих Князей, и в Ливонии — за выход к Балтийскому морю, часто бывая в походах и битвах сам. Казалось, он тоже, как предки его, не забывает главной цели Российского Государства и собирания Русских земель вокруг Москвы. Но в нём шла внутренняя борьба. Она длилась до 1564 года, почти десять лет! Важный, переломный рубеж пришёлся на год 1560-й. К этому сроку данные **Богом** успехи в Западных войнах были Царём в значительной мере отнесены к себе, он возгордился. И это, соединившись с давней мечтой возвыситься лично над всеми, по слову епископа Вассиана («ты лучше всех»), стало являть первые заметные плоды.

Против войны на Западе деятельно выступили о. Сильвестр и А. Адашев. Они хотели, чтобы Царь разгромил разбойное логово крымцев, причинявших своими набегами великие скорби Руси. Крым однако был далеко и по тем временам для больших русских войск очень трудно доступен. К тому же он был владеньем Султана и война с Крымом была бы войной с Османской империей, тогда настолько могучей, что её страшилась Европа. Литва и Ливония представлялись добычей более лёгкой. Польско-литовское панство и шляхетство давно отличались таким своеволием, что там короля **выбирали** и более думали о своих правах, на войну собирались весьма неохотно, нередко просто отказывались воевать, если этого им не хотелось, или было не выгодно. Враждовавшие между собой стороны панов и шляхты колебали внутренний мир, в «высшем обществе» царили разврат и безстыдство, армия разлагалась. Нечто подобное происходило и на землях Ливонского Ордена, в среде его рыцарей и свободных владельцев. И в Польше с Литвой и особенно среди немцев Ливонии различные распри ведущего слоя общественности усугубились до крайности религиозной враждой, так как там стал давно и успешно распространяться протестантизм. Курбский писал о Ливонии: «Земля была богатая, а жители в ней гордые; отступили они от веры христианской, от обычаев и дел добрых праотеческих, ринулись все на широкий и пространн путь — на пьянство, невоздержание, долгое спание, лень, на неправды и кровопролитие междоусобное». То же примерно писали тогда и ливонские летописцы.

Кроме того, в Европе давно завелась и иная зараза,— тамплиерство и масонство. Огромные по многочисленности **интернациональные** братства строителей, возводили большие соборы и замки готической архитектуры, члены этих интербригад, разбитых на **ложи** назывались «**товарищами**». Они стали пристанищем всяческих ересей и тайных учений, в том числе и **коммунистических**. «Масонами» товарищи назывались вначале потому, что слово «масон» по-французски — просто «каменщик». Превращаясь в товарищества не только строительные, но и идейно-духовные, они принимали к себе «сторонних братьев» из числа очень знатных людей, разумеется, камни отнюдь не таскавших... В европейской же знати на почве разврата и Возрождения также цвели различные тайные общества и учения. Особенно силён с XII в. сделался рыцарский Орден Тамплиеров (храмовников), поначалу созданный для Палестины в Крестовых походах. Тамплиеры захотели восстановить древний Иудейский Со-

ломонов храм и на этой почве сошлись с иудейским раввином, в котором ещё во времена земной жизни Христа таилось поклонение диаволу, как «богу», *скрываемое под видом* исконной библейской веры евреев. От них тамплиеры взяли учение Каббалы и диаволопоклонство, но сохраняли вид христианского Ордена. В начале XIV в. он был разоблачён и распушен. Но большая часть тамплиеров, особенно из богатых и знатных родов, продолжавшая связи с жидовством, сохранилась, в немалом числе переселившись *в Англию*, что в известной мере содействовало быстрому превращению этой вполне захудалой страны «на задворках» Европы в очень мощную и передовую державу! В XVI веке «мода» на готические храмы и замки прошла, *строительные* братства каменщиков распались, но остались духовные. Они включили в себя и духовных тамплиеров. Их задачей стало теперь построение *духовного* «Соломонова храма» в среде человечества, а точнее сказать — новой духовной Вавилонской башни. Такое масонство организационно оформилось к исходу XVII-го столетия, сохранив камуфляж строительных братств (символы фартуков, молотков, мастерков, циркулей, угольников, иерархию учеников, подмастерьев, мастеров и великих мастеров (гроссмейстеров). Многоступенчатая система *посвящения* позволяла им скрывать даже от собственных членов начальных ступеней свои подлинные цели и *религию диавола под видом* безобидных гуманистических обществ, стремящихся к прекращению религиозной вражды, просвещению, объединению человечества, к *свободе, равенству, братству*. Последнее нужно было их тайным вождям — иудеям, так как нужной свободы и равенства (братства) с иными народами евреи в то время в Европе не имели. Таким образом тайная верхушка иудаистов, как и *руководимая ими* тайная верхушка масонов — это сущие оборотни. Такое у нас на Руси мы видели в еретиках — жидовствующим. В среде убеждённых католиков реакцией на разные ереси и тайные братства стали инквизиция, Орден (Общество) Иисуса, то есть *иезуиты*, а также стремление иных королей к неограниченной (абсолютной) власти... Борьба и брожение всех этих течений стали стержнем, главным «нервом» жизни Европы в XVI веке.

Никаких таких «глубин сатанинских» (Откр. 2,24) ни раньше, ни при Иване IV Россия в целом не знала! Но было бы невероятным, если бы что-то от этих «глубин» всё же не проникало в Россию, в среду, как теперь говорят, образованного общества, или «общественности». Это мы уже видели на примере всё той же секты жидовствующих в XV — начале XVI в.в.. Но и иными путями, не обязательно через секты и ереси, веяния и влияния Запада, в том числе и его «сатанинских глубин» в Россию всё-таки попадали.

Всё это нужно учесть потому, что при Дворе Ивана Васильевича и в связи с войнами против Польши, Литвы, Ливонии, Швеции, и в связи с посольскими сообщениями с Европой, оказывалось всё больше *западных иностранцев*. Иные из них (особенно — лекаря) становились очень близкими *собеседниками* Царя, несомненно, по его же желанию, *сообщавшими* обо всём, что творится в Европе. Иные из иностранцев (к примеру, Штаден) пребывали потом и *в опричниках*. Иным русским давно нравились «твёрдые» короли. Не мог не понравиться абсолютизм и Ивану IV.

Но в этом ему сильно мешали не только гордостные и власти желающие бояре; мешали *друзья*. Действительные и преданные! Сильвестр и Адашев,

которых Царь сам же избрал и для дружбы, и, по его выражению «*для духовного совета*» (это — об о. Сильвестре), за многие годы привыкли быть во главе государственных дел. Кроме того, они не могли не сдружиться с иными князьями — боярами, с которыми им приходилось по службе часто иметь дела и совет. А сдружиться, сойтись, — значит, в некоей мере зависеть, или быть как бы связанным или самою дружбою, или течением дел. Адашев и о. Сильвестр также хорошо понимали, что кроме поддержки Царя (это главное!) они должны были иметь и поддержку бояр, ибо, несмотря на подчинённое и «служилое» в отношении Царя положение, бояре-князья были силой и силой очень большой (!), чего не имели совсем, по своему происхождению, ни Сильвестр, ни Адашев. Этим вполне объяснимо молчание их при смятении, вызванном Царской болезнью в 1553 г. Сильвестр даже пытался (хотя весьма робко и незначительно) заступаться за князя Владимира Старицкого, а отец Алексея Фёдор Адашев, как мы знаем, прямо сказал Царю, что готов был *бы* присягнуть и сыну его младенцу, если бы это не означало господство над всеми родных Царицы — Захарьиных-Юрьевых.

В письме своём Курбскому (об этой переписке мы скажем потом особо) Царь Иван IV горько сетовал, будто о. Сильвестр не давал ему ни есть, ни спать, без своих наставлений, что несчастные он и Царица шагу не смели ступить без благословения Сильвестра, что Сильвестр и Адашев, наконец, сойдясь с врагами — боярами, вовсе отняли у Государя *всю власть*, тайно, у него за спиной, решали все дела, верных Царю притесняли, а изменников жаловали и т.д.. Всё это явные натяжки и преувеличения в запале споров с А. Курбским. Но правда то, что Сильвестр — составитель знаменитого «Домостроя» и автор последней его главы (Домостроя вкратце) старался влиять на Царя в отношении правил благочестия личной и семейной жизни (для того он был и приближён самим же Царём!). Вполне вероятно, что некая чрезмерность опеки начала тяготить и Царя и Царицу. Анастасия Романовна раздражалась Сильвестром и, конечно, влияла в этом духе на мужа — Царя. За это сторонники и друзья Сильвестра стали уподоблять её императрице Евдоксии, гнавшей святого Иоанна Златоуста за обличение безнравственности Двора (сравнение явно несправедливое!). К тому же наивный о. Сильвестр нередко «пугал детскими страшилами», (то есть Божиими наказаниями), Царя за войну на Западе, а не на Юге, против Крыма. Помнилось также Царём и то, что Сильвестр оказался другом князя Владимира Старицкого, который, как выяснилось, хотел сам стать Царём...

В начале 1560 г. о. Сильвестр, убедившись, по его словам, что Царь «*отвратил от него лице свое*», добровольно ушёл в монастырь Кириллов на Белоозере (сто лет спустя, почти точно в таких же словах, выразит причину своего ухода от дел Патриарх Никон, хотя поводы будут уже другими). Потом Сильвестр был здесь без всякой вины схвачен и отвезён, как узник на Соловки. Тогда же в 1560 г. был удалён от Двора Алексей Адашев; его послали сперва воевать в Ливонию, в Феллин, а затем перевели под строгий надзор в г. Юрьев (Дерпт), где потом Адашев от болезни скончался (клеветники говорили Царю, что он сам отравился). Нависала опала над всеми членами «избранной рады» — бывшими самыми близкими советниками и друзьями Ивана IV. Как назло в 1560 г. скончалась Царица Анастасия, так смягчавшая нравы Ивана IV и так любимая

им! Враги «избранной рады» не преминули шептать Государю, что её «извели» (отравили) друзья Адашева и Сильвестра.

Ещё *до* бегства в Литву князь Андрей Курбский писал *иноку* Вассиану (не путать с *епископом!*), что «паки напасти и беды от Вавилона на нас кипети многи начинают»... Интересно, что Курбский называет царство Ивана IV в *новом* его состоянии — Вавилоном! Так, не только против Адашева и Сильвестра, но и против тех, кто поддерживал их, или был с ними в дружбе, от Вавилона начинали «кипеть напасти». Из всех прежних советников Государя оставался только Митрополит Макарий. Разгоняя и «наказывая» своих бывших друзей, Иван IV должен был подыскать оправдание этому. Враги «избранной рады», ласкатели и потаковники Государя не замедлили сие «оправданье» представить: Сильвестр, и Адашев, и Курбский и иже с ними, по их словам, умышляли «извести» (умертвить) Царя, и Царицу, и их детей, чтобы посадить на Престол Владимира Андреевича Старицкого!.. Обвинение было чудовищно ложным. Ещё живые Сильвестр и Адашев, поражённые и возмущённые, *просили* в письмах любого суда, любого розыска. Некий «суд» и впрямь был составлен из новых любимцев — холуев. Митрополит Макарий, услышав их обвинения, предложил вызвать Адашева и Сильвестра, чтобы они могли *очно* дать ответ на соборе-суде по поводу сих обвинений. Но противники их возопили, что в этом случае Сильвестр и Адашев непременно вновь «очаруют» Царя, потому что они «известные *волшебники*» ... И такое-то тёмное безумие победило. Заочно Адашев, Сильвестр, Курбский и некоторые другие были обвинены именно в том, что хотели Царя и Семью его всю «извести».

Это случилось уже в 1564 г.. Друзья быстро сообщили о «приговоре» суда князю Андрею Курбскому, воевавшему в то время в Литовских пределах. Он понял, что это означает смертную казнь и, оставив в России жену и ребёнка, вынужден был бежать, «отойти» в Литву, поставив себя в положение «изменника». Однако как потом оказалось, сей благородный и в битвах отмеченный смелостью муж, бежал не из страха за личную жизнь (он постоянно ей рисковал на войне), а для того, чтобы бороться в меру возможности против того Вавилона, который стремился теперь создать Государь вместо Православного Царства в России. Нужно вспомнить также о том, что Иван IV недолго оставался вдовцом. В 1561 г. он женился на дочери черкесского князя Темрюка Марии (так называли её при Крещении). Мария Темрюковна, как восточная женщина, знала только один образ правления — деспотию в обычном для тех времён мусульманском духе. Поэтому влияние её на мужа — Царя в этом именно духе как нельзя более *совпадало* с давним тайным стремлением самого Ивана IV. Поначалу стремленья Царя ещё во многом сдерживал Митрополит Макарий. Но в 1563 г. 31 декабря он отошёл ко Господу. Через несколько месяцев умер и болящий брат Государя Юрий Васильевич, о котором при разговорах о престолонаследии даже не вспоминали по причине его слабоумия. Царь Иван IV остался, как и хотел, совсем без таких советников, какие могли быть «умнее его», или хотя бы равно ему умными... Теперь *никто из духовных лиц*, то есть из Церкви уже не оказывал на Ивана Васильевича должного духовного воздействия. Не только в царских, но и в личных духовных и нравственных делах Царь остался сам по себе. И тогда началось!..

В 1564 г., участились опалы и казни. Им подвергались не только изменники и крамольники, которые были в среде бояр и дворян, но и совершенно ни в чём не повинные люди. В связи с этим бегство бояр и служилых людей в Литву сделалось массовым и угрожающим. Право «отхода» Иван IV совсем отменил, принуждая под страхом опалы и казни всех бояр и князей *присягать*, что не будут «отходить» в Литву. Но сила древнего права была велика, а насильная клятва не считалась действительной. Церковь и верные Государю бояре старались «печаловаться» о гонимых, полагая, что Царь внемлет голосу здравого смысла и христианского милосердия. Он иногда делал вид, что внимает, но, оказывается, страшно тяготился заступничеством, как помехой своей кровожадности.

Вот лишь два примера казней 1564 г.. Князь Михаил Репнин был убит за то, что с возмущением отказался на царском пиру одеть шутовскую маску. Князь Димитрий Овчина-Оболенский (племянник Телепнёва) был умерщвлён за то, что поссорившись с царским любимцем Фёдором Басмановым, сказал ему: «Я и предки мои служили всегда пользою Государю, а ты служишь гнусною содомией». Об этом пишет итальянец Гваньини, бывший тогда на Москве. Можно было бы здесь усомниться, но о том, что Иван IV баловался мужеложеством с Ф. Басмановым говорят также независимо от Гваньини немцы Таубе и Крузе. Царь начал страдать половым неистовством, как мы увидим ещё, как бы беснованием. Немудрено, что быстро он приходил в некое иступление.

3 декабря 1564 г., созвав поимённо многих бояр, дворян и стрельцов из разных земель России, никому ничего не сказав, после обедни в Успенском соборе принял молча благословение нового Митрополита Афанасия, дал приложиться к своей руке всему своему Синклиту (правительству), Царь с женой и Царевичами Иваном и Фёдором сел в сани и отправился неизвестно куда. При этом с ним ехала его казна, любимицы-князя с семьями и детьми, множество воинов, огромный обоз с различным добром. Москва пришла в полное недоумение! А Царь, задержавшись на две недели из-за непогоды у Троице-Сергиевой Лавры, поехал через с. Тайнинское в Александрову слободу, где и расположился. 3 января 1565 г. он прислал в Москву две грамоты, — одну Митрополиту, другую купцам, мещанам и всему посадскому люду Москвы. В первой Царь вспоминал все вины и крамолы бояр, начиная от времён своего малолетства, говорил, что с тех пор они не изменились, не перестают злодействовать, уклоняются от службы, дают крымскому хану, Литве и немцам терзать Россию, а когда он, правосудный Царь объявляет свой гнев таковым преступникам, то Митрополит и духовенство за них вступаются, «грубят и стужают» Царю (такого на самом деле никогда не бывало!) Попробовал бы кто «нагрубить» Ивану IV!... Эту грамоту Царь заканчивал отвратительно притворным смиренничаньем: «И Царь и Государь и Великий Князь от великие жалости сердца, не хотя их многих измен терпети, оставил свое государство и поехал, где вселиться, идеже его Государя Бог наставит». В другой грамоте, читавшейся московскому простому люду царскими дьяками, ласково говорилось, чтобы люди не смущались, ибо на них Царь не держит никакого гнева и опалы.

Это был убийственно точных расчёт! Народ стал плакать, волноваться, вопить, что за грехи его Государь оставил Царство, а как быть «овцам без пасты-

ря»! Поскольку всё дело Иваном IV было представлено так, что ему *не дают, мешают* бороться с *крамольниками и врагами Отечества*, посадские люди Москвы отвечали, «чтоб Государь государства не оставлял и их на расхищение волкам не оставлял, особенно избавлял бы их от рук сильных людей, а за государских лиходеев и изменников они не стоят и сами их истребят». Так Иван IV *включил в своё страшное действие народ* Российский, при этом без зазрения совести его *обманув!* Обман состоял в том, что *под предлогом* борьбы с лиходеем, которые *в самом деле были* и от которых *в самом деле* часто страдал народ, Царь развязывал себе руки для беспрепятственного уничтожения всех, кто почему-либо был ему не угоден!

Народ стал молить Митрополита, бояр, иных царских чиновников, чтобы шли в Александрову слободу умолять Государя вернуться. Митрополит Афанасий по общей просьбе остался блюсти Москву, пребывавшую в страшном смятении. А к Царю отправилось во главе с Новгородским святителем Пименом несколько епископов, архимандритов, князя Иван Дмитриевич Бельский, Иван Фёдорович Мстиславский, а также все бояре, окольничие, дворяне, приказные люди. Даже не зайдя домой, прямо от Митрополита, все они двинулись в путь «бить челом» Государю от имени всего народа. 5 января 1565 г. посольство предстало перед Иваном IV, умоляя его вернуться на Царство. Обычным своим многословием Царь отвечал, что во всем виноваты своеволие, нерадение и строптивость бояр,— виновников междоусобия и кровопролития в России, истонных врагов державных Наследников Мономаха, хотевших недавно извести Царя, его жену и детей (так впервые открыто и гласно было объявлено обвинение, до того пребывавшее в тайне!). Иван IV сказал также, что соглашается «паки взять свои государства», но на определённых условиях. Царю позволяется невозбранно казнить изменников любыми способами без всяких «претительных докук» со стороны духовенства. Так *отметалось* и упразднялось древнее священное право и обязанность Церкви *«печаловаться»* о несчастных, подвергавшихся опале, особенно — несправедливой. Но это было ещё не всё. О дальнейших условиях Россия узнала чуть позже, а тогда 2 февраля Москва со слезами радости встречала своего Государя. Каково же было удивление народа, когда он увидел Царя. В первые мгновения его просто не могли узнать. Совсем ещё молодой 35-летний Царь стал *стариком*, все черты лица его исказились, оно было в морщинах и выражало свирепость, взор угас и на голове и бороде его почти не осталось волос ...

Что же могло приключиться с Царём в эти два месяца, что так изменило даже телесный облик его?! Никаких потрясающих внешних событий не происходило. Значит было некое *страшное потрясение внутреннее*. Вид Царя стал ужасен. С этой поры Ивана IV и нарекли «Ужасным». В те времена именно так называли его. «Грозным», надо сказать, называли совсем не его, а деда его Ивана III. Лишь впоследствии позднейшие наши историки «убрали» прозвание «Грозный» от деда и «прилепили» ко внуку, Ивану IV, как бы желая смягчить страшный духовный облик его. Превращение ума у Царя было духовной болезнью, не умопомешательством; он был в трезвом сознании и предложил продуманный, но чудовищный образ дальнейшего своего правления.

Вновь многословия о царских обязанностях блюсти спокойствие государства, о бренности жизни, о том, что нужно смотреть на то, что за гробом, Царь обнаружил Устав *Опричнины*. Он создавал себе особый отряд, или войско верных телохранителей в 1000 человек, опричь, то есть кроме, вне обычного войска. Создавался также особый царский Двор, или владения, подчинённые лично Царю. В них входили целый ряд городов и земель России, в том числе, — Можайск, Вязьма, Козельск, Перемышль, Бёлев, Лихвин, Ярославец, Медынь, Суздаль, Шуя, Галич, Юрьев Польской, Балахна, Вологда, Великий Устюг, Старая Руса, Каргополь — всего 20 городов. В иных городах в государеву собственность переходили отдельные части, а в некоторых землях отдельные волости. Так, в Москве в Опричнину были взяты улицы Чертольская, Арбатская с Сивцевым Вражком, половина Никитской с разными слободами, в Подмоскowie — некоторые волости. Из всех этих земель (и улиц) выселялись прежние владельцы, которым давались новые земли (часто пустующие и безлюдные), а поселялись новые. Новыми были *особые* вельможи и служилые из князей, бояр, дворян и нового войска. Учреждался особый, почти во всём повторявший прежний, Государев Двор с Думой, Приказами, многими службами, вплоть до конюшен, хлебных, псарней, ремесленных мастерских, с огромным составом различных чиновников и слуг. За свой «подъём» в Александрову слободу и обратно Царь брал из казны 100 тысяч рублей, тем самым показывая, что казна государства теперь не в его ведении. Ведать землями и городами *опричь*, то есть *кроме* означенных особых владений Царя, должны были тоже князья — бояре и дьяки, которые и раньше ведали государственным управлением. Это старое управление и земли, подлежавшие ему, называлось отныне *Земщиной*. Там также была своя Дума, Приказы и прочие службы. Во главе Земщины были поставлены князь Иван Дмитриевич Бельский и князь Иван Фёдорович Мстиславский. Жить в Кремле Царь более не желал и стал строить новый дворец с крепостной стеной и рвом между Арбатом и Никитской. Однако и здесь было ему неудобно, претила сама Москва; он стал чаще жить в слободе Александровой, а впоследствии задумал перенести столицу в г. Вологду, где начаты были постройки Кремля, палат Государя и прочих столичных зданий. Это связано было отчасти с английской торговлей, о чём мы ещё скажем, а также и с тем, что Вологда оказалась средоточием Опричных земель. Дело в том, что Опричнина быстро расширилась. В её войско вошло не 1000, а 6000 человек. Входили и новые земли к северу от Москвы, в основном никем не занятые, в том числе дикие пространства европейского Севера России (тайга и тундра). Попросились в Опричнину сами со своими владениями близ Урала Строгановы. «Секрет» в том, что в пустынных землях Севера ещё водился соболь и иные пушные звери — основное богатство царской российской казны! Не вошли в Опричнину, но остались в Земщине такие земли исконных бывших удельных княжеств как Владимир, Ростов, Нижний Новгород, Рязань, Тверь, Кострома, Ярославль, Серпухов, Тула, Путивль, Рыльск и другие. Ошибкой поэтому является утверждение ряда историков, что Опричнина целью имела отнять земли бывших удельных княжеств и тем их вконец сокрушить. Не меньшей ошибкой оказывается и представление, будто в противовес князьям и боярам Иван IV утверждал власть новых служилых людей — дворян. Опричная Дума по своему составу

такая же *княжеская и боярская*, как и Земская! Борьба с «боярской крамолой» была лишь *предлогом* для разделения России. Делилась она по каким-то иным правилам. Современные исследования показали, что изымались из Земщины земли *опальных* и прежде всего — родственников и друзей князя *Владимира Андреевича Старицкого*. Вскоре и он сам был лишён Старицы и Вереи, а взамен получил от Царя — Звенигород и Димитров. В общей сложности 12 тысяч старых владельцев было выселено с их прежних мест. На эти места поселялись опричники, высший слой которых составляли всё те же князья и бояре, но отличавшиеся особой преданностью Царю, как ему, по крайней мере, казалось. В глазах Ивана IV «крамольник», «изменник», «лиходеи» не имели *сословной* окраски. Таковыми могли быть объявлены люди *любого* сословия, до купца, мещанина, ремесленника, простого стрельца. Правительство Земщины само, как обычно, вело все дела, лишь в особенных случаях, наипаче — военных, земские бояре шли на доклад к Государю. Но на деле все земцы находились под злым наблюдением опричников.

Что же это за слово — Опричина (или Оприщина)? Древнее слово «опричь» — это то же, что слова «кроме», «за исключением», «вне». Опричинами до Ивана IV назывались те *вдовьи* части владения Великих Княгинь, которыми они могли владеть полностью, по своей воле, «опричь» (кроме) тех частей наследства, кои были даны им пожизненно без прав продажи или передачи, или с каким-то иным условием пользования. Умышленно или случайно, по совпадению, новые владенья Ивана IV получили название по владеньям вдовы? Если умышленно, то какая «вдова» имеется здесь в виду? В иных тайных масонских сообществах братья назывались «детьми вдовы», а под ней разумелась вавилонская тайная *антицерковь* (или «церковь лукавнующих» (Пс. 25, 5), как называл её Царь-Псалмопевец Давид). Это, конечно, пока только предположения...

Ужасная же действительность состояла в том, что единая Великороссия, Московское Царство, искусственно рассекались, разделялись *надвое*. Рассекалась ткань жизни народа, разрывалась надвое и его душа. И всё это соответствовало раздвоенью души Ивана Ужасного. И задумано было раздвоенье России для того, чтобы быть постоянной основой вражды, розни, ненависти и кровопролития внутри государства и общества. По свидетельству одной летописи Царь Иван «заповеда своей части (Оприщине) оную часть (Земщину) насилovati и смерти предавати и дома их грабити». Другой летописец пишет: «Попущением Божиим за грехи наши възъярися Царь Иван Васильевич на все православие... учиниша опричину, разделение земли и градов... и бысть туга и ненависть на Царя в міру, и кровопролития и казни учинилися многия».

По промыслительному совпадению слово «опричь», как мы видим, — это то же, что слово «кроме». Отсюда «опричник» стал называться «кромешником», «опричина» — *«кромешной тьмой»*, а это в Евангелии — название *ада*! Поэтому А. Курбский писал Ивану IV: «Затворил еси царство Русское, сиречь свободное естество человеческое, аки *во аде* твердыни».

Полагают, что мысль о создании Опричины подала Государю его жена Мария Темрюковна, посоветовав окружить себя отрядом особенно верных стрелков в 1000 человек. *Такой* совет мог от неё исходить. Но мы видим, что всё учреждение Опричины выходило далеко за рамки только этой мысли о

верной охране! И если чьими-то советами оно вдохновлялось, то *иными*, уже совсем не *восточной* женщины! Как набиралось войско опричников или кро-мешников? Царь вместе с князем Афанасием Вяземским, Алексеем Басмановым, а также Григорием Плещеевым-Бельским (не из рода князей Бельских), более известным по прозвищу Малюта Скуратов, другими любимцами принимали различных молодых людей из числа распутных и «готовых на всё», при этом безвестность происхождения являлась особо желательной («кто был ничем, тот станет всем»). После расспросов о родственниках, знакомых, о связях, от принятых в войско требовали под присягой верно служить Государю, не дружить с земскими, доносить на изменников, *не знать ни отца, ни матери*, знать одного Государя. Можно вспомнить, что задолго до учрежденья Опричнины с князя Владимира Старицкого была под *крестным целованием* взята подписка, в которой он, в частности обязывался *доносить на свою родную мать* княгиню Евфросинию,— не только о возможных её действиях против Царя и его Семейства, но и о всех её *семейных разговорах*, где было бы нечто неодобрительное о действиях или словах членов Царской Семьи!.. Принятым в опричное войско жаловались земли, деньги, подарки. Они одевались в чёрные одежды, к сёдлам привязывались собачья голова и метла (— знаки борьбы с крамолой). Так было набрано 6000 человек. Из них, а также из иных, не военных, опричников было отобрано 300 человек «самых злейших», которые составили непонятное братство, как бы *монашеский Орден*. В Александровой слободе свой дворец Царь даже хотел превратить в монастырь для этого братства. Для него был написан Иваном IV «Устав»,— распорядок богослужений и трапез. Им была продумана особая форма. Поверх дорогих, шитых золотом, с собольей отделкой одежд, братья должны были носить убогие монашеские рясы. Так одевался и Царь. «Злейшим» он роздал скуфьи (головные уборы монахов).

Иван IV назначил себя *Игуменом* братства, князя А. Вяземского — *Келарем*, а Малюту Скуратова — *Паражклезиархом*, т.е. пономарём. Рано утром, затемно, все шли на молитву в Церковь. Царь сам читал и пел на клиросе и при этом так усердно делал земные поклоны, что *до крови* расшибал себе лоб. Потом посещали обедню. Потом отправлялись к трапезе. За трапезой все ели, а Царь, стоя, читал, по монастырскому обычаю, жития святых или поучения на данный день. Закончив трапезу, опричники шли раздавать остатки пищи нищим, а Царь садился за стол. Здесь он с приближёнными любил разговаривать об истинах Православной Веры. Потом ехал в темницу пытать и убивать заключённых, что делал нередко сам. Вид мучения, крови и смерти доставляли Царю великое утешение; он возвращался повеселевшим и исполненным свежих сил. Вечером тоже все были на богослуженьи, а затем или шли отдыхать, или часто — пировать, предаваться развратным оргиям, и оргиям кровавых безпричинных убийств и пыток. Для пыток был создан целый набор орудий (сковороды, котлы для варки людей, щипцы, молотки, иглы для втыканья под ногти и т.п.). Нередко людей замуровывали в стены живыми. Вместе с этим и одновременно церкви в Александровой слободе украшались золотом, снабжались драгоценной утварью, и сияли внешним благолепием!.. Так Царь и 300 опричников стали *оборотнями*, создав *под видом* богомольного Православного братства *Орден извергов и кровопийц*, о безумьях которых мы ещё скажем. *Такого* на Руси никогда не бывало!

Казни Царя начались 4 февраля 1565 г., сразу по возвращении в Москву. По ложному обвинению, как сообщники Курбского, якобы хотевшие умертвить всю Семью Государя и его самого, были казнены славный воевода князь Александр Горбатый-Шуйский вместе с семнадцатилетним сыном Петром. Шли на казнь, взявшись за руки. Подойдя к плахе, сын хотел первым принять смерть, но отец отстранил его («да не зрю тебя мертвого») и ему отрубили голову. Взяв её, сын Пётр поцеловал главу своего отца и, просветившись лицом, весело отдал себя палачу. В тот же час князя Димитрия Шевырева посадили на кол. Он мучился целый день. Изнемогая, укреплялся молитвой, пел вслух канон Иисусу Христу, и тот же день обезглавлены были князь Пётр Горенский, князь Иван Сухой-Кашин, окольный Головин, Пётр Ховрин. Так начали погибать поистине лучшие люди России! Тогда, наконец, соизволили объяснить, почему же «злодеи» Сильвестр, Адашев, Курбский и их соумышленники хотели «извести» Царя и его Семью. Оказывается, потому, что хотели посадить Царём князя *Владимира Андреевича Старицкого* (вспомнились споры 1553 г. во время болезни Царя)!.. Опалам, казням, лишению имущества пошли подвергаться все, кто был хоть в каком-то (не только прямом) родстве с князем Владимиром, или в личной дружбе с ним. Затем стали казнить по вымышленным обвинениям самых видных деятелей. Так, старец вельможа конюший Иван Петрович Фёдоров был заподозрен в том, чего и в мыслях не имел,— свергнуть Ивана IV и самому стать Царём... Иван Ужасный над ним покуражился. Он велел одеть Фёдорова в царскую одежду, дал ему сам в руку державу, посадил на свой трон, поклонился низко («здрав буди, Великий Царь Земли Русския!»), а затем ударил в сердце старика ножом. Опричники стали дорезывать Федорова. Казнили в этой связи князей Ивана Куракина-Булгакова, Димитрия Рязановского, трёх князей Ростовских. Полководцы — князь Пётр Щенятев (уже постригшийся в монашество) и Иван Турунтай-Пронский, также почтенный старик, были убиты без следствия. Казначей Тютин вместе с женой, двумя сыновьями младенцами, двумя дочерьми — девушками порубил на куски брат Царицы — черкас Михаил Темрюкович.

Иногда на пиру Царь бывал грустен, вино «не шло». Тогда вдруг он вскрикивал страшным голосом «гойда!» и все вскакивали из-за стола, зная что сейчас начнётся особое удовольствие. Так, однажды прискакали ночью в темницу, где содержались литовские пленники, и стали рубить и колоть беззащитных. Один попытался сопротивляться, но его зарубил сын Царя Иван, любивший, как и отец, такие кровавые потехи. Поэтому совсем не случайно, что впоследствии был он убит своим же отцом... В другой раз на пиру за какое-то неудачное слово Царь ударил кинжалом одного из любимых шутов, тот упал. К нему вызвали врача, который установил, что несчастный уж мёртв. Царь махнул рукой, назвал покойника «псом» и продолжал веселиться. Среди опричников иногда попадались люди хоть и лихие, но неплохие. Одному из таких Царь протянул чашу хмельного мёда, а тот ответил, что мёд этот смешан с кровью. Иван IV воткнул в дерзкого острый свой посох. Молодой человек спокойно перекрестился и умер. Однажды Царь с дружиной опричников проехали по Москве и забрали в домах знатных людей, дворян и купцов их жён. Царь отобрал себе лучших, остальных дал опричникам. Всю ночь «гуляли» по Подмоскovie, глумились над ними, всех изнасиловали и под утро всех развезли по домам. Некоторые от

стыда и потрясения умерли. Царь похвалялся иноземцам, что сам лично лишил невинности тысячу девиц и тысячи своих детей, рождённых от блудных связей, убил.

Царский двор наполнился колдунами, волхвователями и скоморохами с медведями. Медведей использовали для поедания людей и некоторых потех. Так, глядя на толпу москвичей, гуляющих в праздничный день, Царь любил неожиданно выпускать к ним голодных медведей и веселился, глядя, как кого-то терзали звери, как другие в страхе бежали от них. Потом всем пострадавшим давалась щедрая денежная награда. Всё это было уже не борьбой с *крамолой*, а утверждением своей *вседозволенности*. Тогда, мы имеем здесь дело не с утверждением Православного Самодержавия Российских Царей, а с *прообразованием власти антихриста*.

Опричники стали грабить и притеснять всех. Вошло в обычай, что опричник мог любого привлечь к суду за мнимое «оскорбление» с тем, чтобы суд взыскал с неповинного нужные опричнику деньги. Нередко опричники подбрасывали что-нибудь в лавку купца, затем приходили с судебным приставом и находили своё как бы украденное купцом. Чтобы избежать казни, купец отдавал опричнику всё, вконец разоряясь... В судах опричники всегда должны были быть правы. Обидеть опричника — значило обидеть, или оскорбить самого Царя!.. А казни всё множились. Теперь уж чаще всего и видимость осуждения почиталась ненужной. По доносам «братьев» — опричников, с согласия Ивана IV служилых дьяков, шедших утром в свои приказы, убивали прямо на улицах, среди бела дня... Никто, никогда и нигде не мог чувствовать себя спокойно и в безопасности. Опричники знали, что пользуются «любовью» Царя лишь в случае, если постоянно *доносят*. Поэтому постоянно они должны были *придумывать* различные преступления, как бояр и князей, так и любых других. Ненависть народа к опричникам и Опричнине становилась всеобщей и сильной. Они могли держаться исключительно «оправданием» нужды бороться с боярской крамоллой. Крамол никаких давно уже не существовало. Тогда их *выдумывали*. Были случаи, когда опричники, посланные в войска с царским указом убить на месте «крамольных» воевод, находили последних уже убитыми в сражении ... *за Царя!*

В такой обстановке в 1566 г. запросился на покой в монастырь Митрополит Афанасий. Царь хотел, чтобы место его занял архиерей, отличившийся святостью жизни, и в то же время послушный Царю. Оказалось сие *невозможным!* Поначалу был вызван архиепископ Казанский Герман («осифлянин», значит, как будто верный сторонник Царя). Но он в первых же разговорах с Иваном IV стал намекать на недопустимость безвинных казней и напоминать о Страшном Суде. Его удалили. Вызвали из Соловецкого монастыря знаменитого игумена Филиппа. Он был из рода бояр Колычевых и в детстве лично знаком Ивану IV. Филипп давно славился подвижнической жизнью и тем, что сумел необычайно благоустроить Соловецкий монастырь, придумав там хитроумные устройства для мельниц, для изготовления кирпичей, для иных работ, наладив с помощью точных расчётов осушение болот, орошение земель каналами, иные машины и механизмы. Филипп ни за что не хотел становиться Митрополитом в условиях Опричнины. Но его уговаривали собраты — архиереи, стараясь внушить, чтобы

он не противоречил Царю, «ради пользы Церкви». Уговаривал и сам Царь. Сошлись, наконец, на том, что Филипп не станет вмешиваться в дела Государева Двора, то есть Опричнины, но не отступит от права «печаловаться» о невинных. Филипп стал Митрополитом Московским и всея Руси. Ненадолго. Он, конечно, не мог видеть ужасные зверства и безобразия и молчать. Однажды Царь вместе со «злейшими» явился на Богослужение в «орденских» одеяниях. «В сем виде, в сем одеянии странном не узнаю Царя Православного»,— сказал Митрополит Филипп,— не узнаю и в делах царства. ... Мы здесь приносим безкровную жертву Богу, а за алтарём безвинно льётся кровь христианская. Отколе солнце сияет на небе, не видано, не слыхано, чтобы Цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно». «Что тебе, чернецу, до наших царских советов»,— возмущался Иван IV,— «Одно тебе говорю, отче святой, молчи и благослови нас!» Но верный служитель Христов, истинный пастырь врученных ему душ человеческих, в том числе и души Царя, Митрополит Филипп не молчал. «В самых неверных, языческих царствах есть закон и правда, есть милосердие к людям, а в России нет их! Везде грабежи, везде убийства,— и совершаются именем Царским». «О Филипп! — в ярости отвечал Иван Ужасный,— нашу ли волю думаешь изменить! Не прекословь державе нашей, да не постигнет тебя гнев мой, или сложи свой сан!» Митрополит заметил: «Не употреблял я ни просьб, ни ходатаев, ни подкупа, чтобы получить сей сан. Зачем ты лишил меня пустыни? ... Я пришлец на земле и за истину благочестия готов потерпеть и лишение сана и всякие муки». Царь-оборотень приходил в исступление: «Чернец! Доселе я излишне щадил вас, мятежников; отныне буду, каковым меня нарицаете» (то есть Ужасным). После этого разговора, кстати, и совершенно было массовое изнасилование жён знатных людей, дворян и купцов. Были нарочно устроены и новые казни.

28 июля 1568 г. Митрополит служил в Новодевичьем монастыре. Вошли опричники, один из которых не снял в храме скуфью. Филипп сказал об этом Царю, но когда тот обернулся, опричник успел уже снять головной убор. «Советники» Царя зашептали, что Филипп нарочно клеветает. Терпение Ивана IV лопнуло. Был назначен «розыск» с целью найти лжесвидетелей в Соловецком монастыре, которые бы показали о чём-нибудь скверном в жизни Филиппа. Опричники лестью, посулами, угрозами старались склонить Соловецких монахов ко лжи. Ничего не выходило, добрые иноки знали святую жизнь бывшего своего игумена. Только один — игумен Паисий, прельщённый тем, что его сделают епископом, согласился и стал заведомо клеветать на Филиппа. 8 октября в праздник Архангела Михаила во время Святой Литургии Алексей Басманов с опричниками сорвали с Митрополита служебные ризы и, гоня его мётлами, посадили в сани и повезли на судилище. Народ со слезами и стонами бежал за любимым своим архипастырем. Филиппа судили архиереи-потаковники, люди с продажной совестью (и такие тогда были в Церкви). Обвинили в частности, в волшебстве... Лишённый сана, Филипп был заточён в Тверской Отрочь монастырь. Стали казнить родственников его Колычевых. Отрубленную голову племянника Царь велел прислать Филиппу... В следующем 1569 г. Священномученик Митрополит Филипп был задушен Малютой Скуратовым, отказавшись благословить Царя и его поход на Новгород с целью погрома.

Это было сущее *восстание Царя против Церкви*, небывалый и страшный *раскол между властью государственной и духовной*. Много тайных безчинств и зверств своего Государя народ *не знал*. Большей частью были известны безчинства опричников. Но расправа над всеми любимым Митрополитом Филиппом была достаточным злодеянием, чтобы в народе сильно поколебалось отношение и доверие к Царю. Ему стали нужны крупные «изменные дела» и видимость их правосудного разрешения. В 1569 г., наконец, дошла очередь до князя Владимира Андреевича Старицкого, из-за коего уже пострадало очень много мнимых сторонников возведения его на Престол. Князя Владимира, заведомо подстроенным лжесвидетельством обвинили в том, что он хотел отравить Государя. Тогда сам Царь принудил своего двоюродного брата, возненавиденного за то, что любим был народом, его жену и детей выпить яд, что они и сделали, не желая смерти от рук палачей. Дождавшись, когда они умерли, Царь пригласил их боярынь, служанок и сказал, что хотя они и служили злодеям, но он, Государь, дарит им жизнь. Неожиданным был ответ: «Мы не хотим твоего милосердия, зверь кровожадный! Растерзай нас. Гнушаясь тобою, презираем жизнь и муки!» Смелых служанок раздели донага и расстреляли из пищалей, «Дело» князя Владимира оборачивалось против Царя; народ любил и оплакивал погибшего, не стесняясь даже опричников.

И тогда был замыслен ужасный погром Новгорода и его земель. Некий бродяга с Волыни именем Пётр, наказанный новгородцами, желал отомстить. Об этом узнали опричники и сказали, что нужно сделать. Пётр написал грамоту польскому королю о том, что архиепископ Пимен, духовенство, чиновники и народ Новгорода предаются Литве. Подписи архиерея и прочих были искусно подделаны. Грамоту Пётр спрятал за иконой в Софийском соборе. Дальше всё уже шло, как по маслу! Донос. Проверка. Грамота при свидетелях найдена. В декабре 1569 г. Царь с Царевичем Иваном, со всем Двором и Опричным войском двинулся из Москвы на Новгород. Погром начинался с Твери. От неё начиная, ехали уже с обнажёнными мечами, не влагая их в ножны. Повсюду полились потоки крови. Новгород обложили крепкими заставами, чтобы никто не смог убежать. 2 января 1570 г. войска вошли в город. Сначала опечатали все дома, все лавки, учреждения, забрали на правёж всех священников и монахов, выбивая из каждого по 20 рублей. 6 января в великий праздник Крещения Господня Царь с Царевичем появились в Новгороде, отстояли Литургию в Софийском соборе, *усердно молились*, пошли на обед к архиепископу. И там Царь своим странным криком дал знак опричникам. Начался всеобщий грабёж и погром. Взяли все драгоценности архиерейского дома, Софийского храма, всех церквей и монастырей. Всех монахов и священников убили. Многих горожан убивали на месте. Иных владели на «суд» Царю и Царевичу, по 500—600 и более человек ежедневно. Всех умерщвляли. Хватали семьи новгородцев, независимо от их положения и богатства, свозили к Волхову, там связывали мужей с жёнами, матерей с грудными детьми и бросали в реку. По Волхову в лодках плавали опричники и добывали копьями тех, кому удавалось всплывать. Все дома, амбары и лавки Новгорода приказано было разграбить. В те дни погибло около 60 тысяч человек. Некоторых смущает, что Царь записал в своём поминаннике об упокоении 1505 убиенных новгородцев. Но это могли быть

только те, кого зарубил или предал на смерть лично сам Иван IV. Все очевидцы говорят о десятках тысяч казнённых. Отряды опричников были посланы в Пятину Новгорода за 200—250 вёрст с указом всё и всех грабить и разорять! Ограблены были все церкви и монастыри этой богатой и славной земли. Архиепископа Пимена, опозорив, отвезли под стражей в Москву, где потом заточили.

В понедельник второй седмицы Великого поста 12 февраля Царь утолил жажду крови и гнева. Созвал уцелевших, милостиво даровал им жизнь, оставив им наместником князя Петра Даниловича Пронского. Затем богатейший обоз со всем награбленным отправили в Москву, а Царь поехал во Псков. До смерти испуганные псковичи, ожидая, что с ними будет, как с новгородцами, изъявили в умиленных видах полное своё послушание Царю и покорность воле его. Царь пожелал повидаться с монахом Николой Салосом, юродивым Христа ради, который не убоился обличить Царя в жестокостях и святотатстве и велел подобному убраться из Пскова, подтвердив свое слово предсказанием гибели Царского коня. Любимый аргамак Ивана Ужасного в самом деле неожиданно сдох, и Царь не тронул города, ограничившись тем, что забрал все драгоценности храмов.

Было бы невероятным, если бы подонки-опричники не доносили и друг на друга; менее близкие к Царю — на более близких, что бы занять место последних. Так оно и случилось. После погрома Новгорода вдруг тут же возникло новое «дело» о сношении новгородских и псковских изменников с рядом бояр и служилых людей на Москве, среди которых оказалось немало опричников, в том числе самых видных. Хранитель печати (печатник) Иван Висковатый ведавший важными посольскими делами и очень доверенный человек Государя, казначей Никита Фуников, князь Афанасий Вяземский («келарь» Ордена), Алексей Басманов и сын его Фёдор (особый любимец Царя, как мы помним), боярин Семён Яковлев, думные дьяки Василий Степанов и Андрей Васильев и многие другие — все они были обвинены в «измене», о которой на самом деле и не помышляли!

25 июля 1570 г. стало страшным числом для Москвы. С утра в этот день в Китай Городе построено было множество виселиц, поставлены помосты для казней, разложены орудия пыток, кипел огромный котёл с водой. Москвичи в страхе попрятались по домам, не желая смотреть на грядущее. Царь, приехав и не увидев народа, велел всех созывать. По домам, по дворам, по подвалам побежали опричники, и вскоре площадь наполнилась толпой москвичей. Царь вскричал: «Народ! Увидишь муки и гибель, но караю изменников! Прав ли суд мой?» «Многая лета Великому Государю! Да погибнут изменники!» — раздалось из толпы.

На площадь вывели около 400 измученных, полуживых осуждённых. 180 из них были тут же избавлены от смерти как менее виновные и отправлены в тюрьмы. До 200 человек осталось. В течение четырёх часов их терзали, мучили, варили кипятком, вешали, кололи, резали на глазах остолбеневшей от ужаса Москвы, которая в первый раз увидела, как Царь и Царевич Иван втыкают копыя и сабли в тела беззащитных живых людей (и здесь не смогли удержаться!). Погибли Висковатый и Фуников, пред смертью отрицавшие свою вину (каковой и не было!). Афанасий Вяземский ещё раньше скончался в пытках. Алексея

Басманова Царь велел заколоть его *родному сыну* Фёдору, что тот и сделал. Но недолго прожил и сам. В том же году убили и этого Фёдора (слишком уж много знал!). Подобно сему Царь приказал князю Никите Прозоровскому убить родного брата Василия. Вот они, клятвы опричников! Через три дня казни возобновились у Кремля. 80 жён казнённых дворян были утоплены. Над другими издевались. У дьяка Мясоеда Вислого красивую жену у него на глазах изнасиловали и повесили, а потом ему отрубили голову. Живых людей расчленили, сдирали с них кожу, перетирали надвое тонкими верёвками, выкраивали ремни из спины... Теперь участились расправы без всяких обвинений. Убивали учёных, особо образованных, поучившихся в западных странах и желавших теперь послужить наукой Царю и Отечеству, а также одарённых хоть чем-нибудь, чаще — воинским делом. Так были убиты князь Пётр Оболенский-Серебряный, думный советник Захарий Очин-Плещеев, князь Хабаров-Добрынский, князь Иван Воронцов, воеводы Чирик-Тырков, Андрей Кашкаров, Михаил Лыков, воевода Никита Козаринов-Голохвостов успел постричься в монашество и даже в схиму, но его взорвали на бочке с порохом по приказу Царя, изволившего пошутить, что схимники — ангелы и должны «лететь на небо»... Князя Ивана Шаховского Царь сам убил булавой. Жертвой безумного кровопийства Царя пал и славный военачальник князь Михаил Воротынский. Многое множество можно назвать и иных известных людей, погибших тогда и в последние годы правления Иоанна. Среди них крайне редко бывали изменники (князь Мстиславский, наведший на Русь крымского хана). Подавляющее большинство — это люди и не мыслившие никаких крамол! Очень разные! И святые, и грешные, и добрые сыны отечества и бывшие палачи-опричники (Григорий Грязнов, Михаил Темрюкович, посаженный на кол) и известные, так или иначе знатные, и совсем неизвестные ничем не знатные. Их десятки и сотни тысяч!

Вся эта кровь вопияла к небу. И не раз различными бедами (чумой, военными поражениями, голодом, необычным нашествием крыс и мышей) Господь подавал знамения Своего праведного гнева. Особенно ярко последствия казней в Москве 25 июля 1570 г. сказались в нашествии крымского хана Девлет-Гирея в мае 1571 г.. Такого Москва давно не видала! Хан, подстрекаемый рядом русских изменников, сообщивших ему и о внутренних тяжких делах (о казнях), и о том, что главные силы Московии ныне на Западе, а также султаном турецким, желая принудить Царя отдать Крыму Казань и Астрахань, вторгся в Россию, обошёл наших воевод у Оки и явился к Москве. Царь Иван IV, имея опричное войско, бежал на север, оставив столицу на произвол татар. А в Москве скопилось великое множество люда из окрестных земель, желавшего здесь обрести спасение. В последствии Девлет-Гирей язвительно укорял Ивана IV в трусости. Впрочем сам хан не являл образец смелости. Он не решился идти на приступ Кремля, а поджог Москву в десяти местах. Пожар быстро охватил весь город. Погибло всего около 800 тысяч человек, в том числе много иностранных купцов. Девлет-Гирей, наблюдавший пожар с Воробьёвых гор, вынужден был удалиться, тем паче, что получил ложный слух о движении большого русского войска. Много добра и до 100 тысяч пленных было захвачено крымцами. Уцелел тогда только Кремль, где сидел на святынях и церковной казне Митрополит Кирилл (поставленный на место Филиппа). О набеге было произведено дознание. Князь Мстис-

лавский *сознался*, что «навёл крымцев на Москву» и покаялся. Этого действительного, а не мнимого, изменника помиловали. Потом в 1581 г. Мстиславский опять каялся, что в чём-то «проступил» перед Государем, его опять помиловали. Впоследствии всё же казнили и его, но не за эти измены, а за что-то другое. Казани и Астрахани хан и султан не получили. Девлет-Гирей в 1572 г. вновь ходил на Москву, но был уже вовремя встречен и отражён. Разбил его доблестный Михаил Воротынский, вскоре затем казнённый по обвинению... в колдовстве и связях с нечистой силой.

У Царя оставалось всё меньше верных и мудрых военачальников и устроителей государственной жизни. В 1570-х годах он ещё мог успешно воевать в Литве и Ливонии, а также со Швецией в Эстляндии. Но когда на смену Сигизмунду II Августу пришёл новый польско-литовский король, деятельный и способный Стефан Баторий, друживший с турецким султаном, сумел подтянуть армию и шляхетство, вселить в них нужный воинственный дух, русские с 1577 г. стали терпеть поражения и потеряли, как уже говорилось, *всё*, что с таким трудом добыто было на Западе, в том числе выход к Балтике через Нарву. Поистине невозможно было надеяться на успехи во внешних делах при той внутренней гнилости и порче, какие воцарились в Российском Царстве. Бог поругаем не бывает! А Иван Ужасный, кажется, делал нарочно всё, чтобы противиться Божией правде...

В 1569 г. умерла вторая жена Государя Мария Темрюковна. Он выбрал себе в 1571 г. из 2000 девиц на смотре дочь новгородского купца Марфу Собакину. Она была уже больна, но Царь надеялся, что ему удастся вылечить её «любовью». Он женился. Но Марфа через две недели скончалась, оставшись девицей, не познав царской любви (Господь сохранил!). Тогда вопреки всем канонам и обычаям Царь решил жениться в *четвёртый* раз! Он горько сетовал духовенству на то, что его малолетним детям нужна материнская ласка. Архиереи-потаковники и соглашатели, готовые сильным миром сего служить более, чем Христу, в виду «тёплого умиления и раскаяния» Царя разрешили ему то, что нельзя разрешать,— четвёртый брак под условием нетрудной епитимии: не входить в Церковь до Пасхи, потом год стоять с припадающими, потом ещё год — с верными и потом причаститься. Впрочем, всё отменялось в случае войны. Четвёртой женой стала Анна Колтовская. Через три года, оставаясь бездетной, она ушла в монастырь. После этого Царь взял себе Анну Васильчикову, затем Василису Мелентьеву. Эти уже не назывались Царицами и венчания с ними не было. Наконец, в 1580 г. Царь в седьмой и в последний раз женился на Марии Фёдоровне Нагой, от которой родился Царевич Димитрий, как бы судьбой обречённый стать невинным страдальцем и мучеником за грехи своего отца. При всех этих «женитьбах» Царь не переставал *до последнего дня* своей жизни предаваться блудным страстям. На самой вершине Великороссийской власти *такого* тоже никогда не бывало!

Как мог Русский Царь погрязать во всём этом кроваво-развратном кошмаре? Ведь знало его Отечество и другим,— молящимся, кающимся, добродетельным. Он действительно любил православную службу, даже слагал сам церковные песнопения. Так же воспитывались и его сыновья, например, Иван, написавший житие и службу преподобному Антонию Сийскому. Но всё это было в какие-то лучшие годы, ещё до Опричнины.

Мы вновь возвращаемся к ней, как к *загадке*, которая не решена до сих пор и нам пока тоже не удаётся её решить. Отметим лишь то, что содействовало этому учреждению. Здесь заметно более всего влияние *иностранцев*. Удивительным образом Иван IV стал почитать некоторых ливонских пленников, из числа членов Ливонского Ордена. Таковы были пастор Веттерман (ему Царь доверил разбирать свою библиотеку), немцы Эберфельд, Кальб, Иоган Таубе, Элерт Крузе (ставшие потом опричниками, а потом изменившие и сбежавшие из России). Эберфельд даже стал склонять Ивана IV к аугсбургскому исповеданию (к лютеранству). Царь хвалил лютеранство и разрешил построить в Москве (случай до этого небывалый) лютеранскую церковь. При этом он утверждал, что имеет *немецкое происхождение* от баварских владетелей и что будто бы русское слово «бояре» означает «баварцы». Царь хотел женить сына на немецкой княжне, а дочь свою выдать за немецкого князя. Одному англичанину, который назвал Ивана IV «русским», Царь резко сказал: *«Я не русский; мои предки были немцы»*. Этим «своим», *не русским*, Царь накануне Опричнины доверял самые сокровенные мысли о том, как бы *искоренить бояр*, чтобы царствовать *свободнее*. Иностранцы, видя его опалы и казни лучших вельмож, не любя России, не думали и разубеждать Царя в его губительстве собственного народа. А иные и прямо содействовали этому. Известен врач Елисей Бомелий, клеветавший Царю на его приближённых, изобретший особенно сильные яды. Известна близкая дружба Царя и с другим врачом-англичанином Робертсом Якоби и т.д. ... Иностранцы тогда были большою заботой России. Польско-Литовское государство и Ливония делали всё, чтобы не пропускать в Россию западных учёных, ремесленников, рудознатцев, людей искусства. Когда иные из таковых пытались проехать в Россию по приглашению Царя, их задерживали на границе, некоторых упорных убивали, что явилось *одной из важных* причин войны России с западными соседями. Сигизмунд-Август писал Английской королеве Елизавете: «Московский Государь ежедневно увеличивает своё могущество приобретением предметов, которые привозятся в Нарву... Приезжают и сами художники, посредством которых он приобретает средства побеждать всех. ... До сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образованности, не знал искусств. Но если нарвская торговля будет продолжаться, то что будет... неизвестно?» Достижения западной науки и техники были России нужны. Но к нам попадали большей частью как раз не искусные в этих «хитростях» иноземцы, а другие, с другими задачами. В 1550-х годах Великобритания открывает для себя неизвестную ей дотоле Россию. С ней устанавливаются живые торговые связи. В 1555 г. вся торговля Англо-Русской компании передаётся в английские руки. Англичане строят посёлки и опорные базы от Белого моря через Холмогоры в Москву. В столице они получают дома и усадьбы. Особою базой является Вологда. Налаживается переработка русской пеньки, торговля которою, как и торговля русским лесом необычайно процветает. Знаменитый «непобедимый флот» Англии был целиком оснащён русскими канатами, а мачты его были из русских корабельных сосен. Иван IV старался вовлечь новую союзницу — Англию в борьбу против Польши, Ливонии, Швеции, но безуспешно. В 1572г., уже сокрушив давно все возможные и невозможные крамолы, но всё же постоянно чего-то *боящийся* Царь

Иван IV, униженно просит Елизавету I *принять его с Семьёй в Англии*, если ему придется бежать из России. На это он получает любезное согласие. В 1582 г. Царь начинает свататься к племяннице Елизаветы Марии Гастингс, обещая развестись с Марией Нагой... Дело не устроилось. Но английских собеседников Иван IV явно предпочитает своим русским. Начинает строить на «английском пути» новую столицу своего государства — в Вологде... Царь как бы рвётся из священного и святого средоточия Русской Земли — из Москвы. Он часто пишет английской королеве, передаёт устно какие-то сверхсекретные вопросы и с нетерпением ждёт ответа. Переписка Ивана IV с Елизаветой I составляет более 90 писем, хранится поныне в Лондоне и Оксфорде и почему-то полностью до сих пор не опубликована. Таким образом, особенно тесная связь Ивана IV с Англией начинается с началом Опричнины.

Не попал ли в Россию так или иначе от каких-либо иностранцев с Запада своего рода «микроб» *тамплиерства*? Уж очень похож чёрный Орден «самых злейших» Опричнины на то, что было у тамплиеров. *Под видом* воинствующего за высокие цели христианского полумонашеского братства создан анти-христов Орден развратников и убийц! И во внешнем поведении и даже в одеждах Царь и «братья» — «злейшие» занимаются именно *двойничеством, оборотничеством*. Средневековые рыцарские Ордена все общались между собой. Так, тевтоны связаны были с «Сионской Розой» — ответвлением тамплиеров, предшественницей розенкрейцеров. А с тевтонами общались ливонцы. Многие из тайн тамплиеров было им известно. Могла быть известна и та *тайна власти*, согласно которой сколь можно большее пролитие невинной крови сообщает властителям особую энергию (силу) от преисподней диавола. Тогда страшная перемена облика Ивана IV в 1564 г., которая сделала его Ужасным, вполне может объясняться тем, что он был тогда в Александровой слободе посвящён в одно из тайных сатанинских сообществ.

Опричнина в целом — отголосок «коммунистических» сект Европы. Что такое опричные земли и землевладение? По существу, это *обобществлённые*, отнятые у местных владельцев (или ничейные) земли, сосредоточенные в руках государства в лице Царя, который даёт их *на время*, кому хочет. Конечно, такой социализм, по необходимости, — феодальный. Но это ведь именно *социализм*! Опричники знают, что они не хозяева тех поместий, которые им пока пожалованы (в любой момент их могут отнять!). Опричники поэтому и не заботятся о них, нещадно обирают крестьян, насильно сгоняют таковых к себе от соседей, не хозяйствуют сами. Это землевладение быстро приходит в упадок, крестьяне бегут от опричников и на новые земли Казани, где даются особые льготы, и на Русское Поле — южные уkraine, где строятся, вроде Белгорода, города для обороны от Крыма и осваивают заново Черноземье. Опричные земли уже не дают ни людей, ни доходов.

Всё это вполне выясняется к 1572 г. Опричное войско, смелое только на безоружных, оказывается слабым в боях, что тоже тогда выясняется. Виднейшие опричники — устроители и исполнители кровавых расправ, сами подвергаются казням. Последний крупный злодей «пономарь» Малюта Скуратов погибает в бою в Ливонии в 1572 г.. Царь охладевает к своему Ордену. Но самая главная причина развала опричнины коренится в другом.

Мы видели, что это учреждение создавалось не столько для борьбы с действительно опасностью боярской крамолы или своевольным желанием родовитых бояр править Царём, сколько для уничтожения, по совету епископа Вассиана, всех, кто *умнее (лучше)* хоть в чём-то) Царя. Поскольку этот совет был *заложен* в Опричнину, то она могла работать исключительно по нему. Это значит, что внутри Опричнины всё шло по закону оттеснения или уничтожения лучших, умнейших, более одарённых или удачливых на всех уровнях и во всякое время. *Такое* учреждение *обречено* на самовыврождение, так как оно способно воспроизводить только всё худшее и худшее, всё более слабое, всё более глупое, всё более бездарное и неспособное...

Так, скукожившись до ничтожества, Опричнина сама себя изжила. И с 1572 г. Царь больше не говорит о ней. Опричное войско снимает былую форму, вливаясь в обычное царское войско. Всё кончается. Продолжается только злобное и блудное беснование Царя. Продолжаются, хотя и не в таком большом числе, казни, а также странные *игры* в двойничество, или оборотничество. Так, в 1574г. Иван IV объявляет «Царём» (чаще — Великим Князем) *«всёя Руси»* крещёного Касимовского царевича Симеона Бекбулатовича, а сам именуется «Князем Московским». Симеон живёт в Кремле со всей царской пышностью, от его имени издаются указы. Иван IV живёт на Петровке, ездит скромно «в оглоблях» и *паясничает*, оказывая Симеону царские почести. В одной из грамот он пишет ему: «Государю Великому Князю Симеону Бекбулатовичу всеа Руси Иванец Васильев со своими детишками Иванцом да с Федорцом челом бьют... (далее идёт прошение о том, чтобы не возбранять желающим «людишкам» идти на службу к Иванцу, а от него бегущих не принимать)... Государь смилуйся пожалуй». Комедия длилась два года. Потом Симеон был отослан в Тверь и Торжок.

Весь этот ужас и маскарад не мог просто так продолжаться. Должно было случиться некое последнее Божие предупреждение, и оно случилось... В ноябре 1581 г. в Александровой слободе произошла ссора между Иваном IV и сыном его Иваном Ивановичем. Больше данных за то, что это случилось не по бытовой причине, а в силу горячего желания Ивана Младшего взять войско и освободить Псков от осады Стефана Батория, к скорейшему миру с которым тогда склонялся Иван IV. Царь разъярился: «Мятежник! Ты вместе с боярами хочешь свергнуть меня!» С острым посохом он бросился на сына. Вступился было новый приближённый Борис Годунов, желая Царя охладить, но получил несколько крепких ранений. Царь-отец всё же ударил в висок своим острым жезлом Царевича-сына!.. Через четыре дня 19 ноября 1581 г. Иван Иванович скончался. Горе Царя было сильным. Сын Иван был во всём подобен ему — и в многожёнстве (имел три жены) и в блудодеяниях, и в кровопийствах, имел нрав жестокий и твёрдый, был одарён способностями, короче, был тем, кого на Престоле Московского Царства Иван IV хотел видеть после себя. О втором своём сыне Фёдоре отец говорил, что «то не Царь, а пономарь» (слишком богобоязнен и мягок душой был Федор Иванович).

После краткого периода мук, когда Иван IV, казалось, готов был оставить царство, постричься в монахи, он успокоился и продолжал веселиться, блудить и казнить.

Единственной в те времена отрадой были успехи России в Сибири и далее. Ещё в 1567 г. Царь послал «храбрейших и умнейших казаков» Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева с посланием к «неведомым владыкам неведомых народов», в котором предлагал свою дружбу и просил через этих послов познакомить его с их владениями. Петров и Ялычев прошли до Тихого Океана, побывали в Корее, Китае, Монголии и привезли ценнейшее описание Сибири и указанных стран (даже — Тибета), довольно подробные! В 1581 г. от Строгановых за Урал пошёл с казаками Ермак. Хотя он и сложил там свою голову, но успел привести в подданство Московскому Царю обширные Сибирские земли. Старый слепой «царь Сибири» Кучум отказался идти в плен к Ивану IV. Пленён был его племянник Маметкул, непрестанно бившийся с русскими. Его привезли в Москву, с почётом приняли и дали город в кормление.

Начинался 1584-й год. Иван IV тяжело заболел. Гниение внутри и опухоль снаружи производили окрест него смрадное зловоние. Подходило к концу самое длительное царствование, которое, казалось, никогда не кончится... Были в этом царствовании и великие победы и великие поражения, были кое-какие усовершенствования государственной жизни. И была великая борьба стремления и мыслей, связанных с пониманием того, *каков* должен быть Самодержец Российский, какова, значит, должна быть и вся Россия? Спор этот — главный в истории XVI столетия. От решения его зависели судьбы страны и народа. Ярче всего эта борьба мнений выразилась в переписке Ивана IV с князем Андреем Михайловичем Курбским.

Ничего не бывает случайным. Всё промыслительно! Не убеги князь Курбский в Литву, не было бы перед нами замечательной сей переписки... Курбский бежал в апреле 1564 г. и сразу же, в мае написал вдохновенное письмо бывшему своему Государю, объясняя свой побег «гонением прегорчайшим», несправедливым обвинением, упрекая Царя в том, что он «сильных во Израиле побил» (библейское выражение, означающее знатных, заслуженных, почтенных, князей и старейшин), «и воевод, от Бога данных ти на враги твоя, различными смертями расторгл еси». «Что провинили пред тобою и чем прогневали ты христианские предстатели?» — вопрошает Курбский, имея в виду о. Сильвестра. О казнях верных царских советников Курбский говорит, как о Кроновых жертвах (Кронос — в греческих мифах кровожадный Титан, отец Зевса, истребляющий своих детей).

Незамедлительно, 5 июля 1564 г. Царь Иван IV отвечает на это письмо пространнейшим посланием, где приводит очень большие цитаты из Св. Писания, совершенно отменяя все обвинения Курбского, вспоминая вины и преступления против него бояр, утверждая, что казнил только виновных, но никак не невинных, не видя за собой никаких грехов и ошибок, а также высказывая ряд важных мыслей об образе самодержавного правления. Видно, Курбский крепко «зацепил» Царя!

Обмен этими письмами происходит *до* учреждения Опричнины и начала массовых казней и особенных беззаконий Царя. Курбский отвечает на это «широковещательное и многошумящее писание», как он выражается, крайне лаконично, намекая на невежество Царя в риторике, свидетельствуя о том, что в Литве он, Курбский, научился «аттическому» языку (слогу) и мог бы посрамить

Царя в споре, однако полагает, что «недостойне мужем рыцерским сваритися, аки рабам». Письмо не было отправлено из-за крайней опасности для тех, кто мог бы его передать Царю.

Через тринадцать лет (!) в 1577 г., уже после упразднения Опричнины, повоевав многие города в Литве, в том числе и те, где жил Курбский, Иван IV вспомнил о нём и по своей воле написал ему *второе* послание, короче первого. Оно уже выдаёт некое расстройство сознания и содержит новые самооценки. Царь начинает обращение к князю *полным царским титулом* (Курбский потом справедливо уличит его в паясничестве, так как подобным образом прилично обращаться Царю к царям, а не к нижестоящим). Царь уже не отрицает грехов своих («паче числа песка морского беззакония моя»), называет себя «грешником», «блудником» и «мучителем». Но делает это всё для того, чтобы подчеркнуть, что, несмотря на это Господь дарует ему победы силою Честного Животворящего Креста. Царь и в своих грехах винит бояр, в том числе Курбского: «А и з женою (моею) про что меня разлучили? Только бы вы у меня не отняли юницы моя (Анастасии), ино бы кроновы жертвы не было». «А князя Володимера (Старицкого) чего для естя хотели посадити, а меня з детьми извести?»

Иван IV повторяет, что заговорщики во главе с «попом» Сильвестром и «собакой Адашевым» хотели сами царствовать, а Царя держать в подчинении, что и явилось причиной этой борьбы с боярами и многих казней. «Только б есте на меня с попом не стали, ино б того ничево не было: всё то учинилося от вашего самовольства».

Курбский ответил на это послание в несколько приёмов, с двумя дополнениями к основному письму, когда 15 сентября 1579 г. Иван IV потерпел решительное поражение от Стефана Батория и потерял те города, которые раньше взял, в том числе — Полоцк и Сокол. Письмо это уже носит образ как бы приговора Царю. Ответа на него не последовало.

Есть своя правда и своя неправда как у Царя, так и у Курбского в этом словесном поединке. Оба они в пылу спора, стремясь оправдать свою сторону и обвинить другую, что-то преувеличивают, о чём-то умалчивают. У Царя однако неправды намного больше. Но зато у него больше непосредственного живого чувства. Курбский более сдержан, более точен в выпадах и оттого более холоден.

Неправда Курбского в том, что он склонен сильно преуменьшать значение боярского своеволия и крамолы, он их как бы совсем не видит. Как удельный князь он смотрит на род удельных московских князей и называет его «весь ваш кровопийственный род», не признавая, следовательно, за ним прав жёсткого подчинения себе прочих удельных князей. Но сущая правда в том, что Царь, по Курбскому, казнит без разбору невинных, преданных ему военачальников, советников и слуг. Неправда Ивана IV в том, что последнее он до конца совершенно отрицает, настаивая, что казнит только виновных, за дело. И правда Царя в том, что он, как Самодержец, обязан был сломить гордостное своеволие родовитых бояр, чреватое постоянно изменой и крамолой. Оба они, и Царь и Курбский, походя, высказывают свои (и не только свои!) мысли о царской власти, что и является для нас самым важным.

В первом письме Иван IV много говорит об обязанности и праве Самодержца наказывать и казнить изменников. Но всё это «стреляет мимо цели», так как Кур-

бский упрекает его не в этом, а в казнях неповинных людей. Чувствуя здесь слабость доводов, Царь прибегает к поразительному лукавству. Приводя тексты Ап. Павла о необходимости послушания рабов не только добрым, но и злым (строптивым) господам, он язвительно спрашивает: «И аще праведен еси и благочестив, про что не изволил еси от мене, строптивного владыки, страдати и венец жизни (то есть Царство Небесное) наследити?» Немного ранее Царь утверждает, что Курбский сбежал «не от смерти», а «убоялся *ложного* (на него) смертного отречения по твоих друзей, сотонинских слуг, злодейственному *солганию*». Иначе говоря, Царь утверждает, что слух о готовящейся смертной расправе над Курбским был ложным. Но здесь нужно уличить во лжи Царя. В документах Посольского Приказа есть запись наказа в начале 1565 г. русским послам в Польше говорить о Курбском, что он с соумышленниками хотел умертвить Царя, Царицу и их детей, но заговор раскрыли. Курбский, узнав о том, бежал в Литву, а его оставшиеся соучастники были в Москве *казнены*. Друзья не солгали, сообщили тогда Курбскому сущую правду. Царь-то сам это знал и потому в этом пункте вновь прибегает к ужасной казуистике! «Аще праведен и благочестив еси, по твоему глаголу, почто убоялся еси неповинная смерти, еже несть смерть, но приобретение?»

Здесь Царь скрыто подводит «оправдание» под все свои безчинные казни и убийства. С его точки зрения, он может казнить и убивать и за дело и не за дело «просто так», как ему, Государю вздумается. А *подданные* должны терпеть всё, так как в случае, если их убивают несправедливо, то они получают от Бога награду в Царстве Небесном, но на земле сохраняют верность Государю до смерти.

К чести многих нужно заметить, что тогда многие невинно убиваемые именно так и рассуждали! Но как мог *убийца* рассуждать подобным образом, да ещё в искажённом толковании привлекая тексты Св. Писания?! Чего здесь больше,— изошрённого цинизма, или непомерно высокого представления о вседозволенности для Самодержца? Хватает, по-видимому, и того и другого.

Касаясь понятия о «сильных во Израиле», Царь пишет: «... Не вем, кто есть сильнейший во Израили? Понеже бо Русская Земля правится Божиим милосердием, и Пречистые Богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи (наконец, в последнюю очередь) нами, своими государи, а не судьями и воеводы, ниже ипаты и страстиги». Итак, согласно, Ивану IV, Русский Самодержец, кроме Небесной поддержки, *не нуждается* ни в каких советниках, но должен править *сам, один!* Что же касается обращения с любыми подданными, в том числе с советниками, то Царь пишет: «А жаловати есмя своих холопей волны, а и *казнити* волны же есми были». Здесь *холопами* называются отнюдь не крестьяне, или городские низы, а именно *князья и бояре*.

Курбский пытается сказать о необходимости Царя прислушиваться хотя бы к советам Церкви, духовных лиц. Царь отвечает, что царство не может обладаться «попом невежей». «Нигде же бо обрящеши, еже не разоритися царству, еже от попов владому» (владеемому). Но речь ведь не шла о том,

что «попы» должны *владеть* царством, а лишь о том, что Православный Царь должен быть в совете с Церковью. Мы знаем, как поступил Иван IV и с о.Сильвестром и с Митрополитом Филиппом. Итак, для него, Ивана IV, и Церковь не указ ни в каких делах.

Курбский напоминает Царю о его прежнем благочестивом житии, говорит о том, как «ласкатели», «прескверные паразиты и маньяки», которыми ныне окружил себя Царь, осквернили его телесную церковь «различными нечистотами, наипаче же пятоградные гнусности пропастию (мужеложеством) и иными безчисленными и неизреченными злодейства напраказали», как диавол поднёс Царю вместо добрых советников и воевод «прегнусодейных и богомерзких Бельских», «кромешников, или опришников кровоядных, тмы тмами горших чем палачей», призывает Царя покаяться и очиститься для своей же пользы вместо того, чтобы собирать «чаровников и волхвов от далечайших стран». «О, споспешниче первого зверя и самого великаго дракона!.. Поколь так долго не насытишься крови христианские, попираючи совесть свою?» — восклицает Курбский, — «Не губи к тому себя и дому твоего! ... Очутися и воспряни! Некогда (не) поздно, понеже самовластие наше и воля... ко покаению данная нам... от Бога, не отъемлется исправления ради нашего на лутчее».

Если отбросить неправды, преувеличения, лукавства и побочные темы спорящих, то в письмах Царя и Курбского перед нами сущая *трагедия России!* Царь, как мы отмечали и ранее, а теперь явно видим от него самого, решительно уклоняется в крайность полного, безответственного своеволия. Последовательность шагов здесь такова.

Натерпевшись боярско-княжеского своеволия в годы своего малолетства и зная, как трудно приходилось с родовитыми князьями его отцу и деду, Иван IV решается, продолжая линию Московских Самодержцев, сокрушить это своеволие — источник заговоров и смут. В этом он прав, и это ему *удайтся*. Но он не удерживается на этой границе, переходит её, уклоняясь в истребление невинных. Здесь включается совет епископа Вассиана (Топоркова) не иметь советников *умнее себя* (ибо ты самый лучший!). Но кто поможет в таком явном и сознательном беззаконии?

Так возникает нужда в Опричнине из готовых на всё отбросов общества. С её помощью систематически уничтожается в России не только то, что претендует на какой-то «совет» Государю, но вообще всё, что может быть умным, высоким, благородным, образованным, смелым, что может пользоваться любовью или симпатией народа (они должны принадлежать только Царю, так как *он* лучше всех!). Но и здесь не предел! Дальше неизбежно должна следовать вакханалия кровавых злодейств, насилий, безчестий, грабежей уже только для самоутверждения Царя в том, что как *Самодержец* он может всё, ему *всё позволено* (вплоть до сыноубийства)!

Неверный взгляд на самодержавие (отказ от всякого совета в том числе — с Церковью) приводит к самоволию, самоволие — к самоуправству и самодурству, самодурство — к самоуничтожению. Это уже не Православное Российское Самодержавие; это уже фараонитское, антихристово, вавилонское и чисто сатанинское губительство. *Такая* царская власть, *такое* Государство на Руси теряют смысл. Они здесь не свои, они не нужны, они и не могут здесь на Руси существо-

вать, это чувствовал Иван IV, почему и стремился прочь от православных святынь Москвы, даже отрекался от своего русского происхождения; упрекавший в бегстве Курбского, сам был готов *бежать в Англию*, хоть на край света! Так Иван IV подписал «приговор» и своему роду (династии) и самому государству. Что потом и случилось. Но ведь нельзя не сказать, что ничего подобного не было бы, если бы Митрополит Даниил, как и полагалось ему, тогда в 1529 г. не благословил *незаконное* второбрачие Василия III!..

Что же Великороссия, что же народ, что же Святая Русь в эти страшные времена?

Великороссия *разделилась* (подобно тому, как разделил её на Опричнину и Земщину Царь). *Святая Русь* так и осталась Святой. Угодивших Богу людей, то есть святых, чья жизнь в основном протекала в рамках XVI века, насчитывается примерно 85 человек (почти как в веке XV-м). Среди них, кроме уже упомянутых, такие великие подвижники, как Адриан Пошехонский, Александр Свирский, Антоний Сийский, Арсений Комельский, Святители Гурий, Герман Казанские и Варсонофий Тверской, Иоанн Блаженный Московский (Железный Колпак), Иона, епископ Пермский, Кассиан и Корнилий Комельские, Корнилий Псковский, игумен, убитый по приказу Ивана IV, Нил Столбенский, мученики Пётр и Стефан Казанские, и многие другие. Противостоят на Руси, как обычно Римскому папе. А тот *не раз* в XVI в. предлагает свои услуги в деле мира под условием признания его главенства над Русской Церковью. В 1581 г. в Москву приезжает иезуит Антоний Поссевин и навязывает Ивану IV против его желания споры о вере. Отметая сложные для себя вероучительные вопросы, Царь говорит лишь о гордости папы, который не должен считаться ни наместником Христа, ни наместником Ап. Петра и его не должны носить на носилках, как Бога — ангелы, а иначе он — «волк а не папа». Поссевин возмущён, но Иван IV являет ему многие милости, заверяет в своих дружеских чувствах к папе, говорит, что только о вере спорить не нужно, чтобы не поссориться...

Русь Святая собирает древние сказания и слагает новые. Начинается здесь и книгопечатание. В 1564 г. в Москве Иван Фёдоров и Пётр Мстиславец печатают первую книгу «Апостол». Они бы успешно могли здесь трудиться и дальше. Но началась Опричнина, в условиях которой такое умное и выдающееся дело не могло бы существовать. Печатники бежали в Литву. Впрочем нужно помнить, что «Апостол» первая славянская книга только на Москве. Русское книгопечатание началось раньше, ещё в 1491 г. (Осмогласник Фиоля) в Кракове, затем Ф. Скорина издал славянский Псалтирь в 1517 г., Яков Бабич устроил в 1519 г. русскую типографию в Вильне. В русско-литовских землях расцветает тогда то, что не могло цвести на Москве. В *Остроге* князь Василий-Константин Острожский создаёт школу и печатает первую Библию (!). В *Ковеле* князь А. Курбский пишет «Историю Великого Князя Московского», много переводит и занимается укреплением Православия. В *Слуцке* принимают бежавшего из Москвы Артемия Отенского, в том же *Вильно*, создаётся православное братство и налаживается русское книгопечатание, во *Львове* также создаётся братство, а затем православная школа и даже академия.

Русь Святая, настоящая Великороссия глубоко скорбит о том, что творится в Отечестве, но остаётся твёрдо *верной своему законному Царю*. Сожалеет

о нём, молится за него, страдает от него, понимает что к чему, ясно видит, что здесь — попущение (наказание) Божие, которое нужно молитвенно и с верой *пре-терпеть* в надежде, что Бог Сам или *исправит* душу несчастного Царя (как уж один раз и было!) или даст *другого*, но восставать на своего Самодержца нельзя! С этой точки зрения те, кто побежал в Литву, в том числе и Курбский, хотя и хорошие люди и понять их можно, но всё же они — изменники, или нетерпеливые, не правые. *Верить надо* (не человекам, не Царю, а —)Богу: если Он попустил такое искушение — значит это *нужно* для людей, на то Его святая воля!

Но *другая часть* Великороссии увидела, что беззаконие и безобразие могут подниматься из тёмных нор и углов «преисподней» на самый верх царской власти, что Царь не всегда может быть «удерживающим» зло, что тому, кто восхитит власть, *всё позволено*. Поэтому верховная власть начинает восприниматься не как *крест служения* Богу и Отечеству в Бозе, а как вожденное средство «широкой жизни» на широком пути что хочу-делания! Для достижения такой цели не грех прибегать и к *двойничеству, оборотничеству*, уметь *под видом* (под маской) благочестия или законности творить всё, что угодно! Этот соблазн глубоко вошёл в русскую Душу, в ту её часть, что отделила себя от святости веры и верно-сти Богу. Он потом скажется в узурпаторах, в лжецарях — самозванцах, в Петре I, в большевиках.

... А тогда, в 1584 г. Царь Иван IV Ужасный ужасно и умирал. Из-за своего многоженства в последние годы он только исповедался, но не причащался. Велел созвать от Холмогор до Лапландии самых искусных *колдуний*, чтобы они толковали ему движения звёзд и определили день смерти. Колдуньи определили: Царь умрёт 18 марта. В то же время *по монастырям* были разосланы милостыни с просьбой молиться за Царя. Сам он заповедал сыну Фёдору царствовать благочестиво, не обижать людей, у всех просил прощения. Англичанин Горсей, бывший во дворце 18 марта описал подробно последний день Ивана IV. Царя принесли в комнату с его сокровищами. Борис Годунов дал знак Горсею следовать туда. Англичанин увидел и услышал как Царь рассказывал о разных драгоценностях и объяснял свойства камней сыну Царевичу и боярам: «... Вот алмаз,— говорил он,— самый драгоценный из восточных камней. Я никогда не любил его; он удерживает ярость и сластолюбие и даёт воздержание и целомудрие. ... Указывая на рубин, он добавил: «О, как этот камень оживляет сердце, мозг, даёт бодрость и память человеку, очищает застывшую испорченную кровь». Царь попробовал *погадать* на пауках, но часть их разбежалась: «Уж слишком поздно, это меня не спасёт»,— сказал Иван IV. Потом он почувствовал слабость, беседу закончил. Его стали несколько раз *околдовывать и расколдовывать*, «но теперь диавол стал безсилен»,— заключает Горсей. Царь велел врачам вести его в баню, наблюдать *за приметами* и ещё раз послал князя Богдана Бельского к колдуньям. Тот им сказал, что их или закопают живьём, или сожгут, так как день 18 марта наступил, а Царь здоров. Колдуньи ответили, что день кончается вечером... Царь принял баню, где его тешили весёлыми песнями, затем посвежевший сел на постель и решил сыграть в шахматы с Р. Биркеным. Сам расставлял фигуры, почему-то никак не мог поставить «короля». И вдруг упал навзничь! Кругом засуетились. Наспех постригли умиравшего в схиму. Всё было кончено! 18 марта 1584 г. Царь умер. Было же ему всего 54 года отроду!

Глава 9

ЗАТИШЬЕ

После ужасов царствования Ивана IV представляется полной противоположностью мягкое, доброе правление его сына Феодора Ивановича. В России внезапно наступает как бы совершенная тишина. Из жара — в холод (или — наоборот). Россию бросает из крайности в крайность — это как сильное шатание корабля. Однако тишина царствования Феодора Ивановича — внешняя, обманчивая, которая может быть точнее названа лишь *затишьем* перед новой бурей. Ибо то, что творилось во времена Опричнины не могло просто исчезнуть; оно должно было иметь и возымело самые ужасные последствия.

Царь Феодор, принимая власть в 1584 г., был человеком уже не молодым, выросшим в условиях кошмаров своего отца, окруженный людьми, причастными к этим кошмарам, хорошо их знавшим, и, может быть, поэтому внутренне *сторонившимся* деятельного правления. Ибо по натуре новый Царь был глубоко и искренне верующим и действительно добрым. Люд московский видел его всегда кротким, озарённым мягкою улыбкою. Исходя из этих качеств, править теми людьми, что были выращены Иваном IV и притом чудом уцелели, было просто невозможно. Отсюда некоторое юродство в поведении Феодора Ивановича, так что иные воспринимали его как «блаженного». Отсюда же и стремление передоверить ведение текущих государственных дел человеку сильному, жёсткому и тоже хорошо знающему, с кем он имеет дело. Таким человеком близ Царя оказался сначала боярин Никита Романович Захарьин-Юрьев, родной дядя Царя по матери, первой жене Ивана IV Анастасии. Но он вскоре умер, и место его занял другой родственник Государя, — брат его жены Ирины, Борис Федорович Годунов. Говорят, что Никита Романович «завещал» Годунову своих детей («Никитичей»), в том числе Феодора Никитича Романова, о которых Годунов должен был заботиться. Как он «позаботился», мы потом увидим. А теперь посмотрим, кто такой был Б. Ф. Годунов? В отличие от Никиты Захарьина-Юрьева Годунов являлся прямым порожденьем Опричнины. В ней он числился в юных годах при царском саадаке (луке о колчаном и стрелами). Затем сумел выгодно жениться на дочери Малюты Скуратова (женщине очень властной, хитрой, жестокой, как и её отец), а затем и породниться с самим Иваном IV, сын которого Феодор женился на сестре Годунова Ирине и очень к ней привязался. Годуновы происходили из потомков татарского мурзы Четы, перешедшего на службу к Московским князьям при Иване Калите. Борис оказался человеком в высшей степени хитрым, безконечно лживым и двоедушным, с огромным тщеславием и желанием самому при случае сделаться Царём, и притом человеком несомненно очень одарённым. Он был сущим самородком, способным, как оказалось, к весьма искусному ведению государственных дел, к неким даже грандиозным замыслам, тонким политиком, но, правда, весьма плохим военным. Вероломство Бориса Годунова так же хорошо ведомо истории, как и его способности. Но мало кто знает, что он был полностью *безграмотным*, то есть до конца дней не умел ни

писать, ни читать... С одной стороны, это ещё более увеличивает представление о природной его одарённости. Но, с другой стороны, именно эта безграмотность, а, значит, недостаточная образованность, Годунова оказывается причиной многих бед его правления, многих неверных и опасных шагов, а главное — отсутствием должной духовной православной начитанности, что способствует крайнему лицемерию и притворству в делах веры. Как мог добрый и духовный Царь Феодор доверить дела *такому* человеку? Прежде всего, это объясняется тем, что Борис Годунов обманул Царя притворным почтением и верностью. Но не мог же Феодор Иванович не видеть или не чувствовать духовно именно это страшное притворство Годунова! Тогда, что же в самом деле происходило при Дворе в те времена?

Страшно погромив княжеско-боярскую знать, страшно её, как и *всех*, напугав, Иван IV вовсе её *не уничтожил*. И не потому, что не мог, а потому, что и не хотел, не ставил перед собой такой задачи. Целью его, как мы видели, было постоянное самоутверждение во всяческом своеволии и самодурстве с попутным уничтожением всего «более умного, чем он сам», в любых (во всех!) сословиях. Опричнина разделила, раздвоила Великорусский народ, его душу, посеяла в ней страшные плевелы демонического оборотничества (двойничества), но она отнюдь не уничтожила того, против чего, казалось, созидалась, то есть боярско-княжеской части ведущего слоя российского общества. Иван IV с начала до конца мог любить и жаловать тех князей и бояр, которые ценой потери всякой совести и достоинства готовы были ласкательски ему служить. Вот почему после смерти Ивана IV мы обнаруживаем нового царя в плотном окружении всё тех же князей и бояр, с теми же их свойствами и повадками, то есть с борьбой за влияние на Царя, кознями, распрями и т.п. . Меняется лишь *имена* знати, да и то далеко не все! Так и при Царе Феодоре мы видим и Захарьиных-Юрьевых, и Мстиславских, и Бельских, и неистребимых Шуйских, из коих особенно выделяется скрытый соперник Годунова князь Василий Иванович. Есть, правда, и относительно новые люди. Это тот же Годунов, Нагие (родственники последней жены Ивана IV), думные дьяки Андрей и Василий Щелкаловы, некоторые другие, но за редким исключением и эти новые люди — отпрыски весьма благородных (а иногда и родовитых) боярских и княжеских семейств!

Можно представить себе, *какие* навыки усвоили себе эти старые и новые представители российской знати, пройдя так или иначе *через горнило Опричнины!* Правда, к чести высшего сословия тех времён нужно сказать, что *большинство* его составляли личности, несмотря ни на что сумевшие сохранить и чистую совесть и благородство в поступках. Но некое меньшинство, очень опасное тем, что именно оно и было *самым ведущим*, самым деятельным и решающим, вполне пропитавшись духом Опричнины, являлись сущими оборотнями, притворщиками и, конечно же, гордыми властолюбцами!

На *таких* и нужен был *такой же*, как они! Вот главная причина выдвижения к самому кормилу правления Бориса Годунова. Это является некоей чудовищно закономерной *неизбежностью*, следствием всего предыдущего царствования Ивана IV.

Мы помним, что от последней, седьмой жены Ивана IV Марии Нагой родился последний сын Грозного — царевич Димитрий. Прямым наследником он не был (наследовал старший — Феодор). К тому же многие в царском окружении считали Димитрия «не настоящим» царевичем, именно как рожденного от явно незаконного седьмого брака... Но в случае смерти Царя Феодора именно Димитрий оказывался наследником Престола. Борьба (большую частью скрытая, но яростная) за власть разных боярско-княжеских сообществ около Царя могла в любой миг привести к «использованию» царевича Димитрия. Поэтому он сразу же вместе с матерью и родственниками был удалён из столицы в г. Углич, в некое «почётное заточение». Воспитателем его был назначен Богдан Бельский. Царевич и его семья жили по-царски, получали от Феодора Ивановича богатые подарки, но были решительно отделены от всяких государственных дел.

Вскоре молва на Москве обвинила Богдана Бельского в том, что он хотел «извести» Государя Феодора. Вспыхнул бунт. Его возглавили рязанские дворяне Ляпуновы в Кикины. На Красную площадь устремилась большая толпа. У Спасским воротам приставили пушку и под угрозой взятия Кремля потребовали выдать восставшим князя Богдана. Царь вынужден был срочно отправить Бельского в ссылку в Нижний и тем прекратить волнение в народе. Чрез некоторое время Борис Годунов расправился с Иваном Мстиславским и Шуйскими, по ложному против них обвинению. А Шуйских очень любили тогда на Москве, особенно торговые люди. Их волнение было быстро подавлено публичными казнями, — отрублением семи купеческих голов. Все видные Шуйские и их сторонники — князья Колычевы, Быкасовы и иные были заточены в ссылки и там удушены. Уцелел лишь князь Василий Иванович Шуйский. Волнения москвичей по поводу *царских* дел — явление новое. Это всходы тех страшных семян недоверия, разделения, подозрительности и вражды, которые сознательно сеял в России Иван IV. Это *предвестники Смуты*. Они обнаруживают великое брожение умов и возбуждение в народе, который, как помним, сознательно был включен обманами и коварством в деянья царей. Значит, уже теперь мы можем отметить, что пресеклось, прекратилось *единство* народа в Великороссии, заменившись опасными разделениями. Они, разделения, бывали и раньше, но если всегда Государи Великой России старались их быстро унять и преодолеть, то теперь, начиная с Ивана IV, напротив, частенько старались разжечь, возбудить. Но толпа народа *слепая!* Она может пойти за горланами — главарями и натворить множество бед страшной стихией своего возмущения (бунта). Но безусловно преступны те правители, кто начал впервые коварно использовать силу этой ужасной стихии в своих незаконных стремлениях и целях. Во включаемой в государевы действия толпе разбудили зверя, которого нужно было теперь уметь и задабривать и закармливать. Кроме того, в этом «звере», начиная с Ивана IV, создалось представление, что прекрасный и добрый наш Царь окружен постоянно крамольниками и изменниками, за которыми зорко должен следить *народ*, дабы не дать им Царя «извести» (погубить)...

О, душа Великой России! В какой омут или котёл страстей стали тебя ввергать, пользуясь детской доверчивостью твоей! Кто мог бы тебя, душа, успокоить, унять, наставить на путь духовного *мира* и *света!* По-видимому, только Православная Церковь.

В церковных делах Промысел Божий в своём предвидении того, что будет в России в XVII веке, начал тогда, в веке XVI созидать нечто особое, чрезвычайное. Дела развивались так.

Ещё до разгрома стороны Мстиславского-Шуйских, *из угождения* этим противникам Годунова Всероссийский Митрополит Дионисий с рядом других духовных и светских лиц стал предлагать то, что ещё так недавно почиталось явным грехом. Царица Ирина оказалась бездетной, Этим решили воспользоваться, чтобы убрать её от царя как сестру Годунова, влиявшую на мужа в пользу брата. Дионисий хотел говорить Государю Феодору, чтобы он «пожаловал отпустил бы Ирину во иноческий чин» и женился *вторично* «царского ради чадородия». Своевременно узнав о намерении Митрополита, Борис Годунов сумел отговорить его от таких предложений. Но узнавший о том Царь Феодор до глубины души возмущился. Будучи человеком действительно (а не по внешности только) *православным* Государь решительно стоял на том, что в таких делах, как и в прочих, Царь — человек должен блюсти обязательный всем церковный и Божий закон, не преступая его даже в мнимых целях «блага отечества», то есть не желал повторить греха Симеона Гордого, Василия III, Ивана IV, зная о *последствиях* этих грехов и, к тому же, очень любя свою Богоданную жену. Отчасти по этой причине, когда Дионисий потом стал «печаловаться» за Шуйских, Царь его не услышал и не защитил. Годунов устроил соборное смещение Дионисия и Митрополитом поставлен был очень преданный Годунову Ростовский епископ Иов. И когда, спустя определённое время, в 1589 г. возникло дело об учреждении в России Патриаршества, Борис Годунов всё устроил так, чтобы Патриархом Московским и всея Руси стал именно Иов.

Дело же устройства на Москве Патриаршества многозначительно и изумительно во многих отношениях. В 1596 г. состоялась знаменитая Брестская уния, подготовлявшаяся в польско-литовских землях ещё в 80-х годах. Ряд «православных» епископов согласились признавать над собою власть Римского папы, сохраняя лишь внешний богослужебный обряд Православия. Было сие почти то же, что уния Флорентийская.

Мы видели, как из века в век католический Рим старался подчинить себе Православные народы, в том числе — Русский народ. Очень деятельная работа иезуитов в польско-литовских землях привела, наконец, к успеху. Соединив грубые притеснения православных с хитростью и пользуясь оторванностью от Московии русских литовско-польских земель, католики добились от нетвёрдых, пошатнувшихся в вере пастырей согласия на подчинение Папе. И хотя далеко не все православные этих земель согласились на унию с Римом, это было крайне тревожным знамением наступления инославного Запада на Православный Восток, не менее, если не более тревожным, чем известная нам Флорентийская уния. Откликом на неё, как мы помним, стало учреждение автокефалии (независимости) Русской Церкви в 1448 г., когда, начиная с Митрополита Ионы, все последующие предстоятели нашей Церкви поставлялись собором своих русских епископов на Москве, без влияния и утверждения Патриархов Царьградских. Подобным же откликом, или ответом на грядущую унию Брестскую со стороны Великороссии стало желание учредить на Москве *Патриаршество*. Таковое к тому же как высшая степень церковной власти соответствовало бы

высшей степени, достигнутой властью Московских Великих Князей, сделавшихся *Царями*.

В 1586 г. об этом пошли разговоры с прибывшим в Москву Патриархом Антиохийским Иоакимом. Тот обещал всё довести до сведения остальных трёх Патриархов Восточных (Константинопольского, Александрийского, Иерусалимского). В 1588 г. прибыл в Москву Константинопольский Вселенский Патриарх Иеремия. С ним разговоры о патриаршестве в России были тем успешней, что сам он много терпевший от турок в Царьграде, был не прочь переселиться в Россию, сделавшись здесь Патриархом. Но Российская сторона, наипаче Борис Годунов, Патриархом хотели своего Митрополита Иова. Дабы не обидеть Иеремию и в то же время сделать для него невозможным Московское патриаршество, ему сказали, что готовы иметь его Патриархом, но так, чтобы жил и служил он лишь во Владимире, а не в столице — Москве. Иеремия всё понял и отказался, согласившись поставить на Русское Патриаршество Иова. 26 января 1589 г. в Успенском соборе Кремля в необычайно торжественной обстановке Митрополит Иов был провозглашён Патриархом Московским и всея Руси! Ясней становилось всё более великое предназначение Великой России. Возымев в себе Царство, она возымела отныне и Патриаршество, этого очень хотел благочестивый Государь Феодор Иванович, радовался сему и весь Великороссийский народ. Однако Иов оказался человеком, как говорится, «подпорченным», способным на лицемерие, притворство и великую лживость в великих вещах.

Не прошло и двух лет, как в России случилось ужасное: в 1591 г. 15 мая в Угличе был зарезан девятилетний Царевич-отрок Димитрий. Злодеяние сие совершили люди Бориса Годунова и по его приказу. Это вполне выясняется из всей совокупности данных, соответствует и Житию убиенного Царевича Димитрия, причисленного вскоре к лику святых. Годунов, конечно, старался представить дело иначе. Особое следствие во главе с Василием Шуйским, отменяя правдивые показания, упрямо, но довольно коряво изображало всё как несчастный случай: будто бы юный Царевич в припадке падучей болезни сам наткнулся на ножик, которым играл с друзьями. Однако люди тогда (и особенно в Угличе) точно знали, что это не так, что Димитрию во дворе перерезал горло один из слуг Годунова. Его, как и его сообщников угличане тогда же на месте убили, уничтожив тем самым важных свидетелей. Но слуги убийц тогда же сказали всю правду. Все тогда, в том числе и патриарх Иов хорошо понимали, что нужно (выгодно) было это убийство именно Годунову, очень хотевшему стать Царём. этой цели он никогда не смог бы достичь, если б в живых оставался Царевич Димитрий. А что Годунов давно уж хотел стать царём было так широко известно, что об этом, как о важном обстоятельстве жизни Московии, писали разные иностранцы, ещё до страшного злодеяния. Да и всё говорило о том. Так, двор свой Борис Годунов устроил точным подобием царского, присвоил себе ряд невиданных пышных титулов, при живом Государе, от своего имени и имени *своего сына* Феодора подписывал важные грамоты и т.д., как бы видя себя уже царствующим. Желанием царствовать Годунов давно делился с особенно близкими ему людьми и просил *колдуний* предсказать ему, будет ли он Государем. Одна из них предсказала, что будет, но только семь лет. По вторяем, всё это *тогда уже* было многим, в том числе иностранцам, известно.

Не случайно Борис Годунов страшно расправился с Угличем, у жителей которого не вызывала сомнений причастность Бориса к убийству царевича Димитрия. Большинство жителей города были высланы в Сибирь, некоторых казнили и рассаднили по тюрьмам, колокол Углича был увезен в Тобольск. После сего город Углич совсем запустел. Кара Божия явилась довольно быстро. 6 июня, огромный пожар случился в Москве, а под стенами её явились из Крыма татары. Впрочем, некоторые летописцы говорят, что и то и другое было делом рук Годунова, хотевшего, чтобы москвичи в своих бедах быстро забыли беду, происшедшую в Угличе. Что ж, может быть. На Годунова это очень похоже.

Что же Глава Русской Церкви, призванный быть совестью Государства? Патриарх Иов, всем обязанный Годунову, в свою очередь всё делал в пользу его, отрицал и убийство царевича Димитрия, говоря о несчастном случае, и идя таким образом даже против церковного знания и сознания тех времён.

С кончиной царевича Димитрия кончилась прямая ветвь Рюриковичей, а значит, *кончилась династия* царей и великих князей Московских, столько веков правивших Великой Россией! Вот к чему приводило безумное, вплоть до сыноубийства, беззаконие Ивана IV! Невинный сын-отрок как бы расплачивался за виновного отца. Однако это было только началом расплаты. Страшные беды должны были обрушиться и на Государство и на весь Великорусский народ.

Но это будет позднее. А тогда, после 1591 г. продолжалось спокойное и благое царствование Государя Феодора. Успешно слагались и внешние дела. Под руку Москвы запросился Грузинский Царь Александр Кахетинский, теснимый и Турцией и Ираном в лице Шаха Аббаса Великого. Последний потом с помощью сына Царя Александра-Константина, обращённого в мусульманство, всё же сумел удержать в своём влиянии Грузию, но не надолго. Воевали тогда и выгодно договорились со шведами. В Польше, после смерти Стефана Батория, Русский Царь Феодор Иванович чуть было не стал королём! Этого очень хотела большая часть панства и люда. Но всё разрушилось о невыполнимость условий. Царь Феодор должен был короноваться в Кракове, именовать-ся сначала королём Польским, великим князем Литовским, а потом уж Царём Московским, а также должен был из Православия перейти в католичество. Никакой подлинно православный и подлинно Русский Царь таких условий принять не мог никогда, несмотря ни на какие выгоды соединения в одних руках власти над двумя великими тогда государствами — Московским и Польско-Литовским. И хорошо, что не смог бы! Лучше за верность свою пользоваться поддержкой и милостью Царя царствующих и Господа господствующих — Бога!

Милость же Божия к Русской Земле при Государе Феодоре явлена была во многом, в том числе и в состоявшемся Всероссийском прославлении чудотворной Курской Коренной Знаменской иконы Пресвятой Богородицы. Это случилось в 1597 г. и случилось так. Курская святая икона чудотворила с XIII столетия. Слава об этом распространилась по всей Русской Земле. И вот благочестивый Царь Феодор Иванович пожелал видеть святыню в столице. Встречала икону необычайно торжественно вся Москва во главе с Государем, Патриархом, духовенством, Синклитом (так частенько у нас называли ближайших к

царю служилых князей и бояр, то есть *Правительство*). Курскую Коренную икону поместили в Успенском соборе Кремля. Она чудотворила и здесь, Царь Феодор решил придать иконе более благолепный вид. Дело в том, что сия икона была весьма небольшой (примерно 15х15 см.) и представляла собою такой же образ Знамения Матери Божией, что и известная Новгородская икона. По указу Государя Феодора Курскую иконочку вставили в кипарисную раму, а на раме изобразили Ветхозаветных Пророков, возвестивших о рождении Спасителя мира от Девы. Этими изображениями икона стала отличаться от Новгородской и увеличилась в размерах, царица Ирина собственноручно вышила для Курской иконы богатую пелену. После того, как столица достаточно поклонилась святыне, её возвратили в Курск. Затем перед вступлением в Москву самозванец Лжедмитрий 1-й взял вновь икону из Курска и привёз в столицу. Суеверный, но маловерный не знал, что святыни не только не помогают неправым и злым делам, но разрушают их... Курская Коренная икона пробыла в Москве до 1615 г., то есть до полного окончания Смуты и воцаренья в России новой династии Романовых. Но было это поздней, а тогда, в 1597 г. Государь подумал, что икона называется Курской, а Курска-то нет! Как помним, он был сожжён при Батые. Тогда Государь Феодор издал два указа — один о построении города Курска «на его прежнем месте» и второй — об устройстве мужского монастыря (Коренной Пустыни) на месте обретения иконы в 27-ми верстах от Курска в 1295 г.. это вписалось как бы само собой в общий замысел построения или укрепления целого ряда городов на южных границах тогдашней Восточной России с целью поставить заслоны против Крымских татар, что и было исполнено.

В следующем 1598 г. 7 января слабый телесным здоровьем Царь Феодор Иванович отошёл ко Господу. Многим уже была ясно, что царствовать будет Борис Годунов. Но не так просто было устроить сие! По общим мнениям Царём должен был бы быть кто-то от исконного царского рода Московских царей (то есть Рюрикович). Со смертью царевича Димитрия прямой ветви этой династии более не было. Но были близкие к ней, например, Шуйские (Рюриковичи). Однако Шуйских заблаговременно Годунов разгромил. Оставшийся в живых и на службе Василий Иванович Шуйский вёл себя тише воды и на царство не покушался. Были и другие родные покойного Царя Феодора. Среди них наиболее видным и всеми любимым являлся двоюродный брат Феодора Ивановича — князь Феодор Никитич Романов-Юрьев, имевший и нескольких братьев Никитичей. Феодор Никитич тоже никак никогда на царство не претендовал. Но средь народа и знати было немало таких, что хотели видеть его Царём. Были, конечно и сторонники Годунова, который состоял также в родстве с почившим Царём, будучи ему шурином (братом жены). Сделать выбор было не просто. Вспомнили и о престарелом «царе» Симеоне Бекбулатовиче, но Годунов успел расправиться с ним. Законным было бы и царствование вдовы Государя Царицы Ирины. Поначалу ей и стали было приносить присягу. Но она, давно всё решив в совете с братом Борисом, быстро постриглась в монашество в Новодевичьем монастыре. Можно было взять Царём и кого-то из королевских Домов Европы. За разговоры об этом дьяк Андрей Щелкалов сразу подвергся опале. Всех стали приводить к присяге боярской думе,

что было невиданным новшеством для Руси. Но затем поспешили собрать большой Земский и Церковный Собор представителей всех сословий Великой России для избрания Государя. Сторонники Годунова, в том числе и особенно Патриарх Всероссийский Иов, хорошо подготовили «мнение» собора. Иов решился даже на явный обман. Он записал в Грамоте Собора, будто ещё **Иван IV Васильевич** на смертном одре «**приказал**» в случае смерти сына Феодора царство его Борису Годунову.

Как это печально, что первый Патриарх Московский оказался способным на ложь. Он был за это наказан. Потеряв духовное зрение правды, он затем потерял и телесное, и вынужден был сам оставить правление церковью, уйдя «на покой», что потом, возможно, сделало его способным и на покаяние. Не ему, а новоизбранному Патриарху Гермогену суждено было стать за Русскую Землю в Смутное время, предрешить победу Отечества и сделаться мучеником за веру, правду и Родину.

При выборах своих в Государя Борис Годунов устроил настоящее представление! Он долго и упорно отказывался от царства, перед великими чудотворными святынями Русской Земли (в том числе — пред иконой Владимирской), произнёс несколько страшных клятв, что никогда и в мыслях не имел стать Царём ... Ему подыгрывал Иов. Наконец, как бы с трудом, против воли, повинувшись «слезам и молениям» народа,— согласился.

1 сентября 1598 г. Борис Годунов венчался на Царство. А в 1601 г. начался страшный, невиданный голод, длившийся три года! Начались большие разбои и нестроения. И пошли первые слухи о явлении Самозванца Лжедмитрия. На Великую Русь надвигалась великая Смута.

Глава 10

ВЕЛИКАЯ СМУТА

Как видим, нечто, мягко говоря, неладное в Русском Государстве, начавшись с Ивана IV при введении им Опричнины, продолжалось. Личное благочестие и благонравие Царя Феодора Ивановича омрачалось лживостью и жестокостью временщика — правителя Бориса Годунова.

Сие «неладное» состояло в отходе высшей власти и сильнейшей части ведущего слоя Московского Царства от тех вековых духовных устоев, какие закладывались в это Царство высшей, лучшей волей народа. Вкратце мы об этом уже говорили. Скажем теперь, что этот отход можно ещё обозначить как изменение содержания понятия «Третий Рим». На смену церковному и духовному смыслу «Третьего Рима» как единственной и важнейшей крупной мировой Православной державы, призванной поэтому быть средоточием, хранилищем православного исповедания Евангелия в учении и в *жизни*, во всеобщем стремле-

нии к благочестию, приходит совсем иное восприятие вещей. В сознании Ивана IV, Годунова и немалой части бояр «Третий Рим» — это прежде всего *ми́рское могущество* во вполне языческом смысле. Православие *как учение* сохраняет и даже защищается. Но Православие как *благочестие в жизни* страшно попирается, в решительных случаях совсем отбрасывается, и попирается при этом на самых *вершинах власти*, что служит великим соблазном народу.

Во второй половине XVI — начале XVII веков стало такое восприятие «Третьего Рима» преобладающим. Но оно ещё не утвердилось, не стало осознанным, будучи в значительной мере стихийным. Потому возникала надежда, что дело можно исправить, вернуться к христианскому и духовному пониманию «Третьего Рима». Тем паче, что как бы в поддержку сему пониманию приходило другое, также давно возникшее понимание Православной Великой России, — «Новый Иерусалим». Потом мы увидим, как в XVII веке победило это чисто духовное, исконное восприятие Родины и государства. Победа сия была самым славным достиженьем жизни Великой России. Но путь к ней был непростым и лежал через преодоление *лжи*, воцарившейся на самой вершине власти. Неправда рождает неправду, беззаконие плодит беззаконие, оборотничество или двойничество также воспроизводят себя в новых видах, на погибель тем, кто первым стал к ним прибегать. Всё это мы уже хорошо посмотрели в истории и должны будем увидеть ещё. Борис Годунов (порожденье Опричнины) — оборотень по самой своей сути, он иначе *не может*. Говорить одно, а делать совсем другое, притворяться, играть в кого-то, как бы на себя надевая маску — вот ужасные свойства его. Поэтому он *не верит* ни другим, ни Богу, постоянно *боится* чего-то, он *не верит* в глубинах своей души и тому, что он — Царь и постоянно стремится себя и других в этом сознании утверждать.

В жестокости и коварстве Борис Годунов старался не отступать от Ивана IV, у которого он, трепеща, скромно служил «при саадаке». В иных отношениях Годунов старался его превзойти. Тень великого Ивана IV как бы витала над Годуновым, так что сам он становился тенью Грозного или Ужасного предшественника своего. Оказался он сущим мастером на лицедейство на большие «спектакли». Так, в самом начале, еще до Венчанья на Царство, но уже избранный на него, 1 апреля 1598 г. Борис Годунов объявил, что полчища Крымского хана движутся на Москву, *заранее зная*, что едет один лишь *посол* хана с малым отрядом и притом — для заключения мира. Тотчас по приказу Царя собралось на Оке огромное русское войско — до 500 тысяч бойцов. Годунов громко везде говорил, что готов отдать жизнь за Христианство и Отечество, поехал к войскам и начал с того, что каждого день «угощал» у себя до 70 тысяч человек, осыпая военачальников всяческими, в том числе — небывалыми, милостями и изображая героя, готового ринуться в бой вместе с войском. Ждали немало. Наконец, «неприятель» явился... Наши разъезды доложили, что едет не рать, а посол. Годунов всё равно приказал ночью палить из всех пушек, напугав до смерти посольство. Потом он принял его, обласкал, одарил и снова начал пиры со своими войсками, как бы по случаю славной победы. Москву он также заставил встречать себя как великого победителя, защитника Отечества, *показавшего*, что готов грудью стать за него... Годунов безумно любил иноземцев, до недостойного раболепства пред ними. При нём оживились сношения с Англией,

с королевой Елизаветой, английским купцам были даны небывалые льготы. Во времена Годунова Москва так наводнилась иностранцами, что от них, как говорится, было не протолкнуться. Немцы, поляки, англичане, датчане, шведы, французы, итальянцы,— кого здесь только не было! Почти всех Годунов одаривал деньгами, дорогими вещами, припасами сверх всякой меры. А они в большинстве писали потом о нём и о России очень дурно и гордостно. Немудрено, что всякое подражание Западу стало модным в столице. Многие стали рядиться в иноземные одеяния, покупать западные предметы быта и роскоши и уже не боялись принимать европейские мысли.

Вместе с тем Годунов оказался политиком слабым. Он не сумел воспользоваться враждой между шведским принцем Сигизмундом, избранным в Польше королём после смерти Стефана Батория, и его дядей Карлом IX, занявшим Шведский престол, на который также претендовал Сигизмунд. Объединение Польши и Швеции в одних руках не случилось. Случилась меж ними борьба, каковая могла дать нам возможность вернуть себе Нарву, выход к Балтийскому морю и всю Ливонию, подчиненную Польше. Годунов ничего решительного не предпринял, чтобы этих выгод достичь.

Зато он много хлопот положил на то, чтобы найти невесту сыну Феодору и жениха дочери Ксении среди королевских семейств Европы. О невесте просил он и Англию. Детей своих, особенно сына Феодора Годунов, будучи сам неграмотным, старался всячески образовать.

И дети его, по свидетельству летописцев, были «чудные отроки». Заботясь о них, царь Борис Годунов не знал, что влечёт их к могиле вслед за собой всеми иными своими деяньями. Царь тянулся к учёным людям, но без разбора, и пред ними любил показать свою «широту». Так, при нём была построена первая на Москве Лютеранская церковь. Знаменитый Троицкий келарь Палицын Авраамий потом о Годунове писал: «Ереси же арменстей и латынстей добре потаковник бысть». Годунов задумал устроить в России университет по подобию западных, с привлечением иноземных учёных. Задумал он и нечто совсем грандиозное: уничтожив кремлёвские храмы построить на этом месте точную копию храма Гроба Господня (Воскресения) в Иерусалиме из дорогих камней и иных дорогих материалов. Слава Богу, из-за чрезмерной дороговизны проекта, а также из нежелания многих разрушать Успенский собор, замысел не стал приводиться в действие. Годунов ограничился постройкой в Кремле новых каменных царских палат.

Западные духовные влияния проникали на Русь уже при Иване IV. Так, к примеру, митрополит Макарий в споре с дьяком Иваном Висковатым не считал невозможным писать иконы для кремлёвских храмов по образцам католических картин, в чём был совершенно не прав, несмотря на свою образованность. Висковатый мыслил вернее! В XVI в. к нам в иконописание приходят чуждые Православии образы (к примеру — образ Бога Отца в иконах «Отечества»), а также произвольный затейливый западный аллегоризм, взамен строгого православного символизма. Но при Годунове влияния Запада льются в Россию просто широкой волной и с ними в XVII веке будет вестись очень большая борьба всеми нашими Патриархами, всеми лучшими силами общества.

В то же время Борис Годунов решает избавиться от всех возможных претендентов на Русский Престол и всех вообще ему неудобных. К делу подходит с присущей

ему «широтой». Им (Царём!) всячески начинают поощряться *доносы*. Всех на всех, но особенно — слуг на господ, детей — на родителей. Доносчики, независимо от правдивости их сообщений, публично поощряются и одариваются. В стране начинается нечто ужасное. Соблазн доносительства распространяется так, что в семьях начинают бояться друг друга!.. Следуют, естественно, пытки, расправы и казни. Кровь снова окрашивает цветом своим вершину Российской власти. В 1601 г. происходит расправа с «Никитичами», с теми детьми боярина Никиты Романовича Юрьева, которые им были «завещаны» на сохранение Годунову. Старший из них Фёдор Никитич Романов-Юрьев — общий любимец, человек образованный, мудрый, показавший способности к ведению государственных дел, разлучается с семьей и насильственно постригается в монашество с именем Филарет. Его жена становится инокиней Марфой, от неё отнимаются дети, в том числе 6-летний Миша Романов, и помещается на Белоозере. Остальные братья «Никитичи» погибают в разных ссылках, кто от голода, кто от иных мучительств.

Как бы в ответ на все эти отступления и преступления, в том же 1601 г. начинается страшный голод. Он длится *три года*. Уносит сотни тысяч жизней, в России заметным явлением становятся случаи людоедства (даже в Москве!). Не в силах прокормить крестьян, помещики часто отпускают их кормиться самим, не даруя полной свободой, чтобы потом снова вернуть их себе. Многие из отпущенных начинают жить татьбой, грабежом и разбоем, бегут на Дон, в Сибирь, в Запорожскую Сечь, умножая собою *казачество*, уже значительно умноженное теми, кто раньше бежал от Опричнины. Особо разбойной землёй тогда становится Северская Украина (Новгород Северский, Чернигов, Путивль, Курск, Рыльск и т.д.), граничащая с Польско-Литовским государством, — «Севрюки», — как это тогда называли, или «прежепогибшая Украина». Казаки — разбойники собираются в шайки-отряды и промышляют разбоем. Разбои так умножаются, что Борис Годунов вынужден для защиты столицы выставять большие войска.

В том же страшном 1601 г. появляется Лжедмитрий 1-й. Так начинался в Велюкороссии XVII век.

Будущий Самозванец рос в довольно известной семье служилых людей Отрепьевых-Нелидовых в Москве. Звали его Юрий. Говорили, что был он Отрепьевым не родным, а приёмным, являясь на самом деле побочным (внебрачным) сыном кого-то очень знатного. С юности его отмечалось, что был он весьма похож на убиенного Царевича Димитрия. Сходство усиливалось тем, что Юрий, как и Димитрий, был смугл лицом, имел бородавку почти на переносице, ближе к правому глазу и одна рука у него была короче другой. Разговоры об этом опасном сходстве Юрий мог слышать давно. Он знал наверняка, что Царевич Димитрий был убит в девятилетнем возрасте, поэтому никак нельзя предположить, что Юрий сам искренне отождествил себя с Димитрием, сам уверовал в то, что он и есть чудом спасшийся царевич... Значит, мы имеем дело с особым бесовским внушением и обольщением. Юрий в семье Отрепьевых-Нелидовых получил хорошее воспитание и образование, проявив природные способности. В 14 лет он ушёл от семьи из Москвы и стал скитаться по разным монастырям. В Вятском (Хлыновском) Успенском монастыре игуменом Трифоном в 1595 г. Юрий был пострижен в монашество с именем Григорий. Года через два после этого он вернулся в Москву, где в Чудовом монастыре (в Кремле) проживал его дед Замятна

Отрепьев. По бедности внуку разрешили жить вместе с дедом. Здесь он был посвящен в сан иеродиакона. Скоро на молодого, способного чернеца, умевшего сочинять каноны угодникам Божиим, обратил внимание Патриарх Иов и приблизил к себе, стал брать даже в заседания Царской Думы, где Григорий воочию увидал царский Двор, приём иностранных послов, много узнал для себя важных вещей. Но при Дворе обратили внимание на сходство его с убиенным Царевичем Димитрием, об этом пошли разговоры, которые иногда вёл сам Григорий, который тогда увлекся астрологией, алхимией, магией. Раздражённый Борис Годунов приказал за чернокнижие сослать Григория на Соловки. Но один из думных дьяков затянул умышленно исполнение указа и Григорий в 1601 г. бежал сначала в «прежепогибшую Украину», затем через Киев в Литву. Здесь он не без провалов и неудач стал домогаться внимания крупных польских магнатов, дружить с казаками, посетил Запорожскую Сечь, где научился владеть конём и оружием. Учился он и латинскому и польскому языкам, кое-как осилив. В 1603 г. ему удалось войти в доверие к семье Вишневецких, которым он и открыл свой замысел бороться за «возвращение» себе Московского Царства. В такой аванюре оказался особенно заинтересован родственник Вишневецких Юрий Мнишек, воевода Самбора, совсем разорившийся и крупно задолжавший в казну короля Сигизмунда. В 1604 г. Григорий Отрепьев был представлен королю, ни сколько не сомневавшемуся в том, что пред ним обманщик и проходимец. Не сомневались в этом и все почти крупные польские паны (Острожский, Ходкевич, Замойский, Лев Сапега, Збаражский, и другие). Но были и такие, что верили легенде Григория, потому что очень *хотели* поверить. Среди таковых находился папский нунций в Польше кардинал Ронгони, доложивший папе Клименту VIII о «царевиче». Римский папа тоже ничуть не поверил. Однако и он, как и король Сигизмунд решил воспользоваться Лжедмитрием, так как в случае успеха его авантюры открывалась возможность привести к унии с Римом весь Великорусский народ. Сам Григорий — «Димитрий» это твёрдо обещал иезуитам, Ронгони, королю и папе (в личном письме последнему). Сам Лжедмитрий *тайно* (дабы сразу не отпугнуть православных) принял католическую веру и причастился от Ронгони. Так Ватикан и могучие тогда иезуиты оказались на стороне Лжедмитрия. А он обручился с Мариною Мнишек, дочерью Юрия Мнишека и с ними заключил договор, что в случае, если он станет Московским Царём, то заплатит все долги Мнишека и, кроме того, даст Марине во владение ряд древних, богатых русских городов. Сигизмунд назначил Лжедмитрию содержание, войска не дал, но разрешил набирать таковое из всех желающих. Лжедмитрий, зная поляков, не рассчитывал только на них; он развернул в свою пользу большую работу среди казаков Запорожской Сечи, Дона, «прежепогибшей Украины». Масса их, а также иных гулящих людей поверили Самозванцу, присоединились к его небольшому сначала полуторатысячному отряду. В 1605 г. Лжедмитрий вошел в границы Московского Царства, пополняясь десятками тысяч казаков и вольных людей, воюя русские города Кромь, Путивль, Новгород Северский, Курск и другие. Слух о нём быстро бежал впереди него. И немало доверчивых русских склонялись на его сторону, Много было в народе таких, что не хотели верить злодейству, то есть тому, что Царевич

Димитрий убит, и сердечно обрадовались, узнав, что он спасся и жив и идёт на Москву против всеми нелюбимого Царя Бориса.

Так во многом на доверчивости Великоорусского народа паразитировал Самозванец. В тогдашних народных представлениях не укладывалась и сама возможность, такого обмана. Отчасти потому, что принятие на себя чужого имени почиталось изменой Ангелу Хранителю, а «перевоплощение» в другое лицо — вообще делом дьявольским, так как только бесы любят такое оборотничество и им занимаются. Иными словами, самозванчество *православного* человека в глазах православных людей того времени было явлением *невозможным*. Легче было *поверить* тому, что если «царевич» говорит о себе, что он — чудом спасшийся Димитрий, то точно так это и есть! Среди казачьей вольницы, примкнувшей к Лжедимитрию, были и те, кто искренне верил в легенду, но больше было таких, кто хотел просто пограбить в России, что потом вполне обнаружилось.

По мере движения Самозванца Царь Борис Годунов всё более проникался страхом, хотя знал хорошо, что дело имеет не с Царевичем Димитрием, а с Гришкой Отрепьевым. Всё своё царствование Годунов вообще провёл в постоянной боязни. Этот страх невозможно понять иначе, как следствие постоянной памяти о том, что пришёл он на царство через убийство Царевича Димитрия и поэтому был как бы *не настоящим* Царём. Отсюда и стремление Годунова уничтожить, убрать всех возможных противников и стремление задобрить и задарить всех и вся. Несмотря на щедрость, Царя Бориса не любили ни в народе, ни в высших сословиях, и он это знал. Наконец, 13 апреля 1605 г. то ли от страха, то ли от яда Борис Годунов внезапно скончался. Вместе с ним исчезла хоть какая-то высшая власть. Рухнуло государство, всё превращалось в хаос. Вот законный итог беззаконий Ивана IV и Годунова!

В этом хаосе быстро исчезла и армия. В русских войсках давно уже шли нестроения и колебания. Что это значит, когда под Тулой при подходе разбойника Ивана Болотникова 15 тысяч российского войска без боя сдались ему?! Только сим крушением всех основ государственной жизни, крайним падением нравов, смятением умов, умножением повсюду разбоев, — только хаосом этим и можно вполне объяснить, что с горсткой поляков и не такими уж многочисленными отрядами вольных казаков Лжедмитрий I-й вошёл в Москву. Правда, здесь успешно действовали его сторонники. В июне 1605 г. они подняли бунт. Семью Годунова убили. Разнесли и разграбили патриарший двор. Дело в том, что Патриарх Иов оказался в отношении Самозванца очень твёрдым. В словах и в особых посланиях он призывал не подчиняться злодею, разоблачал его как Отрепьева и предал *анафеме*. За это восставшие чуть было его не убили, но он готов был и умереть и, молясь, восклицал: «Ныне, по грехам нашим, на Православную Веру наступает еретическая». Сразу после вступления Самозванца в столицу, 24 июня 1605 г., Собор российских иерархов, в подавляющем большинстве *признавших* лжецаря действительным Царём Димитрием, низложил Патриарха Иова. По просьбе его он был отправлен в Старицу, откуда был родом из посадских людей, под крепкий надзор. На место его тот же Собор по указке Лжедмитрия

Патриархом поставил Рязанского архиепископа Игнатия, грека, давно поселившегося в России. Он первым из епископов явился к Лжедмитрию в Тулу, ещё до вступления в Москву признал его Государем и стал приводить людей к присяге новому Царю.

Как же сильно, после всего предыдущего, люди в России оказались подвержены страху! Даже родная мать убиенного Царевича Димитрия инокиня Марфа, вызванная в Москву, принародно *признала* в Лжедмитрии своего сына! Потом она покается в этом. А тогда впечатление от такого признания оказалось очень значительным. Лжецарю присягнули бояре, представители разных сословий, — почитай вся столица! Ловкий грек Игнатий, прознав о стремлении Самозванца подчинить Русскую Церковь Римскому папе, живо это стремление поддержал. Кардинал Боргезе из Рима писал в Польшу Кардиналу Ронгони, что Игнатий «готов на унию». У Лжедмитрия с его католическими «отцами» велась интересная переписка. Папа писал Самозванцу: «Мы уверены теперь, что апостольский престол сделает в тех местах (то есть в России) великие приобретения...» И советовал лжецарю, между прочим, такое: «Пред тобою поле обширное: сади, сей, пожинай, ... строй здания, которых верхи касались бы небес; ... обучай юношество свободным наукам!» Чем не замысел университета Бориса Годунова, или сталинского МГУ на Ленинских горах!

Казалось, сбывается многовековая, исконная мечта католичества: поверженная в пучину хаоса Россия вот-вот подчинится Римскому папе.

Меж тем Лжедмитрий старался внешне вести себя как православный. По прибытии в Москву Марины Мнишек был устроен пышный спектакль. Патриарх Игнатий венчал на Царство Лжедмитрия I, одновременно венчал его с «Маринкой», как её называли в народе, и одновременно последнюю приводил к Православию, но — только через Миропомазание, а по обычаям тех времён нужно было — через Крещение.

Так явились новые оборотни на Руси. Однако игра их очень скоро стала видна почти всем. Маринка понавезла с собою католическое духовенство, в Кремле иезуитам был выделен дом для богослужения. И всему потворствовал «патриарх» Игнатий. Так продолжалось без малого год. Незаконность Царя, его оборотничество в святых делах веры, безчинства поляков в Москве вызвали возмущение и заговор. Во главе стал князь Василий Иванович Шуйский. 17 мая 1606 г. заговорщики подняли восстание на Москве. Лжедмитрий был схвачен, убит, сожжён, пепел его зарядили в пушку и пальнули в ту сторону, откуда пришёл он, то есть на Запад. Игнатия низложили и заточили в Чудов монастырь, «яко да совершенно навыйкнет благочестия веры». 25 мая Василий Шуйский был Венчан на Царство! Так и он сумел побывать Государем России. Тут же призвал он Патриарха Иова, но тот по причине слепоты и старости отказался. Нужен стал другой Патриарх. Выбор пал на митрополита Казанского Гермогена (пишется иногда — Ермоген).

Дивен Промысел Божий, приведший его на вершину церковной власти в это страшное Смутное время. Происходил Гермоген также из посадских людей. В 1579 г. он был рукоположен в священники Никольской Гостинод-

ворской церкви в Казани. И в том же году там свершилось великое чудо обретения Казанской иконы Пресвятой Богородицы. Это связано было с крайним упадком веры Христовой в новой земле, поругание православных со стороны мусульман за неурожай, пожары и прочие беды. Некая девочка, дочь стрельца, по откровению во сне обрела на месте их сгоревшего дома невесту кем и когда зарытую в землю икону матери Божией. Икона стала чудотворить и являть многие знамения особенной благодати. Вся Казань сбежалась к ней как к источнику спасения и заступленья от бед. Очевидцем всего стал священник Гермоген. Он тут же записывал всё, что происходило около чудотворной иконы и составил повесть о ней, возымев к ней самое усердие. Слава о Казанской иконе быстро пошла по России, с нею были сделаны многие списки, из коих некоторые тоже стали чудотворить. «Заступницей усердной рода христианского» была названа Богородица в этом Казанском образе. Именно этой иконе и возлюбившему её Гермогену и судил Господь избавить Москву и Россию от хаоса Смуты и рук супостатов. Промыслом Богородицы Гермоген за праведность жизни был потом в 1589 г. поставлен Казанским Митрополитом, а в 1606 г. стал Патриархом всея Руси.

Первым делом нужно было исправить шатанье людей в отношении Лжедмитрия и освободить их от данной ему присяги (клятвы). Был объявлен особый и *строгий пост*, после чего 20 февраля 1607 г. в Успенском соборе Кремля началось публичное покаяние. Патриарх Иов покаялся в том, что скрыл от народа, что Царевич Димитрий убит был «умыслом Бориса» и призвал к покаянию всех. Инокня Марфа каялась в том, что из страха признала сына своего в Самозванце. Москвичи плакали и каялись в том, что присягали Борису Годунову и Гришке Отрепьеву. Два Патриарха, — Иов и Гермоген разрешили всех по особой молитвенной грамоте, громогласно читавшейся архиереем.

К этому времени впрочем дело уже велось о другом Самозванце — Лжедмитрии II-м. Этот был уже вовсе явным авантюристом. И зная об этом, Рим и некоторые в Польше вновь поддержали его! А легенда была такова: «царь» Димитрий в Москве не был убит, а сумел бежать («чудесно спасся» вторично!). И вновь примкнули к нему казачьи отряды из Малороссии, с Дона с «прежепогибшей Украины». Вновь немало русских людей поверили лжи, ибо очень хотелось иметь «настоящего», «прирожденного», как тогда говорили, Царя, каковым в глазах многих мог быть только прямой потомок Ивана IV. Марина Мнишек «признала» в Лжедмитрии II-м своего законного мужа. Однако её духовник — иезуит счёл нужным тайно венчать её с новым Самозванцем; иезуит знал, что он не тот, убитый в Москве, а другой Лжедмитрий... Сохранились тайные инструкции Рима приближенным этого Самозванца. Суть их в том, чтобы постепенно, но неуклонно вести дело к унии Церкви Российской с Церковью Римской, к подчинению папе. Вот уж где католики показали, что для них цель оправдывает средства. В 1608 г. Лжедмитрий II-й вошёл в пределы России и вскоре приблизился к Москве, став лагерем в Тушино. Потому и называли его тогда «тушинским вором». «Вор» в понятиях тех времён — государственный преступник (тех, что крадут вещи, тогда называли татями). Маринка родила сына от Лжедмитрия II-го.

Малютку в народе тут же называли «ворёнком». Москва заперлась. Ещё оставались очень небольшие войска для защиты столицы. Шатание настроений и умов возникло великое. Иные князья и бояре по несколько раз перебегали из Москвы к «вору» в Тушино и обратно. Не имея сил вести большую войну, Царь Василий Шуйский призвал на помощь Шведского короля Карла IX-го. И тем совершил большую ошибку. Как мы уже говорили Карл Шведский и Сигизмунд Польский воевали тогда за Шведский престол. Призванием шведов Шуйский ставил Россию в положение военного противника Польши, чем она и воспользовалась, видя Смуту на Русской Земле,— объявила России войну. Теперь королевское польское войско под «законным» предлогом вошло в Московское Царство. Самозванец стал не нужен полякам и они от него отошли. Сигизмунд осадил Смоленск, а крупное войско Жолкевского подошло к Москве. Недовольные Шуйским бояре в июле 1610 г. свергли его с престола (принудили отречься). Но кого теперь ставить Царём? Во многом это зависело от бояр.

О, Великороссийские князья и бояре! Сколько было в вас искони стремления властвовать в государстве. Вот теперь не стало никакого Царя, теперь вы получили, как кажется, всю полноту власти. Вот теперь бы вам показать себя, показать, на что вы способны! И показали...

Среди правительства, состоявшего из семи бояр и прозванного «семибоярщиной», началась страшная разногласица мнений. Патриарх Гермоген сразу же предложил призвать на царство 14-летнего «Мишу Романова», как назвал он его. Но Патриарха не слушали. Обсуждали предложение Польши посадить на Московский Престол сына короля Сигизмунда Владислава. Большинство бояр согласилось. Полякам открыли ворота Москвы и они заняли своим гарнизоном Китай город и Кремль. В то же время огромное польское войско осадило монастырь Преподобного Сергия — «Игумена Русской Земли», Троице-Сергиеву Лавру, но после 16-месячной осады так и не смогло её взять! Патриарх Гермоген готов был согласиться и на королевича Владислава, но при таких условиях. Владислав крестится в Православную Веру немедленно, под Смоленском. В жены себе он возьмёт только девицу Православного Исповедания. Поляки уйдут из России, а все русские отступники, перешедшие в это время в католичество, или унию будут казнены, Между Москвою и Римом никогда не будет никаких переговоров о вере. Под Смоленск к Сигизмунду отправлено было посольство для переговоров о престолонаследии. Духовным главою посольства явился Митрополит Ростовский Филарет Никитич Романов, изведенный из ссылки и затем посвященный в архиерейство при Царе Василии Шуйском. В то же время Патриарх Гермоген не переставал увещевать тушинцев, ещё стоявших с вором под Москвою, призывая их обратиться, покаяться и прекратить разорение Отечества.

Оказалось однако, что на престоле Московском хочет быть сам король Сигизмунд... Но это держалось в тайне. Большинство бояр согласилось принять *и такое*, ссылаясь на то, что поляки уже в Москве, а у русских нет войска, чтобы защититься от Польши. Была составлена грамота, где говорилось, что Московское государство «отдаётся на волю короля». Члены правительства подписались. Нужно было, чтобы подпись поставил и Патриарх Гермоген. С этим к нему явился князь Михаил Салтыков. Глава Русской Церкви ответил: «Нет!

Чтобы король дал сына своего на Московское государство, а королевских людей всех вывел бы вон из Москвы, чтобы Владислав оставил латинскую ересь, а принял греческую веру,— к такой грамоте я руку приложу. ...А писать так, что мы все полагаемся на королевскую волю, и чтобы наши послы положились на волю короля, того я и прочие власти (церковные) не сделаю и вам не повелеваю. Явно, что по такой грамоте нам пришлось бы целовать крест самому королю». Салтыков выхватил нож и устремился на Патриарха. Тот перекрестил Салтыкова, сказав: «Не боюсь я твоего ножа, ограждаюсь от него силою Креста Христова. Ты же будь проклят от нашего смирения и в сей век и в будущий!». В декабре 1611 г. грамоту эту бояре всё-таки повезли под Смоленск к находившимся там российским послам.

И вот здесь случилось такое, что явилось переломной чертой всех событий и вывело государство из хаоса Смуты, из обстоятельств, казавшихся безнадёжными. Получив грамоту, и не увидев под ней подписи Патриарха, послы ответили нашим боярам, что грамота незаконна. Им возразили: «Патриарх в земские (то есть мирские) дела не должен вмешиваться». Послы сказали: «Изначала у нас в Русском государстве так велось: если великие земские или государственные дела начнутся, то государи наши призывали к себе на собор патриархов, митрополитов, архиепископов и с ними советовались. Без их совета ничего не приговаривали. И почитают наши государи патриархов великою честью... А до них были митрополиты. Теперь мы стали *безгосударны*, и патриарх у нас человек *начальный* (то есть в отсутствие Царя — *главный*). Без патриарха теперь о таком великом деле советовать непригоже... Нам теперь без патриарховых грамот по одним боярским делать нельзя».

Сговора с Сигизмундом и передачи ему во власть Московского Царства *не получилось..* Вот что значит порой одна лишь такая «малость» как *подпись*, точнее в данном случае — отсутствие подписи!

Это дало духовное и законное основание (в предвидении новых боярских измен) начать русским городам переписываться между собой с целью решить, как спасти Москву и Отечество? В переписке этой часто упоминался Патриарх Гермоген, который стал «прямо как сам пастырь, душу свою полагает за веру христианскую». Жители Ярославля писали к гражданам Казани: «Ермоген стал за веру и Православие, и нам всем велел до конца стоять, *Если бы он не сделал сего досточудного дела, погибло бы всё*». И вправду, Россия, которая так недавно по желанью поляков чуть было не взявшая Польшу, теперь была на волосок от того, чтобы стать владением Польши (и как знать, на сколь долгое время!). Между тем Патриарх Гермоген стал писать сам во все города, призывая Россию подняться на своё освобождение. Письма — грамоты эти будили народ, имели огромную силу. Поляки потребовали, чтобы он написал городам и призвал их отказаться идти на Москву для её освобождения от захватчиков. С этим к Гермогену явился вновь Михаил Салтыков. «Напишу,— отвечал Патриарх,— ... но только под условием, если ты и все с тобой изменники и люди короля выйдете вон из Москвы... Вижу поругание истинной веры от еретиков и от вас, изменников, и разорение святых Божиих Церквей и не могу больше слышать латинского пения на Москве». Гермогена заточили в Чудовом монастыре и начали морить голодом. Но голос Церкви не смолк. С теми же

призывами объединиться и пойти на защиту Отечества стала рассылать городам свои грамоты братья Троице-Сергиевой Лавры во главе с архимандритом Дионисием. К Москве потянулись народные ополчения. Первое их собрание оказалось нетвёрдым. В нем было немало разбойных казаков, как, например, казаки атамана Заруцкого. Между ополченцами пошли распри и ссоры, иной раз кровавые. Был убит предводитель рязанских отрядов Ляпунов. Ополчение это больше грабило население, чем воевало с поляками. Всё изменилось, когда к столице двинулось второе ополчение, созданное усилиями Нижегородского купца Козьмы Минина Сухорукова и князя Димитрия Пожарского. Как известно, Минин, побуждая людей жертвовать на ополчение, призывал, если нужно, продать жён и детей, заложить имения, но освободить Святую Соборную Апостольскую Церковь Успения Пресвятой Богородицы, где икона Владимирская, где почивают мощи великих русских Святителей (то есть речь шла об *Успенском соборе Кремля!*) Вот, оказывается, та *ценность*, которая одинаково дорога была жителям Нижнего, Рязани, Ярославля, Казани и других городов России и ради которой они были готовы и жен продать и жизнь положить! Значит, Успенский собор был тогда тем, что можно назвать как бы географическим *центром патриотизма* в России!

По совету Патриарха Гермогена, из Казани в ополчение Минина-Пожарского была взята святая Казанская икона Богоматери.

Осенью 1612 г. второе ополчение было уже под Москвой. Но пробиться в столицу не удавалось. Силы таяли. Тогда ополченцы наложили на себя *строгий трёхдневный пост* и стали сугубо молиться Царице Небесной пред Её Казанской иконой. В это время проживавший в Кремле в монастыре на покое епископ Арсений, родом грек, приехавший к нам в 1588 г. с Патриархом Иеремией, после усердной молитвы в тонком сне увидел Преподобного Сергия. Игумен Русской Земли сказал Арсению, что, «молитвами Богородицы суд об Отечестве нашем пременён на милость, что завтра Москва будет в руках ополчения, и Россия спасена!» Весть об этом видении Арсений тут же сумел передать войску Пожарского, что ободрило всех чрезвычайно. Пошли на решительный приступ и 22 октября 1612 г. овладели частью Москвы и Китай городом. Начались уличные бои в которых принимали участие и жители. В огне и дыму трудно было отличить своих от врагов, 27-го октября дымы стали рассеиваться. Поляки сдавались. Интересным должно было быть это зрелище. На Красной площади под сенью Казанской иконы Богородицы стоит русское ополчение, где большая часть бойцов — простые горожане и крестьяне, одетые как попало, иногда и в лаптях, и вооруженные чем попало, иной раз — просто вилами. А из Кремля правильным строем, одетое в латы выходит польское войско, отлично вооруженное и слагает к лаптям мужиков свои потерявшие славу знамёна...

До этого светлого дня не дожил Патриарх Гермоген. 17 февраля 1612 г. он умер голодной смертью в Чудовом монастыре. В 1912 г. он был причислен к лику святых, и мощи его до сих пор почивают в Успенском соборе Кремля.

Так в конце октября 1612 г. *Смута кончилась*. Хотя по России ещё продолжали бродить отряды поляков, шведов, разбойников и казаков. После гибели Лжедмитрия II-го, Марина Мнишек связалась с Заруцким, который пытался ещё воевать, но был разгромлен. Маринка в тюрьме умерла. И всех их — Заруцкого и «ворёнка» — казнили. Последнего, правда, жалко, — был совсем ведь младенец.

Но решающая победа была одержана тогда, в 1612 г.! В память об этом 22 октября — 4 ноября (по н. ст.) был установлен ещё один праздник Казанской иконе. А в 30-х годах XVII в. тицанием князя Пожарского и москвичей на Красной площади в честь этой иконы был воздвигнут храм.

Икона сия имеет особенность. Если на многих иных знаменитых иконах Матерь Божия, держа Богомладенца, свободно Своею рукою указывает на Него, как бы говоря молящимся: «вот ваш Спаситель», то на Казанской иконе руки матери Божией не показаны, а зато Христос Своею рукою указывает на Неё, как бы говоря людям: «вот ваша Заступница». Казанская икона Богородицы свидетельствует о возрастающем значении Царицы Небесной в последних судьбах Церкви и мира, о том, что, как спасла Матерь Божия Церковь в Казани в 1579 г., как спасла она Москву и Россию от супостатов и лжецарей — самозванцев в 1612 г., так спасёт Она верных от всех искушений последнего лжецаря — самозванца антихриста в канун Второго пришествия Господа Иисуса Христа. Вот почему всё происходящее с Казанской иконой или окрест неё важно для всей России не только вчера, но — сегодня и завтра, и в самый последний день.

Великая Смута в Великой России закончилась. Впереди был Великий Церковный и Земский Собор и выборы нового Государя новой династии.

УРОКИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Итак, чудом Божиим, чудом Пресвятой Богородицы в значительной мере посредством Её чудотворной Казанской иконы, а также Курской Коренной, представтельством русских святых, особенно Преподобного Сергия и поистине волей народа была спасена Россия! Без Царя, без войска, даже и без правительства (правящая «семибоярщина» оказалась большей частью изменнической) Великороссийский народ, как бы придя в себя, сумел сбросить супостатов и восстановить государство, практически *переставшее существовать* в хаосе Смуты... Вот когда можно видеть непосредственно действие решающей массы российского общества, действие высшей доброй воли Великороссии. Значит, тогда эта высшая воля не была сожжена, уничтожена или чрезмерно подавлена; она на время была как бы отеснена разгулявшимся действием воли низшей, бесовской. Победить, покорить эту низшую волю гораздо трудней, чем изгнать иноземцев и выбрать Царя. Поэтому подвиг Великороссии продолжался и после 1613 г.. И состоял в преодолении низменных злых начал, пробужденных или порожденных в народе Смутой. Как удачно и замечательно, что в нужные дни за Россию, за Божию правду стал глава Русской Церкви Патриарх Гермоген, не убоавшийся ни угроз, ни самой смерти («Боюсь Единого, живущего на небесах», — любил говаривать он). Таковыми же, как мы помним, были многие предстоятели Православной Российской Церкви, таковыми они и *должны быть* всегда, наипаче в тяжёлое время. Время Смуты очень хорошо показало, *что* может Великороссийский народ под водительством настоящего пастыря, если в самом народе не иссякли добрые силы высшей, духовной воли!

Особенный интерес вызывает, конечно, явление на Руси *самозванчества*. Как могло оно возникнуть в российской среде при том всеобщем священном

восприятию Божественного образа и происхождения царской власти, которое так свойственно древней России? Самозванцев в Смутное время было не два, а по крайней мере четыре (мы поведали только о двух потому, что другие совсем уж ничтожны). На XVII веке явление это не кончилось. Оно продолжалось и в XVIII-м, особенно ярко себя показав, например, в Пугачёвщине (Пугачёв ведь тоже не кто-нибудь, а «царь Пётр III»). Скрывшись куда-то в XIX веке, самозванчество с новой силой возникает в веке XX-м. Появляются якобы чудом спасшиеся от расстрела в Екатеринбурге то «великие княжны» (Анастасия, Мария), то «цесаревич» Алексей Николаевич (слава Богу, недавно умерший), кажется, готов появиться ещё кое-кто... Всё это побуждает повнимательней рассмотреть самозванчество как *явление*.

Всё началось, как мы помним, с Ивана IV-го. Он обезценил *царскую власть*, а значит, и любую другую, показав её лишь как *средство* безнаказанно творить *всё, что угодно*, вплоть до диких жестокостей и убийств. Опричники в этом вполне подражали Царю, каждый в рамках своего положения и имений. Тем самым впервые в истории Великороссии власть, в том числе — царская сделалась вождельной целью прежде всего для всяческих негодяев. Есть нынче выражение: «Пробил час негодяев». Оно вполне применимо к тому, что последовало за царствованием Ивана IV. Негодяи воспрянули духом, увидев через Опричнину, что и на Русской Земле *возможно* для тех, кто был ничем, становиться всем... Последнее *подтвердил* движением к верховной власти Борис Годунов. И добавил: эту власть *можно* восхитить путем коварства и преступлений. Всё это и вызвало к жизни феномен самозванчества. Нужно добавить, что сему помогало и оборотничество, привнесённое в русскую жизнь тем же Иваном IV. Он не устранился даже прибегать к текстам Священного Писания в превратном их толковании, для оправдания того, что прямо противоречит Писанию. Так поступал диавол, искушая Христа в пустыне. Посему такое безстрашное употребление Писания для прикрытия беззаконий есть дело уж прямо бесовское, то, что роднит человека *по духу* с «отцом лжи» — диаволом. И это бесовское средство потом стало, увы, слишком часто применяться в государственной и церковной жизни Великороссии. Не удивительно после сего, что самозванцы Лжедмитрии *не боятся* притворяться теми, кем они заведомо не являются. Православное благочестие, точнее внешняя видимость его, становится *маской*, под которой можно скрывать всё, что угодно, даже тайное католичество. Оборотничество на Руси сопровождается ещё *лицедейством, игрой*, и сие открывает «заслонку», через которую в русскую душу вливается пристрастие к игре, лицедейству, притворству. Оно проявляется как в сравнительно безобидном увлечении театральным искусством, ранее совершенно чуждым Православному духу Руси, так и в более пагубных формах *лицедейства в жизни*, в том числе и на самой вершине власти. Вспомним игры Ивана IV с «царём» Симеоном. В такие же игры потом любил поиграть Пётр I-й, во многом осознанно вдохновлявшийся примером Ивана IV. Их примерами, в свою очередь, сознательно вдохновлялся Сталин — тоже оборотень и лицедей. Весьма не случайно, что в антимонархическом коммунистическом СССР при Сталине были в большом почёте два этих Царя, Иван IV вообще был во многом примером для большевиков, особенно в деле безудержных незаконных казней. В своём месте мы скажем ещё об этом. Пока же отметим, что в России

наглые самозванцы, как явление, стали возможны только после того, что понатворили Иван IV и Борис Годунов. Самозванцы в те времена были и особенно ненавистны народу, склонному иногда им поверить, потому, что прикидывались, притворялись не просто кем-то, а **Царями**, власть которых почиталась святой, Богоданной. Посему, когда обман обнаружился, гневу народа не было пределов! Однако то, что подобный обман, подлог были **возможны**, являлось знамением страшным.

С таким-то «наследием» пришлось иметь дело Великороссии по окончании Смуты. Доброй надеждой тогда служило то обстоятельство, что высшая добрая воля народа, имевшая опорой своей Святую Русь, сумела возобладать над восстанием воли низшей и сохранить эту Святую Русь как духовную цель и основу всей жизни российского общества **в целом**, как мерило для поведения всех, в том числе сильных мира сего, прежде всего — и Царей! Это здоровье и сила Святой, **Православной** Руси явились основой её внешней, военной победы над силами Запада. Из великого искушения Великая Русь выходила и достойно и славно.

Особенно ярко это явилось в устройстве взаимоотношений церковной и царской власти, Церкви и государства. Если в деле установления на Москве Патриаршества хлопочет и действует прежде всего не Церковь, а царская власть, то вскоре самую царскую власть спасает в России Церковь в лице Патриаршества. Несмотря на неверное поведение отдельных своих иерархов и предстоятелей, Русская Церковь тех времен в целом хранила ещё огромную меру способности быть верной Богу и правде Его вплоть до смерти, не боясь никого, ничего, кроме «Единого, живущего на Небесах». Сие обстоятельство чрезвычайно существенно в деле отношений церковной и царской власти. Ибо отношения эти слагались в то, что называлось «симфонией» (согласием). Как на гербе российском у орла две головы, при одном теле, так у единого общества, **общины** Православной Великороссии два начальника — духовный (Церковь) и мирской (Царство). Патриарх и Царь поэтому оба **вкуне** ответственны перед народом и Богом за все, что происходит или будет происходить. Но Патриарх преимущественно отвечает за дела церковные и духовные, а Царь — преимущественно за мирские, Все важнейшие дела Патриарх и Царь решают в совете друг с другом. Первый является неперменным членом государственной Думы, второй — неперменным участником церковных Соборов. Последнее слово в мирских делах за Царем, в церковных делах — за Патриархом. Вот, что такое «симфония» Мы видели, что **как правило**, (не без исключения) так и было всегда на Руси со времен Крещения князя Владимира. Но в XVII веке, когда Великороссия была уже **царством**, объединившим многие исконно русские земли и начавшим вбирать в себя даже земли иных народов, а Русская Церковь соделалась Патриархатом, отношения Церкви и царства, Патриарха с Царём, как основа единства и крепости всей Великой России, приобретали особую значимость, исключительный смысл. Как показало Смутное время, в сознании лучших русских людей обе главы, обе силы — Патриарх и Царь **восполюняли** друг друга, так что верующий Государь, когда нужно, брал на себя попечение о Церкви, а Патриарх, когда нужно, то есть когда не было Царя, имел право и обязанность брать на себя попечение о государстве. Какими **по духу** должны были быть отношения Главы Церкви и Главы государства, Промысел Божий наглядно показал всей Великой России сразу

по окончании Смутного времени. Отношения эти должны быть отношениями родственной искренней *любви*, как у отца с сыном. И под конец отметим, что остались, всё же остались, притаившись и спрятавшись где-то в тёмных глубинах те плевелы, что были посеяны в Великороссийской жизни Иваном Ужасным и Смутой! Может быть, ещё в те времена Великороссам нужно было обратить больше внимания на эту сокрытую порчу, так как плевелы могли снова в любой час прорасти (и проросли впоследствии).

Глава 11

НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ

Сразу же после победы в конце октября 1612 г. ответственность за Россию взяли военачальники князя Пожарский и Трубецкой (деятель первого ополчения, соединившийся с Пожарским). Первейшей, важнейшей своей задачей имели они восстановление Царской власти. Немедленно был объявлен созыв Всероссийского Земского Собора. Но кого призвать на царство? Сложность вопроса была уже в том, что «семибоярщина» успела ещё в 1610 г. присягнуть королевичу Владиславу и потому Польша считала Московский Престол «своим». В 1613 г. Собор состоялся. На нем были выборные от 50-ти городов России, от всех основных сословий, и предстоятели Церкви, так что вполне справедливо он объявил себя *Великим Церковным и Земским* Собором.. Думали и говорили о Владиславе (но отвергли), о шведском королевиче Филиппе, которого предложил Новгород под давлением шведов, в то время его захвативших, о принце Священной Римской Империи Рудольфе Австрийском. Но скоро постановили не брать никого из инославных и инородных, а поставить Царём своего, из русских. Предложили ряд своих князей, как бы для выбора. Но Государей не выбирают! И Собор, даже Земский не может являться источником власти. Царство — призвание Божие, Собор должен *определить* законного Царя и *призвать* его. Так именно тогда и случилось смотрением Божиим. Неожиданно для руководства Собора и членов его стали поступать предложения призвать на царство Михаила Феодоровича Романова, которого предлагал, как мы знаем, ещё Патриарх Гермоген. На удивление всем никаких сильных возражений это не встретило! Собор с редким единодушием предложение это принял. Романовы через Царицу Анастасию, первую жену Ивана IV, были в родстве с Рюриковичами. Знаменитый Феодор Никитич Романов, отец Михаила, приходился двоюродным братом покойному Государю Феодору Ивановичу. Феодора Никитича знали давно и любили, помнили, как пострадал он от Годунова, так что на царство призвали бы, скорее всего, его. Но он, как мы помним, был насильно пострижен в монашество, стал к тому времени уже митрополитом Ростовским. И к тому же в России в те дни его не было, он был вместе с другими послами из-под Смоленска увезен Сигизмундом в Польшу, где находился в плену. Выбор падал на родного сына его Михаила. О нем было известно как о доброй отрасли доброго

рода Романовых, человеке благочестивом и светлом, и уже достаточно взрослом (16 лет). Он был *лучшим* из всех, имевших в России родство с древней царской династией. В 1612 г. Михаил вместе с матерью инокиней Марфой был в плену у поляков в Кремле. После изгнания захватчиков он удалился в свои родовые сёла в Костромских пределах. Там хотел до него добраться какой-то польский отряд. Но простой русский крестьянин Иван Сусанин, взятый проводником, завёл отряд этот зимой 1613 г. в непроходимые дебри лесов костромских и погиб вместе с поляками. Подвиг этот давно и достойно прославлен, Мы заметим лишь то, что поступок Ивана Сусанина обнаруживал, как почитали в народе Мишу Романова! Предупрежденный о том, что поляки ищут его погубить, он вместе с матерью укрылся за крепкие стены Ипатьева монастыря близ Костромы. А тем временем Великий Церковный и Земский Собор разослал срочно посланцев по всем городам России узнать у народа, согласен ли он, чтобы Царём стал на Русской Земле Михаил Романов. И оказалось (тоже на удивление!) что *везде* в Великороссии *согласны* призвать на царство его. Это был поистине свободный выбор всей Русской Земли! От Собора в Ипатьевский монастырь пошло большое посольство. Слезами и стоном встретила мать Михаила весть о том, что сына её призывают на царство, и ни за что не хотела на это его отдавать! Марфа (Мария) помнила, что сотворили Царевичу Димитрию, её семейству, Василию Шуйскому (свергнутый, он был насильно пострижен в монашество, увезен в Польшу, где и скончался). Люди в России, по слову монахини Марфы, так «измалодушествовались», что нельзя давать им на царство доброго Мишу. Юный Михаил Федорович слушаясь матери и любя её, не проявлял никакого желания стать Царём!.. Но когда посольство сумело достаточно показать, что избрание его есть поистине всенародное, всероссийское желание, мать и сын согласились, смирившись с таким избранием как особым Промыслом Божиим, что и было истинно так!

Великий Церковный и Земский Собор 1613 г. в особой Уложенной грамоте определил поставлять Царями в России *только лиц из Дома Романовых* из рода в род, до скончания мира, не желать никого из других в Цари, а тот, кто стал бы противиться этому определению (будь то Царь, или Патриарх, или любой иной человек), да будет *проклят* и отлучен от Святыя Троицы. Члены Собора, конечно, имели ввиду крепость и спокойствие государства, чтобы не было больше смут и шатания в связи с престолонаследием, чтобы ни у кого не возникало соблазна своевольно захватить Царский Престол. Никому из православных русских людей — членов того Собора тогда, в 1613г., и в голову не могло придти, что в известном своим благочестием роде Романовых в будущем может явиться Царь — отступник от Православия, попирающий всякое благочестие, и тогда *буква* Уложенной грамоты и проклятие (клятва) Собора придет в великое противоречие с целью и смыслом их!..

Михаил Романов был торжественно привезён в Москву и Венчан на Царство при всеобщем ликовании народа. Его отец продолжал томиться в польском плену. В Москве порешили не поставлять пока Патриарха на место замученного Гермогена, но подождать возвращения митрополита Филарета, чтобы поставить Патриархом его.

Как всё-таки дивно водительство Божие над людьми, покорными воле Его! Борис Годунов, отдавая указ насильно постричь в монашество Феодора Никитича

Романова, имел в виду навсегда отлучить его от государственных дел именно потому, что тот с юности был к ним очень способен и мог стать даже Царём! Томясь в монастырском заточении, монах Филарет по-человечески страдал и о себе и особенно о судьбе разлученных с ним жены и сына. Он не знал будущего. Тем сильнее были страдания его. Получив свободу после смерти Царя Бориса, Филарет Никитич мог вполне *снять с себя монашество* (что многие в подобных случаях делали) как насильственно, против воли навязанное ему, что, конечно, противоречит всем Божеским и церковным законам, но Филарет *смирился с насильем*, приняв его как Промысел Божий повинувшись слову Евангелия не противиться принуждению. И что же мы видим? По прошествии времени он возвращается точно к тому, от чего стремились его оторвать,— к делам государства Российского. Правда, возвращается не как Царь, а как Патриарх и как *отец Царя (!)*, но ему предстоит вместе с сыном решать всё важнейшее в государстве, используя весь свои прежний мирской опыт и природные дарования.

В 1619 г. Филарет возвратился из польского плена, был торжественно и со слезами встречен всеми, особенно сыном, и сразу же посвящен в Патриарха, вот и явлен был возрождавшейся Великороссии *образ* правильных отношений в ней церковной и царской власти! Они должны быть отношениями искренней, сердечной любви, как любовь между кровным отцом и сыном. Патриарх Филарет был почтен наименованием «Великого Государя», каковое в России имели только Цари (патриарх же назывался «Великим Господином»). Отец-Патриарх помогал сыну-Царю управлять государством, сын-Царь помогал отцу-Патриарху строить дела церковные. Положение исключительное и небывалое в истории Церкви (не только Русской)!

Государь Михаил до возвращения отца из плена решился на дело, дотоле тоже невиданное. Он не распустил Земский Собор, призвавший его, но оставил как постоянно действующий и с ним решал все значительные дела. С одной стороны, это говорило о *новом самосознании* Государя. Царь Михаил уже не потомственный удельный Князь Московский, властвующий и над другими великороссийскими землями, в прошлом — тоже удельными, а избранник *всей* Великороссии, *всех* её городов и земель. Отсюда и стремление править в совете со *всей* Россией в лице Земских Соборов. Это значило, с другой стороны, что князья и бояре *утратили* прежние положение и значение. Поначалу, правда, семейство бояр Салтыковых, родственников матери Царя, возымело большое влияние, но с прибытием Филарета Никитича влияние их было прекращено. Боярская дума продолжала существовать, и в ней, как всегда, заседали князья и бояре. Но теперь все они оказались как бы вдали от Престола, не имея возможности быть «в совете» с Царём постоянно. Царь правил «в совете» с немногими очень близкими людьми *Земским Собором*. Так теперь стало осуществляться правление Государей в совете с Землёй. То, что не удалось с помощью казней и козней при Иване IV и Годунове (отстранение от власти боярства) произошло как бы само собою и мирно при первом Романове. Как видим, это не было совершенным лишением знати всяческих прав и участия в царских делах. Посему родовитая знать постоянно старалась потом вернуть себе видное положение, что ей часто и удавалось. Так что очень больной и тяжелый вопрос отношений Царя и его окружения остался вопросом, не решенным в

России вплоть до прекращения в ней самодержавной власти. Однако, начавшаяся с Царя Михаила опора наших Царей не на боярство, а на Земские Соборы составляет особенность XVII-го столетия и указывает на возможный *новый путь* бытия государства, который готов был принести очень большие плоды.

Правление Государя Михаила Федоровича, несмотря на трудности последствий Смутного времени и иные невзгоды, было на редкость благополучным. Закончились споры со шведами. Новгород был возвращен России, но она теряла побережье финского залива и ряд важных своих городов. Отражены были попытки Сигизмунда и Владислава военной силой «вернуть» себе Московский Престол (Польша потом и совсем от него отказалась). Русские казаки захватили у турок Азов и посрамили большое турецкое войско знаменитым «Азовским сидением», когда несмотря на великое превосходство в силах турки не смогли взять у них эту крепость. Только трудности внутреннего положения государства побудили Царя Михаила приказать казакам оставить Азов (большую войну с Оттоманской империей Россия тогда выдержать ещё не могла). Продолжалось успешно освоение Сибири. И не только военно-хозяйственное. Стараниями обоих Великих Государей — Патриарха и Царя — учредилась епархия Православной Церкви в Тобольске, началось просвещение истинной верой народов Сибири. Но, естественно, главной заботой было тогда возрождение жизни народа Великороссийского. Рядом мер укрепили разорённое земледелие и землевладение коренных великорусских земель. Покрепче пришлось прикрепить российских крестьян к земле. Но вместе с этим они избавлялись от многих злоупотреблений помещиков и иных властей на местах. Много внимания было уделено защите и укреплению местного *самоуправления*, снизу доверху, от последней маленькой деревушки до крупного города и «*губы*» (крупной области). Для оживления торговых и денежных дел были даны многие льготы английским, голландским, немецким купцам. Отношения нашей страны к иноземцам начало возвращаться в верное русло. С одной стороны, как когда-то при Государе Иване III, в России с охотой принимали иноземных учёных и искусных в различных ремёслах и промыслах. Стали использовать в войске иноземных солдат (полки «солдатские», «драгунские», «рейтарские»). По-прежнему царскими докторами были у нас иноземцы, создавшие тогда первую на Москве аптеку. Возникла тогда же в столице знаменитая немецкая слобода, где проживало до 1000 немецких протестантских семей (ибо католиков очень уж не любили). Но, с другой стороны, умственно-духовное влияние иноземцев отсекали настолько решительно, что вся история XVII-го столетия может быть определена в значительную мере, как история *борьбы с Западом*. Борьба начинается сразу по возвращении Филарета из польского плена. Там он имел возможность увидеть воочию, что из себя представляет западное христианство. С этим опытом, вернувшись домой и став Патриархом, Филарет Никитич столкнулся с делом о том, как принимать в Православие тех католиков и униатов, которые пожелали его в России принять. Крутицкий митрополит Иона (до Филарета правивший делами церковными) руководствуясь буквою древних канонов и древнерусским обычаем, полагал, что католики и униаты принадлежат к тому перечню еретиков, которые 95-м правилом Шестого Вселенского Собора не подлежат вторичному Крещению при принятии в Православие,

но только — Миропомазанию. На это Патриарх Филарет возразил, что древние правила и обычаи приняты были тогда, когда ереси латинян-папеев ещё «не выросли». Но ныне, в XVII веке, они выросли настолько, что, по слову Святейшего Филарета, «латиняне-папеевы суть сквернейшие и злейшие из всех еретиков, ибо они приняли в свой закон проклятые ереси всех еллинских, иудейских, агарянских (то есть мусульманских) и еретических вер и со всеми ... язычниками и еретиками обще все мудрствуют и делают». Так что теперь католики уже попадают под ту часть 95-го правила, в которой называются еретики, требующие при переходе в Православную Веру второго Крещения. И в личных беседах с Ионой и на Церковном Соборе 1620 г. Патриарх Филарет утверждал эти взгляды. Рассказывал он о том, что сам видел в польско-литовских землях, где его особенно возмущало то, что в одной семье, имея представителей разных церквей, люди *молятся вместе* перед едою. Это для русских тогда было свидетельством полного отречения от Истины Божией и истинной Церкви Христовой (что действительно так!). Собором установлено было католиков и униатов и даже тех, кто только крещён был униатским священником, или хоть православным, но не в три погружения, крестить вторично. Поначалу Патриарх Филарет с доверием принимал церковно-славянские книги, напечатанные в польско-литовских пределах. Но узнав от киевлян о том, что «Учительное Евангелие» Кирилла Транквиллиона, распространившееся и в России, содержит в себе некие еретичества, он приказал *публично сжечь* эту книгу в Москве и впредь постепенно изымать из употребления в храмах богослужебные книги литовской печати, заменяя их книгами печати московской. При Филарете весьма оживляется российское книгопечатание и издаётся столько книг, сколько не издано было вконец за все предыдущие царствования. Патриарх Филарет думал также и об устройстве правильной православной школы в столице, попытался даже её основать. Но дело не сделалось из-за трудности привлечения греческих учителей в Россию, всё же при Печатном Дворе успешно действовала другая школа, готовившая переводчиков с греческого и справщиков книг. Вместе с тем Патриарх Филарет не считал российскую церковную жизнь чем-то совершенным и непогрешимым. Он, как и многие (правда, не все!) охотно принял ряд существенных замечаний Иерусалимского Патриарха Феофана, бывшего в его время в России, и благословил несколько важных исправлений и в книгах и в русских церковных обрядах. К примеру, вместо ошибочного троекратного Причащения мирян было у нас введено однократное, что соблюдается и по сей день.

В 1633 г. Патриарх Филарет отошел ко Господу, успев назначить преемником власти своей архиепископа Иоасафа, родом из простых служилых людей. Он правил Церковью до 1640 г.. После кончины Иоасафа I Патриархом был поставлен Иосиф, родом также из простых горожан (посадских). Оба эти Святейшие Патриархи уже не именовались «Великими Государями», но — «Господинами» и у них с Царём Михаилом уже не было тех тёплых родственных отношений, как с покойным его отцом, но добрые отношения в духе симфонии неизбежно сохранялись, и прежде всего — самим благоверным Царём!

В 1644 г. началось необычное дело сватовства Датского королевича Вольдемара к дочери Государя Михаила Федоровича Ирины.

Вольдемар прибыл в Москву в сопровождении протестантского пастора Матфея Фильгобера. Принцу у нас предложили принять Православие и вторично креститься, как положено, в три погружения. Фильгобер и Вольдемар возмутились и начали с русскими пренья о вере. Сказано и написано было с обеих сторон немало. Духовенство наше и книжники, особенно — протопоп Иван Наседка, смогли хорошо обличить неправду протестантизма и доказать истинность Православия. И это — не проходя никаких университетов и особо устроенных школ (кроме начальных). Но Вольдемар упорно держался веры своей. И поэтому династический брак *не состоялся*. В разгар этих прений 10 июля 1645 г. скончался Царь Михаил Федорович. Вольдемар был отпущен в Данию.

Наследовал Великороссийское Царство сын покойного Государь Алексей Михайлович. Историки усвоили ему прозвание «Тишайший». Трудно сказать, *что* при этом имелось в виду. Ибо нравом он был довольно «взрывным», отличался и смелостью и упрямством, способен был прибегать к мерам довольно крутым, когда полагал это нужным. Однако при всём том Царь Алексей стремился действительно к миру в особенно «острых» делах, поелику это было возможно. Сие проявлялось особенно в его отношениях с окружением, с теми «сильными мира», которых он сам же держал в близости к Царскому Трону. Рано в нём появилось вместе с мужеством и малодушие, даже некое двоедушие. Он мог долго скрывать, не показывать своё отношение к человеку, *опасаясь* поссориться с ним, *боясь* обидеть его, но потом неожиданно «взрывался»... Во многом искусству придворной *игры* научил его воспитатель, боярин Борис Морозов — человек образованный, умный, хитрый, царедворец по всей натуре своей и «широкий» настолько, что с отличными качествами души и ума у него сочеталось обыкновенное казнокрадство. Государь Алексей Михайлович был на редкость *церковен*. Он очень любил и до тонкостей знал православное богослужение, так что делал порой замечания церковным чтецам и певцам. Боялся святыни, благоговел перед ней. Обязательно сам зажигал лампадки в дворцовых церквях перед службой. И поэтому очень близко к сердцу имел все дела Русской Церкви, отводя им *главное* место во всех остальных делах общества и государства. Эти дела (и церковные и государственные) нуждались тогда во многих усовершенствованиях и исправлениях ввиду не преодоленных ещё последствий Смутного времени, в том числе в области нравственной жизни русских людей. Как и его отец, Алексей Михайлович достаточно часто прибегал к созыву Земских и Церковных Соборов в особенно важных делах. Почти с первых же дней его царствования при нём сложился «кружок ревнителей благочестия», как историки это потом называли. В этот кружок входили духовник царя протопоп Стефан Вонифатьевич, боярин Морозов, боярин Фёдор Ртищев и сестра его Анна, протопопы Иван Неронов, Аввакум, Логгин, Лазарь, Даниил, диакон Фёдор, и некоторые другие. Всё это были очень деятельные, неравнодушные люди, видевшие беды и нестроения в Русской Земле и в Церкви, опасность влияний Запада и искавшие способов всё это исправить и преодолеть. «Кружок» не был государственным или церковным учреждением, просто это были близкие по образу мысли личные приятели Государя, с которыми он любил обсуждать вопросы церковной, духовной и нравственной жизни, потом

делая многое в соответствии с этими обсуждениями. Это породило в «ревнителях» немалую гордость, так что они как бы на равных держали себя с Патриархом Иосифом, входя к нему запросто, без доклада, навязывая свои предложения, из-за чего Иосифу приходилось, по слову его, «много терпеть» от них.

Все «ревнители» вкупе с Царём были согласны в одном: для исправления жизни России, народа в целом, нужно прежде всего исправить *церковную жизнь*, ибо Церковь — душа народа. Нужно сказать, что подобным же образом в те времена мыслили не только «ревнители благочестия» при Царе, но большинство народа, и его решающей массы.

Духовное состояние общества в целом (очень неоднородное!) можно все же увидеть и определить по тем представлениям и устремлениям, которые господствуют в нём, являются общепризнанными. В середине XVII столетия, как и в древности, Великороссийское общество было в целом *единой общиной* православных оцерковлённых людей. В нём *возрождалось* (после разбойных страстей Смуты) всеобщее почитание настоящих монахов-подвижников и юродивых Христа ради, как образцов и примеров подлинной, правильной жизни. Настоящее молитвенное *смирение* и всецелая преданность Богу — это лучшие качества человека в глазах всей Великороссии, к которым все и должны стремиться, от крестьянина до Царя. Недаром и в жизни, в быту все тогда жили единым церковным уставом, — от убогой избы до царевых палат! Все духовные порчи, нарушавшие это единство веры и жизни, как собственные, так и идущие с Запада, старались всячески изживать. Иными словами, Великороссия, ужаснувшись разгула страстей во время Великой Смуты, как бы *опомнилась* и к середине XVII столетия *вернулась* к осознанному восприятию себя как духовного «третьего Рима» и «Нового Иерусалима». Рим — столица древнего царства, собравшего много народов, чуть не всё человечество. Подобно сему и Москва в XVII веке нарочито собирает к себе представителей разных народов, которые здесь занимаются строительством, наукой, искусством, ремёслами, медициной. Итальянцы, немцы, греки, армяне участвуют в стройках Кремля, отдельных царских дворцов и церквей. В некоторых дворцах и церквях появляются изображения великих властителей древности — Дария, Александра Македонского, Константина Великого, великих философов — Сократа, Платона, Аристотеля, легендарных Сивилл. Царский Двор обретает особую («римскую») величавость, пышность, сложность и роскошь. То же можно сказать и о «римском» величии стен Кремля, Китай города. Белого города. В Москву продолжают свозиться святыни (или их образы) всех важнейших земель России. Столица начинает восприниматься по-новому. Мы видели, что в XVI веке у русских, даже у Государя, ещё не было представления о Москве как об *обязательной* и священной столице. Но в XVII веке не так! Москва — незыблемое *средоточие* всей Земли и не только Русской... В Москве, наряду с образом Рима, начинают то как бы случайно, то нарочито осуществляться и образы Иерусалима, причём «Иерусалима нового», по Откровению Иоанна Богослова, как грядущего Царства Небесного, насколько описан он в Откровении (Апокалипсисе). Так, Спасская башня Кремля строится высотой в 144 локтя, в царском саду в Замоскворечье создаются 144 фонтана. Стена Скородома включая часть стен Кремля имеет по *трое ворот* на каждую сторону света, и Москва имеет равные размеры с Юга на Север и с Востока на Запад.

Большое распространение получают рисованные и типографски печатные изображения Рая, Небесного «вертограда» и Нового Иерусалима. Москва в это время — единственный город России, который в развитии достиг *полного круга* (а круг — символ вечности). Утверждается обычай совершать в Вербное воскресенье торжественные крестные ходы из Кремля в храм Василия Блаженного, к приделу Входа Господня в Иерусалим при огромном скоплении народа на Красной площади, что даже по отзывам иностранцев означало для русских образ входа верных в Царство Небесное. Так что Красная площадь окончательно обретает значение как бы храма без стен (под открытым небом), что соответствует Апокалипсису, где Иоанн Богослов говорит, что «храма (он) не видел у них» (жителей Иерусалима небесного), ибо храм для них — Сам Господь Бог и Агнец (то есть Христос). Впрочем в иных местах Апокалипсиса описывается именно некий таинственный «храм», отверзающийся «на небе» и служение, происходящее в нём, что удивительно соответствует *алтарю* православного храма земного. Поэтому образом этого «храма небесного» становится собор Покровский (он же Троицкий, он же Василия Блаженного). Во всём этом было нечто такое, что делало не Россию, а Москву, как город великого православного Государя, «Третьим Римом» и «Новым Иерусалимом». Но до времени этого не замечали.

Восточное духовенство, приезжая в Москву, настойчиво говорило Алексею Михайловичу, что он «второй Константин», Царь всех Православных народов и ему надлежит освободить их всех от владычества турок и воцариться не только в России, но на всём Православном Востоке и в Греции! Говорилось также немало о том, что Россия — преемница и древнего Византийского царства и духовно — Святой Земли Палестины, поскольку под державою Православного Государя здесь невиданно расцвели Православная Вера и благочестие. И Государь Алексей Михайлович всерьёз начал думать о возможности освобождения Греции, Балкан, Палестины, иных Православных земель, дабы стать их Царём, то есть Царём не Российского только, но — *всемирного* Православного царства! На пути к этой цели была одна, казавшаяся очень досадной, загвоздка. Богослужение Российской Церкви в некоторых особенностях, а также русские богослужебные тексты в некоторых местах значительно расходились с тем, что было давно принято в Греции и на всём Православном Востоке. Об этом Царю часто говорили («зазирали») почти все иерархи, приезжавшие с Востока. Так возникла необходимость привести русские богослужебные книги и чины в соответствие с греческими. Впрочем, и ранее исправлялись уже не раз русские церковные обряды и книги, так как с течением времени в них попадали ошибки неправильности, несурзности.

Нужно было, естественно, привести в должный порядок и внутреннюю жизнь самого государства Российского (прежде чем мечтать о мировом государстве). В этой области жизни тоже было далеко не всё ладно и правильно. Огромных размеров достигло тогда всяческое самоуправство и злоупотребления приказных чиновников (дьяков) и судей. Боярин Морозов и главный судья Плещеев со своими подручными обирали и притесняли посадских людей без зазрения совести. Законы в России были известны лишь малому кругу приказных чиновников. Списки Судебников XV и XVI веков, а особенно — Кормчие книги были

великой редкостью. Этим пользовались приказные и судейские, вымогая у людей всевозможные взятки, творя волокиту в делах, толкуя законы, одним им известные, как угодно, в зависимости от мзды, получаемой с тех, кто вынужден был обращаться к суду для защиты прав и имений. Вероятно, тогда и возникла поговорка: «закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло». Кроме того, за сто лет накопилось много таких вопросов, разрешить которые можно было только с помощью новых законов. Доведенные до предела терпения москвичи в 1648 г. подняли бунт, требуя казни Морозова и иных лихоимцев. Алексей Михайлович Морозова спас, отправив в ссылку на Белоозеро. Но Плещеева и других бояр и дьяков бунтовщики убили и много богатых дворов разграбили на Москве.

В том же году волна возмущений и бунтов прокатилась по многим другим городам России. Силою войск они были подавлены. Но для Государя было понятно, что нужно составить новый свод законов. Их готовил князь боярин Одоевский и приняты они были на большом Земском Соборе 1649 г., получив название *Уложения*. Оно было отпечатано в типографии по тем временам большим тиражом и разослано по городам России. Сие Уложение было в пользу посадских людей и купцов, но во многом противоречило нуждам Церкви, боярства и простого крестьянства. Церковь лишилась права приобретать новые земли, создавался особый государев Монастырский приказ, ведавший, в частности, судебными делами духовенства и церковных людей. Для крестьян отменялись «урочные лета» розыска беглых, каковых можно было теперь искать пожизненно. В итоге крестьяне в немалом числе побежали на Дон. Но там к тому времени многое изменилось. Коренные казаки («домовитые») пришлых к себе в казачество не принимали и заниматься земледелием не разрешали. Это пришлое «голутвенное» население (голытьба) оказалось безправным и нищим, что потом подтолкнуло его к участию в бунте С. Разина. В 1650 г. сильные бунты произошли в Новгороде и Пскове, так что самому Государю с войсками пришлось пойти на их усмирение. Однако кровопролития не случилось в связи с мудрыми, точными действиями друга Царя Новгородского митрополита Никона, о котором особая речь! В 1662 г. разразились «медные» бунты из-за быстрого обезценения новых медных денег и возникшей сильной дороговизны. В 1663 г. эти деньги были запрещены. К этому нужно прибавить страшную эпидемию чумы 1654—1655 гг., уносившую сотни тысяч жизней, разорявшую и без того разоряемое крестьянство. Вот тогда-то как бы «на помощь» ему приходит торговля хлебом. Особенно поощряют её иностранцы, охотно скупающие добротный и недорогой русский хлеб. Помещики и крестьяне начинают стремиться к производству хлебов *на продажу*. Начинает слагаться общероссийский *рынок*. А сие означает не что иное, как *потерю* в значительной части крестьянства *духовного*, священного отношения к своим трудам на земле и замену его отношением новым, — получения *прибыли*. Тогда именно прибыль, деньги, достаток для многих становятся *главной* целью труда и жизни. Это потеря православного восприятия мира! Это начало раскола в самых глубинах, корнях Великороссийского общества. Разделение затрагивает не только крестьянскую массу, но и жителей *городов*. Бунты горожан и крестьян в XVII в. как раз и являются наиболее ярким проявлением этого скрытого духовного раскола, обнаруживая в части русских людей отношение к благам земным как к чему-то *более цен-*

ному, чем христианские заповеди и послушание. Сущность дела в *отходе* значительных масс населения Великой России от устоев и мировоззрения *Святой Руси* и переход к устоям и сознанию, сходным с *Западным образом мысли и жизни*. Очень заметное западничество начинается также и в правящих классах бояр и дворян. Здесь многие тяготеют к западным формам быта, одежды, искусства. Всё это видят и Царь и «ревнители благочестия» и все православные люди. Поэтому все понимают необходимость каких-то срочных деяний, способных конец положить шатаниям и расколам, начав с исправления жизни церковной. Государь не спешит, как бы ждет человека, могущего крест этой работы, взяв на себя, понести.

Такой человек появляется в 1646 г.. Им оказывается мало кому известный монах-подвижник игумен Никон, будущий знаменитый Патриарх Московский и всея Руси. «Самый великий человек русской истории», — так назвал Никона один из учёнейших иерархов Российской Церкви блаженной памяти Митрополит Антоний (Храповицкий). Никон родился в 1605 г. в крестьянской семье с. Вельдеманова в Нижегородских пределах. Пережил тяжёлое детство с мачехой, стремившейся его погубить. Дал Богу обет стать монахом, но по просьбе отца женился, стал священником, потом десять лет прожил с семьёй в Москве. У него было трое детей, умерших в раннем возрасте. Тогда Никита Минин (так звали его в миру) сговорился с женою, что оба они оставят мир и посвятят себя Богу в монашеском чине. Священник Никита ушёл на Анзерский остров Белого моря в скит, подчинённый Соловецкой обители, где был пострижен в монашество с именем Никон. Три года он подвизался там, потом три года — на материке в Кожеезерской пустыни, где был избран, после многих уговоров, игуменом. В этом сане для сбора средств в пользу своей обители он появился в 1646 г. в Москве и по обычаям времени представился Государю. Царь увидел в игумене Никоне то, что давно уж хотел найти, — человека духовного, опытного, образованного в православной книжности, твёрдого в вере, простого в общении и очень сильного волей! Никон воистину был редкостным русским самородком. Он отличался необычайной любознательностью, невероятно много читал. И в итоге обладал познаниями и в сугубо церковных, духовных науках, и в иконописи, и в военном деле, и в медицине, и наипаче — в строительстве. Он являлся подлинным *зодчим* милостью Божией, до тонкостей знавшим весь необъятный круг архитектурно-строительных дел. Последние составляли не просто увлечение Никона; они были существенной частью жизни его (без зодчества он просто не мог бы существовать). Вскоре выявились и его чрезвычайные управленческие дарования. Алексей Михайлович просто пленился Никоном, не отпустил от себя, назначив архимандритом Новоспасского монастыря в Москве (родовой усыпальнице Романовых). Раз в неделю, (а потом и чаще Царь) стал видаться с ним, от души полюбил, назвал «собинным (особым) другом», доверил ему свою душу и мысли, *как отцу*. В 1649 г. Никон поставлен был митрополитом Новгородским, где во многом себя хорошо проявил, особенно в мудром успокоении бунта 1650 г., когда, между прочим, простил от души тех, кто его в это время до полусмерти избил и оскорбил ужасно. После кончины Патриарха Иосифа в 1652 г. Патриархом поставлен был Никон. Царь почтил его наименованием «Великого Государя», как именовался

только Патриарх Филарет. Тем самым Царь Алексей Михайлович явно показывал, что относится к Патриарху, *как к отцу*, теперь однако не кровному, а *духовному*. Здесь отношения Церкви и Государства в России достигали наивысшей степени согласия и родства! Всей Великороссийской Земле это сообщило необычайную крепость! Так что никакие беды и войны уже не могли ни сокрушить её, ни остановить пошедшего быстро духовно-церковного возрождения.

На нового сильного Патриарха Царь и его духовник Стефан Вонифатьевич возложили и трудную ношу провести необходимые исправления русских церковных обрядов и книг. Нужно заметить, что в этом вопросе в кружке ревнителей благочестия при Алексее Михайловиче изначально были серьёзные разногласия. Они касались того, как исправить обряды и книги,— самим, или с помощью знающих греков. Царь, о. Стефан, Ртищев полагали, что нужно привлечь греческую учёность. Протопопы Неронов, Аввакум, Логгин и другие считали, что вера у греков «испроказилась от безбожных турок», что грекам нельзя доверять. Поначалу так же думал архимандрит Никон, сразу же в 1646 г. вошедший в кружок ревнителей и хорошо принятый ими. Кроме того, половина кружка думала только о незначительных исправлениях некоторых ошибок в церковных книгах, а вовсе не о том, чтобы всё российское богослужение привести в соответствие с греческим. Но последнего как раз и желали Царь и его духовник. Однако, зная взгляды своих друзей, они *скрывали* от них свой подлинный замысел церковных преобразований, открывшись в этом только Никону, да и то далеко не сразу. Поначалу Государь сделал всё, чтобы Никон хорошо пообщался с Патриархами Иерусалимским, Константинопольским и иными учёными греками, приезжавшими в те времена. Им вполне удалось убедить Никона в правильности троеперстного крестного знамения и других греческих церковных обычаев и обрядов. Став Патриархом в 1652 г., Никон, по указанию Государя начал со свойственной ему силой и властью осуществлять те церковные преобразования и исправления, которые, как видим, задуманы были не им и которые многое время спустя стали идейной причиной движения раскольников — старообрядцев.

Но совсем не это было главным в деяниях Никона. Главными были три основных направления: 1. улучшение духовно-нравственной жизни народа; 2. всяческое духовное укрепление Церкви и устройство правильных её отношений с государственной властью; 3. необычайные по своей символической значимости архитектурно-строительные свершения.

Ещё с 1646 г., будучи Новоспаским архимандритом Никон прославился как деятельный заступник перед Царём всех несправедливо обиженных, обездоленных, нищих. Такая нелицемерная любовь его к такого рода людям отмечалась всеми очевидцами во всё время его правления Церковью. Вместе с тем Патриарх Никон отличался великой строгостью к людям распущенным и развращённым, особенно если это были служители Церкви. Крайне суровыми наказаниями безчинных и нерадивых и щедрыми поощрениями усердных и благочестивых Никон сумел за два — три года так возвысить духовно-нравственный уровень русского духовенства, что сие вызывало удивление знаменитого Павла Алеппского (о котором мы ещё скажем). По этой причине влияние доброго духовенства на русский народ стало *огромным*, так что трудно его оценить, (а переоценить невозможно!)

Вместе с Царём Патриарх принял крутые, но действенные меры против преступности, пьянства и иного распутства. Павел Алеппский писал, что в России казнят смертью без всякого милосердия за такие виды преступлений: измену, святотатство, убийство и за лишение девицы невинности без её согласия. «Непременно сожигают также содомита». Во время постов и больших праздников закрывались все питейные заведения. По Москве и иным городам постоянно ходили стрельцы Патриарха и если кого находили пьяным (не исключая священников) немедленно сажали в темницу с деревянной колодой на шее на неделю и более. Если же кто попадался нетрезвым, или только с сосудом хмельного в руках во время поста, того раздевали до пояса и прогоняли по городу, до крови стегая плетью, чтобы было и другим в назиданье. В итоге довольно скоро при Патриархе Никоне в общественной жизни России порочность бежала в подполье, а зацвела добродетель!

Строгий к другим Никон был очень строг и к себе. В личной жизни он обходился необычайно малым, питался и одевался просто, до конца дней держась очень суровых правил Анзерского скита. Но в церковном служении он любил такое благолепие, что ни у кого из российских Первосвятителей не было столь драгоценных богослужебных риз. Никон считал, что видимое богатство и красота церковных служб является *образом* невидимой красоты Небесного Царства, каковое и являет людям радость свою через зримые образы Церкви. Став Патриархом, Никон быстро начал приводить в порядок церковное управление. В 1652 г. после многих и очень усердных уговоров Никон согласился стать Патриархом при одном очень важном *условии*: все,— от Царя до простолюдина,— должны были слушаться его «яко отца» во всех духовных и церковных делах, во всём, что он будет возвещать людям «от Святого Писания, святых апостол и святых отец». Громогласно, при стечении народа, Царь, бояре и все остальные дали Никону *клятву* в том, что исполняют это условие. Ничего подобного на Руси до сих пор не бывало. Есть даже сведения, что Алексей Михайлович подтвердил свою клятву *письменно*, в особой грамоте Никону. Тот сокрыл её так, что она по сей день не найдена. Для чего же нужна была Никону Патриарху такая всеобщая клятва? Он очень хорошо *знал* действительное состояние общества, все те шатания в сторону Запада и отступления от исконных устоев Святой Руси, о которых мы выше сказали. Знал и потому понимал, что духовное преображение или возвращение России *в целом* к устоям и целям Святой Руси возможно только при добровольном согласии на это всего российского общества в целом, начиная с Царя. Лишь при таком согласии Никон брал на себя ответственность за руководство духовной жизнью народа, страны. Просто же пребывать у кормила Церкви, без цели утверждения православных начал в жизни всего общества, было для Никона совершенно бессмысленным.

Таким образом. Святейший Никон сразу поставил себя *как Патриарха* в положение *духовного вождя* народа. И народ это понял и очень его полюбил! В то же время значенье и место *мирского вождя* он, как Царю, отдавал Алексею Михайловичу. Вопреки расхожему мнению Патриарх Никон никогда и в мыслях не имел подчинить себе Государя его государевых делах (и самые эти дела). Более того, когда по просьбе друга — Царя, уходившего на войну, в 1654—1656 г.г. Никону приходилось решать ряд текущих *мирских* государственных

дел, он этим весьма тяготился и считал даже *унижением* для своего Патриаршего сана, что вполне выясняется из сохранившихся писем его и из всех иных обстоятельств. Нет, Никон был исключительно каноничен и твёрдо держался того, что называлось «симфонией» церковной и царской власти. За это, в частности, и ценил его Государь. Никон был властен, но не властолюбив! И никогда не был он гордым, как хотят представить его враги. Твёрдым — да, резким (иной раз до непозволительной грубости) — да, но не гордым. В нём поразительно сочетались смиренный подвижник-аскет и сильнейший деятель государственного размаха! Очень редкое сочетание.

Неудивительно, что, став Патриархом, он сразу «поставил на место» ревнителей благочестия. Им было дано понять, что они — протоиереи на определённых приходах и *обязаны* чтить Патриарха, как должно. Ревнителям был запрещён вход к Святейшему без крайней нужды, или вызова. А они ведь привыкли видеть себя вершителями дел важнейших, общецерковных!. Более того, как потом они сами писали, соглашаясь на избрание Никона Патриархом, ревнители думали что он станет «прилежно внимать отца Иоанна (Неронова) глаголам» и делать всё, как им хочется, то есть станет послушным орудием в их руках. Убедившись в том, что не тут-то было (!), Неронов, Аввакум и друзья их *сразу же* ополчились против Патриарха Никона. Теперь каждое слово и распоряжение его принималось ими резко враждебно. Так, с уязвленной человеческой *гордости* *зачиналось* то, чему суждено было стать церковным *расколом*. Быстро нашёл себе врагов Никон и в среде придворной знати. Видя во многих князьях и боярах их потрясающую бездуховность, Патриарх не счёл нужным скрывать своего презрения к ней. При нём бояре должны были *ждать* смиренно в прихожей, когда Патриарх благоволит принять их по их делам (чего прежде не было!). Князь Хилков, бывший с Никоном (ещё митрополитом) в поездке за мощами Святителя Филиппа, в письме к Царю горько жаловался на то, что Никон заставляет его присутствовать на утренних и вечерних молитвах. Царь вынужден был просить Никона освободить Хилкова от этой тяжкой повинности. «Добро, Государь,— писал Алексей Михайлович,— учить мудрого, да премудрший будет»,— то есть не такого, как Хилков...

Правящее боярство (царский Синклит) разделилось. Часть от души любила Никона, часть — также сердечно — невлюбила его.

Добрые, правильные отношения Церкви и государства как залог превращения Великороссии в подобие Нового Иерусалима были, пожалуй, главной заботой патриаршества Никона. Так, ещё до принятия этого высшего сана, Никон склонил Государя к делу великому, небывалому, но и вызванному небывалой причиной. Мы помним, как болезненно восприняли люди расправу Ивана IV над митрополитом Филиппом. Поправление Церкви Царём!.. Это было так страшно и так необъяснимо для православных русских, что соделалось как бы незаживающей раной в сознании общества. Заживить её взялся Никон. Он убедил Алексея Михайловича перенести в Москву с Соловков мощи Священномученика Филиппа и при этом написать письмо — обращение как бы к самому Филиппу, где Алексей Михайлович просил бы у святого *прощения* «за прадеда своего Государя Ивана Васильевича». Пример такой покаянной грамоты Никон взял из истории Церкви, когда Византийский Император Феодосий,

посылая за мощами Святителя Иоанна Златоуста, написал умершему святому просьбу о прощении за свою мать, гнавшую учителя Церкви. Царь Алексей Михайлович такую грамоту написал. Митрополит Никон её громогласно прочёл у мощей Святителя Филиппа на Соловках, а затем повёз эти мощи в Москву. При подъезде его к столице скончался Патриарх Иосиф. Так что можно сказать, Никон «въехал» к своему патриаршеству с мощами Филиппа и при *покаянии царской власти* пред властью церковной, каковое стало всенародно известным. Так залечилась рана в сознании Православной России. Так в этом сознании всё становилось теперь на свои места!..

Никон довёл до конца то, что начато было ещё до него. Богослужениям Церкви была придана должная чинность, учительность, в церквях зазвучали проповеди священнослужителей, то есть живое слово пастырей к пастве, чего раньше долгое время не было, предпринимались усилия к устройству и высшей школы не на западных, а на православных греческих основаниях. Но очень трудным делом тогда оказалось прибытие учителей с Востока. И потому всё более стали привлекать учёность Малороссийскую, Киевскую. Боярин Ртищев основал в Москве монастырь с школой греческого языка, с учителями из Киева, завёл в столице хор киевских певчих, весьма полюбившихся москвичам. В обществе интерес к духовным и церковным вопросам стал живым и всеобщим. Необычайно высоко поднялся духовно-нравственный уровень общества! Оно вновь очень отчётливо осознало себя как *единую общину* верующих православных людей, с одной общей целью достигать не мирского благополучия, а сближения с Богом, из чистой любви ко Христу, и Царства Небесного.

В таком состоянии и настроении и застал Великороссийское общество Антиохийский Патриарх Макарий, прибывший в Москву (в первый раз) в 1654 г.. Его родной сын архидиакон Павел Алеппский, сопровождая отца, вёл путевые заметки, которые затем обработав, соделал прекрасной книгой — «Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Московию». Чрезвычайно обширная книга содержит безчисленное количество сведений о разных сторонах жизни России, в том числе о духовном состоянии русских, и открывает нам удивительно светлый облик Отечества тех далёких времен! Автор, как православный, доброжелателен (не в пример западным писателям), но как иностранец (сириец) достаточно безпристрастен.

Он наблюдал Российскую жизнь в самой светлой её сердцевине, — в Церкви, чего были лишены неправославные иностранцы, которых в храмы попросту не пускали. Архидиакон Павел не раз удивляется тому, что ему довелось наблюдать. «Представь себе, читатель, они (москвиты) стоят от начала службы до конца неподвижно, как камни, непрерывно кладут земные поклоны и все вместе, как бы из одних уст, поют молитвы; и всего удивительнее, что в этом принимают участие и маленькие дети. Усердие их к вере приводило нас в изумление». «Все они (москвиты) без сомнения святые», — восклицает Павел Алеппский в ином месте. «Какая это благословенная страна, чисто Православная». Описывая длительность русских богослужений, благоговейное отношение к ним и Царя и простых людей, особенно когда службы совершались зимой в храмах, по обычаю, никогда не имевших отопления, автор «Путешествия» говорит: «Я хотел бы знать, что бы у нас сказали и стали бы так терпеть!.. Но нет сомнения,

что Творец (да будет прославлено имя Его) даровал русским Царство, которого они достойны и которое им приличествует за то, что все заботы их — духовные, а не телесные. Таковы они все». В конце описаний России Павел пишет: «Обрати внимание на эти обычаи и прекрасные порядки, какие мы наблюдали, как они хороши! Но правду сказал наш Владыка Патриарх (Макарий): «Все эти обычаи существовали прежде и у нас, во дни наших царей, но мы их утратили, и они перешли к этому народу и принесли в нём плоды, коими он превзошёл нас». Антиохийские гости не видели русского Смутного времени, не знали, чего стоило Патриархам Российским, всей Церкви, и особенно Патриарху Никону возродить и укрепить в России эти «обычаи и прекрасные порядки»... Подобных же взглядов о высоте благочестия в Российском Царстве держались тогда все Восточные Патриархи и иное духовенство, что и было для них главным основанием в стремлении видеть Россию во главе всех Православных народов. В те времена Москва и Россия становятся подлинным средоточием мирового Православия. Здесь обсуждаются важнейшие церковные и духовные вопросы, здесь созываются Соборы, в которых принимают участие представители всех древних Восточных Церквей, сюда начинают стекаться святыни и сокровища духовного опыта всех Православных народов, которые начинают смотреть на Россию как на «ковчег спасения», по слову Иерусалимского Патриарха. Особенно радует всех единство Церкви и государства в России. Павел Алеппский однажды увидел проводы Царя Алексея Михайловича на войну Великим постом 1655 г.. Картина проводов поразила антиохийских гостей, привыкших у себя в Сирии терпеть от турецкой государственной власти, в основном, только притеснения и унижения. Павел тогда записал: «Затем Патриарх Никон стал перед Царём и возвысил свой голос, призывая благословение Божие на Царя в прекрасном вступлении, с примерами и изречениями, взятыми из древних: подобно тому, как Бог даровал победу Моисею над фараоном и прочее, и из новой истории, о победе Константина над Максимианом и Максенцием и прочее, и говорил многое подобное сему в прекрасных выражениях, последовательно и неспешно. ...Все молча и внимательно слушали его слова, особенно Царь, который стоял, сложив руки крестом и опустив голову смиренно и безмолвно, как бедняк и раб пред своим господином. Какое это великое чудо мы видели! Царь стоит с непокрытой головой, а Патриарх в митре. О люди! Тот стоял, сложив руки крестом, а этот с жаром ораторствовал и жестикულიровал перед ним, ... у того голос пониженный и тихий, а у этого ... громкий, тот как будто невольник, а этот словно господин. Какое зрелище для нас!.. Благодарим Всевышнего Бога, что мы видели эти чудные, изумительные дела!» Пожалуй, в этих словах — описание самой *вершины* влияния и силы Русской Церкви в жизни Великороссии. Такого никогда больше не будет... Это значение, как мы видели, основано было на исключительной личной любви и дружбе Царя и Патриарха.

Вместе оба наших Великих Государя в полнейшем единодушии с народом стараются оградить Россию как *общину* верующих людей от всех инородных влияний, особенно — западных. За черту Москвы выносятся протестантские и армянские церкви и татарские мечети. Инославным и иноверным строго запрещается входить в православные храмы, русским запрещаются личные общения с иноземцами, евреев по-прежнему нет в России (их сюда не пускают), что осо-

бенно приветствуют Павел Алеппский, сопоставляя Московию с Малоросси-ей, в те времена страшно страдавшей от засилья и гнёта жидов. Впрочем, было не без исключений: отдельные, принявшие православие (не всегда искренне) евреи всё же в Россию пускались, от чего потом пострадал даже сам Патриарх Никон... Ведётся борьба с увлечением западными влияниями в среде русской знати. Так, в 1654 г. Никон велел изъять из ряда боярских семейств иконы западного письма (или подражавшие им), соскоблить с них лики и носить по Мос-кве с проповедями о неправильности подобных икон. Это вызвало возмущение части московского общества. Тогда, в 1655 г. уже в присутствии Царя и Пат-риарха Антиохийского Макария в Успенском соборе Кремля Патриарх Никон подробно пояснил народу, что такое православная каноническая иконопись и почему недопустимы отступления от нее, и представил людям иконы чуждого, Франкского письма и, громко возглашая имена вельмож, у которых такие ико-ны были изъяты, бросал их с силою на пол, так что они разбивались (обломки затем сожгли). Не следует думать, что Никон и единомышленники с ним отвергали всё западное вообще. Как и всегда, от Запада принимались достижения науки и техники, но решительно отвергались идейно-духовные влияния. Сам Патри-арх Никон имел европейские очки, пользовался приёмами и лекарствами за-падной медицины, собрал огромную библиотеку, где наряду с православными книгами были сочинения Аристотеля, Плутарха, Геродота, Страбона, Демос-фена... Ревность Святителя Никона о Православии, о сохранении устоев Свя-той Руси имела двойное последствие. Народ ещё более полюбил своего Патри-арха, а склонявшаяся к западничеству часть знати, а также враги Никона из бывших обиженных им «ревнителю благочестия» ещё более невзлюбили его. Назревала большая духовная схватка.

Всё это происходило одновременно с великими внешними событиями. По непосредственному настоянию Патриарха Никона Царь Алексей Михайлович в 1654 г. всё же объявил войну Польше, которую не решался начать, несмотря на мольбы малороссийского общества и казачества во главе с Богданом Хмель-ницким. И по Божью благословению война пошла для России весьма успешно. Была отвоёвана вся Малороссия, до Львова включительно, а также многие рус-ские земли в Литве (Белоруссия). Впервые тогда прозвучал новый титул Царя — «всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец». В середине XVII столе-тия русские вышли к Тихому океану в трёх местах сразу, — на Чукотке, в райо-не Охотска и по Амуру. Семён Дежнев впервые обнаружил пролив, разделяю-щий Азию и Америку. При этом, по многим данным, несколько лодок с русски-ми тогда же штормом занесло на Аляску, как бы выплеснув Русь на берега кон-тинента Америки...

В такой обстановке Святейший Никон задумал дело великой духовной зна-чимости. Мы уже говорили о том, что он был архитектор по милости Божией, по призванию. Он строил повсюду, где только бывал, — в Новоспасском мона-стыре, в Новгороде, в Московском Кремле (Патриаршие палаты со знамени-той «Мироваренной»). Но, сделавшись Патриархом, Никон стал строить мо-настыри с особенною символикой. Так начал созидаться Крестный монастырь на Кийском *острове* Онежской губы у Белого моря (по обету, за избавление Никона от неминуемой гибели в шторме, когда он был ещё простым молодым

иеромонахом). Главной святыней этой обители должен был стать большой кипарисовый **крест** (в размер Креста Христова), привезенный из **Палестины** со вложенными в него тремястами частиц различных святых Православной Восточной Церкви, в том числе некоторых русских. Что это, как не желание показать, что преемницей древней Церкви стала теперь Церковь Русская, а точнее её подвижническое, монашеское благочестие! Почти одновременно начато было строительство другой обители — Иверской на **острове** Валдайского озера. Эта обитель должна была иметь точный список знаменитой чудотворной Иверской иконы Богоматери на Святой Афонской горе. Подобно Афону, Иверский монастырь Никона на Валдае заселяется **разноплеменным** братством (белорусы, малороссы, русские, несколько литовцев и немцев и даже один калмык). Озеро Валдай получает название — Святое (подобно Афонской Горе). Здесь как бы «перенесение» благодати Св. Афона в Россию. Строительство этой обители ещё не оканчивается, как в 1656 г. Патриарх Никон начинает строительство под Москвой на берегу р. Истры чего-то совсем никогда и нигде не бывавшего — монастыря, который скоро получит название «Новый Иерусалим»!..

Мы уже отмечали, что Русь искони стремилась воспринять и обустроить себя как Землю **Святую**, во образ исторической Святой Земли Палестины и главного града её Иерусалима и во образ грядущего Царства Небесного, «Иерусалима нового», как описан он в Апокалипсисе Иоанна Богослова. До Патриарха Никона оба эти стремления шли как бы рядом, независимо друг от друга, не соединялись. И не случайно! Ибо Новый Иерусалим в Откровении описан совсем не подробно, а так, что даёт возможность представить себе лишь стены его и общее благолепие. А по законам православной иконописи можно изображать лишь то, что являло себя в описуемом облике. Но в какой-то счастливый миг Патриарх Никон понял, как бы духовно увидел, что обещанная Святая Земля Палестины, воспринимавшаяся всегда как земной **прообраз** обещанной «новой Земли» Царства Небесного, должна быть и в иконографическом смысле чем-то вроде отображения (иконы) этой «новой Земли» на земле исторической, данной в условиях бытия вещественного и пространственно — временного. Помогла Патриарху в этом книга «Скрижаль», переведенная с греческого в 1655 г. и вызвавшая полное одобрение и удивление Собора Российской Церкви, на котором она читалась часть за частью в течение нескольких дней. Удивительным было то, что в «Скрижали» давались духовнотайнственные объяснения священнодействий Божественной Литургии и основных предметов, используемых при ней, а также устройства храма и его алтаря. В алтаре же «предложение» (ныне — жертвенник) символически означал Вифлеем, где родился Спаситель и Елеон, с которого Он вознёсся на небо, а «жертвенник» или «трапеза» (ныне престол) означал Голгофу и Гроб Господень. Алтарь же в целом знаменовал собою именно Горний Мир, то есть Царство Небесное. Тем самым обычный алтарь православного храма — это уже как бы двойной образ — символ и Палестины и Горнего Мира. А там, как известно, нет храма в значении особого отдельного **здания** для молитвы, но есть некий таинственный храм, где перед Вседержителем у жертвенника с душами убиенных за слово Божие совершается служение ангелов и старцев — священников (с чашами, семью светильниками, кадильницами, книгами, пением «Аллилуиа»,

«Свят, свят, свят»... и иными) поразительно схожее с тем, что бывает на литургии в алтаре земного православного храма, особенно когда литургия совершается архиерейским служением.

Таинственный храм Небесный — это, по Апокалипсису, то же, что всё бытие Небесного Царства, некий образ того, что именно в нём происходит. Тогда, если как бы «вынести» из алтаря и расположить на местности Вифлеем, Елеон, Голгофу и Гроб Господень и восполнить всё это образами иных святых мест Палестины с её древним Иерусалимом, то получится *одновременная*, двойного значения икона как Палестины, так и «новой Земли», «Иерусалима нового», относящихся к вечному бытию спасенных людей. По законам восточно-православной теории образа, правильно созданная икона всегда содержит в себе действительное таинственное присутствие того, что она изображает. Значит, в данном замысле пространственная икона Святой Земли несла бы в себе благодать, как древней исторической Палестины, так и «новой Земли» Царства Небесного! Если же Русская Земля в целом — это действительно духовно — Новый Иерусалим, образ Царства Небесного, то на ней должно быть такое *место*, какое самим Богом предуготовлено для особенного изображения на нём в видимых земных образах невидимого и Небесного Царства Божия «Нового Иерусалима»... Нужно только найти его! И Никон нашёл. В 57-ми верстах к Западу от Москвы по дороге на Волок Ламский, на берегу реки Истры. Там и замышлял он создание пространственно-архитектурной своей *Подмосковной Палестины*. Средоточием её должен был стать монастырь с Воскресенским собором, построенном *во образ* одновременно и исторического Воскресенского (Гроба Господня) храма в Иерусалиме и Небесного храма, то есть Царства Небесного.

Окрест этой обители примерно в соответствии с топографией Палестины были Никоном намечены и поименованы Вифлеем, Назарет, Елеон, Фавор, Ермон, Вифания, Капернаум, Рама, река Иордан (Истра), Гефсиманский сад, Кедронский поток и другие святые места. Обществу дело было представлено так, что строится монастырь с собором по подобию храма Воскресения (Гроба Господня) в Иерусалиме и в связи с этим некоторые места получают название мест палестинских,— и только! В полной мере замысел Никона был поведен только царю Алексею Михайловичу и, может быть, несколькими, очень немногими, близким Святейшему людям. То, что сия Подмосковная Палестина и особенно храм Воскресения в монастыре суть иконы (образы) Царства Небесного, осталось *загадкой*, разгадать которую нам удалось только в 1980-м году. Ключ к разгадке содержался в некоторых надписях (изразцовых и вырезанных и на камне) в Воскресенском соборе, в надписях на его колоколах, отлитых ещё при Патриархе Никоне, в некоторых намеках самого Патриарха, сделанных устно (на суде) и письменно.

Царь Алексей Михайлович поддержал замысел своего «собинного друга», разрешил строительство Воскресенского монастыря на избранном месте. В 1657 г. Государь приехал сюда на освящение первой временной деревянной церкви и по тайной договорённости с Никоном сам изволил *случайно* назвать это место «Новым Иерусалимом». Затем здесь развернулось строительство прекрасного каменного собора по подобию иерусалимского и в 1666 г. доведено до сводов. В нём были точно воспроизведены Гроб Господень,

Голгофа (здесь особенно любил служить Никон), подземная церковь, камень Миропомазания и все прочие святыни Воскресенского храма в Иерусалиме. Только в плане и устройстве внутренних частей и помещений собор в точности воспроизводил иерусалимский прототип. Во внешнем же облике и наипаче в отделке он далеко отступал от него. Золотые купола, высокие их «барабаны», изразцовые разноцветные украшения были слишком русскими и слишком никоновскими. Собор получился настолько прекрасным, что даже далёкие от мистики знаменитые знатоки искусства XX века Торопов и Грабарь называли его «одной из самых пленительных архитектурных сказок, когда-либо созданных человечеством».

Название собора, монастыря и всей местности — «Новый Иерусалим», данное якобы случайно самим Царём Алексеем Михайловичем, быстро стало известно России и вызвало бурные споры. Для горячих его сторонников несомненным было тогда (и теперь является) то, что сей Новый Иерусалим Патриарха Никона в определённых вещественных образах *воплощал* духовную сущность Святой Руси как Нового Иерусалима, подводя зримый итог всему предыдущему её бытию и указуя путь в будущее!

Святитель Никон умышленно заселил новую обитель разноплеменным братством. Здесь подвизались русские, малороссы, белорусы, поляки, литовцы, немцы, греки, евреи. Здесь кипел труд подвижников, ремесленников, издателей и поэтов. В современном литературоведении стихи здешних монахов выделяют даже в особую «новоиерусалимскую школу» русской поэзии тех времён. Монастырь посещали в качестве гостей и неправославные иностранцы, «Иностраннии издалежа шествие творят, любезне со удивлением здание зрят», — как сказано в монастырском «Летописце».

В собор их не пускали, давая возможность осмотреть его только снаружи. Тогда получалось, что Царство Небесное, образом которого становится Новый Иерусалим, достижимо для людей *любых народов*, но только в условиях *Православной Веры и Церкви*, на путях духовного подвига, наиболее сильным выражением коего является монашество. Если Россия становилась центром всего Православного мира, то духовным центром её, в свою очередь, становился Новый Иерусалим Святейшего Патриарха Никона! Его духовный путь к этому начался давно, вероятно ещё на Анзерском острове Белого моря. Не случайно *все* его монастыри *островные*. Воскресенский Ново-Иерусалимский тоже стал островным. Поставленный в глубокой излучине р. Иордана (Истры), с которой искусственным рвом была соединена р. Золотушка, этот монастырь тоже оказался со всех сторон окружен водой. Более того, даже небольшой скит Патриарха Никона рядом с Воскресенским монастырём был тоже поставлен на маленьком *островке*.

Что же всё это значило? Восстанавливается такая последовательность представлений. Среди затопляемого иноверием и инославием и потому погибающего мира, который, как сказано, «весь во зле лежит», островом спасения служит Россия как единственное великое и сильное Православное Царство. В нём самом, в свою очередь, островом спасения среди «житейского моря, воздвигаемого напастей бурей» служит Церковь, а в ней, тоже как бы островом спасительным является подвижничество по правилам православной аскезы, сосредото-

точное наиболее полно в монашестве, а центром русского монашества, значит центром всего *Православного мира* должен стать Новый Иерусалим Патриарха Никона... Всё это поразительно соответствует одному из видений Апокалипсиса, когда Иоанн Богослов видит *среди моря* праведников, поющих несмолкаемую песнь Богу! Во всём этом высшая точка взлета Великодержавской мысли и Великодержавской истории, как истории жизни Святой Руси, в качестве *преобладающего* начала жизни всего русского общества в целом.

ГЛАВА 12

РАСКОЛЫ, РАЗДОРЫ

Ничего подобного Новому Иерусалиму и Подмосковной Палестине Патриарха Никона никогда не было ни в одном христианском народе! Если бы Никон не совершил во время своего правления ничего, кроме этого, то и в таком случае должен был бы быть признан воистину «самым великим человеком русской истории». Казалось бы всё, что связано было с осуществлением величайшего замысла о Новом Иерусалиме под Москвой, должно было, необычайно возвышая Русскую Церковь, возвышать и Российское Царство и радовать сердце Царя. *Но случилось обратное.* Именно из-за Нового Иерусалима начался разлад между Патриархом и Царём, то есть между церковной и царской властью в России.

Много лет спустя, во время суда над Никоном выяснилось, что Государь Алексей Михайлович, по его признанию Восточным Патриархам, буквально *заболел* «внутренней болезнью», когда узнал о замысле Патриарха, так что *плакал* многими слезами. И Патриархи Антиохийский Макарий и Александрийский Паисий в письмах своих Патриархам Иерусалимскому и Константинопольскому обозначили *главной* виной подсудимого Никона строительство им Нового Иерусалима... Что же заставило так страдать Алексея Михайловича?

Дело в том, что Новый Иерусалим *вне Москвы* в глазах Государя как бы «отнимал» у неё значение *священной столицы* всего Православного мира и принимал таковое значение на себя. А мы помним, что в Москве при Алексее Михайловиче нарочито создавались определённые образы грядущего Царства Небесного. На самом же деле у Москвы ничего не «отнималось». Новый Иерусалим лишь в более чистом виде изображал Горний Мир, выводя этот образ из *мирской* столицы в тишину монашеского жития, но в то же время оказываясь в достаточной близости к Москве, чтобы быть посещаемым прежде всего из неё.

Замыслом Никона, как казалось, «отнималось» и у Царя его значение *главного* хранителя Православия, каковое как бы переходило теперь к Патриарху.

А Царю Алексею Михайловичу хотелось быть именно *главным* не только в делах государственных, но и в церковных, и видеть *свой* стольный град образом Третьего Рима и Нового Иерусалима. Такое самосознание Тишайшего нашло отражение во многом, в том числе в его личных письмах. Так, однажды он писал Патриарху Иерусалимскому, что полагает *главнейшей* задачей Царя попечение о Церкви и вере. Оказалось, что Алексей Михайлович как бы лишь *доверял* управление Церковью Патриарху только из личной любви к нему, почитая первым в церковных делах не его, *а себя*. Заблуждение это вполне можно назвать заблуждением благочестивым. Но через него и начал тут же действовать диавол.

Узнав о замысле Нового Иерусалима, Царь *не решился* прямо сказать Патриарху о своём несогласии с этим, что, как мы видим было вполне в его духе. Но «внутренняя болезнь» Государя по этому поводу прорвалась наружу скоро, именно в том 1656 году, когда началось строительство Воскресенской обители. Услышав тогда о том, что Никон не согласился с Антиохийским Патриархом Макарием в одном чисто *богослужебном* вопросе (как совершать водосвятие в праздник Богоявления) Алексей Михайлович вдруг напустился на Никона с такой грубой руганью, какой никогда до тех пор он и в мыслях не мог допустить в отношении друга. Никон опешил: «Я твой духовный отец, зачем же ты так поносишь меня!» «Не ты мой духовный отец, а Патриарх Макарий», в сердцах выкрикнул Царь. Правда, быстро Алексей Михайлович взял себя в руки и попросив прощения, примирился с Никоном. Но эта первая, малая, чисто «келейная» ссора Царя с Патриархом уже говорила о многом. Дальше — больше. Царь стал *слушать* наветы, доносы и клеветы на Никона, которые раньше решительно отвергал. Такую перемену в нём тотчас заметили приближённые, в том числе личные враги Патриарха и, что самое тяжкое — враги Государства Российского. Для последних дружба Церкви и царства в России, «симфония» их, как залог величайшей внутренней крепости всей Великороссии были всегда нестерпимы, служили главным препятствием в стремлении подорвать изнутри эту крепость. Немудрено, что сразу, как только возникла надежда на разлад Царя с Патриархом, оживились шпионы Польши, Священной Римской Империи, Католической церкви. Вкупе с враждебными Никону русскими боярами и князьями, они начали делать всё, чтобы подлить масла в огонь начинавшегося разлада. В этом деле им всем помогали и наши приверженцы старых обрядов, — Иван Неронов, Аввакум, Даниил, Логгин и прочие, не стеснявшиеся придумывать невероятные клеветы и лживые обвинения против Никона. Святейший со свойственной ему силой произвёл к 1656 году все те преобразования и исправления русских церковных обрядов и книг в соответствии с древними и новыми греческими, какие и наказал ему произвести Государь. Против этих преобразований восстали всё те же обиженные Патриархом «ревнители благочестия». Они, как хотели, оскорбляли Святейшего и за глаза и в глаза. Были судимы, отправлены только в ссылку (протопоп Аввакум, один из первейших даже не был лишён священного сана). Но никакого *раскола* в Церкви это *не вызвало*. Тем паче, что Никон, разрешил упорным приверженцам старых книг и обрядов служить по ним (даже в Успенском соборе Кремля) лишь бы эти приверженцы не отпадали от Церкви. При *таком* положении дел, если бы Никон оставался у

кормила церковной власти, то и в дальнейшем церковного раскола не произошло бы в России. Он стал возможным многое время спустя только в связи с расколом более страшным,— между церковною и царскою властью.

В июле 1658 г. Царь Алексей Михайлович, наконец, решился открыто выказать Патриарху Никону, что прерывает всякие отношения личной дружбы с ним и велел передать, что запрещает впредь писаться «Великим Государем» (хотя сам же титулом этим и почтил Патриарха). Тогда Патриарх Никон после службы в Успенском соборе Кремля принародно сложил с себя управление Церковью и провожаемый плачем и стоном народа, удалился в свой Новый Иерусалим. Здесь он жил девять лет, оставаясь в патриаршем сане, но не управляя делами церковными, руководил строительством Новоиерусалимской обители, а также довершением Иверского и Крестного монастырей. Тем временем делами церковными попытался править, как и хотел, Царь Алексей Михайлович, что выходило у него очень плохо, ошибки пошли за ошибками. Против такого самоуправства Царя в управлении Церковью громко и грозно восстал Патриарх Никон, писавший и самому Царю и иным видным людям различные обращения, письма. В большом сочинении, обращенном к Царю, Патриарх Никон писал: «Идеже аще Церковь под мірскую власть снидет, несть Церковь, но дом человеческий и вертеп разбойников».

Никон также резко обличал Уложение 1649 г. и Монастырский приказ. Никон ясно увидел в посягательстве государственной власти на власть церковную — *антихристово* начало и, ссылаясь на печальную участь Византийской Империи, поистине пророчески *предсказал неизбежность падения царской* власти в России.

Начался знаменитый спор о том, кто в России главнее в делах церковных,— Царь, или Патриарх? Алексей Михайлович явно нарушил клятву слушаться Патриарха в церковных делах, как отца.

С одобрения Алексея Михайловича на первой странице изданной в 1663 г. Библии был помещен план Москвы, сопровождаемый надписями из пророческих книг Писания о «граде Великого Царя», относящимися ко граду *Небесному*. В Благовещенском кремлёвском соборе появилось изображение Алексея Михайловича *с крыльями* и надписью: «Ангел Церкви». Так в церковной среде именуют только *епископов* — предстоятелей поместных Церквей. Мнение Алексея Михайловича поддерживали ласкатели из придворной знати, старообрядцы и некоторые представители восточного духовенства, просившие денежных милостыней у Российского Самодержца. В спор были вовлечены не только все видные люди России, но и все Восточные Православные Церкви. На богатых выдержках из Священного Писания, сочинении Святых отцов и учителей Церкви Патриарх Никон неопровержимо доказывал независимость Церкви от государства в сугубо церковных и духовных делах. Он привёл и слова великого Святителя Иоанна Златоуста (IV— начало V в.в. по Р.Х.), что *в делах церковных* «священство преболе царства есть». Не в силах победить Патриарха в духовном и честном споре, враждебные силы стали травить Патриарха, создавая различные «дела» и сыски по ним, создавая такую обстановку, при которой пребывание его в Новом Иерусалиме делалось невозможным. В этих интригах был использован *платный* агент римской Конгрегации пропаганды

Веры, скрывавшийся под личиной православного митрополита Газского,— Паисий Лигарид, а также несколько «новокрещённых жидов», с любовью принятых Никоном в число работников Новоиерусалимской обители. Последние своей клеветой на Никона в 1665 г. сорвали возможность его мирного, без суда, окончательного удаления от власти с сохранением сана и управления монастырями своей постройкой.

В 1666 г. в Москве собрался Большой церковный Собор с участием Антиохийского Патриарха Макария и Александрийского Паисия. На этом Соборе, длившемся и в 1667 г., несправедливо и неправильно Патриарх Никон был осужден на лишение сана и ссылку простым монахом сперва в Кирилло-Белозерский, затем — в Ферапонтов монастырь. Тогда же были осуждены и противники Никона — старообрядцы и прокляты сами старые обряды, что и стало основой *раскола церковного*. Собор поддержал исправления книг и обрядов в Российской Церкви. Кроме того в бурных спорах, несмотря на все усилия, Паисия Лигарида, русские архиереи, осудившие Никона, вполне поддерживали его борьбу за независимость власти церковной от власти царской в церковных вопросах. Собором решено было так: «Царь имеет преимущество в делах царских, а Патриарх — в церковных». Алексей Михайлович *вынужден* был согласиться и с этим, и с тем, чтобы упразднить Монастырский приказ.

Таким образом, не мнимые притязания Никона на управление Государем и государством, а *притязания Алексея Михайловича на главенство в церковных делах* стали причиной великой духовной драмы, разыгравшейся в России в XVII веке. Она дорого обошлась государству.

И тогда, и позднее не раз отмечалось, что Церковь и государство, духовное и мирское в жизни народа — это, как дух и плоть в существе отдельного человека, или как *две* главы *одного* орла. Плоть нередко восстает против духа. Такие «восстания» в истории Великороссии мы уже наблюдали. Но мы видели также, что каждый раз Русский народ находил в себе силы преобладать эти бунты, и должный порядок или «симфония» отношений духовного и мирского восстанавливались, так что, несмотря на колебания, в общем и целом Православная Русь оставалась духовно *единой*. Но теперь, в середине XVII-го столетия мы наблюдаем уже не «восстание», а настоящий раскол между двумя основными началами общенародной жизни, когда государство (мирское начало) стремится сознательно к *главенству* над Церковью (началом духовным). Такое стремление уже не случайно и не стихийно; оно вытекает из начавшегося обмирщения сознания и жизни очень большой части Великороссийского общества, отхода этой части от устоев Святой Руси.

Недаром тогда так боялись в народе приближения года 1666-го! Как известно из Апокалипсиса, шестьсот шестьдесят шесть — это число имени зверя» — антихриста, пришествие коего знаменует начало конца земной истории человечества, конца мира. И что же мы видим? Именно в этом году начал работать Большой Московский Собор, осудивший и Патриарха Никона, и его противников старообрядцев, то есть всех, кто, хотя и по-разному, но об одном и том же старался — сохранить Великороссийский народ *как целое* в послушании православным устоям всего бытия. «Конец мира» тогда был только преобразован в России. Стремление государственной власти свергнуть совет и согласие с вла-

стью церковной и даже подчинить себе Церковь означало *конец* того мира Великороссийской жизни, в котором *общепризнанным* мерилom вещей являлось всё то, что входит в понятие Святая Русь... Определенная часть Великой России решительно не пожелала признавать устои Святой Руси, захотела быть, как народы в западных странах. Хотя Большой Московский Собор решил дело об отношениях церковной и царской власти не в пользу желаний Алексея Михайловича, было ясно, что если царская власть стала духовно на сторону тех, кто не желает «симфонии» с Церковью, то разрушение этой «симфонии» *неизбежно*, дело только во времени ...

Раскол между Церковью и государством привёл к многочисленным бедам. Для назиданья России Божья благодать стала обучительно отступать от неё так, чтобы это было понятно и властям и народу. Алексей Михайлович проиграл войну со Швецией и во многом войну с Польшей. Мы помним, как победно последняя началась, когда Царь был в дружбе с Патриархом. После разрыва их отношений дела в польской войне пошли хуже и хуже. В дело вмешалась и Турция. В итоге к России потом отошла только Левобережная Украина и Киев. Конечно, и это было великим событием! Но воссоединения с Великороссией желали и прочие православные исконно-русские земли (и Правобережная Малороссия) однако из них, казалось, уже отвоёванных, русским пришлось отступить. Во внутренней жизни страны начались ещё худшие беды. Ухудшилось положение крестьян, в частности в связи с расширением хлебной торговли. Помещики увеличивали барщину, что не все могли выдержать. Множество крестьян стали бежать на Дон, где пополняли ряды безправной, не принимаемой домовитым казачеством, гольтыбы. О бунтах начала 1660-х годов мы уже говорили. В конце этих годов на Дону гольтыба стала объединяться вокруг очень лихого и очень удачливого атамана Стеньки (Степана) Разина. Суший разбойник, он стал в то же время и вором, то есть преступником государственным. Нельзя отказать негодю в размахе и широте его замыслов. Они состояли в том, чтобы, взбудоражив и так волновавшийся Русский народ, поднять его на борьбу против власти, чтобы восстановить «правду» и «справедливость» во *всём* государстве. Поскольку во всём народе вера Царю и почитанье его сохранялись незыблемо, то бунтари утверждали, что идут вовсе не против Царя, а против его воевод и бояр, творящих везде беззакония вопреки Государю (то есть как бы за «освобождение» Царя от дурного его окружения).

Разин смекнул, что для столь всероссийской задачи нужен ему человек все-российского уровня и значения. Таким человеком тогда был опальный и любимый народом Патриарх Никон. Поэтому, ещё до осужденья Святейшего, но уже во время его опалы когда он пребывал в Новоиерусалимской своей обители, к нему тайно под видом паломников пришли казаки, как думают, во главе с самим Стенькой Разиным и попытались склонить Патриарха присоединиться к восстанию, которое только ещё замышлялось. Говорили, что в этом случае он снова станет во главе Русской Церкви, С той же целью потом, уже во время восстания в 1670 г. казаки вновь посетили Никона уже томившегося в заточении в Ферапонтове монастыре на Белоозере. Святейший Никон решительно разинцам *отказал*, но властям их не выдал, за что сам потом поплатился новым сыском и ужесточением содержания. Разинцы всё же старались посеять

слухи, что Никон за них, а они за него, несправедливо гонимого. Можно представить себе, какая ужасная смута случиться могла в России, если бы Никон и впрямь поддержал Стеньку Разина! Отказом своим Патриарх просто *спас* тогда государство. Этот подвиг его до сих пор остается неоценённым. Меж тем в 1670 г. Разин с верными ему казаками и множеством голытьбы двинулся с Дона на Волгу, взял Астрахань, Царицын, Саратов, много других городов. К нему массами примыкали крестьяне и поволжские инородцы. Волна «воровской войны» грозила дойти до столицы. В 1671 г. под Симбирском Разин был сильно разбит царским войском, потом он бежал на Дон, где коренная казачья «старшина» выдала его московским властям. Но крови было пролито много и соделано много смятения. К нему стало тогда прибавляться и смятение иного рода. После 1658 г., когда Никон ушел от правления Церковью, Царь Алексей Михайлович, желая использовать против него его непримиримых врагов, бывших «ревнителей благочестия», вернул их из ссылки. Но они, очень скоро увидев, что книжные и обрядовые исправления, сделанные Патриархом, поддерживаются и властями, повели очень деятельную проповедь в гуще народной, как против этих исправлений, так и против властей. При этом все всероссийские беды и ухудшение жизни народа находили понятное, лёгкое объяснение: всё идёт от того, что попрали старую «веру» (обряды) и приняли «новую», то есть отступили от Бога. Хотя, как мы видели, отступление было совсем в другом и собственно *веры* исправления Никона совсем не касались. Но в сознании многих доверчивых быстро соединялось: старые обряды и книги — старая *добрая* жизнь, новые — причина Божия гнева и *бедствий*.

Проповедям Аввакума и подобных ему стали теперь внимать всё больше и больше людей. Точно также, как Никон, многие люди тогда чувствовали и видели нечто антихристово во многих деяниях и настроениях власть имущих, отступление значительной части Российского общества от устоев Святой Руси. Расколоучители раздували эти явления до впечатлений *кончины мира*, предсказанной в Апокалипсисе, которая неизбежно должна случиться, если не завтра, то в самые близкие дни! Поэтому чтобы спастись, нужно бежать от «никонианской церкви», нужно теперь же совсем отказаться от мира и даже пойти на *самоубийство*. Алексею Михайловичу пришлось снова засадить за решетку и Аввакума и всех самых рьяных расколоучителей. Но было уже поздно! В 1670-х, а наипаче в 80-х и 90-х годах движение старообрядчества стало массовым, охватив хотя и значительно меньшую, но немалую часть народа. Второй великой ошибкой Царя Алексея Михайловича сделалось то, что он не последовал Никону в отношении к старым обрядам и сторонникам их, и, имея возможность повлиять на решения Большого Собора в этом вопросе, *не повлиял*. *Прокляты* были и старообрядцы и самые эти обряды. Сторонники их оказались *в расколе* с Церковью. Так и случился в России церковный раскол. Так обнаружилось также, что Царь, один, без послушания Патриарху, делами церковными править *не может!*

Алексей Михайлович после Большого Собора от церковных дел отошёл. Свою вину перед «собинным другом» и духовным отцом Патриархом Никоном он, как видно, чувствовал постоянно, посылал ему дорогие подарки, просил молитв за себя и свою семью. Но при этом, до конца своих дней не испол-

нил прошений Никона разрешить ему жить в Иверском или Новоиерусалимском монастыре, и, остановив строительство последней обители в 1666 г., так до смерти своей и не возобновил его (хотя очень любил жертвовать вообще на постройку церквей и обителей).

В 1669 г. умерла Царица Мария Ильинична (Милославская). Государь женился вторично на Наталье Кирилловне Нарышкиной. От первого брака у него был Наследник Престола Феодор, и сын Иван. От второго — ещё были дети, в том числе и Пётр Алексеевич, будущий даже уже не Царь,— Император!.. В 1676 г. Алексей Михайлович скончался, на 47-м году своей жизни. Царём Православных народов Балкан и Востока он так и не стал. А в своей державе Российской стал причиной многих разладов и желанного для врагов ослабления внутренней крепости.

Интересна участь других противников Никона, прежде всего тех, что судили его на Большом Московском Соборе. *Все* они, без исключения, кончили очень плохо. Так, Паисий Лигарид, уличенный в латинстве и мужеложестве, был из Москвы удален в заточение, где и скончался, не вернувшись на родину или к Римскому папе. Патриархи Макарий и Паисий, ещё при поездке на суд в Москву именно за это были *лишены* своих кафедр, не без помощи Патриархов Константинопольского и Иерусалимского, бывших против суда над Никоном. По возвращении из Москвы, Паисий Александрийский своей паствой был изгнан и в изгнании скончался. Макарий Антиохийский умер в турецкой тюрьме, обвинённый в каких-то денежных преступлениях. В расцвете лет (в Грузии) умер и сын его архидиакон Павел Алеппский, оставивший нам свой замечательный труд о России.

Патриарх Никон провёл в заточении в ссылке 15 лет. Новый Царь Феодор Алексеевич, проникшись любовью к Новому Иерусалиму и заочно к его создателю Никону, повелел обитель достроить, а Никона возвратить в неё. Но по дороге из Ферапонтова в Ярославле 30 августа 1681 г. Святейший Никон скончался, окруженный учениками и при большом стечении очень любивших его русских людей. Поплыли над Русской Землёй печальные звоны. Тело почившего доставлено было в Новый Иерусалим и там в присутствии Государя и всей Царской Семьи, погребено со всеми почестями, положенными Патриарху (хотя по букве закона осужденный Никон был тогда простым монахом). Феодор Алексеевич позаботился тут же о том, чтобы все Восточные Патриархи простили и разрешили Никона и посмертно восстановили его в Патриаршем достоинстве, что они охотно и сделали. Так что навечно остался в списке Патриархов Московских сей великий защитник Церкви и великих замыслов муж. Надо сказать, что при жизни Патриарх Никон обладал явными благодатными дарованиями (прозорливости, исцелений). После смерти у гробницы его стали твориться многие чудеса. Записи о них вносились в особую книгу. Поэтому, те наши учёные, что себе дали труд разобраться в «деле» и деяниях Никона, справедливо считают его *святým* и подлежащим канонизации в Русской Церкви.

Среди многих любопытнейших направлений общественной мысли России описываемых времён было одно очень важное для понимания взаимозависимости веры народа и самодержавной власти. В 1649 г. на Восток был направлен российский разведчик монах Арсений Суханов. «Крышей» (легендой) своей

он имел сбор древних рукописей и книг для исправления обрядов церковных в России. Он и вправду собрал на Востоке множество книг, но — совершенно случайных. Из них только пять (!) могли быть использованы для исправления текстов церковных. Арсений был человеком весьма развитым, образованным и ревностным в вере. В 1650 г. в Молдавии он затеял с греческим духовенством споры («прения») о вере, отчёт о которых представил потом Москве. В этих прениях старец Арсений высказал целую цепь суждений о «Третьем Риме», об отношении его к «Риму второму» — бывшей Византийской державе и о положении Московского Патриархата среди других древних Восточных Патриархатов. Сущность рассуждений Суханова заключалась в следующем. В делах веры и Церкви ныне греки для русских — не указ, ибо для всех народов один источник веры — Христос. В древности все пять Патриархатов, начиная с *первого* — Римского, объединялись под властью *одного* Царя. Тогда Константинопольскому Патриархату было усвоено второе место потому, что Константинополь сделался столичным городом, градом Царя. Когда Рим (то есть римские папы) уклонился в ересь, *первым* стал «Рим второй» — Константинополь и с ним во главе остальные Патриархаты стали обходиться без Римского. Так теперь и Московский Патриархат может обходиться без четырёх Восточных, поскольку они, по мнению Арсения Суханова, тоже уклоняются в ереси. К тому же эти четыре Патриархата (Константинопольский, Антиохийский, Александрийский и Иерусалимский) уже не имеют над собой благочестивого Царя, но подпали под власть «безбожных бусурман». Теперь «вместо» древнего Царя греческого «воздвиг Бог *на Москве* благочестивого Царя, и ныне у нас Государь Царь *один* сияет благочестием по всей подсолнечной, и *Христову Церковь от всех ересей защищает*». Поэтому ныне Патриарх Московский — *первый* во всей «подсолнечной», как древний епископ Римский, а Россия — Третий Рим, на котором «воссияет благодать». Всё это — взгляды не одного только старца Арсения, но большинства образованной Российской общественности XVII-го столетия. В высшей степени важной в этих взглядах является мысль о тесной зависимости благочестия (а значит и первенства чести) Церкви от наличия власти над народом *благочестивого Царя* (защитника Церкви от ересей). Очевидно однако, что благочестивым Царь может быть лишь потому, что исповедует благочестивую Православную Веру Церкви... Тогда получается тесная обратная связь между Православной Самодержавной Монархией и Православной Церковью. Сразу нужно заметить, что Православная Вера и Церковь как земное собрание людей, чья вера является их частным и личным делом, возможны, как кажется, при любых условиях и любых властях мира сего (не обязательно монархических). Но Православная Вера народа, *как целого*, возможна только в условиях Православной Монархии, а сама такая (то есть Православная) Монархия возможна в свою очередь, только в условиях Православной Веры народа как целого...

Иными словами, благочестие и вера народа рождают благочестие его Царя, а его благочестие держит (*удерживает*) благочестие и веру народа. А что же получится, если Царь вдруг окажется не благочестивым? Станет рушиться благочестие и вера народа как единого целого. С другой стороны, что будет,

если от благочестия веры отступит народ (пусть не весь, но какая-то большая и решающая часть его?). Тогда станет *не нужен* благочестивый Царь... Предположения эти не отвлечённые. И то, и другое произойдёт в России. Но пока мы отметим, что, как показывает опыт *всех* в прошлом Православных народов и в том числе — Великороссийского *Православие и Самодержавие связаны неразрывно*. Для подлинно православных монархия — не просто одна из возможных форм правления, не вопрос политики. Для них монархия — *единственное* условие правильной духовной жизни *народа, Отечества* в целом. Но, как видим, в свою очередь, *при условии*, что Монархи *православно благочестивы*. В противном же случае (если это не так), православным монархия бесполезна и *безразлична*, она может быть, а может не быть,— всё равно!

Глава 13

ПРЕДДВЕРИЕ КОРЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Начавшееся в 1676 г. правление Государя Феодора Алексеевича было одним из самых светлых в Великороссийской истории. По-настоящему православный, смиренный, но достаточно твердый там, где нужно Царь всем являл пример настоящего благочестия. Благодатная тишина низошла тогда на Русскую Землю. Мы уже видели, как этот замечательный Царь сумел залечить (и достаточно быстро!) рану раскола между церковной и царской властью, вернув из ссылки Святейшего Никона, достойно похоронив его как Патриарха и посмертно восстановив в этом сане, что вполне отвечало желаньям и воле народа, любившего Патриарха Никона (кроме, конечно, старообрядцев). Феодор Алексеевич возобновил и строительство Нового Иерусалима, продолжавшееся почти до конца столетия. Замысел Никона при этом не был осуществлен в полной мере. Постройкой монастыря была отмечена только Вифания, да на горе Елеон возникла часовня, наподобие той, что стоит на этой горе в Палестине. Назарет (село Чернево, до сих пор существующее) не был никак в строительном отношении обозначен. Вифлеем «внесли» вовнутрь Воскресенской обители, в церковь Рождества Христова. Но за рекой Истрой навсегда закрепилось название Иордан (по ширине и по виду своих берегов обе эти реки в самом деле очень похожи!). Иными словами, пространственно-архитектурная икона Святой Земли не была исполнена до конца. Поздней, в XVIII в. новоиерусалимские монахи занялись собственным символотворчеством и поименовали палестинскими названиями многие места в непосредственной близости к монастырю (например, Силоам, кладезь Самаряныни). Но достаточным оказалось бытие самого, обнесенного прекрасными стенами, Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, с его изумительным главным собором, чтобы и он и местности окрест него «притянули» к себе благодать *первообразов*, то есть Святой Земли Палестины и «Новой Земли» (Откр. 21,1) Царства Небесного! Сия благодать ощутимо *действует* по сей день.

При Феодоре Алексеевиче был заключен 20-летний мир с Турцией, согласно которому за Россией окончательно закреплялась Правобережная Украина и Киев. Из внутренних дел можно отметить серьёзное исправление дел в русском войске. Утверждался новый порядок служения дворян и на большом Соборе в согласии с волей Царя, наконец, совсем отменялось *местничество* в войсках. Разрядные книги сожгли.

По-прежнему в течение всего XVII в. въезд евреям в Россию был запрещён.

При Феодоре Алексеевиче Патриархом был Иоаким, девятый по счёту после Иоасафа II-го и Питирима. Он правил Российской Церковью с 1674-го по 1690 год. Родом был из служилых людей, сам в юности служил в войсках на Юге Великороссии. Став в своё время на сторону противников Никона, Иоаким, когда сделался сам Патриархом, во всех основных направлениях, как и его предшественники, проводил в российской жизни именно то, что было задумано и начато Никоном. Он продолжил борьбу за «симфонию» церковной и государственной власти (при нём на деле упразднили Монастырский приказ, против старообрядчества и против тлетворных влияний Запада на русскую жизнь).

Старообрядчество между тем пополнялось всё большим числом приверженцев, приобретало ужасные проявления. В 1672 г. впервые раскольники устроили массовое самосожжение, сгорело 2000 человек! У них применялись и иные виды самоубийства. Всего к 1690 г. с собой покончило 20000 старообрядцев... Рубежом раскола стал год 1682-й.

В этом году скончался смиренный, мудрый и тихий Государь Феодор Алексеевич. Сына-наследника не возымел. Посему власть должна была перейти к брату почившего Ивану, сыну Царя Алексея Михайловича от первого брака с Марией Ильиничной Милославской. За него, за Ивана Алексеевича стояла и очень деятельная родная сестра Царевна София. Но мы знаем, что от второго брака Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной был ещё сын Петр Алексеевич, родившийся в 1672 г.. В году 1682-м ему было десять лет, а сводному брату Ивану — пятнадцать. Нарышкины упускать своего не хотели, желая поставить Царём Петра. Между ними и их сторонниками и сторонниками князей Милославских началась борьба. Получился ещё один *раскол*, на сей раз — в самой Царской Семье... Это, конечно же, вызвало смуту. За Софью и Милославских стала часть сильных бояр, в том числе князь Василий Васильевич Голицын. Против них оказался Патриарх Иоаким (поначалу не явно) и иные приверженцы Нарышкиных. Про них распускался слух, что хотят «извести» (погубить) Ивана Алексеевича. Стрелецкое войско в Москве подняло бунт. Стрельцы не раз врываются в царский дворец, ища заговорщиков и злодеев, а однажды прямо там, во дворце, на глазах Царской Семьи, в том числе и Петра, убили бояр А. Матвеева и И. Нарышкина. Страна становилась на грань новой смуты и гражданской войны. Мудрая Софья сумела договориться с Нарышкиными и в том же году Царями были объявлены оба Царевича — Иван и Пётр, а «правительницей» при них, до их совершеннолетия, становилась Царевна Софья. Вовремя был смещен начальник стрелецкого войска престарелый князь Долгоруков и назначен князь Иван Андреевич Хованский, быстро сумевший взять в руки и подчинить своей воле стрельцов.

Волнением этим решили воспользоваться старообрядцы. Протопоп Никита Добрынин, по верному прозвищу «Пустосвят», вместе с подобными себе фанатичными старообрядцами, развернув сильную проповедь среди стрельцов, добились согласия Царской Семьи и Патриарха на то, чтобы устроить открытые прения о вере с «никонианами», то есть прежде всего с самим Патриархом. Это прение состоялось 5 июля 1682 г. в Грановитой палате Кремля в присутствии Царской Семьи, духовенства, Синклита. Никита вслух прочёл челобитие старообрядцев об отмене новых книг и обрядов, которые объявлялись «введением *новой веры*». Против этого выступил Патриарх Иоаким, держа в руках икону Алексия Митрополита Московского, в большом волнении, со слезами. Старообрядцы не пожелали и слушать его! Они начали перебивать Патриарха и просто кричать: «Так креститесь!», поднимая руки с двуперстным крестным знамением. Тогда с ними в спор вступил архиепископ Холмогорский (потом — Архангельский) Афанасий, сам бывший когда-то старообрядцем, и со знанием дела опроверг положения «Пустосвята», доказав, что новые обряды — вовсе не «новая вера», а лишь исправленье ошибок, вкравшихся в чинопоследования богослужений. Протопоп Никита возразить ничего не сумел и в безсилой ярости бросился на Афанасия, ударив его по лицу. Произошло смятение. Старообрядцев выгнали, расценив их поведение как оскорбление не только Церкви, но и Царской Семьи. Оказавшись на улице, старообрядцы с криками: «Перепрехом! Победихом!», — устремились в Замоскворечье к стрельцам. Как видим, на деле никакого «перепрения», то есть победы в споре за ними не было. Стрельцы в ту же ночь схватили старообрядцев и выдали их властям. 11 июля на Красной площади Никите Добрынину «Пустосвяту» была принародно отрублена голова...

Тогда же в 1682 г. на церковном Соборе решили просить Государей принять самые строгие меры к старообрядцам, вплоть до казни через сожжение особо упорных. Несколько раз это было исполнено. Так в Пустозерске был сожжен протопоп Аввакум. Вот, пожалуй, рубеж, за которым начался церковный раскол в *полной мере*, уже не как несогласие ряда сторонников старых обрядов, а как движение значительных масс людей. Теперь старообрядцы начали поносить не только «никонианскую» Церковь, но и *царскую власть*, подстрекая тем самым к восстанию против неё. Их движение приобретало не церковное только, но и политическое направление. *Теперь* против них нужно было и впрямь принимать очень сильные меры, и они были приняты, что спасло государство от верной, пожалуй, гражданской войны. Многие старообрядцы, бежавшие за границы Великороссии, стали затем совершать вооружённые набеги на русские города и веси. Ныне в «образованном» нашем обществе стало считаться хорошим тоном относиться к раскольникам — старообрядцам со умилением, чуть ли не как к мученикам или невинным страдальцам. В значительной мере это всё потому, что они оказались побеждённой, подавленной стороной. Ну а если бы победили тогда они? Протопоп Аввакум говорил, что дай ему власть, он бы *вешал* «проклятых никониан» на деревьях (в чём, по данным его биографии, не приходится сомневаться), — так он говорил, будучи сам только сосланным в ссылку «никонианами», и даже без лишения сана. Так что если бы победили старообрядцы, то Отечество было бы просто залито кровью. Протопоп Аввакум

особенно почитается также как автор своего знаменитого «Жития». Оно, в самом деле, являет очень живой русский язык XVII столетия и в этом смысле, конечно, ценно для всех исследователей древности. Но и только! Что же касается духа и смысла, то это произведение бесконечно самообольщённого человека. Достаточно вспомнить, что никто из русских святых не писал своего самохвального «жития»... Старообрядцы скоро потом раскололись на множество «толков», перестав быть чем-то единым, что само по себе говорит об их неправоте. Объявив Петра I «антихристом» (и не без основания!), старообрядцы в конце XVII в. пришли, наконец, сами к тому, что ещё раньше их уже говорил Патриарх Никон, а именно, — что возвышение государства над Церковью есть «антихристово узаконение». В предчувствии духовной гибели, грядущей на Русскую Землю, сошлись тогда и никониане и старообрядцы. Последние, проповедуя постоянно о духовном **неприкасании** к развращённому миру сему, тем не менее, умудрились углубиться в одну из самых пагубных его областей, — в искусство наживательства денег, в предпринимательство и показали такие способности в этом, что **старообрядческий капитал** стал одним из ярких явлений в России в XIX — начале XX века. Капиталом своим они потом поддерживали кровавые русские революции. А некоторые из них (например — П. Рябушинский) стали видными членами тайных **масонских лож**. Через деньги, через капитал старообрядцы быстро сошлись с капиталом еврейским, вообще с иудеями. По-видимому, приверженность к «букве», ко внешним обрядам за счёт духовного смысла веры христовой, своеобразное «христианское» законничество и фарисейство стали глубинной основой такого удивительного соединения. Но нужно всё-таки отличать расколоучителей от той массы простых русских людей, которые им поверили. Эти последние искренне ревновали о сохранении устоев Святой Руси в русском обществе и государстве. Но об этом же ревновал и Никон и «никонианская» Церковь! Спор был, в сущности, только о разных путях достижения одного и того же. В заслугу старообрядчеству можно поставить и то, что в своей среде, как в своеобразном музее, они сохранили образцы древних книг, икон и обрядов, что для всех исследователей старины очень важно и ценно. Движение старообрядчества в конце XVII столетия было, что называется, «криком души» наиболее нетерпеливой и беспокойной части народа Великороссии, её ответом и откликом, хотя очень неправильным и болезненным, на действительное отступление от Христа и Евангелия в среде решающей массы общества и наипаче — в среде власть имущих.

Церковный раскол был большою бедою в России для всех! Но, как мы видели и ещё увидим, он явился как **следствие другого раскола** и гораздо более важного — между духом и плотью в народе, между церковной и царской властями.

Приближался решительный выбор путей преодоления, или углубления этих расколов. Теперь, в конце XVII-го столетия многое, если не всё, зависело от того, что решит, как поступит, какой путь изберёт законная **царская власть?**

В том же знаменательном 1682 г. для правления Софьи возникла опасность со стороны князя Хованского. Имея в руках военную силу, он стал вести себя весьма независимо. Пошли даже слухи, что он мечтает сам стать Царём, уничтожив для этого и «правительницу» и Царей Ивана с Петром. Хованского с сыном вызвали из Москвы к Софии, обвинили в измене и казнили. Над стрель-

цами поставлен был думский дьяк Фёдор Шакловитов, сумевший совсем успокоить стрельцов, подчинив их всецело правительнице Софье. Она и любимец её князь Василий Голицын решали почти все дела в государстве. Говорили, что намечается их законное бракосочетание. В. В. Голицын был «западником», как и многие в высших кругах того времени. В то же время они понимали опасность духовных влияний Запада и предпочитали к себе приближать учёных киевских и греческих монахов.

В правление Софьи Наталья Нарышкина с сыном Петром оказались как бы в опале, да и сами боялись быть у неё на глазах. Большой частью жили они не в Москве, не в царских покоях, а в сёлах Коломенском, Преображенском, Семёновском, чаще — в Преображенском. Пётр Алексеевич получил только самое начальное образование. Дьяк Никита Зотов обучил его чтению и письму, прошёл с ним первый круг чтения (Псалтирь и Новый Завет). Далее должен был проходиться второй круг наук: грамматика, пиитика, риторика, диалектика и философия, латинский и греческий языки. Все дети Царской Семьи, даже девушки — сёстры Петра этот круг обязательно проходили. Преподавали его, как правило, киевские учёные, составлявшие свои курсы по образцам, взятым у *католических* учебных заведений. Но удаление из Москвы привело к тому, что Царь Пётр этих наук *не проходил*, то есть остался неучем, в том числе в области пусть схоластического, но всё-таки *богословия*. Оказался он также в ранние годы и вне *воспитания* при дворце, со всей его вековой сложившейся обстановкой, обычаями, правилами. Нужно сказать, что и сам он царских московских дворцов не любил, помня как там у него на глазах убивали его родных и придворных. Впечатления эти, потрясшие детскую душу, были очень сродни тому, что пережил в своём детстве Царь Иван IV Васильевич. К этому прибавлялось и то, что мать Государя Петра Наталья Кирилловна, будучи очень благочестивой и православной, вместе с тем киевских учителей не любила, особенно тех, кто приближён был к Софье. Воспитанная «западником» Артамоном Матвеевым в явной приязни к «немцам» (как тогда называли всех западных иностранцев) она допускала к Петру именно их. Н. Зотов и назначенный «дядькою» (воспитателем) Петра князь Борис Алексеевич Голицын оказались тоже во многом «западниками» и к тому же людьми довольно не строгих нравов... Зотов баловал Петра показом немецких картинок, во множестве продававшихся на Москве, возбудил интерес Государя к «немецким» наукам и знаниям. Подрастая вдали от дворца, в обстановке свободной, Царь Пётр увлекался созданием «потешных» полков из «преображенских конюхов», как выражалась Царевна Софья, искусством управлять людьми и кораблями. На Яузе он построил потешную крепость Пресбург. Найдя в Измайлове западный ботик («дедушку русского флота») Пётр с увлечением осваивал плавание на нём под парусом. Затем он стал строить суда на озере в Переяславле, для потешных «морских» сражений. Создавать и осваивать это помогали Петру как раз «немцы» из близкой к Преображенскому немецкой слободы. Постепенно он вовлекался в изучение математики, геометрии, баллистики, фортификации, навигации и т.д.. Всё это преподавали ему голландцы Тиммерман и Брандт. Затем Пётр сблизился с шотландцем генералом Гордоном и швейцарцем Лефортом, человеком способным, но и слишком весёлым. Подрастая, Пётр Алексеевич начал

бывать в немецкой слободе уже не только ради науки, но принимая участие в увеселениях и пирушках иностранцев, таким образом проникаясь влияниями **протестантизма** с его восприятием мира. Годы шли. «Потешные» преображенцы и семёновцы из случайного сброда сделались хорошо вооружёнными и обученными западному военному делу полками, всецело преданными Петру (основа будущей гвардии). При Дворе продолжали считать Петра пустым легкомысленным человеком, знающим только потехи. Порывистые увлечения сына не всегда одобряла и мать его Наталья Кирилловна, имевшая на Петра большое влияние. Она решила женить его. И женила в 1689 г., подобрав сама невесту Евдокию Лопухину. Пётр, по-видимому, не очень её любил, часто одну оставлял ради своих потех. От этого брака в 1690 г. родился Царевич Алексей. Было Петру уже 18 лет! Брат Иван оказался совсем неспособным к правлению и очень болезненным (он вскоре и умер). Сестра Софья должна была передать Петру всю полноту государственной власти. Но не передавала, чего-то ждала, или опасалась. Говорят, она даже хотела стать правительницею пожизненно. Но её положение пошатнулось после двух неудачных походов В. В. Голицына на Крым. Пётр опасался стрелецкого войска, подчинённого Софье, и до времени не решался заявить о своих правах. Летом 1689 г. начались ссоры и пошла открытая борьба между Натальей Кирилловной и Петром, с одной стороны, и Софьей — с другой. Опасаясь петровских «озорников» — потешных, Софья усилила на Москве стрелецкие караулы. Весть об этом пришла ночью в Преображенское в искажённом виде, так что, разбудив Петра, его приближённые в страхе сказали, что стрельцы идут с целью его убить. Пётр в исподнем белье ускакал в близлежащий лесок, там оделся и помчался в Троице-Сергиеву Лавру, за крепкими стенами которой он и укрылся. Испуг его был таким сильным, что на всю жизнь остались подёргивание щеки и головы и нетвёрдость походки («запинанье ноги»). В Монастырь Преподобного Сергия к Петру пришли преображенцы и семёновцы. Правительница Софья уговорила Патриарха Иоакима стать посредником, чтобы мирно уладить дело, и послала его к Петру. Но Патриарх, понимая, что при взрослом Царе правление Софьи уже лишено законных оснований, остался с Петром, твёрдо став на его сторону. Петр двинулся на Москву и не встретил сопротивления. Софью оставили почти все сторонники. Князь Василий Голицын был сослан, начальник стрельцов Шакловитый и несколько их командиров обвинены были в заговоре и казнены, Царевна Софья отправлена в заточение в Новодевичий монастырь. Опалам и казням подверглись тогда и другие сторонники Софьи. Пётр остался единодержавным Государем России.

Поначалу Царь Пётр мало вникал в государственные дела, предаваясь по-прежнему забавам и увлечениям. А эти забавы сопровождались совершенным попранием и отвержением православных обычаев и приличий. Величайший **соблазн** для общественности, в которой и без того уже наметилось отступление от устоев Святой Руси, стал исходить с самой вершины власти, **от законного Самодержца**. Распространялись западные одежды, курение табака, пьянство, пренебрежение всем церковным. Патриарх Иоаким, поддержавший Петра как законного Государя в самый решающий час, не поддержал его ни в каких отступлениях от Православия. Приглашенный на царский обед по случаю рож-

дения Царевича Алексея в 1690 г. Иоаким согласился придти, только если за этим обедом не будут присутствовать иностранцы. Пётр вынужден был принять это условие. Но и ранее Патриарх открыто выступал против назначения иноземных военачальников в русских войсках, что стало входить в обычаи после отмены местничества. Иоаким *впервые* указал на то, что нововведения Петра не вызваны никакой *действительной* потребностью государства. Он писал справедливо, что «благодатию Божией в Русском царстве людей благочестивых в ратоборстве искусных очень много» и обращаясь к властям, указывал: «Опять напоминаю, чтоб иноземцам-еретикам костёлов римских, кирок немецких, татарам мечетей не давать строить нигде, новых латинских и иностранных обычаев и в платье перемен по иноземным обычаям не вводить...». Всякое государство, — говорил Патриарх, — ценит и хранит *свои обычаи, нравы и одежды* и чужих не перенимает, и людям чужих вер никаких преимуществ перед своими не даёт и храмов чужих строить не позволяет. Всё это было написано в Завещании Иоакима незадолго до смерти в марте 1690 г. и говорит о широком распространении того, против чего он так возражал. В самом деле, всякое западничество во время его правления Церковью заметно усиливалось. Участились случаи бегства в Европу молодых русских людей из числа образованных в западном духе. Иностранцы-католики на Москве добились разрешения иметь своих священников. Прибыли к ним два иезуита, развернув свою пропаганду и среди россиян. Иоаким добился того, что этих двух выдворили из государства, впредь положив, чтобы у католиков на Москве были священники, не принадлежащие к «Обществу Иисуса». Но католичество просачивалось тогда даже и в церковную среду. Это связано было с южнорусской (Малороссийской) учёностью. Мы видели, что таковая давно привлекалась для российских церковных потреб. Задолго до Никона Киевский Митрополит Пётр Могила провёл в Малороссии почти такие же преобразования, что и Никон. Но, кроме того, он создал в Киеве высшую школу — знаменитую Могилянскую Академию. Она была призвана бороться с католичеством, унией и протестантизмом, от которых исходили тогда поношения и укоры православным в «невежестве», неучёности. Дабы «защитить» Православие от подобных упреков Академия в Киеве постаралась не отставать от католиков и просто скопировала у них и способы обучения и перечень основных дисциплин. Против католиков Академия применяла доводы протестантского богословия, против протестантов — доводы католического. В итоге Киевская учёность прониклась образом мысли и логики и католической и протестантской схоластики, далеко отходившей от древней православной святоотеческой мысли. При таком обучении лишь немногие из учёных киевлян сохраняли действительную православность. К числу таких прежде всего относился Епифаний Славинецкий, создавший в России школу учеников, условно называемую «эллинистической». «Эллинисты» восстановили учебное заведение при Чудовом монастыре, основанное ещё Патриархом Никоном и временно закрывшееся в связи с его опалой. Но тогда же в России действовало и иное, прокатолическое или «латинствующее» направление, основанное тоже киевским учёным Симеоном Полоцким (скончался в 1680 г.). Он, его способный ученик Сильвестр Медведев, пользуясь близостью к Феоодору Алексеевичу, создали свой проект Академии в России, по образцам средневековых

западных университетов. Проект предусматривал автономию Академии, очень широкие её полномочия, вплоть до права приговаривать еретиков к *сожжению на кострах*. Такой Устав Академии были представлен Феодору Алексеевичу, но он не успел его подписать, скончался.

Патриарх Иоаким не спешил заводить в Москве Академию, чтобы не дать её в руки «латинствующих». В 1685 г. в Москву прибыли учёные *греки* — братья Иоанникий и Сафроний Лихуды. При содействии Патриарха они и создали на Москве Славяно-Греко-Латинскую Академию, придав ей сколько можно, православный «эллинистический» дух. Между ними и «латинствующими» начались полемика и борьба. Победе православной стороны помогло то обстоятельство, что Сильвестр Медведев с учениками уклонился в явное католическое направление в вопросе о времени пресуществления Святых Даров на Божественной Литургии. Русские «латинствующие» стали учить, что пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы происходит на возгласе евангельских слов: «Приимите, ядите...» и прочее. Православие же искони учило, что это происходит после троекратного призывания Духа Святого, на словах: «И сотвори убо хлеб сей...» и прочее. На особом церковном Соборе учение Сильвестра Медведева, как «хлебопоклонническая ересь» было осуждено, сам он уволен с должности старшего справщика Печатного Двора и сослан. Но вскоре в 1690 г. он, как участник политических дел Царевны Софьи и князя В.В. Голицына, был по царскому указу осужден и казнён.

При братьях Лихудах Академия, разместившаяся в Заиконоспасском монастыре, начала процветать. С 1685 по 1694 г.г. в ней был преподаан широкий круг духовных, светских гуманитарных и некоторых естественных наук. Выпускники, отлично владея греческим и латинским языками, переводили любые книги, а иные из них сами становились преподавателями в этой первой высшей российской школе. Но в 1694 г. против Лихудов была устроена сильная интрига с нелепым обвинением их в «латинстве», и они вынуждены были оставить преподавание и уехать. После этого Академия, ставшая только «славяно-греческой», быстро пришла в великий упадок.

Киевская учёность давала России как полезных людей, так и вредных. Так, отличные учебники составили по грамматике — Смотрицкий, по арифметике — Магницкий. Некоторые выходцы из Малороссии оказались в России прекрасными епископами (кое-кто даже — святыми). Но среди южнорусских учёных, приехавших в Россию, оказалось также большое число людей, которые только по внешности были православными, а по состоянию души, по привычкам и образу поведения совершенно оживлёнными и окатоличенными, то есть склонными и способными к постоянным интригам и козням, и к угождению власть имущим ради выгод своих и корыстей, что вполне объясняется их воспитанием в условиях польско-литовской среды. Таковым был Феофан Прокопович (к примеру), сыгравший плохую игру в нашей истории, о чём будет речь впереди.

Подвиги и борьбу Патриарха Иоакима продолжил десятый и последний Российский Патриарх Адриан. Противоречие между ним и Царём Петром Алексеевичем началось невольно при самом избрании нового Патриарха в июле 1690 г. Царь хотел, чтобы Патриархом был избран Псковский митрополит Маркелл — человек, отличавшийся светской учёностью и потому могущий под-

держат западнические нововведения Петра, Царя поддерживали епископы. Но мать Государя Наталья Кирилловна, ещё сохранявшая православное благочестие и мышление, предпочла видеть Главою Церкви человека высокой духовной жизни, твёрдого ревнителя церковных канонов и устоев,— митрополита Казанского Адриана. Её поддержало среднее духовенство,— настоятели русских монастырей. Церковный Собор в итоге избрал Адриана, Ему выпала тяжкая доля духовного противостояния Царю. В первом же своём обращении к пастве Адриан утверждал: «Два начальства устрои Бог на земли, священство, глаголю, и царство. Ово убо Божественным служаща, ово же человеческим владующа. ... Царство убо власть имать точию на земли. Священство же власть имать и на земли и на небеси. ... Мерность наша ... учинен есмь архипастырь и отец и глава всех, *патриарх бо есть образ Христов*. Убо вси православнии оная (т.е. главы) сынове суть по духу: царие, князи, вельможи, и славнии воины и прости... Глаголати пред цари свободно, устно и не стыдетесь (т.е. не смущаясь высоким положением Царей) *долг имам*. Не послушающие гласа моего архипастырского, *не нашего суть двора*, не суть от моих овец, но козлища суть, волкохищница суть». Это то же самое и почти точно в тех же словах, что в своё время говорил Патриарх Никон! Можно представить, как эти слова воспринял Царь Пётр! Он решил нарочито показать Адриану именно «*козлищское*» своё отношение к нему и всему церковному, Его безобразные публичные «забавы» умножились, особенно после кончины благочестивой матери в 1694 г.. Среди этих «забав» или «потех» самой гнусной выглядит знаменитый «всеплутейший, всешутейший, всепьянейший собор» — маскарадные пьяные шествия по Москве, наподобие крестного хода. В этом «соборе» шутовскими фигурами были «Патриарх Пресбургский, Яузский и всего Кукуя» (Н. Зотов), «конклав 12-ти кардиналов», «епископы», «архимандриты», «попы» и «дьяконы» (один из них — сам Пётр I),— всех человек 200. «Собор», таким образом, насмеялся и над католической и над Православной Церковью. У членов «собора» были матершинные клички. В своих шутовских нарядах вся ватага двигалась по Москве в Немецкую слободу веселиться. Веселились и по дороге. Могли, например, ввалиться в церковь и *заставить* священника *повенчать* шута со вдовой, или карлика с карлицею. При «освящении» построенного Лефортом дворца в честь «бога Вакха» собравшийся поглазеть народ «благословлялся» двумя табачными трубками, связанными *крестом*, что покорило сильно даже иностранца Корба.

Уже вовсю играли в Москве иноземные музыканты, уже действовал *для народа театр* (таковой появился у нас ещё при Алексее Михайловиче, после разлада его с Патриархом Никоном, но играл только для Царской Семьи, показать его людям стеснялись), уже трещали по праздникам фейерверки и бесновались маскарады, уже превозносилось всё западное и поносилось своё. Очень мало кто знал, что за всем этим внешним весёлым шумом и треском уже шла безшумная и очень серьёзная работа по выработке путей и способов разрушения Великороссии. В одной из проповедей Патриарх Адриан говорил, что не только великие праздники, но и «святую Четыредесятницу (т.е. Великий пост) *многие* презирают. Мужчины, женщины, отроки и священного сана люди всегда упиваются, и вином и табаком и всяким питием без сытости пьяны... Теперь

и благородные и простые, даже юноши, хвастаются пьянством и презрением к службам церковным. ...Повсюду люди неучёные, в Церкви святой наших благопреданных чинодейств не знающие... Мнятся быть мудрыми, но от пипок табачных и злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков объюродели, *совратясь от стезей отцов своих*, говоря: «для чего это в Церкви так делается? Нет никакой в этом пользы, человек это выдумал, и без этого можно жить».

Как видим, здесь Патриарх указывает на появившееся в «образованном» обществе церковное *вольнодумство*, прямо происходящее от *протестантских* симпатий и связей Царя. А Царь Пётр заходит и глубже и дальше. Он начинает играть *в те же игры*, что и Царь Иван IV. Пётр и его приближённые — тоже оборотни. В обыденной обстановке они те, кто есть, а в потехах одевают личности и маски. Кто-то становится «патриархом», кто-то «генералиссимусом», кто-то даже — «князь-кесарем». А себя Пётр, как и Иван IV, умышленно понижает, он — только «дьякон», «шкипер», или просто «бомбардир». Такая любовь Петра I к «двойничеству» или «оборотничеству» стоит прямо в связи с его поощрением театра и вообще всякого лицедейства. Мы уже говорили, что подобные увлечения имеют *демоническое* происхождение, так как здесь подражание бесам, любящим принимать на себя обличья различных людей и животных. В основе всякого театрального искусства лежит потребность людей — артистов *перевоплощаться* в кого-то, кем они *не являются*. Русские люди именно в этом видели греховность лицедейства и скоморошества. Кстати сказать, до Петра, при первых Романовых мы не видим близ Царя скоморохов, шутов, равно как и *колдунов*! Как и Иван IV, Петр I любит смешивать безродных и родовитых. При нём тоже многие, «кто был ничем», становятся «всем». И так же как при Иване IV, только в ещё большей мере, при Петре I — западные иностранцы... Как и Иван IV, Пётр I замышляет совсем изменить Россию. Пётр так и писал: «Иоанн Грозный мой предшественник и образец». И сокрушался, что он, Пётр, «не успел ещё так далеко, как он». Сетование напрасное. Пётр I «успеет» во всем, вплоть до сыноубийства, и пойдёт даже далее, чем его «образец»...

В 1697 г. он отправляется за границу во главе Великого посольства почему-то *под маской* «урядника Петра Михайлова», хотя все везде за границей знают, что это Российский Царь... Цель посольства — собрать союз европейских держав против Турции. Достичь этого не удалось. Личные цели Петра другие — изучить корабельное мастерство, а попутно ещё нечто самое-самое интересное в европейской жизни. Особенно тёплый приём Пётр имел в Бранденбургском курфюрстве (Пруссия). Семейство курфюрста потом знаменательно высказалось о Петре: «Он очень хороший, и очень плохой...». Это было действительно так, и было раздвоением личности, очень похожим на состояние души Ивана IV. Пётр посетил Польшу (проездом), Германию, Голландию, Данию, Бельгию, Англию и Шотландию. Там он стал не только мастером кораблестроения и иных ремёсел, но и *«мастером» тайных масонских обществ*.

Произошло это, скорее всего, в Шотландии, или Англии, где в *ту пору* (конец XVII в.) как раз возродилось в определённом продуманном устройстве масонство духовное. Вернувшись в Россию, Пётр I основал здесь первую масонскую ложу «Нептун», в которую, кроме него, вошли поначалу шотландец Брюс

и А. Меньшиков. Впоследствии для намеченных им преобразований церковной жизни Пётр I привлек в качестве учителей не кого-нибудь, а профессоров Оксфордского Университета.

Вернуться из-за границы в 1698 г. Петра заставили вести о возмущении стрельцов. Стрельцы, как известно, были подавлены и во множестве казнены. С той поры само войско стрелецкое заменяется армией по западному образцу. Вернувшись домой каким-то и вовсе уже *другим* человеком, Пётр I потребовал от Патриарха благословить ему развод с Евдокией Лопухиной с тем, чтоб её заточить в монастырь, и жениться вторично при живой первой жене, повторяя тем самым грех известных нам уже некоторых Самодержцев. Патриарх отказал. В том же 1698 г. Адриан попытался было печаловаться за приговорённых стрельцов и явился с этим к Царю, держа в руках икону Пресвятой Богородицы. Это вызвало крайний гнев и раздражение Петра, кричавшего, в частности, что он, Царь, не менее верует и чтит Богоматерь, чем Патриарх. Тем самым Пётр I решительно отвергал древнее право Церкви «печаловаться», то есть просить смягчения наказания для осужденных. Но, как было показано, Пётр I совершенно отверг совет с Патриархом, с Церковью во всех своих *светских, царских* делах. Основанием этому удобно служило выражение Собора 1667 г. о «преимуществе Царя в делах царских», а Патриарха — в церковных. Сделанное как будто в духе «симфонии» выражение это, однако не утверждало *единства* ответственности Царя с Патриархом за всё. Народ не знал ничего ни о масонстве Петра, ни о его замыслах разрушить российскую жизнь. Но поступки его и деянья были точно восприняты как *отступление* от Христа и внедрение в жизнь чего-то *антихристового*. Царь зорко следил, чтобы такие оценки немедленно подавлялись. Так, в 1699 г. стало известно, что подобные взгляды на происходящее, разделяет Тамбовский епископ Игнатий, (хотя очень робко и совсем не деятельно!). Царь потребовал его церковного осуждения. Патриарх *отказал*. Только после кончины последнего Пётр I добился суда над Игнатием, который был лишён сана и сослан на Соловки.

В таком положении Россия вступила в новый XVIII-й век. Все Российские Патриархи, от первого до последнего, будучи людьми разными, оказались *едины* в главнейшем: они твёрдо стояли на страже Святого Православия как веры и жизни по ней всего русского общества и народа в целом, пресекая решительно как пагубные влияния Запада, так и отступничество своих же законных Царей. Патриаршество Великороссийское объемлет собою ровно весь XVII век и представляется *промыслительным средством* сохранения Великороссии в послушании основам Святой Руси. В XVII веке крайне *скудеет святость* на Русской Земле. Только около 30 человек, чья жизнь протекала в условиях этого века, оказались причислены к лику святых. Это чуть ли не *втрое* меньше, чем в предыдущем столетии. Сказались Опричнина, Смутное время и проникшее даже в крестьянство безбожное отношение к жизни и к своему труду. Из этих 30 святых добрая половина подвизались вне Великороссии. В ней же самой только несколько преподобных и четыре епископа оказали заметное действие на народную жизнь. Особенно ярко сияли святители Митрофан Воронежский, Питирим Тамбовский,

Феодосий Черниговский и Димитрий Ростовский. К ним, конечно, следовало бы прибавить и Патриарха Никона, прославление коего ещё впереди.

Антипатриаршие, антицерковные настроения и намерения Петра I уже не были ошибкой сознания, неким искренним заблуждением, как у его отца Алексея Михайловича. Пётр осознанно устремился против православного христианства как *образа жизни* общества, не отрекаясь внешне от Церкви и веры (— тоже двойничество!). За Петром I шла какая-то очень значительная, если даже не решающая масса «общественности». Получалось тогда, что Патриарх уже не может быть «старейшим *отцом*» для тех, кто его не слушает и не желает слушать, а Царь, поскольку он открыто *отступил от благочестия* и перестал слушаться в духовных делах Патриарха, не может считаться *благочестивым* Царём, то есть таким Царём, ради православности и благочестия которого и было учреждено на Руси Патриаршество... Единство Великороссийской жизни рушилось: и Патриаршество и Православное Царство были обречены.

Патриарх Адриан не мог поднять народ против Петра, так как чтил его как *законного* Самодержца, и видел, что в своём отступничестве Самодержец этот, к несчастью, не одинок. В соответствии с Богоданным законом свободы человеческой воли, нужно было дать (после сильного сдерживания в течение всего XVII-го столетия) дурной воле Царя, ведущего слоя и значительной части решающей массы Великороссийского общества проявиться *свободно в отрицательном, пагубном направлении*, избранном ими. Мы уже говорили об уклонениях в западничество многих в образованном, знатном обществе. Скажем теперь, что подобные же уклонения не обошли стороной и чисто церковную жизнь. В архитектуре церквей появляются заимствования с Запада («нарышкинское барокко»). В иконописи Симон Ушаков и его школа сознательно отступают от Боговдохновенных канонов, переходя к «реалистической» манере изображений, в европейском духе. Начинается и порча русского языка. «Киевляне» привносят в него множество «полонизмов» и «славянизмов», искусственную витиеватость, обороты речи, никогда нам не свойственные. Знаменательным оказывается и такое явление, когда при оскудении святости и крепости веры, строится более чем когда-либо, церковей благолепных, затейливых, разукрашенных.

В октябре 1700 г. Патриарх Адриан скончался. Перед смертью своей «завещании» он написал: «Кто ми даст крила, да постигну дни моя протекшая? Кто ми возвратит век мой, да выну (то есть постоянно) смерть помышляя, вечнаго живота сотворю деяния? Ибо суетно уже тень ловити и тщетно неподобных ждати. Уплыве бо невозвратное время. Утекоша невоспятимая лета... Точию (только) Божие не уплыве мне милосердие!». В этих словах — воздыхание из глубины души Великороссии, сознающей конец своей прежней истории и начало какой-то истории *новой, другой* ... После смерти Святейшего Адриана Пётр I в России Патриаршество совсем упразднил. *Начинался великий обвал духовной Великорусской жизни*. Царская власть и часть «общественности» отказались иметь *главной* целью существования хранение в государстве *Святой Руси* и государства в ней.

Глава 14

Империя. Духовная катастрофа.

Ещё при жизни своей Пётр I был назван «Великим». Нам поэтому важно понять теперь, как это произошло и что означало, то есть *какое* величие (в чём?) имелось в виду. Войны свои Царь начал в 1695 г. походом на крепость Азов. Поход *не удался*, так как русские действовали только на суше, а с моря турки свободно снабжали Азов всем необходимым. Не так уж трудно было это предусмотреть. Но не предусмотрели. Тогда в спешном порядке в Воронеже была создана флотилия. И в 1696 г., обложив Азов с суши и с моря, Пётр Алексеевич им овладел. Идти на Крым, к Чёрному морю Царь не решился. Но мысль о создании сильного флота для действий на Белом и Балтийском морях им овладела. Нужно было построить 50 крупных, по западным образцам, кораблей, что требовало полмиллиона рублей (по тогдашним ценам!), при общем доходе казны в два миллиона рублей ежегодно. Казна государства таких денег на флот выделить не могла. Решили взять средства с народа, обложив население обязанностью с каждых 10 тысяч светских дворов получить средства на один большой корабль, то же — с 8 тысяч дворов церковных, а горожане общими силами должны были выстроить 12 кораблей. Чтобы договориться, кому с кем складываться, вотчинники в Москве собрались, создавая «кумпанства». По возвращении из заграничного посольства Пётр I дождался заключения мира с Турцией, уступившей ему на время Азов, и в 1700 г. объявил войну Швеции. К этому его побудила договоренность с Саксонским Курфюрстом Августом II, ставшим к тому же и королём Польским, а также с Датским королём Христианом, которые были во вражде со Швецией. Всем союзникам думалось, что молодой Шведский король Карл XII — человек легкомысленный и противник слабый. Но все жестоко ошиблись! Карл XII оказался на редкость одарённым, дееспособным правителем и к тому же отличным военным. Он быстро заставил сложить оружие Данию, усмирил потом и Августа II, так что Россия осталась со Швецией один на один. Началась самая затяжная в истории Великороссии — Северная война. В ноябре 1700 г. под Нарвой русские войска (40 000 человек) были наголову разбиты Карлом XII-м. Однако, «увязнув» в Польше, где он действовал против Августа II, Шведский король дал русским быстро оправиться, собраться с новыми силами и нанести шведам ряд существенных поражений в Лифляндии, Эстляндии, у Финского залива. В Балтике русские вышли уже в 1703 г. в устье Невы, где в мае этого года была заложена Петропавловская крепость и город окрест неё — Питербурх (Санкт-Петербург). В Польше русские также действовали против шведов (здесь отличился Александр Данилович Меншиков, под началом которого были все русские силы). А в Прибалтике армией русских командовал князь «фельдмаршал» Борис Петрович Шереметьев. К этому времени (после Нарвского поражения) Пётр I уже «переделал» Русскую армию по западному образцу. Взяли Ям, Копорье, а в

1704 г. — Дерпт (Юрьев, Тарту) и Нарву. На Ладогe, а затем на Неве быстро строили большие морские суда. Меж тем основные военные действия развивались пока на суше. В 1708 г. Карл XII, справившись полностью с Августом II, лишив его польской короны, которая была дана Станиславу Лещинскому, решил предпринять поход на Москву, опираясь на Малороссию. Увидев успехи Карла XII в Польше и полагая, что он победит и Петра, Малороссийский гетман Мазепа, изменив Москве, предался шведам, чтобы не разделить с Великой Россией участь побеждённых. Мазепа и ввёл в заблуждение Карла, решившего, что с гетманом станет ему помогать и вся Малороссия. Оба они просчитались. Малороссийское казачество, давно тяготившееся своей «старшиной», и в целом Православный народ Украины, не желавший подчиняться ни полякам, ни шведам, но устремленный к единоверной Великой России, никакой помощи армии Карла не оказали. Шведы на Украине в количестве около 40 тысяч «ждали также помощи от своих: генерал Левенгаупт должен был привести в Малороссию ещё 16 тысяч войска и большой обоз с порохом и иными военными припасами. Пётр I не дал шведам соединиться. Под д. Лесной он напал на корпус Левенгаупта и разбил его. Карл XII остался без подкрепления и без пороха. Неизбежным становилось его поражение на чужой земле без поддержки и достаточных воинских сил. Напротив, у Петра I к этому сроку положение было на редкость выгодным. Он сумел быстро покончить с восстанием в Астрахани (1705 г), долго, но успешно боролся (с 1705 по 1709 г.) с восстанием волжских башкир и, наконец, в 1706 г. сумел жестоко подавить восстание казаков всего Дона (война Кондратия Булавина), навсегда покончив с относительной вольностью донских казаков и полностью подчинив их диктату государственной власти. Особенно война на Дону отвлекала большие военные силы Царя. Но к началу 1709 г. они оказались свободными, так что вся войсковая мощь могла теперь собраться против шведов. 27 июня 1709 г. произошла знаменитая Полтавская битва. У шведов было в ней 30 тысяч войска и действовали только 4 пушки (!). У Петра было 42 тысячи и работала вся артиллерия. В этой битве особенно обнаружилось нечто примечательное в военных делах тех времён. Между лагерем русских войск под Полтавой и сосредоточением шведов лежало сравнительно очень небольшое пространство пересечённой холмистой, поросшей кустарником и лесочками, местности. Ни той, ни другою стороне ничего не стоило в *рассыпном строю* через эти холмы и кустарники выйти в тыл неприятеля быстрым броском, неожиданно напасть и наверняка победить. Но нет, Пётр обращает войска, редуты и пушки совсем в другую сторону, в сторону открытого поля. Карл XII, в свою очередь, делая очень значительный крюк, выводит армию на это самое поле, чтобы, *развернув её в стройных шеренгах* и порядках атаковать русских в лоб, по неким «правилам» военного «искусства», под развёрнутыми знамёнами, с барабанным боем...

Так войны XVIII-го столетия в значительной мере становятся некоей *«игрою в солдатики»*, так что и самые эти солдатики наряжаются в причудливые красочные мундиры, как бы для маскарада, или парада, но никак не для удобства ведения боя! Даже здесь, в военных делах, происходит какой-то *театр* со своими эффектными *зрелищами* — спектаклями. Так начинают и говорить: «*театр* военных действий»... Для шведов игра под Полтавой окончилась страш-

ным поражением, а для русских — победой! Карлу XII (вместе с Мазепой) удалось бежать в Турецкие владения. Но могущество Швеции на суше было подорвано навсегда. Окрылённый этой «викторией», как теперь иногда стали называться победы, Пётр I в 1711 г., принял вызов Турецкой Империи, которую Карлу XII удалось склонить к войне против России. Пётр I быстро двинулся к Дунаю и вышел на Прут, повторяя *такую же* точно ошибку, какую пред тем допустил Карл XII, войдя в Малороссию. Пётр понадеялся на обещания Господарей Молдавии и Валахии помочь ему провиантом и всем необходимым, поверив их заверениям, что тут же русских поддержат общим восстанием против турок православные народы Балкан. Восстания не случилось, помощи от Господарей Пётр не получил и остался с 40 тысячами в окружении 200 тысячного турецкого войска. Вот как быстро сам Пётр, по пословице, «погорел, как швед под Полтавой»! Неминуемы были бы для Петра I плен и позор, если бы турки неожиданно не согласились на просьбу испуганного Царя о мирных переговорах, Мир был заключён; по нему Россия снова лишилась Азова и прилегающих к нему земель. Гораздо *слабее*, чем Турция в Черноморском бассейне, была тогда Швеция в своих восточнобалтийских владениях, чем вполне и воспользовался Пётр I. После ряда успешных сражений на суше и на море, были взяты Финляндия, Карелия, Лифляндия с Ригой, Эстляндия с Ревелем и Нарвой, Ингрия. Карл XII в 1718 г. скончался в разгар переговоров с Россией о мире. Новая Шведская королева Ульрика Элеонора, ограниченная впрочем уже Сенатом, попыталась войну продолжать. Русские вторглись в Швецию, разорив её до Стокгольма, и вынудили вконец истощённого противника заключить 30 августа 1721 г. Ништадтский мир, по которому почти всё завоёванное отходило к России, кроме Финляндии, возвращённой шведам. Длившаяся 21 год (!), Северная война была закончена. Россия получила то, что хотели иметь многие Русские Государи, — выход к Балтийскому морю. Уже созданный к тому времени Российский Сенат решил отметить победу исключительным, особенным торжеством. Пётр I приурочил его к знаменательной дате — 22 октября (4 ноября) 1721 г., когда празднуется Казанская икона Богородицы по случаю освобождения Москвы от поляков в 1612 г. ... В этот день Пётр I принял новый титул *Императора*, а Сенат наградил его званиями «Великий» и «Отец Отечества». Российское Царство объявлялось *«Российской Империей»*.

К 1721 году Пётр I успел осуществить очень много реформ и различных нововведений в Великороссийскую жизнь, так что льстецы из Сената, а особенно — из ближайшего к Петру окружения называли его «Великим» по совокупности за всё, сотворённое им. И всё же совсем не случайно, что и звание «Великий» и невиданный ранее на Руси титул «Император» Пётр I получает, или лучше сказать, принимает сам на себя именно за *победу в войне*. Он и его окружение, а потом и всё российское «общество» видят *величие* России уже отнюдь не в святости, а во внешнем *ми́рском могуществе*. Этот духовный возврат к *языческим* представлениям о славе и величии государства соединяется с *протестантскими* взглядами на смысл жизни и деятельности людей в их земном бытии и подхватывает древнюю идею *«Третьего Рима»*, но лишь в значении *древнеримском, языческом* — имперской силы, богатства, ми́рского величия и внешнего процветания. Прямо отсюда, из этих идейно-духовных основ и

происходят названия «император», «империя», и общий замысел новой столицы Санкт-Петербурга как нарочитой *противоположности* священной столице — Москве, и не только ей! Этот новый «град Петра» Пётр называл — «Парадиз». «Парадиз» в переводе с французского — Рай! Пётр знал, что Патриарх Никон называл свой Иверский монастырь «Раем мысленным», что образом Рая, Горнего Мира был его Новый Иерусалим. Пётр видел его. Поэтому название Петербурга «Раем» было отнюдь не случайным, но отражало представления Петра I о «райской жизни», умышленно противопоставленные Никоновским и вообще исконно русским представлениям. И что же за образ «Рая» получился по замыслам Петра? Образ *земного* могущества, земной славы и процветания, в соответствии с масонскими *западными* идеями. Петербург задумывается, а потом и осуществляется, воистину как некое подобие языческого имперского Рима! Даже главные, самые видные храмы Санкт-Петербурга,— это по внешнему виду уже не православные церкви, а языческие пантеоны, призванные показать образ *земного величия государства* при Петре идея России как «Нового Иерусалима» *исчезает совсем*. Знаменательно и не случайно, что в том же самом 1721 году был издан долго готовившийся «Духовный регламент» и связанные с ним «высочайшие» указы, согласно которым в России официально *упразднялось Патриаршество*, заменяясь «духовной коллегией» (одной из двенадцати государственных) названной также Синодом («Святейшим» Синодом). Деяние это было главнейшим в той «религиозной реформе», которую Пётр I задумал *по английскому* образцу. Осуществить эту «реформу» в *полной* мере, как предлагали и учёные Оксфорда и английские «братья-каменщики» *не удалось* ни Петру, ни его преемникам.

В своей внутренней жизни Русская Церковь осталась *свободной*, то есть продолжала жить согласно древнейшим святым канонам и исконным русским обычаям, так как не было уничтожено главное — каноническое положение и права епископов в отношении их епархий, не изменялись ни вероучение, ни правила Православия. Хотя, конечно, лишение Патриаршего возглавления и гораздо более сильная, чем ранее, зависимость церковного руководства от государственной власти в делах судебных, хозяйственных, имущественных и некоторых иных имела самые плохие последствия не только для Церкви,— для всей Великороссийской жизни вообще. Услужливый, лживый до мозга костей, совершенно душою продажный прислужник Царя в церковных делах Псковский митрополит Феофан Прокопович, отличавшийся вместе с тем и большой внешней образованностью, составлял для Петра знаменитый «Духовный регламент». В нём Феофан главной причиной уничтожения Патриаршества называл угрозу того, что в случае разногласий между Царём и Патриархом невежественный народ может принять сторону последнего. Причина выглядит надуманной, потому что никогда разногласия между Царями и Патриархами, как мы помним, к народным смутам не приводили. Однако в действительности мысль Прокоповича вполне соответствовала жизни тогдашней России как раз потому, что Пётр I осуществлял во многих иных направлениях такую ломку исконной духовной жизни России, такое сознательное гонение на Святую Русь, с которыми никакой настоящий Русский Патриарх и в его лице Церковь Великороссии согласиться, конечно же, не могли. Здесь дело грозило и впрямь обер-

нуться не просто разладами и разногласиями, а гражданской войной, войной православных против Царя — безобразника и отступника, какового, ещё по слову Иосифа Волоцкого, несмотря на его легитимность (законность) «помазанность» не подобает *ни чтить, ни слушаться*. Впрочем, этот завет великого сторонника самодержавной власти в России во времена Петра основательно был забыт. Страх Императора перед Православным народом был настолько велик, что духовный регламент предусматривал *обязанность* священников доносить властям, если кто-либо на Исповеди сознается в государственных преступлениях или намерениях. Упразднялось *святое* — тайна Исповеди!

Как-то никто до сих пор не заметил, что Пётр I не только упразднил Патриаршество, лишив Церковь её относительной внешней самостоятельности, он вместе с тем и одновременно *упразднил Православное Самодержавное Царство* в России! Император — это уже не Царь, и Империя — это не Царство. Дело здесь далеко не в титулах и названиях. Они только знаменуют собой *главное* в разрушении великой России. Решительно отказавшись от «симфонии» и совета с властью церковной, власть императорская перестаёт быть *Православной*, а значит и *Самодержавной* (хотя ещё и называется так), а становится *абсолютной монархией*, в духе западного абсолютизма, или даже древнего фараонства или восточных деспотий и тиранств. Отныне Православие императоров — это, в сущности дело их *личной* совести. *Официально и внешне* они декларируют обязательность исповедания Православной Веры, но духовно в своих текущих деяниях, устремлениях, политике они отныне вольны или следовать Божиим заповедям и учению Церкви, или не следовать им; и никто им теперь не указ! Принцип *Самодержавия* на Руси (и в России), как мы видели, непременно предполагал «симфонию» (согласие) и совет царства и Церкви во *всех* как мирских, так и духовных важнейших делах, так как сама *задача* Великороссийского Самодержавия состояла в том, чтобы создавать, насколько возможно, в земном бытии условия всему обществу в целом двигаться к достижению Царства Небесного. При Петре I эта задача отбрасывается и упраздняется. Теперь главнейшей целью императорской власти становится внешнее величие, слава, процветание, земное благополучие государства. В соответствии с этим *важнейшей добродетелью* подданных Российской Империи оказывается не Православное благочестие, не презрение к «миру сему», не молитвенность, не духовность, а способность приносить *внешне видимую осязательную пользу* обществу и государству! Отсюда сразу же, при Петре, им самим резко меняется отношение власти к сердцу Православной Церкви — к монашеству и вообще к православному духовному подвигу. Пётр называет монахов «бездельниками» и «тунеядцами» и выражается так: «Говорят,— они молятся. Все молятся. Да что от того *пользы?*» Кажется, что так мог сказать исключительно атеист. Но нет, Пётр I атеистом не был. Он мыслил и говорил, как его «учителя» протестанты, а также — *масоны*. В 1689 г. он повелел *сжечь на костре* немца-еретика Квирина Кульмана (со сподвижником его Нордерманом). Кульман учил, что он духовидец, пророк, королевич и сын Сына Божия. Архиепископ Филарет (Гумилевский) полагает, что от Кульмана взяли начало русские секты *хлыстов* и происшедших от них *скопцов*. В 1716 г. после долгих проволочек Сенат по указу Петра осудил ересь Дмитрия Тверитинова, Фомы Иванова и иных. Учение

их было смесью протестантских воззрений и знакомых идей жидовствующих. Отказавшийся принести покаяние Фома Иванов был казнён. Соглашаясь признать (ради общественной пользы) важность защиты официальной Церкви, а так же определённых правил некоего «приличия» или «нравственности», или «морали» (в западном протестантском духе) Пётр совершенно *не понимал* духовных основ православного молитвенного подвига и делания. И не чувствовал *силы молитвы*, а потому и не ведал её воздействия на окружающий мир. Это, конечно, *безбожие*. Но пока — не идейное, не мировоззренческое, а *психологическое* и практическое. Ввергнув в него Великокороссийское общество, Пётр не думал, что от такого безбожия — *только шаг* к безбожию, «философски оправданному», идейному, — к *идейному* атеизму. В связи со всем этим происходит в России *перемена общественного идеала*, Мы помним, что *искони*, до Петра, *общепризнанным* идеалом *для всех*, от крестьянина до Государя, был *человек смирения*, молитвы, чистой любви ко Христу и к людям, не привязанный к «миру сему», но стремящийся к Горнему Иерусалиму (каковой идеал ярче всего проявился в монахах — подвижниках и юродивых ради Христа). Теперь, начиная с Петра, в русском обществе поощряется и насаждается всею силою государственной власти совершенно *иной* идеал, — *человека гордости*, практических дел и способностей, могущего «постоять за себя», добиться успехов в мире, прославиться и славу добыть для Отечества, часто — *любою* ценой (а слава, как видим ценилась уже только внешняя, не духовная).

Дабы монашество не посмело и не смогло повлиять на народ и общественность в противоположном, то есть исконно российском духе, Пётр *запрещает* постригать в монашество дееспособных людей, но только — стариков, калек и различных убогих. Пётр также *запрещает* монахам иметь при себе в кельях *письменные принадлежности и бумагу!* Не очень ценил и совсем не понимал Пётр и иных благодатных церковных воздействий на жизнь. Так, после поражения под Нарвой, желая скорее создать хорошую артиллерию, Царь без церемоний приказывал снимать, сколько нужно будет, колокола с церквей и переливать их на пушки (так теперь понималась «польза Отечества!»). Всё это может казаться сущим гоненьем на Церковь и веру, но это не так. Как уже говорилось, Пётр атеистом не был. Он изредка мог читать в церкви на клиросе, мог довольно искренне молиться. Дня небесной «поддержки» новой своей столицы он самолично перевёз в неё мощи Благоверного Князя Александра Невского. Пётр чтит некоторые иконы, основывал церкви, благотворил ряду церквей и монастырей и *настаивал* на том, чтобы его почитали именно защитником и покровителем Православной Российской Церкви... Секрет такой двойственности поведения *отчасти* в том, что веру, Церковь, Православие и всё, что связано с жизнью духовной, с Богом, Пётр понимал и воспринимал *по-протестантски и по-масонски!* Отчасти же дело в таком же *раздвоении личности*, каким страдал «образец» Петра Иван IV Ужасный. В свою очередь это — от великой гордости, что в Царе сказывается стремлением подчинить себе всё и вся, не давая отчёт никому, утверждать себя в самодурствах и сознательных беззакониях. Большей частью в состоянии такого самоутверждения забот и сует о земном Пётр I пребывал. Но иногда он как бы спохватывался или пробуждался, обращаясь к чему-то в детстве

усвоенному,— к молитве, к Церкви, к почитанию святынь, даже к клиросному чтению... Светлые эти моменты в жизни Петра были до крайности редки, но они всё же были!

Нет, не ведал Пётр, что творил! Сделав своё государство, Империю равнодушной к Святой Православной Вере и Церкви, он делал Великороссийский народ отчасти равнодушным к Империи, к государственной власти. Не сразу, конечно, но — постепенно, хотя именно в Русском народе всегда оставалось больше всего патриотов и тёплых молитвенников за Царя. Всё же для *русских* государство (даже монархия) самоцелью, святыней (истуканом и идолом) само по себе *быть не может*. Святым и духовно ценным может быть только государство действительно (а не декларативно) *Православное!* Чувствуя это и понимая, Пётр I стал воевать — не с религией, нет! А — с *православным её исповеданием*, состоявшим не только в вероучении и богослужении, но *главное — в жизни*, в быту, в привычках и свойствах мышления, в поведении, в понятиях добродетели, воздержания, скромности, совести и т. д..

Поэтому, сразу же по возвращении из-за границы в 1698 г. Пётр приступил к коренным переменам именно в этой области. Аристократии и дворянству предписано было непременно брить бороды и носить только западноевропейские платья. Бороды разрешались крестьянам и духовенству. Городские жители могли *покупать* право ношения бороды за деньги и тогда им давался особый «бородовой знак», избавлявший от наказания. Все дворянские дети *обязаны* были учиться не только чтению и письму, но и другим светским «свободным» и «точным» наукам. Необразованным из дворян не разрешалось вступать в брак и они не могли получить офицерского чина. Большая часть дворянских детей должны были служить в армии, начиная с простого солдата. Лишь одной трети из них разрешалось идти на государственную, светскую службу. Был создан «Табель о рангах», где было положено 14 степеней (рангов) как военных, так и гражданских, на которые могли восходить, по способностям, все поступавшие на военную или светскую службу, независимо от происхождения. То есть на службу в любое ведомство принимались не только дворяне, но все способные из простолюдинов, а также в большом количестве — иностранцы. Однако для родовитых семейств — князей и самых видных дворян Пётр I сделал одну очень существенную уступку, их дети могли поступать на службу в Преображенский и Семёновский полки, то есть в гвардию, привилегированную во многих отношениях. В этих полках, целиком по составу дворянских, при Петре сотни *солдат* (!) носили княжеские фамилии. Не удивительно, что иным из них доверялись подчас очень сложные, или «деликатные» поручения государственного значения. Так в знатных гвардейцах Пётр получал и преданных чиновников, исполнителей «высочайшей» воли. Это особое положение (и состав) Гвардии потом не раз возымеет большое значение для судеб всего государства. В окружении Петра I и на высших должностях государства были и представители старой Московской знати (к примеру, князья Долгорукие, Голицыны, Репнины, Шереметьевы и другие). Были и рядовые дворяне (Апраксины, Головкины, Нарышкины, Толстые). Были также и новые люди «без роду и племени» (А. Д. Меньшиков, генерал-прокурор Сената Ягужинский, дипломат Шафиров и другие). Были и иностранцы,

которых, как правило, Пётр на самые высшие должности старался не допускать, хотя «жаловал» их во многом другом. Исключениями из правила стали, к примеру, Остерман, Брюс, Миних. Знать и дворянство **обязаны** были принимать участие в маскарадах, балах и иных «потехах». Учреждались знаменитые «ассамблеи» — также **обязательные** собрания дворян (по очереди в разных семействах), где они должны были танцевать европейские танцы, разговаривать на светские темы, осваивать правила европейского этикета и поведения «в обществе». В обстановке таких «ассамблей» неперенным считалось наличие европейских картин или статуй, изображавших чаще всего обнажённые тела эллинических «богов» и «героев», или различные аллегорические фигуры. Так высшие, правящие сословия Великороссии нарочито, умышленно приобщались к неправославным и нерусским обычаям, нравам, образу мысли и жизни. Так и был начат известный **раскол** когда-то единого русского общества на дворянскую «образованную» (по-европейски!) **интеллигенцию** и **народ**, продолжавший жить в Православной Вере и исконных русских обычаях и нравах. С течением времён этот раскол углублялся, превращаясь в непроходимую пропасть, где одна сторона (интеллигенция) уже не могла понимать другую — свой народ, а он никак не **мог** понимать «образованную» интеллигенцию. По сути, по духу этим расколом Пётр I сделал то же самое, что делал Иван IV разделением России на Земщину и Опричнину. То, что не удалось тогда Ивану IV, теперь вполне удалось Петру I. Но эта «удача» таила в себе возможность крушения всей вообще государственности.

Совершенно точна строчка Марины Цветаевой о Петре I: «Родоначальник ты — Советов, ревнитель ассамблей!»... Из многих иных деяний Петра, направленных на разрушение устоев духовной жизни России, нужно отметить введение **нового летоисчисления** на европейский манер (только от Рождества Христова) и празднование **Нового Года** не 1/14 сентября (начало индикта церковного новолетия), а 1-го января, как сугубо **гражданского**, не церковного, праздника, что началось с 1-го января 1700 г., а также — отмену церковно-славянского шрифта, порчу русского языка, и отмену церковных постов в армии. Пётр I сам разработал новую светскую азбуку (шрифт) для письма и печатания документов и книг нецерковного содержания (церковно-славянский язык и азбука сохранились только для книг и писаний церковных). В 1703 г. новой азбукой стала печататься первая российская газета в Москве («Ведомости о военных и иных делах»). Сам Петр I и его сподвижники выражаются ещё на естественном русском языке, сравнительно редко вводя в него западноевропейские слова. Но вскоре иностранные слова во множестве вставляются в русскую речь. Появляются вот такие «перлы» словесности: «Наталья Кирилловна была править некапабель. Лев Нарышкин делал всё без резона по бизарии своего гумора. Бояре остались без повоира и в консилиии были только спекуляторами». С этих пор в России начинают действовать **три языка**: язык Церкви (церковно-славянский), язык образованных классов и обычный русский язык народа. В этом — тоже выражение величайшего **духовного и культурного раскола**, учинённого Петром в Великороссийском обществе. Язык — не просто средство общения, носитель информации. Он — отражение духовного состояния народа, чего-то самого-самого важного в нём! При этом язык не только отражает сие состоя-

ние, но и влияет на него. Здесь взаимосвязь и взаимовлияние духовной жизни народа и её отражения в языке. Значит, испортить, или изменить **язык** — это, в значительной мере, испортить и изменить **духовную жизнь** (и наоборот), Пётр I эту взаимозависимость знал, потому и портил язык сознательно. А ведь великорусский язык — плод естественного развития на протяжении сотен лет (!) — величайшее, если не самое великое, достояние жизни народа, его неоценимое богатство, основа его культуры! В этой связи не случайным и немаловажным было упразднение Церковно-славянского написания букв и замена его, продуманным, искусственным светским, церковно-славянская азбука «кириллица» являлась единственной нитью, связующей в те времена мирскую светскую письменность с Церковью. Пётр I эту нить, эту связь оборвал, знаменуя и этим **разрыв** России, которую он созидал, с Россией, сложившейся до него... Здесь тоже какое-то богоборчество.

В ряду со всем этим стоит и отмена церковных постов в войсках. Никакой действительной необходимостью это не вызывалось. Определённые послабления постов для служилых воинов с благословения Церкви делались и ранее. Имея в виду особые телесные тяготы жизни и службы, в XVII в. Церковь разрешала вкушение рыбы воинам и крестьянам даже Великим постом. Совершенно же посты никогда не отменялись, что ничуть не мешало русскому воинству в ратных делах во всей предыдущей истории. Отмена Петром I постов в войсках — это подрыв благочестия воинов, как бы указание на то, что в них отныне ценится **не духовная, а только телесная** сила! Правда потом, **вопреки Петру I**, благодаря благочестию самих русских солдат из народа, военному духовенству и таким полководцам как А. В. Суворов, в Русской армии сохраняется и возрождается приоритет силы духа, веры и благочестия над силой внешней, телесной. Однако деянье Петра по отмене постов **демонстрирует** обществу, всей России **презрение** государства к духовным, церковным устоям жизни народа.

В то же время, при Петре I, полагается начало тому **крепостному праву**, которое надолго становится позором и болезнью России. До Петра на Руси **искони** крестьяне не только государственные, но и помещичьи не были лишены прав, находились под защитой законов, то есть никогда не бывали холопами или рабами, **собственностью** господ! Известные нам уже меры ограничения и, наконец, запрещения своевольного ухода крестьян, или перехода их от одного господина к другому, были мерами прикрепления русских крестьян к **земле** (а не к господам!) с целью **сохранить земледелие** в центральных землях Великороссии, удержав в них самих земледельцев, работоспособных крестьян. Но у русских помещиков были всегда и холопы, люди, попавшие в полную зависимость от господ, заложившие себя за долги, или беглые, или иные, скрывавшиеся от преследований. Постепенно (не сразу) помещики стали и этих холопов наделять **своею** (не общинной!) землёй, заставляя трудиться на ней ради увеличения господских доходов, каковые тогда в основном состояли в продуктах земледелия. Пётр I, введя новый порядок налогообложения — подушную подать (с человека), а не с участка земли («с сохи») и не со «двора» из нескольких семей, как до него было, обложил этой подушной податью и холопов, **уравняв** тем самым их с крестьянами. С этих пор господа постепенно стали смотреть и на лично свободных крестьян, как на холопов, то есть как на **свою**

собственность. Вскоре, при Екатерине II это было уже узаконено, так что Императрица называла крестьян «рабами», *чего никогда на Руси не бывало!*

Император преобразовал совершенно армию, можно сказать,— создал новую, по западным образцам, с рекрутским набором (по одному рекруту с 20-ти дворов) и безсрочной службой, отлично её вооружив. Создал он и совсем на Руси не бывавший первоклассный военный флот. Также по западным образцам Петр расформировал управление государством и власть на местах. Вместо приказов учреждались 12 «коллегий», ведавших разными областями политической и хозяйственной жизни страны. Они подчинялись Сенату, утверждавшему их решения и законы, как будто *правительству*, но, оказывается, только «правительствующему». И верховным правителем и «правительством» Пётр I видел только *себя* и лично вникал в дела и Сената и всех коллегий. В каждой коллегии, в том числе и в церковной (в Синоде) была должность обер-прокурора («государева ока»), следившего за течением дел. Но, кроме того, во всех ведомствах учреждалась «фискальная служба». Фискалы должны были тайно следить за чиновниками всех уровней и вовремя доносить на них высшей власти.

Особыми указами Царя в Россию приглашались иностранцы — специалисты самых разных наук, ремёсел, искусств. Исключение составляли только евреи, о которых Пётр говорил: «Я хочу видеть у себя лучше народов магометанской, или языческой веры, нежели жидов. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложая, не будет для них в России ни жилища, ни торговли, сколько о том ни стараются, и как ближних ко мне ни подкупают».

Пётр всячески поощрял торговлю, предпринимательство и промышленность, нередко устраивая заводы и мануфактуры за государственный счёт, а затем отдавая их во владение частным хозяевам. Император держался политики протекционизма и меркантилизма, когда поощряется более вывоз товаров, чем ввоз, дабы обогатить государство звонкой монетой. Исходя из понятия о пользе Отечества, Пётр I всячески поощрял развитие прикладных наук и различных ремёсел. Но понимал и значение фундаментальных наук (разумеется, прежде всего — «естественных»). Пётр разработал и подготовил проект Академии наук по западным образцам, с привлечением европейских учёных, которые уже обучали представителей молодёжи «свободным» наукам. Свободным, спрашивается,— от чего? От веры и Церкви. Вот так-то! Сие как раз то, что советовал ещё Лжедимитрию I-му Римский папа...

Сбывались мечтания Запада! Россия, а точнее образованная часть ее без боя как бы сдавалась ему, делаясь с ним *заодно* по устройству, культуре, по основным устремлениям, образу мысли, по духу... И приводил её к такому братанию с тем, что всегда было чуждо Руси и просто даже погибельно, её собственный Царь (!). Впрочем,— не Царь, а теперь уже «Император»... Известны слова о том, что Пётр «прорубил окно в Европу». Да нет же! Он «прорубил окно» в Россию для Европы, а лучше сказать отворил врата крепости души Великороссии для вторжения в неё враждебных духовных сил «темного Запада». Многие деяния этого реформатора, например, строительство флота, строительство Санкт-Петербурга, первых мануфактур, сопро-

вождались *неоправданными* жестокостями и безжалостным обращением со своим же народом. Об этом историки, славящие Петра, или не говорят, или говорят лишь вскользь и притом с *оправданием*, дабы не лишить своего кумира ореола «Отца Отечества» и звания «Великого». Для Отечества Пётр I «отцом» был таким же, как для родного своего сына Царевича Алексея, которого он приказал *умертвить*, в сущности только за то, что Алексей не согласен был с пагубным для Отечества реформаторством своего отца (о чём мы ещё скажем). Значит, любил Пётр I совсем не Россию и заботился не о славе её. Он любил свою собственную *идею о преобразовании России* и славу успехов именно этой *идеи*, а не Родины, не народа такого, каким он тогда был, особенно в лучшем и высшем своём состоянии — в состоянии Святой Руси.

Одержимость Петра идеями, пагубными для Великороссийской души и жизни, нельзя объяснить только его увлечённостью всем европейским. Здесь сказалась его *посвящённость* в учения зла, которую он добровольно принял на Западе. Так ненавидеть самое ценное и главное в Великороссии — православные духовные основания её многовековой жизни, мог только такой человек, который стал по духу *не русским*. Поэтому, если мы заметили ранее, что при Петре монархия перестала быть Православной и Самодержавной, то теперь нужно сказать, что во многом она перестала быть Русской или Великороссийской. Потом мы увидим, как революционер-большевик и кровавый тиран Сталин чтит Петра I и Ивана IV. Только эти *два* Самодержца в советское время почитались у коммунистов — борцов против самодержавия... Теперь нам понятно, за что почитались — *за антихристову и антирусскую* сущность своих деяний и преобразований!

Исследователи и ругающие и хвалящие Петра I, тем не менее, единодушны в одном: те преобразования в армии, флоте, государственном управлении, промышленности и т.п., которые были *полезны* России, можно было вполне провести (даже с использованием западных образцов) *без нарушения, тем паче — без ломки коренных духовных, культурных устоев жизни Великороссии, как сложились они до Петра*. Поэтому, когда говорят, что деяния Петра можно разделить на «вредные» и «полезные», то следует возразить: полезность им сделанного потонула во вредном. Ведь в голову никому не придет хвалить добрый напиток, если в нём растворён смертоносный яд.

Вспомним, однако теперь, что в общей направленности своих антирусских деяний Пётр был *не первым и не одиноким*. Он лишь ярче всего отражал в себе разделение души всей Великороссии, о чём мы уже говорили. Император Пётр I обеспечил решительную победу той части народа и «общества», которая всё более откровенно стремилась к Западу, прочь от Востока, если под ним понимать «Восток свыше», «Солнце правды», «Свет разума», то есть Христа. Это было самой большой «викторией» Петра I за которую только он и может быть с печальным сарказмом назван «Великим». Всё же остальное гораздо менее славно и значительно, чем деяния многих предшествовавших Государей, таких как, к примеру, Иван III (вот уж кто достоин был бы именоваться Великим) и некоторых последующих.

Глава 15

Соппротивление

Всё вышеописанное вызвало очень сильное сопротивление во всей Веллкороссии, во всех слоях и классах населения, от низших до высших. Но это сопротивление имело два совсем разных русла, течения, или направления. Одно исходило от неправедных и уродливых явлений и состояний в народе и обществе (от всего преступного, своевольного, ленностного, склонного к заблуждениям, духовно низкого). Другое было сопротивлением, напротив, всего духовно высокого, праведного, укоренённого в Святой Руси. То и другое в народе и обществе часто проявлялось, действовало одновременно, чем ловко пользовались и тогда и позднее, чтобы второе очернить и представить под видом первого. Нам предстоит разобраться и отделить одно от другого.

Расколы, раздоры, резкие перемены в жизни и управлении, затяжная война и связанный с нею налоговый гнёт, усугубляемый злоупотреблениями чиновников привели к небывалому росту преступности, разбоев, бегству крестьян. При этом разбойниками (главарями шаек) становились иной раз **дворяне** — помещики. Всё это подавлялось силой, хотя и не так уж успешно. Самая большая беда состояла во взяточничестве и казнокрадстве, принявших невиданные размеры! Брали взятки и крали казённые средства все чиновники, судьи, полиция. На этом постоянно попадались бурмистры, губернаторы и вице-губернаторы, прокуроры и обер-прокуроры, государевы «прибыльщики» и призванные за ними следить, фискалы и обер-фискалы, сенаторы. Зло оказалось повальным. В нём были повинны даже «птенцы гнезда Петрова». Сущим ударом для Петра явилось открытие казнокрадства в особо крупных размерах его любимца и ближайшего сподвижника Александра Даниловича Меншикова. Был «розыск» по этому делу. С «Данилыча» взысканы были в казну огромные деньги. Суду его Пётр не предал, но сильно к нему охладел, лишив высоких должностей. В борьбе с этим злом не помогали ни грозные царские указы, ни расправы, вплоть до смертных казней. Казнокрадство и взяточничество не уменьшались, но ещё больше распространялись, нанося огромный вред государству. Знаменитый писатель и деятель того времени из крестьян Иван Тихонович Посошков в сочинении «О скудости и богатстве» писал: «Не только у иноземцев-христиан, но и у бусурманов суд чинят праведный, а у нас... судная расправа никуда не годится: какие указы ни состоятся, всё ни во что обращаются... Неправда вкоренилась и застарела в правителях, от мала до велика, все стали поползновенны — одни для взяток, другие боясь сильных лиц. Оттого всякие дела государевы не споры, сыски не правы, указы не действительны».

В 1718 г. фельдмаршал князь Борис Петрович Шереметьев говорил: «Москва так стоит, как вертеп разбойников, всё пусто, только воров множится, и

безпрестанно казнят». Отчасти это было связано с тем, что столица уже переместилась в Петербург. В деревнях дворяне начали обирать крестьян «как овцу, догола». Тот же Посошков в связи с этим выражает очень важный взгляд на крестьянство: «Крестьянам помещики не вековые владельцы, оттого они не очень их и берегут. Прямой их (крестьян) владелец Всероссийский Самодержец, а они (помещики) владеют временно». Таким «владельцем» крестьян осознавал себя и Пётр, почему строго карал господ за жестокое обращение с ними. Так, один дворянин получил 10 лет каторги за то, что сильно избил крестьянина, умершего после побоев. Но, как уже говорилось, карательные меры не давали нужных последствий, и безсовестное обирание крестьян помещиками продолжалось, отчего массовым стало бегство крестьян на Дон и другие российские уkraine. Весь этот ряд беззаконий и их чрезвычайное умножение, помимо прочих сопутствующих причин, объяснялось одной самой главной. Она заключалась в образе мыслей и дел самого Петра I. Поставив предприимчивость выше святости, «пользу» и выгоду выше Божиих заповедей, всё мирское выше духовного, он, конечно, тем самым дал почти всем очень заразительный пример. Сам-то Пётр имел в виду «пользу Отечества», но его окружение отвечало на это так, что ему-де хорошо, он не имеет заботы о собственном доме, семье и хозяйстве, и не думает о подчинённых, что у них хозяйство приходит в расстройство и упадок, так как они вынуждены подолгу отсутствовать. Такие разговоры велись между чиновниками и высшими офицерами, сопровождавшими Петра в длительных походах, или поездках за границу. И будучи там, они всячески старались, кто как мог, по крайней мере урвать себе что-то из казённых средств, или путём обирания населения (например, в Польше). Иными словами, с точки зрения правящих классов тех времён, если Царь ради внешней пользы и выгоды, оставляет или отодвигает на второе место требования совести и закона Божия, то и им надлежит поступать так же в отношении пользы и выгоды своих имений и домов. Многие дворяне старались укрыть своих сыновей от воинской или служебной повинности и от учёбы, в которой, как *для всех* обязательной, просто не видели смысла.

Но реформы Петра были направлены не только и даже не столько на нужды армии, флота, усовершенствование государственного управления и развитие полезного образования. Как уже говорилось, Царь реформировал коренные духовные и нравственные устои Великороссии. А вот это встречало уже совсем иное по духу и смыслу сопротивление. С конца XVII в. в народе уже повсюду пошли разговоры о том, что с Царём случилось что-то странное, страшное, невозможное, чему нужно было искать объяснение. Не только старообрядцы, но и члены Российской Церкви (вплоть до некоторых епископов) прямо говорили, что деянья Петра антихристовы. «Нами правит не Царь, а антихрист», который «губит Россию»,— говорили одни. «У нас Государя нет; это не Государь, что ныне владеет, да и Царевич (Алексей) говорит, что мне (Пётр I) не батюшка и не Царь»,— утверждали другие. Некий Григорий Талицкий составил «тетрадки», в которых убедительно доказывалось, что правление Петра есть *антихристово*. Талицкого казнили. Из-за согласия с ним пострадал (был лишён сана и сослан) епископ Тамбовский Игнатий. Но стали являться и не скрытные, а *открытые обличители*. Так однажды из Нижнего Новгорода в Москву пришёл

посадский человек Андрей Иванов «извещать Государя, что он, Государь, разрушает веру христианскую: велит бороды брить, платье носить немецкое, табак тянуть»... Всё это объясняли по-разному. Одни очень точно указывали, что немцы «обошли» (то есть охмурили, спутали, прельстили) Царя через «немку Монсову». Имелась в виду любовница Петра Анна Монс, жившая в немецкой слободе на Москве. Другим казалось сие невозможным и они сочиняли легенды и сказки. Во одной из них покойная царица Наталья Кирилловна родила не сына, а дочь. Но дочь у неё немцы украли, а подложили тут же своего мальчика (вариант — сына Лефорта). По другой сказке Пётр попал в плен к Шведской королеве, которая его посадила в бочку и сбросила оную в море, а русским под видом Петра возвратила «немца». У сказки явилась и версия: вместо Петра в бочку сел верный его боярин, а Царь спасся и где-то скрывается, бродя по миру, а от шведов действительно прислан его двойник — немец. И ещё вариант: в Стокгольме Царя посадили не в бочку, а в «столп», то есть в некую башню и держат под стражей. «Царя подменили немцы» (шведы), «Царь — не настоящий», — вот слух особенно широко пошедший в народе. И надо признать, что духовно, по смыслу слух этот был совершенно точен: Петра действительно «подменили» и действительно иностранцы, только не в прямом, а в переносном смысле! Стало известно, что какой-то монах *записывал* подобные были-небылицы. Тогда и последовал указ Царя, запрещающий монахам иметь в кельях своих письменные принадлежности... и разрешавший писать только в трапезной под присмотром игумена. Неужели во всем прочем достаточно сведущий Пётр не знал, что подобные случаи единичны, что монашество в целом отнюдь не занимается распространением «басен» о Царе? Конечно, знал! Но он знал также и то, что монашество русское является источником *подлинно-духовного, православного влияния* на окружающий мир. *Пресечь* такое влияние и было целью указа. Подобная же история была и у другого указа Петра. В ряде городов, в том числе и в Москве, были отмечены несколько случаев появления крамольных листков (писем), невесть кем прибитых на видных местах, против немецких одежд, бритья бород и т.п. Появились и «подмётные» (то есть подброшенные) властям письма такого же содержания. Пётр I издаёт указ о том, что впредь, если кто будет что-нибудь (всё равно что!) «*писать запершись*», тот подвергнется суровой каре, равно, как и тот, кто знал о пишущем и *не донёс!* Этот указ кажется совсем сногсшибательным. Неужто «просвещенный», образованный Пётр не знал, что «запершись» пишут, как правило, в подавляющем большинстве случаев вовсе не крамольные или подмётные письма, а письма с деловыми, личными, любовными секретами, а также все вообще творческие (к примеру, художественные) произведения, не терпящие постороннего глаза прежде совершенного окончания? Конечно же, знал! Поэтому настоящая цель указа — *поставить под надзор властей, государства* всё, что пишется образованными и грамотными людьми! Указ этот, разумеется, не исполнялся, кроме разве нескольких случаев. Но если представить, что он был бы в полной мере исполняем и при Петре и при его преемниках, то в России никогда не могло бы сложиться то, что именуется ныне интеллигенцией и особенно, — творческой. Кто-то может сказать: «Вот и хорошо бы!». Но мы скажем другое: пусть помнят об этом те нынешние интеллигенты, которые склонны всячески превозносить деянья Петра.

Русская Земля наполнялась тревожными слухами. Если столичное московское общество хорошо знало Петра и происхождение его склонностей и реформ, то на далёких окраинах государства народ этого ничего не знал, и потому, не зная что думать в связи с указами о перемене платья, бритье бород, торговле табаком, начинал верить *сказкам* и начинал бунтовать. Так случился уже упомянутый нами сильнейший бунт в Астрахани, распространившийся и по Волге. Это был единственный бунт, имевший своей *главнейшей* причиной «стоянье *за веру*». Его зачинщиками явились люди из разных городов России, не только из Астрахани, почему это восстание нельзя рассматривать только как местное. Вожжами здесь были Яков Носов (из Ярославля), Артемий Анцыферов (из Москвы), Осип Твердышев (из Симбирска), Гаврила Ганчиков (из Астрахани), несколько нижегородцев. Как и везде по Руси, в Астрахани были возмущены приказами брить бороды, носить немецкое платье, принимать статуи, изображавшие разные аллегории в виде языческих божеств, а также новыми налогами и поборами (в частности — за бороды и за русские платья). В июле 1705 г. прошел слух, что русских девиц всех будут выдавать замуж за немцев, которых пришлют из Казани. Тогда и поднялось восстание. Был убит воевода Тимофей Ржевский и несколько царских чиновников. Восставшие стали посылать грамоты в окрестные города, к казакам. В грамотах говорилось: «Стали мы в Астрахани за веру христианскую (из-за) брадобрития, немецкого платья, табаку и что к церквам наших жен и детей в русском платье не пущали, а тех, которые в церковь Божию ходили, и у тех платье обрезывали... и всякое ругательство нам и женам нашим и детям чинили (что в самом деле было!)... и болванам кумирским богам они, воеводы и начальные люди, поклонялись и нас поклоняться заставляли... И мы о том многое время терпели и, посоветовав между собой, мы, чтоб нам веры христианской не отбыть... и напрасно смертию душою с женами и детьми вечно не умереть и за то, что стала нам быть тягость великая... против их (начальных) противились...»

В грамотах также указывалось на незаконные поборы и на то, что в иных городах насильно ставятся на жительство в русские семьи немцы и чинят русским разные «утеснения и ругательства». Грамоты возбудили Терек. Там тоже вспыхнул бунт, перебили начальствующих. Но военной помощи астраханцам не прислали по той лишь причине, что терское казачество, находясь в окружении воинственных горских народов, не могло оставить жён и детей без защиты. Астраханцы меж тем овладели Красным и Чёрным Яром (с помощью тамошних жителей) и подошли к Царицыну. Без помощи Дона взять этот город было трудно. На Дон отправили гонцов с наказами, из коих видны цели восставших. Донским казакам предлагалось, «взяв боем Царицын, идти до Москвы, и по дороге брать города, а противников побивать до смерти, потому что Государь в Стокгольме (Стокгольме) закладен в столпе, и на Москве управляют бояре, Бутурлин да Головин, и, пришед к Москве, проведать о том подлинно».

Вот ведь как простые русские люди не хотели, не могли поверить, что русскую жизнь разрушает и портит сам законный Царь!..

На Дону, кроме «старшины» (и то не всей!) вполне сочувствовали астраханцам. Пётр I, находившийся тогда в заграничном походе против шведов, был крайне напуган возможностью одновременного выступления астраханцев и донцов. Однако донские казаки были застигнуты как бы врасплох,

оказались в тот момент не готовы, не собраны, не имели нужных вождей и не смогли поддержать астраханцев. Отправленный против последних фельдмаршал Б.П. Шереметьев с большим войском в 1706 г. подавил бунт, взяв Астрахань. В бою Шереметьев потерял 20 человек убитыми. В Астрахани казнил и замучил 365 человек, причастных к восстанию. При «розыске» выяснились многие разговоры бунтовщиков. Так, *московский* стрелец Иван Луковников о Петре говорил: «Какой он Государь благочестивый! Он неочесливый (нечестивый), *полатынил всю нашу христианскую веру!*» Другие говорили почти то же самое: «Не сила Божия ему (Царю) помогает, *ересями он силён*, веру христианскую обругал и облатынил, обменный (подменённый) он Царь. Все те ереси от еретика от Александра Меншикова».

Но в следующем 1707 г. на восстание поднялся всё же и Дон! Явился главный его предводитель атаман Кондратий Афанасьевич Булавин. Главнейшей причиной восстания здесь был царский указ сыскать на Дону и вернуть на места в Россию всех беглых крестьян. Недовольны были казаки и другими утеснениями со стороны государства. Вообще Дон старался служить Государям Московским всегда верой и правдой, но сохраняя при этом относительную самостоятельность (вольность), с некоторыми своими особыми правилами и законами. Одним из таких было правило: «С Дона выдачи нет». Царское требование выдачи уничтожало и эту относительную донскую «вольницу». Поэтому как только полковник князь Юрий Владимирович Долгорукий с отрядом явился на Дон для сыскания беглых, против него и пошли булавинцы. С ними в бою Долгорукий потерпел поражение и был убит. «Старшина» стремилась сохранить верность Москве, но рядовое казачество всколыхнулось. Пожар восстания разгорался. Булавин пошёл за Днепр поднимать Запорожскую Сечь, рассылая при этом воззвания прямо-таки художественно поэтического стиля: «Атаманы — молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с военным походным атаманом Кондратием Афанасьевичем Булавиным... погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить, то приезжайте в черны вершины самарские!» В целом Сечь не пошла, но многие добровольцы из нее к Булавину присоединились. Он вернулся с ними на Дон и здесь стал рассылать призывы уже иного содержания, — «стоять за Дом Пресвятой Богородицы и за истинную веру христианскую и за благочестивого Царя» против князей, бояр, прибыльщиков и немцев, так как они «вводят всех в еллинскую веру и от истинной веры христианской отвратили»... Таким образом, хотя восстание Дона имело иные причины, чем были у Астрахани, но использовало (и довольно успешно!) и этот чисто духовный мотив стоянья *за веру*. Ряд тактических ошибок Булавина, а также то, что ему не удалось поднять с собой калмыков, запорожцев и Терек, привели к поражению восстания в 1708 г., правда, тоже только с применением значительных армейских сил, и с невероятной жестокостью по отношению к мирным жителям. Особенно эта жестокость относилась к жителям городков с преимущественно беглым населением, приставшим к булавинцам. Пётр I писал посланному на подавление князю Василию Владимировичу Долгорукому, брату убитого Юрия: «Оные (городки) жечь без остатку, а людей рубить, а заводчиков на колёса и колья, дабы тем удобней отбить охоту к *приставанью* к воров-

ству людей, ибо сия сарынь (бунт), кроме жесточи, не может унята быть», ... «Необходимо расстрелять, как можно больше», «нужно так проучить эту публику (духовенство и верующих), чтобы на десятилетия вперед у них пропала всякая охота к сопротивлению». Чьи это слова? Это слова В.И. Ленина в его секретном письме членам Политбюро в 1921 г. Как похожи они на слова Петра I. У них общий источник вдохновения — мировое масонство.

Итак, стояние за веру христианскую, за Дом Пресвятой Богородицы (это вся Русь!) присутствовало даже в открытых бунтах и восстаниях, потрясавших государство Петра. Средоточием этой веры, за которую нужно было теперь «стоять» против собственного Царя, конечно, являлась Православная Российская Церковь. Уже одним своим бытием она становилась ядром и источником сопротивления духу и смыслу антирусских преобразований Петра. Кое-что о церковной реформе Петра мы уже говорили. Теперь вынуждены о неких вещах рассказать подробней. Пётр I любил упрекать русское духовенство и народ в *невежестве и суевериях*. Что ж, таковые явления в его время были и стали весьма заметными. Мы видели, что и в иные периоды жизни Великороссии невежество всякого рода и суеверия, а с ними в связи и падение нравов, начинали процветать. Но Церковь сама обращала на это внимание и при содействии Государей выправляла положение дел. Можно вспомнить, как Патриарх Никон за шесть лет своего правления сумел так «подтянуть» духовно-нравственный уровень и народа и служителей Церкви, что наблюдавший их Павел Алеппский не раз называет *всех* русских «святыми»! Но после разлада между Никоном и Алексеем Михайловичем, то есть в итоге раскола церковной и государственной власти, превращённого Петром Алексеевичем в глубокую пропасть, неизбежно вновь началось понижение духовного уровня и в народе и в духовенстве. Пётр видал выход из положения во *внешнем* образовании, в изучении разных «свободных» наук, не понимая совсем значения укрепления *православных* духовных устоев жизни в народе и обществе. Он, как его западные учителя, видел полезность Церкви только в воспитании в гражданах морали и нравственности, а также верноподданнических убеждений. Ибо теперь, оно, государство, становилось самодовлеющей и высшей ценностью и *всё*, в том числе вера и Церковь, оценивалось лишь с точки зрения полезности для государства, Отечества (между этими понятиями ставился знак равенства). Но в глазах Православной Руси и Руси Святой всё было прямо наоборот: государство, Отечество ценны постольку, поскольку содействуют вере и Церкви! Пётр это убеждение знал и прежде всего *его* почитал *«суеверием и невежеством»*! Поэтому сразу же после кончины Святейшего Адриана (1700 г.) он возродил *Монастырский приказ*. В ведение приказа теперь поступали *все доходы* от всех земель церквей и монастырей, а церковнослужителям и монахам выдавалось определенное жалование (содержание). Кроме того, Пётр повелел брать различные пошлины с треб, исполняемых на приходах (Крещение, Венчание, погребение), так что епископии почти совершенно лишались всяких денежных средств. К примеру, Святой митрополит Ростовский Димитрий вполне разделял взгляд Царя на необходимость учения для будущего духовенства. У себя в Ростовской епархии он с прискорбием обнаружил, что жёны и дети священников не только безграмотны в церковных вещах, но и *никогда не исповедуются и не*

причащаются! В деревнях многие полагают, что к Исповеди нужно ходить только в старости, а в молодости не нужно. В обществе сплошь и рядом также заметно было уклонение от Исповеди и Причащения. Святитель Димитрий решил устроить и устроил отличную семинарию, где сам и преподавал, но вскоре вынужден был **закрыть** её из-за отсутствия денежных средств (и это в землях Ростова Великого!). Так, **говоря** о крайней нужде образования и учения в церковной среде, Пётр **делал** всё, чтобы таковое не могло быть налажено! К слову сказать, уклонение от Исповеди стало тогда замечаться и в служилых сословиях. Государство (Сенат) не придумали ничего лучшего, как законом установить **принудительный** порядок Исповеди для всех граждан православного вероисповедания, что потом обернулось плохими последствиями и для Церкви, и для императорской власти. Монастырскому приказу, то есть государственным чиновникам (мирским людям) передано было Петром ведение не только уголовных, но и гражданских, семейных, имущественных дел церковных (монастырских), крестьян и иных лиц, находившихся на служении Церкви, а затем даже и дел, связанных с преступлениями против веры. Таким образом у Церкви отнималась большая часть того, что всегда было **обществом непосредственно церковным**. Так Русская Церковь искусственно загонялась в очень ограниченный круг только богослужебных дел, отстранялась от всех дел государственных и общественных, даже — и частных! Священникам и дьяконам было тогда **запрещено** посещать дома прихожан, даже с целью молебнов, или просто ходить в гости (!); можно было приходить лишь для напутствия Святыми Дарами больных и умирающих... Вместе с тем именно Пётр возбудил вопрос об устройстве первой Духовной Академии в России, был разработан её проект. Согласно ему в Российской Духовной Академии должны были преподаваться такие предметы: грамматика (с латынью), история с географией (по переводам с латыни), арифметика и геометрия, логика с диалектикой, пиитика с риторикой, физика с краткой метафизикой, политика, и, наконец, богословие (в самой последней очереди!). Примерно такой же курс предлагался для всех архиерейских училищ. Они, как и Академия, возникли уже после Петра и курс наук был значительно изменён, изменялся потом многократно. Но нам важно отметить, **каким** видел духовное образование Пётр I.

Он в своей жизни был лично знаком с несколькими истинно праведными людьми, из которых двое — **святые**. Это святители Митрофан Воронежский и Димитрий Ростовский. Митрофан был великороссом, славился особенной высотой духовно-молитвенной жизни. Он знал Петра ещё мальчиком, отчески его любил и, когда встретился с ним в Воронеже, где Пётр создавал первый флот для осады Азова, всячески содействовал молодому Царю в этом деле. Св. Митрофан жертвовал Петру на нужды флота и армии не только большие церковные средства (тогда они ещё были в распоряжении Церкви), но и свои «келейные» личные средства с припиской «на ратных». Пётр I очень ценил за это старца-епископа. Но однажды между ними произошло очень знаменательное столкновение. Свой дом в Воронеже Пётр украсил в западном стиле изображениями языческих богов (статуями — произведениями искусства). Святитель Митрофан заявил при людях, что дело сие про-

тивно христианству, и что он ни за что в такой дом к Царю не поедет. Пётр пришел в ярость и сказал, что прикажет казнить дерзкого. Святитель назначил службу со всенощным бдением и повелел звонить в большой колокол. Услышав благовест, Пётр послал спросить архиерея, по какому случаю такой звон. Митрофан ответил: «Мне, как преступнику, Царём назначена смерть. Готовясь к смерти, хочу совершить соборную службу о прощении грехов моих...». Пётр был поражен, он впервые столкнулся с готовностью старца-епископа *умереть за православное исповедание веры*. Успокоясь, он оценил поступок Святителя, приказал убрать статуи из своего дома и так помирился с Владыкой. 23 ноября 1703 г. Святитель Митрофан скончался. Пётр приехал на погребение. Сам вместе со свитой нёс гроб Митрофана к могиле, а после сказал: «Не осталось теперь у меня такого святого старца!»

Святитель Димитрий был из малороссов, окончил Киевскую Могилянскую Академию, очень любил духовные знания, много в них преуспел, славясь ученостью, и ещё в Малороссии начал великий труд — составление Четых Миней (то есть житий святых) на каждый день года, по месяцам (12 томов). За основу он взял Великие Четьи Миней Московского Митрополита Макария, дополняя их из различных других источников, в излагая доступным хорошим языком. Прежде всего за *учённость* Димитрий был Петром принят в Россию и здесь рукоположен в епископа сперва для Тобольска, но вскоре место служения ему заменили митрополией Ростова Великого. Однако святитель Димитрий оказался не только учёным, но и подвижником, настоящим православным монахом! Он также во всех нужных Отечеству делах деятельно поддерживал Государя, но никак не хотел одобрять его бездуховных деяний. В проповедях св. Димитрий сильно и грозно обличал и распутство, и табак, и заморские нравы, в отмену постов для людей. Пётр эти обличения знал и *терпел!* Святитель Димитрий прославился многими сочинениями, из коих особой известностью пользуются: «Розыск о раскольнической брынской вере» (против старообрядчества) и собрание замечательных проповедей. В одной из них святой архипастырь высказал: «Окаянное наше время! Окаянное время, в которое так пренебрежено сеяние слова Божия. И не знаю, кого прежде надобно винить, сеятелей, или землю, священников, или сердца человеческие, или *тех и других вместе?»* Святитель Димитрий, митрополит Ростовский почил в Бозе 28 октября 1709 г.

Оба эти замечательные архиерея были причислены к лику святых. Оба поддерживали Петра в добрых делах и не боялись обличать в делах злых... Он их не преследовал, терпел (но и только!) и не открывался им, так что ни Митрофан, ни Димитрий, умершие в начале реформ, *не знали*, что сделает Пётр со всей Русской Церковью. Можно представить, как они повели бы себя, доведись им дожить до 1721 года! Никто до сих пор не знает, когда Пётр задумал упразднить Патриаршество и постараться прибрать все дела Церкви к рукам. Известно лишь, что после кончины последнего Патриарха Адриана в 1700г. Пётр назначил «местоблюстителем» патриаршего престола митрополита Рязанского Стефана (Яворского) из малороссов, а избрание Патриарха всё откладывал из-за внешних причин (воины). Владыка Стефан вёл себя по отношению к Петру чаще всего льстиво и подобострастно,

но иногда «взрывался» в проповедях слишком прозрачными намёками на беззакония Царя, почти постоянно просился на покой, чтобы принять схиму, страшно тяготясь своим положением. Пётр его не отпускал. Стефан Яворский также был человеком учёным. Наиболее сильным трудом его стала книга «Камень веры», где утверждались православные истины и сильно обличались *заблуждения протестантизма*. Книга не была издана при Петре, сделавшись как бы сразу «крамольной». Таковой же считалась и после издания позже, при Анне Иоанновне. Но слабость натуры мешала Владыке Стефану откровенно и прямо объясниться с Царём. Сию боязливость Пётр видел и использовал в нужных для себя целях.

Большинство архиереев того времени были против нововведений Петра в жизнь общества и в церковные дела, но не все имели смелость об этом говорить. Нижегородский архиепископ Исайя говорил и, в частности, указывал, что *слишком затяжной* характер Северной войны — явное *Божие наказание* за неправды по отношению к Церкви.

Выросший всё-таки в условиях «старой» Руси, Пётр I, конечно, знал, что именно в Русской Церкви, вообще в выразителях воли Святой Руси он встретит наибольшее сопротивление, потому и старался постепенно лишать Церковь всех видимых сил и возможностей. Но вряд ли Пётр думал вначале, что роковой, страшный узел его противоречий с исконной Великороссией завяжется туго вокруг его собственного сына и наследника Царевича Алексея Петровича!..

Глава 16

Скорбная повесть о сыноубийстве. Конец первого Императора.

Вернувшись из первой поездки на Запад в 1698 г. Пётр I, *вопреки* всем канонам и мнению Патриарха Адриана заточил свою законную жену Евдокию Лопухину в монастырь в г. Суздале, в тот самый, где некогда содержалась и первая жена Василия III Соломония Сабурова. Но если Василий III женился вторично «царского ради чадородия» (Соломония была бесплодной), то Пётр I не имел и такого оправдания своим действиям. Евдокия родила ему в 1690 г. сына — наследника Алексея. Пётр разводился с женою — Царицей ради прелюбодеяния с немкой Анной Монс. *Такого* на Руси на самой вершине власти *никогда не бывало!* Воспитанием сына Пётр I не занимался. Он отдал его на попечение тёток-Царевен, прежде всего своей сестре Наталье Алексеевне, близкой Петру по духу, отличавшейся светскими вкусами. К наследнику потом приставлялись воспитатели и учителя из иностранцев и русских, и Царь-отец начинал следить за успехами сына в науках. С 1703 или 1704 г. Пётр Анну Монс оставил и сошёлся с другой женщиной, которую он «отбил» у Меншикова. То была знаменитая *Катерина*, дочь польского обывателя Самуила Скавронского, находившаяся в услужении у немецкого пастора Глюка и вместе с ним по-

павшая к русским в плен при взятии г. Мариенбурга. Сперва Пётр усвоил ей фамилию Васильевской (по девичьей фамилии её матери — Веселевской), затем заменил на — Михайлову (это был его собственный псевдоним). С отчеством тоже нужно было что-то делать (не могли же жену российского Самодержца и будущую Императрицу называть Екатериной Самуиловной!). При принятии ею Православия решено было дать ей отчество по имени её восприемника (крёстного), каковым стал Царевич Алексей. Так Екатерина оказалась теперь Алексеевной. От неё у Петра был сын Пётр Петрович, умерший во младенчестве. Были также две дочери — Анна и Елизавета. Анна Петровна была выдана замуж за герцога Голштинского. Елизавета (будущая Государыня) при Петре была незамужней. Были ещё две племянницы — дочери покойного брата Петра Царя Ивана — Анна Иоанновна и Екатерина Иоанновна.

Первая вышла замуж за Курляндского герцога, вторая — за герцога Мекленбургского. Как видим, Пётр I вовсю старался родниться с европейскими домами. Не удивительно, что и сына Алексея Пётр всячески побуждал, хоть и против его желания, жениться на иностранке. Для этого Алексей Петрович отправлен был за границу, где и выбрал приглянувшуюся ему принцессу Софию Шарлотту Бланкенбургскую, родственницу Австрийского эрцгерцога Карла, ставшего затем испанским королём и императором Священной Римской Империи Карлом VI-м. Она не приняла Православия, не пожелала врать в российскую жизнь, не очень дружно жила с мужем. В 1715 г. она родила сына — Петра Алексеевича (будущего Петра II-го) и скончалась. Алексей Петрович был потрясён, горько плакал и трижды терял сознание при похоронах жены. Это о многом уже говорит. Царевич Алексей Петрович вырос добрым, умным, способным, но слабым и здоровьем и волей. Впрочем вовсе безвольным он не был. В этом, как и в иных способностях, он, можно сказать, был обычным, *нормальным*, как большинство русских людей тех времён, — не гением и не бездарным, не героем, но и не трусом, не аскетом, но и не распутником, не праведником, но и не преступником. Таким образом, Алексей Петрович хорошо представлял собою *тип «среднего» русского человека* своего времени.

Прежде всего Царевич рос и вырос искренне и глубоко *православным* человеком. Но без крайностей. Он любил польское платье (хотя ему и русское нравилось), светские забавы, читал не только духовные книги. Был весёлого нрава. Нередки были его застолья с приближёнными, где Царевич любил веселиться без иностранцев, «по-русски», как он сам говорил. Любил выпить, иной раз — крепко. Но пьяницей не был. С другой стороны, самым любимым его занятием было чтение книг именно духовных. Так, славянскую Библию он от начала до конца прочитал несколько раз! Прочитал Алексей Петрович и все святоотеческие творения, какие только были переведены на славянский. Он всей душой прилепился к своему духовнику протоиерею Иакову Игнатьеву, так что их духовную дружбу уподобляют отношениям Алексея Михайловича с Патриархом Никоном (до разлада). Царевич также весьма почитал российских архиереев и те в ответ очень почитали его. Исайя Нижегородский, Досифей Ростовский, наконец, местоблюститель Стефан Яворский, — все, за малым исключением, были на стороне Алексея Петровича. За границей в Карлсбаде он читал «Церковную историю» кардинала Цезаря Барония, делая любопытные

записи, где особо отмечались печальные судьбы царей, отступавших от веры и благочестия. Это говорило об отношении Алексея Петровича к образу жизни отца и его преобразованиям. Хотя Царевич, как видим, вовсе не был фанатиком, он всё же очень любил всё исконно русское, православное. И потому изначально *ненавидел* порчу духовных основ Великороссии своим Государем-отцом. По *приказу* отца Алексей Петрович должен был учиться по программе, угодной отцу. Из послушания ему он учился и притом достаточно хорошо. Учителя доносили о его успехах в немецком и французском языках, в математике, геометрии. Хуже давалась ему фортификация, но и в ней он *старался*. Когда однажды отец спросил сына, какую книгу ему прислать для перевода, Алексей ответил, что хотел бы книгу по истории, а не по фортификации. Так что Царевич отнюдь *не был ленивым!* Сие последнее подтвердилось затем с 1708 г., когда достигший совершеннолетия Наследник был объявлен «Правителем» с обязанностью руководить оборонительными работами в Москве, с чем он успешно справился. Впоследствии он добросовестно, честно исполнял другие поручения Петра I по доставке войск к театру военных действий, по снабжению армии за границей. Но учась и действуя *по послушанию* (а Царевич принимал таковое, как святую обязанность) он, конечно, делал это через силу и потому в учении был не во всём успешен, что несколько раз вызвало ярость Петра, крепко бившего своего сына. Однажды, желая избежать отцовского экзамена по черчению, Царевич пытался прострелить себе правую руку, за что был сильно *избит* отцом. Отцовский деспотизм в этих именно учебных делах лишь ещё больше отдалял Царевича от Царя. К сему ещё прибавлялось то, что Алексей Петрович, любя свою родную мать, видя её незаконное заточение и сожительство отца с другими женщинами, естественно проникался жалостью к ней и неприязнью к отцу. Неприязнь иногда доходила до того, что Алексей Петрович начинал *желать смерти* Петру. Сам убоявшись такого желания, он воспринял его как грех, нуждающийся в Исповеди. И исповедал. Духовник вполне понял его и сказал: «Бог тебя простит; мы все желаем ему (Петру) смерти». Таким образом, будучи *сознательным и глубоким противником антиправославных деяний отца*, Царевич Алексей Петрович в то же время старался быть вполне *во всём отцу послушным*, исполняя в меру сил *все его поручения*. Другое дело, что сил телесных было у наследника маловато. Так, доставляя войска отцу в Сумы накануне Полтавской битвы, Алексей Петрович сильно простыл, слёг в постель и поэтому в баталии не участвовал.

Пётр I срывался до побоев сына не случайно; он видел сам (и ему доносили), что Алексей Петрович *военным* наукам учится против воли, что *духовно* он против отступлений отца в делах веры и благочестия, что действует не по страсти сердца ко внешним делам, а только по послушанию. Но Петру I, было мало в сыне одной покорности, одного послушания. Ему нужны были сердце и совесть Наследника, а их он отцу отдать не хотел и *не мог*. Царь-отец однако *терпел* состояние сына. До определённого времени, а именно *до жёсткости* в 1712 г. на Екатерине Алексеевне и до рождения от неё в 1715 г. сына — Петра Петровича... Буквально за день до его рождения Пётр I приступил к решительным объяснениям с Алексеем Петровичем, начав *придираться* к нему, требовать *отдать душу* тем деяниям, каким отдавал свою душу сам.

Здесь следует несколько слов сказать о личности новой жены Петра I Екатерины. В отличие от первой (Евдокии) Катерина полностью разделяла все взгляды Петра, отлично его понимала. К тому же она была нрава весёлого, очень легка на подъём, готова была ездить, куда угодно. Она сопровождала Петра в трудном Прутском походе и делила с ним и страх поражения и радость «свобождения» от верного плена. К ней обращались многие вельможи, даже все-сильный «Данилыч», когда нужно было смягчить в отношении к ним гнев Царя и избежать с его стороны какого-нибудь «афронту». И по заступничеству Екатерины «афронту» чаще всего избегали. Сам Алексей Петрович иной раз просил мачеху за него заступиться. Она заступалась. И делала это не только по расчёту (привлечь к себе русский правящий слой), но и в силу врожденной действительной незлобивости, доброты натуры. Не видно, чтобы Екатерина строила какие-либо козни против Алексея Петровича. Но нельзя отрицать и того, что она, конечно *желала*, чтобы Престол государства наследовал *её сын*, а не сын Евдокии...

11 октября 1715 г. Пётр I написал сыну первое «обличительное» письмо,— «Объявление сыну моему». Указывая на радость побед в Шведской войне, после великих трудностей достигнутых. Царь-отец пишет: «Егда же сию Богом данную... радость рассматривая, обозрюся на линию наследства, едва не равная радости горесть меня снедает, видя тебя, наследника, весьма на правление дел государственных непотребного». Царь поясняет, что «непотребность» происходит не от недостатка ума («ибо Бог разума тебя не лишил») и не от телесной породы (она «не весьма слабая»), а только от *нежелания* Алексея заниматься *военным* делом. Пётр говорит, что важнейшими в делах правления являются «распорядок и оборона». Возможные возражения Пётр сам приводит и сам опровергает. Так по поводу слабого здоровья он говорит сыну: «*не трудов, но охоты желаю*»(!), а этой «охоты» к военным наукам в Алексее Петровиче нет. Отец походя говорит и об «охоте» к «прочим делам и мануфактурам», чем прославляется государство. Объясняя всё это ленью, злым нравом и упрямством сына, его нежеланием «ничего делать... только б дома жить и им веселиться», отец заявляет, что (думая о преемстве власти после своей смерти) «и видя что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо избрал сой последний testament к тебе написать и еще мало пождать, аще нелицемерно обратишия. Ежели же ни, то известен буди, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангранный, и не мни себе, что один ты у меня сын...».

Мнить не приходилось, так как это письмо было получено, когда у Петра уже родился *другой сын* Пётр Петрович... Алексея пред тем уже предупреждали, что Екатерина добра к нему, пока у неё не родился свой сын. Содержание письма отца наводило на размышления. Неужели он, Алексей, является «непотребным» и «удом гангранным», нуждающемся в *ампутации*, только потому, что не имеет «охоты», стремления к военному искусству (хотя и его по послушанию всё же старается *освоить*)?! Здесь что-то не то! Отец *понял* противление Алексея главному — антиправославному и антирусскому духу и смыслу реформ его. Поэтому для него (Петра) вопрос о члене гангранным принципиально должен был быть *уже решён*. А решение здесь может быть только одно: ампутация, то есть *уничтожение*! Тем паче, что у Царя есть уже любимая

вторая жена и от неё может родиться (и впрямь тут же родился) ещё один сын. Но Пётр хочет *сделать вид*, что, почитая старшинство сына Алексея, даёт ему возможность «обратиться» (исправиться).

Царевич Алексей не один это понял. Поняли и его друзья и советники,— старый учитель князь Никифор Вяземский и Александр Кикин. Они посоветовали ему тут же, добровольно отречься от наследства Престола. Алексей Петрович заручился поддержкой графа Фёдора Матвеевича Апраксина и князя Василия Владимировича Долгорукого, обещавших его пред отцом поддержать, и написал отцу ответное письмо 27 октября 1715 г.. В нём он, ссылаясь на крайнее оскудение своих «умных и телесных сил», слабость памяти, болезни, признаёт себя «гнилым» и «непотребным» для управления государством. Указывая на *рождение брата*, Алексей Петрович совершенно определенно заявляет: «Того ради наследия российского по Вас... не претендую и впредь претендовать не буду, в чём *Бога в свидетели* полагаю на душу мою... Детей моих вручаю в волю Вашу; себе же прошу до смерти пропитания. Всенижайший раб и сын Алексей». Зная богобоязненную натуру Алексея Петровича, можно не сомневаться, что *такую* клятву он исполнил бы непременно, при любых обстоятельствах.

Но Царь-отец усомнился и 19 января 1716 г. ответил сыну уже гораздо более определенным и откровенным письмом. Он ловит сына на неискренности, когда тот ссылается только на свои болезни, телесные и душевные немощи, так как он, отец, не о них ему писал, а *«о вольной неохоте к делу»* и о том, что сын *пренебрегает* недовольством отца. «Что ж приносишь *клятву*,— пишет Пётр I,— тому *верить невозможно*, ради вышеписанного жестокосердия (Алексея). К тому ж и Давидово слово: *всяк человек ложь*. Також хотя б и истинно хотел хранить (клятву), то возмогут тебя склонить и принудить *большие бороды* (то есть архиереи, духовенство), которые ради тунеядства своего ныне не в авантаже обретаются, к которым ты и ныне *склонен зело*». Далее Пётр говорит, что сын не помогает ему в тяжелых его трудах, «что всем известно есть», и заключает: «(ты) *ненавидишь дел моих*, которых я для народа своего... делаю, и конечно по мне *разорителем оных будешь*. Того ради так остаться, как желаешь быть, ни рыбою ни мясом, невозможно, но или *отмени свой нрав* и нелицемерно удостой себя наследником, или *будь монах*, ибо без сего дух мой спокоен быть не может... На что по получении сего немедленно дай ответ или на письме, или самому мне на словах резолюцию. А буде того не учинишь, я с тобой, как *со злодеем* поступлю Пётр».

В этом письме, кажется, всё предельно ясно, кроме одного... Если никакой *клятве* по разным причинам *«верить невозможно»*, то как Царь-отец собирается *поверить* «изменению нрава» или монашескому постригу сына?! «Большие бороды» в последнем случае запросто могут объявить постриг недействительным, как совершённый по принуждению... Снова здесь что-то не то!..

После совета с теми же приближёнными Алексей Петрович кратко отвечает отцу, что избирает *монастырь*. И, сваленный болезнью, ложиться в постель. Отец, уезжая в далёкий поход за границу, приходит его навестить и говорит: «Одумайся, не спеши, напиши мне потом, какую возьмёшь резолюцию». В чём дело? Неужели Пётр, уже очень хорошо зная душу своего

сына и его склонность к «большим бородам», всерьёз *верит* в то, что за несколько дней Алексей сможет переродиться так, чтобы стать по духу едино с отцом?! Конечно, не верит! Своим быстрым решением уйти в монастырь согласно предложению самого Петра, Алексей *лишает* отца возможности поступить с ним, «как со злодеем». Если же Алексей «возьмёт» другую «резолюцию» и *прикинется* «изменившим нрав», достойным наследия Престола, то ещё можно будет что-то придумать, или в чём-то его уловить, (чтобы всё-таки выставить «злодеем»), то есть как-нибудь под благовидным предлогом *уничтожить*. Это не только вытекает из нами рассмотренной логики отношения Петра I к сыну; Алексей Петрович с разных сторон тогда получил свидетельства, что отец давно *замыслил его погубить*. Голландец Деби, к примеру, доносил своему правительству, что будто бы Царевна Наталья Алексеевна, умирая (18 июня 1716 г.), сказала Царевичу Алексею об этом замысле и посоветовала «при первом случае отдаться под покровительство императора» (Карла VI).

Перед Алексеем Петровичем стал тяжелейший, испытательно-промыслительный для души его выбор: или прямо исповедать своё осуждение деяний отца (не военных, конечно, не государственных, а духовно-церковных, идейных) и тогда принять смерть *исповедника Божией правды*, или попытаться скрыться, бежать прочь от всех этих страхов и ужасов, что было бы малодушием. Мы уже знаем, что для обычных условий Царевич Алексей был вполне пригодным, деятельным, и достаточно волевым. Но к условиям *чрезвычайным, крайним*, когда речь пошла о жизни и смерти, душа его оказалась не приспособленной, слишком хрупкой и слабой. Он избрал *бегство*.

На письменный запрос Петра из-за границы о «резолюции на известное дело», Алексей Петрович дал *новый* ответ: он едет к отцу, он согласен перемениться и участвовать в отцовских делах. На самом же деле, в совете с доверенными людьми, было решено, что поедет он не к отцу, а после Риги тайно — в Вену ко двору «кесаря» Карла VI, своего родственника по умершей жене. Нужно заметить, что без этого обмана Царевичу было бы просто невозможно выехать из России. Он выехал 26 сентября 1716 г. из Петербурга, имея с собой нескольких слуг и сожительницу Евфросинию (Афросинью) Фёдорову, бывшую крепостную девушку Н. Вяземского, которую Алексей Петрович очень любил и очень хотел законно на ней жениться. По дороге он узнал *о подлинной причине*, по которой Пётр I добивался от него новой «резолюции» (ехать к нему): там, в ставке Царя, решено было Царевича «заморить» тяготами походов и службы. Сам он также предположил, что его могут «запойть» водкой насмерть. В самом деле, там, за границей, вдали от России, от «больших бород», удобней всего было бы устроить «естественную» кончину Царевича по причине всем известной слабости его здоровья... Смерти сына и притом *не по вине и воле Отца-Царя* — вот то, что *нужно было Петру*. Обоюдное взаимное желание *смерти* и обоюдный взаимный *обман* со стороны отца и сына, сущий кошмар сложившихся обстоятельств!

Царевич прибыл в Вену, описал своё положение. Граф Шёнборн так передаёт его объяснения: «Никогда у меня не было охоты к солдатству; но за

несколько лет перед этим отец поручил мне управление и всё шло хорошо, отец был доволен. Но когда пошли у меня дети, жена умерла, а у Царицы (Екатерины) сын родился, то захотели меня замучить до смерти или запоить». «Отец окружен злыми людьми,— говорил Царевич,— и сам очень жесток, не ценит человеческой крови, думает, что как Бог имеет право жизни и смерти, ... часто сам налагал руку на несчастных обвинённых». Карл VI велел узнать, не устраивал ли Царевич какого-либо заговора против отца? На это Алексей Петрович отвечал, что *«не замышлял* против отца никакого возмущения, хотя сделать это было легко, потому что русские любят его, Царевича, и *ненавидят Царя* за худородную Царицу, и злых любимцев, за то, что он *отменил древние добрые обычаи и ввёл дурные*, за то, что он не щадит их денег и крови, за то, что он *тиран и, враг своего народа*».

Кесарь Карл решил предоставить убежище Алексею Петровичу с тем, чтобы по возможности помирить его с Петром I. Последний тем временем узнал о месте пребывания сына и отправил капитана Александра Румянцева с тремя офицерами с целью захватить сына. В Вену к кесарю был также направлен тайный советник Пётр Андреевич Толстой для переговоров с правительством. Алексея под чужим именем перевезли в крепость Тироля. Но Румянцев выследил его. Было решено также тайно отправить беглеца в Италию, в Неаполь. Однако Румянцев тайно следовал за ним неотступно и новое место пребывания сына стало известно Петру. Он действовал в двух направлениях,— оказания дипломатического давления на Вену и непосредственных переговоров Румянцева и Толстого с Царевичем, дабы уговорить его добровольно вернуться. Император Карл оказался в трудном положении. В это время он сам воевал и военное столкновение с Россией (а его старались этим пугать) было, конечно, не выгодно. Но Карл был не только прагматиком, а и человеком чести. Он заручился поддержкой английского короля Георга и был готов сдержать обещание не выдать Алексея Петровича. Действуя по частым наставлениям Петра I, Толстой и Румянцев старались внушить Царевичу, к которому они получили доступ, что отец возьмёт его военной силой (об этом и Пётр писал Алексею), что лучше ему возвратиться в Россию добровольно, так как в этом случае он получит *полное прощение*. Агенты Петра смогли подкупить секретаря Итальянского вице-короля, который убедительно намекал Алексею Петровичу, что кесарь его защищать *не будет...* Царевич был сломлен угрозами и обещанием милости и прощения. Он испросил разрешения посетить г. Бари поклониться мощам Святителя Николая. Было разрешено. Кроме того, он попросил разрешения жениться на Афросинье. И это ему отец разрешил. 31 января 1718 г. Алексей Петрович прибыл в Москву (Афросиньи с ним не было, она ехала вслед, второй очередью). К этому времени в Москву приехал Пётр I и собран был Архиерейский Собор и члены Сената. 3 февраля 1718 г. в Кремлёвском дворце Пётр I обратился к сыну с выговором за всё, что тот натворил. Царевич пал в ноги отцу, просил прощения и отрекся вновь от права на престолонаследие. Пошли в Успенский собор. Там Алексей Петрович и устно и письменно отрёкся от наследия Престола, признав законным наследником брата — младенца Петра Петровича. В личной беседе с отцом он также назвал тех, кто знал о его побеге и помогал ему, но не всех. В тот же день Царь обнародовал манифест, в

котором лишал сына Алексея «для пользы государственности» всех прав наследия, повелевал признавать только сына Петра Петровича и, в частности, указывал, *что* именно, он, Пётр I, вменяет себе в заслуги перед Отечеством, и что не смог бы сохранить Алексея. Заслуги таковы: возвращение ранее отторгнутых русских провинций, завоевание новых городов и земель, обучение народа «к пользе государственной и славе» многим воинским и гражданским наукам, Прежние Государи Великороссии вменяли себе в заслугу в первую очередь возвышение (защиту) веры и Церкви. У Петра I нет об этом ни единого слова! В манифесте также говорилось, что Царь, «соболезнуя о (сыне) отеческим сердцем, *прощает* его и от *всякого наказания освобождает*», Но тут же Пётр письменно предупредил Алексея, что если обнаружится, что он, Алексей, что-либо или кого-либо утаил, то *«лишён будет живота»*. Это было зловещим предупреждением. Оно говорило о том, что Царь на самом деле не «соболезновал отеческим сердцем» сыну так, чтобы подлинно *всё* ему простить и освободить от всякого наказания.

Обычно историки российского официоза пытались представить «дело» Царевича Алексея, как постепенное выяснение его государственной измены, создания им страшного заговора против отца-Царя. Но это совсем не так! Достаточно обратить внимание на это предупреждение о смертной казни Алексею Петровичу, сделанное ещё *до* всякого выяснения... А оно вкупе со всем вышеописанным ясно показывает, чего именно изначально хотел Пётр I получить от следствия по делу своего сына. Следствие («розыск») было начато. Из показаний Царевича и иных лиц, привлечённых к делу, выяснилось, что Алексей Петрович говорил разным людям, в основном устно, но иногда и в письмах, что он не согласен с переменой русских обычаев отцом, что, когда он после него воцарится, то вернёт прежние добрые обычаи, что он надеется на поддержку «черни» (народа), духовенства и многих в правящем сословии, что сочувствует матери и не признаёт Екатерину Царицей. «Розыск» выяснил также, что разных чинов и сословий люди говорили Царевичу о поддержке его взглядов и настроений. Хотя подобные разговоры, направленные против действий Царя, были уже крамольными и за них по тем временам платились свободой и жизнью, но всё же это были именно лишь разговоры (иной раз в «подпитии»). Даже действия тех, кто помогал Алексею Петровичу бежать в Вену, не тянули на *заговор*, а выглядели желанием спасти Царевича из естественной к нему преданности и любви. Особый «розыск» произведён был в отношении первой жены Петра Евдокии (в насильственном иночестве Елены) пребывавшей в Покровском монастыре в г. Суздале. Хотели провести на всякий случай не от неё ли исходило «вредное» влияние на Алексея Петровича? Выяснили, что влияния не было. Но случайно обнаружилось иное: Евдокия — Елена в монастыре ходила в мирских одеждах, жила не по-монашески. У неё была любовная связь. Бывшую Царицу потом сослали в ещё более отдалённый монастырь, а несчастного любовника казнили «жестокой смертью». Выяснили также, что духовенство и в том числе Ростовский митрополит Досифей поминали её за службами «Царицей». Кроме того, Досифей пророчествовал Евдокии возвращение к царственному достоинству, желал смерти Петру I и воцарения его сыну Алексею Петровичу. Над Досифеем был устроен церковный суд, на котором он заявил: «Посмотрите,

что у всех на сердцах? Извольте пустить уши в народ, что в народе говорят...» Ростовский Владыка был лишён сана и затем *казнён* «жестокой смертью» через колесование. Но Пётр I хорошо знал, что совсем не один Досифей в иерархии Русской Церкви был против него. Так, ещё сразу по объявлении женитьбы Царя на Екатерине Алексеевне (после сего, между прочим, страшно сгорела Москва), 17 марта 1712 г. такой послушный Петру человек, как Митрополит Стефан Яворский «крикнул» свою знаменитую проповедь, где громко обличил «законнопреступность» *прелюбодеяния, оставление своей жены, нарушение постов*, что слышавшие (а потом и сам Царь) верно поняли, как намёк на Петра. Проповедь говорилась в день памяти Св. Алексия человека Божия и митрополит Стефан назвал Царевича Алексея Петровича «истинным рабом Христовым», *«нашей единой надеждой»*.

Теперь, когда розыск начала 1718 г. дал новые доказательства любви Церкви к Алексею, между Царём и известным нам Толстым произошёл такой разговор. Упрекая пособников своего сына в деле побега, Пётр I вдруг воскликнул: «Ой бородачи! *Многому злу корень — старицы и поны*: отец мой имел дело с одним бородачём (Патриархом Никоном), а я с тысячами. Бог — Сердцеведец и Судья вероломцам...». Толстой сказал: «Кающемуся и повинующемуся милосердие, *а старцам пора обрезать перья и поубавить пуха*». Пётр ответил угрожающе: *«Не будут летать скоро, скоро!»*

Расправа над Церковью, лишение её Патриаршества было уже задумано. Но осуществить такое неслыханное для Русской Земли дело можно было тем успешней, чем *больше виновен* окажется «единственная надежда» церковников — Царевич Алексей.

18 марта 1718 г. Пётр с Алексеем прибыли в С.-Петербург и Царевич жил ещё на свободе. В середине апреля сюда приехала, наконец, Афросинья Фёдорова. Ей был učinён допрос, где она показала, что Алексей Петрович радовался слуху о том, будто бы в Мекленбурге солдаты против Петра взбунтовались, что писал какие-то письма архиереям в Россию, о том, чтобы их здесь «подмётывать», что что-то по-немецки против отца говорил вице-королю Италии, писал императору Карлу, что говорил, если-де после отца воцариться, то флота держать не будет, а армию будет иметь только для обороны, что ни с кем воевать не будет, что Петербурга не станет почитать, а будет жить в Москве и Ярославле. Никакими другими показаниями мнимые намерения о флоте и армии *не подтвердились*. Но Пётр ухватился за слухи о мекленбургском бунте (коего на деле не было). Он стал допытываться от сына, как тот поступил бы, если бы бунт в самом деле был. И здесь неожиданно Алексей Петрович перед отцом «сознался», что действительно радовался, что прямо не имел намерения пристать к бунту, но если бы, как передавали, бунтовщики убили бы Царя, то он к ним поехал бы, что, впрочем, если бы и не убили, но «были бы сильны», то и при живом отце, он, Алексей, мог бы пристать к бунтовщикам!.. Таким образом, Царевич «оговаривал» себя как человека, готового принять участие в *вооружённом восстании против законного Царя-отца с целью его свержения* и упразднения всех его преобразований и реформ. Это как будто меняло дело! 14 июня Алексея Петровича арестовали и заключили в Петропавловской крепости. Отец явно готовил фарс «законного суда» над сыном. За день до ареста Алек-

сея Петровича, **13 июня** Пётр I обратился с особыми посланиями,— к Архирейскому Собору и к Сенату и собранию генералов и высших чиновников. В посланиях Царь призывал рассудить «дело» своего сына не взирая на его высокое происхождение, ни даже на отца, Царя, по закону, строго справедливо, «дабы мы (Царь), из того усмотря, *неотягчённую совесть* в сем деле имели». Петру нужно было уничтожить сына так, чтобы самому не быть в этом никак виноватым в глазах народа и общества. 17 июня Алексея Петровича привезли в Сенат, который подробно его обо всём допрашивал. **18 июня** духовенство ответило соборным письмом, в котором Царь призывался *простить* сына, по примеру древнего Царя Давида, простившего сына Авессалома, поднявшего восстание против отца, по примеру Самого Господа Христа, прощавшего грешников. **Сенаторы и генералы ничего не отвечали**, находясь как бы в замешательстве. Недоставало чего-то важного для вынесения нужного Царю приговора (а какой именно приговор был нужен, все хорошо понимали!). В самом деле, противные Царю разговоры — это ещё не заговор, а способность пристать к бунту — это ещё не участие в бунте и даже не подготовка такового... Иначе говоря, в поведении Алексея Петровича не виделось достаточного *состава преступления*. Нужно было добыть новые свидетельства «вины» Царевича. И их быстро стали добывать, точнее — *выбивать!* **19 июня** Алексея Петровича подвергли *пытке* — 25 ударов особой застеночной плетью. И он «сознался» в том, что будто бы просил кесаря Карла дать ему *военную помощь* для захвата власти и будто бы Карл VI такую помощь ему *обещал*, что в случае, если бы интервенция Австрии в Россию случилась и привела к успеху Царевича, то он в благодарность за добывание себе «короны российской» стал бы во всём послушным воле кесаря Карла и расплачивался бы с ним всеми возможными богатствами Отечества... Здесь всё — *совершенная неправда!* Никаких переговоров о военной помощи у Царевича с Карлом *не было*, ничего в этом плане последний первому *не обещал*. Это был сущий *наговор* Алексея Петровича *на себя самого!* Он был нужен, чтобы представить Царевича последовательным, деятельным заговорщиком, изменником *и врагом Отечества*, готовившим военную интервенцию в Россию чужого государства и подчинение ему России. Тогда и все единомышленники Алексея Петровича в России, с кем он имел дружбу и связи, оказывались соучастниками этого злодейского плана, тоже изменниками и *врагами Отечества* (а не поборниками православных устоев его бытия!..).

Такой самооговор Царевича мог быть получен не только с помощью плети (и, возможно, угроз ещё более страшных пыток). Здесь наверняка использовали тот же приём, что и при уговорах Царевича добровольно вернуться в Россию из Италии, а именно — обещание, что в конечном итоге Царь-отец окажет ему «милость» и дарует «прощение», если сейчас Алексей скажет *«что нужно»*. Он сказал «что нужно». **24 июня** его ещё раз пытали, но уже только 15-ю ударами плети, чтобы он подтвердил ранее сказанное. Он подтвердил. В тот же день 24 июня (до чего же быстро!) последовал нужный Петру приговор Сената, генералитета и высших чиновников: Алексею Петровичу — смертная казнь! Приказать привести такой приговор в исполнение Пётр I по многим соображениям тоже не хотел. Он устроил последний и теперь уже совсем кощунственный и кровавый фарс. **26 июня** в 8 часов утра с компанией своих соратников

был в крепости у сына. Разъехались в 11 часов. А в 18-м часу (6-м часу по полудни) того же **26 июня 1718 г.** несколько «птенцов гнезда Петрова» тайно пришли в Трубецкой раскат Петропавловской крепости и задушили Царевича Алексея Петровича .

Своим послам за границей Пётр I дал письменные указы о том, как нужно описывать кончину Царевича. В них говорилось, что Царь, с одной стороны, «яко отец был борим натуральным милосердия подвигом», но, с другой,— как Царь, «попечением о целости и впредь будущей безопасности государства», и не мог ещё принять никакого решения. Тогда он, Царь, с приближёнными пришёл навестить сына, якобы заболевшего уже «апоплексией», но пришедшего на то время «в чистую память». Алексей Петрович пред тем исповедался, причастился Святых Тайн, сам **просил** отца придти к нему. Во всех своих преступлениях он повинился «со многими покаятельными слезами» и просил прощения, «которое мы ему по христианской и родительской должности **и дали**». Но «всемогущий Бог, восхотев чрез собственную волю и праведным Своим судом, по милости Своей», избавить Царя «от сумнений», а государство «от опасности и стыда», «пресек его, сына нашего Алексея, живот», «и тако он (Алексей) сего 26 июня около 6 часов по полудни жизнь свою христиански сконча»... Если «образец» и «пример» Петра Иван IV убил сына в припадке бешенства, то есть как бы случайно, то Пётр сделал то же самое в ясном уме, расчётливо и не своими руками.

Как видим, преследование Петром I своего собственного сына, кончившееся злодейским **тайным убийством** последнего, было по существу преследованием исконной Великороссии, не желавшей менять своей **природы**, перерождаться по воле монарха в нечто себе самой противоположное. Не случайно черты личности Царевича Алексея Петровича так хорошо отражали черты личности некоей большей части России. В этой большей части Царь продолжал **почитаться**, несмотря ни на что, как «помазанник Божий», которого слушаться нужно было во всём, кроме **дел веры**, если он начинал нарушать, или разрушать её коренные устои. Прямо и явно бороться с **такой** Великороссией (то есть с большинством своего народа) Пётр не мог. Поэтому он пошёл по пути **клеветы** (что его деяньям противятся-де только **лентяи**, или **изменники**) и неявного, как бы **тайного удушения** всего, что имело своим ядром и истоком Русь Святую, Русь Православную. На этом пути Пётр неизбежно должен был прибегнуть к одному очень страшному средству: заведомо богопротивные, безчестные, а то и просто преступные деяния, прикрывать благочестивыми словами, с использованием имени Божия и иных святых имён, выдержек из Священного Писания и Предания, ложных клятв и т.п.,— или иными словами, действовать под **личиной** (маской) Православного благочестия. Подобное бывало в прежней истории и особенно, как мы помним, в образе поведения еретиков «жидовствующих», Ивана IV, Бориса Годунова. Но с Петра I это становится как бы некоей **нормой**, как бы само собою разумеющимся правилом правящих. Непревзойдённым мастером применения этого правила явился знаменитый Феофан Прокопович. Ему и поручено было Петром сразу после убийства Царевича Алексея, в 1718 г. составить «Духовный Регламент», как закон о новом устройстве Церковного управления. Феофан

трудился над ним до 1721 г.. Это был год окончания Северной войны, присвоения Петру титула Императора и звания «Великого». Очень много совершенно лживых слов было сказано в связи с Духовным Регламентом и в нём самом. Так, с особым упорством проводилась мысль о *соборности Церкви*, которой якобы более соответствует не Патриаршее возглавление, а «коллегиальное» управление. Но соборность Церкви не только не отрицает, но даже прямо предполагает сочетание одного ответственного Главы Церкви с *Собором* епископов и авторитетных лиц среднего духовенства. Соборы такие и избирали всегда своего Главу — Патриарха. Напротив, Синод как раз не являлся каноническим церковным собором. Его членов выбирала не Церковь, а *назначала* верховная светская власть. Лживым было и другое важнейшее положение Регламента о том, что будто «простой народ, не ведает, как различается власть духовная от самодержавной», но помышляет, что духовный правитель (Патриарх) «есть второй Государь. Самодержцу равносильный», и что если когда между этими двумя Государями возникает *«распря»*, то «простые сердца» «всё более духовному, чем мирскому правителю, сочувствуют». Вся предыдущая история нам показала, что наличие патриаршей и царской власти (даже когда между ними «распря») не ведёт ни к каким смутам и бунтам в государстве. Значит, Духовный Регламент как бы невольно обнаруживает, что отныне «мирские правители» намерены править настолько вопреки всем духовным началам русской жизни и желаниям «простых сердец», что последние заведомо будут против таких правителей и такого правления... Кроме того, здесь видим не только желание Петра сделаться абсолютным монархом. Здесь проявление тех западных масонских идей, согласно которым *«общее благо»*, «общее дело» (по-латыни — «республика») есть *высшая ценность*. Отсюда теперь служение «общему благу» Отечества, государства становится самой высокой *добродетелью*. Но «благо Отечества», или «общее (общественное) благо» разными людьми может пониматься по-разному... Уничтожая сына и наследника, Пётр I создавал прецедент нового отношения к Особе Царского Дома. Отныне такая Особа ценилась не в силу кровной принадлежности к Царскому Роду, или законности (легитимности), а в силу своего личного *соответствия интересам* (благу) Отечества, государства, как эти интересы, благо понимались теми, кто имел власть, или силу решать вопрос о верховной власти. Впоследствии это приведёт к серии цареубийств, а затем и к упразднению монархии в России (как не соответствующей более «общему благу»...). Но при Петре силой, решающей, кто полезен, и кто не полезен Отечеству в качестве Государя, был сам Император Пётр I.

Мы видели, сколько сил он потратил на то, чтобы убрать одного сына — Наследника и завещать царство другому, от брака с Екатериной, надеясь, что *этот* вырастет таким, каким его хочет видеть отец. Бог поругаем не бывает! Пётр Петрович младенцем *умер*. У Императора сыновей больше не было. Что теперь делать? Как быть с вековыми обычаями престолонаследия и с клятвенным постановлением Церковного и Земского Собора 1613 г.? Здесь Пётр I попал в логический и правовой *тупик*, из которого так и *не смог* найти выхода. В 1722 г. он издал новый закон, согласно которому Российский Император властен сам, *по своему усмотрению назначать* себе преемника царства. Услужливый Феофан

Прокопович отличился и здесь, написав целый трактат «Правда воли монаршей», где богословски и философски оправдывал закон 1722 г.. Всё теперь в Великороссии должно было делаться не по правде Божией, а по «правде воли монаршей», и не в совете с Землёй, а по той же монаршей воле.

Константинопольский Патриарх *утвердил* упразднение Патриаршества в России, наименовав подчинённый государству Синод «своим братом» (!), как разрешил он пред тем Петру I, по его просьбе, есть мясо в посты, как разрешил бы и утвердил он всё, что угодно было Российскому Самодержцу. В то время Вселенский Константинопольский Патриархат уже представлял собой очень печальное зрелище в идейно-духовном отношении, не мог он уже стать защитником той Православной Веры и Церкви, какие некогда Русь от него приняла.

А Пётр I, став Императором и «Великим» и «Отцом Отечества», то есть на самой вершине славы и силы, очень серьёзно заболел болезнью урологического характера. Жить ему оставалось недолго, он сам это чувствовал. В 1724 г. он провозгласил Екатерину Алексеевну Императрицей. Но никакого определённого указания, кому он поручает Престол государства Пётр I *не сделал*. Умирал он долго и в страшных болях, лишавших его сознания. Говорят, иногда приходя в себя, Пётр говорил смотрящим на него со страхом и жалостью приближённым: «Из сего познаете, сколь жалок человек». Может быть это было горькой иронией по поводу данного ему приближёнными (и принятого им) прозвания «Великий»... За несколько дней до кончины Пётр исповедался и причастился, велел объявить прощение некоторым категориям осужденных. Казалось, что ему удалось сделать всё основное из того, что он сам намечал, а главное — повернуть Россию на *новый путь* духовно-культурного слияния с Западом, за что так хвалят его все русские западники. Но так только казалось! На самом деле подлинную Великороссию (и тем паче Святую Русь) Пётр I так никуда на чуждый путь *и не повернул!*

Уже «дело» Царевича Алексея Петровича хорошо показало, что даже некоего «среднего», достаточно слабого, но православного русского человека можно убить, но переубедить невозможно. Однако то же самое «дело» неожиданно-негаданно явило образ иного, более сильного русского человека.

В 1718 г., когда Царевич Алексей Петрович вынужденно отрёкся от престолонаследия, к его отцу — Царю 3 марта в церкви подошёл подьячий Артиллерийского приказа Ларион (Иларион) Докукин и лично вручил Петру небольшую тетрадь. В ней было его заявление и выписки из книги святого отца и учителя Церкви Григория Назианзина. Иларион Докукин писал: «За неповинное отлучение и изгнание от всероссийского престола царского Богохранимого Государя Царевича Алексея Петровича христианскою совестью и судом Божиим и святым Евангелием *не клянусь* и на том животворящего Креста Христова *не целую* и собственною своею рукою *не подписуюсь*; еще к тому и прилагаю малоизбранное от богословской книги Назианзина могущим внять во свидетельство изрядное, хотя за то и *царский гнев на меня произлится*, буди в том воля Господа Бога моего Иисуса Христа, по воле Его святой *за истину аз раб Христов Иларион Докукин страдати готов*. Аминь, аминь, аминь». В допросе в застенке Иларион пояснил, что «соболезнует» об Алексее Петровиче, как о «*природном*», и от «истинной» *законной жены* Наследнике, а Екатерину и её

сына Петра Петровича не признаёт и к тому же полагает, что после смерти Петра I Екатерина, как *«нездесьней породы»*, подвергнет христиан, то есть русских, ещё большому *иноземному влиянию*. Иларион никого не «оговорил» (не назвал), сказал, что действует один и пришёл «с тем, чтобы пострадать за слово Христово». После троекратных пыток он был казнён (колесован). Поступок разительный! Он, как и астраханское восстание, ясно показывал, что подлинно *русские* люди «волю монаршую» поверяют правдой Божией, и это для них не политика, а стоянье «за слово Христово», то есть *исповедание веры*, вплоть до смерти.

В лице Илариона Докукина более сильная духом исконная, настоящая Великороссия ещё раз решительно заявила, что *готова умереть*, готова добровольно пойти на Голгофу за правду Христову, но *не пойдёт* никогда с *«темным Западом»* в его Вавилонское столпотворение.

28 января 1725 г. в муках скончался Пётр, первый Император Российский, так хотевший *всю* Великороссию повернуть именно в эту, Вавилонскую, сторону.

Важнейшим последствием его правления было то, что энергия, сила значительной части Великороссийского общества была направлена на усвоение западноевропейского опыта внешнего преуспевания, светских, (секулярных) наук, искусств, всяческого предпринимательства. Русь *удалая* теперь в основном только в этом направлении и могла найти себе применение. В этом был один только смысл; показать миру, что *«может»* собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская Земля рождать», и что Святая Русь и исконная, настоящая Великороссия противится этому вовсе не из-за лени, невежества и суеверия, а потому, что у них *совсем иные*, чем у Запада с его Платонами и Ньютонами, *смысл, содержание и конечная цель бытия!*

Глава 17

ИТОГИ И ПЕРЕХОДНЫЙ МОМЕНТ

Отныне в одном народе, продолжающем жить на одной земле, образовались как бы два разных народа, переставших понимать друг друга. Так описывают иногда последствия петровских деяний. Это можно принять в некоем образном смысле. Ибо Великороссийский народ в большинстве оставался всё же *одним* народом, хотя уже в чём-то важном не *единым*. Мы об этом говорили. Добавим только, что это было духовным расколом, разделением, близким к тому, что в медицине называется раздвоением личности. В одной исторической Личности Великороссии стали действовать два противоположных, взаимоисключающих начала. Одно устремилось к Западу с его мировоззрением и мировосприятием, другое продолжало хранить свои исконные жизненные основы, питаться Русью Святой. Первое стало господствующим и было представлено преимущественно

господствующими, европейски образованными сословиями (хотя в нём было немало и «простых» не знатных людей). Второе начало преимущественно составляли сословия низшие — крестьянство, духовенство, отчасти небогатые посадские люди в городах (хотя здесь были и многие лучшие люди дворянства). На пути западного образа жизни и мысли склонилась решающая масса правящих классов сильного мира сего, власть имущих. Поэтому начало второе, хотя и продолжало жить, но уже ничего не могло *решать* в государственной общественной жизни. Однако оба начала постоянно *взаимодействовали и влияли одно на другое*. Это очень знакомое каждому состояние, когда верующая православная душа сильно соблазняется чем-то дурным, она может глушить в себе голос совести и духовного разума и углубляться в дурное, а внешним рассудком искать «убедительных» *оправданий* соблазну.

Соблазн заманчивых, неведомых и новых деяний и открытий оказался слишком велик. Мы уже отмечали *перемену идеала* в русском обществе, точнее в его западнической части. Вспомним теперь и о том, что с Петра I в сознании этой части *служение Богу* заменяется понятием *служения Отечеству*. В допетровские времена эти понятия были неразделимы, едины. Теперь они разделились. «Отечество», «Россия» стали «святынями» самостоятельными, самодовлеющими и прямо не связанными с понятиями Христа и предлагаемого Им Отечества Небесного. А это значит, что постепенно, незаметно понятия «Отечество» и «Россия» сделались *идолами, истуканами*, но не потому, что они сами по себе плохи, а потому, что они поставлялись в сознании людей на *несвойственное* им *первое, главное* место. Идолы требуют жертв. И жертвовали. Всем, вплоть до жизни. И пафос «служения России, Отечеству», безотносительно к вере и Церкви быстро сделался очень сильным! Им вдохновлялись многие поколения русских (и теперь ещё вдохновляются многие искренние патриоты), не замечая, что пафос этот *ложный, обманный*, является, в сущности, чистым *идолопоклонством!* Вот если сейчас, в наши дни, в среде *любой* партии (или движения) произнести слова о «служении России, Отечеству», — они будут *понятны* и вполне *приняемы*, а если сказать о «служении Богу и правде Его», — это останется в лучшем случае *пустым звуком*, ибо никто просто не знает, как служить Богу и правде Его!...

Кроме армии и флота, Пётр I оставил после себя все важнейшие области жизни государства в полном расстройстве. Перестали двигаться даже дела в Сенате. Знаменитые «коллегии», будучи учреждением в значительной мере искусственным, действовали также очень плохо. Друг с другом и с Сенатом у них постоянно возникали споры и ссоры, тормозившие решения дел. Пока Пётр I был жив, всё это как-то преодолевалось его личным волевым вмешательством в каждом данном случае. Но после его кончины сразу сказалось то обстоятельство, что у России фактически нет правительства! Как мы помним, в старину таковым всегда была Государева Боярская Дума. Сенат не заменял Думы, у него не было права законодательной деятельности. Вместо Думы (правительства) не было создано ничего. *Земских и церковных Соборов* Пётр уже не созывал. И его преемники — тоже. Так что «*совет Земли*» перестал существовать для Русских Самодержцев. Для себя Пётр заменил его советом с ближайшими единомышленниками, в исключительных случаях привлекая к совету Сенат,

генералитет и высших чиновников. Но эти «советы» не были правовыми учреждениями. Хотя в них имелось некое очень важное организационное начало, а именно — *масонская ложа*. Это начало было достаточно действенным, но тайным. И здесь заключалась и сила и слабость его одновременно. Слабым оставалось то, что для законодательства, определения основных направлений политики требовалось всё же легальное, официальное, правовое учреждение — правительство. И оно, как мы потом увидим, начало создаваться путём «проб и ошибок». Зато очень хорошо организованной *силой*, на которую опирался Пётр I, была, как и в любом государстве, *армия*. Но армия Российская теперь отличалась тем, что её ядром являлась гвардия, состоявшая из двух особых полков, — *Преображенского и Семёновского*. Полки являлись сословными и привилегированными — «шляхетскими», то есть *дворянскими*. Петру I и в голову не могло придти, что в лице *таких* полков он создаёт не что иное, как *военную организацию российского дворянства*, ставшую впоследствии действенным оружием *сословного*, дворянского *влияния* на государственную жизнь, на самую власть российских Государей. Это бы ещё — полбеда! Но беда, сущая беда для России и для самой Монархии Российской состояла в том, что в дворянстве, именно благодаря Петру I, стала процветать также *организация и идеология масонская*, не сословная. Тогда неизбежно получалось, что в каких-то случаях гвардия, военная организация дворянства, может направляться, использоваться его *масонской организацией* в целях уже не всегда даже сословных... Так Пётр I в самые основания российской государственности заложил две мины страшного разрушительного действия, которые и «сработали» потом таким образом, что рухнула совсем российская монархическая государственность. А начиналось всё вот каким образом. Вблизи одра умиравшего, но ещё живого Петра I, началась борьба по вопросу о престолонаследии. Родовитая знать, имевшая за собою духовную поддержку Церкви и подавляющего большинства народа, стояла за то, чтобы Царём стал родной *внук* Петра I, сын Царевича Алексея Петровича, Пётр Алексеевич, которому было тогда 10 лет. В правящем слое к этой партии относились Долгорукие, Голицыны, Репнины, младший Апраксин. Но против них были деятели возвышенные Петром из безродных, во главе со «светлейшим князем» А. Меншиковым (Толстой, Ягужинский, Остерман, Брюс, старший Апраксин, и примкнувший к ним из-за распри с Репниным, родовитый Бутурлин). Они были за то, чтобы царствовать стала Императрица Екатерина. Последняя, зная сама, кто она такая, и понимая, что её, как законную Царицу, не примут ни родовитое дворянство, ни народ, крепко держалась за партию Меншикова. И родовитые и безродные («выскочки») в этом самом высшем правящем слое были одинаково членами того узкого круга любимцев, лично приближённых к себе Петром I, в совете с которыми он и решал важнейшие дела. Екатерина Алексеевна и «выскочки» с Меншиковым во главе понимали, что в случае воцарения Петра Алексеевича II-го они теряют не просто многое, они теряют всё (!), могут потерять и самые головы свои. В отличие от них, родовитые, в случае воцарения Екатерины, не теряли ничего, так как слишком глубоки и сильны были корни их родов. Поэтому родовитые боролись слабее, хотя на их стороне было большинство российского общества. «Выскочки» такой поддержки не имели. Единственная сила, на которую они могли

опереться, была даже не армия в целом (ею руководили Репнин и М. Голицын), а *гвардия*, находившаяся в руках Бутурлина. В этот решающий час всё в государстве стало зависеть от *настроения двух полков* — Преображенского и Семёновского. Их офицеры добровольно, никем не понуждаемые, явились к Екатерине, заявив о своей преданности и поддержке. Тогда Екатерина через Бутурлина приказала привести оба полка под окна дворца, где «птены гнезда Петрова» спорили о том, кому теперь царствовать. Офицеры этих полков вошли в самую залу, где проходил совет, и криками своими поддержали партию Меншикова. Репнин возмутился («кто посмел привести сюда офицеров?»). Бутурлин ответил, что он привёл не только их, но и оба полка по повелению Императрицы, которой и Репнин обязан подчиняться...

Совещавшиеся, посмотрев в окна, убедились, что преображенцы и семёновцы здесь в полном вооружении. После такого «довода» спорить было трудно. По неволе родовитые согласились на воцарение Екатерины. Так одновременно с вестью о кончине Петра I в столице была оглашена весть с восшествии на Престол государства российского его жены. Женщина на Престоле!... *Такого в Великороссии ещё никогда не бывало*. К тому же она была совсем *не царского рода*, чего тоже никогда и представить себе до сих пор никто в России не мог!

Важно отметить, что это деяние сподвижников Петра I было *явным нарушением* Уложенной грамоты Великого Церковного и Земского Собора 1613 г., так что сотворившие его подпали под соборное *проклятие*. Возможные рассуждения о том, что с духовной точки зрения муж и жена — «плоть едина», опровергаются тем, что брак с Екатериной при живой первой жене, без всякой вины со стороны последней, был *незаконным*. Так думали тогда в России все, не только противники реформ Петровых. Посему главным основанием такого из ряда вон выходящего деяния было названо то, что сам покойный Император назвал Екатерину Императрицей, и тем самым *будто бы* назначил её своей преемницей на царстве, согласно закону 1722 г. о праве Царя назначать себе преемника по своему усмотрению. Это было сущим *обманом* общества, народа, страны. Пётр *не назначал* её преемницей. Он оттягивал вопрос о престолонаследии до последнего. Умиравший он взял перо и бумагу, но сумел написать только два предварительных слова: «Оставьте всё...», а — кому? — так и осталось не ясным. И сказать вслух он уже ничего не смог. Как видим, невиданное и незаконное воцарение над Российской Империей и безродной и не русской женщины, оказалось возможным только благодаря вмешательству в решающий момент дворянской гвардии!

Почему же дворянская гвардия, где от солдат до офицеров все были большей частью из *родовитых* Великороссийских семейств, выступила за Екатерину? Вопрос непростой, если вспомнить, что и тогда и сразу после кончины Петра I дворянство *сильно тяготилось* обязательной военной службой (и потом постаралось быстро освободиться сперва от того, чтобы начинать службу с «рядового», а затем и совсем от обязательного служения в армии). Иначе говоря, в интересах российского дворянства было освобождение от обязательной службы в гвардии, что успешней всего могло быть достигнуто с воцарением малолетнего Петра II-го и при руководстве им членов Царской Семьи и родовитой знати. Почему же представители этой знати — гвардейцы Преображенского и Семёновского полков в *данном* случае пренебрегли собственным сословным интересом? Какая сила заставила их поступить таким образом?

Рациональных объяснений нет! Историки указывают на причину достаточно иррациональную, — «любовь», душевную преданность гвардии «полковнице», делившей с «полковником» — Петром и гвардией не раз все тяготы и опасности походов и походной жизни. Свет славы, силы, величия «полковника» — Петра I падал в глазах гвардейцев и на его жену, «боевую подругу», которая теперь, после смерти Петра, как бы *заменяла* собою его... Всё это трогательно, романтично, всё это, действительно, *имело место* в чувствах гвардейцев. Но что-то не верится, чтобы одна романтика могла решать судьбы Империи. Вместе с тем всё же, если бы мы начали искать иных, прозаических (корыстных) причин поведения гвардии, то не нашли бы их. Екатерина, правда, постаралась ещё в последние дни жизни Петра I задобрить армию и гвардию и денежными подарками, и ослаблением службы, но гвардейцы *до этого* добровольно, а значит не ради денег и награды, *уже стали* на сторону «полковницы».

Значит, нам не остаётся ничего иного, как исследовать всё-таки эту самую душевную «романтику», не является ли она чем-то *особенным* то есть не просто любовью солдат к полководцам.

У писавших о Петре I нередко встречаются слова о том, что многие в обществе, в том числе и особенно — в гвардии и среди ближайших сподвижников, его «обожали». Кажется, что сие может быть лишь образным, литературным выражением, означающим особую любовь и преданность. Любовь и преданность войска своему достойному военачальнику, равно, как и любовь подданных своему достойному Государю, — явления обычные, естественные, не раз в прошлой истории встречаемые. Но в эпоху Петра I, оказывается, что выражение «*обожание*» имело и *прямой, буквальный* смысл и точнее может быть передано понятием «обожествление»... Вот, к примеру, слова одного из сподвижников Петра I Нартова: «... Хотя нет более Петра Великого с нами, *но дух его* в душах наших *живёт*, и мы... умрём верными ему и горячую любовь нашу к *земному богу* (!) погребём вместе с собою». Ритуал похорон Петра разрабатывался Брюсом и Меньшиковым — самыми первыми членами самой первой масонской ложи в России. «Мастера» хоронили «Великого мастера». В одном помещении дворца происходило общее (народное) прощание с телом Императора. А для прощания *избранных* тело было перенесено в другую «скорбную залу».

Среди прочего убранства здесь было то, чего не бывало ни в каких королевских домах Европы, а именно — четыре *пирамиды* с надписями, выражавшими скорбь и похвалу от лица Церкви, гражданского общества, армии и флота. В траурном шествии участвовало *166* «чинов». Тело Петра было предварительно *забальзамировано*. После церковного чина погребения («предания земле»), оно тем не менее *земле предано не было*, а было поставлено во гробе в Петропавловском соборе и находилось в таком состоянии до 21 мая 1731 г., то есть непогребённым более *шестилет!* В это время избранные частенько посещали *мумию* своего «земного бога». Известен случай, когда Ягужинский обратился *вслух* к этой мумии с жалобой на Меньшикова...

Перед нами не просто «горячая любовь» подданных к своему Монарху; перед нами *религиозное поклонение* «земному богу», человеку-богу (как противоположность поклонения Богочеловеку — Христу). Здесь вполне определённые и известные черты масонского оккультизма. В Российской истории

такого никогда не бывало и не будет до эпохи *Ленина и Сталина*. Наиболее яркая и известная параллель этому имеется в древнем Египте (одном из источников масонства) с его обожествлением особ фараонов и бальзамированием их тел с целью сохранить «навечно». О, как не случайно в народе Петра называли *антихристом!* Если у старообрядцев он так назывался в собственном смысле, как последний губитель рода человеческого, что было, конечно, крайностью, то у православных имелось верное представление о том, что он *один из антихристов* в том смысле, в каком Апостол Павел говорит, что «антихристов уже много в мире». Духовная сущность масонства как раз состоит в приведении всего человечества к поклонению человеку-богу «великому иудейскому царю» (лжемессии) Антихристу. Духовной же *подготовкой* к сему служат создаваемые время от времени *культы личностей* «великих людей», когда одному из таких воздаётся поклонение, какое может и должно воздаваться одному Богу истинному. Здесь не только умозрительная идеология; здесь *действительное душевное, сердечное* ощущение «божественности», *сверхчеловечности* обожаемой личности! Такой человек-бог в сердцах поклонников своих *вытесняет* и *заменяет* собою Богочеловека — Христа. Такое состояние может достигаться только особым *дьявольским наваждением*. Наваждение является источником и внутренней *силой* любых «культи личности», в том числе и культа Петра Великого как «земного бога». Этот культ сильной личности, вождя, человека-бога, сверхчеловека и есть *антихристово начало* в новой и новейшей истории человечества. Такое *прямое* сатанинское *наваждение* на умы и души части русских людей в их отношении к Петру I стало возможным только по причине того разделения (раскола) или *раздвоения личности*, какое мы видели в самом Петре I, в российском обществе, в душе Великороссии как исторической Личности. Раздвоение — как трещина, брешь или щель, через которую демонические силы могут беспрепятственно проникать в незащищённое постом и молитвой сердце и производить в нём действия, часто прямо противоположные разуму и высшей духовной воле этой страждущей личности... Это же и причина того, что иной раз называется «массовым психозом» (или «гипнозом»), когда безумные *идеи или состояния* вдруг, неожиданно овладевают массами людей, становясь их живым, действенным *религиозным* чувством, или необоримым влечением, не имеющим никаких видимых рациональных причин.

Такому-то *наваждению* и была подвержена гвардия при жизни Петра и в час его смерти. Понятно теперь, почему гвардия предпочла безродную и нерусскую Екатерину законному Русскому Государю из Царского Рода Романовых: Екатерина была отблеском величия «земного бога», некоей принадлежностью *обожествляемой личности* Петра и никто в *этом отношении* не мог с ней сравниться!

Глава 18

XVIII-й ВЕК. «БАБЬЕ ЦАРСТВО». НАЧАЛО.

Именно так — «бабьим царством» убиенный Царевич Алексей Петрович в своё время назвал то, что может произойти после смерти Петра I. То самое и произошло. В XVIII-м веке у нас правят страной одна за одной женщины: Екатерина I, Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна (правда, лишь как регент), Елизавета Петровна, Екатерина II ... Такого не было в прошлом и не будет потом. Это какой-то особый феномен, духовная природа которого прямо связана и с *влиянием Запада* и с тем диавольским *наваждением*, о котором только что говорилось. В русле сатанинских соблазнов *культ* женщины, женских «прелестей», то есть иначе — *порочных страстей*, связанных с влечением к женскому полу в этой, поврежденной грехом, области земной жизни, занимает особое место. После грехопадения Адама и Евы, через которую искусился Адам, особенным удовольствием для змия — диавола являлось поставить мужское начало, призванное Богом быть *первенствующим*, в положение подчинённого и *порабощенного* женским началом. Такого *извращения* (выверта наизнанку) богозданной природы человеческой не так-то легко было достигнуть даже в падшем, повреждённом грехом человечестве! Если говорить о средневековой Европе, то здесь это начиналось с романтики и поэзии «прекрасной дамы», или «дамы сердца» ещё в рыцарскую эпоху, а затем быстро превратилось в культивирование *блуда* в эпоху Ренессанса, то есть *Возрождения* (возрождения — чего? всех возможных и невозможных языческих, демонических, нехристианских и антихристианских начал!). На это работало всё мирское искусство! К *блуду* в самых разных его проявлениях (от высоких поэтических чувств, до самых животных плотских влечений, а также тотчас и к *содому* (на выбор, — кому что понравится!), устремилась «просвещённая» Европа по мере развития в ней культа наслаждений, как мы помним, ещё в XV в.. Это сделалось скоро особой задачей масонства, так как мало что может так быстро растлить и разрушить народ христианский, как блуд и прелюбодеяние! Соблазн подавался под видом *свободы* (освобождения) от предрассудков или от мрачной власти церковников (этих «святош»!). Из Европы *поэзия «любви к женщине»* и вместе с этим сразу же *проза блуда* через «окно», прорубленное Петром, хлынули и в Россию. И скоро в нашем «светском обществе» сделалось *модным* тайно любодествовать, чем больше, тем лучше, но при *внешней видимости* соблюдения всех «христианских» приличий! Так повели себя в XVIII в. некоторые Августейшие особы, подавая пример своим подданным. Но теперь нам важно не это, а то, что данная «мода» попала в Великороссию вместе с ранее здесь не известным «рыцарским» и «поэтическим» *поклонением женщине*. Оно и содействовало для европейски «просвещённых»

русских дворян вполне возможным, нормальным (а иногда и желанным) правление не Царя, а Царицы. Конечно, это не причина феномена «бабьего царства», а его *психологическое условие*. Непосредственными причинами феномена служили другие, как будто объективные жизненные обстоятельства.

Как взошла на Российский Престол Екатерина I, мы уже видели. Её недолгое царствование не было отмечено сколько-нибудь значительными для России свершениями. Но оно было достаточно спокойным. Став Императрицей, Екатерина не смогла взять бразды правления полностью в свои руки. По старой своей привычке она старалась, по возможности, угождать всем придворным партиям и прежде всего, конечно, тем лицам, которым была прямо обязана своим восшествием на Престол. А таковыми были, главным образом, неофициальные правители из числа ближайших к покойному Петру I, которых мы уже знаем. Из них виднейшим являлся князь Александр Данилович Меншиков. Теперь их главной целью стало узаконение своего положения, что они и сделали с согласия Екатерины I. Из них официальным указом был образован *Верховный Тайный Совет*, без которого Императрица не должна была решать важнейших дел. Так было положено начало существованию законодательного органа — Правительства России, чем-то напоминавшего Боярскую Думу, но лишь очень отдалённо. Но было бы неверным, как делают некоторые, представлять дело так, что всем заправляли «верховники» во главе с Меншиковым. Екатерина I была достаточно самостоятельна и в некоторых делах, особенно внешнеполитических, не раз действовала вопреки интересам Меншикова, несмотря на всю свою старую дружбу с ним. Он, конечно, был временщиком, обладал огромной властью и огромными богатствами, но его положение отнюдь не было прочным. Против него, как «выскочки», по-прежнему была половина «верховников» из родовитых, а также слишком значительная часть общества. Вся эта оппозиция по-прежнему желала видеть на Российском Престоле после Екатерины I Петра Алексеевича II-го. С таким желанием считалась и Екатерина, поскольку сына у неё больше не было. Правда, она весьма заботилась о двух своих дочерях — Анне и Елизавете. Елизавета была незамужней, а Анна являлась женой герцога Голштинского, постоянно жившего в России со своим двором, где большое значение имел министр граф Бассевич. В делах внешней политики поэтому значительное место занимали старания России вернуть герцогу землю Шлезвиг, отнятую у него, и обезпечить ему шведский престол, на который он имел права. Этому препятствовала международная обстановка, сложившаяся тогда вообще не в пользу России. Её интересы столкнулись в Европе с интересами Англии. Последняя создала Ганноверский союз, к которому примкнула Швеция, направленный против России. А флот Английский своими появлениями на Балтике заставил присмиреть флот Российский. Россия же заключила союз с Австрией и тем создала хороший противовес притязаниям Англии. Со многими европейскими делами и странами переплелись в те времена дела российские. Немудрено поэтому, что Европа живо следила за тем, что происходит в России. Ещё Карл XII до своей кончины в 1718 г. надеялся на то, что в России может случиться бунт против Петра I с целью воцарения его сына Алексея, о чём узнано было случайно уже после убийства последнего. Когда умер и Пётр I, многие на Западе вновь думали о возможности смуты в России из-за престолонаследия. Но и в этот раз смуты не произошло.

Однако опасения эти показывают, насколько всё же напряжённой была обстановка в России. Понимая, что в случае смерти Екатерины ему головы не сносить, А. Меншиков начал действовать в пользу Петра Алексеевича как наследника Великороссийского Трона, чем поверг в изумление Царевен Анну и Елизавету, посчитавших его предателем. Меншиков убедил Екатерину I объявить Петра Алексеевича Наследником. В связи с этим Екатерина установила и определённый *порядок престолонаследия*, чем отменялся указ Петра I от 1722 г.. Книга «Правда воли монаршей» стала изыматься из общества. Более того, Меншиков решил женить Петра Алексеевича на одной из своих дочерей. Он перевёз Наследника в собственный дом, приставив к нему учителем Остермана. И совершил ошибку: Остерман был его тайным противником. Пётр Алексеевич рос живым, способным, и со своим характером, (чего Меншиков тоже не смог хорошо увидеть). Теперь и все «верховники» перешли на сторону тех, кто давно желал воцарения Петра Алексеевича. Но, страшась за свою судьбу, они выработали документ, требовавший *клятвенного обещания* наследника не мстить никому из тех, что подписали смертный приговор его отцу — Царевичу Алексею. В апреле 1727 г. Императрица Екатерина I тяжело заболела лёгкими. Перед самой её кончиной Бассевич написал проект Завещания, согласно которому на Престол должен был восходить Император Пётр II Алексеевич, но с тем, чтобы до совершеннолетия не править делами, а править последним «верховниками» (девять человек вместе с Голштинским герцогом и во главе с Меншиковым). У Сената перед тем уже было отнято название «правительствующий» и он всецело подпал под руководство Верховного Тайного Совета. Не известно, подписала ли Екатерина сие Завещание («верховники» потом объявили, что подписала, но этому трудно верить). 7 мая 1727 г. Екатерина I скончалась. И гвардия, *та же самая* гвардия, которая за два года пред тем не хотела Петра II, а хотела Екатерину I, теперь крикнула «виват» Петру II и первая ему присягнула. Здесь видим уже не романтику, а политический расчёт. Двенадцатилетний Император Пётр Алексеевич II-й не пожелал терпеть унижительной для себя опеки Меншикова (в самом деле, часто очень безтактной) и скоро, после ряда стычек и ссор со «светлейшим», не без помощи Долгоруких и Остермана, объявил временщику полное отстранение от всех должностей и ссылку, сперва в собственные его имения, а затем — в Сибирь в Берёзов на р. Оби.

Так пал один из виднейших деятелей петровских времён. Это не было местью нового Императора за своего задушенного отца. Сам Господь отомстил всем неправедным судьям. При Екатерине I пострадали Толстой, Бутурлин, Ягужинский, а после Петра II и почти все остальные, кто принял участие в расправе над Царевичем Алексеем. Государь Пётр II в общем исполнял условие до 16-ти лет не вступать в управление государством, хотя, когда это ему казалось необходимым, он вступал и его *слушались*. Он, таким образом, обещал сделаться сильным Монархом. Но, предаваясь по юности многим забавам (особенно — охоте) он простудился и тяжело заболел. Простуда продолжилась оспой и в 1730 г. Император скончался (было ему 14 с лишним лет отроду).

«Верховники», среди которых возобладали родовитые Долгорукие и Голицыны, решили призвать на Престол Особу не из отрасли Петра и Екатерины, а из другой ветви Царского Дома, — из отрасли брата Петра Царя

Ивана Алексеевича. Дочь последнего Анна, как мы помним, была выдана замуж за герцога Курляндского, вскоре умершего. Русская полностью по происхождению, Анна Иоанновна, пребывая в Курляндии «в немцах», пропиталась насквозь европейским, немецким духом тех времён, и в ближайших друзьях и советниках имела не русских, а немцев. В 1730 г. она стала Российской Императрицей, но на определённых *условиях или «кондициях»*, как тогда это называли, выработанных «верховниками». Смысл «кондиций» был в том, что Анна Иоанновна обязуется во всём следовать решениям Верховного Тайного Совета, не выходить замуж, Наследника себе не назначать, и вообще почти ничего самостоятельно не решать. По сути дела тем самым «верховники» *упраздняли Самодержавие!* Анна Иоанновна «кондиции» приняла, подписала, но, приехав в Россию, обнаружила, что гвардия «верховниками» не довольна, хочет видеть её настоящей Царицей и готова на нужные действия в любой час. Гвардия, состоявшая в основном из «шляхетства», то есть дворянства, усмотрела в действиях «верховников» стремление установить власть высшей аристократии, *боярско-княжеской знати*, правление которой для служилых дворян было бы хуже, чем власть Императора. Здесь мы видим в гвардии снова уже не романтику, не наваждение, а вполне прозаический *сословный* расчёт. После долгого разговора с гвардейцами Анна Иоанновна на глазах у «верховников» их «кондиции» надорвала, упразднила Верховный Тайный совет и стала вполне самовластной. Скоро она создала новое правительство — *Кабинет*, но фактически всеми делами стал править её фаворит временщик немецкий барон фон Бирон, сделавшийся потом герцогом Курляндским. Анна Иоанновна не пожелала зависеть не только от бывших «верховников», но и от российского «шляхетства», от гвардии, силу которой она сразу же поняла. В противовес Преображенскому и Семёновскому полкам были созданы полки Измайловский и Конный, тоже вошедшие в гвардию. Но и теперь Государыня не вполне доверяла военным и потому окружила себя немецкими своими любимцами. Бирон не любил, презирал Россию. Он был несомненно способным в делах, но очень жестоким и злым; с русскими обычаями, интересами и правилами не желал считаться. Время его правления печально известно под именем «бионовщины».

Для Русской Церкви это правление оказалось особенно тяжким. Под любопытным предлогом «борьбы с ханжеством и невежеством» Императорский Кабинет развернул настоящее *гонение на Православное благочестие*. Особенно притеснялось монашество. Дело дошло до того, что созданная Императрицей Тайная Канцелярия (нечто вроде политической полиции) посылая команды солдат, изымала из монастырей и мирских приходов всех тех священников и монахов, которые славилась в народе высотой духовно-молитвенной жизни и были особо авторитетны, и отправляла таких в ссылки на крайний Север, в Сибирь, к Охотскому морю... Поощрялись духовные лица «светского» духа и поведения. В результате в русских монастырях даже сами монахи стали притеснять и осмеивать тех, кто старался действительно подвизаться в молитвах; таковые были теперь — «ханжи»... Пошло гонение на главное в монашеском подвиге — на *делание молитвы Иисусовой*. Всему этому немало способствовал известный нам интриган Феофан Прокопович, митрополит Псковский. Обвиняемый в неправославии и склонности к лютеранству, он «защищался» от идейных противников крайне

подлым приёмом,— представляя их *политическими противниками* императорской власти (так как в ней виднейшие должности занимают немцы — протестанты, то всякая критика протестантизма — это выпад против власти!). Довод действовал. Много добрых духовных лиц пострадали, были брошены в тюрьмы, подверглись пыткам и казням. Архиепископ Феофилакт (Лопатинский) был вздёрнут на дыбу. Книга Стефана Яворского «Камень веры» была запрещена.

Опалы обрушились и на светских лиц, бывших «верховниками» и просто знатных людей, и связанных с ними, (на Долгоруких, Голицыных, Юсуповых и других). Страшно распространились *доносы*. Снова «пробил час негодяев». Всё это продолжалось в течение 10 лет. Всё это время почти непрерывной чередой шли балы, маскарады, охоты и иные увеселения Императрицы Анны Иоанновны. Дворец наполнили шуты, карлики и иные уродцы, почему-то весьма забавлявшие Государыню. Позорным пятном на её правлении стал знаменитый *ледяной дом*. Это был «дворец», сооруженный из льда для всенародного увеселения, где Императрица с придворными справили «свадьбу» шута и шутихи и оставили их там на «брачную ночь», при морозе 40 градусов. Было очень смешно. Как вежливо выразился один наш историк, «негигиеничная жизнь» Анны Иоанновны стала причиной её преждевременной смерти в 1740г.

По её завещанию Российский Престол передавался только что родившемуся сыну её племянницы Анны Леопольдовны Брауншвейгской — дочери Екатерины Иоанновны и герцога Мекленбургского — Леопольда. Анна Леопольдовна вышла замуж за Антона Брауншвейгского, и от этого брака родился Иван Антонович (русский по крови всего на одну четверть), провозглашённый теперь Императором Всероссийским. Поскольку был он грудным младенцем, при нём в Россию приехала мать, отдавшая официальное регентство Бирону. Однако дворянство терпело его до сих пор только ради Анны Иоанновны — как-никак родной дочери Русского Царя! А ныне, при Анне Леопольдовне, его терпеть не стали. Фельдмаршал Миних с гвардейцами Преображенского полка арестовал Бирона. Власть его кончилась. Регентство было передано Анне Леопольдовне. Но очень быстро выяснилось, что и при ней продолжается засилие немцев во всех учреждениях, в том числе и в армии. Тогда гвардия обратилась чуть ли не со слезами к петровско-екатерининской ветви Романовых, к Царевне Елизавете Петровне, проживавшей в Москве. Гвардейцы стали умолять её взять Российский Престол из рук немцев: «Матушка! Мы все готовы. Только ждём твоих, приказаний, что, наконец, велишь нам!» На Елизавету Петровну оказывала большое влияние в том же направлении и французская дипломатия в лице посланника Шетарди и личного доктора Елизаветы Лестока. Их цель была уничтожить в России влияние немецкое, чтобы заменить его французским.

25 ноября 1741 г. Елизавета Петровна явилась в казармы Преображенского полка, взяла всего одну роту гвардейцев и с нею придя во дворец, арестовала всю Брауншвейгскую фамилию. Несчастный Иван Антонович сделался без вины пожизненным узником Шлиссельбургской крепости. Повторяя печальную участь внука Ивана III Царевича Дмитрия.

Началось двадцатилетнее царствование Елизаветы Петровны. Но нужно особо отметить, что началось — незаконно! Каким бы благом для Отечества ни представлялось воцарение этой Государыни (а во многом оно и впрямь

было благом!), оно произошло путём **военного переворота**, свержением силой наречённого Императора, которому уже при-сягнула Россия. Горько и страшно сей прецедент отзовется потом в великороссийской истории!

Эта гвардейская рота получила очень щедрые награды — (деревни с крестьянами — каждому рядовому, не говоря уже об офицерах) и стала называться «лейб-компанией». В ней поручик приравнялся к званию генерала обычных войск, а унтер-офицер — к званию подполковника. Сама Императрица получила, по желанию гвардейцев, звание «капитана» (а это уж чуть ли не маршальское звание!).

Немцев сместили со всех ведущих, ключевых постов. Бирон был сослан сперва в Сибирь, затем в Ярославль. Впоследствии были также сосланы Остерман и Миних. Многие требовали для Бирона и некоторых наиболее ненавистных соратников этого временщика смертной казни. Но Елизавета Петровна отказалась, поскольку **дала обет** в своё царствование никого не казнить **смертной казнью** (что и было исполнено)! Государыня провозгласила также возврат к петровским правилам и нормам государственной жизни. На деле этого не получилось, но декларация утвердила её в глазах общества как «дочь Петра». Кабинет был упразднён. Сенат не только восстановили в правах, но и сообщили ему законодательную функцию, так что он стал теперь подлинно — правительством. В Сенате же главенствовали люди, особо приближённые к Елизавете Петровне. Среди них только престарелый канцлер граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин был воспитанником Петра I. Остальные вельможи были из новых. Выдвинулась тогда семья Воронцовых, а также семья графов Шуваловых. Пётр Иванович Шувалов занимал видное место в Сенате, а его брат Иван Иванович стал знаменитым деятелем «просвещения», знатоком французского искусства, меценатом, покровителем науки, основателем Московского университета. При нём наибольшего расцвета достигла деятельность великого русского учёного М. В. Ломоносова. Однако на совсем особом положении оказался фаворит Государыни Алексей Григорьевич Разумовский. Он и его брат Кирилл, ставший Гетманом Украины и Президентом Академии наук, были из малороссийских казаков. А.Г. Разумовский, являясь певчим придворной капеллы, полюбился Елизавете Петровне и получил скоро графский титул и большие богатства. Трогательна и загадочна история любви этих двух людей,— Императрицы и бывшего казака... К чести Алексея Разумовского нужно отнести то, что он никогда не гордился близостью к Государыне и не пользовался этим для усиления личной власти, вёл себя со всеми тактично и скромно. Елизавета Петровна, отдавая немалую дань западническому образу правления и жизни, вместе с тем всё же во многом являлась женщиной **русской и православной**. Взойдя на Престол незамужней, она уже не могла связать себя династическим браком с кем-либо из владетельных особ Европы, так как это запутало бы дело российского престолонаследия (и без того крайне запутанного!). Но, полюбив А. Разумовского, не могла она также «просто так» иметь с ним тайную связь, что в её глазах было блудом. Государыня избрала особый путь. Она тайно **венчалась** с А. Разумовским, так что они стали законными мужем и женой и в то же время как бы только пред Богом, но не для «мира» и не для царства. От этого брака родилась дочь, и как полагают со многими основаниями, была затем от-

правлена за границу под именем княжны Таракановой. Есть также многие основания думать, что она потом вернулась в Россию, приняла монашество и жила в полном затворе в монастыре в Москве, где и умерла и была погребена в родовой царской усыпальнице — в Ново-Спасском монастыре, в присутствии членов семьи Разумовских и иных знатных особ. А та женщина, которая в истории более известна под именем княжны Таракановой, являлась авантюристкой и самозванкой. По приказу Екатерины II её «выловил» в Италии Алексей Орлов, привёз тайно в Санкт-Петербург, где она и была заточена в Петропавловской крепости до самой своей кончины от чахотки, там же и погребена без обозначения места захоронения. Однако вся эта история по сей день очень во многом загадочна и не может считаться достаточно раскрытой. Достоверно, пожалуй, лишь то, что граф А. Разумовский имел на руках официальное *свидетельство о браке* с Императрицей Елизаветой Петровной, которое после её кончины и при воцарении Екатерины II он сжёг в присутствии Орловых, заявив о своей верноподданности новой Государыне, чем вполне её удовлетворил, а сам избежал секретной расправы и казни, каковая была бы неминуема в случае, если бы он, пусть даже тайно, сохранял положение *мужа* покойной Российской Императрицы.

Во внешних делах при Елизавете Петровне Россия успешно повоёвывала со Швецией, присоединив в 1743 г. к себе значительные земли в Финляндии. Затем Российской Империи пришлось принять участие в европейской борьбе за «австрийское наследство». Сперва под влиянием французов Россия выступала за Пруссию, в пользу Фридриха II Великого. Но затем верх взяла проавстрийская позиция канцлера Бестужева. Шетарди выслали из России, Лестока удалили от двора. Россия заняла сторону Австрии, против Пруссии. Началась знаменитая «семилетняя война». Русские войска нанесли Фридриху Великому ряд поражений (при Гроссегерсдорфе в 1757 г. и при Кунерсдорфе в 1759 г.), но и сами были однажды побиты им в 1756 г. при Цорнсдорфе. Всё же русские прочно вошли в Пруссию, в 1760 г. взяли Берлин. Фридриха ожидал полнейший разгром и позор. Спасася он только кончиной Императрицы и воцарением Петра III (1761 г.), оказавшегося страстным поклонником Фридриха II и всего вообще прусского.

На Юге в тот период всё оставалось без особых перемен. При Анне Иоанновне фельдмаршал Миних разбил турок в нескольких сражениях, были взяты Крым, Очаков, Азов. Но белградский мир свёл на нет эти успехи. Россия получила лишь причерноморские степи без выходов к морю, без Крыма, а крепость Азов срывалась и город объявлялся в нейтральной полосе между владениями России и Турции.

Императрица Елизавета Петровна издала особый «указ о жидах» (1742 г.), которым запрещалось проживание в Российской Империи, а тех евреев, что всё же жили здесь, повелевалось «выслать за границу», кроме тех, что пожелали бы принять Православие. Легко «указать», но как исполнить, когда с присоединением Малороссии, огромная масса евреев оказалась «в границах» Российской Империи! Указ не везде исполнялся. А формальная принадлежность к Православию (по большей части притворная) уже тогда открывала в России для евреев прекрасные возможности. Так, уже в «лейб-компании» во время

переворота адъютант — крещёный еврей Грюнштейн чаще других показывается на глаза Елизавете Петровне и получает больше всех душ крепостных (927 человек).

При Елизавете Петровне происходит крайне важная перемена господствующего культурного влияния на Великороссийскую жизнь. Если после Петра I таким влиянием было северо-европейское (немецкое, голландское, шведское, английское), то теперь преобладающим становится французское, немецкое же при этом не исчезает, сохраняется, особенно в области наук, техники, промышленности, и будет сохраняться в дальнейшем. Но в области гуманитарных знаний, идейно-духовных веяний, искусства, литературы, великосветских мод и вкусов, господствующим влиянием становится французское. Оно не исчезает даже после опалы Шетарди и Лестока. Отныне в дворянстве прочно утверждается мода на французский язык, наряды, предметы роскоши, романы, — словом на «французское изящество» во всём светском образе жизни, вплоть до нравов. Отныне блуд уже — не только не грех, но одно из неписаных правил «хорошего тона»... Отныне *женщина* — *орудие высокой политики* — и внутренней, и внешней. Во Франции тех времён складывалась очень знаменательная политическая система, в которой вопрос выдвижения деятелей на разные видные должности решался своеобразным «женсоветом», так что занять то или иное место в политике человек мог, как правило, только *пройдя через постели* определённых женщин — жён или фавориток сильных мира сего. Плеяда таких женщин решала во взаимном совете, кому и чему быть в государстве. Ни дать ни взять — второе, негласное правительство! В России подобный порядок в полной мере осуществиться не мог, но некоторые его черты, повышающие влияния женщин на ход политических дел, были восприняты и у нас; вместе с модами на французскую парфюмерию.

Внешняя светская (не церковная, не духовная) образованность и учёность по-прежнему почитаются «в обществе» чуть ли не главными достоинствами. В 1747 г. создаётся университет с гимназией при нём в Петербурге. В 1755 г. возникает Московский университет с двумя гимназиями — для дворян и для «разночинцев» (то есть людей, уволенных из других сословий, чинов). В губерниях действуют общеобразовательные школы, в столицах — специальные учебные заведения, возникают школы частные. Уже упомянут был Михаил Васильевич Ломоносов, один являвшийся как бы целой академией, ибо не было области наук, где он не сделал бы открытий, или по крайней мере, некоторых важных начинаний. Из простых поморских крестьян Ломоносов продвинулся на самую высокую ступень образованности и учёности, показав, по его словам, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская Земля родить...». Да, был он физиком, и химиком, и писателем, и историком, и поэтом, и теоретиком языкознания. Но в последнем его значение скорее отрицательно, чем положительно. При ярких его похвалах русскому языку Ломоносов этот язык всё-таки более портил, чем улучшал, и в теории и на практике, особенно так называемым «высоким штилем», языку родному совершенно несвойственным, искусственным, вычурным и недолговечным. При нём в Российской академии видное положение занимали иностранцы, особенно — немцы. Некоторые из них были действительно крупными учёными, но иные — се-

рыми посредственностями. Ломоносову приходилось упорно бороться с ними. Спорил он много с Миллером и Байером по поводу происхождения русской государственности, доказывая, что она — не от варягов только, а на собственной почве возникла. Тогда же протекало творчество русских писателей — Сумарокова, Тредиаковского, Кантемира, историков — Татищева, Щербатова и многих других. Богатство, пышность и роскошь двора, придворных и знати возросли неимоверно, превосходя namного то, что было при Петре I, не говоря уже о прежних Московских Царях! При Елизавете Петровне начат был и почти полностью окончен постройкой Зимний дворец в Петербурге (по проекту Растрелли). Построены были многие иные здания в обеих столицах и других городах. В архитектуре господствовали безраздельно, как уже повелось с Петра I, только западноевропейские стили. Сие относилось и к светским и к церковным постройкам и даже к иконописи. Каноническое древнее иконописание было совершенно отвергнуто. Вместо него утвердился западный «реализм» и вносилось также немало от западного аллегоризма. Елизавета Петровна побуждала Сенат к особенному вниманию к церковным делам. Принимались меры к улучшению благочиния, защите прав духовенства, устройству учебных церковных заведений, печатанию церковных книг. Великое значение возымело издание знаменитой *«Елизаветинской» Библии* — нового перевода полного текста Священного Писания на церковно-славянском языке. Впрочем, подробней о духовных и церковных делах всей той эпохи мы будем вести речь особо. А светская жизнь ещё отличалась тем, что в ней всё большее значение, влияние, распространение получало *масонство* с его тайными учениями и ложами, конечно, прежде всего и преимущественно — *в российском дворянстве*. В этом движении тоже менялись течения (скажем, немецкое вытеснялось французским). Масонами становились и многие деятели культуры, искусства.

Дворянство продолжало укреплять своё положение. Мы уже видели значение гвардейской «лейб-компании». Оно сказывалось и на положении дворянства в целом. Елизавета Петровна запрещает владение землёй с крестьянами кому-либо, кроме наследственных дворян. А они, в свою очередь, признаются таковыми, только если сумеют доказать благородство происхождения. Сохраняются и льготы дворянству, данные ранее при Анне Иоанновне, когда срок службы дворян был ограничен 25-й годами, а при нескольких сыновьях в семье, один мог совсем ни служить. Так дворянство превращалось в *замкнутое сословие* с большими правами землевладения, которое всё менее обуславливалось *службой* государству, а всё более — благородством происхождения. *Крестьянство* же всё более закабалялось. С помещичьими крестьянами правительство уже не имело никаких прямых, непосредственных отношений, но только — с их господами — владельцами. Это значило, что в Великороссии *впервые* за всю её многовековую историю основное население страны, большая часть народа, перестало быть лично свободными людьми в значении *субъектов права*. Таковыми становились только помещики — дворяне. А крестьяне со справедливым *возмущением* обнаруживали, что ими и их землёю владеют люди уже не под условием своей *службы по защите этой земли*, а под условием наследования сословного происхождения. Иными словами, крестьяне становятся *не гражданами — подданными* Самодержца Российского, а безправным

имуществом своих непосредственных владельцев — помещиков. К этому времени, нужно сказать, имения родовой знати (аристократии) и имения служилых дворян — помещиков полностью *уравниваются* в юридическом отношении, получая общее название «недвижимых имуществ». Для дворянства и для купечества были созданы тогда особые банки с хорошим кредитом всего в 6% годовых. Одной из самых значительных льгот служилым дворянам становится то, что теперь они не обязаны, как при Петре I, начинать службу со звания рядового. Для дворянских юношей был создан особый «Сухопутный Шляхетский Корпус», или иначе — «Кадетский корпус». По окончании этого строго *сословного* учебного заведения дворяне вступали в гвардию и в иные армейские части сразу в звании *офицеров*. Корпус создан был ещё при Анне Иоанновне, но дальнейшее развитие и укрепление получил при Елизавете Петровне.

Очень важным в её времена явился вопрос о престолонаследии. У Государыни Наследника-сына не было. Она пригласила стать Наследником своего племянника, сына Анны Петровны и герцога Голштинского, Карла Петра Ульриха. Знаменательно, что по матери он был внуком Петра I, а по отцу — внуком Карла XII. В Швеции пред тем он был уже тоже провозглашён наследником престола. В самом начале царствования Елизаветы Петровны в 1742 г. этот принц Голштинский, 14-летним юношей оставшийся тогда круглым сиротой, прибыл в Россию со своим немецким учителем Брюммером и по принятии Православия был наречен Великим Князем Петром Фёдоровичем, Наследником Российского Трона. В 1745 г. заботливая Елизавета Петровна женила Петра Фёдоровича на принцессе небольшого немецкого княжества Софии Фредерике Августе Ангальт-Цербтской, рекомендованной Фридрихом Прусским. Приняв Православие, она стала именоваться *в память матери Елизаветы* — Екатериной Алексеевной. От брака с Наследником Трона у неё в 1754 г. родился сын Павел Петрович, будущий Государь Павел I.

Все историки стараются подчеркнуть разницу личностей Августейших супругов — Петра Фёдоровича и Екатерины Алексеевны, делая это для того, чтобы обосновать потом хоть как-то воцарение Екатерины. Поэтому всегда выставляются на вид недостатки Петра Фёдоровича — грубость нравов, невоспитанность, склонность к выпивкам и забавам (охоте), недостаточная образованность. Недостатки эти и вправду имелись, но не они мешали Наследнику в глазах «общества». Уж чего только в плане грубых выходок ни позволял себе, к примеру, Пётр I! А Государыня Анна Иоанновна — разве отличалась особой воспитанностью и учёностью? ... Нет, не в этих чертах характера Петра Фёдоровича нужно искать причины недовольства им в русском «обществе». Он *посмел игнорировать Гвардию!* Окружил себя батальонами немцев-голштинцев и играл с ними «в солдатики» по правилам Фридриха II Великого, которого обожал. Кроме того, он потом *посмел и обидеть Гвардию*, назвав её «янычарами», и угрожал распустить её по другим армейским частям. Вот в чём *весь «секрет» неугодности Петра Фёдоровича!* Ошибка его в том, что он не дал себе труда понять расстановку внутренних сил в России.

Зато сие очень хорошо поняла его жена Екатерина! Год за годом в течение добрых 15-ти лет она изучала Россию. Поняла, что здесь нужно стать *своей* обществу, точнее тому состоянию, в котором оно пребывало. Екатерина та-

кою и стала. Она выучилась хорошо читать на церковно-славянском и молилась всегда только на этом святом языке. Но в то же время отлично освоила разговорный и литературный светский язык. Писала на нём статьи, пьесы, стихи. Углублялась в историю России до такой степени, что написала «Записки по российской истории»! Одновременно много читала и западноевропейской литературы, от романов до научных трудов в разных областях знаний. Особенно увлеклась идеями и сочинениями «энциклопедистов» Франции, вела переписку с Вольтером, Даламбером, Дидро (он потом был даже назначен заведующим Императорской библиотекой), другими «просветителями». И, конечно, в связи с этим вполне *сочувствовала российскому масонству*. Оно отвечало Екатерине взаимностью. К 1761 г. жена Наследника Престола из тихой, скромной немочки, от которой никто поначалу не мог ожидать ничего существенного для государства, превратилась в высокообразованную, мудрую, наладившую ценные связи женщину, казавшуюся всем совершенно своей, то есть *русской* (что было совсем не так, как мы после увидим!). Эта кажущаяся русскость Екатерины и её опора на дворянство, прежде всего — на гвардию, предопределили её будущие успехи. А пока, до 1761 г., её личная жизнь оказывалась на редкость тяжёлой. Властная Елизавета Петровна, не очень ценившая Екатерину, отняла у неё сына Павла Петровича, стараясь сама его растить и воспитывать, чем и положила начало тому отчуждению, какое удивляет многих в отношениях матери — Екатерины II и сына — Павла I. А муж Екатерины — Наследник Пётр Фёдорович совершенно к ней охладел, фактически перестав быть мужем. Трудно поэтому и винить Екатерину Алексеевну в том, что она возымела «тайную» связь с графом Григорием Григорьевичем Орловым, что было вполне в духе придворных нравов тех лет. Разлад между Петром и Екатериной дал повод некоторым видным людям желать воцарения в будущем не Петра, а его жены. Узнав о таких настроениях, Елизавета Петровна расценила их как заговор против законного Наследника Престола. Смещены были со своих должностей некоторые вельможи, в том числе — Бестужев-Рюмин. Канцлером стал М.И. Воронцов. Испугалась ареста и заточения и сама Екатерина за тайную переписку свою с заговорщиками. Но Елизавета не тронула её. Пред Рождеством 1761 г. петербургская «блаженная», то есть юродивая Христа ради Ксения, тогда уже многим известная, как угодница Божия, стала советовать знакомым «печь блины», ибо, как она говорила, «вся Россия скоро будет печь блины»... Тогда блины ещё были едой, главным образом, поминальной, заупокойной, как и велось в славянстве с языческих пор. И, действительно, в самое Рождество 1761 г. Императрица Елизавета Петровна скончалась. На Российский Престол вступил Император Пётр III-й Фёдорович. Тотчас он прекратил военные действия против Пруссии, отозвал оттуда русские войска и заключил мир с Фридрихом II, по которому Россия отдавала Пруссии всё, что было у неё отвоёвано в ходе Семилетней войны. Фридрих не знал, как благодарить Провидение за столь неожиданное счастье. А Российская общественность с редким единодушием внутренне восстала против Петра III, расценивая его деяние как позорное и даже предательское по отношению к интересам России. Участь этого Государя была в основном предreshена ещё до вступления его на Престол. Однако теперь он как бы подлил масла в огонь, делая свою кончину просто

неизбежной. Возможно, правы те, кто упрекает Петра Фёдоровича в легкомыслии и небрежении к государственным делам. Будь он внимательней к себе и к тому, что происходит вокруг него в обществе, он, возможно, сумел бы выправить положение. Но важно понять, что его легкомыслие проистекало не от ограниченности и тупости, как представляют некоторые, а от беспечности и доверчивости, поистине какого-то детского характера. Государь был «большим ребёнком». Он наивно думал, что его защищает само положение Императора, избавляющее от обязанности *угождать* кому-либо из подданных, или *зависеть* от них. Он продолжал «ребячиться» и после вступления на Престол; его кутежи, выходки, слабости тут же становились предметом злобных нападок и осуждений в «обществе». В такой обстановке Пётр III упразднил ненавистную всем Тайную канцелярию, а также издал знаменитый «Указ о вольности дворянства» 1762 г.. Указа давно ждали и жаждали! Он полностью *освободил* дворян от *обязательной службы* государству, прежде всего — военной. Казалось бы, дворянство российское должно было проникнуться безграничной благодарностью Императору. Но нет! Приняв от Петра III «вольность» как нечто должное, верхушка дворянства осталась в глухой оппозиции ему.

Мы видели, что нити заговора против Петра III начали сплетаться ещё при жизни Елизаветы Петровны. Средоточием заговора стала Екатерина. И, если рассмотреть все обстоятельства такого устремления, то нельзя будет в них найти никакой иной главной причины заговора, кроме именно *внутренней независимости Петра III от дворянства*, которая проявлялась и во внешних его действиях и в намерениях. Кроме тех оскорблений гвардии, о которых мы уже упомянули, Пётр III осмелился «без спросу» ввести для неё новую форму по прусскому образцу, которую встретили «в штыки», как неудобную и как унижительную (после побед над Пруссией), а так же объявить гвардии о приготовлении к походу на Данию. Этого вовсе не желали гвардейцы, так как речь шла о защите владений Петра III в Европе, как герцога Голштинского от мнимых притязаний датского престола. При Петре III на видных постах вновь появились немцы, что напоминало «бироновщину». В то же время в 1762 г. Пётр III издал ещё один чрезвычайной важности указ — *об изъятии у Церкви управления её земельными имениями* и передаче управления в Коллегию Экономии. Это было началом «секуляризации церковных земель» (то есть отнятие у Церкви её недвижимых имуществ), которую и намерен был осуществить Пётр III. Духовенство запротестовало! Но Император совершенно пренебрёг протестом, обнаруживая также полное непонимание Православной Веры и Церкви и равнодушие к ним, настроив тем самым против себя и церковное руководство России. Такими неосторожностями и просчётами Государь невольно сам поспособствовал тому, что *решающая масса* российского общества собралась *против него*. Через два года Екатерина II доделает то, что начал её муж, — осуществит полную секуляризацию церковных земель, и духовенство будет страшно недовольно! Но останется верной Екатерине гвардия, и решающая масса общества *не соберётся* против неё. Может быть, недовольные Петром III не решились бы на действия, если бы не два намерения Императора, почти совпавшие по времени, — его желание *расформировать гвардию* по разным армейским частям и *расторгнуть брак* с Екатериной Алексеевной, взяв себе новую жену — полю-

бывшуюся дочь канцлера М.И. Воронцова. Тут-то и пришли в *полное единство* интересы гвардии и Екатерины! Нужно было или покоряться Промыслу Божию, или действовать незамедлительно вопреки закону. Решились на последнее. Движущей силой заговора стало, конечно, масонство и при этом не только русское. Есть сведения, что в деле принял участие знаменитый французский масон граф Сен-Жермен, находившийся в 1762 г. в России. Позднее, в 1774 г. в Нюрнберге Г. Орлов имел с ним дружескую встречу, называл «каро падре» («дорогой отец») и говорил, что Сен-Жермен много содействовал успеху переворота. Свидетелем встречи, описавшим её, был маркграф Аншпахский. Руководство действиями взяли на себя два лихих офицера — братья Алексей и Григорий Орловы (последний уже был в личной связи с Екатериной).

28 июня 1762 г. Орловы с отрядом гвардейцев вывезли Екатерину из Петергофа в Петербург, где заговорщики располагали поддержкой примерно 10 тысяч солдат гвардии и других военных частей. При вступлении в столицу на сторону Екатерины стали переходить почти все войска. Днём они собрались на площади у Зимнего дворца и присягнули на верность новой Государыне. То же начали делать и некоторые учреждения. Народу был объявлен манифест, провозглашавший Императрицей Екатерину, а её сына Павла Петровича — Наследником Престола. Беззаконность такого акта была вопиющей и для многих неожиданной, так как высшие сановники из заговорщиков планировали другое — провозглашение Императором именно *Павла*, как сына и наследника Петра III, при *регенстве* матери — Екатерины, что соответствовало бы законам и обычаям престолонаследия. Впрочем, о законах и обычаях можно было бы говорить не при этих обстоятельствах. Решившись на *переворот*, то есть на беззаконие — *насильственное свержение* Монарха, которому присягали на Кресте и Евангелии, одни заговорщики тут же столкнулись с беззаконием других, пожелавших в обход правил и обычаев посадить на Престол *снова женщину*, а не её сына...

При объявлении манифеста общество Петербурга ликовало. Народ безмолствовал. Он уже давно был сбит с толку и *отброшен от всякого участия в делах своих Государей*. И это — *к лучшему* для народа, так как он перестал отвечать за то, что творилось, начиная с Петра I, около Царского Трона!

Того же 28 июня войска во главе с новой Императрицей, ехавшей верхом, и одетой в мундир Преображенского полка, двинулись на Ораниенбаум, где находился Пётр III с батальонами голштинских солдат. Узнав о перевороте, он не смог решительно сопротивляться, но испугался, как ребёнок, и полностью предался в волю бунтовщиков. 29 июня он подписал документ о «добровольном» отречении от Престола. Его отправили в одно из царских загородных имений на мызе в Ропше под присмотр Алексея Орлова. Екатерина наказала ему беречь мужа как зеницу ока. Но 6 июля 1762 г. во время обычной выпивки с офицерами охраны возникла ссора и Государь Пётр III Фёдорович был убит. Рассказывают, будто в устном докладе об этом Екатерине II Алексей Орлов передал дело так: «Заспорили, матушка, гляжу я — а он уж и помер!..» Этот Орлов был сущий богатырь. Один лишь взмах его огромного кулака мог убить, кого угодно... Екатерине было и выгодно и не выгодно смерть отрекшегося Императора. Но больше всё же — выгодно! Поэтому многие полагают, что

убийство явилось преднамеренным (Орловы *поняли, что* нужно Екатерине на самом деле). Однако полностью исключать случайности происшедшего тоже нельзя. Можно лишь с уверенностью сказать, что Екатерина хотела смерти Петра. Алексей Орлов много лет спустя начал, кажется, приходить *в настоящее покаяние*. Ибо после блестящих побед, одержанных им во главе Российского флота над турками (в том числе в знаменитом сражении в Чесменской бухте), После лихой авантюры похищения из Италии мнимой княжны Таракановой, в зените славы и в расцвете сил А. Орлов добровольно без видимых причин *ушёл от всех государственных дел*, затворился в своём имении и там дожид до конца земной жизни, занимаясь семьёй и хозяйством.

Глава 19

«РЕВОЛЮЦИЯ» ЕКАТЕРИНЫ II.

Переворот 28-29 июня 1762 г. Екатерина II и её сподвижница и подруга княгиня Екатерина «малая» — Дашкова называли с гордостью иногда «революцией». Не знали они, каким ужасом для России отзовется потом и это словечко, и то, что они им обозначили (свержение законного Царя)...

Так с сего момента началось царствование Екатерины Алексеевны II-й, которая, как и Пётр I, при жизни получила звание «Великой». И началось с преступления и *обмана*, ибо всенародно о смерти Государя Петра III было объявлено, что он скончался от «геморроидической колики». Посмотрим, как дальше Промыслом Божиим в сочетании со свободной волей людей сплетались узоры важнейших событий истории.

В первые же дни (!) своего правления Екатерина II решала следующие важнейшие дела:

1 Награждение всех деятельных участников «революции».

2 О недостатке денег в государственной казне.

3 О разрешении евреям въезжать в Россию.

4 О церковном (монастырском) землевладении.

В этих делах, в отношении к ним Императрицы сразу наметились и обозначились основные направления и особенности её правления.

Награждения были очень щедрыми! Все получили владения с крестьянами (от 300 до 800 душ крепостных), многие были повышены по службе, получили ордена, иные получили новые титулы, иные — дворянство, другие — пожизненные пенсии (5000 руб. в год), или одноразовые денежные награды (от 10000 до 24000 руб.). Григорий Орлов стал камергером, Алексей Орлов — секунд-майором Преображенского полка, Фёдор Орлов — капитаном Семёновского, княгиня Дашкова сделалась кавалером ордена св. Екатерины, купцы братья Фёдор и Григорий Войковы (основатели *театра* в России) получили дворянство и по 700 душ крепостных...

В первом же своём присутствии в Сенате 1 июля 1762 г. Екатерина II слушала дело о нехватке казённых денег и заявила, что отдаст свои *личные* «комнатные деньги», ибо она, «принадлежа сама государству», считает всё своё «собственностью государства» и теперь и на будущее. Услышав это, сенаторы *встали* и со *слезами* на глазах благодарили Государыню. Она, действительно, стала потом давать иногда эти свои «комнатные», но, как выясняется,— *взаймы!*...

«Еврейский вопрос» вызвал у неё поначалу затруднение. Екатерина сразу была убеждена, что запретить евреям въезд в Россию *невозможно*, нужно разрешать. Но она полагала опасным делать это в самом *начале* своего царствования, так как понимала, что имеет дело с русским народом, «народом религиозным», который видит в ней «защитницу православной веры», что духовенство крайне возмущено указом Петра III об отобрании у Церкви земельных владений. К тому же ей показали резолюцию Елизаветы Петровны на деле о въезде евреев: «От врагов Христовых не желаю корыстной прибыли». Дело было отложено, но только на время. Потом Екатерина II *разрешила евреям свободный въезд*. Так впервые после более чем 250-летнего запрета, еврейская струя хлынула в Великорусскую жизнь! Роковую роль в этом отношении сыграли также *Раздел Польши*, захват Курляндии и Крыма. С присоединением этих земель в Российской Империи сразу оказалось очень большое количество граждан — евреев...

Что же касается церковных, или, как тогда говорили «монастырских» земель, то сначала, в 1762 г., Екатерина II *вернула* их Церкви, отменив указ Петра III, а в 1764 г. *вновь отняла* их по собственному указу, упразднив при этом *множество монастырей*. А ведь в своём манифесте о восшествии на Престол Екатерина публично поставляла в вину Петру III в частности именно то, что он дерзнул «древнее православие в народе искоренять своим самовластием», «начал помышлять о разорении и самих церквей»...

С 1764 г. Екатерина сама стала величайшей в истории России *разорительницей* Церкви. Она отняла у неё всего около миллиона крестьян. И в те же самые времена как раз тоже около миллиона ранее *свободных* (в основном — государственных) крестьян раздала и в полную *личную собственность* дворянам-помещикам! Говоря (и не раз!) на *словах* о своём несогласии с крепостным правом и «рабством» крестьян, не кто иной как именно Екатерина II впервые в Российской истории назвала русских крестьян «*рабами*» и установила полное *крепостное право*, то есть полную власть помещиков над их крестьянами, как личной, частной собственностью. Так, при ней возник тот «*тёзор России*», с которым лучшие люди страны боролись, затем чуть ли не целых сто лет! Вместе с тем Екатерина II могла предлагать созданному ею «вольному экономическому обществу» учредить *премию* за сочинение на тему о том, как лучше осуществить *отмену крепостного права*... Что всё это значит?!. Откуда такая двойственность, как бы двуликость политики?!

В первые дни своего правления Екатерина писала Станиславу Понятовскому (будущему Польскому королю): «Меня *принудят* сделать ещё тысячу странностей; если я уступлю,— меня будут *обожать*; если нет, то не знаю что случится»... Опасностям, связанным всегда со служением правде Божией и собственным убеждениям, она предпочла *уступки* с целью добиться «обожания»,

точней — почти *обожествления*, по крайней мере явного *культа* своей личности! Этот культ стал создаваться умышленно, осознанно *сразу*. В первый же год правления Екатерины II Сенат обсуждал вопрос о создании ей *памятника* и присвоении звания «Мать Отечества», а в 1767 г. она была уже объявлена «Великой» (и всё это *задолго* до побед над Турцией, Польшей и проведения громких реформ!). Торопились уподобить её Петру I. Многие в «обществе» стали действительно прямо-таки обожать Екатерину II до слёз, величать её «матушкой», слагать о ней легенды, воспевать в одах и гимнах так, как ни одного другого Самодержца, кроме Петра I. Возникало вновь некое *наваждение*. Никто не мог позволить себе усомниться в её величии, несмотря на то, что всё её царствование представляло собой, как она и сама сказала, «*тысячу странностей*». Екатерину очень часто принуждали делать то, что противоречило её взглядам, или даже ранее совершённым делам. Принуждение не следует понимать слишком буквально (хотя иногда оно было именно таковым). Императрица должна была исполнять волю определённых сил, но делала это не механически, а стараясь вырвать у них и для себя кое-какие возможности. Что это были за силы, мы знаем. Во-первых, — *дворянство* с его военной *организацией*, гвардией, посадившей Екатерину II на Всероссийский Престол. Во-вторых, — *масонство* с его тайными *организациями*, связанными с «братьями» в Европе, идеям которых вполне сочувствовала Екатерина II под влиянием Вольтера, Руссо, Дидро, Монтескье, Даламбера и иных «просветителей» — масонов, сочинения коих ей так полюбились. При ней в России бывают знаменитейшие граф Сен Жермен и граф Калиостро — член самого чёрномагического оккультного масонского течения и одновременно — розенкрейцер. Теперь мы видим, как Екатерина призывает и третью силу, способную исподволь *принуждать*, — *еврейство* с его *капиталами*, от которых многое будет зависеть в России, и тоже имеющее свою мировую *организацию* — Синагогу, раввинат, который управляет еврейством, несмотря на разность течений (учений) религии талмудического иудаизма.

Очень искусными средствами Екатерина сумела добиться того, чтобы не был создан при ней Совет высших сановников — дворян, ограничивавший её самовластие (а такого Совета хотели многие, в том числе граф Н.И. Панин). Кажется, здесь Екатерина II смогла победить. Но нет! За «победу» ей пришлось платить тем, что в политике внутренней она *сама* должна была делать то, что угодно и выгодно для дворянства. После страшной французской революции 1789 г., когда пред всем миром обнаружилось скрывавшееся ранее под маской красивых идей и призывов, вроде «свободы, равенства, братства», подлинное лицо масонства как кровавой и зверской тирании, Екатерина запретила в России масонские ложи. Некоторые видные их представители даже подверглись опале (например, публицист Новиков, архитекторы Казаков и Баженов, иные). Масонство тогда ещё не вполне укоренилось в России, не охватило ещё большинства дворян, или хотя бы их власть имущих «верхов». Поэтому русская знать и дворяне, вместе с Екатериной, ужаснувшись тому, что творилось во Франции, потеснили своих масонов. Но не слишком! Не так, чтобы вырубить их *под корень*! Любопытным памятником всем этим делам служит *недостроенный* дворец в Царицыно под Москвой, созидавший-

ся, как хорошо видно, в нарочитом соответствии с представлениями, вкусами и символикой франкмасонов (вольных каменщиков). Екатерина, взглянув на него, остановила строительство, не возобновившееся даже до сего дня!

1789 год заставил Екатерину II иначе взглянуть на Русскую Церковь, с её православным монашеством, понять их «полезность» для государства и сделать для Церкви ряд *послаблений* после периода притеснений, даже почти гононий. Во всех таких поворотах дел («странностях») обнаруживался *рационализм* Екатерины II, её очень холодная, деловая *расчётливость*, сочетавшаяся с определённой *широтой* и *страстностью* личности. Здесь едва ли не самая сильная «странность» её образа царствования. Разгадка заключается в том, что Екатерина II очень старалась только *казаться* русской, но отнюдь не смогла или не захотела быть таковой! На деле, в душе она всегда оставалась именно *немкой* со всем свойственным этой нации образом мышления.

Чтобы Екатерину II понять, нужно взглянуть на её отношение к Церкви и вере. Она была *набожной*. Первым путешествием Императрицы стало паломничество в Ростов на поклонение мощам прославленного в лике святых митрополита Димитрия Ростовского. И она, по её словам, «умирала боялась» чтобы «бешеный» Ростовский Владыка Арсений /Мацеевич/ не положил в новую раку мощи Св. Димитрия до её приезда. Это было в 1763 г., когда уже стала работать «комиссия» по описи церковных земельных владений с целью отнять их у Церкви. По стране катилась волна странных волнений монастырских крестьян, которые подавлялись военной силой, иногда с применением пушек. Волновалось и духовенство, архиереи. Но среди них не оказалось единства. Московский митрополит Тимофей, Ростовский Арсений и некоторые другие были против грядущей секуляризации, то есть отсечения от Церкви землевладений. Митрополит Новгородский Димитрий (Сеченов, или, как его тогда иной раз называли — Сеченый) во главе других во всём потакал властям. До каких степеней лицемерия доходило сие потаковничество! При Коронации Екатерины II в Москве в 1762 г. Димитрий (Сеченов) произнёс речь, где, в частности, объявлял «Божием делом» переворот 28 июня и говорил как бы от лица Бога (!): «Знал (Господь) пред Собою *чистое* (!..) сердце твое, знал *непорочные* (!) пути твои... Знаем (откуда?!) и все единодушно исповедуем, что ни глава твоя царского венца, ни рука твоя державы поискала *славы ради* или снискания высокой власти; но едина матерняя ко отечеству любовь, едина вера к Богу и *ревность к благочестию* (!) ... понудили тебя прияти великое сие... служение. Видела озлобление людей твоих; видела всё — и *воздыхала* (!), яко близ падения Церковь» (имеется в виду отмена указа Петра III об отобрании земель у Церкви)... Можно приветствовать Императрицу, сказать ей приятные, высокие, напутственные слова, но нужно же *знать меру* и не нужно *заведомо лгать*! О, архиереи-потаковники!. Сколько зла принесли вы Российской Земле! Презренные властолюбцы и корыстолюбцы не души свои полагали за Церковь и Родину, а Церковью и Отечеством жертвовали ради себя и гнусного своего тщеславия! Лицедеи и обманщики в архиерейских одеждах уже в те времена стали служить не Христу, а сильным мира сего. Мудрено ли, что их последователи и подражатели приведут в советское время иерархию к такому позору и сраму, каких никогда не бывало в истории!..

Меж тем, идя на поводу у давнишних желаний дворянства и знати, Екатерина II решила снять земли у Церкви. Среди архиереев нашёлся только один, кто открыто и громко выступил против этого. Им оказался Ростовский митрополит Арсений. Характера он был, в самом деле, весьма беспокойного, резкого, но это как раз и дало ему смелости заговорить тогда, когда все остальные молчали (кто из страха, а кто из угодничества). Арсений отправил в Синод два послания против секуляризации церковных земель. В них он, вспоминая сребролюбие Иуды, гонения на Церковь Юлиана Отступника, доказывал вредность правительственного мероприятия. По слову Арсения, оскудение монашества в России может, в конце концов, привести «к **атеизму**». Пророческое предупреждение; так потом и случилось! В посланиях Ростовского митрополита не было ни единого выпада лично против Императрицы; сильные сравнения употреблялись им для показа антицерковной сущности самого отъятия земель и сокращения числа монастырей. Но Екатерина II расценила это как «оскорбление (Царского) Величества» и неожиданно даже для своих вельмож поступила с Арсением крайне резко (чего обычно старалась всё-таки избегать). Повелевая предать митрополита церковному (точней — синодальному только) суду, Екатерина II оправдывала своё решение так: «Прежде сего и без всякой церемонии и формы по не столь ещё важным делам преосвященным (т. е. епископам) **головы секали**, и не знаю, как бы я могла содержать и укрепить тишину и благоденствие народа (умолча о защите и сохранении мне от Бога данной власти) если б **возмутители** не были наказаны» (из письма к А.П. Бестужеву-Рюмину). Арсений народ не возмущал, не устраивал заговора, или бунта; он высказал откровенно своё мнение через Синод, как положено. Но даже такое противоречие себе и своим деяниям в отношении Церкви Екатерина II расценила как «возмущение» в значении «**бунта**». Говоря о «сечении голов» она имела в виду казнь Ростовского же митрополита Досифея Петром I (предав **единичному** случаю множественное число). Но то была казнь по обвинению в **политических** преступлениях. Значит, с точки зрения Екатерины II, противоречие её деяниям даже со стороны православных архипастырей, которые **по долгу служения обязаны** противоречить Царям, если они обижают Церковь, или творят что-то иное, несовместимое с Православием, является преступлением государственным, политическим, недопустимым якобы для сохранения «тишины и благоденствия народа». Чрезвычайные лукавство и натяжки! Так не поступал даже Пётр I, умевший в духовных вещах терпеть открытые обличения архиереев. Пётр I был всё-таки русским, выросшим в русской православной среде, а Екатерина — рожденная в немецкой протестантской среде. Владыка Арсений в таких же резких словах в своё время писал Императрице Елизавете Петровне против секуляризации церковных земель (каковая тогда лишь обсуждалась) и Государыня Елизавета не расценила выступление Арсения как оскорбление её «Величества» или как бунт, ибо она тоже была и по плоти и по духу — Русской Царицей!

Церковные земли с крестьянами **в те времена**, при тогдашних порядках хозяйства, были материальным условием должной (относительной, разумеется, как всегда) церковной свободы и независимости **от государства**. Пётр I уже отнял у Церкви большую часть доходов с этих земель. Теперь отбирались самые земли. Но, кроме того, под предлогом бедности или малочисленности упразднялось

совсем, закрывалось множество русских монастырей. Оставшиеся или включались в «штатные» списки (государство брало их на своё содержание), или объявлялись «заштатными», им разрешалось существовать, но за счёт собственных только возможностей. Из более чем тысячи русских монастырей осталось в 1764 г. от 300 до 400 — одна треть! Остальные *две трети* были упразднены, или стали мирскими приходами. «Непоправимым ударом по русскому просвещению» назвал это впоследствии А.С. Пушкин. Против всего этого и восставал митрополит Арсений. За ревностную защиту интересов Церкви и Отечества он был лишён сана и сослан в Ферапонтов монастырь (где некогда содержался в ссылке патриарх Никон). И здесь Арсений не успокоился, продолжал писать против секуляризации. Тогда его лишили монашества и под именем «Андрея Враля» заточили пожизненно в тюрьме замка в Ревеле (Таллине), подальше от Великорусской среды... Тогда же подверглись опалам, но в меньшей мере, и некоторые другие епископы, не согласные с политикой Екатерины II (к примеру, митрополит Тобольский Павел).

Отнимая земли у Церкви, Екатерина II неплохо изучила внешнюю историю дела восходившую к концу XV—началу XVI веков, к спорам между «осифлянами» и «нестяжателями». Позиция Нила Сорского дала ей формальный довод в пользу секуляризации. Но Императрица хлопотала вовсе не о чистоте монашеского молитвенного подвига (как преп. Нил), а об уничтожении остатков церковной самостоятельности и об обогащении казны. Поэтому она должна была подыскать ещё и другие аргументы. Так она и сделала. В 1763 г. Екатерина II произнесла в Синоде сильную речь, в которой, польстив сначала «просвещённости» русских архиереев, она упрекнула их в пользовании такими богатствами, которые делают их «могущественными», что якобы противоречит их призванию как «наследников апостолов». «Как же можете вы,— говорила она,— пользоваться богатствами, не противореча своему положению, которое должно быть неразлучено с христианской бедностью? Как смеете вы без угрызений совести пользоваться такими имуществами и поместьями, которые дают вам могущество, как царям? Ах!..» *Лукавая демагогия*, слабость которой, видимо, понимала и сама Императрица! Поэтому тут же она перевела разговор в совершенно иную плоскость. «Я должна также льстить себя надеждой, что найду в вас особенно *преданных моей короне верных подданных*. Если это так, то не умедлите же возвратить моей короне то, что вы *похитили* (!!!) у неё незаметно — постепенно»,— заявила Екатерина II российским архиерам, от изумления потерявшим дар речи... Церковные имения с глубокой древности складывались из добровольных пожертвований владельцев, в том числе и Великих Князей и Царей Российских, считались *жертвою Богу*, как бы Его достоянием, почему по канонам и соборным решениям Церкви подвергался *анафеме* всякий, кто покушался бы отнять у Церкви это достояние. Ныне же Екатерина II утверждала, что *все* имущества, в том числе и церковные, по природе вещей,— это *собственность государства* (короны). И тогда архиереи Церкви оказываются чуть ли не жуликами, «незаметно — постепенно» укравшими у «короны» эти имущества... Впрочем, последнее — тоже не более чем демагогическая риторика, но поражающая своей *наглостью* так, что и впрямь можно, открыв рот, не найти сразу нужных ответов (на что и рассчитана наглость!). Не рассказывать же «просвещённой»

Государыне историю России и её Церкви с древнейших времён! Не пояснять же духовную сущность Церкви и её отличие по *природе* от государства! Очевидно, что всё это теоретически Екатерина II знает сама, но *признавать не желает!* Она твёрдо исповедует европейский, немецкий, протестантский (и отчасти масонский) взгляд на вещи: *всё* в государстве есть его собственность, всё, в том числе и пастыри Церкви, — только *верноподданные* Монарха (который поэтому и является уже не Самодержцем, а *абсолютным* монархом). Но если так, то как быть с тем, что архиереи Церкви должны быть «наследниками апостолов», а значит — учить и самих монархов в делах церковных и духовных?! Никто тогда не заметил этого противоречия, никто не осмелился возражать, кроме Арсения Ростовского. Дело было решено и скреплено подписями самих же архиереев — потаковников и соглашателей, полностью *поработивших* себя государству, так что вопреки всем канонам и самому духу и смыслу святой Православной Веры и Церкви, жизнь последней во многом (хотя, конечно, далеко не во всём!) стала определяться светским, мирским началом общества — государством в лице его Императоров, а на деле — дворянством и знатью. В присяге Синода Императрица называлась «верховным судией» Духовной коллегии, в иных документах она величала себя «блюстительницей святой православной веры», а в письмах иной раз именovala себя и «главой Церкви» (в значении власти, то есть, что церковные власти должны подчиняться власти Императрицы).

Так одновременно с порабощением большинства Русского народа — крестьян произошло и порабощение его Православной Церкви.

Этого следовало ожидать. Это был естественный итог того, что в *душе* Великороссии *мирское* стало преобладать над *духовным*.

Только такое склонение *свободного произволения* Великорусской Души, такой её *выбор* и мог привести к тому, что с Петра I Россия начинает духовно и кровно родниться с Европой, с Западом, перестаёт быть Державою Русской, Державою Православной и *Самодержавной* в духе симфонии с Церковью, а становится Империей европейской, абсолютистской, которой уже всё равно, кто её возглавляет, — русский или немец, православный по сути, или по сути своей — еретик-протестант... Кроме того, поскольку в состав Российской Империи выходят отныне всё новые земли с *другими* народами *других* вероисповеданий, постольку отныне, с рубежа царствования Екатерины II, жизнь и история Великороссии *перестает совпадать* с жизнью и историей Российского государства. Это уже во многом разные жизни. Так что отныне можно вести речь об истории Великорусской народности, или лучше — народа в условиях, в рамках Российской Империи. Название *Российская* Империя, или «*Россия*» становится в значительной мере *условным*, указывая более на историческое происхождение государства, чем на его сущность.

Однако в этой новой Империи, в этой поистине *новой* России, Великороссия не падает сразу до уровня одной из многих народностей; она сознаёт своё *первенство* и *главенство* и поэтому ставит перед государством, и государями очень трудный новый вопрос: как намерены они совмещать интересы Великороссии и её Православной Веры с интересами и верами прочих народов, ставших ныне тоже — Россией, чем-то единым с ней?

Как стремилась решать этот вопрос Екатерина II, мы скоро увидим. А пока заметим, что духовный **выбор** Великороссии в пользу всего антидуховного, западного и мирского выражался прежде всего в выборе **решающей массы** «общества», или «общественности, каковая в основном представлялась «передовыми» дворянством и знатью, то есть не был сознательным решением всех поголовно русских дворян! Ещё во время Елизаветы Петровны (1741—1761 г.г.) не редкостью было в имениях русской знати соблюдение **древних** обычаев («Домостроя») вплоть до ношения допетровских старинных одежд хозяевами и помещиками. Но скоро французские моды вытеснили и эти последние черты русского быта в дворянстве. Он оставался в народе, в крестьянах.

В духовенстве, дворянстве и в родовитой знати при Екатерине II было однако немало противников европейского «выбора», в том числе **противников немки на Русском Престоле**. Некоторые из них говорили в **частных** беседах о незаконности власти Екатерины II и о желательности воцарения заточённого в Шлиссельбурге Ивана Антоновича. Екатерина II знала об этом. Знала также она, что **пока** это лишь разговоры и толки, не оформляющиеся в движение, в заговор. Но она не знала, **что** может быть в будущем — не восстанут ли против неё те же самые силы, что её привели на Престол? В этом случае они могли бы действовать в пользу Ивана Антоновича. С ним же было всё очень сложно и плохо! Заточённый в младенчестве Император Российский к 20-ти годам был доведён условиями тюрьмы до полного душевного расстройства. Править он никогда бы не смог. Но если бы это сделалось известным обществу и народу, то на голову царствующей Особы пало бы страшное обвинение в том, что Иван Антонович доведён до такого состояния! Он **в любом случае** оказывался опасен, нежелателен для Екатерины II. Как и в деле с её мужем Императором Петром III, кто-то эту нежелательность **понял** и начал действовать... В начале июля 1763 г. блаженная Ксения Петербургская начала горько плакать и, указывая на царский дворец, говорила: «там кровь, кровь! Там реки крови, каналы полные крови»... 5 июля 1763 г. подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Яковлевич Мирович, бывший в то время в карауле Шлиссельбургской крепости, отдал приказ караулу зарядить ружья и идти на освобождение Ивана Антоновича. Караул потребовал показать документ, по которому всё это творилось. Мирович прочёл заготовленный манифест о воцарении законного Императора Иоанна. Охрана последнего быстро сдалась, Мирович ворвался в её каземат, и ему показали мёртвое тело заколотого Ивана Антоновича. У его непосредственной стражи был тайный указ, данный ещё Петром III, подтверждённый потом и Екатериной (после того, как лично она повидалась с Императором-узником), что в случае попытки освобождения его, стража обязана тут же его умертвить... Мирович, увидя убитого Императора, сложил оружие, был арестован, с истязаниями допрошен и 15 сентября того же 1763 г. публично казнён на Обжорном рынке в С.-Петербурге. На эшафот шёл с достоинством и даже благоговением. Это была первая за многие годы публичная казнь... На следствии он показал, что действовал «сам собой», без всяких сообщников. Единственный сообщник его — офицер Ушаков перед всем происшедшим погиб в результате несчастного случая (утонул). Так что Василий Мирович действовал будто

бы совершенно один. Он намерен был привезти Ивана Антоновича в артиллерийскую часть в столице и здесь провозгласить Императором, то есть произвести с помощью военных такой же переворот, какой был сделан 28 июня предыдущего года Екатериной II-й. Нужно было быть сумасшедшим, чтобы без подготовительной работы в войсках и без сообщников, *одному* (!) попытаться такой переворот совершить. Но сумасшедшим Мирович не был. Значит, он просто *скрыл* тех, кто его направлял и, естественно, *обещал* и содействие воинских подразделений и политическое содействие. Но — кто? Это осталось загадкой. Впрочем, она в самых общих чертах разрешима. Достаточно знать, что перед этим Мирович вступил в *масонскую ложу*. Он был в сильной обиде на власть, потому что ему и его родне, как потомкам малороссийского казачьего полковника Мировича, изменившего вместе с Мазепой Петру I, было *отказано в* имениях и дворянских правах, несмотря на его усердные хлопоты. Это горькое недовольство Мировича и использовали масоны, вдохновив своего «брата» на попытку освобождения Ивана Антоновича с самыми «благороднейшими» намерениями. Связанный масонской *клятвой* хранить всегда в полной тайне дела и намерения ложи, Мирович взял всю вину на себя одного, но в самом ли деле «посвящённые» руководители ложи, высокого ранга дворяне, желали низложения Екатерины II? Как раз напротив, они хотели её *утверждения* и избавления от опасного узника, о чём говорят в совокупности все обстоятельства дела. День гибели Ивана Антоновича (5 июля) почти совпадает с днём гибели Петра III (6 июля). Не является ли это прозрачным намёком Екатерине II-й, что обе «случайные» смерти устроены одними и теми же её доброжелателями? Видимо, так. 1763 г.— это только в *начале* её правления, когда, при неясности будущего, ещё нужно было *всячески укреплять* «революционерку» на русском Престоле. Была ли замешана в убийстве Ивана Антоновича и в какой мере сама Екатерина II, остаётся неясным. В письмах она выражала крайнее удивление «дивами» в Шлиссельбурге и безпокойство последствиями. Но в её век уже многие (в том числе коронованные) особы научились очень искусно лгать и в письмах и даже в своих дневниках (здесь уж в расчёте не на современников, а на потомков!), так что верить таким документам на слово нет никакой возможности.

Мы должны обратить внимание на то, что духовный выбор Великороссии в пользу всего земного, мирского и суетного против духовного и церковного совершался не только в дворянстве, но и в массах народа, в крестьянах. Уже отмечалось, что в середине XVII-го столетия стал заметен отход части русских крестьян от *религиозного* восприятия земледелия, своего труда на земле, заменяясь восприятием *рациональным*, — как источника вещественного благополучия, а то, если можно, — и *прибыли*. В XVIII веке процесс продолжался и приводил к тому, что *деревня всё более разделялась* на крестьян предприимчивых, богатевших, и крестьян не умевших, да и не хотевших (!) суетиться о тленных вещах, и потому нередко бедневших. Бедные стали наниматься работать к своим же богатым крестьянам, или уходить в город на заработки, или бежать от гнёта помещиков и «своих» богатеев на окраины государства, в крайних случаях, подаваясь в разбойники. Массовому обнищанию крестьян содействовало не в последнюю очередь всё возраставшее под влиянием двора стремление к роскоши и пышности в дворянской среде. Постройка усадеб на европейский лад, французские туалеты,

украшения и безделицы, большая прислуга, «выезды» и т.п. стоили очень дорого! Помещики начали «драть три шкуры» с крестьян, теперь ещё и ради всех этих безделиц, почитавшихся обязательными для «благородных». Поясним, что, говоря о богатых крестьянах, мы не имеем в виду просто зажиточных, «крепких» крестьян. Последних всегда было много, иной раз — большинство, и они, как правило, являлись людьми вполне добрыми, совестливыми, подлинно православными. Но чтобы в условиях крепостного права крепостному крестьянину на виду у своего господина стать не просто зажиточным, а *очень богатым* (так что иной раз давать взаймы барину!) — для этого нужно было быть человеком, *особо пристрастным к богатству*. С другой стороны, бедность сама по себе далеко не всегда свидетельство православности. Нередко (хотя тоже совсем не всегда, не как правило) бедность бывала следствием лени, пьянства или иных пороков. Чтобы в условиях православной веры народа стать, к примеру, разбойником, тоже нужно было быть человеком *особым*, могущим заглушать в себе голос совести. Всё же в общем и целом сильное и заметное *разделение* русской деревни (да ещё если она — помещичья, где все — одинаково *крепостные*) на богатых и бедных — это явление, говорящее об *отходе* от устоев Святой Руси значительной и внушительной части «простого» народа.

А на Престоле была Императрица, всерьёз хотевшая облагодетельствовать «эту страну», «этих русских» своими мудрыми просвещёнными полезностями. Ею было задумано великое и действительно очень нужное дело — составление нового *свода законов*, ибо ни Пётр I, ни его преемники, не дали России нового законодательства, действовало до сих пор (!) Уложение 1649 г. Царя Алексея Михайловича... В 1767 г. Екатерина II созвала свои знаменитые комиссии для составления нового Уложения, состоявшие из выборных депутатов всех сословий России, кроме крепостных крестьян. Это было нечто среднее между Земским Собором и Парламентом. Комиссии сами ничего не решали и не имели права решать; они могли только подавать предложения на основе обсуждения «наказов» от разных сословий разных мест государства, привезённых с собой депутатами. И всё же впервые почти за сто лет после Земских Соборов в России собралось совещание представителей *всей «Земли»!* Ему, этому собранию, Екатерина II направила и собственный свой «Наказ», составленный в духе гуманизма французских «просветителей». Поначалу «Наказ» был довольно обширным и уж слишком гуманным. Вельможи «принудили» Императрицу его исправить и сократить. Она это сделала. Но даже в исправленном в пользу дворянства и сокращённом виде, будучи издан в Европе, «Наказ» Екатерины II был там *запрещён*, как слишком опасная либеральная книга! Не пригодился он и в России. Нового свода законов не было создано: комиссии не сумели привести к «общим знаменателям» великое множество совершенно разноречивых и противоречивых «наказов». Но они всё же принесли несомненную пользу именно тем, что представили откровенно всю многоголосицу российской жизни... К устройству или переустройству разных сторон государственной и общественной жизни Государыня приступила потом сама, без «комиссий», в совете лишь с теми, кто почему-либо нужен был ей для совета. Работа комиссий, особенно второй, долгосрочной, *впервые* обозначила новое явление жизни России, о которой мы уже говорили, — поставление интересов «Отечества», государства превыше всех

духовных и церковных русских интересов и целей. Екатерина II по поводу этих комиссий писала Вольтеру: «Я думаю Вам бы понравилось сидеть за столом, где сидят *вместе православный, еретик и мусульманин*, спокойно слушают голос *идолопоклонника* и все четверо совещаются о том, чтоб их мнение могло быть принято всеми». Для подтверждения этого она готова была послать Вольтеру 640 подписей «с подписью епископа во главе». В ответном письме Вольтер восхищался тем, как Екатерине II-й удалось сделать духовенство «полезным» (!) и «послушным»(!). Однако поскольку такие поистине «*экуменические*» совещания к единому мнению все же не привели, то выражение *общих интересов* империи (во всех областях бытия) должна была взять на себя и взяла непосредственно царская власть. *Всё* теперь стало зависеть от того, *каким духом, какими устоями* руководствуются *Российские Императоры*, что видят они *целью* правления!

Совета с «Землёй» у Екатерины II не получилось (вряд ли она и хотела такого совета). Слишком уж *многоликой* стала теперь «Земля», называемая Россией. Из работы комиссий Императрица вынесла только один урок: она должна действовать *вместе с российским дворянством* и в угоду ему, если хочет остаться у власти и при этом прославиться (достичь «обожания»). С точки зрения православной, духовной дворянство не было, как уже говорилось, одинаковым. Множество русских дворян (если не большинство!) всё же были людьми *в душе* своей русскими и православными! Но *такое* дворянство не нашло в себе сил и желания стать на путь *вероисповедного подвига*; оно послушно пошло вслед за *другим* дворянством, организованным в гвардии, в масонстве, тянувшим Россию в сторону Западных Вавилонских идей и стремлений.

Поэтому, *отмечая различие* в Великороссийском дворянстве, мы всё-таки вынуждены говорить о нём, как о *едином* сословии, теперь уже становившемся не только привилегированным, но в значительной мере и *правлящим*. В совете с высшими его представителями и решала Екатерина II важнейшие государственные дела. Реформы Петра I в области государственного и местного управления большей частью не отвечали реальностям, были искусственными и сразу после его кончины начали исправляться. Свой вклад в переделку внесла и Екатерина II. При ней почти совсем исчезли «коллегии» (остались Иностранная, Военная и Морская). Зато большее значение приобретал Сенат. Он был разделён на 6 департаментов, ведавших разными видами дел. Во главе каждого стоял обер-прокурор, во главе всех — генерал-прокурор. Синод приходилось всё-таки выделять в особое «ведомство». Усовершенствовалось деление страны на губернии, уезды и волости. В них упорядочивалось *сочетание* представителей государства с местным выборным самоуправлением. Особенное самоуправление получило дворянство. Оно объединялось в «собрания» под начальством выбранных им «предводителей». Под контролем дворянства оказывался высший «Земский суд», так что власть на местах всех уровней получила зависимость от правящего сословия. Дворяне (и только, они) получали право в особых случаях апеллировать прямо к Монарху. Упорядочились и введённые Петром I «ревизии», в сущности — периодические переписи населения с целью налогообложения, для чего каждый раз составлялись «ревизские сказки» (показания граждан об изменении состава семей и показания помещиков о составе

подвластных крестьян). Продолжилось упорядочение судопроизводства, которое ныне уже совсем не касалось большинства русского народа — **крепостных крестьян**. Указ Петра III «О вольности дворянства» был Екатериной II восполнен рядом других узаконений в пользу этого сословия, завершённых «Жалованной грамотой дворянству» 1785 г.. Дворяне получали право владения землями **и крестьянами** как своей полной и наследственной собственностью (само «дворянство» теперь также передавалось по наследству, поскольку дворяне совершенно освобождались от обязанности служить где-либо). Они могли **без суда** отправлять своих крепостных на каторгу, применять к ним телесные наказания, покупать и продавать крестьян («выменивать на борзых»...). Екатерина II запретила только продажу семейных крестьян поодиночке: (а это стало уже обычным) и повелела продавать семьями. На практике же это узаконение нарушалось сплошь и рядом. Наказывалась (и то в самых редчайших случаях!) лишь некая сверхжестокость по отношению к крепостным, садистское мучительство и убийство, поскольку сие всё же претило «моральному чувству» дворян, почитавших себя «просвещённым» сословием. На жестокость «обычную» вовсе не обращали внимания, она была в порядке вещей. Крепостные уже **не присягали** Царям, от них не принимались свидетельства на суде и сами они в суд подавать не могли. Вся их жизнь, судьба, их земля и имущество оказались в личной собственности помещиков. Запретив переход крестьян от господ в Малороссии, Екатерина II тем самым начала распространять **крепостное право и на Украину**.

Но при таком положении вещей нужно было как-то **воздействовать** и на дворянство с целью привлечения его к добровольной службе, образования и смягчения нравов! В докладе Сената Екатерине II утверждалось, что для привлечения к службе не нужно никаких особых мер, так как достаточно «одного тщеславия» дворян! — В высшей степени важное свидетельство! Нажимая на **эту** опору, Государыня всё же не отказалась и от «приманки» иного рода: за успешную службу дворяне щедро жаловались новыми землями с крестьянами (особенно в областях, **завоёвываемых** или присоединяемых к России), повышением в должностях, крупными денежными наградами, разными особыми льготами. В то же время усиленно повторялись очень красивые, громкие фразы о «службе Отечеству» как **высшей дворянской доблести**. Лозунги действовали, ибо подкреплялись двойным средством, — различными почестями и материальными выгодами. Третьей мерой воздействия на дворян считалось **образование**. Екатерина II вполне в духе европейского просветительства полагала, что можно вырастить «новую породу» дворянских отцов и матерей путём обучения наукам, искусству и путём особого воспитания. Созданы были закрытого типа учебные заведения для юношей и для «благородных девиц» (Смольный институт). Поощрялись гимназии, различного уровня училища, «пансионы», частные учебные заведения. Екатерина впервые ввела в России **бумажные** деньги! Они лишь **обозначают** определённую **стоимость**, сами по себе таковой **не являясь** (бумага — только бумага!). В этом тоже — известный подлог, обман, придуманный как раз масонами. Поощрялось развитие промышленности и торговли. Не хватало, правда, рабочих. Но Екатерина разрешила дворянам строить заводы и фабрики, заниматься торговлей, используя труд крепостных. Однако

промышленность и торговля не стали «дворянскими»; редкие из дворян все-рьёз занимались этим, предпочитая не утруждаться, а получать всё *даром* от труда крепостных на земле. Другое дело — купечество! Оно сделалось очень активным. Не будучи «благородными» по происхождению, посадские люди становились предпринимателями и составляли себе состояние только своими способностями и сноровкой. Русская купеческая торговля распространилась до Монголии, Китая, Японии и северной части Тихого океана, вплоть до Американского континента! Курские купцы Иван Илларионович Голиков и Григорий Иванович Шелихов на свои капиталы основали постоянные поселения на Аляске, прилегающих островах и в Северной Калифорнии, создали знаменитую Российско-Американскую Компанию и добились, чтобы в эти места в 1793 г. была отправлена первая русская духовная миссия, положившая начало Крещения и просвещения коренных народов Америки светом Православия и достижениями российской культуры. Скоро здесь явились и святые: преп. Герман Аляскинский, священномученик иеромонах Иувеналий, святитель Иннокентий (Вениаминов), мученик Пётр алеут. Расширялась торговля и в странах Европы. Всё это пополняло казну государства и приносило славу Екатерине II, объявлявшей всё это и *славой России*. Но славой России на самом деле были отнюдь не доходы и не утверждение императорской власти, а *совсем другое* — большей частью произвольное (вместе с движением русских людей), а иногда и сознательное (через духовные миссии) распространение *святой Православной Веры* и самого Православного духа Святой Руси в тех народах и землях, которые присоединялись к России, куда доходило её влияние.

Итак, реформы внутренней жизни России направлены были на *всемерное укрепление личной власти Екатерины II через укрепление положения и власти дворян*. Так как делалось всё это за счёт народа, то не удивителен и «ответ» с его стороны. Он состоял в окончательном духовном *отчуждении* народа от власти. Большая часть Руси просто и благородно *смирилась* со своим положением, уповая на Промысел Божий. Другая часть русских пристрастилась к *лукавству, к игре, двоедушию*; здесь стало в обычае презирать господ и *исподтишка* издеваться над ними, их нелепыми модами и поведением. А иная часть населения начала *бунтовать*. Пушкин назвал «русский бунт» — «безмысленным и безпощадным». Безпощадным он часто бывал. Но никогда (с самых древних времён!) не бывал безмысленным!

Мы упоминали уже о «странных» волнениях монастырских крестьян *накануне* их передачи под власть государства. Странным было здесь следующее. Невесть откуда в среде этих крестьян появились в 1762—1763 г.г. «агитаторы», имевшие на руках подложные тексты царского манифеста и указа Сената о том, что крестьяне будто бы получают «свободу» и теперь не только личные, но и монастырские имущества передаются им, а чиновники и церковные власти *скрывают* это от них. Возмущившись «обманом», крестьяне начали грабить имущества церквей и монастырей. Правительство в «праведном гневе» подавляло бунты вплоть до применения пушек. Но оказалось, *обман* заключался в другом... Бунты эти как раз и стали официальным *предлогом* для Екатерины II, как сама она и писала, чтобы отнять имения и земли у Русской Церкви, то есть бунты были ей *выгодны и нужны!*.. Происходила тогда и иная «странность»: один за одним стали в

больших пожарах *сгорать русские города* (особенно те, что являлись губернскими). Немедленно после пожаров появлялись «высочайшие» утвержденные планы-проекты новой застройки старинных городов, придававшие им не только совершенно *новый облик*, но разрушавшие *древнерусский уклад* городской жизни! Ранее русские города представляли собой совокупность посадских и пригородных слобод, центрами коих являлись храмы, а слободы были естественно их *приходами*. Слободы-приходы объединялись общегородским «правильным» иди «регулярным» центром тоже непременно с кафедральным (соборным) храмом. *Жизнь* каждой слободы (а, значит, и города в целом) была тем самым жизнью Православной *церковной общины*, где центром жизни был храм (с площадью для собраний и кладбищем), а вокруг него теснились дома прихожан, связанных именно церковно-приходскими отношениями прежде всего. Такие приходы-слободы в городах являлись и *административными* единицами и первые «ревизские сказки» составлялись как раз по *приходам*. После «сгорания», по новым планам, городские и пригородные слободы уничтожались, вводилась новая европейская планировка более или менее прямых взаимно-пересекающихся (сеткой) улиц, деливших единую теперь площадь города на кварталы. И административной единицей, а также центром жизни людей становился уже не храм, а *бездушный квартал*. В центре города разрешалось строить только каменные (кирпичные) дома, а деревянные — на окраинах. Это сразу *расселяло, разъединяло* бывшие приходы-общины русского города, так как не все прихожане могли построить себе кирпичные дома... Так, под «благовидным» предлогом придания городам большей красоты, уничтожались основы и традиции Великороссийской православной жизни в городах. Просто до гениальности! Если вспомнить, что мастерами-архитекторами, составлявшими новые планы городской застройки при Екатерине II, были «*мастера*» *масоны*, то нельзя не отдать им должное в искусстве обманывать русский народ и потрясаяще быстро уничтожать коренные устои его быта и жизни, исподволь, под «благороднейшими» предложениями! Как видим, многие «странности» правления Екатерины II слагаются в целую цепь провокаций, с помощью которых она и силы, её поддерживающие, достигают своих духовно-политических целей. Но «концы» так ловко спрятаны «в воду», что часто не ясно — была ли провокация следствием действий демонических сил, по Божию попущению, создававших выгодные *случаи*, или она была следствием продуманных действий. Так или иначе, Екатерина II *играла с огнём* (вплоть до буквального смысла слова). И тогда уже совсем не странно и не загадочно, а вполне закономерно и естественно, что она получила в ответ страшный *огонь* восстаний!

Они начались с Москвы в 1771 г., когда здесь появилась *чума* (тоже — Божие наказание!). Бедствие приняло ужасные размеры, в день умирало по 500—600 человек. Народ, москвичи, как бывало всегда в таких случаях, обратились за помощью к Богу, ко Христу, к Пресвятой Богородице, каясь в грехах и стремясь к церковным таинствам, службам, иконам. Но тут у них на пути стал не кто-нибудь, а «православный» архиерей Владыка Амвросий (Зертис-Коменский). Он был из малороссов-приспособленцев и сторонников светских наук. Священникам было запрещено причащать умирающих больных, отменялись богослужения в храмах, дабы избежать скопления народа у чтимой Боголюбской иконы

Матери Божией, запрещались молебны пред этой иконой. Сия икона была снята со своего места у Варварских ворот Китай-города и поставлена в церкви, но к ней не разрешали прикладываться устами. Тогда москвичи взбунтовались. Амвросий попробовал скрыться, переодевшись даже в мужицкое платье, но был найден, убит, а богатства его, которые он накопил в изрядном количестве, были разграблены. Разбивали и грабили склады и магазины. Московские власти не справились с бунтом. Императрица послала на усмирение Григория Орлова. К концу года он справился. Но в это же самое время, в 1771 г. вспыхнул бунт на Южном Урале, на р. Яике в среде казачества, которое подвергалось тогда той же участи, что Донское казачество при Петре I. Происходило подчинение казаков государству и закабаление, лишавшее многих исконных «вольностей» и прав. Бунт был сурово подавлен, но казаки не сломились. В 1773 г. в их среде появился беглый Донской казак Емельян Пугачёв. Способный и хитрый мужик Пугачёв понимал, что народ не пойдёт *против* Царя вообще, он может пойти только *за* Царя. Поэтому Пугачёв объявил себя спасшимся Императором Петром III, который с народной помощью должен вернуть себе «законную» власть и Престол. Это уже подходило! Постоять за Царя истинного, против незаконно занявшей Престол «немки», да к тому же ещё повинной в бесконечных бедах народа,— такая идея давала моральное *оправдание* выразить в действии накопившееся возмущение и недовольство. К Пугачёву примкнули яицкие казаки, рабочие горных заводов, старообрядцы, часть бедных татар и башкир. Собралось войско до 25000 человек. Начался разгром крепостей по Яику (кроме Оренбурга). Посланный сюда генерал Бибииков нанёс пугачёвцам ряд поражений. Но в 1774 г. после его смерти, «Пётр III» явился на Волге, взял Пензу, Саратов, чуть было не взял Казань, подходил к Царицыну. Майор Михельсон «гонялся» за самозванцем, но никак не мог уловить его. Меж тем везде Пугачёв поднимал *крепостных*. На огромном пространстве России по Волге и Южному Уралу запалили помещичьи усадьбы. Разбитые крепости, города и сёла обагрились кровью сотен помещиков. Трупы дворян на виселицах стали «деталью пейзажа». Казань была в полной панике! Перепугалось, и не на шутку, дворянство Москвы, где возникло смятение. Можно представить себе и страх Екатерины II! Против неё шёл как бы призрак убиенного мужа и шёл с таким зверством и силой, что, кажется, зашаталось само здание государства. Императрице пришлось отозвать с турецкой войны фельдмаршала графа А.В. Суворова, уже отличившегося особыми военными дарованиями. И только Суворов сумел победить Пугачёва! В 1775 г. свои же разбойники выдали самозванца властям, и он был публично казнён в Москве.

После этого Екатерина II не говорила о вредности крепостного права. В 1790 г. она осудила дворянина Александра Радищева на каторгу за книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», где он, гневно бичуя крепостническое рабство, развивал, в сущности *те же идеи*, которые свойственны были и Екатерине II ... Российская Империя во времена её царствования продолжала во внешней политике те направления, какие до Екатерины давно начались и хорошо обозначились. Это были движения в западном направлении (в Европу), в южном (к Чёрному морю) и в восточном (на Дальний Восток и в Америку!). Здесь достигнуты были большие успехи.

«Речь Посполитая» (Польша) давно представляла собою клубок неразрешённых противоречий, втягивавших Россию в течение польских дел. Суть вещей сводилась к тому, что из-за *крайней гордости* польской знати (магнатов и крупных панов) и шляхты (рядового дворянства) королевская власть в этой стране стала слабой и почти номинальной. Всё зависело от решений Сейма, который редко мог приходить к общему мнению из-за постоянных ссор между собою различных шляхетских партий. Шляхта же образовывала бесконечные «конфедерации» (союзы) во главе с магнатами, боровшимися за свои групповые права и амбиции. Сейм сделался также недееспособным. Таким образом, не осталось совсем никакой сильной центральной власти. «Конфедерации» и иные объединения шляхты не ограничивались спорами в Сейме, но часто вступали в сущие войны между собой. Нещадно притеснялись польские «хлопы» (холопы) — крестьяне. Притеснялись также православные (в бывших исконно русских землях Литвы) и протестанты. Всё это уже при Петре I позволило России утвердить своё влияние в Польше, особенно в деле выборов королей, сделавшихся ставленниками С.-Петербурга. При Екатерине II Польский король Станислав Понятовский (её личный друг) не раз обращался к России за помощью. Влиянию русских в Польше, естественно, старались противостоять соседние Пруссия и Австрия, также принявшие участие в польских делах. Используя просьбу православного епископа Григория Конисского о защите православных, Россия *военной силой* заставила в 1768 г. Польский Сейм заключить договор, прекращавший преследование православных и дававший России большие права во внутренней жизни Речи Посполитой. Составилась тут же противная этому договору «конфедерация» в Баре, начавшая действовать в пользу католической веры и Сейма. Барские конфедераты своими зверствами вызвали восстание гайдамаков, ответивших также зверством. Так, в 1768 г. ими было полностью вырезано население г. Умань. В Польше возникла великая смута. Русские войска во главе с А.В. Суворовым разгромили конфедератов, взяли у них Краков. Австрия и Пруссия тоже ввели в Польшу свои войска. В 1773 г. все три державы договорились о *первом разделе* Польши. Россия получила Белоруссию, Австрия — Галицию, Пруссия — Померанию и часть Великой Польши. Польская шляхта, разумеется, не смирилась. Верхи её повели борьбу за обновление государства. Борьба увенчалась успехом и 3 мая 1791 г. Сейм принял новую Конституцию Польши, в которой значительно ограничивались права крупной знати (магнатов), упразднился протекторат России. Конституция в целом была проникнута духом французских идей «просветителей» и революции 1789 г.. Недовольные паны тотчас составили «конфедерацию» и запросили помощи у России с целью восстановить прежние порядки в стране. Снова возникла смута. Снова вмешалась Россия и Пруссия, ввели в Польшу войска. В итоге в 1793 г. обе державы совершили *второй раздел* Польши. К Пруссии отходил Данциг (Гданьск) и часть Великой Польши. Россия получила Волинь, Подолию и Минскую область, Австрия удовлетворилась уступкой ей некоторых земель в Германии. Для гордых польских шляхтичей всё это было в высшей степени нестерпимо! Началось восстание, руководство которым взял на себя талантливый патриот Тадеуш Костюшко. В Варшаве ночью было перебито 2000 русских солдат. Спасать положение вновь послан

был А.В. Суворов. Он быстро разгромил основные силы восставших. Костюшко попал к русским в плен. В то же время действовали против восстания и войска Пруссии. В 1755 г. Станислав Понятовский совсем отказался от польской короны, приехал в С.-Петербург, где и жил до кончины. В том же году состоялся *третий и полный раздел* Польши. К России отошли Литва и Курляндия. Оставшиеся земли поделили Австрия и Пруссия (последняя получила Варшаву).

Так из-за *собственной гордости*, из-за шляхетской демократии, из-за хищнического отношения к православным землям Руси погибло великое некогда государство! Более сильные на то время хищники как бы разодрали «тело» Польши на части... Сим закончилось в основном движение России на Запад, в Европу. Нельзя не отметить, что при всей объективной для России необходимости умирения издревле агрессивного своего соседа, субъективно и лично Екатерина II относилась к Польше как истая немка, почему с ней сравнительно легко нашли понимание и прусский король и австрийский император. С точки зрения Восточных интересов, нужно было усмирить Польшу, но не следовало захватывать исконно польские и чисто литовские земли. Это неверное отношение России к соседним народам тогда сделалось «миной», которая стала не раз взрываться *потом* дурными последствиями для России.

В эти же времена шла у России великая борьба с Османской Портой (Турцией) за выходы к Чёрному морю и за полное подавление Крымского ханства, бывшего, как мы помним, настоящим разбойничьим гнездом, постоянно грозившим России грабительскими набегами. По наущению Франции, воспользовавшись тем, что силы России были отвлечены на Польшу, Турция в 1768 г. объявила России войну. Но, как говорится, «на свою голову». Русские армии под началом Петра Александровича Румянцева и Долгорукого, стали теснить и громить турок. Особо успешно окончилась битва при Хотине, где Румянцеву удалось разгромить много превосходившие его силы Турецкой империи. Он вышел к Пруту, затем к Дунаю, переправился за Дунай (и впоследствии неоднократно переправлялся). За эти блистательные победы он получил титул графа «Задунайского» и звание фельдмаршала. Князь Долгорукий тем временем занял Крым. Русский флот из Балтийского моря прибыл в Средиземное. Командовал им граф Алексей Орлов. Он сумел поднять против турок восстание греков. В страшных морских боях в Хиосском проливе и в бухте Чесме был полностью уничтожен турецкий флот. В 1774 г. был заключён Кучук-Кайнарджикский мирный договор с Турцией. Татары Крыма и Причерноморья освобождались от власти Султана. Россия получила Азов (наконец!), Керчь, устья Буга и Днепра, а также четыре с половиной миллиона рублей контрибуции. Крымское ханство получало независимость. Но очень скоро в нём возникли внутренние усобицы и по просьбе самого крымского хана Шахин-Гирея сюда были введены русские войска. В 1783 г. хан добровольно отказался от власти, и Крым под названием Тавриды стал частью Российской Империи. К Малороссии (Украине) Крым никогда не имел ни этнического, ни политического отношения (это — для справки современным политикам). Он с XIII столетия был сперва в целом татарским и отчасти генуэзским, затем с XV в. номинально турецким, а с XVIII в. — российским. В связи с присоединением к России всего Северного Причерноморья с Тавридой теряла своё значение Запорожская Сечь. Теперь она становилась только опасным оча-

гом разбойничьей казачьей вольницы. В 1775 г. российские войска разогнали запорожцев. Лояльная часть их была переселена на Кубань для охраны границ России на Северном Кавказе, другая часть бежала во владения Турции. Российское дворянство получало теперь новые земли на огромном пространстве Северного Причерноморья, названного Новороссией. Устраивать эти новые владения было поручено новому любовнику-фавориту Екатерины II князю Григорию Потёмкину, получившему титул «Таврического» (Г. Орлову пришлось уступить своё «место»). Потёмкин оказался человеком не менее, если не более, деятельным, чем Орлов. Он многое обустроил в Новороссии. Были основаны новые города, в том числе — крепость Севастополь, началось строительство Черноморского флота. В 1787 г. по приглашению Потёмкина Екатерина II побывала в Крыму, проехав через Малороссию и Новороссийские земли. Не довольствуясь сделанным, Потёмкин решил ещё «прибавить» заслуг своей персоне и по пути следования Императрицы создал ряд *декораций*, издали походивших на «процветающие» селения, а у дороги против этих декораций Екатерину II встречали одетые в нарядные платья, «радостные селяне». С тех пор нарицательным сделалось выражение — «потёмкинские деревни»... Тоже — штрих к портрету эпохи.

Конечно же, Турция не могла смириться с предыдущим своим поражением и особенно с тем, что Россия построила сильный флот на Чёрном море, вообще усилилась здесь и угрожала Константинополю. К реваншу начала подстрекать Турцию коварная Англия. Она особенно оказалась обиженной на Россию за то, что Екатерина II *отказалась* помочь Англии в войне за свои колонии в Северной Америке, Соединённые Штаты которой стали бороться за независимость. Так что теперь не известно, возникли бы вообще США, если бы не помощь России!... Более того, Екатерина II призвала и другие державы Европы подписать декларацию о «вооружённом нейтралитете» в борьбе Англии и США, чтобы охранять свои торговые корабли от действий воюющих сторон. С тех пор Англия стала враждебной России. Англичанам удалось достичь своего: в 1787 г. Турция вновь объявила России войну. Поначалу дела складывались неудачно. Бурей был разбит наш Черноморский флот. Потёмкин пал духом, вёл военные действия вяло и, наконец, передал их Суворову. Он одержал блистательные победы при Фокшанах и Рымнике в 1789 г.. А в следующем году им была одержана и вовсе фантастическая победа над неприступной крепостью Измаил, где суворовские «чудобогатыри» покрыли себя особенной славой! Оправился и Черноморский флот и стал наносить туркам одно поражение за другим. В 1791 г. в Яссах был заключён новый мир, по которому Турция признавала власть России над Крымом, уступала России земли меж Бугом и Днестром и крепость Очаков. Суворов получил титул «графа Рымникского». В ходе войны неожиданно умер Потёмкин. Воспользоваться занятостью России попыталась в 1788 г. Швеция, начавшая войну. Но шведский флот не смог пробиться к С. Петербургу, а сухопутные действия в Финляндии велись в общем плохо. В 1790 г. дело кончилось миром, где никто ничего не приобрёл и не потерял.

Удивительные победы русского оружия в Турецких войнах и в Польше всецело приписывались Екатерине II. На самом же деле воинской доблести и полководческих дарований Великороссии было не занимать, как мы помним, с древнейших времён! Безпримерная храбрость русских в славных боях менее всего

была следствием влияния личности Екатерины. А если речь вести о победах Суворова, то нужно сказать, что его «Наука побеждать» была всецело основана на **православной духовности**. Он учил солдат молитве и жизни по заповедям Божиим лучше, чем любой проповедник, так что порой затруднительно даже определить, чему Суворов учил солдат больше — как быть воином или как быть настоящим православным христианином!

Императрица же «учила» своим поведением другому. Кроме Орлова и Потёмкина у неё были ещё «фавориты», но уже не блиставшие ничем великим. Это «любовоеобилие» стало одной из ярких особенностей того, что получило название «века Екатерины». В этот «век» и именно в этих амурных делах произошла **подмена понятий** в сознании русской образованной «общественности». То, что является (и всегда называлось) блудом, прелюбодеянием, похотью и плотской страстью, стало **кощунственно** называться «любовью» (даже до сего дня!), а обнажённое человеческое тело стало именоваться «красотой», тогда как на самом деле это всегда и только — **срамота**, как это искони на Руси называлось, почему искони и старались всячески эту срамоту прикрывать. Иными особенностями «века» стали — развитие наук, искусств, литературы (Екатерина сама принимала в этом участие). Впервые в истории Российской академии наук возглавила женщина — княгиня Е. Дашкова. И нужно заметить, что руководила она Академией очень неплохо! Дашкова была одарённым, образованным человеком. У неё хватило понимания необходимости возродить в литературе естественный, незасорённый русский язык. В екатерининский «век» начался **переход** от подражания образцам европейской культуры к **синтезу** её с культурой Великорусской. Результаты сказались отчасти тогда же, но, главным образом, несколько позже, в начале XIX столетия. В искусстве продолжалось влияние французского барокко. Роскошь и пышность дворцовых и придворных сфер достигла своей ослепительной вершины! Но **всё** это (от развития наук и искусств до развития роскоши и богатства) ещё более **углубляло раскол и разлад** между Россией дворянской и Россией народной, православной **духовной** культурой и культурой мирской, **секулярной** (то есть отсечённой от веры и Церкви). Болезненное **раздвоение личности** Великороссии не преодолевалось, а, напротив, усугублялось.

Как могло получиться, что Императрица, превратившая большую часть своего народа в безправных рабов, поработившая (в определённой мере) и Русскую Православную Церковь, не стесняясь блудившая, как мысленно с масонской философией, так и в обычном смысле этого слова, развращая тем самым подданных, прославлена оказалась при жизни и в дальнейшей истории как «Великая»?! За военные победы? Но, в отличие от Петра I, она сама не руководила войсками и в походах с армией не была... При пристальном рассмотрении, «Великой» Екатерина II была прославлена только российским дворянством (!) и только за то, что **служила сословным выгодам и западническим симпатиям дворянства!**

6-го ноября 1796 г. Екатерина II скончалась на 67-м году жизни. Смерть пришла к ней внезапно, когда, по-видимому, она её не ждала. С нею в России кончилось «бабье царство».

Самой отличительной чертой этой эпохи от Екатерины I-й до Екатерины II-й, явилось как мы увидели, зависимость женщин-Императриц от **мужской силы гвардии** и иных **организаций** дворянства.

«Бабье царство» действительно привело к своего рода дворянской *эволюции*. Дворянство из *служилого* сословия превратилось в замкнутое привилегированное и *правлящее*. В лице своих высших сановников, фаворитов, масонов дворянство *взяло в свои руки* руководство важнейшими для него государственными делами и даже *самых Государынь*, приобретя над ними неписаную, но реальную власть, обеспеченную оружием гвардии и тайною силой масонства. Отныне, особенно после Екатерины II, дворянство стало считать себя *вправе* иметь эту негласную *власть над Царями* и не смогло уже никогда (!) освободиться от гордых притязаний на эту никем ему не данную и не принадлежащую ему по закону власть!

Значит, теперь от следующего Российского Самодержца зависело, подчиниться ли незаконной власти над собою дворянства, или, следуя законам и заветам Великорусской истории, власть эту *свергнуть*, возродив в полной мере *самодержавие*, то есть совершить как бы контрреволюцию! Таким «следующим» стал законный Наследник, сын Екатерины II и Петра III, Государь Император Павел Петрович.

Глава 20

НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПОВОРОТА. КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ ПАВЛА I.

Император Павел взошёл на Российский Престол на 43-м году своей жизни, человеком вполне сложившимся, зрелым. Был он давно женат на Вюртембергской принцессе Софии Доротеи, принявшей в Православии имя Марии Фёдоровны. Это был его второй брак, заключённый в 1776 г.. Первым же браком Павел Петрович был женат на принцессе Вильгельмине Гессен-Дармштадской в 1773 г., которая скоро умерла в тяжёлых родах. От брака с Марией Фёдоровной родились дети: Александр (1777 г.), Константин (1779 г.), Александра (1783 г.), Елена (1784 г.), Мария (1786 г.), Екатерина (1788 г.), Ольга (1792 г.), Анна (1795 г.), Николай (1796 г.) и Михаил (1798 г.). Десять детей! Уже одно это говорит о том, что семейная жизнь Государя Павла складывалась счастливо; царственные супруги любили друг друга. Лишь в последние годы правления Павла Петровича исключительно по вине сознательных интриганов между ним и женой произошло расхождение, которое вполне могло быть преодолено (и даже при характере Императора обязательно преодолелось бы), если бы он остался в живых. Государь воспринял от Императрицы Елизаветы Петровны глубокую и искреннюю религиозность, молитвенность, от матери унаследовал мудрость и способности к образованию, от отца — детскость души (он тоже был, в сущности, «большим ребёнком») и склонность к военным занятиям в прусских традициях. Государыня Елизавета, как мы помним, отняла Павла Петровича в младенческом его возрасте от матери и воспитывала

сама. Екатерина II по-матерински любила сына и глубоко пережила отчуждение его. Но с течением времени, после своего воцарения, Екатерина II сама начала отчуждаться от Павла, как раз потому, что он ею же был объявлен *Наследником*, и сделался не только сыном, но и опасным *соперником*, так как изначально (и впоследствии) многие полагали, что более соответствующим российским традициям было бы царствование Павла при регентстве матери, до его совершеннолетия. По достижении 16-летнего возраста пошли толки (правда, не очень настойчивые и сильные), что Императором должен быть он, а Екатерина II занимает Престол «незаконно». Она знала об этих толках. Павла невзлюбила. Зато очень приблизила к себе внука Александра Павловича, проделав с ним то же, что было проделано с её сыном Павлом, то есть, взяв Александра от родителей и воспитывая его по-своему. Наконец, у Екатерины II появилась мысль передать Российский Престол Александру, в обход его отца Павла. Государыня не успела осуществить этот замысел, но о нём знали и Павел Петрович и придворные, что явилось причиной дополнительной душевной напряжённости Павла. Основное же напряжение, постоянная скорбь его души состояла том, что он изначально был лишён материнской любви и ласки и в дальнейшем подвергался отчуждению и пренебрежению со стороны матери, а также унижениям, вплоть до совершенно непозволительных оскорблений со стороны её фаворитов и приближённых. Немудрено, что рано узнав о том, *как* погиб его отец Император Пётр III, Павел Петрович стал особенно чтить его память, в чём-то ему подражать, что ещё более раздражало Екатерину II. Она держала Наследника вдали от Петербурга, в Гатчине и Павловске, и вдали от всех государственных дел. Подраставший старший сын Александр Павлович, любя и мать и отца, с юности принуждён был в прямом и переносном смысле *метаться* между Петербургом и Гатчиной! Всё это было большой человеческой и династической драмой, отражавшей, как нетрудно видеть, драму духовных и политических разделений российского общества. Однако как раз эти обстоятельства позволили будущему Императору Павлу I глядеть на то, что делалось в государственном управлении его матерью, как бы *со стороны*, критически. И он задолго до восшествия на Престол понял следующее: 1. правовую, незаконность свержения Петра III и уголовно-нравственную преступность его убийства, а, следовательно, незаконность воцарения Екатерины II; 2. недопустимость подчинения Царя дворянам; 3. пагубность порабощения основной части русского народа — крестьян и отчуждения от них Царской Особы; 4. крайнюю вредность разврата и чрезмерной роскоши, царивших при Дворе и достигших при Екатерине II небывалых размеров; и, наконец, 5. недопустимость французского вольнодумства, республиканских («якобинских») симпатий и настроений в дворянской среде (которые, хотя и ограничивались главным образом только *фразой* и модами неким «салонным якобинством», но уже начали переходить кое у кого в настоящие революционные, антимонархические убеждения). Собственно, все указанные пять отрицательных особенностей российской жизни являлись ничем иным, как отличительными чертами *«революции»*, которую совершила Екатерина II, как она сама иногда и выражалась. Отсюда, по мере возмужания, Павел Петрович всё более отчётливо понимал главную задачу *своего* царствования, когда оно наступит, — *возвращение* к здоровым и

верным началам российской жизни. Но тогда неизбежно вставал величайших последствий вопрос: знает ли сам Павел Петрович в достаточной мере, *что* суть верные и здоровые начала жизни России?

Главным воспитателем Павла Петровича Екатерина II назначила графа Никиту Ивановича Панина, человека *светски* весьма образованного и умного, руководившего долгое время всей внешней политикой. Столь большая занятость не давала Панину возможности уделять много времени для занятий с воспитанником. Он предоставил многое другим учителям, осуществляя общее руководство. Мирские предметы преподааны и усвоены были отлично. А с наукой духовной дело было сложнее... Законоучителем (преподавателем Закона Божия) у Наследника был знаменитый Платон (Левшин), впоследствии — митрополит Московский, а тогда ещё молодой иеромонах. Екатерина II встретила его в Троице-Сергиевой Лавре. Отец Платон поразил её красноречием и уж очень мужской наружностью, и она задала ему очень женский вопрос: «Ради чего вы пошли в монашество?» . Платон живо ответил: «Ради просвещения!» Просвещённой Императрице ответ понравился. Отец Платон стал учителем её сына. Человеком он был хорошим, добрым, действительно образованным и выдающимся оратором. Однажды в Петропавловском соборе в Петербурге, в присутствии Государыни и придворных, он произносил проповедь. Неожиданно сойдя с места, он подошёл прямо к гробнице Петра I-го и обратился к нему, как к живому, с повелением «встать и посмотреть», каких успехов достигла Россия!.. У всех мороз пошёл по коже! «Отец Платон делает с нами что хочет! — восклицала потом Екатерина II. — Хочет, чтоб мы смеялись, и мы смеёмся; хочет, чтоб плакали, и мы плачем». Но о. Платон был, вполне в духе времени, человеком более светским и душевным, чем духовным. Преподавал он Закон Божий в соответствии с наставлениями Екатерины II и предписаниями Синода, опираясь на доводы «естественной религии», *разума* и отвлечённых понятий о «*добродетели*», духовно — таинственная (мистическая) сторона Православия при сем пропадала. А детская душа Павла Петровича, как и любого человека, тянулась как раз к таинственному, и ей приходилось искать его там, где не нужно — в романтической мечтательности, в чувствах, навеянных светской литературой, особенно — *рыцарского характера*. Жизнь же ставила его перед фактами грубости, подлости, лжи и самых низменных склонностей, которые он ненавидел и за которые потом беспощадно карал. В итоге Павел Петрович вырос человеком искренне верующим, очень добрым, порядочным в высшей степени, умным, но вспыльчивым, резким и по-детски весьма доверчивым. Он очень любил военное дело и строй. В Гатчине у него было до полутора тысяч войска, которое он одел в прусскую, форму и занимался с ним строевой подготовкой по прусским уставам. Ничего дурного не было в этом, так как Прусская армия тех времён справедливо считалась одной из лучших в мире! Но российское офицерство, в первую очередь, конечно, гвардейское, порядков таких не любило. И не потому, что было патриотично (Российская армия всё равно строилась по западным образцам), а потому, что строгая *дисциплина*, свойственная уставам прусским, их, дворян, мнивших себя повелителями даже Царских Особ, унижала! Хотя Павел Петрович и жил в отдалении от Двора своей матери, но не настолько, чтобы не знать его и не испытывать на себе его влияний. Он давно

знал, **что** представляют собой «екатерининские орлы» и «екатерининские змеи». Особенно ненавидел он любовников-фаворитов матери, которые оскверняли ложе его убиенного отца (в последнее время таковым фаворитом являлся князь Платон Зубов, позволявший себе оскорблять Павла даже в присутствии Екатерины II. В 1782-1783 г.г. Павел Петрович с женой под именем князей Северных, совершили счастливое путешествие по Европе. В Париже их принимали Людовик XVI и Мария Антуанетта. Изощёренный, выдавший виды французский Двор был восхищён образованностью, умом и манерами Павла Петровича! Король с королевой подарили ему знаменитый гобелен с картины Рафаэля «Школа в Афинах». Говорят, Павла Петровича однажды пытались втянуть в интригу против матери с целью её насильственного свержения. Он с возмущением отказался. Тогда, чтобы Павел не выдал заговорщиков, его отравили ядом, но врачам удалось спасти его жизнь. Он тяжело болел и последствия этой болезни сказывались потом в приступах удушья, а также в том, что в душе Павла Петровича развилась подозрительность. Она никогда не была маниакальной, как это хотят представить, ибо основывалась на горькой действительности и вполне подтвердилась в конце. Таким человеком в 1796 г. Павел Петрович стал Императором Всероссийским.

Мы были вынуждены подробней обычного остановиться на его чертах личности и воспитания потому, что Государь Павел I оказался и при жизни и по смерти в большинстве исторических описаний **умышленно оклеветан**, как говорится, с ног до головы! Есть лишь три великих человека российской истории, представления о которых извращены **полностью**, как бы вывернуты наизнанку. Это патриарх Никон, Государь Павел I и Святой Царь-Мученик Николай II. В конце книги мы узнаем, почему это именно так. А сейчас пришлось вспомнить об этом в связи с тем, что история Павла I, как искусно запутанное «дело», нуждается в настоящем детективном расследовании. Здесь историк обязан стать сыщиком и следователем «по особо важным делам». Некоторые историки таковыми уже становились и, что называется, **пересмотрели** «дело» Императора Павла I **в пользу его!** Мы провели ещё одно, своё следствие. Весь ход его, за недостатком времени, излагать нет возможности. Сообщим лишь итоговые положения.

После кончины матери, объявленный Императором, Павел I начал с того, что приказал достать из могилы на кладбище Адександро-Невской Лавры останки своего отца, Петра III., положить их во гробе **рядом** с гробом Екатерины II в Зимнем дворце. Здесь Павел I открыл гроб отца и сам возложил на его голову царскую корону. Затем Екатерину II и Петра III одновременно хоронили в Петропавловском соборе — усыпальнице императоров. В похоронной процессии Павел **заставил** виновников убийства отца сопровождать его гроб. Алексей Орлов нёс реликвии Петра III...

В 1797 г. Москва встречала Императора Павла, прибывшего для священного чина «Венчания на Царство» (Коронации). Без охраны, верхом, Павел I въехал в народные толпы. Царь и народ встретились глаза в глаза. Светлый взгляд Императора светом душ человеческих был и встречен! «Родные мои! — обратился к толпе Государь, — сделаю всё, чтобы облегчить вашу долю». **Такого** Россия давно не видала! «Вот это Царь!» — вырвалось у кого-то, и от общего крика «Ура!» задрожали стены домов. После чина **Миропомазания**, которое принято совер-

шать *вторично*, после Крещения человека, *только над Царями*, ибо таким образом им подаётся благодать Духа Святого к правлению государством, почему Русские Цари и называются «Помазанниками Божиими», Император пошёл в алтарь в Успенском соборе Кремля, дабы сподобится Причащения (тоже по особому, царскому чину). Был он в парадных одеждах, непременною деталью которых являлась шпага. Но в самых царских вратах обычно ласковый, любимый Павлом бывший его законоучитель, а ныне — митрополит Платон (Левшин) неожиданно строго остановил его. «Здесь приносится безкровная жертва Тела и Крови Христовых, отыми, Государь, меч от бедра своего,» — сказал архиерей. Шёпот-ропот побежал по собранью придворных. А Павел I послушно и просто выполнил повеление, тотчас сняв шпагу. Эта «маленькая деталь» говорила о многом! Новый Царь *является Царём православным*, а не только *хочет казаться* им!

И началось!.. Тут же, 5 апреля 1797 г., Павел I сам прочитал составленный им и Марией Фёдоровной новый *закон* («Учреждение») *об Императорской Фамилии*. Этим законом упразднен указ Петра I 1722 г. о праве Российского Самодержца назначать Преемника Престола по своему усмотрению *и возрождалась* основа акта 1613 г.. Отныне и навсегда (!) устанавливался строгий *порядок* престолонаследия, согласно которому отцу наследует старший сын, а в случае бездетности — старший брат. Закон предусматривал и разные иные случаи, определяя принципы наследования Престола, соответственно *древним допетровским* (!) русским обычаям и некоторым новым важным правилам (например, Лицо Императорской Фамилии, желающее сохранить права на престолонаследие, должно состоять только в *равнородном* браке с лицом царского или владетельного дома, то есть по крови не ниже себя). Новый закон Павла I навсегда пресекал в России опасность тех «революций»-переворотов, которые происходили в XVIII веке. А это значило, что *кончается власть дворянства* над Российскими Государями; они теперь не могут зависеть от прихотей и симпатий его. *В России восстает самодержавие!* Глубоко уязвлённое и *«обижённое» дворянство* сразу, с момента обнародования закона «Об Императорской Фамилии» стало в оппозицию Павлу I. Царю пришлось принять на себя первый и самый сильный удар оппозиции. Эта схватка Самодержца с дворянством была *решающей*, она определила дальнейшие судьбы всего государства. Она также *выявила, кто есть кто* в Великой России. Все историки — ненавистники Павла I не в силах умалять значения Закона 1797 г., признают его чрезвычайно важным и правильным, но замечают, что он был единственным выдающимся деянием этого Императора (других-де не было). Но *такого* деяния было более чем достаточно для всего царствования! Ибо это деяние означало коренной контр-переворот того, что совершила Екатерина II, или, следуя выражениям того времени, — контрреволюцию!

Впрочем, ненавистники лгут и здесь, как и во всём другом! Закон не был единственным важным деянием Государя. *В тот же день* 1797 года был оглашён манифест Павла I, в котором *впервые крепостные* крестьяне обязывались приводиться *к присяге* Царям и назывались не «рабами», а *«любезными подданными»*, то есть признавались *гражданами* государства! Дальше — больше! Вышел указ Павла I, *запрещающий* помещикам заставлять крепостных работать на барщине

более **3-х дней** в неделю; другие 3 дня крестьяне должны были работать на себя, а в воскресенье — отдыхать и праздновать «день Господень», как все христиане. Уменьшались значительно подати с крепостных и государственных крестьян. Под угрозой суровых кар подтверждалось запрещение хозяевам продавать семейных крестьян по одиночке. **Запрещалось** подвергать телесным наказаниям крепостных — стариков, с 70-ти летнего возраста. (И вместе с тем **разрешалось** применять телесные наказания к **дворянам**, осуждённым за уголовные преступления). Всё это было ничем иным, как **началом освобождения российских крестьян от крепостного права!** В дворянских кругах тогда это так и называли, — «революция сверху» и впервые сказали о своём Императоре: «Он — сумасшедший!». Запомним, что это слово было брошено **в связи** с «крестьянской» политикой Павла I. Ему поступила даже особая «Записка» одного дворянского собрания, где говорилось, что «русский народ **не созрел** для отмены телесных наказаний».

Однажды некий помещик незаконно отнял часть земель у своих крепостных. Те пожаловались Государю. Перепуганный барин стал **просить прощения** у своих крестьян, получил его. Принимая его потом, Государь Император сказал: «Помни впредь, что крестьяне тебе **не рабы**, а такие же мои подданные, как и ты. Тебе же только вверена забота о них, и ты ответствен предо мной за них, как я за Россию пред Богом». Так впервые после почти столетия возрождалось единение Царя с народом, всем народом. Так что Павел I стал первым общенародным Царём (а не только дворянским). Поэтому он часто подчёркивал, что знатность происхождения не имеет для него никакого значения. «В России велик лишь тот, с кем я говорю, и пока я с ним говорю», — замечал Павел I. Такая нарочитость позиции вызывалась необходимостью сломить непременно гордость дворян, чтобы восстановить подлинное самодержавие. В этих целях Император прежде всего ударил по гордости **офицеров гвардии**. Он запретил зачислять в гвардию дворянских детей — младенцев (что делалось до него, дабы увеличить выгодную «выслугу лет»). Офицерам-гвардейцам запрещалось ездить в каретах, запряжённых «четвериком» или «шестериком», прятать руки зимой в меховые муфты, носить на людях светские платья. Для них не делалось исключений по сравнению с другими армейскими офицерами. На учениях и смотрах с гвардейцев спрашивалось по всей строгости правил и уставов. Сколько тогда и потом говорили (и теперь ещё пишут!) о «палочной дисциплине», невероятных жестокостях в армии при Павле I, кошмарных наказаниях, прямо-таки издевательствах над военными. Чего стоит одна только **выдумка** о том, как некоему полку, выправка которого не понравилась Павлу I, было скомандовано: «В Сибирь шагом марш!» ... Выяснилось однако, что такого полка **никогда не существовало**; всё это «легенда, лишённая каких бы то ни было оснований», как пишут историки. У историков — **ненавистников** Павла I находим также признание, что строгости Императора относились лишь к **офицерам** (из дворян), а о **солдатах** была большая забота, к их питанию и содержанию проявлялось поистине отеческое внимание. К тому времени в гвардии рядовыми давно были уже не дворяне, а мужики. И солдатская масса гвардии Павла I очень **любила** и была ему предана. Офицеров за чрезмерную жестокость к солдатам строго карали. Так, **любимый** Павлом I генерал Аракчеев был уволен из Армии

и отправлен в ссылку в своё имение за то, что слишком много шпицрутенцов назначил трём солдатам, умершим после экзекуции. В роковую ночь убийства Павла I за него порывались вступиться *солдаты гвардии*. *Преображенский* полк *отказался* кричать «Ура!» Александру Павловичу, как новому Императору, так как точно не знал, действительно ли умер Государь Павел I. Двое *солдат* полка потребовали от командиров дать им точное доказательство смерти прежнего Императора. Этих солдат не только не наказали, но отправили, как «посольство» преображенцев ко гробу Павла I. По их возвращении полк присягнул Александру. Вот *действительное* положение русского солдата павловских времён, а не мнимое его «безправие»! Поскольку от Павла I больше всего «доставалось» офицерству, то нелишне узнать, за что. За нарушение формы одежды генерал князь Волконский и полковник Тургенев были просто выгнаны из приёмной штаба (Павел I приказал дежурному «удалить обоих дураков»). В ссылке в своём имении побывал граф А.В. Суворов за дерзостные высказывания против некоторых армейских мероприятий Императора. В журнале Военного ведомства за 1800 г. можно прочесть выговор Павла суворовским генералам за слабый порядок в полках. Семь полков, потерявших знамёна в войне с французами, лишаются впредь знамён. «Генерал-лейтенант Стоянов исключен из службы за пьянство», «генерал-лейтенант Гегемейстер исключается из службы, как негодяй». И так во всех случаях — вполне уважительные причины! Современник событий полковник Саблуков говорит, что лишь в трёх случаях Павел I допустил жестокое обращение с офицерами. Но увольнений и ссылок было много. Во всех таких вещах сам Император способен был сердечно раскаиваться и *исправлять* дело. Так, по представлению генерала графа Палена, Павел I в одночасье послал 20 курьеров, дабы вернуть отправленных ранее в ссылку военных. Возвращены были несколько сотен, и в том числе те, кого не следовало возвращать — братья Зубовы и Беннигсен, будущие цареубийцы. Государь и в иных кругах не взирал на лица. Любой чиновник любого ранга, любой вельможа мог быть в любой момент лишён званий, чинов, орденов, места службы. Однажды граф Растопчин, очень близкий к Павлу I, устроил интригу против не менее ценимого Императором графа Никиты Петровича Панина (племянника умершего в 1783 г. Никиты Ивановича, учителя Павла I), представив его как заговорщика. Император поверил и сослал Н.П. Панина в его имение под строгий надзор. А некоторое время спустя обман обнаружился. «Растопчин! Изверг! — вскричал Император, — Пусть поплатится за свои интриги!» Панину разрешили вернуться, а в ссылку отправился Растопчин. Никто из сенаторов, генералов, самых высоких чиновников и офицеров не мог быть уверен в своём положении, в завтрашнем дне. Любой мог быть неожиданно возвышен, вдруг так же неожиданно унижен, разжалован, а потом вновь возвышен. При этом ошибки были исключением, а *правилом* были наказания и возвышения за дело, по заслугам... Но подобное обращение с высшим и правящим сословием было в глазах его представителей недопустимым! Императора стали считать «самодуром» и называть (некоторые вполне убеждённо!) *душевно больным!* На самом же деле, если внимательней присмотреться, то всеми странностями и резкостями своего отношения к приближённым и прочим сильным мира сего, Павел I *показывал*, что, как они обращаются с крепостными,

солдатами, прочими подчинёнными, так он обращается с ними!.. Это очень древний приём Христа ради юродства. В первый год своего правления Павел I придумал: вывешивать в местах своего пребывания на улице нечто вроде почтового ящика, куда любой человек мог опустить любую просьбу или жалобу. Каждый день особым ключом Император сам открывал ящик и прочитывал всё. Сколько неправедных судей и чиновников, взяточников поплатились свободой и местом из-за ящика! Он стал страшен для негодяев. Тогда негодяи начали бросать в него письма с гнусными оскорблениями Государя и карикатурами на него. Павел I убрал ящик. Но он теперь знал, кто его истинные враги.

Павел I последовательно делал всё, что служило бы благу народа и интересам России. Он принял от матери расстроенные финансы. Слишком много было выпущено денежных ассигнаций, которые упали в цене. Излишек их был собран и сожжён в *присутствии* Павла I. Решено было дать в оборот больше серебряной монеты, а серебра не хватало. Государь приказал перелить на монету богатейшие Екатерининские серебряные сервизы, сказав, что будет есть с оловянной посуды, пока финансы в России не придут в порядок. В целях борьбы с заразой французского революционного вольнодумства Павел I *запретил* въезд иностранцам в Россию, запретил выезд из России, в том числе на учёбу за границу, запретил ввоз иностранных книг, ввёл строгую цензуру печати, усилил полицейский надзор за «обществом» (о, какой оно подняло шум по поводу такой «деспотии»!), а кроме того запретил ношение трёхцветных французских шарфов и бантов, французского типа одежд как мужских, так и женских, и (о, ужас!) танцевание вальса!..

В то же самое время Государь уделил много внимания Православной Российской Церкви. Были открыты некоторые из закрытых Екатериной II монастырей. В 1797 г. Государь учредил ряд новых наград духовенству: малиновые камилавки и скуфы, наперсный «золотой» (на деле серебрянозолоченный) четырёхконечный крест, митры, государственные *ордена*, (что открывало доступ к получению потомственного дворянства). Павел I предоставил архиереям в Синоде право *самим избирать* кандидата на пост обер-прокурора, проявил много заботы о материальном положении духовенства, вдов и сирот священников, запретил телесные наказания для священнослужителей прежде лишения их священного сана.

Одновременно Павел I ввёл в жизнь довольно широкую *веротерпимость*. Он прекратил гонения на старообрядцев. В иных случаях даже им помогал. Однажды сгорел один из керженских скитов и по просьбе погорельцев Император дал им из *личных денег* на восстановление скита. Здесь также проявилось желание Павла I быть Царём *народным*, проявляя попечение о всех своих подданных, независимо от их религии, хотя исходил он при этом из православных убеждений, рассматривая и утверждая Православную Церковь как господствующую, преобладающую. Государь позволял действовать в России Ордену Иезуитов, допущенному ещё Екатериной II, но только дня иностранцев-католиков. Запрещённые Римским папой в то время и изгнанные из многих стран Европы иезуиты нашли приют в России. Ими руководил при Павле I пater Грубер. Император освободил из тюрьмы масона Н. Новикова и не слишком препятствовал распространению в «обществе» нового масонского течения

«иллюминатства», пришедшего к нам из Германии в 1776 г.. В этом вопросе о веротерпимости к православным взглядам Павла Петровича *примешивались* взгляды *масонства*, проповедавшего веротерпимость как один из главных принципов общественной жизни.

Воспитанный в «широких» (чуть ли не экуменических) представлениях екатерининского века, и обладая возвышенной, поистине рыцарской и доверчивой душой, Государь Павел I был склонен верить масонской пропаганде *на слово*, не подозревая о глубинных тайных целях и деяниях этой сатанинской анти-церкви. При осуждении русских масонов в 1792 г. Екатерина II одним из обвинений выставила их старания «к уловлению в свою секту» Наследника Павла Петровича. Действительно Новиков и Баженов передавали ему какие-то письма от герцога Брауншвейгского, которому тогда (с 1783 г.) стали подчиняться русские масоны, приведённые их главой немцем Шварцем в состав Берлинского Капитула. В XVIII веке сам король Фридрих II Великий являлся главой прусского масонства, а Великая Британия всецело управлялась тайными масонскими сообществами. Так что, отшатнувшись от слишком революционного радикального французского масонства, масоны русские попали под влияние (и довольно жёсткое) масонства немецкого и английского. Неверны предположения, что Павел Петрович в 1778 г. был посвящен в масоны в доме И.П. Елагина; этого не было. Но верно то, что Государь в какой-то мере поддавался влиянию «благородных», «гуманных» масонских идей, лозунгов и девизов. В самих же тайных обществах он видел опасность и *запретил* их создание в России без особого царского разрешения, чем вызвал к себе враждебность Ордена иллюминатов. Преодолевая недоверие некоторых старых масонских организаций в Европе, иллюминаты быстро распространялись. Их скрытой целью (как и всех других масонов) было уничтожение христианской веры и монархии. В 1781 г. на своём Конvente (съезде) во Франкфурте они порешили создать в России два капитула «теоретического градуса» под общим управлением Шварца. Одним капитулом руководил историк Татищев, другим — князь Трубецкой. На Конvente масонов-иллюминатов в 1782 г. Россия была объявлена «Восьмой провинцией Строгого Наблюдения». Здесь же масоны поклялись убить Людовика XVI и его жену и шведского короля Густава III, что потом и было исполнено. В те же 80-е годы XVIII века масонством было постановлено стремиться к уничтожению монархии и Церкви, начиная с Франции и *продолжая Россией*. Но открыто, «для публики» и принимаемых в низшие степени, масоны говорили, что стремятся к прекращению вражды между людьми и народами из-за религиозных и национальных споров, что верят в Бога, что занимаются благотворительностью и хотят воспитывать человечество на началах нравственности и добра, что являются верными гражданами своих стран и Государей.

Важно понять, что наш Государь Павел I отдавал дань «благородству» этих масонских публичных заявлений в силу *действительного* благородства своих личных стремлений ко благу всего вверенного ему Богом народа Российской Империи!

Поначалу дворянство его «со скрипом» терпело. От Петра I и не такое терпели! Хотя уже в 1797 г. пошли *слухи* о готовящемся заговоре против Императора. В конце этого года шведский посол Стединг писал из России своему

правительству, что такие слухи «не заслуживают никакой веры. ... Если даже и имеются недовольные строгостью и неожиданными наказаниями Императора, то, с другой стороны, он привлёк к себе сердца многих подданных своей щедростью, своей любовью к порядку и справедливости. Внушая всем страх, он вместе с тем защищает народ от того гнёта, под которым он раньше стонал». Довольно точная оценка правления Павла I.

Но скоро обстановка стала меняться к худшему. Над Императором начали собираться тёмные тучи. И всё началось из-за проклятых масонов!

В 1797 г. за покровительство-защитой к Российскому Императору обратились рыцари Мальтийского Ордена, владевшие с XVI в. островом Мальтой на Средиземном море. Этому их владению стала угрожать революционная Франция. Павел I взял Мальту под своё покровительство, имея в виду, кроме всего прочего, возможность утвердить таким образом присутствие России в Средиземноморском бассейне. В благодарность за заступничество мальтийские рыцари предложили Павлу I стать их магистром (гроссмейстером). Орден был католическим, но антифранцузским, антиреспубликанским. Последнее «подкупило» Павла I. Он был торжественно посвящён в магистра Мальтийского Ордена. В Россию перебрался весь Капитул Ордена и находился здесь до 1817 г.. С 1834 г. он обосновался в Риме, где пребывает и по сей день. Рыцари подарили Павлу I чудотворную икону Божией Матери, написанную евангелистом Лукой, и кисть правой руки св. Иоанна Крестителя. Павел I знал, что Орден возник в Палестине во время крестовых походов в XI в. и долгое время назывался Иоаннитским (в честь Иоанна Предтечи) или Орденом Госпитальеров, так как заботился о больных и раненых. Под давлением мусульман Иоанниты перебрались сначала на о. Кипр и, наконец, в XVI в. на о. Мальту, получив и новое название — мальтийцев. Но Император Российский не знал, что очень давно этот Орден, подобно древним Тамплиерам, сделался тайной антихристовой организацией, сокрытой под видом и символами средневекового рыцарства!.. В *«духовном тамплиерстве»* XVIII в. первые степени масонского посвящения — ученик, подмастерье (товарищ) и мастер, так и назывались *«иоаннитскими»* или *«мальтийскими»*. Посвящение в магистра такого Ордена означало *посвящённость* в диаволопоклонническое сообщество. Павел I об этом не подозревал. И это явилось его *самой крупной ошибкой!* За неё Государю пришлось расплатиться собственной жизнью.

А события развивались так. В 1738 г. «первый консул» Франции Наполеон Бонапарт захватил о. Мальту. Верный слову Павел I решил нарушить нейтралитет России и выступить в союзе с Пруссией, Австрией и Англией против Франции. В Средиземное море из Чёрного двинулся русский флот под командованием Ф.Ф. Ушакова, прославившего Россию рядом блестящих побед над французами на море. Союзники попросили, чтобы войсками России на суше командовал граф А.В. Суворов-Рымникский. Государь лично недолюбливал Суворова. Как уже говорилось, он был сослан в своё имение. Но «дружба — дружбой, а служба — службой». Павел I знал о полководческом даровании фельдмаршала. Он немедленно вызвал его в столицу и поручил командование русскими войсками, сказав: «Иди, спасай царей!». Потом счёл нужным прибавить: «Веди войну, как сам знаешь!». В 1799 г. Суворов начал успешные действия в Италии.

Разгромив французов в ряде сражений, он за полтора-два месяца освободил Северную Италию, взял Милан и Турин. После этого Суворов хотел войти во Францию (Наполеон в это время находился в Африканском походе). Но прусско-австрийское командование (гофкригсрат), которому формально должен был подчиняться Суворов, решило направить его в Швейцарию, где терпел неудачи русский корпус Римского-Корсакова. Чтобы скорее соединиться с ним, Суворов совершил знаменитый безпримерный переход через перевал Сент-Готтард, считавшийся недоступным для движений войск. Через ущелье р. Рейсы (Чёртов мост) суворовцы вышли в Швейцарию. Но они не успели. Римский-Корсаков был разгромлен. У выхода из гор Суворова поджидал генерал Массена с превосходящими силами. Чтобы сохранить армию, Суворов не спустился в долину, а пошёл по горам, разбивая отряды французов, стремившихся преградить ему путь. Восхищённый Массена потом говорил, что «отдал бы все свои кампании за альпийский поход Суворова». По совокупности за всю героическую кампанию Павел I наградил Суворова титулом князя Италийского, званием Генералиссимуса и правом отдания ему таких воинских почестей, какие раньше полагались только Царю. И Суворов и Павел I скоро поняли, что союзники не столько борются с Французской революцией, сколько хотят поживиться в своих интересах за счёт Франции и с этой корыстной целью используют русских, проявляя к тому же небрежение к нуждам наших войск. Но не это явилось главным в разладе России с союзниками, а то, что в 1800 г. Англия *захватила о. Мальту*, отбив её у французов и не вернув Мальтийскому Ордену. Павел I вернул Суворова с войсками в Россию и потребовал от Пруссии решительных действий против Англии (захвата Ганновера), угрожая порвать отношения и взять Ганновер,— родину английских монархов, силами русских. В это же время начались непосредственные сношения Павла I с Наполеоном. Начались необычно. Павел I вызвал Наполеона *на дуэль* с тем, чтобы решить государственные споры путём личного поединка, а не проливать невинную кровь солдат. От дуэли Бонапарт уклонился, но высоко оценил предложение Павла I и в знак уважения отпустил без всяких условий русских пленных, снабдив их всем нужным за счёт Франции. Павел I увидел, что с утверждением у власти Наполеона революции во Франции положен конец. Поэтому он заключил союз с Наполеоном против Англии (с целью отнять у неё о. Мальту и наказать за коварство) и присоединил Россию к «континентальной блокаде», которую устроил Наполеон против Англии, подрывая её торгово-финансовое могущество. Более того, Павел I в совете с Наполеоном решил отправить большой казачий корпус в Индию — самую драгоценную колонию англичан. Корпус двинулся в путь. До сих пор этот приказ Государя оценивают как «сумасбродный» и «безрассудный». Но *скрывают*, что план такого похода русских на Индию принадлежал вовсе не Павлу I; он возник у Екатерины II и серьёзно рассматривался ею (Павел I лишь привёл его в действие).

Разрыв России с Англией и союзниками означал для них катастрофу и в любом случае непоправимый удар по *британскому кошельку*, а также по *кошельку* крупных *российских землевладельцев* и торговцев (английская торговля в России была издавна очень сильна!). Из тайных *масонских* центров Англии и Германии русским масонам было приказано *устранить Императора* и как можно скорее!

Давно возмущённое отношением Павла I русское дворянство живо откликнулось на масонский призыв. Оно уже и до этого «подбиралось» к своему Государю. В 1798 г. русским масонам удалось посеять раздор в Царской Семье. Они оклеветали Государыню Марию Фёдоровну, как якобы стремящуюся править мужем и вместо мужа. Ему же одновременно «подставили» красавицу Лопухину — дочь крупнейшего масона, верную заговорщицу. Но дело чуть было не сорвалось из-за благородства Императора. Узнав, что Лопухина любит князя Гагарина, Павел I устроил их бракосочетание, находясь с Лопухиной в чисто дружеских отношениях. Масонам пришлось спасать положение так, что сам князь Гагарин стал содействовать сближению *своей жены* с Павлом I. Она поселилась в Михайловском замке и стала ценнейшим агентом заговорщиков. С осени 1800 г. заговор приобрёл планомерный и быстрый характер. В него были вовлечены граф Н.П. Панин (коллегия иностранных дел), генерал граф Пётр Алексеевич фон дер Пален, губернатор Петербурга, ближайший советник Царя, генерал Беннигсен (тоже немец), адмирал Рибас (родом с о. Мальта), братья Платон, Николай, Валерьян Зубовы и их сестра, в замужестве княгиня Жеребцова, *сенаторы* Орлов, Чичерин, Татаринов, Толстой, Трошинский, генералы Голицын, Депрерадович, Оболянинов, Талызин, Мансуров, Уваров, Аргамаков (пишут также Аргамантов), офицеры полковник Толбанов, Скарятин, некий князь Яшвилль, лейтенант Марин и очень многие другие (среди них даже генерал М.И. Кутузов, один из видных масонов тех лет). Во главе заговорщиков стоял *посол Англии* в Петербурге сэр Чарльз Уитворт. По некоторым данным через него Англия заплатила заговорщикам *два миллиона* рублей золотом.

Главнейшими заговорщиками были масоны-иллюминаты, действовавшие по принципу своего основателя Вейсгаупта: «клеветайте, клеветайте, — что-нибудь, да останется!». На Императора Павла I обрушились потоки клеветнических измышлений, цель которых была «доказать», что он — сумасшедший, душевно больной и потому в интересах народа (!) и династии (!) — не может находиться у власти. Клевета подкреплялась тем, что приказы Императора или не исполнялись, или извращались до абсурда, или его именем отдавались распоряжения явно безумного характера. В этом особенно преуспевал фон Пален. Он же начал внушать Павлу I, что его сын Александр Павлович (а также и Константин) при сочувствии Императрицы хотят свергнуть его с престола. И когда Павел I расстраивался этими сообщениями, его сыновьям Александру и Константину внушалось, что Император в силу болезненной подозрительности намерен их вместе с матерью, заточить навсегда в крепость, а на Престол России будто бы намеревается посадить молодого принца Евгения Вюртембергского, приехавшего тогда в Россию. Дворянское общество запугивалось тем, что Павел I в припадке безумия хочет одних казнить, других посадить по тюрьмам, третьих отправить в Сибирь. Пален был самым близким к Царю человеком и ему *не могли не верить!* А он меж тем, по его же позднейших признаниям обманывал всех, в том числе и Великого Князя Александра. Последнему поначалу внушалось, что речь пойдёт об отстранении от власти его отца — Императора (по причине «болезни») с тем, чтобы Александр стал регентом-правителем. Граф Н.П. Панин искренне хотел именно такого исхода дела, как и многие иные, не

потерявшие человеческого облика противники Павла I. Александр поначалу совсем не соглашался на заговор, готовясь терпеть от отца всё до конца. Но Панин, а затем Пален убедили его, что переворот необходим для *спасения Отечества!* Александр неоднократно требовал от заговорщиков клятвы, что они не позволят никакого насилия над его отцом и сохраняют ему жизнь. Эти клятвы ему давались, но заведомо лживо, как потом похвалялся Пален, только чтобы «успокоить совесть» Александра. Примерно так же уговорили и Константина Павловича. Переворот был намечен на конец марта 1801 г.. Перед этим умер Рибас, а Панин угодил в ссылку, откуда не успел вернуться. Всё руководство заговором перешло к Палену, изначально желавшему *умертвить Императора*. Об этом узнали многие верные Государю и предупреждали его. По своим каналам узнал обо всём и *Наполеон*, и вовремя поспешил поставить в известность Павла I. Наполеон вообще очень ценил Павла I как правителя, сохранив это высокое мнение до конца своих дней на о. Св. Елены. Ко всем политическим мотивам его нашествия на Россию в 1812 г. нужно прибавить и желание *наказать* Александра I за соучастие в гибели отца. 7 марта 1801 г. Павел I спросил Палена напрямик о заговоре. Тот подтвердил и сказал, что *сам стоит во главе* заговорщиков, так как только так и может быть в курсе дел и в нужный момент всё предотвратить... И на этот раз Палену удалось обмануть Государя, но он почувствовал, что это ненадолго, что сам он «повис на волоске». Нужно было спешить, тем паче, что Павлу I были преданы многие сановники, генералы и особенно все солдаты. Кроме того, иезуиты, враждовавшие с иллюминатами, всё прознали о заговоре. Днём 11 марта в приёмной Императора появился па-тер Грубер с полным и точным списком заговорщиков и данными о деталях. Но удалось не допустить аудиенции иезуита у Павла I. Пален внушал Александру, что его отец уже приготовил указ о заточении его и всей Царской Семьи в Шлиссельбургскую крепость, что поэтому нужно действовать без промедления. Из Михайловского замка, где жил Павел I, были удалены отряды верных ему частей. 11 марта 1801 г. отец пригласил сыновей Александра и Константина, лично спрашивал, не причастны ли они к заговору, и, получив отрицательный ответ, счёл нужным, чтобы они на кресте и Евангелии присягнули как бы вторично в верности ему как своему Государю. Сыновья *присягнули*, обманно... В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в Неву вошёл английский корабль с целью принять на борт заговорщиков в случае их провала. Перед этим из России был выслан Ч. Уитворт. К нему в Англию отправилась Жеребцова-Зубова, дабы там устроить заговорщиков, если им придётся бежать. В ночь на 12 марта до 60-ти молодых офицеров, из числа наказанных за проступки, были собраны у Палена и буквально накачаны спиртным. Один из них спьяну заметил, что для России было бы хорошо, если заодно перебить *всех членов Царской Фамилии!* Остальные с возмущением отвергли такую идею, но она говорила уже о многом! После сильной попойки ночью через Марсово поле все двинулись к Михайловскому замку. Здесь храбрых офицеров до смерти перепугали вороны, внезапно вспорхнувшие ночью огромной стаей и поднявшие сильный крик. Как выяснилось потом, некоторые из этой офицерской молодёжи даже *не знали*, куда и зачем их ведут! Но большинство знали. По очереди, двумя группами (пугая друг друга) им удалось ворваться в спальню Павла I, убив у дверей

одного верного стража камер-гусара (второй побежал за караулом). Павел I, услышав шум драки, пытался бежать через потайную дверь, но на него упал гобелен «Школа в Афинах» — подарок убиенных короля и королевы Франции. Заговорщики схватили Царя. Беннигсен объявил ему, что его арестуют, что он должен отречься от Престола, иначе нельзя ручаться за последствия. Крайне взволнованный Павел I на это ничего не ответил. Он порывался в комнату, где хранилось оружие, хотел вырваться из кольца убийц, но они плотно обступили его, дыша в лицо Императора винным перегаром и злобой. Куда девалось дворянское благородство! «Что я вам сделал?» — спросил Павел I. «Вы четыре года нас мучили!» — был ответ. Пьяный Николай Zubov схватил Императора за руку, последний дал ему по руке и оттолкнул негодяя. Zubov с размаху ударил Царя в левый висок золотой табакеркой, подаренной Екатериной II, повредив ему височную кость и глаз. Обливаясь кровью, Павел I упал. Озверевшие заговорщики бросились на него, топтали, били, душили. И задушили. Особенное усердие проявили Zubovy, Скорятин, Яшвиль, Аргамаков и, как думают, Пален (хотя есть основания полагать, что он лично в свалке не участвовал). Тут подоспел караул из верных Александру семёновцев (солдаты не посвящались в заговор). К караулу вышли Беннигсен и Пален, сказав, что Государь скончался от приступа апоплексии и на Престоле теперь его сын Александр. Пален помчался в покои Александра. Узнав о смерти отца, Александр зарыдал. «Где же ваша клятва? Вы же обещали не трогать отца!» — воскликнул он. «Полноте плакать! Нас всех сейчас поднимут на штыки! Извольте выйти к народу!» — закричал Пален. Александр, ещё в слезах, вышел и стал что-то говорить о том, как хорошо он будет управлять государством... Караул в недоумении промолчал. Действовать против Наследника Цесаревича солдаты не могли, но не могли они и понять, что же всё-таки произошло. Но простой Русский народ и тогда, и потом, и даже теперь (!) всё хорошо понял. *По сей день* (с того самого 1801 г.) верующие люди в случае притеснений сильных мира сего в Петербурге (и недавно ещё в Ленинграде) заказывают панихиды по «убиенному Павле», мысленно прося у него заступничества. И — *получают* просимое! И каждый год в ночь с 24 на 25 марта, по новому стилю, близ Михайловского замка слетается и вспархивает с великим криком большая стая ворон. Говорят, это — души злодеев царевубийц. Но это уже — разговоры!..

Итак, заговор русских дворян против неугодного им Императора удался. При *явном попустительстве* родных сыновей Павел I был убит. Старший из них, Александр, стал Государем Российским. В первые часы и дни ещё никто не подозревал, как в дальнейшем всё это скажется на судьбах страны и на личной судьбе и сознании самого Александра I. Все заговорщики кончили плохо. Одних устранил Александр I, других наказал Сам Господь. Быстро был удалён от всех дел и отправлен в имение в ссылку главный виновник царевубийства Пален. Там он долго *сходил с ума*, сделавшись полностью невменяемым. Также *сошли с ума* Николай Zubov и Беннигсен (Zubov стал пожирать собственные испражнения). Ложно объявив Павла I душевно больным, они стали сами душевно больными в действительности! Бог

порукаем не бывает. «Мне отмщение, и Аз воздам», — говорил Он. Радость дворянства Российского была не особенно долгой. Всё-таки и Александр I и затем — Николай I были *сыновьями своего отца!* И они и последующие Императоры уже не дали дворянству управлять собою. Как только русское дворянство поняло это, то есть, что больше оно *не властно над Самодержавиями* (а поняло быстро), оно стало стремиться к *уничтожению самодержавия в России вообще*, в чём и преуспело, наконец, в феврале 1917 г., правда — *себе же на гибель!..* Таков основной зигзаг политической российской истории, начиная с Екатерины I-й и кончая Николаем II-м.

Царствование Императора Павла Петровича *предопределило* последующие в самом *главном*. Как мы видели, этот Царь «повернулся лицом» к Православной Российской Церкви, утвердил устои Самодержавия и постарался сделать его подлинно народным. Лично ему всё это стоило жизни. Но этим были заложены дальнейшие *основы* государственной жизни России XIX и начала XX века: «*Православие, Самодержавие, Народность!*» Или, в воинском выражении — «За Веру, Царя и Отечество!».

Незадолго до мученической кончины Государь Павел I написал письмо, которое завещал вскрыть ровно через сто лет после своей смерти. Конверт хранился в Императорской Семье и никто из Царей не коснулся его. 24 марта 1901 г. это письмо было прочитано Государем Николаем II и оно произвело на него очень тяжкое впечатление. Содержание письма неизвестно. Но можно думать, что в нём было определённое предсказание о судьбе России и Династии. Посетивший тогда Россию принц Уэльский Альберт Эдуард, «великий магистр» английских масонов, позднее король Англии, как-то за столом сказал Государыне Александре Фёдоровне, что он находит профиль её Супруга очень похожим на профиль Павла I. Сравнение это никому не понравилось. Да и странным оно было, так как на самом деле лишь при очень большой фантазии можно было найти какое-то сходство. Но почему-то счёл нужным обнаружить его видный представитель того самого *английского масонства*, которое приложило руку к мученической гибели и Павла I и Николая II ...

В истории Государя-мученика Павла Петровича мы замечаем нечто новое. На образование и действия *решающей массы* дворянской «общественности» России не просто как-то влияет, а оказывает очень заметное и сильное давление *зарубежное масонство*. Такое влияние и давление, то ослабевая, или становясь незаметным, то усиливаясь до откровенности, будет отныне присутствовать вместе с влиянием еврейским *постоянно во всех важнейших российских делах*. И сколько бы ни выступали против таких выводов современные иудеи и масоны, а также их подголоски из «образованной общественности», пытаясь представить психопатами всех, кто говорит о «жидо-масонском заговоре» против России — исторический материал постоянно показывает (вопиет!), что такой *заговор возник* в конце XVIII в., осуществлялся и осуществляется поныне, так что без учёта его действий вообще невозможно ничего понять в нашей истории последних 200 лет.

Глава 21

СВЯТАЯ РУСЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII в.

Эта глава — одна из *наиважнейших* в нашей книге. Ибо здесь мы постараемся исследовать то, что «проскочило» *мимо* внимания почти всех исследователей русской истории.

Нечто главное и определяющее в жизни народа, как и каждого отдельного человека, чаще всего спрятано *в глубине* и являет себя лишь в неких особенных, чрезвычайных обстоятельствах и оттого может восприниматься как *случайное*. «Вытащить» его на поверхность, рассмотреть и определить как главное, далеко не всегда удаётся.

Особенными и чрезвычайными обстоятельствами Великодержавской истории XVIII столетия были явления, связанные с расколом до этого *цельной* русской жизни на две основных части, и враждующих и взаимодействующих, — на то, что тяготело искони к устоям Святой Руси и осознавалось как «третий Рим» и «Новый Иерусалим», и то, что стало, особенно с Петра I, неудержимо тяготеть к Западу, к обезбоженной Европе с её секулярными, те есть отсечёнными от Церкви, формами жизни. В предыдущем изложении мы уже видели, каким притеснениям, гонениям и унижениям подвергалась в России её главнейшая святыня — Православная Вера и Церковь! Мы также описали в общих чертах и то *сопротивление*, которое оказывала «старая» часть России «новой» её части, в связи с унижением этой святыни. Но что лежало в основе сопротивления (кстати говоря, не прекращающегося по сей день!)? Только ли косность, рутинность, невежество, леность противящейся части Великодержавского народа, как это иногда пытаются представлять даже весьма солидные историки? Скажем сразу, что, как эксцессы, как случаи жизни, были, конечно, в народной среде и косность, и невежество, и леность... Но эти силы исторической инерции (присущие *любому* народу) не были и не могли быть главными и определяющими. На стороне духовного российского сопротивления в XVIII в. мы видим таких *подвижников* духа, мысли и дела, как Святители Митрофан Воронежский, Димитрий Ростовский, митрополит Арсений (Мацеевич) и другие, таких *героев* как Иларион Докукин, архиепископ Досифей Ростовский, некоторые вожди астраханского бунта из числа вполне образованных. Всех подобных людей (а их было неисчислимое множество!) никак нельзя обвинить ни в «невежестве», ни в «лености». Даже Царевич-мученик Алексей Петрович, которого отец неоднократно упрекал именно в лености и в нежелании учиться и суетиться, при близком рассмотрении оказывается человеком, руководившимся вовсе не этими качествами (хотя они у него, действительно, были!), а *духовным несогласием* с «реформами» своего отца!

Таким духовным несогласием с Западом и с российскими западническими реформами, всегда вообще отличалось и отличается то, что обобщённо принято называть *Святой Русью*. А как иначе может относиться Святая Русь к

тому, что законная царская власть, как бы обезглавив (лишив Патриаршества) Церковь, пытается превратить её в один из госдепартаментов, подчинённых светскому начальству? Как эта наша исконная Русь могла воспринимать таких обер-прокуроров Святейшего Синода екатерининских времён, как граф И.И. Мелиссино, крайний **протестант** и масон, открыто предлагавший Синоду упразднить длительные посты и службы, почитание икон и святых, ввести женатый епископат (то есть упразднить монашество) и т.п.? Или — как бригадный генерал П.П. Чебышев, тоже масон, и полный **атеист**, говоривший принародно: «да никакого Бога нет!», и ругавший **матом** (тихо, но так, чтобы слышали) каждого **архиерея** в Синоде, который был не согласен с его мнением по текущим делам?! Между прочим, это ни дать ни взять — тип «уполномоченного Совета по делам религий» хрущёвского периода в СССР... Как иначе, как ни сопротивлением, могла встречать Святая Русь открытые **гонения** на Православное благочестие в XVIII в.?! Во времена Петра I они выражались, в частности, в запретах принимать в монашество дееспособных людей, без особого разрешения, и в третировании самого монашества как «тунеядства», в период бироновщины и Тайной Канцелярии гонение приняло вид **репрессий**, насильственной высылки в Сибирь и на Север наиболее духовных, одарённых, молитвенных и потому наиболее влиятельных в народе пастырей и монахов-подвижников; в «золотой» (или «блестящий») век Екатерины гонения выразились, в основном, в оттеснении, притеснении и унижении всякого молитвенного подвижничества как «фанатизма» и «суеверия» (так выражалась Екатерина II). Как вообще любой подлинно русский православный человек мог воспринимать то, что от самых **вершин царской власти** распространялось мнение, что просвещённость духовная, молитвенная, то есть просвещение Духом Святым — это **«тьма невежества»**, а подлинная тьма западного невежества в духовных вещах, прикрывающаяся образованностью в мирских науках — это «просвещение»? Пожалуй только — как **хулу** на Духа Святого, которая, по слову Христа, «не простится ни в нынешнем веке, ни в будущем»... Собственно, как раз **вопрос о просвещении** и был **главным** во всей многообразной и многосложной духовно-идейной борьбе тех времён! Часто он выливался в форму такого вопроса: «просвещаться или не просвещаться Русской Земле западными науками, западным **образованием**?». Что есть вообще наука? Что есть **просвещение**? Для Святой Руси искони наука — это то, чему человека **научает Дух Святой**, действующий и живущий в Теле Христовом — Церкви. **Просвещение** же — это освещение и освящение человека тем же Господом Духом Святым, от Отца (Небесного) исходящим. Таинство Крещения иначе в молитвах так и называется — **«Просвещение»** Русские слова «свет» и «свят» одного корня, означающего сияние, свечение, блистание. Отсюда просвещённые и наученные люди — это святые. И сама Святая Русь — это, прежде всего, **святые люди**. И если **смысл жизни** для всех русских православных людей искони — это сближение и единение с Богом из чистой любви ко Христу, а цель — достижение Нового Иерусалима, Царства Небесного, то о каких ещё науках, кроме духовно-молитвенных, о каком ещё **просвещении**, кроме церковно-таинственного можно думать и говорить?! О Западных «точных», или «естественных» (математика, физика, химия, астрономия,

медицина, инженерия и т.д.)? Если они способны обеспечить нужды обороны, строительства, ремёсел, торговли, то *инструментарий* этих западных наук можно взять в *готовом виде* с Запада или путём приглашения европейцев-мастеров, или путём обучения у них же нужного числа русских умельцев, что и делалось Русью с древнейших времён, как мы видели. Проблемы никакой тут не было. Проблема возникла когда Пётр I из-под палки стал *заставлять* русских учиться этим наукам в обязательном порядке, как некогда князь Владимир и особенно князь Ярослав Мудрый заставили русских учиться грамоте книжной. Но то были грамота и книжность, прежде всего церковная и духовная, имеющая целью *духовное и церковное просвещение* народа! Это понятно. А зачем нужно широкое (если не всеобъемлющее) просвещение физикой, химией, астрономией, или анатомией? Это непонятно для русских и в XVII—XVIII веках и сегодня, в XX веке! Русскому человеку и сегодня, в «космический век» *непонятно*, для чего он, самый этот *космический век, нужен?! То есть, для чего* ему, русскому православному человеку (да и вообще всему человечеству!) нужна эта новая Вавилонская башня науки и техники, иначе называемая научно-техническим прогрессом, или научно-промышленной цивилизацией? Для выживания в земных условиях бытия? Глупости! Или сознательный *обман*! Тысячи лет люди жили без научно-промышленного прогресса и прожили бы ещё сколько нужно, до Второго Пришествия Христова. Когда говорят, что данный «прогресс» — результат естественной эволюции (развития) человеческой деятельности в земном бытии, то это тоже *невежество*, или умышленная *ложь*. «Прогресс» начался лет двести тому назад (всего!) и, чудовищно ускоряясь, перевернул мир, творя за несколько лет такое, что раньше и за тысячу лет не создавалось. Это не эволюция, это подлинная революция! Так иногда и говорят — «Н Т Р» (научно-техническая революция!). Говорят также, что она приносит «пользу» в виде всё умножающихся элементов *комфорта* (например, всё более удобного расположения человеческого *зада* в автомобиле или кресле «офиса»). В глазах *русского* человека всё это такая *ерунда*, такой *прах* и *глупость*, ради которых *тратить жизнь* нет никакого смысла! *Православный* русский просто как бы уходит, внутренне отстраняется от этой Вавилонской башни, подобно тому, как от участия в древнем Вавилонском столпотворении Неврода отказался праведный Евер (см. начало «Повести временных лет»). Русский, лишённый Православной Веры, или посылает этот новый Вавилон куда подальше и *спивается*, или, пожалуй, интереса ради овладеет всеми нужными науками, но с тем, чтобы в один прекрасный момент, смеха ради, умышленно «нажать не ту кнопку» и пустить *весь этот мир* к чёртовой бабушке!.. Запад по-своему прав в своей боязни или в подозрении насчёт Русского народа! В *любом случае* опасность для Запада исходит именно от русских.

Но почему так? Чаше душой, подсознательно, а иногда и сознанием русские всегда видели, что в основе развития западных наук лежит вовсе не жизненная потребность, а гордостная претензия внешнего ума человеческого вторгаться без спроса в любые области бытия в уверенности, что этому человеческому разуму подвластно всё, что он может всё открыть, всё понять и всё правильно использовать для блага общества. Благом же общественным, или «общим делом» (республикой) Запад считает построение какого-то своего, особого, или

нового міра, так как мір Божий его не устраивает. В таком стремлении — древний как мір соблазн, изошедший от диавола-змия: «Будете как боги, **знающими** добро и зло»(Быт. 3,5). Сделаться «богами» **вопреки** Богу — за это человечество было лишено вечной жизни в Раю. Поэтому возникло желание **самим**, без Бога и **вопреки** Ему, построить для себя в земных условиях нечто вроде «рая» всеобщего благоденствия. Так была начата первая Вавилонская башня (столп), так началась и вторая, современная. Но, если — без Бога и даже **вопреки** Ему, то только с **диаволом**, при **его** помощи, через поклонение **ему**! Диавол и аггелы его — демоны (бесы) в таком случае **дают** ищущим кое-какие **знания**. Принимать их от этих сил — всё равно, что вновь вкушать от «древа познания добра и зла» и отпадать от Бога. Однако мало того, что при всём своём уме падший архангел-диавол (Люцифер) **ограничен** в знаниях, как тварь Божия, он к тому же сообщает нечто от знаний людям ещё и с **издёвкой**, с насмешкой над ними. Вот как это происходит. Современный русский мыслитель В. Тростников особенно наглядно показал, что основные принципы, постулаты современных наук были установлены членом всемірного тайного «братства» (то есть масонства, в глубинах своих почитающего Люцифера «богом») Фрэнсисом Бэконом и, в сущности — ненаучны! Излагая своими словами суть дела, скажем, что в методы исследований (в любых областях знания) умышлено положено правило принципиальной обезбоженности. Это значит, что в причинно-следственных связях (физических, химических, исторических) и событийных цепях **не должно** учитываться никакого Божия присутствия, ничего сверхъестественного! Основанные на **таком** постулате науки, претендовавшие чуть ли не на «**всемогущество**» разума, довели дело до **абсурда** атомной бомбы и всемірной экологической катастрофы, до абсурда **самоуничтожения** человечества! Это хорошо видно теперь, в конце XX в. Но в XVII—XVIII веках этого ещё не было видно. Внешне видимым были несомненные **успехи** западных наук и знаний в их прикладном применении,— в промышленности, строительстве, торговле, военном деле и т.д.. Однако русское **православное** сознание и тогда, в те далёкие времена чувствовало обезбоженность и, значит, **богопротивность** западных наук. Результаты их прикладного применения в ремёслах, военном деле и иных внешних делах на Руси вынужденно принимали. Но занятия самими науками (скажем, высшей математикой, химией, или астрономией) почитались «**чернокнижьем**», наравне с занятиями колдовством и магией!.. И правильно! Как хорошо показал Д. Фрэзер, магия и наука имеют **одинаковые** принципы подхода к действительности и обе — **противоположны** религии. А мы добавим: противоположны ещё и потому, что имеют **один источник** — **преисподнюю** земли с диаволом и бесами, царящими над земными стихиями. Из этого же источника истекает в человечество и **пафос творчества**, вдохновляющий учёных, художников и артистов всех видов. Поскольку в нынешнем земном состоянии человек **помячен грехом**, то до водворения его в Царстве Небесном, в данной земной реальности, **творчество** человека тоже неизбежно оборачивается конфузом и крахом — самоуничтожением культуры и жизни. Но это — в конечном счёте, в **перспективе**. А **поначалу** пафос творчества рождает Леонардо да Винчи, Рафаэлей, Растрелли, Ломоносовых и Кулибиных.

Вместе с тем хорошо известно, что с древнейших времён, как бы искони в человечестве и в том числе в Русском народе *были* и определённые *научно-технические знания* (в земледелии, строительстве, ремёслах, военных и государственных делах) и *определённое творчество* в живописи, архитектуре, словесности, ткачестве и т.д.! Были! А научно-технического прогресса *не было!* В чём же разница? В том, что исконные древние знания и умения в самых разных областях человеческой деятельности были *дарованы* человечеству *Богом* для необходимого обустройства в земных условиях бытия. И не более того! И такие знания и умения передавались из поколения в поколение как священные, то есть *ненарушимые*, изменять которые с целью наживы и корысти считалось великим *грехом*. Поэтому и не было «прогресса» и НТР. Хотя отдельные усовершенствования и новые изобретения изредка появлялись и принимались. Но именно настолько *изредка*, что назвать их «прогрессом» в современном значении никак нельзя!

Следовательно, имеется какая-то, пока ещё не определённая исследованиями область знаний и творческих способностей, которые чисты от бесовских примесей, дарованы *Богом*. За чертой или границей этой области начинаются знания и способности получаемые *от дьявола*. Последние и взяты в основу «прогресса» и нового Вавилона. Для таких знаний и способностей уже нет ничего священного ни в каких технологиях и ничего запретного ни в каких областях бытия («всё открыто!»). Здесь господствуют *страсть* любопытства о запретном и *страсть* к наживе, когда *всё* определяется принципом: при наименьших затратах — наибольшая прибыль!

Как мог появиться и возобладать в жизни народов (европейских, христианских!) такой принцип, при всеобщем *многотысячелетнем* религиозном восприятии трудовых, ремесленных технологий и навыков как сакральных (священных) и потому *неизменяемых*? Очевидно, тоже религиозным путём, то есть с помощью какой-то *религии*, которая *опрокинула* бы традиционное мировосприятие. Такой религией и был *талмудический иудаизм*, где религиозной добродетелью почиталось как можно большее накопление *золота* и через ростовщический *процент*, и через рационалистический принцип: при наименьших затратах — наибольшая прибыль! Для *посвящённых* вождей иудаизма золото и богатство — не самоцель, а лишь *средство* к приобретению *власти над миром*, с тем, чтобы передать её своему ожидаемому «мессии», «иудейскому царю», то есть *антихристу*. Но без помощи и участия «гоев», то есть неевреев, достичь всего этого было бы невозможно. Для привлечения гоевской массы к своему иудейскому делу и было создано всё то, что в конце XVII века оформилось как система мирового *масонства*, или точнее — *иудео-масонства*. Оно органически впитало в себя различные оккультные тайнознания, хранившиеся и развивавшиеся в тайных кастах, братствах, обществах разных времён и народов после разрушения Богом первого Вавилонского столпотворения. Они, эти тайнознания, и стали основой *научных знаний* нового времени. Подключившись к производству и ремеслу, эти демонские науки и создали *феномен научно-технического* (промышленного) «*прогресса*», подлинную революцию в производстве и сознании людей. Она не могла осуществиться в полной мере без *революций политических*, подготовляемых идейно, — в час-

тности с помощью философии «просветителей». Политические революции, совершаемые иудео-масонством, как раз начиная с XVII столетия (!), уничтожая основы монархий и сословного устройства общества, предоставляли иудеям свободу и равенство со всеми членами общества, чтобы можно было «развернуться» в промышленном и ином предпринимательстве с теми капиталами, которые были накоплены давно *ростовщицеством*. Для массы *непосвящённых* гоев-европейцев (да и рядовых евреев!) возникал величайший *соблазн* погони за наживой, конкуренции и борьбы, весьма привлекательных для тех, кто не хочет жить по Закону Божию. Западное «христианство», особенно — протестантизм, подыскивало удобные *религиозные* (!) оправдания всему этому. Европейцы *включились в суету* новой научно-технической цивилизации, не подозревая, что эта цивилизация со всеми процессами экономического и политического объединения (интеграции) народов и государств под благовидными предложениями интернационального единения человечества во имя мира и прогресса, является *собранием*, объединением человечества в новом Вавилонском столпотворении с одной целью — воцарения над миром «мессии» — антихриста, число имени которого будет «шестьсот шестьдесят шесть», как сказано в Апокалипсисе Иоанна Богослова. Особенным препятствием на этом пути являлись, конечно, национальные монархии, в том числе и *особенно* — Русская Православная Монархия, стоящие на страже интересов народов и христианской веры в них. Поэтому против монархии и была брошена идеология «*демократии*» как якобы более *справедливого* устройства общества. Демократии как правления народа самим собою никогда не было и не может существовать в природе! Это обман людей. Им даётся видимость (иллюзия) участия в управлении государством через многопартийные системы и борьбу партий, тогда как на самом деле всем и вся управляют скрытые от глаз общества иудео-масонские организации с чёткой *иерархией*, строжайшей *дисциплиной*, где никакой «демократии» *не допускается!* Мы потом увидим на примере России, как это происходит. Сейчас отметим, что такие «демократические» устройства обезпечивают и обслуживают наилучшим образом и развитие НТР, и идейно-нравственное *перевоспитание* людей в направлении отпадения от Христа и правды Его с приближением к антихристу и *его лжи*. Сейчас, когда уже вполне ясно *кто* и *как* правит миром, только *дураки обыкновенные* могут быть искренними сторонниками республиканского и демократического устройства общества. Но в XVIII в. многие вполне умные люди ещё верили, что такое устройство сулит «светлое будущее» народам. В те времена только зарождавшийся в Европе научно-технический прогресс многим представлялся панацеей от всех бед, действительно — прогрессом, *движением вперёд*, от невежества и бедности, к просвещению и достатку. Для развития и обслуживания такого революционного научно-технического, политического, социального и идейно-нравственного «прогресса» и потребовался *новый вид или тип «образования» и «просвещения»*. Он и был создан в Европе и представлял собою, как мы теперь ясно видим, овладения теми *знаниями* (науками), которые исходят *не от Бога, а от диавола*, и имеют целью не простое *обезпечение жизни* людей в земных условиях бытия, а их совокупное, совместное — *движение к антихристу*.

Против всего этого «просвещённого» («научного») безобразия Русь Православная, Русь Святая *стояла стеной и насмерть* в течение лет трёхсот (с XV по XVII в. включительно). Это не было сопротивлением образованию *вообще*, как иногда пытаются представить дело. Ибо искони на Руси существовало *ми́рское образование всех уровней*, от начального до высшего! Но оно было своим, не по западным системам устроенным, и было тем видом образования, который предполагает овладение знаниями не противными Богу и имеющими цель простого обеспечения жизни и *обороны* Руси (с тем, чтобы уберечь в ней главное — общее движение народа *как целого* во Христе к *Новому Иерусалиму* из чистой любви ко Христу, в рамках, в условиях *Третьего Рима* — Православного Самодержавного Царства). Тем самым Русь, Россия не только *противостояла* Западу; она и предлагала ему *пример, образ* общественной жизни по Евангелию! И если бы Запад это *принял*, то исчезла бы стена, враждебности между ним и Великой Россией! *Вместе* пошли бы ко Господу. Но Запад предпочел пойти за иудео-масонством к антихристу. *В этом вся суть великого исторического конфликта между Западом и Востоком.*

Итак, мы увидели два типа или вида *ми́рского* образования (а мы пока ведём речь только о *ми́рском* образовании). Один — соответствующий исконным обычаям всех культурных народов *до* начала научно-технического «прогресса». Другой — соответствующий этому «прогрессу». Один — это знания, от Бога данные. Другой — знания от змия-диавола. Как в Великой России до Петра I действовала отечественная система образования? *Начальное* образование было, как недавно выяснилось, почти *поголовным*, особенно в городах. Да и в сёлах — примерно тоже. Дети обязательно отдавались учиться грамоте в школах при церкви, или в домах грамотных людей. Учились, читать, писать и считать по «учительным» Псалтирям и Евангелиям. Одновременно в семьях потомственных ремесленников и купцов шло как бы *среднее специальное* образование — усвоение «хитростей» и «художеств» ремесла или искусства. Для тех немногих, кто имел особые дарования и желание достичь совершенства знаний, был открыт доступ в своеобразные «университеты» и специальные «ВУЗы». Библиотеки монастырей, книжные монахи, особые знатоки определённых ремёсел из мирских людей, а также учёные «немцы», то есть западные иностранцы-мастера, которые *всегда были* на Руси, — вот составные *высшей школы*, которую мог пройти любой одарённый и желающий русский человек! И проходили многие. И становились, в итоге на удивление всем часто не только вровень с мастерами-европейцами, но и выше, *искусней* их! На базе такой древнерусской, естественно сложившейся, *системы образования* (просвещения) и была создана *дивная культура* храмо- и градостроительства, иконописи, иных искусств, военного дела и государственности, которую только теперь Запад для себя начал *открывать* и начал восхищаться ею. Разумеется, как и всё в этом мире, исконно-русская система образования не была совершенной, а кроме того по временам случалось заметное оскудение своих учёных и мастеров. Тогда спешили исправить положение, заполучить нужных помощников с Запада. Мы помним, что одной из важнейших причин войны Ивана IV в Ливонии за выход к Балтике было сознательное *нежелание* западных держав *пропускать в Россию* учёных специалистов. Помним также, что за западными учёными и мастерами в Рос-

сии зорко *сводили*, дабы они сообщали русским только технические сведения и практические навыки, не сообщая никаких своих религиозных или философских блудомыслий.

Однако, как раз с XVII в. Запад сам стал «стучаться» в Россию со своими науками и своим типом «просвещения». Мы знаем, как Римский папа советовал Лжедмитрию I заводить в России университет и обучать юношество «свободным наукам»!.. Начался натиск западных духовно-идейных, и культурных (в духе *Возрождения и Реформации*) влияний Запада на Россию. Такому натиску нужно было поставить особую *защиту* в виде *просвещения Православного*, духовного, способного не только к идейному *опровержению* западных антихристовых лжеучений, но и к дальнейшей разработке *позитивных*, положительных *духовных знаний*, то есть *науки* верного *восхождения* к Богу и *преображения* человека в «новую тварь», во образ Христов!

Такая наука *давно была*, она содержалась в наследии восточного, особенно афонского *монашеского подвижничества*, продолженном и развитом в наследии своего, *русского* подвижничества, начиная с Антония и Феодосия Печерских и продолжая особенно — преп. Сергием Радонежским и *школой* его учеников. Но в XVII в. в связи с. основным расколом Великороссийского общества на верных Православию и стремящихся к Западу, развитие *этой* науки сильно, ослабло, стало заметно скудеть и в глазах многих в обществе вообще перестало казаться *наукой*. Стало *казаться*, что, нужна школа западного образца, но с православным содержанием, то есть, прежде всего школа идейного, *умового богословия*, которое потом так и стадо называться богословием *школьным* (академическим), оснащённым знанием древних *языков* (греческого и латинского), риторики, диалектики (искусства спора), пиитики и т.п.. Здесь мы имеем в виду уже *чисто духовное* (не мирское) *образование и просвещение*. Вот тут-то и началось *самое важное и интересное!*

Мы видели, что почти весь XVII век прошёл под знаком стремления завести в Великороссии высшую духовную школу, но — обязательно только *православную*. Кое-какие школы заводились, но имели исключительно практический характер подготовки *переводчиков* книг с греческого, латыни и иных языков. Устраивать школы или академии с «академическим» богословием и боялись и *не понимали* для чего *такое* богословие нужно! Боялись потому, что знали заведённую в Малороссии Могилянскую Киевскую академию, где скопирована была иезуитская система преподавания и где с латинством боролись протестантской схоластикой, а с протестантизмом — схоластикой латинской и в итоге *заражались* то латинскими, то протестантскими ересями... Учёных православных греков заполучить было трудно, да и им не очень доверяли, по тем же причинам опасности уклонения от Православия. Не кончавшие никаких специальных семинарий и академий протопоп Иван Наседка и старец Арсений Суханов в спорах с протестантами и греками показали прекрасные способности, знания и умение идейно обосновать правоту Православия. Также не проходивший университетов, в западном значении, Патриарх Никон явил образец глубочайшего богословия, канонического мышления и оказался профессиональным архитектором — строителем высочайшего мирового уровня! Отсюда в *православном* Великорусском обществе всё же *не понимали*, для чего нужны

какие-либо «высшие школы», кроме школ переводчиков! Патриархи Иоаким и Адриан *саботировали* открытие Московской духовной академии, боясь, что она окажется под влиянием латинства или иного еретичества. И опасения были не напрасными! Однако зараженная *западническими* симпатиями часть Велико-российской «общественности» *требовала*, чтобы и в России в деле образова-ния, как и в иных делах, было, как на Западе!

Мы уже отмечали, что Русская Церковь, в соответствии с богоданным *зако-ном свободы* человеческой воли, *вынуждена была* после долгих, многих пре-дупреждений, увещаний, запрещений, сдерживаний, всё же дать этому западни-честву в Великорусском обществе «зелёную улицу». И мы видели, к какому *погрому* Православия, *погрому Святой Руси* это привело в XVIII в.!

Средние духовные школы (семинарии) и высшие (академии) в России были созданы, по западным образцам. Крупнейшими стали — первая Московская академия, затем возникшие по велению Павла I Петербургская и Казанская. Поначалу в них преподавали в основном выпускники Киевской Могилянской академии — малороссы. Но во второй половине XVIII в. их уже заменяли с успехом учителя из Великороссов. Малороссы в те времена явились не только образцами учёности, они заполнили почти все русские епархиальные управ-ления и учреждения Синода. Ловкие и исполнительные, готовые льстить и угож-дать начальству они представлялись лучшими, чем Великороссы, «администрато-рами», хозяйственниками, блистали красноречием и образованностью. Сре-ди них, как уже говорилось, были люди глубоко православные и даже святые. Но в *большинстве* малороссы являли пример людей двоедушных, корыстных, на редкость подлых и совершенно продажных. Они *первые* показали на своём примере, что внешняя (западная) образованность и просвещённость науками в том числе и богословскими никак *не влияет* на духовную жизнь человека! Пос-ледняя от наук не зависит или точнее зависит от каких-то *других* наук... И здесь дело было уже не только в национальных особенностях малороссов. Западное католическое и протестантское богословие в способах исследования и образе мышления приближалось к западному «научному» мышлению, в области не-богоданных демонических наук. Кроме основного правила принципиальной обезбоженности в причинно-следственных связях и событийных цепях, такое мышление отличается *систематизированием* материала исследования по прин-ципам очень условным, а порой произвольным, надуманным, где всё раскла-дывается по рубрикам — «полочкам», по частям. Части (рубрики — полочки) системы не отражают никакой действительности, но помогают «овладеть» ма-териалом в смысле его более удобного запоминания, хранения и нахождения нужного в нужное время. Систематизация стоит в прямой связи с основным *методом* исследования, состоящим в рассудочном *анализе* и последующем *син-тезе* явлений. Даже объекты внешней материальной реальности, а тем паче объекты духовные, изучаемые богословием, суть *цельные* живые явления. Ана-лиз — это их разложение в прямом или переносном смысле. Разложение на ча-сти — неизбежно всегда *умерщвление*. И когда вслед за этим происходит по-пытка *синтеза* (соединения, обобщения мёртвых частей, элементов) получает-ся *бездушная синтетика*, тоже и в прямом и в переносном значении. Бездушная потому, что в ней уже нет прежней жизни, нет Бога, Которого предварительно

убрали из цепи своих рассуждений. Мы уже видели, к чему привели *такие* науки в области внешней жизни мира. Теперь посмотрим, к чему они привели в богословии и духовном образовании российских академий и семинарий. Один из самых учёнейших русских иерархов XX в., сам бывший ректором двух академий, блаженной памяти Митрополит Антоний (Храповицкий) ещё до революции говорил, что духовные школы выпустили из своих стен больше атеистов, чем верующих. И правда, целый ряд дореволюционных семинарий стал рассадником революционных идей, а выпускники их в *полном* составе отказывались посвящать себя служению Церкви. Тот же Владыка Антоний заметил, что настоящие российские пастыри, вроде святого о. Иоанна Кронштадского, часто сами учившиеся в академиях, с теплотою и любовью о них вспоминают, с уважением в руки возьмут богословские труды, вышедшие из академических стен, но почти *ничего* (!) из всего этого академического наследия *не используют* для своей *пастырской* практики! Для последней базой всегда будут служить Священное Писание, жития святых, поучения святых отцов Церкви, богослужебные тексты и тексты церковных молитв... Один из самых известных современных учёных профессор-протоиерей Георгий Флоровский в фундаментальном труде «Пути русского богословия» *не увидел*, в сущности, никакого единого богословия на Руси! Всё оно у него оказалось «в каких-то разрывах», непонятных ему скачках и «заимствованиях». Другой профессор-протоиерей Александр Шмеман, восстав против старой «схоластики» и духовно-символического подхода к изучению Православного богослужения, предложил *научно-исторический* подход. И у него получилось, что наше богослужение — результат соединения различных исторически случайных «напластований», где редко — удачные «синтезы», а большей частью — одни отступления от первоначального христианского закона веры, которым определялся и закон молитвы (профессор сам эти законы открыл). Он призывает православных «вернуться к истокам воды живой», каковыми по его мысли, оказывается «иудео-христианство» «на иудейской основе»... Вот такое «богословие». И выдаётся оно тоже за «православное», хотя с Православием не имеет воистину ничего (!) общего. Таковы итоги развития российских духовных школ, изначально устроенных по западным образцам. Такое «духовное» образование для жизни народа в Боге в лучшем случае вполне *бесполезно*, а чаще просто *вредит* этой жизни. Но в XVIII веке именно такого рода богословы, умевшие блеснуть красноречием, знанием языков, западных философий и мирских наук, почитались истинно *просвещёнными*, а неучёные подвижники-монахи, просвещаемые Духом Святым — «невеждами» и «ханжами».

Что же можно сказать о развитии *светского*, мирского образования в Российской Империи XVIII века?

Основанное на принципах обезбоженности, систематизации, анализа и синтеза, оно ещё более отдаляло от Бога, чем школьное, академическое богословие. А гуманитарные дисциплины (история, литература, философия), опираясь на языческие эллинские произведения и современные европейские, особенно — французские, образцы, прямо вели к идейно-нравственному *развращению* общества (в бытовой сфере — просто к разврату), о чём с тревогой заговорили тогда сами же «русские европейцы». Известный историк и писатель князь

Щербатов выпустил знаменитое сочинение «О повреждении нравов в России», название коего говорит само за себя. При Екатерине II исконные русские домашние и церковные школы для детей были запрещены, как не научные и способствующие суевериям. Местным властям «высочайше» было предписано заводить «правильные» школы с хорошим преподаванием. Но тогда таких школ на местах по ряду причин завести не смогли, а старинного типа «самодеятельные» школы исчезали, как в сёлах, так и в городах. И оказалось, что «просвещённый век Екатерины» положил начало широкому распространению *безграмотности и невежества* в массах Великорусского народа, как в низших слоях населения городов, так наипаче — в деревне. В городах, как мы помним, в основном для высших сословий были созданы школы и гимназии. Появились тогда и мужские лицеи и женский Смольный институт... Там изучались, мирские науки, но нужно же было и там преподавать что-то духовное! Императорская власть понимала, что нельзя не учить религии. Напротив, в интересах власти было использовать Православную Веру и Церковь и православное образование как *средство* к воспитанию «новой породы» дворянских (прежде всего — дворянских) отцов и матерей в духе преданности власти, определённой «морали» и честного исполнения долга. Но в «обществе» тогда Закон Божий считался уже предметом чисто «поповским». Как быть? Было предписано «не заражать детей суеверием и фанатизмом», то есть *не рассказывать* им о Ветхозаветных наказаниях Божиих, *о чудесах и о Страшном Суде* (!), а внушать преимущественно «*правила морали*», «естественной (!!) религии» и «важность веротерпимости». Какая от такого «Закона Божия» получалась «новая порода» людей, мы ещё увидим в дальнейшем. Ныне же отметим, что таким образом в Российской Империи насадилось и утвердилось как официальное, государственно и общественно признаваемое, только такое образование, какое основано так или иначе на знаниях и науках, исходящих от диавола, а не *от Бога*.

Вместе с общим погромом всего истинно духовного — это стало *ударом* по Русскому Православию, что называется, *в самое сердце!*

И вот некоторые последствия. Из числа праведных людей, чья жизнь протекала в XVIII веке, к лику святых оказались причислены только 7 (семь)! В XVII в. таковых было 31, а в XVI — 85... Конечно, такая статистика святости полной картины дела не передаёт, но *отражает* духовное состояние общества и народа! В число святых мы пока не включаем преподобного Серафима Саровского Чудотворца. Сей величайший из русских святых, хотя и родился и жил более 40 лет в XVIII веке, но прославился и оказал особенно сильное влияние на российскую жизнь второй половиной своего подвижничества, протекавшего уже в начале XIX столетия. Он — духовная *связка* двух этих веков. Мы сочли более уместным поведать о нём в истории XIX в. Что же до наших святых XVIII в., то они, в большинстве, — *епископы!* Дмитрий Ростовский, Иоанн (Максимович) Тобольский, Иоасаф (Горленко) Белгородский, Тихон — (единственный из Великороссов) Воронежский, Задонский; Иннокентий (Кульчицкий) Иркутский. И только одна подвижница — блаженная Ксения Петербургская. Лишь теперь, в наши дни, к этим святым прибавляется преподобный Паисий Величковский и, возможно, будут прибавлены некоторые другие. «Расклад» святых XVIII в. *отчасти* был вызван причиной искусственной: «общество»

(и власть) соглашались признать, святыми только таких людей, у которых несомненная высота и чистота православной духовно-молитвенной жизни непременно *сочеталась* со светской *учённостью*! А таковыми прежде всего являлись святители, поскольку и подбирались тогда только из «учёных» монахов. Их значение для России *огромно*! Святые снискали жизнью и делом доказывали и показывали обезбоживающейся через науки «общественности», что вера и разум, духовность и знания *не противоречат* одно другому, как это пытались представить «общественности» уже тогда! И всё же нужно признать, что выдающихся святых в России в XVIII в. действительно оказалось мало. Погром духовности и Православия сильно дал себя знать. Но он *не смог уничтожить совсем* то, что названо было давно Святой Русью! Восемнадцатый век эту Святую Русь лишь очень потеснил, оттеснил от поверхности государственной и общественной жизни. Но от этого Русь Святая стала только, как бы сжимаясь, *спланиваться, собираться, укрепляться* так, что в конце XVIII в. выступила, наконец, с таким *православным оружием*, против которого оказались, безсильны все демонические знания и тайнознания вместе взятые!

Речь пойдёт опять-таки о «науке», о «просвещении», но только — подлинных, православных. Мы о них уже говорили и отметили, что эти подвижнические науки в XVII—XVIII веках стали ослабевать в развитии, даже и забываться. Гонения на монашество, на делание Иисусовой молитвы в XVIII в. многому ещё более повредили. В монастырях иногда почти *запрещалась* эта молитва, приветствовалась распущенность. Одному Богу известно, сколько претерпел от своих же братьев-монахов св. Тихон Задонский, ушедший на покой *не случайно*, а из несогласия с позицией церковного официоза. Он предавался молчанию и молитве, а монахи поносили его в глаза, называя «ханжой». Это ещё ничего! Многие поплатились за своё «ханжество» арестами и ссылками. В семинариях и академиях тогда также насаждались вольнодумство и распущенность и порицался, настоящий молитвенный подвиг.

И, несмотря на всё это, Русский народ *в целом* тянулся, как встарь, как всегда, к людям по-настоящему православным, прежде всего — к подвижникам. Мы уже упоминали Блаженную Ксению Петербургскую. Она явила в XVIII в. яркий пример древнего подвига юродства. И где? В Петербурге («парадизе» Петра I), где всё, кажется, было устроено так, чтобы людей соблазнить западными формами жизни. Даты рождения и смерти блаж. Ксении не известны. Отмеченным историей первым проявлением её особенных дарований явилось предсказание ею кончины Императрицы Елизаветы Петровны в 1761 г. Поначалу Ксения жила, «как все,» была замужем за придворным певчим Петровым, имевшим чин полковника. У них был свой дом в столице, жили не бедно, средне. Нежданно в расцвете лет муж Ксении умер. Это стало для неё потрясением, приведшим к ясному сознанию бренности этого мира и полной ничтожности всех земных сует. Она оделась в мужские одежды покойного, назвалась его именем — Андрей Фёдорович и заявила, что умер на самом деле не он, а его жена Ксения, что было духовной правдой: она умерла для мира. Потом она стала носить бедную женскую одежду и башмаки на босу ногу, бродя так (без шубы) и зимой и летом. Дом свой она подарила одной знакомой, к которой потом изредка заходила. Блаженная Ксения целила людей, обличала

неправды богатых, денег серебряных в виде подаяний не брала никогда, только — медные. Но и их раздавала нищим. Многим предсказывала их будущее, но всегда только — для пользы души, не стремясь сделаться предсказательницей. Безумный вид, странное поведение Ксении кого-то в «обществе» раздражали. Полиция взялась проверить, что делает и где находится эта нищенка по ночам. И выследили. Оказалось, по ночам Блаженная Ксения в любую погоду стоит на поле за городом и молится на все четыре стороны света. Так никто и не знает, где она преклоняла голову для отдыха и спала ли вообще... Она ушла из этого мира так же незаметно, как и пришла. Полагают, по косвенным данным, что кончина её последовала около 1806 г. Влияние Блаженной Ксении на петербуржцев после её кончины не уменьшилось, а *возросло*. Её почитали святой и обращались к ней с самыми разными просьбами, получая просимое, особенно в случаях денежных бедствий. Над могилой её на Смоленском кладбище построили часовню, где служили по ней панихиды. В «советское» время к этой часовне, где служб уже не было, во множестве приходили люди, порою совсем не церковные, например, молодежь и оставляли на стенах записочки с просьбами к ней. Среди них можно было встретить такие: «Блаженная Ксения, помоги сдать марксизм-ленинизм!». И, говорят, помогала!... Скорая помощь её в житейских скорбях и несчастьях — это духовный опыт 200 лет Великороссийской истории. Но только недавно Русская Зарубежная Церковь причислила Ксению к лику святых. Её житие — наглядный пример, что в условиях «новой», «просвещённой», западнической России могло как ни в чём ни бывало процветать исконное *древнее русское благочестие!*

В этом Блаженная Ксения была, к счастью, не одинока. Одновременно с нею подвизался Святитель Тихон Воронежский, из Великороссов († 1783). Он окончил Новгородскую семинарию и сочетал в себе образованность и духовность. Став епископом, он однажды сильным словом увещания к горожанам уничтожил совсем в Воронеже языческое празднование Ярила, сопровождавшееся непотребствами. Под влиянием *протестантского* сочинения Иоанна Арндта «Об истинном христианстве» Св. Тихон написал такое же сочинение, ставшее сильным призывом к людям веровать не только умом, но *самую жизнь* следовать Евангелию.

Прославился молитвенностью, не стяжанием, особым нищетолюбием и митрополит Тобольский Иоанн (Максимович), причисленный к лику святых в 1916 г. (а умер в 1715 г.). Его потомок, из той же фамилии Максимовичей и тоже по имени Иоанн, архиепископ Шанхайский, а затем Сан-Францисский, наш современник (†1966г.) в наши дни (с 1994 г.) прославляется тоже в лике святых!

Святитель Иоасаф Белгородский (Горленко) из малороссийской почтенной семьи, оставив мирскую карьеру, ушёл в монашество. Также сочетал образованность и высочайшую молитвенность. К подобному подвигу привёл и своего отца. Прославил обретенную чудотворную Песчанскую икону Божией Матери. Был очень строг к подвластному духовенству. Но — с рассуждением, во спасение души и на благо Церкви. В его епархию в те времена входил г. Курск. Здесь Св. Иоасаф незадолго до смерти (в 1754г.) освятил место строительства Сергиево-Казанского кафедрального собора, ставшего делом жизни всей семьи купцов строителей Машниных, из которой и произошёл Преподобный

Серафим Саровский. Он рос в Курске рядом и вместе с этим собором, дождался полного завершения его строительства в 1778 г. и только тогда ушёл в Саров. Все его жития обязательно отмечают, что благословение и напутствие на монашеский подвиг в Сарове он получил в Киеве от известного там подвижника — старца Досифея. Но немногие знают, что Досифей этот был, то есть *была* — женщиной! Последнее обстоятельство обнаружилось только после её смерти 25 сентября 1776 г. в возрасте 65 лет в мужской Китаевской пустыни Киево-Печерской Лавры. Выяснили тогда, что она была девицей Дарьей Тяпкиной из благородной дворянской семьи. В юности соприкоснувшись с монашеством, она тайно оставила отчий дом и под видом юноши-инока подвизалась сперва в Троице-Сергиевой Лавре, потом в Киеве. Славилась прозорливостью, все ощущали Божию благодать от этого «старца».

Подвиг — редчайший даже в древней Восточной Церкви, а в Великороссии, кажется, и единственный! В Ивановском женском монастыре в Москве подвизалась монахиня Досифея, в миру — княжна Августа Тараканова, дочь графа Алексея Разумовского и Императрицы Елизаветы Петровны. К этой благодатной подвижнице за советами обращались братья Путиловы, из коих один будущий святой старец Моисей Оптинский, а другой — подвижник Сарова монастыря старец игумен Исайя. Монахиня Досифея скончалась 4 февраля 1810 г. и погребена была в родовой усыпальнице Романовых в Новоспасском монастыре в Москве. На похоронах были члены семьи Разумовских и высокие сановники государства. В ранней юности Августа была матерью отправлена за границу. Вероятно, там её как-то встретила та самая прелестница-авантюристка, которую выкрал потом из Италии А. Орлов. Мы вынуждены сделать предположение о личном знакомстве двух «княжён Таракановых» потому, что у подложной «княжны» оказался на руках документ (свидетельство о рождении), говорящий о том, чьей дочерью является таинственная «княжна». Выкрасть подлинник документа, или сделать с него искусную копию-подделку можно было лишь находясь в общении с настоящей Таракановой. Подвизалась тогда же в России монахиня Александра (в миру Агафия Мельгунова, из дворян Белокопытовых). Она основала Дивеевскую обитель, много помогала мужскому Саровскому монастырю, была лично знакома с преп. Серафимом, ему завещала попечение о дивеевских сестрах. Преставилась в 1789 г. В петровское время в Соловецком монастыре прославился строгим подвигом иеросхимонах Иисус, до схимы — Иов. Он был *духовником* Петра I и был сослан духовным «сыном» своим на Соловки по обвинению в сочувствии Талицкому, объявившему Петра I антихристом. Вскоре Пётр I стал просить его вернуться, но Иисус отказался. Вероятно, вина его была минимальной разве лишь в том, что «знал и не донёс». Сей Иисус сподобился в 1712 г. видения Пресвятой Богородицы, которая повелела ему на горе, названной Ею «Голгофской» устроить *Распятскую* церковь и скит. С таким наименованием нигде никогда церковей не было! Только в «советское» время стало понятно веление Матери Божией. Здесь на Голгофской горе в церкви в честь Распятия Христа чекисты устроили настоящую «голгофу» для сотен мучеников Соловецкого лагеря смерти... Пётр I, узнав о явлении Девы Марии бывшему своему духовнику, приказал из казённых средств дать на постройку Распятского скита, будущность которого, как

места большевицких казней, Пётр I подготовил сам же своими преобразованиями... Дивны духовные и смысловые связи, круговращения истории!

Особенным покровителем монашества и духовного православного подвижничества оказался «просвещённый» и «учёный» архипастырь Гавриил, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (с 1783 г.), в миру Пётр Петров, из священнической семьи. Получивший самое высшее образование и бывший даже одним из старших членов Российской Академии Наук, он был привлекаем Екатериной II ко многим не только церковным, но и государственным делам (к обсуждению её «наказа»). Императрица вряд ли подозревала о его любви к *науке духовной жизни*. А если и знала об этом, то не придавала значения, видя лишь то, что было ей нужно видеть — высокую *внешнюю учёность* владыки Гавриила. Как член Синода и столичный митрополит, Гавриил мог позволить себе некоторую независимость в практических церковных деяниях, которую и употребил в полной мере для пользы Святой Руси! С ним сопряжена *завязь* самого *главнейшего* в духовной жизни Великороссии тех времён. Впрочем, тогда же особым покровителем и устроителем настоящего монашества стал и Митрополит Платон (Левшин). При всей «светскости» своей, которая была нами отмечена, он, став митрополитом, хорошо понял и причины основных бед России (преобладание мирского над духовным) и пути преодоления этих бед — возрождение исконного, православного монашеского подвижничества.

Мы поведали для примера о жизни лишь нескольких святых и известных подвижников XVIII столетия. В действительности их было много. Но всё же не настолько много, чтобы противостоять гонениям на православное благочестие, развёрнутым правительством. Подвижники составляли скорее счастливое исключение из общего для всех «правил» пренебрегать подвигом духовным. Это всеобщее (проникшее даже в церковную ограду) *отступление от благочестия* побудило многих истинных монахов уходить подальше от официоза. Так, в Брянских и Рославльских *лесах* собралось множество бежавших от монастырского погрома, связанного с секуляризацией церковных земель, монахов. Из них только самых выдающихся, известных в народе было до 30 человек. Церковные власти склонны были рассматривать их, как «самовольников» и «ослушников». Но они оказали огромную услугу Русской Церкви, сохранив настоящий монашеский подвиг в этой лесной тишине. Отсюда митрополит Гавриил стал брать подвижников на должности настоятелей монастырей. Так взят был им из Брянских лесов старец Адриан на Коневский монастырь.

Те же причины гонений на веру побудили уйти совсем из России и великого старца *Паисия Величковского*. Родом из семьи полтавского священника Паисий с юности стремился к духовному подвигу. Сперва он поступил в Киевское училище. Но, пробыв там 4 года, ясно увидел, что кроме «умового», «школьного» богословия духовные школы ничего не дают, но даже *вредят* действительно духовной жизни! Он стал искать обитель, где можно было бы научиться *богословию опытному*, то есть такому, которое даёт опыт действительного *общения человека с Богом*. Побывав в ряде монастырей Малороссии, Паисий не нашёл искомого. Тогда он удалился сперва в Валахию, где провёл

в скиту 3 года, затем на Афон (в Грецию!), где прожил 7 лет в *безмолвном отшельничестве*. Вот отсюда, с Афона, с безмолвия (исихии) снова всё и началось, как в XI в. при Антонии Печерском, и в XIV в. при Сергии Радонежском!

С 1754 г., помимо желания Паисия, к нему на Афон пришли 12 братьев, ищущих, как и он, науки духовного подвига. Скоро собралось до 50-ти. Паисий учил братию «умной молитве», трудам и занимался уже тогда переводом с греческого на славянский различных книг, в основном аскетического содержания. Теснота скита и вымогательства турецкого начальства понудили всех 54 монахов перебраться с Афона снова в Валахию. Здесь в монастыре в Драгомирне Паисий установил монашеское общежитие по образцу древнего Студийского монастыря (в Константинополе) и заложил основы того, что называется «старчеством». Каждый вечер каждый инок должен был приходить к своему старцу и открывать все свои грехи и даже все помыслы, чтобы старец мог полностью руководить духовным развитием ученика. Здесь, монахи-славяне жили вместе с молдаванами-монахами. Поэтому поучения братии (особенно за трапезой) совершались по очереди — в один вечер на славянском, в другой — на молдавском языках. Богослужение было тоже «двуязычным». К 1774 г. около Паисия собралось уже *до 350 учеников*. В это время область попала во владение Австрии. «С папистами никогда не может быть мира», — сказали старцы и в 1775 г. все переселились в Секул, а в 1779 г. большая часть — в Немецкий монастырь. В 1780 г. русские войска взяли Яссы и российский Екатеринославский архиепископ Амвросий возвёл Паисия в сан архимандрита. К этому году в Нямеце с Паисием было уже 400 братьев, а ещё 100 оставалось в Секуле под его же духовным руководством. Это уже целая монашеская «армия» или «академия»! Потом добрая половина этой «армии», кроме молдаван, двинулась в Великороссию! Паисий Величковский и его ученики продолжали усердно трудиться над *переводами* ценнейших подвижнических сочинений. Сам Паисий особенно прилежал к поучениям преподобных Исаака Сирина и Аввы Варсонофия. Дивный в подвигах архимандрит — старец Паисий получил от Бога дар прозорливости. В 1794 г. он отошёл ко Господу на 72-м году жизни. Но прежде чем покинуть этот мир, старец Паисий *подарил* России замечательную книгу (перевод с греческого) под названием «Добротолюбие». Он прислал её митрополиту Гавриилу.

Владыка Гавриил, приняв «Добротолюбие» и вникнув в него сам, пригласил ещё в советники по поводу этой удивительной книги старцев *Феофана* и *Назария*, ставших как бы во главе *учёной комиссии*, созданной митрополитом для освидетельствования «Добротолюбия». Феофан был из учеников Паисия, а Назарий — из старцев Саровской обители. В своё время, вызывая его в Петербург из глухой тогда Саровской Пустыни в Тамбовских лесах, Владыка Гавриил получил отказ монастырского начальства, которое пыталось удержать у себя старца Назария под предлогом, что старец «недостаточно умён». Митрополит ответил: «У меня много своих умников. Пришлите мне вашего глупца». В этом была вся «соль»! Вся суть дела! «Умниками» Гавриил (и не только он один!) называл «учёных» монахов, которых в XVIII в. и старались ставить на ключевые и видные места в Церкви. Получившие образование в «академическом» («школьном») богословии и некоторых мирских науках, они подчас бывали хорошими *администраторами*, но плохими монахами, так как или совсем

не владели *богословием опытным*, или даже презирали его как «фанатизм» или «ханжество». Меж тем знаток и почитатель подлинного подвижничества Митрополит Гавриил знал цену и понимал значение для духовной жизни Отечества именно того опытного богословия, каким и созидалась и стояла веками *Святая Русь!* В 1787 г. он, поместив старца Назария в Валаамский монастырь, одновременно ввёл в нём устав Саровской обители. В 1793 г. организовывая по указу Екатерины II (и по прошению курян Голикова и Шелихова) первую специальную духовную Миссию в Америку, митрополит Гавриил составил её в основном из валаамских старцев. Среди них был и монах Герман, ставший великим светильником для алеутов, эскимосов и индейцев Аляски и прилегающих островов, прославленный в наше время в лике святых. Таким образом, духовное освоение Американского континента со стороны России началось под влиянием подлинного русского Православного монашеского подвижничества. И влияние это оказалось таким благотворным и сильным, что определяет духовность алеутов и некоторых иных коренных американцев даже до сего дня! Вот такого духа и опыта старец Назарий (Саровско-Валаамский) и вкупе с последователем Паисия Величковского старцем Феофаном и сделался одним из «экспертов» «Добротолюбия». Пройдя столь тщательную проверку как «школьных», так и «опытных» богословов, книга «Добротолюбие» была издана достаточно большим тиражом в 1793 г.. И почти сразу оказалась безценным руководством и подлинно *настойной книгой* для *всех* ищущих, спасения русских людей, как *монахов, так и мирян*. Во всей дальнейшей истории Великороссии, вплоть до наших дней «Добротолюбие» имеет *исключительное* значение и влияние. Эта книга стала чтением инока *Серафима* в Саровском монастыре. Она же затем определила духовный подвиг многих лучших и известнейших церковных писателей XIX в.. В «советское» время она приводила к православию (от йоги и антропософии) многих ищущих правды интеллигентов в стране господствующего атеизма. Русская эмиграция, те, кто оказались выброшенными революцией 1917 г. за границу, как бы спохватились, «взвзявшись за голову» и осознав, что революция — итог западнического, антихристового образования «общества», вспомнила о «Добротолюбии»! В Китае в Харбине перед 2-й Мировой войной была издана книга «Христианская жизнь по «Добротолюбию», в предисловии к которой составители с горечью признают, что «общество», до революции воспитывавшиеся на Чехове, Горьком или Арцыбашеве, должно *было бы* воспитываться на «Добротолюбии»!

Что же такое «Добротолюбие»?

Это свод, сборник аскетических, подвижнических сочинений или поучений древних подвижников Восточной Православной Церкви: Антония Великого, Марка Подвижника, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, инока Феофана, Исихия Иерусалимского, Филофея Синайского, Никифора монаха, Феолимпа Филадельфийского, Каллиста (Патриарха Константинопольского) и Игнатия, Исайи Отшельника, Петра Дамаскина и некоторых других. Сборник разделён на три части. Последующие (новые, современные) переводы «Добротолюбия» восполнены сочинениями других отцов и составляют уже 5 томов. В собранных произведениях содержатся: описание человеческой души (её состав), силы действующие в ней и на неё извне, общие правила жизни и подвига,

способы различения действий благодати Божией и дьявольских наваждений, частные правила поста, молитвы и жизни, особенные правила делания молитвы Иисусовой (вплоть до того, как держать тело и управлять дыханием), предупреждения о том, что делание молитвы Иисусовой нужно проходить только под наблюдением опытного старца, описание всех возможных препятствий, козней бесов, ошибок на пути духовного подвига, изложение всех общих и особенных законов хранения ума и внимания, борьбы с воображением, помыслами, памятью и многое-многое другое о *самом важном* в жизни человека! Полностью название книги выглядит так: «Добротолюбие или словеса и главизны священного трезвения, собранные от писаний святых и богодухновенных отец, в нем же нравственным по деянию и умозрению любомудрием ум очищается, просвещается и совершен бывает».

Перед нами, таким образом, как бы учебник, или руководство по духовному *просвещению*. И даже больше того! Слово «Добротолюбие» — это буквальный перевод греческого слова «филокалия», означающего *любовь к красоте (совершенству)*. Славянское слово «доброта» и означает тоже — *красоту, благолепие, совершенство*. Книга, следовательно, для тех, кто ищет духовной красоты, то есть стремится, с одной стороны, познать и увидеть духовно насколько можно красоту Божию во Христе Иисусе, а, с другой стороны, воссоздать, преобразить свою душу во образ этой красоты (совершенства), сделать её прекрасной!

В отличие от «академического» («школьного») богословия, такое богословие опытное, такая наука, не просто сообщает определенный круг умовых знаний о духовных вещах; она учит тому, как, какими приёмами и средствами можно и нужно достигать пребывания сердца в Боге, или «хождения пред Богом», то есть *познания* Бога. Ибо русское слово «познать» означает также — «обладать», «сделать своим» (сравнить выражения: «познать художество», ремесло, «познать женщину» и т.п.).

Это истинно, целая *наука* верного восхождения к Богу. В основе её лежит чистая, безкорыстная *любовь* человека ко Христу и естественное отсюда стремление к сближению, единению с Ним, как к главному, а лучше сказать — *единственно важному* вообще во *всей* жизни человека, общества и *всего человечества в целом!* Как в каждой науке существуют определённые фундаментальные сочинения, раскрывающие основы знаний в данной области, так и в науке *духовной жизни с Богом* фундаментальным трудом является «Добротолюбие». Оно оказалось подлинно научным произведением ещё и по такой причине. С точки зрения мирских, обезбоженных наук важнейшим критерием научности является *опыт* (возможность повторения эксперимента при заданных условиях, когда он даёт один и тот же результат). Искони на Руси существовали как переводные, так и собственные сочинения по духовному подвижничеству. Но они были разрознены, как бы случайны и внешними людьми не воспринимались как *наука* (о научности их знали только подвижники). Кроме того, науке духовного подвига учились чаще всего не только по книгам, но от старца к ученику через устные наставления. Иногда таковые записывались учениками. Некоторые русские знатоки опытного богословия (например, преп. Нил Сорский) писали свои особые сочинения. Однако *впервые* только «Добротолюбие»,

будучи *сборником*, показало, что подвижники разных эпох, разных стран, часто друг о друге не знающие, приходят при одинаковых условиях и приёмах к одинаковым результатам, как положительным, так и отрицательным. И достижения и ошибки на пути сближения с Богом через безмолвие и делание Иисусовой молитвы у них всех *идентичны!* Идентичен опыт *науки из наук и художества из художеств — преображение человеческой личности во образ Христов из чистой любви к Нему!*

Эта величайшая наука и это величайшее художество предлагалось теперь, в конце XVIII в. в руководство для преображения *Личности Великороссии* во Христе.

Вот с каким *образованием*, с программой какого *просвещения*, какой науки, какого *богословия* выступило *вдруг* российское монашество (казалось, совсем уже раздавленное, или разогнанное!) перед всем образованным российским обществом, как бы предлагая решительный и достойный *противовес* западническому «просвещению» и «научности».

Заслуга во всём этом деле не принадлежит, конечно, одному только Митрополиту Гавриилу. Он был *самым* главным. Но были и ещё такого же направления епископы и церковные деятели, а также подвижники, о коих мы не упомянули только по причине нужды в предельной краткости изложения. Вслед за «Добротолубием» пошли по России и другие книги такого же содержания (монографии и сборники), переведённые Паисием Величковским и школой его учеников. В следующем, XIX столетии они «зажгут» светильники жизни и учения преп. Серафима Саровского, еп. Феофана Затворника, еп. Игнатия Брянчанинова, знаменитой Оптиной Пустыни, великого св. Иоанна Кронштадтского. Духовная наука православного восхождения к Богу и жизни в Нём и с Ним просветит сознание лучших писателей, государственных деятелей России, обратит к устоям жизни Святой Руси сердца Самодержцев Российской Империи, наипаче же последнего из них Царя-Мученика Николая II Александровича! В заточении в Тобольске Царица-Мученица Александра Фёдоровна будет стараться освоить делание молитвы Иисусовой.

Но это будет потом. А теперь, в конце XVIII в., после почти ста лет (!) мракобесия, от Петра I до Екатерины II, над Россией только занималось, как ранняя заря, единственно стоящее *просвещение*, исходящее от единственного источника света — *Солнца правды Иисуса Христа*. Начавшись в последние годы царствования Екатерины II, оно получило возможность беспрепятственного, свободного развития в России при Павле I, благодаря его искреннему повороту, обращению к исконной Русской Вере и Церкви. В России начиналась вспышка или сияние Божественного света *такой же силы* и значимости, как во времена преп. Сергия Радонежского и его многочисленных учеников!

Во всём стечении обстоятельств, в неслучайно «случайных» связях, соединениях людей, монастырей, традиций, влияний в конце XVIII в., особенно отчётливо видна благая Десница Божия, поспешающая устраивать внешние обстоятельства в соответствии с внутренними духовными устремлениями лучших русских людей. Движение за духовное просвещение не было уже ни «сопротивлением», ни «протестом»; оно начиналось естественно, даже за пределами России, и входило в неё тоже не нарочито, а естественно и спокойно. И на гордос-

тные претензии учёного, школьного, или академического, на западный манер сделанного «богословия», спокойно ответило устами преп. Серафима Саровского: *«Богослов тот, кто молиться умеет»*. А умение молиться приобретается, оказывается, тоже целой наукой, целой системой образования, от низшего до высшего. «Добротолюбие» — один из трудов *высшего* духовного образования. Такое образование обусловлено тем, что призванный к богоподобию человек, помрачив и исказив себя в грехопадении, должен отныне во Христе как в «новом Адаме» родиться, возродиться вновь всем существом, всей личностью, с Богом «соединившись, и совершенно изменившись, обдержанием Божественныя любви обильнейше обожиться... и к первому совету Божию (сиречь обожению человека) возвратится», — как сказано в «Добротолюбии».

Теперь нам придётся ответить на вопрос, который до сих пор без особого успеха пытаются решить почти все историки: нужно ли было России насыщаться западным «просвещением» или нет? Западное «просвещение» — *однозначно* вредное и пагубное явление! Оно принималось и насаждалось Петром I и его преемниками в XVIII в. вовсе не потому, что «футляром» *Российской Империи*, по западному устроенной, хотели сохранить и защитить жившую в ней *Святую Русь*, как думают некоторые. Вспоминают при этом мысль Петра I о том, что Россия должна стать лицом к Европе, чтобы потом становиться к ней спиной. Красиво, но неверно. Для Петра I — это только попытка самооправдания. Для нынешних мыслителей — это попытка «задним числом» оправдать *провал* в духовную яму XVIII столетия объективной необходимостью и даже пользой. Российская Империя стала вновь сознательной и объективной хранительницей Святой Руси только в XIX в., после 1825 г.. XVIII-й же век — это отступление от Бога и исторической задачи самой Великороссии, не вызванное никакой действительной нуждой! Можно было в ограниченных, необходимых дозах брать что-то от западных научно-технических и иных достижений в целях *только обороны и охраны* и не подрывая при этом коренных многовековых устоев, традиций, обычаев Великорусской жизни. Поступили иначе только потому, что для души Великороссии уж очень сильным оказался *соблазн* западного духа, образа жизни, как соблазн некоего прелюбодеяния. После этого соблазнитель (Запад) и получил как бы «по праву» особый *доступ* в Россию, в её духовно-идейную и даже политическую жизнь. Доступ — в Россию, но *не в Святую Русь!* Последняя, как видим, не приняла Запад тогда же, в XVIII в., не примет его и потом, как увидим, — до самого конца! И если спросят, не играем ли мы словами и терминами, мы ответим примером. Древнерусский город имел не одно кольцо обороны. Неприятель мог прорвать внешние стены крепости, но если ему не давалось взять *детинец* — последнюю, особо укрепленную крепость в крепости, считалось, что он не смог победить город в целом. По отношению ко всей Великороссии, вошедшей главной частью в Российскую Империю, Святая Русь — это и есть *детинец*, или, в иных понятиях, — тот «внутренний человек», который составляет глубинное духовное сердце каждого христианина и не всегда и не сразу осознается им самим.

ЗАГАДКА РУССКОГО «СФИНКСА».

Вступивший на Престол в 1801г. Государь Император Александр I получил в «свете» того времени прозвище «очаровательный сфинкс». Он был на редкость красив в благородно-приятном, деликатном обращении со всеми, но при этом никто не мог знать, что у него на самом деле в мыслях, на душе... К примеру, Наполеон Бонапарт («великий», «гениальный»!) стал *догадываться*, что Александр I *обманывал* его, только уже будучи в заключении на о. Св. Елены, незадолго до кончины... Тогда в своих записках Наполеон отметил: «Царь умен, изящен, образован, он легко может очаровать, но этого надо опасаться, он неискренен: это настоящий византиец времён упадка империи... Вполне возможно, что он меня дурачил... Он может далеко пойти. Если я умру здесь, он станет моим настоящим наследником в Европе». Наполеон в этом суждении допустил ошибки: Александр Павлович был не «византиец», *а настоящий русский*; не «возможно», а совершенно точно он кое в чём обманывал («дурачил») Бонапарта (и не его одного); и наконец, он вовсе не собирался «далеко идти» и становиться «наследником» корсиканца в Европе. У него на уме было тогда *уже совсем* другое!... Несмотря на многовековое общение с Великобританией, Запад до сих пор её не понял, не может понять. «Загадочная русская душа» и пугает его, и привлекает его любопытство. Сравнение России («русской души») со сфинксом стало уже обыденным («Россия-сфинкс»). Меж тем «сфинкс» дает возможность отгадывать свои загадки, в частности, жизнью и деяниями некоторых российских государей. Из них самым примечательным в этом отношении является Царь Александр I. То, что случилось с ним, могло в XIX веке случиться *только в России* (и более нигде!) и только с *Русским* (и ни с каким другим) Царём! Всё началось, как мы помним, с трагической ночи на 12(25) марта 1801г., когда в Михайловском замке в Петербурге убивали Государя Павла I. Это происходило в помещении прямо под которым находились комнаты его родного старшего сына Александра, не спавшего, переживавшего об исходе дела, то есть знавшего, что там, наверху ватага пьяных офицеров свергает с престола его отца... Втянутый в роковую интригу поистине сатанинским хитрым обманом, Александр Павлович, любивший своего отца, не сделал ничего, чтобы его спасти. Некоторые позднейшие историки язвительно замечают, что хотя Александр взял с Палена клятву, что Павла I оставят в живых, он всё должен был предполагать, чем может окончиться дело. Так ли это? И так и не так. Александр верил заведомо ложной клятве Палена, потому что *хотел верить*. Но, когда он узнал в ту же ночь, что отца убили (и как убили) он пришёл в ужас! Его рыдания и терзания сердца были совершенно искренними и очень глубокими! С этой минуты вся его внутренняя жизнь перевернулась. Он увидел и ощутил себя *виновным в смерти отца* (и если не в пря-

мом смысле отцеубийцей, то причастным к отцеубийству более многих других). В Российской истории *такое* было впервые. И надо же так случиться, что «первенство» это досталось на долю человека доброго, возвышенных мыслей и чувств, любившего природу, очень образованного и очень воспитанного, с подлинно благородным сердцем! Его безусловная *вина* и *ошибка* состояли в том, что он *поверил лжи* (имеем в виду лживость всей в целом интриги Палена). Исправить дело можно было теперь только *обратным ходом* — *поверить правде*. А для этого правду ещё нужно было точно *найти* (— в чём она?).

Сложность положения заключалась в особенностях воспитания Александра. Мы помним, что он родился в 1777г. и попечение о его росте и воспитании взяла на себя полностью бабушка — Екатерина II. Она очень любила внука, называла его «мой Александр» или «ангел». Последнее название сохранилось за ним в семейном кругу навсегда. Даже братья величали его нередко «ангелом». Для него и других своих внуков Императрица сама составила «азбуку» воспитания, где наказывала педагогам во многом очень разумные правила. Царские дети должны были просто есть, спать на жёстком и не в тепле, скромно одеваться, прилежно учиться, в любую погоду гулять на воздухе, вообще телесно закаляться. Капризы не допускались. В определённые часы дети могли играть и в меру шалить. Но их никогда (!) нельзя было оставлять в праздности (просто так без всяких занятий). Уроки не должны были слишком утомлять, чтобы не вызвать у детей неприязни к учёбе, но, наоборот поддерживать к ней живой интерес.

А вот содержание образования у детей было уже уродливым и однобоким, в сторону западного «просвещения». Закон Божий — «постольку поскольку», и без «фанатизма» и «суеверий», т.е. почти без житий святых, без рассказов о чудесах, без знакомства с наукой духовного подвига, хотя с полным «почтением» к Церкви и вере. При этом, разумеется, и — широкая «веротерпимость». Зато очень много внимания уделялось светским наукам, по западным образцам. Воспитателем Александра был назначен швейцарец Лагарп — масон и крайний *республиканец* (и потом даже руководитель Гельветической Швейцарской республики!) Человек он был возвышенных «гуманистических» представлений своего XVIII столетия и вполне сумел их привить Александру. С другой стороны, и влияние отца, — Павла I было тоже глубоким и сильным. Почти мальчиками Александр и брат его Константин в Гатчине и Павловске приучались к армейской жизни, командованию, участвовали в манёврах и парадах, и эти мирские занятия тоже им очень нравились! Позже, став Императором, Александр I восполнял недостатки образования сам. В длительных путешествиях по России он внимательно изучал жизнь и труд крестьян, горожан, рабочих, ремесленников — всех слоёв населения, видел *подлинно русскую жизнь*, как она есть, и мог сравнить её с западной жизнью, которую тоже много и внимательно видел. В духовных исканиях он потянулся к родной Православной Вере и Церкви, увидел тот подъём духовно-подвижнической жизни, который наступил в России в конце XVIII — начале XIX в.в., хотя увидел не сразу, а после периода увлечения масонством и западным мистицизмом. Рано возникшая необходимость разрываться между бабушкой и отцом, которых Александр от души любил и поэтому очень тяжело переносил их взаимное отчуждение и даже

противостояние, выработала в нём привычку не показывать своих подлинных чувств никому, держать себя как бы «в руках» постоянно. В 1794 г., когда Александру стало точно известно намерение Екатерины лишить права престолонаследия Павла I, а передать таковое ему, Александру, он поспешил к отцу, всё ему открыл, заявил, что не примет царский венец вместо отца! Этот поступок в значительной мере предотвратил тогда «семейный переворот». Павел I остался Наследником и наследовал Трон. Но Промыслу Божию было угодно вновь испытать отношения отца и сына. Чем это кончилось, мы уже знаем. Всё же именно вопреки отцу, и даже теперь через труп его, стал Александр Императором... Это сразу же страшно стало его тяготить. И он многократно (!) и самым разным людям говорил, что *уйдёт от правления, оставит Престол*. Эти его разговоры записывались, они известны, повторялись время от времени, особенно в случаях больших бед и потрясений России. Отчего же не исполнил Государь Александр этого своего желания сразу? Средний брат его Великий Князь Константин решительно заявил, что *никогда* царствовать не будет (что потом подтвердил и делами), а младший — Николай был тогда ещё ребёнком. Александр таким образом, как бы вынужден был царствовать. Но, с другой стороны, многое говорит и о том, что ему это всё-таки *правилось!* Александру было всего 24 года! Можно вполне понять, что царствование над огромной Империей не только пугало, но и привлекало полную сил и возвышенных планов молодую натуру. По воспоминаниям его близкого друга А. Чарторыйского, по временам, думая о смерти отца, Александр I мог погружаться в состояние тяжёлой мрачной задумчивости. Но «отходил» и вновь становился «очаровательным». Говорят, он перед зеркалами отрепетировал до 100 различных продуманных поз на разные случаи жизни. И уж точно, что на людях выглядел Император всегда просто великолепно! Всё сие и подобное говорит о том, что в начале своего царствования Александр I, имея *сильные угрызения* совести, не имел ещё *настоящего покаяния!* Наконец, нужно учесть, что всё ближайшее окружение Императора внушало ему, что он *должен* править Россией ради «блага и пользы Отечества»..

Сразу же устно и письменно, в «Манифесте», при восшествии на Престол Александр заявил, что будет править согласно с традициями Екатерины II. Он тут же восстановил в полной мере все пункты «жалованной грамоты дворянству» 1785 г., отменил армейские и служебные строгости, чем вновь сделал воинскую службу привлекательной для благородных, разрешил французские моды (танцевание вальса) и сразу *успокоил* дворянское «общество». Но этим только и ограничились екатерининские устои его правления. Очень скоро Александр I вновь начал тревожить дворянство тем, что вёл дело к отмене в России крепостного права. Но это выявилося не сразу, а поэтапно и «общество» уже ничего не могло сделать с Императором: он хорошо *укрепился* на троне в сознании всех; время работало на него!

Свои государственные и общественные идеи Государь поначалу вынашивал в узком кругу друзей. Кружок назывался «негласным (или «интимным») комитетом» и состоял из четырёх человек. То были князь Адам Чарторыйский, граф П.А. Строганов, Н. Н. Новосильцев, В. П. Кочубей. Все — масоны, а Строганов — даже один из видных участников французской революции 1789г., имев-

ший такое доверие якобинцев, что они поручали ему говорить от их имени речи в Национальном Собрании Франции. И он говорил! И говорил, в частности, что хочет видеть Россию, охваченной такой же *революцией*.

Как это не покажется удивительным, примерно так же думал и Император Александр I. Он был против «крайностей» и «заблуждений» революции 1789г., но очень ей интересовался, являлся «выучеником» этой революции, признавался друзьям, что он против наследственного принципа передачи власти, а за всеобщие выборы, ненавидит «деспотизм» во всех его проявлениях, хотел бы для России Конституции и уж непременно — отмены крепостного права. Позднее, в конце правления, в 1825г., Александр I скажет генералу Дибичу: «Что бы обо мне ни говорили, я жил и умру республиканцем». Потом мы дадим нужные разъяснения этих слов.

«Негласный комитет» не был официальным учреждением, он являлся именно кружком друзей, откровенно и непринуждённо обсуждавших дела и проблемы России. Но многое из того, что было потом проведено в жизнь Александром I, родилось именно здесь, в «комитете». Просуществовал он немногим более четырёх лет, собираясь всё реже и реже, и, наконец, совсем прекратился. Столкнувшись, как уже правитель и Богом просвещаемый Государь с реальностями российской действительности, Александр I потерял нужду в «мечтателях» (да и сам перестал быть таковым, ему стали нужны *люди дела*. С помощью таковых людей молодой Император провёл в жизнь ряд очень существенных мероприятий. Среди них важнейшими были значительное улучшение жизни и положения государственных (казённых) крестьян и закон «О вольных хлебопашцах» 1803 г.. Последний предусматривал право помещиков освобождать своих крестьян, наделяя их при этом землёй, по взаимному соглашению, после чего такие крестьяне и составили *новое* сословие *свободных* земледельцев. Отмечают, что этот закон особых последствий не имел, т.к. помещики вовсе не поспешили воспользоваться им, что всего за 24 года правления Александра I только 47 тысяч крестьян получили свободу с землёй. Но забывают, что тут дело было не только в практических результатах, но и в *нравственно-правовом* влиянии закона. А оно оказалось огромным! Закон (вкупе с улучшением положения крестьян казённых) показывал «обществу» и самим крестьянам, что царская власть России относится к ним не как к «рабам», не как к «бездушной собственности» помещиков, а как к *гражданам*, потенциально как к юридическим лицам, поскольку помещики могут вступать с ними в *договорные отношения*! Всё это были *шаги* к полной отмене крепостного права. Сие стало совсем очевидным после Отечественной войны 1812 г., когда к России были присоединены Царство Польское, некоторые земли Пруссии (а ранее еще была присоединена Финляндия). Царству Польскому Александр I даровал *Конституцию* с довольно широкими демократическими свободами, Финляндия то же имела фактически самоуправление. В Польском Сейме Александр I прямо сказал, что Польская Конституция является опытом и образцом того, что должно быть установлено в *России*! Речь вызвала бурю волнений в российском дворянстве. С 1817 года Александр I поощряет и *приветствует отмену крепостного права* в Эстляндии, затем в Лифляндии и Курляндии, хвалит помещиков Прибалтики за согласие даровать свободу своим крестьянам и побуждает к тому же помещиков

Великороссии и Малороссии. Но здесь призывы Царя встречают решительное сопротивление. Русские и украинские помещики не хотят и слышать о перемене порядков. Александр I вынужденный учитывать *и их* интересы и устоявшийся образ жительствова, не прибегает ни к каким принудительным мерам, но *в секрете* всё же готовит проекты реформы освобождения крестьян. Слухи об этом идут и страшно *пугают* дворянство! А в крестьянах возбуждают подозрения, что свобода им уже дана Царём, а хозяева это скрывают... Россия *волнуется*, но пока не бурно.

Много сил отдаёт Император усовершенствованию государственного управления, как центрального, так и местного. При Екатерине II эта область жизни пришла в большое расстройство. С 1806 г. Царь приближает к себе очень способного человека М. М. Сперанского (масон высокого градуса!) и поручает ему разработку проектов устройства Империи, в основу которой полагается «Кодекс Наполеона». Сперанский разрабатывает грандиозную переделку всего, с новым сословным делением, с ограничением власти Царя выборной «Думой» со свободой слова, печати, собрания, приоритетом законов над принципом самодержавия. В сущности — это проекты *конституционной монархии*. Но Божие вразумление и жизнь *удерживают* Государя от попытки осуществить такие проекты. Единственное, что удаётся сделать с помощью М. Сперанского — это *упорядочить* государственное управление всех уровней в центре и на местах. Создают сперва восемь, а потом 11 министерств (вместо прежних «коллегий») и в них вводится принцип *единоначалия* власти (вместо коллегиальности). Министр отвечает за всё своё министерство и последнее слово в делах — за ним. Из министров составляется Непременный комитет. Укрепляется положение Сената, как высшей судебной инстанции, создаётся в 1810 г. Государственный Совет для обсуждения новых законов. Ставится вопрос о новом законодательстве в целом. Согласуются звенья центрального государственного, уездного, волостного управления и в них — взаимодействие правительственных учреждений с выборными (дворянскими и городскими собраниями и судами). Система управления государством обретает законченный вид, становится подвижной и действенной. На видное место выходит граф А. А. Аракчеев. Это человек очень преданный как Павлу I, так и сыну его Александру. «Без лести предан» — таков его дворянский девиз, и он соответствует правде. Аракчеев — твёрдый генерал и учитель юного Александра в военных науках (в баллистике) и он же — верный помощник Царя во многих важных делах. Неудачным явился проект Аракчеева по созданию «военных поселений», где крестьяне одновременно занимались военной подготовкой как резерв армии. В поселениях возникали волнения, пользы для армии оказалось мало, и поселения были потом упразднены. Зато во многих других делах А. Аракчеев действовал очень успешно. Мало кто знает, что именно он, Аракчеев, составил (секретно) такой проект *освобождения русских крестьян*, который *впервые* предусматривал обязательное наделение освобождаемых землёй с правом и возможностью её *выкупа* (что потом и было совершено в 1861 г.!). Александр I не был слабым Монархом: когда нужно было, он подавлял решительно бунты (Семёновского полка и в военных поселениях). О нём говорили, что он «правит Россией железной рукой в бархатной перчатке».

Впервые в России при Александре I возник как государственная проблема «Еврейский вопрос». В последующей истории он станет уже «пресловутым вопросом». А тогда он был **новым**. В новых, обретенных Россией, западных и южных землях, было очень много евреев, ставших теперь, естественно, подданными государства. И хотя жительство их было ограничено именно этими новыми землями («черта оседлости») евреи, конечно, просачивались внутрь страны — в Москву, Смоленск, Киев, Петербург. Иногда добивались расширения черты оседлости. Кроме того, как мы помним, Екатерина II разрешила евреям из-за границы въезжать для торговли в Россию. Большинство евреев Украины, Литвы, Белоруссии, Прибалтики было тогда немыслимо **бедным** людом, кочевавшим с места на место и единственной проблемой для правительства было то, что с них никак нельзя было получить ни рекрутов, ни рекрутских денег (т. е. выкупа за рекрутов), ни иных положенных сборов. Но немалая часть евреев тех же земель, побогаче, стали настоящими кровососами для крестьянства. Они селились по деревням, заводили «шинки», продавая спиртное, и в голодные годы переводя спасительное зерно на губительный алкоголь. По старой практике в польско-литовских землях такие евреи часто брали у шляхты помещиков их **имения с крестьянами в аренду** на условиях, что крестьяне не будут иметь права ничего продавать или покупать кроме как через евреев-арендаторов. Так многие сёла и целые волости оказались в страшной еврейской кабале, гораздо худшей, чем зависимость от помещиков. Жадные жида просто обирали крестьян с ног до головы и заставляли работать на себя. В случае сопротивления призывались правительственные войска, восстанавливая законный (!?) порядок, то есть рабство православных крестьян евреям! Наконец, были евреи богатые и очень богатые, жившие в городах, где они сильно расстраивали торговлю русских купцов, а иной раз просто их обворовывали — брали в долг большие деньги и пропадали с ними. На такое именно поведение поступила в Сенат большая жалоба из Москвы с требованием выслать евреев из города. Эти «еврейские штучки» доходили до самых «верхов» ещё при Павле I. Он послал в 1800 г. знаменитого Г. Р. Державина (был он не только поэтом, но и крупным чиновником) в Белоруссию наладить снабжение хлебом голодающих тогда мест и разобраться с жалобами на жидов. Державин наладил дела и разобрался. О возмутительном отношении евреев к крестьянам он составил Императору особую «Записку». Тогда **богатые** евреи в С. Петербурге, дав крупную взятку Кутайсову (приближённому Павла I), добились через него приёма Сенатом к рассмотрению совершенно **клеветнической** жалобы какой-то еврейки на Державина, будто бы избившего её палкой так, что у неё произошел выкидыш... Найти потерпевшую не удалось, т.к. её и не существовало. Державин мог только «ахнуть», когда узнал в Сенате о жалобе! Да поздно: в глазах Государя он был скомпрометирован, и «Записка» его была положена под сукно... Это типичный, классический пример еврейского действия. При Александре I Державин вновь двинул свою «Записку». Жаловались на евреев и со многих иных сторон. Царь создал особый **комитет** по этим делам. Так его и прозвали — «Еврейский комитет». Во главе его был поставлен Сперанский. Тогда очень богатый еврей Перетц дал **очень крупную взятку Сперанскому** и, приняв её, сей государственный муж сообщил делу такой оборот. Комитет не мог не признать, что евреи

в России — беда, что они жулики и грабители. Но вывод из этого делался сногшибательный! Жидаы, по мнению Сперанского и комитета, нуждаются не в наказаниях и ограничениях, а напротив, в том, чтобы давать им все более прав и возможностей. дабы, получая хорошее образование и доступ к промышленности и торговле, они могли бы применять свои способности к «пользе Отечества» и *отвыкать* от обычного паразитизма и жульничества. **«Как можно меньше запретов и как можно больше свободы!»** — так сформулировал Сперанский политику Империи в отношении евреев. Получение взятки Сперанским от Перетца попытался оспорить историк барон Корф, но другие потом убедительно показали, что это не клевета на великого либерала, и взятка была. Впоследствии подкуп евреями российских чиновников разных уровней вплоть до самых высоких становится всё более частым явлением, затем — своего рода «нормой». Кроме того в случае со Сперанским мы видим образчик *взаимоотношения-взаимодействия евреев с русском масонством*. Наши масоны имели тогда переписку с известным итальянским банкиром евреем-масоном под громкой кличкой «Пикколо-тигр». Можно теперь добавить, что евреи, принимавшие Крещение и становившиеся христианами, уравнивались полностью в правах с русскими, уже не считались и не назывались жидами, освобождались и от двойного налогообложения, которое всё-таки в те времена налагалось на них, как противников Христа и Христианства. Однако такое «поощрение» выкредостов не только не избавило Россию от опасности, но как раз *увеличивало её многократно!* За редкими исключениями, евреи принимали Православие лицемерно, неискренне, с тем, чтобы только втереться в доверие и продвинуться на желаемые места и посты. Так, в такой-сякой крепостнической Российской Империи позднее, при Николае I, *министром финансов* стал крещёный еврей из Прибалтики — граф (!) Канкрин. Он гениально быстро спас и выправил расстроенную финансовую систему России. Но какие возможности для *иных* дел при этом он получил — остаётся только гадать. Не случайно ведь долго о чём-то беседовал с ним приезжий масон и еврей английский министр лорд (!) Дизраэли Биконсфилд. По приглашению того же Сперанского в Россию прибыл один из крупнейших идеологов мирового масонства Игнац Аурелиус Фесслер, преподававший в столице древние языки (в том числе, конечно, еврейский) и использовавший своё положение для усиления масонства в России.

Примерно в то же время попытался решить «еврейский вопрос» во Франции и Наполеон. Поначалу в 1806 г. он создал в Париже Синедрион из 71 раввина, как главный орган еврейского духовенства, и систему провинциальных консисторий, думая поставить еврейство под контроль власти, побудить его ассимилироваться с французами и тем самым избавить народ от «позорной зависимости», как он говорил, от евреев, сумевших завладеть имениями многих департаментов. Затея не удалась. Евреи не желали признать французов братьями. С 1808 г. Наполеон прибег к мерам различных ограничений и запретов еврейской деятельности. Но Синедрион позволил им объединиться. Слухи о нём дошли до России и здесь решили *не раздражать* евреев, чтобы не толкнуть их к поддержке Наполеона...

Масонство в России при вступлении на престол Александра I начало бурный рост и цветение! Давно ему симпатизировавший Император освободил

масонство от всех павловских ограничений и сам в 1803 г. был принят в масонство. Бывшую до него ложу «Пеликан к благотворительности» он преобразовал в новую — «Александра благотворительности к коронованному Пеликану». Для жены — Императрицы Елизаветы Алексеевны (принцессы Баденского дома) была создана ложа «Елизаветы к добродетели». Было тогда в России множество и иных лож с не менее экзотическими названиями (была и ложа «Сфинкса Александра»). Император повторял роковую ошибку своего убиенного масонами отца. Но — почему?! С одной стороны потому, что он поначалу **не знал** о настоящей природе и подлинных целях масонства. Как и многие честные и добрые, но **духовно** необразованные, слепые русские люди, молодой Александр I **верил** благородным «вывескам» масонских легальных лож. Достаточно будет сказать, что крупными русскими масонами были тогда Г. Державин, Н. Карамзин (наш историк носил кличку «Рамзей», в честь создателя «шотландского ритуала»), чуть позже — А. С. Пушкин, иные очень видные люди. Все они большей частью, как и Александр I, состояли в легальных, открытых ложах, иногда даже не зная о том, что существуют **тайные**, нелегальные масонские объединения, посвящённые в такие «глубины» и «тайны», о которых простые масоны (даже «великие мастера») понятий не имеют! Приказы всему масонству исходят из тайных центров, членов которых не знает ни кто. Это — «невидимый свет», или «видимая тьма». Там — своя иерархия и своя дисциплина. Так, на самых высоких «градусах»-«степенях» знают, что поклоняются даже не Ях-булону (тайное имя тайного «бога» масонов), а просто и прямо **дьяволу** (Люцеферу). Новиков и Елагин, считавшиеся руководителями российского масонства в своё время, оказывается, исполняли приказы «высших», которых они совершенно **не знали** (и где они находятся тоже не знали), получая указания через посредников. Даже знаменитый Вейсгаупт — основатель Ордена иллюминатов, был только исполнителем воли «высших», которых он тоже **не знал**. Масонские центры допускают для «братьев» низших степеней посвящённости большой **плюрализм** политических и иных взглядов до того часа, когда всему масонству нужно действовать сообща, о чём дается особая команда. Поэтому масонами могут быть и республиканцы-революционеры и консерваторы-монархисты. Правда, высшие масоны говорили всегда, что монархических взглядов держатся только те масоны, что не посвящены в более высокие «градусы» и тайны. Масонские центры используют «левое» и «правое» крыло движения, в зависимости от обстоятельств, нередко умышленно сталкивают их, когда нужно расшатать общество, прибегают очень часто к убийству своих «братьев». Так, знаменитый герцог Филипп «Эгалите» (герцог Равенство), основатель «Великого Востока Франции» в 1783 г., впоследствии вышел из масонства, убедившись, что не знает ни его подлинных целей, ни подлинных руководителей, и был потом убит «братьями». «Мастерам» — масонам внушается даже, что они должны быть **готовы** к тому, что получают кинжал в спину от своего же собрата, но не должны этим смущаться: на могилу погибшего всё равно будет положена ветка белой акации — знак масонского признания заслуг.... Открытые или легальные ложи масонов не очень высокой посвящённости нужны тайному масонству как пункты сбора, сортировки, отбора нужных людей, а также как источники влияния на общественное мнение, организующих и будоражащих массы. Поэтому

в легальных ложах на первый взгляд ничего плохого не происходило. Даже вообще *ничего* не происходило! Собирались, разговаривали, выпивали, играли в карты, «играли масонством», как вспоминают некоторые русские. «Игры» такие (или шегольство) считались чем-то вроде «хорошего тона». Многие, поэтому, разочаровавшись уходили из масонства, другие удерживались в нём или проповедью о нравственном очищении и самосовершенствовании, или самим ощущением *тайны*, т.е. что за внешним фасадом есть ещё что-то *более* важное, но скрытое. Бороться с масонством, если оно уже укоренилось в обществе, практически невозможно. Разгон, запрещение легальных лож *не затрагивает* тайных, хотя значительно *затрудняет* их деятельность. Тайное от самих масонов масонство было тогда в России, а над ним стояло еще более тайное, находившееся *за границей*. Легальные русские масоны этого просто *не знали* и поэтому, естественно хотели иметь какой-то свой «главный» центр. Таковым стала созданная с разрешения Александра I в 1810 г. «Великая директориальная ложа Владимира к порядку».

Возвышенную, благородную душу Александра I привлекали в масонстве «легальные» проповеди и призывы к необходимости *духовного очищения, аскезы жизни и самосовершенствования*. Император, как и многие русские того времени, не видел здесь ничего дурного, ничего *противоречащего* Православию! Это следует особо отметить, чтобы понять, что Александром I руководило простое *незнание* православной аскетики, выраженной в таких книгах, как «Добротолюбие», и содержащееся в духовном опыте наших подвижников, которых он просто до того времени тоже *не знал*. С юности душа, искренне ищущая единения с Богом, не могла ничего для этого получить в знакомстве с истинами веры, как они были выражены в «Завете Божием» и во всём вообще «школьном богословии». В такой душе получался как бы вакуум, в который поэтому тут же устремлялись влияния легального масонства и затем западного мистицизма (в глубинах своих связанного с масонством). Сам Государь говорил в 1816 г. так: «Екатерина была умная, великая жена, но что касается воспитания сердца в духе истинного благочестия, при петербургском дворе было... как почти везде. Я чувствовал в себе пустоту и мою душу томило какое-то неясное предчувствие». Отсюда можно вполне понять, почему Александр I позволял и открытие в России филиала английского «Библейского общества» и деятельность *русских сектантов* — хлыстов, духоборов, скопцов, появившихся еще в XVIII в. и очень расплодившихся в начале XIX-го, имея весьма высоких покровителей как в дворянском «обществе» (госпожа Татаринова), так даже и в некоторых изуверах из монашеской церковной среды. Александр I поначалу толком *не знал* даже своей отечественной *русской истории*! И не он один: всё (!) Великороссийское образованное общество начала XIX в. *не знало Великороссийской истории*! А. С. Пушкин восторженно говорил, что «русская древняя история была найдена Карамзиным, как Америка Колумбом...» Как же это могло произойти? А вот как. Оставшись *неучем* именно в области «гуманитарных» наук и увлекшись западными точными науками, Пётр I только уже в начале XVIII в. почувствовал необходимость хоть как-то познакомиться с деяниями своих предшественников, да и то, в основном, в целях внешнеполитических. По его приказанию Сенат сделал краткую выписку из Степенной книги времени Ивана Грозного, содер-

жавшую перечень русских Великих Князей и Царей с указаниями, кто когда правил, какие законы установил, с кем воевал и что приобрёл или потерял. По этому «краткому курсу» Пётр I и прошёл *историю России*. Но российское «общество» («свет») не имели и такого «краткого курса». Пробел попытались отчасти восполнить Татищев, Щербатов, даже Екатерина II. Но у них получалось неважно потому, что будучи западниками, они просто не понимали смысла родной истории. Зато в русском «обществе» очень неплохо знали историю античную, европейскую! Любой образованный дворянин начала XIX в. мог бы с увлечением поведать об Александре Македонском или кардинале Ришелье, но почти ничего не смог бы рассказать об Иване III или патриархе Никоне. Отсюда русские дворяне, офицеры-патриоты (!) времён войны 1812 г. с поразительной покорностью и готовностью впитывали внушения своих западных братьев-масонов в Европе, *прямо учивших* их, что у России *никогда не было и нет* никакой своей истории и своей культуры, что поэтому и теперь все её спасение — только в приобщении к жизни, истории и культуре Запада! Между тем вся западная культура, замешанная на демонизме, разврате и педерастии, — *вся* от Леонардо да Винчи до Родена и Р. Нуриева, — это сплошное издевательство над человеком, это «культура» постепенного, планомерного *растления и разложения* человеческого духа. Это просто гроша ломаного не стоящая чепуха по сравнению с культурой духовного во Христе *преображения* человека, какая развивалась на Руси, от Антония и Феодосия Печерских через Сергия Радонежского до Серафима Саровского, бывшего *современником* Александра I и Пушкина! Такая Российская культура постоянно просвечивала собою, как мы помним, всю древнюю политическую историю Руси — России.

Можно теперь понять, с каким *вниманием и удивлением* Государь Император Александр I слушал в 1811 г. в Твери в доме своей сестры Великой Княгини Екатерины Павловны, королевы Вюртембергской, чтение Н. Карамзиным его только что написанной и Императору посвящённой «Истории Государства Российского»! Чтения сопровождалось обсуждениями, в которых русский европеец и масон Карамзин вынужден был упорно доказывать своему «брату» — масону и тоже русскому европейцу, Самодержцу Всероссийскому необходимость сохранения самодержавия в России! Несмотря на всё своё «западничество» Карамзин оставался в душе очень русским человеком и настоящим патриотом. Карамзин потом вынужден был писать для Императора также особую «Записку о древней и новой России», в которой, отмечая все пороки государственно-общественной жизни, всё же *доказывал недопустимость* поспешности и необдуманности в деле отмены крепостного права, к чему склонен был Александр I.

В таком вот состоянии находилась «общественность» Великороссии, её власть накануне великих испытаний, связанных с вторжением Запада в лице Наполеона и «дванадесати языков» (народов).

Испытания подготавливались постепенно. «Пожизненный (с 1802 г.) консул Франции» Наполеон Бонапарт в 1804 г. провозгласил себя «императором». С республикой было покончено полностью. Французское масонство, в том числе и всемирного значения ложа «Великий Восток Франции», поддерживало диктатора и самозванца. Основной причиной столь быстрого поворота масонов от республики к монархии явился расчёт, что Наполеон способен военной

силой сокрушить европейские королевства (и Российскую Империю), после чего его самого можно будет убрать и наладить масонский «новый порядок» в новом «общеевропейском доме». Масонство активно вливалось в армию, создавая «военные ложи». Не подозревая, что он является лишь орудием в чужих руках, честолюбивый Бонапарт, видя перед собой льстивое подобострастие масонов, думал, что повелевает и ими, как «призван» повелевать и всем миром (ну, по крайней мере,— всей Европой)! Новоявленный император Франции быстро захватывал или подчинял своему диктату одну страну за другой. Мы помним, что одной из причин гибели Павла I была его дружба с Наполеоном, направленная против Англии и Пруссии. Взойдя на Престол, Александр I должен был восстановить угодный русскому дворянству союз с Англией и Пруссией против Франции.

Не следует удивляться тому, что масонство этих союзников оказалось как бы против французского масонства. Мы уже знаем, что у *тайных* мировых центров иудео-масонства свои «игры» и расчёты. Возможно там понимали, что Наполеон может и проиграть, что корни национальных монархий ещё сильны и что поэтому выгодней до времени опираться именно на монархические силы Европы, хотя бы в целях сдерживания *стихий* народных восстаний, волнений «черни». Давно исследовано и подчёркнуто, что масонство инспирирует бунты и революции только, когда это ему выгодно, в иных случаях оно же их безжалостно подавляет. Для масонов народ — это скоты и тупые «профаны». Отсюда и получаются такие «чудесные превращения», как то, что из *гимна республики и свободы* «Марсельеза» почти мгновенно сделалась гимном империи и порабощения народов... Последние могли отозваться на такую «перемену мод» французских только одним — сопротивлением. Так войны против Наполеона сделались войнами *национальными* «битвами народов», а не только их правительств! Так же потом и война России против Франции станет войной подлинно *Отечественной*, общенародной (хотя к этому будут добавлены ещё особые чисто русские причины). А пока возмущённая безцеремонными французскими захватами Россия в союзе с Англией и Пруссией только ещё готовилась к войне с Бонапартом не на своей, а на европейской территории. В 1805 г. военные действия начались. Поставленный во главе российской армии фельдмаршал князь М. И. Голенищев-Кутузов (ученик Суворова) *не успел* на помощь австрийцам, разбитым французами под Веной. Чтобы спасти армию, он увернулся от столкновения один на один и ушёл к северу. Здесь, под Аустерлицем, соединившись с остатками австрийских сил, он вынужден был дать Наполеону сражение. На этом настаивали все союзники и Александр I, лично прибывший на поле битвы. Союзники битву проиграли. Наполеон победил и принудил императора Франца к миру. Кутузов с армией вернулся в Россию. В 1806 г. война возобновилась, теперь уже в союзе с прусскими войсками. Не дождавшись подхода русских, Фридрих-Вильгельм III прусский двинулся против французов, но был в двух сражениях разгромлен и заперся в Кёнигсберге, возле которого всю зиму 1806-1807 г.г. шли упорные бои. Здесь под г. Прейсиш-Эйлау Русская армия в крупном сражении победила французов, но потом, летом 1807г., была ими разбита под Фридландом. Наполеон взял Пруссию. Русские ушли во- свояси. В то же время Бонапарт подстрекнул Турцию, которая в 1806 г. начала войну с Рос-

сией. В следующем 1807 г. он при заключении мира с Россией Турцию так же легко **предал**. В ряде сражений русские под началом Кутузова разгромили турок и в 1811 г. совсем уничтожили Турецкую армию (при Слободзее). В 1812 г. в Бухаресте был заключен мир, по которому Турция уступала России Бессарабию. Меж тем, в 1807 г. Александр I, лишившись европейских союзников и не получая должной помощи от Англии, вынужден был пойти на мир с Наполеоном. В Тильзите (на особых плотках, поставленных на р. Неман) состоялось первое свидание двух императоров (второе было через год в Эрфурте). И оба они друг другу понравились и почти подружились. Бонапарт напрасно потом упрекал Александра I в неискренности. Нет, тогда Государь был искренен в своем добром отношении к талантливому корсиканцу. Царю показалось, что оба они, на равных, смогут устроить европейские дела во благо странам и народам, предотвратив тем самым излишнее кровопролитие. По настоянию Александра I Пруссия сохранялась как государство, лишаясь однако части своих земель. К России отошла Белостокская область. Земли Польши, бывшие за Пруссией по последнему разделу, объединялись в самостоятельное Герцогство Варшавское (и это уже было предложением Наполеона). Кроме того, Бонапарт получал право держать в Пруссии свои гарнизоны, вообще иметь её под своим влиянием. Оба императора в Тильзите договорились **втайне**, как бы именно **по-дружески**, что Александр I предоставит Наполеону влияние в Западной Европе, а Наполеон уступает Александру влияние в Европе Восточной, а также содействует в борьбе против Турции. Они договорились помогать друг другу, учитывать интересы сторон и решать важнейшие дела в сферах своего влияния **совместно, в совете**. Александр I свои обещания исполнял. Так, он примкнул к системе «континентальной блокады» против Англии, за отказ присоединиться к тому же объявил войну Швеции. В 1808-1809 г.г. Россия взяла Финляндию, Аландские острова и вступила в Швецию, которая запросила мира. По этому договору Финляндия отошла к России на правах особого Великого Княжества с широким **самоуправлением**, без всякого нарушения местных обычаев, верований, образа жизни. А вот Наполеон, как видно, и не думал исполнять своих обещаний Александру I. Он ничем не помог в войне с Турцией, в Европе стал распоряжаться сам, без всякого совета с Россией и учета её интересов. Выяснилось, что неискренним был как раз Наполеон, уже возомнивший себя «властелином мира», гениальным и непобедимым. Без всяких церемоний, к примеру, он отнял земли у дяди Александра I, герцога Ольденбургского, не согласовав это с Россией, а также присоединил к Франции немецкое побережье до Эльбы и Голландию, без совета с Россией. С 1810 г. Александр I охладел к Бонапарту, поняв, что тот стремится только к личному господству, к тому же Тильзитский мир и дружба с «исчадием революции», так называли в России Наполеона, вызывали сильное возмущение против Александра I в «общественности», а блокада Англии вредила российской торговле. Со своей стороны Наполеон тоже был недоволен тем, что Александр I своими протестами и возражениями не даёт ему чувствовать себя полным хозяином Европы, и что русские купцы, хотя и в обход правительства, всё же слишком часто нарушают экономическую блокаду Англии, ухитряясь вести с ней торговые операции. Взаимное раздражение Александра I и Наполеона нарастало. Столкновение их становилось неизбежным. Теперь

Александр *действительно* сделался «неискренним» и «дурачил» Бонапарта заверениями в дружбе и знаками вежливости и внимания, чтобы как можно дольше не дать французам увидеть того, что он готовится к войне с ними. Вспомним, что в 1811 г. Царь впервые познакомился с подробной историей древней России, многое понял, кое-что пересмотрел, почувствовал духовно-историческое величие Отечества, по-новому оценил то, что он теперь *обязан*, как Царь, *защитить*. В начале 1812 г. он двинул 200 тысяч войска к Неману и весной сам прибыл в Вильно, чтобы лично участвовать в кампании. Но военные и сановники вскоре уговорили его вернуться в столицу, чтобы успешней руководить *всеми* действиями против Наполеона, не только военными, но и дипломатическими, политическими. Война и впрямь становилась особенной, необычной. Как по численности солдат, так и искусству ведения войны, Наполеоновская армия не знала себе равных. Бонапарт понимал, что пространства России столь огромны, что и с такой армией, и с таким гением, как у него, ему эту страну не завоевать. Он и не ставил перед собой такой цели. Ему нужно было только «наказать» Александра I за всё и принудить его к послушанию и исполнению своей воли. Для этого казалось достаточным быстро разгромить Русскую армию. В июне 1812 г. без объявления войны (!) Наполеон перешёл Неман и с 600-тысячной армией вторгся в пределы России. В составе этих полчищ были не только французы, но представители стран, покорённых Наполеоном, — полки испанские, итальянские, немецкие, польские и т.д.

Русские войска были разделены на две армии. Во главе одной стоял военный министр шотландец генерал М. Б. Барклай-де-Толли, во главе второй — сподвижник и ученик Суворова князь генерал П. И. Багратион, отпрыск Грузинского Царского Дома. Оба докладывали обо всём в Петербург и получали оттуда, от Александра I, стратегические указания. А суть этих указаний состояла в том, чтобы, давая Наполеону только арьергардные небольшие сражения, отступать вглубь России, сохраняя военные силы и заманивая противника. С 200 тысячами против 600 тысяч столкнуться было слишком большим риском! Не Барклай и не Кутузов (впоследствии) были авторами этой стратегии, а Александр I. Таким образом вызывая у Наполеона впечатление блестящих побед, отступления перед ним русских войск, они заставляли его двигаться всё дальше и дальше вглубь тех именно просторов, которые уже сами по себе своей огромностью и безлюдием внушали европейцам — солдатам Наполеона тоску и гасили воинский дух, а также непомерно растягивали армию, её коммуникации, уменьшали численность наступающих частей (нужно было везде оставлять свои гарнизоны), крайне *затрудняли* снабжение продовольствием. Если бы это сразу Наполеон понял, то ни за что не пошёл бы на Москву, вглубь России! Он постарался бы добиться своих целей каким-то другим способом (ему тоже очень важно было *сохранить* свою армию)!

Сразу же Бонапарту показалось, что он увидел «ошибку» русских, разделивших силы на две армии. И он, не задумываясь, вклинился между ними, не дав соединиться. А они и не должны были соединяться для генерального *сражения*! Они потом соединились под Смоленском, но для генерального *отступления*! Некоторое арьергардное сопротивление у Смоленска и иные столкновения убедили агрессора в том, что с ним воюют, но не могут противостоять! До времени и действительно не могли. Поэтому и отступали, уклоняясь от «генерального»

сражения. А он всё стремился вперёд, надеясь, что вот ещё немного и в решающей битве будут уничтожены военные силы России. Секрет стратегии был именно секретом. Поэтому Российское «общество» не понимало, что происходит? Почему наши всё время отступают? Росло недовольство Барклаем, требовали Кутузова. Александр I дал Кутузова, но тот стал делать то же, что и Барклай,— отступать. Конечно же, при этом Александр I не мог быть *совершенно* уверен в успехе! Он очень переживал, волновался и говорил, что это нашествие — *Божие наказание* всей России за его личный грех причастности к убийству отца. Такое сознание было нестерпимым. Оно многократно усиливало потребность в Божьей милости и помощи, и переживания за исход дела. Перед Москвой всё совсем осложнилось и обострилось. Москва была не просто городом, а *святой древней столицей*, где как и встарь, венчались на Царство Императоры, приезжая для этого из Петербурга. «Просто так» оставить Москву было невозможно, никто бы не понял. Нужно было всё-таки давать Наполеону генеральную баталию. И она была дана. *При Бородино 26 августа 1812 г.* произошло одно из самых крупных в мировой истории сражений. Французы ввели в дело 130 тысяч, русские — 110. Большого перевеса у врага уже не было. И обе стороны потеряли почти по половине. Общее число погибших с обеих сторон было около 100 тысяч человек. К ночи 26 августа обе армии вернулись на *исходные* позиции, и обе считали себя победителями (!), так как каждая имела немалые трофеи противника: пушки, знамёна, пленных. Смертельно был ранен и скоро умер знаменитый Багратион. Множество генералов, офицеров и солдат явили безпримерную стойкость и героизм! Получив утром донесение о потерях, Кутузов решился *отступить* (хотя ночью планировал возобновить сражение). Увидев отступление русских, Наполеон убедился, что он победитель! А русские пошли на невероятную жертву. Они решились оставить Москву. Так было постановлено на военном совете в д. Филях под Москвой. До сих пор спорят о том, нужно ли было так делать, и почему так было сделано? Некоторые даже обвиняют Кутузова в том, что как масон, он умышленно предал святыни московских Кремлёвских соборов и иных храмов *на осквернение*. Точных данных нет. Дело достаточно тёмное. Нужно принять во внимание, что Кутузов, хотя и был масоном, но — русским (!), из тех легальных, что искренне думали, что масонство не противоречит православной вере. Перед Бородинской битвой он приказал водрузить взятую нашими из Смоленска *чудотворную* икону Матери Божией «Одигитрии» (путеводительницы) Смоленской посреди войск, служить ей молебен и сам молился с войсками. Он мог бы обмануть многих, но не всех, не всю армию, не весь русский народ, которые всё же чувствовали, видели в Кутузове *своего* полководца и человека!

Перед сдачей Москву оставили подавляющее большинство её жителей. Были вывезены чудотворные иконы, святыни, самые большие ценности. Говорят, что по распоряжению генерал-губернатора Москвы графа Ф. В. Ростопчина были оставлены «поджигатели», которые запалили все основные склады с продовольствием и самый город (в разных местах), но точных данных на сей счёт не имеется. Известно только, что Наполеон 2 сентября вошёл в безлюдную горящую Москву. Зловещее и страшное зрелище! Одни лишь рассказы о нём повергали тогда в ужас и трепет сердца россиян, в том числе и Императора Александра I! Бонапарт расположился в Кремле и стал ждать, когда придут

послы Царя для переговоров о мире. Он писал и сам Александру I, занимался делами, среди которых было и положение о Парижском театре Гранд Опера, и манифест об освобождении русских крестьян от крепостного права... Дел было немало. А послы не приезжали, и Александр I почему-то не отвечал. Проходит сентябрь. Наступала слякоть и бездорожье, не за горами были и русские холода. Нужно было что-то делать! А делать было решительно нечего, кроме как сидеть и ждать. Но чего?! Теперь уже как бы милости Российского Императора! Но это же нелепость! Ведь победитель он — Наполеон!... И он ждал. Время шло. Александр I не отвечал. Кутузов, отойдя к Калуге, сумел наладить отличное пополнение армии людьми, лошадьми, оружием, провиантом и всем необходимым из южных губерний России. Приободрившиеся и окрепшие русские войска наголову разбили маршала Мюрата, попытавшегося напасть на них. Возникла мысль двинуться на Петербург. Но его надежно «запирали» свежие силы корпуса графа Вигтенштейна и к тому же дальность расстояния, леса и болота, безлюдность местности между Москвой и Северной столицей стали для Наполеона уже неодолимыми препятствиями. Ибо его армия в Москве разлагалась. Солдаты и офицеры начали массовый грабёж того, что ещё можно было найти, пошло повальное пьянство. Дисциплина резко упала (держалась только старая гвардия). Громадное войско «дванадесяти языков» деморализовалось и превратилось в плохо управляемое скопище, причем необычно быстро, всего за полтора месяца! Вот тогда Наполеон понял, что жестоко обманулся. Но ещё не мог понять, что его обманули. Понял он наконец, что ответа от Российского Императора не будет, что поэтому единственный выход — уносить ноги. И как можно скорей! Он решил отступать к Смоленску и Вильно, чтобы проведя там зиму, укрепившись, по весне вновь ударить по русским. В середине октября 1812 г. захватчики покинули сожжённую и разграбленную Москву. Здесь ими были осквернены Кремлёвские соборы и иные храмы, что навлекало на них неизбежную Божию кару, а также особый гнев Русского народа. Бонапарт хотел выйти на новую дорогу, чтобы двигаться через богатые продовольствием земли. Но под Мало-Ярославцем потерпел от Кутузова сильное поражение. Пришлось отступать по старой Смоленской дороге, разграбленной его же войсками при наступлении. Отход наполеоновских войск обратился в беспорядочное паническое бегство. Неожиданно в ноябре ударили сильные морозы, сковав гололедицей землю. Конница падала, не могла идти. Люди без тёплых одежд замерзали прямо в полях, на дорогах. Кутузов уже не видел нужды нападать на противника, справедливо решив, что его армия развалится скоро сама по себе. Войска русских шли параллельно, рядом с Наполеоном, как бы «проводя» его. Им представлялось достаточным изматывать силы врага небольшими отрядами войсковых партизан, нападавших внезапно и часто, отбирая награбленное, беря немалый плен и лишая обоза. Прославились партизаны Фигнера, Давыдова, Сеславина. Но кроме того, против захватчиков поднялась и «дубина народной войны». Те самые русские крепостные крестьяне, которых Наполеон хотел избавить от их «рабства» помещикам, бросились не на помещиков, а на него! Повсюду стали появляться партизанские объединения, наносившие противнику немалый урон. Во главе их становились простые люди, иной раз даже женщины (старостиха Василиса). Множество французов,

бросая оружие, устремились как нищие по деревням, прося подаяния. «Шерами!» («Милый друг!») — начинали они свое обращение к русским. Им давали милостыню и прозвали «шерамыжниками». Видимо, «отличились» тогда как воришки какие-то солдаты испанцы, получившие народную кличку «шпана» («Шпана», «шпанский» на старом русском языке — это Испания, испанский). Всё российское общество, весь Великороссийский народ сплотились тогда *воедино!* Это было — как возрождение древней единой Руси! Исчезали различия чинов и сословий, забывались обиды и разногласия, как бы единым сердцем и едиными устами славили Православного Царя! Слово «Император» тогда оставалось только в официальных бумагах, во глазе народа, в сердце Великороссии зазвучало с особой силой своё, родное, исконное — «Царь»! А Царь Александр I был потрясён. Позорное бегство великого Бонапарта породило в душе Государя не злорадство, не чувство гордости, а совсем другое... «Пожар Москвы,— говорил он,— просветил мою душу и суд Божий на оледенелых полях битв наполнил моё сердце такою теплотою веры, какой я до сих пор не испытывал. *Тогда я познал Бога, как открывает Его Священное Писание;* с тех пор только я понял и понимаю волю и закон Его!»

Это было второе (после чтения «Истории Государства Российского») мощное потрясение души и сознания Александра I, направившее его к правде Божией, к Церкви и Православию. Полное обращение было ещё впереди. Однако и то «познание Бога» и «теплота веры», какие уже появились, сразу соединили в душе *по-новому угрызения совести* в связи с причастностью к отцеубийству и ощущение *неотвратимости* «суда Божия» за великое преступление.

Наполеон бежал, безнадёжно теряя армию. Он не смог задержаться в Смоленске, едва успел переправиться через р. Березину, не закрепился и в Вильно, и в день Рождества Христова 1812 г. через реку Неман ушёл из России, уводя с собой только 15-20 тысяч человек (из 600 тысяч)... Кутузов и «общество» думали, что на этом — конец их усилиям. Но Государь приказал идти за Наполеоном дальше, освобождать от него Европу. Скоро к русским примкнула Пруссия, за ней Австрия, за ними Швеция и Англия. Бонапарт, не сдаваясь, быстро создал новую армию, и начались упорные битвы! Генеральное сражение состоялось под Лейпцигом и снова в день Рождества Христова 1813 г. Оно было названо «битвой народов», что и было действительно так. Сошлись огромные армии. На поле брани лично присутствовал Наполеон, против него — Император Австрийский, короли Прусский и Саксонский. Но во главе всего — сам Александр I, Царь Великорусский! Хотя непосредственное командование было поручено немецкому генералу князю Шварценбергу, душой и руководящим умом сражения был Александр I. Ему, как победоносному «властителю полумира», теперь отдавали первенство все государи Европы! Так вновь, после Аустерлица, лично встретились на поле брани Александр I и Наполеон. Битва длилась 4 дня. Как при Бородине, общее число погибших достигло около 100 тысяч человек. Наполеон был разгромлен! Масонство и еврейство лишили его поддержки и денег. Одним своим гением он уже не многое мог. Но нужно отдать ему должное — он дрался как лев, до последнего! Его невероятное личное мужество и воля, героизм его маршалов, офицеров и преданных солдат сделали славой Франции навсегда!

В 1814 г. союзные войска вошли во Францию и 19 марта Сенат объявил своего императора «лишённым престола». Наполеон в Фонтенбло вынужден был подписать акт отречения. Александр I с русскими вошли в Париж и первое, что они сделали,— отслужили в центре французской столицы панихиду по убиенным революцией королю Людовику XVI и королеве Марии Антуанетте. Бонапарт получил в управление о. Эльбу, став его «губернатором». Союзники договорились созвать в Вене первый «Конгресс» для обсуждения интересов всех и каждого. Венский конгресс состоялся в 1814-1815 г.г.

Александр I, преодолев очень сильное, просто яростное сопротивление друзей-союзников, сумел добиться того, что важнейшие земли Польши с Варшавой отошли к России и составили, как уже говорилось, особое Царство Польское. Познань отходила к Пруссии, Галиция — к Австрии. Конгресс ещё заседал, когда пришла весть, что Наполеон покинул Эльбу, вернулся во Францию и восстановил свою власть! Союзники (в основном англичане и пруссаки) нанесли ему в битве при Ватерлоо великое и *последнее* поражение, после чего он был отправлен на очень далёкий о. Св. Елены уже как узник, где и умер потом. А в 1815 г. русские с Александром I вторично вошли в Париж и оставались во Франции до полного её успокоения. Здесь в Париже Александр I разработал свой знаменитый проект «Священного Союза». Но прежде скажем, что в 1814 г. Синод и Сенат России решили присвоить Александру I именование «Благословенный». За такие победы, приобретения и дела, которые по значению и славе не уступали победам Петра I и Екатерины II, а кое в чём и превосходили их, почему-то не подносилось теперь звание «Великий». Но и от титула «Благословенный» Александр *отказался*. Что-то очень серьёзное уже происходило в его душе.

Основные идеи Российского Самодержца о «Священном Союзе» монархов Европы были выражены в особом акте 14 сентября 1815 г. Они состояли в том, что союзные монархи должны все свои отношения «подчинить» высоким «истинам, внушаемым вечным *законом* Бога Спасителя» и «руководствоваться не иными какими-либо правилами, как *заповедями сей святой* веры и заповедями любви, правды и мира». Монархи обязались пребывать в вечном мире и «подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь», управляя своими народами «как отцы семейств» в духе братства.

Впервые в истории человечества (!) от Православной России изошёл громкий призыв к политическому объединению и согласию всех европейских стран на основе послушания закону Христову и Его святым заповедям, дабы не было войн, дабы и внутри народов установилось христианское («семейное») согласие! Вся Европа получала реальную возможность начать *новую добрую жизнь!*

Вторично, в сущности, то же самое будет предложено теперь уже странам *всего мира* Государем Николаем II в конце XIX в. и ляжет в основу Гаагской мирной конференции 1899 г. Это призывы к благому объединению наций *на основе и в духе Евангелия!* При этом гарантом *практической возможности* именно такого объединения и упразднения войны являлась вся политическая, военная и экономическая мощь России.

Что же Европа? Что же всё «мировое сообщество»? Они отвергли призыв России к *такому* объединению в духе Христа и *подменили* его идеей объединения в духе *антихриста*, т.е. интеграции человечества в целях приведения его к

управлению этим «сверхчеловеком» («сыном Люцифера»). На таких основаниях и была создана Лига Наций, а потом Организация Объединённых Наций. Решающее значение в этой подмене возымело международное иудео-масонство.

Во времена же «Священного Союза» (названного так потому, что в основу его полагалось Священное Писание христиан) дело было испорчено так. Европейские страны тогда не могли прямо отбросить предложения Российского Самодержца, т.к. в этом случае они публично расписались бы в своем антихристианстве. «Священный союз» был одобрен и создан. Во главе его дел был поставлен австрийский князь Меттерних. Но заповеди Христовы были тут же забыты, и «Союз» превратился в орудие подавления революций и иных беспорядков, а также обеспечения корыстных интересов наиболее сильных западных стран. Россия за искреннее участие в поддержке европейских монархий получила прозвание «жандарма Европы». А масонство живо сообразило, что столь высокий международный авторитет Православной России подкрепленный её могуществом, служащий действенным средством обращения народов подлинно ко Христу и заповедям Его, *опасней* любых «революций» (тем паче, что они создаются и управляются не христианством, а самим же масонством!). И тогда из «невидимого света», или «видимой тьмы» тайных центров масонов Германии, Англии, Франции последовал русским масонам приказ: *уничтожить Царя Александра I и замутиль всю Россию так, чтобы и думать она перестала о вливнии на міровую жизнь в духе заповедей Божиих.*

Так и создано было поразительно парадоксальное, на поверхностный взгляд, явление: многие офицеры дворяне российской армии — армии-победительницы и освободительницы Европы (!), поддавшись внушениям европейских масонов, начали думать и проповедать потом вопреки *всяческой очевидности* об «отсталости» и ничтожности России в сравнении с Западом, о царящем в ней «деспотизме» и о необходимости свержения власти Царя с тем, чтобы установить правление, подобное европейскому, а точнее — и в Европе не созданному, но только планируемому *жидо-масонскому*. Клубок этих гнусных червей, политических уголовников и тщеславных ничтожеств и сделался основанием уже близкого заговора «декабристов».

Велика была радость Императора Александра I в связи с тем, что ему удалось в 1815 г. создать Царство Польское, свободное и от Пруссии, и от Австрии, и даже почти — от России! Ибо этому Царству он даровал Конституцию! Создалось небывалое положение вещей. Пребывая в составе Российской Империи, Польша вместе с тем оказалась государством в государстве, и притом отличной от России именно тем, что имела такие права и свободы, каких не было и в России! Но гордым (а потому и *слепым*) полякам этого показалось мало! Они возмечтали о том, чтобы тут же, в ближайшее время, воссоздать Речь Посполитую в том «величии», как она, по их мыслям, была до известных «разделов Польши». Началось революционное «патриотическое» движение, в котором участие принял и друг юности Александра I А.Чарторыйский. Он, как и прочие польские «паны», с надменной холодностью отнёсся к деяниям Императора в отношении Польши. Польская шляхта *не оценила* их. Что потом выходило из этого польского самомнения, хорошо известно. Польша так и не получила самостоятельной государственности, кроме краткого

времени с 1918 по 1939 г. Тут ей было дано показать и себе и миру, научилась ли она хоть чему-нибудь за время своей несвободы? Оказалось, что не научилась *ничему!* И тогда у неё вновь была отнята самостоятельность. А то, что возникло теперь, с 1990 г. — это уже не национальное государство поляков-славян, это уже *придаток* западноевропейского Вавилона.

К 1818 г. Государь Александр I пережил тяжкое разочарование в Польше и польской «общественности». То же постигло его и в отношении «общественности» Великороссийской. По словам его брата Николая, ставшего следующим Императором, он впервые узнал о заговоре «и о вызове Якушкина на цареубийство» «после Богоявления» (т.е. в конце января) 1818 г.

К этому сроку в Европе Александр I уже познакомился с новыми для него учениями различных «мистиков». В Англии он общался с Библейским обществом, в Силезии в Гернгуте он посещал общины «моравских братьев», в Бадене беседовал с Юнг-Штиллингом, в Германии большое влияние на него оказала баронесса фон Крюденер. В мистических идеях и настроениях он пытался найти утешение, вразумление и пищу для души. Под воздействием этих исканий Царя оказался и его министр, ранее — полный скептик, князь А.М. Голицын, много содействовавший изданию в России совершенно неправославной литературы западных мистиков и созданию «мистических» обществ. Расплывчатые представления о религии, которые он воспринял с детства, позволили Александру I не видеть разницы европейского мистицизма и Православной Веры. Он принимал и то и другое, но все-таки уже тогда *тяготел* к Православию. В 1818 г. он писал: «Призывая к себе на помощь религию, я приобрел то спокойствие, тот мир душевный, который не променяю ни на какие блаженства здешнего мира». Вот тебе и 100 продуманных поз!.. Меры внутри страны, принимаемые тогда Государем, помимо его желания, объективно вредят Церкви. Так, в 1817 г. им утверждается «Министерство духовных дел и народного просвещения», с *благим намерением*, «дабы христианское благочестие всегда было основанием истинного просвещения». Но во главе его ставится обер-прокурор Синода кн. А.И. Голицын (он же председатель масонского «Библейского общества», он же теперь и «мистик» на западный лад). Синод Русской Церкви оказывается *одним из учреждений* в составе нового министерства, то есть наравне и в совершенно одинаковом положении с евангелической консисторией, католической коллегией и духовными управлениями армян, иудеев, мусульман и т.д.! Александр I явно *запутывается* и начинает понимать это. В том же 1818 г. он говорит графине С.И. Соллогуб: «Одни лишь безпокойные умы находят отраду в тонкостях, которые и сами не понимают... Обязанности, налагаемые на нас, надо исполнять просто, быть только *хорошими последователями*, не теряясь в утончённых изысканиях, которые нам вовсе не предписаны». Замечательные слова! Они — обо всём «научном» и «творческом» прогрессе современности! И тут ещё вдруг впервые Царь узнаёт о заговоре против него дворян, офицеров — членов масонских организаций! 23 октября 1820 г. он пишет княгине С. Мещерской: «Мы заняты здесь важнейшей работой, но и труднейшей также. Дело идёт об изыскании средств против владычества *зла*, распространяющегося с быстротою при помощи *всех годных сил*, которыми владеет *сатанинский дух* ... Один только Спаситель может до-

ставить нам это средство своим Божественным словом. Воззовём же к Нему... да сподобит он послать *Духа Своего Святого* на нас и направить нас по угодному Ему пути, который один только может привести нас ко спасению».

Это уже — молитва! И она оказалась услышанной. В 1822 г. очередной конгресс «Священного Союза» (а их было несколько) собрался в Вероне. Неожиданно князь Меттерних на основе попавших к нему документов масонства, **доказал**, что тайные общества всех стран, находясь в постоянных сношениях друг с другом, составляли **один, общий заговор**, подчиняясь **одним** тайным вождам, и только для вида принимая в разных странах разные программы, в зависимости от обстоятельств и условий. Его поддержал прусский министр граф Гаугвиц, сам бывший ранее масоном. Он сделал подробный доклад, где показал, что «вражда» различных объединений масонства — это показуха, для отвода глаз. На самом деле масонство в глубинах своих едино и его цель — **порабощение мира**, а на первых порах — порабощение монархов, чтобы они стали орудиями в масонских руках. Гаугвиц ещё добавил, что с 1777 г. **руководил лично** не только частью Прусских лож, но и масонством Польши и России! Можно представить, как был поражён сидевший в зале Государь Александр I, родившийся как раз в том самом 1777 г., а в 1803 г. — вступивший в масонство! Поражены были все. Австрийский император Франц и Российский Александр I решили обрушиться на это великое зло. В 1822 г. Царским указом **масонство в России было запрещено**. Ложі распущены, переписка с «братьями» за границей строго запрещена. В то же время это был третий по счёту мощный духовный удар, потрясший душу Александра I крушением веры в благородство масонских идей и стремлений. Была введена строгая цензура, особенно в издании книг духовного содержания. **Теперь** Государь стал внимать обличениям масонства и мистицизма, исходившим от архимандрита Иннокентия, ранее за это пострадавшего, столичного митрополита Михаила, сменившего его митрополита Серафима, а также ревностного защитника Православия архимандрита Фотия (Спасского) настоятеля Юрьевского монастыря близ Петербурга. Серафим и Фотий, объединившись, сумели показать Александру I опасность для Православия «модных» идейных течений, вредность деятельности кн. Голицына и **обратить сердце Царя ко Святому Православию**. Посещение Валаамского монастыря, беседы с владыкой Серафимом, со старцем Александром-Невской Лавры Алексием произвели на Александра I огромное впечатление и показали ему, что то, что искала всю жизнь его возвышенная душа, содержится в опыте, правилах и приёмах Православного подвижничества, переживавшего как раз тогда необычайный подъём и вооружённого уже такими книгами, как «Добротолюбие» и иные, особенно — о делании Иисусовой молитвы («Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешного!»). Это было четвёртым, сильным духовным потрясением Александра I. Оно возымело двоякого рода последствия. Когда в апреле 1824 г. архим. Фотий после многих бесплодных увещаний, публично (в частном доме) изрёк «анафему» кн. Голицыну и последний подал в отставку, Государь отставку принял. Обер-прокурором Синода был назначен строго православный адмирал Шишков, Синод был выведен из состава «духовного» министерства, а его члены, связанные с Голицыным были заменены. Полагается «под сукно»

составленная масоном Н.Н. Новосильцевым «Государственная Уставная Грамота Российской Империи» (иными словами — Конституция), согласно которой в Государстве вводятся демократические начала правления («Дума», участие «общественности» в законодательной деятельности, различные свободы, то есть конституционная монархия). Написанная «в секрете» она не стала секретной для «общества», вызвав в нём большие волнения и разделения на сторонников и противников такого переустройства России. Ещё ранее, перед войной с Наполеоном, под давлением монархистов был уволен и отправлен в ссылку уж очень явный республиканец М. Сперанский. Началось возвышение «консервативного» А. Аракчеева, приобретшего теперь, к 1825 г. особое влияние в Государстве. С другой стороны, в это время Государь Александр I понял окончательно **как** именно он должен будет осуществлять свой очень давний, как мы помним, замысел *оставить Престол и удалиться от мира*.

Долгое время эта общая мысль, не раз откровенно высказываемая Царём, не имела практических очертаний. Но обстоятельства жизни стали подвигать Александра I к её осуществлению. Сопоставим некоторые события и даты. В 1818 г. возникает заговор будущих «декабристов», ставящий целью, в частности, убийство Императора, о чём он получает известие. В 1819 г. 13 июля Александр I в неожиданном после обеда разговоре с младшим братом Николаем Павловичем и его женой Великой Княгиней Александрой Фёдоровной сказал, что «вдвойне рад успехам брата (Николая) по службе», т.к. скоро на Николая ляжет «большое бремя стать его (Царя) заместителем» (преемником). «Мы сидели, как окаменелые, широко раскрыв глаза», — вспоминала Александра Фёдоровна. «Кажется, вы удивлены?» — спросил Александр и поведал, что средний брат, Константин, никогда не желавший Престола, ныне решил «формально отказаться от него». «Что же касается меня, — продолжал Император, — то я решил **отказаться** от лежащих на мне обязанностей и удалиться от мира. Европа более чем когда-либо нуждается в монархах молодых и обладающих энергией и силой, а **я уже не тот**, каким был прежде, и считаю долгом удалиться вовремя». Так впервые Николай Павлович узнал, что станет Императором, что навсегда разрушило его «мечту спокойной будущности», как он сам выражался, ибо он и не мечтал ни о чём, кроме счастливой семейной жизни с женой... Александр I ещё сказал Николаю и его жене по поводу их будущей Коронации: «Как я буду радоваться, когда увижу вас, проезжающих мимо меня, и я, потерянный в толпе, буду кричать вам «Ура»!

Слова Александра I, что нужны «молодые монархи» не соответствуют правде, это лишь «отговорка». Он был совсем ещё не старым (42 года). А вот слова: «Я уже не тот» — отражают очень глубокую действительность и означают отнюдь не оскудение телесных и душевных сил, а внутреннюю, *духовную* перемену.

Заговоры против него были возможны с двух сторон, — «слева», от масон-республиканцев, и «справа» — от дворян, напуганных его освободительными и конституционными намерениями. Вопреки мнению некоторых, у Александра I **никогда не было страха** по этому поводу. Он был достаточно храбрый человек и одно только его личное участие в крупнейших военных сражениях, говорит, что смерти он не боялся. Другое дело — Константин Павлович. Важнейшую причину своего решительного нежелания наследовать Престол он от-

кровенно выразил так: «Удушат, как отца удушили». Александром I владел страх иного рода — *страх Божий*. И нашествие Наполеона, и назревавший масонский заговор он расценил как *Божии* наказания *России* за его *личный* грех соучастия в убийстве отца, Павла I. Пока он на Престоле, Божии казни не прекратятся: Александр это понял! Будущих «декабристов» можно было бы и обезвредить. В 1823 г. Императору подали подробное донесение о заговорщиках с перечнем всех их имён. «Не мне их карать», — сказал Государь и бросил бумаги в камин. «Я сам в молодости разделял их взгляды», — добавил он. Значит, теперь, в 1823 г. Александр I и эти увлечения молодости расценивал, *как грех*, который тоже должен получить возмездие. Ни он, ни Константин *не имели духовного, морального права карать* заговорщиков, поскольку оба были виноваты *в заговоре* против родного отца! Вот в чём суть дела! *Карать* имел право тот, кто не был никак замешан в отцеубийстве и революционных заблуждениях, то есть младший брат — *Николай*. Ему и передавались бразды правления Россией.

В том же 1823 г., согласно с официальным письменным отречением Константина от права престолонаследия, по указанию Александра I митрополит Московский Филарет (Дроздов) составил «Манифест» о передаче власти от Александра к *Николаю*. Манифест был подписан, сохранён в глубокой тайне (подлинник спрятан в алтаре Успенского собора Кремля, копии положили в секретные сейфы Синода и Сената с указанием вскрыть или по личному требованию Александра I, или в случае его смерти, «прежде всякого иного действия»).

Дважды — в 1823 г., на осенних манёврах, и в апреле 1824 г. на смотре 3-го пехотного корпуса под Белой Церковью *планировалось убийство* Александра I. Оба раза он неожиданно отказывался от поездок на эти мероприятия. Но долго убежать от «охоты» за ним было бы невозможно. Вместе с тем продолжались иные бедствия. Небывалое наводнение в ноябре 1824 г. в Петербурге, унесшее множество жизней, было грозным знамением. Перед этим Александра I постигла и личная скорбь. Скончалась в возрасте 16-м лет его любимая внебрачная дочь София, рождённая от долголетней незаконной связи с М. А. Нарышкиной (и такой грех был на совести Царя!). Две его дочери от законного брака давно тоже умерли в младенческом возрасте. Больше детей не было... Зато они были у Николая! Если вспомнить, что ещё в 1818 г. он (Александр) очень тяжело пережил кончину любимой сестры и друга Великой Княгини Екатерины Павловны, а потом пережил и сильный пожар в его Царскосельском дворце, то можно представить себе состояние его души, когда она, наконец, подлинно обратилась ко Святому Православию и его духовному подвижничеству как раз в 1824 г.! Нужно было решать! И он решил осуществить, то что задумал уже давно, — уйти от Престола и даже от мира! В 1825 г. Александр I говорил об этом доверительно многим людям, в том числе принцу Оранскому, записавшему разговор. Но *как* осуществить такое из ряда вон выходящее, небывалое в русской истории дело? Отречься и *открыто* уйти в монастырь невозможно: не оставят в покое ни свои, ни враги. А весь смысл «ухода» только в том, чтобы *посвятить себя полностью Богу* и молитвенному подвигу покаяния и восхождения к Нему, что требует тишины и уединения. Как быть? Единственный выход — сделаться как бы *умершим*, то есть *обмануть всех* (и «общество», и масонов, и даже многих близких друзей и родных!).

Александр I принимает в 1825 г. именно такое решение. И не самовольно, а *в совете и по тайному благословению* Церкви, в сокровенных беседах с митрополитом Серафимом (Глаголевским) и старцем-монахом Алексием. Перед этим один промыслительный случай подсказывает ему и определённое место ухода — *Сибирь*. Дело в том, что в 1823 г. к Александру I на допрос привели тайно из Петропавловской крепости некоего старца, арестованного за распространение слухов о том, что покойный Павел I будто бы был «не настоящим» Царём (его якобы в колыбели ещё «подменили») а «настоящий» Павел Петрович скрывается в *Сибирских местах как старец-подвижник*. Это была совершенно нелепая тёмная народная байка, одна из многих подобных, не имевшая и заметного распространения. Но возможно, как раз она и *подказала* Александру I, *куда* именно и в *каком* качестве следует уходить!

В конце августа 1825 г. Император привёл в полный порядок все свои дела и бумаги. Посетил в Павловске мать, вдовствующую Императрицу Марию Фёдоровну, погулял в саду, задержавшись на месте, где его торжественно чествовали после победного возвращения из Франции в 1815 г. В ту же ночь, на 1 сентября, он был уже на богослужении у раки мощей Св. Александра Невского, своего небесного покровителя, в Александро-Невской Лавре в Петербурге, где тихо беседовал с митрополитом Серафимом. Здесь он постоял у могилы своих дочерей, затем надолго уединился в келье схимонаха Алексия. А потом в простой коляске, без эскорта, выехал из столицы. У заставы Царь приказал остановиться, вышел из коляски и долго, задумчиво смотрел на Петербург. Так Император выехал на Юг, в Таганрог, где должно было проходить лечение слабого здоровья его жены. Отсюда он совершил поездку в Крым, где ему очень понравилось! В Ореанде он сказал князю П.М. Волконскому: «Я скоро переселюсь в Крым и буду жить здесь частным человеком. Я отслужил 25 лет, и солдату в этот срок дают отставку». Из Крыма он вернулся с простудой. Болезнь была незначительной и, по его отменному здоровью, отнюдь не смертельной. В Таганрог к нему пришли секретные рапорты, основанные на последних донесениях дворянина унтер-офицера Шервуда о том, что тайные общества заговорщиков привлекали на свою сторону *крупные армейские подразделения*. Армия, которую так любил Государь, частично поднималась против него, обманутая масонами. «Чудовища! Неблагодарные!» — восклицал после этого Император, неизвестно кого имея в виду.

В глубокой тайне в беседах с самыми близкими и верными людьми, прежде всего с женой (отношения с ней у Государя наладились, а она всегда любила его), особенно в беседе 11 ноября, было в деталях решено, что и как будет сделано, чтобы представить обществу, официозу, всей Империи, что он Александр I, *скончался здесь в Таганроге, 19 ноября 1825 г. в 10 ч. 50 мин. утра*. Были заготовлены одежда, документы, даже простая крестьянская палка-посох. С этим всем, навсегда простившись по-христиански, по-братски с женой и близкими, «властелин полумира» тихо ушёл навсегда от царствования, славы, богатства, от «мира сего» в подвиг молитвы и покаяния! В его прежних одеждах (в сюртуке) нашли бумаги, которые Император всегда носил при себе, и подумали, что это нечто особо секретное. Но, раскрыв их, обнаружили, что то были православные молитвы, переписанные Царём от руки...

Об этой загадке и тайне писали тогда и потом, вплоть до наших дней очень много! Императорский официоз, конечно, настаивал на том, что Александр I действительно умер. Для этого он сам и продумал достаточный набор всевозможных «доказательств». На том же «стенной» стояли и советские историки-атеисты, у которых в голове никогда не могло уложиться, чтобы Самодержец Российский мог бросить Трон ради молитвы! Но многие доказывали, и тоже с целым набором деталей и фактов, обратное, то есть то, что Александр I не умер 19 ноября 1825 г., а уехал. Мы проверили, со своей стороны, аргументы и тех и других. Правы оказались вторые. Император ушёл. В Петербург из Таганрога повезли **закрытый** гроб; так, закрытым, там его и похоронили в Петропавловской крепости. По одной версии в гроб был положен случайный покойник, почему протокол вскрытия его тела никак не сходится с болезнью и причинами мнимой смерти Александра I, как она описана врачами. Императрица с 5-го ноября 1825 г. вела дневник, но прекратила его 11-го ноября, после длительной беседы с мужем. Что за число 11-е ноября? В этот именно день Александр I получил донесение Шервуда. Это и стало последним «толчком». Императрица-вдова, очень чтившая мужа, что явствует из её писем, после его «смерти» не присутствовала ни на панихиде над гробом в Таганроге, не пожелала и сопровождать гроб в столицу и **не поехала** туда на погребение. На следующий год, покинув Таганрог, она скончалась в Белове 4 мая 1826 г. Близкий друг «почившего» Государя М.П. Волконский тоже не поехал сопровождать «тело Императора»... По другой версии в гробу не было вообще никакого «тела», он был пустым.

Тем временем бывший Император удалился сначала в Малороссию, где по многим основательным данным жил под Киевом у барона Д. Е. Остен-Сакена, близкого ему по прежним масонским делам... Бывший масон Остен-Сакен умел хранить тайны. Здесь Александр прожил 12 лет, посещая монастыри, особенно Киево-Печерскую Лавру, общаясь с монашеством. В 1837 г. он появился в Сибири под именем Фёдора Кузьмича, жил в разных местах, ведя отшельническую жизнь, пользуясь общим уважением всего местного населения. Старец обладал дарами исцеления больных и прозорливости. В 1859 г. он поселился в Томске у почитавшего его купца Семёна Феофановича Хромова, имея отдельную малую келейку. Над кроватью его висел всегда образ Св. Александра Невского, дни памяти которого всегда особенно праздновал старец Фёдор Кузьмич. Его посещали, кроме простого люда, архиереи, сановники. К нему приходили письма на французском и иных языках, к немалому удивлению местных почтмейстеров. Среди его корреспондентов были высокопоставленные и знатные люди, в том числе и барон Остен-Сакен. Однажды его случайно застали на загородном участке Хромова за странным занятием. Не думая, что кто-либо есть поблизости, старец Фёдор Кузьмич маршировал строевым воинским шагом... Был он высокого роста, величавой осанки, имел чистое, замечательно белое лицо, ясные голубые глаза, выющую седую бороду, седые выющиеся волосы, окаймлявшие полысевшую голову, одет был всегда опрятно и чисто, хотя очень просто, по-крестьянски, у него была яркая, правильная, образная речь. Всем видом и речью он просто поражал простых людей, которым говорил: «И цари, и полководцы, и архиереи — такие же люди,

как и вы, только Богу было угодно одних наделить властью великою, а другим предназначалось жить под их постоянным покровительством». Один раз его посетили удивительные гости — молодая барыня и офицер, в гусарской форме, высокого роста, очень красивый, похожий на Наследника Царевича Николая Александровича. Старец потом далеко их провожал, и офицер поцеловал руку старца. Ожидавшему его Хромову Фёдор Кузьмич, вернувшись, сказал: «Деды-то как меня знали, отцы-то как меня знали, дети как знали, а внуки и правнуки вот каким видят». Старец не скрывал, что бы кем-то очень знатным в «прежней жизни», но не говорил, что был Императором Александром I. Об этом Царе он вообще не говорил, как *никогда не говорил* и о Павле I. Однако, уходя из деревни Зерцалы, он поставил к иконам в местной церкви красочный вензель в виде буквы «А» с короной и голубем над нею. Фёдор Кузьмич отличался молитвенностью, великой добротою, отзывчивостью, охотно помогал людям, любил учить детей грамоте, вообще очень любил детей и особенно трогательно — маленьких девочек. Взрослые же люди восхищённо слушали его беседы, рассказы о военных делах 1812 г., о праздниках в Петербурге, и почитали старца святым. Так, окружённый любовью людей, и скончался старец Фёдор Кузьмич на лесной заимке Хромова близ Томска 20 января 1864 г. и погребён в Богородицко-Алексеевском Томском монастыре. Было ему 87 лет. Если отнять их от года смерти, получится год рождения — 1777. После этого при Александре II и Александре III С.Ф. Хромов приезжал в Петербург, передавая в *Царский дворец* какие-то бумаги Фёдора Кузьмича. Некоторые записки старца сохранились. В одной из них он прямо говорит, *кем* он был на самом деле, как мнил себя повелителем России и народов Европы, пока не пришёл в покаяние. Умерший в прошлом 1993 г. в Канаде Тихон Николаевич Куликовский — родной племянник Николая II, сын его сестры Ольги Александровны от мorganатического брака с полковником Куликовским, рассказал нынешнему писателю В. Тростникову, что Император Александр III сообщил своим детям, в том числе Ольге, что в Императорском Доме всегда знали истину: старец Фёдор Кузьмич и есть Государь Александр I (рассказ Т. Куликовского записан на магнитофон).

Такое могло случиться только в России. Так поступить мог только Царь Российский, указуя, быть может, собою духовный путь *всему своему народу!*

Глава 23

ХІХ ВЕК: ПРАВОСЛАВИЕ.

25 ноября 1825 г., через несколько дней после того, как Государь Александр I *ушёл* от мира, *вышел* к миру из затвора, по повелению Матери Божией, дивный старец преподобный Серафим Саровский. Вышел с тем, чтобы просвещать мир светом той благодати Святаго Духа, которую он накопил в уединённом молитвенном подвиге. Незадолго до этого, осенью того же года с ним про-

изошёл такой случай. Старец Серафим стоял у своего источника близ монастыря. К нему подошёл молодой офицер и, сняв фуражку, попросил благословения. Всегда кроткий и тихий старец Серафим вдруг исполнился такого гнева, в каком его никто никогда не видел, громко закричал на офицера и проклял его. Несчастный, как громом поражённый, пошел прочь, пошатываясь от потрясения и забыв одеть фуражку... Невольным свидетелем происшедшего стал молодой инок, принесший старцу Серафиму еду. «Видел?», — спросил его старец. «Видел», — ответил инок. Старец указал ему на источник, за которым сам тщательно ухаживал: «Смотри!» Инок взглянул и увидел, что источник благодатной воды, исцелявшей многих больных, и всегда чистый и прозрачный был на сей раз совершенно мутным. «Вот так эти господа хотят всю Россию замутить», — сказал преп. Серафим. Через недолгое время Россия узнала о заговоре и попытке восстания «декабристов» (офицер был одним из них). Так в глуши Саровского леса произошла встреча как бы двух «Россий» — России Православной, Святой Руси, с Россией «демократической», революционной. Символический смысл встречи ясен: у Святой Руси, у России подлинной, то есть Православной, не было, нет и быть не может никакого единения, или примирения, или разговора с «демократией», революцией и «гуманизмом», даже в интересах «национального согласия». Западнической гуманистической демократии от лица Святой Руси — решительная и вечная *анафема*..

Да, в это как раз время с 1825 г., начал ярко светить всей Великодержаве исключительной силы светильник веры и святости — преп. Серафим Саровский. Промыслительно это случилось на рубеже царствования Александра I и его брата Николая I. К этому сроку, как мы видели, обращение Российских Самодержав к Православию, наметившееся уже в Павле I (но ещё растворённое идеями «веротерпимости») полностью осуществилось, после поисков, колебаний, раздумий, в его сыне Александре Павловиче. Рождённый в 1796 г., следующий Император Николай Павлович был уже без всяких поисков и ошибок Православным от начала и до конца своей жизни. В России началась новая эпоха расцвета, подлинной духовности, новая жизнь!

...Когда говорят о Русском Православии, или о Русской святости, могут называть разные имена достойных подвижников Земли Русской, но *обязательно* назовут два имени — Сергия Радонежского и Серафима Саровского. В наши дни к ним пожалуй прибавят ещё и третье имя — Иоанна Кронштадтского. Действительно в этих трёх людях с наибольшей яркостью и силой явилось для мира то, что содержалось всегда в душе Святой Руси, всех её деятелей и подвижников. О преп. Сергии мы уже знаем. О св. Праведном отце Иоанне речь будет впереди. А ныне нужно обратить внимание на духовный путь и облик преп. Серафима, чтобы понять нечто самое важное в истории Великодержавы XIX — го столетия.

Он родился 19 июля 1758 г. в г. Курске в семье Исидора Ивановича и Агафьи Фатеевны Машниных (дата рождения, отчество и правильное написание фамилии родителей уточнены нами по архивным данным, которые были впервые малым тиражом опубликованы в курской печати перед 1-й мировой войной и не успели стать достоянием жизнеописателей преподобного). В миру его звали Прохор. Он был третьим ребёнком в семье (были ещё старшая сестра Параскева и

средний брат Алексей). Воспитывался Прохор бабушкой Федосьей Наумовной, матерью и сестрой, сумевшими привить Прохору настоящее народное благочестие. Во второй половине XVIII в. сравнительно небольшой г. Курск славился купцами, торговля которых простиралась от Парижа до Пекина и даже дальше. Курские купцы И.И. Голиков и Д.И. Шелихов явились основателями Российско-Американской Компании (РАК), первых постоянных поселений на американском континенте, всего того, что стало потом называться Русской Америкой. На личные средства этих курян была создана и первая специальная духовная миссия в Америку, прибывшая туда в 1794 г. Русская Америка возымела большое значение и для духовной жизни всей России, о чём мы скажем позже. Однако г. Курск был более славен другим. Своим вторым рождением в самом конце XVI в. и всей дальнейшей историей Курск теснейшим образом связан с Чудотворной Курской Коренной Знаменской иконой Богородицы. Можно сказать, что жизнь этого города протекала как бы под сенью чудес Божией Матери от этой святой иконы. На поклонение ей со всех концов России стекались во множестве люди. Это и обусловило возникновение знаменитой ярмарки в Коренной Пустыни. Сюда из Курска в 9-ю пятницу после Пасхи стали совершаться крестные ходы с Коренной иконой (и обратно — после праздника Рождества Богородицы 8 сентября — дня обретения иконы в 1295 г.). В начале XIX в. ярмарка сделалась наряду с Петербургской и Нижегородской третьим самым крупным центром торгово-хозяйственной жизни России. Крестные ходы в Курской губернии приобрели огромный размах и всероссийское значение! Иногда в них участвовало так много людей, что шествие растягивалось сплошным потоком на все 27 вёрст от Курска до Коренной Пустыни. В городе было немало храмов (среди них два Троицких). До масонской переделки Курска в 1782 г. эти храмы были подлинными средоточиями всей (и духовной, и мирской) жизни курян, являлись центрами «слобод», теснившихся своими домами к этим своим храмам. Строительство церквей в глазах горожан было, понятно, делом священным и святым и поручалось только людям, известным своим несомненным благочестием. Такими и являлись родители Прохора Машнина. Еще до его рождения отец — Исидор Иванович взял подряд на строительство Сергиево-Казанского кафедрального собора, сооружаемого на месте сгоревшего деревянного храма преп. *Сергия Радонежского*. А жили Машнины прямо рядом с этим храмом, рядом со строительством. 20 лет жизни будущего великого святого в Курске прошли одновременно со стройкой Сергиево-Казанского собора. Ряд за рядом укладывались кирпичи в здание храма вещественного и тут же от силы в силу возрастал нерукотворенный храм души Преподобного, каждый день созерцавшего стройку. Отец умер в 1762 г., строительство продолжила мать Агафья Фатеевна. Когда Прохору исполнилось 7 лет, он взошёл с матерью на самую верхотуру почти построенной колокольни по лесам, от них отломилась доска, он упал вниз на груды кирпичей (с высоты нынешнего 10-ти этажного дома) и остался невредим, даже без ушибов и царапин! По этому поводу местный юродивый предсказал Агафье Фатеевне великую духовную будущность её сына. Прохор старательно учился. Избегал детских забав и игр, любя молитву и чтение духовных книг, но отнюдь не был нелюдимым! В его друзьях были многие сверстники — дети почтенных купеческих семейств, и для них он являл-

ся даже «заводилой». Но в чем? В интересах, связанных с Церковью, верой и жизнью по вере! А В 1767 г. Прохор заболел так тяжело, что врачи определили скорую смерть, не найдя средств к излечению. Во сне мальчику явилась Царица Небесная и сказала, что Сама *придѣт* и исцелит его. Этот сон он тут же передал матери. Через пару дней в 9-ю пятницу по Пасхе пошёл знаменитый крестный ход с Коренной иконой. Шли под холмом, на котором стоял дом Машниных. Неожданный сильный ливень обрушил на шедших такие потоки воды, что двигаться стало невозможно: нужно было выбираться вверх по холму на мощёную Московскую улицу. Так крестный ход с иконой был вынужден пройти через двор Машниных. Агафья Фатеевна вынесла больного Прохора к чудотворной иконе, *пришедшей* к их дому. Он приложился к святыне. Икону пронесли над ним и после этого здоровье его быстро пошло на поправку. Это был последний крестный ход перед долгим запретом. В этот именно раз между монахами Курского Знаменского Монастыря и Коренной Пустыни произошла ссора из-за доходов от Крестного хода, тут же ставшая известной Синоду, т.е. графу Мелиссино. Он быстро добился от Екатерины II запрещения крестных ходов. Только в 1794 г., по настойчивой просьбе курян, она же их вновь разрешила. Ссора — случай. Но он приоткрывает отчасти причину того, что Прохор Машнин потом пошёл не в один из курских монастырей, а в Саров. Рано созрело в Прохоре желание посвятить себя монашескому подвигу. Мать согласилась на это и благословила сына большим медным крестом, который он потом носил всю жизнь. В 1776 г. вместе с друзьями Прохор посетил Киев, где все они приняли решение стать монахами! На монашеский подвиг в Саровскую обитель благословил Прохора необычный подвижник, о котором уже говорилось, — женщина, подвизавшаяся под видом мужчины «старца Досифея». Друзья тут же ушли в монашество, а Прохор вернулся в Курск и жил здесь, без всяких занятий, два года. Чего он ждал? Окончания строительства Сергиево-Казанского собора! 22 октября 1778 г. в день празднования Казанской иконы Богородицы был освящён полностью законченный отделкой верхний Казанский храм. Помолившись в нём и тем как бы довершив всё святое дело семьи Машниных, Прохор в том же году на Праздник Введения во Храм Пресвятой Богородицы 21 ноября уже вошёл в Саровский монастырь, чтобы остаться здесь навсегда.

Сей монастырь был избран не случайно: он давно являлся как бы «своим» для Курска, где живо интересовались всем, что происходило в Обители, т.к. ряд известных курян подвизались в ней. В их числе был и «строитель» (так тогда назывались настоятели) старец Пахомий (из курских купцов Леоновых), знавший лично родителей Прохора. Пахомий поручил Прохора старцу Иосифу — знатоку «умного делания» молитвы Иисусовой, которое, как мы помним, стало возрождаться в России как раз в это время. Под руководством Иосифа Прохор проходил и молитвенный подвиг, начав совершать очень обширное правило Пахомия Великого (которое сохранил до конца дней своих) и подвиг послушания на разных работах и службах. За особые способности в столярне получил даже прозвище «Прохор-столяр». Известен круг чтения подвижника: Евангелие, Послание Св. Апостолов, Псалтырь, «Шестоднев» Василия Великого, «Беседы» Макария Великого, «Добротолюбие», «Лествица» Преп. Иоанна Лествичника, Четьи Минеи Св. Димитрия Ростовского и другие подобные книги.

Читал Прохор не просто, а неким особым молитвенным образом, стоя пред иконами, погружая все внимание ума и сердца в читаемое. В итоге оно *входило в душу так*, что становилось *правилом веры и жизни*, а не просто «информацией» для сознания. Молитва «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного» сделалась подлинно *дыханием* его души, совершалась в самой глубине сердца. Всё почти — как у преп. Сергия Радонежского!. В 1780 г. Прохор тяжело заболел чем-то вроде водянки. Все тело его ужасно набухало от накопившейся жидкости. Болезнь длилась около трёх лет, доставляла сильные мучения и, наконец, свалила Прохора на смертный одр. Надежд на выздоровление больше не было. От врачей земных Прохор решительно отказался. О нём стали усердно молиться вся братия и причастили Св. Тайн, как готовящегося отойти в мир иной. Но в ночь после Причащения его келью исполнил Божественный свет и в этом свете к постели Прохора подошла Пресвятая Дева Мария в сопровождении апостолов Петра и Иоанна Богослова. Указав на больного Она сказала им: «Этот — нашего рода». А затем положила правую Свою руку на чело Прохора, а жезлом-посохом, находившимся в Её левой руке, коснулась бока его. В боку болящего тот час образовалось некое отверстие из коего потом вышла вся болезнетворная жидкость и подвижник быстро и полностью выздоровел к большому удивлению братии. В течение дальнейшей жизни Преподобного в Саровском монастыре Богоматерь являлась ему ещё 12 раз! Одно такое видение произошло при свидетельнице — монахини Дивеевской обители Евпраксии, приглашённой заранее (за два дня) Преподобным. Это было в Праздник Благовещения 25 марта 1832 г. Пришедшей м. Евпраксии преп. Серафим сказал, что им готовится сейчас великая «милость и благодать от Божией Матери», призвал к молитве и начал читать молитвы, покрыв монахиню своей мантией. Вдруг поднялся шум как бы от сильного ветра в лесу и послышалось дивное пение. Дверь открылась сама собой и келья наполнилась светом и благоуханием. Серафим упал на колени, воскликнув: «Преблагословенная Пречистая Дева, Владычица Богородица грядет к нам!». Тут же в келью вошли два ангела с золотыми власами и ветвями райских цветов в руках. За ними в сверкающих белых одеждах вошли святые Иоанн Креститель и апостол Иоанн Богослов. Далее следовала Матерь Божия в сопровождении 12-ти дев. Келья вдруг расширилась и верх ее поднялся и наполнился огнями как бы горящих свечей, свет их был ярче и белее солнечного. На лицо Богородицы невозможно было смотреть из-за ослепительного его сияния, равно как и на пряжку пояса и застежку мантии, в которую Она была облачена. Евпраксия заметила, что власы Пречистой были длиннее и прекрасней ангельских, что на главе Её была как бы корона (венец), разнообразно украшенная крестами, дивная, так же сверкающая. Цвет мантии монахиня не помнит. Но цвет одеяния под мантией был зелёным, оно было подпоясано высоким поясом с блистающей пряжкой. По груди Девы Марии спускался как бы епитрахиль, а на руках были поручи (и то и другое с крестами). Она была ростом выше других дев. А девы шли попарно, имели разный вид, рост, разные одеяния. Войдя, они образовали круг, в середине которого стояла Богоматерь и рядом с ней Иоанн Предтеча и Иоанн Богослов. Евпраксия сильно испугалась. Но Богородица изволила коснуться её рукой и сказать: «Встань, девица, и не убойся нас. Такие же девы, как ты, пришли

сюда со Мною». И предложила монахине самой подойти к девам и узнать их имена и подвиги в земной жизни. Оказалось, что то были великомученицы Варвара и Екатерина, первомученица Фекла, великомученицы царица Ирина и Марина, Пелагия и Дорофея, Преподобные Евпраксия и Макрина, мученица Иустина, великомученица Иулиания, мученица Анисия. Они рассказали о своих подвигах и жизни. В это время Мать Божия беседовала с преп. Серафимом Саровским, «как бы с родным человеком и что-то много говорила ему». Евпраксия запомнила лишь то, что Царица Небесная поручала сестёр Дивеевской обители попечению о. Серафима, обещала Сама в этом помогать, учила, как нужно ими руководить, и сказала на прощание: «Скоро, любимче Мой, будешь с нами!» Иоанн Креститель и Иоанн Богослов благословили старца Серафима, а девы прощались с ним целованием рука в руку.» Потом всё мгновенно исчезло. Чудесное посещение длилось четыре часа.

Все участники этого посещения — девственники и девственницы, что представляется не случайным: совершенным девственником и телом и душою был преп. Серафим. Он имел попечение о втором, мельничном, Дивеевском отделении Серафимовской женской обители, в котором подвизались только монахини-девственницы. «Девство — высочайшая добродетель», — говорил старец, но не считал его единственным путём спасения, содействуя таковому и у людей женатых. Его личный подвиг являлся подвигом величайшего целомудрия. Перед тем, как сподобиться этого 12-го и, кажется, последнего видения Богоматери, Серафим Саровский прошёл очень длительный путь...

13 августа 1786 г. он был пострижен в монашество старцами Иосифом и Исайей и наречён Серафимом, что значит «пламенный», «горящий», «согревающий». Таким он и стал в отношениях с Богом и с людьми. В том же году его рукоположили в иеродиакона. В этом сане он однажды сподобился во время литургии увидеть Христа, прошедшего по воздуху от входа в церковь к алтарю в сопровождении Ангельских сил. Над амвоном Спаситель остановился, благословил молящихся и служащих и «вошёл» в Свою икону у Царских врат, особо благословив и о. Серафима. Об этом он поведал только своим старцам и никому более. 2 сентября 1793 г. о. Серафим принял сан священника (иеромонаха) в каковом оставался всю жизнь, решительно отказавшись в 1807 г. стать игуменом монастыря. В 1794 г. о. Серафим по благословению старца Исаяи удалился в «дальнюю пустыньку» на подвиг пустынножительства. Там, живя в срубе без окон, он дал свои наименования окрестным холмам и иным местам. Были у него здесь и Афонская гора и Иерусалим, и Вифлеем, и другие места, связанные с земной жизнью Спасителя. Так самая *земля*, как место молитвенного подвига, превращалась в Святую Землю. В 1807 г. Серафим принимает на себя подвиг молчаливчества, не говоря ни с кем ни одного слова. В 1810 г. он уходит в затвор, не видаясь ни с кем. По повелению Богородицы он через пять лет несколько ослабил этот подвиг, кое с кем встречаясь, но не разговаривая по-прежнему. Еще через пять лет, вновь по особому благословению Приснодевы Марии, Серафим начал разговаривать с приходящими, но затвора ещё не оставлял. Наконец, 25 ноября 1825 г. Царица Небесная повелела ему полностью оставить затвор и посвятить себя общению с людьми, старчеству и руководству душ человеческих ко спасению. За всё предшествовавшее время преп. Серафим,

восходя от силы в силу пережил и особые нападки демонов и мучительство от людей. В 1804 г. его пытали и убивали три крестьянина, требуя отдать им несуществующие сокровища. Обухом топора, который он сам (здоровый и сильный!) отдал им по слову Христа: «Не противьтесь злему...», дураки проломили голову старцу, связали его, перевернули всю келью, разломали печь (!), но смогли найти только немного картофеля... Потом старец под угрозой уйти из монастыря запретил отдавать под суд этих крестьян, которых всё же нашли. На всю жизнь он остался согбенным после побоев. Затем преп. Серафим 1000 дней и 1000 ночей стоял на камне с воздетыми к небу руками на молитве, сходя с камня лишь для вкушения пищи и краткого отдыха, имея пред собой на сосне в лесу икону Св. Троицы. Лет 15 он питался только отваром травы снитки один раз в день, не беря в рот более ничего, даже хлеба. К его келье в лесу сбегались лесные звери: волки, лисы, зайцы, прилетали птицы, частенько приходил медведь. Старец давал им иногда хлебные корки, или овощи, но у него самого всего этого было так мало, что он не мог накормить зверей. Поэтому невозможно предположить, что все эти твари Божии притекали к нему только ради пищи. С другой стороны, о. Серафим был всегда далек от сентиментального заигрывания с животными, а также от желания их приручать (он никого не приручал!). Значит, перед нами феномен частичного **восстановления** в этой земной жизни изначальных **эдемских отношений** человека с миром животных, с природой. Действительно, подвиги преп. Серафима, переходя границы естественных возможностей человека, восходили в область **пачеестественного**, поднимая и его самого отчасти **над** законами пространственно-временного бытия. Его дважды видели поднимавшимся немного над землёй, один раз — на молитве, другой раз — шедшим по воздуху. Он приобрёл некоторую власть даже над жизнью и смертью. Так однажды он точно предсказал неминуемую кончину мужа одной женщины, но по её слезному прошению, вымолил у Бога продлить жизнь этому человеку. В другой раз он предложил образованной дворянке помещице Елене Васильевне Мантуровой «по послушанию» **умереть** за своего брата Михаила Мантурова, который должен был умереть от болезни, но нужен был для Дивеевского монастыря, как устроитель мельницы и иных хозяйственных дел. Елена Васильевна, преодолев страх смерти, согласилась и через несколько дней **умерла**, а её брат выздоровел от смертельной болезни и много потрудился для женской обители! Родственники почившей скорбели, а старец очень был расстроен их скорбью и говорил: «Ничего не понимают! Плачут!... А кабы видели, как душа-то её летела!... Она удостоилась сидеть недалеко от Святой Троицы, аки дева!». Преп. Серафим обрёл и дары прозорливости. Ему не нужно было долго объяснять и рассказывать, он почти сразу видел душу человека и то, что человеку нужно. Получая письмо, старец тут же давал по нему ответ, не распечатывая конверта и не читая. В келье его частенько лампадки в нужное время зажигались сами (по словам старца, это делал Ангел Божий). Единственной иконой в его келье в монастыре была икона Матери Божией «Умиление», где Она изображена со скрещёнными на груди руками, без Богомладенца. Впрочем, была у него (но в молитвенном углу) и другая особо чтимая икона «Явление Матери Божией Преподобному **Сергию Радонежскому**». Он заповедал похоронить себя с этой иконой, что и было исполнено. Не десятки, не сотни, а тысячи (!) чудесных исцелений и иных знамений были совершены преп. Серафимом для без-

численного множества людей! Так, исцелил он в 1830 г. параличного помещика Николая Александровича Мотовилова, спросив предварительно верует ли он во Христа как Богочеловека и в Его Матерь, как Богородицу и что *Она есть Приснодева*, а затем, верует ли в то, что Христос может «мгновенно и одним словом» исцелить его. Получив искренние утвердительные ответы, преп. Серафим «мгновенно» и «одним словом» исцелил Мотовилова, принесённого к нему пятью людьми, а теперь твёрдо ставшего на ноги. Мотовилов стал потом очень близким духовным сыном Старца и удостоился получить от него особенное, теперь всемирно известное, переведенное на разные языки, *Поучение о цели Христианской жизни*. Говоря по существу то же, что и древние отцы и подвижники, преп. Серафим повернул вопрос новой гранью и выразил суть дела в понятиях, доступных «образованному русскому обществу XIX в. По слову Старца «Цель жизни христианской в *стяжании* (накоплении) *благодати* Духа Святого Божия», что во всём почти *подобно* накоплению *денежного* (финансового) *капитала*, с той существенной разницей, что стяжание благодати совершается из безкорыстной *любви ко Христу*, ради Христа. В этом и многих иных своих поучениях преп. Серафим подробно говорил о том, *как* именно это достигается. Более того, Н.А. Мотовилову преп. Серафим прямо во время поучения показал, что значит пребывать человеку в Духе Святом: лицо его просияло как солнце, всё вокруг засветилось дивным светом, исполнилось неизреченной теплотой, радостью и благоуханием, хотя была зима и на них продолжал падать снег... Здесь пред нами развитие той самой «единой на потребу» *науки духовного восхождения* к Богу, которое началось в России параллельно с развитием наук «точных», «естественных» и иных безбожных. Обладая даром провидения будущего, преп. Серафим незадолго до кончины написал письмо Государю Царю *Николаю Александровичу*, которое запечатал хлебным мякишем и велел передать Николаю II лично, *когда тот придет в Саров*. Письмо он отдал жене Мотовилова Елене Николаевне, сказав, что она доживёт до этого дня. И она дожила. Во время приезда Государя Николая II в Саров 19 июля 1903 г. на торжества причисления к лику святых Старца Серафима, когда Царь изволил посетить и Дивеево, вдова Мотовилова передала ему это таинственное письмо (о чём мы скажем ещё в своё время). Преп. Серафим предсказал, что «архиереи последнего времени и иные духовные лица отступят от Бога и не будут хранить веры Православной во всей чистоте», и что Господь *не помилует* их, т.к. «они будут учить учениям, заповедям человеческим, сердца же их будут далеки от Бога», что и сбывается в точности в наши дни, в конце XX века!

Среди многих тысяч людей, со всех концов России приходивших к преп. Серафиму, были уже и представители «образованного» общества из дворян и иных чинов. Это стало *началом*. обращения многих «русских европейцев» *к своей собственной вере и Церкви!* Тогда, в начале XIX в., такое обращение было ещё в значительной мере явлением новым и необычным!

Подвиг *старчества* преп. Серафима с особенной яркостью показывает природу и смысл старчества вообще. Оно — дар Божий и только — за особые молитвенные труды и подвиги. Старчество предполагает всецелую *ответственность* старца за душу человека, вверившегося ему, и *способность*, взяв эту душу в свою душу, действительно привести её *ко спасению во Христе* (а не куда-нибудь ещё...).

Заранее предуведомленный свыше о дне и часе своего отхода из этого мира, преп. Серафим Саровский тихо скончался 2 января 1833 г., оставаясь стоять на коленях со *сложенными на груди руками* пред иконой «Умиление», где Матерь Божия изображена в таком же молитвенном положении. Почитание его в народе, начавшись при жизни, всё более возрастало после его смерти. В 1903 г. он был причислен к лику святых. Но, пожалуй, в наши дни, в конце XX века (!) духовное *влияние* его на православное верующее русское общество достигает наибольшей силы!

Так в начале XIX столетия на Русскую Землю стал изливаться *Божественный свет* такой яркости и силы, которые можно сравнить только с временами преп. Сергия Радонежского и его учеников, т.е. с концом XIV — началом XV столетий!

Мы уже говорили выше о том, как из Саровского монастыря был взят на Валаам старец Назарий — руководитель духовной жизни многих монахов и в том числе Германа, прославившегося святостью и добрыми делами на о. Еловом близ Аляски. Он был в составе первой Русской духовной миссии в Америке. Остров Еловый Герман назвал «Новым Валаамом», а места окрест своей кельи именовал палестинскими названиями Фавора, Елеона, Вифлеема и т.д. Он скончался в 1837 г. и в час его отхода светлый столб поднялся к небу и был виден на очень отдалённых островах. Алеуты говорили: «Это о. Герман уходит к Богу». И не ошибались.

С 1823 г. начинается деятельность в Америке второй специальной церковной миссии, самым видным представителем которой оказался молодой священник о. Иоанн Попов-Вениаминов, впоследствии — митрополит Московский и Коломенский Иннокентий. Сей великий и дивный муж родился в 1797 г. в семье бедного сельского причетника близ Иркутска. Окончил Иркутскую семинарию, где проявил большой интерес как к богословским, так и к мирским наукам. Со всей семьёй, женой и детьми, он в 1823 г. приехал на о. Уналашку и начал апостольское служение среди алеутов, кадьякцев, эскимосов и индейцев западного побережья Аляски и Северной Калифорнии (г. Ново-Архангельск на о. Ситхе). Обучая местных жителей различным ремёслам и хозяйственным деланиям, он с их помощью построил церковь, завёл школы, богадельни, больницы, крестил *тысячи* туземцев, никогда не прибегая к насилию или иному давлению, но действуя только любовью и словом истины. Отец Иоанн овладел шестью тамошними языками, изучил и описал быт, нравы, антропологию племён, географию и климаты местностей, стал подлинным отцом «диких» народов, или, как говорил о себе св. Герман Аляскинский, «нянькой» их! Для алеутов он составил азбуку и перевёл на их язык Евангелие от Матфея и некоторые необходимые молитвы и иные книги. Его сочинения по этнографии народов Аляски, Калифорнии и прилегающих островов, а также по лингвистике, до сих пор используются в науке и почитаются образцовыми. Ещё тогда, при его жизни, они были высоко оценены академиями наук России и Европы! Отец Иоанн Попов-Вениаминов продолжал лучшие традиции русских миссионеров Сибири, Алтая, Дальнего Востока. В те времена это было непросто, требовало особого мужества, подвига. Дело в том, что интересы апостольства Церкви в тех местах нередко входили в противоречие с интересами Российско-Американс-

кой Компании (РАК), занимавшейся промыслом пушного и морского зверя. «Промышленные» люди и чиновники РАК иной раз проявляли и жестокость, и иногда склонны были нещадно эксплуатировать туземцев, хотя надо сказать, что это были *эксцессы*, но не правило! Как правило, всё-таки даже наши «промышленные» относились к коренному населению Америки дружелюбно и по-братски. Шелихов предписывал, как очень желательное, браки русских с индейцами. Появились смешанные семьи. Дети от этих браков (креолы) часто оказывались весьма способными людьми, а некоторые дослужились в России до высоких государственных чинов. Екатерина II, Павел I предписывали под страхом наказаний только дружелюбное отношение к туземцам. Особый указ Императора Александра I повелевал РАК во всех народах Америки «прежде всего почитать человечество», ни в коем случае не прибегать к жестокости и насилию. Неоднократно Россия направляла ноты протеста США, чьи купцы продавали индейцам огнестрельное оружие. США отвечали, что у них «свобода»(!), и они не могут запретить торговлю смертью... Но в XIX в. среди наших деятелей РАК были люди совершенно далёкие от Православия, просто не понимавшие его (к примеру «летописец» РАК — Хлебников). И подчас нашим миссионерам трудно было определить, *кого* они должны прежде всего просвещать — алеутов, индейцев, или — своих, русских!.. В *такой* обстановке только всестороннее (духовное и светское) образование апостолов Америки, вроде о. Иоанна Попова, могло *заставить* иных чиновников РАК уважать Церковь и её миссионерство. В 1840 г. по рекомендации митрополита Филарета (Дроздова), подружившегося с о. Иоанном, Государь Николай I назначил овдовевшего к этому времени и принявшего монашество Попова-Вениаминова первым епископом новообразованной Камчатской, *Курильской* и Алеутской епархии. Когда Государь определил такое название епархии, ему заметили: «Но, Ваше Величество! На Курильских островах нет ни одной церкви!». «Построить!» — отрезал Император. Так появился новый Святитель Русской Церкви Иннокентий (Вениаминов). Среди многочисленных его сочинений особое место занимала работа, написанная им для «дикарей» — алеутов «Указание пути в Царство Небесное». Её можно поставить в один ряд с вероучительными трудами древних отцов Церкви! В небольшой *брошюре* (!) в предельно кратком виде изложены *все* глубочайшие истины христианства языком простым, но исполненным «духа и силы», как говорил Ап. Павел. Синод был удивлен этой работой и приказал отпечатать её большим тиражом, как пособие для *российских* школ и училищ. Она потом выдержала *множество* изданий в XIX — начале XX в.в. и последний раз издавалась в 1993 г. Промыслом Божиим после многих трудов по просвещению народов Чукотки, Камчатки, Амурского края (где св. Иннокентий дал название г. Благовещенску, в честь своего первого прихода в Иркутске) он был поставлен на месте почившего Филарета (Дроздова) Митрополитом Московским и Коломенским (в 1868 г.). Вот когда и где пригодились ему навыки миссионерства! Вот когда Русская Америка стала «работать» на Россию! Ибо российское «образованное общество» того времени нуждалось в повторном поголовном оглашении и просвещении Православной Верой! Так и понял свою новую задачу Святитель Иннокентий и многие его единомышленники. И на этом поприще «внутреннего» миссионерства им сделано было очень многое,

в частности начато издание знаменитых «Троицких листков» — подлинной здоровой духовной пищи для Русского народа. Даже в наши дни «Указание пути в Царство Небесное» используется для работы с прихожащими к вере. Его подход к душе и сознанию дикарей с высшим образованием неизменно приносит самые хорошие плоды! Владыка Митрополит Иннокентий почил в Бозе в 1879 г. Недавно он причислен к лику святых, наряду с преп. Германом, священномучеником иеромонахом Иувеналием (он был убит индейцами-язычниками) и мучеником Петром Алеутом (его замучили в 1815 г. католики-испанцы, требовавшие отречься от Православной Веры).

По части «образованных» невежд российское общество в XIX в. не уступало Европе! И на поприще его просвещения Святой Православной Верой трудился тогда, конечно, не один Святитель Иннокентий. XIX-й век дал Русской Церкви и миру целое созвездие замечательных, просто великолепных святителей и учителей. Среди них самыми выдающимися оказались три Филарета: Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский, Филарет (Амфиатров) митрополит Киевский и Галицкий, Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский; затем — Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский и Черноморский, Феофан (Говоров) Затворник, епископ Владимирский, Макарий (Булгаков), Митрополит Московский и очень *многие* другие! Так что развитию тёмных, демонических, революционных сил в России в XIX в. Промыслом Божиим было противопоставлено невиданное доселе развитие самых светлых, духовных, православных сил на Русской Земле — такое, какого ещё не бывало в Великороссийской истории!

Филарет Московский (26 декабря 1783 — 19 ноября 1867 г.) из духовенства, получивший высокое образование в Троицкой Семинарии, бывший затем там же преподавателем древних языков и поэзии, принял монашество с 1806 г. и был назначен инспектором и профессором философии С.-Петербургской столичной Духовной Академии. Одно время его даже пытались поставить священником дворцовой церкви для Императорских Особ и иных самых высоких лиц. Но за проповедь «о миролюбии» (т.е. о любви к «миру сему», его удовольствиям и благам), в которой усмотрели намёк на дворцовые обычаи и нравы и попытку учить Царей, как жить по заповедям Божиим, Филарет был деликатно, через почётное повышение удалён от Двора. Однако его духовный и учёный авторитет не только не уменьшился после этого случая, но даже вырос! Мы уже видели составление и хранение секретнейшего манифеста о наследовании Престола Николаем Павловичем. В 1812 г. своими патриотическими проповедями Филарет приобрел очень широкую известность. Его «Слово на смерть Кутузова» стало затем одним из самых высоких образцов проповеднического искусства. В 1817 г. он становится епископом Ревельским, потом после нескольких перемещений, в 1821 г. — митрополитом Московским, каковым и остаётся до смерти. Филарет поразительно сочетал в своей личности и жизни высоту аскетического молитвенного подвига с глубиной учёности, притом не только богословско-академической, но и светской, а также возвышенность интересов и занятий с огромным талантом администратора (что вообще крайне редко). Во всём (даже во внешнем облике) Филарета отличала некая удивлявшая всех утончённость. Благодаря таким сочетаниям, его авторитет как в Церкви, так и в «образованном»

обществе был огромен. Но даже такой великий муж не избежал некоторых искушений и отдельных отклонений от Православия, им же достойно преодоленных, как раз в силу тех особенностей мирской и школьно-богословской учёности, о которых мы уже говорили. С 1816 г. Филарет принял деятельное участие в Российском Библейском обществе. «Общество» было насквозь масонским и создано английскими масонами, как всемирная организация. Под благовидным предлогом распространения Священного Писания (Библии) во всех народах, общество на деле имело целью разрушение христианства. Так, в отношении России один из английских масонов-устроителей Библейского общества предельно откровенно определил такую задачу: «Чтобы отучить Русский народ от его суеверия (т.е. Православия) нужно дать ему текст Священного писания на его *современном языке*». Мы уже отмечали, что церковнославянский язык, несмотря на некоторые видоизменения в течение столетий, всё же восходил к *боговдохновенному* языку *святых* просветителей славян, равноапостольных Кирилла и Мефодия. Этот язык никогда не был разговорным, обиходным, хотя в древности недалеко отходил от славянских разговорных языков и был понятен славянам от Адриатики до Белого моря. Разговорные славянские языки, в том числе русский, подвергались затем очень большим изменениям соответственно изменениям и колебаниям духовной жизни народа. В связи с общим обмирщением жизни, русский обиходный и светско-литературный язык XIX в. уже не был в состоянии выразить в словесных образах те глубочайшие духовные и духовно-символические смыслы, которые легко выражались языком церковнославянским, как созданным по внушению Духа Святаго и проникнутым Его Божественной благодатью и силой. Поэтому текст Священного Писания на современном русском языке, сохраняя лишь некое поверхностное содержание, не давал возможности проникнуть в сокровенные его значение и смысл. На это и был расчёт у масонов «Библейского общества». В русском православном сознании язык Священного Писания сам тоже должен быть *священным*, то есть *не таким*, какой употребляется на улицах и торжищах, в обыденной уже слишком значительно *обезбоженной* жизни (подобно тому как нарочито изъяты из обиходного употребления все священные сосуды, предметы, облачения богослужебной жизни Церкви, как изъяты из обыденного языка язык Православных *молитв*, которыми человек общается с Богом,— не так, как общаются падшие люди между собой в обыденной реальности). Кроме того, если малообразованному или совсем необразованному в церковном отношении человеку дать текст Св. Писания, без святоотеческих, церковных пояснений и толкований,— человек непременно и обязательно запутается, просто не поймёт Св. Писания (даже на самом что ни на есть обиходном своем языке!). Это подтверждалось тогда и подтверждается теперь практикой, жизнью на каждом шагу! К примеру, в наши дни, совсем недавно, две благочестивые старушки, раньше слышавшие Ветхозаветные и Евангельские чтения только в храме, купили в складчину Библию на русском языке издания Московской Патриархии и стали читать сами, с начала. И когда прочли книги Моисеевы, ужаснулись! Сам Бог (!) заповедал мужчинам обрезать, священникам приносить в жертву животных, возлагать грехи на козла, отпускаемого в пустыню, не есть свинины и т.д. и т.д. А ничего этого не делают теперь ни в Православной Церкви, ни у сектантов. Значит,— решили

старушки, *все отступили от Бога* и не нужно, даже *нельзя* ходить ни в Церковь, ни в синагогу (там хоть и обрезываются и свинины не едят, но нет жертвенных тельцов и козлов отпущения!). Старушки родились в советское время. Закона Божия в детстве не проходили, но всю жизнь посещали Церковь и поэтому считали себя глубоко верующими и к тому же грамотными, а значит способными понимать, что написано в Библии! Переубедить их стоило невероятных трудов, но, кажется, они до конца так и не поняли Божия определения о переходе от Ветхого Завета к Новому. А сколько ещё заблуждений и идиотизмов возникает на почве самостоятельного чтения Библии! Православные в отличие от католиков никогда не запрещали мирянам чтение Библии. Но всегда учили их *прежде* знакомиться с иными вероучительными книгами, с катехизическим изъяснением Символа веры, а при чтении Библии руководиться толкованиями святых отцов и разъяснениями служителей Церкви. Повреждённый грехом ум человеческий *принципиально не способен*, к индивидуальному постижению Библии так, чтобы при этом не заблуждаться. Он непременно и обязательно *будет* заблуждаться и не понимать очень многое! Пояснения ему должны поступать от *соборного разума Церкви*, как «Тела Христова», глава коему Он Сам, а верующие — суть члена этого тела, по ап. Павлу, т.е. — через духовное просвещение и назидание епископов и священников Церкви, основанной на апостольском и святоотеческом учении и просвещаемой Самим Господом Духом Святым. Так благоугодно было Богу, Господу Христу устроить свою Церковь, делая *людей соучастниками* Себе и *помощниками* друг другу в деле спасения, чтобы *спасение* совершалось исключительно и *только в Церкви и никогда никак иначе* (не в секте, и не в индивидуальном «изучении», не в произвольных мудрствованиях, домыслах и фантазиях относительно смыслов Св. Писания)!

Поистине демоническое лукавство «Библейского общества», в том числе и Российского, состояло как раз в том, чтобы по возможности каждому дать в руки Библию для *индивидуального* пользования (читай и понимай, как хочешь!). В великороссийскому «образованному» обществу это очень импонировало (как же — мы ведь «культурные»!). Но кроме того, во всём этом деле пряталось и другое — обыкновенное кощунство над Библией! Продаваемая по ничтожной цене, или даром даваемая каждому, кому попало, Библия, распространяемая по России энтузиастами — «книгоношами», заходившими в самые глухие углы и веси, стала во множестве обнаруживаться брошенной в самых непотребных местах — в кабаках, шинках, борделях, на мусорных свалках. Такого на Руси никогда не бывало! Брошенный «пред свиньями» «жемчуг» Слова Божия — это стало знамением времени.

Ученики прежних русских масонов Лопухина, Новикова, Кошелева и других кн. Голицын, А.Ф. Лабзин (издатель «Сионского вестника», впоследствии запрещённого), В.М. Попов стали ведущими деятелями «Библейского общества», посещая одновременно изуверские радения секты Татариновой. Немудрено, что в этом «обществе» открыто велись разговоры о том, что оно «сорвёт» с Православной Церкви «обетшавшие пелены», «разоблачит» её заблуждения, оживотворит «истинную веру» и т.п. Такие разговоры не были известны Государю, не велись в присутствии Филарета. Последний принял деятельное участие в «Библейском обществе» только в связи с увлекавшим его вопросом о переводе Биб-

лии на современный русский язык. Филарет искренне полагал, что такой перевод нужен, но не для церковного, богослужебного употребления, где вечно должен сохраняться только церковно-славянский язык, а для домашнего чтения. Всё же это была уступка обмирщённому сознанию, т.к. *любой* грамотный человек не только тогда, но даже и теперь, может без особого труда в течение очень небольшого времени (двух-трех месяцев, а то и недель) овладеть церковно-славянским в такой мере, какая вполне достаточна для понимания. Филарет здесь, конечно, поддавался настроениям в некоторых кругах «образованной общественности», некоему «духу времени». Но будучи всё же глубоко православным и церковным человеком, Филарет приложил все усилия к тому, чтобы русский перевод Библии был сделан не так, как хотели английские и русские масоны. Последние настаивали на переводе Ветхого Завета с поздних (после Распятия и Воскресения Христова сделанных) еврейских талмудических текстов, где важнейшие пророчества о Мессии, о Христе были *умышленно искажены* талмудистами. Филарет настоял, чтобы к делу перевода был привлечён текст Септуагинты, — древнего (до Рождества Христова) перевода с древнееврейского на греческий, сделанного «70-ю толковниками» (переводчиками) ещё при Птолемеи Египетском, с которого всегда делались переводы и на церковно-славянский язык, а также некоторые иные тексты (латинская Вульгата и другие). В итоге впервые в 1858 г. вышел перевод всего Священного Писания на русском языке, сделанный, в отличие от переводов на иные европейские современные языки, довольно удачно. Он стал основой «Синодального издания» Библии на русском языке, которое воспроизводится и поныне как православными, так и протестантами и сектантами (баптистами, например). Но это дело, как и вся деятельность «Библейского общества» вызвало большие споры и справедливые возмущения. Тогда ещё российская «общественность» не была так единодушна в отступничестве, как позднее. Уже при Александре I, как мы помним, было покончено с легальным масонством и «мистицизмом». Подвергся определённой опале и Митрополит Филарет. С 1824 г. его положение сильно пошатнулось. Его не без оснований критиковали не только за участие в «Библейском обществе», но и за написанные им Катехизисы (Пространный и Краткий), где содержались некоторые неточности и не вполне православные суждения, а цитаты из Библии были даны в русском переводе. Митрополит Филарет со смирением смог преодолеть и свои ошибки, и нападки противников. В 1839 г. были напечатаны его Катехизисы, исправленные автором, с цитатами на церковно-славянском. *До сих пор* они являются классическими, основополагающими пособиями для начального ознакомления с истинами Православной Веры, хотя содержат некоторые черты западной схоластики, нуждающиеся в коррекции. После его решительного выступления против «декабристов» и быстрых мер по успокоению народа, т.е. после 1825 г., влияние владыки Филарета восстанавливается. Он один явился целой эпохой Великороссийской жизни! Он много писал. Самые известные его сочинения: «Начертание Церковно-Библейской истории», «Записки на книгу Бытия», «Разговоры между испытующим и уверенным о православии восточной греко-российской Церкви» возымели очень большое положительное воздействие на умы. Его сборник «Слова и речи» был тогда же переведён на иностранные языки. Сборник резолюций митрополита Филарета — по сей день прекрасное пособие канонического руководства

церковной жизнью. Известна своеобразная добрая поэтическая «дуэль» Филарета и А.С. Пушкина. Пушкин написал грустное стихотворение «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?...» Филарет опубликовал своё ответное стихотворение «Не напрасно, не случайно жизнь от Бога мне дана...», которое произвело на Пушкина огромное впечатление. С восторгом он писал графине Хитрово, что в ответ на свои «скептические куплеты» получил столь замечательные стихи такого великого человека, и ответил ему стихами «Во дни забав иль праздной скуки...», где признался, что своей «струны *лукавой*» невольно звон он прерывал, когда слышал «голос величавый» святителя Филарета, и что ныне он, Пушкин, «внемлет арфе Серафима (Филарета) *«в священном ужасе»*». Так свободно, ненавязчиво совершалось труднодостижимое — сближение Православной Церкви и Веры с запутавшимся вконец российским «интеллигентным обществом». Велико значение Митрополита Филарета в государственной жизни. Ныне мало кто помнит (не учили в школе!), что знаменитый манифест 1861 г. об освобождении крестьян от крепостного права был по поручению Александра II написан никем иным, как владыкой Филаретом! Когда он скончался, И.С. Аксаков в особой речи воскликнул: *«Обвалилась громада славы*, которую красовалась Церковь и утешался народ!» И это было истинно так!

Филарет сделал очень много для развития и устройства российского монашества, улучшения церковной жизни и положения духовенства. При Николае I начинается вновь возрождение многих древних монастырей и создание новых, причём обителям и мирским приходам вновь *даются земли* в пользование, хотя и без крестьян. В этих делах был единоклубен почти весь российский епископат. Святитель Филарет (Амфитеатров, 1779—1857 г.г.), будучи сам смиренным и глубоким молитвенником безсребренником, очень способствовал устройству монашеской жизни, особенно в Малороссии, в Киево-Печерской Лавре и множестве иных старых и вновь возникавших монастырей, оставил после себя ценные духовные сочинения, пользовался всеобщим уважением. Филарет (Гумилевский, 1805-1866 г.г.) прославился тем же, но особенно своими фундаментальными сочинениями. Его «История Русской Церкви», «Православное догматическое богословие», «Историческое учение об отцах Церкви», «Русские святые» — до сих пор классические произведения, без которых немислимо образование. В этих трудах «умовое» академически-школьное «научное» богословие сочетается с исконным православным мышлением, подкреплённым как бы изнутри «духом и силой» личного молитвенного подвига этого замечательного писателя. Немного иначе выглядит творчество иного святителя — митрополита Московского (с 1879 г.) Макария (Булгакова, 1816-1832 г.г.). Он не столько подвижник и молитвенник, сколько учёный-богослов и историк, хотя и личная его христианская жизнь на достаточной высоте! Им создано множество ценнейших произведений, из которых важнейшие — это «Догматическое богословие» (объёмное, фундаментальное сочинение, служащее и ныне как бы базой, или отправной точкой развития православной догматики) и «История Русской Церкви» в 13-ти томах (!). Это поистине огромное сочинение. Автора можно упрекнуть в ряде ошибок, в оценках некоторых событий и лиц, в некоторой компилятивности и эклектичности, но богатство тщательно собранного им ис-

торического материала так велико, что без этого сочинения, уже не может обойтись не один историк России!

Эти и многие иные духовные писатели пробудили во всех сословиях России XIX в. живой интерес и к Православному Вероучению и к истории своей Церкви, дали нужную уму и сердцу русских людей «пищу».

Одновременно, тогда же происходил бурный расцвет мирских «общественных наук», в том числе и политической истории. Но они шли как бы параллельно, своим особым путём, почти не пересекаясь с богословскими и церковно-историческими науками, под влиянием *западного* мышления. Сперва, в начале XIX в. в России сильно увлекались немецкой классической философией (Шеллинг, Гегель). Гегельянскими мыслями проникнуто оказалось самое фундаментальное сочинение С.М. Соловьёва «История России с древнейших времён». Приводя богатейший, часто уникальный исторический материал, Соловьёв толкует его по-своему, нередко в вопиющем противоречии с содержанием приводимых им документов! Он силится доказать, что саморазвитие абсолютной идеи, достигающее наивысшего уровня в политическом устройстве современного государства, в России приводит к «закономерному» переходу от низших (невежественных, грубых) форм жизни Московской Руси к передовым (просвещённым) формам государственности петровского и послепетровского времени. Надуманность или натянутость (под Гегеля) этой общей исторической концепции Соловьёва лишает его «Историю» очень многого. Однако приводимый им громадный *материал* и указания на источники его позволяют любому исследователю хорошо познакомиться с тканью политической истории России и сделать совсем иные, свои выводы и суждения.

Это лишь *один* из самых ярких примеров *расхождения, несовпадения* светской и церковной общественной и исторической мысли в России в прошлом веке. И если уже в области знаний *внешних* такое расхождение имелось, то что говорить о знаниях чисто духовных! Но на помощь *любому* ищущему Бога приходило в то время творчество церковных писателей совсем иного рода — посвящённое той самой «единой на потребу» *науке* духовного восхождения к Богу, значение которой мы уже не раз подчеркивали. Своих великих служителей и *выразителей* эта наука нашла в лице епископов Игнатия и Феофана. Игнатий (Брянчанинов, 1807-1867 г.г.) из дворян, получил высшее военное образование в Главном инженерном училище (в Михайловском замке!) под руководством будущего Императора Николая I. Служил недолго. Затем принял монашество. Узнав об этом, Государь Николай I вызвал бывшего офицера и сказал, что Игнатий — *должник* его за то светское образование, которое он получил от Николая Павловича... «Вернуть долг» он обязывался теперь трудами по благоустройству С.-Петербургской Сергиевой Пустыни, которой Царь придавал важное значение. «Долг» был сполна отдан. Монастырь был возрождён и устроен Игнатием в самом лучшем виде. Случай, когда благородного происхождения и хорошего образования молодой офицер по зову сердца оставляет мир, карьеру и посвящает себя Богу, в те времена не был ещё частым и поэтому вызывал в «обществе» особенно пристальное внимание. А Игнатий, уйдя от мира, спустя определённое время, подарил этому миру безценные сокровища своего аскетического молитвенного опыта, созерцаний, живого личного общения с Богом!

Его сочинения для монашества и о монашестве по духу и смыслу совершенно совпадают с тем, что содержится в опыте и учении древних (в «Добротолюбии») и почти современных ему подвижников (Паисия Величковского, Серафима Саровского). Сочинения еп. Игнатия стали тогда широко известны в России и по сей день являются непременно в числе «настольных книг» любого подвизающегося «подвигом добрым». Такого рода труды становились и *особо авторитетными* для всех как раз потому, что исходили не от «простеца», а от человека высокого происхождения и современного светского, на западный лад, образования! Подобное можно сказать и о епископе Феофане (Говорове, 1815—1894 г.г.). Сын сельского священника он достиг высших степеней богословской и светской учености, имел общение с множеством людей дворянского происхождения. Однако, подобно епископу Игнатию, его привлекала более всего уединённая молитвенная монашеская жизнь. После окончания Киевской Академии Феофан быстро «пошёл в гору». Он становится ректором духовных школ (одно время даже С.-Петербургской Академии), членом Духовной Миссии в Иерусалиме, настоятелем посольской церкви в Константинополе, епископом Тамбовским (с 1895 г.), затем — Владимирским (с 1863 г.) и удаляется «на покой» в Успенскую Вышенскую Пустынь Тамбовской епархии, где с 1872 г. и до кончины, т.е. 22 года пребывает в *затворе*, не выходя, не видясь с людьми. Но именно в период затвора Владыка Феофан пишет свои самые значительные аскетические произведения и ведёт неимоверно большую *переписку* с великим множеством людей, искавших его духовных наставлений! Всё это — неоценимый вклад в жизнь и историю Великороссии. С особой скорбью и особой силой оба святых епископа, — Игнатий и Феофан отмечают оскудение веры в обществе, народе и даже в монашестве! Источник этих явлений указывается точно — Запад с его лжеучениями, верней то, что русские сами соблазняются ими. «Западом и наказал и *накажет* нас Господь, — писал Феофан Затворник, — а нам в толк не берётся. Завязли в грязи западной по уши, и всё хорошо. Есть очи, но не видим, есть уши, но не слышим, и сердцем не разумеем...». «Другая злая вещь в нас, наша литература, западным духом наполненная, и ту очищает Господь тоже ударами с Запада. Но всё неймётся.» Здесь мы наталкиваемся на самое интересное в истории XIX в. — на резкое обострение духовно-идейной борьбы. Но рассмотрим это попозже, после общего описания проявлений высшей, благой воли Великорусского народа.

Мы уже упоминали о подвижниках Рославльских лесов, о. Валааме, Сарове, Дивееве. Скажем теперь о знаменитой Оптиной Введенской Пустыни и её старцах, недавно причисленных к лику святых. Это очень знаменательное, закономерное, хотя и уникальное явление, повторить которое, или как-то его человеческими силами воссоздать невозможно. Введенская Богородицкая Оптина Пустынь возникла ещё в XVI в. и была одним из малозаметных монастырей. В XVIII в. жила очень скудно, однажды даже была закрыта на два года. Возрождение её связано с митрополитом Платоном (Левшиным), которому очень понравилось место в тихом уединённом лесу на берегу р. Жиздры близ Козельска Калужской епархии. Владыка поставил в настоятели смиренного монаха Авраамия, руководившегося наставлениями преп. Паисия Величковского. Ко времени своей кончины в 1817 г. Авраамий сумел возродить Оптину, построить

два храма. В 1820 г. владыка Филарет (Амфитеатров), бывший тогда епископом Калужским (у него было прозвище «Монахолюбец»), упросил часть старцев из Рославльских лесов поселиться в Оптиной Пустыни «для безмолвного и отшельнического жития, по примеру святых отцов пустынножителей». Во главе новых насельников оказался старец (впоследствии — архимандрит) Моисей (Путилов). Его, как мы помним, наставляла монахиня Досифея (княжна Тараканова) и основой жизни его и братии стало «умное делание» молитвы Иисусовой по правилам «Добротолюбия» и учению преп. Паисия (Величковского). Моисей читал и переписывал святоотеческие книги, устроил знаменитый Скит Пустыни. Слава о монастыре и его подвижниках стала широко распространяться, обитель пришла в цветущее состояние. В 1832 г. о. Моисей почил в Бозе. К тому времени в Оптиной уже подвизались старцы Леонид (в миру и потом в схиме — Лев Наголкин, из мещан г. Карачева), ученик учеников Паисия (Величковского), и старец Макарий (Иванов, из орловских дворян). Настоятелем вместо Моисея стал архимандрит Исаакий (Антимонов, из богатых курских купцов), руководивший обителью до 1894 г. Отец Леонид определил особенность подвижничества в Оптиной Пустыни — старчество, то есть водительство душами людей, приносящих к старцу не только грехи, но и все свои помыслы. Как и Исаакий, о. Леонид был воплощением простоты, естественности и молитвенной собранности. Но Леонид отличался большой живостью в общении и тем, что прикрывал свои дарования некоторым юродством. Церковное начальство его не любило, притесняло, относилось с крайним подозрением. Однако его хорошо понимали и защищали оба митрополита Филарета. Схимонах Лев почил в Бозе в 1841 г., сумев учредить старчество и в двух женских обителях. После него старческий подвиг продолжил его друг о. Макарий. Внешне он очень отличался от о. Леонида — Льва. Учёность, изысканные вкусы, любовь к цветам и музыке выдавали в нём благородное происхождение. Важнейшим делом его жизни в Оптиной стало издание трудов Паисия Величковского. Оно было начато по инициативе и с помощью четы Ивана Васильевича и Наталии Петровны Киреевских, начавших бывать в Оптиной. В 1847 г. вышла книга «Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского», в работе над которой приняли участие также профессора Московского университета и Духовной академии. По кончине И.В. Киреевского в 1856 г. помощь Оптиной в издательском деле продолжала его вдова, а также целая плеяда помощников о. Макария. Среди них — о. Амвросий (Гренков) впоследствии тоже *старец* Пустыни, о. Леонид (Кавелин) — замечательный церковный историк, о. Климент (Зедергольм), обратившийся от лютеранства, магистр филологии МГУ, о. Ювеналий (Половцев) — впоследствии епископ Курский, а затем Литовский. Все — люди с высшим светским и богословским образованием. Эта славная дружина начала издание переводов преп. Паисия с древних аскетических книг, иных переводов, а после кончины о. Макария в 1860 г. издала и замечательные его письма к монахам и к мирским лицам. Учёная работа в Оптиной и особенности старческого подвига её отцов начали приводить сюда людей как бы другого мира, из «образованного общества», интеллигенции. Здесь стал бывать Н.В. Гоголь, бывали Ф.М. Достоевский, К. Леонтьев, В. Соловьёв, Великий Князь и поэт К. Романов и даже граф Л.Н. Толстой. При его последнем

посещении Оптиной в 1890 г. старец Амвросий сказал о нём: «Горд очень». Особое место в жизни обители занимал Скит. Прославились подвигами его начальники: ученик Макария иеромонах Иларион, затем иеромонах о. Анатолий (Зерцалов), почивший в январе 1894 г. Он принимал большое участие в духовном устройении женской Казанской Шамординской обители, известны его «Письма» к монахиням, пронизанные «пасхальным одушевлением». В этом он был подобен Серафиму Саровскому, встречавшему людей в любое время года возгласом: «Радость моя, Христос Воскресе!..» Отец Анатолий 20 лет молил Бога дать ему *простоту*, и наконец, вымолил. Он — опытейший делатель молитвы Иисусовой. Одним из самых известных Оптинских старцев стал о. Амвросий (Гренков), из духовного сословия. Он родился в 1812 г., окончил семинарию, был преподавателем Липецкого Духовного Училища. По совету другого великого русского подвижника — старца Илариона Троекуровского о. Амвросий в 1840 г. поступил в Оптину и скоро стал любящим и преданным учеником отцов Леонида и Макария. После них и сам сделался руководителем душ человеческих. Со всех концов России к нему за советами стекались люди. Он обладал дарами прозорливости и исцеления. Только себя не мог вылечить. Впрочем, и не хотел! Страдая тяжкой болезнью, которая иногда надолго приковывала к постели, о. Амвросий на предложение прибегнуть к столичным светилам медицины со свойственной ему весёлостью отвечал: «Монах не должен вылечиваться, а только подлечиваться...» Крайне внимательный и доброжелательный к людям о. Амвросий не нуждался в их объяснениях, он видел, что в душе человека, и точно, часто легкими намёками, указывал людям на их грехи и ошибки, тут же давал точные советы, что и как им нужно делать. Он, как иные старцы, сотворил много чудес, с ним связаны многие знамения Божией силы и благодати. Старец Амвросий основал знаменитую женскую обитель в поместье *Шамордино*, принадлежавшем его духовной дочери — орловской помещице Ключарёвой (в монашестве — Амвросии), возжелавшей иметь здесь обитель. Она была посвящена Казанской иконе Богородицы и с 1901 г. называлась Казанской Амвросиевой Пустынью. Он содействовал устройению ещё нескольких женских монастырей, но особенно опекал сестёр Шамордино, вдохновив на подвиг женского старчества родовитую дворянку Софью Михайловну Астафьеву (урождённую Болотову). Схимонахиня София оказалась достойной ученицей о. Амвросия, прославилась большой праведностью. В попечении о шамординских инокинях у о. Амвросия много общего с подобным же попечением преп. Серафима Саровского о сёстрах Дивеевской обители. В Шамордине и отошёл ко Господу старец Амвросий 10 октября 1891 г., но погребён был в Оптиной. Традиции духовных дочерей о. Амвросия стараются в наши дни продолжать сёстры небольшого женского Казанского монастыря «Новое Шамордино», находящегося уже не в России, а ... в Австралии, в местечке Кентлин, и состоящего из русских монахинь и послушниц. После кончины о. Амвросия в Оптиной Пустыни славились несколько выдающихся подвижников. Среди них скитоначальник о. Анатолий «Младший», истинный *старец* и святой, во многом похожий на Серафима Саровского, скончавшийся в России, как думают, в 1922 г., отцы Иосиф, Венедикт, Нектарий, почивший в 1926 г.

Множество иных славных обителей было на Русской Земле в XIX в. Их развитие поощрялось Царями, им благодетельствовали многие знатные и богатые особы. Много было и подвижников. Притом — не только в монастырях. Были святые миряне, юродивые, подвижники милосердия, нищетолюбия, народно-го просвещения. Были и славные высоким благочестием и пастырскими способностями «белые», т.е. женатые священники. Из них выделялся протоиерей Матфей Константинович, настоятель собора в г. Ржеве, который сумел убедить Гоголя оставить литературное творчество, губительное и для автора, и для читателей. После одного из важных разговоров с о. Матфеем Гоголь сжёг рукопись 2-го тома «Мёртвых душ» и написал затем замечательные сочинения о литургии, разных вопросах духовной жизни, опубликованных в книге «Выбранные места из переписки с друзьями». Здесь является как бы «новый Гоголь», ставший под влиянием Оптиной и о. Матфея сам чуть ли не старцем — духовным наставником для многих.

На 1 июля 1896 г. в России существовало 789 монастырей, из них 241 были основаны в XIX в.: это больше, чем в любом из *предыдущих столетий Великой-российской истории!* То же можно отнести к числу церквей, училищ, школ, семинарий, количеству духовенства и учёных богословов самых разных дисциплин, из коих многие признаны как светила мировой значимости. Из русских подвижников, чья жизнь протекала в основном в рамках XIX столетия, уже около 20-ти причислены к лику святых. Среди них преподобные Серафим Саровский, Герман Аляскинский, Оптинские старцы, Митрополит Иннокентий (Вениаминов), архиепископ Николай (Касаткин) — апостол Японии.

Это был необыкновенный, неожиданный, великий подъём духовной жизни Великороссии, Святой Руси! И уже поднялась над Россией в конце века звезда чрезвычайной духовной величины и яркости — св. Праведный отец Иоанн Сергиев Кронштадтский!

Глава 24

САМОДЕРЖАВИЕ.

Восшествие на Престол Государя Императора Николая I Павловича совершалось в обстановке некоторого смятения в Санкт-Петербурге, вызванного попыткой масонского революционного восстания 14 декабря 1825 г. Попытка оказалась слабой, на удивление неудачной в самом зародыше, но очень хорошо показала, что происходит в настроениях привилегированного дворянского сословия, и тем самым определила некоторые важные черты мышления и правления Российских Самодержцев.

Всё началось с того, что крупное объединение западных масонов «Большая европейская Карбонада» *испугалась* (и с полным основанием!) той силы, влияния, значимости, которые приобрела Православная Россия во всех европейских делах в итоге победы над Наполеоном, занятия Парижа, создания

Священного Союза. Западные масоны сочли крайне важным устроить революцию в России как для пресечения её воздействия на Европу, так и для утверждения в России своего, масонского, влияния. Началась идейная обработка прежде всего тех русских офицеров, которые уже будучи масонами, попали в Европу в составе армии, громившей Бонапарта, а также тех, кто вступал в масонство там, на Западе. Так и получилось, что вопреки всякой очевидности, некоторые русские офицеры прониклись мыслью об «отсталости», «невежестве» России и необходимости для неё во всем следовать за Европой. И это — как раз в тот момент, когда русская победоносная армия *освобождала* Европу и когда *последняя нуждалась* в помощи России (а не наоборот!)...

В 1816 г. в Петербурге возникает масонский тайный «Союз спасения», вскоре переименованный в «Союз благоденствия». В него входят русские масоны, продолжающие посещать разные легальные ложи, к какой кто принадлежит: А.Н. Муравьев (ложа «Трёх добродетелей», 7-я степень посвящённости, полученная в Париже в 1814 г.), князь С.П. Трубецкой (та же ложа), Н.М. Муравьев, братья С.И. и М.И. Муравьевы-Апостолы (та же ложа), полковник П.И. Пестель («Соединённые друзья», с 1816 г. — тоже «Трёх добродетелей»), Ф.П. Шаховской, Ф. Глинка (ложа «Избранного Михаила»), Н.И. Тургенев (иллюминат) и его брат А. Тургенев (сыновья Ивана Тургенева, известного масона, ректора МГУ, сподвижника Новикова), М.Н. Муравьев, М. фон Визин (ложа «Александра тройственного спасения»), князь Долгорукий, князь С.Г. Волконский (ложи «Соединённые друзья» и «Трёх добродетелей»), Лунин (ложа «Трёх венчаных мечей»), а также И.Д. Якушкин («Три брата»), Бестужевы, Кюхельбеккер, Пущин, Каховский и многие другие (все — масоны различных лож). В 1823 г. к ним присоединился К.Ф. Рылеев. В 1817 г. Пестель вышел из легального масонства, но с тем, чтобы полностью отдаться деятельности в масонстве тайном. Несколько позже, около 1820 г., так же поступили остальные заговорщики. Этот манёвр имел целью усиление конспирации тайных союзов и сохранение, в случае провала, вне подозрений легальных масонских лож. В 1822 г. «Союз благоденствия» разделился на «Северное общество» и «Южное общество». Последнее в Киеве объединилось с капитулом «Соединённых славян» и Польским патриотическим обществом. В 1823 г. Северное и Южное общество съезжались в Киеве, планируя уже тогда царевбийство и установление *временного правительства* (у них писалось — «правления»). Взгляды заговорщиков не были единообразными. Некоторые допускали возможность конституционной монархии в России (по западным образцам), большинство стояло за республиканское устройство, причём иные прямо предлагали переделать Россию просто по *образцу США*. Наиболее законченный проект будущего устройства России содержался в конституции Пестеля, названной им «Русская правда», хотя ровно ничего русского и ничего праведного (правдивого) в нём не содержалось. Россия должна была стать республикой по образцам, разработанным западными масонами. Однако название «Русская правда» не случайно. Его нужно сопоставить с названием трёх степеней старшинства в «Союзе благоденствия»: «брат», «муж», «боярин», а также с названием предполагаемых органов власти: «Собор», «Вече», «Дума». С чего это вдруг за-

падников-масонов потянуло на древнерусские названия? Это известный приём масонской мимикрии — прикрыться дорогими народному сознанию словами, именами, символами. К слову сказать, этот национальный «оттенок» ещё раз говорит об известном факте: **национализм** (с его громкими националистическими теориями и лозунгами) — такое же порождение и оружие масонства, как и **интернационализм**: то и другое — как бы две руки одного и того же монстра, которыми он действует то одновременно, то попеременно, в зависимости от обстоятельств (когда что выгодно). Нам придётся вспомнить детали этих идей и «вывесок» декабристов начала XIX в., когда мы дойдём до нынешних российских конца XX в. с их «Думой», национальной эмблематикой, проектами рыночной экономики и федерального устройства, по образцу США... А сейчас отметим, что заговорщики тогда сразу поставили целью убийство Царя и, при необходимости, — всей Царской Фамилии. Однако мало было создать тайный центр заговора, нужно было ещё привлечь на его сторону решающую массу «общества» («общественности»). Для этого требовалось немало лет (масонский «период»). Но в событийную цепь вступило действие Божия Промысла. Мы помним, как это произошло. В 1822 г. Государь Александр I увидел и понял страшную сущность масонства и особым указом его **запретил**. Закрытыми оказались все легальные ложи, а также «Английские (каглицкие», как их тогда называли) клубы» — места общения и встреч масонов разных (любых) лож. Так заговорщики лишились почти всех возможностей пропаганды и влияния на «общество». Им поэтому пришлось торопиться. Торопила их и европейская Карбонада, и понимание того, что промедление и неопределённость снизят накал страстей и решительность воли «братьев». Торопливость сия их и подвела! Они уже не могли «обработать» общественность, а последняя не могла их поддержать, будучи застигнутой как бы врасплох и не организованной для единого действия. Заговорщики понимали, что это чревато провалом, некоторые даже предвидели его, но у них просто не было выбора. Так возникли скороспелые планы убийства Царя в 1823 и 1824 г.г., о которых уже говорилось.

И всё же нельзя до конца понять причины торопливости заговорщиков, если не принять во внимание того, что тогда уже понимал и видел один из примыкавших к ним виднейших масонов Н.И. Тургенев. А видел он, как показывают исследователи его жизни и взглядов, что в данном заговоре «вместе с течениями легкомысленными и пустыми есть глубокая **подземная река**, течением которой управляют ему не известные, но большие, **вне России** находящиеся силы». Особо посвящённые русские заговорщики должны были, в силу масонской клятвы, безпрекословно подчиняться приказу с Запада, под угрозой безчестия и даже смерти. Приказ последовал, как видно, в 1822 г., сразу после запрета масонства в России. Российские «посвященные» знали, что это уже не игра, нужно действовать, иначе — всё равно гибель! Заговор «декабристов» можно поэтому назвать изначально **заговором обречённых**.

В конце 1825 г. заговорщикам показалось, что неожиданно пришёл к ним тот самый «счастливый» **случай!** Он состоял в некотором замешательстве на самых вершинах власти, вызванном неясностью в наследовании Престола после внезапной «кончины» Александра I в Таганроге 19 ноября. Как мы

помним, младший брат Государя Николай Павлович был предупреждён, что ему надлежит царствовать. Тотчас по «смерти» Александра I были вскрыты секретные пакеты с манифестом о наследовании Престола им, Николаем. Последний знал и о том, что старший брат Константин не только отрекался от царствования письменно и устно, но и предпринял ещё один шаг, делавший для него невозможным наследование Престола, — он развёлся, вопреки увещаниям матери, с первой женой и женился вторично морганатическим браком на польской дворянке Гудзинской, получившей в связи с этим титул княгини Лович. Поскольку брак был неравнородным, Константин, по законам России, царствовать уже не мог. Да он этого и не хотел никогда. Однако всех этих вещей не знали многие в «обществе», совсем не знали в народе и армии. В представлении народа умершему Императору должен был наследовать его *старший* брат, — Константин. Приняв во внимание это, а также из чувства неложной любви к брату и чувства чести, Николай Павлович не воспользовался сразу же правом, данным ему манифестом, а счёл нужным предоставить все возможности для воцарения Константину, о чём послал ему письменное извещение, просил срочно приехать и привёл войска в Петербурге к присяге ему, Константину. Тот же решительно отказался и от Престола и от приезда. Тогда на 14 декабря 1825 г. была назначена *новая присяга* — Императору *Николаю* Павловичу.

Заговорщики этим воспользовались. Они сумели внушить некоторой части подчинённых им войск, что у Царского Трона — *измена!* Хотят законного Царя (Константина), которому уже присягнули, отставить, а посадить незаконного (Николая). Солдатам внушалось, что они должны остаться *верными присяге*, постоять за правду, за Царя. Требуя воцарения Константина и дарование хороших законов — Конституции. *Ложь* — в основе всего у революционеров! И в этом деле, как в во всяком другом! *Правдой* о своих подлинных целях заговорщики могли поделиться не со всеми солдатами. Одних они успели вполне «просветить» революционными взглядами, а других (и таких большинство!) они должны были просто-напросто *обмануть!* Вот что происходит с дворянской и княжеской *честью*, когда князья и дворяне входят в безчестные общества! Честь, как дым, исчезает... Вовсе не анекдот (то есть не вымысел), что некоторые солдаты, ставшие на Сенатской площади и кричавшие, по наущению командиров: «Константин! Конституция!», — искренне понимали под Конституцией *жену* Константина. Это исторический, жизненный анекдот. В день 14 декабря заговорщикам-масонам удалось вывести на Сенатскую площадь вокруг памятника *Петру I* (знаменательный выбор места!) небольшое количество войск. Лейб-Гвардии Московский полк, Гренадерский полк и матросы Гвардейского Морского Экипажа при 30 строевых командирах — всего около 3000 человек утром 14-го числа вышли и построились в каре на указанном месте. Накануне, 13-го, послали гонца к заговорщикам Южного общества с известием о начале восстания. Но 14-го оказалось, что многие заговорщики не пришли, в том числе не явился князь Трубецкой, который должен был быть провозглашён «диктатором»... Не явились и иные войска, на помощь которых рассчитывали. Некоторые из главарей мятежа весь день мотались по С.-Петербургу, пытаясь привести подкрепления и разыскивая струсивших «братьев»... Смятение и чувство неопределённости охватывали постепенно вождей мятежа. Но солдаты, не в пример им, вели себя бодро, надеясь, что «гос-

пода» (!) командиры знают, что делают. Собиралась толпа зевак. Из них некоторые, узнавая в чём дело, примыкали к восставшим. Рабочие, трудившиеся на стройке Исаакиевского Собора, тоже решили «постоять за правду и за истинного Царя». В подъезжавших к бунтовщикам посланцев Николая Павловича (и в него самого) они из-за забора метали поленья. Государь Николай волновался. Он подозревал накануне возможность восстания, но точно не знал ничего. Утром 14-го весть о начавшемся бунте была самой опасной, т.к. неясно было, сколько действительно сил у мятежников и каковы планы их действий. Как и положено было Царю и военному, Государь при оружии сел на коня, возглавив движение к центру столицы верных ему частей. В отличие от заговорщиков, Николай Павлович солдат не обманывал. Им был зачитан и манифест Александра I, и отречения Константина. Солдаты столичных войск присягали теперь Николаю вполне сознательно и убеждённо. Обращаясь к ним, Государь говорил: «Ребята, московские шалят. Не перенимать у них и свое дело делать молодцами!» Он ездил в толпу народа, сам читал манифест, убеждая людей. «Но сердце замирало, признаюсь,— писал он потом,— и единый Бог меня поддержал». У Зимнего дворца Николай Павлович наехал на солдат Гренадерского полка, бегущих беспорядочной толпой со знамёнами... «Стойте!» — скомандовал Царь. «Мы за Константина! — ответили они. «Когда так, то вот вам дорога!» — и Николай Павлович показал рукой, как пройти на Сенатскую площадь. Гренадеры туда и пошли, безпрепятственно, сквозь войска, верные Государю, и уже окружившие мятежников со всех сторон... Обратиться к бунтующим решил Митрополит С.-Петербургский Серафим. В Святительском облачении со крестом в сопровождении духовенства он приблизился к ним. Многие пошли целовать крест и благословляться от владыки. Серафим громко сказал, что солдат обманули и хотел зачитать им манифест Александра I, но вожаки закричали, оскорбили митрополита и угрозой оружия вынудили его удалиться. Пытался подъехать к ним со свитой и сам Николай Павлович, но был встречен *прицельным* залпом из ружей. Пули просвистели у его головы, только чудом не задев никого. Смело подъехал к каре мятежников без оружия генерал-губернатор столицы граф М.А. Милорадович, герой войны 1812 г., его сильная речь вызвала в солдатских рядах колебания. Тогда, вместо того, чтобы противопоставить слову — слово, П.Г. Каховский в упор выстрелил в Милорадовича, другой «декабрист» воткнул в него штык, от чего он быстро скончался. Так обнаружилось, что честного поединка «революция» не выдерживает, ей нечего противопоставить слову правды, она может действовать *только убийством и ложью!* Об этом нам придётся не раз вспоминать. Попытались рассеять мятеж атаками кавалерии, но безуспешно. Оставалось последнее средство — картечь. К нему Государь не хотел прибегать ни за что, не желая проливать кровь соотечественников, тем паче при своём восшествии на Престол. Стали сгущаться сумерки, пошел снег. Бунтовщики не двигались с места, но усиливали крики, ободренные отражением конницы. Бунт мог «поджечь» петербургскую чернь, вызвав стихию погрома. Нужно было решаться. В последний раз Государь послал к мятежникам сказать, что если не сложат оружия, против них употребят артиллерию. В ответ усилились крики и раздался очередной ружейный залп. Тогда только Николай Павлович скомандовал: «Пальба орудиями по порядку! Правый фланг начинай! Первая!»

... Как и следовало ожидать, картечью мгновенно всё кончили. На площади и на льду Невы остались лежать более 80-ти трупов: заговорщики бежали. Дольше были волнения на Юге. Там С.И. Муравьев-Апостол и М.П. Бестужев-Рюмин успешней подготовили к действиям Черниговский полк. Бунт продолжался с 29 декабря 1825 г. по 3 января 1826 г. Но был подавлен тоже на редкость легко. Восстание (революция) российских масонов обернулась поистине «пшиком». Арестовано и привлечено к делу было 579 человек (большинство их имён давно уже было известно!). Суд приговорил около 40 человек к смертной казни, остальных — на каторгу. Государь Николай изменил приговор. К смертной казни — только пятерых. Это были: Пестель, Рылеев, С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин, Каховский. Их повесили в Петропавловской крепости. 121 заговорщик поехал на каторгу. Солдат в большинстве просто выпороли. Черниговский полк отправили на Кавказ. По смерти Николая I в 1855 г. сосланные «декабристы» получили помилование и вернулись в свои родовые имения.

Так *впервые* в Великороссийской истории дворянский мятеж имел целью не замену одного Государя другим, а уничтожение царской власти вообще. Выяснилось, что с убожеством духа «декабристы» сочетали немалые силы души и ума (многие были людьми в высшей степени образованными, некоторые даже учёными разных наук, писателями и поэтами)! Выяснилось также, что связи их в «обществе» были настолько значительны и глубоки, симпатии к ним столь обширны, что можно было говорить об измене Престолу и Церкви, во всяком случае — о неблагонадёжности *дворянского сословия в целом*. Мы уже знаем, что явление это уходит корнями в XVIII в., где *дворяне* низлагают и ставят Царей, и даже в более глубокую давность, где самодержавию Государей Московских противостоит почти непрерывно родовитая *княжеско-боярская знать*. Для Николая Павловича становится очевидным, что дворянство Царю более — не опора! Очевидным ему становится и то, что хранившаяся всегда в недрах Великороссии духовная *устремлённость* к Царству Небесному в условиях царства земного, ныне могучей силой вышла и на поверхность российской жизни и дала тот небывалый и дивный расцвет Православия в самых различных (во всех) его проявлениях, о котором мы говорили в предыдущей главе. В сопоставлении с дворянским масонским движением, руководимым теперь *из-за границы*, это означало не что иное, как то, что в XIX в. *собственно Великороссия*, душа *собственно Русского*, или — Великорусского народа, совершенно *исторгла из себя*, изблевала прежнее *увлечение Западом*, возвращаясь к исконным устоям Святой Руси! Теперь всё «русское» западничество, наипаче всё «демократическое» и «революционное» («либеральное», как тогда говорили) может существовать только (!) за счёт руководства и поддержки не русского, враждебного самой России Западного мира, ещё точней — мирового *иудео-масонства*. Иными словами, ещё пытающееся прикрываться «патриотическими» вывесками революционно-демократическое движение в России становится явлением *собственно не российским*, чуждым и чужим для Русской Души, как бы *инородным* телом в организме Великороссии, связанным не с ней, в ней самой корней уже не имеющим, но укоренённым в западноевропейской и американской «почве».

«Россия — страна европейская», — написала однажды Екатерина II. Ей так хотелось. Но она ошиблась. Россия в XIX в. заявила пред миром, что она — *не*

европейская страна! Как впрочем — и *не азиатская*, и не евразийская. Россия — совершенно особенная, *ни на кого* не похожая страна, и в этом смысле не столько даже страна, сколько *духовное явление*. Русский народ *уникален* в своем историческом происхождении (он стал народом не на этнической и не на территориальной основе, а на основе общности Православной Веры и Церкви). Он уникален и в своём пути и значении для человечества. Ибо он — *народ Богоносец*, в самом полном значении этого слова: подобный тому, каким был для всего человечества древний богоизбранный Израиль! Народ-Церковь! *Свидетель и Светильник Божий* для *всех народов* Земли! Вот, что стало всё более выясняться в XIX-м и, как мы увидим, в начале XX века! Таким образом, само бытие Запада и всего человечества в целом отныне, с XIX-го столетия, стало определяться его отношением к России, к Великоорусскому народу и *зависеть* от этого отношения!

Православное Самодержавное Царство России — это тоже явление уникальное, т.к. оно совсем не то же самое, что иные монархии где бы то ни было. Российское Самодержавие — промыслительно созданный и благоукрашенный *ковчег*, хранилище Великоорусского народа *как единого целого* и самого в нём драгоценного — Святой Руси! А — не просто определённого (монархического) типа государственное устройство, призванное обеспечивать земные «потребности» граждан...

Всё это каким-то гениальным образом увидел и почувствовал Государь Император Николай I Павлович. Отринув опору гнилую, — дворянство, — он сделал своими опорами Православную Церковь, систему государственных учреждений (где большое значение получало сословие служащих, чиновников) и любимый им Русский народ! Уловив это главное направление политики Государя, граф С. Уваров, министр просвещения, выразил его знаменитой формулой: «Православие, Самодержавие, Народность!» Это стало теперь девизом России.

Получив путём упорного самообразования множество знаний, нужных для управления государством, Николай I хорошо видел необходимость дальнейших реформ, укрепления порядка, законности и развития всех сторон жизни народа. Государь стал вести дело к упразднению крепостного права, сословным преобразованиям. От дел был отстранён Аракчеев, но вновь приближен Сперанский, а также граф Кочубей. В особое государственное учреждение превратилась Собственная Его Императорского Величества Канцелярия. Это связано с глубочайшим интересом Царя ко всем важнейшим делам и стремлением участвовать в их ведении. *Первое* отделение Канцелярии ведало всем, что относилось к личным поручениям Государя. *Второе* — вопросами законодательства и государственных учреждений. *Третье* отделение занималось делами надзора за судебными органами и политическими делами. Оно было призвано «наблюдать, чтобы спокойствие и права граждан не могли быть нарушены чьей-либо личной властью, или преобладанием сильных, или пагубным направлением людей злоумышленных». От «Третьего отделения» равно доставалось как несправедным судьям, нечестным чиновникам, так и вольнодумцам, революционерам. Вся гадость, какая была в России, естественно, ненавидела это отделение Канцелярии. *Четвёртое* отделение занималось вопросами образования и благотворительности. Канцелярия не заменяла собою министерств и Сената, служа как бы звеном между ними и Государем.

Важнейшим деянием в области внутренней жизни было улучшение Российского законодательства. Николай I очень верно понял, что нужно исходить не из отвлечённых «проектов», а из того, что уже имеется в России и действует в качестве законодательных норм. Государь поручил Сперанскому труд кодификаций всех законов Империи. Тут и нашли благое применение способности Сперанского. Им был проделан огромный труд приведения в систему всех юридических актов, начиная с Уложения Царя Алексея Михайловича 1649 г., т.к. после него, как мы помним, нового свода законов в России не создавалось, а попытки создать таковой (при Екатерине II) кончились неудачей. Были составлены два больших свода: 1) все законы, когда-либо изданные с 1649 г. и 2) все те из них, которые *действуют* и поныне, не утратили силы. В итоге были изданы в 1833 г. «Полное Собрание Законов Российской Империи» в 45-ти томах и «Свод Законов Российской Империи» в 15 томах. Последний пополнялся потом законами, принимаемыми в последующие царствования.

Государь Николай I исправил весьма расстроенное финансовое хозяйство России. Здесьгодились исключительные дарования графа Е.Ф. Канкрин, о котором упоминалось. Крещёный еврей Канкрин стал одной из важнейших персон в государстве. Это можно подчеркнуть в связи с вопросом о мнимом российском *антисемитизме*, *коего никогда не было!* Крещёный еврей становился у нас во всех отношениях совершенно *своим*. И ему никогда не вспоминали национальное происхождение, разве только в тех случаях, когда он начинал поступать не по-христиански, не по-русски. При Канкрине были рядом очень хитроумных мер, постепенно изъяты из обращения обезценившиеся бумажные ассигнации и введена твёрдая валюта в золотых, серебряных и медных деньгах. Единицей валюты стал серебряный рубль. В обращение были допущены и новые бумажные деньги, но отныне равноценные металлическим.

В крестьянском вопросе Государь Николай I принял действенные меры к улучшению положения казённых крестьян. Но с крепостными было сложнее. Царь вполне понимал необходимость полной отмены крепостного права и в ряде «секретных комитетов» содействовал разработке проектов этой отмены. Но он также видел, к каким потрясениям и бедам может привести *поспешное* проведение этой важнейшей реформы и стоял поэтому за *постепенное* её продвижение так, чтобы обезпечивались и интересы крестьян и интересы помещиков. По указу 1842 г. об «обязанных крестьянах» земельные наделы крестьян признавались неотъемлемой собственностью помещиков, но сами крестьяне — личностями правовыми, юридическими. Помещики вновь лишались права самим ссылать провинившихся крестьян в Сибирь. Более того, помещикам предлагалось отпускать крестьян на свободу, но с земельным наделом, за пользование которым крестьянин обязан был отдавать часть доходов помещику, по обоюдной договорённости. Массового отпуска крестьян на свободу не произошло. Хотя дворянское землевладение явно приходило в упадок. Помещики во множестве закладывали свои земли с крестьянами под кредиты, не видя иных возможностей получить нужные средства. Так к 1854 г. из 11 миллионов помещичьих крестьян 7 миллионов находилось *в залоге*. Крепостное право было обречено. Но нужно было создать подходящие условия для его отмены, дабы не повредить положению тех же крестьян, а не только помещиков.

Одним из первых деяний Николая Павловича в области просвещения было закрытие в 1826 г. Российского Библейского общества. Впоследствии оно было разрешено вновь, но только для иностранцев, проживающих в России. Государь, сам любивший образование, очень много сделал для открытия новых институтов, училищ, гимназий и школ. Но вместе с тем он принял хорошие, нужные меры к тому, чтобы просвещение не становилось источником революционного блудомыслия и демонизма, усилил цензуру печати. При нём оформились два основных вида средних учебных заведений — «классические гимназии» и «училища». Первые назначались исключительно для дворянских детей и преподавание велось на основе изучения древних («классических») языков — греческого и латыни, и древней эллинской литературы и истории. Уездные училища были для детей купеческого и мещанского сословий. В них давались знания более практического характера. Потом они превратились в «реальные училища» (с точными науками и техническими знаниями). Однако в гимназии, равно как и в университеты в то время начало устремляться всё большее и большее число людей не дворянского происхождения, а добившихся увольнения из разных податных и иных сословий (чинов), — так называемых «разночинцев». К концу царствования Николая I они уже составляли половину «образованного общества», бывшего ранее в основном — дворянским. Так и возникло некое межсословное явление, получившее название «*интеллигенции*», о которой мы будем ещё говорить особо.

Начавшееся ещё с Павла I сближение императорской власти с Церковью продолжалось при Николае I, восходя на новый качественный уровень. Самодержец Всероссийский отныне не противопоставлял себя Церкви и даже не считал себя «самостоятельным» или «независимым» от неё. Напротив, он видел себя верным сыном Православной Церкви, полностью разделяющим веру своего народа и обязанным во всей своей политике руководиться заповедями Божиими, исходить именно из **Православного** мировоззрения (а не из требований некоей несуществующей «естественной религии», как при Екатерине II). Это была благая и благодатная **коренная перемена**. Она сказалась сразу и на отношениях двух властей — царской и церковной. Обер-прокурорами Синода отныне становились люди, пользовавшиеся уважением и доверием русских архиереев и сами считавшие себя верными чадами Церкви. Таковыми были адмирал Шишков, граф Протасов. Не всегда между ними и членами Синода было единомыслие. Митрополит Филарет (Дроздов), к примеру, не раз «воевал» с Протасовым. Но это были уже споры по отдельным делам, где обе стороны руководились одним желанием пользы Святого Православия (хотя по-разному могли её понимать).

Тот необычайный подъём веры и духовности в России, который в общих чертах был показан в главе «Православие», был бы невозможен без деятельной помощи царской власти. Но, с другой стороны, обращение к Православию самой царской власти было бы невозможно без этого подъёма Церкви и веры в России! Синодальная форма правления Церковью ещё сохранялась. Но Синод XIX в. — это уже совсем не то, что Синод XVIII в! Он является уже не средством подавления Церкви, а напротив, средством её **укрепления** и возвышения. Кажется, сама жизнь начинает возбуждать вопрос о восстановлении

Патриаршества в России. В сущности Самодержавие тем и отличается от западного абсолютизма, что во всех важнейших делах непременно пребывает в совете с Церковью и с Землёй. Но для этого Церковь должна быть равной государству силой, имеющей, подобно государству, и единого Главу — Патриарха. Так же и Земля должна иметь такие учреждения, в которых звучал бы её подлинный голос, как во времена Земских Соборов. Николай I это понимает.

Всё это означает, что Самодержавие начинает стремиться к созданию подлинно *народного государства*, хочет как бы вернуться к тем устоям, на которых основывалась жизнь Московской Руси до начала XVIII столетия. Путь не близкий и не простой в условиях XIX в.! Но он был начат Государем Николаем I.

Теперь можно, наконец, понять, что имел в виду Александр I, когда говорил в 1825 г., что является «республиканцем». Мы видели, что он был далёк от крайностей французской республики, отклонял слишком «радикальные проекты» переустройства России. Тогда его «республиканство» представляется ничем иным, как жаждой именно *общенародного* государства («республика», по-латыни — «общее дело»), жизни, которая течёт в соответствии с *правдой, по совести*, и предполагает участие (совет) Земли и Церкви в делах власти и попечение власти о нуждах Церкви и народа (Земли). Но тогда это и есть такое устройство Великороссийской жизни, какое было до Петра I и к какому стало особенно тяготеть наше Самодержавие в лице Николая I! Улучшение им управленческой системы, кодификация законодательства, борьба с коррупцией вкуче с новой церковной политикой закладывали основы подлинно *правовой* государственности России, жизни по правде и совести.

Государь Николай I, как и его преемники на Престоле, видел и понимал, что российское общество уже далеко не едино. Так же и народ. Понимал он и то, что вообще в земных условиях бытия по причине греховной повреждённости ни человек, ни общество совершенными и чистыми быть не могут. Вопрос для Русских Самодержцев состоял, следовательно, не в том чтобы создать некое утопическое «идеальное» государство (какого в природе и существовать не может!), а в том, чтобы поставить человека, народ в твёрдые рамки закона, налагающего, с одной стороны, обязанности, а с другой, — дающего определённые ненарушимые права, с тем, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия жизни и деятельности всех, насколько это возможно в данной земной реальности. Нынешний Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви Владыка Митрополит Виталий высказал по этому поводу ряд очень важных мыслей. По его мнению, таким относительно совершенным государством был древний (первый) Рим. Римская Империя выработала замечательное законодательство, «*римское право*» (послужившее основой законов последующих христианских государств), *удерживающее в человеке «зверя»* и дающее нужный простор добрым качествам человека. Римские *дороги* связали между собой части огромной империи, приобщая варварские народы к культурной жизни государства. Римский *короткий меч* сдерживал силой стихию дикости и беснования. Всё это *подготовило* условия для распространения *веры и Церкви* Христовой в древнем мире. Так что древний Рим явился промыслительно приготовленным *вместилищем* Церкви Нового Завета. И действительно, мы видим, что, за некоторым исключением, именно те народы, которые входили в состав Римской Империи, и ста-

ли полностью христианскими! Они, эти народы (в основном европейские) сделались колыбелью того, что называется «христианской цивилизацией» (при всей условности этого названия). Расширение границ империи — это, в сущности, расширение границ Церкви... Россия — *третий Рим*, добавила к древнеримскому наследию, воспринятому ей в лучшем виде, ещё нечто самое существенное: Третьеримская Империя имеет *духовную цель* — сознательное создание наиболее благоприятных условий для движения Русского народа в целом под водительством Церкви ко спасению во Христе в Царстве Небесном и создание возможностей для любого другого народа, входящего в неё, идти ко спасению вместе с русскими.

В XVIII в. эта цель была отклонена. Но в XIX в. она была поставлена вновь как сознательная духовная цель государства. *Россия вновь становилась Третьим Римом!*

Теперь это стало отчётливо проявляться и во внешней политике империи.

Мы помним, как Государь Николай I, обозначая на карте границы новой Камчатской, Алеутской и Курильской епархий, приказал построить православные церкви на Курильских островах, где их раньше не было. В этом, как в капле воды, отражается сущность политики Третьего Рима, — расширение *границ Церкви*. Россия, дошедшая до Аляски и Северной Калифорнии, до владений Японии и Китая, до песков Средней Азии, извлекла из этого не только торговые и военно-стратегические выгоды (хотя и таковые были немаловажными), но несла в новые земли свет своей Православной Веры и духовности. При этом, как уже говорилось, к народам этих новых земель относились с великим уважением. В отличие от экспансии Римско-католической церкви, Русская Православная Церковь и государство ни одного народа не обратили в христианство *насильственным путём!* Среди *языческих* племён Сибири, Севера, Дальнего Востока и Америки русские духовные миссии действовали очень активно, проповедуя Слово Божие, устраивая храмы и монастыри, школы, больницы, дома для инвалидов и престарелых, налаживая медицинскую помощь и то, что теперь называется «социальной защитой населения», часто ссорясь из-за этих добрых дел с местным мирским начальством. Что же касается *мусульманских* народов Средней Азии и Кавказа, то здесь и миссионерства почти не было. После неудачных попыток создать духовные миссии для татар и калмыков в XVIII в. Россия совсем отказалась от специальных церковных миссий в мусульманской среде, отличавшейся сильной привязанностью к исламу. Мусульманским народам не навязывали Православия, оставляя их жить свободно по своим обычаям, но на их землях естественно возникали для русских, селившихся там, православные храмы, так что все желающие в этих народах получали *возможность узнать Православие!* И не более того. Расширение границ России (и Российской Церкви!) шло до встречи с интересами США, Японии, Китая, Англии. Последняя в те времена от Индии, Афганистана и Персии стремилась к Северу, угрожая в основном среднеазиатским интересам России. Упредить Англию, остановить её продвижение на нужных рубежах — было важнейшей задачей России в Средней Азии, в бассейне Каспийского моря, с чем она и справилась в середине — второй половине XIX в.

Совершенно особенными по смыслу и задачам явились российские дела на Кавказе. Здесь основой острых столкновений с Персией и Турцией был вопрос о братской по вере Православной Грузии. Одна из древнейших христианских стран Грузия ещё в XVI в. стремилась под защиту России. Терзаемая сильнейшими мусульманскими странами — Персией и Турцией и внутренними усобицами Грузия в 1783 г. приняла покровительство России, а в 1801 г. при Павле I была полностью присоединена к империи. Но превратить такое единение с Грузией в устойчивую постоянную действительность оказалось непросто. Нужно было преодолеть противодействие Персии и Турции и часто подстрекаемых ими воинственных горских народов Северного Кавказа, Каспийского и Черноморского побережий. В 1826 г. Персия из-за своих интересов в Грузии без объявления войны вторглась в Закавказье. Главнокомандующий российскими войсками на Кавказе генерал Ермолов своими силами справиться с нашествием не мог. Ему на помощь пришли войска во главе с генералом Паскевичем. Паскевич в ряде сражений разгромил персов, взял г. Эривань (Ереван), вторгся в Персию, устремившись к её столице — Тегерану. Персидский шах запросил мира, который и был заключён в 1828 г. в Туркманчае, и по которому к России навсегда отошли земли нынешней Армении и Азербайджана. Притязаниям Персии был положен конец. Николай I пожаловал Паскевичу титул графа Эриванского. Трудней оказалось привести в послушание горские племена Северного Кавказа, с которыми давно имели дело русские казачьи поселения по Тереку и Кубани. Чеченцы, черкесы, другие воинственные народы не только воевали с казаками, они и жили рядом с ними и вступали с русскими в мирные отношения, встречая в этих случаях вполне дружелюбное отношение русских. Но с 1825 г. в этих народах началось занесённое из Турции движение «мюридизма». «Мюриды»(послушники) обязывались вести священную войну против «неверных» русских под началом «святых старцев» — имамов и шейхов — с целью создания обширного «халифата» от Стамбула до Кубани. Имамы Кази-мулла и позднее — Шамиль сделали народными вождями. Война мюридов длилась почти 40 лет. Сейчас принято говорить о жестокостях российских войск в этой «Кавказской войне». Но не принято вспоминать о зверствах горцев-мусульман по отношению к русским, да и к своим же, но принявшим Православие (к примеру — осетинам или грузинам). А эти зверства превосходили всякое человеческое представление. Война есть война! Взаимное ожесточение сторон здесь, увы, неизбежно. Поэтому и со стороны русских бывали эксцессы насилия и жестокости. Но не жестокостью русских объяснились такие меры, как периодические массовые уничтожения мужского населения Чечни! В отношении других кавказских племён к таким мерам не прибегали. Чеченцы же «заработали» столь жуткие карательные акции своим же из ряда вон выходящим зверством и коварством. Впрочем, ко всему чеченскому народу это нельзя отнести. Здесь вина фанатиков от мусульманства. Этот фанатизм и по сей день даёт себя знать. В наше время, получив относительную самостоятельность, чеченское руководство в качестве «государственного герба» (эмблемы) Чечни утвердило образ «одинокого волка». Тёмный, с горящими глазами волк — это ли выражение в целом благородного, нормаль-

ного чеченского народа? Думается, что нет! Но о чём-то такой образ всё-таки говорит... Постепенно, дорогой ценой России всё же удалось сломить сопротивление горцев и тем обеспечить постоянный безопасный «мост» связей с Православной Грузией. В этом — главный смысл и итог Кавказской войны.

Такой же *религиозный* характер возымело столкновение с Турцией с 1828—1829 г.г. Накануне началось восстание православных греков против турецкого владычества. Поначалу это выглядело как бунт подданных против законной власти султана и поэтому европейские державы и Россия не находили возможным поддерживать восставших. Но скоро выяснилось, что зверства турок — мусульман по отношению и православным грекам имеют такой выраженный характер религиозной нетерпимости, что русская эскадра приняла участие в уничтожении Турецкого флота в бухте Наварин в 1827 г., действуя вместе с флотами Англии и Франции. В отместку Турция в следующем году начала военные действия против России. На Балканском направлении успешно действовал генерал Дибич, взявший Адрианополь. На Кавказе генерал Паскевич также нанёс туркам ряд сильных поражений, взяв Карс, Ахалцых, Эрзерум. «Больной человек», как назвал распадающуюся Турецкую Империю Николай I, запросил мира. Россия получала левый берег Дуная с островами в устье его, весь восточный берег Чёрного моря, свободную торговлю в Турции и свободный проход через проливы Босфор и Дарданеллы (двери в Средиземное море). Кроме того, Россия добилась, что *православные* княжества Молдавии, Валахии и Сербии получили автономию и покровительство России, а на юге Греции создавалось независимое Греческое Королевство (1830 г.). В 1833 г. Россия оказала помощь и самой Турции в её борьбе с пашой Египта. В благодарность Султан повелел «запереть» проливы Чёрного моря для всех иностранных военных судов, кроме российских.

Так Православный Российский Самодержец становился могучим *покровителем Православных народов* Восточной Европы и Балкан. Казалось, начали сбываться мечты этих народов, неоднократно высказываемые ещё Алексею Михайловичу, о распространении власти Русского Царя на все древние Православные страны и превращении России, таким образом, во всемирную Православную, или — *Всеpravославную мировую державу, Восточную Православную Империю* (Царство), подобное древней Византии!

А вот этого-то никак не хотели допустить Западноевропейские державы, веками враждовавшие с Православием, с Россией!.. Европейская дипломатия тут же добилась того, чтобы не одна Россия, а и Франция, Австрия, Англия и другие взяли под контроль всё, что связано с Турцией и теряемыми ею Греческими и Балканскими владениями. Так возник «*Балканский*» или «*Восточный вопрос*» в европейской политике, суть которого состояла в том, чтобы *любыми (всеми!) средствами воспрепятствовать* преобладанию России в делах братских славянских и иных Православных народов Восточной Европы и Средиземноморья. Очень скоро это станет причиной Крымской войны.

А пока особую остроту приобретал западный для России — «польский вопрос». Дарованная Польше Александром I Конституция и многие свободы не устраивали радикальную часть панства, мечтавшего о восстановлении былой Речи Посполитой «от моря до моря», то есть с включением в неё исконно русских земель Белоруссии и Украины с их православным населением. Нетерпимость

католической польской знати и шляхетства распространялась не только на православных, но даже и на униатов. Всем этим ловко воспользовались польские масоны, составившие ряд тайных обществ с громкими «патриотическими» и националистическими лозунгами и требованиями. Революции 1830 г. во Франции и Бельгии дали толчок масонскому движению Польши. Оно имело два основных направления — крайне республиканское (во главе с историком Лелевелем) и аристократическое, более умеренное (во главе с уже известным князем А. Чарторыйским). В конце 1830 г. в Варшаве началось восстание. Великий Князь Константин Павлович с отрядом русских солдат вынужден был покинуть Польшу. В 1831 г. туда вошли войска генерала Дибича, не имевшие особого успеха, в частности — по причине сильнейшей эпидемии холеры, от которой умерли и Дибич и Великий Князь Константин. Тем временем революционеры в Варшаве создали сначала «Временное правительство» с «диктатором» во главе, затем созвали Сейм. Восставшие требовали сперва полной независимости Польши и присоединения к ней Литвы и западной Руси, а затем объявили о «свержении» династии Романовых с трона Царства Польского. В Польшу был направлен граф Паскевич Эриванский. Он штурмом взял Варшаву, совершенно разгромил масонские революционные войска, вытеснив их остатки за границу. Конституция Польши отменялась, армия упразднялась, закрывались университеты, Польша разделялась на губернии и полностью включалась в состав Российской Империи. Деловым языком объявлялся русский. Русские помещики получали земли в Польше. Во главе Царства Польского поставлялся теперь Наместник. Им тогда стал Паскевич с новым титулом князя Варшавского. В связи со всем этим выяснилось, что польские магнаты и паны, сохранившие земельные владения в Белоруссии и на Украине, уже давно притесняют православных русских и малороссов, а также униатов, и занимаются полонизацией образования и всей вообще культурной жизни в этих землях. Государь Николай I вынужден был принять крутые меры к восстановлению русского просвещения и образования в западнорусских и украинских землях. В частности, в Киеве был открыт русский университет. Находившаяся по принуждению в унии с католической церковью ещё с конца XVI в. часть белорусского и украинского населения во главе с епископом Иосифом Семашко пожелала воссоединиться с Православием. Николай I пошёл навстречу этим желаниям и в 1839 г. все униаты (кроме жителей Холмской епархии) присоединились «к прародительской Православной Всероссийской Церкви», — как они выражались. Это был большой праздник Православия! Массы униатов присоединились без всякого насилия *добровольно*. Все эти дела показывали, что Россия покоряла и смиряла Польшу не потому, что желая властвовать над ней, противилась её самостоятельности, а потому только, что *Польша* желала властвовать (и политически, и *духовно*) над исконно русским населением, лишая его возможности самобытной жизни и «прародительской» веры! С *такой* Польшей, какой она стремилась быть тогда, ничего не оставалось делать, как полностью ее подчинить и *заставить уважать права* других народов! Собственно же полякам-католикам Россия, как обычно, предоставила все возможности жить по своей вере и обычаям.

В 1848-1849 г.г. Европу потрясли новые масонские революции. Верный принципам Священного Союза Государь Николай I помог войсками Австрийскому

Императору подавить восстание венгров, не признал во Франции Наполеона III, поскольку тот из республиканца-президента решил сделаться монархом... Значение России таким образом, увеличивалось и в Западной Европе. Французская и особенно английская дипломатии начали усиленно интриговать против России в Стамбуле в Турции. Говорят, что непосредственный повод к новой русско-турецкой войне, перешедшей быстро в войну против России крупнейших стран Запада, был не таким уж важным. На самом же деле, с духовной точки зрения, он был чрезвычайно важным и высшей степени знаменательным!

Началось всё из-за *святых мест Палестины*, с которыми Россию искони веков связывали очень прочные духовные нити. Турки дали католикам в Святой Земле преимущества перед православными, в частности, ключи от Вифлеемского храма были отобраны у греков и отданы католикам. Государь Николай I потребовал восстановить права Греческой Православной Патриархии в Палестине. По наущению Франции Турция *отказалась*. Тогда Россия ввела войска в автономные (но всё же подвластные Турции) Молдавию и Валахию,— в залог, доколе Турция не удовлетворит справедливым требованиям России. Франция, Англия, Австрия и Пруссия как державы-участницы протектората над Турцией, созвали в Вене конференцию, в которой участвовала и Россия, входившая тоже в круг «протекторов». Султан не пошёл ни на какие уступки. Осталась при своём и Россия. Осенью 1853 г. Турция объявила России войну. Военные действия начались сразу на Дунае, в Закавказье и на Чёрном море. Английская и Французская эскадры вошли в Босфор. В ноябре 1853 г. адмирал Нахимов в итоге большого сражения уничтожил Турецкий флот в бухте Синопа. Корабли Англии и Франции двинулись в Чёрное море. Россия разорвала отношения с этими странами. Австрия и Пруссия прямо не участвовали в войне, но действовали против России. Австрия вынудила Русскую армию выйти из Молдавии и Валахии. В Закавказье наши, как всегда, успешно громили турок. Но на море дела пошли плохо. В сентябре 1854 г. огромный соединённый флот Англии, Франции и Турции подошёл к Евпатории в Крыму и высадил 60-ти тысячный десант войска, двинувшийся на Севастополь. Так началась Крымская война и героическая оборона Севастополя. Морские отряды англичан и французов действовали против России, где только могли,— и в Белом море у Соловецкого монастыря, и у Петропавловска Камчатского, и у Охотска. Но основные сражения разыгрались в Крыму. Флот союзников тогда уже был оснащён первыми паровыми судами, каких не было у России, более совершенными орудиями и боевой техникой. Русские вынуждены оказались затопить свои корабли в гавани Севастополя, заперев её тем самым от входа вражеских кораблей. Война стала сухопутной и сосредоточилась у г. Севастополя. Осада его немногим превосходящими силами французов, англичан, турок (и даже солдат, примкнувшего к ним Королевства Сардинии) длилась 350 дней! Город не мог получать должные подкрепления из центра России по причине ещё не развитых дорожных сообщений. Но защитники славного города,— не только солдаты, но и местные жители, даже женщины и дети, делали просто невероятное для отражения бесчисленных штурмов и атак врага! Враг убеждался в своей бессилии, нёс огромные потери. Погибали и многие герои — защитники Севастополя. За веру, Царя и Отечество отдали свои жизни адмиралы Нахимов, Корнилов,

Истомин, множество славных офицеров, рядовых, священников и жителей. Но город держался! Даже когда, сделав удачные подкопы вблизи русских позиций, союзники 27 августа 1855 г. начали общий штурм Севастополя, они смогли овладеть только Малаховым курганом, но не городом. Русские в порядке отступили из него. Несмотря на победы в Закавказье, где генерал Муравьев вновь взял важную крепость Карс, война для России была проиграна. По Парижскому мирному договору в марте 1856 г. Россия получала обратно Севастополь, в обмен на Карс, отказывалась от своих владений в устье Дуная в пользу Молдавии и Валахии, не имела права держать военный флот на Чёрном море, которое объявлялось «нейтральным», а Босфор и Дарданеллы закрывались для военных судов всех стран. На самым тяжким было то, что Россия теряла *право покровительства* над христианами — подданными Турции, они теперь ставились под протекторат всех великих держав.

Так пострадала Россия (впервые после длительного периода успехов!) за свою ревность по Святому Православию, верность братьям по вере и верность идеям Священного Союза стран Европы, хорошо показавших, что ничего священного (т.е. святого) они в этом Союзе видеть не хотят... Но в то же время, поскольку мириться долго со своим поражением Россия не собиралась, она определённо обнаруживала себя по отношению к другим народам именно как *Третий Рим* — вместилище Закона, справедливости, Православия, его проповедник и защитник во всём мире!

Государь Николай I не дожил до конца Крымской войны. Он тихо по-христиански отошёл ко Господу 18 февраля 1855 г. Перед кончиной он отрешился от всего земного. Даже донесения с театра военных действий он, не распечатывая, передавал сыну, будущему Государю Императору Александру II Николаевичу. Царь земной уходил на встречу с Царём Небесным... В его личной жизни были обстоятельства, требовавшие покаяния. Но он оставлял Россию, несмотря ни на что, на таком подъёме духовного и мирского величия и могущества, что последующим Самодержцам оставалось только продолжать начатое и заложенное им.

Глава 25

Народность.

В девизе Великороссийской жизни XIX в. — «Православие, Самодержавие, Народность» — это последнее, третье начало, или опора представляется наиболее неопределённой. Народ — явление достаточно пёстрое, как в сословном отношении, так и в отношении идейно-духовном. Основа Великорусского народа в XIX в., как и с древнейших времен, — крестьянство. Но нельзя исключать из понятия народ и иные сословия. Дворянство — тоже часть народа. Даже отрёкшиеся по существу от своей русской народности масоны — «декабристы» — часть народа. Простецы и учёные, подвижники монахи и разбойники, удалые казаки и осёдлые городские мещане — всё это тоже народ. Нако-

нец, и Государь Император, Самодержец Всероссийский, как человеческая личность — тоже частица народа, которым он Богом поставлен управлять. И чего только нет в этой многослойной массе! Если даже взять одно только русское крестьянство, крепче всех хранившее древние русские обычаи и нравы, основанные на «преданьях старины глубокой», то в нём, в его обычаях, нравах, преданьях — тоже чего только нет! Здесь соседствовали вера и безверие, целомудрие и похабщина, мудрость и глупость, мужество и малодушие, праведность и злодейство, щедрость и самая низменная корысть. Всё это содержится и в нравах, и в русском фольклоре, — во всём том, что и называют «народностью» народа. В те времена говорили: «Не стоит село без праведника». Это верно. Как и то, что не стояло оно и без колдуна (или колдуньи, знахарки), и без шлюхи... Поэтому нельзя идеализировать народ в его земной жизни и истории. Тем паче нельзя делать понятие «народ» отвлечённым и превращать его в некий идейный идол, истукан (а это нередко делалось, и в таких случаях истукану приносились кровавые жертвы — *идолы требуют жертв!*) И тем не менее, при всей социальной и нравственной пестроте у народа, как Исторической Личности, есть некое внутреннее объединяющее начало, которым определяются повороты, изгибы его жизненного пути, черты его национального, то есть личностного характера. Это сокровенное начало обнаруживается в том духовно-*нравственном образе*, который имеет *общенародное признание*, перед которым в почтении склоняются все — от праведника до шлюхи. Для Великорусского народа, как мы не раз отмечали, таким общепризнанным идеалом искони был образ человека, человеческой души, *всецело* посвящённых не «миру сему», а Богу из чистой любви ко Христу. Образ этот обретал определённую в святых подвижниках-монахах (старцах) и в юродивых Христа ради. Неотъемлемыми качествами его были: страх Божий, величайшее смирение, нелицемерная любовь, высота православно-христианской жизни. Эти и подобные им качества, свойства, черты составляли вместе то, что самим Великорусским народом было названо Святой Русью! И ярче всего дивный лик Святой Руси отображался в лике Богородицы на её русских иконах! Она, Пречистая, Пресвятая Дева Мария сообщала Русской Душе свойства, качества Своей Преподобнословенной Личности, так что они становились и качествами Великороссии как Исторической Личности. Она, Богородица, была солнцем Великороссии, её самой сильной сокровенной любовью, её Заступницей, её Матушкой! Святая Русь ощущала себя *Домом Пресвятой Богородицы*, в котором Богородица, следовательно, таинственно живёт, как Хозяйка, как Мать, как Спасительница любящих Её и прибегающих к Ней в радостном хвалении или слезном покаянии детей...

Как мы видели, общепризнанным всё это было примерно до второй половины XVII в. Потом началось *разделение*, раскол, болезненное *раздвоение* Русской Души. Часть её не без влияния и соблазнов Запада уклонилась в иное мировосприятие и самовосприятие. Наряду с древним исконным духовно-нравственным основанием Святой Руси во главе с Богородицей появилось новое, чуждое основание Руси суетной, порочной, устремлённой не к Богу, а к «миру сему». Появился и новый идеал человека — гордого, самостного, суетливого, «делового» (в XVIII в. такой именно человек признаётся наиболее «полезным Отечеству»!)

Тот и другой «идеалы» продолжают существовать с XIX в. Но уже видно (особенно после «декабристов»), к чему ведёт идеал новый, чуждый и чужой! Поэтому призыв вернуться к *«народности»* означает в своей глубинной основе призыв обратиться к *Святой Руси* во главе с Богородицей; и мы видим, какое дивное личное обращение к этому совершает Государь Александр I! Видим и то, что его младший брат, Государь Николай I сознательно возвращает Православную Самодержавную Монархию к тому, чтобы быть *ей хранилищем, вместилищем Святой Руси!* И — чтобы светила Великая Россия светом Православия и святости всему миру! *В этом* именно, а не в военном и денежном могуществе, видят теперь Государь и лучшие люди России *величие* своей державы, как Третьего Рима! Знаем мы и то, как одновременно с этим великим поворотом или обращением государственной политики и даже обуславливая его, происходит возрождение веры и духовности в России. В XIX в. вновь расцветает Русская Земля великими святыми чудотворцами, праведниками, старцами, церквями и монастырями! Наиболее единодушную поддержку всё это встречает в русском крестьянстве и иных слоях «простого» народа. Наибольшую, но — не всеобщую! Теперь уже и в самых недрах народа слишком большое, опасно большое влияние имеет сознательное отвержение Святой Руси и всякой святыни! Речь идёт, следовательно, о неких критических *количествах*, которые и должны определить общее склонение свободного произволения Великороссии в ту или иную сторону. За эти-то количества и разворачивается невиданная яростная борьба повсюду, но особенно — в «образованном» обществе и в ведущем слое государства.

Отчётливо различимы два основных потока. Часть «общества», иногда не без терзаний и поисков, идёт навстречу Святой Руси. Другая часть, напротив, ещё дальше бежит от неё! Приобщаемая к образованию часть «простого» народа тоже разделяется: одни идут вместе с Царём и Церковью, другие — вслед за «господами» и «учёными», либералами и революционерами. *Начинается процесс окончательной кристаллизации устоев и стремлений внутри Великороссии.* Оба потока, двигаясь вместе, рядом, но в противоположных направлениях постоянно соприкасаются, высекая искры, ожесточённо спорят. Споры идут в области философии и богословия, в литературе и искусстве, в общественной мысли. Спорят в государственных учреждениях, в стенах университетов и гимназий, на страницах книг и журналов, в светских салонах и в семьях.

В XIX в. русская литература и искусство уже не являются просто заимствованием западных образцов, подражанием им. Мы видим теперь нечто вроде «синтеза» западной культуры с русским духом. В этой «синтетике» преобладают безусловно западные начала. русский же дух показывает лишь то, что он способен *понять* западную культуру, сделать её отчасти «своей», т.е. усвоить. Но в связи с этим совершенствуется русский литературный язык, достигающий особенной чистоты у Пушкина, освобождающийся от ненужных примесей. Однако западные начала приносят в Русскую Душу немало порчи, в частности, заражают её *утопиями* о возможности построения Царства Божия на земле, от таковых утопий не свободны ни самые выдающиеся литераторы, ни мыслители, ни даже неграмотные крестьяне.

Об удивительном обращении Н. Гоголя мы уже упоминали. Это единственный случай сознательного, добровольного отречения «творческого человека» такого масштаба от своего творчества... После откровенной серьезнейшей беседы опального А.С. Пушкина с Николаем I происходит не менее удивительное обращение поэта к Святой Руси, к признанию новых устоев России — Православия, Самодержавия, Народности. «Господа, вот вам новый Пушкин», — сказал Царь, выходя вместе с поэтом после этой беседы. И сие было истинно так! Не из страха перед властью, не лицемерно, а искренне, по-настоящему Пушкин, друг «декабристов», светский шалопай, как в жизни так и в поэзии, после 1826 г. отрекается от вольнодумства и масонства и создаёт свои самые лучшие, самые великие произведения! Ему пришлось дорого за это заплатить! Пушкин — фигура особенная, *ключевая* для всей русской культуры. Это хорошо понял Государь Николай, почему и пошёл на особенную, предельно откровенную беседу с поэтом. Но это понимали и бывшие «братья» Пушкина — масоны. Пушкин, вступив в ложу «Овидий» в Кишинёве во время своей первой ссылки 4 мая 1821 г., сделал это, подобно многим другим, по неведению, как бы следуя светской «моде», тем паче, что тогда у него была слабость завидовать аристократам, заискивать перед ними и стараться войти в их «высшие» круги. Он не знал, что ложа «Овидий», созданная генералом Инзовым, подчинена более высокой ложе «Астрея», а та, в свою очередь, — ещё более высокой — «Великой провинциальной ложе», руководимой уже иностранными, западными «гроссмейстерами», а эта — ещё более высоким и тайным Капитулам... П.В. Анненков свидетельствует, что после этого за Пушкиным, его словами, поступками, образом мыслей тщательно следили. И, когда к 1837 г. выяснилось, с одной стороны, что Пушкин стал звездой первой величины в российской литературе и его слово определяет настроение многих умов «общества», а, с другой стороны, что он окончательно отошёл от масонских идей и не хочет к ним возвращаться, против него была пущена в ход интрига Геккерна и Дантеса. Оба они оказались масонами-тамплиерами. Известная клеветническая анонимка от «Капитула рогоносцев» Пушкину по поводу ни в чём не повинной его жены была нарочито составлена в масонских выражениях. Поэт должен был из этого понять, *кто и за что* его преследует, и что преследование будет беспощадным, не прекратится. И тогда Пушкин пошёл на дуэль. Своей кровью, жизнью он заплатил за ошибки и заблуждения юности. Творчество Пушкина, содержащее как «пшеницу» добрых произведений, так и «плевелы» произведений соблазнительных и вольнодумных, стало ещё при жизни его, а наипаче после смерти, использоваться как истинными сынами России, так и её врагами. Последними даже — с большим успехом! Здесь — трагедия почти всякого «секулярного», т.е. нецерковного творчества. Это хорошо понял Ф.М. Достоевский, тоже проделавший путь *обращения* от «демократических» настроений и идей в кружке еврея Буташевича-Петрашевского к Православию, Самодержавию, Народности. Отбыв каторгу за участие в этом кружке, Достоевский уже никогда *не играл* ни умом, ни пером. Он взял на себя тяжелейший крест — через художественные образы проповедать заблудшей российской интеллигенции две-три Евангельских истины. И Господь открыл ему внутреннее зрение к познанию и выражению некоторых важнейших духовных *законов жизни*, действие которых в людях

и их отношениях он и показал. Этим Достоевский выделяется во всей мировой литературе, где господствуют фантазии и выдумки о жизни, а не раскрытие *Богоопределённого устройства её*, «правдоподобность», но не правда! Таких обратившихся от антихриста ко Христу в XIX в. в России, кроме Пушкина, Гоголя, Достоевского (это лишь самые крупные имена) было очень много! И не только в литературе и искусстве, но и во всех других областях общественной жизни.

Однако в те же самые времена *не меньше, если не больше (!)* было и других писателей и публицистов, обращающихся от Христа к антихристу. Такое направление прослеживается уже в творчестве М.Ю. Лермонтова. От светлых, патриотических, истинно русских мотивов он движется определенно к демонизму («Мцыри», «Демон»), поддерживая и в известной мере создавая новый «культ», новой — *«демонической личности»*. Его Печорин — это уже не просто «лишний человек», вроде Онегина, это личность с бесовскими наклонностями. Демонизм привлекает «общество». Но он всё-таки тогда ещё крайность... «Общество» предпочитает идеал разрушителя жизни с целью её мнимого улучшения в духе революционных жидо-масонских идей. Таков у Тургенева Базаров, у Чернышевского — Рахметов. Либерально-демократические идеи в литературе и искусстве поддерживаются Герценом, *из-за границы* посылающим в Россию свои тлетворные идеи, выражаемые в журналах «Полярная звезда» и «Колокол». В том же направлении с меньшей откровенностью действуют и пишут в России Белинский (атеист и богохульник), Чернышевский, Добролюбов (— все из «разночинцев»). К ним примыкает из очень благородной родовитой семьи Салтыков-Щедрин, создатель серии злых карикатур на российскую жизнь. Граф Л.Н. Толстой, начав очень хорошо с «Севастопольских рассказов», продолжив в целом прекрасным произведением «Война и мир», постепенно, по гордости ума, отмеченной у него Амвросием Оптинским, скатывается в еретическое отрицание Церкви, в создание собственной секты «толстовцев», и написанию плохих романов «Анна Каренина», «Воскресение» и других. Как бы в стороне держатся некоторые дворянские писатели, вроде Тургенева и Гончарова, «просто» описывающие жизнь... Целенаправленно создаётся впечатление о литературе и искусстве как отображении, «зеркале» жизни, так что и сто лет спустя, уже в советское время молодёжь 40-х—60-х годов хочет видеть в писателях и артистах пророков и учителей, в художественном творчестве — «зеркало» жизни... Но верно было замечено И. Солоневичем, что вся русская литература — это *кривое зеркало!* А мы добавим, что она и по природе своей никаким «зеркалом» быть не может. К примеру, Гоголь, по его настойчивым утверждениям хотел в «Ревизоре» показать *человеческую душу*, где хозяйничают страсти (в виде дурных чиновников) и действует продажная, самовлюбленная совесть (Хлестаков), но, когда придёт Божий Суд, (настоящий ревизор) душа оказывается безответной (немая сцена). А поняли, точнее — *использовали (!)* Гоголевский «Ревизор» совершенно иначе, — как «правдивую» картину безобразности российского чиновничества, да и всей жизни! Салтыков-Щедрин руководствовался «благим намерением», осмеяв отрицательные явления жизни, содействовать их искоренению! Но получилось *другое* — сатирическое изображение якобы «правды» о глупости и мерзости российской жизни в целом «в условиях самодержавия»

вия»... Да и нет у литературы и искусства ни задачи, ни возможности быть «энциклопедией жизни!» В лучшем случае в них отражаются в неизбежно искажённом виде лишь некоторые отдельные чёточки действительности. О каких «зеркалах» и «энциклопедиях» можно говорить, если русские писатели и иные деятели культуры, за немногими исключениями, понятия не имели, что происходит в самом главном, — в области веры и Церкви Русского народа, радетелями которого они себя мнили! Пушкин, будучи современником преп. Серафима Саровского, ничего о нём не знал! А если и слышал кое-что, то не дал себе труда поехать и воочию посмотреть на это явление народного духа и духовности!..

Но умами «общества» пытаются руководить не только посредством художественного творчества. Большое значение приобретают философские и общественные идеи, выраженные непосредственно. Наиболее заметным явлением становится борьба между так называемыми «западниками» и «славянофилами». Наиболее выдающимися «западниками» считаются Чаадаев, Белинский, проф. Т.Н. Грановский, А.И. Герцен, Станкевич, Чернышевский, Добролюбов. На стороне «славянофилов» стоят Пушкин, кн. Одоевский, А.С. Хомяков, братья Киреевские, братья Аксаковы, Ю.Ф. Самарин, К. Леонтьев. Особую, как бы промежуточную позицию занимают Ф.И. Тютчев, Вл. Соловьев, К.П. Победоносцев. Предметом внимания и спора обоих направлений является вопрос о положении России относительно Европы и, исходя из этого, о дальнейшем развитии России. «Западники» полагают, что величие России в усвоении ею европейской культуры (некоторые говорят о «синтезе» русской и европейской культур) в том, чтобы «одухотворить» Европу и вместе с нею пойти по пути «цивилизации и прогресса», как они устраиваются именно Европой. Для них Россия, безусловно, «страна европейская», хотя и с определёнными особенностями. Западники вынуждены говорить об особенностях России, поскольку такие крупные мыслители Запада, как Шеллинг, Баадер, Мелер, считают Россию источником обновления Европы. Герцен писал оппонентам: «Вам нужно прошлое и его традиции, а нам нужно оторвать от них Россию. Мы не хотим России до Петра, потому что она для нас не существует, а вы не хотите новой России. Вы отрицаете её, как мы отрицаем древнюю Русь». Грановский в своей нашумевшей диссертации 1849 г. пришёл к отрицанию бессмертия души. Начитавшийся Гегеля Белинский заявил: «Философия всем открыла абсурдность христианской мысли». И в знаменитом письме к Гоголю добавил: «Россия ждёт от писателей спасения от православия, национальности и самодержавия»... Это был путь к совершенному материализму и полной бездуховности, по которому вскоре и пошли бесноватые революционеры, о каковых мы будем говорить особо. «Славянофилы» — название ещё более неточное, чем «западники», т.к. далеко не все из них думали о славянстве вообще и о России как части славянского мира. Большинство имели в виду одну только Россию и их можно было назвать скорей — «русофилами». Взгляды их не единообразны, в них можно найти как утверждения о полной самодостаточности России, её непримиримой противоположности Западу, совершенно особом пути, отрицающем всё западное, так и утверждения о том, что Россия любит Европу, тесно связана с ней, более того — призвана *спасти* Европу именно своей самобытностью, прежде всего — Православием, и примером своей жизни. Ф.М. Достоевский

проповедует небезосновательные (хотя и с ошибочными крайностями) идеи «всечеловечности» Русской Души, русской веры и культуры. По его мнению Русская Душа любит Европу, немыслима без неё, но, видя духовное опустошение Запада, погружение его в пошлость и безверие, призвана оживотворить Европу, да и весь мир, своей любовью и духовностью. «Славянофилы» стоят за возрождение допетровских устоев русской жизни, за крестьянскую «общину», за должную самостоятельность Церкви и восстановление Патриаршества. Мощным защитником Православия в русской «общественности» является А.С. Хомяков. В категориях, свойственных современности, как бы её языком, Хомяков сумел в ряде основательных произведений доказать, что «только Церковь *Православная* является *Церковью Христовой*, Его таинственным *телом*», Глава которому Он Сам (по Ап. Павлу). Все остальные «церкви» — отсечённые и обречённые на «засыхание» ветви, еретические безблагодатные сообщества. Работа Хомякова «Церковь одна» — непревзойдённое богословское сочинение, служащее по сей день прекрасным пособием против ереси «экуменического движения». Как видим, «славянофилы» ближе всех подошли к правде вещей, а такие, как Хомяков, полностью стоят в истине Божией. В «промежуточной» группе российских мыслителей выделяется поэт Тютчев, бывший также и опытным дипломатом. Он создал утопию «Великой Греко-Российской Восточной Империи», согласно которой Русский Император должен объединить обе «половины» Европы — Восточную и Западную, с включением австрийских земель в состав России. И тогда в Риме будет православный папа, а в Константинополе — православный патриарх. Почти то же самое проповедал потом Вл. Соловьёв, но, в отличие от Тютчева, полагал, что объединение Восточного (Православного) и западного (католического) христианства должно быть произведено Русским Императором под водительством Римско-католической церкви. Соловьёва горячо поддержал католик архиепископ Штрессмайер. К.П. Победоносцев — один из самых русских и самых православных мыслителей скептически относился к идеям «всёмирной миссии» России, пророчески видя, что произойдёт совсем другое — гибель России. Поэтому он всячески подчеркивал необходимость укрепления самодержавной власти, недопустимость никакого вольномыслия и западничества, особенно — в богословских вопросах. В. Соловьёв называл его «Великим Инквизитором», а автор этой «легенды» в романе «Братья Карамазовы» — Достоевский был другом и во многом учеником К.П. Победоносцева...

Итак, выдающимися «западниками» выступают уже разночинцы. Мы упоминали о них как о *новой* для России прослойке «образованных» людей, дополнивших «образованное» дворянское общество и составивших с ним некое единое целое, названное *«интеллигенцией»*. Это в своём роде уникальное явление. Типичный интеллигент А.П. Чехов так определил его в словах М. Горькому: «Русская интеллигенция в своем существе безбожна и материалистична. Для неё религиозные и национальные идеи Хомякова и его последователей не понятны».

Но как могло случиться, что русские люди — выходцы из духовенства, купечества, городского мещанства, иной раз даже из крестьянства (!) — оказались настолько *безбожны*, что духовные и национальные идеи и чувства стали для них непонятны?! Тому способствовало прежде всего самую своей природой светское *научное образование*. Поскольку большинство «естественных» и «гуманитарных»

знаний (наук) имеют, как мы уже отмечали, *демоническое* происхождение, постольку в таком именно, демоническом духе они неизбежно влияют на сознание и подсознание учащихся и учащихся (профессоров). Этим тут же пользовались ма-сонская и еврейская пропаганда для нарочитой обработки студенческой молодежи в либерально-демократическом, антирусском и антиправославном направлении. И особо нужно заметить пагубную роль *дворянства* в этом душерастлительном деле. Пользуясь тем, что разночинцы естественно смотрели на него «снизу вверх» как на бесспорный авторитет, «образованное» российское дворянство без труда отравляло их ядом своего вольнодумства, противления царской власти, презрительного отношения ко всему народному и православному, как к чему-то отсталому, невежественному, примитивному... «Что Россия?.. Вот Европа — это да-а!»... Как бы захлёбываясь от счастья, что им дали возможность приобщиться к западным наукам и культуре и, по получении университетского образования, их — «из грязи в князи» вылезших — стали принимать *на равных* в самом «благо-родном обществе», разночинцы-интеллигенты всячески старались «не ударить в грязь лицом» и явить себя порой даже более либеральными и не русскими, чем их наставники из дворян! Они скоро загорелись идеей поделиться с «тёмным» рус-ским народом своей образованностью и свободомыслием, «просветить» народ, из которого вышли. Возникло так называемое «народничество» с его практикой «хождения в народ» с целью пропаганды безбожных и революционных идей. «Хождение» кончилось крахом; народ не пожелал принять «народников», час-тенько просто выдавая их полиции. Бедные «народники»! Бедная «интеллиген-ция»! Она навсегда останется непонятой народом, и презируемой своими со-блазнителями. Некоторая часть «интеллигенции» скоро осатанеет до нечаевщи-ны и большевизма. Очень немногие из интеллигентов сумеют разобраться в сущ-ности вещей и вернуться к Православной Вере и подлинной народности. Но *ос-новная часть* русской интеллигенции так никогда ни к чему определенному и не придёт! Она обладает и по сей день поразительно убогоныим мышлением, кото-рое не идёт дальше обожания (культа!) «культурных ценностей» (в круг которых свалено все,— от цирковых кривляний до икон Рублёва (!) и трепетно-экзальти-рованного почитания еврейства. Последнее примечательно. Один из самых *пер-вых* признаков «интеллигентности» для русских интеллигентов — *«любовь» к ев-реям!*

Здесь сказалось уже прямое воздействие еврейской пропаганды. В России в XIX в. еврейство всё более распространяется, проникая в «общество», в студен-ческую среду, в «интеллигенцию». Поскольку всё идёт под «благороднейшими» вывесками свободы от темных предрассудков, русская интеллигенция в упор *не замечает* разлагающей, разрушительной деятельности евреев в России. Заметит потом, во время революций... Ко всем бедам, от этой деятельности исходящим, в XIX в. прибавилась ещё одна — зловещие слухи о ритуальных убийствах еврея-ми христианских младенцев. Эти слухи, равно как и эти убийства, имеют место по сей день, и не только в России. Интересно поэтому, как отзывалась на них Великороссия подлинная, настоящая. Для неё важно было узнать правду, как она есть, прежде всего. Министр Внутренних дел Л.А. Перовский поручил знаменитому В.И. Далю, составителю «Толкового словаря великорусско-го наречия» и «Словаря русских пословиц и поговорок», другу Пушкина,

исследовать этот вопрос. Вл. Даль с 1841 г. состоял чиновником особых поручений МВД России и имел доступ к самым секретным документам. В 1844 г. он составил записку, озаглавленную «Розыскание о убийении евреями христианских младенцев и употреблении крови их». Здесь Даль привёл наиболее достоверные случаи подобного злодейства, начиная с IV в. по Р.Х., уделил внимание 20-ти делам, разбиравшимся в начале XIX в., особенно «Велижскому делу» (1823—1835 г.г.), законченному в Госсовете,— всего 134 случая. На основании объективного изучения материала Даль сделал следующие выводы: «...Обвинение жидов в мученическом умерщвлении к Пасхе христианских младенцев невозможно считать призраком и суеверием. ...Изуверский обряд этот не только не принадлежит всем вообще евреям, но даже, без всякого сомнения, весьма немногим (евреям,— прот. Л.) известен. Он существует только в секте *хасидов* или *хасидым* — как это объяснено выше — секте самой упорной, фанатической, признающей один только Талмуд и раввинские книги и отрекшейся, так сказать, от Ветхого Завета; но и тут (т.е. у хасидов,— прот. Л.) составляет он большую тайну, может быть не всем им известен и, по крайней мере, конечно, не всеми хасидами и не всегда исполняется, но не подлежит однако же никакому сомнению, что он никогда не исчезал вовсе со времени распространения христианства, и что поныне появляются от времени до времени между жидами фанатики и каббалистические знахари, которые с этою двоякою целью посягают на мученическое убийение христианского младенца и употребляют кровь с мистически-религиозною и мнимо-волшебною целью.» Это исследование Даля было отпечатано в 1844 г. тиражом не более всего десяти (!) экземпляров, только для «служебного пользования» и составляло долго строгую тайну. Лишь в 1913 г. оно было опубликовано под названием «Записка о ритуальных убийствах». При этом издатели полагают, что такая публикация будет полезна не только русскому «обществу», но *самим же евреям*, поскольку снимает страшное обвинение со *всего* этого народа и потому содействует прекращению фантастических слухов и предотвращению еврейских погромов. Самое замечательное состоит в том, что евреев *берегли* в России! И не только подкупленные ими чиновники и истерическая интеллигенция. Берёт народ, народное сознание и чувство! Достоевский в «Записках из мёртвого дома» описывает случай, когда на каторге некоторых заключённых, возмущившихся было тем, что евреи не садятся с ними за один стол, другие *русские каторжники* урезонили доводом: «У них вера такая!»... И всё тут! И в этом, между прочим,— вся *Русская Душа в её отношении к другим народам и верам*, даже к такому народу как еврейский, и к такой вере, как определённо антихристианская — иудейская! Нельзя платить евреям «той же монетой», нельзя допускать, чтобы против них возникала волна слепой ненависти, могущая привести к гибели *невинных*, — таково было (и остаётся) общее мнение русских. Крайности и эксцессы еврейских погромов были именно эксцессами, а не правилом, не нормой, и иной раз провоцировались тайными вожжами самих же евреев с двоякой целью,— удержать еврейскую массу в послушании и моральной изоляции, и одновременно обвинить в антисемитизме другой народ. Потом мы ещё будем иметь нужду сказать, до каких зловещих преступлений против своего же еврейского народа (его беднейшей части) доходили вожжи еврейской «аристократии» или «элиты», и сделать выводы о сущности со-

временного еврейства и его значении во всемирной и в Великороссийской истории. Ныне же необходимо заметить, что в XIX в., особенно во второй его половине, во главе различных «революционно-демократических» антироссийских обществ, кружков, движений всё более и более становятся лица еврейского происхождения. Это *новое*, очень важное и знаменательное явление! Началось, пожалуй, в 1848 г. с кружка еврея Петрашевского, любившего забавляться тем, чтобы переодевшись женщиной, войти в церковь и безобразить там, или говорить безстыдные или богохульные слова, убегая потом от полиции. «Петрашевцы» стремились к свержению монархии, проповедали цареубийство. Пострадали многие из них, в том числе Достоевский. Буташевич-Петрашевский кончил на каторге сошествием с ума, как и Чернышевский. Было уже недалеко до кружков поклонников теорий еврея К. Маркса, о чём мы скажем в главе «Бесы».

Еврейство начало приобретать особое значение в российских делах также посредством капиталов, денег, влагаемых в начавшую бурно развиваться российскую промышленность. В конце XIX в. *срастание* российского (особенно — старообрядческого) капитала с еврейским в *банковской системе* стало заметным явлением жизни. Как стали уже чуть ли не обычаем женитьбы отпрысков самых знатных русских дворянских родов на красивых и умных еврейках. Государь Николай II с добродушным юмором отмечал еврейское происхождение семьи одного из Членов Императорского Дома!.. Дальше, как говорить, «ехать было некуда!»

Вся эта борьба и новые явления Великороссийской жизни не могли не сказываться и на жизни народных масс, прежде всего — крестьянства. А в «крестьянском вопросе» *главным* было дело отмены крепостного права. За эту отмену стояли единодушно все течения и группы «общества», кроме разве самых консервативных дворянских кругов, не очень значительных и сильных к тому времени. Как уже отмечалось после восстания «декабристов» дворянство, как *сословие* (не без исключений, конечно), было оттеснено от деятельного участия в государственном управлении. Его место заняло *чиновничество*. Всецело обязанное Государю и зависящее от службы ему, оно представлялось более надёжной опорой, чем дворянство, что и в самом деле в какой-то мере было так. Проекты «крестьянской реформы» создавались в чиновнической среде, в секрете об общественности, так что многие её представители думали, что самодержавие тормозит реформы, тогда как в действительности именно самодержавие их прежде всего и задумывало и разрабатывало достаточно давно. Промыслом Божиим было дано осуществить эти реформы Государю Императору Александру II Николаевичу, принявшему Престол Государства Российского 19 февраля 1855 г.

Некоторые склонны почти противопоставлять его отцу, Николаю I. Это совершенно неправильно! Александр II был в *полной* мере сыном своего отца, отличаясь лишь большей мягкостью характера и более «гуманитарным» образом воспитания, что было нарочито устроено отцом, пригласившим в качестве одного из учителей сына знаменитого поэта Жуковского. Александр Николаевич родился в 1818 г. В 1841 г. женился на принцессе Гессен-Дармштадской, ставшей по принятии Православия Марией Александровной. У них было несколько детей, двое сыновей — Николай и Александр. Старший был объявлен Наследником. Его и видели Хромовы в Томске в гостях у старца Фёдора Кузьмича.

Но он умер в молодости в 1865 г. Наследником стал следующий по старшинству Александр Александрович (будущий Император). Были ещё сыновья Алексей, Владимир, Сергей. Но Государь Александр II (да простит ему Господь!) повторил ошибку Павла I, Александра I, Николая I и некоторых древних Государей: он при живой жене связал себя с княгиней Е.М. Долгорукой, по смерти законной жены венчался с ней, правда — тайно, и дал ей титул княгини Юрьевской (у них тоже были дети).

Сразу по завершении дел, связанных с окончанием Крымской войны Государь Александр II принялся за дело отмены крепостного права. Ему помогали брат Великий Князь Константин Николаевич, вдова дяди, Михаила Павловича, Великая Княгиня Елена Павловна, князь В.А. Черкасский, граф Я.И. Ростовцев, Н.А. Милютин, Ю.Ф. Самарин и другие. Почти ровно 100 лет существования крепостного строя в России, по верному суждению знатоков вопроса, оказалось «неоспоримо более вредным для Русского народа, чем татарское иго». Нужно ясно отличать «крепостное право», о котором идёт речь, от процесса прикрепления крестьян к земле, происходившего, как мы видели, с XVI века. Ограничение, а затем и полное запрещение своевольного перехода крестьян с места на место в Московской Руси не было их *порабощением*. Крестьяне, в том числе и помещичьи, оставались правовыми личностями, находящимися под такой же защитой законов и власти Царя, как и их господа. «Прикрепление» крестьян к земле диктовалось необходимостью сохранить относительно немногочисленное трудовое население на больших площадях обрабатываемой в центре России земли, без чего *основа жизни страны* — сельское хозяйство было бы просто невозможно. Превращение же крестьян в *личную* или частную *собственность* помещиков, происшедшее при Екатерине II, и явившееся почти *рабовладением*, не вызывалось народно-хозяйственной необходимостью, но было устроено в угоду дворянству, приобретшему тогда определённую власть даже над Царями (точней Царицами). Это и есть *крепостное право*. В XIX в. оно становится, помимо всего прочего, тормозом народно-хозяйственного развития в силу хотя бы одного того, что с *увеличением народонаселения* на тех же российских земельных площадях, уже *невыгодно* держать его здесь, но выгодней стало дать населению возможность свободно уходить на новые земли. Кроме того подневольный труд крепостных крестьян в определённых случаях менее продуктивен, чем труд свободных. Однако есть здесь одна «тонкость», которую редко замечают. Русский крестьянин искони трудился на земле не в силу желания получать от неё как можно больше *прибыли*, а в силу Божия призвания к крестьянскому *образу жизни* в целом, со всеми входящими сюда сторонами, и *любви* к такому именно образу жизни, к земле, к труду на ней! Лишь в XVII в. происходит (вместе с другими «разделениями» и расколами) некое разделение и в крестьянстве. Часть его сохраняет древнее восприятие вещей, (или психологию), другая часть увлекается уже иным, *рациональным* устремлением, когда труд на земле видится преимущественно как источник дохода, даже обогащения. Для этой второй *новой* части крестьянства имеет значение то, что называется «материальной заинтересованностью», и такие крестьяне трудятся лучше, когда они полностью свободны распоряжаться итогами труда. Для первой же, исконной части крестьянства, сохранившей древнее мировосприятие, в сущнос-

ти не имеет особого значения, свободен ли крестьянин, или находится в относительной или даже полной, крепостнической зависимости от помещика. В последнем случае он может страдать или от чрезмерной доли барщины (оброка), иных злоупотреблений господина, или от того, что господин властен в любое время разлучить его с семьёй, продав в одиночку, без земли, или без суда сослать в Сибирь за незначительную провинность. Если же такой крестьянин не испытывал никаких притеснений и несправедливостей от барина, то он готов был с *любовью* оставаться его «собственностью» и работать на господина, что называется «не за страх, а за совесть»! Подобные отношения поистине христианской *любви* между помещиками и их крепостными крестьянами были отнюдь не редкостью (!) во весь век «крепостного права», сплошь и рядом встречались в XIX в. накануне реформ. Крестьянские «няни» и «дядьки» в дворянских семьях становились в полной мере членами семей, почитались и уважались и, в свою очередь, почитали своих «господ» и просто их любили. Такова реальная Пушкинская Арина Родионовна, таков его вымышленный, но именно «из жизни взятый» Савельич в «Капитанской дочке». Подобных примеров — великое множество! В них, в таких отношениях — Русь исконная, коренная, если угодно — Святая Русь! *Такое* крестьянство — *корень и опора* Святой Руси, Православной Церкви и всей Великороссии! Оно сохранялось очень долго, вплоть до «коллективизации» 1930-х годов, отдельные (теперь уже *крайне редкие*!) представители *такого* крестьянства попадают даже в наши дни!

Но в XIX в. уже очень заметным становится крестьянство *другое*, с новой психологией *стяжателя*. Из него выходят «мироеды» и «кулаки», в нём типической фигурой становится «хитрый мужичок», единственной святыней которого является «землица» (из-за неё он готов прирезать и соседа, и барина, независимо от того, как тот к нему относится). В такой среде живёт скрытая или явная ненависть к господам, процветают лживость, притворство, игра сродни лицедейству. Скоро, в начале XX в, в таком крестьянстве расцветает безбожие и хулиганство. *Такая* крестьянская среда — надежда масонов и демократов, а также П.А. Столыпина. Её часто станут принимать за выражение типично русских черт крестьянства и начнут (особенно в наши дни!) чуть ли не молиться на образ крестьянина с психологией стяжателя и собственника, «крепкого хозяина», умеющего «считать деньгу» и её «зашибать», как на «спасителя» русского сельского хозяйства... Это очередное заблуждение и следствие незнания и непонимания нашей истории. В XIX в. отчётливо видна и некая третья промежуточная категория крестьянства, как бы «потерянного», сбитого с толку. Это люди, не пустившиеся в наживу, но и потерявшие древние православные духовные устои. В *таком* крестьянстве, с одной стороны,— мечтательность и восприимчивость к любым суевериям и от господ исходящим утопиям. Нередки были случаи, когда группы крестьянских семейств, иной раз — вся деревня, сговорившись тайно, вдруг снимались с места и уезжали в некую «счастливую страну» или «землю», где, как в Раю, правда живёт... *Такое* крестьянство — добыча сектантов самых разных толков, каких в XIX в. расплодилось очень много (баптисты, молокане духоборы, адвентисты и т.д.) В нём же, в таком крестьянстве, с другой стороны,— безделье, пьянство и, как следствие, крайняя нищета и тоже — хулиганство. А это уже надежда и опора большевиков.

Повинны ли в *умножении* крестьянства второй и третьей категории господа дворяне и созданное ими крепостное право? Безусловно повинны. Хотя и не совсем так, как это представляют либералы и демократы. Жестокое безчеловечное отношение к крепостным *имело место* в дворянской среде, но *не было* чем-то *всеобщим* и слишком уж распространённым! Такие помещики-изуверы, как знаменитая Салтычиха, были исключением, а не правилом, и подобно ей, несли очень суровые наказания. Гораздо более значительным по своей вредоносности было влияние дворянства, отличавшегося *безразличием* к своим крестьянам, или даже «либерализмом», с которым часто соединялось прямое развращение крестьян революционно-демократическими масонскими идеями. Но *самой большой пагубой* периода крепостничества явилось то, что, поставив помещичьих крестьян в совершенно безправное и безгласное положение, российское дворянство сделало его за 100 лет в какой-то мере безразличным как к судьбе самого *дворянства*, так и к судьбе *государственной власти*.

Но нужно вспомнить, что в условиях крепостничества находилось далеко не всё Великороссийское крестьянство! Искони и до середины XIX в. существовали разного положения государственные *свободные* крестьяне («черносошные», удельные, «экономические»). Не знало крепостного права и российское казачество Дона, Кубани, Терека, Урала, Сибири, Дальнего Востока... Если совокупить его с государственными крестьянами, то окажется, что примерно половина российского крестьянства не знала рабского, крепостнического состояния! В этой свободной крестьянской среде можно увидеть все три вышеописанных категории людей. Но общей отличительной чертой свободных крестьян России была определенная независимость мышления и поведения и более деятельное участие в общественной и государственной жизни, больший интерес к судьбам страны.

Подготовив законодательную базу и подготовив в известной мере общественное мнение, Государь Александр II 19 февраля 1861 г. (в годовщину своего восшествия на Престол) подписал манифест об отмене крепостного права (текст его был составлен митрополитом Филаретом (Дроздовым) и Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. 5 марта воля Монарха была обнародована. Александр II навсегда вошёл в историю под именем Царя-Освободителя!

Крестьяне объявлялись лично свободными и за эту свободу не должны были платить ничего. Но *земля* признавалась собственностью помещиков. Помещики должны были предоставить крестьянам усадьбу и некоторое количество пахотной земли и иных угодий («полевой надел»). Размер надела был в разных местах разным и определялся соглашением помещиков с крестьянами. Усадьбы и наделы подлежали постепенному *выкупу*. Выкупить всё можно было и сразу, если были средства. До заключения соглашения о наделе крестьяне были *обязаны платить* помещику за усадьбы и наделы и назывались «временно-обязанными». После полного соглашения о наделе они становились «крестьянами-собственниками». Полное соглашение должно было быть заключено в течение двух лет. Освобождавшиеся таким образом крестьяне составляли по месту жительства «сельские общества» («общины»), объединявшиеся, в свою очередь, для управления и суда в «волости». В сёлах и воло-

стях действовало крестьянское *самоуправление* посредством выборных лиц. Община, называемая также «міром», имела *общинный порядок пользования землёй*, т.е. «мір» имел *право делить* и переделывать *землю* между крестьянами. Все повинности (уплата налогов и иных сборов) отбывались по правилу «круговой поруки», т.е. общине предъявлялись общие суммы сборов, а «мір» решал, кому сколько платить, чтобы получилась нужная сумма. То же касалось и трудовых повинностей (стройка дорог, мостов и т.п.). Если один не мог платить, или работать — за него платили или трудились другие, а он попадал к ним как бы в должники. Дворовые крестьяне, не работавшие на земле, могли после двух лет «временно-обязанного» состояния уходить на все четыре стороны, записываясь в иные сословия. Могли уходить также свободно и те крестьяне, которые не желали заниматься земледелием, или и раньше им не занимавшиеся, но работавшие на «отхожих промыслах» в городах, что было присуще Нечерноземью. Положение 19 февраля определяло особое устройство «выкупной операции», т.к. крестьяне в большинстве были просто не в состоянии выкупить свои усадьбы и наделы. Помещики после полного выяснения своих отношений с крестьянами и точного определения их земельных наделов немедленно получали от государства *полную стоимость* этих наделов в виде «выкупной ссуды», состоящей из доходных (ценных) процентных бумаг. Крестьяне же после этого становились *должниками государства* и могли платить долг в течение 49-ти лет (это называлось «выкупными платежами»). Таким образом, крестьяне практически *почти сразу* полностью освобождались от власти помещиков. Само собой разумеется, что отношения крестьян с помещиками далеко не всегда и не везде были простыми, часто возникали споры и разногласия, в основном по поводу наделов. Для разбора этих споров создавались должности «міровых посредников», избираемых из местных *дворян*. Они следили за правильностью и справедливостью соглашений и сделок, и они же наблюдали за крестьянским самоуправлением. Съезды міровых посредников решали в уездах важнейшие общие вопросы. В губерниях общее руководство ходом реформы возлагалось на «Губернское по крестьянским делам присутствие», состоявшее из важнейших чиновников и представителей *дворянства* под началом губернатора. Помещики могли часть земли оставить себе, но обрабатывать её должны были уже свободные *наёмные* работники (батраки) за плату, а не даром. Труд батраков использовали и те крестьяне, которым удалось прихватить слишком много «землицы». Отдельные средства проведения реформы впоследствии совершенствовались, дополнялись новыми положениями.

Из всех недостатков реформы, вполне неизбежных в таком великом деле (!), самым крупным было устройство «сельского общества», «общины». Такое устройство явилось результатом славянофильских теорий относительно древнего, допетровского образа организации сельской жизни. Но допетровская Московская Русь никогда *не знала общинного землепользования*. В этом вопросе славянофилы допустили большую ошибку. Она вошла в теорию и практику Реформы 1861 г. через Ростовцева, под влиянием Милютина и Самарина (при деятельном воздействии Аксакова). В древней Руси (России) искони крестьяне владели или пользовались земельными участками вполне самостоятельно,

по праву личного наследования или приобретения, и община (мір) никак на это владение не влияла. Некоторый общинный (міровой) порядок относился только к делу податей и повинностей. При Иване III возникает в северных землях и распространяется на остальные «община» как **податная единица**. Такой древней «общине» соответствует в известной степени разве только правило «круговой поруки», предусмотренное Положением 1861 г. относительно именно податей и повинностей. «Общины» же как **организации общинного землепользования** с правом «міра» делить и перераспределять наделы между членами «общины» на Руси никогда не было! **Такая** «община» явилась вполне **искусственным** учреждением, основанным на выдумке (или домыслах) теоретиков реформы. Но эта искусственная организация была принята в общественном мнении, как исконно-**русская**. И каких только теорий насчет неё не возникало! В такой «общине» народники, например, видели даже «зародыш социализма», а их противники умилённо взирали на неё как на **восстановленное** патриархальное **основание** жизни Великороссии! Меж тем новоявленная община сказывалась на крестьянской жизни крайне отрицательно. Освобождённые от власти помещиков крестьяне тут же угодили под власть «міра», где часто верховодили наиболее горластые вожаки, или «міроеды», так что зависимость от «міра» нередко оборачивалась кабалой ещё более худшей, чем зависимость от помещиков! К тому же в общем и целом крестьянские наделы получились малыми, недостаточными, иной раз были разорваны на части (чересполосица). Всё это стало угнетающе воздействовать на крестьян и сдерживать общее развитие сельского хозяйства. Последующие критики реформы справедливо замечают также, что она страдала чрезмерным «перекосом» в одну сторону, вдохновлялась более всего идеей немедленного освобождения крестьян от **помещиков**, не уделяя должного внимания вопросу, как и чем заменить для крестьян руководящую, сдерживающую, наконец, воспитательную функцию «господ»(помещиков). Действительно предоставленные, как бы в одночасье, самим себе, своему самоуправлению (после 100-летней **привычки** руководиться господином) могли ли, способны ли были русские крестьяне тотчас наладить своё самоуправление мудро и верно, во благо себе и Отечеству? Вот вопрос, о котором поначалу никто не хотел думать, иногда руководясь **иллюзией** о «врождённой» народной мудрости!.. Об этом стали думать, как у нас часто бывает, «задним числом», впоследствии, когда столкнулись с волнениями и брожениями в крестьянстве. Все отмеченные просчеты реформы 1861г. привели к тому, что крестьянство в целом оказалось **неудовлетворённым** в самых разных отношениях. В нём поползли слухи, что «господа» их опять обманули, что Царь даровал им **не такую** свободу, что подлинную «царскую волю» от них скрыли, а навязали «обманную». Этим тут же воспользовались «просветители» и революционеры всех мастей. Крестьянство постепенно стало прислушиваться более не к государственному чиновнику и бывшему господину, а к **студенту**, обещавшему «настоящую» волю и обильную «землю», увлекая крестьян идеей «топора», которым они сами всё это отвоюют у обманщиков-господ... В такой обстановке **только Церковь** осталась в качестве воспитателя и наставника народа, каковую задачу она тут же и начала ис-

полнять, хотя это было крайне трудно из-за стеснённого и бедного положения самой Церкви. Поэтому скоро возник вопрос о расширении и усилении прав и возможностей Русской Церкви. Самым сильным и влиятельным человеком, кто это вполне понимал, стал Победоносцев, сделавший очень много в этом направлении и тем вызвавший ненависть всех «демократов».

Но несмотря на недостатки и крупные просчёты, реформа 1861 г., конечно, взорвала и преобразила Великороссийскую жизнь. Огромная масса населения (около 22 миллионов) оказалась все-таки свободным и самоуправляющимся сословием (классом), юридически *равным* другим сословиям. Это немедленно вызывало необходимость устройства его жизни и деятельности на *новых* основаниях. Последовала знаменитая *земская реформа*, за ней — *судебная* и — *военная*.

В 1864 г. было создано «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». Вместо прежних институтов *сословного* самоуправления создавались теперь *всесословные*, или *общесословные* учреждения. Отныне к заведованию хозяйственными и общественными делами в каждой губернии и уезде привлекались выборные «гласные» от всех сословий населения, в том числе — от крестьянских общин. Уездные земские собрания решали общие дела под председательством *предводителя уездного дворянства*. Губернские земские собрания соответственно руководились губернским *предводителем дворянства*. Для ведения текущих дел собрания избирают постоянно действующие уездные и губернские земские управы. Всё это находится под наблюдением губернаторов и Министерства внутренних дел. В спорных случаях «земства» могут обращаться к Сенату. В круг ведения «земства» входят дела народного образования (школы), здравоохранения (больницы), благотворительности («социального обеспечения и защиты»), продовольственного снабжения, устройства дорог и мостов, страхования и т.п. Для обеспечения этих дел «земства» получают право сбора особого местного «земского налога», приобретения недвижимых имуществ. Священник, земский учитель, земский врач (или фельдшер), местный пристав, акцизный надзиратель (инспекция налогов (акцизов) на вино, сахар, табак и соль) составляют теперь *сельскую интеллигенцию* и становятся *ключевыми* фигурами в сельской местности, не менее, а то и более, авторитетными и влиятельными, чем помещик». Но на уровне *уезда* главенствует, как видим, представитель помещиков, дворянства. Так же — и на уровне *губернии*. «Городовое положение» 1870 г. устраивает подобное земскому городское *всесословное* самоуправление. В городские думы (собрания) и управы избираются представители купцов, промышленников, ремесленников, мещан, — всех, кто имеет определённого размера собственность и капиталы. Здесь влияние дворянства значительно меньше. Городской голова — как правило из богатых купцов или предпринимателей. Но «губернское по городским делам присутствие» находится под началом губернатора-дворянина. К тому же продолжают действовать уездные и губернские *дворянские* собрания как прежние узкосословные представительства. Таким образом, дворянство, перестав быть правящим сословием, становясь как бы *старшим среди равных* себе других сословий, всё же сохраняет определённое *ведущее* положение. Городские думы и управы ведают теми же делами, что и земства. Те и другие очень родственны и близки

друг другу, постоянно стремятся к объединению и согласованию своих действий. Городское и земское самоуправление чрезвычайно оживляют местную хозяйственную, общественную и культурную жизнь! И хотя *система* этих учреждений находится под контролем государства, она становится прекрасным механизмом проникновения в самые глубинки российской жизни влияния и воздействия *массонства*, ни на минуту не прекращающего своей деятельности в России!.. Вот почему очень скоро «земства» и городские думы начинают стремиться к участию своих представителей в *управлении государством*, т.е. к *парламентской* форме государственного устройства. Приходится насильно удерживать земства в круге только местных попечений и запрещать создание земских межгубернских корпораций смежных губерний. Но общение неизбежно происходит в неофициальном порядке! Омасоненное российское дворянство не хочет, не может смириться с потерей своей фактической власти над государством, но ищет теперь как бы окольным, кружным путём — через власть в земских учреждениях, настраивая их на *противостояние* самодержавию, поначалу как будто ради борьбы за народные («земские») интересы), а затем — ради борьбы *против* самого самодержавия, поскольку оно не желает идти на поводу у дворянства. Какая старая история! Невольно вспоминается *исток* Великороссии — время жизни и смерти Андрея Боголюбского!..

«Судебные уставы» 1864 г. очень существенно меняют весь «общественный климат» России! Суть судебной реформы сводится к тому, чтобы сделать судопроизводство России на всех уровнях и во всех областях максимально справедливым, неподкупным, основанным не на произволе судей, а на законе и (что очень важно!) на *общественном понимании* закона и его применения в каждом частном случае! Для решения гражданских тяжб, имущественных и иных споров, а также мелких уголовных преступлений создаются для крестьян *особые* «волостные суды». Для всех других сословий создаются две системы, — «мировых судей» (по гражданским делам и незначительным уголовным), *избираемых* уездными и городскими собраниями, и «окружных судов», члены которых *назначены* государством. В последних рассматриваются особо важные дела и крупные уголовные преступления. В последнем случае в окружных судах участвуют «присяжные заседатели», по жребию выбранные из населения. Государственный прокурор вступает в открытый поединок, состязание с защитником (адвокатом) с целью выяснить все стороны дела и установить истину. Всё это, то есть судебное следствие происходит гласно, при публике. Окончательное решение принадлежит не судье, а *присяжным*, выносящим свой «вердикт» после тайного меж собой совещания. На основании вердикта судьи формулируют приговор. Суд не зависит ни от каких учреждений власти. Так была создана самая совершенная в мире (!) того времени судебная система, быстро научившая всех *чувству законности* и хорошему *правосознанию*. Отменены были в связи с этим унижительные телесные наказания, вообще смягчена система наказаний.

Быстро стала вровень с самыми развитыми странами и армия России. Новые военные положения 1874 г. устанавливали вместо рекрутского набора всеобщую воинскую повинность, сокращая и срок службы до 6 лет (а в иных случаях и меньше). Одновременно происходило и перевооружение армии, ос-

нащение современной техникой. Служба в армии из сословной *повинности* превратилась в *высокий гражданский долг* служения Отечеству, его защите.

Промыслительно вышло так, что одновременно с освобождением крестьян началось бурное развитие промышленности, заводов и фабрик, для которых как раз нужны были *свободные* руки! Множество крестьян (особенно неплодородных губерний) устремились в города, резко увеличив сословие (класс) *рабочих*. Особым двигателем промышленного подъема России стало строительство *железнодорожной сети*. При Александре II было построено до 20 тыс. верст ж.д. магистрали! А что такое железные дороги? Это непременно — развитие угольной и рудной промышленности, металлургии и машиностроения (паровозостроительные и вагоностроительные ремонтные заводы), которое быстро тянет за собой, как за нитку бурный подъем всех других отраслей промышленности, торговли, а также неизбежное развитие банковского финансового дела. Короче говоря, в России начинается невиданных темпов бурное *развитие так называемого «капитализма»*. Теперь уже хорошо видно и известно, что это — «палка о двух концах», причем «конец» *губительных* последствий капитализма с его промышленным производством гораздо тяжелее и значительнее, чем тот «конец», что приносит быструю пользу, в основном в виде всё большего набора *элементов комфорта* для тех, кто способен за это *платить*. Но главное в том, что Россия посредством капитализма начинает *втягиваться в Зиккурат всемирного строительства масонской* новой «Вавилонской башни» («столпа до неба»), хотя делает это *по нужде*, не добровольно, из необходимости *обороны, защиты* себя и своих духовных ценностей от Запада, враждебность которого и агрессивность в отношении России постоянно дают себя знать! Отсюда давно всеми подмечаемый феномен хронического *отставания* промышленно-технического развития России от Запада (хотя далеко не во всех областях и показателях). В Великорусской Душе *в целом* не было и нет пристрастия и стремления к преуспеянию во внешних суетных делах, в земном благополучии любой ценой, как главной *цели жизни!* Но это — именно *в целом*, в общем, а в частности, в отдельных людях и сословиях такое пристрастие, конечно, есть и ничем не отличается от западного! Но и то сказать, что не имея *пристрастия* к земному, Великороссия никогда не была и *принципиально против* повышения уровня своего земного благополучия, если это идёт *не в ущерб* главному — жизни с Богом и стремлению к Царству Небесному. Поэтому всесторонний, всеобщий подъем российской жизни после 1861 г. естественно рассматривать, как проявление могучих сил Великорусской натуры! Так это и рассматривали и верные сыны России, и её внешние и внутренние враги...

Как уже не раз раньше бывало, первыми стали шалить гордые, но дурные поляки! Александр II сразу после восшествия на Престол отменил многие строгости в отношении Польши, разрешил польским эмигрантам-революционерам 1831 г. вернуться, освободил из ссылок в Сибири попавших туда особо опасных польских бунтовщиков. Из Польши был отозван Паскевич и во главе администрации поставлен поляк маркиз Велиопольский. Наместником Царства Польского стал либерально настроенный брат Государя Великий Князь Константин Николаевич. Россия в 1861 г. решила вновь дать Польше

самоуправление (Конституцию) и провести ряд других преобразований в пользу поляков, чем успешно занимался Великопольский. Но тут началось нечто на первый взгляд непонятное. На Великокого Князя и на патриота Великопольского последовали несколько покушений, стали возникать «тайные общества» с целью организовать восстание. В чём было дело? Дело было не в мнимой угнетённости Польши, а в том *всестороннем усилении* России, которая могла теперь позволить себе дать Польше все необходимые ей свободы и права! Западное масонство, вполне солидарное в данном случае с послушными ему европейскими правительствами, вполне разделяло *страх* этих правительств перед усилением России, не столько даже политическим и военным, сколько — *духовным*, т.к. последнее неизбежно подрывало авторитет масонских идей в странах Запада. Из «видимой тьмы», или «невидимого света» тайных масонских центров Европы явным и тайным «братьям» — масонам Польши было *приказано* произвести восстание, подлинные цели которого мы скоро увидим. Польские «каменщики» нажали на испытанный рычаг «патриотизма», точнее — польского национализма. Вновь громко зазвучали призывы возродить Великую Польшу до Западной Двины и Днепра!. Идея — в существе своём совершенно ложная и обманная, т.к. всем было ясно, что здесь речь идёт не о Польше, а об исконно *русских* землях, воссоединённых с Россией ценой большой крови в течение столетий, от которых Россия никогда не откажется! Такая идея внедрялась в умы польской «общественности» с явно *провокационной* целью — вызвать *столкновение* с Россией, что дало бы повод европейским державам вмешаться, и вновь, как в 1856 г., *подавить* Россию, *заставить* её слушаться. Масонам-полякам удалось создать отменно налаженную сеть конспиративных центров по всей стране, планомерно собиравших бунтовщиков и оружие. По команде, одновременно, в январе 1863 г. все они подняли открытое восстание, произведя впечатление, что поднялась *вся* Польша и Литва. Повстанцы напали на русские военные гарнизоны, полилась кровь. Всё пошло *по плану*. Россия, естественно, приняла нужные меры. На подавление масонского бунта в самую Польшу был послан граф Берг, в Литву — граф М.Н. Муравьёв. Последний справился быстро, первому пришлось потрудней, но к лету 1864 г. всё везде было приведено в порядок. Как и нужно было ожидать, в *разгар* восстания, в апреле 1863 г. Англия, Австрия и Франция обратились к России с лицемерным «выражением надежды», что Россия вскоре «дарует» мир полякам (скрытый ультиматум). Летом того же года демарш тех же держав *повторился*, при этом Франция и примкнувшая к делу Англии (а как же без неё!..) потребовали созыва европейской конференции по «Польскому вопросу», дабы совместно «обсудить» будущее Польши. Точно тот же прием, что в отношении русско-турецких дел и защиты православных в турецких владениях! Но Польша и Литва — это владения России и она сама уже не та, что 10 лет назад. Александр II приказал канцлеру (министру иностранных дел) князю А.М. Горчакову твёрдо ответить Европе, что Россия *не допустит* её вмешиваться в свои внутренние дела. Ответ Горчакова был опубликован и вызвал в России большой патриотический подъём, так что даже российские демократы-масоны вынуждены были *придержаться языки!* Европа тоже должна была отступить. Масонские тайные центры поняли, что невозможно иначе совладать с Россией, как вызвав восстание, *революцию* в ней са-

мой. Отныне и до 1917 г. это становится **главным** направлением подрывной работы против России всех её явных и тайных врагов. В Польше проведена была крестьянская реформа, сродни российской, упразднена относительная самостоятельность Польши, которая получила теперь название Привисленских губерний. Повсеместно была введена русская администрация и юридическим языком стал русский. В Западных и Юго-Западных близких к Польше русских землях было всемерно поднято во всех отношениях исконно православно-русское начало жизни. Даже в Холмской губернии множество униатов пожелали стать православными! Здесь нельзя не заметить ошибочной крайности Великороссийской политики. Русификация, вполне оправданная в собственно русских землях, бывших когда-то за Польшей, **не оправдана** в собственно Польских, исконно Польских краях! В них нужно было бы действовать иначе.

Продолжается движение России на Восток и в Среднюю Азию. Приобретается устье Амура и оба его берега, Приморье. Япония отдаёт России половину о. Сахалин в обмен на Курильские острова. В Полинезии ещё в начале века открываются русскими и объявляются владения России около 50 островов и островков. Русский учёный Миклухо-Маклай добывает мирным путём для России часть Новой Гвинеи. Мореходы Лазарев и Беллинсгаузен в 1820 г. утверждают присутствие России на берегах Антарктиды (на парусных судах!).. Продолжается освоение Аляски и Северной Калифорнии (с островами). Государь и его дипломатия понимают, что некоторые новые приобретения в столь отдалённых местах земного шара приводят к неизбежности неоправданных столкновений с США и иными державами мира из-за земель, которые Россия **не сможет** теперь удержать. Исходя из своих интересов и **во имя мира в мире**, Россия должна держать только то, что практически может, и что ей насущно необходимо, — вот **главный принцип** российской политики в Тихоокеанском бассейне. Исходя из него, в 1867 г. Россия (за символическую «плату» в 6 миллионов долларов) уступает Аляску и свои владения в Калифорнии США, имея в виду именно избежать ненужного военного столкновения с этой державой. Но при этом оговаривается право Русской Церковной Миссии продолжать свою деятельность в этих местах Америки. Многие в «обществе» были против «продажи» Аляски. Но жизнь показала верность этого шага: США и Россия никогда не воевали друг с другом. Острова в Полинезии по тем же причинам уступаются Франции и Англии, русская часть Новой Гвинеи — Германии.

В 1860-х г.г. генералы Верёвкин и Черняев присоединяют к России Кокандское ханство. Но в 1870-х г.г. здесь вспыхивает мятеж, успешно подавляемый в 1876 г. знаменитым Скобелевым. Хан становится подданным Российской Империи. Почти одновременно приводятся в послушание Бухарское ханство (в 1868г.) и Хивинское (в 1873г.). На Кавказе князь А.И. Барятинский в 1859 г. взял последний оплот Шамиля аул Гуниб. Шамиль попал в плен, если только это можно было назвать пленом! Одно время в качестве дорогого гостя он жил у Барятинского **дома**, под Курском. Потом был ласково принят Царём. Шамиль и его семья получили многие почести и льготы. В России умели ценить мужественных и благородных противников! «Немирные» черкесы Кавказа были в 1864 г. замиренны так, что не желавшим

быть в подданстве России предоставили право *уехать* в Турцию! И уехало свободно до 200 тысяч горцев. Остальные остались при условии не баловать и служить Белому Царю вместе с русскими.

В 1875 г. началось обострение обстановки на Балканах. Здесь опять слишком ясно видна рука «вольных каменщиков». Между прочим, это их самоназвание «франкмасон» — русский народ перевёл в «фармазон», каковым именем стал обозначать человека — жулика и пройдоху... «Фармазоны» в среде славянских народов Балкан под прикрытием «национальных идей» и используя действительные национально-духовные чувства, устроили ряд провокационных восстаний против турецкого султана. Россия держалась тогда того мнения, что Турцию не нужно уничтожать, или даже ослаблять, нужно лишь добиваться от неё человеческого и справедливого отношения к подвластным ей Православным народам. Россия понимала, что, как и в Греции, в славянских народах Балкан зачинщиками восстаний являются именно «фармазоны», которых она хорошо теперь знала по своим внутренним и внешним делам, и потому не спешила тотчас поддерживать эти восстания. Но провокация масонов удалась в том отношении, что Турция с невероятной жестокостью и зверствами по отношению к христианскому мирному населению стала подавлять восстание в Боснии и Герцеговине и в Болгарии. В ответ в 1876 г. Сербия и Черногория начали войну с Турцией. Во главе сербских войск стал русский отставной генерал Черняев (покоритель Ташкента). В России поднялась волна солидарности с «братьями славянами», всеобщего сочувствия им. Как и в 1863 г., вся российская «общественность» оказалась на редкость единодушной в требовании к правительству вмешаться и защитить славян. Россия предложила европейским державам срочно созвать конференцию по этим делам. В начале 1877 г. международная конференция состоялась, и не где-нибудь, а в Константинополе. Однако, тайно побуждаемый или подстрекаемый кем-то из европейских стран, *султан наотрез отказался* выполнить требования конференции о прекращении зверств и проведении насущных реформ в славянских землях (чего он никогда не осмелился бы сделать, если бы все европейские страны *действительно* потребовали этого!). Тогда Александр II 12 апреля 1877 г. объявил Турции войну. Риск был огромен. Могла повториться ситуация 1853-56 г.г. Едва ли здесь не была заключена такая же провокация, как и Польская! Но Государь решился на этот шаг, показав тем самым, что Россия вполне восстановилась после Крымской войны и вновь способна твёрдо участвовать в европейских делах! Военные действия одновременно открылись на Дунае и на Кавказе. Образовавшееся из княжеств Молдавии и Валахии Румынское государство стало на сторону России. Героическая эпопея на Шипке, славное взятие русскими (с участием болгар) Плевны, переход через Балканы к Софии покрыли неувядаемой славой русские знамёна. Отличились особо Великий Князь Николай Николаевич (старший), генералы Гурко, Скобелев, Радецкий, на Кавказе — Великий Князь Михаил Николаевич. Воевал в Болгарии и Наследник, Великий Князь Александр Александрович. 28 ноября слалась Плевна. На Кавказе к этому времени были взяты Карс, Батум, осаждён Эрзерум. В декабре 1877 г. русские подошли к Константинополю. Победа была полной. Но тут у Принцевых островов и в Босфоре появился *Английский флот* с явной угрозой России! Англия! Вот кто вёл

свою тайную игру против России. Султан всё же запросил мира. Но наш Государь не убоился английских кораблей и приказал поставить штаб-квартиру Российских войск прямо у них на виду в Сан-Стефано, в 10-13 км. от Константинополя. Здесь состоялось подписание предварительного мирного договора с Турцией, очень выгодного для России и славянских народов (февраль 1878 г.). Тут же договор был опротестован Англией и Австрией, с которыми у России возник такой конфликт, что Россия стала готовиться к *войне* с ними! Чувствуя, что дело теперь может кончиться для них плохо, европейские страны разыграли спектакль с миротворческой инициативой Германского канцлера Бисмарка, пригласившего всех в Берлин для решения дела мирным образом. Россия в своё время помогла Бисмарку в историческом деле объединения ранее разрозненных немецких земель-государств в единое Германское государство. Бисмарк делал вид признательности и дружбы. Россия верила и полагалась в европейской политике на союз с новой Германией. Но на Берлинском Конгрессе 1878 г. Бисмарк хитро повёл дело не в пользу России. В итоге новый договор, выработанный здесь, лишал Россию некоторых достижений и значительно сокращал выгоды славянских народов, вызвав тем самым их разочарование, особенно в Болгарии, которая вместо того, чтобы стать одним государством, искусственно разделялась на два и оставалась под главенством Турции. Но королевства Сербии и Румынии всё же были признаны независимыми (хотя земельные приобретения Сербии и Черногории урезывались). Россия получала вновь устье Дуная и г. Батум. А Босния и Герцеговина почему-то передавались *Австрии* во «временное» распоряжение для устройства в них «нормального управления». Так была заложена *мина*, которая, по замыслу масонов, должна была взорваться потом новой Балканской войной с целью разгрома и уничтожения России. Бисмарк на конгрессе назвал себя «честным маклером». Но иначе восприняли его в России. Здесь возмущение его поведением оказалось столь сильным, что Бисмарк счёл нужным тайно (на случай войны с Россией) создать с Австрией, а позднее и с Италией знаменитый «Тройственный союз». Так что, несмотря на то, что Западу в этот раз удалось уменьшить завоевания России, он ясно увидел в ней могучую великую мировую державу, которая *не даст* масонству построить мнимый его «Соломонов храм» в человечестве, (а на деле — Вавилонскую башню с Великим Иудейским Царём (т.е. с Антихристом) во главе. Тогда из тайных центров европейского масонства масонству российскому последовал *приказ: убить Царя и, по возможности, замутить Россию революцией*. Только этим и можно объяснить тот невероятный по своей кажущейся нелепости факт, что против Царя милостивого, а не жестокого, Царя — «Освободителя» (!), реформатора, человека с добрым характером, буквально возродившего и преобразовавшего к лучшему Отечество, повелась сразу после *победоносной* войны 1877-78 г.г. отчаянная «охота» с целью убийства его во что бы то ни стало! Каракозов стрелял в Государя на улице, Гартман (он же Мейер) пытался взорвать Царский поезд близ Москвы, Халтурин устроил взрыв в Зимнем дворце, были и иные покушения. Одновременно в конце 1870-х-начале 1880-х годов последовали покушения на видных чиновников и государственных деятелей России. За основными акциями стояла недавно созданная партия «Народная воля». Её члены, наконец, сумели устроить «удачное» покушение на

Царя. 1 марта 1881 г. во время прогулки в карете Государь Александр II был смертельно ранен бомбой революционеров и быстро скончался в Зимнем. На месте злодейского и ничем не оправданного убийства потом был построен в Петербурге знаменитый Храм на Крови — памятник скорби Великороссии об одном из достойнейших своих Царей.

Кто же были эти отбросы Русского народа, что так жаждали гибели своей же страны? Кем они направлялись? Как организовывались? Их духовно-нравственный облик хорошо был изображён Достоевским в романе, который он очень верно назвал — «Бесы».

Глава 26

«БЕСЫ».

В этом романе Достоевского поразительно точно подмечены два важнейших направления, или стремления, или духовного тяготения революционеров, — *убийство и самоубийство*. Несмотря на очевидную противоестественность обоих побуждений, они, на самом деле, вполне *естественны* для падшего, *повреждённого грехом* человечества, несущего в своей природе, в природе падшего Адама (и Евы) Божий приговор: «смертию умрете» (Быт. 2, 17). Первый же сын человеческий — Каин явился и первым убийцей, убившим брата Авеля из совершенно *иррационального* чувства *злости* — *зависти* к праведности Авеля пред Богом. Таким же иррациональным является и сладострастная жажда смерти, самоуничтожения, самоубийства, тоже присущая повреждённой человеческой природе, что хорошо подмечено Пушкиным в «Пире во время чумы». Современный мыслитель академик И. Шафаревич прекрасно доказал на основании исторических примеров (с древнейших времён до наших дней), что в основе «социализма», и как теории, и как практики, лежит скрытое стремление человечества к *самоуничтожению*. Временами оно становилось явным и проявлялось как в «философских» восхвалениях самоубийства в эллинском мире, накануне Первого Пришествия Христова, так и в подобных же «философских» и «поэтических» похвалах самоубийству близ Второго Его Пришествия, т.е. в новейшие времена, в частности в конце XIX — начале XX в.в. Самоубийство становится особенно привлекательным, если оно связано с «возвышенными целями», чаще всего — ради «блага человечества» (народа), или как акт последнего «вызова Богу», последнего отказа повиновения Ему и законам жизни, установленным Им. Пафос такого самоубийства был присущ очень многим российским революционерам. Этим пафосом они потом, после 1917г., пытались заразить советскую молодежь, воспитывая её на образах Прометея, Икара, Горьковских Данко и Сокола и примерами «пламенных» революционеров. Ибо служитель идеи должен постоянно «гореть», до «*сгорания на работе*» (в науке, искусстве, в борьбе и т. д.). В революционном движении убийства и самоубийства тесно связываются, смыкаются, т.к. революция *всегда* принципиально предполагает одиночные или массовые убийства и при пути к ним готовность убийц, в свою очередь,

быть *убитыми* или *убить себя*, когда становится очевидным полное поражение. Эта связь обнаруживается уже в Иуде, предавшем Христа на распятие (*убийство*) и быстро затем в отчаянии удавившемся (*самоубийство*). По мнению многих отцов Церкви, если бы Иуда прибежал к распятому и ещё не умершему на Кресте Господу с *покаянием*, то он был бы *прощён*! Почему же он не сделал (*не смог* сделать) этого? Потому что, по слову Евангелия, «*сатана* уже вошёл в него». Но что открыло доступ сатане в сердце Иуды? Зависть к Учителю, а также страсть сребролюбия. Запомним это! А пока обратим внимание на то, что *убийство и самоубийство* могут обладать человеком не в здравом, а в «омрачённом» страстями уме, *по действию сатаны или дьявола*, которого Христос называет «человекоубийцей от начала», «лжецом и отцом лжи». В какой связи даются Иисусом Христом такие определения? В связи с определением *духовного состояния* не верующих во Христа *иудеев*. Однажды, находясь в смешанной толпе евреев уверовавших и не уверовавших в Него, Христос говорил уверовавшим: «Если пребудете в слове Моём, то вы истинно Мои ученики. И познаете истину, и истина сделает вас свободными». Не уверовавшие возразили: «Мы семя Авраамово и не были рабами никому никогда, как же Ты говоришь: «сделаетесь свободными»? Иисус отвечал им: истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха. ...Знаю, что вы семя Авраамово, однако *ищете убить* Меня, потому что слово Моё не вмещается в вас. Я говорю то, что видел у Отца Моего; а вы делаете то, что видели у отца вашего. Сказали Ему в ответ: отец наш есть Авраам. Иисус сказал им: ... если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы. А теперь *ищете убить* Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога: Авраам этого не делал. Вы делаете дела отца вашего. На это сказали Ему: мы не от любодеяния рождены. одного Отца имеем, Бога. Иисус сказал им: если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшёл и пришёл... Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что *не можете* слышать слова Моего. *Ваш отец дьявол*, и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был *человекоубийца от начала* и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит своё; ибо *он лжец и отец лжи*». (Ин.8, 31-44).

Отсюда нетрудно видеть, что вся мировая антицерковь, или «Церковь лукавующих» (Пс. 25, 5) оформившаяся в XVII-XIX в.в. в сложную многоликую систему иудео-масонства и руководимых им политических, революционных партий, движений, оккультных обществ, «просветительских», культурных движений, спиритических, либеральных. студенческих, рабочих кружков и организаций и т.п. явилась по существу «*церковью*» *дьявола и аггелов его — бесов* (демонов) и потому в самой глубине своей была основана на *убийстве и лжи*. Такая «Церковь» не могла не являть себя, и являла (!), также в некоем определённом (голом) виде *сатанинских* религиозных сообществ, сект, «церквей». Они, имея исторически очень древнее происхождение, существуя в разных народах в XIX в., расплодилось благодаря либерализации и демократизации, в немалом количестве в Европе, Америке, Индии, иных местах, *соединяясь* с иудейством и масонством, составив с ними *единое целое*. В таких сугубо сатанинских сообществах, помимо убийства уголовного и политического, практиковалось (и практикуется) убийство чисто религиозное, *ритуальное*. 5 мая 1994 г. по Российскому

телевидению в рубрике «Тайны истории» была показана передача, посвящённая современной «масонерии» с её сверхтайными сектами. В ней демонстрировались *документальные кадры* очень секретной съёмки «чёрной мессы» в секте «Цепь Мириам». Камера безстрастно и объективно фиксировала, как разрезают труп умершего (убитого) человека, как достают окровавленный внутренний орган (сердце или печень), как его тут же «в сыром виде», с наслаждением откусывая, пожирают участники «мессы» — мужчины и женщины — и, входя в экстаз, раздеваются и начинают совокупляться (рядом с трупом), обмазывая тела друг друга свежей человеческой кровью. Экстаз невелик, так себе — некоторое одурение, похожее на опьянение вином, или наркотиком... Ведущий передачи пояснял, что это делается в конечном счете для достижения бессмертия и превращения человека в некое безполое «новое» существо. Подобные и иные мерзости практикуются и в иных сатанинских сообществах; так что уже упомянутое ранее нами ритуальное убийство в среде хасидов, — это частный и не самый кошмарный случай более широкого общего явления в системе сатанинских учреждений. Если кто-то подумает, что все эти чудовищные извращения являются исключением, “эксцессом” иудео-масонства, чем-то выходящим из ряда вон, то он ошибётся. Это — сверхтайное *ядро, подоснова* мировой антицеркви, или церкви дьявола. Поскольку сия церковь является именно *церковью* (с отрицательным знаком) она имеет и должна иметь определенные жертвоприношения, в параллель Церкви Божией, Христовой. Последняя основана, как на камне, или некоей закваске, на таинстве Причащения Тела и Крови Богочеловека Иисуса Христа. Церковь сатаны основана на тайне причастия тела и крови приносимых в жертву, или используемых *людей*, на убийстве ритуальном. Подобие, как видим, извращённое и неадекватное. Плоть и кровь смертных людей бессмертия дать не могут. Пролитие крови человеческой строжайше запрещено Богом ещё в Ветхом Завете и подтверждено в Новом. Употребление крови животных (мяса с кровью) также строжайше запрещено с неоднократным пояснением, что «в крови — душа всякого животного» (в одном месте — прямо: «кровь — это душа»). Дьявол и бесы это всё *знают!* Для чего же возбуждают вдохновляемых или особо «посвящённых» людей к чёрномагическим ритуалам употребления человеческой крови (иногда с плотью), то есть к вампиризму, к превращению людей — участников сатанинских «мессы» в некое подобие кровожадных свиней? Во-первых, для того, чтобы приобщить теснейшим образом (тесней не может быть!) своих поклонников — людей к дьявольскому состоянию *«человекоубийцы от начала»* и, под условием такого приобщения, *дать* (во-вторых) добровольным «вампирам» и «свиньям» то, чего они так домогаются, — нечеловеческие, *сверхчеловеческие силы* для действия в мире в любых (во всех!) областях: в политике, науке, искусстве, бизнесе и т.д., и т.п., а прежде всего, конечно, в деле дальнейшего укрепления и расширения церкви дьявола в человеческом роде для последующего приведения его к поклонению грядущему Антихристу и через него — самому дьяволу, Люциферу. Но дьявол — дух и для него важно убийство духовное, т.е. вовлечение человека в «смерть вторую», которая есть вечное богоотчуждение с пребыванием в аду. Поэтому особенно ценится дьяволом также самоубийство и убийство людей чисто духовного характера, когда они, следуя путем *гордостного* совершенство-

вания и очищения от плотских страстей, тянутся к общению с сатаной как источником, отцом *гордости*. Такие сатанисты также получают нужные силы из преисподней. На высших степенях посвящения они вполне признают и убийство телесное, т.к. считают себя по ту сторону добра и зла. Цель у них с вампирами — одна. С этой целью, как уже говорилось, создается Новая Вавилонская башня научно-промышленного прогресса и интеграции (объединения) народов, государств, религий, в том числе «христианских» церквей (экуменизм) в некое единство, в «общее дело» (республика) *служения* Великому Иудейскому Царю, т.е. антихристу, апокалиптическому «зверю» из моря, число имени которого человеческое — 666, а вместе с тем и самому «зверю» из бездны — диаволу. Здесь — конечное убийство и самоубийство человечества. Непосвящённым профанам или масонам первых низших степеней посвящения всего этого не раскрывается (намекается только, что есть некие «великие тайны», до которых надо духовно дорасти). Им, профанам и малопосвящённым, внушается другое — необходимость и возможность без Бога и вопреки Богу построить здесь на земле «райскую жизнь» и «сотворить себе имя» с помощью этого Вавилонского столпотворения. Так дураков *зажигают* идеей служения высшему благу народа, человечества, «светлому будущему»... В отличие от Церкви Божией, церковь Люцифера не является единой; он не делатель мира и согласия, но напротив — делатель разделения и вражды. Поэтому с поверхностного взгляда церковь диавола представляется скопищем противоречивых, иногда как будто взаимоисключающих, сообществ и течений, часто враждующих друг с другом. Так что какой-нибудь теософ, антропософ, йог, дзен-буддист, или поклонник Н. Рериха может брезгливо морщиться при упоминании о «чёрных мессах» с человеческими жертвоприношениями. Но эта внешняя разноголосица, грызня и вражда меж собой различных сообществ (партий, идеологий) нисколько не отменяет их *внутреннего единства*, как подвластных явно или тайно одному источнику — Люциферу (символически изображаемому в виде змия или дракона), пребывающих в одной антицеркви, получающих *силу* от одной закваски — *человекоубийства*. Оно воистину — как закваска, квасящая всё тесто «церкви лукавнующих». Чем больше и чаще убийства, тем больше у людей сатанинских сил, энергии, тем гуще непосредственное присутствие аггелов преисподней — бесов в человеческой жизни и делах. Но диавол и бесы — исконные завистники и ненавистники людей, сотворённых по образу и подобию Божию! И потому вовлечение людей в диаволопоклонство, вплоть до человекоубийства, — это для диавола-змия сладострастная возможность безконечно *издеваться* над своими поклонниками и безконечно *мучить* их самым неопишемым образом отчасти уже здесь, а в полной мере — в области вечности, в аду. Заставляя их убивать и обманывать, диавол сам убивает и обманывает их, ибо «он лжец и отец лжи». Вырваться из этого круга обмана и злодейства наделённый *свободой воли* человек может только через покаяние и подлинное обращение ко Христу, что многим удавалось и удаётся. В мировой системе церкви диавола чисто ритуальное убийство связано с любым другим видом убийства, в том числе — с политическим. Поэтому иной раз трудно провести между ними границу и определить, где ритуальное, а где политическое убийство. Можно говорить в каждом данном случае лишь о том, что такое-то убийство имело преимущественно

политический характер, а иное — преимущественно ритуальный, магический. Особенно это относится к убийству Царей — Помазанников Божиих. Здесь всегда скрыта параллель убиению, распятию Христа как Мессии (Помазанника) и Царя Славы. Да и вся человекоубийственная направленность антицеркви имеет своим духовным *средоточием* убийство Богочеловека, Иисуса Христа. Но он принял смерть добровольно за грехи мира и дал по Воскресении Своём возможность в Нём, как в «Новом Адаме», по слову Ап. Павла, всем желающим обретать *избавление от смерти*, и воскресать в *жизнь вечную Царства Небесного!* Смертию смерть поправ... Отсюда, приобщая определённых людей к своему человекоубийству, диавол знает, что в отношении объектов насилия, христиан, убийство — это для него не победа, а *поражение*: «победа» (и то мнимая) тогда, когда человек *добровольно* отрекается от Христа и начинает служить антихристу (антихристианству).

Итак, какая же историческая расстановка сил, какое положение вещей открывается перед нами в связи со всем вышеизложенным?

В антицеркви диавола-змия из всех народов, в неё вовлеченных, особое, *первенствующее* место занял еврейский народ именно потому, что был некогда (до отвержения от Христа) народом богоизбранным, *народом — Церковью* Ветхого Завета. Разогнанный, расселённый после 70-го и 135 г.г. по Р.Х. по всему миру, сделавшись мрачной *тенью* древнего Израиля, но с ошибочными претензиями на *избранность и на господство* в мире, этот народ прочно удерживался кагалом и раввинами в сознании и чувстве своей исключительности и превосходства над другими. Можно представить себе, сколь болезненно должны были быть его переживания при виде Христианской Церкви в народах Европы, которые все в совокупности оказались теперь *избранным* Божиим народом — Церковью Нового Завета, как бы «новым Израилем», каковое название давно открыто звучало в Церкви! Будучи теперь, по слову Спасителя, «сынами диавола», «исполняющими похоти» этого своего «отца», иудеи, во-первых, исполнились зависти и тайной злобы к Христианству. Во-вторых, они постарались извратить и исказить своё же учение Ветхого Завета, богоданный Моисеев закон, пророчества о Христе — с помощью Талмуда (сборника толкований Закона и Пророков) так, чтобы выходило, что они, несмотря ни на что, по-прежнему «богоизбранные» и их «настоящий» Мессия ещё придёт в будущем и сделает их господами над всеми другими народами. Но это — для еврейского плебса, для *массы* «простых» евреев. Для *посвящённых* же сионских мудрецов-талмудистов основой их учения и веры давно сделалось Каббала (свод магических знаний). Иудеи ещё во время своего вавилонского пленения в VI в. до Р.Х. взяли её от вавилонян (халдеев), *славившихся* во всём мире *особым* развитием чёрной и белой магии. Обогащённая магическими тайнознаниями Египта, Эллинского мира, Индии и Дальнего Востока, а также собственными разработками, Каббала стала «еврейской Каббалой». В этом синтезе тайных наук было очень многое, — от сохранившихся древних рецептов организации человечества в строительстве «столпа до неба» (Вавилонской башни) до различных рецептов магического общения с диаволом и бесами для получения нужных сил (в том числе, — ритуальных человеческих жертвоприношений). В-третьих, с помощью этой Кабаллы иудеи,

точней — их тайные *вожди*, начали разлагать Христианство, веру и Церковь европейцев путем создания *масонства* в разных его облициях и ритуалах,— от Тамплиеров, Розенкрейцеров, Мальтийцев до Великого Востока Франции и прочих лож «вольных каменщиков» разных обрядов (ритуалов). Известный раввин Исаак М. Визе в 1855 г. писал: *«Масонство есть иудейское учреждение, которого история, степени, должности, пропуски и толкования от начала до конца иудейские»*. Нам нужно запомнить это навсегда. Разложение Запада шло также путём развития науки и техники, капитализма (с его сребролюбием) и финансовых систем, устройства революций, восстаний, войн, переворотов, еретических движений Реформации и протестантизма, сектантства, до создания заведомо сатанинских сект и сообществ. Так, более или менее «мирными» средствами соблазна и обмана (не исключавшими, конечно, и убийства с насилием) вожди талмудического иудаизма достигли своей цели: Запад в христианском, духовном отношении разложился и деградировал. Православный Восток («Рим» второй) расколотый, порабощённый арабами и турками, перестал быть сколь-нибудь существенной силой. Оставался только «Третий Рим» — Россия. Евреев в ней не было почти. В древности в Европе о ней, её народе почти не знали, потом узнали, но очень мало и недостаточно. Её тоже попытались соблазнить. В XVIII в. это почти удалось, по крайней мере, так показалось. Великороссия сильно качнулась к растленному Западу, много от этого растления хлебнула. Но в конце XVIII и в XIX в.в., как бы опомнившись, отшатнулась от соблазна и начала возврат к своим исконным православным устоям. Одновременно обнаружилось, что Россия не просто одно из христианских государств,— она становится *самым мощным* государством Европы и мира. И к великому удивлению «посвящённых» выяснилось в XIX в. также, *что в лице России, Великорусского народа Богом воздвигнут в человечестве народ новый, особый (!), поистине — избранный (!) народ-Церковь*, наделённый Божиим благословением, *как древний Израиль*. Для свидетельства правды всему миру! Выяснилось и то, что Великорусский народ всё это *осознал* и определил себя в понятиях «Третий Рим», «Новый Израиль»(!) и даже — *Новый Иерусалим* (то есть земной образ Царства Небесного)!.. В тесном союзе с Церковью и с Православной Самодержавной Монархией, этот народ, переболев западным соблазном, набирает силы и становится всё более ясно, что вновь соблазнить, совратить его, и заставить измениться (разложиться) «мирными» средствами уже невозможно. Таким образом оказалось, что во Всемирной Церкви Божией, Христовой, также есть один народ, занимающий *первенствующее положение*, и этот народ — Великорусский!

Во всемирной истории новейших времен в человечестве стали друг против друга Церковь Божия и церковь диавола, и в них *два народа-гиганта*: богоизбранный Русский и *потерявший богоизбранность* Еврейский. Народ-Богоносец и народ-Богоборец. Свет и тьма. Как Авель и Каин, как Христос и пылающие завистью к Нему иудеи. Народу-Богоборцу со всею организованною им в человечестве церковью диавола оставалось только одно: *убить соперника!* Иначе тот *не даст* осуществить всё, что задумано. И хотя ни на минуту не упускались из употребления средства соблазна, совращения, *главным* по отношению к Великороссии стало *убийство*.

В 1850 г. в Европе возникает Международный союз рабочих, как одна из масонских организаций. Оценив перспективы рабочего движения, в него, через масонство, входят, а затем берут в нём лидерство еврей К. Маркс и его соратник Ф. Энгельс. Они уже давно присматривались к рабочему движению. В 1848 г. уже был написан «Манифест Коммунистической партии» со знаменитыми словами о «призраке коммунизма», который «бродит по Европе»... В 1864 г. на съезде в Лондоне ими учреждается «Международное товарищество рабочих», или «Интернационал», поначалу называвшийся в женском роде — «Интернационалка». Возникает девиз: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» «Призрак коммунизма» требует не только отмены частной собственности и преобразования буржуазного общества, но и упразднения брака, семьи, ну и, конечно, безпощадных революций ради светлого будущего. К.Маркс — духовный сатанист. В юношеских стихах своих он очень образно и точно описывает, как и для чего он общается с дьяволом. «Адским смрадом», «ударяющем (ему) в голову», питается его сознание. Он чувствует приток необычайных сил и видит свою главную цель — ниспровергнуть Престол Бога в человечестве и вознести престол культа *самого себя*. После этого он готов пребывать в вечности вместе с сатаной. Близко знавшие Маркса свидетельствуют о его чрезвычайной гордости. Маркс не уважал никого и особенно любил, — за глаза, разумеется, — издеваться над рабочими, зубрящими его сочинения, как Св. Писание. Единственные, перед кем Маркс преклонялся, были настоящие, потомственные *аристократы*. Сокрушить их с помощью рабочей массы было одной из его вожделенных задач. В 1870 г. в Женеве создаётся «*Русская секция*» Интернационалки, поручающая Марксу представлять свои интересы в Ген. Совете. В 1876 г. Интернационалка распускается, чтобы потом опять возродиться во 2-м и 3-м виде. Семени «марксизма» попадают на нужную почву в разных странах, в том числе в России. От марксизма тогда же отходят анархисты во главе с русским дворянином Бакуниным, потом — князем Кропоткиным. В России от них образуются радикальные организации нигилистического характера, в Испании — создаётся знаменитая «Чёрная рука». В 1879 г. происходит неудачное покушение Гартмана (Мейера) на Александра II. Гартману удаётся бежать во Францию, где масоны спасают его от преследования российского правительства. По этому поводу в 1880 г. происходит интересная переписка между двумя высокой посвящённости масонами — Феликсом Пиа и Джузеппе Гарибальди. Пиа пишет: «Последнее покушение на всероссийского деспота подтверждает Вашу легендарную фразу: «Интернационалка есть солнце будущего!» и говорит о необходимости защитить «нашего храброго друга Гартмана». Отвечая, Гарибальди хвалит Гартмана, и заявляет: «*Политическое убийство есть секрет благополучного осуществления революции*». И добавляет: «Не товарищам Гартмана место в Сибири, а — *христианскому духовенству*». В 1881 г., встреченный бурей оваций, Гартман прибыл в Америку, где на одном из рабочих собраний заявил, что приехал в США (!) с целью... помочь *Русскому народу* (!) завоевать свободу. В 1873 г. происходит соглашение вождей мирового масонства с вождями еврейского масонского сообщества (ордена) *Бнай Брит* (сыновья союза) о том, что всё масонство, и без того созданное и практически руководимое евреями, отныне и *формально* будет находиться под руководством посвящённых

иудеев. В конце века в России начинают создаваться рабочие союзы часто в виде стачечных «рабочих касс», которые, как выясняется, руководятся масонами из интеллигентов. Об этих кассовых союзах-товариществах французский масон Массэ в 1899 г. пишет так: «Основатели этих сообществ, имеющих ритуальный характер, охотно обращаются к некоторым нашим братьям для лекций и беседований. Нам предстоит изучать тех молодых людей, которые входят в эти сообщества, дабы развить в них масонский дух»... Анархистское крыло рабочего движения не скрывает вовсе своего масонского характера и происхождения. Рабочему движению в 1880 г. масоны предписывают «волновать христианские страны, начиная с Франции и России». В 1904 г. масонский Конвент в Мальмезоне решил и разработал *план российской революции в 1905 г.* Некий Нечаев создаёт организацию «Народная расправа», сочиняет известный «Катехизис революционера». Он становится духовным учителем В.И. Ульянова (Ленина). Нечаев утверждал: *Ненависть и насилие — два рычага будущей русской революции*. Нечаев действовал слишком неосторожно. В 1869 г. в его организации было совершено убийство студента, подозреваемого в предательстве, что получило огласку и подняло большой шум в «обществе». Только поэтому, по причине нежелательного шума, Интернационал, а впоследствии Ленин *на словах* осудили «нечаевщину». На деле же, особенно после прихода к власти, Ленин ярко показал, что он достойный ученик своего учителя! Руководившее российским революционным движением и постоянно державшее его под контролем западное масонство в XIX в. достигло больших успехов. В 1867 г. масоны создают «Международную Лигу мира и свободы» во главе с Гарибальди. В ней впервые выдвигается идея *Соединённых Штатов Европы* под масонским руководством. Масоны хвастались тем, что Римско-Католическая церковь, Ватикан «лежит поверженным у их ног». В 1881 г. бельгийский масон Фрели писал: «Долой Распятого! Ты, который вот уже 18 веков держишь мир под Твоим ярмом, Твоё царство кончено. Не нужен Бог!» Ему вторила в том же году известная основательница Теософского общества Блаватская («россиянка»): «Наша цель не в том, чтобы восстановить индивидуализм, а в том, чтобы смести христианство с лица земли». Эти мысли развивала её подруга А. Безант: «Атеист — один из самых славных титулов человечества, знак отличия мировых героев, ... мучеников, ... спасителей мира... *Честь и слава тому, кто в своем усердии о человеке забыл Бога!*» На некоторых масонских съездах практиковалось глумление над образом Креста с распятым на нём Господом. Распятие вешали вверх ногами, плевали на него, спускали на него из верхнего туалета нечистоты.

Маркс, как мы видели, в душе атеистом не был, но построил своё официальное, *скрытое* учение на принципах «научного» материализма-атеизма. В его учении верно подметили духовно-идейные основы еврейской Каббалы: принципы *эволюции*, как в природе, так в общественной истории, а также *пантеизм* (хотя в Каббале он сочетается и с дуализмом), которые у Маркса легко превращены в «научный диалектический материализм». Им нужно было заразить в особенности Русский народ, чтобы только оторвать его от веры во Христа. Но в дальнейшем атеизм планировалось совершенно отвергнуть. Вот как об этом говорят вожди мирового масонства. Альберт Пайк в 1871 г. писал: «Для полного торжества масонства понадобятся три мировые войны; в третьей из них

будет уничтожен мусульманский мир, после чего мы спровоцируем гигантские социальные потрясения, ужасы которых покажут всем *гибельность безверия*. Революционное меньшинство будет уничтожено, а разочаровавшееся в христианстве большинство, стремясь к идеалу, но не зная, где он, получит истинный свет учения Люцифера... Затем мы одновременно уничтожим и *христианство и атеизм*. Пусть не точно во всём, но в главном, в общем, этот план вполне осуществляется на наших глазах. Еврейский теоретик (и практик) Ашер Гинцберг в 1889 г. утверждал: «Когда мы (евреи — прот. Л.) воцаримся, нам не желательно будет существование другой религии, кроме нашей... Поэтому мы должны разрушить всякие верования. Если от этого родятся современные атеисты, то как *переходная* ступень, это не мешает нашим видам, а послужит примером для тех поколений, которые будут слушать проповеди наши о религии Моисея...» Гинцберг говорит также, что «*Русское Самодержавие — единственный в мире серьёзный наш враг, если не считать папство*». Но папство можно было тогда уже не считать... В таком случае прежде всего к России должны быть отнесены и такие его изречения: «Если (гоевские правительства — прот. Л.) восстанут на нас, мы (евреи) ответим им американскими (!), японскими (!) и китайскими (!) пушками». Это перекликается с откровениями Пайка. Для нас важно, что идея *мировой войны* с ближайшей целью *сокрушения* христианства, и прежде всего Православной Самодержавной России, появляется уже в 70-х — 80-х годах XIX в. Действительно, ещё К. Маркс писал: «Грядущая *мировая война* сотрёт с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые *реакционные народы* (!). И это тоже прогресс!» В 1888 г. В. Ульянов (Ленин) вступает в марксистский кружок, в 1895 г. создаёт свой «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», где в руководстве большая часть — евреи. В 1897 г. создаётся чисто еврейская рабочая организация — Бунд. В 1898 г. она входит коллективным членом в Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП), созданную на I-м её съезде в Минске, в руководстве каковой партии, кроме бундовцев, также немало евреев. Большая часть делегатов 2-го съезда РСДРП в 1903 г. — евреи. На этом съезде происходит разделение партии на «большевиков» и «меньшевиков». Те и другие получают в 1905 г. в Лондоне крупные суммы денег на революцию в России от Фабианского общества и распределяют их меж собой. При этом большевики ещё получили большие деньги от богатого американского фабриканта Джозефа Фелса. Субсидировала революцию 1905 г. и Япония, о чём мы ещё особо скажем. В конце 1889 г. или самом начале 1890 г. в Одессе упомянутый Ашер Гинцберг, из учёных хасидов, взявший себе псевдоним «Ахад Хам», создал пока всего из семи человек чисто еврейское тайное общество «Бне Мойше» (сыны Моисея), которое впоследствии, преобразовавшись в «Бне-Сион» и получив даже разрешение на легальное существование в России, стало ведущим во всем сионистском движении, постепенно подчинив своим идеям и западную (европейскую и американскую) часть сионизма, ядром которой является «Бнай Брит». Ахадхамизм прямо поставил *целью* сионистского движения еврейской «сверхнации» не просто возвращение Палестины и создание там Израильского государства, а подчинение евреям всех гоев, всех народов мира! Краткий общий план этого Ахад Хам впервые изложил в виде

тезисов для тех семи одесских друзей, что составили в 1889 г. «Бне Мойше» и озаглавил их «Протоколы Сионских Мудрецов», тем самым подчеркнув, что здесь не только его личные взгляды и планы, но то, что он почерпнул после усердного изучения мудрецов-талмудистов, учителей иудаистской религии. Впоследствии эти протоколы были трижды (1905, 1912 и 1917 г.г.) опубликованы С.А. Нилусом, но было неизвестно, кем и когда они написаны. Еврейская (да и интеллигентская российская) «общественность» много возмущалась, объявив «Протоколы» гнусной антисемитской подделкой. Теперь о них многое выяснено. Есть несколько списков (вариантов), даже как бы «изводов» этого документа, который, значит, редактировался несколькими авторитетами. Одна из редакций и принадлежит Гинцбергу (Хаму). Гинцберг написал «Протоколы» на древнееврейском языке. В 1897 г. в Базеле состоялся 1-й Конгресс сионистов. Во главе его тогда находился Т. Герцль (из Австрии), автор книги «Еврейское государство». Герцль был **ярм противником** радикализма Гинцберга, считая, что это может повредить еврейскому делу. Руководители Конгресса пожелали однако познакомиться с «Протоколами», которые для них, не знавших древнееврейского языка, были переведены на французский. В таком, французском варианте они и попали агенту российской разведки. С французского их перевели на русский, а этот вторичный перевод и был опубликован С.А. Нилусом. Таким образом, «Протоколы» не были официальным документом Базельского Конгресса, но составляли часть тех секретных материалов, которые изучались руководителями сионистского движения. «Секретность» важна была для того, чтобы революционеры других стран, в том числе — России, **не знали**, кому они на самом деле служат, и — в каких видах и целях!

В начале 1900-х годов еврейско-масонско-рабочее движение в России пошло разрастаться бурными темпами, при сочувствии и поддержке интеллигенции (а как же, — во имя свободы, равенства, братства!). Оно шло рядом, бок о бок с движением **террористов**, которые вновь подняли голову (партия «эсеров»). В оправдание революционного движения и тогда и потом, как правило, указывалось на «обнищание» пролетариата и крестьянства, на «угнетение» и «деспотизм» самодержавия по отношению ко всему народу. Теперь, после всего того, что люди видели в истории СССР, и видят ныне, в 1990-х годах в России, рассуждения о «бедности» и «безправии» народа до революции 1917 г. выглядят уже смешными и почти не нуждаются в опровержении.

...Спустя определённое время, уже после революции 1917 г., после окончания Гражданской войны, один из учёнейших российских архиереев, основатель Русской Зарубежной Церкви, блаженной памяти Митрополит Антоний (Храповицкий) писал: «Масонство есть интернациональная мировая революционная организация **борьбы с Богом**, с национальной государственностью, особенно, с государственностью христианской. В этой интернациональной организации первое место по силе влияния и значения принадлежит еврейской нации, которой присуще богоборчество со дня распятия Христа Спасителя. **Иудаизм исторически связан, с масонством самыми тайными узами в своей ожесточённой борьбе с христианством и в связи с мессианским устремлением к мировому владычеству**».

Вот что стало проникать в Россию во второй половине XIX в. с какой-то невероятной настойчивостью, заражая многих русских, привлекая на Русскую Землю *непосредственное вторжение* легионов *невидимых* дьявольских слуг — бесов, возмущавших души и умы, разрушавших нормальное сознание, делавших из обычных людей *психически больных* (таковы многие русские люди у Достоевского). В итоге, вместе со светлой, духовной, здоровой и Православной Россией, тяготевшей к Святой Руси, *в то же самое время* становился всё более многочислен и замечен совсем *другой народ*. О нём, об этом порченом и соблазнившемся народе тот же Владыка Антоний (Храповицкий) в 1899 г. в Казанском журнале «Деятель» написал: «Это уже не народ, но *гниющий труп*, который гниение своё принимает за жизнь, а живут на нём и в нём лишь кроты, черви и поганые насекомые, радующиеся тому, что тело умерло и гниёт, ибо в живом теле не было бы удовлетворения их жадности, не было бы для них жизни». Это получилось, по мысли Владыки Антония потому, что «общество» покидало «спасительный корабль веры», а «государственное существование, основанное на народном *себялюбии* и чуждом религиозной идее», лишается всякого «разумного смысла».

Кажется, что это сказано сейчас, в 1990-х годах, о том жалком и несчастном скопище, которое по традиции и недоразумению ещё называется «русским народом», но не является таковым, а лишь обломками, остатками, прахом, или пеплом народа!.. Но нет, это сказано ещё в 1899 г.! Однако тогда, в те времена «государственное существование» России основывалось не только на себялюбии народа и его безверии и даже совсем не на них, а на том подавляющем большинстве народа и общества, что были подлинно *Православной Великороссией*. И она, эта настоящая Россия, восходила в конце XIX — начале XX в. на невиданную доселе высоту могущества и славы, как бы на свою историческую фаворскую вершину!

Глава 27

ВЕЛИКОРОССИЯ НА ФАВОРЕ.

Сознательной задачей вступившего на Престол в 1881г. Государя Императора Александра III стало *умиротворение* как внутри России, так и в международных отношениях. Следствие по делу убийц Александра II из «Народной воли» выявило, что уже с 1876 г. в Лондоне действовала еврейская организация, собиравшая средства для «Земли и воли» и «Народной воли». Во главе организации стояли российские евреи Либерман, Гольденберг, Цукерман и другие. В самой России в указанных революционных партиях, наряду с русскими (Желябов, Перовская), действовали Ярончик, Натансон, Аптекман, Геся Гельфман, Зунделевич, Фриденсон и т.п. Убийство Александра II вызвало бурю возмущения как в народе (произошли даже еврейские погромы), так даже и в «обществе», где ещё сильны были позиции умеренных, «культурных» либералов. Казнь главных участников злодеяния была молчаливо одобрена всеми.

«Народная воля» (как выяснилось, весьма немногочисленная) была разогнана. Наступил длительный период гражданского мира. Революционеры всех типов вынуждены были действовать довольно вяло, тихо и в подполье. Террористические акты прекратились. Александр III подверг пересмотру все узаконения времён своего отца. Он не рассматривал реформы 1860-х — 70-х годов как абсолютное благо и постарался внести в них такие поправки, которые содействовали бы укреплению верховной власти и авторитета государства в обществе и народе. Ближайшим помощником и советником Александра III в этих делах был его учитель права К.П. Победоносцев (1827-1907). Он был человеком выдающихся дарований и личных качеств, глубоко православным и по-настоящему русским. Профессор Московского университета, почётный член многих иных университетов и Французской академии, К.П. Победоносцев внёс очень большой вклад в правоведение. Его «Курс гражданского права» признан выдающимся трудом в этой области. Сенатор и член Государственного Совета, он был назначен Обер-прокурором Святейшего Синода и пребывал в этой должности 25 лет. Победоносцев стал по желанию Александра III и учителем Наследника, будущего Царя-мученика Николая II Александровича. В области государственной жизни, отношений Церкви и государства К.П. Победоносцев — *ключевая* фигура рубежа XIX — начала XX в.в. — времени самого напряженного, ответственного и опасного. Нужно поэтому привести мнение о его деятельности Митрополита (тогда — епископа Волынского) Антония (Храповицкого), которое ценно тем более, что Антоний в некоторых важных вопросах расходился с Победоносцевым и никогда не был в числе приближённых к последнему лиц. «Я сознавал всегда, — писал Победоносцеву Владыка, — что *просвещение народа в единении с церковью*, начатое в 1884 г. исключительно благодаря Вам... есть дело великое, святое, вечное, тем более возвышающее Вашу заслугу Церкви, престолу и отечеству, что в этом деле Вы были нравственно почти одиноки. Вы не были продолжателем административной рутины, как пытаются представить Вас жалкие, бездарные критики. Напротив, Вы подымали целину жизни и быта, брались за дела, нужные России, но до Вас администрации неведомые...».

Далее епископ Антоний перечисляет важнейшие из этих дел, — церковно-приходские школы, попытку приближения духовных школ (академий и семинарий) к жизни народа и Церкви (натолкнувшаяся, правда, на «косность самоуверенной и схоластической сословной громады»), распространение Священного Писания и духовных знаний в народе, успешное обращение умов духовенства к допетровским образцам богослужения, пения, вообще церковного искусства, благотворное воздействие на Александра III, приказавшего «строить православные храмы в православном их архитектурном благолепии, а не в безобразном виде еретических капищ» (намёк на петровскую и послепетровскую архитектуру)... Владыка Антоний свидетельствует, что *80-е годы XIX в.* «столь ненавистные ненавистным для России либералам, но ценные в глазах истинно русского патриота, как годы *реформы нравов*, ... *отрезвление* русских умов и *обращение их к родной забытой старине*, имели (в лице К.П. Победоносцева) одного из главных вдохновителей собирания Руси (!) — в области убеждений и нравов — и несомненно самого главного — в области преобразований административных, законодательных».

Как видим, в этих словах оценка 1880-х годов и оценка совершенно правильная! В совете с Победоносцевым и иными государственными мужами Государь Александр III, с одной стороны, обуздал и ограничил своеволие земств, самоуправлений, в том числе самоуправлений Прибалтики и Финляндии, а, с другой стороны, улучшил их систему и её взаимодействие с государственной властью. Судебное чиновничество, ранее так часто подвергавшееся нападкам за взяточничество (хотя, конечно, изрядно преувеличенным!) стало образцовым по честности и неподкупности. Того же удалось достичь в Министерстве финансов и в ряде других ведомств. Были улучшены положения сословий, особенно — дворянского, которое после 1861 г. стало беднеть, лишаться земли и приходить в упадок. Александр III *поддержал* и уберёг дворянство созданием особого «Дворянского банка», учреждением должности «земских начальников» в сельской местности из дворян, улучшением работы дворянских собраний. Поддержал Государь и крестьянство, устроив «Крестьянские земельные банки», позволявшие крестьянам прикупать землю и переселяться в другие места (в Сибирь и на Дальний Восток) на очень льготных условиях. Но вместе с тем Александр III, не без влияния Победоносцева и славянофилов, полагал нужным не разрушать, а сохранять *крестьянскую общину*, как она получилась после 1861 г., видя в этом залог народного *единства*. Улучшилась финансовая система, подготовленная к той реформе введения золотой и серебряной валюты, которая была затем проведена уже в следующее царствование (реформа графа С.Ю. Витте). Много было сделано для улучшения положения рабочих. Их не «выпустили» из вида при самом возникновении «рабочего класса» как значительного нового сословия, что происходило как раз в конце 80-х в — начале 90-х годов. Был запрещён труд женщин и детей в ночное время. Детский труд был ограничен и впервые в мире была создана система фабричной *инспекции*, следившей за условиями труда и борющейся со злоупотреблениями хозяев русских фабрик и заводов. Это было основой грядущего «рабочего законодательства» начала XX в. — самого передового в мире!

Промышленность России пошла «семимильными шагами», во многих показателях оставляя позади все развитые страны, в том числе и США, вызывая конкурентную зависть предпринимательских кругов Запада. Особенно значительно развивались текстильная промышленность и железнодорожное строительство со всеми смежными отраслями индустрии. В 1891 г. по инициативе Александра III началось строительство знаменитой Великой Сибирской железной дороги, призванной связать собою концы России от Балтийского моря до Тихого океана. С этой, дальневосточной стороны, закладку Сибирской ж.д. совершил во Владивостоке вернувшийся из азиатского путешествия Наследник Престола Николай Александрович, назначенный отцом председательствовать в Комитете по сооружению этого невиданного ещё в мировой истории по протяжённости Сибирского ж. д. пути. Начато было и сооружение Закаспийских железных дорог и многих иных. К 1894 г. Россия имела 32500 вёрст железных дорог, 150000 вёрст телеграфных линий, 23000 вёрст шоссейных дорог, являлась основным поставщиком хлеба в Европу. Бурно развивалась нефтяная промышленность. В 1885 г. она давала уже 2 миллиона тонн нефти в год, отставая только от США, а в 1901 г. обогнала и США, производя

12 млн. 170 тысяч тонн, против 9 млн. 920 тысяч тонн в Америке! Государь Александр III уделил очень большое внимание дальнейшему развитию образования. Церковно-приходские школы становятся основой народного образования, так что оно находится в руках **православного духовенства**, материальное положение которого резко улучшено! Но велика сеть и земских школ. Женские «Епархиальные училища» для девиц духовного сословия становятся образцовыми. Даже гимназистки признавали, что «епархиалки» в некоторых отношениях получали лучшее образование, чем они. А женские классические гимназии России французы считали более совершенными, чем аналогичные заведения Франции. В России действовали законы более мягкие, чем во многих иных странах. Так, смертной казни подлежали только государственные преступники особо опасного характера, а в уголовном судопроизводстве смертная казнь **отсутствовала** (со времен Елизаветы Петровны). В начале 1890-х годов ежегодный призыв в армию, состоявшую из 900 тысяч человек, давал **втрое** больше новобранцев, чем было нужно (при 4-годичном сроке службы)! Поэтому многие люди и категории населения получали отсрочку, часто безсрочную, от воинской повинности.

Но Российской армии при Александре III ни разу не пришлось воевать. Государь твёрдо придерживался политики **миротворчества** в международных делах, за что и получил прозвище «Миротворца». Важно отметить, что такая политика проистекала непосредственно из глубокой религиозности Православного Царя, что понимали и на Западе (и с удивлением отмечали!). В то же время Александр III вёл себя достаточно твёрдо и независимо по отношению к Западу. Рассказывают, что однажды во время рыбной ловли ему доложили, что французский посланник просит о встрече, нервничает, хочет поскорей...» Когда Русский Царь удит рыбу, Европа может подождать», — ответил Император. А в Европе дела складывались интересно. После Крымской войны, когда Австрия «удивила мир неблагодарностью» России, а также после Берлинского Конгресса 1878 г., когда Германия в лице Бисмарка то же удивила всех тем же самым, Россия перестала ориентироваться на эти государства как на «естественных союзников» что долгое время было основой нашей политики. Но союзнические договорные отношения с Германией продолжали сохраняться. Как известно, объединение этой страны Россия поддерживала, а Франция — нет. «Третья Империя» Франция видела в объединении Германии угрозу себе и своим интересам в Европе. Это явилось одной из причин Франко-Прусской войны 1870—1871 г.г. В разгар войны во Франции произошла очередная «революция» (со знаменитой «Парижской коммуной»). Пруссия победила, в результате чего была разгромлена и «империя» и революция, точнее её крайнее течение («коммуна»). Франция навсегда стала парламентской республикой. Бывший тогда русским послом в Берне (Швейцария) Н.К. Гирс, впоследствии ставший министром иностранных дел (канцлером) Александра III, по долгу службы наблюдал и тщательно **изучил** деятельность **масонской** конторы в Берне. В неё поступали зашифрованные депеши от французских масонов с точными данными о передвижениях, дислокации и военных планах французских войск и тут же передавались по масонским каналам прусскому командованию. Данные эти поступали от масонов-офицеров Французской армии... Так Франция была обречена! Никакая стратегия и тактика, никакой героизм войск не могли её спасти. Оказалось, что меж-

дународное масонство «приговорило» заранее Францию к поражению и французские «братья-каменьщики» послушно повиновались приговору своей собственной стране (отечеству!). Здесь яркий пример масонского содействия поражению своего правительства с целью его свержения и установления угодной масонам власти. Но когда эта республиканская парламентская власть была установлена, она оказалась вынужденной считаться с национальным чувством французского народа, глубоко уязвлённого поражением и захватом Германией Эльзаса и Лотарингии. Вместе с тем революционное крыло французского масонства осталось крайне недовольно тем, что прусские войска участвовали в разгроме «коммуны». Оно тоже стало разыгрывать «патриотическую» карту. Кроме того, обострились давние духовно-идейные противоречия французского и германского масонства состоявшие в том, что *формальные* (открытые) масонские ложи Германии исповедовали неприменимую веру в Бога и не допускали в свои ряды евреев, что для тайного мирового иудео-масонства и революционного французского было недопустимой крайностью, чем-то вроде ереси, или проявления «немецкой твердолобости». Началась вражда двух разбойничьих шаек, влиявшая и на межгосударственные отношения. Победившая и объединившаяся Германия становилась слишком опасной для всех. Она нарушала равновесие (или как теперь говорят — паритет) сил в Европе. Верная своим давним, ещё от Священного Союза исходящим, стремлениям к миру в Европе, Россия должна была постараться обезопасить его практическими средствами. Средства были подсказаны самой Германией, заключившей, как уже говорилось, антирусский Тройственный Союз (Германия-Австро-венгрия-Италия). Не изменяя отношениям с Германией (с ней был заключён «договор о перестраховке») Александр III заключил союз с Францией, который до времени оставался в таком секрете, что о нём не знал никто (даже Наследник), кроме нескольких самых ответственных лиц МИДа и армии. Памятником дружественных отношений Царя и Франции остался знаменитый мост Александра III в Париже — самый красивый не только в столице Франции, но, пожалуй, во всем мире! Он символичен как образ того «моста» дружбы и мира, каким Россия готова была соединить себя с Европой *при условии*, что последняя ответит тем же.. Впоследствии в 1907 году к союзу России и Франции присоединилась Англия. Так образовалась Антанта («Согласие»). Так возникли сдерживающие и уравновешивающие друг друга два основных блока европейских государств, что давало возможность, пусть не на всегда, но хоть на какое-то время сохранять европейский мир. Во имя *мира*, а не своекорыстных интересов (!) Александр III *отказался* от покровительства Сербии и Болгарии, когда эти страны дали понять, что тяготеют Русским протекторатом. Болгария, недовольная итогами Берлинского Конгресса, и вина в этом Россию, предпочла опираться на более сильную в её глазах Германию. Верной России оставалась тогда только Черногория. В совершенно неопределённом положении на Балканах оказалась Босния и Герцеговина. Национально связанная с Сербией и Черногорией, она административно управлялась (на каких-то непонятных основаниях) Австро-венгерской Империей, оказавшись тем самым чем-то вроде мины, заложенной под здание европейского мира, которая при удачном использовании могла произвести кому-то нужный взрыв большой европейской войны.

Российский Царь-Миротворец смотрел глубже и дальше, чем кто-либо из его современников. Он понимал, что международное посредничество России, её функция арбитра европейских союзов и гаранта стабильности, основанная на экономическом и военном могуществе страны,— дело великое, но временное и, при всей его важности, всё-таки для России *второстепенное*. Главное же кроется в *духовном состоянии* самой России, и православное сердце Царя Александра III безошибочно увидело, что для сохранения и дальнейшего укрепления устоев Святой Руси в духовных недрах Великороссии нужно отходить от западничества и *возвращаться к древнерусским, донетровским* устоям государственной жизни и управления, делая это, конечно, «с умом», учитывая все особенности современности. Отсюда всяческое укрепление общественного авторитета и положения православного духовенства, вообще всемерное содействие Церкви (поддержка храмов и монастырей, открытие новых, улучшение духовного образования, возрождение донетровских форм церковной архитектуры, иконописи, пения и тому подобное) становятся отличительными чертами его царственной деятельности. Он сумел вполне привить их сыну-Наследнику Николаю II и всем своим детям. В личной жизни Государь любил носить русские одежды (рубашу, шаровары, простые не лакированные сапоги). Элементы древнерусского одевания вводились даже в армии (шапки, кушаки, косоворотки). В своё время, ещё не будучи Императором, Александр Александрович написал нечто вроде указаний учительнице своих детей, где говорилось: «Они должны хорошо молиться Богу, учиться, играть, шалить в меру... Мне нужны нормальные, здоровые русские дети... Подерутся,— пожалуйста! Но доказчику (жалобщику — прот. Л.) первый кнут». В отличие от чреды своих предшественников, Александр III был строгим хранителем законного брака, не имея ни тайных связей, ни второй жены. Он был (и остался) женат первым браком на Датской принцессе Дагмаре, получившей у нас имя Марии Фёдоровны, имел от неё детей: Георгия (умер в молодости) Николая, Михаила, Ксению и Ольгу, свято хранил супружество, был отличным семьянином и *требовал* того же и от детей, и даже от родственников — членов Императорского Дома. Так впервые после 200 лет прекратился этот соблазн на самой вершине российской власти. Александр III явно намечал для России (а через неё и для мира) определённый *возврат* к христианской духовности и вытекающим отсюда принципам правды, праведности и справедливости во всём! Как бы *в ответ* на такую устремлённость сердца Своего Помазанника Господь Бог воздвиг из среды Русской Православной Церкви *великого праведника и светильника* истины Божией Святого отца Иоанна Кронштадтского, чей пастырский подвиг начал проявляться как раз в царствование Александра III. Государь любил, чтил святого, от него принял последнее напутствие накануне своего отхода из этого мира ко Господу. Но прежде, чем поведать об этом великом святом Земли Русской, скажем о том, как воспринимали Александра III свои и чужие.

После кончины Государя историк В.О. Ключевский говорил: «В царствование Императора Александра III мы на глазах одного поколения совершили в своём государственном строе ряд глубоких реформ в *духе христианских правил*... Чем торопливее рука смерти спешила закрыть его глаза, тем шире и изумлённее раскрывались глаза Европы на мировое значение этого

недолгого царствования. Наконец, и камни возопияли, органы общественного мнения Европы заговорили о России правду... Европа признала, что Царь Русского народа был и Государем международного мира, и этим признанием подтвердила историческое призвание России, ибо в России, по её политической организации, *в воле Царя выражается мысль его народа, и воля народа становится мыслью его Царя...*» По слову Ключевского, Александр III «победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покорил общественную совесть во имя мира и правды, *увеличил количество добра в нравственном обороте человечества*, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное самосознание, и сделал всё это так *тихо и молчаливо*, что только теперь, когда Его уже нет, Европа поняла, чём Он был для неё». Примерно тоже писала об Александре III почти вся крупная французская печать. Так «Ревю де дю Монд» свидетельствовала, что горе о кончине Государя «было и нашим горем, для нас оно приобрело национальный характер, но почти те же чувства испытали и другие нации... Европа почувствовала, что она теряет арбитра, который всегда руководился идеей справедливости». Но это была духовная, Христова, православная справедливость! «Все знали,— писал Победоносцев,— что не уступит он (Александр III) Русского, историей завещанного интереса ни на Польской, ни на иных окраинах инородческого элемента, что глубоко хранит он в душе своей *одну с народом веру и любовь к Церкви Православной*, наконец, что он *заодно с народом* верует в непоколебимое значение власти *самодержавной* в России, и не допустит для неё, *в призраке свободы*, гибельного смещения языков и мнений.»

Неожиданно тяжело заболев острым воспалением почек и лёгких, Александр III — этот богатырского здоровья и телосложения человек,— 20 октября 1894 г. в Крыму, в Ливадии, в окружении Семьи, скончался. На 50-м году жизни... Есть версия, что в последние дни он был отравлен врачом-евреем, который потом за границей будто бы этим публично хвалился. Но это непроверенные данные. Во всяком случае, в Царской Семье так не думали. Перед кончиной Государь дал Наследнику замечательный наказ, где говорил: «В тот трагический день (смерти Александра II) встал предо мною вопрос: какой дорогой идти? По той ли на которую меня толкало так называемое «передовое общество», заражённое либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывало мне моё собственное убеждение, мой высший священный долг Государя?. Я избрал мой путь. Либералы окрестили его реакционным... Самодержавие создало *историческую индивидуальность России*. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним рухнет и Россия. Падение исконной русской власти откроет эру смут и кровавых междоусобиц (пророческие слова! — прот. Л.)... Охраняй самодержавие... Вера в Бога и в святость твоего царского долга да будет для тебя основой твоей жизни... В политике внешней держись независимой позиции. Помни,— у России нет друзей. Нашей огромности бояться. Избегай войн. В политике внутренней,— *прежде всего* покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в годы бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства». Потом мы увидим как точно выполнял этот наказ его сын и Наследник.

Начиналось новое царствование Государя Императора Николая II Александровича, которое станет последним... Оно начиналось в тёплом веянии благословения и молитв того, кто был духовной опорой и его почившего Отца, — «всероссийского батюшки», как его называли, — отца Иоанна Кронштадского.

Иван Ильич Сергиев родился 19 октября 1829 г. в с. Суры Пинежского уезда Архангельской губернии в семье бедного дьячка. В детстве был слаб и здоровьем и внешними способностями. Но внутренние духовные дарования его проявились рано. В возрасте шести лет он удостоился явления Ангела, сказавшего ему, что он — его Божий хранитель. Очень любил Ваня церковную службу, предпочитая её всем детским забавам и занятиям. Трудно давалось ему школьное учение. Здесь он оказался подобен Сергию Радонежскому. Никакие собственные старания не приводили ни к чему; он сильно отставал в учёбе, не мог усвоить и запомнить простейшего. Однажды ночью (а он уже тогда в возрасте 9-ти лет любил молиться по ночам) Ваня от глубины души взмолился Богу о даровании ему нужных способностей к учению, но не для того, чтобы преуспевать в глазах сверстников или учителей, а «для утешения родителям»... И был тотчас услышан. Тотчас Господь как бы раскрыл способности его ума. Иван Сергиев из последних учеников стал в число первых. Затем успешно (первым!) окончил Семинарию и был принят в С.-Петербургскую духовную академию, которую также окончил на «отлично», со степенью кандидата богословия. Впоследствии отец Иоанн вспоминал, что прежде, чем выйти на такое пастырское служение, какое он на себя взял, он прошёл *«многолетний искус»*. Очевидно, что этот искус приходился на годы учёбы в Семинарии и Академии. Тогда ему хотелось стать миссионером где-нибудь в Китае или Америке, чтобы нести слово Божие не знающим его народам. Но Господь решил иначе: о. Иоанн должен был просвещать Словом Божиим забывшую это слово часть народа собственного, русского. Однажды во сне он увидел себя входящим в Андреевский собор г. Кронштадта, где он никогда не бывал. Через недолгое время перед окончанием Академии в 1855 г. начальство предложило ему жениться на дочери протоиерея Кронштадтского собора К.П. Несвицкого Елизавете, чтобы стать священником того же собора. Увидев в этом Промысел Божий, Иоанн Сергиев согласился. После женитьбы был рукоположен в сан священника к Андреевскому собору и, когда впервые вошёл в него, то был поражён тем, что точно таким видел его во сне. Сразу же, с первых шагов жизни в новом качестве о. Иоанн пошёл неким совершенно необычным по тем временам путём. Он не прикоснулся к жене, убедив её принять в миру (!) подвиг совершенной девственности. «Счастливых семей, Лиза, и без нас много. А мы с тобой посвятим себя на служение Богу», — сказал он жене. И она согласилась! И, хотя впоследствии по немощи человеческой иногда изнемогала и жаловалась, но всё же, по молитвам мужа (если только можно так его назвать) и с Божией помощью прошла этот тяжёлый подвиг до конца. Итак, не только совершенная непорочность, но и совершенная девственность стали духовным ядром и основанием служения Богу и людям о. Иоанна Кронштадтского. В этом он уподобился всем самым знаменитым святым. Но в отличие от преподобных — монахов, он не был таковым, жил в миру, а не в монастыре, притом не разрывая брака, как «белый

священник»... Понять этого тогда не мог почти никто. «Секрет» же отчасти состоял в том, что такое положение давало о. Иоанну возможность гораздо более свободного и широкого общения с людьми, с народом, передвижения в меру нужды, чем положение монашествующего. Хорошо изучивший *науку духовного подвига трезвения*, умно-сердечной молитвы, приведшей его к состоянию непрестанного *хождения пред Богом*, и своё собственное сердце, о. Иоанн *изобрёл* для себя способ держать сердце в постоянном внимании Господу. Он взял за правило *ежедневно причащаться* Святых Тайн, или служа Литургию, или непременно присутствуя на ней, поскольку православные уставы приготовления ко Святому Причащению очень строги, требуют особой подготовки, совершенной душевной и телесной чистоты, особой собранности всего человеческого существа! Такое правило — новый вклад в науку православной аскетики. Кроме того, с первых же дней пастырства о. Иоанн совершенно открыл себя для общения со всеми желающими и всеми просящими подаяния. Всё, что он мог, раздавал нищим, так что нередко приходил домой не только без денег но и без пальто и даже без сапог, босиком... Митрополит С.-Петербургский Исидор запретил выдавать жалованье на руки о. Иоанну, таковое стали выдавать его жене. Всё сие вместе взятое возбудило самые разные, в основном — отрицательные толки. Укоры, упрёки, осуждения, увещевания сыпались на подвижника со всех сторон, в том числе со стороны духовного начальства. Даже такой аскет и молитвенник, как знаменитый епископ Феофан Затворник, счел нужным писать о. Иоанну, предупреждая о духовной опасности избранного им образа жизни. В самом деле, всякий *другой* человек на месте о. Иоанна, неминуемо впал бы в *прелесть* (так называется особое дьявольское обольщение, граничащее с умопомешательством) или потерпел бы великое нравственное крушение. Поверхностно взятые правила духовной жизни говорят именно о таком результате «подвига не по разуму». Но о. Иоанн был личностью *исключительной*, и не потому, что отменял правила, а потому что нашёл им особенное применение! Ибо по сути дела, если иметь ввиду *смысл* аскетических правил подвижничества, то они-то как раз строго и свято *соблюдались* о. Иоанном, хотя в необычных внешних условиях. Прежде всего, более всего он постоянно хранил *внимание Богу и себе*, своему сердцу, следя за его малейшими движениями с точки зрения той самой *православной науки* «священного трезвения», что изложено в «Добротолубии», «Лестнице» Преп. Иоанна Лествичника, «Невидимой брани» Никодима Святогорца, творения Паисия Величковского и иных подобных книгах. Будучи в течение ряда лет законоучителем в гимназии, о. Иоанн Кронштадтский говорил ученикам: «Итак, дети любезные, (наряду) с науками внешними старайтесь успевать наиболее (!) в этой *внутренней сердечной науке* — науке любви, веры, молитвы, кротости, смирения, обходительности и ласковости, терпения, послушания, теплоты и целомудрия... в науке очищения сердца от всяких нечистых, лукавых и злых мыслей, в снисходительности к человеческой слабости, в терпеливом перенесении всего. Если будете успевать в этой внутренней духовной науке, то поистине будете пшеницей Божией и соберёт вас Господь в житницу царствия Своего небесного, и вы будете благоуспешны и во внешних науках». Что значит быть *благоуспешным во внешних науках* о. Иоанн показал своим примером. Он живо интересовался многими

современными научными открытиями, проникая в некоторые области наук достаточно глубоко, но, вопреки демоническому происхождению определённых знаний, видел в научных открытиях доказательство и свидетельство безконечной **Божественной премудрости**, заключённой творцом в Своём Творении и отдельных явлениях его! Так преодолевалось православным сознанием (и не одного только о. Иоанна!) влияние мирских наук, рассчитанное на другой результат — развитие гордости ума и безверие, отпадение от Бога. Что же касается «внутренней, сердечной науки», то главным её основанием о. Иоанн считал **молитву**. При этом он следил, чтобы молитва всегда была предельно **честной**, не механической, но и не искусственной или мечтательной. Рассеянную молитву он расценивал чуть ли не как кошунство. Всецелое внимание к Богу на молитве и полная открытость сердца (**в любом (!)** его состоянии) — вот что было главным в его глазах. Этому он старался учить и других. При этом о. Иоанн Кронштадтский **открыл** русским людям ещё один источник духовных знаний, подлинного богословия, истинной православной науки и учёности, — **богослужение!** Оно сопровождало жизнь Руси со времён святых Ольги и Владимира до определённого времени, примерно до конца XVII века. Богослужение было **основой** духовно-богословского **образования** для всего народа, подавляющего его большинства. Отсюда, а не из книг, которые в древности были доступны немногим, русские люди почерпали вместе с Божией благодатью необходимый круг знаний по всем истинам христианского **вероучения** и правилам молитвенно-духовного подвига жизни. С введением и расширением секулярного светского образования в XVIII—XIX в.в.) со всё большим расхождением разговорного и литературного русского языка с древнерусским и церковнославянским, богослужение стало восприниматься иначе. В сознании людей оно постепенно сделалось некоей формальной принадлежностью исключительно **храмовой обстановки**, как бы оторвалось от повседневной жизни, стало для неё чем-то совершенно **не обязательным**, подчас — **посторонним**. К богослужению терялся живой интерес, его перестали со вниманием слушать, перестали видеть в нём училище жизни и веры, полагая предметом забот только тех, кто ведёт службы Оно как бы омертвело для людей, а точнее — люди в сердцах своих омертвели к нему. Причём — даже церковные люди, ставшие думать, что все необходимые знания они получают теперь из соответствующих **специальных книг** (Катехизисов, Законов Божиих и учебников богословных наук). Святой праведный отец наш Иоанн Кронштадтский словом и делом **вновь обратил внимание** Православной Руси на её богослужение как на важнейший **источник** богословских **знаний и науки** духовного восхождения к Богу. Он писал: «В годичном круге богослужения изображена вся история, вся судьба прошедшая, вся жизнь нашей Церкви Православной, всё её **учение и правоучение, все догматы, все жития**, все подвиги, все страдания как Самого Господа Иисуса Христа, Божией Матери, так и всех апостолов, пророков, мучеников, преподобных, безсребренников и праведных. Своим богослужением (Церковь) — поучает всех христиан молитве,... сама молится за всех, всех утешает,... требует плодов покаяния, напоминает о смерти, о Страшном Суде,...представляет наше страшное греховное растление, от которого невозможно избавиться без Спасителя, без врачевства веры, без Таинств, без поста, без подвигов умерщвления плоти, без милостыни»...

«Если вы хотите видеть во всём *небесном свете образ Православия* нашей Церкви — прочитайте весь круг наших богослужебных книг, и вы увидите, какое это чудное учреждение на земле, не человеческое, а Божественное». Итак, богослужение — это, по о. Иоанну, источник высшего ведения (знания), *сра- створённого силой действенной благодати Духа Святаго*. Сам о. Иоанн совершал богослужения необычайным образом! Ему дано было переживать всё Домостроительство спасения рода человеческого, отображённого в службах, особенно в Литургии, как нечто происходящее у него на глазах и при его живейшем участии! Свидетели не находят слов, чтобы описать состояние о. Иоанна при служении Литургии. Он весь преображался! Он видел Бога, он Его чувствовал. В Святых Дарах на дискосе и в чаше он просто живо, как бы воочию лицезрел Христа! Помимо уставных поклонений и лобызаний чаши, он постоянно прикладывался к ней то устами, то головой, обнимал руками, гладил, шептал какие-то свои собственные молитвы, а иногда в священном трепете отстранялся со сложенными на груди руками... Иногда он впадал в такую совершенную отрешённость от всего окружающего, что людей, бывших с ним в алтаре, охватывал страх... Его службы и проповеди стали привлекать всё больше народа. Говорил он всегда предельно просто, ясно, доступно для любого человека, но раскрывал глубочайшие истины и с таким *явлением духа и силы*», как пишет ап. Павел) что потрясал и сокрушал многие сердца, побуждая их к подлинному *преображению жизни*. Кронштадт в середине XIX в. был местом ссылки петербургских бродяг, мелких преступников, морально разложившихся людей. Эти «босяки» являлись сущим бедствием горожан, боявшихся по вечерам выходить на улицу из-за опасности ограбления. Эти-то кронштадтские босяки первые и открыли святость о. Иоанна! К ним он обратился с таким сияющим пасхальной радостью лицом, с такой непритворной любовью и лаской, пониманием и дружелюбием, что начинали «таять» самые жестокие сердца! А его способность *сострада- ть* чужому горю или болезни, переживая их как свои, превосходила всякие представления и ожидания! Он иной раз мог броситься на колени к лежащему на постели больному и начинал утешать, ласкать и ободрять его так, как не всякая родная мать смогла бы это сделать своему ребёнку! Чуждый всякой искусственности, сентиментальности (он иногда мог быть суровым, даже резким), о. Иоанн светился светом *Божией любви*, свидетельствовавшей о том, что в его лице людям является преизобильный *новый источник Божественной благодати и силы*.

Скоро поняв, что одной своей личной благотворительностью он не многим сумеет помочь, о. Иоанн предпринял большое дело по созданию знаменитого «Дома трудолюбия», где давалась посильная работа для малотрудоспособных людей (потом там работало до 2500 человек), Ночлежного дома с бесплатным питанием совсем убогих, при них школы для бедняков, лечебницы и других необходимых служб. Впоследствии этот почин поддержал Государь Александр III, и по образцу Кронштадтского стали возникать «Дома трудолюбия» в иных городах. Но главной заботой святого пастыря, конечно, являлись души человеческие, дело их спасения. За этим важнейшим делом к нему потекли люди самых разных сословий (включая высшее,

дворянское). Советы и молитвы о. Иоанна производили поразительные действия. Чудотворения его начались не сразу, а после одного случая, когда некая старуха просто **потребовала** от него, чтобы он молился о непременно выздоровлении её больной родственницы.

Со страхом Божиим, но и с дерзновением, о. Иоанн стал так молиться, и больная выздоровела. После этого он **испросил у Бога** давать исцеление всем, кто будет за этим обращаться. И началось нечто необыкновенное, невиданное и, пожалуй, ещё **небывалое на Руси!** По молитвам о. Иоанна стали **чудесно** исцеляться от разных, порой совершенно неизлечимых, болезней люди. Сотни, тысячи, десятки тысяч людей по всей России! Исцелялись не только «очно», но и «заочно» — по письмам и телеграммам, посылаемым ему, причём исцелялись иногда даже **ранее того**, как эти весточки-вопли о помощи успевали доходить до о. Иоанна. Он получил также дар прозорливости, предвидения судеб и «чтения» человеческих душ и мыслей, чем часто сразу же обращал к вере закоренелых скептиков.

Один из учеников Преп. Серафима Саровского послал к о. Иоанну свою духовную дочь старицу Параскеву Ковригину, которая много послужила прославлению о. Иоанна по всей России. Оно началось с 1883 г., когда в центральных газетах было опубликовано благодарственное письмо о. Иоанну от группы лиц за чудесные исцеления. Известный до этого только Кронштадту и некоторой части Петербурга, батюшка быстро стал известен всем. Огромные толпы народа стали сопровождать каждое его появление где бы то ни было. Он и раньше не знал личной жизни, отдавая общению с людьми и богослужению время с 3-х часов по полуночи до 24-х часов. Это уже не простой человеческий подвиг, это то, что превосходит обычные силы, являясь пачеестественным, то есть богоданным. При таком «режиме» о. Иоанн никогда не бывал сонливым или переутомлённым. А теперь, когда к нему просто «повалила» вся Россия, он и вовсе уже не принадлежал себе. «Нужно любить всякого человека, и в грехе его, и в позоре его... Не нужно смешивать человека — этот образ Божий,— со злом, которое в нём». Сей девиз о. Иоанна открывал к нему доступ всем жаждущим избавления или от страстей и пороков, или от нужды и болезней. Славы человеческой о. Иоанн никогда не искал, но и не уклонялся от народной любви. Во вторую половину его жизни именно **испытание славой** сделалось для него, пожалуй, главным и последним искусом, испытанием. Всегда добрый, с румянцем на щеках, с ясными голубыми глазами, открытый, чаще всего весёлый («пасхальный»! — как Серафим Саровский) одетый в богатые, иногда просто **роскошные рясy** — подарки своих почитателей, о. Иоанн являл собою, казалось, большое несоответствие расхожему («хрестоматийному») представлению о святости и строгом аскетизме! Различные упрёки, подозрения, гнусные клеветы на него умножались по мере умножения его известности в народе. Через руки о. Иоанна проходило, по некоторым данным, в год не менее **миллиона** рублей (по тем деньгам — гигантская сумма!). Это всё были пожертвования людей, наипаче тех, что получили исцеление. Но деньги как приходили, так и уходили: или на благотворительные заведения, монастыри, бедные приходы, или чаще — просто бедным людям, случайным нищим. Один купец как-то

сунул о. Иоанну конверт, который тот тут же отдал в толпе нищему. «Батюшка,— воскликнул купец,— да там же 2000 рублей!» «Его счастье!» — улыбнулся о. Иоанн, кивая на нищего. Отец Иоанн не от всех брал пожертвования. Так, он отказался принять 30 тысяч (!) рублей от одной дамы, прозрев духом, что она нажила их нечистым путем, в чём та потом и сама покаялась!

12 октября 1894 г. о. Иоанн Кронштадский сам, по зову сердца, приехал в Крым в Ливадию к больному Императору Александру III. «Я не смел пригласить Вас сам,— сказал Государь,— благодарю, что Вы прибыли. Прошу молиться за меня. Я очень недомогаю». Батюшка горячо молился. Царю стало лучше. Но о. Иоанн духом провидел, что по Божью определению Император должен отойти от этого мира в мир иной. Он старался лишь облегчить его страдания, чего достигал возложением рук на голову больного, и тот испытывал облегчение. 17-го октября вновь началось ухудшение. Александр III исповедался у о. Иоанна и от рук его причастился Святых Тайн. В последние часы жизни Императора между ним и о. Иоанном произошёл такой разговор. «Вы святой человек. Вы праведник,— сказал Самодержец.— Вот почему Вас любит русский народ». Батюшка ответил: «Да, Ваш народ любит меня». Смысловое ударение явно приходилось на слово «Ваш». Это означало: народ, который воспитан Государем Александром III, который верен ему и любит его, *такой* народ любит и Православную святость... Отец Иоанн не отходил от Царя до последней минуты его жизни, проводив его ко Господу своими святыми молитвами.

И в самом деле, *другой* народ, не любивший Царя, не любил и о. Иоанна. Более того, революционно-демократическое отребье, как и бесы, и все ими одержимые люди, просто ненавидели о. Иоанна Кронштадтского лютой ненавистью! Для них он уже сам по себе был одушевлённым *опровержением* всех их безбожных теорий и замыслов! Отца Иоанна не раз бросались бить, душить, на него устраивали покушения, однажды хотели зарезать, успев нанести несколько тяжёлых ран, болевших до конца его дней. Испытывал он, как всякий истинный подвижник, и непосредственные нападения невидимых демонов. Но сей верный слуга и воин Христов не устрашался ничем! Он продолжал ездить по многим городам России, везде встречаемый *десятками тысяч* православных верующих людей! Полиции было немало хлопот и трудов охранять его. Правда, не только от безбожных злодеев. К этому времени обозначилось одно болезненное и уродливое явление в религиозной жизни, характерное более всего для «образованной» среды.. Некоторая не очень многочисленная, но очень шумная и заметная группа людей, преимущественно — женщин, по бесовскому *наваждению*, превратила для себя о. Иоанна в кумира, или идола, который заслонил в их несчастном сознании всё, даже — Христа. Такое состояние принципиально отличалось от *почитания* святого человека, пусть даже почитания самого «горячего». Это идолопоклонство являлось по природе дьявольской прелестью, а по внешним проявлениям — чем-то вроде группового сумасшествия. «Иоаннитки» (так стали называть этих поклонниц о. Иоанна) бросались на Батюшку с целью оторвать что-нибудь от его одеяния, даже — *укусить* до крови, дабы «причаститься» его кровью... Он был для них человеко-богом, превыше всякой святости, превыше Самого Бога. Никакие увещания и доводы разума, даже решительное осуждение их самим о. Иоанном не действовали. «Иоаннитки» преследовали его, так что полиция иной раз не

знала, от кого ей придется охранять о. Иоанна более всего — от злодеев и безбожников, или от обезумевших «поклонниц». В наши времена подобный феномен широко известен, сопровождает в разной мере любого *«кумира публики»* (будь то артист, спортсмен, видный политик или любой иной выдающийся человек). Но в начале XX в. это было сравнительно новым явлением и зловещим свидетельством, что российское общество доходит до такого состояния, когда появление и действие в нём истинных *пастырей* и духовных вождей *становится невозможным*. В полной мере эта прискорбная истина подтверждается сейчас, когда в России *каждый* более или менее энергичный монашествующий священнослужитель немедленно окружается плотным кольцом бесноватых поклонниц, для которых Батюшка — это Бог. *По существу* этот феномен не что иное как духовная подготовка поклонения человеко-богу *антихристу*. Прозорливая и чуткая душа о. Иоанна Кронштадтского чувствовала приближение антихристовых времён и событий. В своих молитвах о России, о её спасении он доходил до громких рыданий, сотрясавших всё его существо. Решительно и грозно выступил сей «Печальник Земли Русской», как иногда называли его, против революционных волнений 1905—1907 г.г. Как и *многие* архипастыри и пастыри Православной Церкви, о. Иоанн клеймил позором революционеров, разоблачал, опровергал их «теории» и действия, призывал Русский народ не слушаться соблазнительей и убийц. Для внешнего противодействия им о. Иоанн благословил создание «Союза Русского Народа», куда вошли многие достойнейшие люди. Растрелители и злодеи отвечали о. Иоанну потоком оскорблений и клеветы, особенно после дарования «свободы слова» (печати). Однако, слово о. Иоанна было столь сильным, что некоторые не без оснований полагают, что революция 1905 г. не удалась в значительной мере по молитвам и подвигам о. Иоанна Кронштадтского! Поражение революции он не воспринял как окончательную победу добра над злом! Он знал, что зло только затаилось до времени, и поэтому не переставал звать: «Держись же, Россия, твёрдо веры своей и Церкви и Царя православного, если хочешь быть непоколебимою... и не хочешь лишиться царства и Царя православного. А если отпадёшь от своей веры, как уже отпали от неё многие интеллигенты, то не *будешь уже Россией или Русью святой*, а сбором всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга. Помните слова Христа неверным иудеям: «ОтыметсЯ от вас Царство Божие и дастся языку (народу), творЯщему плоды его» (Мф. 21,42—43). Сравнения *Русского народа* с древним богоизбранным израильским народом делались о. Иоанном так настойчиво и часто, что их нельзя воспринимать только как «образные сравнения». Отец Иоанн знал, что оба эти народа являются,— каждый для своего времени,— главными, ведущими народами человечества. Вот почему именно Россия, Русский народ получит, по слову о. Иоанна, *такое же* Божие наказание за отступничество, какое получил древний еврейский. «Обратись же к Богу, Россия, *согрешившая* пред Ним *большие, тягчае всех народов земных* (!)... ибо имела и имеешь у себя неоцененное *сокровище* — *веру православную с Церковью спасающую*, и попрала, оплевала её в лице твоих гордых сынов и дочерей, мнящих себя образованными, но *истинное образование*, т. е. по образу Божию, *без Церкви быть не может*»,— говорил Батюшка. Он указывал и на главных виновников «растреления и безбожия»,— Льва Толстого и иных злонамеренных писателей и публицистов, которые наводнили Россию своими

писаниями «и столкнули юношество с основы веры религиозной и гражданской». Тут же о. Иоанн указывал и на первоисточник всех зол — «проклятую нечистивую утробу диавола», «в которой зародилась впервые дерзкая мечта сравняться с Богом». По наущению диавола ныне и «люди возомнили о себе, как о богах,— и отвергли Бога — погрузились во тьму и мерзость всяких беззаконий и погибают снова безобразною смертью. Нужен снова Искупитель, но Он придёт уже не спасать, а судить обезумевший от неверия Мир и страшен будет суд Его хулителям Его».

Перед каждым сбитым с толку, но искренне ищущим правды человеком того времени (да и нашего — тем более!) вставал естественный вопрос: *к чему* именно нужно возвращаться, *к какому* состоянию души, и — как? Отвечая на такой запрос человеческого сознания, хорошо им видимый, о. Иоанн предложил людям свой поразительный труд — духовный дневник многолетних наблюдений за собственной душой, её движениями и мыслями. При жизни его этот дневник публиковался по частям, а затем был издан полностью под названием «Моя жизнь во Христе». Свой опыт в некоторых частях дневника сам о. Иоанн называл «созерцательным подвижничеством». Ко всем подвигам сего великого святого Земли Русской нужно прибавить и составление этого дневника! Огромный труд,— он стал *новым вкладом* в сокровищницу мирового, общеправославного опыта *науки* восхождения к Богу, практической каждодневной жизни в Нём и с Ним. Наряду с другими сочинениями о. Иоанна (сборниками его слов и проповедей) «Моя жизнь во Христе» стала *настойной книгой* каждого подвижника, восполнив собою ряд уже не раз упоминавшихся нами книг, таких как «Добротолюбие», «Невидимая брань», творения Паисия Величковского, Оптиных старцев, Игнатия (Брянчанинова), Феофана Затворника... Дневник о. Иоанна поразил не только русское православное сознание, даже инославные — католики, протестанты, даже Английская королева Виктория (получив английский перевод книги) были восхищены им как дивным творением подлинно христианской мысли и духовности!

Заранее предсказав день своей смерти, о. Иоанн Кронштадтский отошёл ко Господу 20 декабря 1908 года. В последние годы своей земной жизни он более всего думал и говорил о *Православии*, и, конечно, о России. «Царство русское колеблется, шатается, близко к падению! «...Если в России так пойдут дела, и безбожники, и анархисты-безумцы не будут подвержены *праведной каре закона*, если Россия не очистится от множеств плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стёртые правосудием Божиим с лица земли за своё безбожие и за свои беззакония». Эти и подобные слова св. о.Иоанна нам придётся вспомнить, когда речь пойдёт о нынешнем состоянии России в 1990-х годах. Государь Николай II повелел по всей стране отметить день кончины о. Иоанна Кронштадтского и совершать по нём *повсеместно* панихиды в этот день *ежегодно*. Похороны великого святого в Петербурге вылились в такое событие, какого не видала столица Империи никогда! Если на похоронах Александра II присутствовало до 10 тысяч человек, Достоевского — до 30 тысяч, то хоронить о. Иоанна собралось около 60 тысяч человек! Военные оркестры играли «Коль славен наш Господь в Сионе». В траурной процессии также участвовали войска со знамёнами (драгуны шли со штандартом и трубачами), по всему пути процессии шпалерами сто-

яли войска, десятки тысяч народа плакали и молились... *Такого* на Руси ещё никогда не бывало! Погребён о. Иоанн был в основанном им женском монастыре в честь св. преп. Иоанна Рыльского, что на набережной Карповки, согласно его завещанию. В 1964 г. Русская Православная Церковь Заграницей торжественно прославила его в лике святых. В 1990 г. то же *вынуждена* была сделать даже Московская Патриархия.

Очевидно, что появление такого яркого светильника Божественной благодати в России было подготовлено тем *подъёмом и расцветом* в ней веры и духовности, которые мы постарались описать в главе «Православие». Теперь скажем, что и в начале XX в. этот подъём и расцвет *продолжался!* Отец Иоанн Кронштадтский был самым ярким, но отнюдь не единственным светильником православия! Их было *много!* Достаточно вспомнить, что в начале века ещё жили великие Оптикинские старцы Варсонофий (умер в 1912 г.), Анатолий Младший, Нектарий (дожившие до 1920-х годов). В Петербурге славился прозорливый священник протоиерей Михаил Прудников, в Москве — о. Алексей Мечев. Близ Сарова жила знаменитая юродивая Христа ради Параскева, «Паша Саровская» (о ней речь пойдёт особо в связи с Государем Николаем II). Прозорливостью стали отличаться старцы знаменитой древней Курской Коренной Пустыни, куда из Курска по-прежнему ради Чудотворной Курской Коренной иконы совершались грандиозные крестные ходы, собиравшие со всей России десятки, если не сотни тысяч паломников! По всей Великороссии в монастырях, городах и всях подвизалось *великое множество* благочестивых и праведных архиереев, священников, монахов, блаженных, девственников и девственниц, прозорливцев, — учителей веры и добродетели. Их учения слушались миллионами (!) русских людей (большей частью — «простого» народа из крестьян, горожан, частично — рабочих). Всё это была подлинная Великороссия, *осознающая* себя *вместилищем и хранилищем* Святой Руси!. К 1913 г. в России было более 1000 монастырей, в которых подвизались более 10 тысяч монахов и около 13 тысяч монахинь, не считая послушников и послушниц. В числе наиболее видных обителей находились Лавры: Киево-Печерская Успенская, Троице-Сергиева (под Москвой), Александро-Невская Петербургская, Успенская Почаевская, а также ставропигиальные (т.е. подчинённые непосредственно Синоду) монастыри: Новоспасский, Симонов, Донской, Заиконоспасский в Москве, Воскресенский — Новый Иерусалим под Москвой, Спасо-Яковлевский в Ростове Великом, Соловецкий на Белом море...

В царствование Николая II были причислены к лику святых: святитель Феофан Черниговский (в 1896 г.), пресвитер-мученик Исидор и иже с ним в 1472 г. в Юрьеве (Дерпте), утопленных немцами (1897 г.), преподобный Серафим Саровский (в 1903 г.), святитель Иоасаф Белгородский (в 1911 г.), святитель Гермоген Патриарх Московский (в 1913 г.), Святитель Питирим Тамбовский (в 1914 г.), святитель Иоанн (Максимович) Тобольский (в 1916 г.). Восстановлено было почитание св. кн. Анны Кашинской и преп. Евфросина Суздальского. Это — больше, чем в царствование кого-либо из предыдущих Императоров.

Самые различные *знамения и чудеса* (!) от мощей святых, от чудотворных икон, благодатных источников, от благодатных живущих людей совершались *так часто и повсеместно*, что стали как бы привычным *явлением жизни!*

Божественный свет изливался на Русскую Землю так обильно, как разве только во времена преп. Сергия Радонежского или Патриарха Никона (до его ухода от правления)! Не удивительно, что на такой основе расцвели и все вообще области и отрасли Великороссийской жизни: государственное управление, народное хозяйство, наука, образование, искусство, торговля, ремёсла!.. Мир не переставал удивляться России, её культуре, её славе, и её духовности! Последнюю принялись изучать, притом в связи с русской *историей*, интерес к которой на Западе живо возрастал. Немецкий поэт Рильке на вопрос соседа, с кем граничит Россия, ответил, не задумываясь: «Россия граничит с Богом!» Многие наиболее чуткие люди Запада начали верно понимать, *что* есть Россия. По оценкам ведущих западных экономистов *темпы* промышленно-хозяйственного развития России были таковы, что примерно к середине XX в. (к 1950-м годам) Россия должна была *превзойти* в промышленном и финансовом отношении *все самые развитые страны Запада, в том числе и США*; по замыслам русских деятелей просвещения к 1920 г. Россия должна была стать страной всеобщего обязательного обучения.

Не удивительно, что *такая* Россия с честью вышла и из внутренней смуты 1905-1907 г.г. и из трудной Русско-Японской войны, *ещё более укрепившись*, как внутренне, так и внешне! Не удивительно также, что после этого и в тяжелейшей Первой Мировой войне, правда ценой опаснейшего напряжения неких *самых последних* сил, Россия выходила *победительницей*, сумев к исходу 1916 г. обезпечить армию всем, что было нужно для *неминуемого поражения* Германии и Австрии в следующем, 1917 году...

Наконец, не так уж удивительно, что на вершине *такого* исторического Фавора Великороссия породила не просто хорошего, достойного, православного, а *святого Царя! Единственного* после благоверного князя Александра Невского, *святого Государя всея Руси!*

Глава 28

ЦАРЬ-СВЯТОЙ.

В дни Венчания на Царство (Коронации) в мае 1896 г. в Москве Государь Николай II и Государыня Александра Фёдоровна оделись в одежды XVII века и сфотографировались в них (вместе и порознь). Фотографии тогда же по царскому изволению были широко обнародованы. Поэтому в данном случае это не «забава», не одно из тех переодеваний, какие бывали в Царской Семье на разных домашних спектаклях и просто так (фотографии таких интимных забав хранились в личном домашнем архиве членов Царской Семьи и не предназначались для публикации). Тогда что же могла означать официальная, всенародная публикация снимков Царя и Царицы в одеждах XVII-го столетия? Очевидно — знак особой *приверженности* древним, исконным *допетровским* началам и устоям русской жизни, которую Царь и Царица почему-то решили *показать* всему народу, как бы *продемонстрировать* в самом начале царствования.

Когда в 1981 г. Русская Зарубежная Церковь причислила к лику святых Государя Николая II и всю его Семью вкупе со всеми новомучениками и исповедниками, от богоборцев в России пострадавшими, стали создаваться их иконы. Только один-два варианта икон изображают Царя в той современной ему военной форме, в какой он обычно и ходил при жизни: остальные варианты передают образ Николая II в *древних, допетровских* облачениях русских Великих Князей и Царей (таких, как у князя Владимира), в шапке Мономаха, а не в короне. Так Русская Церковь видит духовный облик своего святого Царя-Мученика, бывшего при жизни Императором в XX-м столетии!.. Почему?

Здесь перед нами одна из самых великих и волнующих загадок нашей истории, которую, с Божией помощью, нужно теперь разгадать.

Николай II никогда не думал, что станет святым. Он поначалу и не стремился как будто к христианскому совершенству, хотя необычайно искренне его почитал и преклонялся пред ним! Но, сознательно, всем своим глубоко верующим сердцем, подчинив себя раз навсегда Промыслу Божию, Государь Николай II, был *поведён к святости* (и даже к мученическому подвигу) Самим Богом.

Николай Александрович родился 6/19 мая 1868 г. в день памяти Иова Многострадального. Впоследствии он говорил, что это *не случайно*, что многострадальным станет и его царствование, его жизнь. В полном соответствии с волей отца Николай Александрович рос «нормальным, здоровым русским человеком», при этом не без «шалостей в меру». Он с детства умел прежде всего «хорошо молиться Богу». Его жизнеописатели в один голос будут отмечать, что вера в Бога была живым *состоянием* его души. Ни одного важного решения он не принимал без усердной молитвы! В то же время, будучи молодым человеком и ещё не Царем, Николай Александрович внешне жил так, как почти все «светские» молодые люди его времени и его уровня образованности. Любил спорт, игры, военное дело, приобрёл «модную» тогда в свете привычку к курению, имел увлечение балериной Кшесинской, впрочем решительно прекращённое после откровенного и твердого объяснения с отцом. Он очень много читал, как духовной, так и научной, и художественной литературы (любил «Войну и мир» Л. Толстого), любил домашние спектакли и разные «представления» в кругу семьи и близких, был горазд на забавные выдумки. Но всё это — именно *«в меру»*, без крайностей, никогда не доходя до служения страстям. Воля у него была отменная и он умел с Божией и родительской помощью владеть и руководить собой. В итоге он сохранил удивительную ясность, цельность и чистоту души. Всегда прямой взгляд его глубоких серо-голубых глаз, часто искрившихся приветливым юмором, проникал в самую душу собеседникам, совершенно пленял людей, не потерявших ещё добра, и был нестерпим для злых. Впоследствии, будучи уже в лично враждебных отношениях к Государю, граф С.Ю. Витте писал: «Я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий Император Николай II». Николай Александрович отличался необыкновенно благородным сочетанием чувства достоинства со скромностью (порой даже застенчивостью), крайней деликатностью и внимательностью в обращении с людьми. Он был искренне, нелицемерно *прост* в общении со всеми, от сановника до мужика. Ему органически претили всякая самореклама, громкая фраза или эффектная поза. Он терпеть не мог никакой

искусственности, театральности в поведении, желания «произвести впечатление». Он никогда не считал возможным показывать другим свои переживания, печали и скорби, кроме разве самых близких и родных людей. Не коварная расчётливая скрытность, а именно смирение и высочайшее чувство личной ответственности пред Богом за свои решения и поступки приводили к тому, что он почти ни с кем не делился своими замыслами, пока они не созревали до степени близкой к решению. Но и решения он часто проводил в жизнь, как его отец, «тихо и незаметно», через своих министров и сановников так, что *казалось*, что это не его решения... Впоследствии только жена, Государыня Александра Фёдоровна, знала сокровенную жизнь его души, знала его до конца. Для других же, особенно для «общества», Николай Александрович, подобно своему венценосному предку Александру I, был и остался *загадкой*, «сфинксом». Загадку не трудно было бы отгадать, глядя на дела и судя по ним, будь на то желание. Но у «образованной» общественности такого желания не было (да и теперь почти нет!). Зато было большое желание представить «всероссийского деспота», «тирана» в самом невыгодном для него свете. То стихийно, то *умышленно* создавался клеветнический, полностью искажённый образ Государя Николая II, где не последнее место занимали злорадные представления о «слабости» его воли, податливости влияниям, «ограниченности», «серости» и т.п. Русскую интеллигенцию, как по лакмусовой бумажке, можно проверять по отношению её к личности Николая Александровича. И проверка почти всегда подтверждает уже определившуюся истину о том, что в целом свете не сыскать ничего более презренного по духовной убогости и примитивности, чем русская (именно только русская!) «культурная интеллигенция»! Зато в общем неплохо видели и понимали личность Николая II те представители Запада, которые *по долгу службы* обязаны были понимать! Германский поверенный в России граф Рекс доносил своему правительству в 1894 г.: «...Я считаю Императора Николая человеком духовно одарённым, благородного образа мыслей, осмотрительным и тактичным, его манеры настолько скромны и он так мало проявляет *внешней* решимости, что легко можно прийти к выводу об отсутствии у него сильной воли, но люди, его окружающие, заверяют, что у него весьма определённая воля, которую он умеет проводить в жизнь *самым спокойным* образом». Донесение было очень точным. Впоследствии Запад не раз убеждался в исключительно сильной воле Государя. Президент Франции Эмиль Лубэ в 1910 г. свидетельствовал: «О русском Императоре говорят, что он доступен разным влияниям. Это глубоко неверно. Русский Император сам проводит свои идеи. У него есть зрело продуманные и тщательно выработанные планы. Над осуществлением их он трудится безпрестанно». Очень высоко ценил государственные способности Николая II знавший толк в правителях Уинстон Черчилль. Государь получил очень обширное высшее юридическое и высшее военное образование. Его преподавателями были выдающиеся профессора университетов, в том числе уже известный нам К.П. Победоносцев, виднейшие генералы Русской армии. Николай Александрович планомерно приобщался к государственным делам, председательствуя в разных комитетах (в том числе — Великого Сибирского ж.д. пути), заседая в Госсовете и Комитете Министров. Он свободно владел английским, французским и немецким языками. Он изучал в достаточной мере и Пра-

вославленное богословие. В период учёбы Николаю Александровичу была представлена книга Уильяма Пальмера «Патриарх и Царь» на английском языке. Это было самое обширное в те времена исследование о *Патриархе Никоне*, где приводились многие архивные документы и в том числе большое сочинение Святейшего под названием «Возражение или раззорение смиренного Никона, Божией милостью Патриарха Московского и всея Руси, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева Газскому Митрополиту Паисию Лигаридиусу, и на ответы Паисеовы». Здесь Патриарх Никон обосновал на писаниях святых отцов (наипаче — И. Златоуста) учение о *симфонии церковной и царской власти*, а также свои идеи о пространственно-архитектурном образе (иконе) в связи с Иерусалимом, что является вообще новым вкладом в православную *теорию образа*. Будущий Самодержец был потрясён глубиной и верностью мыслей Патриарха Никона! Они сделались с этого времени предметом его самых серьёзных размышлений. Так протянулась таинственная связь между двумя почти тезками — Никоном и Николаем II! И как протянулась? От Москвы через Лондон и (на английском языке) в С.-Петербург!.. Интересно, что англоязычный Запад, оказывается, знал о Русском Патриархе Никоне едва ли не больше, чем русские, и относился к его личности и идеям с большим вниманием и *пониманием*, чем «образованное» российское общество. А Государь Николай II был кровным родственником Английской Королевской Семьи, в том числе, королевы Виктории. Нужно, однако, отметить, что интерес к Никону и *положительная* оценка его деяний появились и в российском учёном мире. Труды проф. Субботина и архим. Леонида (Кавелина), а также изданное последним жизнеописание Патриарха Никона, сделанное его клириком Иваном Шушериным, представляли Святейшего в XIX в. совсем иначе, чем некоторые видные историки того же времени, следовавшие за предвзятой, искажённой версией, созданной судебным «делом» Патриарха и старообрядческой клеветой. В XX в. появились сперва «нейтральные» работы проф. Каптерева, затем фундаментальное, в трёх больших томах, исследование проф. Зызыкина, полностью *очистившее* облик Никона и приводящее прямо к признанию его несомненной *святости*, а затем и серия работ в таком же духе Митрополита Антония (Храповицкого). И, несмотря на это, российская «культурная общественность» в целом, и тогда и *теперь* продолжает *верить лжи* о Патриархе Никоне, представляя его гордым тираном, и умиляясь его противником протопопом Аввакумом, т.к. он явился именно церковным *бунтовщиком*, справедливая казнь которого теперь рассматривалась демократической общественностью как «мученичество за идею...» Открывая для себя личность величайшего из духовных вождей Великой России — Патриарха Никона, Государь Николай ещё не знал, что их объединит общая участь — быть *оболганными* в «общественном мнении» более, чем кто-либо другой в истории! К ним можно присоединить в этом отношении только Государя Павла I. И тогда получается, что столь особенному, всестороннему и полному оболганию подвергались те три лица, которые как раз стояли на трёх наиважнейших «разломах» Российской жизни, определявших судьбы всей страны, и притом стояли так, что пытались направить эти судьбы в *спасительном* для Великороссии направлении! Нам же важно теперь узнать, что Господь помог Николаю II, хорошо изучившему Российскую историю, найти

в ней *«точку» наивысшей крепости*, — время совместного правления Россией Царя Алексея Михайловича и Патриарха Никона! Впоследствии своего единственного сына Николай II назовет Алексеем, в память Алексея Михайловича...

14 ноября 1894 г. состоялось бракосочетание Государя с принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской. Не первая связь Романовых с этим Домом. Родная сестра Алисы, Елизавета Фёдоровна, уже была замужем за дядей Николая II Великим Князем Сергеем Александровичем, губернатором Москвы. К моменту венчания невеста звалась уже не Алисой, а Александрой Фёдоровной, и с этим связана очень красивая история! Они впервые случайно встретились, когда ей было всего 12 лет, а ему 16, и полюбили друг друга. Потом эта детская любовь, пройдя через определённые искушения, превратилась в глубокое взрослое чувство. По на пути влюблённых вставали два препятствия, казалось, неодолимые. Родители с обеих сторон были против их брака, по разным причинам. Александр III наметал для сына-Наследника другую партию. Наследник не спорил с отцом, но тихо, спокойно давал понять, что не желает никого, кроме Алисы. Отец же был не только властен, но и добр! Увидев серьёзность и твёрдость Николая, он не счёл возможным или нужным «ломать» ему личную жизнь и благословил эту дивную любовь. Были успешно проведены необходимые переговоры, но оставалось другое препятствие. Алиса Гессенская была протестанткой. Чтобы стать женой Наследника Российского Престола, она должна была принять Православие. Немка по отцу и англичанка по матери (внучка королевы Виктории, особенно любимая ей и воспитанная при английском Дворе) Алиса была чрезвычайно честным человеком и *не могла сменить веру* только по политической причине. Выходом из положения было бы убеждение Алисы в правоте Православия, что представлялось просто невероятным! Однако за такое, в сущности, *апостольское* дело взялся *сам Николай Александрович*. Он сумел показать Алисе, что Православие не только не противоречит её собственным христианским чувствам и мыслям, но, более того, — *соответствует им лучше*, чем протестантское исповедание. Он сумел также начертать перед её мысленным взором такую развёрнутую и захватывающую картину красоты святоотеческого русского Православия, что Алиса потянулась к нему всем сердцем совершенно искренне. Скоро она стала всем сердцем Православной и *поэтому* всем сердцем ... *русской!* Именно так — *русской* — она себя потом и *называла* и ощущала! Она прибыла в Россию накануне кончины Александра III. Сначала её, как положено по церковному чину, присоединили к Православной Церкви. Те, кто присутствовали при этом, свидетельствуют, что состояние присоединяющейся было необычным: она трепетала и светилась, пламенела неким ярким духовным светом. Став таким образом Александрой Фёдоровной, невеста Наследника застала уже последние дни и часы жизни своего свёкра. По законам и обычаям Николай Александрович по смерти отца сразу провозглашался Императором и сразу должен был жениться. Так, в обстановке *печали и скорби*, в дни *траура* совершилось бракосочетание его с избранницей детства, прошедшее очень скромно, без торжеств. Также простым был въезд новобрачных в С.-Петербург. Новая Царица была на редкость красива! И не только внешне, но и духовно. Нрав у неё был пылкий, но сдерживаемый огромным самообладанием и воспитанностью. Как и муж, она не любила показывать на людях свои чувства, «закрывалась» от лстивых и двоедушных и «открывалась»

для простых сердцем и добрых, из-за чего многие «в свете» считали её «холодной», даже «надменной». Ей тоже претили «фраза» и «поза». Своего родного дядю германского императора Вильгельма II Александра Фёдоровна просто *терпеть не могла* как раз из-за его постоянного позёрства, хвастовства, а также за враждебное отношение к России (но об этом позже). Александра Фёдоровна усердно и успешно учила русский и церковнославянский языки и очень скоро могла говорить и писать по-русски лучше, чем многие русские.

В 1896 г. с 6 по 26 мая, происходило Венчание на Царство (Коронация) Государя и Государыни, как обычно, в священной столице России — Москве. Торжества эти стали событием *всёмірного значения*. На них прибыли члены Августейших Семей всех монархий Европы и многих стран мира. Съехались представители правительств, гости и журналисты со всего света, делегации и депутации со всей России!.. Все Венчания на Царство в Москве всегда проходили очень торжественно и красиво. Но такой красоты как на сей раз, не бывало ещё никогда! Улицы, отдельные дворцы и дома Москвы, наипаче — Кремль, были украшены столь богато и искусно лучшими художниками и умельцами, что сделались своего рода произведениями искусства. Кремль был необычайно иллюминирован. Электрические прожектора ночью освещали колокольню Ивана Великого, соборы и башни, что в те времена было ещё в диковинку. Многочисленные временные декоративные павильоны, гирлянды цветов, электролампочек украсили Москву, как богатую невесту «в ризы позлащенные одеяну, преукрашенну». Шествия придворных в особых одеяниях, герольдов, военных разных родов войск становились великолепными зрелищами, на которые собиралась вся Москва! *Ничего подобного никогда ещё на Русской Земле на бывало!* Коронационные торжества 1896 г. можно считать символическим изображением той *высочайшей степени* духовной красоты и исторического величия, каких достигла Россия, *символом её «Фаворской» славы!* Коронация происходила 14 мая. Она была главным событием торжеств. В древнем духовном *центре* Святой Руси и Великороссии — в Успенском соборе Кремля венчался на Царство Государь Николай II и венчал свою жену-Царицу (малой короной). Он громко прочитал символ веры, свидетельствуя миру видимому и невидимому свою верность Святому Православию. *На коленях*, когда все стояли, прочитал положенные молитвы. Затем, восстав, одел на себя корону, а все опустились на колени. В горностаевой мантии, в парадных царских облачениях он был прекрасен! Прекрасна была и Царица. Пройдя через царские врата в Алтарь, Государь принял Тело Христово от митрополита С.-Петербургского Палладия, возглавлявшего службу, а Кровь Христову из чаши принимал сам. Над ним по обычаю (со времени Феодора Иоанновича) был совершён чин Миропомазания. Это великое таинство Православной Церкви над всеми людьми совершается только раз в жизни, — при Крещении, но над Царями — повторяется. Оно сообщает *особую благодать Святаго Духа*, просвещающую сердце и разум, укрепляющую все духовные и телесны силы человека и дарующее человеку способности, нужные для его спасения и служения Богу, а Царю, кроме того, — к верному разумению воли Божией о своей стране и к управлению ею, а также чувство *особенной* любви к Земле, к народам, её населяющим, как к чему-то родному, как бы кровному, о чём с этого мгновения будет постоянно болеть царское сердце... Потом с Красного крыльца

Царь и Царица показали и поклонились народу. Народ ликовал!.. На Коронации, как пред тем и на Бракосочетании Государя, сослужил всероссийский батюшка святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Казалось, ничто не должно было омрачить этой великой и всеобщей радости. Но 17 мая произошло страшное — трагедия на Ходынском поле. В ожидании прибытия Царственной Четы, раздачи пред этим памятных царских подарков на Ходынском поле уже с ночи скопилось до 500 тысяч человек. Силы полиции и казаков, бывших здесь для поддержания порядка, оказались слишком ничтожными. Громадная, плотно сжатая масса рано утром колыхнулась и началась давка, в которой ужасной смертью погибло более 1300 человек и около 2 с половиной тысяч получили увечья. В поисках виновных некоторые говорят о революционерах, якобы как-то спровоцировавших беду. Возможно, что были и провокаторы, но не в них в данном случае причина катастрофы. Это была именно *трагедия*, в которой не виноват никто, кроме незримых диавольских сил. Но вот вопрос: почему Богом было попущено этим силам произвести такое массовое человекоубийство в такие радостные и торжественные дни? Государь тоже мучился этим вопросом и ему, как и многим, в этой беде увиделось *знамение* того, что должно произойти *со всей Россией* на вершине её духовной славы и земного могущества, именно в его царствование. Проникнутый сознанием того, что отныне он (а не кто-то другой!) *прежде всего* ответственный пред Богом за Россию (а таковое сознание присуще было Николаю II в высшей степени!), Царь решил вопреки советам некоторых приближённых как бы принять вызов сил зла и показать, что *не будут они господствовать в Российской жизни*, пока он — Царь! Поэтому он не отменил и не «свернул» программу коронационных торжеств, но повелел продолжать всё по намеченному, и сам участвуя во всех предусмотренных событиях, как будто *ничего не случилось!* Тем паче не желал Государь показывать иностранцам, что он, Русский Царь, *подавлен* случившимся. Один Господь знает, как переживал «Ходынку» Николай II! Мы можем судить об этом лишь отчасти, по тому, как в те дни Царь и Царица (без «рекламы») посещали в больницах людей, пострадавших в этой беде, как жертвовали им и семьям погибших от себя щедрые средства, как молились за панихидами, как даже в официальном манифесте о восшествии на Престол Государь отметил свою «печаль» «посреди светлых дней» о «несчастьи, постигшем многих из участников празднества».

Для Государя и Государыни началась новая жизнь, где они уже не принадлежали себе, жизнь — служение России, жизнь-подвиг. Их взаимная любовь окрепла и стала одной из самых сильных опор этой новой жизни и служения. Эту любовь они пронесли до конца свято и непорочно! Их личные письма друг другу поражают силой интимного супружеского чувства, сочетающегося с глубочайшим *целомудрием* с такой духовной чистотой, какая кажется нынешнему развратному сознанию просто невозможной. Но так было! Дивная чистота была. И происходила она от глубокой веры в Бога и сознательной *устремлённости* к Царству Небесному, что было естественным *состоянием* Царя и Царицы. Из этого состояния происходило, в свою очередь, и желание *привлечь к тому же и весь Русский народ*. Это подкреплялось основательным знанием и верным пониманием сущности и исторического призвания Русского

народа, как *народа Божия*. В этом чувстве и понимании между Царем Николаем II и Русским народом было редкостное единство! Самодержавную власть Царь считал священной. В речи земским депутатам 17 января 1895 г. Государь сказал: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления: пусть все знают, что я, посвящая все свои силы *благу народному*, буду охранять начала *самодержавия* так же *твёрдо и неуклонно*, как охранял его мой покойный незабвенный Родитель». Речь шла о парламенте в России, а Государь был вполне согласен с Победоносцевым, что «парламентское правление — это «великая лож нашего времени». Под видом «демократии» народом фактически правят самые ловкие, хитрые и злые силы мировой антицеркви. *В условиях Православного Самодержавного Царства всем вместе двигаться к Царству Небесному* — вот что стало главной задачей Царя! Народ не мог нарадоваться на такого Государя. О нём и на него молились! И он рано понял, что осуществление такой задачи было бы одновременно и спасением России от тех бедствий, какие сулили ей вдохновляемые диаволом человеческие антирусские и антицерковные силы «общественности». Отсюда выходило, что нужно поворачивать, *возвращать* Россию к тому государственному и общественному устройству, какое наиболее свойственно самой природе, или сущности Великороссии, и какое в наилучшем виде явилось в царствование первых Романовых, особенно — *Царя Алексея Михайловича до его разрыва с Патриархом Никоном*.

Разумеется, речь могла идти не о «механическом» перенесении всех порядков и учреждений XVII века в век XX-й. Новейшее время с его бурным развитием наук и промышленности, с появлением новых сословий и новых течений жизни порождало необходимость совершенствования соответственных механизмов власти, общественных организаций, способных верно реагировать на изменения текущей жизни. Как всегда, во все почти царствования, была и необходимость в определённых реформах, особенно в земельных, а также связанных с промышленностью, и в области образования и просвещения. Но это всё не мешало осуществлению определённого возврата к допетровским порядкам. В них главным было полное восстановление *симфонии* церковной и царской власти, для чего было необходимо восстановить *Патриаршество* в России. А это значит, что вся *система* государственных и церковных учреждений должна была быть преобразована так, чтобы её руководящими началами стали не суточные меркантильные расчеты, а *заповеди Божии* и *благочестивые обычаи* Русской Земли, чтобы сама *психология*, образ мысли сановников и чиновников стали бы подлинно православными, духовными, и не только их, но и всего общества, для чего нужны соответствующие изменения в системе народного образования и высшей школы, во взглядах, нравах, вкусах общественности...

Возможен ли был такой поворот (или возвращение) с практической точки зрения? Оказывается, — да! И это, прежде всего, подтверждалось личностью и образом жизни Государя и Государыни, органично *сочетавших* самую высокую современную образованность с глубокой православной верой и *жизнью по вере*. Государь увлекался техникой, мог читать французские романы, но очень любил чтение Священного Писания и иных духовных книг. Он и вся его

семья регулярно исповедалась и причащались, соблюдали церковные посты, праздники, в личной жизни очень просто питались и просто одевались, дети воспитывались в строгости нравов, досуг их непременно был занят каким-нибудь рукоделием. Государь очень любил военное дело (смотры, учения, парады), но не менее, если не более, любил посещать святы места и монастыри, предаваясь сердечной молитве. Так же и Государыня, а впоследствии — и их дети. Как и его отец, Николай II стал замечательным семьянином, даже в мыслях не допускавшим какого-либо нарушения святости законного брака. Во всём этом мы, пожалуй, *впервые* обнаруживаем, как в личности, в сознании Российского Императора современная западная культура и всё, связанное с ней, *преодолевается*, как бы *переплавляется* в исконно русском православном мировоззрении и мировосприятии! От пагубности «западничества» здесь почти ничего не остаётся! Она почти испаряется, исчезает! От западных влияний берётся в основном то, что с пользой может быть применено в русской жизни и в соответствии с её духовными православными устоями! Это подлинная *победа* над «западничеством», из которого вырваться пытались (и со всё большей мерой успеха) Российские Государыни, начиная с Павла I. Наибольший успех достигнут был Николаем II. Если такая победа произошла в духовной жизни Самодержца, — она вполне могла произойти и в народе и в «общественности», — было бы желание! В этом отношении Государь Николай II *продолжал* и в высшей степени завершал цепь тех замечательных *обращений* от западничества к Православию, о которых мы уже говорили (Александр I, Пушкин, Гоголь, Достоевский). От революционного народолюбия, к примеру, обратился к Православию и Самодержавию Лев Тихомиров, написавший затем замечательный труд «Монархическая государственность». Можно вспомнить имена композитора Глинки, хирурга Пирогова, химика Менделеева, сочетавших *вполне* современную образованность с *искренней* православной религиозностью. И список этот можно было бы продолжать множеством (!) иных имён выдающихся людей из всех (!) сословий российского общества, в том числе и из дворянского. Дворянство конца XIX-начала XX в.в. дало России многих достойнейших служителей Церкви, Царя и Отечества, — священников и монахов, доблестных офицеров, дипломатов, государственных деятелей, учёных, деятелей культуры и искусства. Поэтому мы (уже вторично) подчёркиваем, что далеко *не поголовно* всё дворянство было растленным и изменническим — нет! Но, думаем, даже нынешние потомки старых дворянских родов согласятся с тем, что не такие православные и добрые дворяне *определяли* настроения дворянства, *как сословия*, в целом. Определялись эти настроения всё-таки дворянами *другими*, отравленными масонскими идеями, склонными или к либеральному парламентаризму, или даже (что было реже) к революции и социализму, но так или иначе, боровшихся с Самодержавием, подрывавших его устои. *Большинство* дворянства того времени было не с Царём, а против него. Это тоже нужно подчеркнуть. Потом мы увидим страшные последствия этого противостояния, а пока мы ведем речь о доброй, верующей части российского общества, которая свидетельствовала то же самое, что и Государь, то есть, что *возвращение* Великой-россии к допетровским устоям государственного и общественного бытия возможно, что не являются непреодолимыми препятствиями для этого ни разви-

тие наук и искусств, ни развитие промышленности и так называемого капитализма, что дурные, пагубные (увы неизбежные!) влияния такого развития всё-таки *преодолимы* для подлинно православного духовного сознания! Это важно иметь ввиду в связи с настойчиво навязываемым представлением об «объективном» характере революции, то есть о том, что вера и Церковь, Самодержавие и его учреждения являются исторически «отжившими», поскольку будто бы препятствуют «закономерному» развитию науки, промышленности, культуры. Нисколько не препятствуют и не препятствовали! Напротив — *содействовали!* Так что — было бы *желание, свободный выбор воли!*

Помочь российскому обществу сделать *выбор* в пользу исконных духовно-государственных устоев Святой Руси так, чтобы этот выбор был осознанным и свободным, добровольным,— стало важнейшей задачей Николая II. С самого начала он, с одной стороны, всячески содействовал расширению *началу свободы* в обществе (в разумных рамках), проводя политику веротерпимости и снятия многих запретов, в том числе в отношении евреев, развития образования, в частности женского, поощрения наук и искусств (всё это было тогда же отмечено западными наблюдателями), а, с другой стороны, стремился ненавязчиво *обратить внимание общества* на исторические и духовные ценности исконной Великороссии. Здесь он продолжал то, что, как мы видели, определилось уже при Александре III. Наиболее ярко отражал тогда поворот Российских Самодержцев к исконно русским началам вопрос о храме Христа Спасителя в Москве, который должен был стать памятником войны 1812 г., по обету, данному Александром I. Первоначальный проект масона Витберга, пытавшегося придать храму совершенно не русский, масонский облик, был отвергнут и осуществлён проект архитектора Тона. По данным проф.-протоиерея Георгия Флоровского Тон тоже был масоном и тоже привнёс некоторые масонские идеи в свой проект, но, вынужденный считаться с заказом, он всё же спроектировал храм Христа Спасителя в исконных русско-византийских традициях «о пяти главах» с самой большой — центральной. Он был освящён в 1883 г. При Николае II уже *все* новые храмы стали строиться только в древнерусском, *допетровском* стиле. В 1901 г. под покровительством Государя был создан особый комитет содействия возрождению *древнерусских* традиций *иконописи*. Николай II, отлично знавший богослужение, поощрял возвращение к *древнерусским* основам церковного пения. В 1903 г. в Зимнем дворце состоялся знаменитый рождественский бал (последний большой царский бал), на котором всё множество его участников (придворных и гостей) были одеты в заранее для этого сшитые костюмы и платья допетровских времен *XVI-XVII веков*. В 1912 г. был построен известный Феодоровский собор в Царском Селе и окрест него целый «городок». Всё было сделано согласно воле Царя и Царицы исключительно в *допетровском*, древнерусском стиле! В 1913 г. состоялись знаменитые выставки отреставрированных *древних русских икон* и иных предметов древнего церковного обихода, что явилось событием, приобретшим не только всероссийское, но и *мировое культурное значение*. После этого даже Запад (!) начал оценивать древнерусскую православную духовную культуру (хотя весьма односторонне,— как живопись главным образом). В разгар войны 1914-1917 г.г. по повелению Государя Николая II была разработана и *создана новая форма*

Российской армии, — с головными уборами в виде шлемов древнерусских воинов и шинелями, напоминавшими одежду *допетровского* стрелецкого войска.

Российская армия не успеет одеть эту форму, её оденет *Красная армия* революционного антихристового режима. Но то, что такая форма была *заготовлена* для всей армии в конце 1916-начале 1917 г. говорит о многом! В частности, о том, что облачение Царя и Царицы в одежды допетровского времени в дни Коронации 1896 г. для Государя Николая II было *началом* продуманной идейно-воспитательной кампании, которую он, как видим, последовательно, планомерно, но «тихо и незаметно» осуществлял!

Царская Семья посещала все наиболее значительные церковные события, места и монастыри, в том числе и *Воскресенский Ново-Иерусалимский* монастырь, созданный Патриархом Никоном под Москвой. Здесь, в русских монастырях, Государь и Государыня (а затем и их дети) соприкасались с самим сердцем Православия и Святой Руси — с живым источником духовного подвижничества, проникаясь (уже не книгам только) его благодатным влиянием. Влияние же Святого Православия сказывалось буквально на *всех* областях и деяниях внутренней и внешней политики Государя и государства, было их определяющим началом.

Так, в 1896 г., когда создалась благоприятная возможность навсегда покончить с крайне ослабевшей Турцией и хотя бы, на первых порах, овладеть проливами Босфор и Дарданеллы и Константинополем, Николай II, несмотря на сильное давление министерства иностранных дел и военного, *отказался* это сделать, чтобы не вызвать «рикошетом» большой войны в Европе! Подражая своему великому предку Александру I, создавшему Священный Союз, Николай II в 1898 г. выступил с инициативой, которую *не поняли* ни российская «общественность», ни европейские правительства. Он, Государь великой и мощной во всех отношениях (а не беззащитной и слабой) державы, обратился ко всем государствам мира с особым обращением (нотой), где говорилось: «Охранение *всеобщего мира* и возможное *сокращение* тяготеющих над всеми народами *вооружений* являются, при настоящем положении вещей, целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств». Далее разъяснялось, что военные расходы ложатся всё возрастающим бременем на народы, расстраивая их благосостояние. «Сотни миллионов расходуются на приобретение страшных средств истребления, которые, сегодня представляясь последним словом науки, завтра должны потерять всякую цену в виду новых изобретений. ... Таким образом, по мере того как растут вооружения каждого государства, они менее и менее отвечают предпоставленной правительствами цели» (сохранение вооружённого мира — прот. Л.) — говорилось в ноте и указывалось: «Очевидным, поэтому, представляется, что если бы такое положение продолжилось, оно роковым образом привело бы к тому именно бедствию, которого стремятся избежать и пред ужасами которого заранее содрагается мысль человека». Нота предлагала *созвать конференцию* всех государств с целью «положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие *всему миру* несчастья». Как видим, здесь *впервые в истории человечества* говорится о возможности *мировых войн* (когда «восстанет народ на народ и царство на царство» (Мф. 24,7), как сказано в Евангелии, и предлагается сред-

ство к их преодолению. И этот предупреждающий об *апокалиптической опасности* голос исходит *от России*, от православного святорусского сознания её *Царя!* Нота была опубликована 16/28 августа. Реакция была быстрой и... *отрицательной!* Европа, Запад, мир ничего не поняли!

Германский кайзер Вильгельм (родственник Николая II) просто не знал, что думать! То он пытался объяснить шаг России «горькой нуждой» или «гуманитарным угаром», то попросту отказывался понимать, говоря: «Тут какая-то чертовщина». Тем не менее, в тот же день 16 августа он телеграфировал Николаю II, что его нота «ярко освещает возвышенность и чистоту побуждений», но добавлял, что «однако на практике осуществить побуждение затруднительно... Можно ли, например, представить себе монарха, распускающего полки, освящённые веками истории?» Во Франции тоже восприняли ноту как призыв к разоружению, чего никак не хотели из желания вернуть Эльзас и Лотарингию, и заподозрили даже, что нота — результат тайного сговора России с Германией против Франции... Пришлось посылать русских дипломатов и терпеливо, долго объяснять державам, что речь идёт не о полном разоружении, а только об *ограничении дальнейших* вооружений (прекращении гонки вооружений), поскольку они уже не *обычные* военные средства а невиданные ранее средства *массового уничтожения*, и что сокращение вооружений предлагается не одним каким-то державам, а *всем* одновременно и пропорционально. По словам русских дипломатов, в итоге к русской инициативе «народы отнеслись восторженно, правительства — недоверчиво». Государь Николай II не отступал. И добился своего! *6/18 мая 1899 г. в Гааге* под председательством русского дипломата барона Стааля открылась *первая в мировой истории Международная конференция* по означенным вопросам. Далеко не все предложения России были приняты, но было всё-таки решено *запретить* разрывные пули, бомбардировки с воздуха, газовые снаряды, *создать орган* мирного решения международных споров путем посредничества и третейского разбирательства. Так возник Гаагский международный суд, существующий и по сей день. *Российский Самодержец*, в своей мысли заключающий волю своего народа, становился ничем иным, как *христианской совестью мира, всего человечества!* В 1921 г. на конференции по морским вооружениям американский Президент Гардинг помянул добрым словом «благородные стремления Его Величества Императора Всероссийского», *впервые* предложившего идею подобных конференций. На том дело, пожалуй, и кончилось. Мир в целом больше не помнит почин Государя Николая II. Немудрено! Сразу после Гаагской конференции 1899 г. кайзер Вильгельм писал, что, хотя её решения и подписаны Германией, «но в своей практике я и впредь буду полагаться и рассчитывать только на Бога и на свой острый меч. ... И *насрать* мне на все эти постановления!» Примерно то же, хотя бы и не так грубо, говорили в правительствах других стран Запада. К чему это привело, мы нынче хорошо знаем. Запад не вразумился ни 1-й, ни 2-й мировыми войнами, но в середине XX в. докатился до *абсурда* атомной бомбы и связанной с ней угрозы самоуничтожения... Только после этого, *испугавшись* за свои драгоценные жизни, масоны-политики разных стран заговорили почти теми же словами, что уже были сказаны Россией в конце XIX — го столетия, но выдавая их уже за *свои* слова и инициативы... А Император Николай II и в дальнейшем

руководился *миротворчеством*, в области внешней политики, насколько это было возможным без ущерба для чести и коренных интересов России. Не желал он и войны с Японией, хотя и предвидел её возможность. В 1912 г. он предотвратил новую опасность большой войны, связанную вновь с Балканами. Царь хорошо понял основные настроения европейских держав, руководившихся только своекорыстием, не отказываясь совсем от участия в европейских делах, в частности, почитая долгом защиту православных славянских народов, продолжая линию дружелюбных (поелику возможно) отношений с Германией и одновременного укрепления (в противовес ей) союза с Францией, а затем и Англией, (с 1907 г.) Государь вместе с тем, при полном непонимании общественности, начал переносить *центр тяжести* политики России с Европы (с Балкан и проливов) *на Азию*. Освоение Сибири, Дальнего Востока, развитие Средней Азии стали предметом особых забот его и России. Полностью были построены Сибирская магистраль и КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога (через Маньчжурию к Тихому океану), значительная часть Турксиба, запланирована постройка Байкало-Амурской магистрали (БАМ). В голодной степи был построен большой оросительный канал с гидростанцией, и электрический свет *впервые* пришёл в крестьянские дома. Началось освоение Северного Морского пути, и на берегах Ледовитого океана заработали первые радиостанции. В правительственных кругах заговорили даже вновь о возможности создания *новой столицы* России где-нибудь ближе к географическому и экономическому её центру (Урал, Сибирь). Но это было уже крайностью. Николай II любил Москву и понимал её *священное* значение для Великороссии. Пасхальные торжества Царская Семья старалась проводить в Москве, а не в Петербурге. Поэтому грандиозное, явное, всем видимое устремление Государя от Европы — к Азии явилось, в сущности, одним из важнейших проявлений *отхода* Российского Самодержавия *от западничества*, от «окна в Европу», и начало его политики утверждения *самобытности России*, основанного на всестороннем развитии новых земель её необъятной *восточной части*.

У Государя и Государыни последовательно, с 1895 г. по 1901 г. родились четыре дочери: Великие Княжны Ольга, Татиана, Мария и Анастасия. Но нужен был Наследник! Из-за отсутствия такового возникали сложности в официальном определении порядка наследования Престола. С конца XIX — в первые годы XX в. резко усилились рабочие и студенческие волнения. Под влиянием революционеров рабочие забастовки и демонстрации приобретали не только экономический, но и *политический* характер. Вновь возникли террористические партии и начались убийства государственных деятелей. В такой обстановке, как никогда нужна была ясность в деле преемства царской власти, нужен был Наследник! Получить его супругам, от которых рождались только дочери, можно было, как казалось, только чудом, т.к. средства медицины не помогали. Приглашались разные славившиеся даром исцелений люди, начиная от своих (некоторые «блаженные») и кончая заезжими, вроде француза Филиппа. Но никто помочь не смог. Возникла мысль, что чудо может произойти по предстательству преподобного Серафима Саровского, прославление которого, *по инициативе Государя*, уже готовилось.

В Царской Семье об этом великом Чудотворце Земли Русской знали давно. Но особенное впечатление произвела на Государя и Государыню книга «Летопись Серафимо-Дивеевского женского монастыря», написанная и *подаренная* Николаю II лично архимандритом Серафимом (Чичаговым) — отпрыском знатной фамилии, одним из самых образованных и талантливых представителей дворянства, пожелавшим сменить военную карьеру на монашеский подвиг (впоследствии он стал архиепископом, даже митрополитом Ленинградским и был расстрелян в 1938 г. в глубокой старости). В «Летописи» содержалось так много поучений, слов преподобного Саровского старца, предсказаний, сведений о его чудотворениях, что Царская Семья прониклась великой верой в него! На 17—20 июля 1903 г. было назначено торжественное прославление Серафима Саровского, давно уже широко почитавшегося в народе. Царь прибыл в Саров со своей семьёй, с матерью, вдовствующей Императрицей Марией Фёдоровной, братьями — Великими Князьями, другими членами Императорского Дома, свитой. Такого паломничества Августейшая Семья ещё никогда не совершала. Оно выходило из ряда вон среди всех других путешествий Царя и Царицы по святым местам. К этим дням в Саров съехалось до 300 тысяч (!) богомольцев со всех концов России! Николай II старался быть на всех, почти непрерывных, длительных богослужениях. Вершиной торжеств стало перенесение мощей преподобного Серафима из больничной Зосимо-Савватиевской церкви монастыря, где он был похоронен, в Успенский собор Саровской обители 18 июля. Гроб с мощами несли на своих плечах Государь, Великие Князья и архиереи. В тесном окружении моря народа!

Происходило нечто невиданное и неслыханное. Русский Царь и его Семья оказались на несколько дней непосредственно в молитвенной стихии сотен тысяч (!) русских людей, молясь вместе с ними, в самой их гуще. Охрана как бы растворилась в этой массе; да её, в сущности, и не нужно было здесь! Воистину «едиными усты и единым сердцем» Православный народ славил Бога, Его угодника Серафима и Его Помазанника — Царя Николая II! Выйдя из Успенского собора, Августейшие паломники оказались поистине в другом храме, как вспоминает очевидец. «Наполнявший монастырскую ограду народ стоял в благоговейном молчании; у всех в руках свечи. ...Вышли за монастырскую ограду, — там та же картина, но ещё величественнее, ещё грандиознее, там стоят ещё большие толпы народа и также со свечами... Было так тихо, что пламя свечей не колыхалось. Тут был в буквальном смысле стан паломников. Из разных мест доносилось пение». Всё это было уже в сумерках. Через это светящееся море людей неслышно шли Николай II и Александра Фёдоровна. Останавливались, принимали трогательные выражения любви и преданности, исходившие живо и непосредственно от людей, отвечали им, говорили с ними. В основном это были, конечно, крестьяне. Но были и представители всех других сословий России, — рабочие, купцы, дворяне, интеллигенты. Это была встреча Царя и Царицы близко, лицом к лицу с Русью Святой, Православной, нелицемерно и глубоко любящей своего Царя. *Такая* встреча со Святой Русью, представленной *таким народным множеством* и при дыхании *особенной Благодати Божией*, связанной с самим событием прославления преп. Серафима Саровского, оказалось *первой* для Царственной Четы и... *последней*. Ничего подобного в

их жизни до этого не было и уже не будет! Особенное и чрезвычайное впечатление всё это произвело на Государыню, которая вообще никогда в жизни не видела таких православных многолюдных духовно-молитвенных торжеств! Саратовские дни 1903 г. стали *ключевым событием всего царствования*. В дни торжеств Государь получил от вдовы П.А. Мотовилова письмо преп. Серафима Саровского, адресованное *именно ему*, Николаю II, «запечатанное» хлебным мякишем (но никогда не вскрывавшееся!). Царь читал письмо, изменяясь в лице, и по прочтении...заплакал (ни до, ни после этого его никто не видел в слезах). Что было в письме, никто не знает по сей день. Можно лишь догадываться, что там содержалось какое-то предсказание о его судьбе, или судьбе России. В те же дни Николай II посетил юродивую Пашу Саровскую, о которой уже говорилось. Она образно (посредством куклы) предсказала Государю *рождение сына*, много иносказательно с ним говорила. Государь вышел удивлённым и радостным: «Я объездил всю Россию и не встречал ещё такой святой. Все принимали меня как Царя, а она приняла, как простого человека», — сказал он. Портрет Николая II Паша поместила в свой молитвенный угол и делала перед портретом множество земных поклонов, что крайне утомляло её келейниц, поднимавших и опускавших Пашу, т.к. она по болезни не могла кланяться сама. «Матушка, что же ты на Царя-то молишься?!» — спрашивали они. «А вы ничего не знаете, — отвечала блаженная, — Он выше всех Царей будет». Когда в 1914 г. началась война, Паша, обливаясь слезами, стала целовать ноги на портрете Государя, говоря: «Миленький, уже перед концом», и послала передать ему такие слова: *«Государь, сойди с Престола сам»*. Сведения получены совсем недавно от одной из последних дивеевских инокинь, которая имела их, в свою очередь, от своей духовной наставницы старицы монахини Серафимы, лично знавшей Пашу, видевшей и слышавшей всё описанное. Пророчества о будущей святости Николая II были сделаны в 1900-х годах при его жизни еще несколькими русскими подвижниками. Несколько раз Государь получал предупреждения о своей *мученической кончине*. Да и сам, как мы отметили, чувствовал, что-то подобное. Посещение Сарова не замедлило сказаться: 30 июля/12 августа 1904 г. родился Наследник Престола Царевич Алексей Николаевич! Можно представить радость Венценосных Родителей! В первые месяцы жизни новорожденного ещё не было известно о том, какая тяжелая болезнь гнездилась в нём. Выглядел он вполне здоровым, был просто красивым ребёнком. Своё имя, Алексей, он получил, как уже говорилось, в *память Царя Алексея Михайловича*.

Теперь можно представить, как *связались воедино*, замыслы Государя о возвращении России к допетровским устоям жизни с теми впечатлениями и чувствами, какие возникли у Царственной Четы в саровские дни. Сильнейшее впечатление произвёл разительный контраст между Русью Святой в Сарове, подлинной Великороссией, тихо, со свечами, молящейся, и Россией суетной, мирской, где случаются «ходьинки», а наипаче, — с Россией *сбесившейся*, где царит безбожие и зверство, где убивают министров, ненавидят Царя и мечтают о парламентской республике, или о ещё более худшем!.. В Сарове предельно ясно выяснилось, что Царь и подлинная Великороссия духовно, внутренне едины, но между ними нет прямой связи, *зримого политического взаимодействия*. Между, ними *вклинилась* прослойка той самой «общественности», которая и

является стихией России сбесившейся. Между тем эта прослойка, эта «общественность» исторически и политически устроена так, что должна была бы как раз и служить *связью* между Самодержцем и народом. В её, «общественности», руках находятся государственные учреждения, земства, городские союзы, средства информации, финансы, промышленность, дипломатия, армейское командование, суд, литература и искусство, многое другое. Особое, ведущее место, здесь занимает дворянство, которое по своему происхождению должно было бы быть оплотом самодержавия и воспитателем народа в вере и верности Богу и Государю, а оно давно уже стало в основной массе враждебно или безразлично и к тому, и к другому! И всё — под влиянием Европы с тех пор, как Пётр I призвал всех пойти к ней на выучку и поклонение.

Эта изъеденная западничеством (масонством и безбожием) «образованная» российская общественность уже не являлась голосом Земли. А между тем, если возвращаться к допетровским порядкам, то наряду с возрождением симфонии царской и церковной власти (в лице Патриарха) нужно было бы возрождать и *совет Царя с Землёй!* В древности, особенно в XVII в. этот совет выражался, как мы помним, в Земских Соборах и в общении Царей с московским людом иной раз прямо на Красной площади, с лобного места. И в те древние времена подаваемый Государям таким образом «голос Земли» не всегда совпадал с их, Государей, желаниями: толпа (наипаче московская) могла и бунтовать. Но это была в любом случае всё же *русская* и всё же *православная* толпа, и в подавляющем большинстве случаев Цари могли найти (и находили) с ней в конечном счёте *общий язык*, т.к. эта толпа никогда не требовала ни ограничения самодержавной власти Царя, ни тем более совершенного её упразднения. Напротив, всегда Земля требовала от Царей *усиления* их власти с целью обуздания своеволия и баззаконий боярства и чиновничества. В отличие от западного *абсолютизма*, самодержавие Государей Российских никогда (кроме Ивана Ужасного) не было произволом. Никогда Русский Царь не мог сказать: «Государство — это я». Он всегда был *ограничен* (если можно употребить такое понятие) христианской совестью, советом Церкви и советом Земли, но никогда не воспринимал это как связанность, лишение его должной свободы. Царь Русский всегда осознавал себя и *частью* Земли, и Церкви, и служителем их, ответственным пред Богом и за Землю, и отчасти (после Патриарха) за Церковь, почему ему просто *необходимо* был постоянный совет с ними. Нынче учёные иной раз называют это «элементами демократии». Вряд ли такое понятие сюда подходит. Русский народ никогда (!) не домогался принимать *постоянное участие* в управлении государством, в делах царских. Он мог лишь (иногда со смирением, а иногда буйно) выражать Царям в лицо своё мнение (требование) в каких-то чрезвычайных, исключительных случаях, наипаче когда сам Царь *просил* его об этом. Такое положение вещей можно с полным основанием обозначить церковным термином *симфонии* (созвучия, согласия) Царя с Землёй, или Соборности, но не «демократией» (народовластием).

Постоянного участия в управлении государством, а значит *действительного* ограничения царской власти, вплоть до полного её упразднения, стали требовать те, кто, *вместо Царей*, хотел править Россией, Русским народом, то есть *иудео-масоны!* И это было уже требованием *парламентаризма* (конституционной

монархии, или прямо — республики), требование исключительно западническое, не русское, шедшее вразрез не только с волей монархов, но и с *волей Земли!* Оно всегда лживо прикрывалось демагогическими словами о «воле народа», «воле России», «народном благе»... Это было уже совсем не то, что даже извечная боярско-княжеская «оппозиция» Самодержавию. Она, как мы видели, и не мыслила России без Царя; Царь и ей был *нужен* (иначе князья просто передрались бы, как в эпоху удельных усобиц). Боярская оппозиция добивалась относительной независимости, как бы автономии, и, конечно, не прочь была бы руководить Царями, но это никогда не могло в полной мере осуществляться по причине неизбежных и постоянных распрей внутри самой княжеско-боярской, или дворянской оппозиции, состоявшей из разных группировок вокруг наиболее сильных семей, *обречённых на отсутствие единства* из-за властолюбия и корысти каждой из них. Можно сказать, что княжеско-дворянская оппозиция искони стремилась ослабить (и ослабляла, расшатывала!) Самодержавие, вместе с тем желая его непременно *сохранить!* Позиция противоречивая и шаткая. Именно эта *шаткость* и привела к тому, что российское дворянство с XVIII в. как бы *ухватилося* за проникшее в него с помощью самих же Самодержцев (!) масонство, а в XIX в. — и еврейство, а они быстро привели дворянство к требованию *упразднения* Самодержавия вообще, под самым «благороднейшим», разумеется, предлогом «пользы Отечества», «блага России», «счастья народа»...

А как было на самом деле? То есть нуждались ли в XX веке Отечество, народ (Земля) в свержении Самодержавия? По переписи 1897 г. население Российской Империи (включая Польшу и Финляндию) составляло почти 129 миллионов человек. По данным, относящимся к 1870 г., дворянство потомственное составляло в этом населении 0,8%, дворянство личное и служащее — 0,4% (всего — 1,2%), духовенство — 0,9%, городские сословия (куда входили интеллигенты, купцы, промышленники и рабочие) — 9,2%, военные сословия — 5,5%, иностранцы — 0,27%, лица вне всех сословий — 0,43% и, наконец, *сельские сословия* — **81,5%!** По очень приблизительным данным в 70-х годах XIX в. на каждые 100 жителей *в среднем в Европейской части* России приходилось: русских — 72,5 человека (сюда включались и украинцы, и белорусы), финнов — 6,6; поляков — 6,3; литовцев — 6,9; *евреев* — **3,4**; остальные народности составляли совсем уж незначительные доли. По вероисповедному признаку население распределялось так: на каждые 100 жителей приходилось православных и единоверцев — 83,4; раскольников (старообрядцев) — 1,5; католиков — 4,4; протестантов — 3,6; иудеев — 3,0; магометан — 3,6 человека. В конце XIX — начале XX в.в. (до 1914 г.) процентный долевой состав населения по сословиям и народностям, конечно, несколько изменился. В связи с бурным ростом промышленности сильно увеличилась численность рабочих. В 1913 г. их было в России 11 миллионов (вместе с семьями). Но одновременно бурно возрастало и всё вообще население, в том числе его основная часть — крестьянство. За 20 лет царствования Николая II (с 1894 по 1914 г.г.) население России возросло на 40%, или на 50 миллионов человек и составило 180-182 миллиона! Доля рабочего класса составляла, таким образом, примерно 6-7%. Процентное отношение дворянства, а также прочего (помимо рабочих) городского населения и евреев к общей массе населения России почти не изменилось, или изменилось незначи-

тельно. Тогда для периода 1900—1914 г.г. мы получаем примерно такую итоговую картину. Дворянство, городское население (в том числе интеллигенция, чиновничество) вкупе с рабочими, и евреи составляли в общей сложности не более 11—12% населения России. 81—82% по-прежнему приходилось на крестьянство. Оно всё было за Православную Самодержавную Монархию (за исключением ничтожного числа бездельников, презираемых своими же односельчанами). Если учесть, что в среде рабочего класса не менее половины были если и не горячо за монархию, то и *не против* неё, что в дворянстве, пусть не большинство, но значительная часть оставалась верной Царю и Церкви, это и некоторая часть интеллигенции, особенно — чиновной, также была верной Самодержавию, что, наконец, наверняка больше половины простых евреев (основная масса) тоже не собиралась бунтовать, вполне приспособившись и к устройству российской жизни, то получится такая картина. «Образованная» либеральная и революционная «общественность» России вкупе со своим главным оружием — частью рабочего класса, эта «общественность», требовавшая власти (или участия во власти над страной) и так или иначе, в той или иной мере враждебная Царю и самому принципу Самодержавия, заявлявшая себя «голосом» Земли составляла приблизительно — смешно сказать — не более 6—7% населения этой Земли!

Так что некое народное *тело России*, прежде всего — Великороссии, Русского народа, было безусловно в общем и целом *монархическим*, безусловно *согласным* со своею *главой* — *Российским Царём* — Самодержцем! И Российское Самодержавие в лице Государя Николая II обеспечило этому телу России такое развитие, такой расцвет и благополучие как материальное, так и культурное, и духовное (что мы ещё покажем на цифрах и фактах), какого Россия не имела за всю свою многовековую историю! Поэтому Государь Николай II был совершенно прав, когда назвал в знаменитой речи земцам 17 января 1895 г. «*безмысленными*» мечтания «общественности» об участии в управлении государством. В российской «общественности» это вызвало возмущение. «Защитники» Государя указывают, что здесь была допущена оговорка. В тексте речи, которую Государь сам написал и даже (для верности) положил в фуражку, было сказано — *безпочвенные* мечтания». Однако слово «безмысленные» оказалось более точным, независимо от того, явилось оно оговоркой, или нет. Ибо не было никакого *смысла* изменять исторический образ власти России. Это понимали даже независимые, образованные умы на Западе. Так, по поводу указанной речи крупнейшая английская газета «Таймс» в номере за 18/30 января 1895 г. писала: «О русских учреждениях не следует судить с западной точки зрения, и было бы ...дерзостью — осуждать их за несоответствие идеям, возникшим из совершенно иных обстоятельств и из совершенно несходной истории. *Судя по всем обычным признакам национального преуспеяния, самодержавная власть Царя весьма подходит России.* ...Тот образ правления, о котором только что Царь высказал свою решимость сохранять его, может, во всяком случае, развернуть историю таких достижений в государственном строительстве, с которыми его соперники не могут и претендовать сравняться. В России во всяком случае он должен быть в настоящее время признан, как основоположный факт».

К таким здравым мнениям Запада российская западническая «общественность» уже не хотела прислушиваться. С Запада она теперь брала уже не всё, а лишь то, что прямо или косвенно, открыто или прикровенно выливалось в лозунг: «Долой Самодержавие!». Основными составляющими «общественности» были дворянские собрания, земские и городские союзы, высшие учебные заведения, различные «культурные» общества, кружки литераторов, художников («передвижники»), иные общественные организации, масонские ложи, с 1905 г. — профсоюзы, различные партии, от умеренных либеральных до революционных и анархических. Потом мы увидим кто и как направлял деятельность этих структур. А пока нам нужно отметить, что они так или иначе влияли на структуры власти, то есть на чиновников всех уровней, вплоть до самых видных государственных деятелей. К голосу «общественности» прислушивались все, тем паче, что большинство газет и журналов было в руках «общественности». В ней, правда, имелось умеренное крыло, которое, по крайней мере, на словах шло под патриотическими, национальными лозунгами. Но и оно постоянно «оглядывалось» на крыло «левое», антипатриотическое. Выступить в защиту Самодержавия и правительства для «культурного» человека означало обречь себя на изоляцию и враждебность общества. Цитированная нами речь историка Ключевского об Александре III вызвала против него такое возмущение студенчества, что ему стоило многих усилий вернуть себе вновь его расположение. Когда С. Булгаков отрёкся от марксизма и обратился к Православию, профессора и преподаватели университета объявили ему бойкот и он вынужден был оставить преподавание. В университетах и институтах лекции по высшей математике, или об устройстве организма лягушки почти обязательно сопровождались призывами к борьбе с «тьмой» (царизмом и Церковью) и словами о «светлом будущем» и «царстве разума»... Даже далёкие от «консерватизма» литераторы иной раз громко жаловались на идейный террор «общественного мнения». В начале XX века в российской «общественности» *еврейский* элемент имел уже не кое-какое, а *главное, направляющее* значение.

В такой обстановке любая попытка Царя создать учреждение, будь то Земский Собор (о котором начинали говорить) или иное представительство, где он мог бы слышать подлинный *голос Земли* и иметь с ней *совет*, была заведомо обречена на то, что это учреждение окажется в руках «общественности» и под видом голоса Земли Царь будет слышать голос иудео-масонской пропаганды, голос революции. Но связь с Землёй, совет с ней *нужно* было восстанавливать! Перед Государем Николаем II объективно вставал выбор: или физически уничтожить *такую* «общественность», — всего каких-нибудь 11—12 миллионов человек (что практически было вполне возможно, как потом показал опыт большевиков), — или ещё и ещё раз попытаться найти с ней *общий язык*, привлечь её к *созидательной* (а не разрушительной) работе во имя *подлинного* блага народа, Отечества.

Излишне много говорить, что для Православного Русского Царя, каким по духу подлинно был Николай II, первый путь был заведомо исключён (в этом смысле *субъективно* никакого «выбора» перед его сознанием даже не стояло). Его никогда не покидала *надежда*, что «общественность» (пусть не вся, но некая её ведущая, наиболее умная часть) непременно одумается, исправится, что

в ней возобладает здравый смысл! Он мерил людей по своей мерке. К тому же вся *суть*, вся важность дела состояла в том, чтобы российская общественность получила возможность именно *свободного выбора!* Последнюю историческую возможность.

В 1904 — начале 1905 г. на волне поднимавшегося демократического и революционного брожения, в Церкви и в обществе пошли усиленные разговоры не только о конституции, парламенте и т.п., но и о необходимости созыва Поместного Собора Русской Церкви и *восстановления Патриаршества*. «Общественность» использовала и это чисто церковное желание, полагая, что Патриаршество может послужить ограничению, или ослаблению царской власти. Либералы и демократы не знали, что возрождение Патриаршества давно было мыслью и желанием самого Николая II. В этом вопросе он *разошёлся* со своим учителем Победоносцевым, считавшим, что Патриаршество возрождать не нужно, но достаточно все усилия направить на укрепление Православного Самодержавия. Действительно, в XIX в., в «синодальных» условиях, но под покровительством подлинно Православных Самодержцев, Церковь просто расцвела, несмотря на отдельные естественные в каждом периоде времени недостатки. Расцвет продолжался и в XX в. Государь Николай II с полным правом называл себя «по собственному духовному влечению и по силе Основных Законов *первым блюстителем* в Отечестве интересов и нужд Церкви Христовой». Запомним слова — «собственное духовное влечение». По его инициативе и иногда на его личные средства строились церкви в России и за границей, — в Европе, в Святой Земле, на Афоне. При нём было открыто 211 новых монастырей (!) и 7546 церквей! *Это больше, чем в какое-либо иное царствование!* Он окончательно укрепил административно и материально систему церковно-приходских школ, не дав «общественности» погасить этот источник духовного воспитания, увеличил жалование духовенству, соделав его достаточно уважаемым сословием. А самое, пожалуй, важное состояло в том, что попечение Царя о внешнем процветании Церкви подкреплялось невиданным для Императоров России XVIII—XIX столетий *внутренним личным благочестием самого Царя!* Владыка Антоний (Храповицкий), будучи в 1905 г. епископом Волынским, в одной проповеди, помянув благочестие и добрые дела Николая II, воскликнул: «Русский народ!... *Учись же у своего Царя вере, умилению и молитве!*» Почти тоже самое говорил в Екатеринбурге священник Иоанн Сторожев, да и многие другие. *Такого* о Русских Самодержцах не говорили ещё никогда! Эти разговоры означали не что иное, как то, что Государь Николай II стал образцом, то есть *«правилом веры»* для своего народа, для России!

Вот теперь обратимся к тому, с чего начали данную часть повествования — к рождению, по предстательству Серафима Саровского, Наследника, названного в честь Царя Алексея Михайловича. Через несколько месяцев после этого радостного события, в разгар Японской войны, в начале революции и разговоров о Патриаршестве, в начале 1905 г. у Царя и Царицы возникли порыв и идея, которыми объясняется очень многое, во всяком случае, самое главное во всей их прекрасной жизни. Венценосные Супруги, разумеется, в глубоком секрете, обратились к С.- Петербургскому митрополиту Антонию (Вадковскому) за благословением на то, чтобы им *всецело посвятить себя служению*

Богу, постригшись в монашество! Государь при этом желал оставаться Регентом до совершеннолетия Наследника Царевича Алексея. Антоний уклонился от благословения на такой поразительный и для него совершенно неожиданный шаг, сославшись на большую опасность дела в связи с войной и начавшейся смутой. Тогда и до недавнего времени об этом не знал никто. Сведения сообщил проф. М.В. Зызыкин (со ссылкой на мемуары очевидца события — товарища (заместителя) обер-прокурора Синода того времени) в докладе о Предсоборном присутствии 1906 г., опубликованном русской газетой «Наша страна» (Буэнос-Айрес, Аргентина) в номере за 21 января 1950 г. Как видно, Государь не удовлетворился ответом митрополита, хотя по смирению настаивать на своём не стал. В марте 1905 г. участники весенней сессии Синода — виднейшие архиереи Русской Церкви представлялись Государю. Они уже решили ходатайствовать о созыве первого (за 200 с лишним лет!) Поместного Собора Церкви с тем, чтобы восстановить Патриаршество и избрать Патриарха. В радушной беседе с ними Николай II сказал, что сам «много думал» об этом, изучил и текущую литературу вопроса и «*историю патриаршества* на Руси и его значение в дни *великой смуты* междоусобицы (1612 г.) и пришёл к заключению, что время назрело и что для России, переживающей *новые смутные дни*, Патриарх и для Церкви и для государства необходим», и спросил их, намерен ли ими кандидат в Патриархи? Архиереи неопределённо промолчали, конкретного кандидата ещё не наметилось. Тогда Государь спросил, а что если он сам предложит им кандидата? «Кто же он?» — заинтересовались епископы. «Кандидат этот — я, — ответил Царь. — По соглашению с Императрицей я оставляю Престол моему сыну и учреждаю при нём регентство из Государыни Императрицы и брата моего Михаила, а сам принимаю монашество и священный сан, с ним вместе предлагая себя вам в Патриархи. Угоден ли я вам? И что вы на это скажете?» Поражённые столь неожиданным предложением синодалы молчали. Подождав несколько мгновений, Государь окинул их пристальным взглядом, молча встал, поклонился и вышел. Сведения об этом сообщены были вскоре (без указания имени источника) С.А. Нилусом в книге «На берегу Божьей реки» (С.- Фр., 1969, т. II, гл. IV), а затем подтверждены участником беседы с Царём владыкой Антонием (Храповицким), а также — независимо от него — флигель-адъютантом Государя графом Д.С. Шереметьевым, с которым Царь лично делился своим замыслом, а также независимо от них — тем же видным синодальным чиновником, воспоминания которого приводит проф. Зызыкин в уже упомянутой публикации.

Сведения потрясающие! Их можно было бы расценить как невероятные, если бы мы не знали теперь, чем наполнилась глубоко верующая душа Государя *после Сарова*, и что вообще есть Русская Душа и Душа подлинно обратившихся к Православию Русских Царей!

Для Государя Николая II воссоздание Патриаршества не было делом простой *перемены формы* церковного управления!» «Просто Патриарх» вместо Синода — это ничего не даёт, как показала история советской церкви с 1927 г.. по наши дни. Глубоко изучивший *историю* Патриаршества и принявший идеи взаимоотношения церковной и царской власти Святейшего Патриарха Никона, Царь Николай II понимал, что вся суть дела в том, чтобы Патриарх был таким же

главою России, как Царь, только — в духовной области жизни страны, чтобы *вместе* они отвечали за судьбы России, имея каждый преимущество в своей сфере. Получалось *неслитное*, но и *нераздельное* единство церковной и царской власти, соответствующее различию природ Церкви («Царства не от мира сего», по слову Христа) и государства (- царства «от мира»). Это как дух и плоть в едином человеческом существе, или как разум духовный (сердечный) и рассудок плотский (мозговой). Сравнений может быть (и бывало!) много. Такое единство, как мы помним, было на Руси искони, и оно обеспечивало *особую крепость* всего организма Великороссии. На практике, в условиях XX в., такие взаимоотношения Патриарха и Царя влекли за собою *переделку* всей системы церковных и государственных учреждений, их теснейшего *взаимодействия*, *взаимопроникновения*, подобно тому, как было в XVII в. Самым важным должен был стать первый *переходный* период этого грандиозного преобразования. Во главе Церкви, Патриархом, должен был стать человек, пользующийся бесспорным единодушным *признанием* народа, имеющий *опыт* ведения больших государственных дел и имеющий реальную *власть* вести и эти и церковные дела. В среде русских архиереев такого человека не было. Почти все они пользовались любовью народа, но каждый — в своей епархии, не во всероссийском масштабе. Среди них одни были учеными, другие — молитвенниками, третьи — отличными управляющими, но не было, пожалуй, никого, кто соединял бы все эти качества вместе. И уж совсем не было такого, кто имел бы достаточный опыт и власть в важнейших делах государства.

Таким человеком тогда был только сам Государь Николай II. Он это понял, увидел и в опасный момент новой смуты, начавшейся в 1905 г., решил *взять на себя* руководство великим преобразованием жизни, полную *ответственность* за него! Можно представить, что получилось бы в случае осуществления замысла. Воссоздалась бы не только симфония церковной и царской власти (хотя и это очень важно само по себе), воссоздался бы, *минуя «общественность»*, и столь нужный совет Царя с Землёй (через Церковь). В то время Церковь ещё не была декоративным учреждением, просто «милым сердцу» за образы родной старины, хранимые ею; она была великой *общественной силой* и от неё исходили действительные и действенные *Божии силы*, силы Духа Святого, которыми реально жил и дышал народ! Поскольку первое время, до совершеннолетия сына, Царь, став Патриархом, фактически *продолжал бы править* страной, он соединил бы *в своём лице* силы Церкви и силы государственной власти (со всеми её учреждениями). Тогда возникло бы то положение, которое Промыслом Божиим имело место при первом Романове. Патриарх-отец (Филарет), а Царь — его родной сын (Михаил). Несомненно потом это повторило бы и положение, имевшее место при Алексее Михайловиче и Патриархе Никоне, до их разлада, — то есть полное *духовное родство*, где Патриарх — духовный отец, а Царь — духовный сын его, по совершенно *добровольному* влечению.

Смыкалась связь времён! .

Великороссия могла вернуться в то состояние, в котором, в XVII в., она была не только — Третий Рим, но ещё и *Новый Иерусалим!* Но теперь, в XX в., это был бы Новый Иерусалим, оснащённый всей мощью современной индустрии и вооружений, уже, как мы видели, возымевший *реально власть* влиять на

дела *міровые* (если только не руководить ими!), міром знаемый и признаваемый, как одна из самых великих держав! Ради этого Русский Царь и Царица, безгранично *любящие* друг друга, *молодые* (ему шёл 37-й, а ей — 33-й год!) согласились прекратить супружескую жизнь, пожертвовать ею... Прав был владыка Антоний (Храповицкий), когда вспоминая ту беседу с Царём, восклицал: «Нам надо было бы в ноги ему! А мы... промолчали!»

Царь понял, что не только мірская, но и церковная общественность в лице иерархии Церкви не готова принять его предложения, не может понять сейчас значение замысла и оценить перспективу, не созрела. А настаивать на своём Царь не мог, т.к. в этом случае принятие его воли не было бы *свободной* волей, желанием самой Церкви, а снова — актом её *подчинения*, что лишало бы смысла всё задуманное им преобразование. Ему оставалось одно — ждать. Поэтому Государь, разрешив и одобрив начало работы по подготовке Поместного Собора с выборами Патриарха в виде открывшегося по его указу в 1906 г. Предсоборного совещания, вместе с тем *откладывал* созыв самого Собора на неопределённое время. К тому находились и вполне уважительные внешние причины, — сперва смута 1905—1907 г.г., потом начало войны в 1914 г.. Но теперь можно с большой вероятностью сказать, что не в этих только причинах было дело: подав идею великого плана, Государь *ожидал*, когда она овладеет сознанием самой иерархии.

А Российские архиереи, словно напуганные тем, что Царь станет Патриархом, не сговариваясь, молчали и обсуждали всё, что угодно, только не это предложение, тем паче, что *сам* Государь больше никогда не возвращался к нему.

Для него же помимо прочего, всё осложнилось тем, что у столь долгожданного и поистине Богом данного Наследника Алексея обнаружилась опаснейшая и неизлечимая болезнь гемофилия, выражающаяся в крайне слабой свёртываемости крови, так что каждый ушиб или царапина вызвали внутреннее кровоизлияние с ужасными, нестерпимыми болями, грозившее каждый раз смертью. Чтобы не вызывать волнений по этому поводу, болезнь до времени держали в строгом секрете. Наследник же возрастал на редкость живым, добрым и умным мальчиком. Старшие сёстры очень любили его, как, впрочем, и вся Семья, и вообще все, кто мог с ним общаться. «Солнечный луч», — так называла его мать, «Светлый Отрок» — назовёт его история. Он с детства стал страдальцем. Страшные боли во время обострения болезни лишали его всех сил, из детских уст в таких случаях вырывались сердечные молитвы или только одно слово: «Мама!..» Несмотря на это, Государь и Государыни согласились с воспитателем-швейцарцем Пьером Жильяром, что Наследник должен воспитываться в условиях достаточной свободы движений, ручного труда, игр, а не в изоляции от всего этого, дабы не стать личностью неполноценной, ущербной. Он с детства приобщался к правилам духовной жизни и благородного поведения. Однажды, зимой 1915 г., когда Государь ненадолго приехал в Царское Село провести время с Семьёй, дети пошли с ним играть в снежки. Алексей Николаевич, расшалившись, подкрался и бросил снежком в спину сестре Татиане. «И не стыдно тебе, Алексей? — сказал отец. — Ты поступаешь, как немец. Нападать на беззащитного человека сзади — это низко, это подло; предоставь это немцам». Цесаревич никогда больше не повторял ошибки. Все царские дети обладали, конечно, каждый своими особенностями, но всех объединяла взаимная любовь,

редкостная чистота души, простота сердца, вера, так что Государыня имела основание говорить, что «все они — как один человек». Царские дочери, повзрослев, стали приглашаться на некоторые дипломатические приёмы, где изрядно скучали, но не были ни на одном балу! Старшую, Ольгу Николаевну, сватали в 1914 г. за румынского принца, ставшего потом и королём, но она *отказалась* выйти замуж, заявив, что она — *русская* и хочет всегда оставаться в России. Царские дети не учили немецкого языка, но только английский и французский. Любовь к Родине у *всех* детей была не только от отца, но и от матери. Россию Государыня называла — «моя Родина». 2/15 марта 1918 г. из заточения в Тобольске Императрица писала: «А немец перед дверью!! И все смотрят на Брата, как на спасителя — Боже, до чего дошли, что ждут врага, чтобы избавиться их от внутреннего врага. И кто во главе послан? Брат... Понимаете!». Речь идёт о *родном брате* Государыни великом герцоге Эрнсте-Людвиге Гессен-дармштадтском, который тогда был во главе немецкого командования. 2/16 марта того же года Государыня писала: «Такой кошмар, что немцы должны спасти всех и порядок наводить. Что может быть хуже и унизительнее, чем это? Боже, спаси и помоги России! Один позор и ужас. ...Совершенно нашу горячо любимую Родину общипали... Не могу мириться, т.е. не могу без страшной боли в сердце это вспоминать. Только бы не больше унижения от них, только бы они скорее ушли». 20 декабря 1917 г. Царица писала А.А. Вырубовой: «...Чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребёнка, и люблю мою Родину, несмотря на все ужасы теперь и на все согрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь из моего сердца и Россию тоже, несмотря на чёрную неблагодарность к Государю, которая разрывает моё сердце,— но ведь это не вся страна». Подобных высказываний в сугубо личных письмах Царицы очень много. Когда в начале 1918 г. до Царственных узников дошёл слух, будто Германия старается их освободить, Государыня сказала, что лучше останется в России «поломойкой», чем примет вражескую помощь. Когда в том же году во время переговоров с немцами в Брест-Литовске один русский стал говорить представителю Германии, что немцы должны спасти Царскую Семью, хотя бы ради Императрицы, тот раздражённо ответил: «Вы, русские, странные люди... У нас в правительстве всем известно, что ваша Императрица считает себя настолько русской, что никогда не примет нашей помощи!»

Глава 29

РОССИЯ ПРИ НИКОЛАЕ II.

Патриотизм Царской Семьи, исходивший, конечно, от Главы — Государа Николая II, был свободен от крайности шовинизма, или поклонения идолу «Отечества». Об этом приходится говорить, поскольку определённая часть общественности страдала именно этим недостатком. Россия воспринималась ею по-язычески, как Третий Рим не в смысле духовном и церковном, а в смысле совершенно безрелигиозном — как «Великая Империя», вся честь и слава

которой — в земном богатстве, процветании и военной силе. От такого имперского угара предупреждали российское общество многие, в том числе один из самых больших патриотов Родины А.С. Хомяков. В своём стихотворении «России», возражая «льстецам», призывающим страну «гордиться» тем, что она «земля несокрушимой стали, полмира взявшая мечом», что «красны степей (её) уборы и горы в небо уперлись, и как моря (её) озёры», он говорил: «Не верь, не слушай, *не гордись!*..»

«... Безплоден всякий дух гордыни
Неверно злато, сталь хрупка;
Но крепок ясный мир святыни,
Сильна молящихся рука!
И вот за то, что ты смиренна,
Что в чувстве детской простоты,
В молчаньи сердца сокровенна,
Глагол Творца приняла ты,—
Тебе Он дал Свое призванье,
Тебе Он светлый дал удел:
Хранить для мира достоянье
Высоких жертв и чистых дел...»

В таком именно духе воспринимали Россию и Государь, и его Семья, сами будучи очень далёкими от гордости, которая, по слову Иоанна Златоуста, «есть *крайнее* души *убожество*». Если же с этим сопоставить то обстоятельство, что Государь очень любил армию (!), постоянно заботился о её укреплении, а также о всестороннем внешнем, земном процветании и богатстве России, то окажется, что в его восприятии всё это было не самоцелью, а лишь средством *хранения и защиты* самого драгоценного в России — Святой Руси, *смиренной*, в чувстве детской простоты принимающей *глагол Божий*, и средством обеспечения её *свидетельства* (апостольства) миру. Патриотизм другого характера и духа,— именно гордостного, языческого поклонения России, как могущественному «Риму», порождал таких «монархистов» (вроде Пуришкевича или Шульгина), которые заодно с революционерами и масонами готовы были свергать законного царствующего Монарха за то, что он, по их мнению, не способен обеспечить России то имперское могущество, которым они могли бы гордиться. К числу таких горе-монархистов следует присоединить и некоторых виднейших генералов, изменивших потом Государю, и даже некоторых Великих Князей — родственников Николая II. Мы видели, когда и кем были посеяны семена такого идолопоклоннического отношения к понятию «Отечества» («России»). Горе-монархистам XX в. хотелось видеть Императором России человека, подобного кайзеру Вильгельму, который умел бы на весь мир говорить хвастливые, громкие *фразы* «от имени нации», принимать эффектные *позы*... Хотелось «вождя» («фюрера»), «сверхчеловека»... Такой патриотизм привёл потом многих в русской эмиграции к «почвенничеству», к признанию большевизма, к «русскому фашизму», к тому состоянию, в котором философ (!) Бердяев в дни 2-й мировой войны, находясь за границей, вывесил на своем доме советский

красный флаг... Внутри России такой «патриотизм» или «крайнее души убожество» приведёт к национал-большевизму, к идеологии «заединщиков», или «государственников», для которых почти *всё равно какая Россия и какая власть*, лишь бы она обеспечивала процветание, целостность и славу «империи», даже совсем уже без императора. И без Святой Руси!..

Лжепатриоты («льстецы России») тогда (и потом), что называется, в упор не хотели видеть того, что делалось Николаем II как раз для столь милого их сердцу земного процветания Отечества. А делалось невероятно многое!

В самом начале царствования Государь задумал и поручил графу С.Ю. Витте провести знаменитую денежную реформу, вводившую в широкое обращение золотую и серебряную монету, наряду с бумажными деньгами, но так, что бумажные деньги более чем на 100 % обеспечивались золотым запасом казны и потом свободно обменивались на золотые. Это чрезвычайно укрепило всё финансовое, а следовательно, и промышленное состояние России. Промышленность же, с 1890-х годов делала новый рывок в уже начавшемся бурном своём развитии. С 1890 по 1913 г. производительность промышленности увеличилась в *четыре раза*, на 4/5 покрывая внутренний спрос на фабричные изделия и давая прибыль, почти равную с поступлениями от сельского хозяйства. Это вело к увеличению рабочего сословия, к возникновению «рабочего вопроса», а также проблемы капитализма в России. «Рабочий вопрос» состоял в отношениях между рабочими и предпринимателями. Споры нет, среди последних были и люди алчные и бездушные («эксплоататоры»), склонные к увеличению прибылей за счёт удешевления стоимости рабочей силы, т.е. низких заработных плат и малых расходов на социальные нужды (прежде всего — на жильё). Поэтому были в рабочей среде и явления бедности, безправия, скверных жилищных условий, что приводило к волнениям, забастовкам. Но *гораздо больше* было обратных явлений,— вполне достаточного заработка, человеческого отношения со стороны хозяев, хороших бытовых условий. Так, на паравозо-вагонном заводе С.-Петербурга у рабочих были свои домики с приусадебными участками. На Дедовской текстильной фабрике под Москвой одновременно с проектом самой фабрики были спроектированы прекрасные дома для холостых и семейных рабочих, отнюдь не «общежитийного» (как в советское время) типа. Не редкостью среди столичных рабочих были сущие интеллектуалы, достигшие этого самообразованием, имевшие библиотеки, иногда до нескольких тысяч (!) экземпляров книг. Отрицательные же явления в положении рабочих изначально встречали самое живое участие Государя и его правительства. Николай II продолжил формирование рабочего законодательства, начатое ещё до него. Им были изданы ряд законов по обеспечению безопасности рабочих в горно-заводской промышленности, на железных дорогах, в особо опасных производствах. Были ограничены одной третьей заработной платы и упорядочены штрафы, которые отныне должны были поступать не в распоряжение хозяев, а на «социальные нужды» самих же рабочих, расширены права и численность «фабричной инспекции», запрещён детский труд до 12-летнего возраста, запрещён труд подростков и женщин в ночное время. В 1901 г. рабочий день был ограничен 10-ю с половиной часами с полуторачасовым перерывом на обед. В 1903 г. были учреждены рабочие *старосты*, избираемые самими рабочими, следившие за

правильностью отношений между ними и хозяевами. С 1906 г. законом было признано существование **рабочих союзов** (профсоюзов) и право рабочих на **забастовки**. В 1912 г. была организована система **социального страхования**. Бывший в тот год президентом США Уильям Тафт в присутствии нескольких высокопоставленных русских публично заявил: «Ваш Император создал такое совершенное рабочее законодательство, каким **ни одно демократическое государство похвастаться не может**». В 1896 г. по поводу прошедших забастовок министр финансов Витте на совещании хозяев текстильных фабрик сказал фабрикантам, что они вряд ли могут представить себе правительство более благосклонное к промышленности, чем нынешнее, и добавил: «Но вы ошибаетесь, господа, если воображаете, что это делается для вас, для того, чтобы облегчить вам наибольшую прибыль: правительство, главным образом, имеет в виду рабочих...» Государь вполне разделял мнение о недопустимости господства монополий в народном хозяйстве и принятые им законодательные меры существенно препятствовали монополизации промышленности. Хотя и не отвергали полностью возможность создания монопольных объединений там и тогда, где и когда это шло на пользу народному хозяйству. Так в России возникли и успешно работали синдикаты «Продамет», «Продуголь», сахарный, резиновый и другие. Налоги в России до 1914 г. были самыми низкими в мире! Прямые налоги с населения были почти в четыре раза меньше, чем во Франции, более чем в четыре раза меньше, чем в Германии, в 8 с половиной раз (!) меньше, чем в Англии. А общая сумма прямых и косвенных налогов на душу населения — в среднем **вдвое** меньше, чем в Австрии, Франции и Германии и более чем в **четыре** раза меньше, чем в Англии. Особенного развития достиг железнодорожный транспорт. С 1880 г. по 1917 г. (за 37 лет) было построено 58 тысяч 251 км ж.д. магистралей, так что к 1917 г. Россия имела 81116 км пути и ещё 15000 км — в постройке. Для сравнения: за 38 лет (с 1918 по 1956 г.г.) в СССР было построено около 36.250 км железных дорог по цене втрое дороже, чем до революции. Россия **отставала** от Европы (в частности от Германии) по густоте магистралей, техническому оснащению, возможностям внутренних перевозок, но по деши-визне для пассажиров и комфортабельности поездов занимала **первое место** в мире. Государству принадлежало 2/3 железных дорог, остальные — частным компаниям. И, несмотря на самые низкие в Европе тарифы перевозок, **доход** только от железных дорог давал России такую сумму денег, которая на 4/5 покрывала потребность ежегодных платежей по всем внутренним и внешним займам (кредитам) государства! Россия ещё **отставала** от Запада по количеству техники и элементов комфорта «на душу населения», но по темпам развития всех отраслей народного хозяйства **превосходила** его. При этом **без малейшего увеличения налогов** доходы государства неуклонно росли, с 1 миллиарда 410 миллионов золотых рублей в 1897 г. до 3 миллиардов 104 миллионов в 1912 г., а расходы были постоянно **ниже** доходов, так что в 1912 г. превышение доходов над расходами составило 335 миллионов золотых рублей. С 1904 по 1914 г.г. общая сумма превышения доходов над расходами составила 2 миллиарда 400 миллионов золотых рублей, что представляется особенно удивительным в связи с тем, что Государь за это время **отменил выкупные платежи** с крестьян, снизил ж.д. тарифы и уменьшил ряд налогов! Даже во время Русско-японской войны не прекращался обмен

бумажных денег на золото. Неуклонно росли доходы на душу населения, как неуклонно росло и само население, о чём уже говорилось. Теперь нужно сказать, что это относилось прежде всего к росту *Великорусского народа*, где к 1912 г. в среднем на каждую семью приходилось по 5 детей! А в русских деревнях сплошь и рядом имелись семьи с 10—15 детьми, что считалось *обычным*. В деревенском быту нередкостью становились швейные машинки Зингера, отечественные калоши, зонты, граммофоны, городские костюмы...

Особой проблемой царствования Государя Николая II явился, конечно, крестьянский или земельный вопрос. К началу XX в. крестьянам принадлежало в России 160 миллионов десятин земли (причём наиболее плодородной), помещикам — 52 миллиона и около 30 миллионов имели купцы, иностранцы, акционерные общества, городские союзы. В центрально-чернозёмном районе более половины земель находилось у крестьянства (местами — до 80%). Казённые и удельные земли, главным образом, состояли из лесов и неудобных к обработке участков. Однако, со времён Реформы 1861 г. крестьянское землевладение страдало уже отмеченным недостатком — искусственно созданным общинным характером пользования землёй. Пресловутая чересполосица (когда крестьянин получал надел не в виде цельного участка, а в виде отрезков и полосок, разбросанных в разных местах), а также периодические переделы, перераспределение наделов сельским «миром» крайне затрудняли ведение хозяйства и лишали крестьянина всякой заинтересованности в участке, который фактически ему не принадлежал и в любое время мог быть отнят или заменён другим. По сути дела власть «мира» (общины) над крестьянином заменила власть помещика и часто была даже хуже её. В Правобережной Малороссии, в Белоруссии и Прибалтике общинного порядка не было, там крестьяне были частными владельцами своих наделов, но зато эти наделы были значительно меньше, чем в Великороссии (малоземелье). Всё это, наряду с иными менее значительными недостатками сельской жизни приводило к тому, что во время неурожаев крестьянство сильно страдало и не могло без особых дотаций обезпечить себе существование. Сохранялись до времени к тому же выкупные платежи, правда весьма незначительные. В губерниях, где случался голод, появлялись революционные агитаторы, призывали крестьян к грабежу помещичьих хозяйств, мельниц, хранилищ, подбрасывали подрывную литературу и нередко достигали успеха. Так, в 1902 г. прокатилась волна крестьянских беспорядков с грабежами в Харьковской и Полтавской губерниях. Пришлось в иных случаях использовать войска. Несколько человек были убиты. В правительстве, земствах шла разнообразная работа по выяснению нужд сельского хозяйства, способов его улучшения. Государь очень близко к сердцу принял весь в целом земельно-крестьянский вопрос. 29 августа 1902 г. он посетил г. Курск, где имел встречу с депутациями крестьян и дворян. Обращаясь к курским крестьянам, Николай II отметил полтавско-харьковские волнения, как недопустимые и сказал замечательные слова: *«Помните, что богатеют не захватами чужого добра, а от честного труда, бережливости и жизни по заповедям Божиим»*. Это то, что он мог бы сказать (и многократно прямо или косвенно говорил!) и всему российскому обществу и всему миру! Это, по существу, краткое выражение главной идеи всей его внутренней и международной политики. Но Царь понимал, что идею нужно

обеспечивать конкретными мерами. Тем же курьям он обещал: «Действительные нужды ваши я не оставлю своим попечением». И не оставил. С начала 1903 г. Государь приступил к последовательному новому «раскрепощению» и освобождению крестьян с улучшением их материального и культурного положения. Манифестом 26 февраля 1903 г., ещё сохранившим общину, были определены меры к *облегчению выхода из неё* отдельных крестьян и отменялась *круговая порука*. Были также созданы льготные условия для переселения желающих на удобные земли Сибири. Так предназначалась новая великая реформа сельского хозяйства. Углубляясь в изучение дела, Государь всё более отходил и от своих учителей, и от политики своего отца, и даже от «общественности». Все они были единодушны в стремлении сохранить «общину», хотя и по разным причинам (некоторые либералы и демократы считали её «зародышем социализма»). Наконец, продумав всё, Государь пришёл к мысли о необходимости упразднения сельской «общины» совсем. Тем паче, что большинство губернских комитетов, созданных для обсуждения земельного вопроса высказались так или иначе против сохранения общины. Проведение этой идеи в жизнь он поручил на редкость удачно подобранному им человеку — П.А. Столыпину, назначенному Председателем Совета Министров. В постоянном совете с Государем Столыпин осуществлял реформу, получившую его имя — «Столыпинской». Она началась с закона 9 ноября 1906 г., которым крестьянам разрешалось *свободно выходить из общины* на хутора и отруба, устраивая своё частное хозяйство. Тотчас было подано 2 с половиной миллиона прошений о выходе. Для осуществления выхода было создано 483 особых комиссии и мобилизованы 7 тысяч землемеров и геодезистов. Были отменены выкупные платежи. Вместе с тем новый толчок получило *переселенческое движение* крестьян на Восток. Желавшим давались в Сибири, на Алтае, на Дальнем Востоке участки по 15 гектаров на человека (45 га на семью), каждой семье полагалась ссуда в 200 рублей и возможность *за казённый счёт* переехать со всем имуществом на новые земли. В Сибири переселенцев ожидали заранее приготовленные склады орудий сельского хозяйства, продаваемых по крайне низким ценам. Переселенцы на долгое время *освобождались от всех налогов*. В Сибири лично Государю принадлежало 40 миллионов десятин земли. И все эти земли Николай II безвозмездно передал в земельный фонд, попросту *подарил* их русскому крестьянству! Особенно ценным подарком явились очень обширные плодородные земли Алтая, бывшие ранее целиком собственностью Императора. В этих отданных крестьянам своих бывших владениях Государь за *свой личный счёт* построил новые дороги, школы, больницы и церкви... Наконец, третьим слагаемым реформы стали *мероприятия Государственного Крестьянского банка*, начавшего скупать помещичьи земли и на крайне льготных условиях продавать их крестьянам. Банк предоставлял им кредит до 90% стоимости покупаемой земли под 4,5 % годовых с огромной рассрочкой. В итоге к 1917 г. 100 % пахотной земли в Азиатской части России и около 90 % таковой — в Европейской оказалось в собственности или в аренде у крестьян. К 1914 г. почти все общинные земли перешли в частное крестьянское владение. Результаты реформы превзошли все ожидания. Резко повысилась урожайность, так что Россия вывозила до 1/4 своих хлебов за границу и стала основным поставщиком хлеба

в Европу. Урожай зерновых с примерно 2 миллиардов пудов в 1894 г. возрос до более 4 миллиардов в 1913 и 1914 г.г. В 1913 г. урожай зерновых в России оказался примерно на 1/3 выше, чем в Аргентине, Канаде и США вместе взятых! В 1908 г. в одну только Англию зерна и муки было вывезено немногим более 858 миллионов фунтов, а в 1910 г. — уже почти 3 миллиарда. Производство ржи с 2 миллиардов пудов в 1894 г. возросло в 1913 г. до 4 миллиардов. Так же удвоилось за тот же период производство хлопка, потребление «на душу населения» сахара и чая, других продуктов. *Половина* всей мировой торговли куриными яйцами принадлежала России. Она обладала 80 % мировой добычи льна. Такого бурного подъёма сельского хозяйства, какой произошёл с 1907 по 1911 г.г. в связи с реформой, Россия не знала ещё за всю свою историю! «Дайте нам ещё 20 лет мира внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» — говорил П.А. Столыпин. К 1914 г. страну во многом было уже «не узнать».

Вместе с расцветом и подъёмом промышленности и сельского хозяйства происходил бурный рост всех сторон жизни. Особенно быстро развивалось образование и просвещение. С 40 миллионов рублей в 1894 г. расходы государства, земства и городов на нужды образования возросли до 300 миллионов к 1914 г. В 1912 г. из примерно 14 миллионов детей школьного возраста получали начальное образование 8 миллионов. Во множестве уездов начальное образование сделалось *всеобщим* и к 1920 г. планировалось распространить его на всю Россию. Советская анкета 1920 г. обнаружила, что молодёжь в возрасте от 12 до 16 лет грамотна на 85 %! В высших учебных заведениях страны в 1914 г. обучалось 80000 студентов, и плата за обучение была в среднем вдвое меньше, чем во Франции и Англии, при том, что неимущие российские студенты вообще освобождались от платы. По количеству женщин, учащихся в ВУЗах, Россия занимала первое место в Европе, если и не во всём мире! Наименования газет и журналов, книг и брошюр по количеству превзошли всё ранее виданное, их тиражи исчислялись десятками миллионов экземпляров.

Быстро, после Русско-японской войны, переоснащались, пополнялись, укреплялись и совершенствовались при особом личном руководстве Николая II армия и военный флот. Нач. штаба Германской армии генерал Мольтке в начале 1914 г. отметил «совершенно исключительные успехи» России в военном отношении, указав, что «некоторыми чертами» Россия даже превосходит «боевую готовность других держав, включая Германию». И это — несмотря на определённое техническое отставание России от будущего противника.

Деятельность Государственных Дум, возникших на основе манифеста 17 октября 1905 г., всяческое развитие самостоятельности местных земских, городских союзов, во множестве возникших кооперативных, потребительских товариществ, действия легальных партий создали в 1908-1913 г.г. такую обстановку, что член Гос. Думы барон А.Д. Мейендорф после вынужден был признать: «Российская Империя была самой демократической монархией в мире», и что «Царская власть представляется наиболее европейским учреждением в России, может быть, единственно европейским» (автор имеет ввиду гуманность и дееспособность).

Запад зорко следил за всем происходящим в России. В 1913 г. крупный экономист Эдмон Тери по поручению французских министров произвёл

всестороннее обследование народного хозяйства России, итоги которого были в 1914 г. опубликованы в виде подробного (со статистикой) доклада. Основной вывод Тери был таким: «Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 г.г. идти так же, как они шли с 1900 по 1912 г.г., — *Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой, как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении*».

Так, словно дым, совершенно рассеивается «марксистско-ленинская», потом общесоветская, а ныне — западных сочинителей небылица про «отсталую Россию», «прогнанный царский режим», «нищету и невежество народа»!..

Небывалый расцвет всех сторон жизни России был огромен. Известный английский писатель Морис Бэринг, хорошо изучивший Россию, в 1914 г., в своей книге «Основы России» подробно изложив взгляды русской либеральной интеллигенции, с удивлением писал: «Не было, пожалуй, ещё никогда такого периода, когда Россия более процветала бы материально, чем в настоящий момент, или когда огромное большинство народа имело, казалось бы, меньше оснований для недовольства... У случайного наблюдателя могло бы явиться искушение воскликнуть: *да чего же большего ещё может желать Русский народ?*»

Русский народ, как отметил Бэринг, большего и *не желал!* «Недовольство», по его точному наблюдению, было «распространено главным образом, *в высших классах*» (то есть вообще не нуждавшихся, не страдавших никак!)... В понятие «высшие классы» входили тогда дворянство, представители торгово-промышленного и финансового капитала, чиновничество, интеллигенция, то есть как раз то, что называлось иначе «общественностью», и что должно *было бы* служить связующим звеном между Царём и народом (но стремилось большей частью как раз к обратному — к нарушению связи!). Отношения с этой общественностью являлись для Государя Николая II одной из самых важных проблем (если не самой важнейшей!), что мы отчасти уже показали.

Противоречия Самодержавия вообще и Николая II в частности с различными слоями и классами общественности *не были принципиальными, непримиримыми и непреодолимыми*, если иметь в виду *объективную социально-экономическую* сторону дела.

Дворянство, как уже отмечалось, при всём своём стремлении управлять Самодержцами не могло быть против Самодержавия в принципе. Трудней было с капиталистами, потому, в значительной мере, что капитализм был вообще *новым* явлением в России. Так называемый «капитализм» не есть нечто однородное. Его называют или многоступенчатой пирамидой, или «слоёным пирогом», где нижние слои — совсем не то, что верхние!.. Так, на низших ступенях — это обычный торгово-промышленный обмен, служащий как будто удовлетворению внешних жизненных потребностей людей. Но в более высоком, финансовом «слое» — уже совсем другие цели, другие законы, другие, не понятные обычному здравому рассудку «игры»... Здесь всё определяется не «потребностями общества» (народа или народов), а тайной, народам неведомой борьбой различных *кланов* и семей, часто идущей вразрез с потребностями людей и производства. В свою очередь, эти «игры» или борьба контролируются и управляются ещё более высокими «слоями пирога», где царят *духовно-политические* силы, объединённые в явных и тайных масонских ложах с очень многоступенчатой системой «посвящения», где с

помощью золота (капитала) главенствуют вожди иудаизма, ведущие мир через Вавилонское объединение (смешение) народов к власти над всеми «великого иудейского царя», то есть антихриста. В оценке роли этого еврейского ядра мирового масонства возможны (и есть) две крайности: полное отрицание какого-нибудь иудео-масонского тайного заговора и тайного руководства мировыми процессами, и — чрезмерное преувеличение степени и масштабов этого руководства (когда кажется, что везде — «они» и всё «ими» управляется). Кстати, «они» с удовольствием играют в обществе то одним, до другим представлением. На самом же деле всё не так. Мировая жизнь, даже развитие той же научно-технической, промышленной цивилизации — это очень причудливое изменчивое *сочетание* стихийных, неуправляемых и спланированных, поддающихся управлению процессов. В конечном счёте всем подлинно управляет Промысел Божий, но так, что не упраздняется *свобода человеческой воли*. Потому-то иудео-масонам, которые действительно *стремятся* ко всё большему подчинению себе процессов мировой жизни, может казаться и *кажется* в удачных случаях, что это именно их, *человеческими* силами всё более достигается.

Опасность развития капитализма в России таилась именно в чисто духовно-идейной области, т.к. развитие современной промышленности неизбежно связано с финансовым капиталом, а через него — с капиталом международным, а значит — и еврейским, а через него — с тайными центрами мировой антицеркви, или церкви дьявола (Люцифера). Хотя связь с последней может существовать и вне всякой экономики, сия экономика опасна тем, что приводит её дельцов к связи с антицерковью и к подчинённости ей с некоей *неизбежностью*, помимо первоначальных желаний и благих намерений этих дельцов. В любом случае и они не лишаются *свободы* воли и выбора. Но уж такова сама *природа* бизнеса и заботы о деньгах, что редкие люди здесь делают выбор в пользу правды Божией...

Что же касается тех интересов российских промышленников и банкиров, которые принято называть «объективными», то они в общем вполне могли быть удовлетворены самодержавной властью, хотя в отдельных случаях и приходили с ней в противоречие. Так, одним капиталистам не нравилась рабочая политика Государя, других «связывала» его антимонопольная политика, третьи бывали недовольны чрезмерным, как им казалось, контролем государства за их деятельностью. И т.д., и т.п. Но всё это, как мы видели, *не помешало* им (и России в целом) достичь исключительных успехов к 1913—1914 г.г.! Иными словами, развитие производительных сил и предпринимательской инициативы не только *не срывалось*, но и *стимулировалось* царской властью. А если в отдельных случаях, инициатива *сдерживалась* (или удерживалась в неких рамках), то в конечном счёте — во благо *общему развитию* и положению самих же предпринимателей. Уж они-то не могли всерьёз говорить об «оковах самодержавия». Когда началась 1-я Мировая война, Государь создал систему Особых совещаний представителей государства и частных предпринимателей для решения вопросов военного снабжения, должной работы промышленности на нужды воспроизводства и «*планомерного* снабжения нуждающихся местностей империи продовольствием и топливом» (Особое совещание по перевозкам). В них видят систему государственно-монополистического капитализма в России. Российские промышленники (прежде всего в тяжёлой индустрии, металлургии) в полном

соответствии с классическими законами «рынка» тотчас переключились с работы на мирные нужды на работу по высокооплачиваемым военным заказам государства, чем наносили процессу воспроизводства очень большой урон! Началось быстрое «проедание» основных капиталов промышленности. Их естественный износ ничем не восполнялся. Начался сущий **кризис недопроизводства!** И в такой обстановке русские представители банков и бирж **провалили** одно за другим **все** предложения о регулировании перевозок, планомерного снабжения и т.д., поскольку всё это, по откровенному признанию О.С. по перевозкам, затрагивало «коммерческую тайну»... Неслыханные военные сверхприбыли капиталистов хотя отчасти и поглощались начавшейся инфляцией, всё же чрезвычайно их **обогащали**. А производство страдало. Испытывало некоторый недостаток в продуктах и товарах и население (особенно крупных промышленных центров и столиц). Однако, Государь, **не прибегая** по отношению к «коммерсантам» **ни к каким чрезвычайным, насильственным** мерам, сумел добиться того, что **голода** в столицах и других городах не было. Не было произведено, в отличие от Германии, **милитаризации экономики**, т.е. принудительного труда рабочих и отмены права на забастовки! Производство, пустив в ход все (самые последние) запасы, в 1916 г. снабдило армию всем необходимым, в том числе и снарядами, и само — ещё «держалось», так что если бы в 1917 г. не случилось революции, то весной-летом война кончилась бы **победой России** и промышленный **кризис был бы живо преодолен**.

И несмотря на всё это, российские промышленники и банковские «тузы» оказались не на стороне Государя, а на стороне его противников. Крупнейшие фабриканты, — Морозов, Рябушинский, Коновалов, Гучков, Терещенко и им подобные являлись **масонами** и давали большие деньги на революцию (первые четыре — из **старобрядческих** семей). Явление это, как видим, объясняется совсем не «объективными экономическими» причинами, а исключительно субъективными, — духовно-идейной приверженностью антихристовой церкви. То же можно сказать и о революционной части остальных сословий. Как бы ни были подчас остры трения между рабочими и фабрикантами, они не выходили за рамки естественных **в любом** обществе противоречий и успешно преодолевались как раз с помощью царской власти. Рабочая среда поначалу заботилась о своих материальных нуждах, что вполне нормально. Но очень скоро, с конца XIX-начала XX в.в. она попадает под власть революционеров, сумевших внедрить в неё политические и атеистические идеи. Оторвавшись от деревенских «корней», но не став при этом и горожанами, российские рабочие в основном составе оказались духовно **неустойчивой** и плохо **образованной** массой, но зато **объединённой**, организованной самим производством, чем и воспользовались революционеры, безсовестно, заведомо **обманывая** рабочих обещаниями «земного рая» в случае победы революции. Обману поддались далеко не все, но те, что поддались, быстро составили необходимую революции сплочённую боевую силу. Она никогда не останавливалась перед бандитским **насилием**, а если нужно, то и убийством, по отношению к своим же **«братьям по классу»** — рабочим, не желавшим поддерживать безбожную революцию. Поэтому все марксистские рассуждения о «классовой солидарности» на базе общих, «классовых» интересов, о «классовом со-

знании», об «исторической неизбежности пролетарской революции» в условиях капитализма — не более, чем ловкие выдумки **для профанов** (что мы потом особенно чётко увидим!).

Российское крестьянство тоже, как мы видели, не было однородным и в духовном, и в материальном (социальном) отношении. Духовно-нравственное деление крестьянства на три основные категории (подлинно православных, потерянных (или «мечтательных») и стремящихся к наживе), конечно, не совпадает с социальным делением (бедняки, середняки, кулаки). Но нельзя не видеть, что крестьянство, развращённое рынком, торговлей, любящее «деньгу» (тот самый «хитрый мужичок»), более всего пополняло ряды «кулаков» и столыпинских «собственников», было более, чем другие слои деревни, активным. Таких-то «крепких хозяев», относительно богатых и «грамотных», главным образом, и избирали сами крестьяне с 1905 г. в Государственную Думу и в иные «представительные» органы. И что же? В Государственных Думах крестьянские делегаты только и делали, что **вертели головами** то «направо», то «налево», в зависимости от того, кто именно («правые» или «левые») обещали крестьянству в данный момент больше «землицы» и иных выгод! Создавалось ошибочное представление об идейно-духовной безпринципности **всего** крестьянства. И то сказать, — в деревне, всё более **богатеющей**, к 1913 г. всё более заметными становились явления **полного безбожия, нравственной распущенности и хулиганства**. На это обращали внимание, об этом писали. Но этому противостояли (и притом **успешно**) и система церковноприходского образования, и **программа** Министерства просвещения, и усилия Православной Церкви, опиравшейся на ту часть крестьянства, которая твёрдо стояла в Православной Вере и **в жизни по Вере** (!) и по-прежнему являлась **корнем, основанием** Святой Руси. Ни крестьянство, ни рабочее сословие по природе своей **не призваны** к постоянному участию в государственном управлении. Это теоретически отражено даже в одном из **основных** постулатов марксизма, который гласит, что рабочий класс **не может**, неспособен выработать собственной идеологии; она **привносится** в него **со стороны**, от интеллигенции (читай — иудео-масонской). И вместе с тем, революционеры (в том числе и марксисты) всегда требовали участия рабочих и крестьян в парламентской деятельности! Значит, они просто **обманывали** их. И в то же время — **играли** ими в выборных органах, поскольку, обманывая, могли получать голоса крестьянских и рабочих депутатов. Парламентаризм воистину — «великая ложь нового времени!» Вот и «вертели головами» туда-сюда в сторону «землицы» крестьянские депутаты Гос. Думы! А как они могли иначе вести себя в **политическом** органе среди представителей разных партий, закулисной **игры** которых крестьяне не знали и **не могли знать?** Говорить партийцам о Боге? Один старик-крестьянин пытался в перерыве между заседаниями рассказать думским «господам» о некоем **чуде**, которое с ним было. «Господа» покрыли рассказ дружным гоготом... Депутаты-священники на заседаниях Думы иной раз старались говорить что-то основанное на духовном понимании вещей. Но со стороны «левых» их нередко просто прерывали криками: «Им не место в Думе», или — «Смерть попам!». Таким образом подлинный голос Земли Русской почти не звучал в Думе, кроме как в словах таких деятелей, как П.А. Столыпин. В своей

знаменитой речи 10 мая 1907 г. он сказал: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от *исторического прошлого* России, освобождения от культурных традиций. *Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия*».

Отсюда особенно хорошо видно, что не рабочие и не крестьяне, как сословия, и тем более не дворяне и не капиталисты вступали в «объективные» противоречия с «режимом» или «системой» Русского Самодержавия, а исключительно «противники государственности» то есть всякой такой государственности, какая не являлась бы их властью, властью революционеров. Вот кто жаждал «великих потрясений», свержения самодержавия, «социалистической республики»! И — отнюдь не потому, что такие перемены могли бы устранить противоречия между интересами народа и интересами власти (и богатых) — эти рассуждения, как видим, простая демагогия, для «оправдания», точнее — для обмана, а потому, что революционеры руководились *тайными центрами*, дух и идеология которых были действительно *несовместимы* ни с каким историческим прошлым России и традициями её жизни, выраженными формулой: Православие, Самодержавие, Народность. Но это отчётливо видно только теперь, ретроспективно! А тогда, в начале 1900-х годов все, от «умеренных» до крайне «левых», *говорили* (кричали!) о «благе народа» и «пользе России»!

Создавалась такая обстановка, когда всей российской общественности должна была быть представлена возможность свободно *проявить* себя, *показать*, кто есть кто, и сделать *свободный выбор* в ту или иную сторону.

Заметным явлением культурной жизни того времени стало так называемое «религиозное возрождение» («ренессанс»), охватившее целый ряд известных, видных мыслителей и писателей. На первый взгляд оно представлялось продолжением того процесса обращения, или возврата русской образованной публики к вере к Церкви, которое началось ещё в XIX в. и о котором мы уже говорили. Но при более близком рассмотрении всё оказывается не так. Родоначальником «религиозного возрождения» стал Владимир Сергеевич Соловьёв (1853—1900 г.г.) сын известного историка, философ, публицист и поэт. Получив высокое светское образование и воспитание, он углубился в изучение религии, притом не только Православия, но и других «христианских конфессий» (особенно католицизма), а также нехристианских верований, мистических восточных и западных теорий и решил, что ему удаётся найти нечто объединяющее все учения и верования, увидеть «всеединство» мира и даже некую «мировую душу», которая рисовалась ему в женском облике. Впечатлительная душа В. Соловьёва почувствовала действительную одушевлённость и нематериальную разумность бытия, но... Вот в таком случае всё зависит уже не от ума и образованности, а от внутреннего духовного выбора свободной воли: с каким именно методом, с какой логикой, каким «ключом» подойти к тому, что открывается, чувствуется? С тем ли, что предлагает Православное церковное учение (богословие), или довериться силам собственного ума? Как уже отмечалось, мирское научное знание имеет крайне опасный источник — дьявола, «отца лжи» и *гордости*. *Гордость ума* взяла верх, Соловьёв доверился ему и неизбежно заблудился. То, к чему он пришёл, оказалось очень мутной и смутной смесью демонической мистики с *обрывками* богословских, философских и научных знаний.

Опасность и соблазнительность его рассуждений и стихов заключалась в том, что они, как казалось, не противоречили религиозному, православному восприятию мира (даже в чём-то как бы углубляли его), содержали в себе полное «уважение» и «почтение» к Православной Вере. Многим из интеллигенции показалось, что наступает, наконец, примирение непримиримого — религии и науки, веры и свободного творческого разума! Это соответствовало духу времени. Ибо сей «дух» никак не желал принимать того примирения и соединения разума с верой, какое содержалось в опыте Гоголя, Хомякова, Достоевского, иных выдающихся мыслителей, когда разум, обогащённый всем современным знанием, склоняется перед Истиной Божией, как она искони содержится Православной Церковью. С другой стороны, образованному умному человеку конца XIX — начала XX в.в., ещё несущему в душе, в подсознании мировосприятие, полученное от Православия, безусловно претил и голый материализм и атеизм, заимствованный от не лучших западных теорий. Бурное развитие научно-технического творчества порождало иллюзию всемогущества человеческого разума и заражало *«пафосом творчества»* во всех иных областях жизни. Поэтому блистательные по форме изложения работы В. Соловьёва, содержащие к тому же множество довольно верных философских и духовных наблюдений, казались многим как раз тем, что нужно. *Гордость ума* у российских религиозных мыслителей стала находить себе «богословские» оправдания в суждениях, что человек, как сотворённый по образу и подобию Божию, наделён разумом не случайно, а для того, чтобы всячески развивать его способности в «свободном» познании мира, в культурном богословском и философском *творчестве* (на манер научно-технического). Когда на это возражали, что человек находится в состоянии глубокой духовной повреждённости, в том числе — повреждённости сознания (ума), философы отвечали, что *во Христе* эта повреждённость преодолена; очищенный Крещением человек — «новая тварь» и потому-де способен (и даже обязан) соучаствовать Богу в творчестве, развивая свои «таланты», как якобы учит Сам Христос в притче о «талантах». Забывали, что в Крещении человек получает лишь благодатную *возможность* преображения своей личности во образ Христов, очищения её, но превратить такую возможность в *действительность* он может только трудным духовно-молитвенным *подвигом* «до пота и крови», по правилам православной аскетики, изложенным в «Добротолубии», «Невидимой брани» и многих подобных руководствах той самой науки, *духовного просвещения*, о которых мы уже говорили. А притча «о талантах» имеет в виду совсем не то, что под словом «талант» понимается в современном мире, т.е. вовсе не внешние способности ума и тела человека, а те *ценности* души (талант — древняя золотая монета), на которые «покупается» Божие благоволение, а именно (как учит Евангелие) — *любовь к Богу и людям*. Составитель «Невидимой брани» преп. Никодим Святогорец в начале XIX в. очень верно заметил, что многие богословы этого времени «взявшись рассуждать о вещах высоких и божественных *прежде* очищения ума своего от многовидной фантазии и образности, из богословов обратились в *баснословов* и вместо истины изрекли ложь». Это в полной мере нужно отнести и к русским религиозным мыслителям конца XIX — начала XX в.в., типа В. Соловьёва. Не он один пострадал от гордости своего ума. Очень показателен

случай Н.Ф. Фёдорова (1828—1903 г.г.). Человек невероятной начитанности, работник Румянцевской библиотеки в Москве, особенно глубоко изучавший оккультную и масонскую литературу, Фёдоров привлекал к себе многих «думающих» и «ищущих». Подкупали и его поразительное безкорыстие, благотворительность (он мог *последние* деньги отдавать нуждающимся студентам), отрешённость от всяких земных благ и комфорта. Фёдоров трудился над «Философией общего дела», которая так и не была написана им, но содержалась в набросках, отрывках, собранных и опубликованных учениками после его смерти. Основными идеями этой философии стали мысли о необходимости с помощью науки и техники физически *воскресить* всех умерших снова в эту (!) жизнь, и превратить планету Земля в космический корабль, планетоход, на котором человечество поедет странствовать по просторам космоса, с помощью той же науки и техники... При этом Н. Фёдоров, с «почтением» относясь к Православной Вере вообще, не останавливался перед тем, чтобы возражать против слов Христа в Евангелии и предлагать свои изречения! С Православной точки зрения всё это больше, чем вольнодумство; это «философское *с-ума-существо*. И его пытались выдавать чуть ли не за *образец* самобытно-русской философии! Подобным же безумием, хотя и не столь «космического» размаха, отличалось творчество таких «религиозных» мыслителей как В.В. Розанов, Мережковский, Бердяев. У них всех Православные истины, тексты Священного Писания произвольно используются в угоду, в подтверждение их собственных мистико-философских и символических блудомыслий. При этом иногда такие авторы как бы попадают в точку и высказывают интересные суждения, но они *срастворены*, смешаны с совершенными заблуждениями. Но по сравнению с модными теориями марксизма и иного материализма, а также чисто западного идеализма, всё это казалось как бы *шагом вперёд*, к религии. На самом же деле это был шаг, уводящий от истины в сторону мутных «плотских мудрований». Не избежали сильнейших крушений и люди, более внимательно и последовательно старавшиеся относиться к Православному святоотеческому богословию. Таковыми были, прежде всего, профессор-протоиерей Сергей Булгаков и священник Павел Флоренский, снискавший прозвание «русского Леонардо да Винчи» по причине многосторонности интересов к разным областям знаний и заметным достижениям в них (от математики, электромеханики до искусствоведения и богословия). Ими были написаны бесспорно ценные работы (к примеру — «Два града» С. Булгакова, «Экклезиологические материалы», «Культь и культура», «Иконостас» о. Павла Флоренского). Но, доверившись собственному образованному уму, они начали создавать теорию Софии Премудрости Божией, которая рисовалась им как личность женского пола, где доходили до абсурдного признания Софии как некоей «четвёртой ипостасью» Божества (особенно — о. Сергей Булгаков). Это новое лжеучение впоследствии получило соборное осуждение Церкви, как еретическое. Немало вопиющих неправильностей содержится и в толковании на Апокалипсис С. Булгакова. Нет сомнений в искренности обращения к Православию этих (и им подобных) людей. Однако, придя к нему, они, по-видимому, полагали, что призваны «обогащать» церковное учение своей светской учёностью. Гордость «профессорского ума» была для многих тогда просто непреодолимой! С 1900 г. начались, ранее

невиданные, собрания Религиозно-философского общества, имевшие целью сближение Церкви и «мыслящей» интеллигенции. Однако итогом такого сближения оказывалось чаще всего недопустимое смешение догматов Церкви с профессорскими и приват-доцентскими умоблудиями. Впоследствии, за границей, к примеру, Бердяев пришёл к мысли о родственности «русской идеи» с идеей большевицкой («белибердяевщина» — как назвал всё это один современный священник)... Эти неудачи не означали, что Православное богословие «консервируется» в древних образцах и не может быть орудием постижения современных реальностей. Для тех мыслителей (столь же учёных и воспитанных), которые положили для себя правилом подклонять гордостную «выю» ума своего под иго соборного разума Церкви, явилась возможность на самом современном уровне проповедать Божии истины, подчас открывая и такие их грани (стороны), которых раньше не замечали. К таким мыслителям можно отнести князя Е. Трубецкого (его книга «Смысл жизни» — хороший опыт создания чего-то вроде именно Православной философии). Прекрасно показал себя в богословии В.Н. Лосский (сын известного мирского философа — автора отличных работ по логике). Хотя основные работы В. Лосского созданы позднее, — в 1930-х—50-х годах, он как автор — весь в традиции начала XX в. «Очерк мистического богословия Восточной Церкви», написанный им по-французски и «Догматическое богословие» — это теперь неперенные пособия по церковной догматике. В них есть выражения не бесспорные, даже ошибочные, но в целом Лосский твёрдо стоял на святоотеческой и аскетической основе и это позволило ему сделать ряд очень важных и ценных богословских разработок и наблюдений. Так что мирская («профессорская») учёность несколько не противоречила истинам веры, даже могла служить дополнительным орудием их постижения, но при условии *смирения и аскезы* ума и преодоления им демонических примесей, непременно имеющих в современных научных методах и знаниях.

Смутными и прямо заведомо *мутными* «религиозными» исканиями проникнуто оказалось многое и в литературе, и искусстве начала XX в. Это время получило название «серебряного века» русского искусства («золотым» признавался век Пушкина и Гоголя). Тем самым русские деятели культуры сами обозначали ступени её *деградации*, а не подъёма! И в самом деле, к однозначному еретичеству скатывается Л. Толстой, к очень ущербному индивидуализму приходят Чехов, Бунин, Набоков. После революции 1905—1907 г.г. усиливается направление «декаданса» (с латыни — «упадок»). Творчество декадентов проникнуто темами «заката», «умирания», «обречённости», но — в очень изящной, красивой оболочке, с примесями «символизма», иногда явно оккультного, демонического, масонского характера, а иногда — произвольного, доморощенного. Таково творчество поэтов Брюсова, Блока, Бальмонта, Северянина, Волошина, художника Врубеля, некоторых других. Им противостоит «пролетарский писатель» М. Горький, произведения которого Государыня назвала «*скверными*». Так и есть. При внешнем мастерстве «языка» сочинения Горького глубоко и сознательно лживы и поэтому — пусты. Попыткой соединения современного искусства с церковным явилось творчество художников — братьев Апполинария и Виктора Васнецовых, а также Нестерова. Но созданные ими, хотя и с полным «почтением» к вере, иконы и настенные росписи (особенно — Владимирского

собора в Киеве) — это сплошная *игра* мирской бездуховной *фантазии*, никак не допустимая в Церкви! Зато их мирские *картины* на древнерусские темы — это в своём роде прекрасные произведения! В те времена уже появляются футуризм, кубизм, авангардизм — как в поэзии (Маяковский), так и в живописи (он же, а также — Шагал, Кандинский, Малевич) и даже в театре (Мейерхольд). Это уже не «красивый закат», это — *разложение* культуры и искусства, в связи с поиском новых форм. «Любовная» тема в искусстве от возвышенных Пушкинских и Лермонтовских переживаний опускается до эротики, а потом и до обычной похабщины. Мутные мистико-символические «религиозные» мотивы вырождаются (к примеру, — у М. Цветаевой) в использование *святых* образов, слов и имён, без всякой связи их с религиозным смыслом, просто для «раскрашивания» своих эротических, любовных чувствований. В интеллигенции, кажется, вообще перестают понимать, что такое любовь, и этим словом обозначают богопротивную эротику и даже обычное половое скотство. Между тем, Древние святые каноны Церкви строго запрещают и создание каких-либо соблазнительных образов на эти темы, и предают *анафеме* тех, кто использует их. С этой точки зрения почти всё «мирское» западническое российское искусство уже при своём возникновении в XVIII—XIX в.в. оказалось *под анафемой* Церкви. Отсюда совершенно закономерно то, что оно не пошло путем подъёма и расцвета, а покатилося по линии *деградации и разложения*. Если XIX в. — «золотой», начало XX-го — «серебряный», то каким является век нынешнего искусства конца XX столетия? Вряд ли даже «каменным», скорей — «мусорным». Немалое значение здесь приобретает увлечение однозначно *демоническими* восточными учениями индуизма, йоги, буддизма и т.п., в духе Н. Рериха, — высокопосвящённого масона, приветствовавшего Ленина и создаваемого им антихристово государство! Но вместе с тем мы видим в российском секулярном (т.е. отсечённом от Церкви) искусстве не только ряд очень одарённых, великих авторов, но и авторов, вольно и невольно (в силу своей русскости) привнёсших в свои произведения Православное мирозерцание. Религиозные мотивы, даже — основы, заметны у многих представителей «золотого» и «серебряного» веков, старавшихся сказать что-то доброе и праведное своим «образованным» современникам. В таком случае эти явления культуры — как лестница, по ступеням которой можно и опускаться и подниматься.. Для тех, кто живёт в Церкви и питается её богатейшей духовной пищей, увлечение мирскими произведениями искусства — это движение по ступеням вниз. А для оторванных от веры и Церкви, часто почти ничего церковного не знающих, а привыкших смотреть на писателей, поэтов, художников, композиторов, как на своих учителей, произведения мирского искусства, прямо или косвенно в добром духе говорящие о Боге и божественном, могут стать ступеньками *вверх* к вере и Церкви.

Знаменательным явлением начала XX в. стало образование наряду со многими сектами (баптистов, адвентистов, духоборов, молокан и т.п.), возникшими ранее, ещё и новой секты — «*жидовствующих*», которые пытались возродить именно ту самую ересь, конца XV в., какую мы уже знаем! Она, как мы помним, отличалась использованием наук с целью вовлечения православных в полное отступление от Христа и Его Церкви. Нетрудно видеть, что в этом отношении почти вся идеология культуры «мира сего» в XX в. есть ни что иное, как «ересь

жидовствующим», использующих безудержное научное развитие для главного — приведения человечества к поклонению антихристу и прямо — дьяволу!

В начале XX в. все описанные явления идейного и культурного характера не оказывали никакого влияния на жизнь народа, потому что его громадная масса питалась Православной Верой и Церковью, как и в древние времена. Но по причинам, которые мы увидим позже, с середины XX в. и поныне влияние секулярной культуры на советский народ сделалось не просто большим, но *определяющим!* Теперь, в конце столетия, русскоязычное население, разочаровавшись в коммунизме с его совсем уже карикатурной «культурной» стало жадно впитывать то, что было создано в России *до революции*, т.е. главным образом в начале XX в. Вот почему и явилась необходимость в общих чертах рассмотреть тенденции идейно-культурной жизни «общественности» того времени. И сказать тем современникам, которые действительно ищут правды: не идите вслед блуждавших и заблудившихся, идите вслед за теми, кто так или иначе собирался тогда вокруг своей Православной Церкви с о. Иоанном Кронштадтским и вокруг подлинной родины со святым Царём Николаем II!

Глава 30

БОРЬБА

8 марта 1898 г. в Знаменском соборе г. Курска ночью прогремел страшный взрыв. Оказалось, что революционеры подложили бомбу с часовым механизмом под чудотворную Курскую Коренную икону Богоматери — одну из величайших российских святынь. Взрыв разметал всё вокруг, но внутренний кивот и сама икона остались совершенно невредимы! Чудом явилось также и то, что часовой механизм, заведённый на время всенощного бдения, когда в храме было бы множество народа, сработал с опозданием и никто из людей не пострадал. Злодеи хотели, уничтожив икону перед глазами верующих, тем самым посрамить и её и вообще Православную Веру Русского народа. Но вместо посрамления вышло *прославление*, и по этому случаю возник ещё один праздник в честь Курской иконы, вера в которую, как и во всё учение Церкви ещё более укрепилась в народе. Взрыв замыслился не в Курске, а в С.-Петербурге. В замысле участвовали крупные революционеры и «пролетарский писатель» М. Горький. Бомба изготовлялась в Финляндии. А исполнение кощунства было поручено учащемуся Курского реального училища несовершеннолетнему Уфимцеву с группой его товарищей. Бывали в России случаи ограбления икон, когда с них снимали драгоценности и дорогие оклады, бывали и кражи церковных святынь с целью продажи. *Но никогда раньше не было* попытки уничтожения всероссийской святыни с целью кощунства! Такое случилось в истории *первые*. И знаменовало собою начало войны против веры и Церкви в России, вместе с тем открывая подлинную сущность грядущих революций. Результаты этой войны видны в том же Курске. При коммунистическом режиме одна из улиц города получила имя

Уфимцева, а при демократическом в 1993 г. возник его музей, *освящённый* одним из маститых протоиереев Московской патриархии. Освящены были также и театр, где ставятся развратные и иногда кощунственные пьесы, рестораны, торговые центры. Но не было получено разрешения на то, чтобы прославить других знаменитых курян, — назвать одну из улиц в честь Феодосия Печерского, установить памятник Серафиму Саровскому и даже — купцу И. Голикову — ведущему основателю Русской Америки... Курская Коренная икона — это икона «Знамения» Пресвятой Богородицы (её историю мы уже знаем). Поэтому совершенно не случайно, что взрыв с целью её уничтожения явился *знамением* всего последующего.

А последовал сразу же подъём революционного движения, рабочие волнения 1898 г., студенческие беспорядки 1899 г. В 1901 г. был убит министр просвещения Н.П. Боголепов, в 1902 г. — министр внутренних дел Д.С. Сипягин. Одновременно пошли покушения на менее значительных представителей власти. Множество революционных элементов (из разночинцев и студентов) оказалось в числе служащих земств и городских союзов. Всякая попытка губернаторов пресечь их деятельность оборачивалась тем, что земства во главе с дворянами начинали травить губернаторов в общественном мнении и в печати. На 50—60 революционных газет России приходилось не более 7—8 верноподданных. Получили немалое распространение идеи марксизма и анархизма. По-прежнему велико было влияние народничества, вылившегося в движение партии «социалистов-революционеров» (эсеров), старавшихся найти опору в крестьянстве и занимавшихся актами террора через свою «боевую организацию». В 1903 г. за границей возникает Союз Освобождения, скоро превратившийся в партию *конституционных демократов* («кадетов» — от начальных букв названия — к.д.). В народе их живо окрестили «*демократами*» и даже «*конокрадами*» (так что им потом пришлось переименовываться в партию «народной свободы»). Они поначалу возглавлялись молдавским помещиком Петрункевичем, но вскоре во главе их руководства стали масоны и евреи. Лидером кадетов сделался П. Милюков. Об образовании РСДРП в 1898 г. и её внутреннем разделении на «меньшевиков» и «большевиков» в 1903 г. мы уже говорили. Был упомянут и возникший в 1897 г. «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве и Польше», известный более под именем Бунда. На правах «автономной» организации он входит в социал-демократическое движение, где большинство руководства состоит тоже из евреев... Бунд стал не более чем *боевой* организацией для России «Всемирного израильского союза», управляемого тайными вождями иудаизма. Россия занимала их особым образом! Здесь позиции тайного «мирового правительства» были ещё не так сильны, как в Англии или Америке, но всё же необычайно укрепились в начале века. Достаточно сказать, что подавляющее большинство издательств и газет России находилось в руках евреев (Гессен, Городецкий, Манасевич-Мануйлов, Винавер, Рубинштейн и многие другие). Большое влияние на экономику имели еврей-миллионеры (Гинсбург, Поляков, Бродский, Высоцкий и другие), связанные с банковским и промышленным капиталом Франции, Англии, Германии, США. Одним только Бундом в год его создания (не считая иных революционных организаций) в России было организовано 315 стачек, в которых участвовало в общем до 60 тысяч человек. В 1901—1902 г.г. Бунд напечатал в России 398150 листовок и про-

кламаций, организовал 172 стачки, 6 политических забастовок, 260 тайных митингов, 14 манифестаций в синагогах и *театрах*. Во всём этом участвовали десятки тысяч человек и не только евреев, но и русских. И с этого времени из года в год активность всех иудео-масонских организаций и партий неуклонно возрастала, пока не переросла в революцию 1905 г. Иной раз всё это пытались и пытаются объяснить якобы особенно безправным, притеснённым положением евреев в России. Мы уже много раз видели, что это не так. Но совершенно опровергается небылица о «бедном угнетённом еврействе» тем обстоятельством, что *ведущую роль* в революционных движениях XX в. евреи сыграли в таких странах как Австро-Венгрия, Румыния, Германия, где традиционно, с древности они *не испытывали никаких ограничений и притеснений!* «Всемирный израильский союз» разъяснял российским бундовцам, что суть дела в том, чтобы «завоевать весь мир», что руководителям еврейства «более всего ненавистны народы, преклоняющиеся перед Крестом», из которых «почти единственный теперь в мире оплот Креста» — это «богатая и сильная Россия», которую *поэтому* и нужно «разрушать, разрушать и разрушать». Мы помним слова К. Маркса о «грядущей мировой войне, которая должна стереть с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые *реакционные народы*». Его друг и соратник Ф. Энгельс пояснил, какой именно народ следует считать прежде всего «реакционным». Он сказал: «Ни одна революция в Европе и во всём мире не может достигнуть окончательной победы, пока существует теперешнее *русское государство*».

Вот и разгадка того, на первый взгляд, нелепого и загадочного явления, что именно в пору наибольшего подъёма благосостояния всех слоёв общества России, даже как раз *по мере роста благосостояния*, в ней нарастало и революционное движение и заговор против самодержавной власти, постоянно прикрывавшиеся словами о мнимой «нищете», мнимом «безправии» народа. Энгельс выражал в приведённых словах далеко не только своё личное мнение: это было объективным мнением всей мировой антицеркви, давно действовавшей руками правительств крупнейших держав, находившихся так или иначе непременно под влиянием и контролем иудео-масонства. Вся эта нечисть ждала только удобного случая, чтобы расправиться с Россией. «Случай» представился, точнее — в значительной мере был искусственно *создан*.

«Большая Азиатская программа» Государя Николая II, почти совсем не понятая российским обществом, была хорошо понята и на Западе, и на Востоке, в Японии. Конечно, выход могучей России к Тихому океану освоение его берегов и водных ресурсов, активная политика в Китае и Корее не могли не столкнуться в интересами Японии. Она совершала тогда большой скачок в своём промышленном развитии, очень быстро вбирая достижения европейской науки, техники, культуры. Государь понимал неизбежность противоречий с Японией, но не хотел войны с ней, справедливо полагая, что все противоречия могут быть решены дипломатическим путём. Япония тоже никогда не рискнула бы сама напасть на Россию, если бы её специально не *подстрекнули* Англия и США.

Американские еврейские банки Якова (Джекоба) Шиффа, Моргана, а также «Ферст Нэшнл Бэнк» и «Нэшнл Сити Бэнк» в конце 1903 г. ссудили Японии 30 миллионов долларов, чтобы она напала на Россию. 27 января 1904 г. *без объявления войны* японские корабли вероломно атаковали русскую эскадру

в Порт-Артуре (на Ляодунском полуострове в Китае, где на правах аренды была создана сильная военно-морская база России). Началась война, которая, по замыслам её вдохновителей, должна была сопровождаться *революцией в России*. Военные действия развивались не в пользу русских. Внезапность нападения давала Японии многие преимущества. Если все военные силы России на Дальнем Востоке не превышали и 100 тысяч человек, то Япония подтянула туда армию в 300 тысяч. Численное и некоторое техническое превосходство Японии позволили ей одержать ряд крупных побед над русскими войсками. Пала после героической длительной осады крепость Порт-Артур. В Маньчжурии под Ляояном, Мукденом, в иных сражениях русские также потерпели поражение, отступили. В морских баталиях русские не раз били японцев. Но и сами терпели от них. Известен безпримерный подвиг крейсера «Варяг», вступившего в неравный бой с целой японской эскадрой. Сами японцы настолько оценили героизм моряков, что в Японии у них до сих пор существует *музей* крейсера «Варяг» (какого нет в России!). В 1905 г. в Цусимском (Корейском) проливе была почти полностью уничтожена 2-я Российская эскадра адмирала Рождественского, шедшая из Финского залива через все моря-океаны к месту своей гибели. Но в этом случае особенно не обошлось без помощи враждебных России неазиатских сил... В то время, как «эскадра Рождественского весь свой гигантский путь совершала точно в фонаре, светившем на весь мир», то о движении японских морских сил против неё «не знали даже в портах Китая», — писала газета «Новое время». Японской разведке активно *помогали евреи*. Некоторые из них действовали в качестве шпионов в русской армии, другие пытались деморализовать её, о чем свидетельствовал главнокомандующий армией на Дальнем Востоке генерал Куропаткин. Известный журналист М.О. Меншиков в том же «Новом времени» в 1906 г. писал: «Последняя страшная война...оборудована при живейшем участии евреев. Чтобы столкнуть Японию с Россией, нужно было устроить для Японии не только военные займы, но и горячее сочувствие в Америке и в Англии. Сочувствие это, как теперь бесспорно установлено, было раздуто искусственно американской печатью, которая почти вся в еврейских руках. В течение целого ряда лет армия жидовских писак клеветала на Россию, лила невероятно грязные помои, возбуждала к ненависти и презрению ко всему русскому. В результате общественное мнение не одной Америки было сбито с толку. Громадный читающий мир был жалко обманут...» В разгар войны парижская газета «Пресс» отметила: «Япония не одна ведёт войну с Россией, у неё есть могущественный союзник — еврейство». В точности исполнилось одно из положений «Протоколов сионских мудрецов» — о *японских пушках*...

В Российском обществе давно уже звучали предупреждения о еврейской опасности. Ещё в марте 1877 г. в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский рассуждал о мировом еврействе как «государстве в государстве» таким образом: «Признаки (этого «государства»): отчуждённость и отчуждимость на степени *религиозного* догмата, неслиянность, вера в то, что существует в мире лишь одна народная личность — еврей, а другие хоть и есть, всё равно надо считать, что как бы их не существовало. ... Знай, что ты...один у Бога, остальных *истреби*, или в *рабов обрати* или *эксплуатируй*. Верь в победу над *всем миром*, верь что всё покорится тебе...». Вот суть идеи этого «государства в государстве», а затем, конеч-

но, суть внутренние, а, может быть, и *таинственные* законы, ограждающие эту идею»... «движущую и влекущую нечто такое мировое и глубокое, о чём, может быть, человечество не в силах произнести своего последнего слова». В этих суждениях — то же самое, что и в «Сионских протоколах» Гинцберга (Хама). В 1900-х годах были уже известны не только они, но другие тайные документы иудаизма (к примеру, Копен-Альбанселли). С.А. Нилус в конце 1904 г. послал текст «Протоколов» (со своим призывом что-то сделать, чтобы предотвратить еврейскую угрозу) Великому Князю Сергею Александровичу, дяде Николая II, генерал-губернатору Москвы. Сергей Александрович велел передать Нилусу всего два слова: «Уже поздно». В 1905 г. книга Нилуса «Великое в малом» с «Сионскими протоколами» вышла всё же в свет. Но российская общественность вслед за еврейской с возмущением отвергла их как «подделку». Ослеплённая самолюбием и тщеславием русская общественность *не могла* допустить и мысли о том, что она является только орудием, пешкой в руках мощных мировых организаций, что ею, её настроениями и идеями управляют!.. Независимо от Нилуса почти то же, что и он, писали в те годы А.С. Шмаков, П.Ф. Булацель, некоторые другие. Но и им *не верили*. Легче было верить «своим» кумирам, вроде графа Льва Толстого, часто выступавшего против правительства и к тому времени уже окружённого ореолом как бы даже страдальца «за правду»... Дело в том, что в 1901 г. вышел роман Толстого «Воскресение». В русском тексте особенно кощунственные места против Православной Веры и Церкви были опущены, но во французском переводе сохранились и стали известны в России. Толстой и раньше публично отрицал Церковь, её таинства, проповедуя некую рационалистическую смесь из древних ересей со своими блудомыслиями. То, что не понятно внешнему человеческому рассудку в области религии, того и не нужно... Отсюда, таинства Церкви, в том числе Святое Причащение, Толстой не только не признавал, но и кощунственно хулил. Он создавал нечто вроде своей особой «церкви» — толстовских общин. За это Синод в 1901 г. 22 февраля *отлучит* его от Церкви впредь *до покаяния*, поступив совершенно правильно. В русских храмах еретика пропели «анафему», с чем вполне согласился и Государь. В «обществе» это вызвало бурю возмущения. Когда в 1910 г. Толстой, так и *не покаявшись*, скончался, Николай II на докладе по этому поводу написал своей рукой: «Душевно сожалею о кончине великого писателя, воплотившего, во времена расцвета своего дарования, в творениях своих родные образы одной из славнейших годин русской жизни (имеется в виду «Война и мир» — прот. Л.) Господь Бог да будет ему Милостивым Судией». У Государя не было ненависти к тому, кто, пожалуй, более многих других расшатывал его власть! Недаром Ленин, издеваясь над религиозными исканиями Толстого, в то же время назвал его «*зеркалом русской революции*». А «зеркало» было не только кривым, но и совершенно тёмным, не отражавшим того, что на самом деле происходило.

Происходило же следующее. В начале 1904 г. в Париже в революционном центре российской эмиграции состоялось *соглашение* между «революционными и оппозиционными организациями Российского государства», постановившее общими усилиями начать в России революцию, запланированную также и в то же самое время (в Мальмезоне) и масонским Конвентом... В парижском

соглашении приняли участие князь П. Долгоруков, профессор истории (и ма- сон французского послушания) П. Милюков, марксист П. Струве, эсер Чер- нов, евреи Натансон и Азеф (известный провокатор, работавший на два лаге- ря — на полицию (ради денег) и на революцию (из симпатии)).

23 июня 1904 г. произошло ещё одно духовно страшное событие. Вор Пётр Чайкин украл из Богородицкого монастыря в Казани великую святыню — под- линник чудотворной Казанской иконы Богоматери. Она преимущественно про- славлялась как «Заступница усердная рода христианского». Пропажа означала **отъятие заступничества** Царицы Небесной от России. Перед смертью в нача- ле 1917 г. Чайкин в тюрьме, будучи уже полностью одурманен большевиками, сказал, что сжёг икону с целью кощунства. Но есть основания думать, что он открыл место её хранения большевикам, и икона цела, но где-то за границей. После этого **от Японии**, воюющей с Россией, российские революционеры по- получили 1 миллион франков **на вооружение** народа. Крупные суммы поступили также от ряда западных банков и организаций. Кроме того, по данным «Лон- донской еврейской хроники» на революцию в России было собрано пожертво- ваний от евреев французских и австрийских — 370 тысяч фунтов стерлингов, американских — 240 тысяч, английских — 149 тысяч 341 фунт, германских — 115 тысяч фунтов стерлингов: в общей сложности в пересчете на рубли по тог- дашнему курсу — 8 миллионов 743 тысячи 410 рублей. В порты Балтики и Чёр- ного моря отправились корабли с оружием для русской революции. С начала 1905 г. по 1906 г. «кривая» потребления водки в России подскочила на никогда ранее не отмечавшуюся высоту! Рабочие столиц и промышленных центров «вдруг» стали пить в 10-20 раз больше, чем обычно (на какие, казалось бы, де- нежки?!). Так-то вот и началась «русская» революция 1905 г.! **Рабочие** отряды её состояли, действительно, в основном из русских, **исполнители**-террористы также часто бывали русскими, а **руководители** всех без исключения революци- онных организаций — сплошь евреи! Так, в Нижнем Новгороде руководит сму- той еврейка Генкина («Мария Петровна»), в Харькове — Левинсон, Танхель, Тальхенсон, Рахиль Марголина, в Великом Устюге — евреи Беспрозванный и Лебединский: в Москве во главе декабрьского 1905 г. вооружённого восста- ния — Мовша Струнский. С.-Петербургской группой «максималистов эсеров» руководит Фейга Элькина. В С.-Петербургском «Совете рабочих депутатов», возникшем 13 октября 1905 г. главенствуют Л. Троцкий (Бронштейн), Бревер, Эдилькен, Гольдберг, Фейт, Брулер и т.д. Всё это **вне** черты оседлости». А в черте и подавно! В Одессе — Иуда Гроссман, в Вильне — Хаим «Лондонский», в Белостоке — Коганович («Зайдель»), то же самое в Киеве, Риге, Либаве, Ми- таве, Бердичеве, Екатеринославле, Николаеве, Херсоне, Симферополе, Росто- ве на Дону и в иных городах. Во главе партии РСДРП меньшевиков — Юлий Мартов (Цедербаум) и весь ЦК — евреи, во главе «большевиков» — полуеврей (по матери, урождённой Бланк) Ульянов (Ленин) и 98 % ЦК — евреи. Только один Бунд за 10 месяцев 1905 г. распространил в России 2 миллиона подрывных листовок, 246 тысяч экземпляров еженедельного журнала (8 номеров), 480 ты- сяч прокламаций, устроил 5 новых типографий (в добавление к уже бывшим), получил из-за границы 266 пудов революционной литературы. Как уже упоми- налось, РСДРП (большевики и меньшевики) получили в Лондоне в 1905 г. от

американского фабриканта Джозефа (Иосифа) Фелса, члена «Фабианского общества», такие суммы денег, которые считались достаточными, чтобы вести революцию.

В ноябре 1905 г. некий Яков де Хаас в лондонском сионистском журнале «Маккавей» в статье «Еврейская революция» так прямо и писал: «Революция в России — еврейская революция, ибо это есть поворотный пункт в еврейской истории. Положение это вытекает из того обстоятельства, что *Россия является отечеством приблизительно половины общего числа евреев, населяющих мир...*». Удивительное сведение! Оно, с одной стороны, показывает, как «плохо» жилось евреям в России, а, с другой, — действительно во многом объясняет, почему именно в России случилось всё то, что случилось... Хаас далее писал: «...Свержение деспотического правительства должно оказать огромное влияние на судьбы миллионов евреев (как в России, так и за рубежом). Кроме того, революция в России — еврейская революция ещё и потому, что *евреи являются самыми активными революционерами в царской Империи*». Почти то же самое писал и еврей Алмазов в книге «Наша революция» и очень многие другие его соплеменники. К сожалению, приходится сделать некоторую поправку к этому хвастовству, указав, что евреям не удалось бы ничего без поддержки *русской* «образованной» общественности, без одураченных русских рабочих и крестьян и «если бы очень высокопоставленные чиновники не играли в руку революции», как писал тогда П.Ф. Булацель.

Революция, как известно, началась с «кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. История его такова. Сперва в 1902 г. в Москве, а затем в 1903 г. и в Петербурге были основаны очень многочисленные союзы фабрично-заводских рабочих, получившие название «зубатовских». С.В. Зубатов — одно время начальник Московского Охранного отделения, очень правильно заметил, что движение рабочих за улучшение своего материального и социального положения, в сущности, *совпадает* с заботами правительства о том же самом, что на этой основе можно объединить усилия правительства и рабочих, высвободив их тем самым из-под влияния революционной социал-демократии. Зубатова тогда не понял почти никто, кроме Великого Князя Сергея Александровича. С его помощью, постоянно преодолевая сильнейшее сопротивление революционеров и царских чиновников, Зубатов всё же сумел организовать *верное Царю* сильное рабочее движение, и не только в столицах, но и в западных губерниях, и не только русское, но и *еврейское*, в противовес Бунду. В Петербурге «зубатовские» организации рабочих возглавил священник о. Георгий Гапон. Человек крайне тщеславный и потому нестойкий как в вере, так и в политике, он попал под влияние социал-демократов, в частности еврея-социалиста Рутенберга, заразился идеями революции и согласился на страшную провокацию, которую продумала явно не русская голова! Верящим «батюшке» рабочим он внушал, что они должны попросить лично у Царя заступиться за свои материальные *нужды* ради блага Царя и народа, а рабочим, уже «посвящённым», — что выступление их ничего не подозревающих товарищей нужно использовать в интересах революции. В начале января 1905 г. были организованы массовые забастовки, в том числе на Путиловском заводе, с требованиями экономическими, *заведомо невыполнимыми* в тех условиях, то есть — провокационными. Бастующих поддержали

почти все предприятия Петербурга, даже типографии, так что после 7-го января не выходили газеты. В такой обстановке О. Георгий Гапон неожиданно бросил идею похода рабочих к Зимнему дворцу. Была составлена знаменитая «петиция», которая начиналась всем рабочим попятными словами об их тяжёлом положении. Но постепенно дух и смысл изменялся: «Нас толкают всё дальше в омут нищеты, безправия и невежества... Мы немного просим... Разве можно жить при таких законах? Не лучше ли умереть нам всем, трудящимся? Пусть живут и наслаждаются капиталисты и чиновники...» А после этой демагогии следовали такие требования Царю: «Немедленно *повели* созвать представителей земли русской. Повели...выборы в Учредительное собрание (!)... Это самая *главная* просьба, в ней и на ней зиждется всё, это главный и *единственный* пластырь для наших ран». Значит, отнюдь не в «нищете, безправии, невежестве» дело, а в *отказе Царя от власти!* Рабочие в большинстве *и не думали требовать* такого, они просто не знали, что такое «Учредительное собрание», а большинство не знало и текста петиции, веря на слово, что там — всё угодное Царю и рабочим. Далее в петиции шли требования *политической* амнистии, отмены всех косвенных налогов, министерства, «*ответственного перед народом*» — всего 13 пунктов. «Повели и *поклонись* (!!) исполнить их», — говорилось в петиции Царю (!) якобы от имени рабочих. — А не повелишь, не отзовёшься на нашу просьбу — *мы умрём* здесь на этой площади перед твоим дворцом». Такому злостно провокационному содержанию петиции, рассчитанной именно на то, чтобы Царь её ни в коем случае *не принял*, соответствовали и методы Гапона, и помогавших ему социал-демократов. На заводах, где преобладали лояльные отношения к царской власти, Гапон говорил, что всё будет хорошо. Царь *примет* петицию. А на заводах с преобладанием революционных настроений «батьюшка-социалист» говорил прямо, что, если Царь её не примет, — нет у нас Царя!» И толпа ему вторила. С той же провокационной целью *социалисты* в последний момент вручили верноподданным рабочим несколько *икон, и портретов Государя*. Царь в это время находился в Царском Селе. Из столицы его успокаивал градоначальник Фуллон, действительно веривший, что Гапон как-нибудь «уладит всё дело!». Тем не менее вечером 8-го были расклеены по городу предупреждения властей о том, что любые *манифестации запрещаются*. Но объявлений было мало, типографии не действовали и рабочие в основной массе даже *не знали*, что шествие запрещено! Зато знали все провокаторы и их западные «братья». Парижская «Юманитэ» с восторгом писала 8 января, что завтра русские рабочие подадут Царю такие требования, перед какими «бледнеют» требования «либеральных земств». Некоторые российские интеллигенты, почуввав неладное, попытались уговорить С.Ю. Витте предотвратить кровопролитие. Витте ответил двусмысленно («умыл руки»). У власти (в целом) выбора не было. Принять революционную, точнее *провокационную*, петицию было невозможно, отговаривать рабочих — поздно. Оставалось одно, — не дать толпам соединиться и захватить центр города, т.к. МВД было ясно, что толпу, не обнаружившую Царя, непременно подстрекнут на массовые безчинства и разбой. Для этого были вызваны войска, ибо полиция в России тогда была приспособлена лишь к задержанию отдельных злоумышленников, но не к борьбе с массовыми беспорядками. 9-го утром толпы рабочих (в общей сложности до

300 тысяч человек!) с разных концов Петербурга двинулись к центру. Гапон шёл во главе толпы, направлявшейся от Нарвской заставы. У Обводного канала они натолкнулись на армейские цепи. Гапон явно не ожидал, что власть проявит твёрдость. Стали призывать солдат пропустить шествие. Последовал предупреждающий залп холостыми. Толпа дрогнула, но затем угрожающе пошла на солдат. Тогда был дан настоящий залп и прямо в толпу... Подобное же произошло в других местах столицы. Казаки и солдаты быстро разогнали всех. Было убито около 130 человек и ранено несколько сотен (революционеры потом многократно *завысили* эти цифры!). Пресса (а мы помним, у кого она была в руках) моментально на всю Россию и на весь мир разнесла весть о «неслыханном злодеянии Царского режима». Гапон бежал за границу. Там он начал *понимать*, кто на самом деле и для чего управляет «русской» революцией, и это стало приводить его в большое смущение, хотя поначалу он продолжал писать в Россию гнусные воззвания против «зверя-царя». Вернувшись впоследствии тайно, он был зверски убит Рутенбергом и его подручными (слишком много узнал!). Общественность была крайне возбуждена событиями. Революционеры разных толков начали террор. 4 февраля был убит бомбой эсера Каляева генерал-губернатор Москвы Великий Князь Сергей Александрович. Его вдова, сестра Императрицы, княгиня Елизавета Фёдоровна посвятила себя иноческой жизни, устроила Марфо-Мариинскую обитель в Москве с целью медицинской помощи и благотворительности неимущим. Между прочим, она навещала Каляева в тюрьме, старалась склонить его к покаянию, чтобы избавить от казни, дарила Евангелие. Но *убийца* Каляев предпочёл быть казнённым, не раскаиваясь, то есть стать и *самоубийцей*. Убийства министров, губернаторов, полицейских и всех, кто осмеливался быть на стороне власти, следовали одно за другим. Почти все *вишли Государя лично*. Дворянское собрание С.-Петербурга лишь не очень значительным большинством голосов приняло «адрес» в поддержку своего Царя после событий 9 января (219 против 147). Некоторые приближённые в испуге советовали Государю *отмежеваться* от происшедшего, заявив, что войска стреляли без его ведома. Но Государь, очень глубоко переживавший «кровавое воскресенье», что явствует из его дневника, и *не подумал прятаться* за спину кого-либо, приняв *всю* ответственность *на себя!* По его поручению Д.Ф. Трепов, назначенный вместо Фуллона, 19 января привёз в Царское Село делегацию рабочих с разных заводов Петербурга. Государь прямо *укорил* их за то, что они «дали себя вовлечь в заблуждение и обман *изменниками и врагами* нашей родины», и сказал: «Стачки и мятежные собрания только возбуждают толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и *будут заставлять* власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает и *невинные жертвы*». Тем самым Государь Николай II недвусмысленно дал понять, что если бы он был в Петербурге 9 января, то, возможно, сам бы и приказал войскам *стрелять!* Он простил рабочих, велел учредить комиссию для выяснения их действительных нужд и выдать 50 тысяч рублей пособия семьям пострадавших. Комиссия натолкнулась на то, что рабочие Петербурга собственно экономических и социальных требований *не имеют*, но их представители — социалисты выдвигают только политические требования. Работа комиссии кончилась ничем.

А революционное движение нарастало. Крупные волнения произошли в Лодзи, в Одессе, восстали по наущению революционеров матросы броненосца «Князь Потёмкин Таврический». К ним примкнул экипаж броненосца «Георгий Победоносец», но он вскоре одумался и вернулся в Одессу. Потёмкинцы уплыли в Румынию, после чего разошлись кто куда, а корабль был возвращён России. Японцы *хвастались всюду*, что на их деньги в России происходит революция (что было верно лишь отчасти). Смуту уже невозможно было успокоить даже выполнением одного из главных требований бунтовщиков — создания органа «народного представительства». Поначалу ещё в 1904 г. многие говорили о «Земском Соборе», затем, после Гапоновской петиции, об «Учредительном Собрании» и, наконец, весной 1905 г. определилось название такого органа — Дума (Государственная Дума). Новый министр внутренних дел А.Г. Булыгин предложил проект, согласно которому подавляющее большинство депутатов Думы должны были составлять *крестьяне*, а для городских жителей устанавливался столь высокий имущественный ценз, что интеллигенция, рабочие (а значит и революционные элементы) практически почти не могли попасть в неё. Она должна была носить *совещательный* характер. Это, в общем и целом, соответствовало желанию Государя Николая II. В июне 1905 г. он говорил делегации земцев: «Пусть установится, *как было встарь*, единение между Царём и всею Русью, общение между Мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего *самобытным русским началам*». Однако вскоре стало выясняться, что голос земцев — это не голос Земли, а — либерально-демократических и даже революционных *партий!* Что же до Земли, народа, то, в основной массе, «*народ безмолвствует*». В какой-то мере сказались 200 лет почти абсолютистского, то есть *не Самодержавного* устройства власти, когда народ был полностью отрешён от всего, что делается «наверху», и 100 лет крепостного права ... «Булыгинская Дума», разумеется, никаких партийцев не устроила. Общественность требовала большего. Тогда Государь *вынужден был* ради преодоления Смуты пойти на то, чтобы создать не совещательный только, но *законодательный* выборный орган, а также даровать ряд свобод, которых особенно громко требовала общественность. Как мы скоро увидим, такое намерение Царя не было его «отступлением» перед революцией, он отнюдь её не испугался, не беспокоился ни за свою жизнь, ни за свою личную власть (и её «престиж»), сохраняя совершенное самообладание, никогда *не останавливаясь* перед употреблением *силы* против бунтовщиков. Он переживал всей душой только за Россию, за её народ, и по поводу невинных жертв.

Так и возник знаменитый манифест 17 октября 1905 г.

Он объявлял: 1) «неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов», 2) новый порядок выборов в Государственную Думу, чтобы «привлечь в неё те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав» и 3) правило, чтобы законы получали силу только с одобрения Думы и чтобы депутаты имели возможность действительного надзора за действиями поставленных Царём властей.

Когда некоторое время спустя Витте стал хвалить Государя сладкими словами за «народное представительство», в котором Царь найдет опору, Николай II прервал его: «Не говорите мне этого, Сергей Юльевич: я отлично пони-

нимаю, что создаю себе *не помощника, а врага*, но утешаю себя мыслью, что мне удастся воспитать государственную силу которая окажется полезной для того, чтобы в *будущем* обеспечить России путь спокойного развития, без резкого нарушения тех устоев, на которых она жила столько времени». При новых порядках сохранялся старый Государственный Совет из высших сановников, назначенных Царём, как бы «верхняя палата». Однако всё, вместе с Думой, *не было парламентом*, так как Государь и не собирался отказываться от самодержавной власти, о чём тогда же и заявил публично на приёме одной монархической организации: «Реформы мною возвещённые 17 октября будут осуществлены неизменно, и свободы, которые мною даны одинаково всему населению, неотъемлемы; Самодержавие же моё останется таким, *как оно было встарь*». Это было принципиальным программным заявлением. 29 апреля 1906 г. Государь открывал Первую Думу. Перед торжественным актом, для коего все депутаты приглашались в Зимний дворец, Царь *долго молился* у гробницы своего отца в Петропавловской крепости. Все эти дела очень дорого ему обходились, важнейшие решения принимались после мучительных раздумий и только после *сугубых усердных молитв!* Государь в этих случаях делал лишь то, на что чувствовал *Божие благоволение*. Так, после раздумий и молитв, совершенно правильно было им отменено явно неверное слово «неограниченная» (в определении Российской монархии), в течение 109 лет находившееся в Основных законах России, но сохранено слово «*Самодержавная*»! Депутатам 1-й Думы, «избранникам народа», как общественность их называла, Царь решил оказать своё особое расположение и показать им российскую царскую власть во всей её красоте! В Зимнем был устроен торжественный выход Царя, придворных, сановников к депутатам. Сановники внесли регалии власти — скипетр, державу, корону, государственный меч, знамя. Государь вышел в парадном мундире Преображенского полка к трону, на котором покоилась горностаевая мантия. Царица и вдовствующая Государыня Мария Фёдоровна вышли в белых *сарафанах* и жемчужных кокошниках. В парадных одеяниях были все Великие Князья, военная свита, придворные. Замыкавшие шествие фрейлины — в *древнерусских* платьях. Государь возсел на трон и погрузился в раздумье. С полминуты он молчал. Воцарилась напряжённая полная тишина. Затем Царь неспешно поднялся и громко, внятно и спокойно стал читать свою историческую речь. Он выразил веру в то, что перед ним — «лучшие люди», выбранные его подданными, что они «отдадут все силы на самоотверженное служение отечеству для выяснения нужд крестьянства, просвещения народа и развитие его благосостояния, помятуя, что для духовного (!) величия и благоденствия государства необходима не одна свобода,— необходим порядок на основе права». «Приступите с *благоговением* к работе, на которую я вас призвал и оправдайте достойно доверие Царя и народа. Бог в помощь мне и вам»,— закончил Царь. Речь произвела сильное впечатление и тронула сердца даже «левых». Но... ненадолго. Скоро обнаружилось, что вместо благоговейной созидательной работы на благо Отечества Дума начинает заниматься революционной пропагандой. «*Званные не были достойны*». Своим самодержавным повелением в июле 1906 г. Государь разогнал 1-ю Думу. 164 её члена угодили на три месяца *в тюрьму*. Затем так же в 1907 г. Государь распустил 2-ю Думу. Затем *изменил* избирательный

закон (3 июня 1907 г.), так что 3-я Дума в некоторых отношениях приближалась к составу древних *Земских Соборов* и она более других Дум отличалась конструктивностью работы. Но и в ней, и в 4-й, с 1912 г., Думе шла яростная борьба партий. Больше думских «избранных народа» на торжественные приёмы в Зимний Царь уже никогда не приглашал.

С манифеста 17 октября 1905 г. начался особый, отличавшийся интересными чертами период Смуты. Прежде всего, теперь Смута пошла в обстановке мира. без поддержки со стороны Японии. Мир с ней был заключён в августе 1905 г. на исключительно достойных и выгодных более для России, чем для Японии условиях, несмотря на внешне видимые военные поражения России! Произошло это так. После «пирровой победы» в Маньчжурии японские войска не достигли главного — им не удалось уничтожить Русскую армию. Потерявшая очень много (вместе с пленными до 89 тысяч человек против 67 тысяч потерь японцев) Российская армия отступила, сомкнулась и приготовилась к дальнейшим действиям. С обеих сторон друг против друга стояли около 600 тысяч человек (самое большое количество в мировой истории войн!). Но к русским по уже достроенной Сибирской магистрали прибывали по 14 и более эшелонов в сутки с новыми подкреплениями и припасами, а Япония уже *не могла* угнаться за такой интенсивностью! *Победившая* армия Японии не решалась пойти в наступление и не двигалась с места пять с половиной месяцев! Россия *только начинала* по-настоящему воевать, в то время, как Япония *уже выдохлась*, исчерпав все преимущества внезапности своего нападения и некоторого технического и численного превосходства. Экономика Японии тоже была «на пределе», тогда как Российское народное хозяйство почти *не почувствовало* войны. Если в России в связи с войной налоги увеличились только на 5 %, то в Японии — на 85! Мир стал нужен *обеим сторонам* — Японии, чтобы избежать поражения, России — чтобы справиться со Смутой.

За миротворческую миссию взялась теперь Америка, прекрасно понимая, что Россия непременно победит, и что, во многом благодаря Царю, Россия революцию выдержит, не рухнет. Потом иудео-масонские вожди извлекут из этого опыта очень ценные уроки. «Спасая» теперь Японию, США в то же время и *предавали* её, уговаривая пойти на компромиссы с Россией, т.к. вовсе не хотели опасного для себя *усиления Японии!* Уговаривал Президент Т. Рузвельт в том же духе и Россию. Но Государь Николай II, хотя и не прочь был заключить мир, однако же — не любой ценой! Зная это, министр иностранных дел Витте повёл свою «хитрую игру» и в Берлине просил своего *друга*-банкира еврея Мендельсона переговорить с Вильгельмом II, чтобы тот оказал влияние на Николая II, склонив его к большей уступчивости японским требованиям. На 27 июля была назначена мирная конференция в Портсмуте (в США). Япония требовала огромной контрибуции, всего Сахалина (т.к. он весь ею был захвачен), выдачи русских военных судов, укрывшихся в нейтральных странах, ограничения военного флота России на Тихом океане, отдачи всей южной ветки КВЖД и т.д. Витте был готов почти на все эти условия. Государь *продолжал* принимать все меры для дальнейшего ведения *войны* и одно за другим отклонял условия Японии. На конференции всё же договорились, что из Маньчжурии уйдут и русские и японские войска, что в Корее будет преоб-

ладать японское влияние, с сохранением прав императора Кореи, что Япония получит только часть ветки Харбин — Порт-Артур, японцам также давалось право ловить рыбу у российских берегов. Но по важнейшим пунктам согласия не было. Конференция зашла в тупик. Рузвельт, Витте, Вильгельм II оказали сильное давление на Государя. Подумав, он телеграфировал Витте такие условия России: никакой контрибуции, Япония безвозмездно отдаёт России Северный Сахалин, оставляя себе только Южный и без права строить там военные укрепления, гарантирует свободу плавания по проливу Лаперуза, никаких ограничений военному флоту России, Россия соглашается заплатить за... содержание своих пленных. Царь был почти уверен, что Япония не примет таких условий. Совершенно уверен был в этом Витте, американцы, другие наблюдавшие стороны. Но когда, 16 августа 1905 г. русская делегация, вынужденная повиноваться Государю, огласила эти условия, японский глава делегации Комура встал и заявил, что Япония *примет их* в целях восстановления мира!.. Это было полной неожиданностью для всех (прежде всего для Витте, который потом *себе* приписал успех конференции) и особенно — для общественности Японии. Она подобно русской, *не знала* подлинного положения дел. Портсмутский мир вызвал в стране-победительнице бурю возмущения, по Японии прокатилась волна демонстраций и иных протестов, в Токио разгневанные патриоты разгромили редакцию официальной газеты «Кокумин»...

Революционные выступления в России после окончания войны не кончились, но даже начали возрастать, т.к. вдохновлялись и оплачивались не только Японией. Но всё чаще революционеры стали наткаться на стихийное *противодействие* Русского *народа*. В июле в Нижнем Новгороде портовые *рабочие* (!) разгромили революционную демонстрацию (1 убитый, 30-40 раненых). В Балашове толпа народа осадила здание, где собрались земцы и интеллигенция, и только личное вмешательство П.А. Столыпина спасло заседавших. По мере того, как ширилась в октябре всеобщая политическая стачка, росло и сопротивление ей. В Москве крепко побили студентов. После демонстрации с красными знамёнами в Томске 20 октября собравшаяся толпа начала преследовать демонстрантов. Те заперлись в здании театра и стали *стрелять*, тогда их всех (200 человек) *сожгли* вместе с театром! Зловещее разделение произошло даже в церковной иерархии. Так, митрополит С.-Петербургский Антоний (Вадковский) держался либеральных позиций, а митрополит Московский Владимир (Богоявленский), причисленный к лику *святых* в 1981 г., особым воззванием 16 октября 1905 г. призвал Русский народ *к борьбе со смутой*, что вскоре было осуждено Синодом (!). Воззвание подействовало: в Москве начали работу многие предприятия, начались антиреволюционные выступления под национальными флагами. 18 октября в Москве на революционную демонстрацию напала толпа неревolutionных рабочих, и мастеровой Михалин хватил ломом по голове нёсшего красный флаг некоего Н. Баумана. 20 октября его хоронила *100-тысячная* демонстрация с пением Марсельезы и красными полотнищами... Столкновения «красных» с «чёрными сотнями», как стали называть антиреволюционных демонстрантов, происходили в Ярославле, Туле, Казани, Саратове, Ростове на Дону, Симферополе, Полтаве, Кишинёве, других городах.

Многие государственные деятели растерялись. С.Ю. Витте оказался «совершенным хамелеоном», как отозвался о нём Государь. Он заигрывал с революцией, лебезил перед рабочими, выступал с либеральнейшей программой, а когда потом революция пошла на спад, он, по словам Государя, готов был «всех расстреливать и вешать». «Пока я жив, я не поручу этому человеку и малейшего дела», — сказал о Витте Царь, отправив его в 1906 г. навсегда в отставку. Мало кто решался *действовать* в такой обстановке. Да и *как* надлежало действовать?

Это был теперь самый важный вопрос. На него ответил правильно только один *Государь*. «Революционные проявления дольше *не могут быть терпимы*. — сказал он, — Вместе с тем *не должны дозволяться самоуправные действия толпы*».

Манифестом 17 октября Царь дал возможность всей российской обществу принять участие в созидательной государственной работе. Однако революционеры, и прежде всего — *еврейские активисты* попытались использовать дарованные свободы в совершенно иных целях. Они поняли очень хорошо, что *манифест — это начало конца революции*. И перед ними стал вопрос, как, какими средствами теперь, по окончании Русско-японской войны и после манифеста, который наверняка будет одобрен всей международной общественностью, — как теперь продолжать свою «еврейскую революцию», и *получать поддержку международной общественности*? И тогда они решились на страшное злодеяние против собственного *еврейского народа*. Вот как это происходило. В Белостоке из *дома известного еврея* бросили бомбу в православный *крестный ход* и затем стали стрелять в него из револьверов (4 убитых, много раненых). Ответ — *еврейский погром*, а еврей-террористы благополучно скрываются. В Киеве 18 октября толпа евреев захватывает здание городской Думы, срывает национальные флаги, глумится над портретами Царя. Один из евреев вырезает на портрете голову, вставляет свою и кричит публике: «Теперь я Государь». Другие заявляют обалдевшим от неожиданности киевлянам: «Скоро ваш Софийский собор станет нашей синагогой», «Мы вам дали Бога, мы вам дадим и Царя». Киевляне, придя в себя, устремляются в еврейские кварталы и начинается погром в сущности неповинных евреев, тогда как еврейские провокаторы уже скрылись. В те же дни в Екатеринославе еврейские активисты устраивают демонстративные сборы «на гроб самодержавию» и пускают по улице *собак с нателными крестиками...* В ответ — еврейский погром, а виновных опять не нашли и судили «погромщиков»! 31 октября в Одессе толпа евреев, уничтожая государственные эмблемы, также захватила Думу и провозгласила «Дунайско-Черноморскую республику» во главе с евреем Пергаментом. Предлагалось «очистить» земли Дона и Кубани от казаков и передать еврейским поселенцам. При этом еврейскими организациями было *вооружено* от 4-х до 5-ти тысяч боевиков, и в столкновении с войсками пролито немало крови. Всё это описал корреспондент лондонской «Таймс», бывший очевидцем событий, в статье «Режим террора» (имеется в виду еврейский террор). Тогда в Лондоне выступил в печати главный раввин испанских общин Гастер, который *всё* это отрицал («Ни один еврей не оскорбил Величество» Царя) и утверждал, что царскими войсками и полицией (ни с того ни с сего!) убито 4

тысячи ни в чём не повинных евреев! Корреспондент «Таймс» из Одессы опроверг эти выдумки: никаких тысяч убитых евреев вообще не было. За дни одесских беспорядков похоронили только 293 евреев, из которых многие умерли естественной смертью. Англичанин указал также, что провокация была устроена «центральной еврейской организацией, находящейся в Швейцарии и пославшей своих эмиссаров из Польши в Одессу», рассказал со слов Л.Я. Рабиновича, как происходила раздача оружия. Но такие свидетельства иностранных объективных наблюдателей были крайне редкими! Зато вся мировая печать заполнялась описанием ужасов еврейских погромов, прокатившихся особенно сильной волной с 18 по 21 октября в городах Орле, Курске, Симферополе, Ростове на Дону, Рязани, Великих Луках, Иваново-Вознесенске, Калуге, Казани, Новгороде, Смоленске, Туле, Уфе, Томске, Варшаве, многих других и во всех городах «черты оседлости». Конечно же, при этом ничего не сообщалось о том, как эти погромы *провоцировались самими же евреями* (особенно часто — стрельбой по русским из окон *известных еврейских домов*). В наши дни стало выясняться, что тогда *социал-демократические* организации, руководимые евреями, умышленно распространяли в народе листовки с призывами к *еврейским погромам*.

«Крови! Как можно больше крови, и не только русской, но непременно и еврейской», — вот что можно было бы считать девизом еврейских провокаторов и революционеров. Никто никогда не может понять этой кровожадности, если не поймёт диаволопоклоннической *сущи* иудео-масонской церкви. Ибо проливаемая ею кровь — всегда ритуальная, это жертва бесам. Св. Иоанн Златоуст писал: «Таков обычай у демонов, когда воздают им человеки Божеское *поклонение* воню и дымом крови, тогда они, подобно кровожадным и ненасытным псам, *пребывают в тех местах* для питания и наслаждения». От таких кровавых жертв и получают сатанисты те демонские *энергии* (силы), которые им так нужны в борьбе за власть или ради её сохранения. Здесь именно отгадка странной кровожадности всех без исключения революций и всего режима большевиков от 1917 до 1953 г.г. Как только кончились *необоснованные* «сталинские репрессии» (безпричинные убийства), так *иссякла и сила* партии большевиков, что хорошо нам теперь видно по совсем недавним событиям. Ибо репрессии и казни *обоснованные*, то есть за преступления — это совсем другое дело! В 1905 г. кровопролитие, кроме того, сослужило и чисто внешнюю, политическую службу иудео-масонству, настроило обманутое общественное мнение западных стран против Русского Царя и побудило евреев ещё крепче держаться своих руководителей, ещё более бояться и ненавидеть русских. Еврейские погромы бывали и раньше, и позже, и не обязательно на политической основе, как бы случайно. Но погромы 1905 г., наипаче 18—21 октября, были сплошь спровоцированными.

Что же касается самих русских то, за редкими исключениями, они ни тогда, ни потом не прониклись *антисемитизмом*. Даже еврейские погромы того времени, безусловно сопровождавшиеся актами насилия и жестокости, были не более, чем стихийным возмущением, стремлением *наказать* евреев и *заставить* их вести себя прилично, но отнюдь не желанием *уничтожить*

еврейский *народ*, или даже изгнать его из России! Не следует забывать, что тогда же и те же громили не только евреев, но и своих русских студентов и революционеров, и что в ряде случаев применялись не погромные, а мирные средства воздействия. Так, в Нежине 21 октября крестьяне заставили группу еврейской молодёжи стать на колени перед портретом Царя, пред тем ими оплётанным, пропеть «Боже Царя храни...» и дать клятву не бунтовать. Почти то же крестьяне сделали со «скубелями» (студентами) Филологического института, взяв с них обещание «учить науки и Царя поважать». Да и как могло быть иначе в Империи, где Государь Император выше партий, национальностей, групп и сословий. Он может спокойно сказать: «Мои поляки, мои армяне, мои евреи, мои финляндцы. Все они — его», — как выразил довольно точно суть дела князь А.Д. Оболенский. Кстати, Государь иногда именно так и выражался: «Мои евреи»... Таким было его *царское* сознание, он иначе мыслить *не мог*. И не хотел. После 1909 г. именно политика «русского национализма», начатая П.А. Столыпиным и имевшая в виду русификацию в Западных губерниях, в Финляндии, и ограничения против евреев, привела к серьёзному разладу между ним и Государем, так что Царь уже приготовил *отставку* Столыпина. И осуществил бы её, если бы П.А. Столыпин не был убит евреем Д. Богровым 1 сентября 1911 г. в Киевском оперном театре на спектакле «Жизнь за Царя», успев осенить Государя крестным знамением и сказать, что счастлив умереть за него...

В борьбе с революцией 1905-07 г.г. Государь вынужден был создать *военно-полевые суды*, поскольку суды присяжных не только крайне затягивали дела, но постоянно выносили явным убийцам *оправдательные* приговоры, или значительно смягчали наказания, да и не имели по закону права выносить приговоры смертные. Военно-полевые суды, *не разбирая национальностей*, карали всех тех, кто уличался в терроризме. Всю духовную ответственность, трагичность момента хорошо показывает такой случай. В 1906 г. на адмирала Ф.В. Дубасова (одного из усмирителей Московского восстания) было совершено покушение, и Дубасов обратился к Государю с искренне христианской просьбой помиловать покушавшегося. Царь ответил так: «Полевой суд действует помимо Вас и помимо меня: пусть он действует по всей строгости закона. С *озверевшими людьми* иного способа борьбы нет и *быть не может*. Вы меня знаете, я незлобив: пишу Вам совершенно убеждённый в правоте своего мнения. Это *больно и тяжело*, но верно, что к *стыду и сраму нашему* (цитата из Столыпина) лишь казнь немногих может предотвратить моря крови и уже предотвратила».

С такими мыслями и чувствами Государь Николай II вершил своё царское праведное дело подавления Смуты. В 1905 г. за август-сентябрь было казнено 90 убийц, а убито — 388 человек (в основном городских). Полевые суды вынесли смертных приговоров *меньше*, чем было совершено убийств революционерами. Только за один 1906 г. и только более или менее значительных государственных чиновников (включая и крупных деятелей, министров) было убито 768 и ранено 820. Спровоцированные социалистами (эсерами) крестьянские волнения неурожайного 1905 г. редко подавлялись силой, кончились так, сами собою. Бушевала, в основном, *городская* стихия. Здесь массовые и одиночные убийства из-за угла, и не только «царских слуг», но и совершенно невинных людей стали страшной повседневной реальностью. Уголовщина перемешалась

с политикой. Но после манифеста 17 октября в Петербурге Д.Ф. Трепов, в Москве адмирал Дубасов успешно стали справляться с беспорядками. Дубасову пришлось трудно в декабре, когда развернулось восстание (с баррикадами). Но Государь послал в Москву отважного генерала Г.А. Мина во главе Гвардейского Семёновского полка. Молодцы-семёновцы живо разгромили баррикады и ликвидировали восстание. Было убито до 1300 человек (если иметь в виду, что шла именно *вооружённая* борьба, то это совсем немного). В августе 1906 г. злодеи отомстили Мину: он был убит. Разбои, грабежи и иные безчинства пьяных матросов в Кронштадте, Свеаборге, Владивостоке, в Севастополе (где произошло особенно организованное, благодаря бунтовщику лейтенанту Шмидту, восстание) были легко и быстро подавлены. По Сибирской магистрали Государь послал генерала барона А.Н. Меллер-Закомельского (подавившего Севастопольский бунт) с отрядом всего в 200 человек! И с этими силами, двигаясь с Запада на Восток, он подавил все очаги восстания на крупнейших станциях Сибири. Оказалось достаточным расстрелять два стачечных комитета, одну толпу революционеров, пытавшихся укрыться в депо, и нескольких отдельных активистов. Без труда с Востока двинулся из Маньчжурии генерал Ренненкампф, успокоивший Читу. В 1906 г. волнения и убийства пошли на убыль и к середине 1907 г. прекратились совсем. Началась «Столыпинская реформа», начался очередной вал всеобщего подъёма сельского хозяйства, промышленности, науки, образования, культуры. Россия успокоилась.

Но это внешнее успокоение, внешнее подавление Смуты явилось не самым трудным делом в развернувшейся внутренней борьбе. Трудней, гораздо трудней была «невидимая брань», т.е. духовная борьба с теми искушениями, которые упорно навязывались диаволом Русскому народу и его Самодержцу всем смыслом и содержанием революции.

Одно из них состояло в том, чтобы сдаться перед напором «своей» и западной революционной и демократической общественности и согласиться пойти *заодно* с иудео-масонским Западом по его пути. Воспринявшая манифест 17 октября чуть ли не как введение конституции и парламента, как свою победу, еврейско-русская «общественность» быстро должна была убедиться, что это совсем не так! Православная Самодержавная Монархия была сохранена. В то же время общественности была дана возможность участвовать в законодательной деятельности и были даны такие свободы и законы, которые, как мы видели, на Западе считались более демократичными, чем в демократических странах... Даже весьма умные монархисты (Л. Тихомиров) тогда искренне недоумевали: «Что это за власть? Не республика и не монархия!» А это был тот средний, или поистине «царский путь», которым *по Божию благословению* повёл Россию величайший из её Царей — Государь Николай II. Он почти сумел привести *в соответствие* исконные коренные духовно-государственные устои Великороссии XII—XVII столетий с особенностями и реальностями жизни нового XX столетия! Это была исключительно его заслуга. Это была такая победа его мудрости, воли и веры в Бога, какой ещё не было в Великороссийской истории. Главной особенностью тогдашней российской жизни явилось настойчивое стремление «умной», «образованной» части общества к *самостоятельному* решению государственных дел. Гордость ума и гордость воли далеко не

одних только революционеров, но и «умеренных» государственных и общественных деятелей, даже крупнейших сановников из ближайшего окружения Царя требовали того, чтобы им была дана определённая мера свободы. И она была дана, но... в *рамках Царского Самодержавия!* Мы помним, что Государь при этом надеялся, что ему «удастся *воспитать* государственную силу, способную «в будущем обеспечить России путь спокойного развития, без резкого нарушения» её коренных устоев. Даже ему, Государю, это представлялось очень сомнительным. И всё же по Божию смотрению, *даже это (!)* начало явно *удаваться!* Когда «будущее» стало настоящим, в 1912 г. 8 июня подводя итоги деятельности III-й Думы, Государь на встрече с её делегацией отметил, что в Думе «некоторые дела получили не то направление», какое ему было желательно, что «трения не всегда носили спокойный характер». Но тут же он сказал: «С другой стороны, *я рад удостоверить, что вы положили много труда и стараний на решение главных в моих глазах вопросов: по землеустройству крестьян, по страхованию и обезпечению рабочих, по народному образованию и по всем вопросам, касающимся государственной обороны.*»

Это был триумф, это была победа политики Святого Царя!

В значительной мере, как ни странно, сему посодействовала как раз революция 1905-07 г.г. Зверства революции, явная *уголовищина* действий её лидеров и боевиков, убийства ими неповинных людей, сорвали с революции её привлекательные или романтические покровы. В самом деле, как могли восприниматься даже самыми либерально настроенными людьми такие случаи? В одном месте *евреи*-террористы, убивая на улице полицейского, заметили, что их видела бедная женщина-прачка, случайно вблизи оказавшаяся. Они погнались за ней в убогий полуподвальчик, где она жила с малолетними детьми, и, не взирая на её слёзные мольбы пощадить ради малых деток, убили мать на глазах этих деток. В другом месте революционеры прикончили всю семью чиновника, даже 90-летнюю старуху, тоже на глазах детей. В третьем месте *русские семинаристы* зверски убили своего учителя-священника, старавшегося воспитывать их в верности Царю и Отечеству. Батюшка успел лишь поднять руку, чтобы осенить себя крестным знамением, и так принял смерть. Так, с поднятой рукой, закованной с крестным персто-сложением, он и был похоронен... Подобных случаев было множество. Сущими бандитами показали себя получившие впервые широкую известность большевики. Пополняя скудеющие источники иностранных денег, они занялись вооружёнными грабежами банков и почтовых контор, во время которых почти всегда гибли случайные люди. Именно на таких *грабежах* приобрёл впервые партийную популярность И.В. Джугашвили (Сталин). Известен на всю Россию как совершенный политический уголовник стал тогда же и В.И. Ульянов (Ленин). По абсолютному отсутствию всякой человеческой совести он даже превосходил Сталина. Феномен — удивительный, о котором речь пойдёт особо. Естественно, что *вся либеральная российская общественность*, — дворянство, земские и городские союзы, а также вся интеллигенция, не говоря уже о военных и чиновниках, резко *отшатнулись от революции!* Они при этом в основной массе не сумели подняться до верности Царю и Церкви (хотя многие поднялись и до этого!), но стали решительно против насилия и террора. А это значило, что

решающая масса российского общества складывалась теперь если и не прямо за Царя, то и *не против него*, изъявляя готовность к именно *созидательной, положительной работе* на благо Отечества *вместе с правительством*, которой так желал от общественности Государь Николай II. *Такая* Россия делалась *непобедимой* для сил мирового зла! Это в полной мере стало ясно миру как раз к 1912 г. Именно в этом, 1912 г., в Польше появилась еврейская открытка-кариатура: раввин (точнее — резник) держит *жертвенного петуха с головой Николая II в короне* ...

Мировая иудео-масонская антицерковь, или церковь дьявола, *приговаривала Россию к смерти*. Иного выхода у сатанистов теперь не было (разве что *покаяться* и обратиться вместе с Русским народом ко Христу). Могучая как никогда *во всех* отношениях, переболевшая революцией и окончательно отрёкшаяся, по крайней мере от самых пагубных радикальных *западных идей и влияний*, Православная Самодержавная Россия уже не могла поддаться идейно-духовному соблазну западничества. Великий замысел Государя Николая II о возвращении Великороссии к её коренным устоям симфонии церковной и царской власти, к состоянию «Нового Иерусалима», завещанному Патриархом Никоном, в случае осуществления, сделал бы Россию XX века центром притяжения всех народов мира.

Когда говорят, что в России в изучаемый период было вовсе не так всё хорошо, что были изъяны и болезни в церковной жизни, в вере, были явления духовного упадка в крестьянской, рабочей среде, в горожанах, в молодёжи, а наипаче — в интеллигенции, то всё это более или менее верно. Мы помним, сколь грозные Божии знамения, предупреждавшие о чём-то очень страшном, происходили тогда. Однако, перебирая факт за фактом наличный материал истории, мы не сможем обнаружить каких-то таких принципиальных из ряда вон выходящих изъянов, которые можно было бы объявить *внутренними* причинами *неизбежности* крушения России. Самые различные противоречия жизни, явления оскудения веры, шатания в обществе и т.п. бывали время от времени в Великороссии на протяжении всей ее истории. Это естественно. Это жизнь людей, народа, общества в состоянии глубокой *повреждённости грехом*, что относится ко всему роду человеческому! Здесь не может быть «идеального» общества или государства. Всё дело в том, способен ли народ, государство *преодолевать* внутреннюю порчу каждый раз так, чтобы всё-таки *удерживать* зло и содействовать развитию добра? И если *так* поставить вопрос относительно России по её состоянию к 1912 г., то нужно со всей определённостью сказать, что она была *безусловно способна* на очередном этапе преодолеть те изъяны и недостатки как церковной и духовной, так и политической и хозяйственной жизни, какие в ней, без сомнения, были. На своём месте твёрдо стоял главный «удерживающий» — Царь! Да ещё какой! Мы видели, как сумел он «удержать» взбесившееся зло революции. И он был не одинок! Следует вспомнить, что во всё время Смуты над Россией громко звучал голос Святого Праведного Иоанна Кронштадтского, призывавший народ к успокоению, к подавлению революции. Много старались в том же направлении большинство русских архиереев, пастырей, монахов, благочестивых мирян. Во многом именно благодаря их усилиям (а не только военно-полевым судам!) успокоилась Россия!

Но видели мы и другое, а именно,— что в России к тому времени оказалось *до половины всего еврейского народа*, рассеянного по всему миру! Из-под кроваво-красных одежд революции *еврейское копыто* выглянуло настолько *явственно и отчётливо*, что не заметить этого могли только слепые или не желающие замечать. Вот откуда исходил постоянный соблазн и постоянная действительная опасность.

Вопрос вопросов состоял, следовательно, в том, *как к этому* отнестись, *что делать с евреями*, в таком множестве оказавшимися в России, и в том числе — в Великороссии? Один из ответов, *казавшийся* весьма разумным, был таким: *изгонять, бить и убивать*, действовать против зла *его же методами*. К такому именно ответу склонялось постепенно основное ядро «Союза Русского Народа» и «Союза Михаила Архангела».

«Союз Русского Народа», как патриотическая организация, направленная против революции, возник в 1905 г. под руководством доктора А.И. Дубровина. С 1910 г. его лидером стал депутат Думы Н.Е. Марков — самый последовательный, хотя весьма несдержанный, защитник чести Государя и самодержавных устоев государства. В 1908г. из этой организации выделился «Союз Михаила Архангела», возглавленный В.М. Пуришкевичем — «монархистом» более, чем сам Монарх (были и такие!), немало сделавшим для дискредитации Николая II, его правительства, «в интересах Самодержавия *вообще*»... Программа и устав «Союза Русского Народа» были в 1905 г. одобрены Государем, благословлены Святым о. Иоанном Кронштадтским, в Союз вошли многие достойнейшие люди, в том числе ряд видных иерархов Церкви. Ибо Союз отнюдь не ставил перед собой «погромных» задач. Его целью было объединить здоровые силы русских людей в поддержку Государя и подлинно русских устоев русской жизни. Преодолевая внутренние разногласия, борясь с провокаторами (а без них, конечно, не обошлось!) «Союз» в общем делал много полезного для духовного, культурного и политического просвещения общества. Во всех почти крупных городах России возникали его отделения. Как и весь Русский народ, члены «Союза» отлично видели еврейский характер «русской» революции и многих не в меру горячих стало *«заносить»* (не без помощи провокаторов) в состояние дикой ненависти к евреям как к народу, в то, что часто называлось «зоологическим антисемитизмом». Возникли устойчивые убеждения в том, что со злом (т.е. еврейством) нужно бороться *его же методами*. Отсюда и участие некоторых (не всех) членов Союза в еврейских погромах. Подобное убеждение было свойственно не только членам «Союза», но и многим монархически мыслящим людям того времени в иных партиях и независимым. В этом духе, в этом направлении все они оказывали сильное давление как на Государя, так и на сознание многих в народе. Возникало *второе* искушение — согласиться с мнением этих самых «правых» и сделать *репрессии против еврейского народа государственной политикой*. Единомышленники подобных «правых» и в наши дни полагают, что это был единственный правильный выход тогда и остаётся таким теперь.

Но не так мыслил Государь, не так мыслил и Русский народ в целом! Они хорошо отличали возгневдившееся в еврейском народе зло (в лице его явных и особенно — тайных руководителей и сект) от самого народа как такового. Наиболее знающие суть дела и наиболее духовно чуткие люди, кроме того, видели и

главное: *тайные вожди современного Израиля враждебны своему собственному народу намного больше, чем какому-либо иному (к «гоям»)! Дело в том, что основная масса простых евреев веровала и верует в Бога Авраама, Исаака, Иакова и Моисея (в того же Единого Бога, что и христиане) и убеждена, что в Того же Бога веруют и вожди еврейства. А эти тайные вожди **давно** уже веруют не в Него, а в дьявола, как в «бога», но **не могут** открыть этого «своему» народу! Они вынуждены использовать его, как «профанов» в качестве **материала** («пушечного мяса») для своих глобальных и поистине тоже **великих** (хотя и с отрицательным знаком) целей. **«Месть профанам»** за их тупое невежество, непонимание и нежелание поклоняться Люциферу — одно из главных духовно-идейных положений талмудического иудаизма и масонства. Поэтому тайным «мудрецам» и «учителям» еврейского народа этот народ вовсе **не свой**, более того он им тем паче ненавистен, что далёкие предки его были народом именно богоизбранным. Отсюда для вдохновляемых дьяволом тайных «мудрецов Сиона» нет большего удовольствия, чем **тайное издевательство** и над еврейской верой и над еврейским народом. Они постоянно (и с большим искусством) подставляли и подставляют его под удары со стороны и несказанно радуются, когда льётся кровь еврейских «профанов». Мы уже видели, как это делалось в случаях с провокациями погромов. Потом ещё увидим, что никто иной как руководители еврейства, не моргнув глазом, бросили до 6-ти миллионов евреев под фашистский топор, чтобы устроить создание еврейского государства в Палестине, и — как жертвоприношение **ритуального** характера. Нужно знать, с каким **презрением** и нескрываемой неприязнью относится **в своей среде** еврейская «аристократия» и богачи к своему же еврейскому «плебейству», к бедным простым евреям! Между ними такая стена или пропасть, какой не было, пожалуй, ни в одном народе между «высшими» и «низшими».*

Из этой поистине адской «механики» Государь Николай II знал, может быть, не всё, но **достаточно**, чтобы определить своё отношение к «еврейскому вопросу» в целом. «Мои евреи»... — Этим всё сказано! Если уж промыслительно так вышло, что евреи во множестве оказались в России, то — плохие ли, хорошие ли (какие есть!) — они теперь «свои», и с ними нужно как-то жить — вот суть взглядов Государя. Он всегда был против чрезмерных ограничений в отношении евреев, стараясь снимать ограничения в рамках разумного, где только можно было. Провозглашённая Царём в 1905 г. широкая веротерпимость снимала во многом и дискриминацию евреев по религиозному признаку. Но Царь также понимал необходимость сохранения ряда запретов, касающихся еврейской активности. И в данном случае, как и в иных, в мысли Русского Царя выражалась воля его народа. Русский народ в общем и целом воспринимал дело точно **так же**, как Государь Николай II. Справедливость требует отметить, что основная масса еврейского народа, прижившись в народе Русском, тоже не питала к нему ненависти и не желала его уничтожения. Но не так думали те тайные вожди Кагала, в подчинении которых пребывал еврейский народ! Всем ярко выраженным **еврейским характером революции** они провоцировали Государя и Русский народ ответить еврейскому народу тем же, той же монетой! Безсознательно той же самой провокации служили и правые патриоты из «Союза Русского Народа». **Но провокация сорвалась.** Государь казнил смертью и сажал в тюрьмы еврейских

боевиков и преступников *наравне* со всеми другими — русскими, польскими, армянскими,— любимы. Но не обрушился на еврейский народ! И в этом его вполне поддержал народ Русский. В основной массе он всё же *отшатнулся* от «еврейских погромов». И от самого соблазна *бороться со злом его же способами!*

А соблазн иногда вновь возникал. И немалый! В 1911-1913 г.г. на всю Россию нашумело знаменитое «дело Бейлиса». 20 марта 1911 г. на окраине Киева был обнаружен труп 12-летнего мальчика Андрея Ющинского, ученика приготовительного класса духовного училища с явными признаками ритуального убийства (искусственно обезкровленный, с множеством колотых ран). Нашлись свидетели, указавшие на некоего еврея Менахиля-Менделя Тевьева Бейлиса, 39 лет, мещанина г. Василькова, видевшие, как он с неизвестными сообщниками вёл мальчика в заброшенные помещения кирпичного завода. Началось следствие. Сразу же поднялась вся еврейская пресса, зашумели, конечно и «правые». И обе стороны постарались придать делу *национально-политический* характер. Евреи и левые, «доказывая», что в еврействе совсем не было никогда и нет ритуальных убийств (это выдумки «невежд» и «средневековые предрассудки»), представляли «дело Бейлиса» как акцию *русских* («черносотенцев») против *всего (!) еврейского народа*. Начался такой невообразимый общий крик (с обеих сторон!), следствие так часто пытались сбить с толку, что удивительно, как оно вообще могло состояться. Против «ритуальных наветов» на еврейство выступила «благородная» русская интеллигенция. Ряд видных епископов, богословов и профессоров из Религиозно-Философского общества «авторитетно» заявили, что в еврействе *нет* (и не было!) ритуальных убийств, и тем покрыли свои головы вечным позором и справедливым обвинением в дремучем *невежестве*. Мы помним «Записку о ритуальных убийствах» В. Даля. Помимо неё к 1912 г. в МВД и иных инстанциях накопилось и много дополнительного материала, неопровержимо доказывающего, что в некоторых еврейских сектах (хасиды) ритуальные убийства искони были и есть. Но повинно в этом как раз *не всё еврейство*, а именно отдельные его, *тайные от самих евреев* организации. Поэтому прокуратура и суд вовсе не имели желания обвинить *всех евреев*, они разбирали *конкретный случай*. Наказание за такие случаи предусматривалось статьёй 1453 (п.13 и 2) Уложения о наказаниях. А Русский народ и без всяких «учёных изысканий» и архивных документов *повсеместно* знал об убиении евреями перед Пасхой христианских детей и употреблении их крови в религиозных целях. В Белоруссии давно пугали шалунов присловием: «Чтоб тебя жида в маце съели!..» Но знал Русский народ также и о том, что далеко не все евреи повинны в этом и даже знают об этом!

Общая экспертиза по делу Бейлиса, основанная на судебно-медицинской экспертизе (данные которой перепроверялись сто раз!) однозначно показала, что «убийства евреями христиан по религиозным побуждениям существуют в действительности, являясь результатом доведения до крайних уродливых выводов из всего еврейского вероучения, и что убийство Ющинского... *носит отличительные и характерные черты ритуального убийства*». И на суде более препирались о том, *есть или нет* в еврействе ритуальные убийства, чем о том, виновен ли Бейлис в убийстве Ющинского... В результате в конце октября 1913 г.

суд присяжных из 12 человек на вопрос, было ли убийство ритуальным, ответил положительно. А на вопрос, виновен ли в этом М. Бейлис, шесть присяжных ответили — «да», а другие шесть — «нет». В таких случаях, когда голоса присяжных делились поровну, приговор выносился в *пользу обвиняемого*. Бейлис, таким образом, оказался «оправдан». Формально. А был ли он виновен на самом деле, или нет,— остаётся по сей день неясным. И тем не менее, большая часть российской прессы («кошерной»,— по выражению В.В. Розанова) раструбила на весь мир о «победе» гуманизма и «левых», о том, что суд якобы «доказал» отсутствие еврейских ритуальных убийств, вопреки злобной клевете русских, преследующих несчастный и невинный еврейский народ! И только теперь, в 1913 г. была, наконец, несмотря на сильнейшее противодействие евреев (пытались скупить редкие подлинники, выкрали часть текста из типографии, рассыпали набор), опубликована «Записка о ритуальных убийствах» В. Даля. Но и теперь она не стала сразу достоянием широкой общественности. Будь она издана на 2—3 года раньше, трудно сказать, как окончилось бы «дело Бейлиса»...

Дело Бейлиса вовсе не было исключением в российском судопроизводстве. Подобные дела возникали и раньше, виновные получали наказания, но это всегда старались, по возможности, не оглашать на всю Россию, как раз в интересах еврейского народа. Еврейская общественность в этих случаях тоже помалкивала. Почему же в этот раз «кошерная пресса» раздула дело до всероссийской и всемирной известности?

С одной стороны, здесь явное начало подготовки мирового общественного мнения против России, Русского народа и его Царя. Газетная кампания как будто «доказывала» отсутствие ритуального убийства в тайниках иудаизма. Но не могли же еврейские газетчики не знать, что привлекая всеобщее внимание к самому *предмету* обсуждения, они лишь *подтверждают* наличие его для сознания множества людей, по принципу «нет дыма без огня»? Или они сглупили? Или сделали вид, что глупят? Как бы то ни было, есть в этом всё и другая, *промыслительная сторона*. Перед Русским народом, живо помнящим еврейские безчинства 1905—1907 г.г., как бы *нарочито приоткрывалась* одна из самых отвратительных тайн сатанинской церкви, сделавшей своим главным прибежищем еврейский народ,— *ритуальные человеческие жертвоприношения!* Русский народ и его Самодержец в последний раз *приглашались* ответить злу *его же методами*. В последний раз искушались. И это было самым сильным искушением.

Что было бы, если бы Великороссия поддалась этому соблазну во имя *самосохранения?* Ей пришлось бы последовательно погружаться в методы зла антицеркви, становиться такой же, как действительно несчастный еврейский народ, опускаться и до «глубин сатанинских», включая ритуальные человекоубийства. То есть делать то же, что попытались делать в Германии в 1930-40-х годах!.. Только так! В противном случае не вышло бы борьбы со злом *его же методами*. Но ясно, что тогда Русский народ просто перестал бы быть *самим собою*, народом Православным, народом — Церковью Божией, богоизбранным народом, полностью утратив самое драгоценное — *свет* веры Христовой, став *таким же*, как те, что подчинились диаволу. Такой результат, возможно, вполне

устроил бы и «отца лжи», и вдохновляемых им людей. Народ, возможно, сохранился бы, но уже не как Русский и не как Православный. А такое самосохранение лишено всякого смысла. Для Русского народа, для Велико-россии и Святой Руси такой выбор был *невозможен*. Русский народ, возглавляемый своим Царём, *не пошёл громить и убивать* народ еврейский, не стал на путь борьбы со злом средствами зла (Авель ответить Каину превентивным убийством *не мог*). Тогда ему осталось только одно — *самому быть убитым*.

Такой исход был неизбежен по одной важнейшей и главнейшей причине. Святая Русь, одухотворявшая собою всю Великороссию в целом и собравшуюся окрест неё Российскую Державу (Империю), эта Святая Русь, как мы не раз отмечали, была прежде всего Церковью *Христовой*, то есть истинным таинственным Телом Христовым, Глава которому Он Сам. А это значит, что в своём историческом бытии эта (такая) *Церковь неизбежно должна была следовать основным этапам земной жизни Христа Спасителя*, как бы повторять их! Как у Христа было рождение по плоти и возрастание от силы в силу в обстановке безвестности, так было и у Великороссии. Как у Христа затем началось общественное служение, открытая проповедь, всенародная известность, так было и у России в период её всемирной известности и христианского влияния на мировые дела. Подобно тому, как у Христа при этом были великие чудотворения, почёт, слава, Преображение на Фаворе, крики толпы: «Осанна!», так всё это было и у Великороссии (чего стоят чудеса и знамения одних только Серафима Саровского и Иоанна Кронштадтского!). Но, как вслед за этим у Иисуса Христа настал час последнего искушения в Гефсиманском борении, несправедного осуждения, лживых обвинений, оплевания, заушения, так всё это стала переживать и Православная Великороссия в конце XIX — начале XX в.в. от воинствующего безбожия и жидовства. Как у Господа Христа наступила, наконец, *Голгофа, Распятие на Кресте и мучительная смерть*, так всё то же самое *должно было* теперь наступить и у верной Христу Великороссии! «Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего. Довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его...» — говорил Христос своим ученикам (Мф.10,24-25) и *многokrатно* затем повторял им, что их будет ждать *то же самое*, что стало в Его земной жизни. «Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет» (Ин.12,26). «Я есмь лоза, а вы ветви... Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет... Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. ... Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Моё слово соблюдали, будут соблюдать и ваше. Но всё то сделают вам за имя Моё...» (Ин.15, 1—21) «Наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу...» (Ин.16,2). Но в то же время Господь утешил учеников обетованием вечной жизни в *Царстве Небесном..* «Да не смущается сердце ваше: веруйте в Бога и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много» (Ин.14,12). Вскоре же, после страшных часов Распятия, смерти, лежания в гробу, Христос даровал ученикам, Церкви, миру величайшую радость Своим победным *Воскресением из мертвых!* Этой-то *радостью*

Пасхи Христовой, как Пасхи Воскресения и всех верных Ему, радовалась Церковь Русская искони, этою радостью жила, эту радость возвещала своим чадам и всему миру!

Совершенно закономерно поэтому, что наступил час, когда эта радостная вера Русского народа, народа — Церкви, в вечную жизнь **Царства** — неземного, — Небесного (!) должна была пройти решающее испытание — **распятием и смертью в этой земной области бытия**.

Разумеется, нельзя **отождествлять** Распятие и смерть безгрешного Богочеловека Иисуса Христа с распятием и смертью верной Ему земной исторической Великороссии. Любой (даже святой) человек, любая человеческая общность, в данном случае — Святая Русь и Великороссия, во-первых, не имеют цели и власти искупления грехов мира, а, во-вторых, подвержены в земном своём бытии глубокой **греховной повреждённости**. Поэтому, с другой стороны, мученичество Церкви земнородных, — это всегда нечто близкое ко кресту благоразумного разбойника. Земная Церковь лишь как бы **соучаствует** в подвиге Христа, лишь в относительном условном смысле. Мы видели, что возврат Великороссии и её Самодержцев ко Христу и правде Его, то есть ко Святорусскому Православию, начавшийся с конца XVIII в. и всё более затем углублявшийся, завершившийся, наконец, сущим «Фавором» Великороссии конца XIX — начала XX столетия, **не уничтожил** вместе с тем полностью той **скверны**, которая завелась в Великорусской Душе, как Исторической Личности! Помимо, так сказать, «первородного греха» и всего с ним связанного, особенной ошибкой, особенным грехом Великороссии было определённое увлечение «тёмным Западом» и его сатанинскими силами и учениями, как бы прелюбодеяние с ними, нарушающее всецелую преданность Христу и Святому Православию. Это **увлечение было преодолено, отвергнуто Русской Душою в целом**, но остались **последствия**: порабощённость западным влияниям ведущей части «образованного» российского общества, разлагаемой и соблазняемой им части народа (революционных рабочих) и, наконец, как следствие «увлечения» — проникновение и вселение в Россию совершенно враждебного ей еврейского народа в таком количестве, какого не имела ни одна другая страна мира! Так что **грядущая Голгофа Великороссии отчасти (!) должна была стать и расплатой за грехи** (как у разбойника на кресте, славившего Христа), расплатой, которую тоже (как и подражание Христу) нужно было **со смирением принять!** А поскольку, как мы уже установили, Великороссия была не просто и не только одним из народов мира, а народом **главным и ведущим** в системе всемирной **Церкви Божией, Церкви Христовой**, то её столкновение с **главным и ведущим** народом в системе антицеркви или церкви дьявола — еврейским народом, явилось прямой параллелью, подобием столкновения Иисуса Христа с теми, которые «говорят о себе, что они Иудеи, а не суть таковы, но сборище сатанинское» (Откр. 2.9, 3.9) и главнейшим событием, **кульминацией всей мировой истории человечества!**

Развязка происходит на наших глазах. А нам нужно теперь посмотреть, как происходила кульминация, столкновение двух основных сил и народов человечества, один из которых (как в древности), указуя на Христолюбивый Русский народ, завопил всему свету: «Распни, распни его!»

Глава 31.

ИЗМЕНА, ТРУСОСТЬ И ОБМАН.

Итак, 1912 год... Жертвенный петух с головой Русского Царя... Разгар дела Бейлиса и вот такой отклик на него в сионистском журнале «Гаммер», издававшемся в Вене (№274 за 1913 г.): «Русское правительство решилось начать решительную битву (!) с еврейским народом (!) в Киеве... Еврейский народ непобедим, и поэтому только судьба *Русского государства поставлена на карту*... Если еврейство из тактических соображений скрывало тот факт, что оно стоит во главе руководства революцией в России, то после возбуждения русским правительством киевского процесса нам нет больше надобности придерживаться этой тактики. — Каков бы ни был исход судебного процесса, — *для русского правительства уже нет спасения. Таково решение еврейства, и так это будет*».

Откуда такая воинственность, уверенность? Что произошло «за кулисами» событий и на самой «сцене» в это время?

Поражение революции 1905—07 г.г. и бурный всесторонний подъём России к 1911 г., действительно, страшно разочаровали и обезпокоили тайных руководителей мировой антицеркви. Дальше укрепляться и развиваться России никак нельзя было позволить, т.к. это сделало бы невозможным осуществление глобальных задач «детей диавола». С Россией нужно было что-то делать срочно. Тем паче, что в 1912 г. готовилась, а в 1913 г. была принята предложенная Государем Николаем II большая *военная программа*, окончание которой предполагалось в 1917 г., и которая поставила бы Россию в военном отношении по всем показателям вровень с крупнейшими промышленными странами, прежде всего — с Германией. Задачи тайных вождей иудео-масонства осложнялись тем, что среди них *не было полного единства*. Западно-европейское и американское еврейство, руководимое в основном ложей (орденом) Бнай Брит, ещё не отрешилось от некоторых европейских предрассудков в мировоззрении и видело главными целями своей деятельности, в том числе, движение «сионизма», достижение полного равноправия евреев во всех народах мира и создание еврейского государства в Палестине. Наиболее ярким представителем этой ветви масонства был Теодор Герцль. Ему противостоял Ашер Гинцберг, ставший в начале 1900-х г.г. лидером восточно-европейского сионизма. Его организация «Бне Сион» сумела объединить ложи «Ховевей Сион» и «Бне Мойше» и иные еврейские организации по всей Восточной Европе и прежде всего — в России. Организации Гинцберга финансировались американским банкиром-евреем Яковом Шиффом и российским банкиром-евреем К. Высоцким. Свои цели Гинцберг (Ахад Хам) и его сторонники ахадхамиты видели в прямом порабощении евреями всех народов, то есть завоевание власти над всем миром, хотя и не отрицалась необходимость создания государства в Палестине. В 1903 г. На 6-м Конгрессе сионистов его председатель Макс Нордау говорил: «Я скажу вам следую-

щие слова, как бы ступени одной лестницы, которые ведут всё выше и выше: Герцль, Сионистский конгресс,...будущая *мировая война*, мирная конференция, на которой при помощи Англии будет создана свободная Палестина.» Но усилия Т. Герцля в переговорах с правительством Англии в 1903 г. ни к чему не привели. В 1904 г. он как-то вовремя скончался. Русско-Японская война не стала мировой. А Турецкий султан ни за что не соглашался уступить Палестину евреям. К тому же и «русская» еврейская революция не удалась. В 1908 г. евреями-масонами из «Единения и прогресса», бывшего капитулом Великого Востока Франции, была устроена «турецкая» революция, где заговорщиками стали *высшие офицеры армии*, сумевшие под руководством еврея Эммануила Карассо и Энвер-Бея (Энвер-Паши) под дулом пистолета заставить Султана Абдул-Гамида II «даровать» конституцию, а затем в 1909 г. вовсе свергнуть его с престола. После этого Турция стала *вполне послушной еврейству*. В то же самое время в 1908-1909 г.г. евреи Австро-Венгрии спровоцировали захват ею Боснии и Герцеговины, с одной стороны, и возмущение этим националистов Сербии и иных Балканских славян — с другой.

В 1911 г. В Базеле состоялся 10-й Сионистский конгресс. Важнейшим его итогом было признание пагубности внутренних разногласий движения и принятие *общей идейно-политической программы*. Сторонники ахадхамизма Хаим Вейцман, Захер и другие, пойдя на незначительные компромиссы с Бнай Брит, сумели добиться принятия сионизмом в целом и, прежде всего — объединением Бнай Брит, программы Гинцберга, основы которой были давно изложены им в «Протоколах сионских мудрецов». В 1913 г. на очередном конгрессе в Вене Ахад Хам уже торжествовал *полную победу* своих взглядов. Теперь мировое иудео-масонство стало единым. Ему подчинялись все прочие как чисто еврейские, так и смешанные организации: Всемирный Союз Израэлитов, Соединённый Еврейский Комитет (возник после Берлинского конгресса 1878 г. для обеспечения интересов евреев в международном масштабе), «Великий Восток Франции», «Чёрная рука», все «национальные», в том числе — российские масонские ложи всех «ритуалов»(обрядов) и толков. Объединились, естественно, и *капиталы* крупнейших еврейских *банков Европы* и Америки для денежного обеспечения единой программы. Программа же ближайшими задачами предусматривала по-прежнему — *мировую войну и революцию* в России и в иных ещё «реакционных» (т.е. христианских) странах, чтобы убрать *все* препятствия на пути сатанинской церкви к власти над миром.

Вот, что такое 1912-й год. Или, если взять чуть шире,— период *с 1911 по 1913г.г.* Вот откуда и воинственность еврейства и приговор его тайных вождей Русскому Царю и Русскому государству.

Программа действий, принятая сионизмом в 1911 г. стала осуществляться немедленно. В 1912 г. были спровоцированы Балканские войны, углублявшие конфликт между Россией, Францией и Англией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой. Россия оказалась *связанной обязательствами* по отношению к братским славянским народам (кроме Болгарии) и прежде всего — с Сербией так, что в случае нападения на неё, должна была сразу выступить в защиту Сербии. Так именно в *1912—1913 г.г.* была завершена *подготовка* к 1-й Мировой войне.

... Много позднее, в 1927 г. «прозревший» немецкий фельдмаршал Людендорф, поначалу (в 1917 г.) *недоумевавший*, почему *союзники* России содействовали свержению Царя и революции в ней *в разгар войны*, выступил с большим докладом перед многотысячной аудиторией в Бреслау с разоблачением масонства и еврейско-масонского заговора периода до и во время 1-й Мировой войны. Он, в частности, сослался на свидетельство одного известного ему лично бывшего немецкого масона, порвавшего с этой тайной силой, который, судя по всему, занимал видный пост в Германии. Этот бывший масон заявлял следующее: «В периоде времени *между 1911—1913 годами (!)* я, будучи правоверным масоном, находясь ещё в полном неведении конечной цели масонства, сделал глубоко потрясшее меня открытие. Благодаря не совсем обычному сцеплению обстоятельств мне удалось однажды из отрывков разговоров и замечаний узнать о плане *убийства эрцгерцога Франца Фердинанда, как повода для возникновения мировой войны, конечным результатом которой должно было явиться низвержение тронов и алтарей*». Масон-патриот немедленно сообщил о своём открытии «в соответствующую инстанцию», чтобы предупредить германское общество о грозящей ему опасности. «Инстанция» ответила, что всё это касается «масонских лож», к которым патриот и должен обратиться. Он испросил аудиенции у самого великого мастера (гроссмейстера Германии) графа (!) Дона и всё ему рассказал. Граф Дон определённо дал понять, что ему нет дела до *национальных* интересов Германии. «Для меня существует одно лишь масонство», — заявил он своему младшему «брату» по ложе. Другие источники вполне подтверждают это показание. В 1911—1913г.г. Великим Востоком Франции и подчинёнными ему видными масонами самой *Австро-Венгрии*, то есть людьми из ближайшего окружения императора и его наследника эрцгерцога Фердинанда, в согласии с ложами *Германии, России, Сербии, Англии* и других стран было *запланировано убийство Фердинанда*, как повод к мировой войне. Такое предательство никогда не могло бы стать понятным, если не учесть, что во главе масонства стояли вожди еврейства. Весь план был разработан в Бнай Брит и Всемирном Союзе Израэлитов к 1913 г. По показаниям убийц Фердинанда в это время *мировое масонство приговорило его к смерти*». Ближайшими советниками германского императора Вильгельма были перед войной *евреи Ратенау и Балин*. Они всячески подзадоривали и без того тщеславного кайзера на решительные действия против России и в целом — Антанты «*во имя Германской нации!...*». В упомянутом докладе Людендорф с горечью сказал: «Теперь мне стало ясно, что германский солдат в конечном счёте оказался *слепым орудием*, своего рода ландскнехтом *скрытых* за кулисами *тёмных сил*. Мы не можем теперь не признать, что германским мечём был расчищен путь этим силам, *закабалившим Россию*». 13 января 1919 г. сионистская газета «Пейевеише вурдле» написала: «...*Еврейство принудило Европу принять войну*, чтобы по всему свету начать новую еврейскую эру». А всемирно известный парижский банкир-еврей Ротшильд примерно тогда же не без удовольствия обмолвился: «*Мировая война — это моя война*».

Провокация замышлялась довольно простая: наследник австрийского престола должен был быть убит сербами-патриотами, что дало бы повод Авст-

рии выступить против Сербии, а дальше «цепочка» взаимных связей противостоящих государств сама собою пошла бы действовать (за Сербию вступилась бы Россия и Франция, за Австрию — Германия и т.д.). В самой Сербии, действительно, существовала с 1908 г. культурно-просветительская патриотическая организация «Народна Одбрана», стремившаяся к созданию общеславянского государства, и освобождению славян Боснии и Герцеговины от австрийского владычества. Патриоты имели несколько «кружков», в том числе «кружок» Д. Илича, где участвовали и будущие убийцы Фердинанда. Молодёжь, входившая в эти кружки, не знала, что ею руководит *масонская* сербская организация «Объединение или смерть» (иное название — «Чёрная рука»). А этой «Чёрной рукой» руководит «Великий Восток Франции», а им, в свою очередь, — Бнай Брит... По этой цепочке были выбраны исполнители провокации — молодые, по 19 лет, сербские патриоты Неделько Чабринович, Гаврила Принцип и другие, искренне думавшие, что служат сербскому и даже общеславянскому делу. Связным между масонскими центрами и «Чёрной рукой» был масон Р. Казимирович, опиравшийся на «братьев» Тонкосича и Цигановича. Накануне Сараевского убийства Казимирович объездил Париж, Будапешт и Санкт-Петербург, в последний раз согласовывая детали плана и испрашивая последнего приказа «свыше». По некоторым данным, этот последний приказ Казимировичу *был передан через масона Льва Троцкого (Бронштейна)*. Он, как и российские «товарищи» Луначарский, Натансон, Радек были *лично знакомы* с организаторами убийства Фердинанда и *связаны с ними* через масонские клубы «Великого Востока», куда входили эти (и многие другие) «россияне», участвовавшие не только в российских, но и в мировых делах.

Но почему жертвой был избран именно Франц Фердинанд? Только ли потому, что он, на свою беду, оказался наиболее «удобной» фигурой? Оказывается — нет, не только! На свою беду эрцгерцог Фердинанд не раз говорил: «... Я никогда не поведу войны против России». А когда начальник Генштаба Австрии фон Гетцендорф однажды стал доказывать нужность такой войны, Фердинанд ответил: «Войны с Россией нужно избежать, потому что Франция к ней подстрекает, особенно *французские масоны*... которые стремятся *вызвать революцию, чтобы свергнуть монархов с их тронов*». Эрцгерцог слишком много знал и понимал...

Так, в период 1911—1913 г.г. была задумана и спланирована 1-я Мировая война, главной целью которой было *низвержение России*.

Мировая война — явление особое, ранее не бывавшее в истории человечества, явление *апокалиптическое*. Отвечая на вопросы учеников о *признаках Второго Пришествия и кончины мира*, Христос сказал: «Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите не ужасайтесь: ибо надлежит всему тому быть, но это ещё не конец. Ибо восстанет народ на народ и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясения по местам. Всё же это — начало болезней» (Мф.24.6—8.). Спрашивается, неужто до Христа не было войн, «военных слухов», гладов, моров и землетрясений? Были. И Господь знал об этом. Значит, в приведённых словах Он имел в виду *не такие*, как обычно, войны, *не обычные* глады и землетрясения. Какие же? Ответ содержится в выражении: «народ на

народ и царство на царство». В древней, да и в новой истории войны велись между двумя-тремя народами или царствами, иной раз между группами царств (народов), но никогда не было такого, чтобы *все* народы, *все* царства мира так или иначе «восстали» бы друг на друга!.. *Такое* случилось только в XX-м веке, пока дважды. «Глады, моры и землетрясения» тоже стали необычными и в значительной мере связанными с мировыми войнами, если понимать под этими явлениями нечто буквальное (скажем последствия разрывов крупных бомб, особенно — ядерных). Но глады и моры вызваны в XX в. также и политикой геноцида Русского и некоторых иных народов со стороны «своих» же правителей, чего раньше никогда не бывало! А под «землетрясениями» можно также с большой долей вероятности понимать *общественные потрясения*, вызванные революциями («земля» в Писании часто — синоним «народа»).

Но как стали возможны *мировые* войны? Обычно их пытаются объяснить обострившимися противоречиями империалистических держав, как чем-то «объективным» и «закономерным», тем паче, что на стадии «империализма» эти державы стали обладать сверхмощным оружием как одним из результатов тоже якобы «объективного» развития мировой промышленности и экономики. Однако на самом деле ничего «закономерного» здесь нет. Мы видели, что многочисленные противоречия народов и держав вполне могли разрешиться не только военными, но и дипломатическими средствами. Мы видели также, как Государь Николай II в 1898—1899 г.г. предложил всем державам мира как раз *во избежание* «восстания царства на царство» путь международных мирных конференций, Третьей конференции, Третейского суда, решительного прекращения гонки вооружений, сокращение их, запрета наиболее разрушительных военных средств! Было бы желание и воля! Но мы помним также, как говорил К. Маркс о «*мировой войне*», которая должна «стереть с лица земли» целые «*реакционные народы*», как Энгельс указал, что прежде всего стирать с лица земли нужно «Русское государство». До чего точно выражался! Не сказал ведь — «правительство» или «Российскую Империю», а именно — «Русское государство», то есть государство Русского народа... Это значит — *Русский народ как таковой*. Мы помним также, как о мировых войнах рассуждали Пайк и Гинцберг. Значит это была давняя еврейская идея! И в XIX в. вождем иудео-масонства казалось (по множеству военных конфликтов), что они уже близки к её осуществлению, что никто не может им помешать. И вдруг — Россия, Русский Царь и Гагская конференция по его настоянию! Возникла реальная угроза, что *Православная Россия*, достигшая такого громадного влияния на мировые дела, может и похоронить навсегда идею мировой войны!.. Не будет поэтому натяжкой и преувеличением предположить, что *предварительный* приговор России был вынесен иудео-масонством именно *после 1899 г.* (что подтверждается и всем ходом событий) *в связи* с её мирными инициативами, отражёнными в Гагской конференции! Окончательный же приговор состоялся *в 1912 г.* Всё это даёт нужный ответ на вопрос о том, как возможны стали войны *мировые*? Они стали возможны по причине расселения евреев по *всему миру* и приобретения их вождями власти и влияния на финансы, промышленность и правительства крупнейших стран *мира*, в той или иной мере — *всех* стран!

По достижении полного идейно-политического *единства* мирового еврейского движения в 1911 г. организация им *мировых войн* стала реально осуществимой возможностью. Первая мировая война замышлялась, как было отмечено, для устройства революции прежде всего в России. Но для этого нужно было создавать и поддерживать (финансировать) определённые революционные силы внутри страны. Мы же помним, что после 1907 г. от революции и её идей отшатнулось большинство российской общественности и такая удобная для внутренних врагов часть её, как интеллигенция. В такой обстановке привлечь общественность к каким-то антиправительственным настроениям можно было только под прикрытием *патриотической* идеи, то есть не во имя *разрушения*, а во имя *сохранения* государства, общества, даже — самого монархического строя от... плохих государственных и общественных деятелей, плохого правительства и плохого монарха. В то же время никак нельзя было оставлять и упорных революционеров-разрушителей, которые хотя и потеряли популярность, но могли бы вновь её приобрести при «удачном» для них обострении обстановки.

Так, после смуты 1905—1907 г.г. в России были созданы *два* основных эшелона или подрывных движения — буржуазно-дворянское и пролетарское, или «умеренное» и «разрушительное», или — относительно «национальное» и полностью «интернациональное». То и другое, как мы потом не раз увидим, направлялось и руководилось из *одних и тех же* заграничных центров, *одним и тем же* скрытым иудейским «мировым правительством». Две личности особенно выделялись в этих двух руках одного монстра — *А. И. Гучков и В. И. Ульянов (Ленин)*, будучи как наиболее типическими выразителями указанных движений, так и наиболее сильными и влиятельными в них.

Гучков — «не торгующий купец», из очень богатой старообрядческой семьи. Добровольцем пошёл участвовать в Англо-бурской войне 1899—1902 г.г. на стороне буров. Побывал в плену у англичан и, возможно, там и был приобщён к масонству. В 1905 г. он уже видный и известный деятель, масон высоких степеней, лидер партии «октябристов». По личным убеждениям — сторонник конституционной монархии. Прославился как решительный поборник крутых мер и репрессий в подавлении революции 1905—07 г.г., за что прослыл «реакционером». Гучков — человек очень большой внутренней *силы!* Но эта сила — тёмная. Достаточно взглянуть на его портрет: в его глазах — тьма. Крайне тщеславный, как и все самозваные политики, Гучков поначалу сделал ставку на то, что ему удастся подчинить своему влиянию и «обаянию» лично Государя Николая II. Но Государь распознал, почувствовал его и вполне «охладил» Гучкова, дав ему неоднократно понять, что никакого влияния на Царя он иметь не будет. Это крайне раздосадовало «сильную личность» и Гучков с 1909-1910 г.г. занял почти откровенно враждебную Государю позицию. При всей своей гордости Гучков, однако, был политиком *обычным*. У него не было никакого своего, особого учения и мессианских претензий.

Другое дело — лидер второго революционного направления полуеврей и дворянин (из служащих) Ленин! Этот был точным слепком с основателя социал-демократического «пролетарского» движения К.Маркса. Он понял *главное* в Марксе и марксизме и создавал не просто политическую революционную

партию на основе экономической и социальной «научной» теории марксизма: он создавал — **религию** и притом такую, где «богом» являлся бы он сам! В этом суть всех разногласий Ленина с легальными марксистами, вроде Струве и Плеханова, с «меньшевиками», то есть со всеми, кто по наивности и явному недомыслию воспринимали марксизм как именно «научную» теорию, могущую послужить «светлому будущему» человечества, начиная с России... Для Ленина, как и для Маркса, важна и нужна была исключительно и только **личная власть** с неперменным **обожествлением** собственной персоны, не терпящей ни от кого не только возражений и критики, но даже просто недостаточного **раболепства**. Ленин (как и Маркс) мнил себя не иначе, как «мессией» — «учителем» и «вождём» не российского только, а мирового значения. Это была **психология антихриста**, отражавшаяся и на учении Ленина о «партии нового типа», и о «мировой революции», и о построении социализма в России, и на его «философии», и на методах «руководства», когда он с «товарищами» пришёл к власти. В области политики Ленин всегда, изначала являлся законченным **уголовником**. Для него не существовало каких-либо юридических, этических, или нравственных ограничений. Все средства, любые средства, смотря по обстоятельствам, допустимы для достижения цели. Ложь, обман, клевета, предательство, подкуп, шантаж, убийство — вот почти повседневный набор средств, какими он лично и его партия пользовались, сохраняя при этом для рядовых партийцев и масс **личину** «кристальной честности», порядочности и гуманности, что, конечно, требовало исключительного искусства и изощрённости во лжи. Особенное удовольствие Ленину всегда доставляли известия о **безнаказанных убийствах**, как одиночных, так наипаче — массовых! В таких случаях он приходил в искреннее веселье. В этой кровожадности разгадка той **особенной силы**, какую «вождь мирового пролетариата» получал от дьявола и ангелов бездны. В области философии Ленин был на удивление **бездарен**. Как **поудачней соврать** — вот что было в сущности единственной его заботой в идейной сфере. А когда ему всерьёз приходилось **думать**, тогда он допускал ляпсусы, непростительные для «гения». Так, взявшись защитить материалистическое марксистское учение от новейших соблазнов в книге «Материализм и эмпириокритицизм», Ленин вынужден был озаботиться точным философским определением того, что такое «материя». Он не сумел придумать ничего лучшего, чем утверждение, что «материя есть категория объективной реальности, данная нам в ощущениях». Эта реальность, по Ленину, существует вне и независимо от человеческого сознания и отражается им. Но под такое определение подходит всё, что угодно, в том числе — «объективная идея» Гегеля и даже бытие Божие, т.к. всё это тоже «объективная реальность» и тоже «данная в ощущениях», вне и независимо от нашего сознания!.. Что же касается Бога, то для Ленина, как и для всех марксистов, единственной «логикой» было: Его нет потому, что Его «не может быть никогда» (по Чеховскому «соседу»). Вполне законченное философское тупоумие. Несостоятельность же экономических и социальных положений марксизма-ленинизма давно и всесторонне показана и доказана крупнейшими учёными в этой области. Эти положения опровергнуты и самой жизнью. И теперь каждый непредвзятый читатель может обнаружить, что всё учение «классиков» или «вождей» марксизма — это искусное сочетание некоторых точных наблюдений над

противоречиями жизни со сплошными *натяжками*, *подтасовками* и просто *выдумками*, столь же *правдоподобными*, сколь и *далёкими от всякой правды*.

Но вот вопрос: *как* на такой идейно скудной, примитивной основе можно было создать учение, захватившее миллионы умов и сердец в России и по всему миру?! Достаточный ответ никогда не может быть дан, если не принять во внимание главного: марксизм-ленинизм — не просто учение, это — *религия, культ личности* его основателей и каждого из очередных «вождей», питаемая (вдохновляемая) не человеческими, а *демоническими* силами из «глубин сатанинских». Поэтому действие её на умы происходило одновременно с бесовским *наваждением*, ослепляющим и помрачающим рассудок. Чтобы получать такую поддержку из преисподней, нужно было особенным образом это заслужить, погружаться в сатанизм («посвящаться»). И Ленин с наиболее «сознательными товарищами» погружался (в частности и через пролитие *невинной крови*) начиная с 1905 г., хотя нет данных о том, что он лично убивал кого-нибудь. «Вождь» должен был сохраняться «незапятнанным»... В отличие от некоторых других сатанинских религий, религия большевизма носит выраженный характер *почитания человека-бога* (и его сочинений как священного писания). Это глубоко не случайно, т.к. здесь формируется не что иное, как религия *грядущего Антихриста*. Ленин — один из наиболее ярких прообразов Антихриста, один из его предтеч, вплоть до уподобления «зверю», число имени которого — 666, в некоторых конкретных деталях жизни (получение «смертельной раны» и «исцеление» от неё). При жизни Ленин не мог создать себе всеобщего культа, т.к. вынужден был делить поклонение партии и масс с такими соратниками, как скажем, Троцкий. Но довести «дело Ленина» поистине *до конца*, т.е. до абсурда, «до ручки», смог «верный ленинец» — Сталин, добившийся полностью своего культа при жизни и посмертного культа личности своего «учителя». Ленин, обозвавший религию «труположеством», явился основателем религии собственного *трупа* — *главной «святини»* большевизма даже до сего дня! Всё это и обусловило чрезвычайную, из ряда вон выходящую *силу* Ленина и его партии-секты, снискавших чрезвычайную в себе заинтересованность и дьявола, и вдохновляемых им иудео-масонских сообществ.

Давно замечено, что свою теорию «научного коммунизма» Маркс скопировал с мессианских теорий талмудического иудаизма, толкующих об избранности «еврейской сверх-нации», призванной господствовать миром, и о лжемессии — «великом иудейском царе», который установит золотой век необычайного благоденствия «избранного» народа. Если понятия избранного еврейского народа и его мессии (сверх-человека, человека-бога) заменить понятиями «мирового пролетариата» и его «вождя», то и получится марксизм. А если те же понятия заменить понятиями, скажем, «германской нации» и её «фюрера», — получится немецкий фашизм. И подставив соответственно имена «товарищей» Сталина, Мао-Цзе-Дуна, Ким Ир Сена, Пол Пота, получаем российский, китайский, корейский, кампучийский (и какой там ещё?) коммунизм... В 1908 г. А.В. Луначарский (Хаимов) написал, что марксизм является «пятой *великой религией*, формулированной иудейством». Вот так прямо, откровенно и предельно точно! Что же это такое? Почему идеология «избранности Израиля» подхватывается в других народах и трансформируется в идеи «избранности»

для всемірного господства или отдельной нации, или «мірового пролетариата»? И почему сами иудеи (через масонство) *поддерживают* такие, казалось бы, совсем не еврейские идеологии? Всё становится на свои места, если учесть, что вдохновителю всех — диаволу нужно приготовить сознание *всех* народов, всего міра, к принятию идеи Антихриста как *действительно всемірного* вождя, способного будто бы «облагодетельствовать» человечество «золотым веком» сущего «рая на земле». Это очень древняя идея (вспомним Неврода и его Вавилонское столпотворение). Она паразитирует на смутном знании и памяти человечества о своём первозданном блаженстве в Раю до грехопадения. Отсюда, как отказывается, *любому* народу планеты не чуждо стремление к «райской жизни», где царит блаженство всеобщей справедливости, добра, равенства и изобилия всяческих благ... *Точное* знание о том, что в земных условиях в состоянии греховности это *невозможно*, но возможно лишь в Царстве Небесном, *после* Второго Пришествия, общего воскресения мёртвых и Страшного Суда для тех, кто *подлинно был едино со Христом*, — такое точное знание хранит только Святое Православие. Поэтому диаволу и слугам его очень нужно стереть Православие с лица земли... Поэтому такая ненависть сил мірового зла к подлинной Церкви Христовой в Русском народе и к самому Русскому народу как её хранителю и носителю.

Вот почему и диавол и вожди иудаизма *до определённого времени* особым образом поддерживали как тех евреев или полуевреев, которые в силу *личной гордости* нетерпеливо «выскакивали» из чисто иудейской религиозной традиции с тем, чтобы *себя* видеть чем-то вроде «мессии», так и тех немцев, грузин, китайцев или корейцев, которые в силу той же гордости претендовали на ту же самую роль. Идею «всемірного вождя и учителя» нужно было *пропропетировать* во всех основных ветвях человеческого рода. Но очень мешала, невероятно мешала Православная Самодержавная Великороссия! Для её уничтожения нельзя было представить лучшего орудия, чем маниакальные изуверы убийства, лжи и гордости коммунисты-большевики во главе с Лениным. Однако, взять власть над Православным Русским народом (обычным путём через Думу или Парламент) со своими богохульными идеями они не могли. Нужно было *расчистить* им дорогу, *приготовить* место, условие для захвата власти. Эта задача возлагалась на российское масонское движение во главе с Гучковым.

После манифеста 17 октября 1905 г., даровавшего известные свободы, в России начинают быстро возникать легальные масонские ложи, ранее запрещавшиеся. И хотя тайное масонство в России никогда практически не прерывалось, отсутствие легальных лож являлось для него большим препятствием по уже памятным нам причинам. «Резерв» подготавливался во Франции «Великим Востоком». Ещё в 60-х годах в Париже во французское масонство вступили некоторые русские. Среди них — писатель И.С. Тургенев, позже — Великий Князь Николай Михайлович (ложа «Биксио»), затем философ В.Вырубов, психиатр Н. Баженов, учёный электрофизик П. Яблочков, историк М. Ковалевский. В 1887 г. там же для русских создаётся ложа «Космос» (№ 288) — писатель А. Амфитеатров, земский деятель В. Маклаков, деятель культуры В.Н. Немирович-Данченко. С 1900 г. в Париже начинает работу масонская Рус-

ская школа общественных наук, возникает ещё одна русская ложа «Гора Синай». В начале 1906 г. с согласия «Великого Востока Франции» М. Ковалевский открывает в России ложи французского подчинения. В первую такую ложу входят уже известные Ковалевский, Баженов, Маклаков, Немирович-Данченко, а также новые — С. Котляровский, Е. Кедрин (юрист), историк В.О. Ключевский, князь С. Урусов, врач и адвокат еврей М. Маргулиес, дипломат И. Лорис-Меликов и другие. От этой ложи ответвляются два основных филиала: в Москве — «Возрождение», в С.-Петербурге — «Полярная звезда». Их «открыли» прибывшие специально из Франции два высоких масона — Сеншоль и Буле. Позднее, в 1908 г., они предоставили «Полярной звезде» право открывать в России новые ложи без предварительного согласия с французами. Появились многие ложи с разными названиями, но ведущую роль продолжала играть «Полярная звезда», руководимая графом А. Орловым-Давыдовым, куда принимались только масоны не ниже 18-й степени посвящения. В масонство входят также кадет А. Коллюбакин, князь Бебутов, барон Г. Майдель, сотрудник публичной библиотеки А. Браудо, историки Н. Павлов-Сильванский и П. Щёголев, адвокаты С. Балавинский, О. Гольдовский, октябрист А.И. Гучков, его товарищ по партии М.В. Родзянко, кадет Н.В. Некрасов, трудовик А.Ф. Керенский (с 1912 г. через ложу «Малая Медведица»), меньшевики А. Гальперн, Чхеидзе, Скобелев, большевики Троцкий, Луначарский, Скворцов-Степанов, Красин, Бокий, Серeda, Чичерин, миллионеры Н.И. Терещенко, А. Коновалов, П.П. Рябушинский (с двумя родными братьями), князь В. Оболенский, графиня С.В. Панина, барон В. Меллер-Закомельский (не путать с генералом), М. Горький, его жена Е. Пешкова, его крестник еврей Зиновий Пешков (брат Я. Свердлов), их подруга Е.Д. Кускова (масонка высоких степеней), её муж С. Прокопович, князь Г. Львов (председатель Земского и Городского союзов), князь А. Хатисов (городской голова Тифлиса), князь П. Долгоруков, генерал-майор П. Половцев (33-я степень), Марк Алданов, Фёдоров, Челноков, меньшевик Г. Аронсон, художник Марк Шагал, кадет В. Велихов и очень многие другие видные деятели того времени. В списках русских масонов не числится кадет историк П. Милюков (он даже скрывал своё масонство), но только потому, что он давно состоял в масонстве чисто французском... Масонские ложи возникают и действуют, кроме Москвы и Петербурга, также в Киеве, Одессе, Нижнем Новгороде, Минске, Витебске, Твери, Самаре, Саратове, Тифлисе, Кутаиси и других городах. По словам Кусковой, перед 1917 г. вся Россия была покрыта сетью масонских лож, куда в общей сложности входили многие тысячи людей.

Кроме лож структуры «Полярной звезды» существовали ложи мистического направления. К ним относились *мартинисты* (старинное течение) во главе с «великим мастером» графом Мусиным-Пушкиным, куда входили многие из аристократии и даже из Императорской Фамилии — Великие Князья Николай Николаевич, Пётр Николаевич, Георгий Михайлович. Среди них одно время очень активно действовал знаменитый масон и оккультист Папюс. Папюс даже надеялся привлечь Государя Николая II, но не удалось! К мистикам относились и масоны — *филалеты*, куда входил Великий Князь Александр Михайлович (брат Георгия) и ряд аристократов, всего около тысячи человек.

Основные их занятие — спиритические сеансы (мнимое «общение» с духами и душами умерших), чем тогда очень увлекались довольно многие в интеллигенции. Наконец, была и прямо *сатанинская* ложа «Люцифер», включавшая многих из «творческой» среды, в основном декадентов, — Вяч. Иванов, В. Брюсов, А. Белый. Ложей интересовался А. Блок.

Масонство, по прямому *заданию* «Великого Востока Франции» пускало щупальцы в государственный аппарат, в дипломатический корпус. Так, по данным Н. Берберовой в её книге «Люди и ложи», масонами на дипломатической службе были: К.Д. Набоков (Англия), А.Д. Кандауров (Франция), Г.П. Забелло (Италия), А.В. Неклюдов (Швеция), И.Г. Лорис-Меликов (Норвегия), К.М. Ону (Швейцария), Б.А. Бахметев (США), Н.А. Кудашев (Китай), А.И. Щербацкий (Бразилия) и т.д.

Все виды и ложи масонства России были связаны и общались как *между собой*, так и с *заграничными* центрами, прежде всего — с «Великим Востоком Франции», а всем вкуче управляло *чисто еврейское* сообщество (называемое то «ложей», то «орденом») — *Бнай Брит*, ставшее во главе *объединённого* мирового сионизма, с центром в США.

Важнейшим, с политической точки зрения, для Западных центров было, конечно, российское *политическое масонство* структуры «Полярной звезды». В 1909 г. оно заявило о *самороспуске*. Это был хорошо известный нам со времён П. Пестеля манёвр с целью, с одной стороны, избавиться от «балласта» и шпионов, проникших в его среду, а с другой стороны, — создать новое тайное объединение для политической борьбы, не подвергая подозрению и опасности своих легальных «братьев». Так в том же 1909 г. была создана глубоко конспиративная «Военная ложа», во главе с А.И. Гучковым, а в 1910 г. — ложа «Малая Медведица» для работы со «штатской» общественностью, где главную роль постепенно стали играть князь Г. Львов, М.В. Родзянко, А.Ф. Керенский, Н.В. Некрасов, П.П. Рябушинский, М.И. Терещенко, А. Коновалов... Над ними, то есть над всем российским масонством этого направления тяготела масонская *клятва верности* «Великому Востоку Франции», данная ещё в 1908 г. в виде особого документа под названием «Обязательство». Это клятва-обязательство сохранялась свято до и после «самороспуска» и возникновения нового руководства и новой структуры. В 1910 г. это руководство объявило о формальной *независимости* русского масонства, но — *с согласия* французов «Великого Востока». Новое руководство значительно упростило приём новых членов, отказалось (в целях конспирации) от многих элементов масонской символики и обрядности и, таким образом, стало на языке масонов «незаконным», но именно с конспиративной целью (чтобы в случае чего мировое масонство могло заявить о своей полной «непричастности» к заговорщикам и заговору). На самом же деле всем ходом заговора руководили и контролировали его как раз *иностранные масоны* (через посольства Германии, Англии и Франции в России). В 1910 г. Гучков, давний член Госсовета и III-й Гос. Думы, стал председателем Думы. Однако в 1911 г. он добровольно ушёл с этого поста, занятого тут же его «братом» Родзянко. В 1913 г. Гучковым и иными «братьями» был создан тайный «Верховный совет народов России», куда входило до 400 членов, но председатели лож знали только

его секретарей,— Некрасова, Керенского, Терещенко. Новые ложи включали не более 12 человек каждая. Совет и его «Конвент» координировали действия «Военной ложи» и структур «Малой Медведицы». Гучков в это время возглавлял Военный комитет Государственной Думы, ведавший вопросами обороны. «По долгу службы» он оказался связан с Генеральным Штабом, виднейшими военными, дипломатами и промышленниками. Постепенно, одного за одним Гучков вовлёл в свою «Военную ложу» генералов Н.Н. Янушкевича, А.С. Лукомского, А.А. Поливанова, А.З. Мышлаевского, В.И. Гурко, полковника барона Корфа, затем — генералов А.В. Алексеева, Н.В. Рузского, А.М. Крымова, Л.Г. Корнилова, А.А. Брусилова, А.А. Маниковского, В.Ф. Джунковского, многих других видных офицеров.

У Гучкова в 1909—1913 г.г., по существу уже был готовый общий план действий, который он позаимствовал от масонов — «младотурков» в 1908 г. в Турции, куда специально ездил для изучения опыта турецкой революции. Суть плана состояла в том, чтобы *высшие офицеры армии*, в том числе из ближайшего окружения Царя, в нужный момент смогли *изолировать* своего Монарха от всех рычагов управления и *принудить* его к такому действию или заявлению, какое нужно было бы в тот момент заговорщикам.

Как видим, в масонстве состояли видные деятели и члены руководства почти *всех партий*, и крупных организаций. Керенский потом вспоминал, что в масонстве они никогда не позволяли себе нарушить единство «братства» партийными разногласиями. А «на публике» между партиями шла острая полемика, борьба, иногда казавшаяся публике («профанам») непримиримой! Так что какая бы партия, в случае революции, ни пришла к власти, у кормила этой власти *всё равно* оказались бы «братья-каменщики»!

Привлечь к тайной деятельности против Государя и государства, сделать изменниками генералов и офицеров-дворян с их ещё высоким чувством офицерской чести и верности присяге было не так-то просто. Гучков и его «братья»-масоны действовали разными способами, смотря по обстановке и учитывая личные особенности привлекаемых генералов, но было одно общее «универсальное» средство — *КЛЕВЕТА!* Клевета на правительство, якобы никуда не годное, неспособное, клевета на ближайших к Царю лиц, как «дурно влияющих» на него, наконец, клевета на самого Государя и его Семью! С 1909 г. и по февраль 1917 г. это средство пускалось в ход против каждого действительно преданного Государю министра или сановника, против целого кабинета министров, если он был неугоден масонам. Использовались любые недочёты и недостатки в руководстве, в самом течении дел, вполне неизбежные и естественные у любого правительства. В обычной обстановке никому бы и в голову не пришло винить за них министров, тем паче — Царя. Но в *той* обстановке винули (и подчас патетически громко), создавая в обществе всё более и более представление о негодности министров, иных деятелей и даже «режима» в целом. А если недостатков не было,— их *выдумывали*. Масонская служба «слухов» действовала безотказно! Сочинялись ложные *высказывания* тех или иных высоких лиц и даже — Государя и Государыни! Это всегда приходится иметь в виду при знакомстве с «воспоминаниями» и иными сочинениями деятелей того времени, особенно если они были масонами; у них правда обязательно смешивается с ложью и сознательной клеветой.

Вот когда пригодился и в полную силу стал работать на разрушение России (Отечества) идеологический и психологический истукан или идол *«служения России (Отечеству)»*, как *высшей ценности бытия*, созданный, как мы помним, ещё со времён Петра I. Для людей, подверженных такому идолопоклонству, воспитанных в нём, кто бы они не были, достаточно было явно или тайно указать на министра или на самого Царя, как на людей, которые «губят Россию» (Отечество!!) или вредят им, и эти люди, забывая и Бога, и веру, и присягу, и долг послушания Царю, становились против него, вплоть до участия в прямом заговоре с целью свержения! Они почему-то полагали, что в лице Государя они *присягали России, а не Царю лично...* В полной мере «заработала» и давняя, древняя *неприязнь родовитой знати* к Русским Самодержцам! Здесь родовое и личное тщеславие и надмение действовали особенно пагубно. Трудно было тогда найти среди отпрысков древних родов людей, которые бы без злорадства не ловили все дурные слухи и сплетни, бросавшие тень на Царя, на его Семью. Они верили слухам и сплетням, потому что *хотели* верить. И не брезгали передавать их «ниже», — в общественность которая разносила каждый такой слух буквально по всей России!

Особенно «удобной» для клеветников фигурой оказался Григорий Ефимович Распутин. Его имя начинает склоняться в обществе, в печати как раз в 1908—1909г.г. Распутин появился около Царского Двора в октябре—ноябре 1905 г. Его рекомендовали Государю и Государыне, как уже признанного целителя, для помощи больному Цесаревичу Алексею. Он вполне оправдал рекомендацию, т.к. мог останавливать угрожавшие смертью кровотечения Наследника и облегчать его боль в тех случаях, когда никакие врачи, никакая медицина не могли ничего сделать. Это и было (и осталось до смерти Распутина) *главным* в особенной привязанности к нему Царицы-матери. К тому же его восприняли ещё и как выразителя и представителя простого Русского народа. Распутин и был таким. Сам он никогда не пытался выдать себя за «святого» или «старца». Он себя называл «опытным странником» и очень хотел проповедать Слово Божие добрым людям, а также по мере сил помогать бедным, *больным*, обездоленным... Царь и Царица искренне почитали «Нашего Друга», как они называли Распутина, дали ему новую фамилию — Новых. На Г.Е.Распутина было вылито тогда и потом столько помоев клеветы и лжи, что приходится отвлекаться на описание его личности, чтобы понять суть случившегося.

Распутин (1869—1916) происходил из крестьян села Покровского Тобольской губернии. Никогда он не был в секте «хлыстов», как многие полагали. И не был конокрадом. Вероисповедания он был православного, а жизни, в самом деле, весьма типичной для многих русских, в том числе и «из народа». Он *искренне* чтит православное благочестие, тянулся к нему. Пятнадцать лет ходил по монастырям, усердно молился, много познавал от духовных людей и в итоге очень хорошо *знал*, что такое настоящее православное подвижничество и благочестие. Они были его целью, в чём нет никакого сомнения. Он обладал очень одарённой, способной натурой. К народной проницательности и смекалке («мужицкой мудрости») присоединялись у Распутина ещё некоторые особые свойства — *сила слова и сила целительного влияния*, похожая на

гипнотическую способность. Со всем этим сочеталась ещё и широта **действительно** очень доброго и отзывчивого сердца! Получая в пору своей знаменитости очень большие денежные суммы от очень богатых людей, Распутин почти всё раздавал на церкви, богадельни, нуждающимся людям и просто нищим. Около него постоянно кормилось великое множество самого разного люда... После его убийства в доме у него нашли лишь ничтожную сумму денег (и — никаких счетов в банках!). Искренне любя людей, Григорий Ефимович иногда мог быть в общении с ними пронизательным до прозорливости, так что видел человека «насквозь», а иногда — как ребёнок, доверчивым и потому нередко ошибался в людях. Распутин никогда не блудил и никогда не пьянствовал. Все рассказы «очевидцев» о «баньках» со знатными дамами просто **вымыслы**. «Банек» никогда не было. Самое удивительное в том, что **распутником** Распутин не был! Святой о. Иоанн Кронштадтский чтит его и очень хорошо о нём отзывался. В свою очередь, Распутин очень почитал о.Иоанна. Интимная личная переписка Государя и Государыни, особая Чрезвычайная Следственная комиссия Временного правительства в 1917 г. по поводу «тёмных сил при Царском Дворе», воспоминания объективных очевидцев, подлинные безхитростные писания самого Распутина и, наконец, простое сопоставление множества **фактов** неопровержимо свидетельствуют о том, что: 1) Распутин никогда не оказывал **никакого влияния** на государственные дела и на назначения высших должностных лиц, и 2) что он никогда **не был** «монстром», — исчадием «тёмных сил». Появлению Распутина содействовали Великие Княгини Анастасия Николаевна и Милица Николаевна (урождённые Черногорские княжны, бывшие замужем за Великими Князьями Николаем Николаевичем и Петром Николаевичем), а также три очень видных и авторитетных владыки — епископ Сергей (Страгородский), ректор столичной академии, епископ Феофан, духовник Царской Семьи, и Саратовский епископ Гермоген. Последний отличался особенной неприязнью к либералам и демократам, в чём вполне сходился с Распутиным. Распутин, попав в столичные круги, довольно скоро осмотрелся и понял очень многое в расстановке общественных сил. Он в целом (хотя не без ошибок!) чувствовал людей лживых и враждебных Царю, и тех кто был искренне предан Государю, и старался говорить в пользу последних. Нужно заметить, что у него была некая действительная способность к предвидению. Так, Распутин говорил Царю: «Моя смерть будет и твоей смертью». В начале войны он предупредил о том, что многие короны полетят с голов монархов. Предсказывал он и некоторые житейские события. Однако по твёрдому свидетельству родной сестры Государя Великой Княгини Ольги Александровны, Царь и Царица никогда **не считали** Распутина «святым» и неспособным грешить. Тогда что же они в нём почитали? **Искренность** в отношении к Богу и людям и великую способность к действительному смирению. Из личной переписки Царя и Царицы конца 1916 — начала 1917 г. очень хорошо видно, что Царь не придавал особого значения советам и предсказаниям «друга», о которых Государыня изредка сообщала мужу, и ни один из этих советов не исполнил. Государю нравилось в Распутине именно его народность, простота, непосредственность суждений, духовность. Царская Семья ценила в «друге» человека

«из народа». Он отчасти (конечно, далеко не в полной мере, а лишь отчасти) восполнял то общение с народом, которого так не хватало Государю. Распутина необычайно почитала фрейлина Императрицы А.А.Танеева-Вырубова, которую очень любила Государыня за редкую чистоту души, наивность, открытость, простоту, чего не было во всех почти окружающих Царский Трон. Массонская клевета потом объявила Вырубову «наложницей» и Царя, и Распутину, главной участницей ужасных «оргий» Распутина. И этому верила вся «образованная» Россия! Каково же было удивление самих клеветников, когда Чрезвычайная комиссия Временного Правительства, подвергнувшая арестованную Вырубову принудительной медицинской экспертизе, обнаружила, что она вообще — девственница!.. Подобным же образом после дополнительных проверок в марте 1917 г. обнаружилась лживость и всех, буквально *всех* клеветнических наветов на Царскую Семью и её окружение! Но это случилось уже после февральской революции. А до этого, начиная особенно с 1912 г. (того самого!) клевета распространялась, действовала с огромной силой. Этому в известной мере невольно способствовал и сам Распутин, любивший в разговорах намекнуть на своё значение при Дворе. Перед ним начинали заискивать, задаривали его, прося похлопотать перед сильными мира. И он часто хлопотал, но, как выяснилось, лишь перед некоторыми министрами и за лиц, ничего не значащих в политике, к примеру — за некоторых чиновников, нуждавшихся в пенсиях или повышении по службе, или бедствующих вдов. Но и таких вполне безобидных «протекций» оказалось достаточно, чтобы масоны Гучкова-Родзянко создали миф о «страшном», «роковом» влиянии Распутина на Царя и всю политику России. Первым начал клеветать на Распутину Великий Князь Николай Николаевич, обозлённый тем, что ему не удалось сделать Распутину орудием своего влияния на Царя. Князь обвинил Распутину в «хлыстовстве», что потом было полностью опровергнуто особыми проверками. Затем, по указке масонов, министр Внутренних Дел Хвостов, его помощник Белецкий, масон-жандарм Джунковский стали фабриковать якобы секретные сведения полицейских наблюдений, которые тут же размножались левой и еврейской прессой. Но подлинные дневники полицейских наблюдений за Распутиным, ведущихся днём и ночью с 1912 по 1916 г.г., *сохранились* в архивах, и в них нет ни одного компромата на Распутину! Поверив клевете о второй, теневой стороне жизни Распутина, от него резко отшатнулись и епископ Феодфан, и епископ Гермоген, и иные лица, ранее благоволившие ему. Гермоген в 1911 г. в Саратовской епархии с молодым иеромонахом Илиодором (Сергеем Труфановым) деятельно выступал против либерализма местных властей. В Царицыне Илиодор собирал многие тысячи людей сильными проповедями, в которых иногда всех министров объявлял «жидо-масонами». Приглашённый в заседания Синода Гермоген рассорился с синодалами по поводу некоторых впрямь сомнительных предложений о молитвах «за инославных» и об учреждении (точней возрождении в Церкви) древней должности «диаконисс». В 1912 г. Гермоген с Илиодором решили принудить Распутину воздействовать на обер-прокурора Синода В.К. Саблера. «Старец» отказался. Произошла безобразная ссора. Илиодор с одним своим приверженцем в присутствии Гермогена побил Распутину, отобрав у него при этом какие-то письма членов Царской Семьи. За выступления против Синода

Гермоген был удалён из столицы, а Илиодору назначалось отбыть в монастырь на покаяние. Однако сей ревностный борец с «жидо-масонством» официально *отрёкся от Православной Веры*. В интервью газете «Речь» (9 января 1913 г.) Илиодор сказал: «Колдуном я раньше был, народ морочил. Я — деист. Языческая религия — она была хорошая». В 1918 г. Илиодор-Труфанов стал сотрудником ЧК по личному приглашению Дзержинского. А тогда, в 1912 г., используя особенности выражений, стиля подлинника, злодеи составили фальшивое «письмо» Царицы и «письма» её дочерей Распутину. Мнимое «письмо» Государыни давало основание для гнуснейшего подозрения о её интимной связи с Распутиным. Вмешалась полиция. Подлинники были найдены. Но фальшивки уже вовсю пошли в общество... Впоследствии, бежавший за границу расстрига Илиодор использовал эти фальшивки, а также придуманные им «рассказы» Распутина в своей книге о нём под названием «Святой чёрт». И решил в 1915 г. подзаработать на этом, предложив Российскому МВД выкупить у него рукопись за 60 тысяч рублей. Когда это стало известно Государыне, она с возмущением отвергла предложение, заметив: «Белое не сделаешь чёрным, а чистого человека не очернишь». В 1912 г. создание фальшивых писем приписывалось многими Гучкову. Но даже его противники полагают, что не он их фабриковал. Возможно. «Мастеров» такого рода хватало. Известно, к примеру, что подложные «воспоминания» Вырубовой были состряпаны историком-масоном Щёголевым. Над фальшивками мог потрудиться он, или такой как он. Несмотря на давно доказанную поддельность указанных писем, они и по сей день публикуются как якобы подлинные в некоторых вполне современных и делающих вид «объективности» изданиях. Клевета на Царскую Семью не кончается. А тогда она только начиналась.

9 марта 1912 г., выступая в Думе, Гучков дерзнул произнести речь, в которой с пафосом сказал: «Хочется говорить, хочется кричать, что церковь в опасности и в опасности государство... Вы все знаете, какую тяжёлую драму переживает Россия. В центре этой драмы — загадочная трагикомическая фигура, точно выходец с того света или пережиток темноты веков (имелся в виду Распутин)... Какими путями этот человек достиг центральной позиции, захватив такое влияние, перед которым склоняются высшие носители государственной и церковной власти? Вдумайтесь только — кто же хозяйничает на верхах, кто вертит ту ось, которая тащит за собою и смену правления, и смену лиц, падение одних, возвышение других ?!»

Речь произвела огромное впечатление на общественность. Государь Николай II был возмущён до глубины души. Он, всегда оберегавший свою монаршую власть от посторонних влияний, почитая её священным личным долгом пред Богом, не мог расценить заявления о мнимом «влиянии Распутина» на государственные дела иначе, чем наглое незаслуженное оскорбление. «Поведение Думы глубоко возмутительно. Особенно отвратительна речь Гучкова», — написал он по этому случаю и тогда же сказал В.Н. Коковцову: *«Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетен, выдумок, и злобы!»* Государь был совершенно прав! Современный историк О. Платонов дал себе труд проверить все архивные документы о Распутине и установил, что все, буквально *все*, сведения о скандальных похождениях Распутина, его пьянках, оргиях, блуде и т.п.

являются *клеветническими выдумками!* Результаты исследований Платонов опубликовал в книге «Жизнь за Царя. Правда о Григории Распутине». («Россияне», М.1992, №№ 8—10). В книге хорошо показано, как масонские центры (Гучков и К^о) постановили начать и начали эту клеветническую кампанию с целью дискредитировать Царскую Семью и вообще Русскую Монархию. Доводы царских родственников о том, что как бы то ни было, слухи о Распутине всё равно компрометируют Царскую Семью, что его поэтому в любом случае нужно удалить, не могли подействовать. *Теперь* удалить Распутина значило бы в какой-то мере подтвердить обоснованность клеветы. А у Царя и Царицы на клевету мог быть только один ответ — *презрение*. Никто не мог им, как и любым независимым людям, диктовать, с кем им иметь чисто личные человеческие отношения, а с кем — нет. Царская Семья понимала, что клеветников остановить невозможно; не будет Распутина,— они найдут непременно что-нибудь другое, какой-то иной предмет клеветы, что потом и подтвердилось. И сверх всего того Распутин был *нужен* для *исцеления* Алексея Николаевича, чего никак не хотели понять даже некоторые Царские родственники.

Дело кончилось тем, что Распутина во время 1-й Мировой войны стали винить в том, что он является едва ли не главным человеком, склоняющим Царя и Царицу не более и не менее, как к *измене*, к заключению сепаратного мира с враждебной Германией. Тогда 16 декабря 1916 г. якобы во имя спасения Монархии, России (!), во имя победы над врагом, группа заговорщиков в доме князя Юсупова зверски убила Распутина. Главным «исполнителем» явился «монархист» Пуришкевич, участвовал Великий Князь Дмитрий Павлович. Человека сперва с ног до головы оклеветали, а потом и убили просто ни за что! Впрочем, с точки зрения масонов, было за что! За то, что Григорий Ефимович являлся если и не святым, то достаточно благочестивым, добрым и твёрдым в вере человеком, чтобы силой искренней молитвы лечить Наследника, духовно поддерживать Царя и Царицу, чтобы, не боясь, говорить им о нуждах народа, о его подлинных настроениях и чаяниях...

Обвинение Царской Семьи в «измене» было делом особым, и не связанным прямо с одним Распутиным. Масонская клевета, конечно, не могла ограничиться использованием одного только этого человека. Клеветали на всех, кто не входил в число заговорщиков или мешал им. Так подвергся нападкам Председатель Совета Министров Б.В. Штюрмер и за свою немецкую фамилию, и за то, что он якобы «ставленник Распутина», в шпионаже в пользу Германии обвинили военного министра В.А. Сухомлинова. Подверглись резким нападкам «общественности» и многие другие министры и сановники. Впервые громко намекнул на «измену» в верхах масон П. Милюков в одном из своих на шумевших выступлений в Думе. Наконец, в ход была пущена «утка» о том, что Царица как «немка» желает победы Германии, содействует немецким шпионам, что у неё в Зимнем дворце есть секретный «прямой провод» с Берлином, что она, во всяком случае, хочет сепаратного мира с немцами и даже вынашивает план заговора (!) против собственного мужа (!) с целью самой захватить власть, подавить нарастающую революцию с помощью немецких войск. Чего стоили эти измышления мы уже знаем из приведённых высказываний Государыни в письмах. Но общество, а также обыватели («массы») этих писем не знали и... *верили лжи*. У лжи были «длинные

ноги». Некоторые очень пожилые люди, дожившие до наших дней и помнящие те времена, рассказывали, к примеру, следующее. В далёком *волжском селе* (!) к местному священнику по праздникам и «на картишки» собиралась сельская «интеллигенция»: земский учитель с учительницей, пристав, земский начальник, акцизный надзиратель (с жёнами), заезжий студент Краковского университета. За столом говорили о войне, о Царской Семье, о Распутине, с полной убеждёностью повторяя указанную клевету и называя Государя не иначе, как «Николка-дурачок»...

В марте 1917 г. Временное правительство создало специальную Чрезвычайную Следственную Комиссию по расследованию злоупотреблений бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц, известную также как Комиссия по расследованию преступлений царского режима. Были вскрыты все личные бумаги Государя и Государыни, все секретные документы всех ведомств, обследованы (ощупаны!) все кабинеты и жилые комнаты и Царской Семьи и членов правительства. Ничего, подтверждающего хоть один из указанных клеветнических слухов, найдено не было! Зато во множестве были обнаружены документы и письма, свидетельствующие о такой *высоте, широте и благородстве чувств, мыслей и планов Государя и Государыни*, что многие ранее предубежденные против Царской Семьи члены Комиссии совершенно переменили свои взгляды! Так, один *еврей* из революционных следователей сознался: «Что мне делать? Я начинаю любить Царя!». Другой следователь, профессиональный юрист В.М. Руднев, будучи поначалу противником Царя и его «режима», получил задание Керенского особо исследовать «деятельность тёмных сил» при Царском Дворе. К «тёмным силам» причисляли таких людей, как Распутин, Вырубова, князь Андронников, доктор-бурят Бадмаев, некоторых других. Руднев поднял всю личную переписку Царя и Царицы, произвёл обыски, какие хотел, собрал горы (!) документов, допросил, кого хотел, и выяснил то, о чём уже говорилось: Распутин никогда никакого влияния на политическую жизнь страны не оказывал. Приписываемые его «внушениям» назначения министров Хвостова, Штюрмера, Протопопова и иных на самом деле происходили помимо каких-либо его «внушений» или «советов». Он вообще бывал при Дворе крайне редко и только для лечения Наследника. Доктор Бадмаев виделся с Государем в официальной обстановке по случаю представления своих сочинений о Бурятии и истории бурятского народа. Методами тибетской медицины он никого при Дворе не лечил и в придворной жизни никак не участвовал. Распутин интересовался им, но к его медицине относился отрицательно. Князь Андронников *совсем никогда не бывал* в Царской Семье. Он, будучи ловким авантюристом, умел в обществе создавать впечатление о своей мнимой близости ко Двору, пользуясь приёмами совершенно жульническими. Законченный лжец и, к тому же, мужеложник Андронников и близко ко Двору не подступался. А Анна Вырубова-Танеева, как уже было сказано, оказалась просто большим, милым ребёнком, даже при всём желании не могущим принимать хоть какое-нибудь участие в политике... И подобно сему, о всех лицах, подозревавшихся в пагубном влиянии на государственные дела, было выяснено, что они такого влияния не оказывали. Выводы Руднева не понравились. На него «надавили» с целью побудить хоть как-то дискредитировать Царскую Семью, из-за чего он тут же подал в отставку. В 1919 г. он написал теперь уже знаменитую записку «Правда о Царской Семье и «тёмных

силах», которая не раз опубликована и всем доступна. Разумеется, никакого сепаратного мира с Германией ни Царь, ни Царица и не думали заключать! «Немка», как мы знаем, оказалась настоящей *русской!* Телефонного провода с Берлином тоже не было.

Но во все эти и подобные небылицы (особенно насчёт Государыни) в 1914—1916г.г. *верили* генералы Алексеев, Корнилов, Брусилов, Рузский, протопресвитер Армии и Флота о. Георгий Шавельский, члены Государственной Думы, деятели земств и городов, благороднейшие и почтеннейшие политические деятели, а от них (а как *таким* людям не верить?) клевета распространялась даже до далёких волжских и сибирских сёл... Клеветническими нападками были один за одним удалены почти все по-настоящему преданные Царю министры.

Так, ложью и клеветой Государь оказался изолирован, как бы отрезан от российского общества. Его *решающая масса* снова сложилась против Царя. Россия была морально как бы обезглавлена. Не хватало только отрезать голову самому Царю. Но скоро будет сделано и это.

Кто-нибудь может подумать, что такая клеветническая кампания против законного Монарха и его Семьи — это нечто новое, некое особое достижение Гучкова, Львова, Родзянко, Керенского, Милюкова и всей их масонской «братии». Ничего подобного! Это точное (даже до некоторых мелких деталей) *повторение* того же средства, к какому уже прибегали масоны-творцы «Великой» Французской революции 1789 г.!.. «Отец лжи» — диавол ничего нового никогда придумать не может. Да и не старается! Старые, классические средства срабатывают и действуют в греховном человечестве безотказно...

Другая задача в то же самое время осуществлялась *вторым, боевым эшелон*ом революции — радикальными партиями, прежде всего *большевиками*. Они менее всего участвовали в клеветнической кампании против Царя и его Семьи, предоставляя это Гучковым, Милюковым и всему их чисто масонскому эшелону. Большевики, эсеры (особенно — левые), анархисты и т.п. с 1912 г. (того самого!) начали вновь активную работу в «массах» — с рабочими, планомерно внедряя в них идею *вооружённого свержения* не только монархических, но и всех русских национальных устоев и основ государственной, церковной, общественной, народной жизни. Формальным сигналом для них послужил Ленский расстрел столкновение взбунтовавшихся рабочих сибирских приисков с войсками весной того же 1912 года... В этом же году начала выходить самая лживая из когда-либо существовавших газет — ленинская «Правда».

Глава 32.

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕРШИНА

21 февраля 1913 г. исполнилось 300 лет царствования династии Романовых. Конечно, были большие торжества. Однако Господь положил на сердце Государю не ограничиться только юбилейными празднованиями в столицах, но совершить путешествие по землям, на которых *родилась и выросла Велико-*

россия. Великая Русь и её Московское государство — по Суздальско-Владимирским местам. Со всей Семьёй Николай II в мае поехал из Царского Села в Москву, затем — во Владимир, оттуда на автомобиле — в Суздаль, из него — в Боголюбово, где *мученической* смертью кончил свою многотрудную жизнь *первый* полностью Великорусский Самодержец — благоверный Князь Андрей Боголюбский. Что-то ведь потянуло *последнего* Самодержца к этому месту... Поклонившись памяти великого и святого предка, Царь ещё не знал, что его собственная и всей его Семьи святая память будет праздноваться в *один день* с памятью князя Андрея — 17 июля (по н. ст.). Особенно торжественным, конечно, был прием Царя в «романовских» местах, прежде всего — в Костроме. Здесь, в Ипатьевском монастыре 300 лет назад инокиня Марфа со слезами и страхом благословила своего Мишу на царствование, по неотступной просьбе посланцев Великого и Святого Церковного и Земского Собора 1613 г. 19—20 мая 1913 г. в Кострому со всех окрестных городов и сёл и из многих отдалённых мест России съехалось огромное количество народа! Великие Князья и Княгини, духовенство, сановники и министры приветствовали Царя, Царицу, их дочерей и Наследника Цесаревича Алексея. Гул бесчисленных колоколов вызывал радостное дрожание земли. В слезах умиления и восторга взирал Русский народ на своего Государя. Когда он на пароходе покидал Кострому, люди бежали вслед по обоим берегам Волги, бросались в реку, шли в воде по пояс, словно чувствуя, что провожают Царя в последний раз. Царская Семья посетила затем Ярославль и Ростов Великий. Это была ещё одна замечательная встреча Государя и его Семьи с *настоящей Великороссией*, как бы лицом к лицу, встреча глубоко их тронувшая. Царь ещё раз увидел своё полное, действительное единство с народом, *Главою* которого он является. Это было *подавляющее большинство (!) Великорусского* народа, прежде всего.

А предательский топор из-за угла был уже занесён... В том же 1913 г., наконец, временно разрешился Балканский кризис, в котором Турция потерпела очередную неудачу. Кайзер Вильгельм II поначалу желавший поражения Турции, вдруг увидел опасность в... славянстве и стал носиться с идеей неизбежного «столкновения германской и славянской рас». Совершенно бредовая идея! Такая же, впрочем, как и противоположная ей теория «панславизма» как объединение всех славян против германцев. Обе идеи «работали» исключительно на пользу мирового масонства (и вдохновлялись им). Старый, древний спор германцев и славян, немцев и Великороссов, не раз приводивший, как мы помним, к войнам и столкновениям, при всей своей остроте был всё же *спором братьев*, занявших разные духовные позиции. Из-за этого хоть и дрались до крови, но и жить друг без друга не могли! И *роднились* друг с другом, как в прямом смысле — династическими браками, так и в смысле взаимного культурного обмена и влияния. В лице своих лучших и наиболее духовно чутких представителей и русские, и немцы не раз показывали, что они способны *понять* друг друга так, как никакой иной народ не может понять ни русских, ни немцев. Но «коронованный фельдфебель», как иногда называли Вильгельма II, поддавался влияниям тех, кто был особенно заинтересован в разжигании враждебного отношения Германии и России. И это были уже не родственники, не братья: это были настоящие враги как немцев, так и русских — евреи. Точней — их тайные вожди, враждебные

даже и самим евреям, как мы видели. Пройдёт всего четыре года и бесконечно хвастливый позёр Вильгельм, мнивший себя «железным» хозяином чуть не всей Европы побежит от них навсегда с собственной родины...

Государь Николай II делал всё, чтобы избежать войны с Германией. Неоднократно лично встречался с Вильгельмом (они ведь были близкими родственниками!). И почти всегда с глубочайшей скорбью убеждался в том, что «Вилли» (так тот подписывал письма нашему Государю) нельзя доверять: он — лжец. Нынче «модно» говорить, что «политика — грязное дело». Пусть те, кто так думают, изучат политику и дипломатию Николая II. И они убедятся, что это была совершенно чистая и благородная политика. Это давалось очень нелегко! Государь не раз говорил, что счастливые дни человечества наступят тогда, когда оно сможет обходиться без дипломатов и дипломатии... И всё же он мог оставаться чистым даже в этой области. Россия никогда не замышляла и не готовила коварного, вероломного нападения на кого-либо, даже во имя своих несомненных интересов, и всегда держалась принципа безусловной *верности* достигнутым договорам.

В 1912—1913 г.г. Гучков зачем-то чуть ли не целый год провёл на Балканах. Впрочем, можно догадаться, зачем: именно там готовилось начало мировой войны и разрушение России. Кто именно из вождей иудео-масонства инструктировал Гучкова в этом «эпицентре взрыва», мы не знаем, но он вернулся оттуда с неожиданным для многих непосвящённых членов его же октябристской партии *изменением* своей позиции. Теперь он уже не скрытно, как раньше, а открыто и официально заявил: «Мы вынуждены защищать монархию (!) против тех, кто является естественными защитниками монархического начала. Церковь — против церковной иерархии (!?), армию — против её вождей». И вот такая явная демагогическая *целестность* оказалась той идейной «платформой», на которую стали генералы-изменники, примкнувшие к заговору «Военной ложи»!.. Поистине кого Господь хочет наказать, у того отнимает разум.

В начале 1914 г. Российское земство отмечало свое пятидесятилетие. Государь, обратившись к его представителям, сказал: «Разумное удовлетворение местных нужд является главным залогом развития и подъёма благосостояния всего государства. Духовному взору Моему ясно представляется спокойная, здоровая и сильная Россия, *верная своим историческим заветам*, счастливая *любовью* своих благодарных сынов и гордая беззаветной преданностью их Нашему Престолу». Царь не знал, что говорит это своим предателям. И в то же время в его словах не было самообмана: Россия была именно такой! Кроме своей «общественности»...

15/28 июня 1914 г. в столице Боснии Сараево, согласно уже известному нам плану, 19-летний оболтус Гаврила Принцип (думавший, что служит своему народу) застрелил в упор австрийского наследника эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жену... И хотя Гаврила и его сообщник Габринович были подданными Австро-Венгрии, последняя обвинила во всём Сербию и 10 июля предъявила ей заведомо невыполнимый ультиматум. Россия выразила поддержку Сербии, но *не собиралась* воевать. Сербия сделала невозможное: она *приняла* почти полностью ультиматум Австрии. И, *несмотря на это*, 15 июля Австрия объявила ей войну. Зная о военных приготовлениях Германии и Австрии, Россия реши-

ла на всякий случай провести мобилизацию, не производя никаких военных действий и не давая ни одного повода к подозрению в том, что она собирается выступить против Австрии в защиту Сербии *военным* путём. Но кайзеру нужен был только предлог. Германия в дерзкой форме потребовала от России прекращения мобилизации. Россия, естественно, отказалась. Тогда 19 июля/1 августа 1914 г. Германия объявила России войну. 21 июля она «превентивно» объявила войну Франции, как союзнице России, хотя Франция тоже не собиралась нападать на Германию. Но 23 июля Англия объявила войну Германии (за нарушение ею нейтралитета Бельгии). Началась Первая Мировая война.

19 июля... Что это за день? Это день прославления в 1903 г. преподобного *Серафима Саровского*, всея России чудотворца. Мы помним, что значил этот день для Государя и его Семьи.

Российскую общественность охватил необычайный патриотический подъём и одушевление. С.-Петербург был переименован в Петроград. Казалось, забыты все разногласия, и общество, как исстари в дни великих испытаний, объединяется вокруг своего Царя. Возникла песня: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой с германской силой тёмною, с тевтонскою ордой». Да, та самая, которую потом, украв и слегка переделав, большевики представили, как свою в годы 2-й Мировой войны... Притихли революционеры, прекратились забастовки, которые в первой половине 1914г. начали было вновь будоражить страну. Но это было лишь кажущимся примирением, обманчивым единством. Оно стало быстро и губительно нарушаться при первых же серьёзных неудачах русских войск. И нарушаться отнюдь не спонтанно, не стихийно, а под влиянием всё той же масонской и большевицкой пропаганды. Как и прежде образ действий первого и второго эшелонов революции был различным, но суть одна — вести дело к насильственному свержению власти. Масоны «Верховного совета», указывая на просчёты власти и командования, подрывали доверие к ним, создавая ложное впечатление, что *только «общественность»* в лице её лидеров способна спасти Россию и обеспечить ей победу в войне! Большевики же проводили в жизнь решения своей Циммервальдской конференции, суть которых в том, чтобы не оказывать никакой поддержки своему правительству и превратить «империалистическую войну в войну гражданскую». Это было призывом к прямой измене Родине во *время войны!* Тот же приём, что и в Японскую войну, но — с удесятерённой силой.

В войну вступили Турция и Болгария — на стороне Германии; Румыния, Сербия, Черногория, Италия — на стороне Антанты. «Со скрипом» шло дело привлечения к военным действиям США на стороне Антанты. Германия должна была воевать на два фронта — на Западе против Франции, Англии и Италии, и на Востоке — в основном против России, т.к. Румыния, Сербия с Черногорией особой силы не представляли и были быстро разгромлены. Но и России пришлось воевать на две стороны — против Австро-Венгрии и Германии на Западе и против Турции — на Кавказе. В начале войны в ней участвовали восемь государств, в конце — около 38 государств мира с населением, составляющим 75 % численности всего рода человеческого на тот период времени.

Верховным Главнокомандующим Российских войск был назначен Великий Князь Николай Николаевич (Младший). На Западе поначалу образовались два

фронта — Юго-Западный и Северо-Западный, с общей численностью войск соответственно — ок. 400 тысяч и ок. 700 тысяч человек, всего — 1 миллион 100 тысяч бойцов. Потом был создан третий фронт — Западный (а Северный стал отдельным от него).

Война оказалась сложной, трудной, но совсем не такой «невыносимой» для России, как это иногда изображают. В августе 1914 г. немцы нанесли французам сильные поражения и «нависли» над Парижем. Франция запросила у России срочной помощи, которая тотчас и была оказана. Наскоро, без достаточной подготовки русские армии генералов Самсонѳва и Ренненкамппа вторглись в Восточную Пруссию, крепко побили немцев и отвлекли их силы с Запада. Французы на Марне и под Парижем были спасены, но русские заплатили за это разгромом своих войск в Пруссии, слишком оторвавшихся от тылов и иных соединений. Самсонов застрелился. В Галиции русские нанесли отличный удар, сильно разгромив австрияков, которые после этого могли действовать только при активной помощи немцев. В октябре 1914 г. было произведено успешное контрнаступление русских в Польше. Но в 1915 г. начались крупные неудачи. Попытка прорыва на Берлин в начале года провалилась. Немцы заняли Польские губернии. Потеснили русских на всём протяжении фронта, который к концу года стабилизировался по линии от Балтийского моря до границы с Румынией. Единственным успехом явилось взятие нашими Перемышля. Но австро-венгерские войска с помощью немцев выправили своё положение в Галиции, а также полностью оккупировали Сербию и Черногорию. Из западных областей, занимаемых немцами, началась эвакуация промышленности и населения. Создавалась паника. Она усугублялась сведениями об острой нехватке снарядов и вооружения у русских войск, что вызывалось, как теперь выясняется не отсутствием их вообще, а тем, что они *не поставлялись к местам боѳв* в нужном количестве, задерживаясь на тыловых складах. Выясняется также, что это делалось *умышленно* теми, кто был заинтересован в панике и в возможности обвинить власти в неспособности вести войну. Обвинения взбудоражили общественность. Начались измышления о неслыханном шпионаже в армии и в «верхах». Было сфабриковано «дело» полковника разведки Мясоедова, якобы являвшегося шпионом. В результате, по скоропалительному распоряжению Николая Николаевича, совершенно невинного человека (в связи с ним ещё нескольких) *повесили* фактически без следствия, не располагая *ни одним* (!) подтверждением вины! Зато теперь вполне подтверждается давнее подозрение, что это «дело» очень нужно было... Гучкову для поношений власти, якобы делающейся «гнездом шпионов» и для мести лично Мясоедову, бывшему врагом Гучкова. В «измене» потом обвинили даже военного министра Сухомлинова, как мы уже говорили. На его место был назначен А.А.Поливанов — член «Военной ложи»...

Панические настроения нарастали. Нужно было что-то срочно предпринимать. В эти минуты Государь, как обычно в подобных случаях, углубился в молитву. Он вопрошал Бога о главном: нужно ли ему принять *на себя* непосредственное командование всеми фронтами и силами России и связанную с этим *личную ответственность* за всю войну. Это был великий, исторический момент!

Царь стоял в Феодоровском соборе Царского Села у иконы Иисуса Христа, обратив свой взор ко взору Царя Небесного, их взгляды встретились... Позднее он описывал происшедшее так: «Хорошо помню, что когда стоял против большого образа Спасителя, наверху в большой церкви, какой-то внутренний голос, казалось, убеждал меня придти к определённом решению и немедленно написать о моём решении Николаю Николаевичу». Так, по Божью благоволению, и было принято судьбоносное решение Царя взять *на себя* командование и ответственность. 22 августа 1915 г. он выехал в Ставку в качестве *Верховного Главнокомандующего*.

Поступок Царя поверг в страх и панику и масонов, и общественность, и даже многих искренне ему преданных людей, хотя — по-разному! Одни справедливо боялись, что Государь добьётся победы, другие — что в случае поражений *вся вина* будет падать на него лично.

Не боялся ничего только сам Государь. Без «позы» и «фразы» он явился пред армией всегда подтянутый, бодрый, приветливый. И — решительно изменил всю военную и тыловую обстановку! Николай Николаевич был направлен командующим на Кавказский фронт, где русские войска вели победоносные наступления, взяли крупные турецкие крепости-города — Эрзерум и Трапезунд (Трабзон). Бывший нач. штаба генерал Янушкевич поехал с Великим Князем, а на его место Государь пригласил генерал-адъютанта Алексеева. Оба — предатели, оба — члены «Военной ложи». Кого ни возьми. ..

К исходу 1915 г. Россия оказалась в тяжелейшем положении. Численные потери — 4 миллиона убитыми и 1 миллион 600 тысяч пленными — сами по себе ещё мало о чём говорили. Людские ресурсы великой страны были огромны. Опасность таилась в неких важных качественных изменениях. За первый год был уничтожен *весь старый кадровый состав* Российской армии, от рядовых до полковников, — то есть самая стойкая, самая преданная Царю, самая дисциплинированная воинская сила. Все они героически пали на полях сражений, *главным образом* спасая даже не своё Отечество, а *союзников*, насмерть перепуганных и теснимых немецкой мощью. Об этом жертвенном подвиге России, отдавая ей должную славу и честь, писала тогда вся пресса Франции и Англии! Армия пополнялась наскоро обученными, неопытными солдатами, всё чаще — из рабочих (уже распропагандированных!), и офицерами, тоже «скороспелыми», всё чаще — из студентов, горожан, общественности (тоже понятного нам качества!). Но не меньшая беда и опасность состояла в том, на что никогда не обращают нужного внимания, — в первый год войны пало в битвах почти всё кадровое *военное духовенство*! Всякая армия сильна прежде всего своим духом. Дух Русской армии, её идейное и моральное состояние «держало» и определяло, конечно, православное духовенство, на котором лежала также и важнейшая *воспитательная* задача. Кадровые русские полковые священники были людьми, сросшимися с армией, хорошо знавшими, любившими её, и любимыми ею. В Пруссии, Польше, Галиции (особенно), когда нужно было идти в атаку под сплошным пулемётным огнём врага и робели самые смелые души, вставал в рост полковой священник с крестом в руках (оружие он не имел права употреблять): «Братцы! С Богом! Ура!». И за ним поднимались все! А он, как правило, падал первым... Так, *вместе с паствой* погибли *все* пастыри довоенного закала.

Новое духовенство было уже не таким: оно было именно **новым**, ещё не знавшим армии, еще многого не умевшим и, главное,— не имевшим того **безусловного авторитета** в глазах солдат, какой требуется в воюющей армии. **Воздействие Церкви на Армию угрожающе ослабло.**

Очень тяжёлым стало экономическое положение. С начала войны закрылись все западные входы в российскую систему народного хозяйства. Закрылись порты Балтики и Черноморья. Связь с миром через Архангельск (одноколейная ж. дорога с ничтожной пропускной способностью) и через страшно далёкий Дальний Восток (КВЖД) была настолько слабой, так мало грузов могло быть получено по ней, что российская экономическая система стала фактически **самозамкнутой**. Это привело моментально к перестройке **направлений** почти всех грузопотоков (кроме поволжского и сибирского). В итоге на одной и той же линии встречались грузы, пытавшиеся идти по старым связям, с грузами, пошедшими по связям новым. И, поскольку пропускная способность каналов связи не может быть сразу удвоенной, то половина грузов (как по старым связям, так и по новым) оказалась в **залежах** на складах железных дорог. Железнодорожный транспорт России перевозил до 80 % того продукта общественного производства, который подлежал перевозке. Он был основным и главным транспортом. А транспорт, вопреки до сих пор бытующему полному непониманию его природы,— это отнюдь не только отрасль, **обслуживающая** производство, и даже не только **«продолжение»** процесса производства в сфере обращения», как, с другой стороны, его определял Маркс. Транспорт — это и есть само **производство как процесс**, то есть как непрерывное **движение** продуктов в системе экономики. В развитом обществе транспорт — то же самое, что кровообращение и обмен веществ в биологической системе. Если они нарушаются — страдает весь организм. «Кровообращение» народного хозяйства России оказалось сразу резко нарушенным одной только **перегруппировкой связей** между производящими и потребляющими узлами и центрами. Но к этому прибавлялось также и расстройство системы управления, т.к. западная часть ж. дорог попала в ведение военного ведомства, а прочие оставались в руководстве МПС, между которыми не было единства. Не было его также между руководителями военной и мирной промышленности, между фронтом и тылом, между «гражданским» правительством и военным министерством, приобретшим чрезвычайные полномочия, что естественно. Создалось впечатление небывалого общего хаоса, особенно кризиса транспорта, о чём завопила (!) вся пресса. На самом же деле по абсолютным показателям ж.д. транспорт России работал с 1914 по 1917 г.г. **так же**, как и в довоенное время, а в 1916 г. даже превысил уровень своей работы 1913 г. Но недопоставки всех видов продукции (в том числе и военной) стали постоянными («залежи»!). Абсолютные показатели производства по отраслям дают гораздо менее ясную картину того, что происходит в производстве на самом деле, чем показатели перевозок. Последние отражают чётко, **что** именно из произведённого, в каком количестве, с какой скоростью и куда реально движется в каждый данный отрезок времени, то есть реально участвует в процессе общественного воспроизводства. Обобщая богатейшие данные российской ж.д. статистики, мы можем увидеть картину действия системы производства России, где нас будут особо интересовать соотношения **мирного и военного** произ-

водства. Военная продукция — это то, что *не возвращается* в производство, отходит «на ветер», не участвует в воспроизводстве. Поэтому, если эти производственные расходы продукции не превышают естественного годового прироста общественного производства, — всё идёт нормально. А если значительно превышают этот прирост, то нужно, чтобы это восполнялось эквивалентными поступлениями извне. В противном случае, т.е. если система самозамкнута и поступлений извне не происходит, военное производство начинает быстро «съедать» мирное и, когда дело доходит до соотношения пополам-напополам, неизбежен полный крах мирного производства в следующем периоде времени, а, значит, и крах военного... Рассмотрим некоторые цифры, подсчитанные нами при изучении статистики ж.д. перевозок того времени.

Годы. Всего перевезено грузов в млрд. пудов. В том числе для процесса воспроизводства. Военных грузов и грузов промышленности, работающей на оборону.

1913	7,8	7,8	(3-5%)
1914	6,4	4,8	1,6
1915	6,2	3,4	2,8
1916	7,1	3,6	3,5
1917	4,7	1,1	3,6

Итак, для обычной нормальной работы народного хозяйства России требовалось в среднем в год 7,8 млрд. пудов грузов, перевозимых по железным дорогам. Далее по таблице мы хорошо видим приближение катастрофы. На нужды фронта уходит всё больше, наконец, выясняется, что для успешного ведения войны фронту требуется *половина* того, что производится (3,5 млрд. пудов). В 1916 г. так и распределяется — половина производству, половина — фронту. То, что поступило производству, воспроизведёт себя с небольшим приростом в следующем, 1917 г. и составит примерно 4,7 млрд. пудов. Если удовлетворить снова нужды фронта в полном объёме (3,6 млрд. пудов), то на долю мирного останется только 1,1 млрд. пудов и в следующем периоде времени, т.е. в 1918 г. наступит полный крах всего («крах всей культуры» — как выразился Ленин по поводу «грозящей катастрофы» экономики). Вопрос *жизни и смерти* России в 1917 г. ставился так: отдать или не отдать на войну столько, сколько требуется? Если отдать (а потом остаться ни с чем), то нужно *обязательно и непременно в 1917 г. победить и окончить войну!* Россия решает: *отдать и победить!* Что мы и видим в таблице в 1917 г.: военные перевозки — 3,6 млрд. пудов, мирные — 1,1. Если в этом же, 1917 г., война *не кончится*, в 1918 г. наступит *катастрофа!* Запомним это важнейшее ключевое обстоятельство. А теперь спросим, почему России требовалось для ведения войны именно половина всего её совокупного общественного продукта? Дело, как оказывается, в том, что основной противник России — Германия, превосходила её по техническим средствам на театре военных действий в среднем вдвое! Это значит, что Россия должна была сразу *удвоить* военное производство, что невозможно: так увеличиваться в одночасье производство не может. Поступлений извне, из-за границы так мало, что ими можно пренебречь.

Поэтому от мирного производства начинает забираться нужная военному производству часть — половина *всего* объёма общественного продукта. Производство России смогло устоять только за счет того, что в 1916 г. были пущены в ход *все запасы*, естественно имеющиеся всегда в производственной системе в виде продукции, почему-либо не вступившей в процесс воспроизводства сразу же по изготовлении.

И вот здесь нам придётся вернуться вновь к богопросвещаемому сознанию и безпримерному мужеству Царя! Взяв *на себя* Верховное командование, он тем самым *соединил в одних руках* правительство и армию, фронт и тыл, создав *единое* руководство всей страной и всем в стране. В тот момент, при расстройстве «кровообращения» и управления, это было единственным *спасением* для России! Через систему созданных Государем четырёх «особых совещаний» — по обороне (оно было главным), по перевозкам, по топливу и по продовольствию с их многочисленными комитетами и комиссиями Государь *объединил усилия государственной и частной промышленности* и хозяйства. Он сумел, при сопротивлении торговцев и банкиров, не нарушая их интересов, добиться должного регулярного снабжения и армии, и столиц, и промышленных центров *всем необходимым*. В итоге, если в Германии *хлеб* стали продавать только по карточкам и только вчерашней выпечки, то в России он продавался *свободно*, как всегда. Цены в столицах на основные продукты поднялись на 40—50 %, но их потребление не только не уменьшилось, но в годы войны возросло, как в городе, так и на селе (т.е. в годы войны Россия питалась *лучше*, чем до этого!). Если в Германии была произведена *милитаризация экономики* (рабочие считались «мобилизованными» без права уходить с работы и без права бастовать), то в России вполне обошлись без этого. Но самое поразительное в том, что при полном *непонимании* общественности и многих в правительстве Государь с начала войны *запретил продажу спиртного!* «Пьяный бюджет», как это называли, давал гос. казне огромные прибыли. Отказаться от них в дни войны, когда дорог каждый рубль, казалось безумием. Но жизнь показала, что сие «безумие есть мудрость пред Богом». Россия обошлась без «пьяного бюджета». Николай II не раз говорил, что намерен навсегда покончить со злом пьянства в народе, что запрет на спиртное — не только на время войны. Он и до войны уже делал пробы в этом направлении, запретив, к примеру, на три дня Пасхи 1914 г. продавать в С.-Петербурге спиртное, на что *рабочие* ответили *забастовками* протеста. А в те же месяцы *сотни крестьянских* сходов в России постановили полностью закрыть винные лавки в деревнях. Россия крестьянская вместе с Царём была за совершенную трезвость! В 1916 г. был полностью преодолён «снарядный голод». Была произведена огромная, труднейшая реорганизация армии, улучшена система её управления. Германия *выдохлась*. Россия набирала и набрала к исходу 1916 г. нужную силу. Это вполне *поняли* в Германии и стали предпринимать попытки к заключению сепаратного (одностороннего) мира с Россией, что ею, верной своим союзникам, — было решительно отвергнуто, «с порога», т.е. до каких-либо переговоров (— на стадии первых секретных сведений) .

Наконец, самое яркое: после принятия Верховного Главнокомандования лично Государем, на фронтах начались блестящие *победы!* В начале 1916 г. немцы начали сильнейшее наступление под Верденом. Англия и Франция вновь зап-

росили *срочной* помощи России. И снова, спасая союзников, Россия, ранее намеченных сроков, не вполне подготовившись, начала мощное наступление всего Юго-Западного фронта 22 мая — 4 июня. Немецко-австрийским силам был нанесён сокрушительный удар. Особенно отличился генерал Брусилов. Русские войска прорвали фронт противника на огромном пространстве, очистив от него значительные территории. Немцы вынуждены были снова сворачивать свои силы у Вердена, в результате чего союзники вновь были спасены! В те времена ходила такая шутка: «Англия и Франция намерены воевать до последнего русского солдата». С этого рубежа инициатива войны перешла в руки России и Антанты в целом.

Подводя итог 1916 году, Уинстон Черчилль тогда писал: «Мало эпизодов Великой Войны более поразительных, нежели воскрешение, перевооружение и возобновлённое гигантское военное усилие России в 1916 г. Это был последний славный вклад Царя и русского народа в дело победы».

Первая Мировая впервые в истории нарушила почти все прежние, от древности шедшие правила. Немцы стали применять газы при атаках, бомбить с воздуха и пользоваться разрывными пулями («дум-дум»). Процветало мародёрство, не щадило мирное население, сплошь и рядом проявлялось недопустимое отношение к пленным. Переворачивались представления о праве и добре. Возникла идея: все то хорошо, что содействует победе. Это было страшной психологией. Для русских войск она была не характерна, но все же она и в них была, явления её стали заметны. Первой откликнулась на это Государыня Александра Фёдоровна. В 1915 г. она заявила: «Одного бы я только желала, чтобы наши войска вели себя примерно во всех отношениях, не грабили бы и не разбойничали; пусть эти гадости творят только прусские войска... Я хотела бы, чтобы имя наших русских войск вспоминалось впоследствии во всех странах со страхом и уважением, но и с восхищением».

С началом войны Государыня и старшие дочери Великие Княжны Ольга и Татьяна, пройдя медицинские курсы, стали сёстрами милосердия в созданном ими госпитале в Царском Селе. Младшие, Мария и Анастасия опекали госпиталь в Феодоровском городке там же. Ольга, кроме того, заведовала Комитетом помощи беженцам. Все участвовали и в мероприятиях Красного Креста и многих иных организаций, шили, вязали своими руками предметы одежды для фронта. Личная жизнь для них полностью исчезла. Недосыпая, валясь с ног от усталости, Царица и Царевны работали на победу вместе со всей настоящей Россией. Множество раненых солдат и офицеров, испытывших на себе заботливую ласку Царицы и Царевен, до конца дней не могли без слёз об этом вспоминать. И в те же дни проделывались такие «штучки». В один из госпиталей, где вместе с русскими лежали раненые немцы, к ним, к немцам, явился некто, якобы от Царицы и раздал обильные подарки, ничего не дав русским... Очевидец-офицер, дворянин, с *гневом* говорил об этом в обществе. Дошло до Царицы, которая только всплеснула руками: она никого *не посылала* с такими подарками. А клевета о «немке» шла повсюду. И никто не давал себе труда *проверить* её... Наследника Цесаревича Алексея, несмотря на крайнюю опасность его болезни, отец-Царь взял в Ставку в Могилёв, возил к линии фронта, где уже рвались снаряды, к солдатам, в госпитали, где мальчик должен был видеть

воочию кровь, раны, оторванные руки и ноги, чтобы, по мысли отца, навсегда (!) получить полное *отвращение к войне*, и в то же время, в случае нужды, *уметь сражаться* так же смело и твёрдо, как все солдаты, как его отец-Государь! Так вся Царская Семья стала добровольно «мобилизованной» на войну.

К исходу 1916 г. Россия накопила такие силы и возможности, что запланированная военная кампания 1917 г. должна была принести несомненную *полную и окончательную победу*! В связи с этим союзники *признали* право России на обладание Константинополем, турецкими проливами и иные приобретения (в западных областях Австро-Венгрии, населённых славянами).

Тогда, в том самом 1916 г. летом, еврейский Соединённый Иностранный Комитет, напомнив Британскому правительству о силе и значении 3-х миллионной еврейской общины в США (а их как раз старались привлечь к участию в войне), выразил *пожелание*, чтобы к исходу войны «*Россия оказалась в числе побеждённых*». Особый отдел Комитета, созданный для обеспечения еврейских интересов в послевоенном мире (на уже запланированном Мирном конгрессе) устами главы Комитета Л. Рольфа предложил правительству Англии начать *секретное* обсуждение *соглашения*, одинаково отвечающего как интересам союзных правительств, так и *интересам* порабощённых *еврейских общин*». Имелись в виду прежде всего евреи в России (хотя в ней во время войны была упразднена даже и «черта оседлости»!). Особый меморандум Комитета требовал от Антанты полного *равноправия* евреев в России и Румынии и удовлетворения «исторических интересов евреев» в Палестине, давая понять, что это стало бы невозможным, *если бы Россия оказалась в числе стран-победительниц*. Правительство Англии *благосклонно* приняло этот меморандум. И всё это — лишь то, что *известно*, что лежит «на поверхности» истории. Но можно предположить, что происходило за кулисами, в полной тайне!..

В тайне, по указке вот уж поистине «тёмных сил» (!) «Верховный Совет народов России» в 1915 г. создал в Государственной Думе так называемый «Прогрессивный блок», состоявший из 300 *масонов* — членов разных партий (кадеты, октябристы, трудовики, меньшевики и т.п.). Главная цель и требование блока — «Министерство доверия», зависящее *не от Царя*, а от доверия общественности (т.е. блока). Методы — ложь, клевета, обман всеми средствами массовой информации с целью показать несостоятельность правительства, «верхов» (а то и прямую их «измену»), создавая мнение, что только «Министерство доверия» может со всем и вся в России справиться. В начале сентября 1915 г. создаётся особый масонский крайне секретный «Комитет народного спасения». 8 сентября того же года Комитет издаёт теперь уж знаменитую «Диспозицию № 1», составленную в масонских выражениях старообрядцем П.П. Рябушинским. «Диспозиция» утверждает, что внешнего врага нельзя победить без победы над «*врагом внутренним*», каковым считается *правящая династия*. Для свержения её создаётся «Штаб верховного командования» масонов во главе с князем Г.Е. Львовым, А.И. Гучковым, А.Ф. Керенским. «Сия работа,— отмечает «Диспозиция»,— не касается обыкновенных граждан, а исключительно лиц, участвовавших в государственной машине и общественной деятельности». Работа «должна вестись по установленным практикой правилам военной (!) дисциплины и организации». «Комитет» и «штаб» против слишком широкого использования

масс: нужно произвести военный переворот. Тогда же газета Рябушинского «Утро России» *опубликовала* состав будущего желаемого «Министерства доверия»: премьер — Родзянко, министры: Милюков, Гучков, Поливанов, Шингалёв, Некрасов, Коновалов, Маклаков, Кривошеин. Потом с небольшими изменениями и дополнениями (Прокопович, Терещенко, Рябушинский, А.В. Ливеровский и другие) все эти уже знакомые нам по известному списку лица и будут составлять *Временное Правительство* всех «кабинетов»...

«Работа» пошла.

«Штатское» масонство (во главе с Львовым) объединило усилия Гос. Думы, дворянских собраний, земств и городов. Последние в дни войны создали соединённый союз — *Земгор* (официально — для помощи Фронту). «Военное» масонство (во главе с Гучковым) объединило в заговоре против Царя крупнейших военачальников (Алексеева, Брусилова, Корнилова, Данилова, Рузского, Крымова и других). Интересно, что «обрабатывая» нач. штаба Алексеева, Гучков действовал на его *тщеславие*, постоянно указывал, что его, Алексеева, «великие стратегические» достижения и планы могут рухнуть из-за негодного режима, «тёмных сил», влияющих на него, измены, и неспособности Царя всё это устранить... В 1916 г. Алексеев, всерьёз испугавшись за «свою» великую стратегию (хотя она была не его, а Государя стратегией) предложил Царю назначить для России... «диктатора»(!?). Царь изумился! Алексеев прикусил язык. Пойманный на тщеславии, Алексеев делается негодяем особенного свойства. Он, постоянно общаясь с Государем, притворяется его верным сотрудником, пользуется его полным доверием. Уже отрекшийся Царь потом принародно обнимет и *поцелует* Алексеева, благодаря его за «верную службу». И, становясь настоящим Иудой, Алексеев *примет этот поцелуй* и эту благодарность... Потом, уже во главе «Белого движения», Алексеев выразит *сожаление* в том, что участвовал в заговоре против Царя. Но будет уже поздно, да и не будет это раскаянием преступника, а именно *сожалением политика, игрока*, просчитавшегося в своих планах. В середине ноября 1915 г. военный корреспондент в Ставке М.К. Лемке писал в дневнике: «Очевидно, что-то зреет... По некоторым обмолвкам видно, что между Гучковым, Коноваловым, Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор, которому не чужд ещё кто-то».

В 1916 г., именно в этом (!), как потом рассказал *сам Гучков*, им были продуманы детали заговора. «План заключался в том — говорил Гучков, — чтобы захватить по дороге между Царским Селом и Ставкой *императорский поезд*, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собой правительство... Надо было найти часть, которая была бы расположена для целей охраны ж.д. пути, а это было трудно».

План был тогда же, в 1916 г., согласован со всеми масонскими и большевистскими центрами, так что *оба «эшелона» приготовились*. По данным Н. Берберовой, основными центрами заговорщиков-масонов были: французское посольство, Гос. Дума, Гос. Совет, Прогрессивный блок, партии кадетов, октябристов, трудовиков (народных социалистов), рабочая группа Военно-промышленного комитета и сам комитет (его председатель — Гучков), генералитет,

Псковская городская дума, Торгово-Промышленный союз, адвокатура, профессура МГУ и ПГУ. Два раза в месяц заговорщики — члены «Верховного совета» совещались с французским послом Морисом Палеологом и английским — лордом Джорджем Бьюкененом. Кроме того, постоянно собирались в Петрограде, — в ресторанах «Донна» и «Контан», у Орлова-Давыдова, Фёдорова, Половцева, М. Горького и других, в Москве, — на квартирах Рябушинского, Кусковой (Прокоповича), Коновалова, Челнокова, Долгорукого, конечно — Гучкова. По ходу дела в общий план вносились варианты. Так, в конце 1916 г. Львов поручил Хатисову передать Великому Князю Николаю Николаевичу план переворота и предложение возглавить Россию после свержения Николая II. Тот, *подумав*, отказался. Но о заговоре против своего Государя и кровного родственника *ничего не сказал* последнему, что было прямой *изменой*, т.к. в таких случаях воинская *присяга* Царю *требовала* разоблачить злоумышления. Но Николаю Николаевичу — «мартинисту» важнее была присяга (клятва) масонская... Не следует удивляться. Когда одного русского генерала, при посвящении в масонство в те годы, спросили, как он относится к Царю?, — генерал ответил: «Убью, если будет велено».

Примерно в середине 1916 г. князь А. В. Оболенский был по делам в петроградской конторе Сибирского банка. Хорошо знавший его *служащий банка* стал советовать князю скорее устраивать финансовые дела, т.к. близится «революция». «Мало по малу он указал мне, — пишет Оболенский, — день, когда вспыхнет восстание при помощи иностранной державы (— 22 февраля 1917 г.). С большим знанием всего намеченного он говорил о всех последствиях революции, уверял, что за Россией последует (т.е. подвергнется той же участи — прот. Л.) вся Европа...» В конце 1916 г. князь передал этот разговор Гучкову. К удивлению Оболенского, «эта скотина Гучков», как назвала его Государыня, не опроверг сведений и стал склонять князя (правда безуспешно) к участию в заговоре, показав ему при этом «целую кипу» писем генерала Алексеева, подробно обсуждавшего в них план переворота. Оболенский доложил всё Штюмеру. Тот обезпокоился, но никаких мер *не принял*. Испугался!

В конце 1916 г. Петроград был заполнен солдатами-резервистами (большой частью из рабочих), ни за что не хотевшими идти на фронт! Все они (около 200 тысяч!) *ежедневно* получали по 25 рублей из «*революционного фонда*».

Дума сделалась поистине змеиным гнездом, рассадником лжи, сплетен о Царской Семье и самых фантастических выдумок о положении на фронте и в тылу, будораживших общество. В Думе Милюковым, Керенским, даже Пуришкевичем произносились возмутительные подстрекательские речи против царской власти. Председатель Думы Родзянко содействовал им и препятствовал тем, кто пытался возражать и защищать честь Государя, за что получил от Маркова Второго публичное — «Мерзавец!»

Осенью 1916 г. общественность начала особый нажим на Государя с целью добиться «Министерства доверия». В своих «адресах» Царю все (!) *дворянские собрания России*, кроме одного — *Курского*, так или иначе высказались за такое министерство. Курское же дворянство в адресе, подписанным князем Л.И. Дондуковым-Изъединым, выражало полную преданность и доверие Государю и отрицание необходимости «Министерства доверия». В те дни сэр

Бьюкенен добился аудиенции у Государя и стал говорить ему о «германских интригах», о «вредном влиянии» Протопопова и о необходимости «заслужить доверие народа». «А не так ли обстоит дело,— ответил Николай II,— что моему народу следовало бы заслужить *Моё* доверие?» Под «народом» в данном случае оба понимали «общественность». Насколько можно было, Государь шёл навстречу общественности, иногда сменял министров, вызывавших особые нападки. Он не был ни упрямцем, ни тираном. Но, разумеется, просто идти на поводу у «блока» он не собирался и независимого от царской власти *Министерства доверия*, или, иначе — «*Ответственного*» (пред Думой) *министерства не разрешил*.

А вся общественность под действием масонской пропаганды была буквально охвачена предчувствием неминуемой ужасной беды, катастрофы. Катастрофа, как видим, действительно приближалась. Но правда состояла в том, что она должна была выражаться не в поражении и развале России по вине «тёмных сил» при Царском Дворе и неспособности Царя править страной, а в гибели России по вине тёмных сил международного и российского иудео-масонства, *подготовивших* предательский «удар в спину» Царю и Отечеству.

Осенью 1915 г. на Западном фронте в Августовских лесах произошло великое Небесное знамение. Ранним утром над лагерем русских войск в небе появился огромный светящийся Крест. Солдаты и офицеры выбежали из палаток. На их глазах Крест преобразовался в ясно видимый облик Пресвятой Богородицы Девы Марии с Предвечным Младенцем, сидящей как бы на троне. Взгляд Богоматери, исполненный грустью, обратился к русским воинам. Несколько раз Она указала им *правой рукой на Запад*. Множество созерцавших всё это солдат опустились на колени и стали молиться. Постепенно облик Матери Божией вновь преобразовался в светящийся большой Крест. Через некоторое время всё исчезло.

Осенью 1916 г. в Ставку в Могилёв князем Н.Д. Жеваховым, с горячего желания Государыни, был привезён чудотворный Песчанский образ Пресвятой Богородицы, из-под Белгорода. Дело было необычным. Нескольким людям в разных местах, в одно время было явление *святителя Иоасафа Белгородского*, который сказал, чтобы эта икона была привезена к войскам и обнесена по окопам для достижения победы. В Белгороде и Харькове толпы народа провожали святую икону в Ставку. А в Ставке *протопресвитер* армии и флота Георгий Шавельский не только не допустил кн. Жевахова к Государю, но и ничего тому *не доложил* о прибытии иконы («Нам здесь некогда, у нас дела...»). Икону всё же поставили в соборе, но в полутьме, *в стороне* от того места, где за службами стояли Государь и Наследник. И они даже *не видели* святыни. В результате чудотворная икона так и простояла *без пользы, без молитвы пред ней и не повезённая к войскам*. Затем со скорбью сопровождавших была возвращена на прежнее место. Теперь мы понимаем и *значение* небесного знамения, и *последствия* действий Шавельского, призванного быть духовным наставником армии и флота. Человек, зазнавшийся от близости к Царю, он вёл себя нахально даже с архиереями в Синоде. И в Синоде его *боялись*.

Государь знал о заговоре далеко не всё! Об участии ближайших к нему военных он не знал. Департамент полиции и жандармерия вели упорную и

достаточно результативную борьбу с революцией. Члены подпольных партий во множестве вылавливались и отправлялись в тюрьмы и ссылки. Полиция следила и за масонством. Но масоны тщательно (до самороспуска) конспирировали. К тому же они не совершали наказуемых действий (террактов, хранения оружия и т.п.). А сверх того некоторые высокие чины МВД (Хвостов) и жандармерии (Джунковский) были с масонами в сговоре и союзе. Кое-какие слухи просачивались и в общество. Шептались тогда же и о масонах, и о евреях (с Яковом Шиффом во главе), и о Бьюкенене, и о Гучкове с Родзянко... Чувствовала многое и Государыня. 13 декабря 1916 г. она писала Царю: «Дорогой мой ангел... вчера мы обедали с нашим Другом (Распутиным — прот. Л.) у Ани (Вырубовой — прот. Л.). Он *умоляет* тебя быть *твёрдым* и властным и не уступать во всём Тр.(епову) (А.Ф.Трепов — прот. Л.). Ты знаешь *гораздо* больше, чем этот человек, и всё-таки позволяешь ему руководить тобой, — а почему не нашему Другу, который руководит при помощи Бога? Вспомни, за что меня не любят, — ясно, что я права, оставаясь твёрдой и внушая страх, и ты будь таким, — ты мужчина... *Тебе приходится страдать за ошибки твоих царственных предшественников — и одному Богу известны твои муки.* Да будет твоё наследие более лёгким для Алексея. У него твёрдая воля и своя голова... Будь твёрд. Я, как стена, стою за тобой и не поддамся, я знаю... Стала ли бы я так писать, если бы не знала, как легко ты колеблешься и меняешь решения, и чего стоит заставить тебя придерживаться своего мнения? Я знаю, что тебе больно, когда я так пишу, и это меня огорчает, но ты, Бэби (Наследник — прот. Л.) и Россия *слишком* дороги мне... Только не *отв. министерство*, на котором все помешались! *Всё* становится тише и лучше. Только надо чувствовать *твою* руку. Как давно, уж много лет, люди говорили мне всё то же: «Россия любит кнут!» Это в их натуре — нежная любовь, а затем железная рука, карающая и направляющая. Как бы я желала влить свою волю в твои жилы!.. Сердце и душа *горят* тобой — любовь моя безграничная, оттого всё, что пишу, кажется резким — прости... Бог да благословит, сохранит, спасёт и направит тебя! Целую тебя без конца. Твоя верная Жёнушка.»

Не дождавшись ещё ответа на это письмо, получив новые сведения о революционных настроениях в Думе и полагая, что её нужно распустить (закрыть) немедленно, а не в январе-феврале 1917 г., как намечалось ранее, Государыня пишет Супругу 14 декабря следующее: «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, Императором Павлом, — сокруши их всех — не смейся, гадкий, я страстно желала бы видеть тебя таким по отношению к этим людям, которые пытаются управлять *тобою*, тогда как должно быть наоборот... Я бы повесила Трепова за его дурные советы... Распусти Думу сейчас же. Когда ты сказал Трепову 17-го, ты не знал, что они замыслили. — Спокойно, и с чистой совестью пред всей Россией я бы сослала Львова в Сибирь (так делалось и за менее важные проступки), отняла бы чин у *Самарина*,... *Милюкова*, *Гучкова* и *Поливанова* — тоже в Сибирь. Теперь война, и в такое время *внутренняя война* есть *высшая измена*. ... Запрети Брусилову и пр(очим), когда они явятся, касаться... политических вопросов. ... Знаю, что мучаю тебя... Но мой долг — жены, матери и *матери России* — обязывает всё говорить тебе... Дорогой мой, свет моей жизни, если бы ты встретил врага в битве, ты бы *никогда* не дрогнул

и шёл бы вперёд, как лев! Будь же им и теперь в битве против маленькой *кучки негодяев* и республиканцев! Будь властелином и все преклонятся пред тобой!». На письмо от 13-го числа Государь отвечает: «Дорогая моя. Нежно благодарю за срочный письменный выговор. Я читал его с улыбкой, потому что ты говоришь, как с ребёнком». Далее он спокойно поясняет, каким образом лучше закрыть Думу и удалить Трепова, и заканчивает: «Нежно целую тебя и девочек и остаюсь, твой «бедный, маленький, безвольный муженёк». Никии».

Царь весело шутит и над женой и над собой, точнее, — над её представлением о себе (а она и знала, что он будет смеяться!). И тем не менее, даже шуток таких она не хочет: «*Не надо* говорить «бедный, старый, безвольный муженёк», это убивает меня!.. Я так ужасно, ужасно люблю тебя!...» — пишет она ему 15 декабря. А он, тем временем, отвечает на её письмо от 14-го (где про Петра I, Ивана Грозного и Павла I): «Нежно благодарю тебя за милое письмо. В нём столько вопросов, что не знаю, как на всё ответить. Я считаю безусловно необходимым водворить мир и спокойствие среди всего населения нашей страны. Эта комбинация с переменами в Гос(ударственном) Сов(ете) сделает бесконечно много добра в смысле освежения всей атмосферы.»

Интимные письма великих и святых людей!.. Они никогда не должны были становиться чтением для посторонних. Но случилось так, что по Божию смотрению, в них смогли заглянуть все, кто хотел. И по-разному их толковали. Сейчас мы предложим своё толкование. Отводим этому столь много места потому, что здесь, в этой переписке — *важнейшее* для понимания всех решающих событий (не случайно Царица вспоминает, в сущности, чуть не *всю русскую историю!*)

Государыня движется сильнейшей *любовью* к мужу и к России, порождающей и сильнейшее *безпокойство* об их судьбах перед лицом явной измены и заговора «кучки негодяев». Но она *не понимает* мужа, *не знает* его или понимает и знает *отчасти*. Это не её только состояние. Так же думает Распутин, да и все, кто *искренне предан* Царю. Им всем кажется, что он слишком доверчив и мягок, что спасти Россию и Престол теперь нужно крутыми, жёсткими мерами, как сделали *бы* (!) Иван Грозный, Пётр I, Павел I... Приводя мужу в пример этих Царей, Государыня от *слишком человеческой* любви *не ведает, что говорит*, как не ведал, что говорил. Св. Пётр, когда уговаривал Христа, *ради спасения Себя*, не входит в Иудею... Царица (да и все верноподданные) *знают мужество* Государя («в битве пошёл бы, как лев»). Помнят, как он раздавил революцию 1905-1907 г.г. Но *не понимают* почему он не поступает так же в данное время. Кроме того, Царица убеждена, что он «легко колеблется» и «поддаётся влияниям». Здесь она *ошибается*, как ошибались почти все! Царь и муж снисходит к ошибке, улыбается, *подсмеивается* над ней (хотя ему не может не быть *грустно*, что и жена думает о нём, как все). Он крайне деликатно объясняет ей, в чём дело. Суть объяснений в том, что он, *как и она*, считает «*безусловно необходимым* водворить мир и спокойствие во *всей* стране!» Но — только *мирными* средствами!

Почему?! Почему — не как Иван Грозный или Пётр I?

Мы ни на йоту не ошибёмся, если предположим, что такие вопросы возникали тогда в сознании самого Государя, что *и он* испытывал движения души в

направлении решить всё простой и быстрой *расправой* с заговорщиками. Мы помним его слова, что «с *озверевшими людьми* иного способа борьбы нет» (*кроме расстрела*) и что «лишь *казнь немногих* может предотвратить моря крови». Но в лице Львова, Родзянко, Гучкова, Трепова и т.д. перед Царём были тогда не «озверевшие» преступники-убийцы, вроде большевиков, а респектабельные, благородных побуждений люди! Да, они *зablуждаются*, думая, что отстраняя от власти Царя, они смогут лучше управить Россию. Но это *искреннее заблуждение*, им *кажется*, что они действительные *патриоты*. *Таких* убивать нельзя! *Таких* нельзя даже и в Сибирь (т.е. в заточение). Им нужно *показать*, что они *ошибаются*. А показать лучше всего — *победой* над внешним врагом которая — вот уже, в руках (!), неизбежна через четыре-пять *месяцев*! Царь *не знает*, что ближайшие к нему *генералы* уже приготовились его арестовать и лишиться власти 22 февраля 1917 г. А генералы не знают, что сделают это именно для того, чтобы через четыре-пять месяцев *победы не было!* Так решили в Бнай-Брит, в иных международных еврейских организациях (Россия не должна быть «в числе стран-победительниц!»). Поэтому через Германский Генштаб, (который тоже *не знает* всех замыслов, а думает только о спасении себя и Германии), а также непосредственно от банков Якова Шиффа и иных (мы потом их назовём) *подлинным убийцам* Царя и Отечества — большевикам уже пошли огромные деньги (!). Это *второй эшелон*, он притаился за первым. На него-то (а не на «благородных патриотов») ставка мировых сил зла, т.к. им вовсе не нужна преобразованная пусть даже и на западный («их») манер Россия. Им нужно, чтобы России, Великорусского народа *не было вообще*, как таковых! Ибо они, силы зла, *знают Великороссию лучше* (несравненно лучше!), чем *вся* российская «общественность» (особенно — презренная интеллигенция). Знает ли о намеченном убийстве всей Великороссии Гучков? *Знает!* Императрица точно назвала его — «скотиной». Знает и Керенский, и ещё несколько *особо посвящённых* масонов, скрывающих это от *подавляющего большинства* всех «братьев» — других российских масонов. У особо посвящённых уже давно тайная связь (через Троцкого, М. Горького и нескольких других) с Лениным и большевиками, о чём и большевики *в подавляющем большинстве* тоже *не знают!*

А что же знает Государь? Он знает, что общественность изъедена иудео-масонством, знает, что в ней — *зablуждение* и трусость, и обман. Но он *не знает*, что в основе, в тайниках заблуждения — *измена*. И он ещё *не знает*, что измена и трусость, и обман — кругом, то есть *поголовно* во всём высшем *командовании* армией. А что Царь без армии, без войска?! Тогда вопрос: могли Государь заблаговременно узнать об измене в генералитете? Почему бы нет! Взял бы, к примеру, того же Янушкевича, или Гурко, или Корфа (а то и всех вместе), на которых как на заговорщиков ещё в 1909 г.(!) ему указал Сухомлинов, и — в застенки, да *под пытки*, такие, как были у Царей Ивана и Петра, — и всё бы рассказали, *всех остальных бы выдали* (а не они бы, так их подручные-адъютанты, денщики, доверенные)!.. Но в этом случае ему, Николаю II, нужно было изначально быть действительно таким, как Иван IV или Пётр I, то есть *сатанистом* и врождённым (по психологии) убийцей, *никому* не верить, *всех* подозревать, *никого* не щадить. Знаменательно, что Госуда-

рыня присоединяет к именам этих Царей и Павла I. Значит, она не имеет в виду сатанизм и зверство, она имеет в виду лишь *твёрдость* (т.е. она не знает, кто такие на самом деле были Иван Грозный и его сознательный ученик» Пётр I). Но она поразительно пронизательно *чувствует*, что её муж «страдает за ошибки своих царственных *предшественников*». Каких?! Как раз, как мы помним, — за «ошибки» *именно Ивана IV и Петра I*, прежде всего и главным образом! Не стать таким, как они, эти предшественники, преодолеть соблазн *отвечать злу его же средствами* — вот задача Николая II. Ибо *не всё позволено, не все средства* хороши для достижения самых, казалось бы, важных целей. Не достигается *правда Божия* диавольскими методами. Не побеждается зло — злом! Было время зло подавляли силой, в том числе и Государь Николай II! Пришло *иное время* по Божию Промыслу — показать, может ли Царь Русский сам стать *жертвою зла* — добровольно! — претерпеть от зла *до конца? Верует ли* он во Христа и *любит ли* Его действительно так, чтобы и пострадать добровольно *как Христос*? Тот же Божий промыслительный *запрос, что и всей Великороссии!* Это последнее испытание веры — *жизнью и смертью*. Если жить так, чтобы для этого непременно убивать, делаться *едино* со злом и диаволом (как и те, кого нужно убить), то лучше — *не жить!* Вот ответ Царя и возглавлявшейся им Великороссии! Тем паче, что речь ведь шла о жизни земной, *исторической*. Здесь, в *этой* жизни и в *этой* истории, — *умереть*, чтобы ожить в жизни вечной и в новой «истории» Царства Небесного! Ибо другого входа в это Царство Небесное нет, — не оставил *Господь*. Положил — испытать только *таким вот* входом... На то оказалась Его, Божия воля!

Мы помним, как принимал Государь Николай II все свои важнейшие решения, — после усердной молитвы, почувствовав *Божие благоволение*. Поэтому теперь, вглядываясь пристально в то, почему он тогда, в конце 1916 — самом начале 1917 г. не принял тех мер, о которых так горячо писала ему жена, мы неизбежно должны признать единственное: он *не имел* на них Божия благоволения! Замечательна сама по себе мысль Государыни, что Царь если уж должен кем-то руководиться, то только тем, кто сам руководится Богом! Но такого вблизи Царя не было. Распутин был *не тот* человек. Это уже понимал Государь, но ещё не понимала Царица. Он в этом вопросе снисходил к ней и был деликатен. Но советов «Друга», как видим, не исполнял и в ответах жене даже не упоминал его. Царь всё сердце и мысли доверил Богу и руководиться вынужден был Им одним.

Вот — поля основных сражений Царя Николая II и вот его самая большая победа! И — последняя вершина духовной славы! Что же касается сражений внешних и славы земной, то о Государе Николае II лучше всего сказал, как ни парадоксально это кажется на первый взгляд, один из крупнейших политиков мира и крупнейших *масонов* — лорд Уинстон Черчилль (с 1902 г. мастер ложи «Розмари» №2851). Действительно великие, по размаху внешней деятельности и по аристократическому происхождению, масоны умели отдавать должную честь даже тем, против кого боролись. Вот что написал в своей книге «Мировой кризис, 1916-1918» т.1, вышедшей в Лондоне в 1927 г., Черчилль: «*Ни к одной стране* судьба не была так жестока, как *к России*. Её корабль пошёл ко дну, когда гавань была уже в виду... Все жертвы были уже принесены,

вся работа завершена. ...В марте Царь был на престоле: Российская Империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна... Согласно поверхностной моде нашего времени, царский строй принято трактовать, как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен бы исправить эти *легковесные представления*. Силу Российской Империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по *неисчерпаемым* силам, которые она развила, и по *восстановлению сил*, на которые она оказалась способна.. ...В управлении государствами, когда творятся великие события, вождь нации, кто бы он ни был, осуждается за неудачи и прославляется за успехи. Дело не в том, кто проделывал работу, кто начерчивал план борьбы: порицание или хвала за исход довлеют тому, на ком авторитет *верховой* ответственности. Почему отказывать Николаю II в этом суровом испытании?.. Бремя последних решений лежало на нём. На вершине, где события превосходят разумение человека, где всё неисповедимо, давать ответы приходилось Ему. Стрелкою компаса был Он. Воевать или не воевать? Наступать или отступать? Идти вправо или влево? Согласиться на демократизацию или держаться твёрдо? Уйти или устоять? Вот — поля сражений Николая II. Почему не воздать ему за это честь? ...Тот строй, который в Нём воплощался и которым Он руководил, которому *своими личными свойствами Он придавал жизненную искру*, — к этому моменту *выиграл войну* для России... Вот его сейчас сразят. Вмешивается тёмная рука, изначально облечённая безумием. Царь сходит со сцены. Его и всех Его любящих предают на страдание и смерть. Его усилия преуменьшают; Его действия осуждают; Его память порочат... Остановитесь и скажите: а кто же другой оказался пригодным? В людях талантливых и смелых, людях честолюбивых и гордых духом, отважных и властных — недостатка не было. Но никто не сумел ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России. Держа победу в руках, она пала на землю заживо, как древле Ирод, пожираемый червями».

Глава 33.

ОТРЕЧЕНИЕ

Мы начнём эту скорбную часть повествования с описания взаимосвязей в цепи предательств, измен и злодейских расчётов, которые привели к гибели России. Знаем по себе, что как бы подробно ни описывались такие события, всё равно у каждого остаётся невыразимо горькое недоумение, граничащее с внутренним протестом и несогласием: как же могло случиться, что «кучке негодяев» удалось свалить, победить, уничтожить огромный богатырский Русский народ с такой великой историей, сокрушить в считанные дни могучее государство, создаваемое веками!? Или эта «кучка» оказалась сильнее колос-

са? Или, быть может, правы те что говорят, что этот колосс был «на глиняных ногах», то есть Великая Россия и впрямь была чем-то вроде «гнилой стены», которую только «ткни — и она развалится?»... От такого великого недоумения рождались порою попытки найти в жизни, в истории России, прежде всего — Великороссии, какие-то такие внутренние «порчи», изъяны, противоречия, которые могли бы *разумно объяснить* невиданную катастрофу, происшедшую с ней. Мы тоже старались отметить все основные изъяны Великорусской жизни, все её теневые стороны на протяжении предыдущей истории. Из них некоторые сохранялись к 1917 г., но другие, кстати, наиболее существенные и опасные, были всё же успешно преодолены. Да и в общем, как было показано и отмечено, все эти изъяны и противоречия не выходили из рамок обычного и вполне *преодолимого*: о них нельзя сказать, как о неких смертельных *внутренних* болезнях Великороссии, которые непременно должны были так или иначе в ближайшее время свести её в могилу! Напротив, внутренне Великороссия, в целом, усилилась и укрепилась к 1917 г., как никогда! Тем паче «кучка негодяев» ни духовно, ни внешне не была и не могла быть сильнее колосса Великорусского народа и Государства Российского! Что же, что же произошло?! *Отчасти* ответ уже был дан в нашем повествовании. Посмотрим, не станет ли дело ещё ясней из знакомства с дальнейшим?

Итак, в середине 1916 г. масоны назначили революцию в России на **22 февраля 1917 г.** Но в этот день Государь ещё был в Царском Селе, приехав туда более месяца назад из Ставки, и лишь в 2 ч. дня 22-го выехал снова в Могилёв. Поэтому всё пришлось перенести на один день и начать **23 февраля**. К этому времени на подъездах к Петрограду под предлогом сильных снежных заносов были *умышленно* остановлены эшелоны с продовольствием, что сразу вызвало острую нехватку хлеба, дороговизну и знаменитые «хвосты» — длинные хлебные очереди. Население начало беспокоиться, провокаторы усиливали беспокойство слухами о надвигающемся неминуемом голоде, катастрофе и т.п. Но оказалось, что у военных властей имеются такие резервы продовольствия (из «Н.З.»), которые позволят Петрограду продержаться до окончания снежных заносов. Поэтому в дело тут же вступал второй важнейший фактор заговора — солдаты резервных соединений, ожидавших в столице отправки на фронт. Их было около 200 тысяч и они, как уже говорилось, с конца 1916 г. получали из таинственного «революционного фонда» по 25 рублей ежедневно (существенное подкрепление к революционной агитации, проводившейся среди них постоянно). Более всего они не желали отправки на фронт. Это были резервисты запаса, старых сроков, семейные, ранее имевшие отсрочку от призыва, а также новобранцы из рабочих, давно распропагандированные. О ненадёжности войск Петроградского гарнизона давно докладывали Государю и он приказал генералу Алексееву ввести в столицу гвардейские части, в том числе — кавалерию. Алексеев однако *не исполнил приказа*, сославшись на то, что, по данным начальника гарнизона Петрограда генерала Хабалова, все казармы столицы переполнены, гвардейцев негде размещать!... В итоге, против 200 тысяч ненадёжных, готовых к бунту резервистов в столице Империи едва насчитывалось до 10 тысяч верных Государю солдат, главным образом — юнкеров и курсантов других военных училищ.

Единственный казачий полк из запасных был к тому времени тоже на стороне революции. Удачей заговорщиков было и назначение на должность командующего столичным округом ген. Хабалова, человека неопытного и крайне нерешительного. Будь на его месте генералы Хан-Гуссейн Нахичеванский или граф Келлер — всё могло быть иначе.

23 февраля, по команде, забастовали 30 тысяч (по другим данным 90 тысяч) рабочих с лозунгами «Хлеба!» и «Долой войну!». Их демонстрации с трудом рассеивались полицией. 24 февраля на улицы Петрограда высыпали уже до 170 тысяч рабочих. Лозунги — «Долой Царское Правительство!», «Да здравствует *Временное Правительство!*» (которого ещё нет!) и «Долой войну!». Около 40 тысяч собираются на Невском проспекте. Полиция и войска оттесняют их, но они переходят на боковые улицы, бьют витрины, грабят магазины, останавливают трамваи, уже поют «Марсельезу» и «Вставай, подымайся, рабочий народ!» Протопопов, однако, докладывает Государыне в Царское, что беспорядки вызваны только нехваткой хлеба. По мнению многих министров всё началось со случайного «бабьего бунта» в очередях. Они не знают, или просто *боятся знать*, что началась *заранее организованная* революция. Казаки бездействуют, покровительствуя демонстрантам. 25 февраля забастовали уже 250 тысяч рабочих! У них по рукам ходит большевицкая листовка («...Все под красные знамёна революции. Долой царскую монархию. Да здравствует демократическая республика... Да здравствует социалистический интернационал»). На митинге у Московского вокзала пристав Крылов бросился вырывать красный флаг у демонстранта и был убит... *казак*! Толпа качала убийцу. В разных местах бьют, разоружают, убивают городских. На Трубочном заводе поручик Гессе застрелил одного агитатора, и митингующие, побросав красные флаги и транспаранты, разбежались. То же произошло вечером на Невском, где демонстранты открыли стрельбу по войскам и полиции, а в ответ войска дали залп по толпе (сразу несколько убитых), которая тут же разбежалась. Выступления рабочих, как видим, — дело рук второго эшелона революции (социал-демократов). Но видно также, что без войск ни первому, ни второму эшелонам не обойтись...

Вечером того же 25 февраля, в субботу, Государь отправляет Хабалову личную телеграмму: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжёлое время войны против Германии и Австрии. Николай.» Хабалов растерялся. Хотя всё говорит о том, что теряться не нужно было, решительные действия даже тех незначительных сил, которые были верны и надёжны, то есть — *огонь* по бунтовщикам, могли бы живо всё остановить. Дума постановила срочно прекратить заседания. Но депутаты остались и продолжали собираться в здании Таврического дворца.

26 февраля, в воскресенье, с утра было спокойно и Хабалов *поспешил* уведомить об этом Государя. До чего же доводит людей страх за себя, за своё положение или карьеру!.. В этот день газеты уже не вышли, а в полдень вновь начались демонстрации и взбунтовалась 4-я рота запасного батальона Павловского полка. Её умирили, арестовали зачинщиков. Солдат, даже таких, как питерские резервисты, было трудно поднять на бунт. Они отвечали рабочим агитаторам: «Вы пойдёте по домам, а мы — под расстрел!»... Заговор-

щики поняли, что поднять войска можно каким-то таким чрезвычайным актом, после которого им уже невозможно идти на попятную. Таким актом могло быть только тяжкое военное преступление — убийство... Сердце Царя почувствовало беду. Вечером 26 он записал в дневнике: «Сегодня утром во время службы (церковной — прот.Л.) я почувствовал острую боль в груди... Я едва выстоял и лоб мой покрылся каплями пота». В этот же день Родзянко послал Царю телеграмму, в которой, описав беспорядки в столице, столкновения воинских частей, стрельбу, утверждал: «Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся *доверием страны* (!), составить *новое правительство*. Медлить нельзя. Промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на Венценосца». Лицемер и лгун, Родзянко, не раз превыспренне выражал свою «преданность» Государю, готовя в то же время заговор против него. Копии этой телеграммы Родзянко тут же направил командующим фронтами — Брусилову и Рузскому, прося поддержать своё требование о «новом правительстве» и «лице» с доверием страны перед Государем. Они ответили, что «поручение исполнено».

В ночь с 26 на 27 февраля в учебной команде *Запасного* батальона Лейб-Гвардии Волынского полка (самый полк был на фронте) унтер-офицер 2-й роты Кирпичников (студент, сын профессора) убедил солдат «восстать против самодержавия», заручился их словом слушаться его приказов. Всю ночь такая же агитация шла в других ротах. Наутро, когда в казармы пришёл начальник учебной команды капитан Лашкевич, ему объявили, что солдаты решили больше не стрелять в народ. Лашкевич бросился к унтер-офицеру Маркову, сделавшему это заявление, и тут же был убит. После этого волынцы под командой Кирпичникова пошли к *запасным* Преображенского полка. Там *убивают* полковника. Восставшие понимают, что теперь они могут избежать наказания (а заодно и отправки на фронт) только если будут действовать все *скопом, заодно* (обратного пути им уже нет). Их укрепляют в этих настроениях революционеры — «профессионалы». К волынцам и преображенцам присоединяются тем же утром 27 февраля рота Литовского полка, сапёры, часть Московского полка (запасные, конечно). Офицеры спасаются от расправы, отстреливаются, бегут. Рабочие соединяются с солдатами. Играет музыка. Громят полицейские участки, тюрьму «Кресты», откуда освобождают всех арестантов, в том числе недавно посаженных членов «Рабочей группы» Военно-Промышленного Комитета, выполнявшей задачи *связующего звена* между масонским «штабом» и революционными партиями, прежде всего, — большевиками. Поджигают здание Окружного Суда. Звучит призыв: «Все — в Государственную Думу». И огромная толпа вваливается в Таврический дворец, грабит его, безчинствует в залах, но не трогает думских депутатов. А думцы, получив в тот день указ Государя о роспуске Думы до апреля, не расходятся, а решают образовать *Временный Комитет Государственной Думы* «для водворения порядка в столице и для сношений с общественными организациями и учреждениями.» В Комитет входит весь состав бюро «Прогрессивного блока» и Керенский с Чхеидзе (изначальная смычка 1-го и 2-го «эшелонов»). *Тут же*, в Таврическом дворце, в те же часы, только в других комнатах вылезшие из подполья и из тюрем революционеры 2-го эшелона создают Исполнительный Комитет Совета рабочих депутатов (который потом добавил к названию — «и солдатских»). Во главе

Совета — Александрович, Суханов (Гиммер), Стеклов (Нахамкес) и все остальные (на 97%) — евреи, не бывшие никогда *ни рабочими, ни солдатами*. Тотчас Исполком рассылает по заводам приглашение депутатов на Съезд Совета, назначенный на 7 ч. вечера и организует «реквизиции» *продовольствия* со складов и магазинов для «революционной армии», так что Таврический сразу становится *пунктом кормёжки* для восставших (о чём Временный Комитет Думы и подумать не успел!).

Власть в растерянности. Хабалов наспех собрал отряд в 1000 человек под началом полковника А.П. Кутепова, но он не смог с этими силами пробиться к центру восстания. Тогда верные Государю воины, не более 1500-2000 человек (!) вечером сосредоточились на Дворцовой площади перед Зимним. С ними были военный министр Беляев, генералы Хабалов, Балк, Занкевич. Хабалов телеграфировал Царю, что не может выполнить его приказаний. К ним приезжал Великий Князь Кирилл Владимирович, уверяя, что положение безнадежно. Потом ночью приехал Великий Князь Михаил Александрович, родной (младший) брат Царя, заявив, что войска нужно увести из Дворца, т.к. он «не желает, чтобы войска стреляли в народ из Дома Романовых». И предложил телеграфно Царю срочно назначить *кн. Львова* новым Пред. Сов. Министров... Совсем сбитые с толку генералы переместились к Адмиралтейству, солдаты стали расходиться. Остатки их днём 28-го по требованию Морского министра покинули Адмиралтейство и, оставив оружие, разошлись. Нужно сказать, что многие члены Императорского Дома повели себя в эти дни крайне недостойно, обсуждали даже план «дворцового переворота» (чтобы, свергнув Государя, «посадить» на Престол кого-либо из Великих Князей), а некоторые из Великих Князей прямо стали на сторону революции. В Мариинском дворце находились ещё члены Совета Министров и Гос. Совета. Протопопову (особенно ненавистному для «общественности») посоветовали сказать *больным*, что тот и сделал. Князь Голицын телеграфировал Царю просьбу о своей отставке и даровании «ответственного министерства». Государь ответил, что он назначил нового начальника Петроградского гарнизона, дал приказ относительно *движения войск на Петроград*, предоставляет Голицыну все права по гражданскому управлению, т.к. считает «перемены в личном составе (правительства) при данных обстоятельствах недопустимыми». Государь был очень далёк от толстовского «непротивления злу насилием»! В тот же день, 27 февраля, он отдал приказ направить целый ряд отборных и верных Отечеству воинских частей со всех трёх фронтов на Петроград, и объявил всем, что 28-го сам *лично поедет* в столицу. Одновременно Государь приказал генералу Н.И. Иванову *немедленно* двинуться на Петроград с отрядом в 700 Георгиевских кавалеров, что тот и исполнил на следующий день. А тогда, 27-го февраля, министры и сановники, в последний раз бывшие вместе, вдруг получили сообщение, что к Мариинскому дворцу движется вооружённая толпа, и решили — разойтись! Разошлись *навсегда*. Толпа пришла и начался погром и грабёж Мариинского.

С Правительством России было покончено. Вечером 27-го, как намечалось, было проведено первое заседание Совета рабочих депутатов, председателем избрали *Чхеидзе*. Избрали также «литературную комиссию» и постановили издание «Известий» Совета. Находившийся тут же, *тогда же* в ночь с 27 на 28-е

Временный Комитет Гос. Думы начал уговаривать Родзянко «взять власть в свои руки», т.к., по словам Милюкова, «вожди армии были с ним *в сговоре*». Прошло 15 минут мучительного ожидания. Наконец, Родзянко согласился. **Временный Комитет объявил себя «властью» России.** Но, ... как выяснилось, с предварительного *согласия Исполкома Совета!* С этой минуты всеми составами Временного Правительства, то есть первым «эшелоном», будут *руководить заправилы Совета*, то есть второго «эшелона» революции, хотя мало кто будет об этом знать!

28 февраля восстание перекинулось в окрестности Петрограда. В Кронштадте пьяная матросня убила адмирала Вирена и *десятки* офицеров. В Царском Селе войска, охранявшие Семью Государя, заявили о «нейтралитете».

В 6 ч. утра 28 февраля 1917 г. Родзянко телеграфировал дважды генералу Алексею в Ставку. Первая телеграмма извещала о том, что «власть перешла к Временному Комитету», вторая заверяла, что эта новая власть «при поддержке войск и сочувствии населения» вскоре водворит полный порядок и «восстановит деятельность правительственных учреждений». Всё было ложью!

28-го Государь на поезде отбыл из Ставки в Царское Село.

Настало время осуществить давний план Гучкова. Царский поезд был остановлен сперва у ст. Малая Вишера, затем у ст. Дно, якобы потому, что дальнейшие станции находились в руках восставших, что, как выяснилось, было *обманом*. Движением по ж. дорогам уже руководил ставленник масонов и революционеров Бубликов (бывший товарищ министра ПС). Он, кстати впоследствии признавался: «Достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено». Но Алексеев, Брусилов и Рузский *не допустили* до Петрограда *и одной* дивизии, как мы сейчас увидим! Царский поезд решено было направить на Псков, чтобы попытаться потом пройти к Царскому Селу со стороны Пскова. Царь надеялся, что всё положение может исправить ген. Иванов, который в те же часы двигался к Царскому Селу по другой дороге. Так всё было подстроено, чтобы Государь оказался во Пскове, где находился штаб Командующего Северным фронтом, генерала Рузского. Царь очень рассчитывал на него. Не зная, что он — один из главных изменников... Придётся повторить, что это незнание происходило не от плохой работы полиции. Масоны хорошо конспирировали. Да и не могло даже в голову придти ни полицейскому чиновнику, ни Государю, что заговорщиками окажутся боевые генералы — командующие фронтами, самые высокие армейские чины, «благороднейшие господа» из Думы, министерств и ведомств!..

1 марта в Думу прибывали всё новые воинские части, или их депутации с изъявлениями верности «новой власти». В 4 ч. дня прибыл Великий Князь Кирилл Владимирович — во главе Гвардейского Морского Экипажа. Он сказал Родзянко, что находится в его распоряжении. Пред тем Великий Князь разослал начальникам воинских частей Царского Села, пошедших за Советом депутатов, записки с предложением «присоединиться к новому *правительству*, следуя его примеру. В своих воспоминаниях Родзянко пишет, что Кирилл Владимирович прибыл «с красным бантом на груди» и что это «знаменовало собой явное нарушение присяги» и «полное разложение идеи существующего строя... даже среди Членов Царствующего Дома». Родзянко верить нельзя. Другие

очевидцы события не припоминают «красного банта». Сам Великий Князь в те дни писал, что вынужден был пойти к Родзянко «спасая положение». Кирилл Владимирович предложил Родзянко Гвардейский Экипаж для восстановления порядка в столице, но ему ответили, что в этом нет необходимости. В 1924 г. Кирилл Владимирович принял на себя титул Императора. А воспоминания Родзянко появились в 1925 г. Так начала слагаться *выдумка* о «красном банте» и о приветствии революции Великим Князем Кириллом. Но с выдумкой не вяжется то, что от услуг его гвардейцев почему-то отказались. Великому Князю не дали ни поощрений, ни поручений и он первым покинул Россию ещё при Временном Правительстве, до Октябрьской революции... Великий Князь Кирилл думал, что сможет помочь Думе подавить вооружённые банды Совета, думал, что этого хочет Родзянко... Но он ошибся, а вскоре ошибку свою понял. За это и подвергся клевете.

Того же 1 марта Совет Рабочих и Солдатских Депутатов издал знаменитый «Приказ №1» по армии, написанный масоном Н.Д. Соколовым, суть которого в том, чтобы в войсках избирались солдатские комитеты и исполнялись только те приказы Военной Комиссии Гос. Думы, которые *не противоречат* приказам *Совета* (!), и чтобы всё *вооружение армии* находилось в распоряжении и под контролем ротных и батальонных *выборных комитетов* и ни в коем случае «не выдавалось офицерам, даже по их требованию». Также отменялось отдание воинской чести и титулование при обращении. Это было началом развала Российской армии. После отъезда Государя из Ставки генерал Алексеев в 1 час 15 минут ночи на 1 марта, без ведома Царя, отправил генералу Иванову вдогонку телеграмму №1833, которую почему-то пометил 28-м февраля, где удерживал, как бы отговаривал Иванова от решительных действий, ссылаясь на «частные сведения» о том, что в Петрограде «наступило полное спокойствие», что воззвание Временного Правительства говорит «о незыблемости монархического начала в России», что все ждут приезда Его Величества, чтобы кончить дело миром, переговорами, и предотвратить «междоусобицу». Такие же телеграммы с совершенно ложными сведениями Алексеев одновременно направил всем главнокомандующим (в том числе — Рузскому). Источник этой лжи — масонский «штаб» Гучкова. «Брат» Алексеев не мог не верить «братьям» из столицы, более того, он страстно *хотел верить*, т.к. только в этом и могло быть «оправдание» его предательских действий. Генерал Иванов медленно, но верно двигался к столице. Железнодорожники вынуждены были, под угрозой военного суда, исполнять его требования. На станциях, где ему встречались революционные войска, он поступал просто — командовал им: «На колени!», что они тотчас и исполняли, бросая оружие на землю...

Между тем Государь прибыл во Псков. Вечером 1 марта 1917 г. между ним и генералом Рузским происходил очень длительный и тяжёлый разговор. Н.В. Рузский, думавший о положении дел в столице так же, как и Алексеев, с подачи Родзянко, не стеснясь уже, говорил членам царской свиты: «*Остаётся сдаваться на милость победителей*», полагая, что «победители» — это масонский «Прогрессивный блок» Государственной Думы... Неожиданно для Николая II Рузский «с жаром» стал доказывать ему необходимость «ответственного министерства». Государь спокойно возражал: «*Я ответственен перед*

Богом и Россией за всё, что случилось и случится; будут ли ответственные министры пред Думой и Госсоветом — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело». Царь далее перебирал качества всех основных деятелей Думы и «блока», показывая, что никто из них не обладает нужными данными для управления страной. Однако всё это не было простым спором о политических вопросах двух увлечённых людей. Время от времени в течение этого странного разговора Государь получал свидетельства о том, что такова позиция не только Рузского, но и Алексеева. Тот прислал из Ставки паническую телеграмму и необходимости *тотчас*, немедленно даровать «ответственное министерство» и даже составленный им текст *царского манифеста* по этому поводу! Кроме того, выяснилось, что Государь *не может* даже связаться ни с кем по прямому проводу! Царь послал Воейкова (дворцовый комендант) телеграфировать свой ответ Алексееву. Воейков потребовал у генерала Давыдова (тоже изменника из штаба Рузского) доступа к телеграфному аппарату. Разговор услышал Рузский, заявив, что дать аппарат невозможно. Воейков доложил, что он лишь исполняет «повеление Государя». Рузский сказал, что «не перенесёт такого оскорбления (!), т.к. он Рузский, здесь — главнокомандующий, и сношения Государя *не могут* проходить через его штаб без его, Рузского, ведома, что в данное тревожное время он, Рузский, *не позволяет* Воейкову вообще пользоваться аппаратом! Царь понял, что практически он *уже отрешён от рычагов и нитей правления*. Поняли это и члены свиты. Один из них вспоминал, что поведение и слова Рузского (о сдаче «на милость победителей») «с несомненностью указывали, что не только Дума, Петроград, но и лица высшего командования на фронте действуют *в полном согласии* и решили произвести *переворот*. Мы только недоумевали, когда же это произошло». Начало «происходить» уже с 1915 г., а *окончательное* решение Алексеев и Рузский приняли во время телефонного разговора друг с другом в ночь с 28-го февраля на 1-е марта. И. Солоневич впоследствии писал, что «из всех слабых пунктов Российской Государственной конструкции *верхи армии* представляли *самый слабый пункт*. И все планы Государя Императора Николая Александровича сорвались *именно на этом* пункте».

В виду исключительной и чрезвычайной важности дела мы должны *ещё раз* спросить себя: почему именно этот пункт «конструкции» оказался самым слабым? И ещё раз ответить: потому что он был изъеден ржавчиной *масонства*, его пропагандой. Тогда ещё вопрос: как это стало возможным в Российской Императорской армии? И ещё раз — ответ: только так, что со времён *Петра I*, через занесённое в Россию масонство, идеологический *идол* «служения России, Отечеству» был вознесён в сознании дворянства и наипаче — служилого, *военного, превыше* понятия служения Богу и Царю, как того требовал и прямой, и духовно-таинственный *смысл Присяги*, даваемой военными *лично* не абстрактному, а данному, конкретному *Государю пред Богом!* Императоры XIX-го столетия не уделили должного внимания этой опасности, или не смогли уничтожить это идолопоклонство. Воистину, последний из них, Государь Николай II, теперь сполна расплачивался, *«страдал за ошибки своих предшественников»*.

Видя крайнюю опасность положения, Царь в 0 часов 20 минут ночи с 1-го на 2-е марта послал генералу Иванову, уже достигшему Царского Села, такую телеграмму: «Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать». Возможно, обрадованный таким текстом Рузский, за спиной Государя *своей властью* против воли Царя тут же *отменил* отправку войск Северного фронта в поддержку Иванову и приказал *вернуть* уже отправленные на Петроград военные эшелоны. *В те же* часы Алексеев из Ставки *именем Государя, но без его ведома и согласия*, приказал вернуть все ранее отправленные на Петроград части Юго-западного и Западного Фронтов и прекратить погрузку тех, что только начали грузиться. С болью вспоминали верные офицеры Преображенского полка (и иных частей!), как им пришлось подчиниться этому приказу. Они не знали, что это — не приказ Царя, что их *обманул Алексеев!*

Далее пошло всё катастрофически быстро. Государь согласился на «ответственное министерство». Но, когда об этом сообщили в Петроград Родзянко, тот ответил, что этого уже мало: для спасения России и Династии, доведения войны до победы *все* (кто — все?!) требуют *отречения* Государя Николая II от Престола в пользу своего сына Цесаревича Алексея, при регенстве над ним Великого Князя Михаила. При этом Родзянко снова без зазрения совести *врал* Алексею и Рузскому, будто Временное Правительство полностью контролирует обстановку, что «только (его) одного (т.е. Родзянко) все слушают»... Он скрывал, что «все» (то есть Совет прежде всего) как огня *боятся* возвращения Царя в столицу! Ибо не уверены даже во взбунтовавшихся резервистах, а уж если хоть одна боевая часть (хотя бы дивизия) прибудет с фронта — им всем и революции конец! Каковым было действительное положение Временного Правительства, можно видеть, к примеру, из того, что Совет уже 1-го марта *выселил* его из просторных помещений Таврического дворца, которые занял сам, в более тесные комнаты, отказал Родзянко в предоставлении поезда для поездки к Царю на переговоры, сам Родзянко вынужден был *просить* Совет давать ему двух солдат для хождения на почту, т.к. по дороге «правителя России», которого будто бы все слушаются, могли избить или совсем прибить... Один из главных заправил Совета тех дней Суханов (Гиммер) в своих записках передал точную общую картину положения вещей. Оказывается, «прогрессисты» Думы в ту самую ночь на 1-е марта униженно *просили* Гиммера, Нахамке-са, Александровича *разрешить* им создать «правительство». Гиммер пишет: «Следующее слово было моё. Я отметил, что стихию можем сдержать или мы, или никто. Реальная сила, стало быть, или у нас, или ни у кого. Выход один: согласиться на *наши* условия и принять их, как *правительственную программу*». И Временный Комитет (— будущее «правительство») *согласился!* Даже Гучков (!) отказался участвовать в таком правительстве. Он вошёл в него позднее, когда большевики *разрешили* им *поиграть* перед публикой в некоторую самостоятельность и мнимую «независимость» от Совета.

... А Родзянко врал и *обманывал генералов*, т.к. это вменялось ему в прямую обязанность «старшими братьями»: любыми мерами в тот момент им нельзя было допустить прибытия воинских частей и Царя в Петроград!

В 10 ч.15 мин. утра 2-го марта 1917 г. Алексеев по своей личной инициативе разослал всем командующим фронтами и иным самым крупным военачальни-

кам телеграмму, где передавая то, что говорил Родзянко о необходимости отречения Государя ради *спасения Монархии*, России и армии, для победы над внешним врагом, прибавлял и *лично от себя* (как бы подсказывая ответ): «**Обстановка, по-видимому, не допускает иного** решения». К 2-м часам 30 минутам 2-го марта были получены ответы командующих. Великий Князь Николай Николаевич ответил, ссылаясь на «роковую обстановку»: «Я, как верноподданный (!) считаю по долгу присяги и по духу присяги (!) необходимым *коленопреклоненно молить* Ваше Императорское Величество» (...отречься). Генерал Брусилов (будущий большевицкий «инспектор кавалерии») тоже ответил, что без отречения «Россия пропадёт». Генерал Эверт выразил мнение, что «на армию в настоящем её составе при подавлении беспорядков рассчитывать нельзя». Это было неправдой! Армия в целом, а некоторые части — особенно, была предана Государю. Массонская и революционная пропаганда в ней действительно велась, но не имела нужного успеха, *пока Царь оставался во главе своей Армии*. Генерал Сахаров, понося на чём свет стоит Думу («разбойничья кучка людей,... которая воспользовалась удобной минутой»), тем не менее, *«рыдая»*, вынужден (был) сказать, что отречение наиболее безболезненный выход... К этим ответам Алексеев присоединил и своё мнение также в пользу отречения Царя. Только командующий Гвардейской Кавалерией генерал Хан-Гуссейн Нахичеванский (мусульманин!) остался верен Православному Российскому Самодержцу! «Прошу Вас не отказать повергнуть к стопам Его Величества безграничную преданность гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого монарха», — гласил его ответ Алексееву. Но последний этого ответа в Псков Царю *не передал*. Как не сообщил и о том, что находившийся в Ставке адмирал Русин фактически обвинил Алексева и его помощника генерала Лукомского в *«измене»* когда те предложили адмиралу подписать текст общей телеграммы Государю от имени всех командующих с мнением о необходимости отречения. Потом Русин добровольно откажется служить врагам России и уйдёт со своего поста. Так что тогда были ещё и такие, вполне верные Царю начальники, а не только изменники, вроде Алексева, Лукомского, Рузского, Данилова, или вроде генералов Брусилова, Поливанова, Маниковского, Бонч-Бруевича, Клембовского, Гатовского, Болдырева и других, пошедших в угодение и к большевикам. В 10 ч. утра 2 марта Государь говорил с Рузским относительно отречения: «Если надо, чтобы я отошёл в сторону ради блага России, я готов, но я опасюсь, что народ этого не поймёт»... В это время принесли текст телеграммы Алексева командующим. Решено было подождать ответов. К 3 часам дня ответы пришли из Ставки. Рузский в сопровождении Данилова и Савича явился с текстом телеграмм в вагон Государя. Царь, по воспоминаниям Данилова, «казался спокойным, но был бледнее обыкновенного: видно было, что он провёл большую часть ночи без сна. Одет он был в тёмно-синей черкеске, с кинжалом в серебряных ножнах на поясе». Сев за стол, Государь стал слушать Рузского. Тот сообщил сведения о событиях за истекшие часы и подал Царю ответы командующих. Царь прочитал. Рузский «отчеканивая каждое слово» начал излагать своё собственное мнение, состоявшее в том, что Государь должен поступить так, *как советуют генералы*. Царь спросил мнения присутствовавших. Данилов с Савичем сказали то же, что Рузский. «Наступило гробовое молчание, — пишет

Данилов — Государь видимо волновался. Несколько раз он бессознательно взглядывал в плотно завешенное окно вагона». Мать Государя вдовствующая Императрица Мария Фёдоровна потом, со слов сына, утверждала, что Рузский даже дерзнул сказать: «Ну, решайтесь!».

О чём думал в эту минуту Государь? По словам другого современника событий, Царь «ясно сознавал, что генерал Рузский не подчинится Его приказу, если он велит подавить мятеж, бушующий в столице. Он чувствовал, что тайная *измена опутывала Его, как липкая паутина*». Императрица, как только ей стало известно, что Государь во Пскове, выразилась предельно точно: «Это *запад-ня!*» Данилов продолжает: «Затем встав и быстро повернувшись в нашу сторону (Царь), перекрестился широким крестом и произнёс: «Я решился... Я решил отказаться от Престола в пользу своего сына Алексея!.. Благодарю вас всех за доблестную и верную службу. Надеюсь, что она будет продолжаться и при моём сыне...» Точно камень, давивший нас, свалился с плеч. Минута была глубоко торжественная. Поведение отрекшегося Императора было достойно всякого преклонения.»

Минута была роковая. Для самих же изменников-генералов. Они потом получают от большевиков и от Бога каждый — своё. Но это было роковой минутой и для всей России!

В этот именно день, 2 марта 1917 г. Государь записал в своём дневнике: *кругом измена, и трусость, и обман*».

Но, осознавая это, Царь был убеждён, что это измена — лично ему, а не Монархии, не России! В том же самом были *искренне* убеждены генералы: они полагали, что, изменяя Царю не изменяют Монархии и Отечеству, но даже служат им, действуют на подлинное их благо!.. Но предательство и измена *Божью* Помазаннику — это измена всему, что им возглавляется. Массонское сознание генералов, упоённых своей кажущейся «реальной властью» над армией, не могло подняться даже до такой *простой* духовной истины! А между тем, изменникам уже *изменили*, предателей *предали*, обманщиков *обманули*! Уже на следующий день, 3 марта, генерал Алексеев, получив более подробные сведения о том, что происходит в Петрограде, воскликнул: «Никогда не прощу себе, что *пове-рил* в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграмму главнокомандующим по вопросу об отречении Государя от Престола!»... Подобно сему и генерал Рузский быстро *«потерял веру* в новое правительство» и, как пишут о нём, «глубоко страдал нравственно» о своём разговоре с Царём, о днях 1 и 2 марта «до конца своей жизни» (а конец наступил в октябре 1918 г. когда большевики прикончили Рузского на Северном Кавказе). Но не приходится нам умилиться этими запоздалыми «страданиями» и «прозрениями» генералов (и некоторых Великих Князей — тоже). Им не нужно было ни владеть информацией, ни быть особо прозорливыми или мудрыми, им нужно было быть просто *верными присяге* — и больше ничего! Прав один из исследователей генеральской измены В. Кобылин, что никакие поздние «сожаления» и даже подвиги на полях Гражданской войны не могут смыть пятна вечного *позора* с предателей-военачальников. «Мир не слышал ничего подобного этому правонарушению, — пишет он. — Ничего иного после этого, кроме большевизма, не могло и не должно было быть... Русский Царь предан... Предана вся Россия... Пре-

дана Армия, и она после этого *тоже предаст*. Следствием актов Алексеева и главнокомандующих будет «Приказ № 1» (Совета), безпрекословно выполненный тем же Алексеевым...» Вся эта «цепная реакция» измен и обманов обусловлена, по верному слову Н. Павлова, «связью Царей с Православием и народом и *актом помазаннычества Богом*. Перед ... прошлым и будущим (России) Государь стоял один,— говорит Павлов — Ни на одного Монарха ещё никогда не ложилось бремя подобного решения, т.к. *нет более великой и важной страны, как Россия...*» Архимандрит Константин (Зайцев) добавляет: (Россия) «вообще *перестала существовать* как некая соборная личность» — Чрезвычайной важности наблюдение! Хотя, вопреки мысли о. Константина, это произошло *не сразу*, не в момент отречения.

В том-то всё и дело, что мистичности (таинственности) Царской власти, как «Главы» России, соответствовала мистичность (таинственность) её народного «Тела». Если у обычного человека отрубить голову, тело, как и голова, обречены на быстрое умирание. Но не так у мистического «Тела» народа, Великороссии как *Соборной Личности!* Это «Тело» эта Личность в подобных случаях способна порождать новую Главу в виде нового Царя, *как это уже было не раз в истории, к примеру — в 1613 г.!* Это хорошо знал Государь Николай II. Поэтому, отрекаясь от своей *лично* власти, он твёрдо верил и знал, что эта власть будет унаследована *другим* Монархом, и *никак иначе*, и он был совершенно прав! Тысячу раз прав! И не правы те, кто упрекал (и упрекает до сих пор) Николая II в том, что он «не подумал» о народе, Отечестве, России, что своим отречением он их «обрекал» на страшное. Ничего подобного! После неизбежного периода новой Смуты Великорусский народ, то есть более 80 % населения, сплошь глубоко *монархического* по всей своей *природе и психологии*, не могли не породить нового *Православного Самодержца* и ничего другого кроме *восстановленного Православного Царства!*

Чтобы не допустить этого, чтобы этого не случилось,— нужно было *физически уничтожить Русский Народ*, для начала, по крайней мере,— его *основное ядро*, некое здоровое *большинство*, прежде всего — православное *крестьянство* (ибо оно всегда — *корень* нации). Никакая *русская* смута (революция, бунт «демократической общественности»), никакие *русские* масоны — Гучковы, Милюковы, Керенские — никогда сделать этого *не смогли бы!* Просто *не додумались бы* до такого!

Но именно это, то есть *физическое убийство десятков миллионов русских людей*, главным образом верующих *крестьян*, то есть *убийство Русского Народа*, и будет совершено! Однако — *не русскими*. Потом мы увидим, кем и как.

А вот об этом ни Государь, ни те, кто обманывал его, ни даже те, кто обманывал обманщиков не знали и знать *не могли*. Не могли и представить себе в самых жутких предположениях или снах...

А пока, в 1917 г., убийство подкрадывалось только к Русскому Царю и его Семье. Но тоже — поэтапно, как бы само собою, так что *поначалу* и этого *никто не ждал и не планировал!* Никто,— кроме диавола и вдохновляемых им тайных вождей *мировой*, т.е. *всемирной*, антицеркви, или «церкви лукавнующих» (а отнюдь не российских только заговорщиков).

Перед Царём же, его сознанием и совестью тогда, 1—2 марта 1917 г., вопрос был поставлен так: революция в Петрограде совершается под *монархическими* знамёнами; общество, народ (Россия!) стоят за сохранение царской власти, за намеченное доведение войны до победы, но этому препятствует только одно — всеобщее недовольство *лично* Николаем II, всеобщее недоверие к его *лично* руководству, так что если он для блага и победы России уйдёт, то *спасёт* и Родину, и Династию!

Убеждённый, как и убеждавшие его генералы, что всё именно так и есть. Государь, никогда не страдавший властолюбием (он мог быть властен, но — не властолюбив!) после 3-х часов пополудни 2-го марта 1917 г. дал сразу две телеграммы — в Петроград Родзянко и в Могилёв Алексееву. В первой говорилось: «*Нет той жертвы, которую Я не принёс бы во имя действительного блага родимой матушки России.* Посему Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына с тем, чтобы Он оставался при Мне до совершеннолетия, при регентстве брата Моего Михаила Александровича». Телеграмма в Ставку гласила: «Во имя блага, *спокойствия и спасения горячо любимой России* Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына. Прошу всех служить Ему верно и нелицемерно». Государь как бы между строк говорил: «Не так, как Мне служили...» Рузский, Данилов и Савич ушли с текстами телеграмм.

Прознавший об этом Воейков прибежал в вагон Государя: «Неужели верно то... что Вы подписали отречение?» Государь подал ему лежавшие на столе телеграммы с ответами Главкомов, сказав: «Что мне оставалось делать, когда все мне изменили? Первый — Николаша (В.К. Николай Николаевич)... Читайте!»

Господь попустил сатанинскому плану Гучкова, заимствованному им, как мы помним, от младотурков, исполниться в точности. Государь, выехавший из Ставки, был *по пути* (изолированный от *конкретных, непосредственных рычагов и нитей* управления армией и государством) захвачен заговорщиками из высших офицеров армии и *обманом* принуждён к отречению.

Ещё не зная о его решении, только думая склонить его к таковому, то есть выполнить ту работу, которую *уже сделали* Рузский, Алексеев и прочие, «монархисты» Гучков и Шульгин *тайно от Совдепа (!)* выехали из Петрограда во Псков. Приехали около 10 ч. вечера 2-го марта. К этому времени, т.е. вечером Государь несколько изменил первоначальное решение. Дело было в крайне опасной болезни его Сына — Цесаревича Алексея, которому, хотя и при регентстве дяди — Михаила, всё же предстояло царствовать. Царь-отец, переживая об этом, в последний раз спросил у докторов, есть ли хоть малейшая надежда на излечение Алексея Николаевича от гемофилии. И получил отрицательный ответ: надежды нет. Тогда Государь принял решение оставить больного сына полностью при себе и отречься в пользу брата *Михаила*. Однако текст манифеста об отречении он пометил всё же 2 марта, *15 ч. дня*, т.е. моментом, когда он решился на отречение от своей власти. Так что Гучков и Шульгин, привезшие составленный ими текст манифеста обнаружили, что он не нужен. Царь подал им свой. И они должны были со стыдом убедиться, насколько более сильным, духовным, величественным в своей простоте был манифест, написанный самим Царём, чем их бездарное сочинение. Они *попросили* Государя *назначить* Пред-

седателем Совета Министров князя Львова и Командующим Петроградским военным округом генерала Л.Г. Корнилова. Государь подписал нужные указы. Это были последние назначения, сделанные *Царём*.

Возомнившие себя вершителями судеб и правителями России, Гучков и Шульгин как приехали скрытно, небритыми, в заметно грязных воротничках, растерянными, так же и уехали со всеми полученными бумагами, конспирируя и озираясь, прячась от «народа», которым они думали править... Воры и тати! План Гучкова исполнился, а сам-то Гучков — в каком безмерно жалком положении оказался этот умнейший масон, столько лет трудившийся над «подкопом» под Царя Николая II!..

Манифест Николая II гласил: «В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, *Господу Богу* было угодно ниспослать России новое тяжёлое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны... В эти решительные дни в жизни России, почли Мы долгом совести *облегчить* народу Нашему тесное единение и *сплочение всех сил* народных для скорейшего достижения победы и, *в согласии с Государственной Думою, признали Мы за благо* отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную власть».

Далее говорилось, что Сын останется с Царём, а власть передаётся его брату Михаилу Александровичу, который призывается править «*в полном и ненарушимом единении с представителями народа* в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут *ими* установлены, принеся в том *ненарушимую присягу*». Все «верные сыны отечества» призываются повиноваться Царю и «помочь Ему, *вместе с представителями* народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России! Николай». Подпись скреплена Министром Двора графом Фредериксом.

Тогда же, фактически уже ночью, 2 марта Государь телеграфировал брату Михаилу суть дела и просил прощения за то, что «не успел предупредить» его. Но эту телеграмму *не доставили* адресату.

Потом поезд тронулся. Оставшись один, в своём личном купе Государь долго молился при свете только лампы, горевшей пред иконой. Затем сел и записал в дневник: «В час ночи уехал из Пскова с тяжёлым чувством пережитого... *Кругом измена, и трусость, и обман*».

Это — то, что *воцарилось* тогда в «общественности», наипаче — демократической, думской, в высших кругах армии, в определённой части рабочих и резервистов Петрограда. А что же остальная Россия?

В Москве 28 января произошли массовые демонстрации под красными флагами. Гарнизон (тоже из резервистов-запасных) 1-го марта перешёл на сторону восстания. В эти же дни в здании Московской Думы были образованы Совет рабочих депутатов и Комитет общественных организаций, — как в Петрограде. Нечто подобное произошло также в Харькове и Нижнем Новгороде. В Твери толпа убила губернатора Н.Г. Бюнтинга, успевшего при её приближении исповедаться по телефону у епископа. И это — всё.

Вся остальная необъятная Россия оставалась спокойной!

В ней не было ни измены, ни трусости, ни обмана. Потом именно за это (!) Россию, прежде всего — Великороссию или Русский Народ **во многих десятках (!) миллионов (!)** людей, поистине, просто как овец на заклание, погонят под расстрелы, в лагеря, в вечную мерзлоту Севера и Сибири (где большинство погибнут)... Не правы поэтому те (иной раз весьма умные и достойные люди), которые возлагают на Русский народ вину за революцию и последовавшее вскоре цареубийство. Здесь сказывается **поспешность** мысли и недостаточность сведений. Или своего рода обман зрения. Видели революционные **толпы** в столицах. Затем кадры кинохроники и фотосъёмки также показали всему миру **толпы** ликующих по случаю революции людей, но — где? — в столичных городах! Из кого состояли эти толпы? Из рабочих, студентов, солдат, интеллигенции, мелких служащих, городской рвани, евреев. Мы уже показывали, что вся российская революционная или склонная к одобрению революции общественность вместе с половиной рабочих и евреев составляла не более 5—7 % (ну пусть даже 10—15 %) населения Великороссии! Отсюда, когда иные, ради красного словца говорят, что Россия вчера восторженно приветствовала своего Царя, а назавтра ликовала по случаю его свержения — это **неправда**. Ликовали **не те**, кто приветствовал. Другие винят всё же Русский народ, что **не восстал** против негодяев, не **заступился** за своего Государя, бросил его в роковую минуту, **пустил** злодеям и т.п. **И за то-де был наказан**. Так ли это?

Конечно же, были в Русском народе отмечавшиеся нами явления духовного упадка, равнодушия к царской власти (в чём она сама в лице Государей XVIII в. и была повинна), боязливости, расчётливости «хитрого мужичка», беспечности тех, кто надеялся на «авось» и т.д. Были такие явления. Но это были **частные явления**! В целом же Великороссия, а тем паче составлявшая её духовное сердце или ядро **Святая Русь** не сопротивлялась беззаконникам и антихристам в те решающие дни не потому, что **сочувствовала** им или **боялась** их, или **не любила** Царя! Нет, та Святая Русь, та Великороссия, что явила себя Государю в Сарове в 1903 г., в Костроме в 1913 г. и что составляла **подавляющее большинство** (более 80 %) **народа** была с ним и за него! Она могла бы взволноваться и двинуться с места и **раздавить** противников его и своих, но не взволновалась и не двинулась прежде всего потому, что сам Царь призвал её не двигаться, подчиниться Гос. Думе, а впоследствии — и по особой, совсем **другой причине**.

... Мы оставили Царя ночью 2 марта молившимся под стук колёс своего Царского поезда. Но куда же двигался этот поезд? В Могилёв!.. Значит, ни Рузский, ни Алексеев, ни иные генералы-изменники, ни даже Гучков со своей масонской компанией, получив манифест с отречением Государя от Престола, **не препятствовали** ему вернуться к исполнению обязанностей **Верховного Главнокомандующего** (от коих его формально ещё никто не освободил)!? Но ведь это значило также, что Император **возвращался** к конкретным, непосредственным **рычагам и нитям управления**, по крайней мере — армией! Государь поехал снова в Ставку, где в течение **почти недели** продолжал руководить **всеми (!) Вооружёнными силами** ещё отнюдь не развалившейся **Российской Империи**!

В этих Вооруженных силах было ещё очень много (достаточно!) генералов, дивизионных и полковых (таких большинство) командиров, солдат, особенно из крестьян, готовых в полном смысле слова *умереть* за своего Государя. Мог ли Николай II быстро собрать, сплотить их вокруг себя с тем, чтобы восстановить свою власть и подавить революцию? Без сомнения, мог бы! Наконец, по крайней мере, мог бы в эти дни Государь, воспользовавшись своим относительно свободным положением и пребыванием в Ставке, бросить клич России, обратиться к ней, к Русскому народу с призывом постоять за своего Царя? Без сомнения, мог бы! Но он не сделал ни того, ни другого потому, что отрёкся от власти не только под нажимом, но *совершенно искренне*, будучи убеждён, что при возникшем волнении и шатании умов относительно его собственной личности, его уход от власти поможет всем сплотиться для решающей и уже совсем близкой победы над внешним врагом (генеральное наступление должно было состояться в апреле). Вспомним его слова о том, что *нет такой жертвы*, которую он не смог бы принести во благо России. В те дни Государь выразился ещё более определённо: «...*Если России нужна искупительная жертва, пусть я буду такой жертвой*». Государь был убеждён (и его убедили), что дело только в нём, что Временное Правительство, общественность, революция,— все (!) стоят за *сохранение Монархии* и за доведение войны до славной *победы*.

Но вот 3 марта 1917 г. выяснилось, что Временное Правительство и общественность вовсе не за Монархию. В этот день, члены нового правительства почти в полном составе явились к Великому Князю Михаилу Александровичу с текстом манифеста Николая II об отречении в пользу брата. Только Гучков и Милюков высказались за сохранение Монархии (конституционной, разумеется), т.е. за принятие власти Великим Князем. Остальные же, особенно Керенский, Родзянко и Львов, горячо доказывали невозможность и опасность такого акта в данное время, прямо говоря, что в этом случае Михаила Александровича могут убить, а Императорскую Фамилию и всех офицеров «вырезать». Настал второй по важности исторический момент. Что решит Великий Князь, который в эти минуты юридически — уже *Император Всероссийский*?

Михаил Александрович, по Божью вразумлению, решил не так, как хотел Керенский и прочие. Он не отрёкся от Престола прямо *в пользу Временного Правительства*. В написанном сразу манифесте он предложил решить вопрос о своей власти и вообще о форме власти в России — *самому народу*, и в том лишь случае стать правящим Монархом, если на то «будет воля Великого Народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном Собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского. Посему,— говорилось далее в манифесте,— призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному Правительству, *по почину Государственной Думы* (т.е. самочинно, не по Царской воле — прот. Л.) возникшему и облечённому всей полнотой власти, *впредь до того*, как созданное в возможно кратчайший срок, на основе *всеобщего, прямого, равного и тайного голосования*, Учредительное Собрание своим решением об *образе правления* выразит *волю народа*. Михаил». Манифест справедливо критикуется во многих отношениях. Но всё же он не является прямой передачей власти «демократам»!

Как известно, Русский народ тогда не был честно опрошен, ибо в этом случае 85—90 % его высказались бы безусловно за Православное Самодержавное Царство! В ноябре 1917 г. большевики насильственно *разогнали* Учредительное Собрание, которое всё же было избрано и собралось, но не смогло продолжать работу. Следовательно, от того времени даже до сего дня все правительства, все власти РСФСР, СССР, нынешней РФ являются *незаконными* даже с точки зрения демократов, утверждающих за народом положение источника права и власти (хотя на самом деле народ никогда таким источником не является и *не может* являться).

Оба манифеста — Государя Николая II и его брата Михаила были опубликованы в центральных газетах одновременно. Государь узнал о манифесте брата сразу же, 3 марта. И в *этом* (!) случае, то есть когда под вопросом оказалось сохранение монархического образа правления в России вообще, Николай II *не предпринял* мер к свержению явно республиканского правительства. Причина та же самая: *сейчас* нужно всеми силами довести до *победы* войну, почему война внутренняя *недопустима*, а потом, *после победы*, которая будет уже через месяц (!), — будет видно! Возможно, и даже почти определённо, что Россия, народ при «всеобщем, равном и тайном голосовании» пожелают именно Монархии, а не чего-либо другого... 8 марта в своём последнем прощальном приказе по армии Николай II, в соответствии со смыслом манифеста брата Михаила, призвал армию России *повиноваться Временному Правительству* с тем, чтобы довести войну до полной победы. Алексеев, по согласию с Гучковым, не довёл до армии этот приказ. Но он показывает настроение и ход мыслей Государя.

Если бы Государь тогда, 1—2 марта 1917 г., *мог знать или хотя бы на одно мгновение (!) предположить*, что большевики могут оказаться у власти, он *поступил бы совершенно иначе!*

Он давно знал, кто такие большевики, какова их идеология, программа, практика, но именно поэтому он *не мог* никаким образом даже *допускать* возможность прихода к власти *в России* над Русским Народом этих совершенно антирусских и антирусских уголовников! Не допускали этого никак и масоны — революционеры «первого эшелона» во главе со своим Временным Правительством, хотя они знали больше, чем Государь, о «втором эшелоне», *зависели* от него, подвергались всевозможным притеснениям и унижениям от него! Но деятели Временного Правительства, как и российская и большей частью — международная общественность, были *убеждены на 100%*, что это временное положение вещей! Советы, в чьём распоряжении были только ненадёжные резервисты и вооружённые рабочие, никак не могли устоять перед регулярной армией, которая, как казалось, вот-вот поступит под командование Временного Правительства! А как же иначе! И союзники помогут. Вся мощь правительств и армий (!) Антанты — за республиканское правительство России (ведь не за большевиков же, призывающих к свержению *всех* «буржуазных» правительств и к мировой революции!...). Кроме нескольких особо посвящённых, *никто* ни в России, ни в Европе и в Америке *не знал* всей хитрости плана *тайных* иудео-масонских сил, уже тогда обращавших *всю мощь банковских капиталов и политической силы правительств Антанты* (не толь-

ко Германии) в поддержку именно большевиков! Что-то в этом деле начало проясняться только к августу. По словам П. Жильяра, из заточения в Тобольске «Император с тоской следил за событиями... Он понимал, что страна стремилась к гибели. В один момент надежда к нему возвратилась, когда генерал Корнилов предложил Керенскому положить конец агитации большевиков... Его печаль была неизмерима, когда стало видно, что Временное Правительство отстранило эту последнюю возможность спасения. Я услышал тогда *в первый раз*, что Император *пожалел о своём отречении от Престола*. Он принял это решение в надежде, что лица, которые желали его удаления, могли быть способны успешно окончить войну и спасти Россию. Он опасался, чтобы его сопротивление не было причиной гражданской войны, в присутствии неприятеля, и он *не желал, чтобы кровь даже одного русского была бы пролита из-за него...* Теперь Император страдал, видя, что его отречение не принесло пользы».

Предательский удар в спину наносился не только Русскому Царю, но и его врагам — русским масонам. Так что эти последние получали то, что вполне заслужили. Но это — другой разговор. Теперь же нам необходимо особо отметить и подчеркнуть важнейшее: *Царь не призвал Россию, прежде всего — Великороссию (Русский Народ) к выступлению, к силовой борьбе ни за лично свою власть, ни за царскую власть вообще. И словом и делом Царь призвал Россию к другому, именно — к тому, чтобы последовать своему примеру и положиться всецело и во всём только на одного Бога и Его Святой и всемогущий Промысл!*

Вот почему, привыкшая к послушанию своим Царям, Россия и прежде всего — Великороссия *не двинулась с места*, не выступила с оружием в руках, как в 1613 г. Ей осталось одно — действительно последовать призыву и *примеру* Государя Николая II и во всём положиться на волю Божию.

Здесь мы должны вспомнить всё, что было ранее сказано о *теснейшем*, как внешнем, так наипаче — внутреннем, *таинственном единении* Православной Великороссии со своим Православным Самодержцем. В.О. Ключевский, как мы помним, определил это формулой: «*В воле Царя выражается мысль Его народа, и воля народа становится мыслью его Царя*». А Владыка Митрополит Антоний (Храповицкий) прямо указал на то, что Государь Николай II является *примером* веры и благочестия для Русского Народа. Или, выражаясь словами церковного песнопения (тропаря) святителям, прежде всего — святителю Николаю Чудотворцу — «*правилом* веры и образом кротости!»

В соответствии с такими законами (правилами, образами) своего устройства и бытия Русский народ и поступил. И мы со всей определённости должны сделать из всего важнейший вывод: *не повинен Русский народ (в целом) ни в революции, ни в царевубийстве!* И не «наказан» он за это. Русский Народ просто *последовал своему Царю и Божью Помазанию в славном мученическом подвиге Голгофских страданий, который длился для народа с 1917 примерно по 1945 год*. Вот в чём на самом деле смысл вещей!

2 марта 1917 г., в тот самый день, когда во Пскове свершилось отречение Русского Царя от царствования, в селе Коломенском под Москвой в церкви Вознесения была обретена *последняя* в истории России чудотворная икона

Пресвятой Богородицы. Некая больная крестьянка, молившаяся усердно об избавлении от болезни, увидела во сне икону Девы Марии, от которой услышала голос, повелевавший ей пойти в Вознесенскую церковь и отслужить молебен пред этой иконой. Женщине показали все иконы, имевшиеся в храме, но среди них не было такой, какую она видела во сне. Наконец, на чердаке, среди пыльных вещей и старых образов, не бывших в употреблении, была найдена большая икона, в которой женщина сразу узнала ту, что явилась ей в видении. Образ внесли в церковь, отслужили пред ним молебен и крестьянка исцелилась. Весть об этом тут же разнеслась. Последовали другие чудеса и знамения. А через пару дней узнали об отречении Государя и тогда обратили особое внимание на то, как изображена Богоматерь на новоявленной иконе. Она представлена здесь как *Царица Небесе и Земли*, сидящая на *Троне* с Богомладенцем Иисусом Христом на коленях. В правой руке Матерь Божия держит царский *скипетр*, а левой как бы придерживает, или покрывает сверху державу. На главе Её — *царский венец*. Икона получила название «Державная», и в честь её установлен был ежегодный праздник 2/15 марта. Совпадение её обретения с днём отречения Царя, конечно же было совершенно верно воспринято как не случайное — промыслительное. Но из этого возникали два очень *разных*, почти полностью противоречивых толкования. В сознании одних облик «Державной» означал, что отныне царскую власть над Россией взяла с Свои руки Царица Небесная, и *поэтому* Она спасёт Отечество от всех бед и зол и восстановит, возродит всё, как было до революции... Все дальнейшие годы вплоть до сего дня показали, что это совсем не так! И, тем не менее, и теперь одержимые «любовью к России» люди склонны именно так толковать явление «Державной» иконы: возродит, восстановит, вернёт России былую земную (!) славу... Но в сознании других людей, и тогда, и потом, образ «Державной» означал другое: Царства *земного* в России больше не будет; теперь взоры всех православных русских должны обратиться к Царству Небесному, где и утверждён Престол (Трон) Небесной Царицы — Матери Божией. Это значит, что *не будет* больше в *земной* жизни и истории возрождения, восстановления Великой России, Великороссии и Русского Народа. *Здесь* всё кончено. И надежды на возрождение земного славного жительствова суетны, тщетны, ошибочны...

Казалось бы, сколь «ужасно», «пессимистично», «тоскливо» сие второе толкование! Но если на мгновение допустить, что *все* нынешние русские по крови люди, или хотя бы их большинство, или некое важнейшее ядро, согласились с ним и в самом деле обратили свои духовные взоры (а, значит, направили бы и свою конкретную жизнь!) к *Царству Небесному*, а не земному, то тот час бы и произошло *земное* возрождение России!.. Всё дело в том, что те люди, которые в наши времена по происхождению являются русскими, на такое обращение к Богу, ко Христу и Его Небесному Царству уж *не способны*. И *поэтому* возрождение России в *земной* истории невозможно. Тогда что же произошло с Великороссией, начиная с 1917 г.? Вслед за многими другими мы назвали это «Голгофой».

Глава 34.

ГОЛГОФА ВЕЛИКОРОССИИ

Она началась сразу же с началом революции в феврале 1917 г. Но на первых порах могло казаться, что убийства и насилия революционеров — это неизбежные «эксцессы», «случаи», «крайности» некоего переходного периода революционной борьбы и касаются в основном лишь «врагов», контрреволюционеров... Хотя уже в те дни многое говорило о том, что всё не так. Больного старого бывшего премьера Штюрмера посадили в Петропавловскую крепость, где охранники забавлялись тем, что по очереди били его по щекам, а затем стали по очереди мочиться на лицо умиравшего и уже не поднимавшегося старика. Когда же родственники Штюрмера стали умолять дать им последнее свидание с ним, охранники заявили: «Пусть околеваает при нас, и только при нас. Много чести ему простаться ещё с родственниками!». Это были ещё не большевицкие или еврейские изверги, не революционные латыши (или мадьяры, китайцы и т.п.), а свои русские подонки и ещё в форме Русской армии. Вновь в России «пробил час негодяев». Однако своих подонков и негодяев в Русском народе оказалось *слишком мало*, их руками и услугами можно было сделать кое-что, но далеко не всё, что было задумано в отношении Русского Народа (как такового, в целом). И тогда началось своего рода вторжение.

В начале апреля 1917 г. через Германию уже двигался знаменитый «опломбированный вагон», в котором из Швейцарии ехали в Россию Ленин и его соратники. В наши дни, когда рассекречены многие архивные материалы, как в Западных странах, так даже и в России, появилась возможность воссоздать в общих чертах картину тайных, закулисных действий второго, большевицкого эшелона революции.

Весной 1914 г., т.е. до начала войны, Ленин через Скворцова-Степанова, по масонским каналам, вёл переговоры с Рябушинским и Коноваловым, пытаясь получить деньги на революцию от «своих» миллионеров. Они, хоть и были в масонстве «своими», в то же время не очень хотели помогать конкуренту, т.к. намеревались совершить революцию и взять власть сами. Мы уже не раз отмечали, что борьба группировок и лидеров в масонстве — обычное явление, несколько не противоречащее общему единству этой организации. Дьявол — не друг и не созидатель подлинного братства и согласия даже среди тех, кто служит ему. Он объединяет их усилия лишь в нужные решающие моменты, а в остальном с удовольствием поощряет внутреннюю вражду, зависть, злобу и убийства одних «братьев» другими, что и сами они на уровне «мастеров» заведомо как бы даже «программируют» для себя. Церковь дьявола не может быть церковью любви и мира. Это постоянно нужно будет иметь в виду при рассмотрении борьбы разных группировок масонства как в международном плане, так и в сугубо российских делах, прежде всего — в пресловутом «противостоянии» («двоевластии») советов и Временного правительства в период с февраля по

октябрь 1917 г., затем — в борьбе тех же совдепов против своих «братьев» масонов в Белом движении периода Гражданской войны, а затем — в официальном «отречении» друг от друга большевиков и масонов, которое разыгрывалось как спектакль для профанов российской и мировой «общественности» в 20-х—30-х годах. Всё это борьба за преобладание и власть разных групп **одной и той же банды** (как часто бывает в уголовных шайках). С началом мировой войны на партию Ленина, открыто заявлявшего о желательности (в целях революции) **поражения России**, обратил особое внимание германский Генеральный штаб и начал денежную поддержку большевиков. Она шла по нескольким каналам, в том числе главным образом, через Израиля Лазаревича Гельфанда, более известного как А.Парвус («крупный марксистский теоретик»), с которым **официально** большевики-коммунисты находились в острой полемике. Германии казалось, что она прибегает к очень удачной «военной хитрости» — содействовать революции в России с тем, чтобы ослабить, развалить её изнутри для достижения победы... Она повторяла приём Японии 1904—1905 г.г. Германия, Германия!.. Она не знала, что за такую подлость она, как и Япония, в будущем получит от Бога страшное историческое возмездие! А тогда, в марте 1917 г. уверенный в своей находчивости германский Генштаб дал партии большевиков 22 **миллиона** марок. Потом — ещё **40 миллионов**. Германия будет помогать Ленину и большевикам и в 1918 г., даже **после** убийства в Москве немецкого посла Мирбаха, пока в самой Германии не случится революция (в ноябре 1918 г.) Но к этому моменту захватившие власть в России большевики будут уже крепко «на ногах». Тем паче, что финансовые средства в **то же самое время** они получали и от военных **противников** Германии,— банковских объединений Ротшильдов, Рокфеллеров, Морганов (из стран Антанты) — чего **не знали** «хитрые» и «находчивые» немецкие политики... 27 марта 1917 г. на пароходе «Христиания» из Нью-Йорка в Россию отправился Л. Троцкий-Бронштейн с 275-ю «— штейнами» бруклинского происхождения и **10 тысячами** долларов в личном кармане, полученными от богатых соплеменников. Сумма незначительная — буквально «на карманные расходы» на самое первое время. Затем один из директоров Федерального резервного банка (Нью-Йорк) Уильям Томпсон лично внёс в кассу большевиков **1 миллион** долларов. Томпсон также — участник Чейз Нэшнл Бэнк, представлявший интересы Рокфеллеров. Особенно постарался, конечно, уже знакомый нам Яков Шифф — руководитель (старший партнёр) банка «Кун, Леб Энд К?», а также член Верховного Совета **Бнай Брит**, передав Ленину **20 миллионов** долларов. В свою очередь партнером Шиффа был Пол Варбург — президент Федерального резервного банка и член американской делегации на Версальском конгрессе, решавшем участь побеждённой Германии, в составе делегации которой находился родной брат Варбурга — Макс (президент международного банка «М.Н. Варбург и К°») непосредственно помогавший Ленину в его поездке через Германию в «запломбированном вагоне»... Теперь ясно, почему, всем тогда на удивление, Ленин на I-м Съезде Советов в июне 1917 г. в ответ на слова докладчика-меньшевика о том, что сейчас нет такой партии, которая могла бы взять на себя ответственность власти, с места выкрикнул: «Есть такая партия!» Он знал, что кричал. Не знали — слушавшие... В 1922 г. Ленин создал международный банк, через который рас-

платился со всеми кредиторами за старые долги. Но большевики постоянно делали и новые. В 1930-х годах (до «признания» сталинского режима Америкой) четыре банка США финансировали СССР: это были: «Чейз Нэшнл Бэнк», «Эквитабл Траст», «Гаранти Траст», «Кун, Леб и К°» (а как же без него!)... В 1920-х г.г. Герберт Гувер, будучи ещё не президентом, а министром торговли, посылал в Россию большие партии продуктов, зная, что они идут *не на спасение голодающих*, а для укрепления *власти* большевиков! В 1933 г. президент Ф.Д. Рузвельт (на самом деле — Розенфельд) отбросил вовсе ненужную щепетильность и официально «признал» от имени Соединённых Штатов зверский режим большевиков. Подобным же образом поступали определённые банкиры и правительства Англии и Франции. Так обстояло дело с оплатой «русской» революции 1917 г., *оплатой, без которой революция не могла бы произойти, а иначе — удержать власть в России!*

Но одним этим, конечно, не обошлось. Для «русской», точнее — «российской» революции 1917 г. нужны были *не русские* (и даже не российские) мозги, способности и душевные энергии. Вслед за 275-ю спутниками Троцкого, в Россию в 1917—1918 г.г. поочерёдно начали поступать из той же Америки и иных мест *партии евреев* по 400, 500, 300 человек... Все они немедленно назначались на ключевые посты в партии, затем — центральных и местных органах советской власти, ЧК, армии, профсоюзов, хозяйственных учреждений, отделах культуры, просвещения, образования... В России, как мы помним, жило около половины (!) еврейского народа, рассеянного во всём мире. Зачем же потребовались ещё сотни евреев из-за границы для командных (ключевых) постов в России? Очевидно, что это были люди, *особо посвящённые* в такие тайные планы относительно России и Русского Народа, о каких не знали и не должны были знать в большинстве даже их соплеменники — российские евреи. Впрочем, из числа последних тоже было набрано немало активистов. Вместе с приезжими они все и составили правящую «элику» новой власти.

Чтобы никто не мог упрекнуть нас в бездоказательности и произвольных обобщениях, мы вынуждены привести несколько длинных пофамильных списков. Читатель может не вникать в них, если не имеет на то желания, а только «пробежать глазами», и этого будет достаточно, но может и вникнуть, проверить и уточнить.

Большевики, ехавшие с Лениным в заплombированном вагоне (начало апреля 1917 г.):

Абрамович Мая Зеликовна, Айзенбунд Меер Кивович, Арманд Инесса Фёдоровна, Гоберман Михаил Вульфович, Гребельская Фаня, Кон Елена Феликсовна, Константинович Анна Евгеньевна, Крупская Надежда Константиновна, Линде Иоган-Арнольд Иоганович, Мирингоф Илья Давидович, Мирингоф Мария Ефимовна, Морточкина Елена Сергеевна (жена Сафарова), Пейнесон Семён Гершович, Погосская Буня Хемовна (с сыном Рувином), Равич Сарра Наумовна, Радек (Собельсон) Карл Бершардович, Радомысльская Злата Эвновна, Радомысльский, он же — Зиновьев (Апфельбаум) Овсей-Гершен Ааронович, Радомысльский Стефан Овсеевич, Ривкин Залман-Бэрк Осерович, Розенблюм Давид Мордухович, Сафаров (Вольдин) Георгий Иванович, Сковно Абрам Анчилович, Слюсарева Надежда Михайловна,

Сокольников (Бриллиант) Гирш Янкелевич, Сулиашвили Давид Сократович, Усиевич Григорий Александрович, Харитонов Моисей Мотыкович, Цхакая Михаил Григорьевич.

Примерно таков же племенной состав и следующего вагона революционеров, вскоре переброшенных кайзеровским правительством Германии в Россию. Среди них — Авдеев Иван Ананьевич (с женой и сыном), Войков (Вайнер) Пинхус Лазаревич, Мартов (Цедербаум) Юлий Осипович, Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович, Шейнис Исер Хаимович, Цукерштейн Соломон Срулевич, Окуджава Владимир Степанович, Трояновский Константин Михайлович, Эренбург Илья Лазаревич и другие.

Английский журналист, корреспондент «Таймс», долгие годы работавший в России, знавший и любивший её, переживавший вместе с ней всё самое страшное лихолетье 1917—1918 г.г., автор книги «Последние дни Романовых» (Берлин, 1923) Роберт Вильтон привёл в ней поимённые (и поплеменные) списки центральных органов советской власти в 1918 г., а также данные о составе Центральных Комитетов (ЦК) всех других *российских* (!) революционных партий. У Вильтона есть ошибки. Так, он считает Луначарского русским (вероятно, ни разу его не видел в лицо), тогда как Луначарский — Хаимов. Русским называет и Ленина, тогда как тот по отцу — из угро-финнов, а по матери — еврей. Но в общем и целом сведения Вильтона достаточно точны. Итак, по его данным, **ЦК РСДРП(б)**, т.е. партии большевиков, в первый год революции: Ульянов (Ленин), Троцкий (Бронштейн), Зиновьев (Апфельбаум), Ларин (Лурье), Урицкий, Володарский, Каменев (Розенфельд), Смидович, Янкель Свердлов, Стеклов (Нахамкес), Луначарский (Хаимов), Крыленко. Итого — **12 человек**, из них 10 евреев, один полуеврей и один (!) русский.

ЦК РСДРП меньшевиков — 11 человек, *все* евреи. ЦК народных социалистов — 6 человек: 5 евреев, 1 русский. ЦК социалистов-революционеров (эсеров) правых — 15 человек: 13 евреев, 2 русских. ЦК эсеров левых — 12 человек: 10 евреев, 2 русских. Московский комитет анархистов — 5 человек: 4 еврея, один русский. ЦК партии *Польской* коммуны — 12 человек, *все евреи*. В их числе — Радек (Собельсон), Загорский (Крохмаль), Гольц (Шварц).

Как видим «пасьянс» был составлен так, что какая бы партия ни пришла к власти, эта власть всё равно оказалась в руках одной и той же силы, одного определённого народа... Все эти партии финансировались из-за границы. Но в решающий момент предпочтение было отдано большевикам. Органы их власти являют такую картину.

Совет Народных Комиссаров (Совнарком, СНК) 1918 г.:

Ленин — председатель, Чичерин — иностранные дела, русский; Луначарский — просвещение, еврей; Джугашвили (Сталин) — народности, грузин; Протийан — земледелие, армянин; Ларин (Лурье) — экономический совет, еврей; Шлихтер — снабжение, еврей; Троцкий (Бронштейн) — армия и флот, еврей; Ландер — госконтроль, еврей; Кауфман — государственные имущества, еврей; В. Шмидт — труд, еврей; Лилина (Книгиссен) — народное здравие, еврейка; Шпицберг — культы, еврей; Зиновьев (Апфельбаум) — внутренние дела, еврей; Анвельт — гигиена, еврей; Исидор Гуковский — финансы, еврей; Володарский — печать, еврей; Урицкий — выборы, еврей; И. Стейнберг — юстиция, еврей;

Фенгштейн — беженцы, еврей. Итого, *из 20-ти* наркомов — один русский, один грузин, один армянин, один полуеврей и *16 евреев*.

Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК):

Я. Свердлов — председатель, еврей; Аванесов — секретарь, армянин; Бруно, латыш; Бреслау, латыш; Бабчинский, еврей; Бухарин, русский; Вейнберг, еврей; Гайлис, еврей; Ганцбург, еврей; Данишевский, еврей; Старк, немец; Сакс, еврей; Шейнман, еврей; Эрдлинг, еврей; Ландауэр, еврей; Линдер, еврей; Волах, чех; Диманштейн, еврей; Енукидзе, грузин; Эрмент, еврей; Иоффе, еврей; Карклин, еврей; Книгиссен, еврей; Каменев (Розенфельд), еврей; Зиновьев (Апфельбаум), еврей; Крыленко, русский; Красиков, еврей; Капник, еврей; Каул, латыш; Ульянов (Ленин) полуеврей; Лацис, еврей; Ландер, еврей; Луначарский (Хаимов) еврей; Петерсон, латыш; Петерс, латыш; Радзутас, еврей; Смидович, еврей; Сосновский, еврей; Родин, еврей; Штутшка, латыш; Смильга, еврей; Стеклов (Нахамкес), еврей; Скрытник, еврей; Троцкий (Бронштейн), еврей; Тележкин, русский; Фельдман, еврей; Фрумкин, еврей; Цурюпа, малоросс; Чавчавадзе, грузин; Шейкман, еврей; Розенталь, еврей; Ашкинази, еврей; Карахан, караим; Розе, еврей; Радек (Собельсон), еврей; Шлихтер, еврей; Шиколини, еврей; Шклянский, еврей; Правдин (Левин), еврей. Итого — *62 члена*, из коих 4 русских (включая одного малоросса), 2 немца, 2 армянина, 2 грузина, 5 латышей, один полуеврей и *47 евреев*.

Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК, или ЧК), которую Р. Вильтон ошибочно называет «Московской» имея ввиду, наверное, место нахождения):

Дзержинский — председатель, полуполяк-полуеврей; Петерс — заместитель, латыш; Шкловский, еврей; Зейстин, еврей; Размирович, еврей; Кронберг, еврей; Хайкина, еврейка; Карлсон, латыш; Шауман, латыш; Леонтович, еврей; Ривкин, еврей; Антонов, русский; Делафарб, еврей; Циткин, еврей; Розкирович, еврей; Г. Свердлов, еврей; Бизенский, еврей; Блюмкин, еврей; Александрович, еврей; Модель, еврей; Рутенберг, еврей; Пинес, еврей; Сакс, еврей; Я. Гольдин, еврей; Гальперштейн, еврей; Книгиссен, еврей; Латеис, латыш (а не еврей ли — Лацис?); Дайбол, латыш; Сайсун, армянин; Дейкенен, латыш; Либерт, еврей; Фогель, немец; Закис, латыш; Шилькенкус, еврей; Янсон, латыш; Хейфис, еврей. Итого — *36 человек*, из них: 1 полуеврей, 1 немец, 1 армянин, 1 русский, 8 латышей и *24 еврея*.

Вот такой получался «интернационал» и такая «русская» выходила революция...

После «февральского» её этапа Яков Шифф прислал из США министру иностранных дел Временного Правительства П. Милюкову восторженную телеграмму, поздравлявшую в лице Милюкова *«русский народ* с деянием, только что им так блестяще совершённым». Шифф пояснял, что речь идёт о свержении «тиранической автократии, которая безжалостно преследовала наших единоверцев», т.е. евреев. Почтенный профессор истории и французский масон Милюков не менее восторженно ответил Шиффу: «Мы *едины* с вами в деле ненависти и антипатии к старому режиму: *позвольте* сохранить *наше единство* и в деле осуществления новых (?) идей *равенства*, свободы и согласия *между народами*, участвуя в *мировой* борьбе против средневековья, милитаризма и самодержавной власти, опирающейся на *божественное право* (!)... 19 марта 1917 г.

Павел Милюков.» Он, как и всё Временное Правительство, был несказанно рад подобным телеграммам (а их поступало тогда много), т.к. они являлись откликом на одно из самых первых деяний новой власти — торжественное провозглашение полного *равноправия евреев* со всеми народами России, прежде всего имея ввиду, конечно, Великорусский народ.

До чего же *глупы* всё-таки были всегда *русские* масоны (даже самых высоких степеней посвящённости)! Яков Шифф и Бнай Брит (и другие подобные лица и инстанции) *не позволили* господам Милюковым быть с собою *в единстве!* Ибо добивались они вовсе *не равноправия* Русского народа с еврейским (ишь чего захотели!), а тиранического безжалостного *господства еврейского народа над русским с целью совершенного уничтожения Русского народа!* И совсем не только и не столько из чувства *мести* за относительное неравноправное положение при «царизме» и еврейские погромы. Вожди еврейства всегда хорошо знали, что Русский народ в целом — *против погромов*, не участвует в них, а к евреям относится вполне *дружески!* Именно это обстоятельство в глазах открытых и скрытых вождей мирового еврейства было одной из *важнейших* причин, по которым Русский народ должен сгинуть с лица земли. Ибо в такой любви русских ко *всем народам*, ко всему человечеству, проистекающей прямо от их Святой *Православной Веры* (вспомним Царя, — «Мои евреи») таилась великий соблазн для *еврейского народа* — расположиться ответным добрым чувством к русским (вспомним того еврея, — «Что мне делать? Я начинаю любить Царя!»), и, что страшней всего, — потянуться к *Православию* в его *Великорусском облике, образе* (исповедании)!

Так что не Керенскому с Милюковым, а Ленину с Троцким в те же самые дни (!) тот же Яков Шифф с другими подобными тайно давали десятки миллионов долларов, фунтов, франков и рублей на второй этап революции, в результате которого всякая мысль о равноправии евреев будет отброшена и установлено прямое *господство* еврейских вождей и правителей над всей Россией, всеми её народами, и прежде всего народом Русским. Временное Правительство, таким образом, было обречено; оно использовалось именно *временно*, как условие для воцарения большевицкого правительства. «*Февраль*» *явился лишь ступенью к «Октябрю» 1917 г.!*

Когда после «Октября» одним из первых декретов сов. власть установила *уголовную* ответственность вплоть до *расстрела* за «антисемитизм» (могли расстрелять за одно словечко «жид», неосторожно сказанное в очереди за хлебом), это очень *не понравилось* лидерам мирового сионизма, и они выражали тогда своё неудовольствие по этому поводу. По их планам, евреям не должно было быть хорошо *ни в одной* отдельно взятой стране! Но так как упоение победой у «российских» евреев было слишком велико, пришлось терпеть отсутствие антисемитизма в РСФСР и СССР, пока не возникнут обстоятельства, позволяющие снова этот «антисемитизм» *организовать*.

Ведущая и главенствующая роль евреев в «русской» революции 1917 г. и во всём государстве бывшей России восхищённо подчеркивалась в 1920-х — 30-х годах множеством еврейских писателей и деятелей, вполне *признавалась* публично и Лениным, и большевиками русского происхождения. Знаменитый потом «всесоюзный староста» М.И. Калинин, к примеру, в 1926 г. говорил: «В

первые дни революции вся масса *городских* еврейских интеллигентов и полуинтеллигентов бросилась в поток революции... Большое число евреев заняли должности комиссаров, (стали) участвовать в правительстве, в армии. В ту минуту, когда значительная часть русской интеллигенции (не часть, а почти вся — прот. Л.) отстранилась, *испугавшись революции*, как раз в *эту минуту* еврейская интеллигенция влилась в революционное русло и начала работать в революционных правительственных органах». Калинина нужно всё время поправлять: не работать только, а — *возглавлять все органы власти!*

Картина, рассмотренная нами в центральных учреждениях, повторялась с незначительными вариациями и на местах. Так, в Екатеринбургском совете 1918 г. — большинство евреи. А в Пермском совете — все евреи. У Вильтона в книге приводится фотография внутреннего вида совдепа старинного русского города Перми после поспешного бегства красных. Зал, вроде клубного, в глубине — сцена, на ней стол. За столом портреты Ленина, Троцкого, К. Маркса и Свердлова (Энгельса нет: он, кажется, не еврей). *И все* транспаранты и лозунги — *на иврите*, еврейским шрифтом (хоть бы один был на русском, приличия ради) с приветствиями III-му Интернационалу. А в столе, как гласит надпись под фото, — *орудия пыток*. В широком ассортименте...

Современный бывший сов. диссидент еврей М. Бернштам в 1979 г. совершенно справедливо написал: «Наверное народ ни одной страны ни в одной революции в истории не дал *так мало* своих представителей на осуществление революции и так много на сопротивление ей», как Русский народ. Поэтому, по его мнению, нужно исключить из «научного обихода» термины «русская», а также — «рабочая» и «крестьянская» в приложении к революции 1917 г. в России. Другой его соплеменник, уехавший в Израиль писатель Герман Брановер в книге «Возвращение» (1969 г.) утверждает: «Мои братья хасиды уничтожали православных гоев». Он называет имена «братьев»: Свердлов, Каменев, Зиновьев, Каганович, Мехлис, Ягода, Берия и других. А затем как бы подводит главный итог: «Славные сыны Израиля, — Троцкий, Свердлов, Роза Люксембург, Мартов, Володарский, Литвинов вошли в историю Израиля. Может быть кто-нибудь из моих братьев спросит, что они сделали для Израиля? Я отвечу *прямо*: они непосредственно (!) или посредственно старались уничтожить наших наибольших (!) врагов — *православных гоев* (т.е. русских — прот. Л.). Вот в чём заключалась их работа. *Этим* они заслужили вечную славу!»

Может быть, это *придумывают* современные Брановеры? Увы, нет! В 1924 г. И.М. Бикерман написал в сборнике «Россия и евреи» (Берлин): «Русский человек видит его (еврея) и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы... Русский человек видит теперь еврея и *судьёй и палачом*». В 1925 г. в книге «Ныне и навеки (навсегда)» на английском языке, изданной в Нью-Йорке, известный Самуил Рот откровенно признался: «...Мы, евреи, добились (в России) свободы и *грандиозно отомстили врагам...* Где некогда мы были угнетаемы и преследуемы, там мы ныне — *гордые и безпощадные гонители*». Нужно знать, ко всему прочему, что согласно некоторым талмудическим учениям «гои», то есть неевреи, в том числе, значит, и русские — это вообще «*не люди, а животные*, которых Господь Бог создал с человеческими лицами для того, чтобы евреям не противно было принимать от них услуги». Апфельбаум (Зиновьев)

говаривал в те дни: «Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо *уничтожить*» (т.е. — 10 миллионов). В 1919 г., принимая делегацию церковно-приходских советов Москвы, Лев Бронштейн (Троцкий), когда ему сказали, что Москва «умирает с голоду», ответил: «Это не голод. Когда Тит брал Иерусалим, еврейские матери ели своих детей. Вот когда *я (!) заставлю* ваших матерей есть своих детей, тогда вы можете придти и сказать: «Мы голодаем».

И заставил. При том составе правящих большевицких органов, который мы показали, это было не так уж трудно. И во время голода в Поволжье, сознательного *усиленного* Троцким, в 1922 г., и во время страшного голода в южных областях, на Украине и Кубани в 1939 г., *организованного* специально Кагановичами, были случаи (правда очень редкие, единичные, но — были!), когда обезумевшие матери поедали своих умерших детей... В высказывании Троцкого содержится также ценнейшее откровение о том, *почему* это и многое другое в плане уничтожения Русского народа делалось. Поэтому мы потом вернёмся к этому откровению. Теперь же поглядим на внешний ход событий.

8/21 марта 1917 г. по требованию Временного Правительства Государь оставил обязанности Главнокомандующего и отбыл со свитой из Ставки в Царское Село. Представители «новой власти» и здесь лгали и обманывали, говоря, что сопровождают Царя в целях его же безопасности и в знак почёта, что всей Царской Семье будет предоставлена свобода и право выбрать место своего постоянного жительства, в частности — за границей (по желанию). И только в пути, в поезде Государю объявили, что он арестован. В тот же день 8/21 марта в Царском Селе генерал-изменник Л.Г. Корнилов арестовал Государыню и всю Семью. Вёл себя при этом плохо. Явившись во дворец чуть свет, в грубой форме *потребовал* разбудить Императрицу, а когда она вышла к нему, стал лебезить, потянулся приложиться к её руке, но не был удостоен этой чести: Государыня ему не подала руки. Теперь из Корнилова иногда хотят сделать национального героя. Но это большая ошибка — он был и до смерти остался нераскаянным республиканцем и противником Православного Русского Царства. Одна из песен корниловцев «Царь нам не кумир», перекликающаяся со словами «Интернационала» («ни Бог, ни царь, и не герой...») говорит сама за себя. Под домашним арестом в Царском Селе вся Императорская Семья пребывала до 1/14 августа 1917 г., когда Временное Правительство опять якобы для большей безопасности, т.е. опять *обманывая*, отправило узников в Сибирь, в Тобольск. Здесь в Тобольске они пребывали до 13/26 апреля 1918 г., после чего двумя группами, уже по воле большевиков, были перевезены в Екатеринбург.

Тем временем весеннее наступление в 1917 г. не состоялось. В связи с этим операции союзников против Германии весной оказались безрезультатными. Только летом, в июле «временные» попытались организовать наступление, но оно *провалилось*. Армия разлагалась теперь уже не только «демократической» масонской, но и большевицкой масонской пропагандой: «Долой войну!», «Штык — в землю!», или «Повернём оружие против помещиков и капиталистов»... Особенно постарался генерал Брусилов. При нём, когда его назначили «Верховным», Русская армия за полтора-два месяца совершенно разложилась, сделалась неуправляемой. Франция и Англия через «Великий Восток Франции»

постоянно давили на Керенского и всё его правительство, побуждая продолжить «войну до победного конца», когда *победа была уже упущена!* Она была не только возможна, но и неизбежна, если бы генеральное наступление России было начато в апреле под руководством *Государя* и при ещё *дееспособном состоянии* войск. Но после свержения Монархии и после июльского провала Россия уже не могла воевать. Это стало ясно даже российским масонам. Но одни из них, *связанные клятвой* верности «Великому Востоку» 1908 г., вынуждены были настаивать на продолжении войны, а другие, не связанные такой клятвой, откровенно говорили, подобно П. Милюкову, о необходимости срочно заключить сепаратный мир с Германией, иначе неизбежно «всевластие Ленина». Так что начались споры и разделения и внутри правительства Керенского и между ним и совдепом, который в итоге грызни между большевиками и меньшевиками, эсерами и иными, попал всё же в руки большевиков. В августе Корнилов решил покончить с большевизмом и, быть может, с явно неспособным ни на что правительством Керенского и двинулся с несколькими эшелонами на Петроград. Идея «мятежа» была в том, чтобы установить в России «сильную власть». По сговору с советами член Временного Правительства (в последнем составе — министр путей сообщения) А.В. Ливеровский (очень крупный инженер) предложил и осуществил хитроумный план разборки всего нескольких стрелок на подъездах к столице, из-за чего эшелоны Корнилова остановились. Прочее довершили большевицкие агитаторы, тут же появившиеся в корниловских частях... Так что «сильная власть» в России уже была, только не у Корнилова. Всё это, как уже говорилось, — борьба разных группировок внутри одной преступной шайки, что-то вроде пауков в банке («мухоедство», как говорил один персонаж Достоевского).

25 октября / 7 ноября 1917 г. большевики осуществили хорошо организованный захват власти. Вопреки сказке для пионеров, которую потом они создали, большевики без всякого «штурма», вполне спокойно, договорившись с командованием юнкеров и женского батальона, охранявших Зимний дворец, где сидело Временное Правительство, вошли туда и арестовали всех министров. Керенский перед этим бежал с помощью американцев из Петрограда в Гатчину (далее — за границу). Министров скоро выпустили из Петропавловки (ещё действовала масонская солидарность). Власть в России перешла фактически в руки вождей талмудического иудаизма, хотя формально, на поверхности действовала секта «пьятой великой религии» марксизма-ленинизма. Напрасно нынче, желая как бы унижить коммунистов, многие отказываются от термина «Великая Октябрьская социалистическая революция» и называют это «октябрьским переворотом». Так поначалу и сами большевики называли своё воцарение. Но это неверно. Переворот — простая перемена носителей власти, может быть с последующими реформами не коренного, не всеобъемлющего характера. То, что произошло в России с октября 1917 г., есть именно *революция*, произведшая *коренные изменения* всей жизни страны и её народов во всех отношениях, буквально опрокинувшая, разрушившая вековые устои этой жизни «*до основания*», а затем построившая нечто такое, чего никогда не бывало ни в России, ни в остальном мире. Поэтому и по размаху «преобразований», и по влиянию на обстановку в других странах и народах Октябрьская революция должна быть

названа и признана именно «Великой», но только в одном из русских значений этого слова — большая, огромная, грандиозная, а не в ином значении духовного или нравственного величия. Кошмар и ужас тоже могут быть грандиозными (великими), но, конечно, не в положительном смысле. Великая беда! А состояние войны с Германией и её союзниками продолжалось. Но, как мы видели, *при сохранении* такого состояния в 1918 г. экономику (народное хозяйство) России ожидал неминуемый крах. Что и началось. Армию сами же большевики деморализовали. Германия *к концу 1917 г.* почти полностью выдохлась тоже в экономическом отношении. Но её войска были ещё в целом управляемы. Это и позволило ей уже не просить мира у России, а *потребовать*: или мир на условиях Германского блока, или вторжение войск противника в Россию. Верный обещаниям германскому Генштабу и ещё во многом зависящий от немецких денег Ленин разыграл очень хитрую интригу среди товарищей по партии. *Якобы* из-за бурных споров по вопросу о мире, его заключение *оттягивалось* до того состояния, когда Германия смогла предъявить ультиматум с неслыханными условиями: Россия лишается всей Прибалтики (ну и Польши, разумеется), части Белоруссии, всей Украины (она становится «независимой» республикой Центральной Рады во главе с бывшим царским генералом-масоном (теперь — гетманом) Скоропадским, целиком зависимым от Германии). Россия теряет также завоевания в Закавказье и свой Батум, выплачивает Германии огромную контрибуцию. 3 марта 1918 г. в Бресте на этих условиях большевики подписали мирный договор, названный тогда же «похабным». Немецкие войска вошли во все эти территории. Но... ненадолго. Вильгельм II и его «хитрый» Генштаб радовались рано. Бнай Брит с Шиффами и Ротшильдами и Ленины с Троцкими были хитрее! В самой Германии уже была подготовлена революция, которая и разразилась в ноябре 1918 г. Это позволило Ленину тут же «аннулировать» похабный мир. Немного позже произошла подобная революция в Австро-Венгрии. Во главе немецкой революции находим до боли «знакомых»: К. Либкнехт, Р. Люксембург — евреи. «Баварская *Советская (!) Республика*» продержавшаяся несколько недель, возглавляется евреями Эйспером, Ландауэром, Толлером, Левинэ. «Венгерская Советская Республика» — с марта по август 1919 г., 133 дня, — руководится Аароном Коном (он же Бела Кун: он потом приехал в Совдепию и отличился зверствами в расправе над остатками «белых»). В Германии, как и в Австро-Венгрии *ограничились* только ликвидацией *монархической власти* (поскольку она, по словам Милюкова, «основана на Божественном праве»). Большевизация (советизация) народов этих стран не входила в планы иудео-масонства (о причинах мы скажем потом). Оно в это время разыгрывало тоже хитрейшую международную интригу. Суть её полностью соответствовала тому «меморандуму» еврейских организаций английскому правительству, о котором уже говорилось: *Россия не вошла в число стран — победительниц*. Более того, она оказалась в числе как бы даже «побеждённых»... В ней, как и в Германии и Австро-Венгрии, упразднена была монархическая власть. *Основные* христианские государства Европы перестали быть Христианскими государствами. И в значительной мере как бы по своей собственной вине, — подравшись друг с другом!.. В 1918г. Германия в народно-хозяйственном отношении была полностью истощена по той же причине, что и Россия — недопустимо высоким увеличением

военного производства за счёт мирного. Армия её тоже деморализовалась революционерами. И тем не менее Антанта (Англия, Франция, Италия) не могла справиться с ней! Понадобилось участие США на самых последних этапах войн в 1918 г. В 1919 г. был заключён окончательный Парижский мирный договор, по которому побеждённые (Германия и Австрия) лишались многих владений (Германия снова лишалась Эльзаса и Лотарингии, а также ряда колоний), значительно стеснялись в правах и возможностях на будущее. Болгария оставалась Царством: Сербия, Черногория, Македония, Словения, Босния и Герцеговина объединялись в Королевство Югославию. Итак, на поверхности — острые, до кровопролитнейшей *мировой (!)* войны, противоречия между империалистическими державами, этими «акулами империализма»! А что внутри? Советники кайзера — евреи Ратенау и Балин, как мы помним. Впрочем на Парижской (Версальской) Мирной Конференции их, как и Вильгельма, уже нет. «Фельдфебель на троне», лишившись трона, бежал (дали возможность!) в Голландию. В составе германской делегации — еврей Макс Варбург против родного брата Пола Варбурга из делегации США... *Личным секретарём* Британского премьер-министра Ллойд Джорджа был еврей Филипп Сассун из богатейших людей Англии и Европы (сэр!). *Личным секретарём* французского премьера Клемансо был еврей Жорж Мандель. Президент США В. Вильсон находился целиком под влиянием самых близких *советников* — раввина Уайза и его соплеменников миллионеров Баруха и Моргентхау. Вот *кто* уже тогда пытался, ещё не прямо, а как бы из-за кулис вершить судьбы Европы, Америки и России. Для нас вопрос в том, почему с поверженными народами Германии и Австро-Венгрии тогда не поступили также, как с народом Великорусским? Ответ только один: эти народы, давно лишённые действительного общения со Христом и сбитые с толку католицизмом и протестантизмом, не представляли такой опасности для еврейства, как исполненный Божией благодати Народ Русский с Русью Святой в своём центре и основании! Этот (такой!) народ в начале 1918 г. был ещё жив. Был жив и его Православный Царь, хотя уже находившийся в заточении...

9/22 марта 1917 г. Государь прибыл в Царское Село, став свидетелем, как *вся его свита*, озираясь по сторонам, боязливо разбегалась из вагонов кто куда. Только гофмаршал князь В.А. Долгоруков пожелал сопровождать своего арестованного монарха. Но нельзя здесь спешить с суждениями и осуждениями. То же самое произошло, когда в Гефсиманском саду был арестован Христос: «Тогда все ученики, оставив Его, бежали» (Мф.26,56), что Он Сам им и предсказал, сославшись на Священное Писание: «Все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь; ибо написано: «Поражу пастыря, и рассеются овцы стада» (Захар.13,7. Мф. 28,31). Царское Село — Тобольск — Екатеринбург — как некие ступени удаления от царства земного и одновременно приближения к Царству Небесному. Воспоминания очевидцев, личные письма и дневники членов Царской Семьи дают возможность в полной мере (до мелких деталей) воссоздать картину их жизни и настроений этого последнего трехстепенного периода. В этой картине поражает до самой глубины души очень многое! Прежде всего, наверное,— полное отсутствие у Царственных узников какого-нибудь страха за свою судьбу, уныния, отчаяния или *панического желания* непременно бежать из-под стражи,

спасти любой ценой... Все они живут и ведут себя в заточении так, будто ничего особенного с ними и не произошло! Как всегда, как обычно с детьми ведутся занятия. Только за отсутствием учителей, преподавание основных предметов берут на себя Родители. Отец-Государь преподаёт историю и географию. Мать-Государыня — Закон Божий, швейцарец Пьер Жильяр — французский язык, англичанин Сидней Гиббс — английский. Эти два иностранца оказались преданы Царской Семье, как мало кто из русских. Они сопровождали её всюду, до Екатеринбурга, и готовы были умереть вместе с Царственными Мучениками, но большевики их насильно разлучили с Царской Семьей перед её убийством. Жильяр потом за границей издал замечательную книгу своих воспоминаний о 13-ти годах жизни при Царском Дворе, женился на А.А. Теглевой, няне Царских детей. А Гиббс, потрясённый подвигом Царской Семьи, принял Православие, монашество (!) и скончался в сане архимандрита *Русской* Православной Церкви. Как всегда, внутри Семьи царят полное единодушие, жизнерадостное настроение. Часто вместе работают — убирают снег, строят ледяные горки, пилят и рубят дрова, подметают двор, возделывают огород и всё это с большим удовольствием. По вечерам читают. Разное. И светскую литературу, и Священное Писание, и другие духовные книги. Чаше всего читает вслух Государь, остальные, занимаясь рукоделием, слушают. В Тобольске ставят домашние спектакли, — три французских пьески, одну английскую и «Медведь» А.П. Чехова, где Смирнова играл Государь, Попову — Великая Княжна Ольга, Луку — Великая Княжна Мария... Иногда играли в карты, иные игры. Комиссар Временного Правительства, приставленный к узникам в Тобольске, Панкратов (эсер, отсидевший за политическое убийство длительный срок, из интеллигентов) однажды зашёл в караульное помещение и увидел Государя с сыном, сидящих в кругу солдат. Государь играл в шашки со своими охранниками и при этом весело с ними беседовал. Он сделал Панкратову знак присоединиться и сесть к столу. Но тот от удивления не нашёлся что сказать, только посмотрел непонимающими глазами сквозь очки и вышел. Простота, радушие и дружелюбное отношение Царской Семьи ко *всем* окружающим производили поразительные действия. Даже в Екатеринбурге, где Узников охраняли уже совершенно большевистские настроенные солдаты, происходило почти чудо постепенного перевоспитания этих солдат. Поначалу распропагандированные и соответственно настроенные чекистами-евреями, солдаты издевались и хамили. Могли своей ложкой залезть в тарелку кого-либо из Великих Княжён, доставая что-нибудь со стола толкнуть в голову Государя, сквернословили, в туалете разрисовывали стены похабщиной и матерными словами. А потом всё более и более как бы «приходили в себя» и, видя невозмутимое спокойствие и простоту в обращении с ними Царя и его Семьи, начинали вести себя всё скромней, одёргивали своих ещё «ретивых» товарищей... Так что перед убийством этот караул из русских красноармейцев чекисты решили всё-таки *убрать* подальше.

В Екатеринбурге домашних спектаклей уже не было. Здесь наступил последний этап жизни Царской Семьи, когда она духовно готовилась к исходу из тьмы этой жизни в свет вечной жизни Царства Небесного...

Царственные узники вполне понимали своё положение, в частности и то, в чьих руках они находятся. В письмо к сестре Ксении Александровне от 5 нояб-

ря 1917 г. Государь вложил особую записку, где без всяких пояснений своей рукой написал следующее: «Ленин — Ульянов (Цедерблум), Стеклов — Нахамкес, Зиновьев — Апфельбаум, Троцкий — Бронштейн, Каменев — Розенфельд, Горев — Гольдман, Меховский — Гольденберг, Мартов — Цедербаум, Суханов — Гиммер, Загорский — Крахман, Мешковский — Голлендер». Этим лаконичным перечнем Царь *срывает* маску с тех, кто прятался за русскими фамилиями, как и за спиной Русского народа, и за словами и понятиями о «русской» или «российской» революции. Государь перечисляет отнюдь не членов официального большевицкого «правительства», пришедшего к власти в октябре 1917 г. К примеру, в списке значится Мартов — глава «меньшевиков» и непримиримый *политический* противник Ленина (хотя в прошлом друг). Значит, Государь указывает на нечто более глубинное и серьёзное — на те силы, тот *народ, который теперь воцарился над Народом Русским*. В этой записке, кажется, есть одна ошибка: фамилия Ленина — Цедерблум. Возможно, кто-то сообщил Царю неточные данные. А может быть, мы и по сей день не всё знаем об этом лысом «вожде»? 20 марта 1918 г. Государыня пишет, что они в Тобольске получили от З. Меншted книгу Нилуса «Великое в малом». «И я с интересом читаю её», — добавляет Царица. Эта книга, как уже говорилось, — разоблачение всемирного иудео-масонского заговора против человечества, с текстом Протоколов сионских мудрецов. Следовательно, по крайней мере, весной 1918 г. в Тобольске Царская Семья *вполне узнала и поняла*, что происходит в мире и в России в первую очередь! Но напрасно мы стали бы искать хоть какого-нибудь выражения *ненависти и неприязни* к еврейству у Царственных узников, хоть одного слова *проклятия* в их сторону! *Нет таких слов, нет таких настроений!*

Зато есть грустные наблюдения над особенностями и состоянием определённой *части* Русского народа, той, что пошла на поводу у революции. Эти наблюдения имеют для нашего исследования *души* Великороссии чрезвычайное значение. Но мы должны заранее предупредить, что понятие «народ», «характер» в этих наблюдениях употребляются в узком значении — явлений наиболее заметных в наиболее повреждённой *части* народа (как, например, в выражениях вроде — «народ нынче пошёл глупый»), а не относятся ко всей России. В уже упомянутом письме 5 ноября 1917 г. Государь, имея в виду солдат, вынужденных подчиняться «новым порядкам», замечает: «*Бедные, сбитые* с толку люди». В письме от 7 января 1918 г. в связи с раздорами в солдатской же среде по поводу снятия погон, он говорит: «Всюду происходит та же самая история — *два—три скверных коновода* мутят и ведут за собой *всех остальных*» (выделено нами — прот. Л.). Кто именно были «ковоидами» всей революции в глазах Царя, мы уже видели. Более пространно, чем крайне сдержанный (как всегда!) Государь, пишет Государыня: «*Психология массы — страшная вещь*, — говорит она 29 мая 1917 г. — *Наш народ уж очень некультурен, — оттого, как стадо баранов, идут за волной. Но дать им понять, что обмануты, — всё может пойти по иному пути. Способный народ, но серый, ничего не понимает.*» Через некоторое время, 9 января 1918 г. Царица замечает: «Странность в русском характере — человек скоро делается гадким, плохим, жестоким, безрассудным, но и *одинаково быстро* он может стать другим: это называется — *безхарактерность*. В сущности — *большие, тёмные дети*». Но вот, в минуту

духовного подъёма Государыня пишет в письме А. Вырубовой 13 марта 1918 г.: **«Потерпи, родная страна, и получишь венец славы. Награда за все страдания. Бывает, чувствую близость Бога, непонятная тишина и свет сияет в душе... Боже, как я свою Родину, люблю со всеми её недостатками! Ближе и дороже она мне, чем многое, и ежедневно славлю Творца, что нас оставил здесь (в России — прот. Л.) и не отослал дальше. Верь народу, душка, он силен и молод, как воск в руках. Плохие руки схватили,— и тьма и анархия царствуют; но грядет Царь Славы и спасёт, подкрепит, умудрит *сокрушённый, обманутый народ*».** Мы помним также, что 20 декабря 1917 г. Государыня говорила в письме той же своей подруге о любви к России, «несмотря на все ужасы теперь и на все согрешения», и добавляла очень важное: **«Но ведь это не вся страна!»**. Далеко не вся, даже совсем не вся, как мы сейчас увидим. Но пока отметим, что во всех приведённых высказываниях сквозит горячее желание и объяснить для себя происходящее, и как бы оправдать ту *часть* Русского народа, которая «сбита с толку», идёт за «скверными коноводами» по причине своей некультурности, стадности, темноты, детскости, склонности к резким колебаниям от зла к добру (безхарактерности), податливости, как воск, влияниям... Мы знаем и многократно видели, что все эти черты и особенности, действительно присущи были искони — но только именно тёмной, некультурной, «мечтательной» или «потерявшейся» *части* народа и при этом части очень *незначительной* и совсем *не определяющей* в Русском Народе! **«Не вся страна».**

В те же самые дни в заточении, в Тобольске, буквально пред глазами Царской Семьи являлась «страна», Великороссия подлинная, настоящая! Верующие жители Тобольска, пренебрегая опасностью, стремились приблизиться к Узникам каждый раз, когда те ходили в церковь одни на раннюю обедню, куда народ не допускался. Они издали кланялись Царской Семье, крестились, осеяли Семью крестными знаменами. Узнав о стеснённом денежном положении заточённых, люди невозможными путями ухитрились передавать им продукты, деньги, сладости. У бывшего губернаторского дома, где пребывала Царская Семья, проходящие снимали шапки, становились на колени, молились и кланялись на дом. Это начало сразу же обретать (и обретало) характер *массового народного молитвенного* — не воинственного! — *собрания*, так что по словам П. Жильяра, охранникам пришлось «принимать особые меры», чтобы не допускать скопления людей у дома губернатора... Это уже — не безхарактерность, не колебания, не темнота; здесь — *Русь твёрдая и неколебимая в Православии, в любви к своему Царю!* Здесь, в сущности, та же истинная Великороссия, что в Сарове в 1903 г. Царственные Узники здесь часто вспоминали тот Саров, преп. Серафима, имели его икону, молились ему. Как и святителю Иоанну (Максимовичу) Тобольскому, прославленному согласно Царскому указу в 1916 г.! Его святые мощи покоились в Тобольском соборе, куда Царскую Семью не пускали. К немалому удивлению Узников, архиепископом Тобольским на то время оказался владыка Гермоген. Тот самый, что боролся с Распутиным, в связи с этим допускал даже выпады против Царской Семьи, Синода, за что по изволению Государя был удалён из Петербурга. Теперь, в 1917 — начале 1918 г.г., в Тобольске, владыка Гермоген, многое переосмысливший, стал первым другом и тёплым молитвенником Царственных страстотерпцев! В апреле 1918 г.

произошло следующее. В связи с полученным благословением Св. Патриарха Тихона устроить по всей России крестные ходы с молитвами о спасении Отечества, стали готовить такой ход и верующие Тобольска. Местные большевики **запретили** крестный ход, пригрозив Гермогену **арестом**. Об этом *все узнали* и в назначенный день сойдясь на архиерейское богослужение, с волнением ждали, как поступит Гермоген. Служба кончилась. И вот — земля загудела от звона колоколов и владыка с духовенством пошли на крестный ход. За ними — весь народ! С пением «Спаси, Господи, люди твоя...» дошли до того места стены Тобольского Кремля (на возвышенности) откуда был хорошо виден губернаторский дом, расположенный ниже, в окнах его видны были Их Величества и Августейшие Дети. Начали служить молебн. В конце Гермоген подошёл к самому краю стены и, возвышаясь как бы над всем городом, большим деревянным крестом, высоко его поднимая, осенил губернаторский дом, благословив Царскую Семью! 20 апреля Владыку арестовали. В тюрьме он написал трогательное письмо Их Величествам, прося прощения за прошлое и называя их «многострадальным Святым семейством». 16 июня 1918 г., после истязаний и издевательств, большевики привязали на шею владыке Гермогену двухпудовый камень и утопили в р. Туре (с борта парохода «Петроград» против села Покровского — родины Г.Е. Распутина, где стоял и его дом). Вот так поступала, так вела себя и так погибала в те дни Русь Святая, Великороссия подлинная — подавляющее **большинство (!) Русского Народа**. И не только в Тобольске, а в самых разных (во всех!) местах России.

Это видели, чувствовали, об этом узнавали Царственные страстотерпцы и это придавало им сил и надежды.

Об общем состоянии их Государыня свидетельствует: «Он (Император) прямо поразителен — такая крепость духа, хотя бесконечно страдает за страну, но поражаюсь, глядя на Него. Все остальные Члены Семьи — такие храбрые и хорошие и никогда не жалуются — такие, как бы Господь и наш друг хотели бы. Маленький (Алексей Николаевич) — ангел».

Никто из них, действительно, не жаловался. ***От Царской Семьи не изошло ни одного слова протеста, или жалобы на свое положение, или просьбы о пощаде, или призыва к своей или мировой «общественности» спасти себя или даже — Россию. Ни одного!***

Все они верили, точнее — очень **хотели верить (!)**, что Смута ненадолго, что Господь избавит от неё Россию. В письме 24 января 1918 г. Император писал: «Я не допускаю мысли, что те ужасы, бедствия и позор, которые окружают нас всех, продолжались долго. Я твёрдо верю, ... что Господь умилосердится над Россиею и умирит страсти в конце концов». ***То же самое*** выражают в письмах постоянно и Государыня и Царские Дочери. Но Государь к приведённым словам делает такое добавление: ***«Да будет Его Святая Воля»***. Чуть позже, в годовщину своего отречения, 2 марта 1918 г. Царь записывает в дневнике: «Сколько ещё времени будет наша несчастная родина терзаема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше ***терпеть нет сил***, даже не знаешь, на что надеяться, чего ждать? А всё-таки, никто, как Бог». И снова тут же добавляет: ***«Да будет Его Святая Воля»***. Что-то очень знакомое в этих добавлениях! Ну конечно же, — знаменитая

Гефсиманская молитва Спасителя, Господа Иисуса Христа в канун Крестных страданий: *«Отче! О, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет»* (Лк. 22, 42 и Мф. 26, 36-46; Мк. 14, 32-42).

Вот здесь — и весь «секрет» состояния и поведения *Царя, Его Семьи* в 1917—1918 г.г. и состояния и поведения *всей Великороссии* в те же годы и в последующие!

Осторожно начинает высказываться о будущем России и Государыня. В одном из писем 13 февраля 1918 г. она выражается даже так: «...Верим, Родина молодая перенесёт эту страшную болезнь и весь организм окрепнет, но если **так** (то есть крушением и бедой — прот. Л.) всё кончится, **тогда через несколько лет будет новая война...**» Никак не связывая это со своим подлинным **пророчеством** о новой войне, Царица тогда же оставляет всем во свидетельство и знак, под которым эта война потом придёт,— свастику! Она начинает помечать ею письма в Тобольске, называя это «своим знаком», затем изображает свастику в Екатеринбурге на стене комнаты, где жила Царская Семья. В личном сознании Государыни, одно время интересовавшейся «мистической» литературой, свастика — это знак **счастья**, счастливого избавления от бед, жизни. Не будучи углублённой в оккультизм и тем паче не будучи посвящённой в масонство, она, как и многие наивные, не знает, что свастика имеет очень страшное значение. Это весьма древний знак, распространённый буквально на всех континентах в разных народах, независимо друг от друга, связанный непременно с магией и имевший разные толкования: вечного движения, солнца, жизни, счастья (удачи) и т.п. Но не случайно свастика была одним из излюбленных символов **диавольских культов**, в том числе — еврейской Каббалы, откуда она перекечевала в масонство и стала одним из символов **Временного Правительства** 1917 г., изображавшего её на некоторых денежных купюрах. Дело в том, что прямое, визуальное, значение свастики — это нарочито **переломанный** во всех четырёх концах **крест** (а иногда, как у «временных», а потом и у фашистов,— **опрокинутый** на бок). Это символ **ненависти диавола ко Кресту** Христову (о Кресте диавол знал, естественно, гораздо раньше, чем могли знать люди) и поэтому символ **борьбы со Христом**, символ **антихристианства**. Как сознательно антихристианская сатанинская ветвь масонства, германский фашизм избрал свастику своей главной эмблемой. Для немецких «профанов» она трактовалась как древний арийский знак (так же трактуется она теперь и некоторыми русскими горе-патриотами). Всего этого Государыня не знала. Но знал Господь, тайноводивший её. По Его смотрению Царица и показала, под каким знаком придёт возмездие за Цареубийство на большевицкий СССР в «новой войне». И на её первую родину — Германию тоже! Ибо эта «новая война» разорит и её и на **полвека** разделит немецкий народ пополам...

Но тогда, в 1918 г. Царская Семья ещё надеялась, что всё может кончиться хорошо и с Россией, и с ними. Надежда, как мы видим, не была слепой и всецелой. Она чередовалась с сомнениями, сопровождалась и предположениями самого худшего. Поначалу Царственные узники были почти уверены, что их отправят в Англию, «к своим», как выражалась Государыня. Временное Правительство, действительно обсуждало этот вопрос с англичанами. Но Царская Семья, кажется, при жизни, так и не узнала, что «свои» её предали. «Свои» — это прежде всего

король Англии Георг V-й, двоюродный брат (кузен) Государя Николая II, с которым они, как две капли воды, были похожи (на общих фотографиях их почти нельзя различить), который часто пользовался широким и искренним гостеприимством Царской Семьи в России, делившей с ним трапезу и воздававшей ему должные почести и родственную любовь. А. Керенский и английский премьер-министр Ллойд Джордж, и министр иностранных дел лорд А. Бальфур, и даже заговорщик — посол Бьюкенен (!) полагали возможным и достойным выходом из положения перемещение Царской Семьи в Англию и уже хлопотали в этом направлении. Каково же было их удивление, когда, они натолкнулись на противодействия ... английского короля! Рядом письменных указаний он запретил приезд своего свергнутого родственника с Семьёй в Англию. «Из всего, что он (Георг) слышит и читает в прессе, явствует, что пребывание в стране (Англии) бывшего императора и его супруги вызвало бы серьёзное недовольство общественности и скомпрометировало бы короля и королеву», говорилось в последнем из «указаний». Если поверить Георгу V-му, что его в самом деле пугало «недовольство общественности», то и в таком случае его действия достаточно подлы. Но не в этом было дело. Масон высокой посвящённости Георг V сознательно предавал своего кузена с семьёй на злодейское убийство, т.к. к этому они были *приговорены* тайным «братством», которому служил и которого не мог послушаться английский король.

Почти одновременно с известиями о Брестском мире, пришедшими к Царской Семье 19 марта 1918 г., которые она встретила с возмущением и великой скорбью, пришли и слухи о том, будто Германия требует, чтобы Царская Семья была передана ей «целой и невредимой». Государь воскликнул: «Если это не предпринято для того, чтобы Меня дискредитировать, то это *оскорбление* для меня!» А Государыня тихо сказала: «После того, что они сделали с Государем, я предпочитаю *умереть в России*, нежели быть спасённой немцами», — свидетельствует П. Жильяр.

Была ещё одна надежда на освобождение силами отечественных монархистов. Однако все попытки нескольких созданных для этой цели организаций и отдельных преданных офицеров потерпели неудачу, в основном из-за провокаторов и обманщиков. Но вот в середине марта, примерно с 16 по 25-е число (ст. ст.) сложилась обстановка исключительно удобная для *побега* Царской Семьи. Большевицки настроенные солдаты охраны сместили комиссара Временного Правительства Панкратова, а новый комиссар от большевиков ещё не прибыл. «Было бы легко, — пишет Жильяр, — при соучастии полковника Кобылинского (начальника караула), заранее склонённого в нашу пользу, обмануть наглый и в то же время небрежный надзор наших стражей. Было бы достаточно нескольких энергичных людей, которые действовали бы снаружи по определённом плану и решительно». Судя по всему, такие люди *были*, и с ними тайно связывались Долгоруков, Татищев, Жильяр. Ибо последний продолжает свою дневниковую запись 17 марта так: «Мы неоднократно (!) настаивали перед Государем, чтобы *держаться наготове* на случай всяких возможностей. Он ставит *два условия*, которые сильно осложняют дело: он не допускает ни того, чтобы Семья была *разлучена*, ни того, чтобы мы покинули территорию Российской Империи». Пока шли обсуждения этих «осложняющих» условий,

во время чего Царица и Дочери с местным диаконом овладевали искусством **церковного пения** и вся Семья готовилась к **Причастию**, 26 марта появились уже отряды красногвардейцев и, по словам Жильяра, была «отнята **последняя** возможность побега».

Итак, Государь и Его Семья **принципиально не были против побега** (тем паче, что их уже тяготила «жгучая тревога, растущая со дня на день»), но не **любой ценой**, не так, чтобы только спасти жизнь во что бы то ни стало! Они и здесь положили всё на волю Божию и предпочли более готовиться ко Святому Причащению в грядущую первую субботу Великого поста, чем лихорадочно суетиться о своём побеге... Господь исполнил желание их сердец: 23 марта в Чистую субботу они причастились. Вот ещё один, пожалуй, самый яркий по отчётливости и наглядности образчик духовного выбора Русского Царя и его Семьи в самый решающий момент, когда речь шла буквально — **о личной жизни и смерти!** Они выбрали **жизнь**, но — какую? **Вечную!** Приобщившись ей через таинство принятия Тела и Крови Иисуса Христа. И лишились последней возможности спасти жизнь земную, временную...

С такой духовной высоты особенно отчётливо виделась сущность всего происходящего. Выражая мнение всей Семьи, Царица писала 29 мая 1917 г. : «Как тяжело читать газеты... Где мы? Куда дошли?... Сколько гадостей о Нём (Государе) пишут: слабоумие и т. д.... Всё хорошее забыто. Когда про Меня гадости пишут — пускай, это давно начали травить. Мне всё равно теперь, а что Его оклеветали, грязь бросают на Помазанника Божия, это чересчур тяжело. Многострадальный Иов. Лишь Господь его ценит и наградит за Его **кротость**. Как сильно внутри страдает, видя разруху. Это никто не видит. Разве будет другим показывать, что внутри делается, ведь страшно свою Родину любит... В людей, Вы знаете, я почти не верю, но зато всем существом — в Бога и всё, что случится, не отнимет эту веру. **Не понимаю, но знаю**, что Он (Бог)... всё к лучшему творит. Люди стали всё хуже и хуже. Содом и Гоморра в столице, а на фронте?... Мало лучше в городах, за это — наказание и много из тех уже пострадали. **Все, которые — из хороших, но глупых и смешных — всё ругали и осуждали, видят, какую кашу заварили, а теперь боятся, что крестьяне всё у них отнимают**, что кажется им несправедливо... потому что сильно больно. **Для души это полезно**». Как видим речь идёт о **российском дворянстве**. Императрица без всякого злорадства видит в отнятии имений и богатств у него справедливое и полезное для души дворян **последствие смехотворной глупости этого в целом хорошего сословия!** Прекрасное подведение исторического **итога** всей «оппозиционной» настроенности дворянства! В самом деле, что может быть глупее и смешнее, чем более ста лет свысока поругивать Царя и «царизм», либеральничать и сочувствовать революции, а потом обижаться, что она отнимает поместья и вообще — всё (вплоть до Родины!)... В то же время Государыня (да и все члены Царской Семьи) стараются духовно, морально поддержать всех страдающих от революции родных, близких, знакомых. Находясь сами в заточении, у порога смерти! И даже, при крайней скудности личных средств и возможностей, тайком от охраны, некоторым оказывают и чисто материальную помощь продуктами и деньгами!

Молодому верному *офицеру* корнету С.В. Маркову, жаждущему *сражаться* за Царя и Отечество, Государыня советует думать о... Царстве Небесном: «Впереди есть Свет и радость, *тишина и награда* за все страдания и мучения... Помните жизнь и страдания Спасителя, и Ваша жизнь покажется Вам не так черна, как думали. Цель одна у нас, *туда* мы все стремимся, *да поможем мы друг другу дорогу найти*». Другому, уже немолодому *боевому офицеру* А.В. Сыроболярскому, Царица говорит: «Полезны тяжёлые испытания, они готовят нас *к другой жизни, в далёкий путь*. ... Очень много Евангелие и Библию читаю. И каждый раз находишь новое и лучше понимаешь. У меня много таких хороших книг, всегда выписываю из них. Там никакой фальши. Вы когда-нибудь читали письма Иоанна Златоуста диакониссе Олимпиаде?... Такая глубина в них...». Таковы, между прочим, *настоящие* русские офицеры и *настоящая* русская Царица!

В заточении вся Царская Семья с особым вниманием читает духовные книги и прилежит к духовно-молитвенному подвигу. Государь *для себя* читает углублённо Ветхий Завет, жития святых (св. Николая Мирликийского), творения св. отцов Церкви. Почти то же — Царица и Дети. Государыне особенно по душе сочинения Григория Нисского, Аввы Дорофея, Серафима Саровского, Иоанна Златоуста. Сохранились духовные книги, бывшие в Царской Семье в заточении, до самой кончины в Екатеринбурге. Вот их перечень: Библия, «Лествица» Иоанна Лествичника, «О терпении скорбей» — учение св. отцов; «Молитвослов», «Правило ко святому Причащению», «Благодеяния Богоматери человеческому роду через Её святые иконы», «Часослов», «Письма о христианской жизни», «Житие Симеона Верхотурского», «Житие преп. Серафима Саровского», «Акафист Богородице», «Двенадцать Евангелий», «Моя жизнь во Христе» Иоанна Кронштадтского, «Утешение в смерти близких сердцу», «Сборник благоговейных чтений на все дни года» Валуева, «Беседы о страданиях Филарета (Милостивого)», «Канон Великий Андрея Критского», «Сборник служб, молитв и песнопений». Это то, с чем Узники не расставались, возили с собой.

Молитвенно-духовный подвиг Членов Царской Семьи, конечно, большей частью остаётся для нас тайной. Но из нескольких беглых замечаний Государыни в письмах видно, что *она начала заниматься высшей духовной «наукой»* — деланием по чёткам молитвы Иисусовой — «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную». Иногда добавлялось: «— и спаси Россию!» (письма 23 января и 19 марта 1918 г.) *Сомкнулся некий таинственный круг!* То, что было исстари сокровенным, потаённым как бы «сердцем» или самым центром духовного делания Святой Руси, то, на что некоторые Российские Самодержцы XVIII в. замахнулись с целью уничтожить, что потом, в конце XVIII — начале XIX столетий привело к новому подъёму, подлинному возрождению Великороссии — *дивная наука «умно-сердечной молитвы»*, становится предметом делания Российской Императрицы *чисто западного немецко-английского*, по крови, происхождения! Что же это?! Это то, что в лице Государыни Александры Фёдоровны «тёмный Запад» в одном из лучших своих проявлений *просветляется Русским Святоотеческим Православием!* И в то как раз время, когда западники — русские, по крови, окончательно отпадают от него! Дивна дела Твоя, Господи! Вся премудростию сотворил еси!

Предсмертные слова Иоанна Златоуста: «Слава Богу за всё!» начинают всё чаще повторяться в разных вариантах, всеми Членами Царской Семьи. Всё чаще их духовный взор обращается к ожиданию неминуемого исхода из этой жизни. Даже у самого младшего — Цесаревича Алексея Николаевича вырывается: «Если будут убивать, только бы не мучили». Великая княжна Ольга Николаевна, а затем и Государыня 11 января 1918 г. переписывают теперь уже знаменитое стихотворение поэта С.С. Бехтеева «Молитва» (которое одно время приписывалось перу самой Ольги Николаевны):

«Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей...
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кратко за врагов».

Эти строки точно соответствовали настроению всех Членов Царской Семьи. Мысль о радости Царства Небесного и утешении там за все скорби, одновременно с помыслом о страданиях Христа Спасителя и Его победном Воскресении из мертвых постоянно встречается в письмах Царицы и Царевен, становится всё более сильной, живой, что говорит об искренней устремлённости сердец. Эта устремлённость, наконец, достигает такой духовной высоты, какая может быть свойственна только *святым*! 2 марта 1918 г. Государыня пишет: «...Жизнь — суета, *все(!)* готовимся в Царство Небесное. Тогда ничего страшного нет. Всё можно у человека отнять, но душу никто не может, хотя диавол (стережёт) человека на каждом шагу, хитрый он, но мы должны крепко бороться против него: он лучше нас знает наши слабости и пользуется этим. Но наше дело быть на стороже, не спать, а воевать. Вся жизнь — борьба, а то не было бы подвига и награды. ... Делают люди тебе зло, а ты принимай без ропота. Он (Бог) пошлёт ангела, утешителя Своего. Никогда мы не одни, Он Вездесущий-Всезнающий-Сам любовь. Как же Ему не верить. Солнце ярко светит. Хотя мир грешит, и мы грешим, тьма и зло царствуют, но солнце правды воссияет, только глаза открывать, двери сердца держать отпертыми, чтобы лучи того солнца в себя принимать. Ведь мы Его любим... и знаем, что «так и надо»... Школа великая. Господи, помоги тем, кто не вмещает любви Божией в ожесточённых сердцах, которые видят только всё плохое — и не стараются понять, что пройдёт всё это; не может быть иначе. *Спаситель пришёл, показал нам пример. Кто по Его пути, следом любви и страдания идёт, понимает всё величие Царства Небесного*». 20-го марта у неё вырывается из самой глубины души: «Дух свободен. Господь ему хозяин; душа так полна, так живо трепещет от близости Бога, который невидимо окружает Своим присутствием. Как будто все угодники Божии особенно близки, и незримо готовят душу к встрече Спасителя мира. *Жених грядет, приготовимся Его встретить*: отбросим грязные одежды и мирскую пыль, очистим тело и душу. Подальше от суеты — всё суета в мире. Откроем двери души для

принятия Жениха...» Примерно в те же дни Царевна Ольга Николаевна через одного верного монархиста передала по просьбе Государя записку для всех остальных, где, в частности, говорилось: «Отец просит передать всем тем, кто Ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они *не мстили за Него*, так как *Он всех простил* и за всех молится, и чтобы *не мстили за себя*, и чтобы помнили, что зло, которое сейчас в мире, *будет ещё сильнее*, но что не зло победит зло, а только любовь...» (выделено везде нами — прот. Л).

Эти слова — *духовное завещание Царя Мученика всем настоящим русским, даже до сего дня.*

Тем временем, по сведениям Троцкого, полученным им от Свердлова, Ленин настаивал на убийстве Царской Семьи. Янкель Мовшевич Свердлов разрабатывал план этого злодеяния со своим другом Шаей Исааковичем Голощёкиным — военным комиссаром и главой ЧК Уральской области. К делу, естественно, были привлечены другие местные большевицкие начальники — Янкель Изидорович Вайсбарт (Белобородов), пред. исполкома Уралсовета; Александр Мебиус — нач. рев. штаба; Янкель Хаимович Юровский — комиссар юстиции и член ЧК; Пинхус Лазаревич Вайнер (он же — Пётр Войков), будущий дипломат, застреленный в Варшаве русским патриотом Б.Ковердой в 1925 г.) — комиссар снабжения Уральской обл. (и также помощник Юровского) и Сафаров, второй помощник того же чекиста. Царская Семья уже в полном составе находилась в Екатеринбурге в бывшем доме инженера-предпринимателя Ипатьева («Дом особого назначения»). Потом постоянно будет отмечаться, что Династия Романовых, начавшая правление Россией с Ипатьевского монастыря, закончила — в подвале Ипатьевского дома... Вместе с Царственными узниками в этом доме были оставлены из всей многочисленной свиты и прислуги только лейб-медик (генерал) доктор Евгений Сергеевич Боткин, комнатная девушка Царицы Анна Степановна Демидова, лакей Алексей Егорович Трупп и повар Иван Михайлович Харитонов. Перед этим в Екатеринбурге от Царской Семьи были взяты и в разное время того же 1918 г. расстреляны генерал-адъютант Илья Леонидович Татищев, предок коего В.Н. Татищев основал в 1721 году г. Екатеринбург, переименованный затем в Екатеринбург († около 7 мая), гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков (апрель 1918), графиня Анастасия Васильевна Гендрикова и гофлектриса (учительница русского языка Государыни) Екатерина Адольфовна Шнейдер (убиты обе возле Перми 22 августа). С ними вместе на расстрел вели камердинера Царицы А.А. Волкова, но в последний момент ему удалось бежать. 1 июня были убиты также два балтийских матроса императорской яхты «Штандарт» — Климентий Григорьевич Нагорный («дядька» Наследника) и Иван Дмитриевич Седнев (лакей Великих Княжён). Остальным верным слугам и друзьям, *добровольно* последовавшим в заточение с Царской Семьёй, среди которых — доктор В.Н. Деревенко с семьёй (его сын Коля — ровесник Цесаревича был другом и собеседником последнего), Т.И. Чемодуров (камердинер Государя), Мария Густавовна Тутельберг (камер-юнгфера Государыни), поварской ученик Лёня Седнев (племянник Седнева), А.А. Теглева (няня Царских детей), Терехов (кухонный служитель), — случайно, то есть чудом Божиим удалось остаться в живых. Так же спаслись, как уже говорилось, иностранцы Пьер

Жильяр и Сидней Гиббс. Последний, принимая много лет спустя монашество в лоне Русской Зарубежной Церкви, получил имя *Алексий* — в честь своего святого ученика — Цесаревича Алексея... Ещё в Тобольске Царская Семья была вынуждена из-за скудности средств, уволить десять человек верной прислуги, которые также остались живы.

1/14 июля 1918 г. в «доме особого назначения», по просьбе Государя, разрешили послужить обедницу (домашней церкви не было и литургия не могла быть совершена). Служить пришли протоиерей Екатерининского собора о. Иоанн Сторожев и диакон Буймиров, ранее уже служившие такую же службу здесь. *Впервые* Царственные узники не пели за богослужением, но молились молча, словно предчувствуя что-то. По чину обедницы в положенном месте нужно было прочесть: «Со святыми упокой...» Диакон по ошибке *запел* это песнопение. Отец Иоанн, решил его не перебивать, чтобы не портить службу, и тоже стал петь. В этот момент они увидели, как вся Царская Семья опустилась на колени, как бы принимая погребальное напутствие.

В тот же самый день 1/14 числа из Москвы вернулся Шая Голощёкин, привезший инструкции Свердлова, согласованные с Лениным. В тот же день, точнее — в ночь состоялось тайное собрание руководителей убийства, выработавшее «Протокол», помеченный грифом «Весьма секретно». В нём говорилось, что «собрание единогласно постановило ликвидировать бывшего Царя Николая Романова и его семью, а также находящихся при ней служащих. ... Привести настоящее решение в исполнение не позднее 18 июля 1918 г., причём ответственность за исполнение поручить тов. Юровскому — члену Чрезвычайной Комиссии». О причинах и мотивах ничего не говорится. Протокол подписан Белобородовым, Голощёкиным и Мебиусом. Он лжив, как и всё, что делали большевики. Этот «Протокол» отпечатан на бланке Президиума Уральского областного *Совета* рабочих и солдатских депутатов, но содержит решение собрания Исполкома коммунистической *партии* Урала и Военно-революционного комитета, т.е. к Совету не имеет отношения, кроме того, что в собрании участвует его Председатель Белобородов-Вайсбарт. Уралсовет и даже его президиум *ничего не знали*.

Как уже говорилось, караул обычных красногвардейцев был удалён. Отряд рабочих, также несших здесь охрану, был выведен из дома и поставлен в наружное оцепление. В дом Ипатьева были введены три члена местной ЧК — С. Ваганов, П. Медведев, Никулин, а также семь человек из «интернационального» полка, состоявшего в основном из примкнувших к революции бывших военнопленных венгров из австрийской армии. Этими венграми были: Горват (или Хорват) Лаонс, Анзельм Фишер, Изидор Эдельштейн, Эмиль Фекете, Имре Надь, Виктор Гринфельд и Андреас Вергази. Собственно, венгров здесь, как видим, пожалуй, только четыре. Всем этим соединённым подразделением из 10 человек командовал 11-й — Юровский.

2/15 июля всё шло, в общем, как всегда. Приходили четыре женщины-уборщицы мыть полы и Великие Княжны помогали им, двигая мебель и весело разговаривая между собой.

3/16 июля был тоже обычным днём. Государь и дети немного погуляли во дворе. Вечером легли спать. Сразу после полуночи Юровский разбудил всех Членов Царской Семьи и их спутников и сказал, что в связи с приближением белых войск (Колчака) ему приказано перевести Семью в «безопасное место». Все встали, умылись, оделись. После чего Юровский с Никулиным и Медведевым появились на 2-м этаже дома, где находилась Царская Семья и повели её вниз, к выходу. У выхода Юровский вдруг свернул в боковую, полуподвальную комнату, куда предложил войти всем, якобы для того, чтобы подождать пока подадут автомобили. Царская Семья была спокойна. Царь нёс на руках своего сына, т.к. пред тем у него был ушиб и в очередной раз мучили боли, связанные с его болезнью. Государыня чувствовала себя тоже неважно из-за болезни сердца. Государь попросил три стула. Их принесли. На один села Государыня, на другие сели Государь и Алексей Николаевич, которого отец обнимал рукой. Снаружи раздался рокот автомобильного мотора (грузовика «фиат»). Так в этой небольшой глухой комнате оказались Государь Император, Государыня Императрица, Наследник Цесаревич, Царские дочери Великие Княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, а также их верные слуги: Боткин, Демидова, Харитонов, Трупп. Всего 11 человек. Убийц было тоже 11.

В 1 час 15 минут ночи на 17-е июля (по н. ст.) 1918 г. Юровский с прочими вошёл внутрь комнаты и приблизился к Государю. Достав из кармана какую-то бумажку (возможно копию того самого «Протокола»), он сказал, что все узники должны быть расстреляны. Царь успел встать, изумлённо произнести: «Что, что?!» и сделать движение к Юровскому. Государыня и одна из дочерей успели перекреститься — и тут началась стрельба из наганов в упор!.. Юровский лично застрелил Царя и Наследника. За две-три минуты были сделаны около 70-ти выстрелов. Комната наполнилась пороховым дымом. Но сразу не все умерли. Стонала Анастасия Николаевна, её докололи штыками, металась, защищаясь подушками А. Демидова, её тоже кололи штыками сквозь подушки, и кровавый пух, смешавшись с дымом, заполнил всё... Была убита и собачка В.К. Анастасии «Джимми». Кровь обильно текла по полу, образуя лужи. В этот момент подъехали Голощёкин, Белобородов, Войков и Мебиус. Юровский с Войковым в лужах крови, занялись тщательным осмотром убитых, с которых тут же снимали драгоценности (цепочки с крестиками, кольца, браслеты, серьги). Затем тела погрузили на «Фиат» и повезли ночью за 15 вёрст от Екатеринбурга к Исетским заводам в урочище «Четырёх братьев», что близ деревни Коптяки, к заброшенным шахтам, известным под именем «Ганина яма». Там несколько тел расчленили и пытались сжечь огнём и заранее заготовленной серной кислотой. Остатки сбрасывали в шахту, куда потом летели гранаты. Был день памяти св. благоверного Князя Андрея Боголюбского, *первого* собственно Великорусского Самодержца, принявшего *мученическую* смерть от рук заговорщиков...

Указанные и многие другие детали злодейства были установлены белыми после взятия ими Екатеринбурга 12/25 июля 1918 г. Особенно тщательным было расследование следователя по особым поручениям Н.А. Соколова под общим руководством генерала М.К. Дитерихса. В наши дни к этому добавились

ещё немаловажные детали. Были как будто обнаружены останки Государя, Государыни и трёх дочерей, их не сожгли, а захоронили под дорогой на Коптяки. Сама история этого обнаружения во многом загадочна, детали её противоречивы, как и вновь найденные свидетельства очевидцев, во всём этом специалисты ещё долго будут разбираться. Но появились основания думать, что *головы* Членов Царской Семьи (по крайней мере — Царя и Царицы) были тогда же *отделены* от мёртвых тел и привезены в Москву. Затем, превращённые в черепа, они до 1987 г. хранились в каких-то тайниках ЦК КПСС и были *подложены* к обнаруженным под полотном дороги останкам. Для чего могли быть нужны коммунистам эти головы? Для удостоверения Ленину и Свердлову в совершении убийства? Допустим. Но зачем потом нужно было хранить черепа? Некоторые не без оснований полагают, что — для ритуально-магических действий (в частности — предсказаний). Мы ещё не всё знаем о том, *что* такое КПСС. Как бы там ни было, а новые данные ещё раз подтвердили главное: *все Члены Царской Семьи были убиты в ту ночь с 16 на 17 июля 1918 г.*

Это приходится подчеркнуть в связи с тем, что и тогда, и теперь возникали и возникают легенды и мифы, оформленные иногда под некую «документальность», о том, что Царская Семья или вообще не была расстреляна, и тайно вывезена за границу (или даже — в Сухуми!) или, что был расстрелян один Государь, а остальных вывезли... Иногда эти сказки имеют добрую подоплёку (простым людям не хочется верить, что Царя и Семью его убили), а чаще — это злонамеренные провокационные сведения, чтобы сбить с толку дело о престолонаследии и создать почву для самозванчества. Самозванцы уже и были. Была некая Чайковская, выдавшая себя за В.К. Анастасию Николаевну, был некий Голеневский («чудом спасшийся Цесаревич Алексей»), ныне живет в Мадриде человек, утверждающий, не моргая глазами, что он — сын одной из Великих Княжён, т.к. расстрелян был-де один лишь Царь, а Царица и Дети спокойно жили за границей до самой старости... Все эти и подобные басни давно и основательно, по деталям, опровергнуты и разоблачены исследователями-знатоками дела. Мы добавим от себя только одно соображение. Нужно знать (хотя бы по документам, по письмам) сильный взрывной характер Государыни, очень живые, деятельные и безстрашные характеры Великих Княжён Ольги и Татьяны (да и Марии с Анастасией тоже!), чтобы с совершенной и полной уверенностью утверждать, что ни в России, ни тем более за границей, они никогда не стали бы жить «тихо», *лишь бы жить*, то есть влачить в неизвестности дни своего земного существования *лишь бы как-нибудь довлачить* их до «естественного конца»...

Самозванчество и различные сказки о «чудесном спасении» *отчасти* были обусловлены большевицкой ложью. Ибо, получив по телеграфу *точные* данные о расстреле Царской Семьи, Свердлов, тем не менее, выступил тогда же с сообщением, что расстрелян только Царь, а Семья его отправлена в «безопасное место». Врали не только народу, миру, врали своей же партии! Потом признали: убита вся Семья, но это сделали какие-то эсеры, вопреки правительству (было даже показное судилище над этими «эсерами»). Лишь утвердившись у власти, сознались полностью: расстреляли всех по приговору и решению советской власти на Урале. Но и тут соврали! Уралсовет *только 18 июля*, «задним числом» (поставленный перед свершившимся фактом) принял фальшивое «постановление» о

ликвидации Царя и его Семьи якобы по причине приближения белых. Причина совершенно лживая, т.к. Царственных Узников вполне могли бы отправить куда-нибудь в центр при приближении Колчака к Екатеринбургу. Большевикам уже нельзя было верить ни в чём. Книга Р. Вильтона об убийстве Царской Семьи вышла только в 1920 г., книги Соколова и Дитерихса — ещё позднее, в 1922 г. Но и им не хотели верить, да и не все могли прочитать эти книги...

На стене комнаты, где произошло злодеяние, была обнаружена надпись на немецком языке — строчка из поэта-еврея Гейне: «В эту ночь Балтазар был убит своими слугами». А на подоконнике, прямо против места, где стоял в последние секунды Государь, чернилами были сделаны *каббалистические* надписи: «1918 года»: «148467878р»; «87888». Кроме того, на стене, на обоях была сделана и ещё одна загадочная надпись, состоящая из четырёх знаков, начертанных размашисто, как бы бегло и наспех, и напоминающих буквы древних алфавитов. Нам она напоминает почему-то слово «Иисус», как если бы его спешным росчерком именно набросать, «черкнуть» на стене, но мы не настаиваем на верности этого впечатления. Этим знакам — буквам дают более сложные и, возможно, обоснованные толкования. Полагают, что это буквы древнееврейского, самаритянского и греческого алфавитов, употреблявшиеся некогда «иллюминатами» и иными посвящёнными в еврейскую Каббалу и тайные «науки», и означают они духовное «сердце» («Главу»), «Главу» народную и «Главу» политическую. Две приведённые цифровые надписи, по толкованию знатока оккультных (тайных) символов француза Энея, означают: *«Здесь, по приказу тайных сил, Царь был принесён в жертву для разрушения Государства. О сем извещаются все народы»*. Надписи эти приписываются неизвестному, приехавшему после убийства из Москвы человеку «с чёрной, как смоль, бородой», судя по всему, очень высокопоставленному. Сомнений быть не может в одном: всё это написал кто-то из высоко (глубоко) «посвящённых» в глубины сатанинской религии и церкви. Значит, *убийство было не только и не просто политическим, оно было ритуальным*, как это и предусматривалось изображением на известной нам картинке 1912 г..

Через день, 18 июля, в праздник преп. Сергея Радонежского, в г. Алапаевске на Урале (140 км к северу от Екатеринбурга) было совершено другое злодейское убийство Членов Императорской фамилии. Здесь в 12 верстах от города сначала выстрелом из револьвера в голову был убит Великий Князь Сергей Михайлович, а затем живыми брошены в шахту «Нижняя Селимская» Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна (сестра Императрицы), Князь Иоанн Константинович, собиравшийся стать священником (его жена, Сербская королева Елена Петровна, лишь случайно осталась в живых), Князь Константин Константинович, Игорь Константинович, Владимир Павлович) Палей (поэт), келейница Елизаветы Фёдоровны монахиня Варвара, Фёдор Михайлович Ремез (управляющий делами Сергея Михайловича). Туда же сбросили труп убитого Великого Князя и всех сверху забросали гранатами. Но не все сразу погибли. Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна делала перевязку раненому Иоанну Константиновичу, долго пела церковные песнопения и это дивное пение из-под земли слышали местные крестьяне...

До этого 31 мая/13 июня в Перми, точнее — тоже под Пермью, был убит Великий Князь Михаил Александрович, брат Государя, получивший от него

Престол Государства Российского. С ним погиб и его верный секретарь англичанин Н.Н. Джонсон. 14/29 января 1919 г. в Петрограде в Петропавловской крепости были расстреляны другие Члены Императорской Фамилии, оказавшиеся в руках большевиков: Великие Князья Павел Александрович, Дмитрий Константинович, Николай Михайлович и Георгий Михайлович. Их убили, как «заложников» за убийство в Германии (!) «вождей немецкой революции» евреев К. Либкнехта и Розы Люксембург (Гольдман).

Иным Членам Царского Дома и их родственникам удалось выехать за границу. В их числе были Августейшая Мать Государя Николая II Мария Фёдоровна (она, как принцесса Датская вернулась в Королевский Дом Дании), Великий Князь Николай Николаевич Младший, Великий Князь Кирилл Владимирович с семьёй (у него в Финляндии 30 августа 1917 г. родился сын — Великий Князь Владимир Кириллович; все затем переехали во Францию). Основные Лица Императорской Фамилии, имевшие законное право на престолонаследие, были уничтожены. Такое право сохранилось только за той «веточкой» Дома Романовых, что была представлена Кириллом Владимировичем.

«Революцию в белых перчатках не делают», — любил говорить Ленин. Какие уж тут перчатки, тем паче — белые! Революцию делали так.

В ноябре 1917 г. в Царском Селе зверски замучили протоиерея Иоанна Кочурова за то, что попытался словом призвать вооружённых революционеров не злодействовать. 84-х летнего старца протоиерея Петра Скипетрова 1 февраля 1918 г. застрелили в упор на паперти собора Александро-Невской Лавры в Петрограде за то, что с крестом в руках пытался удержать отряд большевиков, ломившийся в храм. 15 февраля того же года в Туле расстреляли крестный ход (!) — 13 убитых, епископ ранен (впоследствии погиб). В апреле 1918 г. священника Иоанна Краснова сожгли живьём в паровой топке близ станицы Должанской на Кубани за то, что — «поп». Там же в станице Незамаевской в Пасхальную ночь 1918 г. священнику Иоанну Пригоровскому выкололи глаза, отрезали уши и язык и ещё живого закопали в навозной яме. В том же 1918 г. в Харькове оскальпировали, а затем обезглавили 75-летнего архимандрита Родиона. В том же Харькове в те же дни священника Гавриила Маковского зарубили шашкой за то, что порицал злодеяния. Его жена пришла просить выдать ей тело погибшего; ей перерубили руки и ноги, искололи грудь, потом убили. Одного священника связали вместе с сыном и обварили паром парового котла, затем сожгли в топке. На глазах у другого сперва изнасиловали его жену, потом обоих убили. Архимандрита Вениамина сожгли в его избе близ Архангельска. В Петрограде «крестили» группу монахов, утопив в проруби на Неве. Там же живьём закопали на Смоленском кладбище 40 священников, «в честь» 40 мучеников Севастийских (один из особо почитаемых в народе праздников). Одному священнику сказали: «Ты людей причащал, — и мы тебя причастим», — и застрелили в рот. В том же 1918 г. Митрополита Киевского Владимира (Богоявленского) вывели за ограду Печерской Лавры и застрелили. Епископа Гермогена Тобольского, как мы уже знаем, утопили. Так же утопили епископа Феофана (Ильинского), расстреляли епископа Ефрема Селенгинского. Одного замучили на глазах у его детей, у другого на глазах убили его детей... Третьего распяли, прибив гвоздями к Царским вратам в церкви. Особенно любили обтягивать

голову жертвы дратвой и с помощью палки закручивать дратву, пока не лопнет череп... Хулиганы из «еврейской интеллигенции» громко требовали запретить Святое Причастие, как «колдовской обряд». За один только 1918 г. — тысячи и тысячи замученных и убитых; среди них — архиереи, священники, монахи, про-сфорницы, церковные певчие, уборщицы, просто верующие люди... И всё это *до* объявления «красного террора» в сентябре 1918 г.

Хотя речь о Церкви и церковных делах в советский период у нас пойдёт осо-бо, мы здесь привели примеры зверств по отношению только к «церковникам» не случайно. Они особенно отчётливо показывают, что *с самого начала* большевицкая (то есть еврейская) власть повела зверские расправы с беззащитным и не сопротивляющимся Русским народом, прежде всего, с самым главным в нём — с Православной Церковью. А ведь зима-весна 1918 г. — это тот период времени, который Ленин назвал «триумфальным шествием советской власти». Почему, в самом деле, это шествие, то есть учреждение органов сов. власти по городам и сёлам России, было «триумфальным»? Потому, что «новой власти» *не сопротивлялись*, не учреждали никаких других органов другой власти. Но уж отнюдь не потому, что сов. власть любили и хотели её установления! Казни-мые без всяких причин и без суда нередко *благословляли* своих убийц и *молились* за них. Так, большевицкая молодёжь в одном месте ворвалась в дом иеромонаха. Его били, глумились над ним, потом, повалив на пол, стали прыгать на нём и отбили все внутренности. Умирая через день, он всё повторял: «Господи, про-сти ребяток тех!» В ином месте взяли группу девиц-инокинь и повезли на рас-стрел, избивая по дороге плетями. А девушки только улыбались и пели духов-ные песни. Так и умерли с улыбкой и песней, что привело палачей в изрядное недоумение. Но сторонние свидетели потом со страхом рассказывали, что ви-дели, как некая большая птица *в виде голубя* распростёрла над инокинями кры-лья, и удары плетей приходились по крыльям, а не по девушкам... Однажды, отряд русских красноармейцев отказался расстреливать архиерея, осенившего их благословением, пришлось вызывать отряд *китайцев*. Да, своих *русских* не-годяев, которые конечно же были (!), органам ЧК все-таки *не хватало!* Для самых страшных злодейств использовали негодяев еврейского, польского, ла-тышского, китайского, татарского, венгерского происхождения. В Мензелинске «красные» вошли в женский монастырь и во время литургии с клироса взяли Игумению Ангелину. Она, зная о том, что ей грозит, пред этим уже пребывала в духовном *веселье*, а в момент ареста, сияя невыразимой *радостью*, прости-лась с сёстрами и вышла из храма. Когда запели «Милость мира, жертву хвале-ния», раздался залп. Матушку Игумению расстреляли у стен монастырского собора. Та же *духовная радость*, как мы помним, владела сердцами Царской Семьи накануне их мученической кончины.

Так восприняла свою Голгофу и так принимала на ней смерть Русь Святая!

Глядя на неё, по её примеру, так же старалась принимать смерть и *вся Велико-россия*. С тою, быть может, разницей, что здесь редкие поднимались до радос-ти, а *большой частью* умирали в молитвенном молчании, просто. И нет, не слыш-но случаев, чтобы умирали с озлоблением, с *проклятиями* или руганью в а-дрес убийц! А когда в народе иные спрашивали: «*За что* такие казни и беды?!», другие отвечали просто и твёрдо: «*За грехи наши*». Начался Великий Исход

Святой Руси, Великой России в Небо, ко Господу, в тот *Новый Иерусалим*, образом которого она себя искони сознавала и который почитала вожделенной *целью* своего земного существования. Ныне в испытании как бы огненным, страшном, последнем, испытывалось, действительно ли всё это так? Оказалось, — да, так! Умевшая в этой жизни достойно жить, Великороссия достойно, в молитвенном молчании, а то и с радостью духовной, принимала в ней смерть, чтобы воскреснуть для жизни вечной в Царстве Небесном! В *этом* было главное, а вовсе не в «пассивности» или «трусости», или «корыстолюбии» Русского народа, как теперь многие думают, пытаюсь объяснить, почему народ в большинстве *не взялся* за «дубину» и не принял участия в Гражданской войне.

Ибо явились удалые и смелые, взялись за оружие и началась Гражданская война. В ней нужно ясно различать два несовпадающих, несовместимых начала, — искренний, *патриотический порыв подлинно героических простых русских офицеров и солдат и изменническое масонское руководство Белым движением*. Есть прекрасная икона Новомучеников и исповедников Российских, созданная в 1981 г. недавно почившим художником Н. Папковым. В центре — изображение всех основных «кликов» Новомучеников во главе с Царской Семьёй. А по краям («ковчегу») иконы соответственно древней иконописной традиции идут «клейма» — миниатюры, изображающие разные виды казней, пыток, страданий и бед Русского народа в период большевицкого господства. В верхнем центральном «клейме» изображено столкновение «красной» и «белой» конницы (Гражданская война!). У «красных» — своё, *красное знамя*, а у «белых» — знамени нет! Это очень точно! Все белые хорошо знали *против* кого и против чего они воюют, но совершенно не знали *за* кого и *за* что! Их руководство было не монархическим, а *республиканским* (или не поймёшь — каким). Большевики потом говорили, что, если бы белые выдвинули лозунг «кулацкого Царя» (так сатанисты называли Царя Русского), то советская власть не продержалась бы и нескольких месяцев. В этом есть немалая доля правды. Хотя всё зависело от того, *когда* должен был быть выдвинут такой «лозунг». Ибо, как верно замечают некоторые, после того, как не стало Николая II, уже никто из уцелевших Членов Дома Романовых не смог бы занять в той обстановке его места (ни по личным качествам, ни по силе всеобщей народной привязанности и любви). Но всё же очень важно знать, почему белые не попытались призвать народ под знамя возрождения Православной Самодержавной Монархии, возрождения Великой России как Третьего Рима или Нового Иерусалима, как понимал его, Патриарх Никон в XVII в., и как понимал его Николай II в веке XX-м? Во-первых, потому, что во главе Белого движения стали или масоны-изменники, вроде генералов Алексеева и Корнилова, или, хотя и честные, талантливые патриоты, вроде адмирала Колчака и генерала Врангеля, но сильно замороженные масонской пропагандой. Вот список лишь самых видных и самых знаменитых масонов в Белом движении. Н.Д. Авксентьев, правый эсер, министр Внутренних дел в одном из «кабинетов» Керенского, затем — глава «Уфимской директории», с 1919г. — глава «Союза возрождения» в Одессе; М.В. Алексеев, генерал, хорошо нам знакомый, член «Военной ложи», глава всего Белого движения в 1918 г.; Винавер Максим Моисеевич, член ЦК партии кадетов, депутат Думы и член Временного Правительства, член масонского «Верховного совета наро-

дов России» и *министр иностранных дел Крымского правительства* в 1918 г.; И.В. Воронович, друг Корнилова, затем — в рядах «зелёных» на Северном Кавказе; В.В. Вырубов, сподвижник Духонина; И.Н. Головин, академик Генштаба, сподвижник *генерала Врангеля*; Н.С. Долгополов, народный социалист, *министр здравоохранения в правительстве Деникина*; князь П.Д. Долгоруков, член ЦК кадетов, участник Белого движения; В.Ф. Зеелер, *министр внутренних дел у Деникина*; Лев Афанасьевич Кроль, член масонского Конвента (в 1916 г.), затем — член Пермского правительства белых; Соломон Самуилович Крым (он же — Нейман), кадет, член Думы, *глава Крымского правительства* в 1918 г.; Л.Г. Корнилов, генерал, глава Добровольческой армии, погиб в 1918г.; В.И. Лебедев, одно время Морской министр Керенского, член *Уфимского совещания*; Е.Ф. Роговский, зам. председателя того же совещания; Марк Львович Слоним, эсер, член «Уфимской директории»; М.М. Фёдоров, кадет, член Думы, глава «Национального центра» Юга России в 1919 г.; Н.В. Чайковский, эсер, председатель белого правительства в Архангельске в 1918 г., затем — член «Уфимской директории». А за ними — великое множество масонов мелких, малоизвестных, как в числе штатских, так и в офицерском корпусе. И подобная картина, подобная компания — и у Юденича, и у Колчака, и у Деникина, и у Врангеля.

О масонах в *большевицкой* среде мы уже говорили. Напомним основные имена: Троцкий, Луначарский, Радек, Скворцов-Степанов, Красин, Бокий, Середа, Чичерин, Зиновьев, Каменев. Говорят, по предложению Троцкого древняя масонская пентаграмма — пятиконечная звезда, стала символом советской власти. Её можно встретить во лбу известного Бафомета — идола тамплиеров (идол изображал козла с человеческим женским торсом, сидящего на земном шаре). Пентаграмма на низших уровнях символических соответствий означает «раскрепощённого человека» и иногда изображается с вписанной в неё фигурой голого мужчины, растопырившего руки и ноги, так что особенно ясно виден фаллос. Это знак «освобождения» от послушания Божию нравственному закону, Его заповедям — эмблема «гуманизма», революций, демократии и «прогресса» во всём мире. Визуально пентаграмма — это совмещённые наконечники стрел — орудия смерти. На более глубоких уровнях символики она может иметь ещё более страшные значения (так, в перевёрнутом виде — это *знак дьявола с рогами*). Столь же страшен смысл иной эмблемы Совдепии — серпа и молота. Для «профанов» — это знак союза рабочего класса с крестьянством. Народ живо окрестил это иначе: «Серп и молот — смерть и голод». Почти точно, ибо серп, коса, как орудия жатвы, с древности являлись символами *смерти*. Молоток — излюбленная масонская эмблема, имеющая много значений. Одно из них — *вколачивание* нужных идей в сознание «масс».

Кроме масонов — членов партии, у большевиков с самого начала подвизаются ряд масонов — бывших генералов (Поливанов, Брусилов, Маниковский, Ломоносов, Джунковский и т.д.), а также штатских деятелей Февральской революции — Н.В. Некрасов (бывший министр Временного Правительства, а при большевиках, по содействию Дзержинского, крупный деятель советской кооперации, председатель Центросоюза), М.И. Скобелев (также бывший министр, а потом пред. концессионального комитета РСФСР, он даже вступил

в партию), историк П.Е. Щёголев, (уже известный нам составитель поддельных «воспоминаний» А. Вырубовой), писатель С.Д. Мстиславский (директор советского «Дома учёных»), юрист Н.Д. Соколов (не путать с И.А. Соколовым), автор знаменитого «Приказа № 1» по армии, юрисконсульт сов. правительства, А. Мануйлов (бывший ректор МГУ, при большевиках — один из руководителей Госбанка) и т.д. Не хватает только главного «вождя», Ленина. Но вот выясняется, что одним из первых его деяний как нового правителя, явилось выделение крупной суммы денег (через Красина) на ремонт здания («храма!») «Великого Востока Франции» на ул. Каде в Париже и дальнейшая денежная поддержка этого старейшего масонского центра! Эти данные недавно опубликованы современным историком О. Платоновым, обнаружившим их в рассекречиваемых архивах.

Но есть *общий* список русских масонов (далеко не полный!), опубликованный признанным знатоком вопроса Н. Свитковым в 1932 г. и переизданный с изменениями и дополнениями в 1964 г. другим исследователем — В.Д. Мержевским. В этом списке **В. И. Ульянов (Ленин) вместе** — с Гучковым, Керенским, Алексеевым, Корниловым, Рузским, Троцким, Зиновьевым, Луначарским, Рябушинским, Терещенко, Коноваловым, царскими министрами, дипломатами, генералами, аферистами, «мокрых дел мастерами», некоторыми рюриковичами, гедиминовичами, блестящими офицерами Лейб-гвардии Их Императорских Величеств полков и т.д. Кажется, это единственный документ, свидетельствующий о принадлежности Ленина к масонству. И хотя без этого давно было видно по самим деяниям и «духу», что Ленин является посвящённым масоном-сатанистом очень высокого «градуса» (степени), его прямая принадлежность к масонству давно и тщательно *скрывалась* как им самим, его партией, так и иностранными масонами (не выгодно, с разных точек зрения!). В этом нет ничего странного, с масонской точки зрения. Примеры такого «отмежевания» мы уже не раз встречали (вспомнить, хотя бы П. Милюкова).

Таким образом, широкая *масонская сеть* была накинута и на «красных» и на «белых» одновременно! «Куда ни кинь — всюду клин!» Можно обмануть многих, но не всех. Русский Народ почувствовал, увидел как бы сердцем положение вещей и потому в большинстве не пошёл ни за красными, ни за белыми, хотя, конечно, симпатий было несравненно больше на стороне белых (всё же не «звери» и не богохульники!). Но только симпатиями всё в основном и ограничивалось, т.к. белые *не могли* предложить Русскому Народу *главного* — *восстановления Православного Самодержавного Царства* Российского как Третьего Рима и Нового Иерусалима!

Среди белых Юденича и Колчака, Деникина и Врангеля вращались идеи и конституционной монархии, и республики. Белые идеологи и агитаторы могли предлагать народу жалкий *лепет* об Учредительном собрании, «воле народа», могли пользоваться более близкими сердцу, но смутными и неясными понятиями, — «Россия», «Отечество», «вера», «хорошая жизнь», но не могли точно объяснить, *какую* Россию, *какую* веру они имеют в виду. Православная Церковь у белых весьма почиталась и даже ценилась, но лишь постольку, поскольку она была как бы непременным *атрибутом*, принадлежностью «прежней России». Быть в *подслушании* у Церкви белые вожди и не собирались! Скорей, она, Церковь, должна была слушаться их (по-петровски!) и быть их орудием. С таким жиденьким,

смутным (а то и *мутным*) духовно-идейным «зарядом» белые могли привлечь к активному участию в войне только очень немногих и немногое. Так что, взглянув налево, на «красных», посмотрев и направо, на «белых», Русский Народ духовно увидел то же, что увидел и Царь,— зло воцаряется в мире по *Божью поущению и смотрению*. Поэтому, поскольку в этих (*в таких*) условиях *достойно* (!) выжить и жить невозможно, нужно суметь *достойно умереть*. И Русский Народ, водимый ещё живою тогда Святою Русью, глядя на своего Царя, *пошёл умирать, на Голгофу, вместе со своим Православным Царём и вслед за ним!* Поэтому вся главная надежда белых была возложена на... *инострannую помощь!*

До чего же всё-таки знаменательно то, что *и революция, и контрреволюция* в России опираются не на собственный народ, не на внутренние силы России, а на Запад, на его силы финансовые, политические (и даже — военные), тогда как власть царская три года вела Мировую войну исключительно *своими* силами! Помощь союзников в практическом выражении была ничтожным ручейком в сравнении с рекой потребностей!

Делая *вид* верности своим политическим (и масонским!) обязательствам, Антанта послала некоторое количество войск в охваченную Гражданской войной Россию. Но, как выяснилось, не для того, чтобы действительно *драться* и действительно общими силами *свергнуть большевиков*, а лишь символически, как бы только для присутствия, и на всякий случай,— не удастся ли урвать от России что-нибудь для себя... При этом Антанта (и её масонские организации) *требовали* от белых решительного *отказа от «монархических идей»*, от попыток восстановить в России царскую власть! Только — нечто конституционное или прямо республиканское! Заманиваемые *обещаниями* военной и финансовой поддержки Антанты, белые *ещё и поэтому* не решились бросить «лозунг» Православия, Самодержавия, Народности! А «союзники» белых ещё и потому *не воевали* как следует против советской власти, что их масонские вожди, в частности Великий Восток Франции, (уже получавшие деньги от Ленина!) знали, что более «старшие» братья из Бнай Брит сделали ставку не на белых, а *на красных*, на Ленина, на еврейское господство над Русским Народом!

Так на корню, в самом зародыше *Белое движение было обречено*, что не лишает, разумеется, *чести и славы* его искренних воинов, даже самую этой обречённостью *сообщает их подвигу особое величие и глубину!*

В Гражданской войне, по данным современного историка писателя В. Кожина (наиболее достоверным) погибло с обеих сторон около 2-х миллионов человек. Большею частью — русские. Жертвы революции и красного террора 1917—1926 г.г. составили 20 миллионов человек. Стихийный, но умышленно не прекращённый голод в Поволжье 1921—1922 г.г., а также страшный искусственно устроенный коммунистами голод 1932—1933 г.г. унесли ещё в общей сложности *13 миллионов*. Одна лишь «коллективизация» 1929—1933 г.г. выселила с исконных мест до *15—20 миллионов* крестьян, большей частью русских; более половины их погибли в невыносимых условиях Сибири и Севера, были сразу убиты 4 миллиона. Считается, что только в тюрьмах и концлагерях в 1930—1940-х. годах погибло около *50 миллионов* человек. Выселялись, бросались в тюрьмы и лагеря, расстреливались и замучивались не

только политические противники большевиков — кулаки, «белобандиты» и всякие там «бывшие». Прежде всего так или иначе уничтожались люди, *действительно* верующие, *действительно* духовные, или люди знающие и понимающие, то есть *лучшая часть, ядро Русского Народа* и его коренной основы — *православного христианства*. По некоторым данным с 1917 г. по 1970-е годы в общей сложности (считая всех погибших в лагерях и ссылках) было уничтожено «не менее *100 миллионов* людей — мученических жертв XX века» («Православный Путь», 1993г., с.175).

Выживать в таких условиях могли, в основном, *только приспособленцы*, те, кто готов был (хоть на словах, формально) *отрекаться* и от Бога, и от Церкви, иногда и от своих родителей (и так приходилось!), то есть люди, для которых *превыше* всех истин, принципов и ценностей было простое *самосохранение*. А это значит — оставалась самая *нелучшая* часть народа, его как бы «отходы». Они подвергались тут же мощной идейно-психологической обработке и «перевоспитанию». *Дети* после Октября 1917 г. уже не получали церковного и духовного образования. Первое время это восполнялось духовным просвещением в семьях, но потом, с середины 1920-х годов, начало резко скудеть и оно. Поколения 20-х — 30-х годов уже повсюду обрабатывались *атеистической* пропагандой. Но они, по инерции, ещё сохраняли в душе начатки таких качеств, как совесть, долг, честность, милосердие и т.п., правда часто не имея никакого представления, откуда берутся такие качества в душе человеческой, не зная, что они — от Бога. В последующих поколениях этих приспособленцев и атеистов совесть и иные качества, естественно, всё более *иссыкали*, пока к нашим дням не исчезли полностью. В «Отечественной войне» 1941—1945 г.г. потеряно со стороны России не 20 миллионов, как считалось раньше, а по новым данным, примерно 63 миллиона (— самые дееспособные и боеспособные!). Большей частью — это *русские*. Если мысленно сложить все эти количества потерь, то, хотя и невозможно выделить в них число собственно *Великорусского* народа, — всё равно становится очевидной страшная истина: к 1945 г. *подавляющее большинство прежней Великороссии, Русского Народа, лучшая часть, духовное его ядро или «сердце», прежде всего — вся Святая Русь, было физически уничтожено. И всего за 28 лет — это половина жизни одного поколения!*

И тогда, в мае 1945 г. Сталин возгласил свой знаменитый тост «За русский народ!». Никто не мог понять, в чём дело. Неужто сатанист и интернационалист в самом деле поклонился Русскому Народу?! Нет, Сталин знал, что «Пирровым» характером победы ему удалось *доверить* начатое иудео-масонами с 1917 г. дело *истребления* Великорусского народа, то есть что *Русского Народа больше нет!* Он пил за здоровье покойника. То, что оставалось, и ещё по привычке (а также в издёвку) называлось «русскими», на деле *в подавляющем большинстве Русским Православным Народом уже не было*. Родившиеся в 1930-х годах вступали в жизнь большей частью уже — атеистами. Этническая же принадлежность, по крови, а также — территориальная, как мы помним, для *Русского Народа* издревле значили очень мало или совсем — *ничего!*

Великороссия как Историческая Личность, как Народ-Церковь Господа Иисуса Христа была распята на исторической Голгофе, подобно тому, как был распят возлюбленный ею от всего сердца Господь Христос! В историческом времени Великороссии, Русского Народа в России не стало.

Глава 35.

ЦАРСТВО ЛЖИ

С первых же дней после Октября 1917 г. началось великое, грандиозное разрушение всей русской государственности, всех её структур и учреждений, а также всех основ и традиций общественной, городской, сельской жизни, самого образа и характера веками сложившихся *отношений* между людьми. Взамен этого сразу же возникали новые учреждения, чаще всего настолько уродливые и непригодные, что их потом сто раз приходилось переделывать. Главнейшим в этом разрушении внешних структур и основ жизни было *упразднение частной собственности*, начавшееся с «национализации» банков, крупной промышленности, землевладения и т.д. Идея проста: частная собственность делает личность, обладающую ей, *относительно независимой* от высшей, верховной власти, а большевикам нужно было поставить в *полную* от себя *зависимость* и каждую человеческую личность и всех людей, объединённых в «массы», по «коллективам». Идея — старая, как мир. Впервые с особой яркостью она явила себя в строительстве древней Вавилонской башни и города при ней, как *общежития строителей*. Неврод — «исполин, ловец» (душ человеческих) — был первым коммунистическим «вождём и учителем *человечества*», т.к. ему удалось увлечь идеей строительства «города и башни до неба» большинство тогдашнего рода людского. Собранные вместе на поле Сеннаар в Месопотамии люди никакой частной собственности естественно не имели, получая необходимое для жизни «централизованным» путём от «мастеров»-организаторов и руководителей строительства, подчинённых Невроду. Это могло быть достигнуто только общественным разделением труда: кто-то занимался непосредственно строительными работами, кто-то сельскохозяйственными и иными, чтобы обеспечить продуктами питания и всем прочим, нужным для жизни, тех, кто строил, и самих себя. При таком порядке вещей все и каждый попадали в полную зависимость от руководителей во главе с Невродом. Вот это-то принцип «организации труда» и «общества» сохранился во всех «коммунистических» учениях, как древних, так и средневековых, у социалистов-утопистов, вроде Томаса Мора, или Томазо Кампанеллы. Такой принцип организации «масс» как нельзя более удобен для господства над ними любых диаволопоклонников, почему он и предусмотрен во всех их тайных и явных учениях. Мы помним, как этот принцип, полученный от рыцарских орденов (тамплиерского типа) тайнознаний, попытался осуществить на Руси Иван Грозный, уничтожая крупную земельную частную собственность на территории опричных земель.

Тогда Русь этого, естественно, не приняла, как явление глубоко чуждое и духовной и житейской, хозяйственной своей природе. Насадить такой принцип отмены частной собственности (в достаточной полноте) можно было, только уничтожив саму Православную Русь, что и сделали большевики. И нельзя не отметить, что им сопутствовали *на редкость удобные, удачные объективные обстоятельства!*

Мы помним, что в 1918 г. Россия воевать уже не могла. Её экономика была «на пределе» в 1917 г. Только победа в этом, 1917-м году, могла спасти народное хозяйство страны от неминуемого краха (кризис недопроизводства, вызванный чрезмерным увеличением военного производства *за счёт* мирного). Мы знаем также, что благодаря чрезвычайным усилиям всей страны, организованным волей и руководством лично Государя Императора Николая II, эта победа была материально и стратегически *обезпечена*. Но именно *поэтому* в 1916 г., как мы помним, мировое иудео-масонство постановило *не допустить* того, чтобы Россия оказалась «в числе стран-победительниц» и запланировало революцию на 22 февраля 1917 г. Так оказалось, что в 1917 г. война не кончилась и Россия вступила в 1918 г. с экономикой, находящейся в состоянии глубочайшего упадка и недопроизводства, теперь уже не только под влиянием чисто производственного кризиса, но и по причине анархии, вызванной революцией, забастовками, стачками, волнениями рабочих, общего расстройств всей системы управления. Это не значит, что в стране вообще не стало промышленных (в том числе — военных) изделий и продовольствия. В воинских и тыловых складах, на заводах и фабриках было ещё немало кое-чего, деревня придерживала значительные запасы продовольствия, ожидая повышения цен, немало хлеба имелось и у разного рода спекулянтов продовольствием. В *такой* обстановке, действительно, самой жизнью диктовалась необходимость *чрезвычайных мер государственного регулирования*: жёсткий контроль за всей банковской и финансовой деятельностью, отмена «торговой тайны», строжайший учёт резервов и запасов и *планирование* их использования, милитаризация производства (принудительный труд без права увольнения и забастовок), *планирование* самого промышленного производства и *насильственное* изъятие излишков продовольствия по твёрдым ценам. Между «Февралём» и «Октябрём» Ленин всё это довольно точно подметил и заявил, что в такой обстановке «нельзя идти вперёд, *не идя к социализму*». Свой «социализм» большевики и начали как будто с этих самых чрезвычайных мер, рационально оправданных в глазах всех сведущих людей. И, конечно, *обманули* и сведущих и несведущих! Указанные чрезвычайные меры, во-первых, могли и должны были быть лишь *временными*, на период выхода из кризиса, а, во-вторых, значительно ограничивая права и возможности, связанные с частной собственностью, они вовсе *не требовали* упразднения частной собственности как таковой! Большевики же воспользовались экономическим кризисом сразу для ликвидации частной собственности («экспроприации экспроприаторов»), начав с банков, крупной промышленности и недвижимых имуществ, и, продолжая обыкновенным *грабежом* всего, что попадало под руку. Как раз тогда Ленин бросил знаменитый лозунг: «Грабь награбленное!» Товарищам по

партии, которые стали его за это критиковать, «вождь» с издёвкой заметил: «Если мы употребляем слова «экспроприация экспроприаторов», то почему же нельзя обойтись без латинских слов?»... Многие по сей день говорят, что этим лозунгом будто бы «купились» рабочие, ставшие грабить буржуев, «купились» крестьяне, ставшие грабить помещичьи усадьбы, вообще — чуть не весь Русский народ «купился» этой возможностью быстро обогатиться и самой большевицкой *идеей* «земного рая» всеобщей сытости и всеобщего равенства... *Ничего подобного!* Если бы это было так — не пришлось бы большевикам уничтожать большинство народа, десятки миллионов людей!

Автору этих строк довелось беседовать со многими старыми людьми, лично видевшими и помнившими события революции, в самых разных местах России: на Кубани, в Татарии, в Марийской республике, в Подмоскowie и Москве, в С.-Петербурге и окрестностях, на Смоленщине, в Курской области, в Саратовской и Царицынской областях. Вот один из разговоров. Очевидец рассказывает: «*Вся деревня (!)* пошла грабить винокуренный завод бывшего барина. Мужик-сосед тащит мимо моего двора здоровенный котёл. Еле тащит! Я ему говорю: «На что тебе такой котёл?». А он говорит: «Все берут, а я — что?! Пригодится!» Очевидца спрашивают: «Значит, Вы в грабеже не участвовали?» — «Боже упаси!» — «И много таких, как Вы было?» — «Да, почитай вся деревня!» — «Но Вы только сказали, что вся деревня грабила». — «Ну, это я так... Добрые люди никто не грабил, по хатам сидели, а иные грабили». Выясняется, что «иных» было подавляющее *меньшинство*. И подобная же картина — во *всех* местах и во *всех* случаях! В грабежах и безчинствах, как в городах, так и в сёлах России участвовало *меньшинство* жителей, большинство же, и притом *подавляющее*, сидели по домам. Но именно потому, что это большинство *не совершало* ничего такого, что могло *привлекать внимание*, его просто и не видели, не замечали. А замечали и видели грабителей и безобразников, которых и впрямь появилось необычно много, *очень много!* Однако *относительно* остального населения они всё же составляли именно ничтожное меньшинство. Собранные вместе, в буйную или шумную *толпу*, они производили впечатление «массовости». Так и рождались *обманы* и часто — *самообманы* очевидцев насчет «массовой», «народной» и чуть ли не «всенародной» поддержки революции, её деяний и идей. Этот своего рода *обман зрения* ловко использовали большевики (и теперь кое-кто использует) в целях сознательного обмана «общественного мнения». Конечно, никакие стихийные «народные» погромы не могли сравниться с тем организованным и планомерным грабежом всех богатств России, как частных, так и государственных, который учинили большевики! Лгали они изначально, что делают это, равно как вообще упраздняют частную собственность на средства производства и «наёмный труд» («эксплуатацию человека человеком»), будто бы для блага и достатка трудящихся рабочих и крестьян и для более правильной «научной» организации экономики, народного хозяйства, создания «плановой системы» производства. Рабочие и крестьяне получали от несметных экспроприированных богатств страны жалкие крохи. У крестьян же насильственно отбирали не только *излишки* продовольствия по твёрдым ценам, но просто — *всё, что было*, и зачастую без всякой оплаты! Отряды наёмников из негодяев русских,

латышей, китайцев, мадьяр и т.п. грабили российскую деревню, лишая крестьян **всех** средств к выживанию. Это называлось «военным коммунизмом». По окончании Гражданской войны ввиду безвыходности собственного же положения большевики вынуждены были начать «новую экономическую политику» (НЭП), дав свободу частному бизнесу в сфере мелкого производства и торговли. За несколько лет страну стало не узнать! Народное хозяйство просто ожило. Но с 1929 г. началось уничтожение частного предпринимательства всюду и «коллективизация» сельского хозяйства. Колхозы и совхозы создавались по типу **еврейских поселений** в Палестине (кибуццев), но, в отличие от них, не так, чтобы из кооперации средств и усилий извлечь максимальную пользу для каждого, а, напротив,— так, чтобы бесконечно закабалить, поработить каждого крестьянина и сделать его труд на земле не только невыгодным ему, но часто даже просто **ненавистным!** Изначала, с 1918 г. всякое недовольство рабочих и крестьян беспощадно подавлялось «рабоче-крестьянской» властью. В Петрограде, в Москве и потом во всех крупных городах центральной России возникло **независимое** рабочее движение, попытавшееся как-то противостоять злодеяниям большевиков и добиться, чтобы в **Советы рабочих и крестьянских депутатов** всё-таки избирались бы рабочие и крестьяне!.. В ответ на такие «контрреволюционные» желания, часто по личному приказу Ленина, во дворы Петроградских заводов вкатывались пулемёты и рабочие «массы» расстреливались. А уж восстания рабочих тем более подавлялись с невероятной жестокостью. Так, в Ижевске, тоже по личному приказу Ленина, на городской площади в **назидание** «трудящимся» было расстреляно 400 трудящихся, принимавших участие в восстании. Так же страшно подавлялись крестьянские волнения и восстания вроде знаменитого Тамбовского, на подавление которого пошли крупные силы регулярной Красной армии под руководством самых видных командиров (Тухачевского). Садистскими расправами над крестьянами на Урале прославился будущий детский писатель — А. Гайдар. И т.д., и т.п. Что касается уничтожения «эксплуатации человека человеком», то этот принцип означал просто, что никто, кроме большевиков, не имеет права эксплуатации... Или иначе,— что никто, кроме большевиков, не может дать никому работы и никто не может получить заработка и средств к жизни, кроме как — от большевиков (старые Невродовские штучки!). Большевицкая эксплуатация была хуже и страшней, чем эксплуатация со стороны любого частного человека! Большевики в этом деле ещё и боялись «соблазна» хороших, человеческих условий труда у частных хозяев. Централизация и плановость экономики нужны были, помимо указанной цели поставить всех в зависимость, ещё и для безнаказанного и безконтрольного присвоения большевиками всего, что они сочтут нужным, а также для того, чтобы заложить в экономику России такие «мины», которые в **будущем**, взрываясь в своё время, привели бы к полному развалу этой экономики, что и случилось на наших глазах в настоящее время.

На месте Православного Самодержавного Царства начало быстро созидаться нечто такое, что трудно определить иначе, чем безобразное, звериное Царство Лжи. Это совершенно не удивительно, если помнить о сатанинском происхождении революционных партий и революционных идей от «отца лжи» — дьявола. Достаточно посмотреть на первые важнейшие декреты советской влас-

ти. Декрет «О мире» вызывал к правительствам и народам о немедленном мире без аннексий и контрибуций исключительно потому, что большевики тогда боялись военного вторжения. В то же самое время, авторы декрета уже разворачивали дикую *войну* против Русского Народа с наглым *ограблением* всех его ценностей и богатств, а также скоро стали пытаться вызвать «освободительные» *войны* в других странах. Декрет «О земле» на словах передавал землю трудящимся крестьянам (кстати, в соответствии с эсеровской программой), а на деле, как мы отмечали, крестьян сразу же стали *грабить* в период «военного коммунизма», а вскоре, в эпоху коллективизации, отобрали формально и *землю* вообще, признав её государственной, или «народной» собственностью. Декрет об *отделении* Церкви от государства и школы от Церкви 20 января 1918 г. на деле означал полнейшее *проникновение государства во все церковные дела* с целью разложения и уничтожения Церкви, отнятие у Церкви не только имущества и средств, но и *всех* монастырей и храмов, как «народного достояния», полное запрещение преподавания Закона Божия не только в государственных школах, но и частным образом. Постоянно провозглашаемые лозунги «свободы, равенства, братства», построения самого справедливого, счастливого общества «светлого будущего» и т.п. сопровождалась тут же неслышанным в истории мира разгулом насилия, убийств, ограблений совсем не только по отношению к бывшим «эксплуататорским классам», но и к самым простым трудящимся, — ко всем, кто попадался под руку!.. *Говорить одно, а делать сознательно прямо противоположное* — было исходным принципом большевизма. Ленин определял это так: «Надо уметь пойти на всякие уловки, хитрости, нелегальные приёмы, умолчание, сокрытие правды, лишь бы вести *во что бы то ни стало* коммунистическую работу». «Мы сначала поддерживаем до конца, всеми мерами, до конфискации, — крестьян вообще против помещика, а потом (и даже не потом, а в то же время) мы поддерживаем пролетариат *против крестьян вообще*» (!) — писал «вождь». «Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных (!) запереть в концентрационный лагерь...». «Если не будут приняты героические меры, я *лично* буду проводить в Совете Обороны и Це Ка не только аресты всех ответственных лиц, но и *расстрелы*, — заявлял «самый человечный человек». Младшие товарищи, конечно, устыдились и не дали великому гуманисту тратить время и силы, нужные благу человечества на то, чтобы нажимать на спусковой крючок револьвера, они расстреливали сами. А вождь тем временем вещал: «Революционная диктатура пролетариата есть власть, *...не связанная никакими законами*». Но врал даже здесь! Он имел в виду диктатуру вовсе не пролетариата. В одной из статей в 1918 г. Ленин писал: «Как может быть обеспечено строжайшее единство воли, составляющее необходимое условие всякой твёрдой власти?.. Подчинением воли тысяч воле одного (!). Это подчинение может напоминать, при *идеальной* сознательности и дисциплинированности участников общей работы, больше мягкое руководство дирижёра. Но оно может принимать и резкие формы *диктаторства*». Идеальной дисциплинированности не было (да и быть не могло!) даже у членов партии, не говоря о «массах». Поэтому диктаторство как подчинение всех воле *одного* — вот главная тактическая установка Ленина. Её отлично усваивали «диктаторы» всех уровней — до какого-нибудь

секретаря партячейки из 3—5 человек, или командира чекистского отряда. Россия погрузилась в кошмар невиданного тотального беззакония и произвола! Современный церковный писатель В. Русак, вспоминая французское определение — «революцию готовят идеалисты, совершают фанатики, а пользуются её плодами подлецы», — полагает, что «российский революционный опыт» внёс в него существенные поправки, после чего «мы теперь с полной уверенностью можем сказать: революцию готовят подлецы вместе с идеалистами, совершают подлецы вместе с фанатиками, а пользуются её плодами законченные мерзавцы». В общем — довольно верно, хотя мы не знаем, о каких «идеалистах» может идти речь. После «еврейской революции» 1905—1907 г.г. идеалистов в революционном движении России не осталось. «Идеалистами» потом могли быть те, кто в разгар коммунистического правления, в 30—50-е годы, вступал в партию, искренне *веруя* в ложь о «благородстве» коммунистических *идеалов*: таких ещё можно определить просто как дураков и недоучек. Что же касается Ленина и его единомышленников в первые годы сов. власти, то все они, без единого исключения, были безусловно и подлецами, и мерзавцами, отличавшимися лишь разной степенью («градусом») мерзавства. Но это — с внешней психологической стороны. Ограничиться только таким определением вождей и делателей большевицкого режима — значит ничего в нём не понять. Есть другой, более глубокий духовный уровень знания о них и их подлинных целях.

Мы уже говорили, что Ленин создавал не просто политическую партию, а *религию*, религиозную секту, где кумиром или идолом должен быть «вождь» (диктатор), то есть прежде всего — сам Ленин. Мы выяснили также, что эта религия по духу и смыслу — антихристова и является *подготовительной* (репетиционной) ступенью к настоящей религии Люцифера как «бога» при воцарении его ставленника — Антихриста, в собственном значении слова, число имени которого 666, и который не в пример Ленину (или — Сталину, Гитлеру, Мао, Ким Ир Сёну) станет «вождём и учителем» не какого-то одного народа и государства, а *действительно — всего человечества*. Мы видели и то, что такая религиозная секта берет своё начало во всемирной иудео-масонской церкви дьявола и является одной из многих её ветвей. И мы установили, что эта церковь, как и всякая религия, в своей основе непременно предполагает и имеет *жертвоприношения*, но в данном случае — кровавые *человеческие жертвоприношения*. Они до времени, по Божью попущению, сообщают жрецам и их церкви необходимые силы (энергии) дьявола и аггелов его бесов (или демонов). На этом, на невинной крови, держится вся «энергетика» этого иудео-масонского мирового сообщества. Без пролития невинной крови церковь дьявола существовать вообще *не может*, а для того, чтобы властвовать и удерживать власть над значительными массами людей этой церкви нужно *как можно больше* (и как можно чаще) невинной крови. Вот та *тайна власти* (не всякой, конечно, а только сатанинской), которую Ленин и очень немногие из особо посвящённых его соратников тщательно скрывали от рядовых членов большевицкой партии, *обманывая* наиболее «сознательных» словами о необходимости кровопролития ради *устранения* «на десятилетия вперёд» всех, кто мог бы оказать сопротивление, а менее «со-

знательных» и вообще «профанов» — словами о том, что льётся не невинная кровь, а уничтожаются только «враги народа» ради будущего благоденствия и счастья всех людей, построения рая *на земле* для всего человечества...

Это вполне объясняет то парадоксальное, на первый взгляд, явление, что все революции, начиная с Великой французской 1789 г. и кончая какой-нибудь Кампучийской в наши времена, при самых «гуманных» лозунгах и идеях отличаются необычайным количеством проливаемой ими именно *невинной* крови, особенно — детской. Так что в этом отношении Великая Октябрьская революция, кажется,— не исключение. Однако так только кажется!.. На самом деле эта революция имела, помимо черт сходства с остальными, и совершенно исключительные особенности. Она была первой полностью «победившей» иудео-масонской революцией, и притом победившей не где-нибудь, а в России, и главным образом,— в Православной *Великороссии*. Ленин утверждал, что так произошло потому, что Россия оказалась самым «слабым звеном» в цепи мирового империализма. В какой-то мере это верно, если иметь в виду, что Россия *совсем не была звеном в цепи* крупнейших, руководимых масонством или сильно от него зависевших государств! В этом-то всё дело!

Как уже не раз было нами показано, *Великороссия, Русский Народ* в системе Церкви Божией, Церкви Христовой на земле, к XX веку явился таким же главным, центральным, ведущим, каким в системе церкви дьявола уже давно был *народ еврейский*. Постоянно обманываемый своими «учителями» и масонскими руководителями, еврейский народ упорно почитал себя богоизбранным, хотя всё, начиная с разрушения Иерусалима Титом в 70 г. по Р.Х. и последующего рассеяния евреев из земли предков по землям чужих народов, говорило как раз об обратном,— о *бogoотверженности* этого народа за отвержение им истинного Мессии Господа Иисуса Христа. Вместо покаяния пред Богом, евреи, научаемые своими дьяволопоклонниками, воспылали ненавистью и жаждой мести язычникам (гоям), которые причинили им такие беды. «Мечь гоям» (!) — стало тайным девизом еврейства, вполне совпавшим с девизом масонства — «Мечь профанам!» Кстати, мстительность — самая отвратительная черта еврейского национального характера. Конечно, она свойственна не всем евреям. Но вряд ли сами они станут отрицать, что мстительность — заметная их национальная черта. Она отвратительна, пожалуй, даже более, чем пресловутое еврейское сребролюбие и расчётливость. Но никогда не были иудеи полностью едины и монолитны. От них были (и есть!) как бы «перебежчики» в Церковь Христову, сообщающие многое из тайных учений и дел талмудического иудаизма. Одним из таких был еврей — бывший *раввин*, искренне перешедший в Православие и принявший здесь даже монашество с именем Неофит. В книге «О тайне крови у иудеев в связи с учением Каббалы» (СПб. 1914) он рассказал в подробностях, когда и как в современной еврейской среде употребляется *кровь* христианских детей, погибающих в тайных ритуальных убийствах. Такой кровью, по его словам, пользуются при обрезании, браке, в опресноках Пасхи, при погребениях и в плаче о разрушении Иерусалима. В этом последнем случае употребляется кровь, превращённая в пепел (пропитанные кровью ткани сжигаются и пепел помещается в особые бутылки, хранимые в синагогах).

«Упомянутый пепел,— свидетельствует Неофит,— евреи употребляют ещё в 9-й день июля месяца, когда они оплакивают *разрушение Иерусалима Титом*. В эту годовщину они употребляют его двояким образом: во-первых, натирают им себе виски, что сочли бы неудобным делать свежей кровью, во-вторых, посыпают им яйцо. И в этот день каждый еврей (без исключения) должен съесть яйцо, посыпанное этим пеплом».

Теперь вспомним слова Троцкого в 1919 г. о том, что он «заставит» русских матерей есть своих детей, подобно тому, как голодавшие еврейские матери ели своих детей во время осады и взятия *Иерусалима римским императором Титом*. Кому он это говорил? Делегации церковно-приходских советов Москвы, то есть представителям верующего Православного народа *столицы Русской Земли*, которая, как и вся Земля, осознавала, отчасти устраивала и *называла* себя и Третьим *Римом*, и Новым *Иерусалимом*!

Тогда общий смысловой контекст злодеяний, учинённых еврейскими извергами над десятками миллионов Русского Народа выглядит так: *вы, русские, явившиеся новым Богоизбранным народом*, Третьим *Римом* и Новым *Иерусалимом*, получите то, что случилось и с древним Иерусалимом, и Вторым Римом, то есть — разрушение, страшные мучения, смерть!

Что же, Русский Народ *принял* эти казни потому, что они были промыслительны, потому, что они сочетали его Крестным страданиям Спасителя, потому что они *спасали* его для жизни в Царстве Небесном. Иначе говоря, историческая Голгофа Великороссии не была следствием только еврейской мести: она была Божиим *введением* Великороссии, как именно Православного Русского *Народа в целом*, в вечную славу Царства Небесного!

Что же касается *субъективного* настроения палачей России, выраженного в приведённых ранее словах еврейских идеологов: «грандиозно отомстили», «уничтожали православных гоев» и т.п., то они *не рассчитали*, перешли ту границу, которая определена законом Моисеевым («око — за око, зуб — за зуб» и т.д.). Они причинили Русскому Народу, прежде всего — невинной его части, неизмеримо *больше* страданий, чем имели в истории непосредственно от него. Возмездие не заставит себя ждать: в дни 2-й Мировой войны погибнет до 6 *миллионов* большей частью *невинных* евреев. Но — не от Русского Народа! Совсем от другого, и по причинам, внешне даже не связанным с Россией! Кровью за кровь еврейскому народу воздаст Сам Господь Бог (о чём, как и о иных развязках мы ещё скажем). Но поражает всё-таки в современном еврействе то, как они ничего не хотят знать о *вечной* жизни, об *ином* бытии?! Воцариться над миром именно *здесь*, в земных условиях повреждённого временного бытия! *Здесь* насладиться и местью, и чувством господства, и всеми возможными земными благами и удовольствиями! Боже праведный! До каких степеней примитивности и безумия довёл диавол потомков того народа, который некогда был богоизбранным! При такой-то глупости вожди мирового иудаизма ведут современный еврейский народ прямой дорогой во ад, в вечные муки. И сразу после революции, и позднее, в 1920-х— 1930-х годах, многие на Западе хорошо видели, *кто и как* «воцарился» в России. К примеру, У. Черчилль открыто писал, что *евреи* вцепились в волосы русскому народу и безжалостно угнетают его».

Мы уже достаточно сказали о том, как Русский Народ воспринял вообще свою Голгофу. Но теперь важно посмотреть, как он воспринял то, что его мучит, распинает и убивает не кто-нибудь, а именно активисты *народа еврейского?* Конечно, в русской среде нашлись нетерпеливые, взявшиеся громить евреев. Это были не массовые явления, а именно — случаи, эксцессы. Как правило же, то есть в массе, в подавляющем большинстве Русский Народ отнёсся к еврейскому «вопросу» так же, как его новый духовный пастырь и наставник — Святейший Тихон, Патриарх Московский и всея Руси, избранный на Поместном Соборе Церкви 1917—1918 г.г. Вот, что писал он в своём послании «Всем верным чадам Святой Православной Российской Церкви» 8/21 июля 1919г.:

«Господь не перестаёт являть милости Свои Православной Русской Церкви. Он дал ей испытать себя и проверить свою преданность Христу и Его заветам не во дни только внешнего её благополучия, а и во дни гонений. День от дня прилагаются ей новые испытания. День от дня всё ярче сияет её венец. Многажды беспощадно опускается на её озарённый смирением лик бич от враждебной Христу руки и клеветнические уста поносят её безумными хулами, а она, по-апостольски,— в тщету вменяет горечь своих страданий, *вводит в сонм небожителей новых мучеников* и находит утеху для себя в благословении своего Небесного Жениха: Блаженны вы, когда вас будут поносить и гнать и всячески злословить за Меня. *Радуйтесь и веселитесь* (Мф.5,11) ... Пусть «невместимо» и «жестоко» кажется *обміщённому* пониманию *радость*, черпающая себе источник в *страданиях* за Христа,— но Мы умоляем вас... не отходить от этой единственно (!) спасительной настроенности христианина, *не сходить с* пути крестного, ниспосланного нам Богом, на путь восхищения мірской *силы* или *мищениа*. Не омрачайте подвига своего Христианского возвращением к такому пониманию защиты благополучия, которое бы унизило её (Церковь) и *принизило бы нас до уровня её хулителей* ... И Промысел Божий уже ставит пред некоторыми из чад Русской Православной Церкви это испытание. Зажигаются страсти. Вспыхивают мятежи. Создаются новые и новые лагеря. Разрастается пожар сведения счётов. Враждебные действия переходят в *человеконенавистничество*... Вся Россия — поле сражения! Но это ещё не всё. Дальше ещё ужас. Доносятся вести о *еврейских погромах*, избиении племени, *без разбору* возраста, вины (!), пола, убеждений... Православная Русь, да идёт мимо тебя этот позор.....Не дай врагу Христа, диаволу, увлечь тебя *страстью отмщениа* и посрамить подвиг Твоего исповедничества, посрамить *цену* (!) Твоих страданий от руки насильников и гонителей Христа! Помни: *погромы — это торжество твоих врагов*. Помни: погромы — это безчестие для тебя, безчестие для Святой Церкви! Для христианина идеал — Христос, не извлекавший меча в Свою защиту, утихомиривший сынов грома (апостолов Петра и Иоанна — прот. Л.), на Кресте молившийся за Своих врагов. Для христианина путеводный светоч — завет святого Апостола, много претерпевшего: не мстите за себя, возлюбленные, *но дайте место гневу Божию*. Ибо сказано: Мне отмщение и Я воздам, говорит Господь. Итак, если враг твой голоден, накорми его. Если жаждет, напой его. Ибо делая сие, ты *соберёшь на голову его горящие угли* (Рим.12,19)». Указав далее на факты казни множества невинных людей («курганы из тел») в качестве «заложников» за покушение

на большевицких лидеров и назвав это «безумными *жертвоприношениями* (!), Патриарх Тихон завершает: «... Чадца Мои! Все православные русские люди! Все христиане! Когда многие страдания, обиды и огорчения стали бы навевать вам *жажду мщения*, стали бы подталкивать в твои, Православная Русь, руки меч для кровавой расправы с теми, кого считала бы ты своим врагом, *отбрось* далеко так, чтобы ... никогда-никогда рука твоя не потянулась бы к этому мечу, не умела бы и не хотела его нести. ...Только на камени сем — *врачевания зла добром* — созиждется нерушимая *слава и величие* нашей Святой Православной Церкви в Русской Земле...» (выделено везде мной — прот. Л.).

Как совпадает всё это со словами Царя-Мученика Николая II всем верным ему, переданным через письмо его дочери Великой Княжны-Мученицы Ольги о том, чтобы не мстили за него и за себя, и что зло будет ещё сильнее, но что «не зло победит зло, а только любовь»? Удивительно, как, *независимо* друг от друга, Царь и Патриарх думают о Голгофе Великороссии *одинаково!*

В этом послании Патриарха, как видим, нет осуждения Белому движению, но явно нет и *благословения* ему! И есть прямое *осуждение еврейских погромов* и даже самого *желания мести* евреям! После таких призывов с самой вершины Церковной власти, удивительно ли, что Русский Народ в большинстве не взялся за «дубину»? Нужно ли ещё искать объяснений этому в «отрицательных» чертах его характера, обвиняя в «бездеятельности», «малодушии», «своекорыстии», «недостатке любви» к Церкви и Отечеству?..

А между тем именно к еврейским погромам, к бунту против большевицкой власти, состоявшей, как мы видели, почти *сплошь* из евреев, и пытались изо всех сил *подстрекнуть* Русский Народ вожди этой самой власти. Цель преследовалась двоякая — иметь повод для массовых репрессий против русских, и показать миру и прежде всего простому еврейскому народу, каким ужасным *врагом* его являются русские. Здесь видим вновь, как в 1905 г., ту же изуверскую провокацию иудаистов против собственного еврейского народа: страшные злодеяния и зверства в России организуются еврейскими *владельцами*, а стихия погромов должна обрушиться на *всё* еврейское «племя без разбора»... В 1918 г., в первый год своего правления, еврейско-большевицкие власти *запретили* церковное почитание св. младенца-мученика Гавриила Белостокского, погибшего в ритуальном еврейском убийстве в 1690 г., запретили петь ему положенные древние церковные песнопения (как контрреволюционные и «антисемитские», разумеется). Но вот как поёт Церковь в одном из песнопений канона младенцу мученику Гавриилу: «Или не разумеете, нечестивии иудеи, яко Бога отец ваших врага себе делаете, приносить ему службу мняще, безумнии? Господи, Гавриила молитвами *чад их сердца* умягчи, и сердца *наши* от сиевая (— такой) люто-сти избави!». Так оказывается, что даже по такому страшному поводу Русская Церковь молится за «*умягчение сердец*» и иудеев, и христиан! Вот такой «антисемитизм»... Кровавые массовые репрессии большевиков обнаруживают свой *религиозный, ритуальный* характер во многом, но особенно в отмеченных Патриархом Тихоном «курганах из тел» заложников (ни в чём не повинных людей), убивавшихся «в ответ» на покушения на Ленина и иных деятелей советской власти. Такие казни, действительно, являются прямыми непосредственными демоническими *жертвоприношениями*. Святейший назвал их «безумны-

ми». В сущности, в глубоком духовном смысле, они и впрямь безумны. Но с политической точки зрения и с магической (— в целях получения энергии преисподней) они вполне рациональны и *объяснимы*. Тогда, если большевизм-коммунизм — это не просто социально-политическое движение, а *религия*, то *Партия* — ни что иное, как *церковь* этой религии.

Всё дальнейшее существование СССР вплоть до 1991 г. вполне и многообразно подтверждает это положение. Всеми наблюдателями неизменно отмечались явные черты *церковности* и *религиозности* большевицкого режима: нетерпимость к иным религиям и учениям, стремление распространиться на всё человечество, мифология (создание лживых «житий» учителей и вождей марксизма-ленинизма, героических деяний партии), *обязательные* портреты вождей (вместо икон) в каждом официальном месте, *непререкаемость* всех сочинений «вождей» и «классиков» (как священное писание), обязательность частых собраний и митингов (своего рода литургий), «крестные ходы» (демонстрации 7 ноября, 1 мая и по иным случаям), культ памятников вождям и героям (с возложением цветов, затем — с «вечным огнём!»), *культ мощей* Ленина (мавзоль на Красной площади Москвы построен в соответствии с древнейшими и современными оккультными представлениями, идеями и традициями самых зловещих демонических культов Египта, Древней Греции и Древней Америки, культ умерших «великих вождей» но *наипаче* и главным образом — *ныне правящего!* Пронизывающей всё идейной силой должна была стать *вера лжи*, то есть *вера* в будущий земной рай, называемый «коммунистическим обществом». Попробовал бы кто-нибудь ещё лет 15—20 тому назад публично, открыто усомниться в возможности «построения коммунизма»!..

«Советская власть» и «социалистическое (с переходом в коммунистическое) общество» с самого начала, как мы видели, не были и потом не стали ни советской властью, ни *социалистическим* обществом! *Советы* депутатов и их Исполнительные комитеты (исполкомы) самостоятельно никогда ничего не решали, то есть властью не были! *Всё* решалось параллельными органами *партии*. Даже вопросы общественных туалетов и городской канализации местные советы решали не иначе как по согласованию с соответствующими партийными работниками. «Социализм», как он теоретически обоснован в трудах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, в России тоже никогда *не существовал*. Была власть партийной олигархии (верхушки) над нещадно (хуже, чем при рабовладении) эксплуатируемой массой «трудящихся». Последние жили едва-едва, как бы «постольку поскольку», партийная верхушка жила всегда как при «коммунизме», т.е. в полном *изобилии*, всяческих благ. Лживой «ширмой» или прикрытием парт. вождей были «Советы», лживым прикрытием были разглагольствования о «социализме» и «коммунизме». Об этом обмане, о бесконечной лжи Совдепии или СССР написаны горы (!) книг и статей, где вся эта лживость подробнейшим образом исследована и разоблачена. Прослежена была и история партократии, как некоей почти наглухо замкнутой *касты* стоявших на самой вершине партноменклатуры «руководителей».

Но нам теперь важно понять, что в силу именно *религиозного* характера своей организации большевицкая партия или, точнее,— её правящая каста с октября 1917 г. и в дальнейшем *всеми силами* (подчас просто нечеловеческими!)

стремилась утвердить себя *вместо* Православной Церкви в народных «массах», в «трудящихся», стать их как бы душою и умом. Коммунистической партии явно было мало просто поработить народы России, заставить их безропотно подчиняться, завладеть их достоянием, лавиной долей личных заработков и т.п.: партия стремилась завладеть *душою, совестью, духовным сознанием масс!* Так и писалось в лозунгах: «Партия — ум, честь и совесть народа» (или — «нашей эпохи»)!. *Занять место Христовой религии и Христовой Церкви в душах людей (прежде всего — русских), стать для всех Церковью — вот главнейшая и важнейшая задача коммунистического режима в СССР!* Отсюда стремление к беспощадному и как можно более скорому истреблению любой религии и церкви в бывшей России, но прежде всего и главным образом, конечно, — Русской Православной Веры и Церкви. Это уж очень не похоже на атеизм и философский материализм.

В те времена мало кто это понял, да и теперь ещё почти никто не понимает в должной мере. Чаще всего думали и думают, что Церковь и веру уничтожали и гнали, только чтобы покрепче утвердить свою якобы безбожную власть и легче увлечь всех стремлением к светлому коммунистическому (а не небесному) раю. В таком представлении смещены важнейшие смысловые ударения: не для того коммунистам нужно было разрушать религию, чтобы *утвердить свою власть*, а самую эту власть нужно было утвердить, чтобы *разрушить религию и насадить вместо неё — другую, свою!*

Понимание сути дела сильно затруднялось тем, что при явно *религиозном* характере, духе большевизма он постоянно демонстрировал свою последовательную идейную *безрелигиозность*, принципиальный, мировоззренческий атеизм и материализм. Всей системой советского и партийного (!) образования коммунистам удалось воспитать поколение парторботников и руководителей среднего уровня (как правило, прошедших через партшколы, где им углублённо преподавали «исторический и диалектический материализм», «марксистско-ленинскую философию», «научный атеизм»), которые заступили на руководящие посты в 1970-х годах, будучи *действительными атеистами*. И они никак не могли понять (искренне не могли понять!), на кой шут нужна их высшим партийным «товарищам» такая оголтелая борьба против Церкви и веры в Советском Союзе! Иногда с недоумением, а иногда и с явным несогласием они говорили о бессмысленности и вредности такой борьбы и о том, что Церковь и веру можно было бы с *большой выгодой использовать* как раз в интересах советского государства и даже построения коммунизма! Для *действительного* атеизма и материализма такая позиция вполне рациональна и разумна.

Значит «высшие товарищи», «вожди» *обманывали* своих же, *всю партию*, и в этом наиважнейшем вопросе они *не были* на самом деле атеистами и материалистами! В конце концов, наиболее внимательные наблюдатели *заметили* и не раз подчеркнули, что для того, чтобы так яростно бороться с Богом, как это делали в СССР его коммунистические вожди последовательно на протяжении 70-ти с лишним лет, нужно было *в Бога верить*, нужно было *точно знать* о Его существовании! Но при этом (и в силу этого) — *ненавидеть!*

Как это возможно? Так же, как у падшего архангела Сатаны и ангелов его — демонов, которые, по слову Писания «тоже веруют, и трепещут» (Иак.2,19), то

есть даже лучше, чем люди, *знают Бога*, в определённом порядке даже *общаются* с Ним, но ненавидят Его и Его творение во главе с человеком! Отсюда, по сатанинскому научению, в знаменитой *еврейской Каббале* наряду с пантеистическими представлениями содержится, как уже отмечалось, и дуализм представление о *двух «богах»* (якобы равносильных и равнозначных), между которыми в истории идёт борьба так, что на втором её этапе с помощью евреев и масонов должен победить второй «бог» — Люцифер, он же — диавол, он же — Сатана, он же — древний змий или дракон. Это обстоятельство символизируются *шестиконечной звездой*, особенно в том варианте, где она передана двумя равносторонними треугольниками. Это иудео-масонская секстограмма — официальный герб современного государства Израиль и один из древнейших символов «тайных» знаний и обществ (вместе со свастикой, пентограммой и иными эмблемами).

Следовательно, *вера и верность второму «богу» — диаволу* (против реально существующего «первого» — *Бога Писания, Бога древних евреев и христиан*) — *вот сущность религии большевизма*, причина его непонятной ярости в борьбе с Церковью и верой. Здесь же и объяснение того, почему *посвящённые* активисты именно *еврейского* народа стали авангардом революции, коммунистической партии и советского государства, особенно заметно — на первоначальном этапе его бытия. Посвящённые вожди большевизма и коммунизма должны были, тщательно скрывая это от всех, знать *и Бога, и диавола*, верить в сверхъестественные силы, общаться с ними, получать указания и энергии от демонических сил, что возможно только через определённые магические действия в том числе — человеческие жертвоприношения. Не в этом ли правда о *тайной подоплёке* РСДРП(б) — ВКП(б) — КПСС?

Что же касается официального идейного *атеизма и материализма* партии коммунистов, то он был чрезвычайно необходим, в соответствии с иудео-масонскими замыслами (выраженными, как мы помним, ещё в прошлом XIX веке) в качестве неизбежной *переходной* полосы, через которую нужно провести сознание и психологию «масс», потому что так сразу от веры в Бога истинного и в Его истинного Мессию, Посланника, Помазанника — Господа Иисуса Христа, повернуть сознание людей к диаволу, за редкими исключениями, невозможно.

В таком случае на первый план новой религии большевизма должен был выдвинуться вопрос о посланнике («помазаннике») диавола-люцифера, который призван был *заменить* в сознании «масс» Христа, как бы занять, заступить Его место, стать для сбитых с толку и одурманенных людей — *вместо Христа*. Как в истинной Церкви Божией Ветхого и Нового Заветов, в церкви большевизма должна была быть вера в «мессию» — «спасителя», «избавителя», «учителя»... Только с помощью такого видимого, живого «мессии» (точней — лже-мессии), сверх-человека, человеко-бога, наделённого от диавола особыми силами и особыми полномочиями, можно было осуществить эту *полосу перехода* — через атеизм и материализм — *от веры в Бога к вере в диавола*. Так и возникло то парадоксальное явление, когда при явном, определённом официальном идейном *атеизме* и материализме, в психологии «масс» царило столь же явное, определённое, официальное *обожествление* Ленина, затем, наипаче — Сталина. В самой КПСС после 1956 г. это явление было совершенно

правильно и точно определено как *«культ личности»!* Это значит — *религиозное* поклонение личности «вождя». Такое поклонение, такой культ в то же самое время должны были стать для всего «мирового сообщества» опытом и прообразованием грядущего Антихриста, в собственном его лице и значении, как последнего губителя всего рода человеческого, как великого «вождя и учителя» действительно *всех* народов (а не только какого-нибудь одного), который будет никем иным, как «мессией», ожидаемым современным Израилем и вождями его талмудической религии.

Вот это всё и было *важнейшим в той Империи Лэси, которая возникает на руинах Российской Империи, Православного Самодержавного Царства.*

Если кому-нибудь из нынешних молодых людей или из их потомков всё это покажется неправдоподобным, невероятным, то мы, родившиеся в 1930-х годах и вступившие в сознательную жизнь в 1940-х, должны удостоверить их своим свидетельством. Со школьной скамьи, с первых классов (а многие — с детских садов) мы под влиянием тотальной, всеобщей пропаганды *верили* в то, что Сталин — самый *гениальный* из всех людей, когда-либо живших на земле, что он — «отец народов», «величайший *вождь* и учитель человечества», что он «родной и любимый», даже больше, чем родители, т.к. родители могут и ошибаться, а Сталин (и его партия!) ошибаться не могут, и к тому же Сталин постоянно (неусыпно) думает и обо всех и о *каждом из нас* (!): он *знает всё*, он видит всё, он *может всё* (!), он всех нас «от победы к победе ведёт», пока не приведёт в светлое будущее коммунизма, он самый чистый, самый честный, самый справедливый, самый добрый... Слово Сталина — закон. Портрет Сталина — святыня. Имя Сталина нельзя произносить «всуе», но только с уважением, а лучше — с благоговением. Не любить Сталина (или выступать против него) — значить быть *врагом народа и извергом всего рода человеческого*, страшным злодеем, заслуживающим вечного проклятия и любых казней! И если таковым окажется кто-нибудь из родных и близких, то такового без всяких колебаний нужно разоблачить и передать в руки правосудия; это не только долг, но и высшая *честь*! Таким предательством врагов совершается служба *счастью человечества* (ни больше, ни меньше!). Если «органы» кого-то из родных или знакомых арестовали, то одно из двух: если он невиновен, то «там» разберутся и выпустят (поможет Сталин, к нему можно в любом таком случае обратиться), а если после всех обращений не выпустили, значит ты о человеке не всё знал и он *оказался* врагом (туда ему и дорога!)... Ленин, Маркс, Энгельс — тоже «гении» и тоже «вожди», но *лишь постольку, поскольку таковыми их признаёт товарищ Сталин!* Усомниться в правильности мыслей и суждений товарища Сталина — это уже преступление. Жить и работать во имя товарища Сталина — такое же *счастье*, как *умереть* за него! Во всё это мы *верили* как в непреложную истину, аксиому бытия, не подлежащую никакой *проверке*! «Мы» — это, конечно же, далеко не вся молодёжь 1930—1940-х годов, но не ошибёмся, если скажем, что никак не менее половины её!

С православной точки зрения такую *веру* невозможно определить иначе, как — *антихристову*. В этом определении есть один в высшей степени важный смысловой оттенок. Дело в том, что греческая приставка «анти» означает не только «против», но и — «вместо» (сравнить церковные термины: «антидор» — *вместо* Причастия, «антиминс» — вместо престола и т.п.). Отсюда, всякий, кто *против* Хри-

ста и Его учения, и Церкви.— это, без сомнения, в широком смысле слова — уже антихрист. Однако, если он *только «против»*, то он как бы *наполовину* антихрист. В *полной* же мере антихристом является тот, кто не только против Христа, но старается собою, своею личностью *заменить* Христа, *стать вместо Него*, своё учение поставить *вместо* учения Христова, свою Церковь (партию, или любое иное сообщество) — *вместо* Церкви Христовой. Такого антихриста должны не только бояться, слушаться, но непременно *любить и обожать!* Он в сердце и сознании «масс» должен стать именно *вместо* Бога, *вместо* Христа, в соответствии с тем восприятием, какое мы только что описали — относительно Сталина.

Если это пояснение принять во внимание, то станет очень многое понятным в истории советского периода, прежде всего — сущность внутрипартийной борьбы 1917—1937 г.г. Такая борьба шла и до Октября 1917 г., но после него приобрела особенно важный характер. Боролись в основном две группировки: Ленина-Свердлова и Троцкого-Зиновьева. Казалось бы ничего особенного, естественная для политических уголовников борьба за власть — «мухлядь»!.. Группа Ленина-Свердлова, как мы помним, опиралась преимущественно на европейскую, главным образом *германскую* поддержку. Группа Троцкого — на американскую. Одно это уже порождало трения и противоречия двух группировок. Но за этим стояло и нечто более существенное, а именно — два разных понимания «российской» революции и дальнейшего места Совдепии в системе мирового иудео-масонства и его планов. Обе группы, конечно, были едины в главном — в соответствии с указаниями Маркса и Энгельса и современных иудео-масонских центров Великороссии, как «реакционный народ», нужно уничтожить, «русское государство» — сокрушить путём расчленения (это было предусмотрено ещё на совещании представителей революционных организаций 1903 г., деклариовавшем «право наций (России) на самоопределение»). Обе группировки говорили также и о «мировой революции». Но Троцкий (и иже с ним) был более ориентирован именно на *международные* дела, стоял за «перманентную» (непрерывную) революцию, которая из России должна сразу же распространяться и на окружающий мир, на другие страны Запада. Отсюда и противодействие Троцкого учению Ленина о возможности «победы социализма в одной, отдельно взятой стране». Россия для Троцкого, таким образом, была чем-то вроде только исходной, начальной позиции, плацдарма для «мировой революции». Ленин и (иже с ним) смотрел на вещи иначе. Отнюдь не отказываясь от идеи «мировой революции», он в то же время *чуял*, что это может быть очень отдалённой перспективой, и что поэтому *надёжней и важней* теперь потвёрже укрепиться именно в России, превратив её в хорошо оборудованное и удобное *логово своей шайки*. Отсюда ленинские теории государства и революции, и возможности «победы социализма в одной, отдельно взятой стране» (а не обязательно — сразу во всём мире). Отсюда же и «ленинская национальная политика»: на словах и юридически предоставить «нациям» России право на самоопределение, вплоть до отделения (при определённых условиях), а *фактически, на деле* — жёсткое удерживание всех (кроме Польши, Прибалтики и Финляндии) в границах бывшей Российской Империи. Без чрезвычайных причин или выгод никакая банда не уступает своей территории, своих сфер влияния, не разваливает собственного логова. Но *другая* сторона дела состояла в том, что мировой церкви дьявола (иудео-масонству)

вовсе не нужна была «мировая революция» с большевизацией, скажем, Франции, Англии или США. Троцкий сильно ошибся в расчётах на то, что «братья-каменщики» Америки, всего Запада только и ждут теперь того, как с помощью «красной» России осуществить свои древние идеи мессианского воцарения вождей еврейского народа над всем человечеством. Идеи-то эти сохранились неизбежно, но *время* их осуществления не пришло! *Без реального «мессии»* (Антихриста), до его пришествия осуществить подчинение всех Израилю невозможно, да и *вредно!* А вот уничтожить Православную Великороссию как Историческую Личность, непоколебимо верную Христу и хранящую поэтому точное знание и о Христе, и об Антихристе, *крайне нужно*. Такая Великороссия и собравшаяся вокруг неё Россия — это очень серьёзное препятствие для воцарения «мессии», которое нужно заблаговременно убрать с его дороги. Отработать и отрепетировать на России средства и приёмы антихристовой власти — тоже очень важно и желательно! Последнее, по замыслам масонства, даёт сразу несколько преимуществ: реальный опыт — возможность *удерживать* в своих руках мировое сообщество, постоянно *пугая* его «опасностью и ужасами большевизма»; делая *видимость* борьбы с большевизмом, одновременно *использовать* его силу в каждом нужном международном деле и т.д. Полагают (не без оснований), что убийство германского посла Мирбаха чекистом-евреем Блюмкиным в 1918 г., а также убийства видных большевиков — В. Володарского (Моисея Гольдштейна) и Моисея Урицкого в том же 1918 г., а затем и убийство Я. Свердлова в 1919 г. — дело рук группировки Троцкого. Равно как и — покушение на Ленина 30 августа 1918 г., совершённое еврейкой Фанни Каплан (была сразу, без суда, расстреляна). Вполне возможно! Троцкий во многом — таков же, как Ленин. Такой же властолюбец, диктатор, хитрец и садист. Но, в отличие от Ленина, Троцкий оказался как бы непоследователен. Настаивая на покорении мира, он в то же время, конечно, не мнил себя израильским «мессией», а это значит, что всеобщей поддержки своей персоны со стороны всемирного Кагала он получить не мог. Хозяиничая и диктаторствуя в России, Троцкий вместе с тем выказывал слишком много презрения к ней; он мог заставить бояться себя, подчиняться себе, но, по-видимому, даже не ставил перед собою цели быть *любимым и обожаемым*. Он был слишком еврей, не только по внешности, чтобы стать *в России (!)* «вместо Христа»... В этом отношении Троцкий — «антихрист наполовину». Не то что Ленин! Этот слыл за «своего» — «Ильич!»... Он подходил к тому, чтобы стать антихристом вполне, и стал им. При этом, поскольку Ленин понимал, что добиться *религиозного поклонения себе во всемирном* масштабе немыслимо (хотя к этому можно стремиться), то все усилия были им направлены к тому, чтобы добиться такого поклонения в *своей* партии-«церкви», а через неё хотя бы в одной России, т.к. реально партия владела пока «этой страной». Отсюда вся его стратегия и тактика. Захватив то, что удалось, в государственной казне, в банках, а также путем *ограбления* дворцов, дворянских усадеб, купеческих домов, церквей и монастырей, Ленин хотя и отправлял за границу *чемоданами*, без оценки (!), драгоценности России на создание и поддержку революционных партий большевицкого толка в западных странах, но *большинство* награбленного оставлял на «кормление» *своей* партии, подчинённых ей военных, репрессивных, управленческих структур. Совершенно закономерно, что такая позиция Ленина находила поддержку решительного *большинства*

партии, особенно всех партийцев — *не евреев*, которым ближе и понятней было обустройство логова своей банды здесь, где они уже взяли власть, чем заботы о мировых делах и всякие идейно-теоретические споры и разговоры. Всё это *соответствовало*, как было сказано, и замыслам о России мирового иудео-масонства. *Такой* России, *такому* антихристу и антихристианству, оно оказывало полную тайную, а часто — и *явную* поддержку. Всё это означает, как уже отмечалось, что Ленин это ещё не сам Антихрист в окончательном, собственном значении этого имени и понятия, а лишь его как бы предтеча, или образ.

Это подтверждается одним ярким обстоятельством жизни Ленина. Получив поистине *смертельные* раны от пуль Ф. Каплан, Ленин к удивлению всех исцелился! И с 1919 г. вновь в полную силу приступил к работе, что поразительно совпадает с тем, что сказано в Апокалипсисе (Откровении Иоанна Богослова) о «звере из моря», т.е. об Антихристе. «И видел я,— пишет Апостол,— что *одна из голов* его как бы смертельно была ранена; но эта смертельная рана исцелела. И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились *дракону* (диаволу — прот. Л.), который *дал власть* зверю. И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? И кто может сравниться с ним? И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно... И дано было ему вести войну со святыми и победить их» (Откр. 13, 3-7). Как Ленин гордо и богохульно вёл войну со святыми, то есть с Православной Церковью и верой, мы ещё увидим, а теперь отметим, что Ленин соответствует лишь одной из голов «зверя» — Антихриста, но ещё не является им самим. После исцеления от ран в 1919 г. Ленин «процарствовал» примерно три с половиной года (срок, тоже указанный в Апокалипсисе для «зверя») и в 1922 г. тяжело заболел. На сей раз — болезнью головного мозга. Медики говорят, что это был сифилис мозга. Если так, то, как утверждают знатоки вопроса, этой болезнью диавол награждает некоторых своих выдающихся избранных. Её особенность в том, что в начальном и довольно длительном (многолетнем) периоде болезнь до предела обостряет силы и способности мозга человека, делая его как бы сверхгениальным, а затем наступает быстрая и полная деградация ума. Это похоже на то, что случилось с Лениным. За полтора года он деградировал до состояния идиотика, не умеющего ни читать, ни писать, ни говорить. Его пытались заново *учить* всему этому. Но напрасно. Лицо Ленина приобретало всё более бессмысленное выражение и такая же дебильная улыбка изредка блуждала на этом лице. Хотя он был полностью изолирован в Горках от народа, даже от партии, и диагноз и последствия его болезни тщательно скрывались, но не от всех же. Некоторые избранные, в частности — Сталин, родные, а также по необходимости — некоторые врачи, всё видели, до последних дней и минут. На их глазах «гений человечества», «великий вождь и учитель мирового пролетариата», «создатель Советского государства», «гениальный» мыслитель и оратор, гордо и богохульно поносивший всё святое, кроме собственного учения и дела, скончался 21 января 1924 г. *тихим неговорящим идиотиком...* Много лет спустя, в 1980 г., В.В. Андропов, ставший затем генеральным секретарем КПСС, в юбилейной статье написал: «Ленин сумел создать такую партию, в которую как бы *вложил самого себя*», так что-де партия живёт и движется как бы им самим. Это очень точно и соответствует мысли поэта Маяковского: «Мы говорим: Ленин, подразумеваем — партия; мы говорим: партия, подразумеваем — Ленин». Раз

так, — партия и созданный ею режим *должны были повторить судьбу своего основателя*. И повторили! В 1941 г. режим Совдепии получил поистине *смертельную рану*, когда началось немецко-фашистское вторжение и вражеский штык проткнул «тело» СССР почти до самого «сердца», до Москвы! Но сия смертельная рана *исцелила!* «И дивилась вся земля, следя за зверем»!.. Затем, после длительного периода немыслимого могущества, доработавшись до полного идиотизма, партия, режим, идеология быстро деградировали и тихо скончались в 1991 г. Можно ещё раз отметить, что деградация и явное ослабление авторитета и силы партии-церкви коммунистов *начались* тогда, когда со смертью Сталина в 1953 г. *закончились* массовые «необоснованные» репрессии, т.е. обильное пролитие невинной крови. Ещё раз убеждаемся: это кровопролитие есть *жертвоприношение* дьяволу и демонам; лишаясь его, они лишают своих поклонников и тех особых сил (энергий), какие необходимы для безраздельного господства над «массами», их волей и сознанием. Но это произошло, когда партия Ленина выполнила свою историческую миссию в России. А тогда в 1920-х годах она её только начинала. И в высшей мере знаменательная безславная кончина основателя и вдохновители партии не ужаснула её и не научила ничему. Казалось, Троцкий мог торжествовать: после Ленина только он оставался самым видным деятелем «новой власти». Но не тут-то было. В «борьбу титанов» большевизма попал ничем особенно не выдающийся большевик-грузин И.В. Джугашвили (Сталин). Очень хитрый и внимательный, он быстро сориентировался в этом «мухо-едстве» и стал на ленинскую сторону. Противники об этом знали, но не особенно возражали, когда в 1922 г. Сталин был избран генеральным секретарем ЦК РКП(б). Не возражали потому, что и должность эта в те времена, при жизни «титанов», не имела далеко того значения, какое стала иметь потом, и самого Сталина не принимали всерьёз (что такое удачливый налётчик и грабитель почтовых контор в сравнении со *всемірно* известным *мыслителем и политиком* Троцким!). Ленин тогда же особым письмом в ЦК «предупреждал» партию об отрицательных качествах Сталина, почти таких же, какими обладал сам), но лишь потому, что ещё был жив и ещё надеялся вернуться к правлению. После смерти Ленина его дело Сталин продолжил гениально!

Его справедливо называли «верным ленинцем». Он понял и усвоил главное в марксизме-ленинизме — его антихристов дух и начал поддерживать *религию* коммунизма, где партия была «церковью» этой религии, а «божеством», идолом — вождь, не требующий ни совета, ни тем паче — возражения, но только — преклонения, восхваления, обожания. В этом случае партия превращалась в некий «Орден», подобный Опричнине и устроенный по тому же принципу: начальнику *не иметь помощников умнее его*. При таком принципе она была *обречена* на вырождение, т.к. в каждом следующем периоде времени воспроизводила в руководстве всё менее умных, всё более худших. Сталин этого не знал. Он знал только одно — укрепление личной власти путём физического устранения всех, кто мешал этому, или мог бы мешать в будущем, и вообще всех, кого хотелось — для самоутверждения. У «зверя из моря» явилась вторая голова. Звериный характер Сталин, конечно, обнаружил не сразу. Он умел на первых

порах ладить и с «титанами» — противниками, и с единомышленниками умнее себя (вроде Бухарина — «любимца партии», теоретика, первого большевицкого «академика»). Но постепенно укрепляя позиции, Сталин последовательно отстранял, дискредитировал, а потом и уничтожал всех, кого хотел. В 1928 г. он идейно и политически разгромил «троцкистско-зиновьевский блок», а в 1930-х годах, наипаче в знаменитом — 1937 г., расстрелял как бывших противников, так и умных соратников. С особым смаком мучили и казнили «искренне верующих» в коммунизм! Были уничтожены Зиновьев, Каменев, Рыков, Радек, Бухарин, множество других, великое множество «средних» руководителей, все видные чекисты, все выдающиеся военные (в том числе — Фрунзе, Блюхер, Иона Якир, Уборевич, Тухачевский и т.д.), *почти все видные и наиболее активные деятели революции, гражданской войны и строительства «нового государства»*. В 1940 г., эмигрировавший пред тем из Совдепии в Мексику Троцкий, был убит там сталинским агентом НКВД... «За что боролись, на то и напоролись», как стали говорить в социалистическом обществе. За кровь Русского Народа воздал кровью революционерам Сам Господь Бог. Они в десятках, *сотнях, тысячах* погибли, но не от «белых», не от «врагов революции», а *от своих же!* Погибали без различия национальностей — евреи, русские, латыши, грузины, армяне... Вот уж где Сталин был подлинно — интернационалист! Сталинский концлагерь, «зона» как стали это называть, или «архипелаг ГУЛАГ», как обозначил это писатель А.И. Солженицын, сделался образом или даже образцом всего *государства* «нового типа», «социализма» и «демократии нового типа». Об идейно-духовных последствиях «зоны» скажем позже. Сейчас отметим, что в кошмарных по масштабам и характеру репрессиях одновременно страдали и погибали как те, что до конца оставались верны Христу, так и те, что боролись против Христа. Но одинаковая по внешней видимости участь и одинаковая смерть *не уравнивает* тех и других. Первые — мученики, невинные жертвы режима, вторые — злодеи, преступные создатели режима, получившие то, что они и заслужили. Поэтому, между прочим, строить всем *общие* памятники и почитать *общую* память «жертв сталинского режима» — кощунство и новое преступление пред Богом, которое в наши дни готовы совершить «демократы».

Бухарин так и не смог понять, за что его преследуют. Он всё старался доказать, что *не виновен* перед партией и лично Сталиным. Академик-философ не понимал *сущность* режима, ради которого трудился и жил! Перед партией и Сталиным не нужно было иметь никакой вины: достаточно было только *не бояться Сталина и думать, что ты сам по себе хоть что-нибудь (вне Сталина) значишь...* Сталин являлся (должен был восприниматься) «божеством», со всеми присущими «божеству» свойствами!.. Однако в этом случае и *преклонение* «божеству» не избавляло от смерти или от «зоны». «Божество» властно над жизнью и смертью всех — не только врагов, но и преданных поклонников. Говорят, Тухачевский, когда его расстреливали, успел выкрикнуть что-то вроде: «Да здравствует товарищ Сталин!», о чём донесли Сталину. «Божество» выругалось матом в адрес расстрелянного. И поделом: нужно знать, какому «богу» служишь!..

Бог поругаем не бывает. Попустив диаволу через вдохновлённых им людей мучить, казнить, распинать свой возлюбленный избранный Русский Народ,

Господь попустил «дракону» поиздеваться вдоволь и над распинателями, над подпавшими под его влияние людьми! Это было так явно, отчётливо, определено и — на глазах у всего человечества, что не понять, не увидеть духовной развязки и сущности вещей было, кажется, невозможно. Но мир в целом не увидел. И не видит до сих пор...

Мы же отчётливо видим теперь следующее. Большевицкий режим в СССР, будучи прообразом и главной репетицией *всёмирного* правления грядущего Антихриста, имел и особую, историческую задачу — по отношению к Великороссии, к Русскому Народу. Она складывалась из *двух* частей: 1. **Уничтожить физически** в Русском Народe всё действительно православное, действительно духовное, действительно мудрое, всё, способное хотя бы только к идейно-духовному сопротивлению. То есть уничтожить Русский народ *как Народ*, как Историческую Личность со своими духовными, государственными и житейскими традициями, со своим национальным, глубоко и осознанно *христианским* образом мысли и жизни, с основанным на таких традициях и таком образе жизни сознанием *духовно-народного единства*. 2. **Остатки** народа, то есть тех, *кто оказался готов или способен, отвергнув все старые традиции и образ мысли, уверовать* в антихристов режим и служить ему именно не за страх, а за совесть», «верой и правдой», — всех таких провести через *полосу атеизма* (безбожия), дабы *приготовить* к восприятию в будущем если не ими, то их отпрысками-потомками *религии Люцифера* — дьявола.

Приходится особенно подчёркивать это положение о *Народе* и *остатках* его, потому что по сей день в представлении многих получается так, что через всю полосу атеизма, через все 70 с лишним лет коммунистического режима в СССР *прошёл будто бы весь Русский народ*. Здесь — ошибочное представление о Народе, как о чём-то едином, *одном и том же*, лишь проходящим через разные испытания. Если такое представление верно по отношению к Русскому народу до революции и отчасти даже до 1941-1945 г.г., то оно совершенно неверно *после этих рубежей*. В том-то всё и дело, что *верующим во Христа* невозможно было *вместо Него* подставить в качестве объекта веры и «обожания» ни Ленина, ни Сталина — никакого другого антихриста! Таких верующих нужно было только так или иначе *уничтожить*. Зиновьев (Апфельбаум), как мы помним, полагал, что это будут 10 миллионов. Жизнь обнаружила, что подлежащих уничтожению в Великороссии оказалось миллионов 70—80, в любом случае — *большинство!* Все те, которые *приняли антихриста* (вместо Христа), уверовали, поклонялись ему, боготворили его или хотя бы «страха ради иудейска» (как сказано в Евангелии) *делали вид*, что веруют и боготворят, а затем поддерживали послесталинский режим, находя в нём всё-таки хоть что-то полезное для «народа», — все такие люди — уже *не русские*, т.к. не православные. Их-то и провели через полосу атеизма, так что это уже был не Русский Народ. Это теперь уже даже и вообще *не народ*, т.к. в нём в наши дни утрачено чувство своего единства, не говоря уже о полной утрате всех традиций старой русской жизни, всего русского образа мысли. Это — именно обломки, отходы, если угодно — *отбросы* Русского Народа, несчастные остатки того, что некогда было им. И эту общую историческую картину — Народа и остатков — нужно очень хорошо видеть, чтобы понимать и суть происходящего, и *лживость* еврейско-ма-

сонской пропаганды, представляющей ныне эти остатки — Русским Народом! Нет, это не Русский Народ,— должно сказать со всей ответственностью за эти слова. Это то, что в брежневские времена КПСС определила как *«новую историческую общность»* — советский народ», или — «совки», как сами себя называли с горькой иронией представители этой общности, или — *«русскоязычное население»*, как это теперь называется почти официально при «демократическом» режиме. Это чрезвычайной важности явление возникновения *«новой общности» вместо Русского Народа* мы постараемся рассмотреть в особой главе. А теперь нужно исследовать другое,— что стало с душой Великороссии, как она выражала себя в самом главном — в Православной Церкви.

Глава 36.

ЦЕРКОВЬ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ. ПАТРИАРХ ТИХОН.

Русская Православная Церковь, конечно, сразу же увидела антихристов дух революции. Однако поначалу, после Февраля 1917 г., была ещё *надежда*, что в результате быстрой (как казалось) неминуемой победы над Германией и Австро-Венгрией, при созыве Учредительного собрания всенародное волеизъявление всё вернёт на свои места. После актов отречения от Престола Царя-Мученика Николая II и его брата — Мученика Великого Князя Михаила, в храмах России начали в уставных местах службы поминать «Временное Правительство». В наши дни некоторые поспешные склонны винить Церковь в том, что этим «признанием» Временного Правительства она будто бы предала Православное Самодержавное Царство, стала на сторону революции. Это типичное кабинетное заблуждение, от невнимательности к фактам. Иерархия Русской Церкви в данном случае просто *последовала призыву и указанию* законных Самодержцев, *признавших* Временное Правительство и *призавших* всех верноподданных подчиниться ему, впредь до Учредительного собрания! «Если бы не это,— писал уже в марте 1917 г. митрополит Антоний (Храповицкий),— никакая сила не заставила бы нас» (помянуть Временное Правительство). Поспешные говорят, что отречение было «вынужденным» и Церковь должна была это понимать. Но что означает эта «вынужденность»? Мы видели, что Государь Император отрёкся, а затем и призвал армию подчиниться Временному Правительству вовсе не из страха за *свою жизнь*, а из боязни за судьбу войны с внешним врагом и опасения междоусобной брани, пролития русской крови в случае своего упорства в борьбе за личную власть, то есть из опасения за честь, славу и внутреннее единство Родины. Так что с *этой* стороны отречение было совершено *искренним и добровольным*. Так же — и призыв к армии, ко всем верноподданным подчиниться Временному Правительству. Иерархия Русской Церкви в своём большинстве и поступила именно как *верноподданная*,— подчинилась

временной власти временно до созыва Учредительного собрания! Тогда, в марте 1917 г., ещё решительно **никто** не мог предвидеть ни большевицкой Октябрьской революции, ни злодейского убийства Государя, его Семьи, брата Михаила, других Членов Династии! У всех добрых людей, в том числе — у Государя, как мы помним, была твёрдая надежда и даже **вера** в то, что Россия, прежде всего — Великороссия, несомненно победит искушения и шатания и восстановит Православное Самодержавное Царство. Вера эта была отнюдь **не ложной!** Именно так, только так и случилось бы, если бы Господь Промыслом Своим определил для Великороссии дальнейшее **земное существование!** Но Бог определил России лучшее, и высшее, и прекраснейшее — взять её как бы всю, в целом, из этой земной жизни в славу и жизнь Своего Небесного вечного Царства! Это, определение или замысел Божий о Великороссии не были тогда поняты и увидены, дабы оказались испытаны сердца всех и каждого, т.к. исход народа в **славу вечной жизни** должен был совершиться через **безчестие и смерть в жизни временной...**

Поэтому **борьба** — любая, прежде всего — духовная, — с силами зла в России становилась естественной и **неизбежной**. Как только совершилась Великая Октябрьская революция со всем её «гордым богохульством» и немислимыми зверствами и безчинствами, так сия борьба сосредоточилась вокруг важнейшей линии — отношения к явно богоборческой революции и установленной ею власти.

В самом деле, как должна была относиться еврейско-большевицкая партия-церковь со своим религиозным фанатизмом, стремлением овладеть именно душой и сознанием «масс», поставить себя **вместо церкви**, а своего лжемессию — «вождя» **вместо Христа**, к Церкви Православной, с её исповеданием истинного Мессии Господа Иисуса Христа, владевшей издревле душой «масс» прежде всего — Русского Народа? С другой стороны, как должна была относиться Русская Православная Церковь к этой сатанинской антихристовой антицеркви и её власти? Подобные вопросы представляются даже излишними, т.к. содержат в себе готовый ответ: **никакого признания большевицкой власти**, никакого с нею «компромисса», союза, тем паче — дружбы быть не могло! И если через десять лет (с 1927 г.), как мы потом увидим, некоторые новоявленные Иуды и приспособленцы, согласившись с большевиками, путём обмана и насилия создали вопреки святым канонам незаконную «Московскую патриархию», провозгласившую полную солидарность с советской властью и даже с коммунистической идеологией, то это не было «третьим путём», это стало фальшивкой, подделкой, которую за Русскую Православную Церковь способны принимать только современные «совки» — отходы того, что было Русским Народом.

Естественно, что задолго до революции российское церковное общество в какой-то мере отражало то, что происходило и в обществе гражданском. В Церкви тоже наблюдалось некоторое шатание умов, так что появились и «демократические» и даже «революционные» священники, или «красные попы», как их называли и как называли они сами себя! Но так же закономерно и то, что в отличие от мирской «общественности» таких «красных» в Церкви было ничтожно мало. Больше было **«либерально мыслящих»**, то есть как бы «умеренных», а ещё больше — просто бездуховных карьеристов или **приспособленцев**. Все

они вкупе далеко не составляли большинства духовенства. Подавляющее большинство было православно-монархическим. Таковым и осталось. Но «красные», либералы и приспособленцы в той или иной мере были готовы признать Октябрьскую революцию на основании тех официальных *идей*, какие декларировались коммунистами, как направленных к «народному благу», к «светлому будущему», к «справедливому общественному устройству» и т.д. Церковные либералы и приспособленцы *делали вид*, что в упор не замечают *сатанинского* духа и характера и *подлинных* целей коммунистов. Они потом отказывались говорить и даже думать об этом, упрямо и тупо повторяя, что официальная коммунистическая идеология, хотя и ошибается в вопросе о бытии Божием, но во всём остальном преследует весьма гуманные, возвышенные (!) цели, и тем самым даже *соответствует* во многом христианству и церковному учению! Лживые идеологические «вывески» коммунистов, являвшиеся очевидной *приманкой* для «профанов», для «масс», некоторыми церковниками лукаво принимались за правду о сущности коммунизма. Церковные либералы, а более всего — приспособленцы, *обманывали* на этот счёт *самих себя*, а затем и окружающих, начинали *верить* (!) *лжи* (!). Так и началось в церковной среде достопримечательнейшее явление «*веры лжи*». Началось, как небольшой ручеек, и постепенно расширялось, охватывая всё большее количество людей в Совдепии, пока не превратилось в полноводную реку лжи, увлекающую в наши дни миллионы «совков»- верующих. Нетрудно видеть, что в основе подобного обмана и самообмана, этой «веры лжи», лежит обыкновенная *боязливость*, то есть боязнь пострадать, жажда *самосохраниться* любым путём. В таком состоянии людям ничего не остаётся, как только всегда делать вид, что они искренне *верят* лжецам и обманщикам и готовы поэтому «*искренне*» с ними сотрудничать и работать на них. Такая *вера лжи* — единственное *оправдание* сотрудничества с антихристианством и самого своего существования в условиях его режима.

Итак — *вера лжи* и *боязливость*. Такие человеческие состояния как частные психологические *случаи* не новость. Они в падшем человечестве встречались всегда, встречались и в земной Церкви, в том числе и в Русской Православной Церкви на протяжении истории (вспомним архиереев-потаковников времён Екатерины II). Но скажем, забегая вперёд, что совсем *особое дело*, когда состояния *веры лжи* и *боязливости* охватывают *подавляющее большинство* Церкви — почти всех епископов, священников, мирян! Это уж не частный психологический случай; это нечто из ряда вон выходящее, нечто такое, чего в истории Русской Православной Церкви *никогда не бывало*. Здесь количественное начало одновременно имеет и *качественное* значение: Церковь Христова (даже как земное сообщество грешных людей) в *таком* состоянии пребывать *не может!* Следовательно то, что в наши дни в России называет себя Церковью (да ещё — Русской Православной!), *не является таковой*, т.е. не является ни Русской, ни Православной, ни Церковью.

Но что же это? Как это стало возможно?

Ответы, как обычно, находим в Священном Писании. *Вера лжи...* В связи с разговором о временах *антихристовых* Апостол Павел пишет: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник, которого

Господь Иисус убьёт духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего, того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким *неправедным обольщением погибающих* за то, что они не приняли *любви истины* для своего спасения.» И *за сие* пошлёт им Бог *действие заблуждения*, так что они будут *верить лжи* (!), да будут осуждены все, не веровавшие истине, но *возлюбившие неправду*» (2 Фесс. 2.7-12)

Боязливость... В Откровении Иоанна Богослова (Апокалипсисе), где тоже речь идёт о последних антихристовых временах, читаем: «**Боязливых же и неверных**, и скверных, и убийц, и любодеев, и чародеев, и идолослужителей, и *всех лжецов* (!) участь в озере, горящем огнём и серой. Это смерть вторая» (Откр. 21,8).

Как видим, вера лжи, неправедному обольщению попускается *Самим Богом* погибающим людям: Сам Господь *посылает* им «действие заблуждения», как наказание за то, что «они не приняли любви истины». Как явление чрезвычайного массового характера, оно свойственно временам «беззаконника» — Антихриста. В России с 1917 г., как мы выяснили, такие времена моделировались, прообразовывались пока на одной шестой части суши. Неприятие «любви истины» связано в значительной мере с состоянием боязливости и неверности, которые особенно характерны также для антихристового режима и потому в перечне грехов человеческих поставлены Откровением на *первое* место.

Неприятие «любви истины» (отход от неё) и вера лжи характерны одинаково для двух основных течений, или направлений среди российских епископов и духовенства, которые составляли до революции и лет 10 после неё *подавляющее меньшинство* священнослужителей, а именно, — и для либерального (умеренного) и для революционного («красного»). Постепенно в этих двух течениях всё более видное место начинают занимать два человека — Сергей (Страгородский), к моменту революции — архиепископ Финляндский, и *протоиерей Александр Введенский*. Первый — «либерал», второй — «революционер». Сергей, будучи ещё епископом, долгое время являлся председателем Религиозно-философского общества, заседавшего с 1900 г. и пытавшегося сочетать несочетаемое, — Православное Вероучение с западной философией и оккультной мистикой (в духе Вл. Соловьёва). Этот диалог Церкви с интеллигенцией (хотя *собственно Церковь* в такой диалог никогда не вступала) подавался как попытка сближения двух этих «сил» с целью «проповеди Православия «заблудшей интеллигенции». Разумеется, — из чувств «христианской любви» к заблудшим...

На деле же получалось недопустимое *смещение* света и тьмы, наиболее отчётливо проявившееся в мутном блудомыслии Мережковского, Бердяева, Розанова, в еретическом «софианстве» протоиерея Сергея Булгакова, отчасти — священника Павла Флоренского и других. В первых числах марта 1917 г., не дожидаясь распоряжения Синода, то есть — по *своей* воле, *первым* из русских архиереев стал помянуть за службами Временное Правительство не кто иной как, как архиепископ Сергей. Когда Временное Правительство в апреле учинило разгон Синода старого дореволюционного состава, заменив его новым, то лишь один архиерей из старого Синода был включён в новый — Сергей (Страгородский)... Такое нужно было заслужить. Из всех российских архиереев, числом

до 100 человек, либерально мыслящих было едва ли более 10-ти. Требования либералов не шли дальше некоторых незначительных изменений в церковной жизни в направлении «демократизации», но без ломки коренных устоев. Они почти или совсем не поддерживали идею восстановления Патриаршества в России, а также, подражая гражданской «общественности», не сочувствовали Самодержавию, а сочувствовали «свободе», как она понималась масонами типа Гучкова и Керенского. Такая часть духовенства, действительно стала на сторону Февральской революции. 23 апреля 1917 г. Сергей (Страгородский) говорил: «... Ожидание такого же *светлого будущего* и для нашей церкви, при изменившемся государственном её положении, наполняет сердца наши *радостью*». Запомним это слово «радость» в связи с «государственным положением».

«Красные попы» проявили себя ещё в Государственной Думе, когда вошли в «Трудовой блок», отличавшейся «большевицкой революционностью» Это были не все священники — депутаты Думы, а лишь несколько из них, но они выражали настроения той «красной» части «духовенства», которая была ещё более незначительна, чем либеральная. В последние дни февраля 1917 г., когда в Петрограде ещё гремели выстрелы, такими священниками и некоторыми из образованных мирян был создан «Всероссийский Союз демократического православного духовенства и мирян». Деятельное участие в нём принял А. Введенский. Слово «демократический» существовало недолго. После Октября деятели типа Введенского прямо называли себя «революционными священниками» или «красными попами», стремящимися к «обновлению Церкви». Так было положено начало пресловутому «обновленческому движению» или «Живой Церкви» («живоцерковники»). Это течение стояло за коренные, «революционные» преобразования в церковной жизни. Основными принципами и требованиями «красных» были: 1) полное признание большевицкой революции и коммунистической идеологии (кроме атеизма); 2) упразднение власти епископов из «чёрного» (монашеского) духовенства и передача её в руки духовенства «белого» (женатого) с тем, чтобы женатых священников водворить в сан епископов, то есть — 3) женатый епископат; 4) допущение вторых браков для священников и диаконов; 5) переход Церкви на гражданский календарь нового стиля; 6) упразднение монастырей и монашества; 7) введение в приходское и епархиальное устройство широкого «выборного начала». Обновленцы высказывались против почитания мощей святых, против ектений (прошения) «об оглашенных» в чине литургии (эта ектения символизирует отделение «овец от козлов» на Страшном Суде в момент Второго Пришествия Христова). И, уж конечно, они были против восстановления Патриаршества, как «контрреволюционной и «монархической» формы правления в Церкви. Обновленцев не поддерживали ни большинство духовенства, ни подавлявшее большинство народа, даже просто — весь верующий Русский Народ, что и явилось причиной их полного краха в недалёком будущем. Но поначалу их очень поддерживали большевики, советская власть! На неё обновленцы и возложили всё своё упование. Однако ещё до Октябрьской революции произошло одно важнейшее событие в жизни Церкви — подготовка и созыв Поместного Собора Русской Православной Церкви — *первого* со времён XVII в.!

Мы помним, что самую идею Собора с целью выбора Патриарха Государь Николай II поддержал, но практический созыв его откладывал как по объективным причинам смуты 1905—07 г.г. и затем войны 1914 — 1917 г.г., так и потому, что надеялся сам стать Патриархом. После отречения Государя либеральное и революционное духовенство решили, что теперь ничто не мешает созвать Собор, но не для того, чтобы возродить Патриаршество, а для того, чтобы, превратив Собор в подобие некоего «демократического» съезда, провести на нём желаемые либеральные или обновленческие решения. В основном именно обновленцы в союзе с «новым Синодом», имевшим в качестве обер-прокурора сперва некоего В.Н. Львова (оказавшегося не вполне психически здоровым), а затем А.В. Карташова, занялись с 20 апреля 1917 г. спешной подготовкой Поместного Собора, приглашая в качестве экспертов преимущественно либеральных профессоров ВУЗов и духовных академий.

Однако Господь и Русская Церковь (в силу самой своей *природы*) повернули всё совсем не так, как хотелось либералам и красным.

Состав Собора оказался в подавляющем большинстве православным, т.е. далёким от обновленчества и либерализма. К 15 августа 1917 г. в Москву съехались избранные участники. Всего — 564 делегата, из них архиереев — **80 человек** (20 митрополитов, 27 архиепископов и 53 епископа). Всего духовенства (архимандритов, иеромонахов и «белых» священников) было 265 человек, а мирян — 299. Такие пропорции состава Собора сложились в истории Русской Церкви впервые. Но на это были чрезвычайные причины, из коих важнейшей являлось стремление услышать голос всех слоёв церковного народа после длительного периода его как бы молчания, то есть — голос Церковной Полноты, что было важно как в силу особых обстоятельств революционного брожения, так и в виду множества накопившихся вопросов церковной жизни. Следует знать, что согласно святым канонам, Собором Поместной Церкви в собственном, строгом смысле слова является только **Собор епископов**. Только они имеют право «решающего голоса» принимают окончательные постановления, имеющие обязательную каноническую силу. Но это не означает, что среднее духовенство и миряне должны быть только как бы наблюдателями. Они имеют право и возможность свободно высказываться по любому вопросу, спорить даже с епископами, участвовать в голосовании. Однако последнее слово во всём — за епископами, безусловно, учитывающими всё, что было выражено остальными участниками Собора. С этой целью на Соборе 1917-1918 г.г. действовало **Совещание епископов**, определявшее соответствие тех или иных решений Собора (или комиссий) Православному Вероучению, канонам и традициям Церкви, внося в эти решения в нужных случаях необходимые исправления. Таким образом, епископат не навязывал свою волю Собору, а лишь как бы редактировал, поправлял решения, свободно принимаемые большинством голосов *всех* участников, в том числе и мирян. Так оказалось, что данный Поместный Собор стал действительно **свободным** и действительно выражал мнение всей Полноты Русской Церкви, то есть её **Соборный разум**. В числе участников Собора было 12 профессоров духовных Академий и 13 профессоров университетов и Академии наук, православные деятели Государственного Совета и Государственной Думы,

протопресвитеры Успенского собора Кремля, Военного и Морского ведомства, духовенство этих ведомств, наместники Лавр, настоятели ставропигальных монастырей, Саровской, Оптиной пустыни. Но основной состав был из делегатов епархий, **выбранных** на местах, по 2 человека от духовенства и по 3 от мирян каждой епархии (всего 330 человек). В состав Собора вошли также полностью члены Предсоборного Совета (62 человека) — в основном либералы и обновленцы.

Учитывая позицию нового Синода, Предсоборного Совета и окружающую революционную обстановку, почти никто, даже сами сторонники восстановления Патриаршества **не верили**, что таковое восстановление возможно!.. Вопрос о Патриаршестве даже не был включён в перечень деяний Собора.

После торжественного богослужения в храме Христа Спасителя, деловые заседания Собора начались 4/17 августа 1917 г. Председателем был избран митрополит Киевский Владимир, товарищами (заместителями) председателя от епископата — архиепископы Новгородский Арсений и Харьковский Антоний, от священства — протопресвитеры Любимов и Шавельский, от мирян — М.В. Родзянко (заменённый вскоре А.Д. Самариным) и князь Е.Н. Трубецкой (интереснейшая книга которого «Смысл жизни» завершалась как раз в эти дни). Секретарём стал профессор В.П. Шеин (впоследствии — архимандрит Сергей, принявший венец мученичества вместе с Митрополитом Вениамином).

Важнейшим вопросом Собора стало дело о восстановлении Патриаршества, о чём вопреки повестке дня, стали говорить почти сразу же. Полемика по этому вопросу была наиболее сильной и длительной. Хотя противники Патриаршества оказались в явном меньшинстве, они очень сильно шумели, доходя порою до крайностей. Так однажды профессор Б.В. Титлинов (из обновленцев) стал угрожать **побоями** одному из выступавших, из-за чего заседание было прервано. К удивлению почти всех участников, постепенно идея Патриаршества стала овладевать сознанием всё большего числа членов Собора. Особенно деятельным сторонником её был архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий). В решающий момент острой идейной борьбы он организовал **паломничество большой группы делегатов в Новый Иерусалим, ко гробу Святейшего Патриарха Никона!...** Здесь, у святых останков «самого великого человека русской истории», под сенью воплощённой им в камне идеи Святой Русской Земли как образа «Новой Земли» Царства Небесного, развеялись последние сомнения и колебания. Нужно восстанавливать то, что попорчено масонским безобразием Петра I — **Православное** Царство как «симфонию» двух властей — патриаршей и царской! Так думал, как мы помним, и отрেকшийся Государь Николай II... И Владыка Антоний, и большинство иных членов Собора были **монархистами**. Для них, как и для всего Русского Народа, не было колебаний в деле выбора между монархией и республикой. **Православное Самодержавие** — вот свободный, осознанный **выбор** всех Великороссов, сделанный нашим народом ещё на заре своего бытия, в XII в., и оставшийся таковым в веке XX-м. И был это вовсе не «чисто политический вопрос», как это потом пытались (и теперь ещё пытаются иногда) представить. Это был вопрос такой же духовный, фундаментальный, коренной, как и вопрос

веры и Церкви. В те дни осени 1917 г. ни архиепископ Антоний, ни Русский Народ ещё не знали, что будет убит Государь Император и его ближайшие родственники, что монархии в России больше вообще не будет; ещё все *надеялись*, что новая смута закончится благополучно... *Своими* силами, средствами, со *своей* стороны Русская Церковь стремилась содействовать такому прекращению революции, главным образом — выборами того лица, кто вместе с будущим Самодержцем должен стать вторым основанием «симфонии», согласия и совета церковной и царской власти в России.

Наступил великий момент. В конце октября уже произошла большевицкая революция в Петрограде и начались сраженья в Москве. На улицах шла стрельба. Кремль, обороняемый от большевиков юнкерами, обстреливался с Воробьёвых гор из дальнобойных орудий. И именно в эти дни окончательно решался вопрос о Патриаршестве. Не все делегаты Собора теперь могли участвовать в заседаниях, но кворум был. 28 октября/9 ноября 1918 г. большинством голосов постановлено было начать выборы Патриарха. Поступили предложения о 10-ти кандидатах. Из них отобрали троих, с наибольшим числом голосов: архиепископа Антония (Храповицкого) — 101 голос, архиепископа Тамбовского Кирилла — 27 голосов и митрополита Московского Тихона (Белавина) — 23 голоса. Кирилл, впрочем, был заменён архиепископом Новгородским Арсением (Стадницким). Об этих трёх кандидатах тогда говорили: «Самый умный, самый строгий и самый добрый». 31 октября всё это окончательно определилось. Хотя 101 голос за Владыку Антония — это больше, чем за остальных (и — с большим «отрывом»), но это всё же не абсолютное большинство. Поэтому принято было решение предоставить выбор Российского Патриарха Самому Богу, устроив *жребий* (как иногда в древности). Записки с именами трёх кандидатов были положены в особый ковчежец пред чудотворной Владимирской иконой Божией Матери, принесённой в Храм Христа Спасителя. 5/18 ноября 1917 г. после литургии и молебна из алтаря вышел 90-летний старец Зосимовой пустыни иеросхимонах Алексей. Трижды перекрестившись, вынул из ковчежца записку и передал её митрополиту Киевскому Владимиру (Богоявленскому). При достижении предела напряжённом молчании Владыка Владимир огласил имя нового Патриарха Московского и всея России: «*Тихон, митрополит Московский!*» В праздник Введения во Храм Пресвятой Богородицы 21 ноября/4 декабря 1917 г. в Успенском соборе Кремля — древнейшем центре Русской Земли, сугубом Доме Царицы Небесной в Великой России, состоялась торжественная *интронизация* Святейшего Патриарха Тихона.

Ему было 52 года (почти ровесник Государю). Он происходил из семьи простого сельского священника Псковской губернии. Успешно окончил семинарию и духовную академию. В 1891 г., в 26 лет принял монашество и с тех пор стал особенно быстро расти и духовно, и по положению в Церкви. В 1899 г., уже в сане епископа, Тихон был направлен на самостоятельную кафедру в Америку, с центром в Сан-Франциско, где управлял православной паствой США в течение восьми лет, оставив по себе самую добрую память. При нём кафедральный центр был переведён в Нью-Йорк. В 1907 г. он стал архиепископом Ярославским, в 1913 г. — Виленским, с июня 1917 г. — митрополи-

том Московским и Коломенским. Строгий ревнитель церковной самостоятельности, святых канонов и традиций Православной Церкви, Патриарх Тихон в то же время обладал исключительной добротой в отношении к людям, пастырской любовью, снисхождением и большой образованностью.

Поместный Собор Русской Православной Церкви имел три сессии и продолжался с перерывами между ними до сентября 1918 г. (то есть более года!). Кроме важнейшего решения — о Патриаршестве, были приняты многие другие, также весьма важные для церковной жизни. Среди них — о высшей церковной власти и управлении, о приходе, о положении Церкви в государстве, о епархиальном управлении, о Местоблюстителе Патриаршего Престола и по многим иным вопросам. Больше такого свободного и такого всецерковного Собора Русской Церкви уже не будет даже до сего дня. Верующий народ воспринял Собор как святое и доброе дело. Восстановленное Патриаршество было в народе встречено не только с великой радостью, но и как нечто *родное, своё, естественное*, правильное, долгожданное — словно и не было 200 лет «синодального» периода! Удивительно. Это и Божие чудо, и чудо души Русского Народа.

Но в эти же дни во всю ширь развернулась Великая Октябрьская еврейско-большевицкая революция...

Одним из первых деяний первого Патриарха Тихона стало решительное публичное осуждение этой революции и — анафема ей! После нескольких проповедей и посланий с обличением беззаконий и беззаконников 19 января/2февраля 1918 г. Патриарх Тихон издал официальное послание, где говорилось: «Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской Земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви Христианской сеять всюду семена злобы, ненависти и братоубийственной брани... Ежедневно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чём не повинных, и даже на одре болезни лежащих людей... И всё это совершается не только под покровом ночи, но и въявь, при дневном свете, с неслыханной доселе дерзостью и беспощадной жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности,— совершается в наши дни во всех почти народах и весях нашей отчизны,— и в столицах, и на отдалённых окраинах (в Петрограде, Москве, Иркутске, Севастополе и др.).

Всё сие преисполняет сердце наше глубокою болезненной скорбью и вынуждает нас обратиться к таковым *извергам рода человеческого* с грозный словом обличения и прещения...

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело; это — поистине дело *сатанинское*, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной, и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной.

Властью, данной нам от Бога, *запрещаем* вам приступать к Тайнам Христовым, *анафематствуем вас*, если только вы носите ещё имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.

Заклинаем и всех вас, *верных чад* Православной Церкви Христовой, *не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение»...*

Называя затем основные безчинства, ограбления и кощунства в отношении Церкви, её имений, храмов и монастырей, Патриарх Тихон особо замечает: «И, наконец, власть обещавшая водворить на Руси право и правду, обезпечить свободу и порядок, проявляет всюду только *самое разнузданное своеволие и сплошное насилие* над всеми...»

«Враги Церкви Христовой,— говорится далее в послании,— захватывают власть над нею и её достоянием силою смертоносного *оружия*, а вы противостояйте им силою *веры вашей*, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя *поборниками народного блага*, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют прямо противно совести народной.

А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовём вас, возлюбленные чада Церкви, *зовём вас на эти страдания* с собою словами святого апостола: «Кто ны разлучит от любви Божия? Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч?» (Рим..8,35).

А вы, братие архипастыри и пастыри, не медля... зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви Православной, немедленно устройте духовные союзы,... которые *силе внешней* противопоставят силу своего святого *воодушевления* ...» (выделено везде мной — прот. Л.).

Как видим, анафема большевикам и заклятие всех (!) верующих не вступать с ними в какое-либо общение в то же время не сопровождаются призывом к вооружённой борьбе с революцией, как и в том послании Патриарха насчёт еврейских погромов, которое мы уже рассматривали. С другой стороны видно также, что, отмечая сатанинский дух и характер революции, Святейший, как и многие в его время, всё-таки в какой-то мере склонен думать, что имеет дело с безумным *заблуждением* революционеров насчёт «народного блага» и «строительства новой жизни»... Патриарх ещё не видит всей глубины лживости марксистской идеологии. *Её в полной мере не видели даже* многие участники революции, соблазнённые именно этими фальшивыми словами о «народном благе».

Но Святейший Патриарх Тихон увидел и понял главное — Церковь *не может* иметь общения с большевизмом; революционеры подлежат *анафеме*.

Это грозное прещение стало делом не одной только личной воли Патриарха. Послание 19 января вышло в дни перерыва между первой и второй сессиями Собора. А как только участники съехались на вторую сессию, так Поместный Собор Русской Церкви принял особое Постановление, которое нужно признать историческим. 28 января /11 февраля 1918 г. было постановлено: «Священный Собор Всероссийской Православной Церкви *приветствует послание св. Патриарха Тихона*, карающего злодеев и обличающего врагов Церкви Христовой, ... пребывает в *полном единении* с отцом и молитвенником Церкви Русской, внемлет его призыву и готов жертвенно исповедать веру Христову против её хулителей... призывает и всю Русскую Церковь... объединиться ныне вокруг Патриарха, дабы *не дать на поругание веры нашей*».

Так анафема Октябрьской революции, всем её участникам стала *Соборной*, от лица *всей* Русской Православной Церкви! Она дополняет собою анафему всем безбожным и неправославным учениям и их *последователям*, которая

задолго до этих событий уже содержалась в чине анафематизмов недели Торжества Православия (первое воскресение Великого поста). Данные анафемы *до сих пор не сняты* никаким постановлением Соборов или даже последовавших советских «патриархов», и все коммунисты продолжают пребывать *под анафемой* Церкви, равно как *под заклятием* её пребывают все вступавшие с ними *в общение* (имеется в виду, конечно, не житейское общение, а идейно-политическое, духовное). В этой связи важно отметить, что в своём известном «раскаянии» перед советской властью от 18 июня 1923 г. в «антисоветских действиях» и «проступках против государственного строя» (о чём мы ещё особо будем говорить) Патриарх Тихон в перечне этих «проступков» называет и анафему 1918 г., но *ни словом не говорит, что снимает или отменяет её!* По сути вещей такая анафема и не может быть снята *никогда*: она исходит из духовных недр Христовой Церкви и сохраняется до Второго Пришествия и конца земной истории человечества. Это то же самое, что изрёк преп. Серафим Саровский «декабристу», только теперь — во всероссийском масштабе.

Здесь, в этом анафематствовании Октябрьской революции и большевистской власти, — своего рода *центральная, главная точка* всех духовно-политических событий «советского» периода истории, как бы духовный стержень всего. Проклятой оказалась новая власть, проклятым стало и всё, буквально всё, что совершалось ею в области идейной, политической, экономической, культурной...

25 января 1918 г. в Киеве произошло злодейское убийство Председателя Собора митрополита Киевского Владимира (Богоявленского) революционерами. Его вывезли из Киево-Печерской Лавры на автомобиле и без всякого суда приготовились убивать. Он попросил дать время помолиться. Убийцы разрешили: «Только поскорей». Воздев руки к небу, Владыка произнёс: «Господи, прости мои согрешения вольные и невольные, и прими дух мой с миром!». Затем повернулся к палачам, по-архиерейски обеими руками перекрестил их и сказал: «Господь вас да простит!»... На следующее утро верующие женщины случайно нашли его тело, на котором были не только пулевые, но и штыковые раны. Владыка Владимир стал первым мучеником из архиереев. За ним последовало множество других.

Тем временем обновленцы заявили о полном неприятии ими соборного деяния о восстановлении Патриаршества. А. Введенский в 1918 г. писал: «...Восстановление патриаршества есть столь чрезвычайное зло, что в церкви можно теперь остаться лишь для того, чтобы уничтожить это патриаршество». И добавлял, что среди его единомышленников «с особенной настойчивостью встала мысль о необходимости *разорвать* с официальной московской церковью...» Обновленцы повели яростную борьбу против «консервативной» Церкви, привлекая к себе тем большую помощь большевиков, чем больше различных обличений и протестов большевики получали от законной церковной власти, прежде всего от Патриарха Тихона. Он же откликался на все важнейшие события времени, не уставая разоблачать революцию. Особым посланием Патриарх осудил и отделение Украины с Киевом, «матерью городов русских», от России, и связанный с этим позорный Брестский мир. Убийство Государя Николая II вызвало сильную проповедь Святейшего, произнесённую в Казанском соборе

на Красной площади (тогда ещё не было известно об убийстве и всех членов Царской Семьи). «Мы должны,— говорил Патриарх,—...*осудить* это дело, иначе кровь расстрелянного *падёт и на нас*, а не только на тех, кто совершил его... Мы знаем, что он (Государь), отрекаясь от Престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы, после отречения, найти себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией. Он ничего не предпринял для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе... И вдруг он приговаривается к расстрелу... Наша *совесть примириться с этим не может*... Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы *всё это* претерпеть в уповании, что к нам будут отнесены слова Спасителя нашего: «Блаженны слышащие Слово Божие и хранящие е» (—его).

Замечательные слова! Они точно передают главное в духовном состоянии всего Русского Народа того времени — *готовность* на страдания и даже *смерть* ради *верности Христу*, Его слову, Его правде, из *действительной* любви к Нему, как бы вместе со своим Православным Царём! Всё так и произошло: страдания и смерть ожидали всех верных Богу, то есть большинство действительно русских людей. Большевики впрямь стали называть верующих «контрреволюционерами», врагами «народной власти», пособниками «белых». А уже шла Гражданская война! В такой обстановке 25 сентября /8 октября 1918 г., в день памяти преп. Сергия Радонежского, Патриарх Тихон издал очередное послание. В нём Святейший призывает служителей Церкви *не вмешиваться* в политическую борьбу на стороне какой-либо партии, уклоняться и от политических выступлений, по слову апостола: «Повинуйтесь всякому человеческому начальству» *в делах мирских* (выделенное — это личное пояснение апостольских слов Патриархом Тихоном — прот. Л.). «Не подавайте никаких поводов,— говорится в послании,— оправдывающих *подозрительность советской власти*, подчиняйтесь и её велениям, ибо Богу, по апостольскому наставлению, следует повиноваться более, чем людям (Деян. 4,19; Галат. 1,10)».

Здесь видим уже признание того, что советская власть есть *Божие поущение*, то есть не благословлена Богом, но допущена Им, как допускается (попускается) любое зло в мире, и потому даже этой (такой) власти в делах не касающихся веры и Церкви (мирских, житейских) нужно повиноваться как Божию установлению. Через две недели Патриарх Тихон направил особое *письмо* в Совет Народных Комиссаров (СНК) от 13/26 октября 1918 г., приуроченное к 1-й годовщине установления новой власти. Оно исполнено великим и святым *гневом* и скорбью.

«Целый год (вы) держите в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину Октябрьской революции. Но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и понуждает Нас сказать вам горькое слово правды...» Далее следует перечисление всех основных бед, беззаконий, зверств и обманов «новой власти». Патриарх не может понять *смысла* всего этого. Он пишет: «Не есть ли это верх *безцельной* жестокости со стороны тех, которые выдают себя благодетелями человечества и будто бы сами когда-то много потерпели от жестоких властей?..» «Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества, и долго оно не изгла-

дится из души народной, омрачив в ней образ Божий и *запечатлев в ней образ зверя*, — говорится в письме. И далее приводится очень интересное соображение: «Не наше дело судить о земной власти, *всякая власть, от Бога допущенная*, привлекла бы на себя Наше благословение, если бы она во истину явилась *«Божьим слугой» на благо подчинённых и была «страшная не для добрых дел, а для злых»* (Рим. 13, 34). Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних, истребление невинных, простираем Мы Наше слово увещания: отпразднуйте годовщину...освобождением заключённых, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры, обратитесь не к разрушению, а к устроению порядка и законности, дайте народу... отдых от междоусобной брани. А иначе взыщется от вас «всякая кровь праведная, вами проливаемая» (Лк. 11, 51) и «от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф. 26, 52)». Кроме того, в этом письме в перечне бед, от новой власти происходящих, особо отмечается Гражданская война, *вся ответственность* за которую возлагается Патриархом Тихоном *исключительно только на советскую власть*.

Слова решительные, смелые. Но в них, как и в послании от 1 октября, мы замечаем нечто *новое* по сравнению с анафематствованием власти 2 февраля 1918 г. и заклинанием «не вступать с извергами рода человеческого в какое-либо общение». Прежде всего, оказывается, что Патриарх всё же как будто *вступает с ними в общение* (вынужден вступать!). Правда, делает он это с целью «увещания». Но в то же время он теперь *признаёт* советскую власть, как Божие попущение и готов был бы даже *благословить* её, если бы она прекратила проливать невинную кровь, преследовать веру и Церковь и установила законность, порядок и внутренний мир... Как же должна была страдать, изнемогать в страданиях и *метаться* душа Патриарха Тихона в тех невиданных историей человечества обстоятельствах! В этих метаниях — от проклятия к признанию — нет страха за себя, свою жизнь или положение, не видно и страха за Церковь, совсем нет стремления «спасти» её *ценой лжи*, то есть *одобрения* советской власти. Здесь есть лишь мучительное *стремление своевременно и точно определить отношение Церкви к новой власти в соответствии с правдой Божией, не погрешив против этой правды*. Патриарх Тихон — убеждённый *монархист*, как он сам потом об этом публично скажет. Да иначе и не может быть! Любой действительно русский, действительно православный человек (как тогда, так и теперь) просто не может не быть монархистом, сторонником Православной Самодержавной Монархии! Такими и были в *подавляющем большинстве* служители Русской Православной Церкви. Но в *октябре (!) 1918 г., когда уже были убиты* и отрекшийся Государь Николай II и чуть не все, кто мог бы, по законам, наследовать его Престол, заявить от лица Церкви о признании только Монархии как единственной богоугодной власти было уже *поздно, уже невозможно!* Это означало бы сразу поставить *всю Церковь — против* утвердившейся власти. Последняя и без этого постоянно обвиняла Церковь в «контрреволюционности». В сущности, духовно, это было верно. Но внешне Церковь как *целое* (как «организация») в политической борьбе не участвовала. Заявление о монархической ориентации Церкви (в целом) узаконило бы гонения, т.е. дало бы со стороны самой Церкви «юридическое» основание власти для расправы над Церковью, для массовых репрессий против верующих. Гражданская война была в

разгаре, и её исход был совсем ещё не ясен! Но что могла Церковь Русского Народа ожидать от возможной победы Белого движения? Чего угодно, только не восстановления исконной Русской Монархии! Как уже отмечалось, масонские или омасоненные вожди и идеологи «белых» в большинстве случаев звали к борьбе «за землю, за волю, за лучшую долю», но совсем не за Православное Самодержавие! Воззвания с призывами подняться за святые Кремлёвские соборы и за Русское Царство (почти, как в 1613 г.!) были *редкостью*. В такой обстановке духовному взору становилось видно, что, по Божью попущению, *Монархии в России не будет*. По крайней мере — в обозримом будущем. Отсюда — *любая* утвердившаяся власть должна была быть принята, как именно *Божие попущение*. И дело Церкви состояло в таком случае в том, чтобы *воздействовать* на эту власть (обличением и увещанием) дабы она не терзала народ, не беззаконничала, а соответствовала бы тому понятию власти, как Божия установления, «страшного не для добрых дел, а для злых», какое выражено в Священном Писании, в частности в посланиях апостолов Петра и Павла, к чему мы ещё вернёмся.

Мы помним поимённый список членов СНК в 1918 г. Неужели Патриарх Тихон не понимал, что, обращаясь о «увещании» к Совету *«народных»* (он сам берёт это слово в кавычки!) комиссаров, он обращается к банде вырожденцев еврейского народа, для которых нет и не может быть ничего законного и справедливого, особенно — по отношению к Русскому Народу!? Конечно, понимал. Но не напрасно Христос называл упорно не верующих Ему иудеев *детьми диавола*. С поистине сатанинской хитростью еврейские «изверги рода человеческого» создали себе *прикрытие*, как бы ширму, в виде «государства», *«государственной»* (!) власти *Советов* депутатов трудящихся, или *народных* депутатов, избранных будто бы *самим народом* и будто бы решающих все государственные дела, в том числе и церковные вопросы... В эти Советы стали путём фиктивных «выборов» набирать (не выбирать, а именно набирать, подбирать) из числа «сознательных», то есть на всё готовых и во всём послушных, — действительно рабочих, крестьян, иных «трудящихся» разных национальностей, в том числе и русских. В народе *отбросы* всегда бывают, их всегда можно найти... В таком случае получалось, что всякий противящийся сатанинской еврейско-большевицкой тирании легко объявлялся противником власти *народа*, в том числе и русского, то есть *«врагом народа»*. Как уже отмечалось, советская власть никогда не была *советской*, то есть властью этих самых Советов народных депутатов! Но они существовали! И всё, кроме тайных, совсем преступных дел большевиков, делалось на основании формальных *указаний и постановлений Советов*! Была создана огромная, дорогостоящая система *советских учреждений*, сверху донизу охватывающая все центральные и местные органы управления, власти. Они и не управляли и не властвовали, т.к. всё за них решалось в *параллельных* органах партии-церкви, называющей себя «коммунистической», но тоже не являвшейся таковой! При такой многоступенчатой, эшелонированной лживости устройства всей системы не оставалось ничего иного, как обращаться к *Советам*, как к государственной власти с тем, чтобы её дела соответствовали хотя бы её собственным социальным декларациям, законам, Конституции, принципам (демократичности, справедливости, свободы совести и т.п.). Здесь большевики, думая обмануть всех, обманули *себя*, устроив в такой организации «системы» такую идейно-политическую *ловушку*

себе самим, из которой потом так и не смогли никогда выбраться и которая стала одной из причин безславного исторического крушения «коммунизма». Об этой и иных «ловушках», устроенных для себя же коммунистическим режимом СССР, мы ещё скажем особо. Но сейчас нам важно отметить, что самой складывающейся логикой вещей стала определяться и логика отношения Церкви в лице Патриарха Тихона к «советской» власти. Очень важно, что формально, официально Советы не были органами коммунистической партии, а как бы независимыми, как бы вне идеологии органами «народного представительства», чисто *государственными*. Поэтому Патриарх, Церковь получали некое «моральное право» обращаться к ним. Патриарх *начинает признавать* советскую власть, но именно как *соответствующую* официальному статусу независимой от идеологии, соответствующую тому, что от её лица официально *заявляется и постановляется!* «Говорите о «благе народа» — так и дайте народу благо! Говорите о законности — поступайте по законам, говорите о «свободе совести» — извольте обезпечить, решили отделить Церковь от государства — вот и не вмешивайтесь во внутрицерковные дела. И т.д... Такая позиция практически неуязвима. И Патриарх Тихон до конца дней, как мы увидим, сохранял её, не переставая *обличать* органы советской власти в тех случаях, когда их дела *расходились* с их же словами. Он ставил и большевиков, и фальшивые «Советы депутатов трудящихся» поистине в *безвыходное положение!* Они практически оказывались *бесильны* против одного, слабого здоровьем, безоружного, но сильного духом, саном, Божией благодатью и вооружённого словом правды человека! Но он сам «подсказал» им средства борьбы с собою — *законы* новой «народной власти». Предъявить к нему претензии со стороны тех законов, на соблюдении коих он сам так всё время настаивает, — вот каким должен был стать ответный ход большевиков. И они предпримут его в 1922 г., когда кончится Гражданская война. А пока она шла, «изверги» *не посмели* тронуть Патриарха, т.к. тем самым дали бы слишком крупные козыри в руки своих врагов.

В 1919 г. Гражданская война достигла высшего напряжения. Положение «республики советов» делалось временами крайне шатким. Именно тогда, как мы помним, вышло послание Патриарха Тихона, *осуждающее* «еврейские погромы» и призывающее Православную Русь никогда *не поднимать меча для мести и физической расправы над своими внутренними врагами, а принять венец добровольного мученичества*.

Здесь — то, чего ещё никогда не бывало в истории! Святейший Тихон, возможно, не столько от себя, сколько — от Бога, как Глава Русской Церкви, сказал во всеуслышание Русскому Народу: *жить в этом мире больше незачем, но стоит: уходить к Богу, в Царство Небесное, в Новый Иерусалим! И уходить светло и достойно!*

Понять *такое* (!) могли тогда, конечно, далеко не все русские архиереи. Особенно — из тех, что находились вне большевицкого режима, на территориях, занятых «белыми». Епископы и священники в этих местах искренне благословляли оружие Белой армии и воинов её на битву с антихристовой большевицкой властью. Более того, полковые священники «белых» поднимали в атаки бойцов, сами во множестве гибли на полях сражений против «красных». Всем им и всем павшим белым воинам — вечная память и вечная слава!

Противоречие всего этого с указанными призывами Патриарха Тихона является лишь кажущимся — с поверхностного взгляда. В существе дела здесь нет противоречия. Пафос белых русских воинов основывался не на чувстве мести и желании непременно убить своих врагов, а на высочайшем *чувстве любви* к Церкви, к Родине, к Народу, на решительном, до смерти неприятии антихристовой власти. Белые движутся не только желанием победить, но и *готовностью умереть* «за други своя», или уйти в изгнание, но ни за что не пойти в добровольное рабство большевицкому режиму. Обречённость Белого движения вызванная в значительной мере отступничеством от правды Божией вождей, руководителей его, как уже говорилось, сообщает только ещё большую глубину самоотверженности подвига белых русских солдат и офицеров. А если разбираться в сути дела с коренных, духовных позиций, то нужно вспомнить *Гефсиманский сад* ночью в момент ареста там Иисуса Христа. Вот приходит толпа в, вот они возлагают руки на Спасителя с целью связать Его, как преступника, и повести на неправедный суд. Ученики хватаются за оружие («Господи, не ударить ли нам мечом?»). Апостол Пётр выхватывает *меч* (скорей всего — кинжал) и бросается на врагов Христовых, бьёт с плеча по голове первому попавшемуся (рабу по имени Малх) и отсекает ему ухо... Иисус, коснувшись, исцеляет ухо несчастному, а Петру говорит: «Возврати меч твой в его место (— в ножны), ибо все, взявшие меч, мечом погибнут. Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? Как же сбудутся Писания, что так должно быть?» (т.е., что Христу нужно *добровольно пострадать*) (Мф. 26, 52—54). Христос *не осуждает* Петра за его порыв, даже *не упрекает* его, более того! — жалеет Петра, уберегая его, чтобы он не погиб «от меча», то есть без сомнения, приемлет самое *чувство горячей любви* Петра, побудившее его к защите Учителя силой оружия! Христос только указывает Петру, что в *данном* (!) случае такое действие неправильно, поскольку Сын Божий идёт на страдания *добровольно*, в согласии с Божиим замыслом о спасении мира. Да, у Петра много слишком человеческой горячности и слишком много веры своим человеческим силам и чувствам. Христос скоро даст ему возможность убедиться в том, что человеческие чувства и силы *без Божией помощи* настолько ненадёжны и слабы, что Пётр, час назад готовый умереть за Учителя, трижды отречётся от Него из необъяснимого страха... Но Он же, Христос, зная *действительную любовь* Петра к Себе, и подаст вскоре этому Апостолу такую Божественную благодать, которая сделает его одним из Первоверховных проповедников Слова Божия и сообщит ему силу действительно без страха умереть за Божественного Учителя. Так что *был смысл* в том, чтобы Пётр *проявил* свою любовь ко Христу, *бросившись с мечём на врагов Божиих!* Был смысл! И великий. Подобное же следует сказать и о Святой Руси, призываемой Патриархом Тихоном на добровольную смерть, и о Белом движении, бросившемся с оружием в руках воспрепятствовать этой смерти... И в том, и в другом состоянии духа (т.е. и в смиренном приятии *без сопротивления* страданий и смерти, и в жажде *сопротивляться* до смерти) есть свой великий исторический и духовный смысл! Здесь как бы промыслительная проверка *двух важнейших качеств* Русского Народа, Великой России, искони ей свойственных, — *Смирения* и *Смелости*. Оба свойства проверку выдержали, и с великой честью и славой!

Так всегда и было на Святой Руси: слава — молитвенникам-подвижникам, не противящимся злу даже до смерти, и слава — удалым воинам, готовым на смерть ради защиты от зла своих молитвенников! Только одноклеточное сознание таких, как Л. Толстой или коммунисты, не могло вместить и понять внутреннего единства этих противоположностей.

Поэтому совершенно правы были и те русские архиереи и священники, которые на землях, свободных от большевизма, призывали людей к вооружённой борьбе с ним, благословляли эту борьбу. Здесь они к тому же имели возможность свободно говорить об отношении Русской Православной Церкви к Монархии, как единственно богоустановленной, законной и правильной форме государственного устройства России, Великороссии. И многие из них говорили, писали, выражая эти мысли, по крайней мере, как своё личное мнение. Особенно сильно и авторитетно звучал голос уже хорошо нам знакомого владыки Антония (Храповицкого) ставшего тогда митрополитом Киевским, на место убиенного митрополита Владимира, и всегда бывшего последовательным апостолом Православного Самодержавного Царства в России.

Так *впервые* получалось, что Русская Церковь разделена внешне *на две* основные части — под большевиками, и вне большевиков. И то, что не могло быть высказано или сделано в первой части, то высказывалось и делалось во второй. Все это понимали. И сохраняли в полной мере духовно-каноническое церковное *единство*. Оно выражалось прежде всего в том, что церковные власти тех мест, которые находились в руках «белых», не имея возможности практически сообщаться со Святейшим Тихоном и получать его благословение по текущим делам, вместе с тем полностью признавали себя в каноническом подчинении Патриарху Московскому. Так были созданы церковные управления Сибири, Дальнего Востока и Юга России.

6 мая 1919 г. в г. Ставрополе состоялся Церковный Собор, избравший временное Высшее Церковное Управление на Юго-Востоке России, объединившее епархии Церкви, находившиеся вне большевизмического режима. Патриарх Тихон признал и одобрил это вполне естественное и нормальное деяние.

Во время Гражданской войны произошло много важных и знаменательных событий, как военно-политического, так и церковного, духовного характера. Но одно из них является наиболее знаменательным и ключевым.

11 апреля 1918 г. в среду на 6-й неделе Великого поста в Курске, находившемся в это время в Совдепии, были украдены из Знаменского собора чудотворная Курская Коренная икона Знамения Матери Божией и её чтимый список (копия), имевшие очень драгоценные оклады. Это было уже *вторичным* поруганием данной святыни со стороны революционеров. Православный Курск пришёл в ужас и скорбь. Каждодневно возносились особые молитвы о возвращении иконы. И вот, 3 мая того же года, одна бедная женщина случайно обнаружила обе иконы, ограбленные, без окладов, в грязном мешке близ запущенного Феодосиевского колодца рядом со Знаменским монастырём и бывшим Дворянским собранием, где располагалась ЧК. Как потом выяснилось, чекисты дали этот мешок случайному человеку, чтобы он бросил его в колодец. Но тот, заглянув в мешок, убоился и Бога, и чекистов, и оставил его просто так на земле близ колодца. Обретение иконы стало праздником для всего города,

звонили, как на Пасху! В сентябре 1919 г. Курск, был взят ненадолго Белой армией. Генерал Кутепов назначил расследование всех злодеяний большевиков в Курске, в том числе и по делу об иконе. На задворках здания ЧК, на помойке были найдены два матерчатых чехла, в которых находились иконы. Чекисты, всё время утверждавшие, что иконы украдены ворами, были разоблачены. Группа их вкупе с другими советскими преступниками была расстреляна. Теперь им поставлен памятник, и сквер, где он находится, назван «Парком героев». У «совков» это не вызывает никаких чувств, принимается как «нормальное». В октябре 1919 г. при отступлении «белых» из Курска епископ Курский и Обоянский Феофан, с группой иноков Знаменского монастыря, спасая святую икону от новых кощунств или истребления, с общего согласия всей братии увез её на Юг, в Крым, затем в 1920 г. с войсками Деникина — в Сербию. Оттуда, по настойчивой просьбе генерала Врангеля, ещё державшего Крым, икона ненадолго вновь вернулась в Россию. А 29 октября 1920 г. на дредноуте «Генерал Алексеев» вместе с последними белыми воинами и множеством беженцев навсегда покинула бывшую Русскую Землю, ставшую теперь землёй антихриста, сделавшись *Путеводительницей* (Одигитрией) *Русского Зарубежья*, русских изгнанников даже до сего дня. Это было завершающим этапом того *Великого Исхода* русских из России, который начался уже в 1917 г. и продолжался, по нарастающей до октября 1920 г. Всего за это время из Совдепии за границу вынуждены были и смогли уйти около **3 миллионов** человек, в подавляющем большинстве обретая очень горькую и тяжкую участь изгнанников в чужих народах, где никто их не ждал, и где у них — ни кола, ни двора, ни работы... Но они предпочли выживать в этих, подчас невыносимо трудных условиях, но не быть в подчинении у большевиков. Вместе с этими миллионами православных, как со своей паствой, ушли и пастыри (кто сумел), немалое число епископов, священников, монахов. И там, за границей, всем им нужно было устраивать церковную жизнь. Мало кто из них знал тогда, что это изгнание — навсегда! Большинство думали, что это — временно, ненадолго, ибо не может же быть, чтобы Россия (!) — Дом Пресвятой Богородицы (!) была оставлена Богом на поругание «извергам рода человеческого»... И жили, как «на чемоданах», в течение десятилетий (!), ожидая, что вот ещё немного, и большевицкий режим падёт, и все вернутся *домой*. Но Курская *Знаменская* икона Пресвятой Богородицы, *ушедшая* вместе с ними, давала ясное знамение, что *подлинная Россия — теперь вне России, за границей!* Эта парадоксальная истина подтверждалась очень многим, и в особенности тем, что от Курской Коренной иконы начал изливаться такой *поток* (!) чудотворений и явных знамений благодати Божией, какого не было давно и в России, и какой был характерен для русских чудотворных икон лишь в глубокой древности! Ещё сохранялась за границей Русская армия, в том числе — казачьи войска с семьями, ещё строились планы возвращения и возрождения России на её земной территории... Почти никто ещё не понимал Божия Промысла и сущности происходящего и будущего. И свою Православную Русскую Церковь в изгнании, за границей, рассматривали именно как Церковь для себя, *для русских*, и как *неразрывную часть* (только часть!) Российской Православной Церкви, большинство и главная власть которой, в лице Патриарха Московского, продолжают находиться в России... Лишь через некоторое время стали замечать, что Русское Православие, вынужденно рассеянное теперь

беглецами по всем континентам мира,— в странах Европы, Азии, в Австралии, в Северной и Южной Америке,— не только для русских и России, но как раз для этих самых стран и континентов,— *для всего мира!* Но об этом подробнее мы скажем в главе «Круги смыкаются». А теперь вернёмся к моменту Исхода.

Через несколько *дней* (!) после полной эвакуации последних частей Белой армии из Крыма, Патриарх Тихон издал Постановление N 362 от 7/20 ноября 1920 г., в котором говорилось, что если какая-либо епархия (или группа епархий) Церкви вследствие изменения линии фронта (а фронта уже не было!) или иных внешних причин не будет иметь возможности сноситься с Высшей Церковной Властью, или сама эта Власть во главе с Патриархом *«прекратит свою деятельность»*, то старейший по сану архиерей немедленно должен организовать «высшую инстанцию церковной власти» для этих епархий (или епархий) впредь до восстановления связей с Центральной Церковной Властью. При этом Постановление (указ) 362 определяло порядок организации такой власти и для епархий, где есть правящие епископы, и для «вдовствующих», т.е. где епископов не стало. Прежде всего, как видно, указ 362 имел ввиду именно ушедшую за границу часть Русской Православной Церкви, т.к. для неё решительно упразднялась возможность регулярных связей с Московской Патриархией, лично с Патриархом Тихоном. Связи тайные, случайные, конечно, бывали, но они не давали возможности Святейшему *управлять* Зарубежной Церковью, как положено при нормальном положении вещей.

Русские архиереи, прибывшие в 1920 г. сперва в Константинополь, по согласию с Константинопольским Патриархом и с архиереями, ещё до революции находившимися за границей, на основании указа 362, немедленно преобразовали Высшее Церковное Управление на Юго-Востоке России в «Высшее Русское Церковное Управление Заграницей». Оно возглавлялось Собором русских архиереев числом — 34. В этот Собор вошли наряду с изгнанниками и те епископы, которые возглавляли русские приходы, давно существовавшие в Европе, в Китае, в Маньчжурии, в Японии, в Африке, в Финляндии, в Латвии (отныне уже не входившей в состав России), в США, а также Миссию в Южной Америке, Миссию в Иерусалиме. Во главе этого Собора архиереев стал, конечно, всеми почитаемый и широко известный во всём христианском мире Митрополит Антоний (Храповицкий). Вот ведь как дивны дела Господни! Хотя он и получил более всего голосов как кандидат в Патриархи, жребий Божий не ему судил стать Патриархом Московским. Но он тем же Промыслом Божиим становился Главой Русской *Зарубежной* Церкви, соделавшейся (по отпадении в отступничество и ересь «Московской патриархии») единственной истинной *Русской Православной Церковью!*

В 1921 г. Церковное Управление Заграницей переехало, по приглашению Сербского Патриарха Димитрия, в Югославию, в братскую Сербию. Здесь в г. Сремские Карловцы 3/21 ноября 1921 г. состоялось знаменитое «Заграничное *Собрание*» (позже получившее название Собора) Русских Церквей». В «Положении» о нём особо отмечалось, что «Собрание» признаёт над собою полную во всех отношениях архипастырскую власть «Патриарха Московского». Собор стал великим событием! В нём участвовали 15 архиереев и 140 клириков и мирян (всего 155 членов). Среди них известные церковные

и общественные деятели: протопресвитер Георгий Шавельский (не тем будь помянут!), А.В. Карташов (последний обер-прокурор Синода, ставший за границей солидным церковным историком, правда очень субъективистского типа, как почти все наши невозможно гордые умом профессора), проф. Погодин, проф. Троицкий, проф. Вернадский, граф П.Н. Апраксин, граф. М.Н. Граббе, князь Е.Н. Трубецкой, генерал Юзефович и другие. Почётными членами Собора были Председатель Совета Министров Югославии Пашич и Главнокомандующий Белой Русской Армии генерал Врангель. Почётным Председателем стал Патриарх Сербский Димитрий, Председателем — Митрополит Антоний (Храповицкий). Заседания, проходившие иногда в очень острых спорах, продолжались до 3 декабря (по н. ст.) 1921 г. Собор рассмотрел и решил много насущных дел по устройству церковной жизни русских людей в условиях изгнания и принял два очень важных документа: «Послание Чадам Русской Православной Церкви, в рассеянии и изгнании сущим» и «Послание к Мировой (Генуэзской) Конференции». На Соборе сильно спорили об особом послании или обращении по поводу *Православной Самодержавной Монархии*. Как и нужно было ожидать, идея такого послания встретила сопротивление со стороны либерально-демократических участников, большей частью — из мирян. Уже почти всего, даже Родины лишившиеся, т.е. воочию увидевшие плоды своих разрушительных идей и деяний, русские «либералы» не могли отказаться от этих масонских заблуждений! Они говорили, что такое обращение будет иметь слишком *политический* характер. Но это было лукавством, которое потом со скорбью обличал Митрополит Антоний, указывая, что при этом «либералы» почему-то не считали «политическим» Послание к Генуэзской конференции... Всё могло бы закончиться плохо, если бы не особое присутствие Царицы Небесной в Её Курской Коренной иконе! Не иначе, как под Её вразумлением и воздействием, Собор принял «Послание Чадам...», в котором мир всё-таки услышал свободный голос Церкви по *важнейшему* вопросу русской жизни и русской истории!

«Карающая десница Господня простёрта над нами» — так начиналось послание. В очень сильных словах описав, как «оскудела земля, гибнут люди, безбожна власть, в гонении Церковь», послание указывало на *долг* всех, ушедших от этих ужасов за границу, «быть *едиными* в христианском духе» и от лица всех изгнанников выражало величайшее *покаяние* пред Богом: «Да простит Господь и нам, и земле нашей тяжкие грехи и преступления наши, да просветит наш разум светом Истины, сердце — пламенем любви, да укрепит волю на путях правды». Далее говорилось: «Издревне *спасалась* и в веках *строилась* Русская Земля верою, молитвами святителей и подвижников, трудами царственными *Помазанников* своих.

И ныне.. да укажет Господь пути *спасения* и *строительства* родной земли, ... *да вернёт на всероссийский престол Помазанника, сильного любовью народа, законного православного царя из Дома Романовых*» (выделено здесь и везде мной — прот. Л.)

Послание подписал Председатель Русского Заграничного Церковного Собора *Митрополит Антоний*.

Так Русский Народ устами своей Православной Церкви, имевшей возможность говорить свободно, заявил себе и всему свету о *верности присяге и клятве*

Церковного и Земского Собора 1613 г. иметь впредь до скончания мира Царей только из Дома Романовых, вообще — о том, что *единственно возможным* образом своего существования на земле он признаёт только законное *Православное Самодержавное Царство!* К этому можно и нужно прибавить то решительное *осуждение Цареубийства* (с тем, чтобы кровь Помазанника Божия *не была на народе*), которое публично заявил Патриарх Тихон.

Отсюда, все разговоры о грехе или повинности *Русского Народа* в революции, Цареубийстве, отступлении от клятвы 1613 г. нуждаются в *важнейшем уточнении*: о *каком* народе идёт речь? Если о том Русском Народе, что жил в 1917—1918 г.г. (в сознательном возрасте), то *тот народ ни в чём не виновен!* Кроме ничтожного меньшинства своих естественных, т.е. всегда имевшихся отбросов (подонков). А если говорить о тех, кто явился основой «новой исторической общности — *советского народа*» или «совков», наипаче — рождённых в советское время, то эта «общность», эти «совки», как отрекшиеся или вовсе от Бога и Церкви, или, веруя тайно, «горячо *одобрявшие*» советскую власть, через такое одобрение действительно *духовно причислили себя* ко всем злодеяниям и неправдам этой власти. *Они — повинны!* Им бы теперь покаяться! *Да не могут.* Кроме ничтожного меньшинства истинных рабов Божиих, которые всегда найдутся даже среди «совков» и в РФ, до скончания Мира.

В послании Русской Зарубежной Церкви государствам-участникам Генуэзской мирной конференции 1921 г., на которой присутствовали и представители РСФСР, в частности указывалось на национальный состав большевиков — поработителей Русского Народа, — «евреи, латыши, китайцы», к которым «втёрся известный процент русских, и то преимущественно не на первых ролях», и отмечалось, что «впрочем, если бы вожди большевиков и не были инородцами и иноверцами, то и тогда, какая же логика может признать право народного представительства за теми, кто поставил себе целью совершенно уничтожить *народную культуру*, т.е. прежде всего то, чем народ жил почти тысячу лет, — *его религию*, чем продолжает жить и теперь... будучи лишён самых священных для него — *Кремлёвских соборов*, (это — почти то же, что в словах Козьмы Минина! — прот. Л.), храмов и всех почти русских монастырей, бывших в его глазах светочами жизни... Завоеватели-большевики казнили *сотнями тысяч* русских людей, а теперь *миллионами* морят их голодом и холодом. Где было слышно, чтобы интересы овечьего стада представляли его истребители-волки?... Народы Европы! Народы мира! Пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу русский народ, попавший в руки мировых злодеев! Не поддерживайте их, не укрепляйте их *против ваших детей и внуков!* А лучше помогите честным русским гражданам. *Дайте им в руки оружие*, дайте им своих добровольцев и *помогите изгнать большевиков* — этот культ (!) убийства, грабежа и богохульства — из России и всего мира».

В этих посланиях видим столько же полного понимания, что происходит с Русским Народом, и кто его губит, сколько и полного *непонимания* того, *почему* это всё происходит и *какое* имеет значение! Но, как мы помним, так и *должно* было быть! Одна часть Руси через непонимание смысла вещей и должна была *из чистой любви* делать всё, чтобы спасти от страдания другую, основную часть, согласившуюся на страдания, смерть, на Голгофу ради

спасения в Боге, *из чистой любви* ко Христу. И все обретали спасение в главном — в любви, «*ибо Бог есть любовь*» (1 Ин. 4 . 8,16).

Страны-участницы конференции в Генуе 1921 г. оружия белым не дали и не организовали войну против большевиков. Но послание Собора Русской Зарубежной Церкви *во многом* способствовало тому, что правительства Запада тогда *воздержались* от официального *признания* советской власти, и ей удалось договориться кое о чём лишь с Германией (Раппальское соглашение).

Ленин и его партия-секта пришли в чрезвычайное бешенство! Они ясно понимали, что верующие в России вполне единодушны о теми, кто теперь за границей. От Патриарха Тихона стали требовать церковными средствами (запрещение в служении, лишение сана, отлучение) «наказать» русских архиереев за рубежом, дерзнувших сказать миру правду о большевицком режиме. Патриарх отказался. И отказывался до конца своих дней. Тогда против всего духовенства и самых активных верующих была устроена грандиозная провокация.

Воспользовались страшным голодом, наступившим как раз в 1921 г. и особенно поразившим Поволжье. Вымирали сотнями тысяч, в иных местах — целыми селениями. Из-за границы пошла немалая помощь голодающим, но доходила до них крохами, только для показухи. Основная же часть помощи оставалась в центре, у большевицкого руководства для поддержания их режима, не особенно и нуждавшегося в этом, т.к. уже вовсю шла продажа ценностей и драгоценностей России за границу. Американские дельцы *знали*, что помощь идёт не голодающим, а большевикам, и продолжали собирать и посылать её... В такой обстановке в 1922 г. большевики решили начать кампанию «изъятия церковных ценностей» якобы для помощи голодающим. Цели кампании Ленин определил так.

«Товарищу Молотову для членов Политбюро. Строго секретно. Просьба ни в коем случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинин тоже) делать свои пометки на самом документе. Ленин... Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах *едят людей* и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой *бешеной* (!) и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... (Этим) мы можем обеспечить *себе* (!) фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого никакая *государственная* работа вообще, никакое *хозяйственное* строительство в частности и никакое *отстаивание своей позиции* в Генуе в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало... Позже сделать это нам не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого *настроения широких крестьянских масс*, который бы либо обеспечил нам *сочувствие* этих масс, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам *нейтрализование* этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием церковных ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне».

Итак, ограбить Церковь для поддержки своего режима, но под видом «помощи голодающим»... Это лишь одна цель. Вторая, не менее важная, по Лени-

ну, состояла в том, чтобы *расправиться с духовенством и верующими*, которые несомненно будут сопротивляться, и уже начали сопротивляться, как в г.Шуе, ограблению Церкви и кощунственному святотатству в отношении богослужебных сосудов и освящённых предметов. Ильич далее пишет: «...Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой *жестокостью*, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин (*русский* — прот. Л.),— никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни перед публикой тов. Троцкий (!..) Политбюро даёт детальную директиву судебным властям, тоже *устную*, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивлявшихся *помощи голодающим* (!)... закончился *не иначе, как расстрелом очень большого числа* самых влиятельных и самых опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности также... и Москвы, и нескольких других духовных центров... На съезде партии устроить *секретное* совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала». Задача совещания — «секретное решение» о «беспощадной решительности» и «кратчайших сроках» изъятия церковных ценностей с такой целью: «Чем *большее число* представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам до *этого поводу расстрелять, тем лучше*. Надо именно теперь *проучить* эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать». Далее Ленин говорит, что в секретной комиссии «*обязательно*» «*участие тов. Троцкого*» (!) и заканчивает постскриптомом: «Прошу т. Молотова постараться разослать это письмо членам Политбюро вкруговую сегодня же вечером (не снимая копий) и просить их вернуть Секретарю тотчас по прочтении с краткой заметкой, согласен ли с основой каждый член Политбюро, или письмо возбуждает какие-нибудь разногласия. Ленин» (выделено везде мной — прот. Л.)

Значит, за отнятые у верующих ценности и святыни, которые никогда не пойдут на помощь голодающим, ещё и — «расстрелять как можно больше» верующих!..

Письмо написано 19 марта 1922 г. Разногласий по нему не было. Провокация началась. Патриарх Тихон, как и многие епископы на местах, занял в основном совершенно правильную позицию. Он *соглашался* отдавать церковные драгоценности, но, во-первых, кроме богослужебных сосудов и других освящённых предметов, т.к. это запрещено канонами Церкви как святотатство, и, во-вторых, с тем, чтобы иметь возможность убеждаться, что ценности идут действительно на *помощь голодающим*. При этом советским властям предлагалось взамен богослужебных сосудов и святынь (как бы в качестве «выкупа») брать собранные с верующих золотые, серебряные вещи, другие драгоценности (или деньги) равной стоимости. Многие местные Советы и комитеты Помгола (помощи голодающим), в том числе Петроградский, поначалу вполне соглашались на все эти условия, наивно думая, что речь идёт, в конечном счёте, именно о *ценности* (стоимости) средств и именно для помощи голодающим... Но ГПУ и Ревтрибуналы в таких случаях быстро разъясняли, в чём суть дела, или прямо брали всё в свои руки. *Безконтрольному и насильственному*

изъятию богослужебных и освящённых предметов Патриарх Тихон решительно воспротивился и *призвал верующих* также постоять за свои церковные святыни. Вот этого и ждали провокаторы! По советскому «закону» все имущества Церкви, в том числе и сосуды, являлись «собственностью государства», так что Патриарх, по этому закону, не имел права чего-либо не давать и ставить государству какие-либо условия... Начались столкновения безоружных верующих с вооружёнными чекистами, быстрые «судебные процессы» и *расстрелы*. Патриарха Тихона сперва привлекли к суду в качестве «свидетеля», издевательски показывая ему, что он, архипастырь, *повинен в смерти* множества своих расстрелянных пасомых, а затем и самого посадили в тюрьму на «законном» основании. В день ареста, *угрожая* новыми и ещё более страшными *казнями верующих*, большевики вынудили Патриарха Тихона подписать указ от 5 мая 1922 г., которым упразднялось Высшее Церковное Управление Заграницей, созданное на Соборе в Сремских Карловцах полгода назад. Указ был получен за рубежом не сразу и в экземпляре, подписанном не Патриархом, а неким архиепископом Фаддеем, которого никто из русских архиереев не знал. Всем им было понятно, что указ издан под давлением душегубов, не является свободным мнением Патриарха. И *тем не менее* Собор русских епископов за границей во главе с Митрополитом Антонием из уважения к Патриарху решили *подчиниться*. Заграничное ВЦУ, состоявшее не только из представителей епископата, но и — священников и мирян, было *распущено*. Взамен его был образован более соответствующий канонам *Архиерейский Синод* Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), действующий на основе Постановления N 362 (против него потом не возражал даже митрополит Сергей (Страгородский)).

Так начались попытки большевицкого режима противопоставить две части Русской Церкви — Зарубежную и находящуюся в России, друг другу, учинить между ними *раскол*. *При жизни* Патриарха Тихона сделать этого им *не удалось!*

Меж тем, в 1922 г. в России началось что-то вроде облавы на епископов и иное духовенство. Очень много иерархов были арестованы, брошены в тюрьмы. Всё в целом создавало впечатление страшного разгрома, как бы *конца* Православной Церкви... Некоторая часть духовенства поддалась панике, пошли разговоры о том, что для спасения, сохранения живых сил Церкви нужно *притворяться* полностью преданными большевикам, соглашаться *на всё*, что они требуют от церковников... Настал час *великого соблазна!*

В этот решающий, исторический час духовного выбора, вставшего перед сознанием всех архиереев Русской Православной Церкви и каждого в отдельности, словно могучий колокол прозвучало слово священномученика митрополита Петроградского Вениамина (Казанского). Он был арестован и привлечён к «суду» в Петрограде в 1922 г. по тому же провокационному «делу» об изъятии церковных ценностей. Сей благодатный, смиренный старец, любимый всеми верующими Петрограда, архипастырь, всегда далёкий от какой-либо политики, соглашался отдать даже драгоценнейший оклад самой великой святыни города — Казанской иконы Богородицы, вообще — любые ценности Церкви, *кроме богослужебных сосудов*, за которые, впрочем, Помголу предлагался эквивалентный выкуп *золотом*, с условием, что верую-

щие получают право убедиться, что ценности их идут в самом деле голодающим. Несмотря на это, митрополита предали суду. Мало кто думал, что суд станет фарсом, видимостью суда, в силу «секретных» инструкций Ленина. Защищать владыку Вениамина взялся опытный адвокат Я.С. Гуревич, спросивший митрополита, не смущает ли его то, что он, Гуревич,— еврей. Митрополит с улыбкой ответил, что не смущает. Гуревич сумел блестяще *доказать* полное *отсутствие состава преступления* в действиях владыки Вениамина. Очень яркий пример того, что *не все* евреи единодушны с деяниями своих явных и тайных вождей, что последним далеко не всё и не всегда удаётся в плане «воспитания» своих соплеменников! Не взирая ни на что, суд приговорил митрополита и других с ним обвиняемых к *расстрелу*. Это было 4/17 июля 1922 г. За два дня до приведения приговора в исполнение Владыка Вениамин из тюрьмы сумел передать на свободу такое своё письмо: «... В детстве и отрочестве я зачитывался Житиями Святых и восхищался их героизмом, их святым воодушевлением, *жалел*, что времена не те и не придётся переживать, что они переживали. Времена изменились, открывается *возможность терпеть* ради Христа от своих и от чужих. Трудно, тяжело страдать... Трудно переступить этот рубикон, границу, и всецело предаться воле Божией. Когда это совершается, человек избыточествует утешением, не чувствует самых тяжких страданий, полный... внутреннего покоя, но и других влечёт на страдания, чтобы они переняли то состояние, в каком находится счастливый страдалец. Об этом я ранее говорил другим, но мои страдания не достигли полной меры. Теперь, кажется, пришлось пережить почти всё: тюрьму, суд, общественное заплевание, обречение и требование этой смерти, якобы народные аплодисменты, людскую неблагодарность, продажность и тому подобное, беспокойство и ответственность за *судьбу других* людей и даже за *самую Церковь*. Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение. *Я радостен и покоен, как всегда*. Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За *судьбу Церкви Божией я не боюсь*. Веры надо больше, больше её иметь нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, учёность и силы, и *дать место благодати Божией*. Странны рассуждения некоторых, может быть и выдающихся пастырей, разумею Платонова,— надо *хранить живые силы*, то есть их ради *поступаться всем*. Тогда Христос на что? Не Платоновы, Чепурины, Вениамины и тому подобные спасают Церковь, а Христос. Та точка, на которую они пытаются встать,— *погибель для Церкви*. Надо *себя не жалеть* для Церкви, а *не Церковью жертвовать ради себя*. Теперь время суда (имеется в виду испытание душ — прот. Л.). Люди и ради политических убеждений жертвуют всем. Посмотрите, как держат себя эсэры и т.п. Нам ли, христианам, да ещё иереям, не проявлять подобного мужества даже до смерти, если есть хоть сколько-нибудь (!) веры во Христа, в жизнь будущего века!..»

Вот это голос Святой Руси, выражение того духовного состояния, в котором она и Русский Народ как Личность, как целое, шли на свою историческую Голгофу.

С другой стороны, все эти дела показывают, с какой чуткой сатанинской силой и хитростью, с каким антихристовым духом и коварством пришлось лицом к лицу столкнуться Великой России и её Святой Православной Церкви!

Как могла быть достигнута и достигалась (!) победа в этой решающей всемирно-исторической схватке? *Смирением* перед Промыслом Божиим, попустившим такой битве произойти, и орудием *стояния* в вере и правде, до смерти, оружием «духа и силы» в проповедании и исповедании истины. Смирение предполагает какое-то *отступление*, стояние — напротив, должно проявиться в решительной *неуступчивости*. Но — в чём? Как? Где *граница*, до которой можно отступать, и за которую отступать нельзя?

В деле об «изъятии церковных Ценностей» эта граница проведена с материальной, можно сказать — бухгалтерской *точностью*!

Можно отдать оклады икон, драгоценные ткани, драгоценные лампы, подсвечники, цепи, золотые и серебряные блюда и сосуды подсобного или второстепенного значения, которых по церковным правилам, *может касаться рука мирянина*. *Нельзя* отдавать наборы богослужебных сосудов, напрестольные Евангелия, кресты, дарохранительницы и дароносницы, т.к. все те святыни, которых *даже касаться не должна* рука мирянина.

Эту границу, как мы видели, враги стремятся перейти с помощью государственного законодательства, *закона*, установленного самой *Богом попущенной властью*, объявившей *все, без исключения*, церковные предметы «собственностью государства».

Закон гражданский умышленно приведён в противоречие с законом Церкви. Смысл промыслительного испытания в этом деле ясен, — проверить, *какому* из этих законов предпочтут подчиниться верующие христиане? Если церковному — смерть, если гражданскому — предательство и соучастие в святотатстве, что может повлечь «смерть вторую» (вечную богоудалённость в аду).

Вот выдержка из протокола допроса Патриарха Тихона на процессе «54-х» в Москве по поводу его воззвания о сопротивлении изъятию церковных ценностей.

«Председатель (суда): Гражданин Белавин, ... Ваше послание касается церковного имущества, как же понимаете Вы с точки зрения советских законов, законно Ваше распоряжение, или нет?

Патриарх: Это Вам лучше знать. Вы — советская власть.

Председатель: То есть Вы говорите, что судить нам, а не Вам. Тогда возникает вопрос — законы существующие в государстве, Вы считаете для себя обязательными, или нет?

Патриарх: Да, признаю, *поскольку они не противоречат правилам благочестия*. Это было написано в другом послании.

Председатель: Вот в связи с этим ставится вопрос: не с точки зрения церковных канонов, а с точки зрения юридической: вот имеется закон о том, что всё церковное имущество изъято от Церкви и принадлежит государству, следовательно, распоряжаться им может только государство, а Ваше послание касается распоряжения имуществом и даёт соответствующие директивы, законно это или нет?

Патриарх: С точки зрения советского закона, незаконно, с точки зрения церковной — законно.

Обвинитель: Значит, с советской точки зрения незаконно, и это *Вы учитывали и знали*, когда писали послание.

Патриарх: В моём послании нет, чтобы не сдавать. А вот я указываю, что кроме советской есть и церковная точка зрения и вот с этой точки зрения — нельзя».

Как видим, положение *безвыходное, тупиковое*. Это и есть — **Граница!** Такое положение может разрешиться только отступлением одной из сторон или *смертью* одной из сторон, если она *готова* умереть, но *не отступить!* Как же оно разрешается в том конкретном случае на процессе **54-х** старейших московских священников, на котором происходил приводимый допрос?

Председатель: Вы приказывали читать всенародно Ваше воззвание, призывая народ к *неповиновению властям* (— лукавое «передёргивание карт»! — прот. Л.)?

Патриарх: Власти хорошо знают, что в моём воззвании нет призыва к сопротивлению властям, а лишь призыв сохранить свои святыни, и во имя сохранения их просить власть дозволить уплатить деньгами их стоимость, и, оказывая тем помощь голодным братьям, сохранить свои святыни.

Председатель: А вот этот призыв будет стоить жизни Вашим покорным рабам.

И здесь он показал рукой на подсудимых.

Тогда, по другому источнику — свидетельству очевидцев, Патриарх Тихон окинул любящим взглядом батюшек на скамье подсудимых и сказал; «Я всегда говорил и продолжаю говорить,... что во всём виноват я один, а это — лишь моя Христова армия, послушно исполняющая веления ей Богом посланного Главы. Но если нужна искупительная жертва, нужна смерть невинных овец стада Христова — тут голос Патриарха возвысился и стал слышен во всех углах громадного зала, и сам он как будто вырос, когда обращаясь к подсудимым, поднял руки и благословил их, громко и отчётливо произнося, — *благословляю верных рабов Господа Иисуса Христа на муки и смерть за Него*». Подсудимые опустили на колени. Смолкли и судьи, и обвинители... Заседание в этот вечер больше не продолжалось.» Наутро огласили приговор: 18 священников — к расстрелу. Когда их выводили из зала, они запели: «Христос воскрес из мёртвых, смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав».

Пасха! Суцая Пасха Святой Руси, если иметь в виду буквальный перевод слова Пасха — «переход», «прохождение». Переход Руси из жизни земной — в жизнь Небесную Царства Божия, **Воскресение** в Царство Небесное! И уходят из этой истории, из этого мира и жизни, не с проклятиями мучителям, не с воплями или отчаянием, а с Пасхальной радостью — «Христос Воскресе!». **Вот ведь что.** Вот это — несомненная, неоспоримая *победа* Церкви Христовой над церковью антихристовой!

Но если границу, на которой нужно стоять до смерти, то есть до победы, в области церковных предметов определить было сравнительно просто, то сложнее оказалось определить такую границу в более обширной области — общих отношений между Церковью и Советским государством. До *какой* черты можно здесь идти на уступки (отступать), а где нужно также твёрдо остановиться, чтобы — ни шагу назад? И в этой области священная граница была *определена..*

События развивались так. 6 мая 1922 г. Патриарх Тихон был арестован. Нависала, как казалось, угроза и для его жизни. Узнав об этом, Русская Зарубежная

Церковь забила во все колокола. Митрополит Антоний обратился к правительствам ведущих стран, к виднейшим деятелям христианского мира, в том числе — к англиканскому архиепископу Кентерберийскому, с призывом не допускать расправы над Российским Патриархом. Архиепископ Кентерберийский всем своим авторитетом «надавил» на правительство Великобритании, которое *потребовало* от РСФСР освободить Святейшего Тихона. Он об этом поначалу не знал. Не знал и народ в России; люди просто плакали и горячо молились о своём верховном пастыре. В тот момент большевики были заинтересованы в некоем «сохранении лица» перед Западом. Да, кажется, и не имели в тот именно год действительного намерения казнить Патриарха Тихона (в цитированном секретном письме Ленина прямо говорилось о «нерациональности» в данный момент «трогать» Патриарха, но — лишь поставить его под пристальный тайный надзор Дзержинского и Уншлихта). Заключение Патриарха в тюрьму, скорей всего, имело другую цель — сломить его духовно, вынудить пойти на какое-то соглашение с Советами.

Для этого большевики сделали вид, что дают преимущество «обновленцам», как бы на них делают ставку в своей церковной политике. Отсюда потом возникло впечатление, что большевики в самом деле надеялись как бы заменить патриаршую церковь обновленческой. Это неверно. *Изначально* большевики хорошо знали, кто такие обновленцы, знали что народ за ними не пойдёт. Тогдашний уполномоченный ГПУ-НКВД по церковным делам Е.А. Тучков был приятелем обновленческого священника В.Д. Красницкого, считал всю их компанию «несолидным учреждением», желая поскорей *отделиться* от неё, но, конечно, охотно использовал обновленцев в нужный момент. *Изначально* предметом главных забот большевиков была именно настоящая, истинная Русская Церковь и её Патриаршее возглавление. Подчинить их любыми средствами себе, своему руководству, — вот что было действительной целью антихристов.

По согласованию с большевиками лидеры обновленцев — священники А. Введенский (провозглашённый затем обновленческим «митрополитом»), А. Боярский, Е. Белков и псаломщик С.Стадник явились к заключённому Патриарху с лживым «сыновним» почтением, предлагая позаботиться об оставшейся без присмотра Патриаршей канцелярии и о том, чтобы в отсутствие Святейшего продолжалось ведение церковных дел. Патриарх Тихон, в соответствии с решением Поместного Собора от 25 января 1918 г., назначил временно «во главе церковных дел» митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского) или митрополита Петроградского Вениамина. Делегации Введенского Патриарх поручил только *передать* дела канцелярии одному из этих Местоблюстителей Патриаршего Престола. Вениамин попал в тюрьму (13 августа 1922 г. был расстрелян), а Агафангела большевики не выпустили из Ярославля. Обновленцы же с А.Введенским во главе, *обманув* и церковников и народ, захватили не только канцелярию с её бумагами, но всё *церковное управление*, на что будто бы дал им своё согласие Патриарх. Через несколько дней после приёма у Калинина 15 мая обновленцы заявили, что ввиду «отстранения Патриархом Тихоном себя от власти», они создают Высшее Церковное Управление (ВЦУ) и берут в свои руки дела всей Русской Церкви. В июне-июле 1922 г. самозванное ВЦУ привлекло к работе двух епископов из числа «либеральных» — Антонина

(Грановского), находившегося на покое, и Воронежского Леонида (Скобелева). Они совершили посвящения во епископов нескольких женатых обновленцев без разлучения их с жёнами... Во главе создаваемой таким образом «Живой Церкви» был ими вскоре поставлен бывший Нижегородский архиепископ Евдоким (Мещерский), которого в 1925 г. они уволили, как «плохого обновленца», за то, что он старался сгладить еретические крайности обновленчества и наладить какие-то связи с Патриархом. «Живая Церковь» создавалась по образу... *партии* (!) с «программой», «уставом», «центральный комитетом» и «членскими взносами».

Так произошёл *обновленческий раскол*. Патриарх Тихон *анафематствовал* раскольников. Митрополит Вениамин, ещё не арестованный, *запретил в служении* А. Введенского (полагают, что это стало главной причиной расстрела Владыки Вениамина).

Увидев, что обновленцы пользуются полной поддержкой советской власти, их тотчас *признали* те, кому дороги были не правда Божия и Церковь Христова, а свои личные интересы. Таковыми оказались, прежде всего, митрополит Владимирский и Шуйский *Сергий (Страгородский)*, архиепископ Евдоким (Мещерский) и архиепископ Костромской и Галичский Серафим (Мещеряков). 16 мая 1922 г. было опубликовано их заявление («Меморандум трёх»), где выражалось полное признание обновленческого ВЦУ, как «единственной (!) канонически (!) законной Верховной Церковной Власти», все распоряжения которой «вполне законны и обязательны». К этой группе примкнул также епископ Ямбургский Алексей (Симанский) — будущий советский «патриарх», несколько других подобных же архиереев. *Признали* явно раскольническое и еретическое обновленческое ВЦУ также Патриарх Константинопольский Григорий VII и Александрийский Патриарх. Григорий VII даже написал Патриарху Тихону послание, в котором уговаривал его добровольно *отказаться* от власти в церкви и *признать обновленческое ВЦУ*. Другие Поместные Православные Церкви тогда не выразили такого признания, но действия двух названных патриархов явились зловещим предзнаменованием Отступления (Апостасии) от Православия в скором будущем, выражением *способности* к такому Отступлению бывших некогда важнейшими и виднейшими в Православии Поместных Церквей.

Всё это произвело определённый соблазн в русской церковной среде, колебания, «шатание умов». Но большинство епископов, оставшихся в России, а также весь верующий народ обновленческой «Живой Церкви» не признали. Она же спешно подготовила и провела в *апреле — мае* 1923 г. свой «Собор», который назвала «Вторым Поместным (т.е. после Первого, 1917—1918 г.г.) Собором Русской Православной Церкви». «Собор» упразднял Патриаршество как «контрреволюционный» образ правления, отменял анафему большевикам 1918 г., лишал сана (и даже монашества!) Патриарха Тихона, вводил в церковную жизнь еретические нововведения обновленчества. Всё это, разумеется, не имело равным счётом никакой канонической силы, по причине незаконности ВЦУ и еретического характера обновленческого учения. Но *впечатление* производило! Кроме того, советская власть начала отбирать у Православных («тихоновцев», как их называли) *храмы* и передавать обновленцам почти повсеместно, по всей России! Всех людей, принципиально не признающих власти раскольников и

их лжесобора, обновленцы объявляли «контрреволюционерами», **врагами** советской власти, о чём ей тут же и доносили. Так, по доносам этих церковных отщепенцев, полилась теперь **кровь множества** священников, монахов, мирян...

В такой обстановке Святейший Тихон, находясь в тюрьме и многого не зная, **убоялся** за Церковь, но не за её существование, не за то, что её просто перебьют, а за то, что **обновленческий** раскол может углубиться, расшириться и тем принесёт Церкви большие соблазны и духовные беды! Не без лукавых налётов Тучкова, Патриарху **показалось**, что весь вопрос, всё дело состоит лишь в «**признании**» советской власти. Если согласиться с тем, что предлагали ему органы НКВД, и выразить публично раскаяние перед Советами и признание их, то можно получить свободу с тем, чтобы, выйдя из тюрьмы и взяв в руки вновь церковное управление, выбить почву из-под ног обновленцев и преодолеть их раскол! И Патриарх согласился... Хитроумный манёвр большевиков увенчался, казалось, большим успехом! Вскоре в газетах было опубликовано Заявление в Верховный Суд РСФСР Патриарха Тихона от **16 июня 1923 г.** (сравнить с временем лжесобора обновленцев). В нём говорилось:

«Будучи **воспитан в монархическом обществе** и находясь до самого ареста **под влиянием** антисоветских лиц, я действительно был настроен к советской власти враждебно, причём враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям, как-то: обращение по поводу Брестского мира 1918г., анафематствование в том же году власти, и, наконец, воззвание против декрета об изъятии церковных ценностей в 1922 г... Признавая правильность решения суда о привлечении меня к уголовной ответственности ... за антисоветскую деятельность, я раскаиваюсь в своих поступках против государственного строя и прошу Верховный Суд изменить мне меру пресечения, т.е. освободить меня из-под стражи.

При этом я заявляю Верховному Суду, что отныне я Советской власти **не враг**. Я окончательно и решительно отмежевываюсь, как от **зарубежной**, так и от **внутренней** монархическо-белогвардейской контрреволюции.

Патриарх Тихон (Василий Белавин)». (Выделено везде мной — прот. Л.)

Тяжёлый, скорбный документ. Очень тяжкое впечатление он произвёл тогда на всех. Но все, в том числе за рубежом, понимали, что, хотя это **явное отступление** от изначально твёрдой позиции, оно, во-первых, не является свободным, но **вынужденным**, сделанным под давлением в тюремных условиях, и что, во-вторых, оно не идёт дальше выражения простой **лояльности** утвердившейся власти с отказом от «монархическо-белогвардейской» **политической борьбы** с ней. Когда впоследствии некоторые близкие люди всё-таки говорили Патриарху, зачем он сказал, что он «Советской власти не враг» (?), Святейший отвечал: **«Но я и не сказал, что я ей — друг!»**

Не враг, но и не друг.

Вот это и есть та **граница**, до которой отступил Патриарх Тихон и за которую он не двинулся, до смерти! Следует отметить, что заявление сделано Патриархом за себя и от себя лично, но **не от лица всей Церкви!** К тому же в заявлении Патриарх раскаивается в прежних деяниях, в том числе в анафематствовании власти, но **не снимает, не отменяет** этого анафематствования, как сделали обновленцы на своём «лжесоборе»!

Отступление Патриарха Тихона на указанный рубеж, или границу «лояльности», объяснялось не только его желанием вернуться к правлению Церковью, чтобы противостоять обновленческому расколу. Была ещё одна очень важная причина. К тому времени *полностью* завершилась Гражданская война и стало ясно, что *все человеческие* силы, направленные на свержение большевистского режима, какие только имелись, *были использованы* и к желаемой цели не привели. Следовательно, этот режим, эта безбожная власть является окончательно *Божьим попусшением*, а перед ним нужно смириться! Как смиряться? Это показало дальнейшее поведение и Патриарха Тихона, и *подавляющего* большинства (!) епископата и духовенства, находившихся в России.

Большевики, со своей стороны, тоже всё хорошо понимали. Поэтому, освободив Патриарха Тихона из тюрьмы, они в то же время официально, директивно *запретили* поминание его имени за богослужениями, как *уголовного преступника*, обвинение с которого *не снято*, но которому только изменена «мера пресечения». За нарушение этого запрета, согласно циркуляру Наркомюста № 254 от 8 декабря 1923 г., виновные (т.е., кто будет считать Патриарха Главою Церкви и поминать его за богослужением) подвергались *уголовному наказанию* — три года лагерей! Но люди, священники и диаконы несмотря ни на что, *поминали!* Иных Господь покрывал, иным давал возможность пострадать. И шли в лагеря, и в тюрьмы, и под расстрел... Ибо гонения на Церковь, на верующих после Заявления Патриарха от 16 июня 1923 г. не прекращались ни на день!

Но тем не менее, относительная, со всех сторон ограниченная свобода дала Святейшему Патриарху возможность вновь возглавить находившуюся в России часть Русской Православной Церкви! Идеино-духовные колебания многих сразу прекратились. А главное — народ увидел, что по Божией милости Православие не сломлено! В итоге — храмы, где служили обновленцы, большей частью — виднейшие и крупнейшие соборы — *пустовали*, а «тихоновские», патриаршие — тесные и немногочисленные — были *переполнены* молящимися! Сам народ решительно не принял обновленчества. Потом его перестали поддерживать и большевики, так что оно быстро пошло на убыль и в 1943 г. совершенно исчезло из церковной жизни. Понимавшие полную нецерковность обновленческой «церкви» большевики, как уже говорилось, использовали её только с целью *спровоцировать* Церковь истинную на полное сотрудничество с собою, полную себе подчинённость. С Патриархом Тихоном достичь этого не удавалось. Каким-то образом большевикам стали известно *письмо*, написанное Патриархом Митрополиту Антонию (Храповицкому) за границу. Оно как бы отвечало на недоумения, могущие возникнуть (и возникавшие) по поводу его Заявления со словами об «отмежевании» от зарубежной контрреволюции. Газета «Известия» от 12 июня 1924 г. сообщает, что Патриарх Тихон в этом письме заявил Митрополиту Антонию по поводу своего «отмежевания»: «*Я написал это для властей, а ты сиди и работай*». И Антоний, — продолжают «Известия» — действительно работает, издаёт от имени организованного им в Сербии синода «Церковные Ведомости», в которых печатает небылицы о том, как советская власть травила Патриарха».

Можно усомниться в точности передачи слов этого письма. Можно даже усомниться в самом его существовании! «Известия» могли лгать, и на самом

деле такого письма не было. Но никак нельзя сомневаться в точности передачи действительного *настроения* Патриарха Тихона и его *отношения* к Митрополиту Антонию и в целом — к зарубежным своим братьям! Здесь нет «двойного поведения» или «двойной морали»: Патриарх Тихон *убеждённо* стал на позицию полной гражданской лояльности советской власти, поскольку она *утвердилась* и тем обнаружилось, что она есть Божие поущение. Но он не мог не симпатизировать в душе и тем архиереям и верующим, которые, оказавшись за границей, могли свободно устраивать свою церковную жизнь и говорить миру правду о советской власти и о положении Церкви в СССР. Доказательством *лояльности* Патриарха может служить его соболезнование *правительству* (не партии коммунистов) по поводу кончины «В.И. Ульянова-Ленина» как председателя СНК (т.е. правительства), крайне лаконичное и формальное (без единого ластивого слова, без лицемерного выражения «любви» к почившему или признания его «заслуг»), от 24 января 1924 г. Здесь ясно, что Патриарх нынешней власти — *не враг*. Доказательством его *единодушия с заграницным* Синодом и Собором русских епископов служит, как то, что Патриарх решительно, до конца, не взирая на давление Тучкова, *отказывался* отлучить или запретить в служении зарубежных братьев, так и его Обращение во ВЦИК в октябре того же 1924 г. Оно оказалось последним, через полгода Патриарха не стало. В Обращении говорилось:

«Церковь в настоящее время переживает безпримерное внешнее потрясение. Она лишена материальных средств существования... Десятки епископов и сотни священников и мирян без суда, и часто даже без объяснения причин, брошены в тюрьмы, посланы в отдалёнейшие области республики, влачимы с места на место; православные епископы ... не допускаются в свои епархии... или подвергаются арестам; Центральное Управление Православной Церкви дезорганизовано, (патриаршие) учреждения ... не зарегистрированы, ... церкви закрываются, обращаются в клубы и кинематографы, или отбираются у многочисленных православных приходов и передаются для незначительных численно обновленческих групп, духовенство обложено непосильными налогами, терпит всевозможные стеснения, ... дети его изгоняются со службы и из учебных заведений потому только, что их отцы служат Церкви...»

Это всё — как раз то, о чём на весь мир говорила Зарубежная часть Русской Церкви и что большевики постоянно объявляли «клеветой», «пропагандой *зарубежной контрреволюции*», «*политиканством*» зарубежных служителей Церкви... Здесь Патриарх Тихон определённо — *не друг* советской власти, поскольку она творит явные беззакония, гонения и жестокость в отношении Церкви и верующих.

Вот она — *граница!* Вот как *практически* осуществлялось Патриархом Тихоном стояние на этом рубеже: *не враг, но и не друг*.

По выходе Патриарха из тюрьмы ему начали приносить покаяние некоторые из тех, кто примкнул недавно к обновленческому расколу, в том числе — *митрополит Сергей (Страгородский)*, архиепископ Серафим (Мещеряков), епископ Алексей (Симанский)... Подобные покаяния архиереев происходили в храмах Москвы чаще всего — всенародно, и кающиеся просили прощения у Патриарха, у священнослужителей, и у народа! Святейший при-

нимал покаявшихся вновь в лоно Православной Церкви. Некоторые каялись искренне, иные — притворно, словно почуяв, что какой-то «ветер» со стороны большевиков подул в сторону патриаршей власти. Так на самом деле и было, хотя в то же время гонения на «тихоновскую» Церковь не прекращались, что многих сбивало с толку, да и теперь затрудняет понимание того, что же всё-таки хотели добиться антихристы? Многие по сей день полагают, что большевики-атеисты хотели *полностью*, начисто уничтожить Церковь и веру в СССР, но *не могли* быстро этого сделать в силу ряда объективных причин. Нет, не этого хотели мнимые атеисты, точнее — их высшие руководители. Их незримый «отец» и «отец лжи» — диавол хорошо знал, что внешний погром и репрессии могут загнать веру и Церковь в подполье (в катакомбы), но не могут уничтожить их! К тому же началось довольно успешное бытие за границей *той же самой* Русской Православной Церкви... Для диавола и вдохновляемых им несчастных его служителей простое физическое уничтожение рабов Божиих — не победа, а *поражение* (хотя они постоянно *вынуждены* прибегать именно к уничтожению!). Победа всегда только в том, чтобы так или иначе склонить служителей Христа к *добровольному* (!) служению антихристу, Церковь Божию сделать церковью сатанинской, *извратить* её тем самым *так же*, как удалось извратить бывшую Церковь Ветхого Завета — *Израиль*, сделать её *церковью-оборотнем*. Вот в этом — особый успех и особое наслаждение! Между прочим, упорное желание при изъятии церковных ценностей захватить именно богослужебные сосуды и священные предметы объяснялось не только провокационным стремлением «расстрелять как можно больше» сопротивляющихся этому кощунству: большевики могли, взяв эквивалентный выкуп золотом, оставить Церкви эти святыни и *всё равно* расстрелять столько, сколько хотели и сумели бы! Здесь явно видно стремление именно *покошунствовать* над святынями самым разным образом, от переплавки их на деньги, и отправки чуть ли не *вагонами* в руки западных евреев-банкиров, до использования в самых неожиданных колдовских, сатанинских ритуалах.

Феномен *оборотничества* (двойничества) мы уже наблюдали в русской истории *во всех* тех случаях, когда на Руси, в России получала возможность действовать церковь диавола. Так было в *ереси жидовствующих* в XV в., в Опричнине Ивана Грозного в XVI в., самозванчестве XVII в., в масонских «штучках» Петра I и его последователей в веке XVIII-м, в деятельности иудео-масонства в России в XIX — начале XX в.в. Во всех этих случаях мы имели дело с сущими *оборотнями*: видимость одна, сущность — прямо противоположная! Таково излюбленное (!) поведение демонов или бесов, могущих прельщать верных и подвижников *под видом* «ангелов света», как говорит Апостол Павел, или под иными «образами» и «видами». В этом смысле большевики, как мы видели, — *законченные оборотни*: одним большим Оборотнем стало и всё созданное ими «государство», не говоря уже о его «руководящей и вдохновляющей силе» — коммунистической партии — тоже большим Оборотне. На словах одно, а в замыслах и делах — совсем другое! Совершенно естественно, что таким же *Оборотнем* им очень хотелось сделать и *Русскую Православную Церковь*. В этом вся суть большевицкой церковной политики.

Отсюда, с одной стороны, нужно было всё-таки уничтожить *твёрдо верующих*, неспособных на измену (таковых оказалось несколько десятков миллионов), но с тем, чтобы непременно *сохранить* в своей «системе» фальшивую *видимость* Церкви Православной, в качестве послушного орудия соблазна и обмана, совершенно *родственного по духу* оборотнического учреждения, состоящего из «боязливых» и маловерных, и скверных... и всех лжецов». Таковых поначалу, конечно, должно было быть очень мало, но в дальнейшем, после соответствующего воспитания и обработки, — достаточно для того, чтобы они вкупе *производили впечатление* «Церкви», и в то же время служили ловушкой для душ, могущих искренне тянуться от неверия к вере и Православию.

Нетрудно видеть теперь, что осуществлению этих замыслов решительным препятствием служила та *священная граница*, до которой *отступил* Патриарх Тихон и на которой он *остановился* с тем, чтобы защищать её уже *до смерти* («не враг, но и не друг»...).

Первым шагом большевиков закономерно стало стремление вынудить Патриарха к *дальнейшему отступлению* за эту границу, то есть к тому, чтобы он стал полным «*другом*» советской власти, или, по крайней мере, формально *заявил* об этом для соблазна всей Церкви. Иными словами, простой гражданской лояльности, отказа от политической борьбы, послушания советской власти во всех мирских, не относящихся к вере делах, большевицкому режиму было мало: нужно было, чтобы Церковь целиком и полностью *одобрила* этот режим, как бы благословила его, стала с ним *заодно*.

Но несмотря на сильнейшее давление, оказанное на него разными способами в этом направлении, Патриарх Тихон, как видно хотя бы из его последнего Обращения во ВЦИК, *не отступал*, стоял твёрдо на том рубеже, за который переходить нельзя, оставаясь православным христианином. Между тем пошатнулось его телесное здоровье. У него развивался нефрит (болезнь почек) и «грудная жаба» (сердечная болезнь). Патриарх вынужден был лечь в Бакунинскую московскую больницу, где его продолжали посещать и его помощники, прежде всего митрополит Крутицкий Пётр (Полянский) и Тучков. Иногда он выходил оттуда, чтобы совершить богослужение. Так было и в воскресенье накануне праздника Благовещения Пресвятой Богородицы 25 марта/7 апреля 1925 г. В самый праздник (7апреля) в больницу к Патриарху пришёл митрополит Пётр. Он принёс с собою документ, составленный кем-то из услужливых церковников и отредактированный Тучковым. Это было «Послание Церкви», которое за своей подписью Патриарх Тихон должен был опубликовать. В нём, в частности, говорилось, что советскую власть нужно принять, «как выражение воли Божией», и далее следовала абсолютная лживость: «... в годы великой гражданской разрухи, по воле Божией, без которой в мире ничего не совершается, во главе Русского государства стала Советская власть, *принявшая на себя* (?) тяжёлую *обязанность* (?) — устранение жутких последствий кровопролитной войны и страшного голода». «Советская власть *действительно народная* (?), рабочая, крестьянская власть, а потому прочная и непоколебимая»... «Послание» утверждало, что Церковь «всемирно признала новый порядок вещей» и даже «*призвала Божие благословение*» на труд народов СССР... Потом прославлялся Декрет об отделении Церкви от государства 1918 г. и Конституция СССР, как

дающие «полную свободу» (!?) **«право и возможность»** верить и «жить по вере», Церкви «вести свои... дела согласно требованиям своей веры». Особо отмечались те, кто «злоупотребляя своим церковным положением, отдаётся без меры человеческому... политиканству иногда носящему и преступный характер». Таких людей, осуждаемых советскими судами, в случае их «раскаяния перед Советской властью» предлагается предавать **церковному суду**. От зарубежных епископов требуется «иметь мужество **вернуться на Родину** и сказать правду о себе и Церкви Божией», и утверждается, что Митрополитов Антония (Храповицкого) и Платона Патриарх вынужден **«судить заочно»**. «Не погрешая против веры и Церкви,...не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними (?) по отношению к Советской власти и работе СССР на общее благо» — говорится в документе. И объясняется откровенно, что всё это — как бы **плата** за улучшение положения Церкви: «... Мы выражаем полную уверенность, что установка **чистых** (?) искренних (?) отношений **побудит нашу власть** относиться к нам с полным доверием» и разрешить учить детей желающих Закону Божию, иметь богословские школы, издавать церковную литературу. Это уж прямо торг какой-то, явно иудиного характера: вы нам тридцать сребренников внешних возможностей, и мы вам — всех ваших врагов в Церкви,— «чистую» дружбу и **Божие** благословение. Обращает на себя внимание крайне лукавое употребление понятия «воля Божия», как бы дающее основание Церкви «благословить» сов. власть. Издревле выражение «воля Божия» могло употребляться в **широком** смысле, в значении **Промысла Божия**, охватывающего **всё**, что происходит, т.е. и добро и зло. Но всегда подчеркивалось, что в русле Промысла есть два направления — **благоволение** (собственно **воля**) Божие, по которому творится только добро, и **позволение** Божие, по которому диавол, бесы и люди получают возможность делать **зло**. Патриарх всегда верно считал и называл сов. власть **позволением**, но не благоволением!

Подписать такой документ Патриарх Тихон, естественно, не мог. Он был вынужден **не раз** идти на уступки советской власти под угрозой расправ над Церковью и посулов кого-то освободить из тюрем, в чём-то ослабить гонения (в частности Патриарх **дважды**, в 1923 и 1924 г.г. подтверждал свой указ 1922 г. о роспуске Зарубежного ВЦУ). Но он вместе с тем всегда твёрдо знал ту определившуюся **границу** уступок, о которой мы уже говорили. И зарубежные и отечественные **свидетели**, имевшие возможность общаться с Патриархом Тихоном в 1925 г., в один голос говорят следующее: «Несомненно... он не был враждебен к эмигрантским церковникам и никогда не утратил того антагонизма к советскому режиму, какой он имел в 1919 г.» (англичанин Джон Куртис). «...До последнего дня его жизни Патриарх исходил из молчаливого, но совершенно определённого и **нескрываемого** представления, что Советская власть есть **чуждая для русского народа**» (— протопресв. В. Виноградов).

В больнице, в комнате, соседней с той палатой, где происходил разговор Патриарха с митрополитом Петром, находился человек, ясно слышавший, как Патриарх **несколько раз** «с раздражением и в повышенном тоне» повторил: «Я этого не могу». С тем и уехал от него митрополит. Через **два часа** доктор, осмотрев больного, не нашёл ничего, внушавшего опасения. Но не успел он

подняться к себе, как прибежали сказать, что у Патриарха — приступ стенокардии. Тут же были сделаны необходимые уколы, но ничего не помогало. Произнес трижды: «Слава Тебе, Боже!», Святейший Патриарх Тихон отошёл к Господу того же 7 апреля (по н. ст.) 1925 г., в Праздник Благовещения... Есть некоторые данные о том, что он был *отравлен* (А. Левитин, В. Шавров «Очерки по истории Русской Церкви». Кюзмахт, 1977 г., с.311; еп. Григорий (Габбе) «Русская Церковь перед лицом господствующего зла». Джорданвилль, 1991 г., с.55). Очень возможно; и с точки зрения советской власти весьма логично!

Через неделю после кончины Патриарха в газете «Известия», тем не менее, указанный документ был опубликован под названием «Завещательное послание» Патриарха Тихона (впоследствии его называли кратко — «Завещание»). *Недосмотрели* ряда несуразностей. Так, «Завещание» (т.е. то, что даётся перед смертью) начиналось словами: «Ныне мы, ... *оправившись от болезни*, вступая снова на служение Церкви...» и т.д. Заголовок: «Божией милостью Тихон, Патриарх Московский и *всёя Российской Церкви*» — безграмотен: всегда писалось: «... и всёя России». «Завещание» датировано 7 апреля 1925 г., датой только по новому стилю, тогда как Патриарх *всегда* употреблял двойную дату (— по старому, и по новому). Наконец, собравшимся 12 апреля на погребение Святейшего почти 60-ти архиереям Митрополит Пётр *ничего не сказал* о существовании «Завещания», чего не мог не сделать в виду его исключительной важности, если бы оно было подписано. И потом он не разослал его по епархиям и приходам, что такое *обязан* был бы сделать, как Местоблюститель Патриаршего Престола. Но самое веское доказательство подложности состоит в том, что митрополит Сергей (Страгородский), согласившись на полное сотрудничество с большевизмом и 29 июля 1927 г. написавший пресловутую «Декларацию», где подчеркивает прямую *преемственность* своей линии на дружбу с советской властью от Патриарха Тихона, ни словом не говорит о его «Завещании», не ссылается на этот документ, что он непременно сделал бы, если бы считал его подлинным. Есть ещё доказательства подложности «Завещательного послания», приводимые в книгах протопресвитера Георгия (впоследствии епископа Григория) Габбе «Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом (По поводу книги С.В.Троицкого «О неправде Карловацкого раскола»)», Джорданвилль 1961, 1989 г.г.; и протоиерея Александра Лебедева «Плод лукавый. Происхождение и сущность Московский патриархии». Лос-Анжелес, 1994 г.

То, что уполномоченный НКВД Тучков совершил *подлог*, дав в газеты текст документа, который Патриарх не подписывал, — не вызывает удивления. Удивительно то, что впоследствии, все 60 с лишним лет до 1988 г. и далее Московская советская «патриархия» основывала *постоянно* мнимую духовно-идейную *преемственность* свою от Патриарха Тихона именно на этом фальшивом «Завещании»!

Патриарх Тихон был торжественно погребён в Московском Донском монастыре. Русская Зарубежная Церковь давно причислила его к лику святых Новомучеников и Исповедников Российских. Недавно ко святым (без сонма Новомучеников) вынуждена была причислить его и Московская «патриархия». Мощи его были обретены под очень глубоким спудом и ныне доступны для поклонения. После него Патриархов в России уже не было. «Патриархи» (с 1944 г.) Сергей, Алексей I, Пимен, Алексей II, как мы потом увидим, на самом деле не являются таковыми.

Глава 37.

СЕРГИАНСКИЙ РАСКОЛ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛЖЕПАТРИАРХИИ.

После кончины Святейшего Тихона был обнародован его указ от 25 декабря 1924 г./7 января 1925 г. о том, что в случае его смерти «патриаршие права и обязанности», впредь до соборного избрания нового Патриарха, возлагаются на Митрополита Казанского **Кирилла** (Смирнова); в случае же невозможности для него «по каким-либо обстоятельствам» приступить к их исполнению, таковые права переходят к Митрополиту Ярославскому **Агафангелу** (Преображенскому), а если и он не сможет, то — к Митрополиту Крутицкому **Петру** (Полянскому).

Собор архиереев (60 человек), съехавшийся на похороны Патриарха, определил ввиду невозможности вступить в выполнение таких обязанностей ни Кириллу, ни Агафангелу, поручить их исполнение Митрополиту **Петру**. Он становился **Местоблюстителем** Патриаршего Престола. Через четыре месяца он был арестован. За четыре дня до ареста Владыка Пётр успел распорядиться о нескольких **заместителях** Местоблюстителя (на случай своего ареста). Таковыми, в порядке очерёдности становились: митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский), митрополит Михаил (Ермаков), Экзарх Украины, и архиепископ Ростовский Иосиф (Петровых). При любом заместителе распоряжение Митрополита Петра устанавливало **обязательность** возношения его имени как «Патриаршего Местоблюстителя». Это очень важный момент. Богослужебным возношением в положенных местах имени своего Главы Церковь выражает своё духовно-таинственное и внешнее **единство**, связанное персонально с определённым **Первоиерархом**. Таковым становился **только Местоблюститель** (в данном случае — Владыка Пётр), но никак никто из **заместителей** Местоблюстителя.

Большевики прекрасно поняли, как хорошо обеспечивается преемственность законной власти в Церкви всей этой цепочкой Местоблюстителей и заместителей. И начали одного за другим сажать в тюрьму или отправлять в ссылки. Ввиду этого архиепископ (затем — Митрополит С.-Петербургский) Иосиф (Петровых) назначил себе заместителями ещё **трёх** архиереев и ещё **шестерых** ... Стало ясно, что с этой цепочкой ничего не поделаешь. Нужно было найти в ней «слабое звено». Тучков буквально метался по этой цепочке, пытаясь «обрабатывать» всех, особенно самых главных, всем предлагая одно и то же: издать «послание», вроде «Завещательного» с полным одобрением советской власти, обязаться исключать из клира тех епископов и священнослужителей, которые не угодны советской власти (т.е. НКВД) и заочно судить зарубежных епископов, обличающих большевистский режим и его гонение на Церковь. Взамен обещалось сделать архиерея Главой Церкви. Митрополит Агафангел решительно отказался от такого предложения.

Митрополит Кирилл, как рассказывают, ответил Тучкову: «Вы — не пушка, а я Вам — не ядро. чтобы Вы мною расстреливали Русскую Православную Церковь». Обоих не допустили до исполнения обязанностей Местоблюстителя. Владыка Агафангел, ненадолго вышедший из ссылки с совершенно подорванным там здоровьем, умер в 1928 г. Владыка Кирилл из ссылок так и не вернулся, и был расстрелян в 1937 г. Отказались от предложений Тучкова и все остальные. Кроме *одного...*

После ареста Митрополита Петра 10 декабря 1925 г. в управление церковными делами вступил его первый заместитель митрополит Сергей (Страгородский). В этом качестве он находился на свободе почти год, до 13 декабря 1926 г. Затем он был также арестован. В исполнение его обязанностей вступил архиепископ Серафим (Самойлович). Но 7/20 марта 1927 г. Сергей неожиданно был выпущен из тюрьмы и вновь принял на себя обязанности заместителя Местоблюстителя.

В этот первый, до ареста, период своего заместительства митрополит Сергей *продолжал* ту церковную линию в отношении советской власти и зарубежной части Русской Церкви, какая определилась Патриархом Тихоном, и сам считал себя *преемником* именно такой, патриаршей, линии. В это время, в 1926 г. особенно обострились отношения между Архиерейским Синодом РПЦЗ и митрополитом Евлогием, управляющим Западноевропейскими приходами Русской Церкви. В основе конфликта была обычная человеческая гордость и властолюбие: Евлогий, поначалу признавший над собою власть Синода РПЦЗ, опирающуюся на указ 362 от 1920 г., затем решил, что ему выгодней быть самостоятельным владыкой. Тогда он лукаво использовал указ Патриарха Тихона 1922 г. об упразднении зарубежного ВЦУ, хотя отлично знал, что указ — вынужденный, несвободный. Выйдя из подчинения Синоду, он стал искать возможности подчиняться непосредственно митрополиту Сергию. Получив сведения об этих разногласиях, митрополит Сергей написал зарубежным русским епископам искреннее письмо от *12 сентября 1926 г.* «Дорогие мои Святители.— говорилось в письме,— Вы просите меня быть судьёю в деле, которого я совершенно не знаю. Не знаю, из кого состоит Ваш Синод и Собор... Не знаю я и предмета разногласий между Синодом и митрополитом Евлогием. ...Может ли *вообще* Московская Патриархия быть руководительницей церковной жизни православных эмигрантов, когда между ними фактически нет отношений (т.е. между Патриархией и эмиграцией — прот. Л.)? Мне думается, что польза самого церковного дела требует, чтобы Вы или общим согласием создали *для себя центральный орган церковного управления, достаточно авторитетный*, ... не прибегая к нашей поддержке..., или же ... (вам нужно) подчиниться (допустим, временно) местной православной власти, например, в Сербии — Сербскому Патриарху, и работать на пользу той частной православной церкви, которая Вас приютила. ...Желаю всех Вас обнять, лично с Вами побеседовать. Но, видно, это возможно для нас лишь вне условий земной нашей...жизни. ...Господь да поможет Вам нести *крест изгнания* и да сохранит Вас от всяких бед. *О Христе преданный и братски любящий* Митрополит Сергей» (выделено мной — прот. Л.).

Как видим, у Сергия нет *никакого принципиального несогласия* или возражения против независимого от Москвы самостоятельного бытия *Синода и Собора*

РПЦЗ; есть лишь братские рассуждения, как лучше управляться в церковных делах русским православным людям, несущим *крест* изгнанничества. Нет ни намёка на то, чтобы русская эмиграция (или её епископы) признали и одобрили советскую власть, поскольку (!) сам Сергей, по-видимому, не ждёт от неё ничего, кроме *смерти*, что с грустью выражено в письме!

Но всё мгновенно и резко изменилось, когда затем в тюрьме советская власть предложила Сергию — *жизнь* и притом жизнь *со властью* в церковных делах! Условия нам уже известны.

20 марта 1927 г. митрополит Сергей вышел из тюрьмы, ему было разрешено жить в Москве (что раньше запрещалось), в то время, как полным ходом шли аресты и высылки большинства русских епископов. И 16/29 *июля 1927 г.* появилось печально знаменитое официальное «Послание» митрополита Сергия, известное более под названием «*Декларации*».

«Приступив, с *благословения Божия*, к нашей синодальной работе,— говорилось в Декларации,— мы ясно сознаем, (что)... нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти, могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его (которых Сергей, таким образом, *объединяет* в одну компанию с изменниками,— прот. Л.)... Мы хотим быть Православными и в то же время сознать *Советский Союз* нашей гражданской *родиной*, радости и успехи которой — *наши радости и успехи*, а неудачи — *наши неудачи*. Всякий удар, направленный в *Союз* (заметим,— не в Россию, а в «Союз» — прот. Л.), будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие, или просто убийство из-за угла, *подобное варшавскому* (!), сознается нами, как удар, направленный *в нас* (т.е. в Православную Церковь!.. — прот. Л.) ... Мы помним свой *долг* (?) быть гражданами Союза «не только из страха, но и по совести», как учит нас Апостол» (Рим. 13.5.)

Потом мы рассмотрим, *как и чему* на самом деле учит Апостол.

«Декларация» на этом не останавливается. «*Особенную остроту*»,— говорится в ней,— при данной обстановке получает вопрос о *духовенстве*, ушедшем с эмигрантами *за границу*. Ярко *противосоветские* выступления некоторых наших архипастырей и пастырей за границей, сильно вредившие отношениям между правительством и Церковью, как известно, *заставили* почившего Патриарха упразднить заграничный Синод (22 апреля/5 мая 1922 г.)).

Сергей говорит сущую правду, что не *духовно-каноническими*, а только *политическими* причинами был вызван указ 1922 г.! Почему он и может быть *проигнорирован* Церковью. Однако сознательно допускается неточность: указ относился к ВЦУ, а не к Синоду, указу Зарубежная Церковь всё же *подчинилась*, почему и создала Синод вместо ВЦУ.

Далее в «Декларации» говорится: «Но Синод и до сих пор продолжает существовать, *политически* не меняясь, а в последнее время *своими* (?) притязаниями на власть — даже раскол заграничное церковное общество на два лагеря. Чтобы положить этому конец, мы *потребовали* от заграничного духовенства дать письменное (!) обязательство в полной (!) лояльности к Советскому *Правительству* во *всей* (!) своей общественной деятельности. Не давшие такого обязательства или нарушившие его будут *исключены* из клира, подведомственного

Московской Патриархии. Думаем, что *размежевавшись так*, мы будем обезпечены от всяких неожиданностей из-за границы. С другой стороны, наше постановление. может быть, заставит многих задуматься, не пора ли им пересмотреть вопрос о своих отношениях к *Советской власти*, чтобы не порывать с родной *Церковью* (!?) и *родиной*» (— какой ?! — прот. Л. — Выделено везде нами).

«Декларацию», кроме Сергия, подписали члены созданного совместно с НКВД, без согласия епископата, т.е. незаконным путём, «Синода» Патриархии: *Серафим (Александров)* митрополит Тверской — известный как прямой агент НКВД; *Сильвестр (Братановский)* архиепископ Вологодский — бывший «обновленец»; *Алексий (Симанский)*, архиепископ Хутынский — тоже, как Сергий и Сильвестр, метнувшийся в «обновленчество» и вновь оттуда через «покаяние» пришедший к Патриархии; *Анатолій*, архиепископ Самарский; *Павел*, архиепископ Звенигородский, управляющий Псковской епархии, пришедший из старообрядческой секты «беглопоповцев»; *Константин*, епископ Сумской, управляющий Харьковской епархией; *Сергий*, епископ Серпуховской. Всего — *девять* человек.

Против «Декларации» Сергия, а ещё ранее и против *такого* «синода» выступило *подавляющее большинство* (многие *десятки!*) архиереев, находившихся в *России* (не за границей), но, в основном, конечно, — в тюрьмах, лагерях или ссылках. «Синод» Сергия сперва назывался «временным» и «при заместителе Патриаршего Местоблюстителя». Но скоро стал *постоянным*. И сам Сергий, *узурпируя* церковную власть с помощью НКВД, из «заместителя» незаконно становился «Главой» Патриархии. Сначала, ещё до своего ареста, он *отказывался подчиняться* Митрополиту Петру, как находящемуся в ссылке и не могущему якобы поэтому давать никаких распоряжений, и даже пригрозил ему церковным судом, если он осмелится распоряжаться, затем присвоил себе титул «Блаженнейшего Митрополита Московского» в 1934 г., что делало его, заместителя, *выше* того, кого он замещал. В то же время Русская Зарубежная Церковь продолжала почитать Митрополита Петра как Патриаршего Местоблюстителя и считать себя в канонической подведомственности *ему*. Её Архиерейский Собор и Синод официально обличили в ряде документов антиканоничность действий Сергия. Так же определял их и первый из кандидатов в Местоблюстители — Митрополит Казанский Кирилл. За это Сергий незаконно наложил «запрещение» на Кирилла, на что он не имел права, и пытался опорочить святителя-мученика. Наконец, Господь предоставил Сергию ещё один (и последний) случай сделать чрезвычайной важности духовный выбор. В 1935 г. заканчивался срок ссылки законного Местоблюстителя Патриаршего Престола Митрополита Петра, которому Сергий *обязан* был передать управление Церковью. Владыку Петра ещё с 1926 г. чекисты уговаривали или принять известные их условия, или *отказаться* от звания Местоблюстителя; эти уговоры стали особо настойчивыми после «Декларации» 1927 г., но успеха не имели: Пётр твёрдо стоял на своих правах. Теперь, в 1935 г., митрополит Сергий естественно должен был передать ему дела. Всё теперь зависело от того, как и что выберет Сергий. Сергий выбрал. Он написал письмо в НКВД (текст его не так давно передали по телевидению), в котором говорил, что в случае

передачи управления в руки Митрополита Петра «рухнет здание (сотрудничества Церкви с советской властью), которое с таким трудом (!) созидалось». Предложение было понято и принято. Митрополита Петра через несколько дней *арестовали*, отправили в новое заточение в г. Магнитогорске, где 10 октября 1937 г. он был *расстрелян*. Есть основательные данные о том, что Владыка Пётр даже возвращался из ссылки, жил в Коломне и приезжал к Сергию в Москву, чтобы принять дела. По Сергий дел не передал, и написал то самое письмо в НКВД. В любом случае, *через труп, через кровь* своего собрата и начальника, в которой Сергий стал в определённой мере повинен, он, Сергий, сделался сперва «Местоблюстителем» Патриаршего Престола, а затем, в 1944 г., всего на несколько месяцев — «Патриархом Московским и всея Руси». Таким образом, не *Русская Зарубежная Церковь* «откололась», «отделилась» от законной власти *Московской Патриархии*, а от этой законной и подлинной власти Московской Патриархии *откололся* митрополит Сергий и единомышленное с ним предательское окружение, создавшие такое управление («Синод»), которое с полным основанием нужно назвать *лжепатриархией*. «Патриархия» — *Оборотень?* Именно так! И это пока только — с *чисто канонической* стороны. А теперь вернёмся к «Декларации», чтобы посмотреть, что произошло со стороны идейной, духовной и нравственной.

Сперва отметим, что Сергий не случайно оказался тем «слабым звеном» в цепи российских епископов, которое нащупали большевики. Мы уже знаем некоторые показательные вехи его жизненного пути. Человек очень образованный и в богословском, и в мирском отношении, и почитавшийся поэтому авторитетным, человек умный («мудрый Сергий», как его тогда называли), он в то же время *всегда* был неустойчивым в исповедании истины, т.е. человеком маловерным («неверным»). И всё для того, чтобы быть на виду и иметь поддержку сильных мира сего. Поэтому он в решающий момент, в тюрьме, оказался ещё и «боязливым». Всё вместе привело к тому, что он стал ещё и «лжецом». Это могло бы остаться в основном его личной духовной катастрофой, если бы он не увлёк в неё всю созданную им *лжепатриархию*, которая основывается сознательно на его лживости, как на камне, даже до сего дня!

«Декларация» митрополита Сергия 1927 г., как видим, явилась отступлением за ту *границу*, на которой твёрдо остановился Патриарх Тихон (— «*не враг, но и не друг*») и за которую отступать было нельзя ни при каких обстоятельствах. Отступление означало полный *провал* в чудовищную бездну неправды.

Опускаясь до недостойного политиканства, Сергий и его синод в «Декларации» ставят *условием принадлежности* людей к церкви и даже — к Родине их политические взгляды, их политическое признание советской власти! Не говоря уже о том, что это абсолютно антиканонично, обратим внимание на главное. «Советская власть» — *откровенно (!) антихристова*, то есть не скрывает, а даже всенародно *заявляет* о своей непримиримой антихристианской направленности! Тогда получается, что в *Церкви Христовой* может пребывать только тот, кто становится *другом антихристу* (или антихристам)!.. Сама же *Русская Православная Церковь*, по Сергию, может быть таковой только в полном *духовном, братском* (не за страх, а за совесть!) *единстве* с откровенно антирусскими,

антиправославными, антицерковными властителями. («радости и успехи которых — наши радости и успехи»...)! И напротив, те, кто не желает *добровольно* подписаться под преданностью *сатанинскому* режиму, становятся *врагами Христу и Его Церкви!*

Всё — *наизнанку*, как бы шиворот-навыворот, всё извращается до жути, до полной перестановки понятий и ориентиров! Даже от самых безпринципных или аполитичных священнослужителей можно было ожидать чего угодно, только не этого!

Московская «патриархия» делалась *церковью-Оборотнем* и в *идейно-духовном* отношении.

Этого и добивались Оборотни-большевики! В «Декларации» есть *два* слова, служащие как бы знаком, символом, очень точно продуманным намёком (паролем) для большевиков, указывающим им, что Сергей и его Синод провозглашают не формальное (лишь бы отвязались!) притворное одобрение их режима, а действительное *единение* с ним в чём-то *самом глубинном* и *существенном*. Когда «декларация», якобы от лица Церкви, заявляет о полном совпадении радостей, успехов и неудач советской власти и Церкви, то она *поясняет*, какие именно «неудачи» имеются в виду: «война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие, или просто убийство из-за угла, *подобное варшавскому*». Вот эти два последних слова и есть своего рода «пароль». В 1927г. в Варшаве молодым русским патриотом Борисом Ковердой был убит из револьвера очень крупный большевик-дипломат Пётр Войков (он же — Пинхус Лазаревич Вайнер) за то, что, как мы знаем, явился одним из главнейших организаторов *убийства Царской Семьи!* Митрополит Сергей и его единомышленники тем самым недвусмысленно давали понять большевикам, что едины с ними через *одобрение* и этого главнейшего преступления — кровавой *расправы над Царской Семьёй...*

А ведь речь шла о «родине» (!), «неудачи которой — *наши* неудачи», и варшавское убийство поставлено в качестве примера *такой* «неудачи» и даже названо «ударом в нас», т.е. — в верующих, в Церковь!.. Тогда что же это за «церковь» и что же это за «родина»? Последнее понятие извращено, вывернуто наизнанку, в «Декларации» так же, как понятие «церкви». Сергей употребляет любопытный термин, «*гражданская родина*» (нечто новое!) и называет её не Россией, а «Советским Союзом», то есть тем политическим государственным образованием, которое создано на географической территории России взамен Российской Империи, или Православного Самодержавного Царства. Значит, речь идёт не о том *духовно-национальном* понятии «Родина» (Отечество), какое всегда употреблялось россиянами, а исключительно о *политическом режиме большевиков*. Поэтому Сергей требует подписки (!) в лояльности не России, не Русскому Народу (кто бы отказался!), а «Советскому *Правительству*, тем самым сужая понятие «родины» ещё более, до понятия «*правительство*».

Таким образом, как бы от лица Церкви поддерживается в самом формировании своём то, что насаждалось большевиками, — «*советский патриотизм*». Это не любовь к России и коренным ценностям её исторического бытия, а ложная любовь к своему «*социалистическому отечеству*», гордость «за нашу *советскую* родину» (о чём мы ещё будем говорить в нужном месте).

Требование к зарубежному русскому духовенству о подписке в лояльности советскому **правительству** абсурдно и с канонической, и с юридической точек зрения. Святые каноны никогда не предусматривали для членов Церкви, живущих в одном государстве, обязательств преданности другому государству... Международное право также не знает ничего подобного. Русские, оказавшиеся в разных странах за границей, и во множестве принявшие **гражданство** этих стран, не могли и не имели права давать подписку в лояльности какой-либо иной стране, в том числе и Советскому Союзу.

«Декларация» утверждает, что все эти выверты и неправды нужны для того, чтобы иметь в Советском Союзе «не только каноническое, но и по гражданским законам, вполне **легальное центральное управление**» с надеждой, «что легализация постепенно распространится и на низшее наше **управление**; епархиальное, уездное и т.д.». Нужно сказать, что по советским законам регистрировались только церковные общины, состоящие из 20 человек («двадцатки»), заключавшие с государством в лице местных органов «договор на **пользование** храмом». А для высших инстанций церковной власти вплоть до Патриархии регистрации не предусматривалось и они существовали на птичьих правах», завися **целиком** от отношения к себе большевицких правителей. «Легализация», о которой говорит Сергей, не означала законодательного определения статуса центрального церковного управления (оно даже не получало права юридического лица), а только то, что большевицкий режим, по милости своей, **разрешает** такому управлению вообще существовать, на определённых условиях — полного **подчинения** этого управления управлению большевицкому и более того — полного **единения** церковной власти с большевицкой в главном — **в уничтожении Русского Народа, его веры и Церкви!** Поэтому в качестве **негласного приложения** к «Декларации» явилось согласие Сергея и его лжепатриархии на знакомое нам условие — **церковными средствами** карать то духовенство и верующих, которые не угодны большевицкому режиму, и допускать к служению в Церкви только тех, которые ему угодны или до времени не вызывают возражений. Это «свято» соблюдается даже до сего дня, хотя большевицкого режима формально уже нет!..

«Декларация» почти не скрывает, что идёт на такое единение с режимом потому, что он утвердился. Но в этом важнейшем пункте группировка отщепенцев снова прибегает к поразительной лживости, снова всё извращается. «Советская власть» неопределённо оценивается как «не случайное» явление, как «действие десницы Божией», и говорится, что только антисоветское настроение «определённых церковных кругов» «навлекало подозрения Советской власти», мешало ещё Патриарху Тихону «установить **мирные** отношения Церкви с Советским Правительством», и что теперь «Патриархия, исполняя волю почившего Патриарха, становится на путь **лояльности...**» Всё дело подаётся как просто нормализация отношений с гражданской властью, с государством! Поэтому легко подтасовываются ссылки на Священное Писание (послания Ап. Павла). Во-первых, «на путь лояльности» давно стал Патриарх Тихон. То, что сделал Сергей и его самочинный «синод», было уже не простой гражданской лояльностью, а **братанием**, духовным **единением** с антихристовым режимом, «радости и успехи которого — наши радости и успехи...» Во-вторых, толкование апостольских слов в «Декларации» коренным образом искажено. В

Послании к Римлянам (гл. 13) Апостол Павел пишет о гражданских властях как «от Бога установленных», где «начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых» и где «начальник есть **Божий слуга**, ... отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не из страха наказания, но и по совести» (Рим 13.1-5). Советская власть полностью противоречила такому назначению и Божью определению о гражданской власти, на что указывал Патриарх Тихон, ссылаясь на это же место апостольского Послания. Она стала страшна как раз для добрых дел, а не для злых, и «начальствующий» в ней был откровенный **Божий противник!**

Всё в мире устанавливается и совершается по Промыслу Божию, во всём Его «десница». Но если для Собора в Сремских Карловцах большевицкая власть — это «карающая десница», то для Сергея и его «синода» — это десница **благословляющая**. Очевидное **попущение** Божие сергианами представляется как Божие **благоволение**. Нужно поэтому выяснить, как вообще Церковь Христова искони относилась к проблеме отношений с мирской властью в свете апостольских посланий?

Святые отцы и учителя Церкви давно, в IV в. по Р.Х., вполне разъяснили этот вопрос. Иоанн Златоуст указывал, что Ап. Павел говорит о самом **принципе власти**, как Божиим установлении, но вовсе не о том, чтобы каждый конкретный властитель был благословляем Богом. Исидор Пелусиот (ученик Златоуста), повторяя мысли учителя, пишет: «...Поелику равночестность по обыкновению разжигает часто войну, то Бог **не попустил быть народоправлению**, но **установил царскую** власть, а потом за нею и многие начальства»... «Потому вправе мы сказать, что **самое дело**, разумею власть, сиречь начальство, и власть царская установлены Богом. Но если какой злодей **беззаконно восхитил** сию власть, то не утверждаем, что **поставлен** он Богом, но говорим, что **попущено** ему...» Блаженный Августин говорит: «Ежели власть приказывает нечто противное Божественной воле — **не слушайте власти** (!). Нам сказано: несть власти нежели от Бога; однако часто забывают, что следует после этого, а именно: что всё, исходящее от Бога, **хорошо** устроено, так дайте нам власть **хорошо** устроенную, и мы не будем сопротивляться». В этих словах по смыслу почти то же самое, что говорили преп. Иосиф Волоцкий, Максим Грек, Патриарх Никон, что всегда имели в сознании все подлинно православные русские люди.

Сергий и члены его «синода» были отлично образованы и, конечно, знали подлинное учение Церкви о гражданской власти. Значит они **сознательно лгали**. Для чего? Чтобы **«тихо и безмятежно»** жить. В том месте, где «Декларация» ссылается на эти слова Апостола, Сергей и его единомышленники невольно проговариваются относительно своего настоящего мировосприятия. Говоря о необходимости «мирных отношений Церкви с Советским Правительством», «Декларация» сразу добавляет: «Недаром ведь Апостол внушает **нам** (кому — нам?!), что «тихо и безмятежно жить» по своему благочестию мы можем, лишь повинаясь законной власти (1 Тим. 2.2)». Итак, по Сергию, получается, что Апостол чуть ли не главной **целью** христианской жизни, бытия Церкви ставит «тихое и безмятежное» существование в «мире сем» **любой ценой!** Речь у Апостола идёт о том, чтобы молиться «за **царей** и всех начальствующих», то есть желать им спасения и относиться к ним доброжелательно, дабы со стороны этих

властей не иметь *напрасных* гонений. В контексте всего, что говорится в Посланиях апостолов по этому поводу, данные слова означают только то, чтобы христиане не становились преступниками или противниками власти (без достаточных причин) и не страдали бы от власти как *злодеи*, если же приходится им пострадать, как христианам, то нужно *радоваться* о таких страданиях, а не искать «тихости и безмятежия». «Возлюбленные! — восклицает Апостол Пётр, — *Огненного искушения*, для испытания вам посылаемого, *не чуждайтесь...* Но как вы участвуете в Христовых *страданиях*, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете... Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, как вор, или злодей, или посягающий на чужое; а *если как Христианин*, то не стыдись и *прославляй Бога за такую участь*» (1 Петр. 4, 12-16).

Такой участи и сподобилась в целом Православная Церковь в России, прославлявшая Бога за свои страдания и смерть, как это делали митрополиты Вениамин. 18 московских священников, осуждённых на расстрел, Патриарх Тихон и несчётное множество иных!

Вопреки всему слову Божию, вопреки самой вере во Христа «сергиане» главной целью своего существования полагали *бегство* от страданий за веру и правду, *бегство* от «огненного искушения»! Они потом *постоянно вращались*, что думали о «спасении Церкви». Но Церковь страданиями как раз и спасается! А губится — боязнью их. Однако в «Декларации» определённо указывается, что речь идёт не о всей Церкви, а только о центральном и местном её управлении! Вот где правда. *Члены такого управления*, поставляемые в согласии с большевистским режимом, то есть по его согласию (а чаще — просто приказанию), и должны были получить *«тихое и безмятежное житие»* в то самое время и в той самой обстановке, когда на их глазах и даже с их участием большевистский режим *продолжал физическое уничтожение* верующих и Церкви, чудовищные глумления и кощунства над её святынями и достоянием! Употребление слов Священного Писания для самооправдания в извращённом толковании этих слов, как это делал диавол искушая Христа в пустыне, становится с тех пор *правилом* жизни иерархии и духовенства Московской «патриархии». Так что и в этом отношении, то есть в сознательной лживости, оборотничестве (говорить одно, а делать другое) лжепатриархия уподобилась сразу же тем, с кем она духовно браталась и объединялась.

Есть у Апостола Павла такие слова: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными; ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром (сатаной — прот. Л.)? Или какое соучастие верного с неверным? Какая совместимость храма Божия с идолами?» (2 Кор. 6, 14—16). *Вопреки* этим определённым и ясным словам «Декларация» как бы утверждала: нет, согласие, совместимость, соучастие света с тьмой, Христа с Велиаром, верного с неверным *возможны* и даже *обязательны!*

В октябре 1927 г. епископ Ижевский Виктор (Островидов) написал по поводу «Декларации» (Послания) Сергия так: «... От начала до конца оно исполнено тяжёлой неправды и есть возмущающее душу верующих *глумление* над Святой Православной Церковью и над нашим исповедничеством за истину Божию. А через предательство Церкви Христовой на поругание «внешним» оно

есть прискорбное *отречение* от Самого господина Спасителя. Сей же грех, как свидетельствует слово Божие, *не меньший* всякой ереси и раскола, а несравненно *большой*, ибо повергает человека непосредственно в бездну погибели...».

Действительно, сразу после распространения по всем приходам России текста «Декларации» митрополит Сергей лично и члены его «управления» стали *заявлять* властям обо всех, не приемлющих этой «Декларации», и власти обрушивали на них всю ярость своих репрессий! Теперь уже не только по вине «обновленцев», но по вине сергианской «патриархии» полилась кровь множества новых мучеников — епископов, священников, монахов и мирян. А «патриархия» на весь мир утверждала, что в Советском Союзе *нет никаких гонений на веру и верующих!* А если советская власть осуждает кого-либо из верующих, то не за Веру, а только за политические преступления, за «антисоветскую деятельность». При этом «патриархия» не переставала «всенародно выражать *благодарность* Советскому Правительству за его *внимание к нуждам православного населения*, как это было сказано ещё в той же «Декларации»... Это была ещё и клевета на святых мучеников Христовых, значительная часть которых становилась мучениками именно по доносам «патриархии»...

«Внимание» же советской власти к нуждам православного населения выражалось так. В 1930 г. редактор «Правды» Б. Ярославский (Губельман) выступил со статьёй, в которой призывал «превратить пятилетку промышленного развития в пятилетку полного уничтожения религии». «Пятилетка» превратилась в «десятилетку». Из 1253 монастырей (вместе с подворьями, архиерейскими домами и скитами) имевшихся в России на 1918 г., к 1941 г. не осталось ни одного действующего. Из 80000 храмов в России, бывших на начало революции, к 1941г. действующих осталось *менее 100!* Они назывались «*показательными*»; их уже не собирались закрывать. Остальные храмы, а также монастыри были частью просто взорваны или разрушены, частью обращены в клубы, кинотеатры, овощные хранилища, мастерские, заводские помещения, а частью просто брошены. Ограбленные, с зияющими дырами выбитых окон и дверей, они в этом случае превратились в *отхожие* места. В 1917 г. в России было примерно около 100 тысяч священно-церковно-служителей. К 1929 г. их осталось 35 тысяч, а к 1941 — не более нескольких сотен. С 1917 г. по 1941 г. было уничтожено так или иначе (убиты, пропали без вести **205** русских православных архиереев, митрополитов, архиепископов, епископов). В одном только 1937 г. погибло **59** архиереев. Более **30** иерархов, как мы помним, находились за границей. На свободе в России оставалось **20** епископов. Это те, кто полностью принимал «Декларацию» Сергея и при этом заслужил особое доверие большевиков.

Весь этот страшный погром Русской Церкви и Русского Православного Народа, не прекращавшийся с октября 1917 г., происходил и в 1927 г., и в 1928, и 1929 г.г., и с особенной силой — в 1930-е годы на глазах митрополита Сергея и группы церковных отщепенцев и предателей, собравшихся около него. Эти «новоявленные Иуды», таким образом, никого и ничего не спасли той линией поведения и отношения к антихристовой власти, какая была определена в «Декларации» 1927 г. Да они и не собирались и не мечтали никого и ничего спасать, кроме *самих себя!* Они были *отобраны* НКВД из числа таких

именно людей, для которых принципиально никогда ничего не может быть выше личных интересов. Поэтому они охотно предавали своих же на расправу антихристу. Более того, они согласились стать *одним из орудий* большевицкого режима направленных на обман, на *идейно-духовное разложение* остатков Русского Народа. Ибо тогда, в те же годы (с 1917 по 1941) продолжалось, как мы уже отмечали, массовое уничтожение миллионов (десятков миллионов!) русских людей. По суду и без суда. За мнимые «провинности» и без всякой вины. Например — за то, что высказывали скорбь о закрытии своего храма, или имели в избе (в квартире) иконы и не понесли их сжигать, по призыву «воинствующих безбожников» (так называлась официально общественная организация атеистов) и т.д. Оставались и выживали только те, кто всячески одобряли и приветствовали *все* деяния сатанинской власти, или, по крайней мере, сидели так тихо, не возражая ни в чём, что их не замечали. Одновременно *рождались* люди, для которых большевицкий режим был *естественным* состоянием общества (другого они не видели). С самого детства их подвергали идейной обработке в нужном режиме направлении. И, если они при этом всё же оставались (хотя бы «в душе») верующими через семейное воспитание, Московская «патриархия» тут же проповедала им полное одобрение советской власти, как угодной Богу и даже осуществляющей на земле «идеалы» христианства! Не многие из них, повзрослев, могли разобраться в действительном положении вещей. Но об этом мы ещё будем говорить особо.

Так постепенно, но *очень быстро* настоящий Русский Народ уходил из *жизни, из земной истории человечества*, заменяясь народом *новым*, хотя ещё называвшимся по этническому происхождению «русским», но уже *не являвшимся таковым* по духу, по образу мышления и мировосприятия. Уходила из истории вместе с народом и настоящая Русская Православная Церковь в Советском Союзе, заменяясь *лжецерковью*, усердно создаваемой деятелями сергианского толка.

Совершенно естественно, что эти деятели сразу же учинили *раскол* Русской Православной Церкви. Он стал не менее, а даже более значительным по своим идейно-духовным последствиям, чем раскол старообрядчества в XVII в. Тогда, в 1927 г. *подавляющее большинство* русских архиереев, находившихся в Союзе, почти все архиереи, бывшие за границей и, за малым исключением, в целом *весь* верующий Русский Народ, ещё не убитый, не могли принять и *не приняли* «Декларации» митрополита Сергия и той новой линии отношений с сатанинской властью, какая из неё вытекала.

Во главе несогласных стояли все виднейшие русские архиереи: законный Местоблюститель Патриаршего Престола Митрополит Пётр (Полянский), кандидаты на этот пост, названные ещё Патриархом Тихоном, — Митрополиты Казанский Кирилл и Ярославский Агафангел, а также Митрополит Петроградский Иосиф. С их стороны и со стороны других епископов, священников, даже простых прихожан пошли протесты, мольбы, увещания Сергию *отказаться* от избранной им позиции. Томившиеся в страшном «Соловецком лагере особого назначения» (СЛОН) в бывшем Соловецком монастыре епископы и духовенство обратились к Сергию с особым соборным «Открытым письмом» 14/27 сентября 1927 г., разбиравшим его Послание

(Декларацию) от 29 июля. В начале выражалось одобрение «самого факта обращения к Правительству с заявлением о лояльности Церкви в отношении к Советской власти во всём, что касается *гражданского* законодательства и управления». Отмечалось, что «подобные заверения неоднократно высказывались Церковью в лице Патриарха Тихона, выражалась приемлемость чисто политических положений «Декларации», а именно,— обязанность церковных деятелей подчиняться власти в мирских, гражданских отношениях, отказ их от участия в политической борьбе против советской власти, вообще от всякой политической деятельности.

«Но мы *не можем*,— писали тут же Соловецкие узники,— принять *и одобрить* послание в его *целом*, по следующим соображениям». И следовали обозначенные по буквам пункты. В пункте «а» сразу указывалось на *главную* неправду («ваши радости — наши радости»), «что легко может быть понято в смысле *полного сплетения* Церкви и государства». «В задачу настоящего правительства входит искоренение религии, но успехи его в этом направлении Церковь не может признать своими успехами»,— говорилось в письме. В пункте «б» обличалась «благодарность» сов. власти за «внимание к нуждам», как нечто похожее на «Сатирикон», не отвечающая достоинству Церкви и возбуждающая справедливое негодование в душах верующих людей. Назывались основные беззакония и глумления власти над Церковью и верой. Пункт «в» уличал «Декларацию» Сергия в явной лжи в той части, где она возлагает вину за столкновения Церкви и государства на Церковь, на контрреволюционные выступления клира, отмечая, что в тюрьмах томятся представители Церкви совсем не за политическую деятельность, а только за веру. И особо отмечалось, что «*настоящей причиной* борьбы служит *задача искоренения религии*, которую ставит себе правительство», его «*принципиально отрицательное* отношение» к Церкви. Наконец, пункт «г» разоблачал полную незаконность угрозы Сергия зарубежным епископам и самого принципа ставить пребывание людей в Церкви в зависимость от их политических взглядов, что противоречит в особенности постановлению Всероссийского Поместного Собора от 2/15 августа 1918 г.г., не допускающего никаких церковных кар за политическую деятельность и реабилитирующего всех, кто в прошлом был лишён сана за политические преступления, в частности — архиепископа *Арсения (Мацеевича)*, пострадавшего от Екатерины II.

С осуждением «Декларации» Сергия, а также с осуждением его антиканонических действий по созданию своего «синода» выступили письменно многие. Обширное, подробное письмо Сергию написал 29 марта 1929 г. епископ Дамаскин, закончив его словами: «Если Вы не внемлете, не возвратитесь, то пойдёте Вашим уклоном дальше, *но без нас*» (без «подавляющего большинства иерархии», как он выразился). Митрополит Пётр также предложил Сергию «вернуться» на ту позицию, какую он занимал до «Декларации». Очень проникновенное, поистине братское письмо с обличением и увещанием пришло Сергию из-за границы от Владыки Антония (Храповицкого), бывшего учителем Сергия в академии... Письмо Митрополита Казанского Кирилла (Смирнова) от 2/15 мая 1929 г. *не признавало обязательности* каких-либо распоряжений «так называемого Патриаршего Синода» до тех пор, «пока митр. Сергей *не уничтожит*

учреждённый им Синод». Позднее, в 1934 г. владыка Кирилл выразил чрезвычайной важности положение о том, что *таинства*, совершаемые сергианами, имеющими правильное рукоположение, могут быть спасительными лишь для тех, кто приступает к ним «в простоте», «не подозревая чего-либо неладного в сергианском устройении Церкви. Но в то же время они служат в *суд и осуждение* самим совершителям и тем, ... кто хорошо понимает существующую в сергианстве неправду и своим *непротивлением ей* обнаруживает *преступное равнодушие* к *порушению Церкви*». Поэтому православные епископы и священники не должны иметь «*общения с сергианами в молитве*. То же необходимо для *мирян, сознательно* относящихся ко всем подробностям церковной жизни».

Сергий и его «синод» не вняли никаким увещаниям и тем самым *откололись* от Русской Православной Церкви (и вообще от Церковной Полноты Православия) окончательно и безвозвратно, сделавшись «советской церковью», как это часто стали называть, а лучше сказать *одной из организаций всемирной иудео-масонской церкви дьявола*. В таком положении находится по сей день то, что называется Московской «патриархией, кощунственно именующей себя также — «Русской Православной Церковью» (РПЦ). Главная функция этой еврейско-большевицкой подделки под Церковь — служить *ловушкой* для тех, кто хочет принадлежать к Русскому Православию. Однако эту функцию сергианская лжепатриархия начала исполнять не сразу! К тому было много причин, из коих одной из важнейших являлось то, что в конце 1920-х и в течение 1930-х годов ещё *не был уничтожен* в достаточной мере Русский верующий народ!

Ещё шла духовная борьба. Русская Зарубежная Церковь, естественно, прервала отношения с Сергием и его «синодом» после «Декларации» 1927 г. А после кончины Митрополита Петра в 1937 г. ей некого было и почитать в качестве законного Главы Церкви в Отечестве.

В России с приходов *сотнями* возвращались Сергию экземпляры его «Декларации», не принимаемой верующими. Возникло движение «непоминающих», т.е. духовенства и верующих, отказывающихся признавать Сергия главой Московской патриархии. Начала создаваться и так называемая «Катакомбная Церковь», состоявшая из тех истинно-православных русских людей, которые не приняли сергианского раскола и отступничества и, сохраняя себя в истине Божией, ушли в церковном отношении на *нелегальное положение*. С благословения виднейших архиереев и под их руководством сложились общины Истинно Православной Церкви (ИПЦ), хранившие исконное русское православие в непременном соединении с почитанием Православного Самодержавного Царства, как единственно законной власти Русского Народа. На них обрушивались особенно страшные преследования. Большевицкие власти вылавливали «катакомбников» где только можно, часто с помощью священников «патриархии», пытававших у своих прихожан о местах собраний катакомбников и доносивших об этом «органам». Попадавшие в лагеря члены ИПЦ, как правило, оттуда уже не выходили, получая там всё новые «сроки». Так, что сидели по 28—30 и более лет. Большинство в лагерях и погибли. Выжили редкие. К настоящему времени катакомбников осталось очень мало и они, увы, разобщены, т.к. в условиях глухого подполья и конспирации у них стали появляться сомнительные епископы, не имеющие ставленной грамоты, признаваемые одними

катакомбниками и отрицаемые другими. Но в конце 20-х и в 30-х годах «отошедших» *от легального положения* было много! И голос их ещё доходил до народа.

Митрополит Сергей и его «синод» остались с ничтожной горсткой епископов и меньшинством верующих. Всех, несогласных с собой, Сергей *объединил вместе с «обновленцами»*, продолжавшими ещё существовать как отдельная «церковь», и объявил таинства их недействительными, а их всех — «раскольниками». Заочно были им также осуждены и зарубежные русские архиереи. Но теперь, после 1927 г., все действия и решения сергианского «синода» уже не имели никакой канонической и духовно-таинственной силы.

Нужно заметить, что тогда к Сергию присоединились и некоторые искренние архиереи и священники, поверившие в то, что «Декларация» 1927 г. и вся Сергианская «линия» действительно имеют в виду *спасение Церкви*. Среди них были такие люди, как митрополит Серафим (Чичагов), знаменитый инициатор прославления преп. Серафима Саровского, и, как говорят, архиепископ Иларион (Троицкий) — деятельный помощник Патриарха Тихона, арестованный и посаженный ещё при жизни Патриарха. Но большевики хорошо умели распознавать и отличать таких искренне заблуждающихся от родственных себе по духу добровольных лжецов, и расправлялись с заблудшими, как и с противникам Сергия. Митрополит Серафим был расстрелян в 1938 г., архиепископ Иларион так и умер в заключении, не выходя из него... Примерно то же самое происходило со многими епископами и священниками, принявшими «Декларацию» *из страха*. Большевики их тоже хорошо отличали от «сознательных» и во множестве отправили за решётку или расстреляли. Поиздевались и над «боязливymi» и над «неверными».

Итак, уничтожая и почти уничтожив к 1941 г. Церковь настоящую, большевики *сохранили* «показательную» *подделку* под неё в виде «синода» во главе с митрополитом Сергием, названную также «Московской патриархией». Под видом (под маской) Церкви Христовой, то есть служащей Христу, эта Московская «патриархия» обязалась служить, стала служить и теперь служит *антихристу*. Совершенно добровольно и сознательно. Но скрывает это от «масс» верующих под личиной православного уставного богослужения, духовных одежд, благоукрашенных храмов и иных *внешних* видимостей Православия.

Но вот вопрос: а возможен ли был какой-либо иной путь для *легального* существования *действительно* Православной Церкви в условиях богоборческого коммунистического режима в СССР? Вопрос этот был «ребром» поставлен одним из катакомбных епископов. Ответим: возможен. В том случае, если бы *все* законные епископы держались так же, как Патриарх Тихон, митрополит Вениамин и другие им подобные. Но с практической стороны это представляется почти нереальным, т.к. если не в лице Сергия, то в лице того же Алексия (Симанского) или ещё какого-нибудь отщепенца, каковых несколько всегда можно найти в церковной среде, большевики всё равно подыскивали бы себе такую «каноническую» церковную власть, которая стала бы их антихристовым орудием, и тем самым получили как бы «законное» основание расправляться со всеми, кто не признает такой церковной власти, то есть с Церковью Русской Православной настоящей!

Тогда ещё вопрос: что же могло означать *такое* положение вещей с точки зрения Промысла Божия?

Ответ один: Всё это оказалось возможным только в Божественном предвидении того, что *в России Православной Церкви больше не будет, поскольку в ней не будет и того народа, для которого она должна существовать!*

Тогда, настоящая Русская Православная Церковь должна была сохраняться *только вне пределов России, за границей, и лишь постольку, поскольку там должно было сохраниться и ещё сохраняется определённое количество настоящего Русского Православного Народа!*

Вот одно из самых замечательных превращений (одна из метаморфоз) Великорусской истории последних времён!

Глава 38.

ВЫРАЩИВАНИЕ НОВОГО НАРОДА. «СОВКИ».

Современного писателя В. Максимова, живущего за границей, но часто теперь приезжающего в Россию, некая молодая бодрая корреспондентка телевидения спросила: «Что Вы думаете о сегодняшнем состоянии России?». Он в каком-то изумлении ответил: «Тотальная шизофрения!» — «Как?!... А в чём Вы это видите?». «Да во всём...» — развёл руками Максимов. Истинно так, точнее не скажешь. Именно *тотальная шизофрения* характерна для всех слоёв населения России 1990-х годов и проявляется, начиная от небывалого увеличения душевно больных и умственно неполноценных людей и детей в больницах и домах инвалидов, до политического кретинизма власть имущих, где талантливая хитрость и расчётливость сочетается с потрясающей глупостью, до невиданного *раскола* сумасбродных идей в российской «общественности», где уже действуют более 40 (!) партий и безсчётное количество ругающих друг друга движений, течений, направлений... К этому ещё нужно прибавить катастрофическое увеличение размеров *пьянства* (особенно среди этнически русских), и, конечно же, — *тотальную преступность!* Ибо преступившими, нарушившими закон в той или иной степени и мере, стали *поголовно все!* Так была устроена «система». «Замазать» нужно было каждого, чтобы никто «не высывался», чтобы каждого можно было ткнуть носом в какую-нибудь нечестность. «Великая криминальная революция» выплеснулась на поверхность жизни всего народа ещё и как разгул воровства, грабежей, убийств и насилий таких масштабов, каких никогда не знала история России. Православная вера? В тех русскоязычных, у которых она есть, как они думают, вера — это их частное, личное дело и она не определяет жизни, а является или суеверием языческого толка, или чем-то вроде душевного комфорта. А у тех, которые стараются в самом деле жить по вере, она быстро доходит до «прелести» (состояния близкого к помешательству). Тем более вера не является определяющим началом жизни и деятельности общества, государства, экономической системы, хотя ныне,

пожалуй, все видные деятели этих сфер относятся к ней с «почтением» и не прочь поговорить о желательности подъёма и «возрождения» веры и Церкви, **в воспитательных** целях. ... Ибо категория *совести* совсем **исчезла** из общественно-экономических и политических отношений! Её тщетно пытаются заменить ворохом законодательных предписаний, призванных регламентировать всё во всём. **Но без совести не работает** и никогда не сможет работать никакая государственная, общественная и хозяйственная система. При множестве очень дельных, рациональных идей и предложений по организации жизни, из-за раскола мнений и отсутствия совести ни одно не проводится в жизнь до конца. Здесь можно вспомнить утрату чувства и сознания своего национального единства в большинстве русскоязычного населения. Во время «парада суверенитетов» в 1992—93 г.г. отколоться от Центра, от Москвы, хотели уральская, сибирская, приморская, поволжская «республики»; даже Владимирская область, как говорят, хотела стать «суверенной» (не говорим уже о Татарии, Башкирии, Саха-Якутии...). Провинциям России Москва стала представляться чем-то вроде громадного паука, опутавшего их бюрократической паутиной и тянущего из них последние соки. Поэтому, если **экономически выгодней** быть без Москвы, то на что она нужна, как центр, зачем ей подчиняться.

В переводе с латыни — шизо (или схизо)френия — это «расщепление (раскол) мозга (сознания)». Её исток — в большевицкой партии, ещё конкретней — в главных вождях. Революционность для Ленина обернулась полным распадом сознания (идиотизмом), для Сталина — паранойей, которую обнаружили у него врачи (В.М. Бехтерев). Если уже простое неверие в Бога является тяжёлым психическим заболеванием, по слову Царя Давида: «Сказал безумец (т.е. лишённый ума, умалишённый) в сердце своём: нет Бога!» (Пс.52,2), то каковы же должны быть состояние и последствия действий **воинствующих против** Бога!

Загоревшись идеей вырастить некий «новый народ», «нового человека» (старая мечта оккультистов и масонов о «гомункулусе»), идеологи большевизма не заметили, что создают тем самым грандиозный **раскол народа**, предопределяющий раскол сознания (шизофрению) и у «нового человека». То, что мы здесь имеем в виду под словом «шизофрения» включает в себя явления, не только подлежащие прямо медицинской компетенции, хотя и их в первую очередь (!), но и явления раскола (расщепления) психологии и идеологии социальной, политической и всякой иной у того самого «нового человека», или «нового народа», который всё-таки в самом деле **возник и существует** как историческая реальность!

«Новый народ» выращивался так.

Все родившиеся после 1917 г. люди уже не изучали Закона Божия. Но зато подвергались **«атеистическому»** воспитанию» и образованию. Частное обучение религии преследовалось как антисоветская деятельность, так что и его быстро не стало. В семьях, наипаче — крестьянских (но и многих городских — тоже) ещё какое-то время детей старались крестить, научить хоть чему-то в духовном плане, хоть знанию наизусть двух-трёх молитв. Но в 1930-х годах и такое чисто домашнее обучение стало крайне опасно. Доносительство приобрело тогда неслыханные размеры. «Пробил час негодяев!» Доносчиками могли быть (и бывали сплошь и рядом) не только близкие, знакомые, друзья, соседи, но и члены семьи (знаменитый Павлик Морозов). Вступающие в партию, а также в новую молодёжную организацию — комсомол (ВЛКСМ) **обязаны** были исповедать неверие в Бога и согласие

бороться с «религиозными предрассудками». Более того, они обязывались превыше всего (!) ставить преданность делу партии, делу социализма и коммунизма. Почти в том же обязывались и члены детской организации «юных пионеров» (скопированной большевиками с масонской бойскаутской детской организации). Даже самые маленькие, почти младенцы, в возрасте от 7 до 9 лет в первых классах школы должны были становиться «октябрятами» и выражать свою любовь к Ленину и его партии! Семейные, дружеские и иные общественные узы, всегда связывавшие людей (не говоря уж об узах церковных, братстве во Христе!), отодвигались на второй план или вовсе отменялись во имя уз партийных, уз товарищества и *братства «в общем деле»* и общей идеологии. Всё — как у тамплиеров, опричников Ивана Грозного и у иудео-масонов. Это структура очень древних Орденов и тайных «братств», короче — всемирной церкви дьявола, вынесенная из подполья на поверхность социально-общественной жизни.

Такой тотальной обработке большевицкий режим стал подвергать молодёжь с самого начала, но особенно после своего окончательного утверждения, и с особым успехом, конечно, тех, которые рождались уже в советское время, а среди них особенно тех, что рождались от людей, *избежавших* репрессий... Для таких режим со всеми его организациями и требованиями был уже чем-то само собою разумеющимся, некоей естественной *данностью*, в которой каждый должен был найти своё место, чтобы быть *как все*, не стать «отщепенцем». Очень немногие, крайне немногие из таких рождённых и воспитанных в советском режиме, повзрослев, могли *дать себе труд подумать* и обнаружить, что советский режим «не разумеется сам собою», что он противоестественен и враждебен народу. В большинстве советская молодёжь послушно пошла за коммунистами с твёрдой *верой* в «благородство» и «доброту» провозглашённых ими целей и идеалов. *Вера лжи!* Мы о ней уже говорили.

Как стала она возможна у советской молодёжи? Ведь несмотря на коммунистическое воспитание и атеистическое образование, молодые люди — «комсомольцы 30-х годов», как они названы в советской песне, *знали* о существовании Православной Церкви, *видели* её закрытые, а кое-где и действующие храмы, *имели* рядом, часто в собственных семьях, верующих людей, с которыми нередко и говорили о вере, *читали* незапрещённые сочинения тех же русских классиков литературы, где говорится о вере и Церкви в положительном смысле. Поэтому такие комсомольцы (и «сочувствующие») *не свободны* от ответственности пред Богом за свой духовный выбор и за *все* преступления большевицкого режима, к которым они *духовно* приобщались «горячим одобрением» этого режима. Они *могли* (!) подумать. Но не захотели. Почему? Потому, в частности, что они *генетически* происходили от тех отбросов Русского Народа, той части его рабочих и крестьян, а также интеллигентов, для которых и прежде, до революции, *главным* в жизни была не вера, *не истина* Божия, а устройство своего *земного благополучия* (в чём бы оно ни состояло). Подобно своим родителям, «комсомольцы 30-х годов» *отверглись* любви истины. И за то послал *им Бог* действие заблуждения, так что они стали *верить лжи*.

Шла настоящая селекция таких именно экземпляров, продуманный отбор и выведение новой породы людей. Если поначалу, с 1918 г. таковых было ничтожное меньшинство, то затем, в конце 1920-х и в 1930-х годах, по мере всё большего уничтожения подлинно русских людей, — отбросов и их детей

оказывалось *всё больше*. Конечно же, при этом было множество притворявшихся согласными, из числа рождённых от добрых родителей, но «страха ради иудейска» добровольно пошедших на приспособление к режиму. Такие всегда были «на заметке», на подозрении у большевиков. Им нужно было особенно часто, «горячо» и «пламенно» отречься от «старого мира» и приветствовать «новый». Знаменитая советская актриса Любовь Орлова, происходя из дворянской семьи, тщательно скрывала это (вырезав на фотографии своего отца туловище и оставив только голову, т.к. он был снят в парадном сюртуке сановника высокого ранга). Она соединила свою жизнь с режиссёром-евреем и впервые запела с экранов на весь народ: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!» Подобным образом поступали многие. Ни в коем случае нельзя было написать в анкете в графе «социальное происхождение» — «дворянство», «купечество», или «духовенство». Это почти автоматически — 10 лет лагерей («червонец», как тогда говорили). Существовало обтекаемое анкетное выражение — «служащий», каковыми и писались чудом уцелевшие отпрыски дворянских, купеческих, священнических фамилий. Так удалось сохраниться кое-кому, но далеко не всем (!), т.к. многих и отлавливали, «разоблачая», часто — по доносам друзей и соседей.

«Отобранные» и выведенные, «выращенные» режимом составляли в 1930-х годах, конечно, ещё не всю молодёжь, но как бы её «передовой отряд». Для него было очень характерно состояние, названное «*энтузиазмом*». Большевики сознательно заражали им эту часть молодёжи. Во имя «высоких целей», а также во имя «товарищества» и «коллективизма» советская молодёжь готова была с песней делать всё, что партия прикажет, к примеру — ехать на стройки пятилеток, «стройки коммунизма» в Сибирь, на Дальний Восток, Крайний Север, или на войну в Испанию, — куда угодно, отказываясь от всякого комфорта и уюта, как «буржуазных», «обывательских», «мещанских» форм жизни. Это было что-то вроде массового психоза или лучше сказать — *наваждения*. Оно постоянно побуждало к «свершениям» во имя великого «будущего». В этом состоянии учились, женились, работали, «творили». «Энтузиазм» явно подменял собою религиозное чувство, был как бы суррогатом или ядовитым *эрзацем веры*.

Большевики должны были, вынуждены были (и даже хотели) сообразоваться с церковно-религиозным характером самой природы этнически русских людей! «Отобранным» и «выращенным» вместо Христовой Церкви предложили партию-церковь, вместо Христа — «вождя» (или ту же «партию»), вместо родства и братства духовного — родство и братство идейное, вместо Рая Небесного — земной (коммунизм) в будущем, вместо чувства национального единства — интернациональное «классовое» единство (всё в той же идеологии), вместо соборности — «коллективизм». Иными словами, всё — почти как в семье и в той же Христовой *Церкви и вере*, только без Христа, вообще без «религиозных предрассудков», а на «научной» основе. Но ...с *религиозным горением*! Отсечённые таким образом от веры и Церкви, русские по происхождению люди *по инерции* сохраняли в себе кое-что от русской природы: начатки совести, честности, чувства долга, послу-

шания (теперь это стало называться «сознательной дисциплиной»), нравственности («морально устойчивые»), потребности в непременно *высоком* идейном *оправдании* своего существования и деятельности и т.п.

Для них и большевики должны были притворяться чуть ли не *святыми*! «Мы должны быть святыми, потому что наше дело — святое», — говорил герой романа «Как закалялась сталь» Павка Корчагин. Он-то говорил *искренне*. Таких, по мере отбора и выращивания, становилось всё больше и больше. На них вынуждены были *равняться* остальные («равняться» значило попросту — притворяться такими же). Большевицкие руководители установили целую систему моральных правил для партийно-советских работников. Все они (кроме самой-самой верхушки, глухо закрытой от посторонних глаз) должны были жить как аскеты, с имуществом, часто помещавшимся в одном чемодане, строго блюсти семейные узы (разводы не разрешались), быть образцом для «масс», даже стали носить что-то вроде общей для всех сов. парт. работников униформы: военного типа френч, такого же типа фуражку, сапоги (хотя допускались и брюки с ботинками). Это образ *самоотвержения* во имя непрестанной борьбы (*войны*) за торжество коммунизма! Сталин зорко следил за тем, чтобы этот образ соблюдался, и не щадил соратников в случае проступков. «Моральных разложенцев» (проворовавшихся, запивших или заблудивших) беспощадно карали. Создавался образ «*кристально-чистого* коммуниста», призванный *заменить* для «отобранных» русских образ православного *святого*. Особенно культивировался, как пример, совершенно лживый образ Ленина именно как идеального во всех отношениях («святого») человека. Из него делали настоящую *икону*. Так же, впрочем, и из Сталина. Но Ленин был особенно удобен тем, что уже был мёртв... Во всём этом деле неоценимую услугу оказала большевикам советская «творческая интеллигенция» — писатели, поэты, художники, композиторы, деятели театра и кино. Ленин сказал: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». Нетрудно понять почему. Театр, концерт, выставка — это всё для публики крупных городов и притом всё же избранной, «культурной», а кино — для всех, вплоть до самых дальних деревень и посёлков. Почти то же и книга. «Творческая интеллигенция», среди которой оказалось особенно много *сохранившихся* из дореволюционных интеллигентов, а также, уж конечно, — евреев (!) с потрясающей услужливостью пустилась исполнять «социальный заказ» большевизма. Создавались произведения самых разных жанров, восхвалявшие революцию, большевизм, его вождей, идеологию и практику, изображавших и «кристально-чистых» коммунистов и *нового* «советского человека» с *придуманными* для него чертами и *придуманную* жизнь новых советских людей. Это называлось «социалистическим реализмом». Здесь выворачивалось наизнанку, в корне извращалось главное. Православная вера и Церковь представлялись «мракобесием» (так и говорили!), а большевизм — настоящее мракобесие — благородным «светом истины»... Подлинное добро изображалось злом, а сущее зло — добром. Это была настоящая *хула на Духа Святого*, которая по слову Спасителя, «не прощается ни в нынешнем веке, ни в будущем.» На таком извращении и хуле воспитывали «отобранных» всей мощью пропаганды, литературы и искусства, средств массовой информации, системы образования и воспитания.

Но кроме того, «важнейшее» искусство кино привело к тому, что «кумирами» теперь уже не избранной публики, а самых широких народных масс сделались наиболее эффектные *артисты* (лицедеи). Отсюда само *лицедейство*, как принятие на себя разных «личин» и «масок» стало проникать вглубь психологии масс, становиться для многих и удобным и интересным *способом жизни*, поведения! Люди (подчас даже произвольно!) стали «перевоплощаться», притворяться кем-то или чем-то, не замечая, что становятся *оборотнями*, подстать бесам и большевикам. Оборотничество и двойничество, предназначавшиеся ещё в театрах и маскарадах XVIII в. стали через искусство кино «достоянием» масс. К настоящему времени это — уже общественное бедствие и ещё одна из причин «тотальной шизофрении».

Начиная с Луначарского советская культура (особенно — кино, а также народное просвещение) постоянно находилась (и по сей день находятся) под руководством и контролем *евреев*. В 1920-х и первой половине 30-х годов в СССР *совсем не преподавалась* история России! Из «Краткого курса истории ВКП(б)», составленного Сталиным, «комсомольцы 30-х годов» могли узнать, что старая Россия была «отсталой» страной, «тюрьмой народов», где поработённые и невежественные «массы» томились под гнётом царей, помещиков и капиталистов, «служанкой» которых была Церковь, пока Октябрьская революция не освободила эти «массы», открыв для них «эру» новой жизни, и даже новую эпоху в истории человечества. В конце 1930-х годов появились учебники и пособия по истории СССР, где в отделе «Период феодализма», наконец, в общих чертах рассказывалось об основных этапах и деятелях российской истории с древнейших времён, но — в такой марксистско-ленинско-сталинской обработке, что учащимся просто *скучно* было изучать этот «период». Он подавался только как некая тёмная *предыстория*: *настоящая* же история советского народа (народов) начиналась, по заверениям «учёных» (!), только с октября 1917 г.! По родству духа и посвящённости в тайные общества Сталин и большевики выделяли только двух царей из всей истории России — Ивана IV «Ужасного» и Петра I. О них писались романы и ставились фильмы и пьесы. На могилу Петра I полагались живые цветы...

Слова и понятия «Россия», «Русь», «русский народ» были начисто исключены, вычеркнуты из употребления, заменившись понятиями и словами «Советский Союз» (или СССР) и «советский народ». Слова «Отечество» или «Родина» стали употребляться крайне редко и только с прилагательными — «социалистическое отечество», или «советская родина».

Так был создан «советский» (или «совковский») *патриотизм*. Знаменательным стало пространственное смещение *центра* патриотизма. Для «отобранных» и «выращенных» *новых* людей (в том числе, по крови — русских) таким центром стал не Успенский собор Кремля (с чудотворной Владимирской иконой Богородицы и мощами Святителей Московских), как было при Козьме Минине и даже при Николае II, а *Красная площадь у Кремля с мавзолеем Ленина!* Красная площадь, как мы помним, в древности тоже была центром *народным* и притом *святым*. Мы помним, что в XVII в. Красная площадь воспринималась как один из образов Иерусалима Нового, как Храм под открытым небом, где своего рода алтарём служил собор Василия Блаженного (он же Троицкий, или Покровский). Теперь же для «совков» алтарём Красной площади стал *мавзолей*, а площадь *продолжала* восприниматься как «святое место» (и по причине находившегося там мавзолея, и как место

всесоюзного значения «литургий» — демонстраций, парадов, особых митингов). Часть кремлёвской стены с *мавзолеем* и с кроваво-красными (рубиновыми) пентаграммами, горящими теперь на её башнях, стала подаваться и прочно утвердилась в сознании «совков» как эмблема, как *символ родины*.

Смещения далеко не случайные! Сам переезд советского правительства из Петрограда в Москву, и именно — *в Кремль*, был вызван вовсе не соображениями большей безопасности (от внешних врагов), а стремлением большевицкой партии-церкви утвердить *свой центр на месте центра Святой Руси, центра Церкви Русской Православной!* «Мерзость запустения, стоящая на святом месте», как сказано у Пророка Даниила и повторено в Евангелии... От этого стремления поставить на святом месте мерзость запустения — очень многое в практике большевицкого режима. Отсюда и взрыв Храма Христа Спасителя. Чтобы на *этом месте* возвести грандиозный символ вавилонской башни — «Дворец Советов». И устройство в закрытых храмах и монастырях клубов, кинотеатров или грязных производств (пивных и иных заводов и фабрик), вроде *атомного* центра академика Д. Сахарова в знаменитой Саровской обители (не где-нибудь). На месте источника благодати — источник радиации... Но, конечно, самым центральным в этой цепи «замен» или «подмен» явилось создание мавзолея Ленина и некрополя большевицких лидеров и героев окрест него и в Кремлёвской стене (не где-нибудь!). Искусно было сохранено даже не в мощах, не в мумии тело умершего идиотиком вождя, именно — его *труп*. Целый научно-исследовательский институт работал и работает над тем, чтобы поддерживать *мёртвые* ткани *мёртвого* тела в одном и том же (мёртвом!!) состоянии. Это нечто такое зловещее и страшное, чего никогда не бывало в истории рода человеческого! И к этому страшному как бы «живому» трупу с подлинно религиозным чувством, на поклонение нескончаемой длиннейшей вереницей потянулись «советские люди»! Пожалуй, почти все, приезжавшие в Москву со всех концов Союза, стремились побывать в мавзолее. Конечно, многие — из простого любопытства. Но нельзя отрицать, что большинство — всё-таки из странного, мистического, разумом не объяснимого влечения как-то «зарядиться» от Ленина или *«приобщиться»* ему... Действительно, поклонение умершему человеку таинственно *приобщает* к нему, связывает с ним. На этом основаны обычаи почитания предков, посещения могил на кладбищах и православное почитание мощей святых. Сколько же советских людей, с благоговением прошедших через мавзолей, связали себя духовно с Лениным? Десятки миллионов! В том числе десятки миллионов *этнических русских*. Целый народ! И это уже, естественно, народ не Русский, не православный, а новый — *«советский»*.

Почему всё-таки большевики не ограничились простым захоронением вождя и сооружением подобающего памятника? Или почему не прибегли к обычному, с египетской древности существующему мумифицированию его тела? Для чего им, — казалось бы, атеистам и материалистам, понадобилось тратить огромные средства, усилия и деньги на сохранение мёртвого трупа? Это основано на очень древних оккультно-масонских магических представлениях о связи души с телом: пока сохраняется тело, в нём пребывает и душа; чем сохраннее тело, тем больше в нём присутствие души. Получается нечто вроде искусственного «бессмертия», которое якобы обеспечивается *вопреки, наперекор* богоустановленным законам жизни и смерти. Считается, что душа в трупе «слышит», «видит» всё, что около трупа

происходит, реагирует на обращения к ней, или исполняя просьбы поклонников, или *предсказывая* им будущее. Мы помним, как масоны — «птенцы гнезда Петрова» старались как можно дольше сохранять останки Петра I без погребения. Значит, всё-таки в большевизме мы встречаемся не просто и не только с идейно-политическим движением; мы имеем дело с религией. Конечно, труп Ленина призван был и воздействовать на психику посетителей мавзолея, показывая им как бы подлинник вождя, но это очень побочная цель.

Эффект присутствия достигается и другими средствами (восковой фигурой, фотопортретом, статуей). Следовательно, дело было не в *эффекте*, а в *действительном присутствии вождя* среди живущих. Постоянном присутствии. «Ленин — с нами!», «Ленин — *вечно* живой!» — вот, что нужно было *обеспечить*, ну, и затем, конечно — *показать* «массам». А что касается «избранных» и особо «посвящённых», то мы ещё просто не знаем, что происходило возле трупа Ленина при закрытых дверях, втайне от «масс». В любом случае здесь ясно видна та же подмена: как Церковь Христова основана на Христе (является Его таинственным Телом), так большевистская партия-церковь и создаваемый новый народ должны основываться на Ленине, даже как бы именно на его «бессмертном» теле! Не случайно трибуны высших чинов партии и правительства создаются на мавзолее, над трупом Ленина (— прямая параллель Престолу Православного Храма, у которого могут быть только избранные священнослужители и который непременно содержит в себе *мощи святого*, или святых! «Пергамский алтарь», «престол сатаны» (Откр.2,13)?.. Что-то вроде этого!

Совершенно очевидно, что принять всё это в России могли только люди, начисто лишённые духовных устоев и ориентиров, т.е. в сущности уже никак *не русские*. Ибо Русь, Великороссия изначально собиралась и затем утверждалась и жила в историческом времени *не как общность по крови* (этническому происхождению) и *не как общность по территории* (земле), а прежде всего и главным образом, — *как общность во Христе*, то есть как *Община Православных*, как Народ-Церковь, почему искони и включала в себя и финнов, и татар, и тюрков, и немцев — всех, независимо *от крови*, но в зависимости от их искренней принадлежности к Православной Вере и Церкви.

Теперь мы видим, как *рядом* с такой Общиной, с таким Народом, возникает и начинает жить совсем *другой народ*, который тоже стремятся сделать Общиной. В ней общность по крови и территории тоже не является определяющей и главной; главным становится тоже духовная общность, *общность по духу*. Какому? *По духу Ленина!* Он стал в самом деле чем-то вроде Лжемессии для «новых людей», особенно — из молодёжи.

Если откалывавшаяся от народа до революции западническая часть русского «образованного» общества все-таки сохраняла с народом какую-то (пусть очень слабую!) связь через Православную Веру и Церковь, к которой «западники» формально принадлежали, а в детстве *все* были и крещены, и причащались Святых Тайн, и изучали Закон божий, то теперь между Русским и советским народами была начисто обрублена и эта связь. Советские были уже не просто страшно далеки от русских, они стали сознательно и агрессивно *враждебны* им в главном — в полном отделении от веры и Церкви, даже — ненависти к ней! В 1920-х — 30-х годах особый размах приобрели всевозможные кощунства над верой. Устраивались шутов-

ские шествия и представления, где глумились и над «попами», и над именами Бога, Христа, Матери Божией, святых, горели костры, на которых публично сжигали иконы, духовные книги, иные святыни. Из своих квартир и домов многие *пожилые* люди выносили иконы и *с радостью* отдавали их на сожжение!.. Большинство же прятали образа. Те, кто выносил и радовался, были как раз теми отходами, отбросами, или подонками Русского Народа, каковые всегда в нём, как в любом народе, имелись. От них-то, в основном, и брались те «черенки» или «побеги», которые подвергались селекции и специальной обработке, чтобы составить в полной мере *новый народ*, уже никак, даже через Крещение, не связанный с Православным Русским Народом. Оба народа до времени, именно — до конца 1930-х годов — начала 40-х существовали параллельно, одновременно, но так, что Православный Русский быстро уменьшался, через казни и высылки, а советский имел тенденцию к увеличению. В 1940г. они, по-видимому, составили отношение примерно пополам-напополам. К этому времени невероятно возросла и некая *третья часть* советского общества — «Зона!» Тот самый «Архипелаг ГУЛАГ». Система сталинских концентрационных лагерей и тюрем к этому времени, разросшись невероятно, превратилась в «государство в государстве», со своими законами, писаными и неписаными, правами и обычаями, охватила *многие миллионы (!)* томившихся там людей. В «Зоне» тоже шла селекция, отбор. Уголовников большевики расценивали как «социально-близких» (или — «родственных»), а политических заключённых, наипаче твёрдо верующих, — как «социально-чуждых». Большой вес в «Зоне» имели предводители уголовных группировок, как правило, «воры в законе» (т.е. принципиально никогда не работавшие, а жившие только преступлениями), часто называвшиеся «паханами». При всей преступности своей психологии они и подчинённые им члены воровского мира имели свои *этические нормы* и правила, в иных пунктах довольно справедливые. Но в связи с *массовым*, тотальным характером преступности, такая организация уголовщины постепенно размывалась, и к 1990-м годам исчезла, заменившись тем, что на языке «Зоны» всегда называлось «безпределом», т.е. отсутствием правил и сдерживающих начал. Сохранилась лишь сама структура шайки (группы) с «паханом» во главе. Она, действительно, была близка и родственна правившей партии, т.к. последняя — не что иное, как *идейно-политическая* разбойничья шайка со своим «паханом» — вождём во главе! «*Вся страна — одна большая зона*», — пелось в блатной песне, и это соответствовало действительности. Однако поначалу для «здоровых советских людей», в порыве энтузиазма трудившихся и веселившихся на демонстрациях 1 мая и 7 ноября под морем красных полотнищ, «Зоны» как бы и не было! «Здоровое общество» в «Зоне» *не побывало* и имело о ней самые смутные представления, как о месте справедливого заключения *только* преступников, а также шпионов, диверсантов, вредителей — «врагов народа». Никто из советских людей под красными полотнищами не мог допустить и мысли, что в «Зоне» содержатся *миллионы* ни в чём не повинных людей, что многие подвергаются там невероятным зверским пыткам, терзаниям и издевательствам. Но по мере ослабления большевицкого режима, наипаче после смерти Сталина, «Зона» приотворялась и из неё в советскую жизнь стало выливаться очень многое, прежде всего — *преступный образ мысли, уголовная психология*. Многие из «Зоны» включались затем в «нормальную» жизнь, занимали ответственные должности, помогали «своим» в том же самом и постепенно создали

заметный слой советских работников, преимущественно в хозяйственной и торговой областях, предопределив тем самым во многом в «криминальную революцию», развернувшуюся в начале 1990-х годов. Но из «Зоны» одновременно выходило в советское общество и другое, — *антисоветские* настроения, наипаче от тех, кто сидел там безвинно. Множество таких, а также «политических» дожили до освобождения. Они в большинстве уже никогда не смогли стать нормальными людьми. «Зона» с её чудовищными *ужасами* оставляла в душах бывших заключённых как бы шрам, рубец, который делал эти души в чём-то непременно повреждёнными, болезненными. А ведь от них пошли и дети... «Зона», таким образом, сделалась одной из самых разрушительных «мин», которые были подложены большевизмом под собственный режим.

Но если вернуться к тем новым, советским людям, которые никогда не соприкасались с «Зоной», то и в них назревал гражданский раскол, или даже — расколы. Источником их был как раз тот «дух Ленина», которым пытались сплотить воедино советский народ. Как исходящий от дьявола, сей «дух» не мог быть духом единства. Он нёс *в себе самом* первое и важнейшее противоречие: с одной стороны, — безграничную сатанинскую *гордость* (и связанное с ней *безграничное властолюбие*), бесконечную *лживость*, беспредельную преступность (когда хороши *все* средства для достижения цели), а с другой стороны, — постоянные громкие фразы о «высоких идеалах» справедливости, человечности, совести и т.д., и т.п. Это выливалось в противоречие между официальной *идеологией* коммунизма и *практическими действиями* партии и её вождей, в противоречие между *массой* искренних коммунистов и комсомольцев 30-х годов и их «посвящёнными» *руководителями*. Первые, по глупости своей, никак *не могли понять*, почему «в верхах» делают и поступают *не так*, как пишут в книгах, газетах и говорят с трибун? Таких «непонимающих» развелось очень много, слишком много. Вместе с *недобитыми* русскими православными они представляли очевидную опасность для верхушки партии во главе со Сталиным.

Выхода из этого тупика не предвиделось. Партия и Сталин не могли воспитывать «массы» советского народа иначе, чем на самых «высоких» призывах и лозунгах, сообразуясь со свойством *совести*, оставшейся в «массах», и более того — *опираясь на неё, используя её*, чтобы держать в должном добровольном послушании себе советский народ. Но они *не могли* также позволить себе *руководить* «массами», новым народом по *совести*! Так складывался *новый тип* советского *партийного руководителя*, как человека с *созжжённой совестью*, который может *светлыми, честными* глазами смотреть на собеседника, тем паче — на народ, и при этом *заведомо лгать ему*, обманывать его. Такой человек был способен с полной убеждёностью говорить одно, а думать и делать совсем другое, подыскивать быстро самые «благородные» и убедительные аргументы для любых (!) преступлений и неправд. Это был *в полной* мере — «свой человек», «наш человек», как говорили «умные» партийцы, которому могла открываться дорога и на самый «верх». Безграничная лживость становилась *нормой жизни*, когда кажется, что именно так, только так и «надо», и что так *«всегда было»!*

Но сперва такой образ жизни был уделом меньшинства; большинство, то есть сохранявшиеся ещё подлинно русские люди, а также и очень многие «совки» были на такое не способны. Даже «совки», отрекшиеся от Бога и веры, «горячо одоб-

рявшие» партию и её вождей, какое-то время, как уже отмечалось, сохраняли остатки честности, чувства долга, нравственной порядочности. Это, между прочим, долго было одним из сильных средств атеистической пропаганды: вот, можно быть «кристально-честным», нравственным, добрым и без веры в Бога. Но естественно, что без живой связи с источником совести и нравственности — Богом эти качества должны были иссякать, скудеть. Так и происходило: у каждого нового, следующего поколения рождавшихся «совков» совести и иных добрых качеств становилось всё меньше, пока они совсем не иссякли у громадной массы «советских русских» к 1990-м годам. А воспитать их «новой социалистической моралью» никак не удавалось, т.к. не могло быть преодолено **противоречие** — между явно религиозным характером коммунизма и его материалистической «философией». «Если Бога нет, то всё (!) позволено» — эта блестящая формула Достоевского стала осуществляться в жизни советского общества с огромной разрушительной силой! К этому добавлялось тоже никак непреодолимое противоречие между **культом личности** Сталина и **демократическими** положениями марксизма-ленинизма. Вовсю действовало и противоречие между пропагандируемой **законностью** (Конституцией, совокупностью законодательств) и фактическим **беззаконием** власть имущих, когда законы и какая-то справедливость могли действовать лишь в случаях, не затрагивавших жизненных интересов партии, или лично какого-то из её видных работников. Дурные (не понимающие), воспитанные со школы на лозунгах «совки» невольно «поджимали» снизу дурацкими требованиями законности и справедливости, против которых возражать открыто было никак нельзя, но и положить их принципом действий — тоже (ибо в этом случае — прощай партия и весь режим!).

Все эти противоречия были сущими ловушками для большевизма, из которых невозможно было выбраться принципиально никогда. Они «срабатывали» постепенно, то одна за одной, то несколько разом. Какие-то из них едва ли не умышленно были подложены в режим изначально теми, кто заранее планировал его **временный** характер, другие — явились естественными, порождёнными самой **природой** режима («системы»). Но в то же самое время они, как **неразрешимые** противоречия становились источниками **раскола** общественного и личного сознания «советских людей» — источниками тотальной шизофрении...

К этому прибавлялось и уничтожение видимых, внешних источников духовной и даже материальной жизни народа. Было совершенно уничтожено **русское крестьянство**, со всей его веками складывавшейся культурой, ладом, обычаями и традициями жизни. В исконно-русских, центрально-чернозёмных губерниях в деревнях оставались не просто самые беднейшие крестьяне, но, главным образом, — самые подлейшие, из подонков и отбросов сельского «мира». Остальные, в основном твёрдо верующие и смелые, уничтожались или выселялись в Сибирь, на Север... На их место иной раз пытались посадить пришлых из других земель — людей тоже не из лучших, но они не покрыли потерь. Колхозный и совхозный строй создал на селе такие условия труда и жизни, что деревенская молодёжь устремилась прочь от земли в города, пользуясь любой возможностью. В итоге в междуречье Волги и Оки, на всей территории истинной **Великороссии**, катастрофически сократилось сельское население, прекратили своё существование (исчезли!) тысячи сёл и деревень, во многих местах не редкостью стали поля (некогда плодо-

родные, поросшие деревьями и кустарниками. Не редкость — и сёла вымирающие, где половина и более домов — с заколоченными окнами. От большевических репрессий и чисток пострадали все без исключения народы Российской Империи, оставшиеся в СССР. Некоторые из них были насильно целиком выселены на новые места (поволжские немцы, крымские татары, черноморские греки, чеченцы, ингуши, калмыки и другие). Но *ни с одним из этих народов не было сделано такого, что было сделано с Русским Народом!* В любом нынешнем народе бывшего СССР, в том числе и — репрессированном, сохранилась национальная культура, национальное «лицо», некая *основа* народа. В народе Русском *погибло всё*, было физически уничтожено ядро народа, такая критическая масса его, которая ещё позволяет ему быть именно народом, питает его традиции и культуру, — *крестьянство центральных губерний России!* Это, конечно, не случайно. Здесь был не только *этнический корень* Великороссии, здесь же был и её духовный корень — *самое крепкое в Православии крестьянство*.

В результате, в наши дни деревня Центра России — это средоточие безбожия, пьянства, зверства, матерщины, разврата и *беснований!* Последние в деревне чаще, чем даже в городе. Редко кто из деревенских не колдует. Экземпляров «Чёрной магии» в деревнях больше, чем Евангелия! В крупных, ещё живых сёлах в действующие храмы по воскресным дням приходит 10-15 старушек. Остальные сотни сельчан никогда не посещают *рядом стоящую* церковь. Одна женщина обмолвилась такой фразой: «Я, как все деревенские, неверующая»... Веры нет, но самых нелепых суеверий очень много, до курьёзов. Некий молодой колхозник Курской области, передовик, бригадир, член КПСС и с видами на повышение по партийной линии, в 1988 г. вдруг уверовал в Бога, положил на стол в райкоме партбилет и стал ходить в храм. Его родня (деревенские!) на семейном совете решили, что в него «вселился бес» и что поэтому его нужно *в церкви* «отчитать», чтобы он... перестал ходить в церковь и вернулся в партию! Появились деревни, жители которых настолько обленились и опились, что *«они даже уже и не воруют!»* — как выразился недавно один городской наблюдатель. Но это всё же пока редкость; в большинстве сёл ещё воруют, значит — «живут». В деревенских семьях теперь не более одного-двух детей, реже — три ребёнка, а уж многодетные семьи — очень большая редкость. Рождаемость сокращается, смертность увеличивается. В 1993 г. смертность *превысила* рождаемость в среднем по всей Российской Федерации!

Такая деревня перестала быть источником народного духа, народного быта, нравов, народного искусства, призванных питать и всегда питавших русскую культуру. Культура осталась с тем, что уже было наработано и накоплено в ней в XIX — начале XX в.в. Ибо секулярную, т.е. нецерковную культуру российской «общественности» большевики с немалым успехом использовали для воспитания «нового советского человека». Произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Л. Толстого, Чехова и иных самых видных писателей, *кроме Достоевского*, и тех, кто подобно ему, писал о духовной сути бытия, постоянно печатались, изучались в обязательной школьной программе. Кроме того, активно использовались «разрешённые» классики западной литературы и искусства: Шекспир, Диккенс, Вальтер Скотт, Мопассан, Гюго, Бальзак, Флобер, Дюма, Гёте, Шиллер, Гейне, Сервантес, Лопе де Вега и многие другие. Западный «ренессанс» с живописью Микельанджело, Леонардо да Винчи,

Ботичелли, Рафаэля, Рембранта и иных широко допускался в музеях и альбомах по искусству. «Серебряный век» русского искусства в 1930-х годах попал под запрет. Не печатали даже Есенина за его «кабацкие» и «упаднические» мотивы. Но изредка печатали Блока. Как ни странно, в 30-х и 40-х годах было издано немало западных философов: Гегель (полностью!), Кант, Шеллинг, Фихте, Спиноза, Ф. Бэкон, Беркли («Три разговора»), кое-что из Платона и Аристотеля, а также «Махабхарата» и «Рамаяна» (полностью!). В букинистических магазинах в открытой продаже в конце 1940-х годов можно было встретить богатое дореволюционное издание Шопенгауэра («Мир как воля и представление» в 2-х томах), а из-под прилавка — приобрести даже Ф. Ницше (тоже в шикарном издании). Не запрещалась отечественная и западная музыкальная и театральная классика.

Нетрудно видеть, что такая «духовная пища» (как это всё теперь называли) была предназначена для советской интеллигенции и рассчитана на то, чтобы заменять собою Священное Писание и иные духовные книги, т.е. удерживать интеллигенцию в представлении, что религии Православия, особенно — Русского, как бы и вообще *нет в мировой и русской культуре*, что всё самое *ценное и стоящее* в этой культуре создано *независимо от религии, от Православной Веры и Церкви и даже — вопреки им!* Расчёт был точным. Если уж, как мы помним, и до революции русская интеллигенция, по признанию Чехова, была безбожной, то рождавшаяся в советское время — и подавно. Но образованный, даже в таком уродливом виде, человек, проникаясь полётом свободной мысли и чувства, заключённом в достижениях мировой и классической русской культуры, оказывался *способным мыслить*. Свободно и самостоятельно. Более того, со школьной скамьи советскому человеку *внушали*, что он *должен* научиться свободно и самостоятельно мыслить. Имелось в виду оторвать человека от «слепого» восприятия семейного воспитания, которое могло быть основано на «религиозных предрассудках». Но это закладывало основы способности «культурного советского человека» к критическому восприятию и большевицкой идеологии, и всего советского режима. Однако (и это *очень* важно подчеркнуть!), такая критика коммунизма, за редчайшим исключением, уже не могла вестись с *Православной*, подлинно *духовной* позиции, с применением критериев и истин Закона Божия и православной науки духовной жизни. Доступным для «свободного» усвоения нарочито оставлялся только метод критики, основанной на иудео-масонских *западных демократических, или прямо демонических* критериях, содержавшихся как раз в «богатстве и разнообразии» произведений *не церковной* культуры!

Искусственно и нелепо создаваемая новая «*советская* культура» в лучших образцах только повторяла и перепевала то, что *уже* было в «классике» (наипаче — «золотого века»), а в гораздо более обширном, «массовом» варианте несла в себе невероятную пошлость *еврейских* песенок, стишков, пьес, фильмов и т.п. От русской «народной» традиции бралась только совершенно бездуховная, безрелигиозная струя: «жалостные» или разухабистые, двусмысленные (вроде «Коробейников» или «Вдоль по Питерской»), а то и прямо похабные песни, частушки, «залихватские» пляски с гармошкой или балалайкой... Дурная «удаль» и дурная «любовь» с некоторой добавкой чистых мотивов грусти или патриотизма — вот всё, что оставалось от Русского народного духа и творчества. И в новых, и новых поколениях советских людей создавалось извращённое впечатление, что кроме этого ничего

больше и нет в русском народе, в Русской Душе!.. Да и в самой России, в Родине нет ничего, кроме берёзки, лесов, полей, озёр, «родительского дома», травы, цветочков, а также — «милый»... Поначалу, до конца 1950-х годов, «милая» рисовалась целомудренной и с русой косой, а позднее всё более — без косы и *развратной* («свободной»). Русские люди искони любили и землю, и природу (с берёзками и цветочками), но это всегда было побочным и второстепенным, но отнюдь не *главным* в восприятии Родины, в представлении о ней и в любви к ней! Примечательно изменялся обобщающий художественный образ «Родины». Во время войны — это строгая седовласая *мать*. В 1960-х годах — это уже *полуголая баба* (на Мамаевом кургане). В 1990-х годах в песнях В. Цыгановой встречаем образ Руси, *валяющейся* поперёк дороги и *пьяной* («Русь моя... пьяная! Я — твоя, и ты — моя ...»). И за такое именно восприятие и воспевание Родины и Руси (!) современные донские казаки в буквальном смысле слова *на руках* носят певицу: попала в самую душу! Такова душа «совков» в самом *не худшем* её состоянии! Если сказать современному советскому интеллигенту, демократу, национал-патриоту, монархисту, казаку, что главным в Русской Душе и в *творчестве народа* всегда было *преображение души* в «новую тварь», во образ Христов на путях *науки* духовно-молитвенного подвига, каковым занимались (старались заниматься), как каждодневным важнейшим практическим делом русские люди, от крестьянской избы до Царского дворца, — ответом будет полное непонимание и удивление! Скажут: «Не может быть! Ведь мы *знаем* (!) историю; это могло быть уделом отдельных подвижников и монахов, но чтобы всего народа — так не было!».. Было! И истории мы просто *не знаем*! Потому и не можем понять до сих пор, почему миллионы (!) русских, вся сущая в России, поголовно, без остатка, *Святая Русь* без сопротивления и ропота *пошла на смерть* за веру, за пребывание со Христом в Его Небесном Царстве, а не взялась за оружие, чтобы убивать евреев и большевиков ради сохранения своего *земного* бытия!.. А та «Русь», которая к нашему времени осталась (хотя, она собственно, уже не Русь), конечно, в основном — пьяная! И — это закономерно и совсем *не только плохо*, потому что в этом — отчётливый признак *нежелания* и неспособности даже остатков народа, даже не потерявших некоторой русскости «совков» втягиваться во всемирное антихристово *Вавилонское столпотворение* «нового мирового порядка» («архитектуры») «прогресса и процветания»!

Одним из мощных средств разрушения русской жизни явилась большевицкая *индустриализация и коллективизация* сельского хозяйства (с «ликвидацией кулачества как класса», а на самом деле — крестьянства, как корня и ядра Русского Народа). О «коллективизации» мы уже достаточно сказали. «Индустриализация», как резкий рывок по созданию гигантов индустрии, вызывалась не практической хозяйственной необходимостью, не естественным ходом производства, а, главным образом, желанием быстро нарастить *военный* потенциал в соответствии с идеей «мировой революции». В итоге Россия перестала быть аграрной страной, что противоречило всей её природе (сущности), а сделалась — промышленной. Но при этом совсем не такой, как индустриальные Германия, Англия или США, где сельское хозяйство отнюдь никогда не губилось в угоду промышленности, и где сама промышленность развивалась по неким относительно естественным законам, как в России до революции. Индустрия СССР изначально основывалась на двух основных *пороках*. Первый — это непомерно высокая *доля военного производства* в

общем объёме производства. Второй — это *строительство ради строительства*, производство ради него самого, т.е. на самом деле — ради определённых *партийных работников* (или групп работников), делавших *карьеру*, приобретавших власть и деньги на различных «инициативах» в области создания всё новых заводов и фабрик, а также — безумных проектов, вроде «поворота северных рек». Последнее делало советскую экономику чудовищно нелепым сооружением, работающим не для людей, не для рынка товаров, а в значительной мере — только на себя, да и то крайне плохо по причине централизованной «плановой» или «командно-административной» системы управления. Привлекая огромные массы рабочих, эта конструкция в случае развала обрекала их на безработицу таких грандиозных масштабов, каких не знала ни одна страна мира!

Но кроме этого, индустриализация преследовала и ещё одну, сознательную цель — продолжение и ускорение гибели собственного русского народа, значительные массы которого из исконных центральных областей России теперь отвлекались на окраины, в самые разные места, где возникали «стройки коммунизма», в добровольно-принудительном и добровольном порядке. Это было бы не страшно для народа, если бы вызывалось перенаселённостью его исконной территории. Отток отсюда части населения в этом случае мог быть даже полезен. Но происходило другое — резкое оскудение самого активного дееспособного русского населения центрально-русских областей. Отчасти, особенно в городах, оно стало заменяться пришлым населением, наипаче — украинцами. Эти последние, благодаря своей врождённой предприимчивости и способности быстро приспосабливаться живо начали заполнять освобождавшиеся от русских места в производстве, торговле, в средних звеньях руководства. Даже в Московской «патриархии» духовенство на 80 % стало не русским, а украинским, притом большей частью — западно-украинским. Русские оказались разбросаны, распылены по огромным пространствам СССР. Великороссия в её родных исторических границах переставала быть генератором, источником рождения русского народа; он терял вообще какое-либо определённое *место своего воспроизводства*.

Мы уже видели ранее, что в замкнутой экономической системе чрезмерное (свыше естественного прироста производства) увеличение доли военной продукции, не возвращающейся вновь в воспроизводство, приводит к возникновению кризиса, который грозит обернуться полной катастрофой, если доля военного производства приближается к *половине* общего объёма производства. В таком случае необходимо или прекращать военное производство, или получать капиталы, главным образом — капиталы в натуральной форме, *со стороны, из-за границы*. Но в 1930-х годах над Советским Союзом был опущен знаменитый «железный занавес», отгородивший его от окружающего мира, что было вполне закономерно с точки зрения основной задачи большевицкого режима — выращивания (селекции) *нового народа*. К нему нельзя было допустить опасных «разлагающих» влияний буржуазного Западного мира. Однако «занавес» оказался отнюдь не «железным», а очень свободно проницаемым для всего, что нужно было большевикам с Запада, в том числе — для поступления в Союз западной техники, других товаров, специалистов. Но за какие деньги? В полной мере невозможно и сейчас ответить на этот вопрос. *Отчасти* средства поступали за счёт чистых прибылей от продажи сырьевых ресурсов — угля, нефти, леса, хлопка и т. д., отчасти — за счёт продолжавшейся

продажи драгоценностей, отчасти за счёт прибыльных концессий (главным образом — лесных). Остальное — загадка. Можно предполагать, что международные банки (еврейские, в основном) *продолжали* финансировать большевицкий режим.

Мы уже говорили, что тайным руководителям Запада и его политики СССР был нужен в качестве долговременного «пугала» для их общественности. Эти руководящие силы вполне могли содействовать развитию советской военной промышленности. Разумеется, никакой «мировой революции» никогда не могло получиться, да она *всерьёз* и не планировалась! Но это было известно высокопосвящённым иудео-масонам. Малопосвящённым, а также всем «профанам», прежде всего «профанам» советским, идея «мировой революции» продолжала до времени внушаться и они принимали её за чистую монету. Чтобы быть «пугалом», нужно изредка и *пугать*, не только слухами, но и действиями. Такие действия последовали на Дальнем Востоке (оз. Хасан) и в Монголии (Халхин-Гол), где Советы крепко побили очень хорошо вооружённых японцев. Затем в 1939—1940 г.г. действия произошли в Финляндии, где побили финнов, правда ценой неоправданно больших потерь (уже возникала стратегия «пирровых побед»). СССР, таким образом, показал миру стальные зубы. Показал в тот момент, когда иудео-масонством была подготовлена и уже начиналась *Вторая Мировая война*.

Её важнейшая задача состояла в том, чтобы дать еврейской нации собственное государство в Палестине и сделать ещё один крупный шаг к её воцарению над миром, точнее — к воцарению над миром её явных и тайных *вождей*. Дело в том, что этих целей не удалось достичь в итоге Первой Мировой войны, даже сокрушением России и Германии с Австро-Венгрией. Англия не смогла отдать евреям свою «подмандатную» Палестину. Мировые державы не попали полностью под еврейское руководство. Это не удалось даже в поверженных и сокрушённых Германии и России. В СССР «казус» состоял в том, что новый вождь большевизма — Сталин не был евреем. Его с ними не связывали коренные духовно-кровные узы. Сталин хорошо знал силу еврейской организации как у себя в Союзе, так и международную, считался с ней и многое делал по команде из-за рубежа, со стороны этой силы. Но обретая неограниченную, фараонитскую власть, он постепенно *возвышался* над всеми, в том числе — и над евреями. Они же сами ему в этом и помогали. Евреи в СССР при Сталине продолжали держать в своих руках все ключевые посты всей государственно-экономической системы, во многом устроая её в соответствии с тайными замыслами о ней вождей международных еврейских и масонских центров. Но *самые первые* места в этой системе в 1930-х годах были уже *не у них*. Сталин сажал на эти места людей по признаку личной преданности себе, а не по иным, даже не по идейным или национальным, и даже не по масонским критериям. *Так и было задумано*. В СССР не могло слишком долго продолжаться благоденствие евреев. Здесь тоже *нужно* было создать основу для обвинений в «антисемитизме», чтобы евреи не вздумали считать «эту страну» *своей* родиной и чтобы вне её они крепко держались только своего руководства, убеждаясь, что *нигде* в мире для них нет жизни, пока они не возьмут мир в свои руки. Попадаясь на удочку еврейских провокаций, Сталин (не преследуя евреев специально, как скажем, греков), в то же время как бы *потеснил* их с *самых* высоких постов (около него остались только Шверник и Каганович), а также во множестве репрессировал евреев *вместе* со всеми репрессируемыми разных национальностей. Однако еврейскому *народу* в

СССР Сталин решил предоставить даже *«государственное»* самоопределение», фальшивое, конечно. Советские евреи просили у него для этого Крым, но получили обширные земли на *Дальнем Востоке*, в Приамурье — автономная республика со столицей Биробиджан! Это можно было бы считать издёвкой над еврейским народом, если бы здесь не было полной согласованности с *руководителями еврейства*, которые вовсе не были заинтересованы в том, чтобы массы *простых евреев* получили в России максимальное благополучие! Согласованным с мировой церковью диавола было и пролитие крови евреев вместе с кровью русских и всех других: это знакомое нам *жертвоприношение*, без которого сатанисты обойтись не могут. Таким образом, хотя уже не Православная Россия, а вполне антихристов СССР оказался государством, *не подчинённым* непосредственно еврейскому правлению.

То же — и Германия, особенно с 1933 г., когда к власти там пришёл Гитлер. Но и в остальных ведущих странах мира при всей связанности правительств этих стран с еврейскими явными и тайными организациями, евреи всё же не стали правящим сословием. Среди многих причин такого положения вещей одной из важнейших была как бы «стена» *традиционного антиеврейского настроения в европейских нациях*. Это духовно-психологическое препятствие нужно было сломать.

С этой целью через баварскую *масонскую* организацию «Туле» во главе с Эккертом, при помощи некоторых иных *оккультно - масонских* организаций Германии через особую «обработку» и «посвящение» Гитлера был создан, вскормлен и *специально направлен на евреев германский фашизм*.

Расчёт был столь же гениально прост, как и гениально чудовищен: кровавыми репрессиями нацизма против возможно большего числа простых евреев расположить мировое общественное мнение в пользу несчастного и невинно пострадавшего народа. После этого можно и получать Палестину, и занимать командные посты в мировой политической и экономической системе. Так вожди сионизма принесли в жертву, по их подсчётам, *6 миллионов евреев*. Пусть это даже завышенные данные, всё равно количество невинных жертв очень велико относительно общей численности народа! После войны было опубликовано достаточное количество документов о *тайных* вполне нормальных и деловых *связях* сионистского руководства с руководством фашистского Рейха (в том числе с ведомством Гиммлера, с МИД Германии и с Гестапо), через которые *все ценные для сионизма* евреи Германии и других стран *благополучно избавлялись* от репрессий! Под нацистский топор подставлялась «мелкая сошка», большей частью — еврейский плебс, не представлявший никакой ценности в глазах мирового еврейства.

Гитлеру в процессе его обработки были предоставлены все сионистские сочинения, в том числе и «Еврейское государство» Герцля и «Протоколы сионских мудрецов» Ашера Гинцберга. Познакомившись со зловещим мировым заговором евреев, Гитлер и его сообщники получили в этой сионистской литературе и мощное средство для антиеврейской пропаганды среди немецких «профанов», и отменные, как им показалось, идеи для своего собственного нацистского движения. В очень многом с сочинений Герцля, Гинцберга и других идеологов сионизма Гитлер и его команда *просто списывали* важнейшие положения, девизы, лозунги, иногда *дословно* (целыми фразами и выражениями, *без кавычек*) и относили их к германской нации, Германскому государству. Так основная идея воцарения *еврейской сверхнации* над всеми народами мира была перенесена на *нацию германскую*, соответственно

объявлявшуюся — «сверх». Вместо сверхчеловека еврея, ставился сверхчеловек немец. Вместо богоизбранности еврейского народа выдвигалась идея избранности народа немецкого, и т.д.!.. *Методы* расправы с другими народами, уничтожения их культур, управления ими и собственным народом также во многом были списаны гитлеровским фашизмом не откуда-нибудь, а с методов, запланированных *еврейскими сионистами* для других народов, в том числе — для немецкого... Еврейская мессианская идея, т.е. идея Мессии — всемирного «Царя» или вождя, также была трансформирована в идею «фюрера», каковым становился Адольф Гитлер. Даже еретическая «христианская» идея *хилизма*, т.е. 1000-летнего *земного* царства Мессии Христа со Своим народом перед Его Вторым Пришествием (давно осуждённая Церковью, но хранившаяся в еретических сектах), превратилась в идею «Тысячелетнего Рейха». Как видим, *идеология германского фашизма есть не что иное, как вывернутая наизнанку применительно к немецкому нацизму идеология нацизма еврейского.*

Осуществить её на деле было не так просто. Нужно было убедить в её верности множество не съехавших с ума, нормальных национально мыслящих немецких патриотов. Для этого была выдвинута мысль о *необходимости бороться с еврейско-масонским злом его же средствами!*

Германия допускала ту роковую ошибку, которой сумела избежать Великобритания.

В результате немцам пришлось пойти по пути зла *до конца*, до поклонения дьяволу и демоническим силам, вплоть до ритуальных человеческих жертвоприношений, что и стали делать гитлеровцы через различные еврейские и восточные (Тибетские) оккультные учения и ритуалы, через создание тайных от народа и даже от партии организаций, вроде Аненербе или секретного Ордена самых отборных *внутри* отборной «СС». Германский фашизм взял многое и из практики советского большевизма (концлагеря, устройство карательных органов с тотальной слежкой, методы массовой пропаганды и т.п.). Немудрено! Теперь нам хорошо видна духовная и историческая родственность марксизма (большевизма) и фашизма, вплоть до мессианской одержимости их вождей и «культа» их личностей! Источник у того и другого *один* — учение иудео-масонства, которое, как мы помним, издревле руководится и вдохновляется *еврейскими учителями* («мудрецами»). Но эта явная родственность двух режимов в силу сатанинского характера их общего источника порождала *не единение*, а соревнование, *яростное соперничество* в духе *зависти* и взаимной *ненависти*.

Готовя 2-ю Мировую войну, еврейские «мудрецы» имели в виду, кроме указанной главнейшей цели, ещё одну из важнейших — некое *окончательное* сокрушение *и немецкого, и Русского* народов, т.к. из всех народов мира, объединённых в *особо сильные государства*, только эти два народа крепче других хранили и *христианские устои жизни*, и связанное с этим осуждение еврейского мирового заговора, хорошо ими *понимаемого*. По мнению «мудрецов», в этих народах было разрушено и уничтожено в итоге 1-й Мировой войны и революций *далеко не всё*, что нужно было бы разрушить для успешного приближения царства иудейского Мессии. *По ходу дела* при столкновении всех в войне можно было также решить вопросы добывания недобитого и недоразрушенного в слишком набожной католической Польше, Православных народах Греции, Сербии и Черного-

рии, Болгарии и Румынии, другие второстепенные для иудео-масонства вопросы.

Политические и экономические противоречия между западными державами (а также между США и Японией), на которые обычно указывают как на причины 2-й мировой войны, конечно были. Но столь же «конечно» и то, что они могли решаться совершенно другими, мирными средствами!.. Противоречия были использованы лишь как «механизм» запуска «машины» международной бойни.

Самым ярким доказательством этому явилось **вероломное** нападение Германии на СССР, с которым у немецких промышленных и политических кругов не было **никаких**, решительно никаких, серьёзных взаимных претензий и противоречий! Незначительные же, если и имелись, то вполне преодолены были договором «о ненападении» 1939 г. и секретными приложениями к нему. Не то, что у Германии с Францией из-за Эльзаса и Лотарингии, с Англией и США из-за их противодействия на мировом рынке и за «обиды» и лишения по Версальскому миру! Вот уж по каким врагам, казалось бы, нужно — всей мощью... Но нет! **Самый** страшный, **самый** мощный и разрушительный удар наносится не по ним, а **по СССР**, который — даже **помогал** Германии «стать на ноги» после поражения в 1-й Мировой... С европейскими противниками война проводится Германией моментально, вполне «культурно», «цивилизовано» и, как выясняется, в основном с тем, чтобы использовать их ресурсы для обращения на Восток и **удара по СССР!** Он, этот удар по бывшей России — **главное** в стратегии Гитлера. В «оправдании» такой стратегии приводились демагогические, рассчитанные на массы «профанов» причины: расширение, «жизненного пространства» для немецкого народа, борьба против «красной опасности», якобы угрожающей всей западной цивилизации, а для русских говорилось, что Германия идёт освобождать их от коммунистов и евреев. Но **подлинные** причины гитлеровского вторжения в СССР содержатся в секретном плане «Ост» («Восток»), разработанном в 1940 г. совместно Гитлером, Гиммлером и Розенбергом, руководившим «восточной политикой». В плане «Ост» особое внимание было уделено **центральной землям** (областям) Великороссии и непосредственно — русскому народу. «Речь идёт не только о разгроме государства с центром в Москве, — говорилось в документах «Ост», — Дело заключается скорее всего в том, чтобы разгромить **русских как народ, разобидеть их**». Указывалось, что для этого необходимо подорвать **«биологическую силу»** Русского народа путем превращения **центральной России** в «зону величайшего голода», вывоза оттуда продовольствия в особо крупных масштабах и насильственного выселения за Урал в течение 30 лет больше половины коренного населения (миллионы людей!). Планировалось также искусственное снижение рождаемости русских, лишение их медицинского обслуживания. Не допускалось высшего образования, начальное же должно было ограничиваться обучением кое-что уметь читать и писать по-немецки и знать правила дорожного движения. Гиммлер при этом подчёркивал: «Важно, чтобы на русской территории население в своём большинстве состояло из людей **примитивного полуеврейского типа**... Эта масса расово неполноценных тупых людей нуждается, как свидетельствует вековая история этих областей, в руководстве... Для нас, немцев, важно **ослабить русский народ** в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе» (выделено мной — прот. Л.).

Итак, фактически — уничтожение русских *как народа*. Вот с чем гитлеровская Германия пошла на СССР.

Но неужели высшее руководство Рейха во главе с Гитлером ничего не знало о том, что это уже *давно делается*, с некоторыми отличиями, большевизмским режимом?! Несомненно знало! Как знали это и тайные вдохновители Гитлера и его режима — иудейские «мудрецы». Но они знали также и то, что машина сталинских репрессий *не справляется* с перемалыванием всего, что нужно перемолоть, что наряду с успешно выращиваемым *новым* безбожным народом в России ещё продолжает существовать до половины *подлинно Русского Православного* народа! В планы «мудрецов» вовсе не входило дать полную и долговременную власть немцам как в России, так и в Европе. Задача состояла в том, чтобы с помощью мировой войны поскорей *довершить* сокрушение «реакционных народов», подорвав *духовную и «биологическую» силу* как немецкого, так особенно — Русского Православного народа. То есть *ускорение* означенного процесса достигалось уже самой войной, а не обязательно осуществлением планов «Оста» в случае немецкой победы (её вряд ли бы и допустили ...). «Ост» лишь показывал, чего именно в конечном счёте хотели в отношении русского народа те, кто планировал войну и вдохновлял «бесноватого фюрера».

Последнее выражение имеет совсем не только ругательный смысл. Замечено давно, что Гитлер действительно становился *одержимым*, когда *играл* фюрера, наипаче — у микрофона. Перед огромными толпами людей. Здесь в Гитлера как бы что-то «вселялось», так что он становился способен «зажигать» массы. Полагают, что он в этих случаях становился «медиумом» некоторых оккультистов, в частности профессора Хаусхоффера, сменившего рано умершего Эккерта. В личной обыденной жизни Гитлер был нормальным человеком, в рамках приличий и порядочности, как «средний немец». Среди соратников по движению у него не было друзей. Таковые были в очень узком домашнем кругу из 4-5 человек. Список их возглавлял тоже скромный рядовой еврей-фотограф бывший хозяин Евы Браун, в ателье которого Гитлер с ней и познакомился, и которая стала его искренней любовью. Этот друг-еврей лишь однажды позволил себе замолвить слово за евреев, на которых обрушились гитлеровские казни, и получил от Гитлера раздражённый совет *не касаться этой темы*. Значит, у Гитлера вовсе не было личной ненависти к евреям как таковым, «зоологического» их неприятия. Тогда вся его странная антиеврейская политика объясняется, как уже отмечалось, идейной и духовной «накачкой» со стороны тех, кому эта политика была *выгодна*... Подобно сему — и антирусская политика. Она противоречила жизненным интересам Германии настолько, что многие очень высокие немецкие военачальники и политики *не раз* советовали фюреру пересмотреть её. Дальновидные немецкие офицеры на Восточном фронте уже с 1941 г. называли в своём кругу руководство Рейха «клубом самоубийц» именно за «идиотскую», как они говорили, восточную политику Гитлера-Розенберга. Эти офицеры, как и многие настоящие немецкие патриоты, считали, что русский народ необходимо именно *освободить* от большевизко-еврейского ига, сделав тем самым *союзником и другом* немецкого народа. Тогда, в 1941—1942 г.г. ещё не поздно было *вооружить* огромную армию из русских *добровольцев*, согласных воевать против сталинского режима. В противном случае поражение Германии в войне представлялось самым немцам неизбежным. Верхушка нацистской партии во главе с Гитлером действовала, таким образом, *вопреки известному* (!) ей общему мнению патриотических

кругов Германии, в том числе — военных. Это важно подчеркнуть, чтобы понять, что не заботы о немецкой нации и её «жизненном пространстве» на самом деле руководили гитлеровской кликой, а что-то другое, более глубинное, скрытое и скрываемое, исходящее из таких тайных международных центров, которые ничего общего не имели с национальными интересами германцев.

То же самое, как мы видим, руководило и кликой Сталина. Сталин, кстати, тоже *играл* «вождя». Но иначе, чем Гитлер. У Сталина был иной «образ» (как теперь говорят — «имидж»). Он играл «премудрого», «всезнающего», «всепонимающего» и «всесильного», а поэтому настолько спокойного и уверенного, что не нужно было даже заботиться об ораторском искусстве (Сталин говорил плохо и вяло). Но и в такой игре чувствовалась и по страшной тьме в глазах узнавалась тоже *одержжимость*. Она означает, что человеческая личность находится под властью демона, *держится* им, так что, в нужных случаях, действует как бы не сам человек со своим разумом и силой, а обдергающий его *бес*.

Вот во главе с такими вождями и столкнулись два одинаково антинародных, одинаково сатанинских режима — фашистский гитлеровский и большевицкий сталинский. Но они вовлекли в столкновение подвластные им народы, и в этом — сущая *трагичность* войны. Этим объясняется и трагическая противоречивость её развития и последствий, а также её *восприятие* людьми.

22 июня 1941 г., в том году — воскресенье, после Троицы, когда отмечался праздник «Всех святых, в земле Российской просиявших», Германия, без объявления войны, напала на СССР. Удар, как известно, оказался для Сталина неожиданным. На огромном пространстве от Баренцева до Чёрного моря развернулись боевые действия, имевшие повсюду, кроме Кольского полуострова, характер панического отступления Красной армии. В плен брались и добровольно сдавались тысячи, десятки тысяч красноармейцев! Всего за время войны немцы захватили около 4-х миллионов советских солдат, из них *добровольно* сдались немцам до 2-х миллионов! Ничего подобного русская история до сей поры не знала! В октябре 1941 г. немцы были уже под Москвой и Ленинградом. Правительство в большинстве эвакуировалось в Симбирск (Ульяновск). Сталин и Политбюро оставались в столице. В Симбирск на родину Ленина и Керенского эвакуирована была и жалкая кучка епископов «патриархии» во главе с митрополитом Сергием. А в занимаемых немцами городах и сёлах Украины, Белоруссии, Великороссии, сплошь и рядом завоевателей встречали хлебом-солью, как *освободителей*! Такой массовый переход на сторону врага воинов и мирного населения (небывалый для России!) естественно объяснялся постылым большевицким режимом. Переход продолжался и в 1942 г. Добровольно сдавшиеся немцам не были предателями и трусами, они хотели *драться* с советской властью и надеялись, что Германия даст им для этого оружие. Приблизительно 500 тысяч бывших советских граждан действительно были приняты в состав Вермахта, но — во вспомогательные части; воевать им не дали. Не менее *400 тысяч* русских вступили в две дивизии, сформированные генералом А. Власовым, попавшим к немцам в плен и решившим возглавить Российскую Освободительную Армию (РОА). Но их держали в тылу, не вооружая и *не давая* воевать. Только в 1944 г., уже будучи в критическом положении, гитлеровцы вооружили РОА. Первым и единственным её сражением в 1945 г. оказалось освобождение Праги от... немцев, когда власовцы по просьбе чехов наголову разбили войска СС, державшие Прагу. В связи с

этим советским танковым соединениям пришлось совершить спешный бросок на столицу Чехословакии и «освободить» её, но не от фашистов, а от русских... (поэтому так и спешили!). Большая часть РОА во главе с Власовым попала в руки советских войск. Многих, в том числе и Власова, страшно казнили, остальные отправились в концлагеря, в «Зону», и надолго слово «власовец» стало для советских синонимом слова «предатель». Но на деле было совсем не так. РОА вдохновлялась пафосом борьбы и *против Сталина, и против Гитлера*, за свободную Россию. К несчастью, основой власовской идеологии стало не возрождение Православной Самодержавной Монархии, а масонские демократические идеи о республиканской России как неотъемлемой и равноправной части Европы, Западного мира... Это рассматривалось как некий «третий путь», но это был путь в тупик. Далеко не столь масштабными стали попытки пойти по иному пути — создания Русского освободительного движения во имя восстановления исконного Российского Царства! Одну из них предпринял член Российского Имперского Союза-Ордена Н. Сахновский, воевавший в составе Бельгийского Валонского легиона войск СС. Будучи комендантом в сельской местности на Кубани, он обратился к простым людям, и, напомнив им о *враждебности* для русских как советского строя, так и фашистского, показал, что единственно *русский путь* — это Православный Царь, каковой у русских *есть* в лице Главы Императорского Дома в изгнании Великого Князя Владимира Кирилловича. На призыв Сахновского стали живо откликаться, и сразу же из добровольцев собрался отряд численностью до батальона. Перспектива могла бы быть очень хорошей, но это происходило уже в период отступления немцев. Только на Украине батальону дали оружие и, вырываясь из окружения в Корсунь-Шевченковской операции советских войск в 1944 г., он почти весь погиб в единственной, но героической рукопашной схватке с красной пехотой. Гражданская война — в миниатюре. Более успешными стали действия особого и многочисленного *Русского корпуса* из эмигрантов «первой волны» в Югославии против красных соединений Тито. Во время войны были также сформированы казачьи подразделения генералов Краснова, Шкуро, Туркула, 1-я Русская Национальная Армия генерала Хольмстон-Смыслового, другие части. По трагической необходимости все эти разноидейные русские патриотические движения осуществлялись *на стороне немцев* и под их бдительным надзором. Само возникновение таких движений стало возможным только потому, что германский официоз *декларировал освобождение России и русского народа в частности!* Русские тогда ничего *не знали* о плане «Ост». А именно такими тайными планами и объяснялось то, что русским *не давали* воевать против советских! В 1942 и даже ещё в 1943 г.г. немецкому командованию не составило бы никаких трудов поднять русский народ, сформировать единую Русскую армию в *несколько миллионов* добровольцев и тогда полная и *несомненная победа* над Советским Союзом была бы обеспечена и в кратчайшие сроки! Однако, в «клубе самоубийц» считали, что ни в коем случае нельзя давать оружие русским, сколь бы это не казалось выгодным, потому что на Востоке «только *немецкий* солдат имеет право носить оружие», — как говорили Гиммлер и Розенберг. *Вторично* Германское руководство продавало Россию и русский народ. Русских старались не допускать даже к средствам агитации и пропаганды против СССР. Предпочитали давать это дело в руки немцев, едва знавших русский язык. И выходили «перлы», вроде стишка: «Вот опять идут варяги, слыш-

ны их уж громки шаги»... Здесь есть ещё хоть какая-то (даже — «историческая»!) идея. А в большей части случаев «агитация» сводилась к темам желудка: «Иван, приходи есть кашу». — И перед советскими окопами из окопов немецких поднимали здоровенную бутафорскую ложку... Оккупационные власти (особенно там, где стояли части Вермахта, а не СС), а также румынские, повсюду *открывали* закрытые православные храмы! Народ устремился в них с воскресшей надеждой и благодарностью освободителям! Многие священники активно заняли сторону немцев. Но в иных местах фашисты разрушали и *оскверняли* церкви, и люди не знали, что думать. Некоторые священники стали активно на сторону Советов, помогая армейской разведке и партизанам. В оккупированных областях немцы *не упразднили колхозов и не дали русским крестьянам землю!* Более того, в городах и сёлах устанавливался строгий режим, часто — строже большевицкого, широко практиковались *публичные казни* (расстрелы, повешения) коммунистов, уголовников и партизан. Казнили, как правило, за дело, но всё же публичный характер казней — это то, чего в 1930-х годах не видали и от коммунистов. К тому же начался массовый угон молодёжи на работу в Германию, а многих — в немецкие концлагеря. Советские, не побывавшие в «Зоне», ничего подобного не видели! Не знали они, к примеру, как в окрестности одной марийской деревни *перед войной* по ночам привозили *по несколько сотен* священников, монахов и монахинь и расстреливали, сбрасывая во рвы, рыть и зарывать которые должны были крестьяне-марийцы, силой сгоняемые на эти «работы». Так *тысячи (!)* православных были уничтожены только у одной деревни в марийской глуши... А сколько их было по всей России!.. В Сибири в дни войны случайные наблюдатели видели сцену: до 60 человек тащили по земле (летом) на полозьях огромную бочку с человеческим калом из ближнего лагеря. Содержимое бочки вылили в ров, конвоиры поставили всех у края рва. К каждому подходили с пистолетом, задавая один вопрос: «Бог есть?». Следовал ответ: «Есть!». Выстрел — человек падал в ров с нечистотами, и так *все 60!* Все — священники. Если бы фотографии таких (и ещё более страшных!) зверств большевиков публиковались бы в советских газетах? Что было бы?.. Но в советских газетах в начале войны стали публиковаться фотографии *фашистских* казней, производившие на людей, не видевших «Зоны», страшное впечатление. В какой ужас и негодование пришли мы, школьники, когда нам учительница показала газету с фотографией трупа Зои Космодемьянской! Никто, конечно не знал, что эта несчастная была членом отряда, исполнявшего злодейский преступный приказ Сталина уничтожать — не немцев, нет, — *а русские деревни*, чтобы именно *русских крестьян* обречь на голодную смерть ради создания «мёртвой зоны» вокруг осаждённой Москвы. Мы же, обманутые мальчишки, готовы были тотчас взять оружие и мстить немцам за «нашу Зою!»

Вот отсюда и начинаются злключения с понятием «патриотизм» в дни войны!

Вторжение Германии в СССР взволновало всю русскую эмиграцию! И раскололо её! Большинство приветствовало «освободительную» миссию Германии. Меньшая, но заметная часть эмигрантов, под воздействием давнего идеологического истукана «отечества», увидело в этой войне нападение *немцев на русских*, на «Родину». И те и другие эмигранты при этом *одинаково были патриотами России!* Русское национальное, патриотическое сознание и чувство нарочито загонялись в узкое пространство между двумя одинаково чуждыми и враждебными им берегами...

Кто-то сильно старался **вконец** сбить с толку и запутать русских людей!

Самыми мудрыми стали те, кто не занял ничьей стороны,— ни фашистов, ни коммунистов,— и не принял в завязавшейся схватке совсем **никакого участия**.

А что же русские люди в Советском Союзе, на незанятой немцами территории?

Впервые всерьёз испугавшийся Сталин обратился в начале войны к населению СССР так, как большевики никогда ранее не обращались: «Соотечественники, братья и сёстры!»... Почти,— как священник с амвона! Он и партия извергов быстро смекнули, что ради сохранения себя и своей власти нужно включать **все** моральные факторы, вплоть до **русского** патриотизма и даже — до веры и Церкви! Коммунистам не оставалось ничего другого, как сделать опору на то, что они до сих пор «выжигали калёным железом»,— на **историческую память народа**.

Сразу же в речи вождя на параде 7 ноября 1941 г., с которого войска уезжали прямо на фронт, **вспомнили** Александра Невского, Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова. Война была свыше объявлена «Отечественной» и даже «**священной**». Поначалу в Москве наспех открыли несколько храмов. Затем начали открывать и в иных местах (выбивая тем «козыри» у немцев). Уже не горели костры с иконами, исчез «Союз воинствующих безбожников» и журнал с таким же названием. Хотя атеистическое воспитание и образование не прекращались ни на минуту. Союзники тоже посоветовали Сталину прекратить гонения на веру, сославшись на «общественное мнение» своих стран. Но и без этого совета Сталин знал, что делать. В 1943 г. он встретился лично с Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским), Николаем (Ярушевичем), вспомнил даже о том, что некогда сам был семинаристом... На встрече договорились о созыве церковного Собора для «выборов» патриарха, каковым был (без всяких выборов) определён Сергей, о возобновлении духовных школ в крупных городах, об открытии кое-где храмов и епархий, об издательской деятельности. Было открыто более 10 тысяч храмов, Троице-Сергиева Лавра, несколько семинарий, две академии. Из ссылки возвращены некоторые (далеко не все!) уцелевшие священнослужители, соглашающиеся сотрудничать с Сергием. Был учреждён государственный орган — Совет по делам Православной Церкви (впоследствии — «по делам религий») при Совете Министров СССР, ставший органом подавления подлинно церковной жизни и разрушения её изнутри. В том же 1943 г. впервые в Москве **разрешили** отпраздновать Пасху. В ответ «великому вождю Советского народа, дорогому, любимому товарищу Сталину» полились потоки лживых восхвалений от лица иерархов и духовенства «патриархии»; на литургиях и молебнах о нём, губителе народов России, стали возноситься «усердные молитвы»... Одновременно «патриархия» на весь мир не переставала заявлять о том, что «измышления» о гонениях на веру и Церковь в СССР являются лживыми выдумками злобных врагов «отечества»... 12 сентября 1943 г. на лжесоборе епископов «патриархии» Сергей стал «патриархом», а 15 мая 1944 г. он уже умер, перед тем успев **вместе с НКВД и лично с т. Сталиным**, «завещать» «патриаршество» Алексию (Симанскому), что и было исполнено таким же подставным лжесобором в феврале 1945 г. Создавалась и в Союзе и за рубежом видимость возрождения Русской Церкви, и её добровольного, искреннего **единения** с советским режимом.

Сталин начал играть новую роль чуть ли не «самодержца»... Один из немногих художников, допускаясь в Кремль писать Сталина «с натуры», работал над его портретом. Старался быть «реалистичным». Сталин взглянул на холст и по-

морщился: «Плохо». «Почему?» — обомлел художник. *«Державности не вижу»*, — ответил вождь. Художник мигом сообразил, что нужно; выпятил Сталину грудь колесом. придав торсу мощный, богатырский вид. И Сталин похвалил. Слово «Держава» и впрямь стало в те дни очень популярным. Живо вошли в обиход и запретные ранее слова «Россия» и даже «Русь». В том же 1943 г. зазвучал новый гимн Советского Союза: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки *великая Русь*». Правда, тут же говорилось, что «Ленин великий нам путь озарил, нас *вырастил Сталин* на верность народу (!), на труд и на подвиги нас вдохновил», что было гораздо ближе к правде, чем слова о Руси. Тема *ведущей* роли Руси, русского народа в историческом процессе сделалась чуть ли не главной. Русские народные сказки, былины стали издаваться большими тиражами. Всё русское исконное стали хвалить на все лады. После войны это трансформировалось даже в известную кампанию «борьбы с космополитизмом», когда наряду с возрождением некоторых верных оценок значения русской истории, науки и культуры, которое раньше замалчивалось или принижалось, шарахнулись в крайность нелепого преувеличения русских достижений, так что положительно отметить что-нибудь западное было просто опасно. Под запрет попали джаз и западные танцы. Вместо них молодёжи навязывались якобы русские «бальные танцы», невесть откуда извлечённые... Ярлык «безродный космополит» для учёного или писателя означал конец карьеры. Умилительное искусственное (а потому — лживое) любование всем русским, своим (берёзками, цветочками-василёчками) достигало степени истерии, порождавшей у многих реакцию отталкивания в противоположную сторону — к Западу... В дни войны с немалым изумлением «советский человек» начал встречать в *центральных газетах* (!) сообщения (правда, крайне лаконичные) о больших денежных взносах *Церкви* в фонд обороны, о том, что на средства *верующих* были построены для фронта авиаэскадрилья «Александр Невский» и целая танковая колонна «Дмитрий Донской» (в конце 1942г.). По этому поводу «патриарх» Сергей писал, что колонна «понесёт на себе благословение Православной нашей Церкви и её... молитву об успехе *русского (!) оружия*». А на освящении танковой колонны другой вдохновенный лжец — митрополит Николай (Ярушевич) без зазрения совести говорил о том, что «наш народ» воюет «под знамёнами *свободы (!)*, правды (!), мира (!)». Потом народы Восточной Европы узнают, что это за свобода, правда и мир, привезённые на советских танках...

Всё сие вместе взятое было *грандиозным обманом* (превратившимся для многих в искренний самообман)! Ибо сим утверждалось, не более и не менее, что Советский Союз, сталинский режим, коммунистическая идеология и практика — всё это суть преемственное продолжение Великой России, даже исконной Руси, её естественной истории и жизни, коренных устоев и традиций народа, народного *духа* (!), который в общем-то от религии *сам* (!) отошёл, но не возражает против Православной Веры тех соотечественников, которые желают её исповедать (они — пожилые, «уходящие», но *свои*, почему бы их не уважить, пусть себе молятся!). Вот и *Русская Православная Церковь* (?) свидетельствует, что советская власть, Сталин, коммунистическое «строительство» — это *законное продолжение* исторического бытия и исторической миссии русского народа, что советская «держава» — это *тоже самое*, что Русская держава времён Александра Невского, Димитрия Донского, (только *на новом «витке»* спирали диалектического развития истории).

И никого, даже просоветски настроенных русских эмигрантов, вроде Бердяева, не смущало, что голосом «державы», который ловили с нетерпением во всём мире. голосом торжественным. «державным», читавшим по радио важнейшие сообщения Совинформбюро, голосом, ставшим символом якобы «возрождённой» Родины в дни войны, был почему-то голос *еврейский*, — диктора Левитана. А в остальном получалось как в сказке — грянувшись оземь, Кашей обернулся добрым молодцем, Баба Яга — красной девицей!..

Создалась поистине *адская* смесь правды и лжи, света и тьмы, веры и неверия! Будто бы интегрирующим и будто бы объединяющим началом в этой смеси явилось извращённое ложное восприятие понятий «Отечества», «народа». Патриотизм *советский* (с символом мавзолея и пентаграммы) соединялся с патриотизмом *русским* (с символом храма и креста).

Естественно, что на самом деле такая «смесь» невозможна. Свет и тьма, правда и ложь объединяться не могут. Поэтому столь же естественно, что грандиозный обман не мог подействовать на оставшихся ещё в живых подлинно православных, а, значит, подлинно русских людей. Они живо всё поняли и для них как довоенный, так и «изменившийся» во время войны советский режим *остался антихристовым и враждебным*. Но на определённую часть людей нетвёрдых в вере обман подействовал! Они поверили ему, потому что *хотели верить*, потому что в этом обмане находила себе какой-то выход их *тоска* по Родине *подлинной*, по державе *настоящей*, которых на самом деле не было... Это же нужно отнести и к некоторой части русской эмиграции. Такой самообманной «патриотизм» соединился с патриотизмом советским. В несчастном сознании обманувшихся понятия России и СССР *соединились*. Многим это позволило быть искренними в служении делу победы Советского Союза и драться с немцами, как бы в самом деле «за Родину», вместе с теми фанатиками режима, что пошли драться «за Сталина» и за «*советскую* родину».

Это было объявлено (и по сей день объявляется «небывалым патриотическим подъёмом» народа в дни «великой Отечественной войны»). Что здесь правда, а что — нет? Был и подъём, был и героизм и личный и массовый, но были и массовые добровольные сдачи в плен... Так что подъём «патриотизма» был далеко не всеобщим. Пресловутые «заградительные отряды» в тыл советским наступавшим частям, которые должны были открывать огонь из пулемётов *по своим*, в случае, если они вздумают отступать, были далеко не лишней предосторожностью Сталина! Как совсем не лишними были и не менее знаменитые отряды «СМЕРШ» («смерть шпионам»), чинившие мгновенный суд и расправу в советских войсках над каждым, кто проявлял хотя бы обычную человеческую слабость (страх), или того хуже — высказывал «антисоветские» мысли. Сотни тысяч добровольно сдавшихся в плен немцам, а также антисоветское партизанское движение, о котором не говорят до сих пор, — лучшее доказательство трагического *раздвоения* патриотизма в массах. Создавалось положение, когда *одинаково плохо* как содействовать победе СССР (т.к. она укрепляла народоубийственный сталинский режим), так и содействовать победе Германии (ибо фашизм тоже был направлен против русского народа). Это означало, что у *православных* русских на земле, в сущности, нет больше Отечества... Можно отметить, что в среде «выращенных» новых людей, т.е. «советских» подъём патриотизма действительно был очень сильным!

Особый импульс ему придали сами же оккупанты... Уже указанные нами жестокости и притеснения народа на занятых немцами территориях быстро показали людям, что нацистское руководство Германии хочет не освобождения народов России от большевицкого сталинского режима, а чего-то другого, не менее страшного, чем этот режим. Русский народ, который мог бы стать помощником Германии, с горечью и болью разочарования отшатнулся от неё... Среди людей «средних» или «половинчатых», которые не были ни «советскими», ни подлинно православными, начал работать групповой *инстинкт*, когда неважно кто прав, кто виноват, а достаточно клича: «Наших быют!» Можно ли отнести такой инстинкт, или чувство к патриотизму? Если под словом «патриотизм» понимать неосознанное народное самочувствие, то, видимо, можно. Как и во всяком народе такой инстинкт *был всегда* и в Народе Русском. Но *в нём* он никогда не был главным и определяющим! Мы помним основания подлинно-русского патриотизма: Вера, Царь, Отечество (Православие, Самодержавие, Народность). Но если нет веры (Православия), нет Царя, а, следовательно, в сущности, нет и Отечества, то от «народности» может остаться и *оставалось* (!) только одно — то, что может быть названо инстинктом, или чувством *народного себялюбия*. Оно было самым низменным качеством русских. И — последним народным качеством, которое можно было использовать в интересах советского режима; и оно было использовано! Здесь Сталин явно переиграл Гитлера! Последний тоже мог использовать именно это качество народного себялюбия в своих целях, но не захотел по известным нам уже причинам, что и предопределило его катастрофическое поражение.

В итоге, с точки зрения патриотических настроений, среди этнических русских отчётливо выделяются три основных категории.

1. «Советские» (из «выращенных новых людей») — все они «патриоты»;
2. Ещё сохранившиеся подлинно православные русские люди — вполне нейтральные, не испытывавшие никакого патриотического «подъёма»;
3. Средние (половинчатые), испытывавшие подъём чувства народного себялюбия.

Этой средней категории как нельзя более соответствовал тотальный обман мнимого возрождения «России», «Державы» и даже мнимого возрождения Церкви.

На самом же деле даже страшная машина большевицких репрессий в дни войны ни на минуту не прекращала своей народоубийственной работы! Хотя репрессии уже не были столь *массовыми*, как в 30-е годы, они продолжались вплоть до того, что даже с фронта, где, кажется, ценным должен быть каждый человек, могли в любой момент выдернуть любого человека за одно неосторожное слово! И выдёргивали! Постоянно.

Но главным теперь стало не это. Главным фактором народоубийства стала война! Речь не идёт об ошибках военного руководства, часто приводивших к неоправданно большим потерям в людях. Такие ошибки возможны при любом режиме и могут рассматриваться как военная неизбежность. Речь идёт о том, что сталинское руководство расчётливо и сознательно бросало огромные массы людей на верную гибель, когда этого вполне можно было бы избежать, достигая нужных побед иным путём. Победы *умышленно* делались «пирровыми». Вот когда сатанинская хитрость «вождя» проявила себя в полной мере! *Нужно было доуничтожить тот остаток*

Русского Православного Народа, который не мог быть перевоспитан... Это, как видим, в основном 2-я категория русских людей. Они в силу своего православного сознания, покоряясь воле Божией, безропотно подчинялись призыву в армию, затем — любому приказу на фронте и клали головы свои на полях сражений, зная, что не лишатся за это *главного* для себя — Отечества Небесного! Сколько их полегло? Точно никто никогда сказать не сможет. Долгое время утверждали, что потери СССР в войне составляли 20 миллионов человек, теперь говорят — 63 миллиона, включая сюда всех погибших (в том числе и невоенных). Разумеется, гибли представители почти всех народов и народностей СССР. Но известно, что подавляющее большинство армии, составляли славяне — Великороссы, украинцы, белорусы. Из этой группы, в свою очередь, большинством были всё-таки Великороссы, притом — *крестьяне*, хотя было немало и рабочих. Из них в родные сёла и города с войны вернулись *единицы. Миллионы не вернулись.* Около *2-х миллионов* русских людей из числа военнопленных и оказавшихся иным путём в Германии и других странах Европы сумели при помощи давних русских эмигрантов не вернуться в СССР, а остаться на Западе. Это была вторая мощная «волна» эмиграции, слившаяся с первой. Всего, таким образом, из России в итоге Гражданской и 2-й Мировой войны выехало около *5 миллионов* человек. Если учесть естественный прирост (деторождение) русских за границей в 1920-е, 1930-е, 1940-е годы, то окажется, что к 1945 г. за пределами России жил уже целый народ (*как бы ещё один Русский Народ!*).

Но не всем так повезло, как тем 2-м миллионам. Гораздо большее число русских людей было насильственно выдано Сталину союзниками (англичанами и американцами, в основном), о чём у него с ними была заключена секретная договорённость. Выданы были десятки тысяч русских казаков с семьями, со времён Гражданской войны живших в Европе и даже не являвшихся *гражданами СССР!* Об этом теперь много пишут и говорят. Подавляющее большинство этих «репатриированных» (в общей сложности несколько миллионов (!) людей) прямо поехали в сталинские лагеря смерти, в «Зону», откуда уже немногие вернулись.

Так, к 1945 г. *внутри России было покончено с Русским Народом.* С настоящим, то есть Православным Русским Народом. Теперь уже *навсегда.* Теперь оставшимся в живых и на свободе можно было всю веселиться, празднуя и победу и просто то, что остались живы! Веселье возглавил Сталин, подняв свой знаменитый тост: «За русский народ», который ему удалось уничтожить.

Теперь в СССР *подавляющее большинство русскоязычного населения составляли уже несомненно «новые люди», «советские люди», — выращенные именно как новый тип человека, как новый народ.*

Но самое интересное состоит в том, что этот народ в основной массе уже *не был фанатически верующим в коммунизм*, то есть в *официально* провозглашаемые «идеалы коммунизма»! В войне погибли в большинстве и фанатики коммунизма, которые, как мы помним, Сталину и большевицкому режиму тоже были *не нужны*, ибо требовали соответствия слов делам, идеалов — практике жизни ... Они и погибли как раз потому, что героически шли всегда и везде впереди, в самое пекло, доказывая верность своим «идеалам», своей коммунистической «религии». За невинную кровь русских, пролитую с 1917 г., вполне теперь заплатили своей кровью «советские»... Под грохот победных салютов и фейерверков, под звон праздничных стаканов и хмельные песни победителей, в застенках МГБ продолжали мучить и казнить невинных людей и гнать в лаге-

ря смерти эшелонами этих самых победителей!.. Но звон стаканов был громче, чем стук колёс поездов с заключёнными. Этого стука не слышали...

И что-то важное всё-таки изменилось после войны в духовной атмосфере СССР! Заметно и сильно изменилось. Умер некий фантом «революционного горения» или *всеобщей* одержимости идеей. Конечно, в молодёжи, в рождавшихся новых поколениях, ещё продолжался «энтузиазм», ещё пионеры и комсомольцы всю старались *веровать* в «светлое коммунистическое будущее», и эту веру всячески поощряли и поддерживали! Но взрослые, *в целом*, «советский народ» занялся *другим*, а именно — откровенным *устройством своего земного благополучия* (в рамках возможного, кто как мог).

Более того, этот «советский народ» оказался чуть ли не на половину *верующим в Бога!* Война заставила! И первое время, в дни войны, этому уже почти и *не препятствовали!* Потому что теперь это соответствовало новому сталинскому *оборотничеству* — созданию видимости «Державы» — органической преемницы исконной Руси, Великой России, *даже Империи* (хотя это слово официально оставалось под запретом, но всё чаще употреблялось *патриотами* в неофициальном обиходе).

Теперь тому, что определилось как *народное себялюбие*, был дан почти полный простор, от возможности всё лучше жить материально до возможности осознавать себя полностью советскими, и *в то же время*, вместе с тем — православно верующими, да ещё и принадлежащими к самой могучей и самой «передовой» державе мира! Создавалась видимость, иллюзия «гражданского мира» между верующими и неверующими в Советском Союзе.

Что же, неужели большевицкая партия-церковь отказалась от своей веры, своей религии? Ничуть! Она добилась главного — *интеграции*, включения в свою *антихристову религию и церковь веры и церкви, имеющей вид православной!*

Глава 39.

Итоги войны. Разложение «совков».

Как это происходило?

Хотя общий исход столкновения двух антихристовых режимов — гитлеровского и сталинского, определялся некими глубинными причинами, в непосредственных военных сражениях решающее значение могли обретать и обретали такие *случайные* события, неслучайность которых была слишком очевидной! Главнейшее из них произошло в первый и *решающий* период войны. Гитлер, руководствуясь идеей «блицкрига» (молниеносной войны) рассматривал кампанию 1941 г. как определяющую; в итоге её по меньшей мере должна была быть взята Москва, и в данном плане не было чрезмерной самоуверенности. Паническое бегство Красной армии привело к тому, что осенью этого года немцы действительно подошли к Москве. Громадный перевес немецких сил в технике и вооружениях не оставлял ни у кого никаких сомнений относительно победы под Москвой, и советские и немецкие синоптики предсказывали сравнительно тёплую осень. Германским войскам даже не было выдано *зимнее обмундирование*. На 7 ноября 1941г. в Москве был запланирован парад немецких войск и отпечатаны пригласительные

билеты на Красную площадь. Сталин находился в растерянности. Василевский, Жуков, другие советские военачальники делали всё, что было в человеческих силах для обороны столицы, но сил-то было крайне мало! Кое-где удавалось сдерживать натиск немцев ценой настоящего героизма и самопожертвования солдат (к примеру, на Волоколамском шоссе, знаменитыми панфиловцами). Но на иных направлениях происходили «чудеса». Так, на одном из шоссе перед Москвой не оказалось ни одного существенного заслона ехавшим по нему немцам. Они ехали-ехали, и уже перед самой столицей остановились... В головах нормальных немецких военачальников не могло уложиться, что русские оставили Москву без прикрытия, совсем! Немцы решили, что здесь какой-то «хитрый подвох», «ловушка» и остановились, чтобы разгадать коварный замысел противника. А противника-то перед ними и не было! Так что, если бы они продолжали ехать, то так бы и приехали в самую Москву... Но этой их остановки было достаточно, чтобы советские, спохватившись, быстро «заделали прореху». А в конце октября — в ноябре ударили такие морозы, каких в Подмоскovie давно не бывало в это время года. Мороз достигал 25°-30° С и более. И весь «фокус» оказался в том, что в немецкой технике, в основном, использовался *эртац-бензин*, замерзающий при таких температурах! Главным образом, только самолёты, где употреблялся натуральный бензин, могли летать. Вся остальная громадная немецкая техника прочно *стала* на этом морозе. Практически не могли двигаться и солдаты, *замерзавшие* без зимней одежды... В таких условиях оказалось достаточно нескольких свежих соединений сибиряков в тёплых полушубках, чтобы нанести немцам сильнейшее поражение и отогнать их от Москвы на достаточное расстояние. «Блицкриг» сорвался! Нисколько не умаляя значения и человеческих усилий советских войск и тех трудных боёв, которые полужамёрзшие немцы всё-таки давали под Москвой советским, вместе с тем нужно признать, что решающим фактором их полного здесь поражения стало простое *Божие чудо* (уже без кавычек)! Многие «советские» и половинчатые, и, уж конечно, все русские православные так это и восприняли! А некоторым были даже знамения Царицы Небесной, свидетельствующие о том, что победы у немцев не будет. Настоящие чудеса стали происходить повсеместно как по отношению к городам, сёлам, так и к отдельным людям, солдатам. В страшных артобстрелах и бомбёжках, когда уже ничто и никто спасти не мог, люди начинали обращаться к Богу и получали чудесные избавления! Это были вчерашние атеисты, настоящие «совки», из них большинство вообще не знали никаких молитв. Так один еврей политработник в минуту смертельной опасности в мыслях сказал: «Бог, если ты есть,— избавь меня, и я не буду ругаться матом с употреблением Твоего имени!» Он получил избавление. Слово своё *сдержал*. Но до конца дней оставался коммунистом. Другой человек, простой русский крестьянин, зная только одну, притом совершенно *искажённую* молитву «Отче наш» (это *всё*, чему в предвоенной деревне его смогла научить мать) сразу *вспомнил* её под бомбёжкой под Тулой и потом всю войну повторял. Однажды он видел, как русские артиллеристы под огнём немцев тащили по лесной просеке пушку, которую никак не могли без приказа бросить. Немцы палили им в спину трассирующими пулями («красивенькие такие — красненькие, жёлтенькие!»..) и было отчётливо видно, как эти пули, приближаясь к советским солдатам, *огибуют их!* Этот очевидец потом говорил: «Нет, не мы немца победили... У немца было столько оружия, что он мог по одному человеку бить из

миномёта! Куда нам!.. Бог победил!» В 1970-е годы этот человек стал *старостой* крупного городского собора, (но молитву «Отче наш» наизусть так и не знал). Что же говорить о тех женщинах, детях, стариках, что оставаясь в тылу, болели душой за своих сыновей, отцов, братьев, которые угодили на фронт! Половина их также начала обращаться к Богу с отчаянной мольбой сохранить своих близких. Начался *массовый подъём веры*. Мы уже видели, как Сталин использовал его. В открываемые храмы, как на оккупированной, так теперь и на советской территории люди буквально валом повалили! И тыловые, и уцелевшие фронтовики, приходя в них, отдавали Богу, Церкви всё ценное, что имели: золотые украшения, иные ценности, деньги... Один священник рассказывал, что в 1944—45 г.г. у них на городском приходе деньги не считали, а после каждой воскресной или праздничной службы раздавали служащим батюшкам просто *по мешку* денег. Так и получилось, что после войны до половины (никак не меньше!) советских людей оказались верующими. Но это были уже в большинстве *не те*, прежние русские верующие, а *новые*, не оцерковлённые, но искренне всей душой обратившиеся к Церкви! Эта огромная масса людей (десятки миллионов!) устремилась, естественно, в те немногие православные храмы, которые были открыты. Ибо на самом деле *возрождение Церкви не происходило* и не планировалось; большевики продуманно «дозировано» открывали лишь некоторые, далеко не все храмы, какие можно было бы открыть. Во всей бывшей Великороссии был открыт только *один* монастырь — Троице-Сергиева Лавра (до революции их было около 1000). Огромные пространства Сибири, Дальнего Востока, Севера так и оставались без действующих церквей. В крупнейших тыловых городах (Н. Новгород, Казань, Саратов, Самара и т.д.) было открыто по *одному* (редко — два) храма. В сельских местностях на сотни, а иной раз — на тысячи вёрст не было ни одной действующей церкви. Больше всего таковых оказалось на оккупированных территориях, где немцы и румыны открыли церкви. После их отступления большевики поначалу эти храмы не стали закрывать. Здесь и в сёлах действующие церкви были не редкостью.

Но была практически *заново* создана *система, структура* Московской «патриархии». В Москве разместился «патриарх» с канцелярией и Синодом, по областям возникли епархии с правящими архиереями и сетью подчинённых им приходов. *Все* эти архиереи и *все* священники становились таковыми *только* о согласия органов МГБ (бывшее ГПУ-НКВД). Все эти архиереи и *все* священники были *обязаны* поддерживать и поддерживали предательскую линию митрополита Сергия (Страгородского), исповедали полную преданность советской власти, сталинскому режиму и даже — признание коммунистической *идеологии* как самого передового социального учения в мире! Никто не мог стать епископом, или настоятелем городского, а также крупного сельского прихода, не будучи предварительно негласным (внештатным) *сотрудником Госбезопасности*. Не связанными с ГБ могли быть только священники на вторых, третьих местах (не настоятели) или на глухих сельских приходах. Отныне для большевиков исчезла необходимость засылать в Церковь своих агентов-коммунистов, одевших рясы и изображавших из себя монахов или священников. Отныне сами епископы; священники и монахи (из тех, что хотели стать епископами) делались вполне надёжными осведомителями «органов» и послушными проводниками в церковную жизнь любых открытых или секретных, негласных решений партии и правительства. Так, к примеру, до сих пор

благоденствует и окружён почитанием верующих один маститый митрофорный протоиерей, известный всем собратьям тем, что у каждого нового молодого человека, начинавшего ходить в храм, он спрашивал фамилию и место работы, тотчас сообщая об этом «куда следует». Своё сотрудничество с органами Госбезопасности священнослужители воспринимали не одинаково. Одни (и таких — большинство) шли на это только или из страха, или из личной корысти, или для карьеры. Другие рассматривали это как способ *избавлять* хороших людей от преследования «органов» и даже *влиять* на самые «органы» (а через них — на правительство) в интересах Церкви. Таким казалось, что коммунистический режим будет существовать ещё по крайней мере лет 300, и что поэтому в интересах Церкви и Отечества (!) нужно принять его *правила игры*, дабы как-то *примириять* Церковь и Государство, как-то высвободить сознание парт. руководителей из-под демонического влияния, склоняя их к симпатии, к доброму отношению к Церкви и вере. Очень горько раскаяться пришлось таким церковникам в этом их глубочайшем заблуждении!

Корень заблуждения состоит в том, что с дьяволом, с антихристом, с миром, или обществом (системой), которые находятся под их непосредственным руководством и вдохновением, *нельзя* идти ни на какое сближение, ни на какую дружбу, или сотрудничество ни во имя Отечества, ни во имя Церкви, ни во имя спасения кого-нибудь из людей! В противном случае Дух Божий, Христов, Дух Святой как *несовместный* с духом дьявольским покидает человека. Покидает Он и целое церковное сообщество, если оно становится на путь такой дружбы, согласия, единения, о чём мы уже говорили. Прекрасно *зная это* (в отличие от многих церковников!) большевики и воссоздали при Сталине такое «церковное» управление, или структуру «патриархии», которая была совершенно *подчинена* им и совершенно *согласна* с их духом и волей, *полностью* поэтому *лишившись присутствия Духа Святого, Духа Божия*, созидającego и животворящего Церковь! И что же получилось? Миллионы, десятки миллионов советских верующих, *искренне* устремляясь в открытые храмы *ко Христу*, попадали в липкую паутину — «патриархии», которая служит *антихристу*! Это была и осталась по сей день огромная ловушка для стремящихся к вере и Церкви. Вот на этот-то случай и сохранялась весьма прозорливо большевиками и жалкая горстка епископов — предателей во главе с Сергием и горстка «показательных» храмов перед войной!

«Совкам», хлынувшим в Церковь, с их неоцерковлённым и лишённым должного богословского образования и канонического правосознания мышлением разгадать сущность этой ловушки было очень трудно, если не вообще невозможно в большинстве случаев. Они или вовсе ничего не знали о предательской декларации Сергия 1927 г. или, узнавая, в силу *общей* уже атмосферы лживости, расценивали её как «необходимый» в тех условиях шаг для «спасения Церкви»... «Патриархия» же постоянно представляла и ныне(!) представляет дело так, будто в 1927 г. Сергей выразил *простую лояльность* советской власти (что — дескать и *нужно* было сделать, т. к. «несть власти, аще не от Бога» и т. д). И, конечно, никогда не разъясняла и не разъясняет жуткой сущности главной формулы декларации: «ваши радости — наши радости, ваши неудачи — наши неудачи»...

Однако в 1943 г. и позднее в церковной среде, в народе ещё было очень немало людей, *знающих* суть вещей и помнящих, что такое декларация 1927 г. и созданная

на её основе тогда же антиканоническая лжепатриархия. Что же они? Часть их так никогда и не пошла в храмы «патриархии», а кто смог, присоединился к катакомбной Церкви, *продолжавшей* существовать, несмотря на страшные гонения, но — в глухом *подполье*. Однако в большинстве такие люди поддались *иллюзии* неожиданного «возрождения Церкви» в дни войны! И подъём веры в народе, и открытие храмов, и устройство церковных учреждений породило тогда *надежду*, что может быть, это *действительно перелом* в политике большевизма, что, может быть, теперь Церкви даётся *действительная свобода*! И тогда возможно будет со временем и избрание достойных епископов и исправление порушенного канонического строя церковной жизни... Скоро они должны были убедиться в тщетности таких надежд, в иллюзорности упований. После войны по партийной и административной линии верующих стали преследовать так, что открыто ходить в церкви смогли только пенсионеры, или люди самого низшего уровня (дворники), которым нечего было терять. От церковников же требовали *не агитировать* за веру, наипаче молодёжь, и церковники подчинялись! Убеждались в антихристовой сущности «патриархии» и некоторые «совки», из тех что оказались духовно-чуткими. И протестовали, и обличали! Самых активных сажали. Сперва в тюрьмы, потом, при Хрущёве — в психушки. Других то угрозами, то обманами заставляли умолкнуть. Старалась вовсю и «патриархия» объявляя таких обличителей «нарушителями церковного мира и единства». Постепенно и священникам и мирянам вольно и невольно внушалась мысль, что главной целью Церкви *Христовой* (!) является «*тихое и безмятежное житие*». Можно добавить, — «во всяком удовольствии и достатке»! Мысль овладела массами. И в итоге оказалось, что если Христос — само безстрашие, то служащие будто бы Ему священники и массы прихожан — это само малодушие! Если Христос — это «солнце правды», то служащие будто бы Ему верующие, члены Московской «патриархии» готовы на *любую ложь*, любую подлость, любое предательство, *только бы, к примеру, не закрыли храм*! *Действующий храм* сделался самодовлеющим центром и *смыслом* веры и церкви «патриархии». Излишне говорить много о том, что это — вообще не христианство! Несчастливым своим прихожанам «патриархия» стала внушать также, что от неё нельзя откалываться, т. к. грех раскола не смывается, как сказано у св. отцов, и мученической кровью. Истинно так! Только эту мысль нужно было отнести именно к самой «патриархии», отколовшейся от Христа и всякой Его правды. А потому *раскол с «патриархией»*, решительный откол от неё есть *святое дело возвращения к Богу, ко Христу, а, значит, и к Его Церкви*. Но в глазах миллионов верующих «совков» Московская «патриархия» — это и была истинная, исконная Русская Православная Церковь, во всяком случае — законная *преемница* этой Церкви, подобно тому, как СССР — великая держава, *законная преемница* Руси, великой России...

Это оборотничество Сталина и этот его грандиозный обман, как мы уже говорили, «патриархия» активно поддержала в дни войны. Вот уж когда с полной «искренностью», взхлёб и с натуральной слезой «патриархия» могла выразить свой «патриотизм» и свою безграничную верность народу, власти, в их героической борьбе с захватчиками! И вот уж когда, по окончании войны «патриархия» получила возможность говорить и Божиим благоволением к нашему *советскому* отечеству и благословением Богом, *по молитвам Церкви*, праведного оружия Советской армии!..

А в самом деле, почему Бог дал победу СССР, а не Германии? Да потому, что над тем, что называлось ещё Россией, но ею уже не являлось, *должны были*, по Божию смотрению, *воцариться не немцы, а евреи*. Вот в чём дело. А вовсе не в том, что Бог был на стороне сталинского режима или любил больше Землю, осквернённую большевизмом, чем Землю, осквернённую фашизмом...

Немецкий народ сам явился жертвой Второй Мировой войны, пострадав страшно и оказавшись искусственно расколотым на две половины почти на *полвека!* Во второй его половине (ГДР) российские большевики установили режим почти подобный своему, который за 45 лет сумел так «перевоспитать» массы восточных немцев, что западные и теперь, через 5 лет после воссоединения, не знают, как найти с ними *общий язык* (хотя все говорят по-немецки!). Так Германия сполна заплатила за поддержку большевицкой революции в России в период Первой Мировой войны! Расплатился немецкий народ и за деятельность *избранного* им в 1933 г. нацистского руководства. Расплатилась за свои коварства и Япония, на которую коварно напал СССР, а американцы поразили её двумя атомными бомбами. Расплатились, с другой стороны, своей кровью и иными потерями и «советские люди», горячо одобрявшие революцию и цареубийство, получив страшную рану от германского нацизма, пришедшего к ним под тем самым знаком свастики, которую начертала в Ипатьевском доме в Екатеринбурге на стене Царица-Мученица Александра Фёдоровна (на половину, по крови — немка, полностью по духу — русская). Так не люди — Сам Господь воздал всем *буквально* кровью за кровь, как и требуется по Закону Моисееву. Тут как раз и вспомнить о тех, кто до сих пор считают себя верными этому Закону, т. е. о евреях. Они за все злодеяния своих активистов и руководителей в России и иных местах тоже расплатились кровью около 6 миллионов своих соплеменников, в большинстве — ни в чём не повинных! Германский фашизм, учинивший этот геноцид еврейского народа, повсеместно, — в Германии, иных странах Европы и в России, действовал в согласии с инстинктом народного себялюбия немецкой нации. Немцы, немецкие патриоты дали вовлечь себя в эту грандиозную провокацию. Важно понять — почему? Потому что изначальной целью своей немецкий народ как историческая Личность, по-видимому, положил *самосохранение в данном земном бытии*. Тогда как Народ Русский имел *другую* изначальную цель — *самосохранения для бытия в Новом Иерусалиме Царства Небесного*.

Вот коренная разница между двумя кровными братьями — Германцами и Русскими, вообще — между Западом и Востоком.

К несомненной чести и славе немецкого народа следует отнести то, что он сумел действительно *покаяться*, с настоящим *смирением* приняв все последствия 2-й мировой войны! И что же? Каков итог? Он теперь — самый процветающий народ, самое процветающее государство Европы! А что же победители — советский народ? А победители, бесконечно, до неприличия *похвалявшиеся и гордившиеся* «великой победой», докатились до такого состояния, что ветераны войны — грудь в орденах! — дрожащими руками принимали «гуманитарную помощь», в том числе — питание от *побеждённых*, от немцев в 1990 г. Многие старики-фронтовики при этом плакали, и есть от чего заплакать! Нет, не была эта война ни «отечественной», ни «священной». Она была сущей бедой, трагедией и для побеждённых и для победителей.

А кто же оказался в выигрыше в итоге войны? То есть кто оказался действительным, а не мнимым победителем? *Евреи!* Точней — их явные и тайные руководители и вожди. Всеми средствами информации, пропаганды и подкупа *ужаснув* мировое «общественное мнение» неслыханными фашистскими злодеяниями в отношении еврейского *народа*, эти его видимые и невидимые *лидеры* смогли теперь и получить Палестину, создав там Израильское государство после двух тысяч лет «перерыва», и добиться командных положений в мировой политической и экономической системах, и *сокрушить полностью* два важнейших препятствия на своём пути к безраздельному мировому господству — *духовную силу* Русского и немецкого народов!

При этом, как уже говорилось, Русский Народ был *доуничтожен физически*, то есть завершил свою историческую Голгофу, уйдя из земной области бытия *полностью*. Некоторое количество его представителей, т. е. подлинно православных русских людей, ещё какое-то время сохранялось. Но оно было уже столь незначительным, что не могло стать основой возрождения народа, и им можно было пренебречь.

Взамен Русского Народа на территории России начал жить *новый, другой народ* говорящий на русском языке, правда, неуклонно искажающемся, так что ныне в деловом языке сохраняется только 16-17% русских слов, и как будто по крови происходящим от Русского Народа, но по духу, по мировосприятию и мировоззрению, *уже ничего общего с Русским не имеющих*.

По советской статистике в 1950—1970 годах в СССР насчитывалось до 20 миллионов (иногда писали — 15) православно верующих. Данные заниженные, к тому же приблизительные. Они основаны на сведениях с мест о примерном количестве *посещающих храмы*. Но, как мы видели, вскоре же после войны, когда спала волна общего ликования и «примирения», в храмы могли ходить только люди, в основном, пенсионного возраста и положения. Множество других стали «верующими в душе», т. к. иначе они могли бы лишиться и работы, и учёбы, и перспективы карьеры. Таких «скрывающихся» православных было в несколько раз больше, чем тех кто мог позволить себе открыто ходить в церковь. Поэтому не будет преувеличением сказать, что до половины советских русских стали православно верующими.

Главное для нас теперь в том, чтобы хорошо рассмотреть, *что это за вера?*

Как видим «скрывающиеся» скрывались в своей вере от глаз начальства потому, что хотели жить в этом мире соответственно своим *земным влечениям*, способностям, мечтам, т. е. заниматься той работой, или наукой, или искусством, на какое кто был способен. Иными словами, *чувствуя Бога, преклоняясь пред Ним*, они не считали для себя Божии заповеди, Божию правду, самую свою любовь к Богу тем *главным* в жизни, ради чего можно и нужно и душу и голову свою положить! Они полагали достаточным «иметь Бога в душе» так, чтобы стараться «не делать зла другим», как чаще всего и говорили. Спросим себя: та ли это вера, с которой мы в общих чертах познакомились на протяжении истории? Если это и вера, то явно — *не Русская!* — не та Православная Вера Православного Русского Народа, которой он и созидался *как Народ*, и жил изо дня в день с XII в. по начало века XX-го! Оставим поэтому веру «скрывавшихся».

Посмотрим, что происходило с верою тех, кто, не боясь, пошёл и всё советское время ходил в православные храмы?

Все они попадали под бдительный надзор большевицкой и «патриархией» властей. Взаимодействие их устраивалось так. Совет по делам религий при Совете Министров СССР (эта «забегаловка КГБ», как его называли) имел в каждой области уполномоченного, ведавшего всеми церковными вопросами. В каждом городском и сельском *районе* этими вопросами ведали вторые секретари райисполкомов, по всем данным делам подчинённые не своим первым секретарям, а областному уполномоченному. Он «крутился» между местной партийной властью (Обкома) местным УКГБ и своим «Советом по делам» в Москве. «Совет по делам», в свою очередь зависел от двух инстанций — ЦК КПСС и КГБ. Московская «патриархия» во *всех* делах подчинялась непосредственно «Совету по делам», её архиереи на местах, в епархиях — областному уполномоченному. Священники на приходах формально подчинялись епархиальному архиерею, но во всех практических делах довольно крепко зависели от уполномоченных и вторых секретарей райисполкомов. Ни сарайчика построить, ни покрасить крышу храма без разрешения местных властей или уполномоченного никто не мог. С 1961 г. вся финансово-хозяйственная деятельность приходов была изъята из ведения священников и целиком передана в руки так называемых церковных «двадцаток», из прихожан, во главе которых стояли староста, его помощник и казначей (бухгалтер), практически *назначаемые* райисполкомами и нередко — из полных *атеистов*. Образно говоря, ни одна мышь не могла без ведома сов. власти ни проскользнуть в храм, ни выскользнуть из него. Обо всех прихожанах всё доносилось местным властям. Ни один новый человек на приходе не мог оставаться без того, чтобы о его появлении не сообщили «куда следует». *Все церковные деньги*, «старушкины рублики» поступали... безбожному *государству*! Приходам оставлялось только то, что нужно было на *зарплату* (!) священнослужителям и иным штатным церковным работникам, на покупку «церковного товара» (свечей, крестиков и т. п.), а также в исключительных случаях и по особому разрешению — на ремонт храма или покупку новых облачений, сосудов и т. п. Остальные деньги (более половины доходов) приходы, т. е. их старосты с казначеями, обязаны были сдавать в банк, откуда они никогда не возвращались Церкви (со счёта могли снять какую-то сумму только с разрешения уполномоченного и только в чрезвычайных случаях!) Кроме того, 25%, а в иных случаях и более, дохода в добровольно-принудительном порядке отдавалось в *Фонд защиты мира*, который *в основном* и существовал на эти деньги. На них, на «старушкины рубли» кормили чёрной икрой и поили коньяком безчисленные делегации «друзей» из развивающихся стран... Брались с Церкви и иные поборы, одноразовые и регулярные. Все вопросы «кадров» Церкви — назначения и перемещения епископов и священников решались только совместно с «Советом по делам», его уполномоченными, часто непосредственно — с КГБ, часто — прямо *по требованию* этих инстанций. Ясно, что при такой системе мнимого «отделения Церкви от Государства» на все ключевые места и посты, — епископов, настоятелей городских и крупных сельских приходов «патриархия» назначала людей не по признакам их духовности, честности, иных добрых качеств, а исключительно по признакам их *угодности властям* и способности *дружить* с властями! Так на всех ключевых, самых видных, *ответственных* местах и приходах «патриархии» оказались *самые худшие* представители советского духовенства (и без того уже сформированного не из лучших православных людей!). Подлейшие предатели, доносчики, сребро-

любцы, властолюбцы, прожжённые *жулики и негодяи* стали во главе церковной жизни Советской России! Среди них (наипаче — среди монашествующих) почему-то сильно распространился *гомосексуализм*. Ныне монастырь — это очень часто рассадник мужеложства, о чём говорят так много, что и слушать надоело. А церковного суда в «патриархии» нет. Да и кто был бы судьями, если едва не каждый третий епископ «патриархии» — повинен в том же грехе. А уж епископы, имеющие тайнах жён, и епископы-блудники — это притча во языцех! Ничего подобного никогда не было в русской истории, ничего подобного невозможно себе и представить по отношению к тому русскому епископату, который жил ещё до 1927 г. и (в тюрьмах и ссылках) даже до 1937 г. и к тому, что ныне имеется в Русской *Зарубежной* Церкви! Перед нами некая *особая порча* епископата и монашества, свойственная исключительно только *Московской «патриархии»*. Но как правило, именно эти порченные — самые активные хозяйственники, администраторы, восстановители храмов, организаторы церковных школ и иных начинаний!

Конечно, этой порче были подвержены не все, и, конечно, «система» в своей неусыпной заботе о церковных кадрах часто давала промахи и делала ошибки. Так что и на ключевых постах оказывались порой вполне благочестивые, порядочные люди. Но больше всего таких было (и есть) среди вторых, третьих, четвёртых священников крупных приходов и священников отдалённых сёл и деревень. Есть искренне старающиеся подвизаться и среди советских монахов. В отношении ко всем таким «патриархия» и сов. власть всегда были крайне настороженны: от таких (благочестивых) чего только не жди! Упаси Бог, могут и выступить в защиту попираемой Церкви и правды Божией! Но выступавших было крайне мало, единицы! Их мытарили, гоняли с прихода на приход, запрещали в служении как «смутьянов» и называли «фанатиками», в один голос — и епископы и уполномоченные... В основном, порядочные *молчали*. И их терпели. Правда — с трудом, стараясь всё же как-нибудь изжить. Сам феномен порядочности был нестерпим как для большевиков, так и для высших иерархов «патриархии»... И, конечно, не порядочные определяли жизнь и атмосферу Церкви, а порченные или «горячие» друзья и соратники большевицкого режима.

Вот под таким «духовным» руководством оказались многие миллионы новых советских верующих. Что они могли впитать в себя от своих руководителей? Красиво *говорить* одно, а *жить* по другому, *умиляться страданиями* празднуемых мучеников и паче всего на свете *бояться пострадать* хоть в чём-нибудь; славить *Христа* и одновременно славить антихристову советскую власть!.. Что это? Это «церковная» *шизофрения* (раскол сознания)! Она постоянно приводила и приводит, особенно в настоящее время, многих в «патриархии» и к такому расстройству сознания и психики, которые явно подлежат уже медицинской компетенции. Стало передаваться, как анекдот, простонародное выражение, которое на самом деле часто повторяется в «простом народе» и должно стать памятником истории, — о добром епископе или священнике говорят: «У нас владыка (или батюшка) — хороший, *верующий!*»...

В 1953 году умер Сталин. Горе советского народа было неопишущим! Конечно, — не поголовно. Многие в душе радовались. Но в целом, без всякого преувеличения, «для «совков», не знавших «Зоны», это было именно *всеобщее, искреннее горе*. К нему свой взволнованный, благоговейный голос присоединила и

«патриархия», и день похорон Сталина 9 марта 1953 г. перед *панхидой* (каковую *нельзя*, по канонам, служить по человеку умершему в сознательном отрицании Бога) в Богоявленском (Елоховском) соборе в Москве «патриарх» Алексей (Симанский) произнёс речь в которой сказал «Упразднилась сила великая, *нравственная (!?)*, общественная; сила в которой *народ наш* ощущал собственную силу,... которой он утешался (!) в течение многих лет». Не говоря уж о том, что это — плагиат, ибо почти списано с речи Аксакова на смерть митрополита Филарета (Дроздова), это ещё и образец безпримечательной лживости (Алексей более многих других знал о страшных злодеяниях Сталина в отношении и народа, и Церкви, и сам их прежде всего боялся!). И тем не менее говорил: «...Его славные деяния будут жить в веках ...И нашему возлюбленному Иосифу Виссарионовичу мы молитвенно с глубокой горячей любовью возглашаем вечную память». Если это сравнить с лаконичным формальным соболезнованием Правительству по случаю смерти его председателя Ленина, которое было сделано Патриархом Тихоном, то станет хорошо видна разница между угодническим *служением* большевицкому режиму и простой *лояльностью гражданской власти*.

Дальше — больше. В начале 1960-х годов Н.С. Хрущёв, разоблачивший «культ личности» Сталина (демократ!) развернул новые гонения на Церковь. Было закрыто вновь *10 тысяч* храмов и несколько монастырей (на Украине, в том числе Киево-Печерская Лавра), несколько духовных семинарий. Верующих, пытавшихся отстаивать свои храмы, мытарили, арестовывали с милицией, грозили тюрьмой, активных священников лишали службы, взрывали и разрушали старинные церкви и соборы. Правда теперь уже за веру не расстреливали и не отправляли массами в лагеря смерти, но придумали новое — наиболее деятельных и говорливых верующих и священников сажать в психбольницы, как ненормальных — *шизофреников* (чаще всего именно такой «диагноз» давался в этих случаях советской медициной). Атеистическая агитация и пропаганда разбушевались вовсю! А «патриарх» и епископат «патриархии» продолжали, как ни в чём не бывало «горячо поддерживать и одобрять» мероприятия партии и правительства! Нашёлся только один епископ Гермоген Калужский, который воспротивился закрытию храмов в своей епархии и затем попытался даже организовать епископов на протест против антиканонических нововведений 1961 г., когда вся власть на приходах отнималась от «священников» и передавалась «двадцатникам», Смелого епископа уволили («на покой») в Жировицкий монастырь, под строгий надзор КГБ. Хрущёв в 1965 г., свергнутый своими же соратниками, полетел с вершины власти, как никогда никто из большевицких самых главных не летел... При новом «вожде» Л.И. Брежнев храмы уже не закрывали, но морально-административные гонения на верующих продолжались в полной мере, как при Хрущёве. В это время, в 1965 г., появилось обширнейшее «письмо» священников Николая Эшлимана и Глеба Якунина «патриарху» и правительству, где они приводили множество примеров явных беззаконий власти по отношению к Церкви и полной бездеятельности «патриархии», не сделавшей *ничего*, чтобы защитить Церковь, верующий народ. Этих священников заперли в служении за нарушение «мира Церкви»... По прямому негласному указанию «сверху» ещё при Хрущёве начались и после него до конца *1960-х годов* продолжались комсомольские хулиганства в храмах, в основном — на Пасху. Толпы молодёжи втискивались в середину верующих и во время службы начинали раска-

чивать плотную массу людей так, что старушки падали, давя друг друга, вопили от боли. Крестные ходы вокруг храмов шли под оголтелую матерную брань. Из толпы, вплотную сжимавшей эти ходы, священникам в лицо грозили воткнуть горящие сигареты, и, пытаясь заглушить церковное пение, орали, кто что хотел (в частности, священникам, — «вы же коммунисты!»). В 1970-х годах эти хулиганства, по команде, прекратились. Но на собраниях в коллективах прорабатывали людей, замеченных в том, что они крестили своих детей, или отпевали в церкви отца или мать. Таковых «отщепенцев здорового советского общества» могли лишиться премии, очереди на квартиру, уволить с работы (самое большое наказание). Так что *открыто верующим было уготовано морально-административное гетто*, где они могли рассчитывать только на самую неответственную («чёрную») работу; их дети не могли быть приняты в ВУЗы, в школах же подвергались издевательствам и мытарствам со стороны *учителей*. За редким исключением все священники «патриархии» благословляли своих детей вступать в комсомол, в партию, *отрекаясь от веры, а тайно* — веровать, и дома причащали, венчали этих детей. Всё это как началось в 1960-х годах, так продолжалось и в начале 1980-х (20 лет!) *Страх перед властью* у священников был такой, что *её, гражданскую власть, боялись и чтили неизмеримо больше, чем Бога, чем Его Суд!* Такой именно страх передавался в массы, к прихожанам. И они искренне стали бояться власти больше, чем Бога, считать, что *нет греха более ужасного*, чем противление власти! В такой чудовищной обстановке в 1967 г. вышло особое «Послание Святейшего Патриарха и Священного Синода в связи с 50-летием Великой Октябрьской Социалистической Революции». В нём говорилось: «Обновив самое существо жизни нашего народа, Октябрьская революция была вместе с тем стимулом национально-освободительного движения (т.е. кровавых безбожных революций в других странах и народах — прот. Л), и мы *вместе со всеми нашими соотечественниками*, испытываем *глубокое удовлетворение, что все (!)* эти начинания, *созвучные евангельским идеалам (!)* находят в наши дни всё большее понимание и поддержку со стороны широких кругов верующих людей многих стран мира. «Патриархия» явно старалась обезопасить себе *легальное существование* и в будущем *мировом* коммунистическом супер-обществе или государстве, *если* оно всё же состоится. Далее в «Послании» говорилось о *глубоком внутреннем единстве* советского народа, «несмотря на различие в *мировоззрении* между верующими и неверующими», которые всё равно видят друг в друге «братьев», вспоминалось, что это благой плод декларации Сергия 1927 г., чему пример — «всемирный подвиг в Великой Отечественной войне», а также нынешнее «неуклонное развитие нашего Отечества (с большой буквы!) в экономике, науке и культуре» (это как раз в то время, когда на самом деле шла быстрая деградация экономики и культуры). В заключение следовало «благодарение Богу за все благодеяния на нас бывшие», под каковыми разумелись *все* плоды и последствия Великой Октябрьской революции... Примерно то же самое писалось потом в юбилейных посланиях «патриарха» Пимена в 1977 г. и в 1987 г. Вообще не было ни *одного* значительного внутреннего или международного деяния партии и правительства, которое бы «патриархия» не поддержала *с чувством глубокого удовлетворения!* В шутку его называли «шестым чувством» советского человека. И «патриарх» Пимен, и «патриарх» Алексей были назначены ЦК КПСС и КГБ, а затем «избраны» организованными Соборами так же, как Сергей и Алексей II.

Что же могло остаться от веры тех верующих, которые постоянно всё же ходили в храмы, то есть являлись многомиллионной паствой, прихожанами «патриархии»? Только некоторые заповеди нравственного характера, и ещё *душевное утешение*, которое они получали в храмах от умирительного пения, чинного богослужения, общения с иконами и святынями, а также надежда получить исцеление от болезней и избавление от бед. В редких случаях вера оказывалась *одержимостью* религиозной *идеей*, подобно *одержимости* идеей коммунистической. Кажется, это уже предел отступничеству и падению. Но нет! Бездна потому так и называется, что у неё нет предела (дна) и всегда будет ещё какая-то ступень, или глубина, на которую можно опуститься. Так вышло и у «патриархии». Громко всегда хвалившаяся незыблемым хранением православного вероучения, канонов и традиций Церкви, «патриархия» отступила и от всего этого, как только её поманили.

С начала 1960-х годов почти одновременно начинают развиваться два еретических учения «патриархии», — богословие революции и экуменическое учение. Оба они связаны с личностью выдвинувшегося тогда и набравшего большую силу в церковных верхах митрополита Ленинградского и Ладожского Никодима (Ротова). Он сам и группа единомышленников с ним «богословов» занялись «православным» *оправданием* Октябрьской революции и подобных ей, как «соответствующих евангельским идеалам», созвучных учению Христа Спасителя. Договорились до утверждения, что Христос на Кресте усыновил Себе будто бы не только верующих Ему, а *всё человечество поголовно*. Следовательно, Телом Христовым, Церковью являются все люди, независимо от их отношения ко Христу, а потому и выходит, что «неверующие братья» (т.е. безбожники и сатанисты-коммунисты) могут творить и творят *дело Божие* — дело построения Царства Божия *на земле*, каковым является «коммунизм», а верующие, закоснев в своих предрассудках, даже часто противятся этому Божию делу! Церковь поэтому во многом — консервативна, не отвечает «духу времени» и её нужно «обновлять». Никодимовцы никогда не цитировали ясных слов Христа: *«Не о всём мире молю, но о тех, которых Ты (Отец Небесный — прот. Л.) дал Мне»* (Ин. 17,9), то есть *только* о верующих! Постепенно «никодимовцы» стали избегать упоминаний о диаволе и бесах, сам Никодим вместо слова «грехи» начал употреблять эlegantное — «наши несовершенства», и, наконец, поставил ребром вопрос перед Всеправославным совещанием на о. Родос, готовившем, в сущности, новый Вселенский 8-й Собор, названный, впрочем, осторожно — «Всеправославным», что пора признать *масонство одной из религий* (чтобы с ним можно было установить экуменическое общение)! Во всей своей деятельности Никодим и его компания имели мощную поддержку КГБ, МИД и «Совета по делам». Московские семинаристы дополнили его титул: «Ленинградский, Ладожский и *Лубянский*». А студенты Ленинградской духовной академии в 1974 г. приколотили на двери его кабинета объявление: «Совет по делам религий при Совете министров СССР, Комитет Государственной безопасности при том же Совете, масонская ложа г. Арбатова, Хоральная синагога г. Конотопа и прочие заинтересованные организации с глубоким прискорбием извещают о безвременной кончине митрополита... Никодима. Сему печальному событию приличествует некоторое сожаление. Смерть вырвала из наших рядов одного из самых стойких борцов с Православием!...» Общецерковного признания безбожников членами Тела Христова не получилось, хотя эта явная ересь до сих пор «патриархией» *не осуждена*.

Масоны, по-видимому, сами были смущены открытым приглашением в экуменическое движение, именно ими скрыто и созданное, и управляемое! Нового «обновленчества» в богослужебной практике тоже не произошло, хотя ядом именно «обновленчества», модернизма и всяческого церковного вольномыслия оказалось отравлено очень многое в «патриархии», особенно в молодых умах и особенно в Ленинграде. «Богословское» же оправдание революции и коммунизма сделалось прочным *новым учением* «патриархии». Ясно, что это учение тоже совершенно *еретическое*. Но самым отвратным и губительным явилось вступление «патриархии» в так называемое «экуменическое движение», возглавляемое протестантским Всемирным Советом Церквей (ВСЦ). Экуменизм — от греческого слова, чаще всего означающего обитаемую вселенную, т.е. нечто обращённое ко *всем* людям. Суть экуменизма в том, что грядущему Антихристу нужно дать в руки управление духовной (церковной) жизнью человечества, что невозможно или очень затруднительно при множестве религий и множестве разных, враждующих и не сообщающихся исповеданий в одном только христианстве. Отсюда, по замыслу иудео-масонства, христианство (а вслед за ним и вех других) нужно объединить. Для этого была создана идея о том, что Церковь Христова, в сущности, *одна*, но раскололась на множество исповеданий (конфессий) только по причине греха и козней диавола. Поэтому ныне, в наш «передовой» век всяческой международной интеграции (объединения) и христианские церкви, сохраняя каждая своё учение и традиции, должны на основе христианской «любви» постепенно объединяться, вплоть до общения сперва в молитве, а потом даже в Причащении. Основой для объединения ВСЦ предложил: 1) веру во Христа, как Сына Божия, пришедшего во плоти, и 2) веру в Святую Троицу. В 1948 г. на своём поместном Соборе «патриархия» назвала это экуменическое учение попыткой построения новой Вавилонской башни и «несовместимым с Православием» (верно!). Но в начале 1960-х годов в связи с новой Хрущёвской политикой «разрядки международной напряжённости» и «мирного сосуществования» ЦК КПСС счёл *полезным*, чтобы «патриархия» приняла участие в миротворческом движении и в ВСЦ, и всей его работе, «патриархия» ответила: «Слушаюсь!», — тем более, что для иерархов её открывалась отличная «котушина» — ездить за границу, быть ещё в большем почёте у местных властей, да что там — море удовольствий!.. *Православное* богословие давно и основательно обличило экуменическое учение как явную *ересь* (и даже, по верному слову нынешнего Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви Митрополита Виталия — как «ересь ересей»). Дело в том, что Церковь есть Тело Христово, Глава которому Он Сам, о чём мы не раз говорили. Сербский богослов архимандрит Иустин Попович писал по этому поводу, что у Христа «не может быть нескольких тел, и отсюда разделение Церкви — это явление по существу *невозможное* и его никогда *не было*, а были (и ещё будут!) *отпадения* от Церкви». Церковь *одна и едина*, как сказано в Символе веры. И не только чисто — «духовно», но и внешне, как и Христос был не духом только, но и плотью, и это внешнее единство — в единстве всего вероучительного, канонического и богослужебного строя, а также образа церковной организации! Отпадения от этого единства были и в древности, сохранились и в наши дни. Они известны: католицизм, монофизитство, протестантизм с его ответвлениями и безчисленными сектами. Все они являются ересями, *еретическими сообществами*, потому что так или иначе искажают или отрицают те догматы (истины) веры,

какие были приняты на Семи Святых Вселенских Соборах древней Церкви. К примеру, протестанты (и их секта, вроде баптизма) не признают таинств, кроме Крещения, не почитают должным образом Богородицу, совсем не признают святых, не почитают икон и отвергают авторитет святоотеческих писаний, а значит подпадают под анафему нескольких Соборов, в том числе — Седьмого Вселенского, утвердившего иконопочитание, и священный, незыблемый характер всех истин и **канонов**, принятых на предыдущих Соборах, анафематствуя всех, кого и они отлучили от Церкви. «Патриархия» сделала вид, что не замечает, вступая в экуменическое движение на указанных основах ВСЦ, что она тем самым **открыто признаёт**, что для неё, «патриархии», таинства Церкви, почитание Богоматери, святых, икон, канонов и святых отцов **не являются** таким же **фундаментальным** и существенным в вере и учении, как учение о Христе и о Троице, — а чем-то второстепенным, чем можно пренебречь ради «диалога любви» с еретиками и **общих с ними молитв**. Тем самым «патриархия» **оказалась под анафемой Вселенских Соборов Церкви** (особенно — Седьмого). Официальным (и как обычно, лживым) поводом вступления в экуменическое движение стала для «патриархии» мысль о проповеди Православия инославным. Но на деле, отказавшись заявить о том, что только Православная Церковь является единственной истинной, а признав все еретические «церкви» тоже истинными (но в меньшей мере), «патриархия» предала и Православие, и «утвердила еретиков в их пагубных заблуждениях на неминуемую гибель этих людей», — как говорил св. Максим Исповедник, отмечая, что при дружелюбном отношении «к людям — еретикам, в делах веры (!) нужно быть **резким и непримиримым**»!..

Более того, вступив в молитвенное общение с еретиками-протестантами, католиками, баптистами, адвентистами (и даже на ряде собраний ВСЦ — с иудаистами, **индейскими шаманами**, буддийскими ламами и оккультистами определённо демонологического (т.е. сатанинского духа и толка), «патриархи», епископы и священники «патриархии» подпали под **лишение сана**. Ибо целый ряд канонических правил очень определённо подвергает **лишению сана** всякого епископа, священника или диакона, который будет молиться с еретиками. Зная об этом, идеологи «патриархии» пытаются ныне доказать, что каноны — не освящённые правила, а только чисто человеческие, установленные в определённое историческое время в связи с тогдашними обстоятельствами, и могут поэтому нарушаться сколько угодно, по усмотрению высшей церковной власти. Но такие теории только подчёркивают и доказывают, что **«патриархия» перестала** быть Православной Церковью, сделавшись еретическим сообществом, как и те, с кем она вступила в молитвенное общение «любви». Не случайное словечко в экуменизме! Совместная молитва с отсечёнными от Церкви еретиками и есть не что иное как **духовное прелюбодеяние** (совокупление духом), разрывающее духовный «брак» со Христом, с Его истинной Церковью, по слову Евангелия. Поэтому и запрещали так строго молитвы с еретиками наши древние отцы и учителя Церкви, у которых **действительной любви** к людям было куда больше, чем у карьеристов «патриархии».

Этот разрыв с Православием блистательно довершил Московский «патриарх» Алексей II (Ридигер). В 1991 г., приехав в Нью-Йорк, он решил выступить перед **иудейскими раввинами** США и 13 ноября произнёс речь, которую начал словами: «Дорогие, братья (!) шолом вам!». Далее, извращая всё учение Церкви об отноше-

нии к упорно не верующим во Христа иудеям, называя русских обличителей современного иудаизма как религии — «реакционерами», Алексей II утверждал, что современный Израиль по-прежнему (несмотря на отвержение Христа!!) — «бого-избранный народ», а религия талмудического иудаизма вполне *родственна христианству*: «Единение иудейства и христианства имеет реальную почву естественного (?) и *духовного родства* и положительных (?) церковных интересов». При этом Алексей II продемонстрировал вот такую словесную акробатику: «Мы едины с иудеями, не отказываясь от христианства, не вопреки христианству, а во имя и в силу христианства, а иудеи едины с нами не вопреки иудейству, а во имя и в силу истинного иудейства. Мы потому отделены от иудеев, что мы ещё «не вполне христиане» (!), а иудеи потому отделяются от нас, что они ещё «не вполне иудеи». Ибо полнота христианства обнимает собой и иудейство, а полнота иудейства есть христианство».

Вспомним ещё раз то, что мы уже цитировали в своём месте из Евангелия о разговоре Христа с упорно неверовавшими в Него иудеями. На их заявления о том, что у них отец — Авраам и даже — Бог, Христос ответил: *«Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего»* (Ин.8,44). А в «Откровении» Господь говорит Иоанну Богослову о *таких* иудеях, что «они говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское» (Откр. 2, 9).

Итак, если именно таких (упорно *по сей день* отвергающих Христа) иудеев «патриарх» Московский назвал «братьями», то кого он сделал своим «котцом»?

Что это?! Это «мерзость запустения, поставленная на святом месте», т. е. на месте некогда истинной Московской Патриархии, на Престоле действительных некогда Патриархов Московских!

Сначала Сергианская лжепатриархия побраталась духовно с коммунистами (с советской властью, — «ваши радости — наши радости»), потом со всеми еретиками, теперь *братается* непосредственно с теми, кто изначально и устраивал «христианские» ереси, и «коммунизм», и Советскую власть — с иудеями, вдохновившими убийство Государя Александра II, совершившими убийство Николая II и Его Семьи и всего Русского Народа! Здесь — некоторая *перемена хозяев* «патриархии», и понятно, почему ибо ныне всем уже ясно, что власть над миром переходит в иудейские руки... Но ведь это отречение уже не только от всякой истины Божией, но и от России, от её распятого народа, от его истории и Души!

Таким образом, духовно побратавшись с иудейской синагогой, Московская «патриархия» соделалась сама «синагогой еретической», как выражаются иногда святые каноны, влекущей свою многомиллионную паству уже *прямо и откровенно* в новый Вавилон всемирного объединения (интеграции), на вершине которого ожидается появление «великого иудейского царя» или израильского «мессии», число имени которого — шестьсот шестьдесят шесть, то есть Антихриста (о чём мы будем ещё говорить особо). Но, поскольку «патриархия» настаивает на том, чтобы, несмотря ни на что, называться «Русской Православной Церковью», мы должны в который раз констатировать, что перед нами *церковь-Оборотень, церковь-Перевёртыш..*

Но, может быть, как думают некоторые, всё это имеет отношение только лично к тем высшим иерархам «патриархии», которые повинны в ереси экуменизма, и не затрагивает прочего духовенства (где есть немало несогласных с этим еретичеством)

и не затрагивает веры многомиллионных масс советских прихожан? Увы, нет. Церковное общество — всегда некий целостный *организм*, связанный как внешне — системой управления, так и духовно-таинственно, — через уставное поминовение имени своего предстоятеля, в данном случае — «Патриарха», как своего «Великого *Господина и Отца*». Отсюда, всякий поминающий «патриарха» Московского, *соучаствует* во всём, что тот делает от лица Церкви, приобщает себя духовно и к его явному отступничеству и ереси. Зная об этом, несколько священников «патриархии» (всего несколько!) публично отказались помянуть «патриарха» Алексея II после его речи перед раввинами. Но это слабенькое движение продержалось недолго, некоторые ушли в Русскую Зарубежную Церковь, прочие *остались* в «патриархии». В чём дело? Почему, видя явное беззаконие, молчат нынешние «православные» в России?

Не потому ли, что и сами они в действительности уже давно — не православные, то есть потеряли связь с Богом, лишены канонического правосознания и *чувствования* Церкви?

Пагуба ереси, в данном случае — экуменизма, состоит в том, что она начисто *отсекает от Христа, лишает благодати Духа Святого* то церковное сообщество, которое уклонилось в ересь. С этой точки зрения о безблагодатности Московской лжепатриархии говорили уже давно с 1927 г. Нуждается в пояснении понятие «благодатности» (или «безблагодатности»). В общем и широком понимании слово «благодать» Божия («благодать» Святого Духа) означает животворное присутствие Божества во всём Его Творении, без чего ничто вообще не могло бы существовать. Поэтому Духом Святым живится всякая душа человеческая, в том числе — даже душа атеиста или сатаниста, пока он живёт на земле. Если иметь в виду такое широкое понимание понятия «благодать», то она действует повсюду, в том числе и по отношению к еретикам (в направлении их вразумления), и подобно этому — в храмах и в людях «патриархии», подавая и им иногда различные свидетельства в виде определённых переживаний, даже — знамений. Дух — *един*, но действия Его *различны*. Один образ действий в людях, вне Христа, вне Церкви пребывающих, *другой* — в Церкви, в Теле Христовом. Здесь, в Церкви, благодать Святого Духа прежде всего являет себя в *совершении семи таинств* церковных, подающих людям «семь даров Святого духа» и иные духовные дары ко спасению, в том числе — способность видеть истину в явлениях и вещах окружающей жизни. Это особенное только Церковное понимание слова «благодать». Поэтому, когда богословы, вообще церковные люди говорят о «благодатности» или «безблагодатности» Церкви — они имеют в виду второе, особенное, или узкое значение этих понятий, конкретно — *совершаются, или не совершаются* в Церкви таинства (действительные они или нет).

Мы помним, как рассуждал священномученик митрополит Казанский Кирилл (Смирнов) о таинствах сергианской «патриархии». Суть его суждений в том, что таинства *совершаются* для тех, кто приемлет их «в простоте», не ведая об отступничестве Сергия и его Синода. Эти таинства могут быть спасительны, действительны. Но они совершаются безусловно *в осуждение* самим совершителям, а также тем, кто *знает* об их предательстве и отступничестве и прибегает к ним. Поэтому знающим *не следует* принимать таинства от сергиан. Другие духовные лица (и таких было немало) полагали, что в «патриархии» совсем не совершается таинств.

Особенно распространилась такая точка зрения в послевоенный период, когда стало очевидно, что воссозданная «патриархия» верой и правдой служит не Христу, а антихристову советскому режиму, что поэтому «патриархия» — это уже не Русская Православная, а *«советская церковь»*, как её часто и называли за рубежом. Русская Зарубежная Церковь допускала, что лишь у отдельных «благоговейных» священников в «патриархии» таинства могут совершаться, быть *действительными*, а значит, и *действительными*. Это было той тонкой ниточкой, которая ещё связывала РПЦЗ с РПЦ в России и позволяла первой считать себя лишь *частью* Русской Церкви, основа которой всё-таки — в России. Что же до священнослужителей-отступников, то, к примеру, Митрополит Виталий, Первоиерарх РПЦЗ, говорил, что он никогда не поверит, чтобы таинства Церкви совершались от рук агентов КГБ... Так думали и многие. Неопределённость и неясность в отношении действительности таинств в Московской «патриархии» проистекала от того, что при очевидном, полном отступлении от Христа и всякой правды Его, в «патриархии» до *времени* не было *ереси* в некоем классическом, богословско-академическом её понимании как *учения, «осуждённого Соборами или отцами»* (хотя разве только это может лишить благодати!).

Совершенная, но страшная ясность возникла только теперь. С 1960-х годов, как мы видели, *рядом* еретических учений, соответствующих тем учениям, что были в древности осуждены Соборами и отцами, наипаче — экуменической *ересью*, и связанной с ней практикой *совместных молитв* с еретиками (а теперь даже — с иудеями и даже с шаманами!), определённые иерархи, сперва — «патриарх» Алексей I (а ныне и Алексей II), митрополит Никодим и несколько им подобных оказались явно отсечёнными от Православия, лишёнными сана. В этом случае (т.е. явного еретичества) *не требуется* даже соборного решения об извержении из сана, по слову 15-го правила Двукратного Константинопольского Собора и по смыслу 3-го правила Третьего Вселенского Собора; лишение сана происходит мистически естественным путём, что и даёт право и даже *обязывает* каждого священника или мирянина *выйти из подчинения* такому епископу или патриарху, не дожидаясь никакого соборного решения о нём.

«Патриарх» Алексей I и митрополит Никодим, находясь в таком положении, т.е. *не будучи фактически епископами*, тем не менее, продолжали рукополагать во епископы и священники других людей, которые тем самым также не являлись на самом деле ни епископами, ни священниками (т.е. над ними *таинство священства* не совершалось). Значит ли это, что и другие таинства Церкви, совершаемые такими мнимыми епископами и священниками, уже *вполне определённо стали недействительными т. е. перестали совершаться?* Мы не берёмся отвечать на этот вопрос, т. к. он превосходит наше разумение. Можем лишь определённо отметить, что наряду с явными свидетельствами Божия попечения об искренне верующих (вплоть до чудес), в «патриархии» за последние 10, 20, 30 лет можно было наблюдать заметное неуклонное оскудение Божией благодати в церковной жизни, в душах и жизни священнослужителей и прихожан. К 1980-м годам *весь епископат* «патриархии» состоял или из экуменистов, или из рукоположенных ими мнимых епископов (архиереи старого, канонически законного посвящения, *к тому же* не замешанные никак в экуменизме и *не согласные* с ним — такие епископы ушли из жизни). Оставались лишь некоторые священники, рукоположенные от действительных, не

мнимых епископов. Но и их число заметно и быстро уменьшалось. А число тех из них, кто решительно не признавал сергианского отступничества и экуменического еретичества своих правящих иерархов — и того стремительней.

Всё это означает, что примерно *с середины 1970-х годов* на подавляющем большинстве приходов Московской «патриархии» действительность таинств Церкви стала крайне сомнительной. Кроме, может быть, только таинства Крещения, т. к. по правилам Церкви оно в исключительных случаях может быть совершено и простым мирянином, даже — женщиной.

Священнодействия сделались почти повсеместно *мнимыми*, как всё, или почти всё в «патриархии». Ибо уж давно (а теперь и подавно) в ней всё, или почти всё, только изображается (обозначается) но *не совершается* (не происходит)... Московская «патриархия» стала чем-то вроде призрака, или миража Православной Церкви: издали манит, а подойдёшь — пустота. Иные определяют «патриархию», как грандиозный театр, где происходит постоянный спектакль на церковные темы в православных декорациях, ризах, рясах и бесконечным потоком православных *слов*, но *не происходит жизни Церкви*. В душах молящейся публики такой спектакль способен вызвать целую гамму разнообразных чувств — умиления, умиротворения, услаждения, восхищения, сожаления о грехах, то есть определённо — некоторого катарсиса (очищения)! Но не более, чем для публики собственно театральной — хорошая светская пьеса, умное стихотворение, душевная музыка, или трогательная песня... Почти никто не хочет видеть, что всё это — человеческие душевные *эмоции*, которые современными верующими охотно (!) принимаются за благодать Святого Духа! О, если бы они не ошибались! Если бы и впрямь *благодать и сила Святого Духа* действовала через «патриархию»!.. Тогда приходская жизнь, церковная жизнь хотя бы тех кого называют обычно «простыми людьми», «простыми прихожанами» и на многомиллионных (!) массах, которых по сей день держится и стоит «патриархия» — эта жизнь, души этих людей ни за что никогда не дошли бы до такого чудовищного состояния, в каком они оказались теперь! Теперь уже не удивительно то ужасное явление, что в православные храмы стали приходиться различные колдуны и оккультисты (скажем — йоги, или теософы) и чуть ли не сатанисты, чтобы «подзаряжаться», как они говорят, *энергией* от икон, общей обстановки храма и церковных служб... Будь это энергия и впрямь *силой* Святого Духа — вся эта нечисть бежала бы от храмов, а не тянулась бы к ним!

Совершенно очевидно, что такому перерождению или вырождению иерархии и духовенства «патриархии» должно было соответствовать (и соответствовало) некое глубинное изменение в состоянии самих народных масс.

Обвальный процесс здесь произошёл как раз примерно в тот же период — во второй половине 1970-х годов. Когда КПСС со значительной долей правды обнаружила и объявила, что к этому времени в многонациональном СССР сложилась *«новая историческая общность — советский народ»* (тут же сам себя назвавший — «совками»...). К этому времени почти все люди «старого поколения», хотя и бывшие в меньшинстве, но во многом как бы «задававшие тон» на приходах, и ещё хранившие многое от действительно православного духа и сознания, *ушли из земной жизни*. Основную и *решающую* массу прихожан, задающую тон, стали составлять те, кто иногда сами о себе говорят: «комсомолки 30-х годов» то есть вполне *советские* верующие. Воспитанные во лжи и на лжи, они ей вполне *верят и хотят*

верить! Их коренная психологическая особенность как раз в том, что они охотно принимают желаемое, официально провозглашаемое — **за действительное!** Давно, **через полное признание большевицкого режима** они получили от Бога, по слову Апостола, «действие заблуждения», так что «стали верить лжи»... Поэтому они вполне довольствуются видимостью вместо реальности, обозначением вместо совершения, внешностью, а не сущностью. Прошедшие сами школу комсомольско-партийно-общественного советского **оборотничества**, когда на людях — одно, а в мыслях (и тайных делах) — другое, и привыкшие думать, что «так и надо», они вполне приемлют государство-оборотень, церковь-оборотень, оборотня епископа или священника. Для таких «верующих» важно лишь чтобы оборотничество было достаточно **точным**, то есть, чтобы всё делаемое в «патриархии», изображалось, обозначалось в соответствии с внешним православным **чином, уставом**. Чин, обряд стали центром веры. Принадлежность к православному **обряду** сделалась главным и, пожалуй, **единственным** условием «спасения в Бозе» (через церковь) в глазах верующих «совков», не желающих и слушать о том, что такое «спасение» может оказаться мнимым.

Этим и объясняется тот разительный факт, что вопреки всем ожиданиям, когда на рубеже 1990 г. верующие в СССР получили **действительную** (а не мнимую!) свободу, на неё, за исключением самой малости людей, почти никто и **не вышел!** А в этом 1990 г., то есть когда рухнул «железный занавес», отдалявший советский народ от остального мира, состоялось **историческое решение** Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей о приёме под свой омофор (в свою юрисдикцию) всех тех в Советском Союзе, кто не желает оставаться в отступнической и еретической Московской лжепатриархии, а пожелали быть в Церкви Русской истинной и неповрежденной и просят об этом РПЦЗ! А просьбы были. В это же время вышли из подполья и многие из чудом уцелевших общин **Катакомбной Церкви**. Так что с этого исторического рубежа, с 1990 г., Господь дал реальную возможность **всем**, ищущим истины, всем, кто хотел бы настоящей православной, а не фальшивой церковной жизни, обрести такую жизнь.

Откликнулись всего несколько тысяч, остались в «патриархии» — миллионы! А к чему им было уходить от «патриарха» и его епископов, если верующие «совки» не требовали от своего духовенства ничего, кроме «чинного» исполнения положенных служб и треб. Иерархия и народ «патриархии» были **едины** по духу и сознанию, вполне понимали друг друга, **играли** вместе в «православную веру». Играть всегда легче чем жить; видимость истины всегда легче, чем сама истина, т.к. истина требует **подвига**, исповедничества, действительного **покаяния** и связанного с ним **действительного преображения, коренного изменения и образа жизни и образа мысли!** Верующие «совки» всегда хотели только одного — считаться (и себя самих в своих глазах **мишть**) православными, спасающимися. Поэтому и от своих епископов и священников они не требовали ничего другого, как только видимости, внешности, мнимости Православия, а не **силы** его. Когда чин, устав наполнены животворящей благодатью Духа Святаго, тогда они в самом деле очень важны и ценны, так что страшно порой изменить в них и малейшее. Но когда внутри Духа Святаго нет, тогда чин, обряд, устав превращаются тотчас в мёртвую схему, «букву убивающую». Строго держаться этой схемы и буквы можно лишь в том интереснейшем случае, когда в них именно только и полагать всё дело своего спасения! Вот причина,

по которой «патриархия» очень держится внешних чинов и традиций особенно в богослужении при том, что очень многие её деятели совсем не признают этих чинов, открыто исповедуя возможность менять их в духе модернизма, в «духе времени».

Только после данного рубежа, после 1990 г. в обстановке и атмосфере *относительной* гражданской свободы, а наипаче — после спровоцированного мнимым «путчем» упразднения КПСС в 1991 г. и даже — советской власти в 1993г.(!), *вполне выяснилось* и следующее. «Патриархия» в прежней Совдепии вовсе *не была несвободной, порабощённой «Церковью молчания»*, как её часто называли. Её иерархии уже очень давно вовсе *не по принуждению*, не под давлением угождали большевицкому режиму, а совершенно добровольно и — от души! Они не были теми «новыми мучениками» за Церковь, какими представлялись пастве, и какими их склонны были видеть некоторые сторонние наблюдатели. Дело в том, что сергиански устрояемый епископат «патриархии», с каждым своим очередным поколением (пополнением) всё более *действительно братался и дружил* с партократами, с номенклатурой КПСС, по мере морально-идейного разложения номенклатуры! Так что епископы «патриархии», наипаче — самые высшие, т.е., те, что держат *реальную власть* в церкви, стали едино с партократией *по духу* по образу мысли, даже во многом — по языку (газетные штампы в их проповедях и речах — давно замеченное явление). Если на свете может быть что-либо более презренное, чем советская «культурная интеллигенция», то это только — епископат Московской «патриархии»! Князья (и «князьки») церкви точно так же, как партбояре, стали отличаться неимоверным высокомерием и чванством к подчинённым, и самым низким холуйством к вышестоящим, обзавелись домами, дачами-дворцами, толпой подхалимов-прислужников, всяческой роскошью. Так же, как партократы, разжиревшие епископы «патриархии» становились *казнокрадами* и мошенниками, обретали потрясающую способность честными, ясными глазами смотреть на собеседника или на свою паству и заведомо обманывать их самым убедительным образом. Лживость, бесконечная лживость почти во всём, сделалась подлинной второй натурой «патриаршей» иерархии. «С кем поведёшься!..» Если *экуменизм* сделал Московскую «патриархию» *едино* по духу со всеми теми еретиками и даже вовсе не христианами, с какими она вступила в духовное общение через совместные молитвы, то *сергианство* сделало её *едино* с партократией. Теперь, когда сама *партократия* упразднила и сковывающую её коммунистическую идеологию и даже свою партию, с тем чтобы стать откровенно частными собственниками огромных награбленных у страны и народа средств и «перекрасилась» поэтому в *демократию*, но по-прежнему держит власть в России, «патриархия» по-прежнему едино с нею, служит ей на взаимно выгодных условиях. Впрочем, как мы видели, отныне «патриархия» стала всё более откровенно ориентироваться на подлинных хозяев положения — на *иудеев*.

Подобно всем дельцам, «мира сего» епископы «патриархии» уже не могли хранить настоящее церковное братство и дружбу в отношениях друг с другом. Ревность, зависть, вражда, интриги и доносительство друг на друга стали *нормой* их взаимоотношений. То же передалось духовенству. Если на приходе несколько священников, то между ними никогда не может быть искренней дружбы; ревность и зависть здесь стали нормой. О *христианской любви* в духовенстве уже не может быть и речи.

«Рыба начинает гнить с головы». Такое состояние и поведение иерархии Московской «патриархии» передавалось, не без противодействий, ниже — через среднее духовенство « в народ, в паству, где встречало наиболее сильное и наиболее долгое сопротивление. Но со временем «сдалась» и паства. В ней, в массе прихожан храмов «патриархии» крайне оскудела взаимная *любовь*, всё более заменяясь ревностью, завистью, таким страшным озлоблением друг против друга (особенно — на клиросах и у денежных «ящиков») какого не встретишь и в мирских учреждениях! В самые последние лет 10 дело стало доходить до патологической боязни друг друга в связи с подозрениями в *колдовстве*! Многие в храмах теперь бояться принимать друг от друга просфору или кутью, или свечку... Там, где иссякла вера, выросли, как поганые грибы, самые разные суеверия! И то сказать, — действительно ведь колдуют! И не только в сёлах, но и в городах, притом вполне образованные люди! Научаются друг у друга приёмам «чёрной» и «белой» магии, порчам, «отворотам» и «приворотам». Знахарки посылают своих «пациентов» к некоторым священникам, а те, в свою очередь, — к знахаркам. Целители-знахари появились и среди духовенства. Так один священник, читает над болящими молитву со словами: «На море-окияне, на острове Буяне...» К нему едут во множестве, не только из епархии, но и из других областей. Доход — очень большой. Батюшка щедро делится им с епископом, и *поэтому* епископ не трогает его, несмотря на возмущение собратий и некоторых верующих!.. «Порча» и «сглаз» сделались самыми распространенными болезнями среди прихожан. Медицина в таких случаях бессильна, она даже не может установить никакого диагноза. А люди страдают страшно! Нужно видеть (особенно в деревнях) это порченное, скрюченное, изуродованное человечество! И всё это — от *своих*, из зависти, мести, и просто так, из «любви к искусству».

Там, где на место любви стала неприязнь, там — что угодно, но только не *Церковь Христова*, особенно — не Русская Православная Церковь.

Качество веры изменилось до неузнаваемости. В людях попроще, из той социальной среды, где и по сей день искренне полагают, что заброшенный храм весьма удобен как сортир, в людях из этой среды вера давно превратилась в некое церковнообразное *язычество*, где все сводится к делу «жертвоприношений» Богу с тем, чтобы Он не наказал или подал просимое. В людях более высокого культурного уровня, наряду с этим, заметна и жажда «духовных переживаний». Но если нет подлинной благодати Святого Духа и вызываемых ею высоких чувствований, то их пытаются *изобразить*, то есть искусственно воссоздать. И получается «прелесть» в виде экзальтации разных степеней, приводящей сплошь и рядом к психическому и умственному расстройству той или иной степени. Так что теперь среди верующих интеллигентов самые усердные — это всегда, обязательно и непременно — душевно (или нервно) *больные люди*. На этой почве особенно пышным цветом расцвели в «патриархии» явления ложного «старчества» и «обожествления» молодых архимандритов сбесившимися истеричками. В отличие от св. Иоанна Кронштадтского, архимандриты (игумены, иеромонахи и иные «благодатные батюшки»), не гонят таких прочь от себя, а всячески поощряют, иногда создавая из этих поклонниц настоящие банды, терроризирующие морально (а то и телесно!) остальных верующих. Это страшное явление имеет уже ярко выраженный антихристов характер. Одна из почитательниц такого архимандрита очень точно сказала: «Наш Бог — батюшка!». Жажда иметь «живого бога», человеко-бога, которого можно

было бы кумиротворить в жизни,— вот что за этим стоит. Эпоха «культов личностей» не прошла даром. Сколько сотен, тысяч (!) душ по всей России безнадежно испорчено этими новоявленными «старцами», «благодатными» наставниками и «чудотворцами»! Старчество подлинное прекратилось давно. Некоторые широко почитаемые монашествующие из Троице-Сергиевой Лавры, Псковско-Печерского монастыря, Рижской пустыни и других мест при всём уважении к ним старцами названы быть не могут. Хотя бы потому, что *молчали* все годы хрущёвского издевательства над Церковью, молчат и теперь, после речи «патриарха» перед раввинами, не благословляя говорить и другим. Почему? Потому что «патриархия» постоянно внушала и внушает пасомым, что в Церкви *«послушание выше поста и молитвы»*, забыв пояснить, что это относится к Церкви *настоящей*, а не к еретической, не к поддельной, к церковной жизни *подлинной*, а не фальшивой! Они, эти, без сомнения, старательные и искренние монашествующие, тоже принимают «патриархию» за Русскую Православную Церковь, т.е. тоже *верят лжи*, побуждая верить и тех, кто доверится им.

Всё временное земное благоденствие «патриархии» только этой ложью и может держаться. Поэтому она постоянно внушает «пастве», что Русская Зарубежная Церковь (сумевшая *сохранить* всё то, что утрачено церковной жизнью в России!) — это *«Карловацкий раскол»*, сообщество бежавших за границу отщепенцев (когда «мы все здесь страдали»!), сделавшихся раскольниками, живущими на американские деньги, и пытающимися теперь оскорблять «народ Божий»(!), т.е. сущих в России овец «патриаршего стада» своими обличениями и разоблачениями. Всё — наизнанку, «с больной головы на здоровую»! Но оборотням так и полагается...

При таком положении вещей, в виду явного еретичества «патриархии» в экуменизме, со всеми вытекающими отсюда последствиями, *принципиально изменилось* положение Русской Зарубежной Церкви. Теперь она — не *часть* того, что находится в основном в России; теперь Зарубежная Церковь — это и есть единственная Поместная Русская Православная Церковь.

Нужно отметить, что в лоне «патриархии» и были и есть ещё люди вполне честные, очень искренне обратившиеся к Богу. Но они и были в меньшинстве, а ныне и подавно их становится всё меньше, и они не имеют возможности *определить* церковную жизнь. Оставшись только со своими человеческими силами, они не многое могут, хотя и являют порой образцы подвижничества и самоотвержения.

Явления духовной уродливости, канонических нарушений, нравственных проступков возможны и более того — *естественны* в любое время бытия любой поместной Церкви, поскольку она есть сообщество не «чистых и безгрешных», а именно грешных, повреждённых людей. Церковь и должна быть поэтому *духовной врачевницей* для своих членов, для паствы. Всё зависит от меры и степени повреждённости церковной жизни. Если Церковь твердо держится Православного Вероучения и в ней «работают» святые каноны по отношению как к высшим, так и к низшим,— ко всем (!), то она есть истинно живой организм Тела Христова, которое животворится и возвышается к Богу Духом Святым. Тогда эксцессы различных отступлений, преступлений, нарушений канонов и правил в ней именно — *эксцессы, случаи* на фоне *в целом нормальной и правильной* жизни. Если же Церковь отступает и от вероучения и от канонического строя, она перестаёт быть Телом Христовым, т.е. Церковью, превращаясь в такое сообщество, где случайными *исключениями*

являются добродетели и правильные условия, а *общим фоном* и «нормой жизни» оказываются преступления, отступления, нарушения... При таком перевёрнутом положении вещей церковная обстановка не содействует, а *препятствует* спасению тех, кто доверчиво входит в неё, просто губит их. Такова в полной мере, как видим, церковная обстановка в Московской «патриархии». Теперь поэтому крайне *неясно*, чему служит бурное открытие храмов и монастырей, всяческое благоустройство некоторых из них, устройство воскресных детских школ, иных учебных заведений «патриархии»? Служит ли всё это духовной пользе, или дальнейшей духовной *порче* людей? Скорей всего — это расширение и углубление области лжи и гибели, ловушка для тех, кто искренне потянулся ко Христу. Они не смогут прорваться к Нему до тех пор, пока будут принимать «патриархию» за Православную Церковь, пока будут верить лжи, несовместимой с Духом правды, Духом Святым.

Некоторые сравнивают Московскую «патриархию» с духовной пустыней, с огромной пустотой, образовавшейся на её «канонической территории», как она любит называть земли, исторически подчинявшиеся Москве (правда, теперь уже неизвестно, какие именно?). Думается, что это неточно. Сказанного о «патриархии» достаточно, чтобы увидеть главное: *Московская «патриархия»*, вся в целом вместе со своей многочисленной *паствой* — это не только пустота, это — *«мерзость запустения, стоящая на святом месте»*, то есть на месте Русской Православной Церкви в России, в Отечестве.

Церковь дьявола именно такого результата и добивалась. Но она обманулась. Русский Православный Народ «мерзостью запустения» ей сделать *не удалось*. Иудео-масонская всемирная церковь смогла создать эту послушную и подобную себе мерзость только из народа нового, другого, «советского» (из «совков»), отвергшихся любви истины и безгранично верящих лжи.

В самом деле, КПСС не совсем обманывала, когда заявила о том, что в СССР сложилась «новая историческая общность — советский народ». У этой общности или нового народа действительно явились некие выраженные личностные черты и особенности, что позволяет говорить и о нём, с некоторыми пояснениями, как тоже об *Исторической Личности*. Каковы эти черты и особенности?

Одну мы уже хорошо рассмотрели — это *вера лжи*. Вторая черта — непомерная *гордость*. Третья — *уголовный* (преступный) *характер психологии и сознания*, и, наконец, четвёртая — это *безбожие* (у одних идейное, у других — практическое, житейское).

Этнические русские (по крови) или русскоязычные, как они теперь называются, в этом «новом народе» продолжают занимать ведущее место и речь у нас — только о них.

При таких чертах и свойствах в русскоязычном населении Российской Федерации может действовать только *групповой инстинкт*, принимаемый за патриотизм. *Чувство духовно-национального единства отсутствует*, как уже говорилось.

Этот групповой инстинкт «совков» в целом долгое время поддерживался их *общим* безправным положением и постоянно внушаемой идеей *превосходства* «Отечества», Союза над всеми странами мира!

Превосходство же было только в военном отношении. С 1945 г. до конца 1980-х годов военное производство СССР достигло примерно 80% общего объёма

производства! Это невиданно; такого никогда не бывало. Процесс расширенного воспроизводства при таких пропорциях мог осуществляться, в основном, только за счёт постоянных даровых *вливаний* извне! Кое-какие затраты, конечно, покрывались и за счёт недоплаты трудящимся, беспощадного обирания деревни, когда у неё отнимаются все «излишки» в принудительном порядке, дурных прибылей от продажи сырья («нефтедоллары»), ограбления «братских стран социализма». Однако при этом очень большие деньги из СССР шли на поддержку революций, восстаний, коммунистических и рабочих партий и движений стран Америки, Азии, Африки и Европы! Так что на покрытие 80% непроизводительных затрат оставалось немного. Откуда бралось остальное? От *западных банков*, находящихся, как мы знаем в большинстве в *еврейских* руках. Получалось, что страшное военное могущество СССР оплачивается средствами того самого Запада, против которого оно якобы (!) направлено... Мировому иудео-масонству по-прежнему нужен был устрашающий монстр Советской военной, теперь уже атомной угрозы для того, чтобы ускорить процесс консолидации и интеграции Европы и остального мира под единым руководством. Отсюда совершенно понятным становится то немыслимое в нормальных условиях обстоятельство, что *изобретатели атомной бомбы* (в том числе — Оппенгеймер, Нильс Бор и другие) тут же *сознательно выдали секрет её производства Советскому Союзу!* Перед глазами охающего и ахающего мирового «общественного мнения» разыгрывался неплохо поставленный мировой спектакль! Одна из важнейших сюжетных линий этого представления состояла в том, что «кипучая, могучая, никем непобедимая» страна «совков» почти полностью, почти на 80% стала *жизненно, зависеть* от тех, кому она якобы противостояла и от кого отгораживалась «железным занавесом». Они, мнимые «враги» СССР, были подлинными хозяевами его политики и экономики, а СССР — мощным оружием в их руках. Так, когда Сталин, сделав своё дело по отношению к Русскому Народу, стал не нужен, решено было его убрать. Но как это лучше сделать? Нужно было *показать*, что он этот ужасный тиран-диктатор, поднял руку на *еврейский народ!* Было спровоцировано «дело» врачей-евреев, будто бы являвшихся «отравителями» ряда высоких партработников и будто бы готовивших покушение на Сталина. Некоторых крупных чекистов подстрекнули устроить «разоблачение» врачей-отравителей с тем, чтобы Сталин обрушил репрессии *на всех* советских евреев. Отвлечённо рассуждая, можно допустить, что он мог это сделать, как сделал по отношению к нескольким репрессированным народам. Однако, учитывая, что Сталин очень хорошо знал, что такое евреи, что такое их явные и тайные западные вожди, трудно предположить, что он решился бы на массовые репрессии против евреев. Но провокаторам достаточно было одного «дела врачей», чтобы испугать, кого нужно, на Западе и в России угрозой якобы нависшей над еврейским народом в Советском Союзе. И тогда, как ныне говорят многие, Каганович и Берия постарались «убрать» Сталина (тем паче, что Берия сам нацелился на пост самого главного). Дело тёмное, многое здесь неясно, кроме одного: Сталин умер вовремя, когда нужно.

С его смертью в 1953 г. партия начала разлагаться. Сначала — только в морально-нравственном отношении, продолжая быть в отношении идейном незыблемо на своих обычных позициях. Чувствуя это, советская «общественность», где начало сильно действовать еврейское демократическое влияние, быстро ос-

вободилась от «идейности». Начался период «кухонного» свободомыслия, когда в узком кругу своих стали поносить коммунистическую идеологию и совсистему «на чём свет стоит», и самым коротким анекдотом стало одно слово — «коммунизм». Разоблачивший «культ личности» Сталина, Хрущёв сам страдал диктаторскими замашками (по инерции...) и тем самым, несмотря на устроенную им «оттепель» 1950-х годов, в годах 1960-х всё ещё продолжал держать партию в ежовых рукавицах. А суть дела для Запада теперь состояла в том, что после «оздоровления» пострадавшей Европы с помощью американского «плана Маршалла», когда она попала под негласное *американское (т.е. еврейское влияние)*, нужно было *постепенно* кончать с монстром «коммунистической угрозы» миру. Этот монстр приближался к завершению роли, которая ему отводилась. Западный мир интегрировался под единым руководством всё глубже, всё успешней. И тогда в середине 1960-х годов из «видимой тьмы» или «невидимого света» последовало решение начать развал СССР. Был убран со своего поста Хрущёв. Началась эпоха Л.И. Брежнева — «безбрежный социализм» или эпоха «застойного застолья» и «застольного застоя». В это именно время, в середине 60-х, ЦРУ Соединённых Штатов разработало секретный план *разрушения* Советского Союза *изнутри* с помощью внедрения агентов (в том числе агентов влияния) в высшие эшелоны советской власти. *Условиями* для этого в плане считалось развитие коррупции и нравственного разложения КПСС, особенно — высшей номенклатуры. Предусматривалось разделение СССР на составлявшие его республики, путём пропаганды националистических идей в этих республиках, а также развития «демократического» («диссидентского») движения в общественности Союза. Для Российской Федерации, России, возник *особый план*, предусматривавший развитие в ней всеобщей *дестабилизации* для того чтобы в итоге под благородным предлогом защиты страдающего населения, а также (это главное!) — защиты *атомных объектов*, ввести в Россию *войска Запада и фактическое правление Запада*.

Оба этих плана и их дальнейшие разработки были известны советскому КГБ сразу, в 1966—67 г.г. Но ЦК и КГБ были умышленно направлены по ложному пути. «Агентами враждебного Запада» стали в их глазах не те главные, кто ими на самом деле были, а *евреи* и вдохновляемые ими *«демократы-диссиденты»*. То, что последние действительно прозападные, антисоветски настроенные люди, — это так и есть, и их движения действительно использовались и ЦРУ и иными подрывными центрами. Но под их «дымовой завесой» действовали другие силы внутри власть имущих в СССР, как бы выпадавшие из поля зрения или досягаемости КГБ. Это были крупные номенклатурные работники как непосредственно в КПСС, так особенно — в директорском корпусе, среди «дельцов теневой экономики», возникшей тоже не случайно, а посредством умышленно *идиотской* системы бюрократических норм «плановой» экономики. В 1970-х годах, по команде, *начали «срабатывать»* всё сильнее те непримиримые противоречия социально-экономического и идейно-политического характера, которые были заложены в самое основание большевицкого режима, и о которых мы уже говорили. Всё больше появлялось тайных антисоветских организаций и групп, начавших возникать в образованной молодёжи, в студенчестве ещё с 1950-х годов. В 1960-х и особенно — 70-х годах к ним идейно примкнуло открытое «диссидентское» движение как чисто политическое, так и церковное. Последнее возникло в

связи с заметным обращением к вере всё большего числа интеллигентов. Но «диссиденты» церковные, как и политические, руководствовались уже не православно-русской идеологией, а более всего — западно-демократической (свобода и права личности!). Почему в этом движении самую активную роль стали играть всё те же евреи (в том числе евреи-священники). Конечно, всё это использовалось Западом, даже помимо воли борцов за справедливость. Повторялась ситуация, когда одинаково плохо и служить режиму и выступать против него.

Для разрушения Союза многого не требовалось. Нужно было просто *лишить его «вливаний» извне*. А прекратить, или постепенно сокращать, финансово-экономическую помощь Советскому Союзу удобней всего было под предлогом *гонений на евреев* и уж, постольку-поскольку, — на демократов, на всех вообще инакомыслящих. Как же — попрание «прав человека»? Так и возникло уже до боли знакомое положение вещей: евреи высшие, стоящие *на ключевых постах*; отделов Министерств и ведомств, в партаппарате, в местных органах власти, в снабжении и торговле продолжают *держать*, все основные ключи и нити политики и экономики СССР, фактически руководят страной, а для еврейского плебейства в 1960-х — 1970-х годах устраиваются определённые *притеснения*. Общественное мнение «совков» также в некоторой мере настраивается против евреев и интеллигентов. Это и есть тот «государственный антисемитизм», который, с одной стороны, *спланирует* советских евреев вокруг их духовных вождей и побуждает многих уезжать из Союза, а, с другой стороны, возмущает «мировое» общественное мнение». Безпроигрышная игра!

В 1985 г. определённым работникам режима, прежде всего М.С. Горбачёву из «невидимого света» сказали: «Пора кончать». И резко сократили «вливания». У Горбачёва *не было выхода*. Началась «перестройка» и всё полетело в пропасть, которая разверзается на наших глазах в 1990 — 1994 г. г.! Распался СССР, разорвав экономические связи, — эти кровеносные сосуды и нервы экономики, — в России всеобщая дестабилизация развивается с нарастающей скоростью, грозя кровавой «войной всех против всех». Не забудем, что большевицкая власть (а значит — всё ею созданное) была *проклята* изначально, ещё в 1918 г...

Нетрудно видеть, что развал всего ускорился по причине внутреннего *разложения «совков»*, разложения «советского народа». Почти сорок лет (!) ему дали пожить в условиях *мира*, и очень относительной (минимальной) материальной обеспеченности, что уже само по себе действует разлагающе на любой народ. Но «совкам» при этом дали потешиться ощущением своего мнимого всемирного величия и значимости, что являлось, пожалуй, единственным и самым сильным *цементирующим* для них средством. Но не успев скрепиться таким путём в «новую историческую общность», русскоязычные «совки» оказались в таких условиях, когда эта «общность» просто рассыпалась в щебёнку, в песок. И стало ясно, что это вовсе не русский народ, что это даже и вообще *не народ*, поскольку изначально он был начисто лишен *духовно-религиозной основы*! И всё — потому, что основа новой *религии большевизма*, которую всё ж пытались внедрить в душу *нового народа* на территории бывшей России, — *сатанинская*. А диавол *не может* создать действительное единство, но только — *разделение и вражду*. Окультистско-масонская идея «гомункулуса» — нового человека (и нового народа из таких «гомункулусов») не осуществилась. «Гомункулус» оказался просто душевноболь-

ным, «новый народ», русскоязычные «совки» — трухой, щебёнкой, несцементированной фактически *ничем* (кроме разве «тотальной шизофрении»).

Начало распаду и рассыпанию «совков» положила, как принято, *партия*. Уголовный характер её политического сознания (когда «всё, *позволено*» и *все* средства хороши для достижения цели) позволил большей части её номенклатуры довольно быстро стать на позиции уголовщины обычной, криминальной. Накапливая огромные народные, государственные средства, партократы сходились сперва с «директорским корпусом» с дельцами «теневой экономики», затем через них и с уголовным миром в обычном смысле. Становясь подпольно собственниками огромных капиталов, партийно-советско-хозяйственные «руководители», естественно, не могли с ними развернуться в условиях мнимого социализма и господства идеологии КПСС. Поэтому, как только их «подтолкнули» (с Запада) так тотчас они и прихлопнули и собственную партию с её *официальной* идеологией и даже — советскую власть. Сделано это было двумя провокациями — августа 1991 г. и октября 1993 г., которые продуманно готовились с участием и консультацией *Западных спецслужб*, о чём данные просочились даже в средства массовой информации.

Однако, став собственниками капиталов, а через это неизбежно попав в зависимость от мирового еврейского банковского капитала, партократы столкнулись с проблемой их размещения и применения, т.е. распределения и перераспределения богатств и объектов народного хозяйства страны, её финансов. Это неизбежно вызывает отчаянную борьбу между владельцами начальных капиталов. Расколовшись на «кланы» новые собственники и повели эту борьбу между собой, а также с теми, кто вышел не от них, а из теневой экономики «без спроса», и теми, кто, поверив в призывы к «рыночной экономике» начал развивать свой бизнес «с нуля», без начальных капиталов. В эту драку, конечно же, стали подключать *«Зону», уголовный мир* (а он и сам не прочь был к такой-то заварухе подключиться), и началась *кровавая* борьба за деньги, власть, возможности. Вот и вся суть так называемой «политики реформ» начала 1990-х годов.

А под шум этой «мутной воды» фактическую власть в государственном секторе жизни, государственном управлении, взяли *евреи*. О том, кто действительно управляет теперь бывшей Россией вполне можно судить, лишь посмотрев по телевизору на *лица* хотя бы окружения президента и членов Президентского Совета, а также — иных нынешних «лидеров». Дошло до того комедийного курьёза, — что лидером одной из самых *русско-национальных* партий стал В. Жириновский, который на самом деле — Эйдельштейн! И за него, за его либерально-демократическую партию на выборах 12 декабря 1993 г. проголосовало большинство русскоязычных «совков». По этому поводу В. Новодворская (тоже еврейка) публично по телевидению заявила: «Если проголосовали за Жириновского, то пусть катится ко всем чертям эта страна, пусть этот народ катится к чёртовой бабушке!» Откровенность, право, даже симпатичная! Но вот вопрос: почему же большинство русскоязычных «совков» проголосовали за Жириновского? Просто потому, что он *обещает* быстрое материальное процветание, освобождение от еврейского засилья, государственное могущество и расширение «Державы» вплоть до Индийского океана. Неужели в это поверили? Ничего подобного. Просто — красиво выглядит! «Совки» показали одно из своих главных свойств — *желание*

верить лжи.. Можно поэтому констатировать, что русскоязычные «совки» это не только обманываемый «народ», но народ, который сам *хочет быть обманутым!*

Впрочем, количество участвовавших в голосовании 12 декабря 1993 г. по партийным спискам — это ещё далеко не большинство населения Российской Федерации. Оно, как мы говорили, раскололось на множество групп, группочек, рассыпалось просто на отдельные личности, не участвующие ни в каких партиях. А что ещё можно ожидать от населения бывшего СССР, если, по данным медиков, с 1960-х годов здесь, главным образом,— *в России*, уже не рождается и не может родиться(!) ни один умственно здоровый ребёнок, т.к. *все* новорождённые появляются на свет с *повреждениями головного мозга* разной степени! Это связано с экологической обстановкой (отравлена среда, русская природа!) и дурной наследственностью (алкоголизм и психические болезни родителей). Вслед за провалом в преступность партocrats и им подобных, произошёл провал в открытую тотальную преступность огромной массы русскоязычных «совков». Убийцы-маньяки, насильники, грабители, сбесившиеся хулиганы, «безпредельные» воры и жулики, блудники и половые извращенцы, деторастлители стали *явлением* жизни, *проблемой* жизни нынешней России! А реальная жизнь в *исконных Великорусских* древних областях и городах *организуется и управляется* теперь не только евреями, но и прочно в этих вологдах и угличах осевшими азербайджанцами, армянами, чеченцами и другими «лицами кавказской национальности». То же и в Москве, где центр города (по крайней мере) — это теперь во многом ещё и владение *татар*. Преступность «наступает» на государство, она во многом *уже* руководит государственными учреждениями. С ней не знают, что делать. Обвал производства в промышленности грозит катастрофическими масштабами безработицы, и тогда доведённым до отчаяния голодающим «совкам» не останется ничего, как только грабить и убивать друг друга и всех, кто подвернётся. Возникает и угроза преступного, или хулиганского запуска атомных зарядов. С 1980-х — начале 1990-х годов, выражаясь словами Ключевского, резко сократилось *количество добра* в нравственном обороте «совков». Озлобленность, раздражительность и жестокость стали во многом определять атмосферу жизни. Так что в скором будущем вполне возможно введение в РФ иностранных войск, как действительно *спасительная* для всех мера. Большевикам и евреям помогали и помогают бесы. Легионы их вторглись на территорию бывшей России, не защищённую молитвой и предстательством Православной Церкви. Не только большевизмским уродливым воспитанием и образованием, не только влиянием окружающей жизни, но именно массовой атакой непосредственно *демонов* можно объяснить колоссальную повреждённость душевной деятельности и сознания «совков», их порой противоестественное взаимонепонимание, особенно — в русскоязычных *семьях*! Распад семьи *как социальное бедствие* возник одновременно с изобретением и применением атомного оружия, основанного на *цепной реакции ядерного распада*.

Цепная реакция распада всего и вся поразила бывшую Россию. Вспомним теперь, что говорил об этом святой отец Иоанн Кронштадтский! Тщетно стараются противостоять распаду такие движения, как «Трудовая Россия» В. Анпилова, «День» А. Проханова, Компартия Г. Зюганова, или Славянский Фонд В. Клыкова. Они и к ним примыкающие образуют наиболее крупный обломок советского народа, ви-

дящего своё единство в «державе», где верующие и неверующие общими усилиями в обстановке гражданского согласия созидают «светлое будущее» под символом пентаграммы и иконой лысого «вождя». Хотя это самое многочисленное направление общественной жизни (в одной Москве — сотни тысяч, а по России — миллионы!), они обречены на распад. По той же самой причине, по которой распались все: нельзя совмещать несовместимое, — красное знамя — с монархическим, портрет Сталина — с иконой Богородицы, как это делается на собраниях и шествиях этих движений. Это — общественно-политическая шизофрения. У света с тьмой, у Христа с Велиаром общего быть не может. Нет общего и у Народа Русского с «советским народом», у подлинной Русской Православной Церкви с Московской «патриархией. Идол «отечества» (без Православия и Самодержавия) возродить Россию, её народ не способен. К тому же бесы, как хотят издеваются на «патриотическим» сознанием «совков» и особенно лидеров патриотических объединений.

Это — конец «новой исторической общности». Ныне о ней, об этом русскоязычном народе «совков» *в целом* можно сказать то, что как мы помним, в 1899 г. сказал митрополит Антоний (Храповицкий) лишь об определённой *части* Русского Народа: «Это уже не народ, но гниющий труп, который гниение своё принимает за жизнь, а живут на нём и в нём лишь кроты, черви и поганые насекомые, радующиеся тому, что тело умерло и гниёт, ибо в живом теле не было бы удовлетворения их жадности, не было бы для них жизни». Можно вспомнить и слова Гимmlера о том, что в центральной России должно жить тупое население примитивного полуеврейского типа. Таким теперь оно и стало.

Глава 40.

КРУГИ СМЫКАЮТСЯ.

Все суждения о современном состоянии России и её населения, как враждебные, так и патриотические, основаны на ошибочном представлении о том, что объектом внимания является всё же русский народ — страдающий, разобщённый, во многом развращённый, — но *тот же самый* Русский Народ, что жил и в XII, и в XVI, и в XIX веках, с той лишь особенностью, что он прошёл, или его протащили, через 70 с лишним лет окаянного коммунистического режима... Мы показали, что это не так. В России Русский Народ как Историческая Личность был распят и *погиб* на исторической Голгофе, в основном, с 1917 по 1945 г. Ныне в России мы имеем дело с другим народом, *искусственно выращенным* путём селекции, отбора и соответствующего воспитания из *отбросов* Народа Русского. Этот «советский народ» или русскоязычные «совки», несмотря на некоторые общие особенности и свойства своего характера и мышления, на поверку оказался даже и не народом, поскольку он не имел ни общности религии, ни общности глубинного духовно-национального самосознания. Он рассыпался в песок, в щебёнку, как только КПСС выпустила его из цепких объятий своей системы и общей официальной идеологии. Единственное, что ещё, быть может, реально как-то объединяет «совков» — это *народное* себялюбие. На его основе и мечтают ныне построить какое-то государство и даже устроить некое «возрождение» России, и не какой-нибудь, а — великой,

могучей, такой как была ещё в начале XX века, и какой можно было бы *гордиться*. То, что это совершенно пустая затея с негодными средствами, нам теперь предельно ясно. «Совки» не имеют *в себе* того, что может воскреснуть и возродиться. Просто *почему* воскресать и возрождаться, кроме народного себялюбия. Но, как говорил Владыка Антоний (Храповицкий) государство «*чуждое религиозной идее*», «*основанное на народном себялюбии, лишено разумного смысла*».

Государство Русского Народа, как мы видели, искони основывалось на Православной Вере и Церкви и общем, исключительно-*русском* чувствовании главной *общенародной цели бытия* — вхождения *всем вместе* в Царство Небесное. Смутно кое-что об этом зная, современные патриоты разных толков обращают свои взоры с надеждой к Церкви и вере в России. Но на месте таковых стоит Оборотень Московской «патриархии», которая явно *не является* Русской Православной Церковью, а лишь — её подделкой, личиной, почему от неё и не могут исходить такие силы благодати Божией, силы Святого Духа, какие необходимы для величайшей трудности дела сплочения, собирания и созидания подлинно Русского Православного Народа (силами человеческими таких дел не сделаешь!). Создается тупик. Замыкается круг патриотизма *мечтательного*, душевного, гордостного. В *таком* патриотизме глубоко порочен главный акцент: чтобы возродить Россию, нужно возродить Православную Веру и Церковь... Значит, на *первом* месте такого патриотизма — Россия, а не Христос и не вера. Последние — лишь «постольку-поскольку», лишь средство, а не цель (почти по Вольтеру). В России подлинной, в Святой Руси было всё прямо наоборот: 1. Христос (вера), 2. Царь и уж *после* этого всего — 3. Отечество. Нынешние мечтательные патриоты не прочь уже «возродить» и монархию, пусть — конституционную, но лишь бы была *видимость* чего-то исконно русского, российского... Что же, это вполне в духе русскоязычных «совков» и той их части, что является паствой Московской лжепатриархии, — видимость вместо действительности, фальшивка вместо подлинника. Уже в таком именно фальшиво-маскарадном духе возрождаются некоторые символы и эмблемы, некогда подлинной Великороссии — трёхцветный флаг, двуглавый орёл (кто бы мог подумать ещё пять лет назад, что это возможно!), пошли разговоры о восстановлении монархии, но, конечно, только *конституционной*: как же «совкам» принять *Самодержавие*, отказавшись от личного своего управления государством и обществом! Они и по сей день убеждены, что Самодержавие — это форма диктатуры и тирании, что «царизм» в России — это то же (или почти то же), что сталинизм. Об этом публично говорят и пишут, как о чём-то само собою ясным, как бы между прочим, «совки» самого высокого культурно-образовательного уровня (подчас — доктора наук и академики), демонстрируя тем самым безоблачное незнание отечественной истории и непонимание её. И к таким-то «совкам» как бы «возвращается», смыкая некий исторический круг, Российская монархия... Возвращается ли? Смыкается ли *этот* круг? Вот уж когда невольно вспоминается проклятая фраза, что если история повторяется, то в виде *фарса*... Да и Запад, мировое иудео-масонство *не позволяют никогда* возродиться действительной, подлинной Православной Самодержавной России! Любая *попытка* такого подлинного возрождения будет беспощадно подавлена и *подавляется* всей мощью мировой (глобальной!) политической, духовно-идеологической, военной и финансовой системы, давно находящейся под единым управлением именно тех сил, которые и унич-

тожали подлинную Великороссию сравнительно недавно. И уничтожали — уж, конечно, не для того, чтобы вскоре вновь допустить!

На что же надеются нынешние патриоты, наипаче — из идейных монархистов? Как ни странно — на Бога! Вот тут, в этом пункте они надеются на Бога! Вспоминают, как Христос воскресил умершего четверодневно Лазаря, как Сам Он воскрес из мертвых, вспоминают пророчества Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского, некоторых других в том, что «в конце времён» Россия восстанет, воскреснет, возродится как Православное Царство, правда, на краткое время перед самым пришествием Антихриста... Современный подвижник приснопамятный о. Серафим (Роуз), исследовав почти все такие пророчества, показал, что они не безусловны, что все они предполагают одно важнейшее условие — *подлинное покаяние* ныне живущих в России! Если *такое* покаяние будет, то возможно будет и Божие чудо, чудо воскресения воистину из мертвых (как бы с «того света» подлинной (а не мнимой) России, то есть прежде всего подлинного Православного Великорусского Народа. *Богу всё возможно!* Тут спора нет.

Но очевидно, что для того, чтобы такое покаяние произошло, ныне живущие должны решительно *сокрушить всех идолов* — прежде всего в собственном сознании, как некогда в 988 г. киевляне, обращаясь ко Христу и принимая Крещение, сокрушили идолов вещественных! Наверное, с тех, самых древних времён Киевской Руси пошла поговорка: «На Бога надейся, а сам не плошай!» Её теперь совсем неверно понимают. А она означает то, что, возлагая надежду на Бога, сам не будь *плохим*, т.е. старайся делать, как Бог велит, жить по-Божьему, а не по-своему, кланяться Богу, а не идолам! Тогда и надежда будет неложной, т.к. человеку *подвизающемуся* о Боге, Сам Бог — навстречу, в помощь! Но пока покаяния не происходит и не предвидится. Истуканы лысого вождя продолжают осквернять площади городов и сёл, и никого это не волнует. В полной мере сохраняется и идеологический истукан под названием «отечество» («Россия», «держава»). Мы уже не раз отмечали, что эти понятия являются, в сущности, языческими идейными идолами не потому, что они сами по себе плохи, а потому, что они *вырваны* из тройственного *единства* соподчинённых понятий: Вера, Царь, Отечество (Православие, Самодержавие, Народность) и поставлены под несвойственное им первое, главное место. Под знаком «возрождения Отечества (России)» делается ныне почти всё то, что хочет быть признанным и положительным, даже — возрождение веры! Но ничего не возрождается. Даже у идейных монархистов возрождение Православной Самодержавной Монархии большей частью представляется лишь средством возрождения Отечества. Можно заметить, что любая из составных частей триады — Православие, Самодержавие, Народность, — если её оторвать от остальных и сделать единственной, теряет свою силу. Только *вместе* и в указанном иерархическом порядке они составляли и составляют духовную (и всю остальную) крепость и значение Великой России. Но пока превозмогает идейный идол «отечества». Так, современные, сохранившиеся потомки дворянских фамилий, организующие по крупным городам «дворянские собрания» и пытающиеся объединиться во всероссийском масштабе, открыто пишут в программных документах, что главной задачей дворянства всегда было «*служение Отечеству*» и что поэтому нынешние дворяне не настаивают на монархии в России, а готовы служить *любой* форме власти... Они ничему не научились. Ими полагается в основу «возрождения» дворянства как раз то,

что более многого другого *погубило* Россию. Что такое «дворянство» без *Двора* Его Императорского Величества?! Подобно сему, — что такое государство без Государя, держава без *Самодержца*, держащего в руке её символ и удерживающего её в добре и правде против всякого зла и лжи?! Что такое Россия (тем паче — Великая Россия) без *Православия* как основы жизни *всего* Великорусского народа *в целом*?! Фарс, комедия, близкие к анекдоту. То же самое можно сказать и о нынешнем предпринимательстве, которое любит поговорить о возрождении русских купеческих традиций. Оно на самом деле в *лучшем* случае устраивается по западным, американским принципам, а чаще — по принципам уголовного мира. О возрождении русского крестьянства даже и не говорят, ибо его просто нет. Нынешние колхозники — это коровообразные существа, ни о чём, кроме еды и лишнего рубля не могущие думать. А редкие пока «фермеры» — это бизнесмены, на американский манер, но не русские крестьяне. Вырвали корень нации. Теперь духовная жизнь РФ определяется и питается уже не народом, не деревней, а «интеллигенцией», городом, где начисто отсутствует духовно-идейное единство, где самые лучшие «питаются» плодами «золотого» и «серебряного» веков российской культуры (очень разными!), а худшие — чёрной магией и сатанизмом. Монархическое движение, не успев возникнуть, тут же раскололось на несколько враждующих и абсолютно несовместимых групп, достаточно малочисленных, во главе которых или авантюристы-властолюбцы, или «зелёная» романтическая молодёжь, а в составе очень много не вполне душевно здоровых людей. Но независимо от них монархическая идея, как мы отметили, «носится в воздухе» и даже прорабатывается в правящих кругах, как один из возможных вариантов государственного устройства. Однако русскоязычное население давно уже *не монархично*! И если иной раз в «простой» среде говорят о желательности Царя, то имеют в виду что-то вроде Сталина, когда был *порядок* и было, что поставить *на стол*. Несколько лучше обстоят дела с возрождением казачества. Хотя и в этом движении многое ещё — маскарад (с мундирами, погонами, нагайками), но здесь задача и идея более конкретна, локальна и поэтому более реальна: *самоуправление* на определённых *землях*. В основе всё-таки вновь «народное себялюбие». Шаткая основа. Потому и казачество раскалывается, сперва на «красное» и «белое», затем — по приверженности отдельным атаманам. Более всего перспектив у нынешних демократов, которых тут же прозвали «дерьмократами», что вполне соответствует их сущности. Достаточно вспомнить, как идейный «отец» нынешней дерьмократии академик А. Сахаров не раз заявлял о *вредности* возрождения в России Православной Веры и Церкви, как способствующих «национализму». Пока у дерьмократов тоже нет единства. Но оно будет. Хуже дела с единством национально-патриотическим. Осенью 1994 года в Москве в Колонном зале Дома Союзов (не где-нибудь!) состоялось Всероссийское монархическое совещание, созданное по почину Фонда славянской письменности и культуры и некоторых ещё организаций. Слишком явной, хотя и не официальной, задачей Совещания было показать несогласие «монархических сил» с правами на наследование Престола Главы Российского Императорского Дома Великой Княгини Марии Владимировны, дочери недавно (в 1992 г.) почившего Великого Князя Владимира Кирилловича, сына Государя Императора в изгнании Кирилла Владимировича. Споры о правах этой ветви Дома Романовых велись давно в рус-

ской эмиграции, ведутся теперь и в России. В настоящее время в мире имеется до 30 мужских потомков Дома Романовых. Но *все* они — отпрыски морганатических (неравнородных) браков, что по Основным Законам Российской Империи лишает их права на престолонаследие. Но некоторые из них, тем не менее, стали претендовать на такие права, чем и создали раскол в монархическом движении и за рубежом, и в России. Единственной ветвью Императорской Фамилии более всех других соответствующей Основным Законам по части прав на наследование Престола, без сомнения, является указанное потомство Великого Князя Владимира Кирилловича в лице Его Дочери Государыни Марии Владимировны и Её Сына Великого Князя Георгия Михайловича. Поэтому Всероссийское монархическое совещание вынуждено было пригласить и монархистов — сторонников Марии Владимировны. Но им почти не дали говорить. Говорили, в основном, противники. Может быть они представляют собою некое единство? Ничуть не бывало. Среди них были и те, кто считает, что новый Земский Собор именно ими устроенный и не по сословному, а по партийному принципу, должен выбрать Царя, как выбирают президентов, и те, кто полагает, что решение и клятва Церковного и Земского Собора 1613 г. вообще ни к чему никого не обязывают и можно избрать Царя новой династии (из Голицыных, Трубецких и т.д.), и, наконец, были и такие «монархисты», которые думают, что можно избрать Царя, как выбирают атамана, совсем не из древних родовитых фамилий, имеющих какую-то связь с Романовыми, Рюриковичами или Гедиминовичами, а кого захотим из популярных советских деятелей, к примеру, — внука маршала Жукова... На этом Совещании присутствовали лидер «Памяти» Д. Васильев, бывший генерал КГБ Стерлигов, «Павел II-й», «Николай III-й» и примкнувший к ним в качестве любезного гостя лидер коммунистов Г. Зюганов... «Монархическая» шизофрения.

Да и откуда единству взяться, если в «массах» нет Православной Веры! Надежда появилась, когда сомкнулся один из самых интереснейших кругов времени — ***Большой круг 1000-летия Крещения Руси!***

В 1988 г. это событие широко праздновалось. В этой дате сомкнулись ещё два важных круга: 70-летие мученической кончины Государя Николая II и Его Семьи, и накануне (в 1987 г.) — 70-летие безраздельного господства большевицкого режима в России. Некоторые люди давно уподобляли последний срок с 70-летним пребыванием древнего Израиля — Ветхозаветной Церкви Божией в Вавилонском пленении и ожидали, что и в России кончится пленение Церкви Русской. Так, в общем, и случилось! После 1988 г. начало рушиться уродливое здание СССР. Многие из перемен оказались мнимыми, обманными. Так, власть практически осталась в руках тех, кто её и держал все 70 лет. Но в области духовной жизни, несомненно была осуществлена *на деле* полная «свобода совести». Правда, этот принцип ещё до революции справедливо был определён как «свобода от совести». Однако, если сравнивать с прежним тотальным господством коммунистической идеологии, такая свобода представлялась неким шагом вперёд и породила радужные надежды на то, что теперь чуть ли не весь русскоязычный народ хлынет в Церковь! Определённый подъём веры случился, в Церковь действительно устремилось немало людей. Это было заметным явлением, но не стало явлением ***массовым..*** Массового обращения к Церкви и вере русскоязычного населения не произошло... Те, что устремились к Православной Вере, в большинстве

сразу же попали в сети Московской «патриархии», давно отрёкшейся от Православия. Но во множестве открытые храмы «патриархии» не наполняются ныне верующими настолько, чтобы все их должным образом содержать. В 1990 г., как уже отмечалось, явилась возможность переходить и в подчинение Русской Православной Церкви Заграницей, начавшей принимать всех желающих в России. У многих (особенно за рубежом) возникла радужная надежда, что начнётся массовый исход верующих из отступнической и еретической «патриархии» в настоящую Русскую Православную Церковь! Но и этого *не произошло*. Более того, скоро стало обнаруживаться, что лишь немногие из священнослужителей перешли в РПЦЗ из глубоких и принципиальных духовно-идейных побуждений. Большая часть перешедших оказалась или карьеристами-властолюбцами, амбиции которых почему-либо не удовлетворила «патриархия», или нравственно распущенными людьми, которым даже в «патриархии» грозило наказание, или авантюристами, мечтавшими о «заграницах», или душевно больными. А следовавшие за такими священнослужителями прихожане в подавляющем большинстве перешли в Зарубежную Церковь только из бездумного «обожания» своих батюшек, особенно — энергичных архимандритов. Вышло так, что «батюшки» перешли из любви к себе, бабушки — из любви к «батюшкам» и очень редко кто — *из любви истины!* Русская Зарубежная Церковь в настоящее время как бы едва «зацепилась» за российскую территорию. Она, конечно, удержится на ней, но отнюдь не в качестве Церкви большинства, или основного ядра современных верующих в России. Пара сотен общин с несколькими тысячами прихожан, весьма неопределённым духовенством, — вот пока всё, чем располагает в Отечестве Церковь, сохранившая для Отечества ту веру, ту церковную жизнь, какие и были искони до 1917 и даже до 1927 г. в Великой России! А откуда было взяться иным батюшкам и иным прихожанам, если все мы, «совки», в том числе и верующие, в России — это глубоко повреждённые, порченные, душевно искалеченные люди! Если кто-то из нас может хорошо мыслить, то «хромает» в моральном отношении; если кто-то неплохо держится нравственно — «хромает» идейно; если кто-то сравнительно здоров психически, то, как правило, — жулик; если кто-то относительно честен, то — нездоров душевно... И так далее.

Сомкнувшийся круг 1000-летия Крещения Руси, приведший к великому расколу всей жизни бывшего СССР, обнажил, обнаружил хотя и страшную, но очень *ценную правду*: современное русскоязычное население бывшего Союза — это подлинная *духовная пустыня* или область «*мерзости запустения*, стоящей на святом месте» бывшей России, где изредка встречаются, как некие оазисы или островки, относительно православные и относительно русские явления в виде отдельных людей, имеющих «любовь истины», их дружеских, общественных, культурных, просветительских объединений. Но это именно — малые оазисы, которые не способны обратить пустыню в цветущий сад (дай Бог им хотя бы самосохраниться и не быть занесёнными «песком»!).

«Мерзость запустения» — не просто пустота, это пустота, немедленно заполняемая чем-то противоположным святости. И мы видим, как вместе с легионами бесов на «каноническую территорию» Московской «патриархии», в соответствии с её экуменическими принципами, хлынули все, кому не лень! Католицизм, протестантизм, безчисленные секты, кришнаиты, иные индуисты, буддисты, оккульт-

тисты всех мастей, иностранные и доморощенные маги и колдуны, астрологи (им даже предоставляют средства массовой информации), появились идейные «язычники», даже откровенная *«церковь Сатаны»*, особенно размножившаяся. Во все эти церкви и течения, в общей сложности, «совки» устремились не в меньшем количестве, чем в храмы «патриархии». Вера лжи! Почва для всего — самая подходящая. Добрая половина нынешней молодёжи — это или совсем сбесившиеся ублюдки, или кретины, не способные ни мыслить, ни чувствовать ничего, кроме «удовлетворения естественных» и противоестественных потребностей, чему в немалой мере способствует настоящая пропаганда секса, насилия, демонизма во многих средствах информации, книгах, теле- и кинофильмах. Всё, самое худшее с Запада, вся его помойка — теперь в России.

А под шум и визг всей этой нечисти идёт спокойная, планомерная работа «мудрецов», уже хорошо нам знакомых. В Москве тихо, без помпы, но с извещениями в печати, уже обосновались официально представительства и «Бнай Брит», и «Великого Востока Франции»... Всегда мечтавшие легально утвердиться в столице России филиалы всемирной церкви дьявола достигли своего, утвердились. В этом отношении тоже сомкнулся некий круг.

Его смыкание было обусловлено завершением ещё одного очень важного мирового круга. В глубокой древности, после отвержения Христа Спасителя и изгнания из Палестины, «мудрецы» — учителя талмудического иудаизма обозначили еврейский народ символом *змея* (змий, дракон, ящер, как мы помним, — всегда символ дьявола). В символике «мудрецов» змей изображался изогнутым в виде круга, так что его голова держала в зубах собственный хвост. Это должно было означать, что, выйдя из Палестины и пройдя сквозь времена и народы, еврейский народ вновь в неё вернётся. Символ имел варианты. В одном из них между головой и хвостом змея, как бы помогая им соединиться, помещалась обведённая кружком *свастика!* Мы видели, как именно свастика германского фашизма *помогла* сионистскому движению получить землю Палестины и образовать там государство Израиль. Древний символ математически точно был осуществлён в XX веке! Грандиозный круг замкнулся, определив тем самым переход власти над миром в руки вождей современного еврейства. Израиль до Первого Пришествия Христова был стержнем мировой истории, в основном, как *Ветхозаветная Церковь Божия*, то есть стержнем «с положительным знаком». Теперь, перед Вторым Пришествием Христа, он вновь является стержнем мировой истории, но уже «со знаком отрицательным», в основном как ведущий народ в системе церкви дьявола. Между этими двумя великими рубежами, как уже говорилось, на достаточно длительное время (без малого на 2000 лет) стержнем мировой истории стала *Новозаветная Христианская Церковь*, охватившая сначала все народы Европы и Ближнего Востока. Постепенно она сосредоточилась в Восточно-Православной Церкви Византии, Болгарии, Сербии, иных славянских народов, а так же отчасти — Сирии и Палестины. А затем, с 988 г., особенно после падения Византии в 1453 г. — в России, в Великорусском Народе. Он стал воистину народом Божиим, избранным Богом не только как сосуд благодати для спасения в него входящих людей, но и для свидетельства миру об истине! В XIX столетии, выйдя на ведущее место в мировых делах, *Русский Народ и Русский Царь стали совестью мира, солью земли, всех её континентов и народов.*

Поэтому сделалось совершенно неизбежным его духовное столкновение с народом еврейским, вдохновлявшимся диаволом и идеями о своей мнимой богоизбранности, на самом деле давно утраченной, народом, который к XIX в. также набрал необычайную силу и к тому же целой *половиной* своей поселился именно в России, именно среди Народа Русского. Итог столкновения мы видели: подобно своим предкам, добившимся распятия и смерти Господа Иисуса Христа, еврейский народ добился распятия и смерти Русского Народа со Святою Русью в его духовном средоточии.

Светильник планеты погас. Упразднилась совесть мира. Исчезла соль земли. И что же? Мир стал *на глазах* погружаться в разложение, во мрак и всяческое безумие! Власть над ним сравнительно легко теперь берётся теми, кто более всего с древних времён соделал себя детьми мрака и безумия. Они объединяют человечество в единой экономической (промышленной, финансовой), информационной, политической и «культурной» системе. Мастера-«каменщики» мирового иудео-масонства, поклоняющиеся «великому архитектору природы», как они называют диавола, уже создают «новую архитектуру» общеевропейского дома, общеамериканского, намечается и общеазиатский... Не за горами и — всемирный. Это нужно для воцарения над миром Антихриста, число имени которого «шестьсот шестьдесят шесть», и который явится последним губителем рода человеческого. Иудеи объявят его «Мессией» и «царём», политики — «великим вождём и учителем», «христианские» еретики — «Христом», пришедшим установить своё 1000-летнее царствование *на земле*. Сбудутся (и уже сбываются!) все пророчества Откровения (Апокалипсиса) Иоанна Богослова. Так, в Брюсселе уже создан гигантский компьютерный центр, названный «Зверем» (так назван и Антихрист в Откровении). Цель этого центра в недалёкой перспективе — собрать данные о *каждом человеке* на земле. Якобы для того, чтобы можно было удобнее осуществлять финансовые операции (покупать и продавать), и иные необходимые политико-административные мероприятия. «Зверь» действует по принципу компьютерных банковских центров, уже широко применяющих *электронные карточки* для упрощения расчётов. Некоторые банковские системы, использующие карточки, установили для них общий код — «666». Такой же общий (всемирный) код — «666» и у Брюссельского компьютера. За этой цифрой будет следовать цифровой код страны, за ним — код местности (города), за ним — личный цифровой код человека. Так всё население Земли, всё человечество будет помечено номерами под общим для всех номером — «666». Электронные карточки постепенно упразднятся, как дорогостоящие и неудобные. Цифровые коды будут наноситься какими-нибудь изотопами невидимо для глаза прямо *на лоб*, или на *правую руку* каждого человека. Лазерные аппараты в учреждениях, магазинах, банках и офисах будут быстро «прочитывать» такой код и через главный компьютер немедленно выдавать данные о человеке, его положении и финансовых возможностях. Такие коды заменят собою и банковские чеки (или карточки) и паспорта, и водительские удостоверения, и пропуска, и другие документы (экономика одной только бумаги будет огромной!). Без таких цифровых кодов на лбу или на руке люди не смогут ни продавать ни покупать. Это и есть та самая *«печать» антихриста*, печать «зверя», содержащая его имя или число имени его, о которой говорится в Откровении Иоанна Богослова, написанном 2000 лет назад.

Цифровые печати имеют и духовный смысл. О нём свидетельствует Преп. Нил Мироточивый, передавая его, как диалог человека с дьяволом: «Я твой есмь». — «Да, ты мой еси». — «Волею иду, а не насильно». — «И я по воле твоей принимаю тебя». Печати-коды будут ставиться добровольно: хочешь — принимай, не хочешь — нет. Но в последнем случае почти не будет средств к существованию и уж никаких возможностей к преуспеванию в жизни, в делах. Как при большевиках: хочешь быть верующим, — пожалуйста! Но тогда иди в дворники и сиди тихо, а не то — тюрьма или психушка... Всё отрететировано. Апокалипсис указал для быстрого определения верующими, как особый признак «печати» Антихриста, что не имеющие её *«не смогут ни покупать, ни продавать»*, то есть не смогут вести никакой финансово-торговой деятельности. Столица современного всемирного Вавилона — американский город Нью-Йорк уже откровенно и гордо поместил себя печатью Антихриста. В центре его, на Манхэттене, на верхушке одного из небоскрёбов красуются громадные металлические цифры — «666».

А что же современная Россия? Какое место отводится ей в этом всемирном Вавилоне? Как место жительства некогда *самого святого* народа Земли, она должна стать *самым мерзким* местом. И в материальном плане, и в духовном. В материальном, скорее всего, — чем-то вроде мировой свалки радиоактивных отходов. При этом её ещё расчленят на несколько частей. Возможно, что Дальний Восток достанется так или иначе Японии, Сибирь — Китаю, что будет настоящим *благам*, для жителей этих земель, т.к. там будет наведён порядок и люди получают еду и работу. В духовном плане бывшая Россия должна стать особым капищем *сатанинской религии*. Мы помним масонское откровение о том, что атеизм — лишь *переходная* ступень к религии Люцифера (т.е. дьявола). Период господствующего атеизма в России завершился. Круг сомкнулся. Теперь — впереди господствующий сатанизм, со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до ритуальных человеческих жертвоприношений. *Они уже и начались*. Мы отметили выше особое распространение в нынешней России так называемой «церкви Сатаны». Одним из самых громких её деяний стало ритуальное убийство трёх монахов в «патриаршей» Оптиной Пустыни в Пасхальную ночь 1993 г. На самом деле подобных убийств уже *очень много*. Убийцу монахов нашли. Им оказался этнически *русский* Аверин, член «церкви Сатаны», не скрывший своей принадлежности к ней. Юриспруденция «совков» не знает (или делает вид, что не знает), что это такое. Вместо высшей меры наказания Аверин получил заключение в психиатрической больнице. Однако его допросы ясно показали, что он вполне нормален. Аверин вежливо и популярно объяснил следователю, что совершил убийство ритуального характера, что он уважает опыт работников следственных органов в уголовных делах, но отмечает, что в *его* деле они не компетентны. «Судить меня, — сказал он, — мог бы или церковный суд, или суд моих братьев» (т.е. членов «Церкви Сатаны»). «Совки» не хотят и глядеть в эту сторону! Им удобней думать, что всё это — какой-то кошмарный курьёз, нечто в самом деле относящееся к области психопатологии. Примерно также хотят думать многие и на Западе, т.к. тоже предпочитают не смотреть правде в глаза, а *верить лжи*.

Но «церковь Сатаны» — не курьёз и не собрание психбольных. Это очень древнее объединение с большим историческим опытом и в наши дни приобретающее очень важное положение в тайных центрах руководства мировой жизнью и

политикой. Оно состоит из нескольких течений («ритуалов»), тесно связано с иудейством и масонством и отличается от них тем, что без всяких промежуточно-подготовительных ступеней «посвящения» сразу вводит желающих в поклонение диаволу (Люциферу), являясь таким образом одним из ведущих звеньев всемирной церкви диавола. Как поведал недавно один американец из семьи, принадлежащей к тем, кто впервые завёз сатанизм на Американский континент, отрекшийся от этой религии и обратившийся ко Христу, организации «церкви Сатаны» в США в настоящее время срослись с государственным аппаратом, во многом *определяют* его деятельность. Некоторые документы Госдепартамента Соединённых Штатов (для узкого круга) скрепляются *одновременно* печатью «церкви Сатаны» и *государственной печатью США*. Этот же американец рассказал, как по инициативе именно «церкви Сатаны» началось создание и финансирование рок-музыки и рок-музыкантов.

Мы уже отмечали, что власть сатанистов непременно основывается на невинной крови, на человеческих жертвоприношениях. Они могут иметь сугубо ритуальный характер, как в случае Аверина, а могут и не иметь его, но являться ритуальными по смыслу, по духу. Важно, чтобы проливалось как можно больше именно невинной крови. И она полилась в нынешней России широкой рекой! Речь идёт не только о жертвах малых войн в «горячих точках», в локальных «международных конфликтах», хотя и о них тоже! Ибо то, что сейчас происходит как бы на окраинах России, грозит в самое неожиданное время перейти в центральные области страны. Но главное в том, что и без всяких войн в этих центральных, а также сибирских, дальневосточных и иных областях разгул преступности привёл к тому, что только за *один* 1993-й год в России от рук уголовников погибло свыше **20 тысяч** человек. Это больше, чем за *все годы* войны в Афганистане!.. «Таинственные» исчезновения детей и взрослых людей стали ныне *приметой* времени, одним из самых заметных и частых явлений жизни. Всё движется к тому, что какая-то откровенно *сатанинская* или антихристова религия, *сознательное поклонение Люциферу в недалёком будущем станет основой «духовной» жизни русскоязычного населения Российской Федерации*.

В похожем положении ныне оказываются и другие некогда православные народы с той значительной разницей, что они на своих исконных землях не уничтожены физически как Исторические Личности подобно тому, как уничтожен Народ Русский в России. Но их духовная жизнь ужасающе повреждена. Все без исключения Патриархаты и иные автокефальные (самостоятельные) Православные Церкви — Константинопольская, Антиохийская, Александрийская, Иерусалимская, Элладская, Болгарская, Грузинская, Румынская, Сербская (дольше всех державшаяся) и другие, подобно Московской лжепатриархии, — все вступили в экуменическое движение, в еретический Всемирный Совет Церквей, духовно сроднились, побратались, а значит — смешались с католицизмом, протестантизмом, сектанством, иудаизмом, мусульманством, буддизмом, шаманством... То, за что предки православных народов стояли насмерть с мечём в руках на протяжении столетий — святыня Православия, — ныне сдана без боя католицизму и всяческому демонизму лжепатриархами и лжеепископами — предателями этих народов. Это всеобщее Отступление от Православия, всемирная Апостасия, предсказанная ещё в древности и осуществлённая на наших глазах в XX в. Конечная направленность — создание некой синтетической религии и синтетической церкви (из элементов уче-

ния всех религий мира). Однако этот «церковный» содом встречает ещё сопротивление подлинно верующих, не боящихся идти на святые расколы с раскольниками правды Божией. В Греции, в Румынии, в Сербии, в иных странах возникли движения и объединения, вышедшие из подчинения «патриархам» — еретикам. Таких твёрдых в Православии значительно меньше, чем тех, кто покорно идёт за лже-епископами-экуменистами. Но именно эти твёрдые в вере и составляют ныне *подлинную* (а не фальшивую) Вселенскую Православную Церковь. Она разобщена и крайне малосильна! Так что голос её тонет во всеобщем шуме вконец обезумевшего мира сего, и эти оставшиеся верными Христу общины уже не могут быть такими ярким светильником Истины, каким совсем недавно ещё была единая семья братских Православных поместных Церквей! После войны 1941—1945 г.г., под давлением Московской «патриархии», опиравшейся на поддержку сталинского режима, Восточные Церкви начали порывать отношения с Русской Зарубежной Церковью, которую до этого признавали, как законную. В свою очередь, после отпадения этих Церквей в экуменическую ересь, Русская Зарубежная Церковь вынуждена была отказаться от общения с ними. Они остались в численном большинстве и активно содействуют интеграции народов в единый новый Вавилон.

Вместе с тем такие, казалось бы, успешные интеграционные (объединительные) процессы в церковной и политической жизни мира странным образом сочетаются с *обратными*, противоположными явлениями политического сепаратизма, идейного разброда, религиозной и национальной розни! Так, Израилю и всему мировому еврейству (со всей мощью США и стран Европы, находящейся в его распоряжении) не удаётся справиться с арабами, прежде всего «крайними», вроде «Хамаза», которые не желают даже существования государства Израиль в Палестине и дерутся против него насмерть. К тому же на глазах у Запада мусульманский мир угрожающе стремится к глобальному объединению антизападной направленности. Неужто со всем этим мировое иудео-масонство и впрямь не может справиться? Может! Но не хочет. До времени. Когда станет нужно, мусульманство будет подавлено в одночасье: для этого, как мы помним, масоны ещё в прошлом веке предусматривали возможность Третьей Мировой войны. И если действительно станет уж очень нужно, то будет организована и такая война. Но, скорей всего, обойдутся без неё, а путём раскола, соблазна, обмана мусульман сделают «ручными». Тем паче, что ислам в сущности, религия тоже антихристова, и масонство давно пустило в нём глубокие корни. Удивляться его вражде с таким же антихристовым Западом не приходится: мы помним, что диавол — не строитель мира и единства, но вражды и розни. Так что столкновения одинаковых по духу человеческих сил, вдохновляемых сатаной, — дело обычное (пауки в банке, — «мухоядь»). Поэтому же не придётся удивляться и тому, что в некий *нужный момент* они быстро найдут «общий язык».

Дело в том, что до пришествия Антихриста вместе с подготовкой условий его воцарения в виде объединённых структур, непременно нужна и всяческая *дестабилизация* жизни внутри отдельных стран, народов, регионов, «демократическая» борьба и разногласия партий, мнений, течений, чтобы исстрадавшееся от всего этого и изуверевшееся в своих национальных правительствах человечество с восторгом и облегчением приняло «всемирного вождя и учителя», когда он появится на политической арене! Ибо, когда Антихрист *появится*, вот тогда сразу и прекратится

разноголосица. Живо кончится всякая «демократия», «плюрализм», индивидуализм. Всё золото мира и все средства пропаганды мира начнут работать на него, якобы могущего всех примирить, объединить, рассудить, накормить... **Видимость** всеобщего единения и примирения, действительно, на первых порах **будет**. И в общем хоре славословия дивному правителю-миротворцу особо выделится соло Московской «патриархии», лучше других уже умеющей прославлять явную бесовщину и обманывать паству извращённым толкованием слов Писания о том, что «несть власти, аще не от Бога...»

Но мы видели, что кроме лжепатриархии в Москве и русскоязычных «совков» в нынешней России существуют и поныне, **не исчезли (!) и подлинная** Русская Православная Церковь и **подлинный** Русский Народ! Но всё это в основном — вне пределов российской территории, **за границей!** И вот здесь речь пойдёт об очередном **круге** чрезвычайной важности!

В итоге еврейской революции 1917 г. и Гражданской войны, как мы уже видели, до 3 миллионов русских оказались за границей. В 1941—1945 г.г. к ним прибавились ещё 2 миллиона. Изгнанный, выплеснутый с родной земли этот русский народ, **подобно еврейскому народу в древности, тоже начал круг своего странствования через другие народы и времена!**

Русские изгнанники не думали, что исполняют какую-либо историческую всемирную миссию. Все их помыслы были о России, о свержении в ней безбожной власти; ради России они жили и умирали, ради неё старались делать всё, что делали, почитая для себя очень горькой долей «хлеб изгнания». Они постепенно рассеялись по всем континентам и странам мира — в Европе, в Северной и Южной Америке, в Африке, в Китае, Японии, Юго-Восточной Азии, в Австралии... Где их только нет! В этой Зарубежной Руси была немалая доля той самой российской «общественности», которая и привела Отечество к катастрофе. Многие её представители вполне осознали свою вину и очень глубоко и сердечно **покаялись** пред Богом и людьми. Другие **продолжали** за границей всё то же самое, что делали и в России, по-прежнему держались либеральных, демократических и даже революционных идей, бесконечно споря и враждуя между собой. Но на таких сами русские эмигранты смотрели уже с презрением. Так, слишком знакомые нам Гучков и Керенский постоянно получали пощёчины: им старался дать по физиономии при встрече чуть ли не каждый патриот... Идейно-политическая разноголосица Русского Зарубежья в значительной мере преодолевалась тем, что там в изгнании, подавляющее большинство русских живо сплотились вокруг Церкви! Даже те, кто в России были равнодушны к вере, теперь на чужбине обращались к ней сердечно. **Церковь стала центром жизни русских за границей.** Во внешнем, житейском плане люди устраивались, кто как мог, помогая друг другу. Сравнительно быстро нашли себе место в западной жизни русские учёные, инженеры, музыканты, деятели культуры и искусства. Вклад русских в развитие современной западной культуры очень велик, многократно описан. В этой связи называют прежде всего имена А. Сикорского (которому США во многом обязаны своей авиацией и полностью обязаны вертолётами), С. Рахманинова, Ф. Шаляпина, И. Бунина (первого из писателей лауреата Нобелевской премии) и очень, очень многих других. Через русских эмигрантов Запад и иные части мира подробнее и лучше узнали и стали внимательно изучать русскую классическую литературу, древнее искусство, т.е. **православ-**

ную русскую церковность почти во всех её проявлениях (архитектура, иконопись, церковное пение, богословие). Где бы ни появлялись русские, они прежде всего устраивали или строили *храм*, начинали богослужение, затем, по возможности, создавали для себя и своих детей учебные заведения, книгоиздательства, редакции различных периодических изданий, в том числе, конечно, и церковных, в том числе и на иностранных языках...

И как бы само собою, непреднамеренно происходило не что иное, как *оглашение мира (всего человечества!) православным русским исповеданием, восприятием Евангелия Господа Иисуса Христа*.

О главнейшем признаке Своего скорого Второго Пришествия и кончины мира Господь Христос говорит так: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придёт конец» (Мф. 24, 14).

Казалось бы над проповедью Евангелия давно трудились по всему свету католические, протестантские, сектантские миссионеры, доходя до самых «диких» племён, всех «охватили». Но всё это было *еретическое, искажённое, неправильное* понимание Божией истины. Оно, стараясь приблизить ко Христу, на деле уводило от Него. Возникала необходимость *всёмíрной православной миссии*, православной проповеди всем народам. Заметим, что в приведённых словах Христа говорится не о том, что вся вселенная, все народы *примут* Евангелие Царствия, но что оно должно быть им всем проповедано «*во свидетельство*», то есть, чтобы никакой народ не смог сказать, что он не стал христианским только потому, что ничего о Христе не знал. *О Христе* мир узнал через католиков и протестантов довольно уже давно, но нужно было, чтобы миру кто-то *явил Христа* в Его подлинном облике, как Он обнаруживает Себя в Своем таинственном Теле — Церкви, главою которого Он является. Иными словами, была явная нужда в том, чтобы подлинная, не помрачённая никакими лжеучениями, отступничеством, еретичеством, то есть единая *Православная* Церковь прошла бы по *всем* народам мира, показала бы себя им, чтобы они воочию её увидели и получили возможность *на своей территории* подойти к ней как бы вплотную и посмотреть, если будет желание, — вникнуть, понять, а поняв — *принять* и стать через это *едино со Христом!*

Промыслительно (и, как мы видели, отнюдь не случайно, не странно) такой Церковью явилась *Русская Зарубежная Церковь!* Она стала и остаётся по сей день единственной Поместной Православной Российской Церковью, той Церковью Русского Народа, Святой Руси, какой и обладал наш народ искони до 1917 г. и даже до 1927 г.

Диаволу и вдохновляемым им силам мирового зла, конечно же, крайне нежелательно было бытие такой Церкви. Её постарались расколоть. Мы уже упоминали о расколе митрополита Евлогия 1926 г. Подчинившись сперва Московской «патриархии», он затем увёл русскую паству за рубежом в подчинение Константинопольскому Патриарху. А «патриархи» Константинопольские уже в 1920-х годах не только уклонились в модернизм, но и стали вступать в *масонские ложи*, а теперь «заканчивают» ересь экуменизма. Масонство в этой юрисдикции пустило столь глубокие корни, что некоторые архиереи (русской эмиграции!) прозрачно намекают желающим стать священниками, что сан им будет дан лишь при условии, что они вступят в масонство. Примерно в то же время в 1926-1927 г.г. начался раскол митрополита Платона в США, постепенно приведший к образованию

«Автокефальной Православной Церкви Америки», получившей в 1970 г. «узаконение» от Московской «патриархии». Духовная основа действий Платона была такой же, что и у Евлогия, — гордость житейская, желание быть самому себе головой, не подчиняясь Собору и Синоду РПЦЗ, хотя было очень много самых разных влияний и событий, приводящих в их антиканоническое поведение, в том числе — и от советского ЧК. Эта Автокефальная церковь с русской паствой в основе вступила, разумеется, и в экуменическое движение, и в Национальный Совет Церквей США, откуда временами *убегают* даже греки, потому что в этот Совет принимаются «христианские» общины гомосексуалистов и лесбиянок, где иной раз «священниками» становятся эти самые *женщины* ... Таким образом, ни евлогийские приходы в Европе, ни Автокефальная «православная» церковь в Америке уже не имеют отношения к церкви *Русской*, а даже само слово «Русская» исчезло из их названий. Евлогийский Сергиевский институт в Париже и Владимирская семинария автокефалистов в Америке вместо того, чтобы стать источниками проповеди Православия Западу, стали источниками всяческого блудомыслия, экуменизма и модернизма. Самое опасное в том, что всё это у них, как в «патриархии», подаётся в «православной» оболочке, а также путём *смещения* правды и лжи, когда одновременно с православными по мысли сочинениями и идеями допускаются и экуменические, еретические и т.п., что сбивают с толку несведущих и нетвёрдых в вере людей. Но такова тактика «отца лжи» и всех, кто его вольно и невольно слушается.

Русской и притом подлинно *Православной*, осталась только Русская Зарубежная Церковь во главе со своими Первоиерархами и Священным Синодом. Её епархии и приходы распространились и по Европе, и по Америке, и по всем землям «вселенной»... Конечно, и теперь её никак не могут оставить в покое и пытаются вновь расколоть. Так что стали возможны новые отпадения, в основном на почве тяготения некоторой части духовенства и мирян к Московской «патриархии» (они думают, что с концом коммунизма она «освободилась»!), а также и на старой основе — желании некоторых епископов быть «самим себе головой»... Но всё уже поздно для сил зла. Русская Зарубежная Церковь к настоящему времени *сделала всё*, что должна была сделать, *исполнила в предельном объёме и мере* свою историческую миссию. Ею, Церковью сохранённой части Русского Народа, самим этим Русским Народом — Церковью, Святое Православие свидетельствовалось миру не только *словом*, печатным или устным, не только внешним образом храма, службы, чина, но — *явлением духа и силы*», как говорит Ап. Павел о своей, подлинно христианской, проповеди! А это значит — *жизнью и духом* людей-мирян, священников, архиереев, а вместе с этим и Духом Святым, обнаруживавшем Себя с потрясающей силой как живущего в Русской Зарубежной Церкви. Поскольку она твёрдо держит и хранит и святоотеческое *учение* Православия *и канонический строй* церковной жизни.

В 1930 г. Сербский Патриарх Варнава, сам глубоко православный (не в пример нынешнему «патриарху» — экуменисту Павлу, побратавшемуся даже с Московской «патриархией»), обращаясь ко всем русским эмигрантам, сказал: «Знайте, что изуверы, гонящие Церковь, не только её мучают, но стараются её расколоть, разъединить и всячески простирают свои преступные руки и к вам, нахо-

дящимся за пределами вашего отечества. Вы, верные сыны России, должны помнить, что являетесь *единственной (!)* опорой великого Русского народа, вы *обязаны* во что бы то ни стало сохранить неповреждёнными народные церковные предания *во всей их чистоте*. Это ваш долг перед Богом, перед Вашей великой родиной и перед *всем христианским миром (!)*. Посеянные врагами вашей родины церковные раздоры должны... прекратиться. Среди вас находится великий иерарх высокопреосвященный Митрополит Антоний, который является *украшением Вселенской Православной Церкви..* Это высокий ум, который подобен первым иерархам Церкви Христовой в начале христианства. В нём и заключается церковная правда, и те, кто отделились, должны вернуться к нему» (выделено везде мной — прот. Л.)

Основатель и Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви Митрополит Антоний (Храповицкий) отошёл ко Господу в 1936 г. Такими же украшениями Вселенского Православия стали *все* последующие Первоиерархи РПЦЗ — Митрополиты Анастасий, Филарет и ныне здравствующий Виталий. Под таким руководством Русская Зарубежная Церковь сделалась самым ярким светильником Божией правды и истины. В основу всей жизни здесь положена «Книга Правил». Церковное общество РПЦЗ тоже не состоит из «чистых» и «безгрешных». Там тоже бывают и нарушения канонов, и церковные нестроения, раздоры, грехопадения. Но всё это, подобно обычным, не смертельным болезням, *преодолевается* «иммунитетом» здорового церковного организма, т.к. он живёт в согласии с *законами* жизнедеятельности Тела Христова — Церкви, выраженными и в заповедях, и в *канонах* (правилах). Ежегодно (иногда дважды в году) собираются Архиерейские Соборы РПЦЗ, где, в частности, как раз и разбираются дела, связанные с каноническими нарушениями и преступлениями, кем бы они не допускались — мирянином, священником, монахом или епископом, а также иные насущные церковные дела. Состоялись ещё два Всезарубежных Собора, в 1938 и 1974 г.г., подобных первому (в 1921 г.). На них принимались самые важные для Церкви решения и обязательно-особые обращения к Русскому Народу в Отечестве, разоблачались гонения на веру и Церковь в СССР. В соответствии с «Положением об управлении Зарубежной Церковью», принятом в 1935 г., Всезарубежные и Архиерейские Соборы постоянно подчёркивали, что РПЦЗ является неотъемлемой *частью* Русской Православной Церкви, и существует на автономных началах лишь *временно* (вынужденно), до упразднения большевицкого режима в России и освобождения Церкви в Отечестве (в соответствии с каноническими положениями указа Патриарха Тихона № 362 от 20 ноября 1920 г.). Тогда, то есть в 1935 г., и некоторое время после, это было ещё правильно. Но как мы видели, в дальнейшем процессы перерождения иерархии, духовенства и верующих Московской «патриархии», связанные во многом как с «сергианством», так и с еретичеством в экуменизме, привели к принципиальному изменению положения Зарубежной Церкви. Теперь она не «часть», *теперь она есть единственная законная Поместная Русская Православная Церковь*, а общины верующих в России, принявшие её руководство, являются *частью* её.

Центр Зарубежной Русской Церкви находился сперва в Сербии, затем в 1945 г. в связи с приходом к власти коммунистов Тито, переместился в Западную

Германию, а в 1950 г. — в США, в Нью-Йорк. В настоящее время Церковь имеет более 15-ти правящих архиереев, более 330 приходов за рубежом и около 200 в России. Во всём христианском мире славится духовный центр Русского Зарубежья — Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле (штат Нью-Йорк), где подвизаются более 30 монахов. При монастыре имеется семинария (на правах высшего учебного заведения), являющаяся источником подлинно православного, не искажённого учения, а также издательство и типография, распространяющие по миру, главным образом — на Россию, в безчисленных изданиях проповедь настоящего Святоотеческого Русского Православия. Значительным духовным и издательским центром является также монастырь Иова Почаевского в г. Мюнхене (Германия), который недавно организовал Заочную Семинарию для живущих в России с очень широкой, насыщенной программой. Есть и иные центры подвижничества и живой церковной деятельности. Особенно большие колонии русских сосредоточились в Нью-Йорке, в Канаде, на Западном побережье США (Сан-Франциско), в Аргентине (Буэнос-Айрес), в Австралии, во Франции.

В 1964 г. Русская Зарубежная Церковь прославилась в лике святых о. Иоанна Кронштадтского, в 1971 г. — преп. Германа Аляскинского, в 1978 г. — блаженную Ксению Петербургскую, в 1981 г. — *всех* Новомучеников и Исповедников Российских во главе с Государем Николаем II и его Семьёй, от богоборцев в России пострадавших, в 1990 г. — Оптинских старцев. По-прежнему чудотворит здесь *Курская Коренная икона* Богородицы, названная также Путеводительницей Русского Зарубежья. Все Архиерейские Соборы, Всезарубежные Соборы и самые важные дела происходят в присутствии этой иконы, как бы под взором и водительством Матери Божией. На одном из таких Соборов экуменическое учение было предано *анафеме*. В 1982 г. начала творить чудеса, источая сверхъестественное целебное, благоухающее миро Иверская икона Богоматери, являющаяся собственностью православного чилийца, живущего в Канаде, Хосе Муньоса, привезшего эту икону из Святой Афонской Горы. Сия дивная икона теперь — тоже участница почти всех церковных событий! Есть и иные чудотворные иконы и святыни. Более того, стали являться *святые* люди — *современники!* Так, в 1969 г. почил в Бозе архиепископ Сан-Францисский (бывший Шанхайский) Иоанн (Максимович), из той же фамилии, что и тезоименный ему святитель Иоанн (Максимович) Тобольский, причисленный к лику святых в 1916 г. Владыка Иоанн Сан-Францисский при жизни являл несомненные особенные духовные дарования прозорливости, исцелений, пророчества, благодатного воздействия на людей и поразительную высоту молитвенного подвига, за что почитался множеством верующих. И вот в июле 1994 г. в Сан-Франциско, при огромном стечении народа и духовенства, состоялось прославление Святителя в лике святых, и мощи его, обретенные нетленными, торжественно помещены в прекрасном соборе во имя иконы «Всех скорбящих Радосте». Из современных членов Русской Зарубежной Церкви пока прославлен только он. Но нужно определённо сказать, что он *не один* такой как среди епископов, так и среди монашествующих и мирян РПЗЦ!..

Что же это такое — мироточащие иконы, святые подвижники, чудеса, нетленные мощи?.. Да ведь же не что иное, как *Святая Русь* в чистом виде, как была она в древности, как ещё при Иоанне Кронштадтском!

Следовательно, Русский Народ за рубежом оказывается подлинной Великороссией по той главнейшей причине, что в своих духовных недрах содержит и Русь Святую. Вот следствие неиспорченной церковности и причина особенного влияния Русской Зарубежной Церкви, во-первых, — на Россию, на всех тех в ней, кто ещё способен и хочет познания правды и истины, а, во-вторых, — на весь остальной мир, на его народы.

И не нужно думать, что это благодатное и благотворное влияние обходит стороной *народ еврейский*. Отнюдь нет! Не обходит. Уже некоторое количество духовно-чутких и мудрых евреев искренне обратились ко Христу в лоне Русской Зарубежной Церкви, доказав на деле свою искренность *полным отказом* от стремления руководить церковными делами или оказывать на них влияние. Но ещё больше таких евреев, что не спешат открыто обращаться к Православию, но очень глубоко, внимательно и *с верой* вникают в его учение и жизнь! Это явление, хотя ещё не массовое, всё же становится *заметным* в самых разных странах мира. Так тихо, без огня и меча, как бы «с тыла», подходит к сионским «мудрецам» несомненная опасность со стороны того самого Русского Народа, который они так старались уничтожить с помощью, главным образом, именно «огня и меча»!

Что же, неужели современный *Еврейский Народ*, нынешний Израиль может обратиться ко Христу и стать *едино* с Новым Израилем — Церковью Христианской, а через неё — с *Народом Русским*? Есть ли для этого хоть какие-то предпосылки? Кое-какие есть.

Вот, к примеру, что писал, обратившись к православию, еврей-монах Неофит, о котором мы уже упоминали в связи с разговором о ритуальных убийствах в тайниках иудейской религии: «Главная причина этого варварского обычая — это *глубокое внутреннее убеждение* гахамов или раввинов в том, что Иисус Христос, Сын Девы Марии, из Назарета, был истинный *Мессия*, которого желали и ожидали святые отцы и пророки... Раввины... надеются достигнуть спасения через христианскую кровь». Поразительно! Значит, как и следовало ожидать, тайные вожди и «мудрецы» Сиона *знают* о том, что Господь Иисус Христос, преданный их праотцами на распятие, действительно воскрес из мертвых и что Он и есть подлинный Мессия, Сын Божий, Спаситель мира! Знают, веруют, но, подобно бесам, не любят, а трепещут. И в этом трепетании, боясь вечного богоотчуждения, стараются себя и своих, на всякий случай, *причастить* Христу через употребление крови убиваемых ими христианских младенцев! *Если* это правда (а это весьма похоже на правду, т.к. уж очень по-еврейски!), то как это может сказаться на множестве простых евреев, ничего не подозревающих и не знающих о кошмарных тайнах своих вождей? Это еврейское множество, будучи таким способом *действительно соединено* со Христом, становится *способным* Его почувствовать, узнать, а, узнав — уверовать и полюбить, и тогда, как все православные, устремиться к Нему в Церкви, не благодаря, а вопреки своим прежним учителям, причащаясь Спасителю уже не через кошмарную пень-колоду, не шиворот-навыворот, а так, как Он Сам установил на Тайной вечере!

Если же предположить, что слова Неофита — неправда, и ничего подобного нет, то остаётся незыблемой ещё одна глубинно-историческая связь евреев со

Христом — Он благоволил принять Свою человеческую Плоть от этого, некогда богоизбранного народа, так что некая очень-очень далеко спрятанная возможность *узнать Христа* всё-таки органически присуща каждому человеку еврейского происхождения. Апостол Павел, уберегая от гордости новообращённых христиан из язычников писал им: «Израиль, чего искал, того не получил, избранные получили, прочие ожесточились... Но от их падения спасение язычникам, чтобы возбудить в них ревность. Если же падение их — богатство миру, и осуждение их — богатство язычникам, то тем более полнота их... Ибо, если отвержение их примирение мира, то что будет принятие их, как не жизнь из мертвых? ... Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, — чтобы вы не мечтали о себе, — что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдёт полное число язычников, и так весь Израиль спасётся, как написано: «Придёт от Сиона Избавитель и отвратит нечестие от Иакова. И сей завет им от Меня, когда сниму с них грехи их» (Исайя 27, 9, 59, 20-21)... Ибо дары и призвания Божии непреложны. Как и вы некогда были непослушны Богу, а ныне помилованы, по непослушанию их, так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы» (Рим. 11, 7-32). Как может произойти такое «помилование» еврейства, отчасти видно уже из Откровения Иоанна Богослова, где говорится о «двух маслинах, двух светильниках» — пророках, которые во времена Антихриста будут пророчествовать и свидетельствовать истину Божию с великой силой в течение тысячи двухсот шестидесяти дней и будут убиты «зверем из бездны», и трупы их будут лежать на улице «великого города, который духовно называется Содом и Египет, где и Господь наш распят» (т.е. Иерусалима) и через три с половиной дня воскреснут из мертвых на глазах у всех, после чего одни люди погибнут, оставшись в озлоблении, а другие, «объятые страхом, *воздадут славу Богу Небесному*» (Откр. 11, 3-13). Святые отцы и учителя Церкви с глубокой древности по откровению от Бога засвидетельствовали, что этими «двумя маслинами» будут Енох и Илия пророк (в своё время не увидевшие смерти, но взятые *с телами* из земной области бытия). Отцы учили также, что от их проповеди, обличающей Антихриста, как ложного «Мессию», а также после их чудесного принародного воскресения, множество иудеев («остаток Израиля») *уверуют во Христа истинного*, некогда распятого и воскресшего! Церковь знает также, что за лжемессией (антихристом) будут внимательно следить сами иудеи — тот ли это, за кого себя выдаёт? После начального периода притворства «миротворцем», «христом», этот последний губитель людей обнаружит свою сатанинскую ярость, когда начнутся великие бедствия на земле, от которых он не сможет избавить людей, взывающих к нему об избавлении. Тогда многие евреи отшатнутся от него, поняв, что перед ними — обманщик, и начнут обращаться ко Господу Иисусу Христу. И тогда Антихрист обрушит на таких, на Церковь Божию новые страшные гонения. Но не надолго. Господь Христос, придя, убьёт его одним лёгким дуновением уст своих. И совершится Страшный Суд. Отпавшие отпадут окончательно, уверовавшие избранные будут избраны и помилованы окончательно.

Обращают на себя внимание слова Апостола Павла о том, что «ожесточение произошло в Израиле... до времени, пока *не войдёт полное число язычников*»! Куда войдёт? В число *избранных* Богом. А таковое составляется как из

праведников Ветхозаветной Церкви древнего избранного Богом народа **Израиля**, так и праведных людей Новозаветной Церкви, избранных Богом из верующих **всех народов**, уже независимо от национальной принадлежности, каковая Церковь поэтоу образно иногда называется «Новым Израилем» (по признаку **богоизбранности**).

Совершенно очевидно, что такое обращение ко Христу «остатка Израиля» некоей решающей части Еврейского Народа в последние времена было бы никак не возможно, если бы он не имел **достаточно ясных знаний и свидетельств** о Христе и христианстве, каковые могли быть только от подлинной (а не фальшивой «экуменической») Церкви Христовой, то есть **главным** образом от Православной Церкви **Русского Народа!**

Тогда получается, что **всемірное столкновение на какой-то предпоследней вершине истории народа еврейского с Народом Русским, кончившееся распятием последнего в России, будет иметь своим последствием обращение к истине, к Богу остатка Народа Еврейского!**

Вот когда сомкнётся самый большой круг всемірной истории человечества!

Вот когда не маузером и не обманом, а духом правды и кротости совершится **победа** Православного Русского Народа над Народом Еврейским. Победа, где «побеждённые» возрадуются о победе над собой более, чем «победители»! А лучше сказать — не будет «побеждённых» и «победителей», а будет **общая радость** всех в грядущем Царстве Небесном!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Ни у одного народа Земли не было такой прекрасной, великой истории, как у народа Великорусского! Потому что ни один народ міра так не стремился в Новый Иерусалим, в Царство Небесное, как Народ Русский! Всей глубиной сердца он принял и полюбил Господа Иисуса Христа, Его Пречистую Матерь и всё, чему Они научили народ. Господь вырастил Великороссию с Русью Святой в сердцеvine и попустил ей ряд потрясающих искушений-проверок, как внешних, так наипаче и внутренних, от «своих». Проверок — на любовь, веру и верность даже до смерти, и **смерти крестной!** Всё это Великороссия выдержала. В последнем кроваво-огненном испытании она была как бы вся целиком в некоей основной своей массе взята Богом из области жизни земной в область жизни Небесной! Притом взята, как мы установили, не в момент упадка, а в момент наивысшего всестороннего духовного и нравственного подъёма, когда и сознание Русского Царя, согласно с волей народа, обратилось к устоям жизни допетровской Руси. Были народы, которые тоже в полном составе убирались из истории человечества, но это случалось по причине их особой погружённости в зло. Только с Русским Народом произошло обратное, он был принят в Иерусалим Небесный за свою погружённость в добро, за любовь ко Христу и желание с Ним пребывать в этом Новом Иерусалиме. Ибо **все** народы планеты суетятся и думают о земном, забывая или не желая знать, что земная история, жизнь в этом пространственно-временном бытии **сама по себе** бессмысленна. Она обретает значение только как испытание свободной человеческой

воли в её отношении к Богу, к Спасителю мира — Иисусу Христу. Ибо человек, человечество и народы замыслены и сотворены совсем не для данной жизни в состоянии глубочайшей греховной порчи, а для жизни вечной, Небесной, в неизреченной радости общения с Богом, ангелами и друг с другом в духе чистой любви и согласия, где уже нет греха, зла, воздыханий, плача и смерти, но бесконечная Жизнь и бесконечная радость!

Будем ли думать теперь о возрождении *земной* Великой России? Не послужила ли миру она и себе всей своей историей и, главным образом, тем, что вслед за Христом безропотно предала себя на распятие? Она ведь тем самым *уже воскресла* (!) в область Небесного бытия и уже сияет там славой и честью в сонме всех верных и любящих Бога! Так что каждый, кто хочет быть сопричислен ей, пусть следует образу жизни её истинных сыновей, в том числе Новомучеников и Исповедников, в последние времена за веру на Русской Земле пострадавших, а также тех, кто и ныне живёт в Зарубежной Руси по образу и подобию исконной Великороссии!

Ныне Зарубежная Русь, Зарубежная Церковь, замыкая свой исторический круг, возвращается на Русскую Землю, находя здесь «пустыню» с редкими только «оазисами», или огромную свалку мусора, где изредка попадаете антиквариат и иные ценные вещи... Скорбь и боль охватывают сердца при виде этого запустения! И когда естественно возникает желание (жажда!) возродить то, что разрушено, нужно спросить себя: *а зачем, для чего?* Сможет ли вновь возрождённая Великороссия с Русью Святой в основании жить в современном мире, пропитанном человекоубийством и ложью? Ясен ответ: ни за что не сможет, в силу своей христоролюбивой *природы*. Если начнёт жить, как мир, участвуя в его новом Вавилонском «столпотворении», приспособляясь к нему, то погибнет духовно и не будет уже Великой России. А если не станет, «как все» — её просто *опять убьют*, она вновь будет распята! Так почему же мы так хотим возродить вновь земную Великороссию? Потому, что ценим земную жизнь более, чем Небесную, потому что *нам так очень хочется*. Самолюбие? Да! Но одно ли оно?..

Безконечно жаль заблудших «совков»! Безконечно жаль Русскую Землю с иссякающими источниками, отравленными реками и небесами! Как, впрочем, и любую другую (— всю!). Ибо для русских любимой становилась *любая* земля, на которой они поселялись в достаточном количестве, к примеру — земля Сибири или Аляски с Алеутскими островами... Тем паче исконной Русской Земли русским теперь очень жалко... Такая сердечная жалость — это форма любви. А любовь не бывает напрасной. Сам Господь принимает её, потому что *«Бог есть любовь»*. Но неужто мы стали настолько безумны, что требуем от Него чудом каким-нибудь воскресить как бы из мертвых исконную нашу Родину только ради нашей любви, для нашего утешения!? Нет, мы имеем пророчества *многих* наших праведников и святых о том, что к концу времён Россия восстанет как *подлинно* Православное, *подлинно* Самодержавное, *подлинно* Русское Царство, о чём мы уже вкратце упоминали. *Только эти пророчества* и заставляют теперь остановиться в суждениях и умолкнуть в догадках о возможном для Родины будущем. Но *все* эти пророчества говорят, что такое возрождение Великой России произойдёт лишь на *краткое время*, а потом *снова будут муки, распятие, смерть!*

В таком случае, если принять, что такие пророчества сбудутся, то *для чего* будет нужно это краткое воскресение Родины в историческом времени на *вторичное* её распятие? Разве лишь исключительно для того, чтобы дать возможность уверовать и спастись тем, кто ещё предназначен к спасению в самом нашем народе, а также для какого-то *самого последнего* свидетельства всем народам земли, прежде всего — пребывающему пока ещё в зависти *народу еврейскому* о том, что и в историческом времени, в этом земном, повреждённом грехом бытии, *можно жить и всегда можно было жить* так, как заповедал Христос (а не так, как учит всемирная церковь дьявола), не *как жили Западные и иные народы, а как жил издревле Православный Русский Народ!*

Если *после распятия* нужно воскреснуть, но не для земной славы и процветания, а для того, чтобы *снова быть распятой* ради такого свидетельства, то душа Великой России, душа Народа Святой Руси — согласна была бы на это? Если так поставить вопрос, и в полном молчании сердца молитвенно подождать, то из неких тайных духовных глубин постепенно всплывает ответ: *да, согласна, при Божием благословении, если так захочет Христос.*

Ему же слава и держава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь!

ИСТОЧНИКИ:

1. Полное собрание русских летописей. Т.т. 1,2,4,5,25—36. М. 1949—1978г.г..
2. Памятники литературы древней Руси. XI—XVII вв. М. 1978—1988г.г..
3. Жития святых (Минеи Четыи) в 12 томах. М. 1906г..
4. Жития русских святых в 2 томах. Джорданвилль, 1984г..
5. Добротолюбие. М. 1793г..
6. Серафим (Чичагов) архимандрит. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб. 1903г..
7. Творения Св. Гермогена, Патриарха Московского и всея России. М. 1912г..
8. Мейерберг А. Путешествие в Московию. М. 1873г..
9. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб. 1906г..
10. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод Г. Муркоса. М. 1896—1900г.г..
11. Известие о рождении и о воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея Руси, написанное клириком его Иоанном Шушериным. М. 1871г..
12. Документы судебного «дела» Патриарха Никона — Центральный Государственный архив древних актов. ф.27. д.140.
13. Гиббенет Н. Историческое исследование дела Патриарха Никона. т. I—II. СПб. 1882—1884г.г..
14. Иоаким. Патрирх Московский. Житие и Завещание. СПб. 1882г..
15. Св. Иоанн (Сергиев) Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. М. 1894г. Ютика. 1988г..
16. Россия. Энциклопедический словарь. Брокгауз и Эфрон. СПб. 1898г..
17. Бразоль Б.Л. Царствование Императора Николая II 1894—1917 в цифрах и фактах. Нью-Йорк. 1968г..
18. Документы Особого совещания по перевозкам и МПС — Центральный Государственный Военно-исторический архив. ф. 369. оп.13. д.6,7; Центральный Государственный архив Ленинграда. ф. 268. оп.5. д.321, 323, 329.
19. Отчёт о деятельности «Особого совещания» (по перевозкам) за период сентября 1915 г. — сентября 1916 г. Пд. 1916 г..
20. Народное хозяйство в 1913 г. Пд. 1914 г..
21. Народное хозяйство в 1916 г. Вып. VII. Сводные статистические таблицы. Пд. 1922г..
22. Дневник Императора Николая II. 1890-1906 г. г. Берлин. 1923г..
23. Переписка Николая II с Императрицей (4 декабря 1916 г.- 7 марта 1917 г.). Красный архив. Ист. журнал, т. 4. М — Пд. 1923г..
24. Письма Царской Семьи из заточения. Джорданвилль. 1974г..
25. Жильяр Пьер. Тринадцать лет при Царском Дворе. Париж. 1978г..
26. Дитерихс М.К., генерал. Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале, в 2-х частях. Владивосток. 1922г..
27. Соколов Н. Убийство Царской Семьи. Буэнос-Айрес. 1978г..
28. Вильтон Роберт. Последние дни Романовых. Берлин. 1923г..
29. Даль В. И. Записка о ритуальных убийствах. Спб. 1913г..
30. Русская Православная Церковь Заграницей, в 2-х томах. Иерусалим. 1968г..

ОБОБЩАЮЩИЕ ТРУДЫ:

31. Йегер Оскар. Всеобщая история, в 4-х т. СПб. 1896г..
32. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времён. М. 1773г..
33. Карамзин Н. М. История Государства Российского, т. 1—12. М. 1988г..
34. Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. I—XV. М. 1962—1966г.г..
35. Нечволодов А. Д. Сказания о Русской Земле. В 4-х кн. СПб. 1913г..
36. Платонов С. Ф. Учебник Российской истории. СПб. 1910г..
37. Любавский М. К. Лекции по древней Русской истории до XVI века. М. 1918г..
38. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. СПб. 1896г..
39. Ключевский В. О. Курс Русской истории. СПб. 1908г..
40. Ковалевский П. Е. Исторический путь России. Синтез Русской истории по новейшим данным науки. Париж. 1946г..
41. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Т. I—XII. СПб. 1868—1883г.г..
42. Филарет (Гумилевский), архиепископ. История Русской Церкви. М. 1888г..
45. Голубинский В. В. История Русской Церкви. М. 1900г..
44. Карташов А. В. Очерки по истории Русской Церкви. В 2-х т. Париж. 1959г..
45. Тальберг Н. Д. История Русской Церкви. Джорданвилль. 1959г..
46. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. Буэнос-Айрес. 1968г..
47. Солоневич И. А. Народная монархия. Сан-Франциско. 1978г..

РАБОТЫ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ТЕМАМ И ПРОБЛЕМАМ:

48. Антоний (Храповицкий), митрополит. Собрание сочинений. Киев. 1919г..
49. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и Русские княжества XII—XIII веков. М. 1982г..
50. Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. В 3-х томах. Вашингтон. 1981г..
51. Серафим (Соболев), архиепископ. Русская идеология. Джорданвилль. Н. I. 1987г..
52. Ильин И. А. Наши задачи. М. 1992г..
55. Константин (Зайцев), архимандрит. Чудо Русской истории. Джорданвилль. 1970г..
54. Тальберг Н. Д. Святая Русь. СПб. 1992г..
55. Кобылин В. Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев. Нью-Йорк. 1970г..
56. Биркнер. Смерть Павла I. М. 1907г..
57. Сахаров А. Н. Человек на троне. М. 1992г..
58. Василич Г. Восшествие на престол Императора Николая I. В 2-х ч. М. 1907 г..
59. Старый Кирибей. Павловский гобелен. Сан-Пауло. 1955г..
60. Концевич И. Н. Оптина Пустынь и её время. Джорданвилль. 1970г..
61. Лебедев Лев, протоиерей. Крещение Руси. М. 1887г..
62. Его же. Патриарх Никон. Богословские труды. М. Вып. 23, 1982, вып. 24, 1983г..
63. Его же. Богословие Русской Земли как образа Обетованной Земли Царства Небесного. Сборн. 1000-летие Крещения Руси. 2-я Московская международная церковная научная конференция 1987 г..
64. Его же. Колумбы Росские. Апостольство Русской Православной Церкви в Америке в XVIII—XIX в.в. Монреаль. 1991г..
65. Алферьев Е. Е. Император Николай II как человек сильной воли. Джорданвилль. 1991г..

66. Светлый отрок. Сборн. статей об Алексее Николаевиче. Здесь же Записка В.М. Руднева о Царской Семье и «тёмных силах». Джорданвилль. 1974г..
67. Пагануцци П. Правда об убийстве Царской Семьи. Джорданвилль. 1991г..
68. Селянинов А. Тайная сила масонства. СПб. 1911г..
69. Шугуров М.Ф. История евреев в России. М. 1894г..
70. Нилус С.А. Близ есть, при дверех. Сергиев Посад. 1917г..
71. Замойский Л. За кулисами масонского храма. М. 1990г..
72. Всемирный тайный заговор. Берлин. 1922г..
73. Козлов Н. Крестный путь. М. 1993г..
74. Марков Н.Е. Войны тёмных сил. М. 1993г..
75. Мельский А. У истоков великой ненависти. М. 1994г..
76. Гриневич. Народное хозяйство Германии 1800—1924 г.г. Берлин. 1924г..
77. Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР, т. II. М. 1956г..
78. Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях первой Мировой войны. М. 1957г..
78. Тарновский К.Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой Мировой войны. М. 1958г..
80. Васильев Н. Транспорт России в войне 1914—1918 г.г. Л. 1939г..
81. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М. 1974г..
82. Колобов О.А. и другие. Процесс принятия внешнеполитических решений: исторический опыт США, государства Израиль и стран Западной Европы. Нижн. Новг. 1992г..
83. Бродель Фернан. Структуры повседневности (т. I), Игры обмена (т. II). М. 1996г..
84. Святитель Иоанн (Максимович), архиепископ. Русская Зарубежная Церковь. Джорданвилль. 1991г..
85. Георгий (Габбе), протопресвитер. Правда о Русской Церкви на Родине и за рубежом. Джорданвилль. 1989г..
86. Григорий (Габбе), епископ. Русская Церковь перед лицом господствующего зла. Джорданвилль. 1991г..
87. Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917—1945. Париж. 1977г..
88. Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. Церковь и государство в СССР, в трёх частях. Джорданвилль. 1987-1988г..
89. Его же. Пир сатаны. Русская Православная Церковь в «ленинский период». 1917—1924 г.г. Джорданвилль. 1991г..
90. Лебедев Александр, протоиерей. Плод лукавый. Происхождение и сущность Московской патриархии. Лос-Анджелес. 1994г..
91. Наследование Российского Императорского Престола. Изд. Российского Имперского Союза-Ордена. Лос-Анджелес. 1985г..
92. Речь патриарха Алексия II перед раввинами в Нью-Йорке 13 ноября 1991 г. и ересь жидовствующих. М. 1993г..
93. Джон Тодд. В оковах сатаны. Журн. «Кубань», № 9—10. 1993г..
94. Россия перед вторым пришествием (составитель С. Фомин). Троице-Сергиева Лавра. 1993г..

А также — безсчётное количество иных книг, брошюр и статей, прочитанных давно и недавно и ежедневно читаемых по данной необозримой теме.

Содержание

Об авторе	3
Вступление	6
Глава 1	
НАЧАЛО	10
Глава 2	
БЛАГОСЛОВЕНИЕ БОЖИЕ	15
ЕЩЕ О ВЛАДИМИРСКОЙ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЕ	19
Глава 3	
УСОБИЦА И ТАТАРЫ	20
Глава 4	
ШВЕДЫ, НЕМЦЫ, ЛИТВА	26
Глава 5	
ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ	30
СВЯТАЯ РУСЬ	36
Глава 6	
СОЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА	40
ВЕЛИКАЯ РУСЬ. ВЕЛИКОРОССИЯ.	54
Глава 7	
ТРЕТИЙ РИМ	58
Глава 8	
ВЕЛИКОЕ ИСКУШЕНИЕ	66
Глава 9	
ЗАТИШЬЕ	105
Глава 10	
ВЕЛИКАЯ СМУТА	112
УРОКИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ	123

Глава 11	
НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ	126
Глава 12	
РАСКОЛЫ, РАЗДОРЫ	145
Глава 13	
ПРЕДДВЕРИЕ КОРЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ	153
Глава 14	
ИМПЕРИЯ.ДУХОВНАЯ КАТАСТРОФА..	165
Глава 14	
СОПРОТИВЛЕНИЕ	176
Глава 16	
СКОРБНАЯ ПОВЕСТЬ О СЫНОУБИЙСТВЕ.	
КОНЕЦ ПЕРВОГО ИМПЕРАТОРА.	184
Глава 17	
ИТОГИ И ПЕРЕХОДНЫЙ МОМЕНТ	197
Глава 18	
XVIII-й ВЕК. «БАБЬЕ ЦАРСТВО». НАЧАЛО.	203
Глава 19	
«РЕВОЛЮЦИЯ» ЕКАТЕРИНЫ II.	216
Глава 20	
НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПОВОРОТА.	
КОНТРЕВОЛЮЦИЯ ПАВЛА I.	235
Глава 21	
СВЯТАЯ РУСЬ	
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII в.	250
Глава 22	
ЗАГАДКА РУССКОГО «СФИНКСА».	270
Глава 23	
XIX ВЕК: ПРАВОСЛАВИЕ.	294
Глава 24	
САМОДЕРЖАВИЕ.	313
Глава 25	
НАРОДНОСТЬ.	328
Глава 26	
«БЕСЫ»	350
Глава 27	
ВЕЛИКОРОССИЯ НА ФАВОРЕ.	360

Глава 28	
ЦАРЬ-СВЯТОЙ.	376
Глава 29	
РОССИЯ ПРИ НИКОЛАЕ II.	399
Глава 30	
БОРЬБА	415
Глава 31	
ИЗМЕНА, ТРУСОСТЬ И ОБМАН.	440
Глава 32	
ПОСЛЕДНЯЯ ВЕРШИНА	458
Глава 33	
ОТРЕЧЕНИЕ	476
Глава 34	
ГОЛГОФА ВЕЛИКОРОССИИ	495
Глава 35	
ЦАРСТВО ЛЖИ	527
Глава 36	
ЦЕРКОВЬ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ. ПАТРИАРХ ТИХОН.	547
Глава 37	
СЕРГИАНСКИЙ РАСКОЛ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛЖЕПАТРИАРХИИ.	583
Глава 38	
ВЫРАЩИВАНИЕ НОВОГО НАРОДА. «СОВКИ».	597
Глава 39	
ИТОГИ ВОЙНЫ. РАЗЛОЖЕНИЕ «СОВКОВ».	625
Глава 40	
КРУГИ СМЫКАЮТСЯ.	653
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	671
ИСТОЧНИКИ	674
ОБОБЩАЮЩИЕ ТРУДЫ	675
РАБОТЫ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ТЕМАМ И ПРОБЛЕМАМ	675

Протоиерей Лев Лебедев
«Великороссия: жизненный путь»

ЛП № 000290 от 28 октября 1999 г.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.12.99 г.
Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 42,5. Тираж 2 000 экз. Зак. 175.

ОАО «Санкт-Петербургская типография № 6».
193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, д. 10.
Телефон отдела маркетинга 271-35-42.

